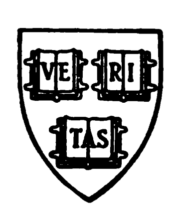

VE RI
TAS

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Повременное изданіе.

1859.

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 29 дня, 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОПИСАНІЕ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ

ДРЕВНОСТЕЙ И РѢДКИХЪ ВЕЩЕЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЕЗЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ,

СОСТАВЛЕННОЕ

Архимандритомъ Варлаамомъ.

ОПИСАНІЕ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ДРЕВНОСТЕЙ И РѢДКИХЪ ВЕЩЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ
ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЕЗЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, основанный въ 1397 году, былъ въ XV, XVI и XVII ст. на сѣверѣ Россіи, для благочестія и усердія предковъ нашихъ, тѣмъ же, что въ срединѣ Отечества нашего обитель Преп. Сергія Радонежскаго.[1] Обитель Кириллову особенно любили и благодѣтельствовали ей Удѣльные и Великіе Князья и Цари наши, изъ коихъ нѣкоторые предпринимали, и даже неоднократно, дальній, и въ то время трудный, путь для посѣщенія оной.[2] Примѣру ихъ въ усердіи къ ней подражали благочестивые и богатые Бояре и вообще люди именитые, изъ коихъ многіе не только пріѣзжали сюда временно для богомолья,[3] но и водворялись здѣсь навсегда и постригались въ монашество,[4] къ чему весьма много располагала ихъ, и даже преимущественно предъ Сергіевымъ монастыремъ, пустынность и отдаленность здѣшняго мѣста отъ большихъ городовъ и суеты житейской, а нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя возможности навсегда удалиться отъ свѣта и оканчивая дни свои на службѣ Государевой, завѣщавали роднымъ

своимъ по крайней мѣрѣ успокоить кости ихъ подъ сѣнію здѣшней обители. [5] Изъ Государей нашихъ и вообще рода Удѣльно- и Великокняжескаго въ особенности благотворили обители Кирилловой: В. Кн. Василій Дмитріевичь (сынъ Донскаго) и мать его, В. Кн. Евдокія Дмитріевна, братья его: Андрей, удѣльный Князь Верейскій и Бѣлозерскій, и Юрій Звенигородскій, Кн. Михаилъ Андреевичь Бѣлозерскій и Можайскій, Кн. Владиміръ Андреевичь Старицкій, и мать его, Кн. Евфросинія, В. Кн. Василій Васильевичь, сынъ его, Кн. Андрей Васильевичь, В. Кн. Василій Ивановичь, Кн. Георгій Ивановичь Дмитровскій, Кн. Дмитрій Ивановичь Углицкій, а наиболѣе всѣхъ любившій оную, какъ свое царское богомолье, Царь Иванъ Васильевичь Грозный, также сыновья его, Иванъ и Өедоръ, [6] Цари: Борисъ Өедоровичь Годуновъ, Михаилъ Өедоровичь и Алексѣй Михаиловичь, и почти всѣ В. Княгини, Царицы и В. Княжны. [7] Изъ Бояръ богаты е вклады дѣлали въ оную: Воротынскіе, Шереметевы, Палецкіе, Голицыны, Бѣльскіе, Шуйскіе, Годуновы, Микулинскіе, Горбатые, Шеины, Пѣньковы, Волынскіе, Щенятевы, Воронцовы, Тучковы, Юрьевы, Кемскіе, Ситскіе, Головины, Сукины, Прозоровскіе, Салтыковы Умнаго-Колычевы, Мстиславскіе, Трубецкіе, Ромодановскіе, Одоевскіе, Морозовы и многіе другіе. [8] Усердно надѣляли ее приношеніями своими и Святители наши, Митрополиты Московскіе: Іоасафъ, и Макарій, Патріархи: Филаретъ, Никонъ и Іоакимъ; Митрополиты Новгородскіе: Пименъ и Варлаамъ, Владыки Казанскіе: Косьма и Матөей, также Преосвященные Вологодскіе, Ростовскіе и другіе. [9] Естественно, усердіе къ обители столь знаменитыхъ и богатыхъ людей должно было обогатить ее не одними вотчинами, или денежными вкладами, [10] но и церковными вещами, изъ которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, многія весьма цѣнны и рѣдки. Кромѣ сего, обладая многочисленными землями, заселенными болѣе 20,000 крестьянъ, [11] и весьма многими прибыльными соляными варницами и рыбными ловлями въ Поморьѣ, [12] и пользуясь доходами съ трехъ ярмарокъ при монастырѣ, [5] она и сама имѣла возможность умножать, безъ сомнѣнія, умножала свои сокровища церковныя. И дѣйствительно, до второй половины XVIII ст., ризница ея считалась едва ли не богатѣйшею изъ Великороссійскихъ монастырей и, можетъ быть, уступала драгоцѣнностію только знаменитой Лаврѣ Сергіевой. Такъ, въ ней находилось 17 ризъ священническихъ, 7 епитрахилей, 4 набедренника, 2 палицы,

8 стихарей и 5 паръ поручей, плотно усѣянныхъ сверху до низу крупнымъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ изумрудами, яхонтами, лалами, алмазными искрами, топазами, въ золотыхъ облитыхъ финифтью гнѣздахъ и въ сребро-позлащенныхъ дробницахъ. Изъ сихъ драгоцѣнностей пожертвованныя Царемъ Иваномъ Васильевичемъ облаченія вѣсили: ризы 14 ф., 60 зол., епитрахиль 6 ф., 38 зол., пара поручей 2 фунт., 88 золотн., стихарь 14 фунт., 18 золотн., орарь 3 ф., 60 зол. Не менѣе богато убраны были архимандритскія шапки, коихъ находилось до 7-ми, и изъ нихъ первая украшена была, кромѣ жемчуга и дорогихъ камней, камеями изъ яхонтовой корки, перелифта, халцедона и яшмы. Много было обнизанныхъ жемчугомъ и камнями покрововъ на раку Преподобнаго, пеленъ, воздуховъ, сулковъ къ посохамъ, хоругвій и т. п. [14] Богатству ризницы соотвѣтствовала и вся церковная утварь, состоявшая изъ весьма значительнаго числа серебряныхъ, а частію и золотыхъ, священныхъ сосудовъ, напрестольныхъ евангелій и крестовъ, панагій, кадилъ, блюдъ, ковшевъ, чашь водосвятныхъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, кубковъ, чарокъ и т. п. [15] Въ Успенскомъ соборѣ всѣ мѣстныя иконы украшены сребро-позлащенными ризами, съ дорогими камнями въ вѣнцахъ и цатахъ, а въ прочихъ ярусахъ обложены басменнымъ серебромъ. Но всего болѣе находилось въ обители малыхъ домовыхъ иконъ (пядницъ), изъ коихъ весьма многія были въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ и поступали въ оную отъ знаменитыхъ людей. [16] Онѣ размѣщены были въ кивотахъ около стѣнъ и столбовъ во всѣхъ монастырскихъ церквахъ, а въ соборномъ храмѣ стояли и въ предъолтарномъ иконостасѣ, гдѣ занимали цѣлый ярусъ.

Но весьма многихъ изъ сихъ древнихъ сокровищъ уже не находится въ настоящее время въ Кирилловой обители. Въ 1785 г. очень значительное число вещей, украшенныхъ дорогими камнями и жемчугомъ, въ числѣ коихъ находилось нѣсколько и изъ чистаго золота, вытребовано изъ здѣшней ризницы въ Московскую Синодальную Контору. [17] Встрѣчаются въ сокровищницахъ и другихъ мѣстъ нѣкоторыя св. вещи, принадлежавшія здѣшней обители, на прим., въ Александро-Невской Лаврѣ находятся два напрестольные креста, одинъ золотой, вѣсомъ почти въ 2 ф., съ частицами св. мощей, украшенный, кромѣ жемчуга, крупными яхонтами, рубинами и изумрудами, а другой, обложенный по дереву позолоченнымъ серебромъ. [18] Въ годину испытанія отечества, въ

достопамятномъ 12-мъ году настоящаго столѣтія, пожертвовано изъ здѣшней обители на Государственное ополченіе серебряной утвари 1 п., 17 ф., 60 зол. [19]. Но всего болѣе уничтожено по ветхости и излишеству, разныхъ церковныхъ вещей, какъ-то: образовъ, крестовъ, панагій, св. сосудовъ, блюдъ, жемчужныхъ облаченій, пеленъ и т. п., въ самомъ монастырѣ, въ 1818 и 1823 годахъ, [20] и въ послѣдній разъ въ 1830 г., въ числѣ коихъ находились и вклады Царскіе и именитыхъ людей. [21]

Впрочемъ, еще сохранилось въ здѣшнемъ монастырѣ нѣсколько вещей изъ древнихъ сокровищъ его и до нашего времени, въ прежнемъ ихъ видѣ и съ перемѣнами, болѣе или менѣе важными. Вещи эти двоякаго рода: священныя и относящіяся къ обыкновенному быту. Есть также нѣсколько предметовъ и не очень древнихъ, но замѣчательныхъ по своей рѣдкости. Всѣмъ симъ древностямъ и рѣдкимъ вещамъ мы представляемъ теперь историко-археологическое описаніе. Въ монастырѣ находится еще весьма значительная библіотека, состоящая изъ рукописей и древнихъ печатныхъ книгъ, царскихъ и святительскихъ грамотъ и т. п., и есть нѣсколько древнихъ воинскихъ оружій; но предметы сіи, по многочисленности ихъ, не вошли въ настоящее наше описаніе древностей; обозрѣніе ихъ можетъ составить особую пространную статью, и даже порядочную книгу.

Примѣч. Источниками для историческаго описанія сихъ древностей и рѣдкихъ вещей служили намъ, кромѣ надписей, находящихся на нѣкоторыхъ вещахъ, акты монастырскіе XVII и XVIII ст., какъ-то: Вкладныя и Кормовыя книги, Синодики, Обиходники и частію грамоты царскія, также описи 1802 г. и дѣла позднѣйшаго времени.

А.

СВЯЩЕННЫЯ ВЕЩИ.

I. МОЩИ ПРЕПОД. КИРИЛЛА И РАКА НАДЪ НИМИ.

Первая священная драгоцѣнность обители—Св. Мощи основателя ея, Пр. Отца нашего Кирилла Бѣлозерскаго. Пр. Кириллъ родился въ Москвѣ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей въ 1337 г., въ юныхъ лѣтахъ постригся въ монашество и до 60 лѣтъ жизни подвизался въ Симоновѣ монастырѣ. Тамъ онъ пользовался особенною любовію и духовною бесѣдою мудраго наставника и прозорливца, Св. Сергія Радонежскаго, и былъ нѣкоторое время Архимандритомъ Симоновской обители; но, по глубокому смиренію своему и изъ любви къ безмолвію, оставилъ начальство, и въ 1397 г., по воззванію и указанію Матери Божіей, переселился въ пустынные предѣлы Бѣлозерскаго Княжества. Здѣсь, въ 37 верстахъ отъ г. Бѣлозерска, онъ основалъ нынѣшній свой монастырь, соорудилъ въ немъ Церковь во имя Пр. Богородицы честнаго ея успенія, собралъ довольно братіи, учредилъ въ Обители строгій подвижническій уставъ, и, поживъ въ оной богоугодно 30 лѣтъ, прославленный свыше обильнымъ даромъ чудотвореній, отошелъ ко Господу въ 1427 году, въ 9 день Іюня мѣсяца, 90 лѣтъ отъ рожденія своего. Мощи его покоятся подъ спудомъ между Успенскимъ соборомъ и церковію, во имя его созданною, примыкающею сѣверною стороною къ сему собору. [22]

Надъ мощами Преподобнаго рака изъ кипарисныхъ досокъ, устроенная въ 1643 г. Бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Рака сія обложена съ четырехъ сторонъ четырьмя серебряными, позолоченными клеймами, на коихъ изображено выпуклыми буквами житіе Пр. Кирилла и, сверхъ сего, съ двухъ сторонъ, южной и сѣверной, четырьмя же клеймами мѣдными, позолоченными чрезъ огонь, съ чеканнымъ изображеніемъ на нихъ погребенія и чудесъ Пр. Кирилла. Около раки плинтъ, карнизъ и пилястры, съ восточной и южной сторонъ обиты чеканнымъ позолоченнымъ серебромъ, а съ западной и сѣверной — первые два басменнымъ серебромъ, а пилястры позолоченною мѣдью. На кар-

низѣ раки, въ углубленіи по платику съ восточной и полуденной сторонъ, вычеканена крупными выпуклыми буквами слѣдующая надпись: «При державѣ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, и при Его Благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Евдокіе, и при Благовѣрныхъ чадѣхъ, при Благовѣрномъ Царевиче Князѣ Алексіе Михайловиче, и при Благовѣрной Царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ, и Благовѣрной Царевнѣ Княжнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, и при Святѣйшемъ Іоасафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, здѣлалъ сію раку Преподобному Чудотворцу Кириллу Бѣлоезерскому, по обѣщанію, Болляринъ Ѳедоръ Івановичь Шереметевъ, при Игумене Антоніе и при келарѣ старце Савватіе Юшковѣ, лѣта 7151 г.» На плоской крышкѣ раки находится серебряное съ чеканомъ, высоко выпуклое, позолоченное изображеніе почивающаго Пр. Кирилла во весь ростъ; вѣнецъ около главы его украшенъ крупными дорогими камнями, въ числѣ коихъ одинъ блѣднокрасный лалъ (rubinus), два блѣдно-лазоревые яхонты (сапфиры) и два изумруда (smaragdus). Около изображенія Угодника окладъ на свѣту и поляхъ также серебряный, чеканный, позолоченный, и повыше вѣнца такая же дробница съ чеканнымъ изображеніемъ св. Троицы, а около главы двѣ дщицы съ надписью имени его, и на поляхъ по угламъ четыре круглыя дробницы. на коихъ изображены чеканомъ: Пр. Сергій Радонежскій, Алексій, человѣкъ Божій, Ѳеодоръ Освященный и Ѳерапонтъ Бѣлоезерскій. Рака длиною 2 арш., 12 верш., шириною 1 арш. $^3/_4$ верш., въ вышину 1 арш., 1 верш. Вѣсу въ серебрѣ 3 п., 21 ф., 24 зол. Рака стоила соорудителю 1673 р., 10 алт., 2 деньги. Около оной имъ же построена была мѣдная рѣшетка, стоившая 200 руб., [23] но въ 1804 г. рѣшетка эта снята, по ветхости. Рака утверждена на деревянномъ помостѣ съ двухъ сторонъ, южной и сѣверной, и трехъ ступеняхъ; ступени обиты мѣдными листами; восточная и западная стороны помоста покрыты жестью.

II. СВЯТЫЯ ИКОНЫ, ЗАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЪ И ХОРУГВИ.

1. Другая, столь же драгоцѣнная, св. древность обители — Чудотворный Образъ Божія Матери Одигитріи, именуемый Смоленскій, принесенный сюда въ 1397 году Пр. Кирилломъ Бѣлоезерскимъ изъ Москвы. Пр. Кириллъ, живя въ безмолвіи на

Старомъ Симоновѣ, усердно молился ко Пресвятой Дѣвѣ, чтобы она показала ему путь спасенія. И вотъ, въ ночное время, когда онъ, въ своей кельѣ, по обыкновенію, пѣлъ Акаѳистъ, предъ симъ св. образомъ ея и дошелъ до словъ восьмаго кондака: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше», вдругъ услышалъ голосъ, говорившій ему: «Кириллъ! Иди на Бѣло озеро; тамъ уготовано мною тебѣ мѣсто, гдѣ ты можешь спастись.» Угодникъ Божій послѣдовалъ сему велѣнію Владычицы, и, когда отправился вмѣстѣ съ единопостриженникомъ своимъ, Пр. Ѳерапонтомъ, въ предѣлы Бѣлозерскіе, взялъ съ собою эту св. икону и по кончинѣ своей оставилъ ее въ наслѣдіе новосозданной имъ здѣсь обители. [24] Икона сія писана на доскѣ, мѣрою безъ полей, которыя придѣланы къ ней въ послѣдствіи времени, въ длину 14 верш., въ ширину 10 верш., поля продольныя по 4 верш., поперечныя по $4^1/_2$ верш.

Эта св. икона весьма богато украшена сребро-позлащенными окладомъ и ризою, убранными жемчугомъ и дорогими камнями. Опишемъ сіи украшенія съ нѣкоторою подробностію. Риза Божіей Матери обнизана въ одну нить среднимъ жемчугомъ, по правую сторону снизу до вѣнца ея, и по лѣвую снизу же, и по ризѣ до вѣнца Спасителева. На вѣнцѣ Богоматери, по срединѣ, большой голубой, продолговатый яхонтъ; по сторонамъ онаго два овальные такіе же лала, два треугольные изумруда и средней величины свѣтлолазаревый яхонтъ и вениса (silex granatus); между ними восемь Кафимскихъ зеренъ; вѣнецъ по верхнему и по нижнему краямъ обнизанъ въ одну нить крупнымъ и среднимъ жемчугомъ, на коронѣ снизу подъ городками (сіяніемъ въ видѣ городковъ), въ срединѣ большая, овальная вениса, по сторонамъ оной два яхонта голубые и двѣ венисы; между оными четыре зерна Кафимскихъ; на коронѣ же, на среднемъ городкѣ, большая голубая бирюза по сторонамъ, на четырехъ городкахъ, по голубому яхонту и подъ ними пять зеренъ Кафимскихъ; надъ городками на проволокѣ пять голубыхъ, продолговатыхъ, плоскихъ яхонтовъ, и сверху оныхъ въ закрѣпкахъ пять зеренъ Кафимскихъ; между городками, на прорѣзныхъ четырехъ травкахъ, четыре небольшія бирюзы, и по сторонамъ каждой на травахъ по два зерна бурмицкихъ; сверху травокъ на проволокѣ четыре продолговатыя, плоскія, небольшія венисы, и надъ оными въ закрѣпкахъ четыре зерна Кафимскихъ. На челѣ Божіей Матери убрусъ, ни-

занный по серебряному позолоченному листу среднимъ жемчугомъ на шелку, клѣтками; подъ убрусомъ поднизь жемчужная, на серебряной проволокѣ, въ видѣ кисточекъ; въ срединѣ убруса, поверхъ жемчугу, въ серебряной оправѣ, изумрудъ треугольный средней величины; подъ вѣнцемъ ожерелье, низанное мелкимъ жемчугомъ, клѣтками, по серебрянному, вызолоченному листу. На Предвѣчномъ Младенцѣ вѣнецъ обнизанъ вокругъ въ два ряда жемчугомъ крупнымъ и среднимъ; въ срединѣ вѣнца четыре крупныхъ зерна Кафимскихъ; на коронѣ внизу по срединѣ круглая венисa, и по сторонамъ двѣ голубыя бирюзы и двѣ круглыя венисы; между оными четыре зерна Кафимскихъ; на среднемъ городкѣ вѣнца овальная, голубая бирюза, и по сторонамъ на двухъ городкахъ двѣ небольшія овальныя венисы, и на двухъ же крайнихъ городкахъ двѣ голубыя такія же круглыя бирюзы, и подъ ними пять зеренъ Кафимскихъ; вверху короны на проволокѣ пять крупныхъ зеренъ бурмицкихъ; между городками на четырехъ травкахъ по зерну Кафимскому. Подъ вѣнцомъ Спасителя ожерелье, низанное клѣтками по серебряному вызолоченному листу мелкимъ жемчугомъ. На цатѣ въ срединѣ большой желтой, граненый топазъ, сверху плоскій, по верхнему краю осмигранный, а книзу продолговато-круглый, прикрѣпленный къ цатѣ четырьмя серебрянными, позолоченными ноготками съ такимъ же пояскомъ; длиною камень $1^1/_5$ верш., шириною 1 верш.; по сторонамъ онаго два большіе, продолговатые, голубые яхонта, и между ними четыре зерна Кафимскихъ. На поляхъ иконы сверхъ оклада находятся девять серебряныхъ, позолоченныхъ дробницъ, обнизанныхъ среднимъ жемчугомъ, на коихъ изображены чеканомъ, съ правой стороны: Архангелъ Михаилъ, Іоаннъ Предтеча и Святый Ѳеодоръ; съ лѣвой: Архангелъ Гавріилъ, Святитель Николай и Пр. Іоаннъ Списатель лѣствицы; на нижнемъ поперечномъ полѣ: Пр. Кириллъ Бѣлоезерскій, Сергій Радонежскій и Діонисій Глушицкій; между сими дробницами размѣщено девять камней, въ числѣ коихъ замѣчательны по величинѣ своей красный, круглый смазень (дублетъ) и два синіе яхонта (сапфиры); поля по краямъ внутренней стороны обведены нитью довольно крупнаго жемчуга. Всего жемчугу крупнаго и средняго, кромѣ мелкаго, 2717 зеренъ.

Окладъ на сію икону первоначально построенъ былъ около 1556 года Пименомъ, Архіепископомъ Новгородскимъ. [25] Княгиня Евфросинія, супруга Кн. Андр. Иван. Старицкаго, въ 1575 году

жила къ ней серебряную позолоченную цату, украшенную дорогими каменьями и жемчугомъ, [26] а еще ранѣе Царь Иванъ Васильевичъ и супруга его, Анастасія, прислали къ оной жемчужную пелену, [27] но въ 1612 г., при Игуменѣ Матоеѣ, всѣ украшенія на оную сдѣланы вновь, частію изъ пожертвованій старицъ Горицкихъ и другихъ благотворителей и, между прочими, Старицы Княгини Агаоіи, супруги Царевича Михаила Кайбулича, Старца Князя Діонисія Голицына, Княгини Анны Ивановны Голицыной, Старицы Александры Мохнаткиной, Старца Леонида Осютиныхъ и др. [28] Серебра употреблено въ поля, вѣнецъ, корону и цату 16 ф., 41 зол., и золота до полуфунта. [29] Окладъ на ризы Божіей Матери и Спасителя сдѣланъ въ позднѣйшее время, около 1760 г. [30] Иконное письмо на семъ образѣ возобновлено въ 1633 г. присланнымъ нарочито для сего отъ царя Михайла Өедоровича и Патріарха Филарета Никитича изъ Москвы мастеромъ Леонтіемъ Жуковымъ во всемъ по старому, какъ было прежде. [31]

Икона сія помѣщается въ Успенскомъ соборѣ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ особомъ иконостасѣ, украшенномъ двумя колоннами, фронтономъ и накладною рѣзьбою, позолоченномъ по гунфарбѣ и частію по полименту.

Въ 1854 году, по отмѣнному усердію и благоговѣнію жителей г. Кириллова къ сей св. иконѣ, которые видятъ въ ней залогъ благоволенія Матери Божіей не къ одной только обители Пр. Кирилла, но и ко всей странѣ здѣшней, и которые неоднократно испытали на себѣ покровъ Владычицы и избавленіе отъ губительной болѣзни (холеры), въ наше время, судомъ Божіимъ посѣщавшей отечество наше, когда прибѣгали съ мольбами къ сей Чудотворной иконѣ ея, въ слѣдствіе просьбы ихъ, св. Синодомъ, съ соизволенія Блаженной памяти благочестивѣйшаго Государя Императора, Николая Павловича, учрежденъ ежегодный крестный ходъ съ сею св. иконою вокругъ г. Кириллова въ день всеобщаго въ Россіи празднества въ честь оной, 28-го Іюля.

2. Образъ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго, писанный на доскѣ еще при жизни Угодника св. Діонисіемъ Глушицкимъ въ 1424 году. [32] Доска мѣрою, безъ полей, которыя приставлены въ позднѣйшее время, въ длину 5 верш., въ ширину $3^3/_4$ верш., поля шириною $1^3/_4$ верш. Пр. Кириллъ изображенъ на ней во весь ростъ, въ старческихъ лѣтахъ, въ прямомъ положеніи лица, съ открытою главою, сложенными на груди руками, правою на верху

лѣвой въ мантіи; мантія съ лѣвой стороны у шеи далеко закинута на правую и высоко поднята и перепущена черезъ лѣвую руку, а также отчасти приподнята и на правую руку; изъ-подъ мантіи спускаются нѣсколько ниже колѣнъ аналавъ съ червлеными крестами, и свитка, доходящая почти до самой земли, съ довольно широкимъ рукавомъ, на правой рукѣ открытымъ; цвѣты той и другой темнокрасный, въ складкахъ переходящій въ черный. На ликѣ Преподобнаго золотой чеканный вѣнецъ съ такою же цатою, и на свѣту окладъ также золотой чеканный съ чернью, доходящій только до земли, которая ни чѣмъ не закрыта, равно какъ и все изображеніе Угодника. Вѣнецъ надъ главою его поверху обведенъ нитью крупнаго жемчуга; въ срединѣ вѣнца три гнѣзда золотыя съ искрами яхонтовыми, изумрудными и алмазными, и между ними четыре Кафимскія зерна; на цатѣ столько же крупныхъ такихъ же зеренъ, два такія же, какъ и на вѣнцѣ, гнѣзда съ мелкими венисами, и между ними по срединѣ большой лазоревый, продолговатый, сверху круглый, яхонтъ (сапфиръ). Свѣтъ около изображенія Преподобнаго отъ вѣнца до земли обнизанъ съ обѣихъ сторонъ среднимъ жемчугомъ въ одну нить, равно какъ и самая икона обнизана со всѣхъ сторонъ крупнымъ жемчугомъ. Поля обложены чеканнымъ, позолоченнымъ серебромъ; на верхнемъ полѣ надъ главою Преподобнаго, на серебряной позолоченной дробницѣ чеканый выпуклый Образъ Знаменія Божіей Матери, а на прочихъ поляхъ девять камней, въ числѣ коихъ два большіе блѣднокрасные, продолговатые лала (рубина), два голубые средней величины яхонта, двѣ бирюзы, одинъ большой треугольный голубый яхонтъ (сапфиръ) и два большіе аметиста; всѣ въ серебряныхъ гнѣздахъ, и между ними десять бурмицкихъ зеренъ. Наружный край полей, сверхъ того, обложенъ серебряною позолоченною узкою рамкою съ тремя гранями. Внизу на этой рамкѣ на заворотѣ высѣчены вглубь слова: Лѣта 7122 обложенъ сій образъ при Игумене Матѳѳе. На украшеніе его употреблено, кромѣ камней, серебра 3 ф. и злота 60 зол. Матеріалы взяты частію изъ прежнихъ привѣсокъ къ сему образу, частію сняты съ другихъ иконъ, а частію пожертвованы старцами здѣшней обители и старцами Горицкими. [33] Дска съ задней стороны обложена малиновымъ бархатомъ.

Царь Иванъ Васильевичь, по особенному благоговѣнію къ Пр. Кириллу, въ 1548 г., присылалъ за этою иконою и бралъ ее съ собою въ Москву. [34]

Замѣчателенъ и самый кивотъ, въ которомъ помѣщается сія икона. Кивотъ этотъ деревянный, имѣетъ видъ шкафа, съ двумя створными дверцами, и украшенъ съ боковъ и по плинтусу рѣзьбою вглубь, которая по мѣстамъ сплошь вызолочена по гунфарбѣ, а индѣ съ прокраскою колерами, чернымъ и краснымъ; вверху по карнизу онаго и внизу по плинтусу вырѣзана на деревѣ крупными позолоченными словами, на черномъ полѣ, вязью, слѣдующая надпись: Образъ Чудотворца Кирилла списанъ Преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, еще живу сущу чудотворцу Кириллу, въ лѣто 6932. сдѣланъ сій кивотъ въ домъ Пречистыя и Чудотворца Кирилла въ лѣто 7122 по благословенію Игумена Матѳѣя въ славу Богу, аминь. На створкахъ, съ внутренней стороны, написаны красками четыре событія изъ жизни Препод. Кирилла: рожденіе его, водруженіе имъ креста въ основаніе здѣшней обители, явленіе ему Божіей Матери и писаніе съ него Пр. Діонисіемъ портрета, т. е., теперь описанной иконы. Створы по полямъ и на свѣту обложены басменнымъ серебромъ, а лики святыхъ, въ томъ числѣ и матери Пр. Кирилла, украшены серебряными, рѣзными, позолоченными вѣнчиками; съ наружной стороны створы прежде покрыты были бархатомъ, съ вышитыми на нихъ золотомъ осмиконечными крестами; внутри кивотъ оклеенъ былъ съ боковъ бархатомъ и штофомъ, а взади однимъ штофомъ. Надъ кивотомъ устроена особая накладная корона, въ видѣ выгнутаго фронтона; на передней сторонѣ оной изображенъ красками Нерукотворенный образъ Спасителя, держимый двумя ангелами; на Спасителѣ и на ангелахъ вѣнцы серебряные, чеканные, позолоченные; подзоръ короны обложенъ такимъ же серебромъ, и весь верхъ оной покрытъ басменнымъ, чеканнымъ, вызолоченнымъ серебромъ; на верху оной прежде водруженъ былъ серебряный литой, осмиконечный крестъ на такомъ же яблокѣ, [35] а нынѣ находится мѣдный.

Икона эта помѣщается въ Успенскомъ Соборѣ у иконостаса, противъ праваго клироса.

3. Въ Соборѣ мѣстный храмовый образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, писанный извѣстнымъ древнимъ искуснымъ иконописцемъ, инокомъ Московскаго Андроніева монастыря, Андреемъ Рублевымъ, и, можетъ быть, еще при жизни Пр. Кирилла. [36]

На сей иконѣ изображены: въ срединѣ св. тѣло Богоматери, простертое на одрѣ смертномъ, и по лѣвую сторону онаго Спаситель, держащій на лѣвой рукѣ образъ души Пресвятыя Дѣвы, и по сторонамъ его четыре ангела; около гроба у главы и у ногъ соборъ предстоящихъ и припадшихъ святыхъ, числомъ пятнадцать, имена коихъ не означены; внизу подъ гробомъ ангелъ, держащій въ рукѣ мечь; вверху надъ Спасителемъ посрединѣ, въ кругу, сѣдящая на престолѣ Пр. Богородица и по сторонамъ ея вблизи лики двухъ ангеловъ, стоящихъ, и въ воздухѣ двѣнадцати апостоловъ, несомыхъ ангелами. Икона сія украшена на свѣту и по полямъ серебрянымъ позолоченнымъ; на св. ликахъ вѣнцы, коихъ 50-ть, и четыре цаты серебряныя, чеканныя, позолоченныя; ризы на Спасителѣ, Божіей Матери почивающей и святыхъ, окружающихъ св. тѣло ея, такія же. [57]. На Богоматернемъ вѣнцѣ по срединѣ небольшой четвероугольный лалъ; по сторонамъ такія же двѣ граненыя бирюзы, и между ними четыре зерна бурмицкихъ; подъ вѣнцомъ цата, на коей по срединѣ красный, четвероугольный, небольшой лалъ, по сторанамъ двѣ такія же блѣднозеленыя граненыя бирюзы, и между оными четыре зерна бурмицкихъ. На Спасителевѣ вѣнцѣ вверху два небольшіе лала и внизу по сторонамъ такія же двѣ граненыя бирюзы; подъ вѣнцомъ цата, на коей по срединѣ небольшой, лазоревый яхонтъ и по сторонамъ двѣ бирюзы, между коими два зерна бурмицкихъ. На изображеніи души Пресв. Богородицы въ вѣнчикѣ по срединѣ вениса и по сторонамъ два продолговатые изумруда; подъ вѣнцомъ цата серебряная, на которой по срединѣ круглая бирюза, и по сторонамъ два зерна Кафимскихъ. Надъ главою Спасителя, на ликѣ сѣдящей на престолѣ Богоматери, въ вѣнцѣ, въ срединѣ вениса и по сторонамъ оной, двѣ овальныя бирюзы; подъ вѣнцомъ на цатѣ продолговатая бирюза, и по сторонамъ два зерна, одно Кафимское, и другое бурмицкое. Дска длиною 2 арш., 1 верш., шириною 1 арш., $9^{1}/_{2}$ верш.

4. Образъ Успенія Божія Матери, писанный Пр. Діонисіемъ Глушицкимъ. [38] Икона сія изображаетъ горницу и по срединѣ оной покоющееся тѣло Богоматери; предъ нимъ съ лѣвой стороны предстоятъ, въ срединѣ Спаситель, держащій на лѣвой рукѣ образъ души Богоматери, и надъ главою его пламенный Серафимъ, а по сторонамъ Спасителя четыре ангела, изъ коихъ два съ мечами, 12-ть Апостоловъ, и изъ нихъ одинъ съ кадиломъ, три Святителя и одна св. жена.

Письмо на ней, полагать надобно, поновлено около 1830 г. древнимъ иконибомъ. Прежде икона сія украшена была по полямъ серебрянымъ чеканнымъ окладомъ, и лики святыхъ такими же вѣнцами и цатами съ драгоцѣнными камнями; но теперь находится на ней изъ древнихъ украшеній одинъ только окладъ на поляхъ, а на Спасителѣ и Богоматерь вновь наложены серебряныя бѣлыя ризы и такіе же вѣнцы на десяти ликахъ. Доска вышиною 1 арш., 11 верш., шириною 1 арш., 6 $^{1}/_{2}$ верш. Икона сія теперь помѣщается въ теплой Введенской церкви, въ иконостасѣ, возлѣ южныхъ олтарныхъ дверей.

5. Чудотворный образъ Умиленія Пресвятыя Богородицы, вкладъ въ 1566 г. княгини Евфросиніи, инокини Горицкаго монастыря, бывшей супруги князя Андрея Ивановича Старицкаго.[59] Сей образъ представляетъ Божію Матерь держащею на лѣвой рукѣ Предвѣчнаго Младенца; лица их склонены другъ къ другу, и Младенецъ касается правою рукою лица Богоматери. Украшенія на онымъ слѣдующія: окладъ на свѣту и поляхъ серебряный, вызолоченный; на поляхъ семь накладныхъ, серебряныхъ, вызолоченныхъ дробницъ, съ чеканными выпуклыми изображеніями: Іоанна Предтечи, Сергія Радонежскаго, Равноапостольнаго Князя Владиміра, Іоанна Златоуста, Кирилла Бѣлоезерскаго, Пр. Евфросиніи и Димитрія Прилуцкаго; между сими дробницами семь камней, именно: на верхнемъ поперечномъ полѣ большая красная, продолговатая бечета (рубинъ); на продольныхъ поляхъ такой же мѣры одинъ темно-вишневый, круглый сѣровикъ, два лазоревые круглые яхонта (сапфиры) и круглый топазъ; на нижнемъ поперечномъ полѣ необыкновенно большая, темнокрасная, продолговатая бечета и средней величины зеленый, четвероугольный забирзатъ; весь окладъ по краю съ внутренней стороны обнизанъ въ одну нить среднимъ жемчугомъ. На Богоматернемъ ликѣ прорѣзной вѣнецъ съ короною серебряный, чеканный, вызолоченный; вѣнецъ по верху и низу обведенъ въ одну нить среднимъ жемчугомъ и украшенъ семью довольно крупными камнями, изъ коихъ одинъ лалъ, два блѣдно-лазоревые яхонта, двѣ бечеты и два небольшіе яхонта, и между ними восемь зеренъ бурмицкихъ, на коронѣ два небольшіе блѣдно-лазоревые круглые яхонта, одинъ красноватый лалъ и одинъ топазъ, между ними четыре зерна Кафимскихъ, и на городкахъ одинъ лазоревый, треугольный, средней величины, яхонтъ, два небольшіе продолговатые лала, два такіе же яхонта и подъ оными пять зернъ Кафимскихъ; сверху город-

ковъ на спаяхъ пять небольшихъ яхонтовъ съ пятью зернами Кафимскими и пятью же бурмицкими; между городками, сверху четырехъ цвѣточковъ, четыре блѣдно-лазоревые продолговатые яхонта съ четырьмя зернами Кафимскими и четырьмя же бурмицкими. На Предвѣчномъ Младенцѣ полувѣнецъ серебряный, чеканный, вызолоченный, обнизанный сверху и снизу въ одну нить среднимъ жемчугомъ, съ двумя по срединѣ камнями, изъ коихъ одинъ желтый топазъ. Подъ вѣнцами Божіей Матери и Спасителя одна общая цата, а подъ нею, на подобіе панагія, на вертлюгахъ, три плащика серебряные, чеканные, вызолоченные; цата сверху и снизу обведена въ одну нить среднимъ жемчугомъ; на ней, по срединѣ, большой, блѣдно-красный продолговатый лалъ, по сторонамъ средней величины яхонтъ и желтоватый круглый топазъ; между камнями четыре зерна Кафимскихъ; подъ цатою три серебряные плащика обнизаны кругомъ въ одну нить среднимъ жемчугомъ и въ срединѣ убраны камнями, между коими одна круглая средней величины венисъ, восемь яхонтовъ, три бирюзы и два лала. Убрусъ на Богоматери вынизанъ въ рефить по серебряному, вызолоченному листу среднимъ жемчугомъ съ камнями, въ числѣ коихъ четыре венисы, четыре свѣтло-красные сназня (дублета), семь желто-зеленыхъ забирзатовъ, два круглые, желтоватые котовика; одинъ лалъ и девять зеренъ Кафимскихъ; ожерелье у Богоматери низанное по серебряному, вызолоченному листу среднимъ жемчугомъ и камнями, между коими находятся двѣ небольшія венисы, два яхонта лазоревые и одинъ желто-зеленый, продолговатый забирзатъ. Дска мѣрою $15^1/_2$ верш., вышины и $13^1/_4$ верш. ширины.

6. Образъ Пр. Кирилла Бѣлозерскаго, древній списокъ съ подлинника, писаннаго св. Діонисіемъ Глушицкимъ,[40] но въ гораздо большемъ противу онаго размѣрѣ. Окладъ на поляхъ онаго и на свѣту серебряный, чеканный, позолоченный; вѣнецъ на Преподобномъ золотой, украшенный весьма крупными дорогими камнями, въ числѣ коихъ три яхонта, двѣ бирюзы и двѣ венисы, вѣсомъ съ камнями 1 ф., 6 зол.; подъ вѣнцомъ цата серебряная, позолоченная, чеканная, и на ней три средней величины яхонта.[41] Каменье и золото на украшеніе сего образа даны Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, а серебро куплено на монастырскій коштъ.[42] Въ 1830 г. на изображеніе Преподобнаго положена цѣльная серебряная риза, сдѣланная изъ серебра, снятаго съ ветхихъ цер-

комнатныхъ вещей. [43] Мѣрою икона сія вышины 1 арш., 15 верш., ширины 1 арш., 2 верш. Теперь помѣщается въ Введенской церкви въ предъолтарномъ иконостасѣ, противу праваго клироса, а прежде находился въ церкви Пр. Кирилла, возлѣ царскихъ дверей, съ правой стороны, на второмъ мѣстѣ. [44]

7. Въ Успенскомъ Соборѣ всѣ иконы, находящіяся въ пятиярусномъ иконостасѣ онаго, достойны замѣчанія, какъ по своей древности, такъ и по украшеніямъ на нихъ. Въ нижнемъ поясѣ онаго находится, кромѣ двухъ, описанныхъ выше (№ 1 и 3), еще шесть большихъ иконъ XVI и XVII ст. въ серебряныхъ, позолоченныхъ окладахъ, а нѣкоторыя и ризахъ, съ такими же вѣнцами и цатами, украшенными драгоцѣнными камнями. Вторый поясъ состоитъ изъ малыхъ комнатныхъ иконъ, число коихъ выше 40-ка, также въ серебряныхъ позлащенныхъ окладахъ, а многія и въ ризахъ съ камнями, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ онѣ поступили въ монастырь изъ домовъ богатыхъ и именитыхъ людей, боярскихъ, княжескихъ, а нѣкоторыя и изъ царскаго и отъ святителей нашихъ, [45] хотя теперь и невозможно съ точностію опредѣлить, когда и кѣмъ каждая изъ нихъ пожертвована. Въ третьемъ ярусѣ 16 иконъ праздниковъ, въ четвертомъ Деисусъ и 13 иконъ св. Ангеловъ, Апостоловъ и Святителей, и въ пятомъ образъ Бога Отца съ Предвѣчнымъ Сыномъ и 16 иконъ праотцевъ — также всѣ въ серебряныхъ басменныхъ окладахъ съ такими же вѣнцами, а нѣкоторые и съ вѣнцами чеканными и такими же цатами. Но мы для краткости войдемъ въ нѣкоторыя подробности только касательно мѣстныхъ (нижняго пояса) иконъ, и то не всѣхъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

а. Образъ Пресв. Богородицы, именуемый Неопалимая Купина. Происхожденіе сего образа хотя въ точности неизвѣстно, но древность его видна изъ того, что оный находился здѣсь еще во времена Царя Ивана Васильевича, который, какъ значится въ описи 1601 г., украсилъ его жемчужнымъ поднизомъ и привѣсилъ къ цатѣ два золотые креста, изъ коихъ одинъ внутри съ мощами, и оба снаружи съ дорогими камнями, камей изъ яшмы, на которой вырѣзанъ выпукло св. Георгій Великомученикъ, въ золотой оправѣ съ жемчугомъ и дорогими же камнями, и образокъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, вырѣзанный на кости, въ сканной золотой оправѣ съ жемчугомъ. [46] Теперь этихъ царскихъ прикладовъ на немъ уже не находится; сохранились изъ древнихъ

украшеній: окладъ на поляхъ и на свѣту серебряный, чеканный, позолоченный, на Богоматери вѣнецъ золотой съ четырьмя таковыми же рѣпьями, въ коихъ, между прочимъ, вставлены двѣ бирюзы, надъ вѣнцомъ цата серебряная, чеканная, позолоченная и въ ней двѣ венисы, и два вѣнца такіе же на Предвѣчномъ Младенцѣ и одномъ изъ Ангеловъ. Дска вышины 2 арш., 1 верш., ширины 1 арш., 11 верш. Помѣщается на правой сторонѣ возлѣ храмоваго образа Успенія Божіей Матери.

б. Образъ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго съ житіемъ и чудесами его. Въ описи 1601 г. замѣчено, что на сей образъ тотъ же царь Іоаннъ Васильевичь повѣсилъ икону, рѣзь на камени, образъ Пречистые Богородицы въ серебряномъ скалномъ, позолоченномъ окладѣ съ дорогими камнями и жемчугомъ, [47] что доказываетъ древность сего образа. Окладъ на немъ 17 вѣнцовъ и 1 цата серебряные, чеканные, позолоченные, сдѣланы Ѳедоромъ Семеновичемъ Воронцовымъ; [48] на большомъ вѣнцѣ три довольно крупные камня, изъ коихъ одинъ яхонтъ и двѣ бирюзы; на цатѣ по срединѣ такой же изумрудъ и двѣ небольшія бирюзы. Помѣщается возлѣ предъидущаго образа и одинаковой съ нимъ мѣры.

в. Образъ Живоначальной Троицы, въ серебряныхъ, чеканныхъ, позолоченныхъ, окладѣ и ризѣ; на ликахъ св. Ангеловъ, Авраама и Сарры, вѣнцы серебряные, позолоченные, двойные, внизу гладкіе, а сверху филогранной работы съ финифтью; подъ вѣнцами Ангеловъ три серебряныя, чеканныя, позолоченныя цаты; на сихъ трехъ вѣнцахъ и цатахъ 6 бирюзъ, 7 венисъ и 4 яхонта. Эта икона значится въ описи 1601 года. [49] Окладъ на нее устроилъ Ѳ. С. Воронцовъ; [50] риза сооружена уже въ позднѣйшее время, около 1760 г. [51]

г. Образъ Похвалы Пресвятыя Богородицы. На немъ изображены, по срединѣ на престолѣ, Божія Матерь, надъ нею поясный ликъ Вседержителя, по сторонамъ Пророки: Аввакумъ, Іеремія, Ааронъ, Моисей и Давидъ, Іезекіиль, Іаковъ, Гедеонъ, Даніилъ и Исаія, внизу, при подножіи престола, Валаамъ, и около нихъ въ двухъ поперечныхъ ярусахъ, вверху, внизу и по сторонамъ образа, кондаки и икосы въ лицахъ. Окладъ на ономъ серебряный, позолоченный, частію чеканный и, частію гладкій; вѣнцы такіе же, числомъ 35-ть, всѣ чеканные; въ вѣнцѣ Богоматери въ срединѣ бирюза и по сторонамъ двѣ венисы; на Спасителевѣ вѣнчикѣ двѣ бирюзы и двѣ венисы. Икона сія значится въ описныхъ книгахъ

1601 г., [52] что доказываетъ ея древность. Она помѣщается теперь возлѣ прешедущей иконы, мѣрою немного поболѣе оной.

д. Образъ Вседержителя первый по правую сторону царскихъ вратъ, позднѣе предыдущихъ иконъ, полагать надо, не позже второй половины XVII ст. [53]. На немъ Вседержитель изображенъ во весь ростъ; правая рука у него со сложенными на благословеніе перстами простерта книзу, въ лѣвой, также опущенной внизъ, держитъ свитокъ; вверху, по сторонамъ его, два летящихъ Ангела, держатъ въ рукахъ одинъ крестъ, другой копіе и трость; внизу Пр. Сергій Радонежскій и Кириллъ Бѣлоезерскій припадаютъ къ стопамъ Его. Окладъ на семъ образѣ на свѣту, землѣ и поляхъ, и на Спасителѣ и Преподобныхъ ризы [54] и вѣнцы, а на первомъ цата серебряные, чеканные, позолоченные; въ вѣнцѣ Спасителя, въ срединѣ, довольно большой яхонтъ, по сторонамъ онаго два изумруда и на концахъ двѣ венисы такой же величины и въ цатѣ одинъ большой яхонтъ и двѣ венисы средней мѣры и двѣ бирюзы небольшіе. Дска вышины 2 арш., $1^1/_2$ верш, ширины 1 арш., 9 верш.

8. Изъ мѣстныхъ иконъ еще особенное обращаетъ на себя вниманіе Икона Спасителя, находящаяся въ предъолтарномъ иконостасѣ Введенской церкви, по правую сторону царскихъ дверей. Икона эта невольно привлекаетъ къ себѣ любопытный взоръ благоговѣйнаго зрителя высокимъ древнимъ письмомъ, и пораждаетъ въ немъ самыя умилительныя чувствія. На ней художникъ въ ликѣ Спасителя весьма счастливо выразилъ кистію ту мысль, или то ощущеніе о Богѣ-Искупителѣ, какое пламенѣющій любовію къ Нему христіанинъ хочетъ высказать словами, когда хвалебно вопіетъ къ Нему: «Іисусе сладчайшій, души моей утѣшеніе! Іисусе, красото пресвѣтлая! Іисусе, любве неизреченная! Іисусе, сладосте сердечная!» и т. п. Высокохудожественному начертанію лика Спасителя соотвѣтствуетъ строгою правильностію рисунка и тщательностію отдѣлки изображеніе и прочихъ частей пречистаго образа Его. [55]. На сей иконѣ Спаситель изображенъ сѣдящимъ на каѳедрѣ, въ видѣ креселъ; лѣвою рукою онъ поддерживаетъ, на приподнятомъ правомъ колѣнѣ, раскрытую книгу евангелія, правою, кисть которой приложена къ верхней страницѣ книги, указываетъ простертымъ перстомъ на слова евангелія: «Рече Господь: не судите, и не судятъ васъ; и не осуждайте, да не осуждени будете; отпускайте, и от-

пустятъ вамъ. Дайте, и дастся вамъ!» Въ 1856 г. на икону сію устроена серебряная риза съ позолоченнымъ вѣнцемъ, украшенная по мѣстамъ аквамаринами и аметистами; а прежде сего поля и свѣтъ на ней были обложены басменнымъ серебромъ, и на главѣ Спасителя находился серебряный позолоченный чеканный вѣнецъ съ такою же цатою. Дска мѣрою въ вышину 2 арш невступно, ширины 1 арш., $6^3/_4$ верш. Когда и кѣмъ писана сія икона, изъ нынѣшнихъ актовъ монастырскихъ не видать. Но что она очень древняя, это очевидно какъ изъ характера письма оной, такъ и изъ большой ветхости бывшаго на ней оклада.

9. Нельзя пройти молчаніемъ изображенія «на сѣверной алтарной двери» въ храмѣ Пр. Сергія Радонежскаго. [56] Образъ этотъ написанъ въ 1607 г. монахомъ здѣшняго монастыря, имя котораго означено тутъ же криптографіею, и замѣчателенъ не искусствомъ письма, а содержаніемъ своимъ и надписями наономъ. Дска разграфлена иконописцемъ на семь отдѣленій и въ нихъ изображены: въ 1-мъ отдѣленіи Божія Матерь на престолѣ, среди Ангеловъ въ раю; во 2-мъ, сѣдящіе въ раю же Праотцы, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, и возлѣ нихъ стоящій благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ рукахъ; въ 3-мъ, изгнаніе Адама и Еввы изъ рая и наставленіе ихъ Ангеломъ, и на верху надпись: «Повелѣ Господь Адама и Евгу з' рая вонъ изгнати, и повелѣ Господь стрѣщи врата едемская херувиму пламенну»; внутри отдѣленія: «Ангелъ Господень Адама и Евгу на дѣло ручное наставляетъ. Плакася Адам со Евгою пред раемъ сидя»; въ 4-мъ состояніе человѣка въ вѣчности между раемъ и мукою, т. е., человѣкъ, привязанный къ столбу, съ надписью. . . . «Милостыню творил, а блуда не отстал, милостыни ради муки избавленъ бысть, блуда же ради рая лишенъ еси человѣче. Блудникамъ и прелюбодѣямъ судитъ Богъ», и проч; въ 5-мъ смерть праведнаго человѣка (инока), и на верху надпись. . . . «Пріидоша Ангели пояти душу его, душа же не хотяше изыти от тѣла своего, и начатъ ю утѣшати, и рече Гавріилъ Михаилу: Поими сію нуждею», и проч.; далѣе говорится, что Михаилъ не сдѣлалъ сего, а возгласилъ ко Господу, что повелитъ о душѣ сей, и Господь повелѣлъ пригласить пѣвцовъ Давидовыхъ съ гуслями, дабы она, услышавъ красоту пѣнія ихъ, съ радостію изшла изъ тѣла, и не велѣлъ ее нудить», и что «се пріидоша внезапу Давыдовы мужи красни зѣло, и начаша пѣти пѣния красно зѣло»; внутри того же отдѣленія:

«Старецъ же помолися, дабы Господь ему открыл исход души праведнаго и грѣшнаго. Прилучись старцу изыти из келии своея нѣкія ради потребы, пріиде же левъ страшен зѣло, и ять его за ризу и веде его во град, и показа ему сия вся»; въ 6-мъ смерть грѣшника (инока), съ надписью.... «Пріидоша Ангели пояти душу его, душа же его не хотяше изыти ис тѣла своего» (тутъ рѣчь прервана и слѣдуетъ разсказъ, что старецъ видѣлъ, какъ сего умирающаго монаха всѣ славили и говорили, что его ради намъ Господь даровалъ пищу и одежду, а нынѣ мы лишаемся надежды нашей, и что будетъ намъ?). «Ангелъ Господень пріиде и удари скипетром в душу его, бѣси же злѣ восхитиша ю»; и въ 7-мъ Іоаннъ Лѣствичникъ, говорящій въ церкви Раифскаго монастыря поученіе къ братіи, лѣствица, по которой восходятъ иноки къ небу, поддерживаемые св. Ангелами и влекомые долу демонами, и подъ оною пропасть съ ниспадшими монастырями, и обитель въ Раифѣ, именуемая «Темницею», и въ ней подвиги кающихся иноковъ, помѣщенныхъ по одному и по два въ одной кельѣ, съ надписью надъ симъ отдѣленіемъ: «Блаженный Іванъ бысть игуменомъ въ Раиѳе монастырѣ, имѣ же число брати 200 и 30, и особно от слова четвертаго о послушаніи и о покаянии попеченнѣм и истиннѣм, в нем же и о темницы богоугоднѣй святыхъ осужденникъ». Наконецъ внизу подъ симъ отдѣленіемъ написано: «В лѣто 7116 обновлена бысть церковь Введение Пречистые Богородицы благословлением о Царе и Великомъ Князи Василии Ивановиче вся Росии Самодержци, во второе лѣто государства его, по благословению игумена Матѳея и по приговору старца Пахомія и всѣхъ старцов соборныхъ, а начат писати сии образ Октября 1 день, а совершенъ Ноября в 7 день, а писал многогрѣшныи чернец ѱгалимрррнддѣдмлккі». [57] Дверь сія вышиною 2 арш. 11 верш., шириною 1 арш., 4½ верш.

10 Въ ризницѣ находится много древнихъ комнатныхъ иконъ (по старинному пядницъ, также шталистевыхъ и т. п), [58] которыя, безъ сомнѣнія, всѣ вкладныя. [59] Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

а. Образъ Пресв. Богородицы Умиленія, вкладъ супруги Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго (ум. въ 1680 г.) Анастасіи Львовны. [60]. Образъ этотъ весьма богато убранъ. На немъ окладъ на свѣту и на поляхъ, рамки около онаго и вѣнецъ съ короною золотые, и первый рѣзной съ чернью, а послѣдніе чекан-

ные; подъ вѣнцомъ цата золотая же сканной работы съ финифтью; по полямъ на окладѣ семь накладныхъ золотыхъ дробницъ, на коихъ наведены чернью изображенія святыхъ, именно: внизу на одной дробницѣ трехъ М. Святителей: Петра, Алексія и Іоны, и на бокахъ, по одному на дробницѣ; Николая Мирликійскаго, Григорія Богослова, Іоанна Предтечи, Алексія, Человѣка Божія, Іоанна Златоустаго и Василія В. Поля и свѣтъ обнизаны по окладу крупнымъ жемчугомъ, первыя въ двѣ нити, а послѣдній въ одну. Богоматерній вѣнецъ и корона по городкамъ также обнизаны жемчугомъ такой же величины; городки убраны по верху дорогими довольно крупными камнями, въ числѣ коихъ пять блѣднорозовыхъ лаловъ, два изумруда и два голубыхъ яхонта на спняхъ съ закрѣпками изъ бурмицкихъ зеренъ; на коронѣ посрединѣ большой овальный лалъ, по сторонамъ два продолговатые средней величины лазоревые яхонта и по краямъ два очень большіе продолговатоострые изумруда, на вѣнцѣ такой же мѣры по срединѣ изумрудъ, по сторонамъ оного одинъ большой блѣднокрасный лалъ и одинъ поменѣе изумрудъ, четвероугольные, и у концовъ два лазоревые яхонта средней величины; на вѣнцѣ Спасителя одинъ средней величины розовый яхонтъ; всѣ эти камни въ золотыхъ гнѣздахъ, облитыхъ финифтью; на цатѣ три лазоревые яхонта разнаго вида, средней величины, въ золотыхъ гнѣздахъ, надъ среднимъ камнемъ въ видѣ запонки маленькой розовый яхонтъ, и между оными четыре зерна бурмицкихъ. На Богоматери убрусъ, и два ожерелья на ней и на Спасителѣ, низанныя крупнымъ жемчугомъ, насыпью, съ мелкими дорогими камнями въ золотыхъ гнѣздахъ, въ числѣ коихъ 11-ть изумрудовъ и 7 яхонтовъ. Доска мѣрою вышины $8^1/_4$ верш., ширины 7 верш.

б. Образъ Пресв. Богородицы Одигитріи очень древняго письма. [61] На семъ образѣ окладъ на поляхъ «серебряный», чеканный, вызолоченный, съ накладною ускою такою же, только гладкою, рамкою, а на свѣту золотой, рѣзной съ чернью; вѣнцы на Богоматери и цата «серебряныя» позолоченныя; [62] на Богоматернемъ вѣнцѣ три блѣднолазоревые яхонта средней величины и столько же зеренъ Кафимскихъ; убрусъ и ожерелье у Богоматери низанныя среднимъ жемчугомъ, первый насыпью, а послѣднее рѣшеточкою, и въ убрусѣ одинъ блѣднолазоревый средней величины яхонтъ; у Спасителя на вѣнцѣ два мелкихъ блѣднокрасныхъ яхонта и одно большое Кафимское зерно; на цатѣ три яхонта, изъ

коихъ одинъ небольшой лазоревый, а прочіе мелкіе красные, и два зернышка Кафимскихъ; ожерелье жемчужное. Рака вышиною $7^3/_4$ верш., шириною 6 верш.

в. Образъ Св. Алексія, Митрополита Московскаго, на толстой кипарисной дскѣ, мѣрою вышины $10^1/_2$ верш., ширины $7^3/_4$ верш. Образъ этотъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе любителей и знатоковъ церковныхъ древностей замѣчательнымъ характеромъ письма, который можно назвать строго Древне-Греческимъ. Происхожденіе сей иконы неизвѣстно. На ней св. Алексій изображенъ во весь ростъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, но не въ митрѣ, а въ бѣломъ клобукѣ съ Херувимомъ; руки у него распростерты, и персты правой руки сложены на благословеніе, а въ лѣвой держитъ на сударѣ закрытое евангеліе. Украшенія на семъ образѣ слѣдующія: окладъ на свѣту и поляхъ, вѣнецъ и цата на Святителѣ серебряные, гладкіе, позолоченные; вѣнецъ обнизанъ по верхнему и нижнему краямъ среднимъ жемчугомъ и въ срединѣ онаго три небольшіе камня: одинъ блѣднолазоревый граненый яхонтъ и два изумруда, въ серебряныхъ, позолоченныхъ съ финифтью гнѣздахъ; цата также обнизана съ обѣихъ сторонъ среднимъ жемчугомъ и въ срединѣ оной три небольшіе камня, изъ коихъ одинъ яхонтъ и два изумруда.

г. Небольшіе створы деревянные, трехскладные, мѣрою вышины 2 верш., ширины $4^1/_2$ верш., замѣчательные весьма искуснымъ мелкимъ древнимъ письмомъ на нихъ. На средней дскѣ оныхъ изображены въ верхней половинѣ Деисусъ, въ нижней Апостолы, Петръ и Павелъ, Святитель Николай Мирликійскій и мученикъ Никифоръ; на правой дскѣ вверху Архангелъ Михаилъ, внизу Пр. Варлаамъ Хутынскій; на лѣвой вверху Архангелъ Гавріилъ, а внизу Пр. Сергій Радонежскій. Изображенія покрыты какимъ-то блестящимъ составомъ, похожимъ на самую тонкую, прозрачную и гладкую слюду. Свѣтъ и поля обложены серебромъ позолоченнымъ сканной работы. Надъ среднею дскою серебряное возглавіе и на немъ рѣзный Нерукотворенный Образъ Спасителя. Древность сихъ створовъ очевидна съ перваго взгляда на оные; но когда и откуда они поступили въ монастырь, неизвѣстно.

д. Створы рѣзные изъ чернаго дерева (по старинному Кремлевые) о двѣ половинки, въ серебряной, позолоченной рамкѣ, обращаютъ на себя вниманіе любителей древности чрезвычайно

мелкою и довольно отчетливою рѣзьбою. На нихъ вырѣзано на правой дскѣ снаружи Распятіе Господне съ предстоящими, на внутренней сторонѣ, въ верхнемъ поясѣ, лики пяти Пророковъ, въ среднемъ, въ кругу, сѣдящій Спаситель и около его соборъ ангеловъ и праведниковъ, въ нижнемъ продолженіе того же изображенія; вверху и внизу онаго въ двухъ параллельныхъ строкахъ надпись: «Весь еси желаніе, весь сладость, Господи», и проч; на лѣвой дскѣ въ верхнемъ поясѣ вырѣзаны также пять Пророковъ, а въ среднемъ и нижнемъ двунадесятые праздники, съ надписями надъ всѣми изображеніями. Надъ послѣднею дскою возглавіе серебряное съ чеканнымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спасова образа. Задняя сторона лѣвой дски обложена серебромъ гладкимъ, позолоченнымъ. Древность сихъ створовъ не подлежитъ сомнѣнію; но отъ кого и когда оныя поступили въ монастырь — неизвѣстно.

11. Тамъ же находится очень древній образъ Божіей Матери, который въ 1601 г. былъ мѣстнымъ въ церкви Пр. Кирилла, на сѣверной стѣнѣ противъ его гроба. [63]. На немъ Богоматерь изображена сѣдящею на престолѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; въ возглавіи два летящіе Ангела, а по сторонамъ Богоматери Ростовскіе Чудотворцы: Леонтій, Исаія, Игнатій, Іаковъ, Аврамій, Исидоръ Твердисловъ (юродивый) и Петръ Царевичь. На всѣхъ сихъ угодникахъ вѣнцы серебряные, сканные, позолоченные, съ финифтью; на вѣнцѣ Божіей Матери 11-ть рѣпьевъ серебряныхъ, сканной же работы, прорѣзныя, разной величины; цаты у Богоматери и Спасителя такія же рѣзныя съ финифтью; на вѣнцѣ Спасителя три камешка, одинъ темновишневый и два лазоревые; окладъ серебряный, басменный, позолоченный. Всѣ сіи украшенія построены изъ серебра, пожалованнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ. [64] Дска мѣрою вышины 2 арш., ширины 1 арш., 13 верш. Прежде была при ономъ бархатная пелена со средникомъ изъ шелковой матеріи лазореваго и краснаго цвѣта съ золотомъ и на немъ крестомъ изъ золотнаго бархата; средникъ этотъ сдѣланъ изъ пожалованнаго тѣмъ же царемъ платья. [65].

Къ древностямъ сего рода еще принадлежатъ: одинъ изъ запрестольныхъ крестовъ и три хоругви.

а. Запрестольный крестъ этотъ данъ вкладомъ въ 1651 г. окольничимъ Олферьевымъ, [66] и находится въ церкви Пр. Ки-

рилла. Крестъ сей деревянный осмиконечный, со всѣхъ сторонъ обитый тонкимъ бѣлымъ серебромъ; на немъ съ передней стороны въ срединѣ небольшое накладное, вызолоченное, чеканное Распятіе Господне, и по деревамъ, продольному и тремъ поперечнымъ, съ обѣихъ сторонъ 93 изъ тонкаго серебра позолоченныя дробницы съ рѣзными изображеніями праздниковъ, страстей Господнихъ и ликовъ св. угодниковъ. Внизу надъ рукояткою на серебрѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Лѣта 7159 году сей Животворящій крестъ Господень в домъ Пречистые Богородицы и Великому Чюдотворцу Кирилу Бѣлоозерскому далъ Иванъ Васильевъ сынъ Олѳериевъ, а изъ дому Пречистой Богородицы и великаго Чюдотворца Кирила быти ему кресту неподвижну». Крестъ вышиною безъ рукоятки 2 арш., 3 верш., шириною по среднему перекрестію 1 арш., $7^1/_2$ вершка, дерево продольное и поперечныя шириною по 2 верш., толщиною $^3/_4$ верш.

б. Хоругвь, даръ въ 1565 г. Княгини Старицкой; Евфросиніи, [67] находящаяся въ Успенскомъ Соборѣ за правымъ клиросомъ. На передней сторонѣ оной вышитъ золотомъ, серебромъ и шелками «грудный образъ Спасителя» въ коронѣ, омофорѣ и саккосѣ, съ благословляющею десницею и евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; кругомъ его на каймѣ вышитъ золотомъ тропарь: «Пречистому ти образу покланяемся, Благій», и проч. На задней сторонѣ хоругви вышитъ тѣмъ же «Пр. Кириллъ», предстоящій на молитвѣ въ Симоновѣ монастырѣ предъ иконою Божіей Матери Одигитріи, и «Божія Матерь», указывающая ему предѣлы Бѣла-озера. Нѣтъ сомнѣнія, что хоругвь эта подвергалась передѣлкѣ, потому что на передней сторонѣ оной, во второй каймѣ около образа Спасителя (вокругъ онаго двѣ каймы), и на задней въ каймѣ около Пр. Кирилла (тутъ одна кайма), надписи, шитыя золотомъ, собраны изъ реченій, не относящихся къ изображеніямъ на хоругви и не имѣющихъ полнаго смысла. [68] Хоругвь вышины съ каймами 1 арш., $6^1/_2$ верш., ширины 1 арш., 6 верш. При ней шесть вѣтрилъ новыхъ изъ малиноваго штофу, обшитыхъ большою бахрамою съ кисточками.

в. Въ томъ же Соборѣ, у лѣваго клироса, хоругвь, вкладъ въ 1666 г. боярыни Княгини Евдокіи Ѳеодоровны, супруги Князя Никиты Ивановича Одоевскаго. [69] На ней съ передней стороны вышитъ золотомъ, серебромъ и шелками образъ Успенія Божіей

Матери. Прежде всѣ вѣнцы на св. ликахъ, числомъ 50-ть, были обнизаны жемчугомъ и на двухъ сторонахъ были окладники съ шитою золотомъ лѣтописью, чего теперь уже нѣтъ. Фонъ былъ изъ красной Евской камки, а теперь всѣ изображенія перенесены на бѣлой атласъ. На другой сторонѣ хоругви образъ «св. Троицы», вышитый также, какъ и предъидущій, но не одною и тою же рукою; древность онаго очевидна; замѣтно только, что шелковое вышиванье поновлено синелью, и что все изображеніе перенесено, вѣроятно, по ветхости, со стараго фона на новый изъ бѣлаго атласу. Около сего образа широкая кайма съ шитыми золотомъ словами, прежде находившаяся, какъ показываетъ содержаніе оныхъ, на гробовомъ покровѣ Князя Воротынскаго. [70] Величина сей хоругви и при ней вѣтрилъ одинаковы съ предыдущею.

г. Хоругвь, находящаяся въ церкви Введенія Божіей Матери, сдѣланная изъ плащаницы, пожалованной Княгинею Старицкою, Евфросиніею. [71] На ней съ передней стороны вышито, какъ и на предыдущихъ хоругвяхъ, апокалипсическое видѣніе — образъ Сына Человѣческаго, ходящаго среди седьми свѣтильниковъ и держащаго въ десной рукѣ семь звѣздъ и проч., и по сторонамъ Его два изображенія Іоанна Богослова, по правую—стоящаго съ воздѣтыми руками и обращеннымъ лицемъ къ Нему, съ лѣвой—припадшаго къ ногамъ Его; около изображенія кайма, въ ушахъ которой вышиты золотомъ съ шелкомъ четыре шестокрылатыхъ символическихъ херувима, а въ срединѣ слѣдующія слова: «Видѣние Іоан видѣ Іисуса посреде семи свѣтилник.... оболчен в пот(д)ир препоясан поясом при серцу златым на главе.... (вла)си бѣлы яко ярина і оче ему яко пламен огнен нози его подобны мѣди Ливановы держа в руце....» Все изображеніе вышито по голубой травчатой камкѣ. На другой сторонѣ хоругви шитый тѣмъ же по красной, на подобіе трипу, матеріи образъ «Знаменія Пресв. Богородицы»; кругомъ онаго слова, вышитыя золотомъ: «Честнѣйши Херувимъ і славнѣйши воистинну Сѣраѳимъ безоистлѣния Бога Слово рожде»; въ углахъ шестокрылатые Херувимы, а за ними четвероугольная кайма со словами: «О Тебе радуется обрадованная, всякая тварь», и проч. Древность этого образа очевидна; но чей онъ — неизвѣстно. Мѣра хоругви въ вышину 14 верш., ширину 13½ верш. При ней шесть вѣтрилъ новыхъ изъ малиноваго и лиловаго штофа.

III. ЦАРСКІЯ ВРАТА.

1 Въ Успенскомъ Соборѣ Царскія Врата, сооруженныя въ 1645 г., даръ Царя Михаила Θеодоровича. [72] Врата сіи всѣ въ серебряномъ, вызолоченномъ, чеканномъ окладѣ, а по полямъ вокругъ образовъ обложены по гладкому бѣлому серебряному листу серебрнымъ, позолоченнымъ филограномъ и шестнадцатью накладными, серебряными, прорѣзными, вызолоченными рѣпьями. На сихъ вратахъ иконы Благовѣщенія Божіей Матери и четырехъ Евангелистовъ безъ ризъ писаны по золоту; вѣнцы на св. ликахъ, числомъ одиннадцать, двойные, внизу изъ гладкаго позоченнаго серебра, а вверху филогранные, и при оныхъ семь серебряныхъ вызолоченныхъ дщицъ, съ черневыми подписями. Полотна снизу наставлены и наставки обложены чеканною мѣдью и вызолочены по гунфарбѣ. Врата сіи, исключая наставокъ, длиною 2 арш., 8 верш., шириною обѣ доски 1 арш., 9 верш.

По сторонамъ вратъ два деревянные столпца, четвероугольные, съ головками; на каждомъ изъ нихъ написано, съ двухъ сторонъ, въ четыре ряда, по восьми изображеній, именно: на правомъ столпцѣ изображены, на головкѣ, Вседержитель и летящій Серафимъ, и на самомъ столпцѣ: архидіяконъ Стефанъ и Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и архидіяконъ Лаврентій, Аθанасій Александрійскій и діяконъ Авива; на столпцѣ съ лѣвой стороны, на головкѣ, Богоматерь и Серафимъ, и на самомъ столпцѣ: діяконъ Филиппъ и Григорій Богословъ, Николай Чудотворецъ и діяконъ Евплъ, Кириллъ Александрійскій и діяконъ Ермолай. На сихъ столпцахъ окладъ на поляхъ серебряный, чеканный, вызолоченный, а на свѣту рѣзной съ чернью, кромѣ образовъ Вседержителя, Богоматери и Серафимовъ, на которыхъ окладъ чеканный безъ черни, и вѣнцы на нихъ такіе же, вмѣстѣ съ окладомъ, кованные; на прочихъ же св. ликахъ вѣнцы серебряные, чеканные, вызолоченные, накладные, числомъ двѣнадцать. У обоихъ столпцовъ тумбы обложены мѣдными, позолоченными листами. Столпцы сіи вышиною по 2 арш., 3 верш., шириною по 3 верш.

Надъ створами вратъ утверждена широкая доска, внизу съ полуциркульною выемкою; по срединѣ доски образъ Св. Троицы, и по сторонамъ онаго, съ правой стороны: Тайной Вечери, съ надписью: «Пріимите, ядите; сіе есть тѣло мое»! съ лѣвой: Тайной же Вечери, съ надписью: «Пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя»! и

внизу по угламъ доски двухъ Ангеловъ. На сей дскѣ окладъ по полямъ серебрянный, чеканный, вызолоченный, и на немъ шесть большихъ и пять поменьше серебряныхъ, чеканныхъ, вызолоченныхъ накладныхъ рѣпьевъ. На томъ же окладѣ вычеканена крупными буквами вязью слѣдующая подпись: «Божіею милостію, повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Россіи Самодержца и Его Благовѣрной Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукьяновны и благовѣрныхъ чадъ сдѣланы сіи двери царскіе въ Кириловъ монастырь Успенія Пресвятые Богородицы. Лѣта 7153, отъ Рождества Христова 1645 года». На той же дскѣ, въ срединѣ, около образовъ окладъ филогранной работы, а на св. ликахъ вѣнцы серебряные, чеканные, вызолоченные, числомъ девятнадцать; на образѣ Св. Троицы, около древа, на свѣту, окладъ серебряный съ черныо, рѣзный, вызолоченный. Дска длиною 1 арш., 4 верш., шириною въ концахъ 2 арш. не сполна, сзади подложена зеленымъ бархатомъ.

Надъ нею возвышается сѣнь, состоящая изъ выпукло-выгнутой доски; на ней окладъ по полямъ серебряный, чеканный, вызолоченный, и на немъ восемь такихъ же накладныхъ рѣпьевъ, а на срединѣ окладъ филогранной работы. Къ этой сѣни прикрѣплены на особыхъ дскахъ три образа: по срединѣ—Распятія Господня съ предстоящими, и по сторонамъ онаго, съ правой стороны. Поднятія Господа на крестъ, съ лѣвой, Снятія Его съ креста; окладъ на оныхъ образахъ по полямъ и на свѣту серебряный, гладкій съ чернью, вызолоченный; на ликахъ вѣнцы серебряные, чеканные, вызолоченные, числомъ четырнадцать. Сѣнь длиною 14 верш., шириною 2 арш., 12 верш.

2. Царскія Врата во храмѣ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго, также даръ Царя Михаила Өедоровича, сооруженныя и присланныя въ монастырь вмѣстѣ съ вышеозначенными. [75] Врата сіи во всемъ подобны послѣднимъ, только поменѣе оныхъ, и имѣютъ слѣдующую чеканную надпись: «Божіею милостію, повелѣніемъ Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Россіи Самодержца и его Благовѣрной Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукіяновны и Благородныхъ чадъ здѣланы сіи Царскіе двери на Бѣлоезеро въ монастырь Преподобному Отцу Кириллу чудотворцу лѣта 7153.» Прежде врата сіи были со столпцами такими же, какъ и въ Успенскомъ соборѣ, [74] а нынѣ столпцевъ при нихъ нѣтъ, и полотна наставлены въ ширину гладкимъ деревомъ съ накладными полуколоннами, вызолоченнымъ по полименту.

IV. НАПРЕСТОЛЬНЫЯ ЕВАНГЕЛІЯ.

1. **Евангеліе**, въ малый листъ, апракосъ, [75] **писанное на** пергаменѣ **ученикомъ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго**, вторымъ послѣ него игуменомъ, **Христофоромъ**, [76] въ 1415 и 1416 годахъ. На первомъ бѣломъ листѣ онаго, въ концѣ первой страницы, написаны, стариннымъ скорописнымъ почеркомъ, слова: **ученика ево Христоѳора**, а на оборотѣ страницы втораго бѣлаго же листа содержится слѣдующее предисловіе, писанное столпцемъ, уставнымъ почеркомъ, одною съ текстомъ **Евангелія** рукою: **Гн҃ Іс҃ Хс҃ Сн҃е Єдинородный Безначальнаго ти ѿца** (эти слова написаны золотомъ) **рекыи пречистыими ти усты. Ако без мене не можете творити ничтоже. Гн҃и мои, Гн҃, вѣрою объемъ въ души мои и сердци тобою реченная. Припадаю твоеи благости. Помози ми грѣшному. Сие желанное мною начену ѿ тебѣ самомъ и наверъшити**; и потомъ, отступя нѣсколько книзу, приписано во всю страницу мелкими буквами, но одною и тою же рукою: **Ѿ Хв҃ начало рачительства, сему книги. В лѣ҃ ,ѕџкд февруарія кд в пне сырныи**. Съ третьяго листа начинается самый текстъ **Евангелія**, и вся книга состоитъ изъ 24-хъ тетрадей, каждая въ 8-мъ листовъ; счета листовъ не ведено, а обозначено только число тетрадей, внизу на первой страницѣ каждой тетради. Текстъ съ надписями дней и проч. во всей книгѣ писанъ въ два столбца, уставомъ; заглавныя буквы каждаго чтенія, а въ первой тетради и надписи дней, писаны золотомъ; послѣднія со второй тетради вездѣ киноварныя, съ золотыми только первыми буквами; въ надписяхъ, кромѣ означенія дня недѣли, содержится въ воскресные дни указаніе гласа Октоиха и утренняго **Евангелія**, и на литургіи аллилуіа съ двумя стихами, и Евангелиста, изъ котораго назначено чтеніе, а въ простые дни только дня и числа недѣли и также **имени** Евангелиста; зачала Евангелистовъ отличены разными фигурами, рисованными по золоту голубцемъ. Текстъ Евангелія расположенъ по порядку дневныхъ чтеній (апракосъ), безъ означенія главъ и стиховъ; чтенія начинаются съ недѣли Пасхи; за недѣлею Сыропустною слѣдуютъ чтенія Великой Четыредесятницы, потомъ 12 Евангелій воскресныхъ утреннихъ, далѣе «Соборникъ ві-мъ мѣсяцомъ, извѣствуя вся годины святымъ коемуждо Евангеліе»; на конецъ «службы различны многимъ святымъ общія», оканчиваю-

щіяся службою о умершихъ. На послѣднемъ писанномъ листѣ находится слѣдующее прибавленіе трудившагося въ списываніи: **Краи достигохъ. о Отци и Сынѣ и Духѣ Сватѣмъ възмогаемъ. Сватаго Евангеліа Божественную книгу сію. грубыми и неудобренными алфавиты. В лѣто ҂з.ц.ке Іуниа кі. на памать Преподобнаго отца Онуфриа.** Замѣчательныхъ словоразличій въ текстѣ Евангелія не замѣтно. Встрѣчаются **се** вмѣсто сей и сіе, **нардо** вм. **нѣдро** или **лоно**; въ сложныхъ словахъ съ предлогами вездѣ употребляется **ъ** вм. о, на прим.: **съсъпрошающимися**, тоже въ односложныхъ словахъ, на прим. **тъи** вм. той, а послѣ **к** иногда **ы** вм. **и**, на прим.: **кынхъ рукы**, но невездѣ, на прим.: **илии**; въ глаголахъ въ третьемъ лицѣ на концѣ **ь** вм. ъ, на прим.: **внидеть, изыдеть, обрящеть, идоуть. бѣжать**; еще **берние** вм. бреніе, **Моиси** вм. Моисей, **Моисиомъ** вм. Моисеемъ и т. п. Евангеліе сіе оклеено по доскамъ снаружи малиновымъ бархатомъ, а внутри тафтою двоеличною. На верхней дскѣ на бархатѣ окладъ серебрянный, изъ четырехъ накладныхъ позолоченныхъ досочекъ, убранныхъ сверху филограномъ; въ срединѣ, между ними, на бѣломъ гладкомъ серебрянномъ листкѣ литое, вызолоченное Распятіе съ предстоящимими; по угламъ такіе же четыре Евангелиста, въ литыхъ рамкахъ въ видѣ теремковъ; надъ Распятіемъ въ серебрянномъ кружкѣ образъ св. Троицы, ниже онаго въ такомъ же кружкѣ съ финифтью образъ Знаменія Божіей Матери, а по сторонамъ, на такихъ же дщицахъ, образа, на правой рукѣ: Пр. Кирилла, на лѣвой: Пр. Сергія; по краямъ деревянной дски съ трехъ сторонъ накладная, серебряная рамка; вверху надъ образомъ Св. Троицы, въ углубленіи между этою рамкою и филограню, начинается чеканная надпись, которая потомъ переходитъ подъ образъ Знаменія Божіей Матери и оттуда на ребро самой рамки; въ надписи изображено: «Божіею милостію украшено бысть сіе благовѣстіе Христово повелѣніемъ Государя Великаго Князя Василія Васильевича вся Русіи, при его сынѣ при Великомъ Князѣ Иванѣ Васальевичѣ всея Русіи, при Преосвященномъ Іонѣ,[77] Митрополитѣ Кіевскомъ всея Русіи, во обители пречистыя Владычице Богородицы и Честнаго ея Успенія въ Кириловъ монастырь въ лѣто ҂sца, и поновлено бысть сіе Евангеліе Государемъ Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Русіи, при его Великой Княгинѣ Еленѣ и при сынѣ Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи, и Преосвященномъ Митрополитѣ Даніилѣ, лѣта ҂змв». На задней дскѣ находятся по срединѣ небольшой серебрянный, чеканный, позо-

лоченный рѣпеекъ, а по угламъ такіе же наугольнички, прорѣзные, Застежки такія же литыя на ремешкахъ, обтянутыхъ рытымъ малиновымъ бархатомъ. Мѣрою сіе Евангеліе въ длину $6^3/_4$ верш., ширину 5 верш., толщину съ крышками $2^1/_4$ верш. невступно.

2. Евангеліе, въ большой листъ, на Александрійской бумагѣ, печатанное въ Москвѣ въ 1689 г. На верхней деревянной дскѣ онаго окладъ серебряный, чеканный, позолоченный, съ разными цвѣтами; вокругъ оклада такая же круглая рамка, на которой, по срединѣ и угламъ, восемь Херувимовъ и восемь рѣпейковъ литыхъ; на той же дскѣ девять серебряныхъ, чеканныхъ, позолоченныхъ клеймъ, на коихъ изображены: въ срединѣ Преображеніе Господне, по сторонамъ Воскресеніе Христово и Несеніе креста Іисусомъ Христомъ, вверху Отечество и внизу Распятіе Господне, а въ углахъ четыре Евангелиста. Нижняя деревянная дска обхожена рудожелтою, теперь полинялою, парчею съ золотыми травами; на ней четыре наугольника серебряные, прорѣзные, бѣлые съ яблоками и по срединѣ накладка серебряная такая же, со слѣдующею рѣзною надписью: «Семь тысячь двѣсти седьмаго надесять году, отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ девятаго году, мѣсяца Аннуаріа въ двадесятый день, построілъ сие святое Евангеліе въ домъ Успенія Пресвятыя Богородицы і Чюдотворца Кирилла Бѣлоезерскаго Архимандритъ Іринархъ, а серебра пошло (тутъ порожнее мѣсто), а за дѣло за фунтъ і за позолоту дано мастеру по пятнадцати рублевъ». Застежки у Евангелія серебряныя, литыя, позолоченныя, съ изображеніемъ Апостоловъ Петра и Павла. Евангеліе по верхней дскѣ длиною $15^1/_2$ верш., шириною $10^1/_2$ верш., толщиною съ обѣими досками $2^1/_2$ верш. Вѣсу въ немъ 1 п. $15^1/_2$ фунт.

V. КРЕСТЫ НАПРЕСТОЛЬНЫЕ.

Напрестольныхъ крестовъ нынѣ въ монастырѣ находится 12; но всѣ они, кромѣ двухъ, сооружены въ XVIII и въ настоящемъ стол.; вкладныхъ этого времени три, пожертвованы Архимандритомъ здѣшняго монастыря, Иринархомъ, въ 1718, 1721 и 1761 г. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ крестахъ XVII ст.

а. Крестъ серебряный, позолоченный, данный вкладомъ въ 1660 г. на Кирилловское подворье, въ Москвѣ, Іеромонахомъ Никономъ Яковлевымъ. На верхней сторонѣ сего креста изображены чеканомъ: Распятіе Господне, на концахъ перекрестья Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ, вверху надъ Распятіемъ два Ангела и Херувимъ, внизу Св. Николай; задняя сторона также чеканная, но безъ св. ликовъ; на рукояткѣ слѣдующая рѣзная надпись: «168 году си честныи крестъ далъ вкладъ Кирилова монастыря черной попъ Никонъ Яковлевъ на Москвѣ на Кирилловское подворие в Өѳанасевъ монастырь». Вѣсу въ крестѣ (съ деревомъ внутри онаго) 1 ф., 9 золот.

б. Крестъ кипарисный, прорѣзный, искусной работы, въ серебряной, позолоченной сканной оправѣ. Когда и кѣмъ устроенъ сей крестъ—неизвѣстно, а оправа на оный сдѣлана въ 1678 г. княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ. [78]. На немъ рѣзьба съ лицевой стороны раздѣлена на восемь отдѣловъ, которые по краямъ сверху покрыты серебряною, рѣзною, позолоченною рамкою; въ сихъ отдѣленіяхъ вырѣзаны въ просвѣтъ: въ срединѣ креста Распятіе Господне съ четырмя предстоящими ликами, въ концахъ большаго перекрестья лобзаніе Іудино и судъ Пилатовъ, вверху на продольномъ деревѣ Воскресеніе и Сошествіе Христово во адъ, подъ Распятіемъ орудія страданія Христова, въ нижнемъ перекрестьѣ заушеніе Іисуса Христа воинами и положеніе Ризы Господней; надъ рукояткою Сошествіе Ангела въ купель Силоамскую; на задней сторонѣ, въ 14-ти отдѣлахъ, покрытыхъ, какъ и спереди, серебряною, рѣзною съ золотомъ, рамкою, Двунадесятые праздники и между оными Положеніе Іисуса Христа во гробъ, а на самомъ верху продольнаго дерева Херувимъ съ мечемъ. Надъ всѣми изображеніями сдѣланы рѣзныя же приличныя надписи. Въ срединѣ креста, между лицевою и заднею половинами онаго, вставленъ слюдяной листокъ. Оправа съ боковъ креста и вокругъ рукоятія покрыта разноцвѣтною финифтью въ видѣ бусъ, кувшинчиковъ и цвѣточковъ. Хранится въ футлярѣ, оклеенномъ трипомъ съ серебряными накладками, построенномъ тѣмъ же княземъ Воротынскимъ. [79]

17. СВ. СОСУДЫ И ДРУГАЯ ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ.

а. Сосуды.

1. **Потиръ, дискосъ** безъ подноса и **лжица** золотые, вкладъ Царя Ивана Васильевича въ 1567 г. [80]

а. **Потиръ** золотой, гладкій; на чашѣ съ передней стороны рѣзное изображеніе въ кругахъ Спасителя и по сторонамъ Божіей Матери и Іоанна Предтечи, и сзади осмиконечнаго креста съ принадлежностями; вокругъ потира вверху рѣзная надпись въ двѣ черты: «Піите отъ нея вси, се есть кровь моя Новаго Завѣта, еже за вы изливаема во оставленіе грѣховъ»! поддонъ плоскій; внизу подъ онымъ ободочикъ, на которомъ чеканныя полоски съ рѣзными мелкими шашечками; рукоятіе, вмѣстѣ съ поддономъ, кованное, внутри пустое, соединяется съ чашею серебряною трубочкою, которая отъ чаши пропущена внутрь рукоятія и склепана съ онымъ золотыми гвоздиками; посрединѣ рукоятія накладное золотое яблоко, на которомъ вырѣзано нѣсколько полосокъ съ шашечками и вверху и внизу по валику съ рубчиками. Весь потиръ величиною $5^1/_2$ верш., чаша имѣетъ ширины $3^1/_4$ верш., глубиню поболѣе $1^3/_4$ верш., вѣсу въ немъ 3 фун., $11^1/_4$ золот.

б. **Дискосъ** золотой, по краямъ довольно толстый, а по срединѣ весьма тонкій и отъ того измявшійся и насквозь прорѣзанный въ трехъ мѣстахъ; на немъ по срединѣ изображены рѣзьбою, въ кругу лежащій на блюдѣ Іисусъ Младенецъ и надъ нимъ раскрытая звѣзда и два Серафима, и внѣ круга, вверху надъ онымъ, третій Серафимъ, держащій кадильницу, опущенную къ тѣлу Христову; внизу четвертый Серафимъ, поддерживающій тотъ кругъ; по сторонамъ за кругомъ два Ангела съ рипидами; на краяхъ дискоса въ кругу осмиконечный крестъ и кругомъ подпись: «Пріимѣте, ядите, се есть тѣло мое!» и проч. Дискосъ шириною $5^1/_4$ верш., вѣсу въ немъ 1 ф., $38^7/_8$ золот. Поддонъ у дискоса серебряный, позолоченный, чеканный, прорѣзной, прикрѣпленный къ блюдцу винтами; придѣланъ къ оному въ 1689 г., на монастырскій коштъ; [81] вокругъ онаго изображены чеканомъ прорѣзные символы четырехъ Евангелистовъ съ крыльями, вѣнцами и при персяхъ книгами.

в. **Лжица** золотая, кованная, гладкая, у коей на верхнемъ концѣ рукоятія многогранная шишечка, а на нижнемъ, поперекъ

онаго, три выпуклыя полоски; длина лжицы нѣсколько болѣе 4-хъ верш., вѣсу въ оной $15^1/_8$ зол.

2. Потиръ золотой, пожертвованный Полоцкимъ Архіепископомъ, Аѳанасіемъ, около 1568 г.[82] На чашѣ съ наружной стороны изображены чернью четыре круга, обведенные разводами, съ головками разныхъ животныхъ, и въ оныхъ четыре поясныя изображенія Спасителя съ благословящею десницею и раскрытымъ Евангеліемъ на словахъ: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіися»; Божіей матери, съ простертыми къ Спасителю руками, и Іоанна Предтечи, у котораго правая рука поднята для изображенія крестнаго знаменія, съ яснымъ «триперстнымъ сложеніемъ», и Распятія Господня съ предстоящими и градомъ Іерусалимомъ; по краю чаши между кругами написаны чернью же слова: «Пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя» и проч., на заднемъ краю сей чаши сквозная трещина вглубь оной, на четверть вершка; чаша шириною по верху $3^3/_4$ верш., $2^1/_2$ верш., вѣс. въ оной 1 ф. 68-мъ зол. Поддонъ и рукоятіе серебряные, придѣланы къ чашѣ въ 1629 г.[83] На поддонѣ, на шести чеканныхъ выпуклостяхъ, рѣзныя изображенія: Тайной вечери, Моленія Спасителя о чашѣ, Несенія Имъ Креста, Снятія Его со Креста, Положенія во гробъ и Воскресенія; на рукоятіи по срединѣ яблоко, къ низу продолговатое, съ чеканными на немъ тремя цвѣточками. Поддонъ шириною 4 верш. невступно; вышина всего потира поболѣе 6 вершковъ.

3. Нельзя еще умолчать о Потирѣ и Дискосѣ серебряныхъ, которые хотя не принадлежатъ къ древностямъ, но замѣчательны какъ царскій даръ: говоримъ о св. сосудахъ, пожалованныхъ въ 1732 г. Императрицею Анною Ивановною.[84]

а. Потиръ: чаша на немъ гладкая, позолоченная съ обѣихъ сторонъ, покрыта накладнымъ серебрянымъ, бѣлымъ филиграномъ: на ней четыре овальныя, выпуклыя, серебряныя, позолоченныя клейма, съ вырѣзанными на нихъ въ глубь мелкою рѣзьбою, во весь ростъ, изображеніями Спасителя, сѣдящаго на Престолѣ, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Распятія Господня; выше филограна, по краю чаши, вычеканены слова: «Пійте отъ нея вси, сія есть», и проч.; ширина оной поверху $3^1/_4$ вершк., глубина $2^3/_4$ верш. Поддонъ покрытъ такимъ же филограномъ, съ шестью наономъ небольшими, продолговатыми, позолоченными клеймами, на которыхъ вырѣзаны Страсти Господни; нижній край у филограна городками, между которыми прикрѣплены къ поддону

листиками шесть литыхъ небольшихъ бѣлыхъ Херувимовъ, и пониже оныхъ, на вогнутомъ краю поддона, столько же и такихъ же Херувимовъ, поболѣе первыхъ; выше поддона на рукоятіи накладные, бѣлые, чеканные листки, вершинками обращенные книзу, а сверху прикрытые колечкомъ съ рубчиками; по срединѣ рукоятія продолговатое яблочко съ 8-ью выгнутыми наружу ложками, изъ коихъ четыре гладкихъ, и столько же рѣзныхъ. Вышина всего сосуда 7 верш., вѣсу 2 ф., $8^1/_4$ золот.

б. Дискосъ, съ лица вызолоченный, въ срединѣ онаго вырѣзаны вглубь вверху въ сіяніи слово: Богъ, подъ нимъ изображеніе Св. Духа, въ центрѣ же на жертвенникѣ Іисусъ Младенецъ въ сіяніи, по сторонамъ два стоящіе Ангела, подъ жертвенникомъ съ боковъ у подножія два поясные Ангела и облака, выше жертвенника по сторонамъ два Ангела грудные и десять Херувимовъ на облакахъ, и вокругъ всего травчатый неширокій поясокъ; на краяхъ дискоса высѣчены въ трехъ рѣзныхъ рамкахъ слова: «Се Агнецъ Божій, вземляй грехи всего мира;» поддонъ подъ онымъ высокій, гладкій, позолоченный; на немъ внизу шесть литыхъ, накладныхъ бѣлыхъ Херувимовъ, повыше ихъ рѣзной, выпуклый ободокъ въ видѣ бобовинокъ, а надъ онымъ шейка, прикрѣпленная къ блюду винтомъ, на которой вычеканены лики: св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и Николая Мирликійскаго, во весь ростъ. Поддонъ мѣрою въ вышину $3^1/_2$ верш., блюдце шириною 6-ть верш. невступно; вѣсомъ весь дискосъ 1 ф., $65^1/_2$ зол.

4. Ковшичекъ для теплоты, серебряный круглый, вкладъ, въ 1680 г., жены Стольника Ивана Васильевича Олферьева, Вассы Андреевой. [85] Внутри сего ковшичка на днѣ накладной кружекъ серебряный, позолоченный, и на немъ чеканный одноглавый орелъ съ короною на головѣ, а по краю кругомъ чеканная надпись съ финифтью между буквъ: «Аще + и красная + мира + сего + и та + суть + печальна + ;» на наружной сторонѣ, по верхнему краю, другая такая же надпись: «Истинная любовь уподобися сосуду злату, на него же николи разбитие не бываетъ, аще неразумиемъ и погнется, разумомъ исправится;» подъ оною, въ трехъ неравнолинейныхъ полукругахъ, на черневомъ полѣ, три рѣзныя птицы, изъ коихъ одна съ лицемъ человѣческимъ; надпись и птицы позолочены; рукоятка чеканная, прорѣзная, нѣсколько обло-

манная; поддонъ, въ видѣ ободочка, серебряный, бѣлый, гладкій; вѣсу въ ковшичкѣ 38-мь зол.

5. Ковшичекъ для теплоты серебряный, круглый, вкладъ Дьяка Патріарха Филарета, Никифора Ивановича Шипулина. [86] Внутри ковшичка серебряный, позолоченный, выпуклый кружекъ и на немъ чеканный, одноглавный орелъ въ коронѣ, и по сторонамъ онаго, подъ распростертыми крыльями, небольшія фигуры стоящихъ льва и леопарда; снаружи по краю чеканная надпись: «Чарка Никиѳора Иванова сына Шипулина;» подъ надписью въ такихъ же полукругахъ, на черневомъ полѣ такія же птицы, какъ и на предъидущемъ ковшичкѣ (№ 4), съ рѣзными надписями: надъ одной: Гамаюнъ, надъ другою, съ лицемъ человѣческимъ, Мялькаѳеть, и надъ третьей: Неясыть; поддонъ у ковшичка небольшой, съ лица чеканный; надпись, птицы и поддонъ по чекану позолоченные; рукоятка серебряная, приклепанная къ ковшичку гвоздиками, сверху рѣзная; вѣсу въ ономъ 47-мь зол.

6. Дарохранительница и Дароносицы.

1. Ковчегъ для храненія св. Даровъ, устроенный на подобіе четверо-равноконечнаго креста, серебряный, позолоченный, данный вкладомъ, въ 1678 г., слугою Князя Ивана Воротынскаго, Никитою Недликовымъ. [87] У сего ковчега съ передней стороны накладная дска чеканная; на ней чеканомъ изображены: по срединѣ Распятіе Господне съ четырьмя предстоящими, сверху два Ангела, при подножіи Голгоѳа и глава Адамова; прочія три стороны ковчега обложены по гладкому позолоченному листу крупнымъ филиграномъ, по мѣстамъ позолоченнымъ; подножіе онаго, которое сдѣлано нѣсколько шире прочихъ концовъ креста и на всѣ четыре стороны съ откосами, обложено тѣмъ же; внутри ковчега пять выдвижныхъ ящиковъ серебряныхъ съ передней стороны позолоченныхъ, съ серебряными задвижками, гладкими крышечками; на ящикахъ съ передней стороны рѣзныя изображенія, на трехъ по одному Серафима, на четвертомъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а на пятомъ Креста, и по одному серебряному, позолоченному, съ пробойчикомъ, колечку; на исподней дскѣ вырѣзана слѣдующая подпись: «Лѣта 7186, Апрѣля въ третій день, далъ вкладомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и Чудотворца Кирилла Бѣлозерскаго сій крестъ Таинъ хранительный серебряный, чеканный сквозный, вызлащенъ, Болярина Князь Іоанна Алексѣевича Воротынскаго, человѣкъ его Никита Осиповъ сынъ Нед-

ликовъ.» Крестъ вышины $6^1/_2$ верш., ширины по перекрестью и верш.; толщины 2 верш., вѣсу въ ономъ 5 фунтовъ.

2. Дароносица, въ видѣ равно-четвероконечнаго креста, серебряная, снаружи кругомъ позолоченная, вкладъ того же слуги, Недликова. [88] Передняя дска у оной на серебряномъ шолнерѣ, чеканная, позолоченная, съ изображеніемъ Распятія Господня и надъ онымъ двухъ Ангеловъ; на верхнемъ концѣ оной серебряное, съ обѣихъ сторонъ позолоченное, возглавіе на шолнерѣ, съ лица чеканное, съ рѣзнымъ изображеніемъ Господа Саваоѳа; съ задней стороны креста вырѣзана въ двѣ черты слѣдующая надпись: «Лѣта 7186, Апрѣля въ третій день положил в домъ Успения Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлозерскаго Чюдотворца дароносицу серебряную Боярина Князя Івана Алексѣевича Воротынскаго, человѣкъ ево Никита Недликоповъ». На бокахъ креста рѣзные разводы; внутри онаго два серебряные, бѣлые ящичка съ такими крышками, изъ коихъ одинъ перегороженъ на двое и на крышкѣ онаго вырѣзаны слова: «Миръ и масло», и въ ящичкахъ маленькій потирецъ со лжицею. Дароносица сія помѣщается въ серебряномъ съ лица позолоченномъ кивотѣ, съ глухими такими же створными дверцами; на дверцахъ съ лицевой стороны изображены рѣзьбою въ четырехъ отдѣленіяхъ: Похвала Богородицы, Вознесеніе Господне и Преподобные: Сергій Радонежскій, Никонъ, Ѳеодоръ Освященный, Алексій Человѣкъ Божій, Онуфрій и Василій Юродивые, и съ внутренней стороны, въ такихъ же отдѣленіяхъ: Рождество Христово, Рождество Пресв. Богородицы, Воскресеніе Христово и Успеніе Пр. Богородицы; во фронтончикѣ надъ дверцами вырѣзано изображеніе Господа Саваоѳа съ двумя Ангелами; на бокахъ кругомъ рѣзные разводы. Мѣрою крестъ вышины 4-ре верш. невступно, ширины $2^3/_4$ верш., глубины $^3/_4$ верш. Ковчегъ вышины по срединѣ 5 верш., ширины $3^1/_2$ верш., глубины $1^1/_4$ верш. Вѣсу въ дароносицѣ съ приборомъ $84^1/_2$ золот., въ ковчегѣ 2 ф., $28^1/_2$ зол., всего 3 ф. 17 золот.

в. Кадила и Ладоница.

1. Кадило серебряное, позолоченное, вкладъ того же слуги Недликова, [89] замѣчательное своею величиною и фигурою. У сего кадила, подъ жерломъ или чашею, поддонъ шестигранный, грани

гладкія, бѣлыя, внизу съ рѣзными позолоченными цвѣтками, исподніе края граней съ выкружками, позолоченные; надъ поддономъ вверху яблоко гладкое, позолоченное и надъ онымъ шайка не золоченная; на шейкѣ жерло или чаша шестисторонняя, съ выпуклымъ дномъ, по угламъ чаши чеканные разводы, а вверху чеканные Херувимы; на бокахъ, въ срединѣ, на гладкихъ бѣлыхъ поляхъ, въ чеканныхъ, позолоченныхъ, рамкахъ, въ видѣ вратъ, такія же изображенія Архидіаконовъ: Стефана, Филиппа, Евпла и Лаврентія, и діаконовъ: Прохора и Никанора; на краяхъ чаши вверху и внизу кругомъ карнизы горощатые, гладкіе, позолоченные; верхняя чаша, или крышка, бѣлая, снизу шестисторонная же, а кверху круглая, съ чеканными, выпуклыми, въ три ряда, теремками; внизу на стѣнкахъ чеканныя изображенія Херувимовъ, а по сторонамъ ихъ и на всѣхъ городкахъ рѣзныя позолоченныя травы; выше теремковъ гладкое, позолоченное поле; на немъ пять главъ съ шеями и крестами, всѣ вызолоченныя; на шеяхъ четырехъ меньшихъ главъ по три рѣзныхъ глухихъ рѣшеточки на подобіе окончинъ, а на шеѣ большой главы четыре прорѣзныя окна и два карниза, нижній позолоченный, а верхній бѣлый; при немъ семь цѣпей проволочныхъ, серебряныхъ, незолоченныхъ, съ такими же: кружкомъ на верху оныхъ и двумя кольцами. Подъ нижнею чашею съ испода на выпукломъ, гладкомъ бѣломъ полѣ кругомъ вырѣзана и позолочена слѣдующая надпись: «Лѣта 7187 Февраля въ 28 день сіе кадило приложил в дом Успенія Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго Кирила Чудотворца Боярина Князя Івана Алексѣевича Воротынскаго, человѣкъ ево Никита Осиповъ сынъ Недековъ». Кадило сіе съ цѣпями вѣсомъ 5 ф., 6-тъ золотниковъ.

2. Кадило серебряное, позолоченное, вкладъ Князя Андрея Львова, данный въ 1666 г. въ Срѣтенскій монастырь. [90] У сего кадила верхняя чаша, или крышка, прорѣзная, позолоченная, съ чеканными травами; на исподнихъ краяхъ оной кругомъ обручь литой, прорѣзной, съ городками и изображеніями шести Херувимовъ, надъ нею шея высокая, пирамидальная, шестигранная; снизу до половины оной шесть литыхъ горизонтально стоящихъ теремковъ, и въ нихъ въ каждомъ по три узкихъ и длинныхъ сквозныхъ окна, а наверху, по горощатому шпилю, между теремками отъ каждой грани выдаются на наружу по два прутика, съ горощатыми головками, связанные поперечными кривыми поло-

сками; выше теремковъ къ главѣ по гранямъ шеи рѣзные гребешки; наверху шеи кругомъ вѣнецъ рѣзной, въ обѣ стороны съ городками, и глава гладкая съ крестикомъ четвероконечнымъ на шенькѣ: исподняя чаша внизу гладкая, а по верхнему краю съ чеканными травами и разводами; на гладкомъ полѣ чаши вырѣзана слѣдующая надпись: «Построилъ сію кадильницу в храмъ Преподобной Маріи Египецкой, что в Срѣтенскомъ монастырѣ, Князь Андрей Іоанновичь Львовъ, в вѣчной поминокъ по своихъ родителяхъ, лѣта 7174 году;» подъ чашею поддонъ шестигранный, плоскій, нижніе края у онаго съ выкружками, гладкіе, а на граняхъ чеканныя травы; цѣпей четыре проволочныя, серебряныя, бѣлыя, на верхнихъ концахъ съ обыкновенною крышечкою гладкою, сверху позолоченною, и двумя кольцами. Вѣсу въ кадилѣ 2 ф., 13 золот.

3. Кадило серебряное, съ лица кругомъ позолоченное, вкладъ въ 1544 г. Князя Палецкаго, [91] передѣланное въ 1600 г. У сего кадила исподняя чашка въ срединѣ чеканная, травчатая, а на низу гладкая; поддонъ по краямъ гладкій, а въ срединѣ съ рѣзными травами; на верхней чашѣ снизу надъ надписью чеканные городки, и между оными въ гладкихъ мѣстахъ шесть прорѣзныхъ круглыхъ скважинъ, надъ городками чеканныя травы; выше оныхъ маковица гладкая, шея гладкая же, и на оныхъ по четыре прорѣзныя, круглыя скважины; глава гладкая, бѣлая, маленькая съ осмиконечнымъ крестомъ позолоченнымъ; цѣпей пять, проволочныя, серебряныя, бѣлыя, и на концахъ оныхъ обыкновенная крышечка серебряная, по краямъ гладкая, а въ срединѣ чеканная, съ двумя кольцами; кругомъ чашекъ на краяхъ рѣзная, позолоченная надпись въ одну сторону: «Лѣта 7052 далъ кадило в дом Богородицы и Чюдотворцу Кирилу Благовѣрный Князь Димитрій Ѳедоровичь Палецкой, а передѣлано кадило 108 году повелѣніемъ Игумена Матѳея и по приговору старцевъ Кирилова монастыря.» Вѣсомъ кадило 2 ф., 59 золот.

4. Кадило серебряное, построенное въ Ѳерапонтовъ монастырь, въ 1630 году, на монастырскій коштъ; [92] нижня чашка у онаго ложчатая, о десяти ложкахъ, изъ коихъ пять чеканныхъ съ травами, позолоченныхъ, и пять гладкихъ безъ позолоты; поддонъ лощатый о восьми ложкахъ, изъ коихъ четыре чеканныя, позолоченныя и столько же гладкихъ бѣлыхъ; верхняя чашка такая же, какъ и нижняя; на ней шея позолоченная, чеканная, съ

пятью прорѣзными скважинами; глава такая же, покрытая чеканомъ въ видѣ чешуекъ; крестикъ четвероконечный, позолоченный; цѣпей четыре, проволочныя, серебряныя, на верху съ крышечкою чеканною, бѣлою, и двумя кольцами; на верхней и нижней чашкахъ, на бѣлыхъ, гладкихъ ложкахъ, въ кругахъ по четыре строчки въ каждомъ, вырѣзана и позолочена слѣдующая надпись: «Лѣта 7138 году Маія..... по приказу Святѣйшаго Патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всея Руси велѣлъ сдѣлати кадило в Ѳерапонтовъ монастырь своимъ государевымъ мастеромъ в серебрѣ монастырскомъ і золото монастырское же при Игумене Еуѳимие да при старце Еѳрѣме и при всеи братіи.» Вѣсу въ семъ кадилѣ 2 ф., 39 золот.

5. Ладоница серебряная, въ видѣ пятиглавой церкви, построенная монастырскихъ коштомъ въ 1610 г. Чаша у оной осмигранная съ чеканными травами по мелко-насѣченному грунту, позолоченная; по гранямъ и по верхнему краю чаши карнизъ рубчатый; подъ чашею дно бѣлое, выпуклое; поддонъ бѣлый, по срединѣ плоско-выпуклый, внизу гладкій, а кверху чеканный въ видѣ мелкихъ ложекъ; маковка у онаго гладкая, полированная; надъ нимъ рукоятка тонкая и короткая и по срединѣ оной яблоко гладкое, позолоченное, съ пояскомъ рубчатымъ; крышка на ладоницѣ дугообразная объ осми дугахъ, позолоченная; на ней кругомъ надпись рѣзная въ двѣ строки: «Лѣта 7118 году Октября здѣлана сія ладоница въ домъ Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго отца Кирилла по благословенію Игумена Матѳея Кирилова монастыря;» на крышкѣ по сторонамъ четыре главы съ фонариками и въ срединѣ на полуглавіи ложчатомъ большая пятая глава съ фонарикомъ же, на коемъ шесть чеканныхъ фальшивыхъ окошечекъ; всѣ пять главъ позолоченныя осмиложчатыя, на каждой по четыре косыхъ ложки съ насѣчкою и по четыре такихъ же гладкихъ; на главахъ кресты осьмиконечные. Ладоница вышиною съ поддономъ и крестомъ на средней главѣ, $7^1/_2$ верш., шириною по верхнему краю 4 верш., а вѣсомъ 2 ф., 38 зол.

г. Разная утварь.

1. Блюдо серебряное, съ выпуклою на внутреннюю сторону срединою; внутри онаго рѣзное изображеніе Крещенія Господня, позолоченное; на поляхъ, въ четырехъ рѣзныхъ каймахъ, рѣзная

позолоченная надпись вязью крупными плоско-выпуклыми буквами: «Во Іорданѣ крещающуся ти, Господи» и проч.; между клеймами четыре рѣзные рѣпейка позолоченные; на поляхъ рубчики вокругъ всего блюда позолоченные; на задней сторонѣ, по срединѣ блюда, во впадинѣ, рѣзная вглубь подпись въ полукруглой строкѣ мелкими буквами: «Блюдо Пречистыя Богородицы і Преподобнаго отца Кирила Бѣлоозерскаго чудотворца; вѣсомъ три ѳунта 17 золотниковъ». Вѣроятно, устроено на монастырскій счетъ, но когда— неизвѣстно. Оно значится въ описи 1718 г. [93] и, можетъ быть, было уже въ монастырѣ при составленіи описи въ 1601 году. [94]

2. Блюдо серебряное, дано въ монастырь Кн. Воротынскими въ 1642 г. [95]. Блюдо это въ срединѣ выпуклое на внутреннюю сторону; на позолоченныхъ поляхъ онаго кругомъ сплошная рѣзная подпись вязью, крупными плоско-выпуклыми, буквами: «Лѣта 7150 году Іюля въ 20 дѣнь дали сие блюдо в домъ Успению Пречистые Богородицы в Кирилов монастырь на Бѣло-озеро на гроб Князя Алексѣя Ивановича Воротынсково жена ево Княгиня Марѳа Ивановна и сынъ ево Князь Иванъ Алексѣевичь;» на задней сторонѣ, во впадинѣ, въ кругу, написано такими же буквами, только помельче, въ трехъ строкахъ: «в семъ блюде вѣсу ѳунтъ сорокъ золотниковъ.»

3. Чаша водосвятная, серебряная, вкладъ Князя Ивана Шуйскаго въ 1637 г. [96]. Внутри оной по срединѣ кладезь, на подобіе ведра, серебряный съ приклепнымъ дномъ; по бокамъ чаши двѣ скобки серебряныя, висячія, и подъ ними по два серебряныхъ, чеканныхъ припаянныхъ къ чашѣ рѣпья, въ видѣ полуяблоковъ; по краямъ чаши кругомъ рѣзная плоско-выпуклыми крупными буквами, сплошная надпись: «Лѣто 7144 года Августа въ 1 день сия чаша здѣлана бысть въ Пречистую і великую обитель Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честнаго і славнаго ея Успенія Преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлозерскаго Чудотворца Церковная ради потребнаго освящения водѣ, а дѣлана повелѣніемъ Князя Ивана Шуйсково і за то пожаловать помянуть во святыхъ своихъ молитвахъ о здравие его а какъ Богъ по душу сошлетъ Князя Ивана и его поминать на преставленіе его и в сенадик написат;» подъ чашею по верхнему краю ведра серебряный, позолоченный, круглый, съ рубчиками ободокъ; на низу ведра полуваликъ съ насѣчкою, позолоченный. Вѣсу въ чашѣ 13 ф., 33 золот.

4. Миса для принятія св. воды, серебряная, внутри тонко позолоченная, вкладъ Князя Ивана Воротынскаго въ 1678 г. [97] У ней двѣ стоячія горизонтальныя ручки, серебряныя, литыя съ рѣзьбою, позолоченныя; поддонъ серебряный съ дорожками, по самому низу и рединѣ позолоченными; съ наружной стороны, подъ позолоченнымъ карнизомъ, вокругъ мисы, надпись въ двѣ строки рѣзными, плоско-выпуклыми большими буквами: «Лѣта 7186-го Марта въ 1 день въ дом Пречистыя Богородицы Успенія и Преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлоозерскаго Чудотворца Боярин Князь Иван Алексеевичь Воротынской приложил на святыя воды чашу серебряную с кровлею внутри золочена, и с ѳиником, [98] черен хрустальнои с каменіем в серебрѣ с финифтомъ, по сынѣ своемъ Князе Михаиле Ивановиче Воротынскомъ и по своих родителех въ вѣчныи поминокъ.» Крышка на мисѣ серебряная, накладная, плоско-выпуклая, съ внутренней стороны сплошь позолоченная, а съ наружной только по полямъ, дорожкамъ и кружку на срединѣ оной; наверху крышки три серебреные, позолоченные шарики на винтахъ. Въ мисѣ съ крышкою вѣсу 8 ф., 4 золот.

5. Ковшъ для черпанія святой воды, серебряный, даръ въ 1568 г. Царя Іоанна Васильевича. [99] Ковшъ этотъ литой, круглой, съ высоковыгнутою ручкою, острымъ кверху поднятымъ носикомъ и толстыми со скатомъ краями, глубиною въ срединѣ по более 1 верш., у носика $2^3/_4$ верш., а у ручки 4 верш., шириною во всѣ стороны 6 $^1/_2$ верш.; съ наружной стороны онаго по краямъ кругомъ, въ одну строку, вырѣзаная сплошная надпись крупными плоско-выпуклыми буквами: «Божіею милостію Царь Великій Князь Иванъ Васильевичь Государь всея Русіи : Владимерскіи : Московскіи : Новгородскіи царь Казанскіи : и Царь Астраханскіи : и Государь Псковскіи : и Великій Князь Смоленски : Тверскіи : Пермскіи : Вятцкіи : Болгарскіи : и всея Сибирскія : и Сѣверныя страны повелитель : и Государь Ливонскія земли града Юрьева и иныхъ.» Вѣсу въ ковшѣ 3 ф., 31 зол.

6. Кружка для черпанія святой воды, серебряная, вкладъ въ 1678 г. Князя Ивана Воротынскаго. [100] Кружка эта внутри сплошь позолочена, а снаружи только полосками по карнизу поддона, и на самой кружкѣ по нижнему валику и по верхнему краю; при ней ручка серебряная, отвѣсно-стоячая съ выгибами, съ лица позолоченная; на оной литыя украшенія, внизу на подобіе

поднятой змѣиной головки, вверху въ видѣ Херувима, и вдоль всей ручки горощатый валикъ, всѣ вызолоченныя; крышка серебряная, высокая, въ видѣ колпака, по срединѣ съ перехватомъ, а внизу карнизомъ, внутри вызолоченная сплошь, а снаружи полосками, на серебрянномъ шолнерѣ; надъ шолнеромъ литая, серебряная, позолоченная, стоячая, прорѣзная фигура, сверху на подобіе женскаго лица съ крыльями, а внизу съ двумя змѣиными хвостиками, которыхъ концы съ раструбами, согнуты кольцомъ и подняты кверху; на поддонѣ, на нижнемъ ребрѣ, рѣзная вглубь надпись: «Лѣта 7186 Декабря въ день приложилъ в домъ Успенія Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлоезерскаго Чюдотворца Бояринъ Князь Иванъ Алексѣевичь Воротынской крушку серебряную по сыне своемъ Князе Михаиле Ивановиче Воротынскомъ въ вѣчный поминокъ.» Вѣсу въ ней 2 ф. 32 золотника.

7. Четырнадцать большихъ серебрянныхъ лампадъ предъ иконами въ Успенскомъ соборѣ и въ церкви Пр. Кирилла. Всѣ онѣ почти одинаковаго устройства: верхняя часть имѣетъ видъ широкаго пояса, а нижняя глубокой ложчатой воронки. Пояса у всѣхъ позолочены и на нихъ вырѣзаны надписи крупными плоскими буквами, показывающія, когда и кѣмъ лампады устроены; на нижней части гладкія, бѣлыя ложки перемѣшаны съ чеканными, позолоченными; подъ ними у каждой лампады по серебряному бѣлому шару. Серебра въ нихъ вѣсомъ отъ 2 ф., 60 зол. до 4 ф., 93 зол. въ лампадѣ; крышки и цѣпи у всѣхъ лампадъ мѣдныя луженыя. Изъ сихъ лампадъ, какъ показываютъ ихъ надписи, двѣ даны вкладомъ въ 1636 и 1643 г. Стольникомъ Иваномъ Олферьевымъ,[101] и одна въ 1651 г. женою Ивана Мархіева, дочерью Полѣнова[102], а остальныя построены на монастырскій счетъ въ 1643 и 1644 годахъ, при игуменѣ Матѳіѣ.

VII. СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ ОБЛАЧЕНІЯ.

1. Риза (фелонь) Пр. Кирилла Бѣлозерскаго, изъ бѣлаго гаруснаго мухояра, въ 6½ полотенъ; полотна мухояра сшиты такъ, что спереди идутъ вдоль ризы, а сзади поперекъ; второе, четвертое и шестое полотна по нижнимъ краямъ шиты сверху въ тачку въ двѣ строки, равно какъ и края подола вокругъ всей ризы; передъ у оной длинный, поднимавшійся на пуговицы, кото-

рыхъ, впрочемъ, не сохранилось; на ризѣ прежде нашито было сверху мухояра узкое оплечье, шириною немного поболѣе 2 верш., изъ лазоревой съ желтыми мелкими травами Кизильбашской (Персидской) камки, котораго нынѣ осталось только нѣсколько самыхъ мелкихъ обрывковъ; подолъ по самому краю обшитъ былъ, шириною на четверть вершка, какою-то матеріею, которой теперь нисколько не сохранилось; крестъ и звѣзда на оной изъ такой же камки, и первый нашитъ очень высоко; сзади ниже оплечья на третьемъ полотнѣ петелька изъ шелковаго шнурка, вѣроятно, позднѣйшей пришивки, для прикрѣпленія цѣпочки носимаго на персяхъ креста; назади подъ звѣздою сшивная заплатка изъ бѣлаго же мухояра, а напереди, близъ подола, три заплатки изъ бѣлой тафты; мухояръ напереди во многихъ мѣстахъ изсѣкся, а отчасти и назади, и около ворота вверху въ двухъ мѣстахъ оборванъ; подкладка изъ бѣлаго, грубаго, рѣдкаго холста, подъ верхними двумя полотнами и по подолу въ два ряда, а подъ остальными полотнами въ одинъ рядъ. Риза длины сзади 2 арш., 1½ верш., спереди отъ ворота 1 арш., 11¼ верш., ширины въ подолѣ 6 арш., 10 верш.

Что риза сія дѣйствительно Пр. Кирилла Бѣлозерскаго, это подтверждается всѣми имѣющимися теперь въ монастырѣ Описями XVII, XVIII и XIX ст. [103]

2. Подризникъ, его же, Пр. Кирилла, изъ такой же, какъ риза, мухояровой матеріи, сшитый изъ четырехъ прямыхъ цѣльныхъ и восьми косыхъ неполныхъ полотенъ, съ двумя небольшими клинами; полотна сшиты одно съ другимъ съ одного края сверху въ тачку въ двѣ строки, также и клинье и весь подолъ понизу, а съ другаго края простымъ швомъ; рукава изъ такой же матеріи, у плечь весьма широкіе, шиты также, какъ и станъ; оплечье изъ такой же камки, какъ и на ризѣ, шириною въ 2 верш., подолъ обшитъ былъ также, какъ у ризы, но нашивки не сохранилось; крестъ изъ такой же матеріи; нижнія края рукавовъ опушены тою же камкою, шириною по 1¾ верш.; мухояръ на стану спереди и сзади во многихъ мѣстахъ изсѣкся, и сзади двѣ небольшія заплатки изъ бѣлаго холста, одна по срединѣ, а другая на лѣвомъ боку у подола; рукава спереди у подпазушья и въ ономъ съ обѣихъ сторонъ покрыты заплатами изъ бѣлаго миткаля; подкладка такая же, какъ подъ ризою, притомъ подъ спиною и подоломъ въ два ряда. Подризникъ длиною 2 арш., 1

верш., шириною подъ рукавами 1 арш., 10 верш, въ подолѣ $4^1/_2$ арш., рукава длины по 14 верш., ширины у запястья по $5^1/_4$ верш.

Подризникъ сей почитается принадлежавшимъ Пр. Кириллу на томъ же основанiи, какъ и сейчасъ описанная риза. [101]

3. **Риза** съ жемчужнымъ оплечьемъ, низаннымъ по малиновому гладкому бархату. Оплечье это, нѣтъ сомнѣнія, остатокъ отъ древней здѣшней жемчужной ризницы, теперь уже не существующей, и можетъ дать нѣкоторое понятіе о богатствѣ оной. На немъ, въ срединѣ, широкій четверо-равноконечный крестъ, съ круглыми концами, низанный среднимъ и мелкимъ жемчугомъ въ три ряда, и внутри онаго другой крестъ четвероконечный же, низанный мелкимъ жемчугомъ въ одну нить; въ срединѣ того креста и по концамъ пять камней: одинъ овальный, голубой, неграненый яхонтъ безъ оправы, одна вениса и три смазня (дублета), въ серебрянныхъ, позолоченныхъ гнѣздахъ; надъ крестомъ большая корона, низанная среднимъ и мелкимъ жемчугомъ; въ оной пятнадцать камней, въ серебряныхъ гнѣздахъ, именно: въ срединѣ овальной, довольно большой, опалъ, и по сторонамъ три мелкихъ яхонта голубыхъ и одинъ розовый, два изумруда небольшіе, продолговатые, двѣ круглыя венисы, два смазня блѣднокрасные и два бурмицкихъ зерна; вверху короны четыре среднихъ жемчужины въ видѣ крестика; около креста и короны и по всему оплечью тридцать два камня въ серебряныхъ гнѣздахъ, именно: тринадцать венисъ небольшихъ, неграненыхъ, одинъ яхонтъ свѣтлокрасный, большой, неграненый, два на подобіе аметистовъ, малые, неграненые, два яхонта дресвянаго цвѣта, три смазня красныхъ, граненыхъ, плоскихъ, одинъ смазень граненый, на подобіе аквамарина, и девять Восточныхъ хрусталей круглыхъ; кромѣ сего на передней и задней сторонахъ четыре рѣпья съ разными камешками розоваго и зеленаго цвѣтовъ, и изъ оныхъ два обнизаны кругомъ жемчугомъ; вокругъ вóрота обнизано среднимъ жемчугомъ городками въ одну нить, а по низу оплечья низанная среднимъ жемчугомъ кайма, внутри которой разводы низаны мелкимъ жемчугомъ, и въ нихъ одиннадцать самыхъ мелкихъ камешковъ въ серебряной оправѣ, и столько же половинчатыхъ жемчужинъ. Длина оплечья сзади 8 верш. Станъ ризы изъ малиноваго кресчатаго бархату не очень давняго времени. Оплечье обшито золотымъ широкимъ гасомъ, а вокругъ наподольника такимъ

же поуже; крестъ и звѣзда шитые по картѣ серебромъ, золотомъ и блестками; подкладка изъ фіолетоваго гранитура.

4. Двѣ ризы и стихарь изъ Турецкаго рытаго бархата. Устное преданіе говоритъ, что двѣ первыя сшиты изъ порфиры Царя Бориса Годунова; [105] но подтвержденія этому мы не нашли ни во Вкладныхъ книгахъ, [106] ни въ Описяхъ монастырскихъ. Несомнительно только, что какъ обѣ сіи ризы, такъ и стихарь, сшитый частію изъ одинаковой съ оными матеріи, древни и построены изъ другаго какого ни будь платья, и потому мы описываемъ нхъ здѣсь, какъ древность.

а. Ризы: оплечья у оныхъ изъ бѣлой серебряной насыпи съ крупными золотыми травами, въ видѣ лапокъ и цвѣточныхъ головокъ; станъ цѣльный безъ наподольника, изъ рытаго краснаго бархату; на бархатѣ вытканы серебромъ широкіе цвѣтки, въ видѣ раскинутаго павлинаго хвоста, внизу съ золотыми стеблями и на нихъ листиками; на стебляхъ и листикахъ мелкія бархатныя травки краснаго и зеленаго цвѣтовъ; между крупными цвѣтками помѣщены тканыя золотомъ травки въ видѣ лапокъ; оплечья и подольники обшиты золотомъ гасомъ, и послѣдніе еще по нижнему краю такимъ же позументомъ; кресты изъ золотыхъ гасовъ, а звѣзды изъ одинаковой матеріи съ оплечьемъ.

б. Стихарь: оплечье, нарукавники и наподольники у онаго изъ одинаковаго бархату съ описанными теперь ризами; станъ также изъ рытаго краснаго бархату; цвѣты на ономъ тканые серебряные, большіе, въ видѣ звѣздъ, внутри съ бархатными травками на зеленыхъ бархатныхъ стебелькахъ; стебли у большихъ цвѣтовъ золотые съ такими же листиками и на тѣхъ и другихъ мелкія красныя бархатныя травки; оплечье, нарукавники и подольникъ обшиты золотымъ позументомъ; крестъ такой же; бока у стихаря разрѣзные, на завязкахъ изъ ленточекъ.

VIII. АРХИМАНДРИТСКІЯ ШАПКИ. [107]

Архимандритскихъ шапокъ находится въ монастырѣ пять, низанныхъ жемчугомъ и дорогими камнями, и двѣ шитыя золотомъ и серебромъ. Изъ первыхъ три передѣланы, а двѣ построены вновь, въ нынѣшнемъ столѣтіи; но такъ какъ передѣлка [108] эта состоитъ только въ перемѣнѣ стариннаго фасона на новый, а

жемчугъ, дорогіе камни и дробницы остались на нихъ тѣже, какія были прежде, съ прибавкою къ нимъ нѣкоторыхъ драгоцѣнностей, снятыхъ съ другихъ ветхихъ церковныхъ вещей, въ числѣ коихъ есть и царскіе вклады, а двѣ вновь построенныя шапки сдѣланы почти единственно (исключая финифтяныхъ иконъ) изъ матеріаловъ, также собранныхъ съ древнихъ иконъ, пеленъ, воздуховъ и т. п., [109] то всѣ шапки эти, по убранству своему, могутъ быть отнесены къ древностямъ монастырскимъ, а по драгоцѣнности своей, несомнительно принадлежатъ къ рѣдкимъ вещамъ, и потому заслуживаютъ подробнаго описанія. Но для краткости мы опишемъ здѣсь только три изъ нихъ, какъ болѣе замѣчательныя.

1. Первая шапка украшена золотыми дробницами и обнизана, по золотой бити, жемчугомъ и камнями. На верху шапки круглая золотая дробница съ чеканнымъ изображеніемъ Спасителя; кругомъ оной обнизано мелкимъ жемчугомъ, на подобіе веревочки. Въ нижнихъ концахъ перекрестья четыре золотыя, продолговатыя, по верхнему краю съ городками, дробницы, украшенныя съ боковъ и по верху финифтью, и на нихъ чеканныя изображенія св. Московскихъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа; по краямъ все перекрестье обнизано въ одну нить крупнымъ жемчугомъ. Въ передней части перекрестья, вверху рѣпей, золотой, въ которомъ въ срединѣ небольшой, голубой, граненый яхонтъ и по сторонамъ онаго два алмаза и два яхонта красныхъ; пониже рѣпея камей изъ бѣло-коричневой яшмы, длиною $^3/_4$ верш., шириною $^1/_2$ верш., на коемъ вырѣзано Распятіе Господне съ предстоящими и у главы двумя Ангелами: даръ Царя Іоанна Васильевича; [110] ниже камея рѣпей золотый, въ коемъ звѣздочка изъ пяти яхонтовъ лазоревыхъ, граненыхъ, и надъ нею въ особомъ гнѣздѣ яхонтъ неграненый, средней величины; по сторонамъ дробницы два накладные серебропозлащенные столпца, въ коихъ по четыре смазня и по шести мелкихъ, граненыхъ, плоскихъ изумрудовъ; вверху надъ столпцами по три такихъ же изумруда надъ каждымъ, всѣ въ оправѣ золотой. Боковыя и заднія части перекрестья убраны столь же богато драгоцѣнными камнями въ золотыхъ рѣпьяхъ и отдѣльныхъ гнѣздахъ; изъ камней замѣчательны два камея, одинъ съ правой стороны изъ овальной, сине-блѣдной, внизу съ краснымъ отливомъ, яшмы, длиною $^1/_2$ верш., шириною въ срединѣ $^1/_3$ верш., съ изображеніемъ св. Великомученика Георгія, вкладъ

того же Царя, [111] другой, съ лѣвой стороны, изъ темнозеленаго, продолговатаго забирзата, длиною поболѣе $^1/_2$ верш., шириною поменѣе $^1/_8$ верш., на коемъ изображенъ Іоаннъ Предтеча, и одинъ пастъ изъ овальной, снизу плоской, венисы, длиною $^1/_2$ верш., шириною въ срединѣ $^1/_4$ верш., на коемъ вырѣзано вглубь изображеніе Маріи Египетской. Между перекрестьемъ весь фонъ вынизанъ жемчугомъ въ рѣшеточку и по мѣстамъ цвѣтками и гирляндами, съ изумрудами и яхонтами въ рѣпейкахъ и безъ гнѣздъ. Между нижними дробницами, надъ опушкою, двѣнадцать разныхъ граненыхъ камней, въ числѣ коихъ восемь блѣдноголубыхъ яхонтовъ разной величины, въ серебряныхъ гнѣздахъ, обнизанныхъ жемчугомъ; грунтъ между камнями вынизанъ сплошь мелкимъ жемчугомъ; выше камней рядъ небольшихъ, разной величины, изумрудовъ, коихъ числомъ сорокъ два, въ серебряныхъ позолоченныхъ гнѣздахъ, а надъ оными двѣнадцать продолговатыхъ листковъ и восемь городковъ, низанныхъ жемчугомъ и на первыхъ по пяти граненыхъ изумрудовъ разной величины, въ серебряныхъ позолоченныхъ гнѣздахъ.

2. Шапка изъ краснаго бархата, обнизанная жемчугомъ и разными камнями, съ серебряными чеканными дробницами, вкладъ, въ 1675 г., жены Окольничаго Олферьева, Вассы Андреевой. [112] На сей шапкѣ внизу обручь серебряный, позолоченный, шириною три четверти вершка, съ надписью рѣзными выпуклыми буквами: «Лѣта 7183 года Сентября въ 1 день сію шапку въ Кириловъ Монастырь дала вкладомъ Окольничаго Іоанна Васильевича Ольферева жена ево вдова Васса Андреевна по муже своемъ Іоанне Василевиче и по своей и дочери своей младенце Θеодосіи душахъ, за то даяніе души ихъ вѣчно поминать.» Слова эти раздѣлены двумя большими блѣдnолазоревыми яхонтами, въ серебряныхъ позолоченныхъ гнѣздахъ. Надъ обручемъ, кругомъ шапки, нить изъ средняго жемчугу; параллельно съ оною другая, въ видѣ цѣпочки, изъ неграненыхъ продолговатыхъ венисъ и блѣдноголубыхъ бирюзъ, въ литыхъ серебряныхъ гнѣздахъ, и выше оной третья изъ крупнаго жемчуга. Надъ нею десять дробницъ серебряныхъ, позолоченныхъ, пятиугольныхъ, обнизанныхъ крупнымъ жемчугомъ, съ чеканными изображеніями, съ передней стороны Господа Вседержителя, по сторонамъ: Божіей Матери, Іоанна Предтечи, Архангеловъ Михаила и Гавріила, Апостоловъ Петра и Павла, и Святителей Николая и Аθанасія и назади Кирилла Бѣлоезерскаго

Между дробницами, по сторонамъ, девять изумрудовъ граненыхъ, въ золотыхъ гнѣздахъ, кругомъ обнизанныхъ жемчугомъ. Надъ дробницами вокругъ шапки десять серебряныхъ, позолоченныхъ, чеканныхъ изображеній Херувимовъ, такъ же обнизанныхъ въ одну нить жемчугомъ. Между Херувимами десять блѣднокрасныхъ лаловъ, въ золотыхъ, обнизанныхъ жемчугомъ, гнѣздахъ, средней величины. На верху шапки круглая, серебряная, позолоченная, чеканная съ рѣзьбою, дробница, обнизанная въ одну нить жемчугомъ, и въ ней по срединѣ двѣ накладныя такія же, четвероугольныя, дщицы, изъ коихъ на верхней чеканное изображеніе Знаменія Пресвятыя Богородицы, а на углахъ нижней чеканные символы Евангелистовъ.

3. Шапка изъ фіолетоваго бархата, обнизанная жемчугомъ и камнями, съ пятью финифтяными образами. На ней вверху образъ Бога Саваоѳа и по бокамъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Пр. Кирилла, въ серебряныхъ ободкахъ, обнизанныхъ среднимъ жемчугомъ. Перекрестье обнизано крупнымъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ разными мелкими камешками, въ гнѣздахъ и безъ гнѣздъ, разной величины, въ числѣ коихъ 2 бирюзы, 30 изумрудовъ, 21 вениса, 2 яхонта голубыхъ и 20 звѣздочекъ изъ венисъ. Нижніе образа накрыты серебряными коронами, унизанными мелкими венисами и стразами; въ крестикахъ и въ срединѣ коронъ по три малыхъ яхонта и подъ крестиками по одному небольшому изумруду. Съ передней стороны въ перекрестьѣ овальный, продолговатый камей изъ яшмы темнаго съ блѣдно-голубымъ цвѣта, длиною $^{3}/_{4}$ верш., шириною $^{1}/_{2}$ веш., въ серебряной оправѣ, обнизанной жемчугомъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресв. Дѣвѣ, и съ вырѣзною кругомъ, вглубь, Греческою, надписью: *χαῖρε κεχαριτωμένη ὁ κύριος μετὰ σοῦ*; выше онаго два камня въ оправѣ, обнизанной жемчугомъ, одинъ четвероугольный, голубой яхонтъ, другой треугольный лалъ. Въ перекрестьѣ съ задней стороны другой камей изъ халцедона (по стар. перелефть), темнозеленаго цвѣта съ красными крапинками, длиною 1 верш., шириною болѣе $^{1}/_{2}$ верш., на коемъ вырѣзано изображеніе Божіей Матери, и въ облакѣ Спасителя, вкладъ княгини Старицкой, Евфросиніи; [113] надъ онымъ вверху, въ серебряныхъ гнѣздахъ, четвероугольный аметистъ и треугольный лалъ. Перекрестье съ прочихъ сторонъ украшено подобнымъ же образомъ, кромѣ камеевъ, которые замѣнены другими дорогими кам-

нями и жемчугомъ, въ числѣ коего замѣчательна одна необыкновенной величины жемчужина неправильной фигуры. Между перекрестьемъ букеты цвѣтовъ, вынизанные жемчугомъ; въ срединѣ букетовъ четыре Херувима, шитые серебромъ, съ живописными лицами; надъ Херувимами по коронѣ изъ стразъ въ серебряной оправѣ; надъ коронами, въ серебряныхъ гнѣздахъ, три венисы средней величины и четыре синихъ яхонта такихъ же, безъ оправы; подъ Херувимами въ жемчужныхъ перевязяхъ четыре изумруда средней величины; подъ букетами двѣнадцать разныхъ камней, изъ коихъ одинъ сердоликъ, четыре венисы, пять лаловъ и одинъ бѣлый Восточный хрусталь. Подъ образами, вокругъ шапки унизано въ одну нить разными камнями, и между оными крупнымъ жемчугомъ; въ числѣ сихъ камней 20-ть венисъ, 2 лала, 9-ть синихъ яхонтовъ, 3 яхонта блѣднокрасныхъ и 2 аметиста; по нижнему краю надъ бахрамою два большихъ неграненыхъ лала, безъ гнѣздъ, и двѣ венисы крупныя; между оными, поверху и низу, двадцать шесть неграненыхъ камней, безъ оправы, въ числѣ коихъ 10-ть синихъ яхонтовъ, 1 аметистъ, 2 сердолика, 4 лала, 5-ть венисъ, 2 свѣтлокрасныхъ яхонта и 2 рѣпейка изъ мелкихъ венисъ.

IX. ПАНАГІИ И ПАНАГІАРЫ.

Панагія серебряная, позолоченная, овальная, съ выкружками; сверху сканной работы съ финифтью, дана вкладомъ старцемъ здѣшняго монастыря, Іоасафомъ, въ 1590 году.[114] Въ срединѣ оной накладное чеканное, безъ позолоты, изображеніе Спасителя, новой недавней работы; по сторонамъ сего изображенія, въ серебряныхъ гнѣздахъ, два круглые, свѣтлоголубые яхонта, двѣ средней величины бирюзы, двѣ венисы, и на спняхъ между дугами четыре мелкихъ бурмицкихъ зерна и двѣ небольшихъ жемчужины; возглавіе серебряное, на шолнерѣ; на немъ, въ срединѣ, въ гнѣздѣ, малая круглая бирюза, и у шолнера на обоихъ концахъ спенька по жемчужинѣ средней величины; на задней гладкой сторонѣ панагіи рѣзная вглубь слѣдующая надпись о святынѣ и мощахъ, находящихся внутри панагіи:..... Купина Неопалимая, мощи Апла Петра. мощи Николы Чюткой Григорья БГослова. Мощи Ивана Златаустаго. Мощи Пантелеимона мчнка. Мощи Спиридона Чютворца. Мощи иногий стыхъ, риза Никиты Новгородского Чюдотворца. риза Ивана Новгородского.

мантиа Сергиа Чюдотворца. древо Благовѣрнаго Великаго Князя Михаила Черниговского гроба. древо Макарьева гроба Калязинского Чюдотворца. древо на неже Пречистая седяла. древо жезла Моисѣова. Панагія мѣрою въ длину 2 вершка, ширину $1^3/_4$ верш., глубину болѣе $^1/_4$ верш.; вѣсу въ оной двадцать восемь золотниковъ.

2. Панагія серебряная, пятиугольная, позолоченная, сверху сканной работы съ финифтью, вкладъ того же старца Іоасафа.[115] Въ срединѣ оной, за выпуклымъ хрусталемъ, изображеніе Знаменія Божіей Матери; хрусталь обнизанъ по проволокѣ мелкимъ жемчугомъ; по сторонамъ онаго въ гнѣздахъ одна вениса малая, одинъ малый свѣтлосиній яхонтъ и двѣ круглыя малыя бирюзы, а по краямъ на спняхъ пять крупныхъ жемчужинъ и шесть мелкихъ; возглавіе такой же работы, какъ и панагія, на шолнерѣ, у котораго на концѣ спенька по одной средней жемчужинѣ, а въ срединѣ самаго возглавія четвероугольный, голубой, малый яхонтъ; на задней сторонѣ рѣзная вглубь надпись о св. мощахъ, во всемъ сходная по содержанію съ предыдущею надписью, кромѣ двухъ святынь. Мѣрою панагія въ длину болѣе 2 верш., глубину поболѣе $^1/_4$ верш., вѣсомъ 30 золотниковъ.

3. Панагія золотая, овальная, съ лица по краямъ выпуклая съ откосомъ, а по срединѣ плоская, сзади вся плоская; на ней, съ передней стороны, на срединѣ изображеніе, наведенное чернью, Распятія Господня съ предстоящими, и по сторонамъ онаго мелкіе рѣзные разводы съ чернью; ниже откосовъ по краямъ кругомъ обнизана мелкимъ жемчугомъ; возглавіе золотое круглое съ городками, на шолнерѣ, украшенное съ лица блѣдносинимъ яхонтомъ средней величины въ золотомъ съ ноготками гнѣздѣ; у шолнера на концахъ спенька по жемчужинѣ; на задней сторонѣ панагіи наведена чернью слѣдующая подпись: **Спасова риза. Свято Василія. Стефана Первомученика, Аверкея.... Пророка Даниля, Пантелеимона. Свято Николы. Пророка Ильи. Святых Отецъ избиеных**; но самыхъ мощей въ панагіи нынѣ не имѣется. Панагія мѣрою въ длину поболѣе $1^1/_4$ верш., ширину по менѣе $1^1/_4$ верш., вѣсу въ ней 27 золот. Происхожденіе ея съ точностію неизвѣстно. Можетъ быть, она не принадлежала ли Преосвященному Аѳанасію Полоцкому и, по смерти его, здѣсь поступила въ монастырь. Думать такъ даетъ нѣкоторый поводъ сходство черневой работы на ней съ такою же работою на золотомъ потирѣ, имъ пожертвованномъ сюда, и также сходство самаго металла, изъ котораго они построены.[116]

4. Панагіаръ серебряный, снаружи и внутри весь вызолоченный, круглый, двустворный. На первой половинѣ онаго снаружи, на выпуклой срединѣ, въ черневомъ полѣ, накладное, серебряное, позолоченное, литое съ чеканомъ изображеніе Вознесенія Господня съ такими же ликами Богоматери, Ангеловъ и Апостоловъ; края оной покрыты серебрянымъ, позолоченнымъ филограномъ; на той же дскѣ, съ внутренней стороны, въ черневомъ кругу, рѣзное изображеніе св. Троицы и на краяхъ кругомъ подпись черныю: «Благословенъ еси, Хрте Боже нашъ», и проч.; на второй половинѣ снаружи, на выпуклой срединѣ и по краямъ серебряныя, позолоченныя, чеканныя, прорѣзныя накладки, на внутренней сторонѣ въ черневомъ кругу рѣзное изображеніе Знаменія Божіей Матери, и по краямъ кругомъ на черни серебряная, позолоченная надпись: «Честнѣйшую Херувимъ», и проч.; на той же половинѣ возглавіе на шолнерѣ серебряное, позолоченное съ чернью, четвероугольное, а на немъ въ срединѣ чеканное изображеніе Нерукотвореннаго Образа. На правой сторонѣ петли и запирка отъ обѣихъ половинъ отломлены и утрачены и край верхней половины поврежденъ. Мѣрою панагіаръ въ длину и ширину по $3^1/_2$ верш., вѣсомъ 1 ф., 88 золот. Панагіаръ этотъ уже находился здѣсь въ 1635 г. [117]

5. Панагіаръ серебряный, позолоченный, круглый, двойной. На первой половинѣ снаружи, на выпуклой срединѣ, филогранная, серебряная накладка съ пятью кружками, въ коихъ рѣзныя изображенія Спасителя и четырехъ Евангелистовъ; на краяхъ такія же четыре накладки и между оными четыре гнѣзда порожнія, въ которыхъ прежде находилась финифть; на внутренней сторонѣ въ черневомъ кругу рѣзное изображеніе Пресвятыя Троицы и по краямъ кругомъ черневая подпись: «Благословенъ еси, Христе Боже нашъ», и проч.; на другой половинѣ снаружи, на выпуклой срединѣ и по краямъ, такія же накладки, и на краяхъ между оными четыре гнѣзда, изъ коихъ три пустыя, а одно съ финифтью; на внутренней сторонѣ въ кругу рѣзное изображеніе Знаменія Божіей Матери и по краямъ кругомъ, по черневому полю, позолоченная надпись: «Честнѣйшую Херувимъ», и проч.; на верху на шолнерѣ серебряное, рѣзное съ чернью возглавіе и на немъ съ передней стороны чеканное изображеніе Нерукотвореннаго Образа, а на другой сторонѣ онаго рѣзное изображеніе Херувима; на обѣихъ сторонахъ панагіара шолнеры для открыванья

и затвора половинокъ серебряныя, позолоченныя. Панагіаръ длиною и шириною по $2^{1}/_{4}$ верш., вѣсу въ ономъ 67 золотниковъ.

X. ПАПЕРСНЫЕ КРЕСТЫ.

1. Крестъ золотой съ мощами. Надъ онымъ возглавіе на шолнерѣ золотое съ рѣзнымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, обнизано среднимъ жемчугомъ; на крестѣ, съ лицевой стороны, въ срединѣ, литое Распятіе Господне, и на концахъ въ серебряныхъ гнѣздахъ четыре свѣтлосиніе большіе яхонты; по краямъ обнизанъ среднимъ жемчугомъ; на задней сторонѣ слѣдующая рѣзная подпись плосковыпуклыми буквами: Ризы Пречистые Бцы. мощи Иваня Предтечи, мощи Филиппа Апла, мощи Иванна Златоустаго, мощи безребреника Дамяна, мощи Великомученика Кирика, мощи стыя мчцы Хрины, мощи Великомученика Пантелеимона.

2. Крестъ золотой, на шолнерѣ, съ литымъ Нерукотвореннымъ образомъ; на лицевой сторонѣ креста, въ срединѣ, литое золотое Распятіе Господне, и на концахъ, въ золотыхъ гнѣздахъ, два яхонта синіе и два яхонта же розовые средней величины; по краямъ обнизанъ на проволокѣ среднимъ жемчугомъ; на задней дскѣ онаго вырѣзана слѣдующая надпись: Мощи Преподобнаго Ефрема Новоторъжьскаго. мощи Моисея Архиепископа Новгородъскаго. мощи Преподобнаго Антониа Римлянина Новгоskаго. мощи Преподобнаго Александра Свиръскаго. мощи Иоанна Архиепископа Новгоровъскаго.

Оба сіи креста даны вкладомъ супругою Кн. Ив. Алексѣевича Воротынскаго, Анастасіею Львовною, вмѣстѣ съ иконою Божіей Матери Умиленія, на которой они были въ привѣскѣ. [118]

3. Крестъ золотой, даръ Царя Ивана Васильевича. [119] Верхняя дска у онаго покрыта золотыми, литыми, самыми мелкими, бусиками; въ срединѣ оной такое же съ чеканомъ плоское Распятіе Господне и подъ дланями Спасителя такія же поясныя изображенія Божіей Матери и Іоанна Богослова, а подъ Адамовою головою св. Николая; въ концахъ тойже дски, въ золотыхъ гнѣздахъ, два лазоревые яхонта и двѣ бирюзы средней величины; по краямъ оной обнизано среднимъ жемчугомъ; возглавіе у креста золотое, четвероугольное, на шолнерѣ, и въ срединѣ онаго небольшой лалъ въ золотой оправѣ, а на концахъ спенька, двѣ жемчужины; на задней дскѣ рѣзное съ чернью изображеніе Архангела Гавріила. Вѣсу въ крестѣ 34 зол. Крестъ сей привѣшенъ былъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ къ мѣстному образу Препод. Кирилла. [120]

4. Крестъ изъ венисъ, серебряной съ задней стороны оправѣ, безъ рамки; въ немъ, въ срединѣ, шесть необыкновенно крупныхъ венисъ и шесть въ сіяніи и поперечныхъ концахъ, средней величины, всѣ неграненыя; въ коронѣ четыре венисы, изъ коихъ одна весьма большая, двѣ среднія и одна малая; на коронѣ крестикъ серебряный и въ немъ пять самыхъ мелкихъ розовыхъ яхонтовъ; въ подвѣскѣ довольно большая, граненая вениса и вверху оной самый малый розовый яхонтъ. Крестъ этотъ сооруженъ изъ камней, снятыхъ въ 1830 г. съ древнихъ иконъ, [121] и знатоками признается за драгоцѣнность весьма рѣдкую.

5. Крестъ изъ синихъ и голубыхъ яхонтовъ, въ серебряной оправѣ съ задней стороны, безъ рамки. Въ срединѣ онаго необыкновенно большой овальный яхонтъ, а по сторонамъ онаго пять такихъ же поменѣе; въ привѣскѣ и въ коронѣ по яхонту такой же величины, какъ послѣдніе пять, четыре яхонта въ сіяніи, два на концахъ перекрестья и два въ коронѣ небольшіе, граненые; въ коронѣ же въ срединѣ круглый, выпуклый, небольшой изумрудъ, и въ крестикѣ надъ оною четыре яхонта красные, мелкіе и одинъ малый изумрудъ; въ углахъ перекрестья, по сторонамъ, между крупными камнями и въ привѣскѣ вверху, 15-ть мелкихъ изумрудовъ разной фигуры. Крестъ этотъ причисляется также къ рѣдкостямъ по величинѣ камней, которые всѣ сняты въ томъ же 1830 г. съ древнихъ иконъ. [122]

6. Два серебряныхъ креста съ мощами, изъ коихъ одинъ сканной работы съ финифтью, камнями и жемчугомъ: вкладъ въ 1590 г. вышеозначеннаго старца, Іоасафа Луженаго, [123] а другой такой же безъ финифти и камней въ 1626 г. патріаршаго дьяка, Никифора Шипулина. [124]

XI. ВОЗДУХИ И ПОКРОВЦЫ.

1. Воздухъ и два покровца, шитые по красному атласу золотомъ, серебромъ и шелками: вкладъ въ 1646 г. Князя Ивана Голицына. [125]

На воздухѣ изображенъ Спаситель, лежащій во гробѣ, и надъ нимъ два Ангела, держащіе по двѣ рипиды и между ними шестокрылатый Херувимъ; вокругъ ихъ, по голубому штофу,

вышито золотыми крупными словами: «Во гробѣ плотски», и проч.; кайма изъ широкаго золотаго кружева, нашитаго на фіолетовомъ атласѣ.

На первомъ Покровцѣ вышиты: Іисусъ Младенецъ, лежащій на дискосѣ, накрытомъ звѣздицею, и надъ нимъ подъ тою же звѣздою, Духъ Святый, а выше оной, въ полукружіи, Господь Саваоѳъ съ простертыми на благословеніе руками; по сторонамъ дискоса два Ангела, держащіе рипиды; вокругъ сихъ изображеній по голубому штофу вышиты золотомъ крупными буквами слова: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое», и проч.; по краямъ покровецъ обшитъ по фіолетовому атласу не широкимъ серебрянымъ, мѣстами золотымъ, съ городками, кружевомъ; внутри покровца, по сторонамъ дискоса, между Ангелами, вышита серебромъ мелкими буквами слѣдующая надпись: «При державе Благовѣрнаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи здѣланъ сіи сударь повелѣніемъ Боляріна Князя Ивана Анъдреевича Голицына в Кириловъ монастырь в церковь святаго отца Епиѳания Кипрькаго по Князе Епифаніи Андрѣевіче Телятевскомъ лѣта 7154 го месеца Сеньтебря 22 д.»

На второмъ Покровцѣ, въ срединѣ, въ кругу, шитые золотомъ и шелкомъ, образъ Знаменія Божія Матери и около онаго въ углахъ изображенія четырехъ Херувимовъ и Серафимовъ; на краяхъ, по голубому штофу, вышиты золотомъ крупными буквами слова: «Пійте отъ нея вси», и проч., и ниже оныхъ кайма изъ одинаковаго кружева съ первымъ воздухомъ, на фіолетовомъ атласѣ.

2. Воздухъ и два Покровца, по изображеніямъ, подобные предыдущимъ, и отличаются отъ оныхъ только надписями, именно: на воздухѣ, около изображеній, вышиты слова, по зеленой, шелковой матеріи: «Благообразный Іосифъ», и проч.; на первомъ покровцѣ: «Яко агнецъ на заколеніе ведеся», и проч., и не имѣется надписи, кѣмъ оный пожертрованъ, а на второмъ: «Яко необоримую стѣну», и проч.; кружево подшито тафтой. Воздухъ и покровцы эти даяніе въ 1695 г. жены Стольника Ивана Ивановича Большаго Бутурлина, Акилины Петровны. [126]

XII. ПЛАЩАНИЦЫ.

1. Плащаница, шитая крученымъ золотомъ и серебромъ съ блестками и шелкомъ, высокаго искуства, вкладъ въ 1555 г. Княгини Евфросиніи, супруги удѣльнаго Князя, Андрея Ивановича Старицкаго.[127] Средину плащаницы занимаетъ почивающее пречистое тѣло Господне, мѣрою 2 арш., 6 верш.; у главы онаго присѣдитъ Матерь Божія, поддерживающая ее и лобызающая; за нею стоятъ двѣ поникшія и съ терзаніями рыдающія Мνроносицы; къ ногамъ Спасителя, съ лѣвой стороны, приникли, впереди, всѣхъ Іоаннъ Богословъ, а за нимъ Іосифъ и Никодимъ; въ срединѣ между ними и Мνроносицами нисходитъ на Почившаго Духъ Святый; за ними у главы и ногъ два Ангела пріосѣняютъ его рипидами; по правую сторону гроба лежитъ приготовленная для него Іосифомъ плащаница, а по сторонамъ оной два парящіе Ангела возносятъ къ нему открытыя кадильницы съ ѳиміамомъ; изъ четырехъ угловъ плащаницы туда же обращаютъ лица свои четыре символа Евангелистовъ; по каймамъ эта картина обставлена поясными ликами, въ углахъ четырехъ Евангелистовъ и между ними св. Апостоловъ: Петра, Варѳоломея, Симона и Ѳомы, Павла, Андрея, Іакова и Филиппа; Пророковъ: Соломона, Даніила, Іереміи и Исаіи, Давида, Иліи Моисея и Аввакума; Святителей: Іакова Брата Господня, Іоанна Златоустаго, Николая Мирликійскаго и Петра Московскаго, Григорія Богослова, Лазаря друга Божія и Аверкія, и между ними, по срединѣ правой каймы, образъ Успенія Божіей Матери, а по срединѣ лѣвой Господа Саваоѳа. Образъ почившаго Спасителя вышитъ шелкомъ тѣлеснаго цвѣта, съ чертами багрянаго, а власы на главѣ и брадѣ темнаго, и первыя притомъ съ отливомъ золота, препоясаніе по чресламъ сплошнымъ серебромъ; камень гробный съ боковъ тѣмъ же, а поверху такимъ же золотомъ; одежды Божіей Матери и прочихъ святыхъ золотомъ и серебромъ, скрученными съ шелками и по краямъ блестками, и притомъ на нѣкоторыхъ въ видѣ травочекъ, сѣточекъ съ блестками, кружковъ и т. п.; кайма отдѣлена отъ средины плащаницы узкимъ золотымъ гасикомъ и по краямъ обшита серебряною бахрамою, а изображенія на ней святыхъ обведены кругами изъ серебряныхъ блестокъ. Земля и воздухъ между шитьемъ и на каймахъ изъ голубаго полубархата; подкладка изъ голубаго коленкора. Длина плащаницы 3 арш., 9 верш., ширина 2 арш., 4 вершка.

Плащаница эта первоначально вышита была по красной камкѣ, а каймы по лазоревой, и подложена свѣтлозеленою камкою; у послѣдней была приставка съ надписью, вышитая шелкомъ, когда и кѣмъ плащаница устроена. [128] Полубархатъ, блестки, гасъ, бахрама и подкладка нашиты около 1830 года.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ бралъ сію плащаницу къ себѣ въ Москву, вѣроятно, для образца при построеніи другой, подобной ей. [129]

2. Плащаница, вышитая по голубой травчатой камкѣ золотомъ, серебромъ и шелками: вкладъ Князя Ив. Андреевича Голицына, въ память шурина его, Стольника Князя Ѳ. Андреевича Телятевскаго. [130] Средину плащаницы занимаетъ образъ Спасителя, простертаго на камнѣ гробномъ; у главы его возсѣдитъ и объемлетъ оную съ лобзаніемъ Пречистая Матерь Его; ноги благоговѣйно поддерживаетъ на сударѣ Іоаннъ Богословъ; по лѣвую сторону гроба, опущенная на шнурахъ изъ подъ дугообразной сѣни, горящая лампада освѣщаетъ пещеру гробную; съ той же стороны четыре Ангела пріосѣняютъ Почіющаго рипидами, и выше ихъ еще двое парящихъ приникаютъ къ нему со страхомъ и скорбію; между оными померкающія солнце и луна, и въ изчезнувшихъ частяхъ диска ихъ два образа человѣческіе (неполные) въ царскомъ одѣяніи; съ правой стороны гроба два парящіе Ангела съ рипидами; по угламъ символы Евангелистовъ. Вся эта картина обложена широкою изъ зеленаго бархата каймою, съ обѣихъ сторонъ обшитою золотомъ въ видѣ позумента; на каймѣ надпись крупными вышитыми золотомъ буквами: «Лѣта 7153 месеца Сентября въ 28 день на память Преподобнаго отца нашего,» (тутъ шовъ, въ которомъ скрыто нѣсколько буквъ) «I исповѣдника преставися рабъ Стольнікъ благовѣрный Князь Епифаній Андрѣевичь Телятевскій Тверскій во 2 часъ нощи, а погребенъ бысть того же 153-го мѣсяца Апрѣля въ 26 д. на память Святаго Священно-Мученика Василія Епископа Амасійскаго и память иже во святыхъ отца нашего Стефана Епископа Пермскаго въ пречестнѣйшей Обителі Пресвятыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа честь» (далѣе небольшая вставка каймы съ буквами, не сюда относящимися) «і славнаго ея Успенія в ки» (здѣсь надо обратиться назадъ и читать по той вставкѣ) «рилове монастыре а сій пок» (тутъ опять вставка и переносъ на другую сторону) «лъ на гробъ Стольника благовѣрнаго Князя Епифанія Андрѣевича

Телятевскаго Тверскаго Болярин Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ.» Длина покрова 3 арш., ширина 2 арш., 5 верш., длина буквъ на каймахъ 4 вершка безъ четверти; подложена темновишневымъ коленкоромъ.

3. Плащаница, пожертвованная въ 1645 г. Бояриномъ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ для церкви Кирилловскаго подворья въ Москвѣ. [151] На сей плащаницѣ вышито, по малиновой камкѣ золотомъ и серебромъ и по мѣстамъ шелками, положенiе Iисуса Христа во гробъ, во всемъ сходно съ плащаницею Княгини Евросинiи, только въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшимъ искуствомъ. Внутри плащаницы и ногъ Спасителя по красной канфѣ вышита золотомъ надпись, въ четыре строки, буквами средней величины: «Лѣта 7153 Ноября въ 8 день далъ сей покровъ въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенiя и Преподобнаго Чюдотворца Бѣлоезерскаго в Өеонасьевскiй монастырь на Кириловское подворье Бояринъ Өедоръ Ивановичь Шереметевъ по женѣ своей по Марьѣ Петровнѣ да по сынѣ своемъ младенце Мокѣе по своихъ родителехъ.» На каймѣ изъ темносиней канфы по угламъ четыре Серафима, шитые золотомъ, и между ними ирмосъ, вышитый также золотомъ крупными буквами, въ такомъ видѣ: «Не рыдай мене мати возирающе во гробѣ его же пьлотию безъ семени зачала еси сына востану бо и славено буду и вознесуся со славою не молченно яко Богъ вѣрою и любовию тя величающая.» Мѣра сей плащаницы: въ длину $2^1/_4$ арш., ширину 1 арш., 3 верш.; длина буквъ на каймѣ по 3 верш., на самой плащаницѣ по 1-му вершку.

XIII. ПОКРОВЫ НА РАКИ ПР. КИРИЛЛА И АНТОНIЯ ПЕЧЕРСКАГО.

1. Лицевой Покровъ на раку Пр. Кирилла, пожертвованный въ 1514 г. Великимъ Княземъ Василiемъ Ивановичемъ. [152] На семъ покровѣ вышитъ, по зеленой съ отливомъ, тафтѣ шелками вгладь, образъ Преподобнаго во весь ростъ: лице, руки и хитонъ блѣдножелтоватымъ шелкомъ, мантiя коричневымъ, аналавъ по краямъ голубымъ, а по срединѣ синимъ, внизу на ономъ три поперечныя полоски и четыре крестика въ срединѣ краснымъ, сандалiя вишневымъ, а проводы на всемъ платьѣ и на лицѣ темнымъ; широкiй вѣнецъ около главы вышитъ крученымъ золотомъ, свитокъ въ лѣвой рукѣ такимъ же серебромъ, земля подъ

ногами зеленымъ шелкомъ, а кайма вокругъ всего покрова, и по сторонамъ вѣнца надпись, чернымъ, у главы Преподобнаго слова: «о агиос Кирилъ Чюдотворецъ,» и по каймамъ надъ главою и по сторонамъ правой и лѣвой, въ одну строку, тропарь и кондакъ ему вышиты серебромъ; въ ногахъ, гдѣ кайма шире другихъ сторонъ, находится слѣдующая надпись, въ три строки, шитая серебромъ: «Сдѣланъ бысть покровъ сіи повелѣніемъ Василія Божіею милостію Государя всея Руси и Великаго Князя Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго и Тверскаго и Псковскаго (потомъ значекъ + и выноска ниже строкъ) и Смоленскаго (далѣе въ строку) «и иныхъ въ лѣто 7022 въ 9-е лѣто Государства его.» Буквы около главы мѣрою по $1^3/_4$ верш., на каймахъ верхней и боковыхъ по $1^1/_2$ верш., а на нижней по 1 верш. Весь покровъ длиною 3 арш., 3 верш., шириною $1^1/_2$ арш., подложенъ крашениною вишневаго цвѣта.

2. Лицевой Покровъ на раку Пр. Кирилла, даръ Царицы Анастасіи Романовны въ 1555 году. [133] На немъ, по травчатой черной камкѣ, вышитъ образъ Преподобнаго шелками: лице и руки тѣлеснаго цвѣта, хитонъ блѣдножелтаго, анавалъ голубаго, а внизу четыре поперечныя полоски краснаго, поясъ голубаго съ чернымъ, сандалія чернаго, мантія темновишневаго; свитокъ въ рукѣ вышитъ крученымъ серебромъ, и такимъ же золотомъ вышиты: цвѣточикъ по срединѣ пояса, вѣнецъ на главѣ, и на аналавѣ кресты, въ срединѣ большой четвероконечный съ подножіемъ, тростію и копіемъ, и около шеи два равноконечные малые, что все, кромѣ цвѣтка на поясѣ, какъ видно изъ Описи 1718 года, обнизано жемчугомъ; вѣнецъ въ видѣ мелкихъ шахматъ, а прочее прямыми полосками, и въ вѣнцѣ вставлены были два яхонта лазоревы и одинъ лалъ; жемчугомъ также вынизана была около главы надпись въ двѣ строки, крупными словами: «Преподобный Игуменъ Кирилъ Бѣлоезерскій Чудотворецъ;» земля подъ ногами вышита шелками, зеленымъ и краснымъ, перемѣшанными съ золотомъ, на подобіе тканья; кайма съ обѣихъ сторонъ обшита золотомъ въ видѣ тесьмы; въ срединѣ оной вышита серебромъ, по мѣстамъ вязью, слѣдующая надпись, не вездѣ сохранившаяся, въ которой притомъ слова перемѣшаны: Сїи покровъ здѣланъ бысть на чудотворныя мощи Преподобнаго отца нашего Кирила, Игумена Бѣлоезерскаго повелѣнїем Христолюбиваго Царя и Великаго Князя Ївана Васильевича и Самодержца всея Руси и его Благочестивые Царицы и великие Княгини Анастасїи (далѣе

должно слѣдовать имя Царевича, которое вставлено ниже) **великіе Соборныя и Апостольскія Церкви Преосвященному Макарію Митрополиту всеа.... и сына его благовѣрнаго Царевича Ивана Ивановича, въ двадесятое лѣто царства его, а въ двадесять четвертое лѣто отъ рождества его, лѣта ҂з҃з҃г индикта въ.... тогда правящу престолъ.** Прежде покровъ этотъ подложенъ былъ зеленою тафтою, а нынѣ безъ подкладки и ветхъ, особенно по каймамъ; длина онаго $3^1/_4$ арш., ширина 1 арш., $9^1/_2$ вершковъ.

3. Лицевой Покровъ на раку Пр. Кирилла, шитый золотомъ, серебромъ и шелками, по лазоревой травчатой камкѣ, вкладъ въ 1592 г. матери Царевича, св. Димитрія Іоанновича, царицы иноки Марѳы Нагихъ. [134] По срединѣ сего покрова вышитъ образъ Пр. Кирилла во весь ростъ, лице и руки шелкомъ тѣлеснаго цвѣта, хитонъ, въ видѣ мелкихъ шахматъ, шелкомъ лазоревымъ съ блѣдножелтымъ отливомъ, аналавъ голубымъ; по срединѣ онаго четвероконечный крестъ и внизу шесть поперечныхъ полосокъ сканнымъ золотомъ; мантія и на ней идущіе отъ плечъ крестообразно до пояса шнурки съ узелками и сандаліи, кофейнымъ, а проводы по одеждѣ вездѣ чернымъ, шелками; вѣнецъ и на немъ рѣпейки и травки золотомъ и серебромъ; свитокъ въ рукѣ серебромъ; надъ главою Преподобнаго образъ св. Троицы золотомъ и шелками, края каймы съ обѣихъ сторонъ золотомъ же, въ видѣ тесьмы, а надпись у главы и въ каймѣ тропарь и кондакъ Угоднику серебромъ; земля у ногъ его желтымъ шелкомъ. Повыше поперечной нижней каймы находится слѣдующая надпись вязью, съ титлами въ двѣ строки, вышитыя золотомъ: «Въ лѣто 7095 повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи и его Царицы и Великой Княгини Ирины Божію милостію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи сынъ его Царевичь Князь Димитрій Ивановичь Углицкій сій покровъ приложилъ Кириллу Бѣлоезерскому Чюдотворцу за ихъ Государево здоровье и за свое и за Матерь свою Царицу и Великую Княгиню Марію.» Прежде покровъ сей подложенъ былъ дорогами двоеличневыми, а нынѣ голубымъ коленкоромъ. Длина покрова 2 арш., 11 верш., ширина 1 арш, $7^1/_4$ верш.

4. Лицевой Покровъ, пожалованный, въ 1665 г., Царицею Маріею Ильиничною. [135] На немъ образъ Пр. Кирилла вышитъ золотомъ, серебромъ и шелками, именно: лице, власы и руки Преподобнаго бѣлымъ шелкомъ съ чертами темновишневаго, хитонъ

гороховымъ, аналавъ голубымъ, мантія и ряса темновишневымъ, а подкладъ у первой, съ лѣвой стороны нѣсколько открывшійся краснымъ; сандаліи: первая темновишневымъ, лѣвая задняя половина такимъ же, а передняя одинаковымъ съ подкладомъ мантіи; земля подъ ногами зеленымъ, свитокъ въ лѣвой рукѣ серебромъ, вѣнецъ съ пятью на немъ выпуклыми рѣпьями и между ними листики также; на аналавѣ у главы два равноконечные крестика, по срединѣ большой осмиконечный крестъ съ подножіемъ, копіемъ и тростію, пониже онаго два рядомъ равноконечные крестика и на низу три поперечныя полоски крученымъ золотомъ; надъ главою Преподобнаго образъ св. Троицы на свѣту шелкомъ голубымъ съ бѣлымъ въ видѣ лучей, а изображенія Ангеловъ золотомъ крученымъ съ шелками, зеленымъ и краснымъ, и серебромъ; свѣтъ около изображенія шитъ золотомъ съ серебряными разводами, надпись на каймѣ золотомъ, по зеленому штофу. Въ надписи изображено: «Повеленіемъ Благочестиваго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца и его благовѣрные и Христолюбивые Царицы и Великіе Княгини Маріи сдѣланъ сіи покровъ на гробницу Преподобнаго отца Кирилла Бѣлоезерскаго Чюдотворца при ихъ Государскихъ Благородныхъ чадахъ при Благородномъ Царевиче и Великомъ Князе Алексѣе Алексѣевиче і при Благородномъ Царевиче і великомъ Князе Θеодоре Алексѣевиче лѣта 7173 Маия въ 30 день.» Подложенъ оный голубою камкою. [138] Длина его 3 арш., 2 верш., ширина 1 арш., 9 вершковъ.

5. Лицевой Покровъ, шитый шелками, золотомъ, серебромъ и блестками, по малиновому бархату, вкладъ, въ 1671 г., Князя Якова Никитича Одоевскаго. [137] На семъ покровѣ Пр. Кириллъ изображенъ, какъ и на прочихъ покровахъ, во весь ростъ; лица, брада и руки вышиты бѣлымъ шелкомъ; аналавъ, спущенный съ главы, голубымъ, пять крестовъ на ономъ серебромъ, золотомъ и блестками, и внизу три поперечныя полосы золотомъ; на концѣ аналава нашита золотая бахрама; мантія вышита темнозеленымъ шелкомъ съ вишневымъ отливомъ, хитонъ рудожелтымъ; проводы на одеждѣ вездѣ изъ темнозеленой синели; вѣнецъ на главѣ Преподобнаго вышитъ золотомъ съ серебряными выпуклыми травами, земля подъ ногами золотомъ же, перевитымъ съ желтозеленымъ шелкомъ, и по краямъ обложена золотою

бахрамою; въ правой рукѣ Преподобнаго образъ Божіей Матери Одигитріи вышитъ золотомъ и серебромъ, а въ лѣвой раскрытый свитокъ, шитъ бѣлымъ шелкомъ, со словами изъ черной синели: «Не скорбите убо братіе», и проч.; по сторонамъ главы имя Преподобнаго, вышито золотомъ, серебромъ и частію шелками; кругомъ покрова широкая кайма, на которой вышиты золотомъ, крупными буквами, тропарь и кондакъ Угоднику; поле между буквами шито гладью голубою шерстью; края каймы обложены золотою бахрамою; подкладка подъ покровомъ изъ темновишневаго гроденапелю съ зелеными и красными мушками. Мѣрою покровъ въ длину 3 арш., 1 верш., ширину 1 арш., 14 вершковъ.[139]

6. Лицевой Покровъ, изъ кофейнаго атласа, на которомъ вышитъ шелками, бѣлымъ, свѣтлодымчатымъ, лазоревымъ и вишневымъ, образъ Пр. Антонія Печерскаго; проводы по лицу и платью вышиты чернымъ шелкомъ, а земля блѣднозеленымъ и свѣтлолазоревымъ; вѣнецъ на Чюдотворцѣ и у главы и на свиткѣ подписи шиты сканнымъ золотомъ; около покрова кайма изъ бѣлой тафты; на ней вышитъ золотомъ тропарь и кондакъ Пр. Антонію; вокругъ каймы края шиты золотомъ же, на подобіе витой тонкой веревочки. Атласъ и тафта очень ветхи, и послѣдняя вся изсѣклась. Весь покровъ подложенъ синею крашениною; мѣрою длины 3 арш., 2 верш., ширины 1 арш, 7 верш. Отъ кого и когда поступилъ въ здѣшній монастырь этотъ покровъ, не извѣстно, но оный уже находился здѣсь въ 1601 году.[139]

XIV. ПЕЛЕНЫ СО СВ. ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

1. Пелена, въ срединѣ изъ зеленой камки, а по угламъ изъ свѣтлозеленой, съ дорожками, шелковой матеріи, въ родѣ нынѣшняго гроденапеля: вкладъ, въ 1566 г., Княгини Старицкой, Евфросиніи.[140] На сей пеленѣ, въ кругу, обведенномъ золотомъ и шелкомъ, съ золотыми и серебряными лучами въ четырехъ мѣстахъ, выходящими на наружную сторону, вышито шелкомъ, золотомъ и серебромъ, Распятіе Господне, съ предстоящими, Божіею Матерію и Іоанномъ Богословомъ, и около онаго семь звѣздочекъ; городъ Іерусалимъ, Голгофа и Адамова голова вышиты шелками разнаго цвѣта; за кругомъ, противу угловъ, четыре круглые рѣпья, вышитые золотомъ же; около средника кайма широкая изъ алой

шелковой матеріи, въ родѣ гродетура; на оной вышитъ крупными буквами, золотомъ, серебромъ и шелками разныхъ цвѣтовъ, попеременно, по нѣскольку буквъ сряду однимъ матеріаломъ, кондакъ: «Искупилъ ны еси отъ клятвы законныя», и проч. Кайма съ обѣихъ сторонъ обшита золотомъ, въ видѣ тесьмы; пелена подложена розовою, теперь полинявшею, крашениною; на краю подкладки, съ правой стороны, нашита узкая полоска изъ шелковой, розоваго цвѣта, матеріи и на оной вышиты шелкомъ слова: «Сія пелена положеніе Княж Андрѣевы Княгини Ивановича старицы Евдокѣи.» Пелена мѣрою длины и ширины по 12 верш.

2. Пелена: вкладъ, въ 1598 г., Княгини Софьи Голицыной. [141] Свѣтъ на сей пеленѣ шитъ крученымъ золотомъ; на средникѣ пелены вышито шелками изображеніе Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго, во весь ростъ, съ воздѣтыми руками, изъ коихъ правая поднята на благословеніе, а лѣвая держитъ распростертый кверху свитокъ, на которомъ, по зеленому бархату, вышиты серебромъ слова, въ три строки: «Не скор» (не скорбите); вѣнецъ внутри вышитъ серебряною канителью, съ тремя порожними гнѣздами для камней, а по краямъ золотою; земля, подъ ногами Преподобнаго вышита шелкомъ; края средника кругомъ обшиты серебромъ въ видѣ узкой тесьмы; каймы вокругъ онаго изъ зеленаго бархата; на нижней каймѣ находится надпись, шитая серебромъ, въ три строчки: «Лѣта ҂зр шестаго делала пелену великому Чюдотворцу Кирилу старица Княгиня Соѳья Голицына и дала при настоящем игумене Корнилие при старце Леаниде по старце Князе Патрокее Ростовскомъ в вѣчної помин.» На каймахъ пелены прежде были дробницы серебряныя, позолоченныя. Пелена мѣрою длины 11 верш., ширины 8 вершковъ.

3. Пелена, въ срединѣ изъ блѣдноватой, а по краямъ изъ багровой камки; на средникѣ вышитъ бѣлымъ, дымчатымъ, кофейнымъ и лазоревымъ шелками образъ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго во весь ростъ, съ распростертыми, немного приподнятыми, руками, изъ коихъ въ лѣвой онъ держитъ шитый серебромъ свитокъ, простертый книзу, безъ словъ, а правая рука изображена сложенною для молитвы; вѣнецъ на Преподобномъ вышитъ золотомъ; надпись имени его, по обѣ стороны главы, серебромъ; земля подъ ногами желтозеленымъ шелкомъ; на каймѣ вышиты разными шелками «житіе и чудеса Препедобнаго;» вѣнцы на св. ликахъ сего житія и проводы шиты золотомъ, а надписи сереб-

ромъ; подкладка изъ блѣднозеленой тафты. Пелена длины 1 арш., 10 верш., ширины 1 арш., 6 верш. Когда и кѣмъ приложена эта пелена, неизвѣстно; въ 1601 г. она находилась въ Успенскомъ соборѣ у мѣстнаго образа Пр. Кирилла, съ житіемъ и чудесами его. [142]

4. Пелена, на коей, въ срединѣ, по темно-гвоздичному атласу (теперь очень ветхому) вышитъ образъ Успенія Божіей Матери съ предстоящими Спасителемъ, Ангелами, Апостолами и св. женами, шелкомъ разныхъ цвѣтовъ; вѣнцы на св. ликахъ, проводы на ризахъ Спасителя и надписи именъ святыхъ шиты золотомъ; по краямъ оной, верхнему и двумъ боковымъ, вышиты, по лазоревой камкѣ, въ кругахъ, шелкомъ разнаго цвѣта: въ срединѣ «Нерукотворенный образъ Спасителевъ», и по сторонамъ грудныя изображенія «двѣнадцати Апостоловъ;» вѣнцы на нихъ, проводы и надписи именъ шиты золотомъ; кайма вокругъ всей пелены изъ блѣдно-алой чешуйчатой камки; подложена зеленою крашениною. Пелена эта мѣрою длины 2 арш., 10 верш., ширины 1 арш., 7 вершковъ. Чей вкладъ, неизвѣстно; она уже значится въ описяхъ 1601 и 1635 г. [143] Можетъ быть, она приложена Княгинею Старицкою, Евфросиніею. [144]

5. Пелена, на которой, по зеленому атласу, вышитъ шелками образъ Преображенія Господня; вѣнцы у Спасителя и Пророковъ, лучи около Спасителя, проводы на ризахъ и надпись шиты золотомъ; на вѣнцѣ Спасителя три порожнія мѣста изъ подъ камней; кругомъ средника, на каймѣ изъ розовой тафты, вышиты шелками «Двунадесятые Праздники;» вѣнцы на св. ликахъ, проводы на ризахъ, надписи праздниковъ и между послѣдними тропарь «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже», и проч., шиты золотомъ; подложена желтозеленою тафтою; мѣрою длины и ширины по 11 вершковъ. Построеніе этой пелены надо отнести къ XVI столѣтію. [145]

6. Пелена, въ срединѣ изъ желтой травчатой, а по краямъ изъ свѣтло-сиреневой камки; на средникѣ вышиты шелками изображенія, во весь ростъ, трехъ Святителей: Петра, Алексія и Леонтія Ростовскаго, и трехъ Преподобныхъ: Кирилла, Сергія и Варлаама; вѣнцы на ризахъ, проводы и кресты на нихъ шиты золотомъ; надъ оными вверху образъ «Знаменія Пресвятые Богородицы» съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, въ горящей купинѣ, и по сторонамъ летящій «Ангелъ» и стоящій на колѣняхъ «Пророкъ

Моисей», вышиты бѣлымъ, кофейнымъ и лазоревымъ шелками; кругомъ пелены кайма изъ свѣтло-сиреневой, и по ней вышиты бѣлымъ, краснымъ, лазоревымъ и желтымъ шелками, въ кругахъ, поясныя изображенія: Нерукотвореннаго образа, Архангеловъ Михаила и Гавріила, Апостола Петра, Іоанна Златоустаго, Святителя Николая, Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Саввы, Варлаама, Іоасафа Царевича, Діонисія Глушицкаго, Евѳимія, Григорія Богослова, Святителя неизвѣстнаго и Апостола Павла; по ризамъ ихъ проводы и на главахъ вѣнцы шиты золотомъ; между изображеніями, на каймѣ, стихъ: «Да молчитъ всяка плоть человѣча», и проч., шитъ серебромъ, также и края каймы кругомъ шиты серебромъ же, на подобіе веревочки; мѣрою длины $10^1/_2$ верш., ширины $12^1/_4$ верш. Замѣчательно, что на сей пеленѣ въ надписяхъ именъ Угодниковъ слово: святыи вездѣ вышито по Гречески Русскими буквами такимъ образомъ: $\substack{\delta\alpha \\ o \\ \Gamma}$. Древность ея очевидна, хотя и нельзя опредѣлить оной по монастырскимъ документамъ. [146]

7. Пелена, на которой вышитъ образъ «Мученицы Ирины;» святая изображена во весь ростъ, съ распростертыми руками, и въ правой, поднятой кверху, она держитъ осьмиконечный крестъ, а въ лѣвой, опущенной книзу, развернутый свитокъ; у главы ея, съ обѣихъ сторонъ, два парящіе Ангела держатъ надъ нею корону; лице, власы и руки мученицы, равно какъ и Ангеловъ, вышиты шелкомъ, вѣнцы и корона золотомъ, нижняя одежда на мученицѣ и на одномъ изъ Ангеловъ и верхняя на другомъ, также свитокъ въ рукѣ мученицы серебромъ; верхняя одежда на ней золотомъ съ краснымъ шелкомъ; крестъ въ рукѣ ея и на Ангелахъ одежда, на одномъ верхняя, на другомъ нижняя, и крылья обоихъ золотомъ, подпись имени мученицы серебромъ, обведеннымъ въ видѣ рамки золотомъ; земля подъ ногами мученицы, проводы по одеждамъ и на свиткѣ символъ вѣры шелкомъ. Пелена сія вышита была по камкѣ чешуйчатой темногвоздичнаго цвѣта; но матерія эта истлѣла, и теперь остается оной только нѣсколько обрывковъ. Первоначально вѣнецъ на мученицѣ съ короною, крестъ въ рукахъ ея и вѣнцы на Ангелахъ обнизаны были жемчугомъ, и въ коронѣ на зубцахъ находилось четыре зерна Кафимскихъ; но теперь этихъ украшеній не имѣется. Пелена мѣрою длины $14^1/_2$ верш., ширины 1 аршинъ.

Полагать надобно, что пелена эта прислана сюда Царицею Ириною Θеодоровною, супругою Царя Θеодора Ивановича, въ честь которой здѣсь устроенъ, въ концѣ XVI ст., во имя ангела ея, мученицы Ирины, придѣлъ въ храмѣ Преображенія Господня, и теперь существующій, или, можетъ быть, царевною Ириною Михайловною, которая, какъ видно изъ Вкладной книги, участвовала со своими родителями и сестрами, въ приношеніяхъ здѣшней обители; [147] но изъ монастырскихъ документовъ не видно, откуда и когда поступила оная въ монастырь. [148]

XI. ЧАСОВНЯ, ПОСТРОЕННАЯ ПР. КИРИЛЛОМЪ.

Часовня, [149] о которой мы теперь будемъ говорить, находится въ монастырской оградѣ, въ маломъ Ивановскомъ монастырѣ, на склонѣ горы, на которой стоитъ церковь во имя Іоанна Предтечи, Усѣкновенія его главы, близь сей церкви, къ сѣверозападу отъ оной. Здѣсь, въ этой горѣ и прилежащей къ ней окрестности, Пр. Кириллъ, по обхожденіи многихъ мѣстъ въ предѣлахъ Бѣла-озера, узналъ то мѣсто, которое показано было ему Богоматерію въ Симоновѣ, для жительства, возлюбилъ его и изрекши: «Се покой во вѣкъ вѣка! Здѣ вселюся, яко Пречистая изволи е! Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, яко услыша моленіе мое!» водрузилъ на ономъ деревянный крестъ, и потомъ вскорѣ, возлѣ креста сего, ископалъ себѣ въ той же горѣ въ землѣ келлію. Такъ повѣствуетъ о водвореніи здѣсь Преподобнаго исторія житія его; [150] а устное преданіе къ сему присовокупляетъ еще, что онъ, вскорѣ по пришествіи сюда, устроилъ надъ симъ крестомъ деревянную часовню, и что стоящая теперь на показанномъ нами выше мѣстѣ часовня есть та самая, которую соорудилъ Преподобный. Первое преданіе согласно съ начальными обстоятельствами основанія имъ здѣсь обители; ибо изъ исторіи житія его видно, что къ построенію церкви онъ приступилъ спустя много уже времени, когда собралось къ нему большое число братіи, и что мѣсто, гдѣ онъ вселился, было «боръ велій и чаща», и онъ самъ сѣкъ тутъ лѣсъ и расчищалъ мѣсто: [151] весьма естественно было для Преподобнаго, прежде сооруженія церкви, труды рукъ своихъ употребить на св. дѣло: созданіе малой молитвенной храмины для себя и для сохраненія столь знаменательнаго, воздвигнутаго имъ здѣсь, св. креста. Послѣднее же

мнѣніе подтверждается указаніями древнихъ, какія только имѣются нынѣ въ монастырѣ, описей, хотя и не вполнѣ ясными и рѣшительными свидѣтельствами позднѣйшаго времени. Такъ въ описныхъ книгахъ 1601 г., въ переписи нагорнаго Ивановскаго монастыря, сказано: «На монастырѣ же у святых ворот часовня древяна невелика, гдѣ чюдотворец Кирил водрузил крестъ.» [152] Тоже повторено отъ слова до слова и въ описныхъ книгахъ 1622 г. [153] Но въ описи 1718 г. и во всѣхъ описяхъ XVIII ст. говорится о семъ яснѣе и опредѣленнѣе: «На меньшем же монастырѣ часовня рубленая, тесана с обѣ стороны, поставление Преподобнаго Кирилла чюдотворца.» [154] Въ настоящемъ же столѣтіи часовня сія, очевидно, не подверглась никакому значительному измѣненію, потому что она носитъ на себѣ всѣ признаки глубокой древности. Это подтверждается также и свидѣтельствомъ старожиловъ здѣшнихъ. Опишемъ ее здѣсь съ нѣкоторою подробностію, а равно и предметы священной древности, въ ней находящіеся.

1. Часовня сія деревянная, рубленая въ замокъ, изъ сосноваго лѣсу, обтесаннаго съ обѣихъ сторонъ, четырестѣнная, нѣсколько продолговатая, въ стѣнахъ крѣпкая; полъ въ оной деревянный (новый); потолка не имѣетъ; покрыта тесомъ на гвоздяхъ, со скалою, на два ската; входъ въ оную съ западной стороны черезъ небольшую дверь, въ щитѣ которой вверху прорублено малое окно и къ нему прибита желѣзная рѣшетка; другое волоковое окно находится въ южной стѣнѣ и закрывается деревянною задвижкою извнутри часовни. Величина часовни въ длину 3 арш., 14 верш., ширину 3 арш., 4 верш., въ вышину до кровли 2 арш., 12 верш., а посрединѣ до конька кровли 4 аршина.

Надъ нею въ 1811 г. [155] построена сѣнь на каменныхъ столбахъ съ арками; кровля на сѣни желѣзная, въ видѣ купола, съ фонарикомъ, увѣнчаннымъ главою и крестомъ изъ бѣлаго желѣза.

Въ описи 1718 г. и позднѣйшихъ того же столѣтія показаны въ сей часовнѣ: образъ явленія Богоматери Пр. Кириллу въ Симоновѣ, четыре большіе деревянные креста и деревянный подсвѣчникъ, и потомъ замѣчено: «Все чудотворца Кирилла моление, гораздо ветхи.» [156] Всѣ сіи священныя вещи существуютъ тамъ и теперь, кромѣ одного креста, неизвѣстно когда утратившагося. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ.

1. Икона, на которой изображено явленіе Божіей Матери Пр. Кириллу во время чтенія имъ акаѳиста, въ келліи, въ Симо-

ной монастырѣ; письмо очень ветхое; доска вышины 1 арш., 11⁶/₄ верш., ширины 1 арш., 6³/₄ верш. Нѣтъ сомнѣнія, что икона сія написана уже по кончинѣ и прославленіи Преподобнаго, вѣроятно, учениками его, потому что онъ изображенъ на ней въ вѣнцѣ.

2. Крестъ деревянный, осмиконечный, бѣлый, прикрѣпленный къ восточной сторонѣ часовни, мѣрою въ вышину 3 арш., 8 верш., ширину по большому поперечному дереву 2 арш., 2¹/₂ верш., толщину съ лица 2¹/₂ верш., съ боковъ 2 верш.

3. Крестъ деревянный, состоявшій въ послѣднее время изъ двухъ брусьевъ, продольнаго и большаго поперечнаго (верхнее и нижнее поперечныя дерева утрачены); на верхнемъ концѣ продольнаго дерева отчасти сохранилось изображеніе красками Серафима, и по всему кресту замѣтны остатки красокъ бывшаго на немъ письма; мѣрою продольное дерево 3 арш., 5³/₄ верш.; нижняя оконечность онаго круглая и въ окружности имѣетъ 1 арш., 1³/₄ верш.; поперечное дерево длиною 1 арш., 8³/₄ верш. Оба дерева весьма много обрѣзаны и обкусаны богомольцами, и отъ того толщину имѣютъ не вездѣ одинаковую, и первое въ окружности по срединѣ 5¹/₄ верш., а послѣднее отъ 10 до 12 верш. Верхнее и нижнее поперечныя дерева вставлены въ 1855 г. безъ обдѣлки, изъ остатковъ двухъ гнившихъ бревенъ, находившихся въ нижнемъ вѣнцѣ часовни Преподобнаго, съ восточной и сѣверной сторонъ оной.

4. Крестъ деревянный, осьмиконечный; продольное дерево онаго длиною 2 арш., 9 верш., въ окружности 4³/₄ верш., поперечныя дерева — верхнее длиною 1 арш., 8³/₄ верш., въ окружности 9¹/₄ верш., нижнее длиною 12¹/₄ верш. въ окружности отъ 9 до 12 верш. И этотъ крестъ также изрѣзанъ и искусанъ богомольцами.

Для сохраненія сихъ двухъ послѣднихъ крестовъ отъ совершеннаго истребленія богомольцами, на оные сдѣланы въ 1855 г. деревянные футляры, съ трехъ сторонъ глухіе, а съ четвертой, передней, со стеклами, и кресты, вмѣстѣ съ оными, утверждены въ деревянномъ полу, одинъ подлѣ другаго, въ восточной части часовни, впереди вышеописанной иконы.

5. Деревянный подсвѣчникъ, у коего поддонъ изъ цѣльнаго дерева, сверху вырѣзанный четырьмя кружками, расположенными одинъ выше другаго; стебель подсвѣчника точеный, въ видѣ плоскошарій и валиковъ; верхняя тарелка на оныхъ дере-

вянная, прежде обита была листовымъ желѣзомъ, котораго есть остатки и теперь; трубочки для свѣчи не имѣется; замѣтно, что поддонъ и тарелочка выкрашены были краскою красною, а стебель былъ позолоченъ; вышиною подсвѣчникъ 1 арш., 5 вершковъ.

Примѣчаніе. Выше упомянуто было, что Пр. Кириллъ, возлѣ водруженнаго имъ креста, ископалъ для себя въ землѣ келью. Кельи этой теперь незамѣтно ни какихъ слѣдовъ; но надъ мѣстомъ, гдѣ она находилась, сооружена небольшая деревянная рѣшетчатая часовня, и въ ней водруженъ деревянный крестъ, на которомъ написано красками Распятіе Господне. Часовня длины 1 саж., 3/4 арш., ширины 1 саж. съ 1/4 арш., вышины 1 саж., 1 арш. Покрыта тесомъ также, какъ и часовня Преподобнаго; входъ въ оную съ сѣверной стороны. Крестъ мѣрою въ вышину 3 1/4 арш., ширину, по большому поперечному дереву, въ 1 арш., 13 1/2 верш. Ширина деревъ продольнаго и поперечнаго 7 верш., толщина 1 1/4 верш. Въ описи 1718 г. и въ другихъ того же столѣтія она называется «новопоставленною часовнею, что надъ земляной кельею Чудотворца Кирилла.» [157] Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія надъ нею устроенъ каменный чехолъ, во всемъ подобный вышеописанному, находящемуся надъ часовнею Преподобнаго.

XVI. КОЛОКОЛА.

Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, славящійся нынѣ огромнымъ и прекраснымъ звономъ, издревле богатъ былъ колоколами. Изъ Описи 1601 г. [158] видно, что тогда находились въ ономъ: 1) большой колоколъ, вѣсомъ 938 пуд., вылитый въ 1596 г., въ Москвѣ, изъ мѣди, купленной на монастырскій коштъ, и изъ старыхъ семи колоколовъ, которые нарочито были для того разбиты; 2) вторый колоколъ въ 400 пуд., литый во Псковѣ, даръ Князя Петра Шуйскаго; 3) третій колоколъ во 100 пуд., литый при игуменѣ Вассіанѣ (1562—1564); [159] 4) колоколъ во 100 пудъ, литый при игуменѣ Кириллѣ II (1564—1569); 5) шесть колоколовъ зазвонныхъ и красныхъ, и кромѣ того у двоихъ часовъ, на церкви Архангела Гавріила, два колокола перечасныхъ небольшихъ, и на башнѣ одинъ колоколъ большой и два перечасныхъ. [160] Впрочемъ, монастырь здѣшній не безпрерывно былъ такъ богатъ колоколами; въ 1732 г. изъ большихъ колоколовъ находились въ ономъ только одинъ воскресный и вновь слитый корноухой

полiелейный. [161] Изъ старыхъ колоколовъ нѣкоторые, по повелѣнiю Государя Императора Петра I, перелиты на пушки, [162] а другiе перебились. Изъ послѣднихъ въ 1755 — 1760 г. слиты, съ прибавкою мѣди, новые большiе колокола, нынѣ существующiе. Замѣчательнѣйшiе изъ нихъ три первые:

1. Большой колоколъ, именуемый Мотора, безъ ушей, (оторвались во время благовѣста), на желѣзныхъ болтахъ, вѣсомъ 1200 пуд. Слитъ сей колоколъ въ 1755 г. на мѣстѣ, въ Кирилловѣ монастырѣ, Московскимъ мастеромъ, Иваномъ Гавриловымъ. На сѣверной сторонѣ онаго находится литой образъ Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго, а на южной Успенiя Божiей Матери, и кругомъ колокола вверху, въ двухъ строкахъ, и внизу, въ одной, слѣдующая, также литая, выпуклыми буквами, надпись: «Во славу Пресвятыя, Единосущныя, животворящiя и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа и Пресвятыя Владычицы нашее Богородицы и Приснодѣвы Марiи, честнаго и славнаго ея Успенiя и Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Кирилла Игумена Бѣлоезерскаго Чудотворца, при державѣ Благочестивѣйшiя Самодержавнѣйшiя великiя Государыни нашея Императрицы Елизавети Петровны, Самодержцы Всероссiйскiя, при Наслѣдникѣ ея внукѣ Петра перваго и Благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и супругѣ его благовѣрной Государынѣ великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и при благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, вылитъ сей колоколъ въ Кирилловѣ монастырѣ Бѣлоезерскомъ благословенiемъ Преосвященнаго Серапiона, Епископа Вологодскаго и Бѣлоезерскаго, тщанiемъ сея обители Архимандрита Вавилы збратiею, вѣсу въ немъ ҂а пудъ [163] въ лѣто отъ сотворенiя мiра ҂зсѯг, отъ рождества по плоти Бога Слова ҂аѱнє-го декабря, лилъ сей колоколъ Московскiй мастеръ Иванъ Гавриловъ.» Мѣрою сей колоколъ внутри, отъ сковороды до краевъ боя, 2 арш., 15 верш., толщиною въ краяхъ 6 верш, шириною въ разводѣ 4 аршина.

2. Колоколъ, именуемый Лебедь, вѣсомъ 400 пуд., слитъ въ 1756 г. также здѣсь, въ Кирилловѣ монастырѣ; имя мастера неизвѣстно. На семъ колоколѣ вылиты рельефомъ на одной сторонѣ образъ Воздвиженiя честнаго креста, на другой, противоположной, птица лебедь, и кругомъ вверху и внизу надпись, подобная предыдущей, оканчивающаяся словами: «Вылитъ сей коло-

колъ въ Кирилловѣ монастырѣ, къ соборной Церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и Кирилла Бѣлоезерскаго Чудотворца, на собранные отъ духовныхъ и мирскихъ людей подаяніемъ.[164] Вѣсу въ немъ 400 пуд. 1756 году Августа дня.» Мѣрою сей колоколъ внутри, отъ верха до краевъ боя, 2 арш., 4 $^{1}/_{2}$ верш., толщиною въ краяхъ 5 $^{1}/_{4}$ верш., шириною въ разводѣ 2 арш., 14 $^{1}/_{4}$ верш.

3. Колоколъ, именуемый Апостольскій или полиелейный, вѣсомъ 205 п., 30 ф., вылитый въ 1760 г. на мѣстѣ же, Бѣлоезерскаго цѣха мастеромъ Иваномъ Сухаревымъ. На семъ колоколѣ находятся, по срединѣ, кругомъ онаго, литыя изображенія 9-ти Серафимовъ и надпись, подобная вышеписаннымъ, оканчивающаяся словами: «Вылитъ сей колоколъ, званіемъ апостольскій, въ Кириловѣ монастырѣ, Бѣлозерскаго цѣха мастеромъ алдермономъ Иваномъ Калининымъ, сыномъ Сухаревымъ, въ лѣто 1760 году Іюля дня, а вѣсу въ немъ 205 пудъ 30 фунтовъ.» Мѣрою внутри, отъ верха до краевъ боя, 1 арш., 15 верш.; толщиною въ краяхъ 3 $^{1}/_{2}$ верш., шириною въ разводѣ 2 арш., 7 $^{3}/_{4}$ вершка.

4. Изъ колоколовъ стараго литья замѣчательны два слѣдующіе небольшіе колокола:

а. Колоколъ иностраннаго литья, съ надписью: TSER VERA VIRTVS TACITA ANNO M· DC· XL· IV· Далѣе слова заклеймены. Мѣрою этотъ колоколъ внутри, отъ верха до краевъ, 11 $^{1}/_{2}$ верш., толщиною въ краяхъ 1 $^{2}/_{4}$ верш., шириною въ разводѣ 15 верш. Вѣсъ неизвѣстенъ, а положить можно немного болѣе 10 пуд.

б. Колоколъ иностраннаго же литья, на немъ находятся слѣдующія надписи: IESVS SAGATUA OP NOBIS MENTE SE TAM SPONTANEAM HONORE DEO VT PRIE LIBERATIONE; подъ изображеніемъ стоящаго Спасителя: SALVATOR MVNDI; на срединѣ съ другой стороны: A° 1646. Мѣрою колоколъ, внутри до боя, 10 верш., толщины въ краяхъ 1 $^{1}/_{4}$ верш., ширины 12 верш. Вѣсъ неизвѣстенъ, а полагать надо поболѣе 8 пудъ.

Примѣч. Кромѣ сихъ, еще имѣется на колокольнѣ 12-ть колоколовъ, изъ коихъ повседневный вѣсомъ 125 пудъ, вылитъ въ 1756 г., и именуемый Чудотворцевъ, 38 п., слитъ въ 1739 г., и у колоколенныхъ часовъ 7-мь колоколовъ небольшихъ.

Б.

ДРЕВНОСТИ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ВЕЩИ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ КЪ БОГОСЛУЖЕНІЮ.

Предметовъ сего рода нынѣ находится въ монастырѣ весьма немного. Вотъ все, что мы можемъ показать теперь въ этомъ родѣ любопытному посѣтителю обители нашей:

1 Духовная грамота Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго Удѣльному «Князю Андрею Дмитріевичу Можайскому и Бѣлоезерскому,» сыну Великаго Князя Димитрія Ивановича Донскаго.

Грамота эта писана на обыкновенной бумагѣ, въ видѣ столпца, длиною 11 верш., шириною 3½ верш., и была сложена мелкими складками, коихъ 13-ть. Характеръ письма въ оной, близкій къ полууставу, мелкій, но четкій и красивый, съ частыми заглавными буквами, которыя протянуты за строки, не кверху, а книзу, съ титлами и съ выноскою нѣкоторыхъ буквъ на верхъ строки и со всѣми общеупотребительными знаками препинанія, и сверхъ того съ особеннымъ, состоящимъ изъ трехъ точекъ (.·.), а изрѣдка и со знаками придыханія надъ начальными гласными буквами и съ удареніями; слова, между которыми нѣтъ знаковъ препинанія, ставлены близко одно къ другому; изъ буквъ отличается очертаніемъ ч, вездѣ писанный въ видѣ ипсилона малаго и большаго: V, Y и з, которая писана такъ: ʒ, а это несомнѣнный признакъ древности письма; правописаніе обыкновенное, древнее.

Представляемъ здѣсь эту грамоту отъ слова до слова:

"☩ Во имя святыя живоначальныя Троицы Азъ грѣшный Кирилло Игуменъ, смотрихъ яко постиже мя старость, впадохъ бо въ частыя и различныя болѣзни, ими же ныне сдержимь есмь, человѣколюбнѣ отъ Бога казнимъ, ради моихъ грѣхъ, болезнемъ на мя умножившимся нынѣ. Яко же иногда никогда же. И ничто же мі возвѣщающе развѣ смерть; и судъ страшный Спасовъ будущаго вѣка: И во мнѣ смутис сердце мое исхода ради, и страхъ смертныи нападе на мя: боязнь и трепетъ страшнаго судища прииде на мя; и покры мя тма недоумѣнія, что сътворити не съвѣмь: Но възвергу печаль на Господа; да той сътворить яко же хощетъ, хощетъ бо всѣмъ человѣкомъ спастися.·. Се

азъ Кирило игуменъ черньчищо грѣшный, пишу сию грамоту при своемъ животѣ, и въ своемъ смыслѣ: предаю монастырь трудъ свой, и своее братии Богу и пречистѣй богородици Матери Божи, царицы небѣснѣй. И господину князю великому сыну своему Андрѣю Дмитріевичу; И сына своего благословляю въ свое мѣсто, священноинока инокентиа: И ты господине князь великый бога ради и пречистое дѣля богородици, и своего ради спасенія, имене ради своего нищего грѣшна человѣка: какову еси господине имѣлъ любовь доселѣ къ пречистѣй богородици и к нашей нищетѣ, при моем животѣ; Тако бы еси господинѣ и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ пречистѣй богородици; и сыну моему инокентию; и къ моей братици, которыи имутъ, по моему житьицу жити; а игумена слушати: а что еси господине подавалъ свое жалование грамоты свои пречистѣй богородици и моей нищетѣ, что бы то господине твое жалование и грамотки не подвижны были, какъ и доселѣ господине при моемъ животѣ. Такъ бы господине и по моемъ животѣ было; за неж господине Княз великый, нам твоим нищим нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ. но только господине Богомъ и пречистою богородицею и твоим господине жалованіем нашего господина и господаря: А тобе господина Князя великаго сына моего Андрея Дмитріевича; Елика исповѣдалъ еси Богу и пречистѣй богородици, и мнѣ своему отцю, яко человѣкъ плот нося съгрешивъ, Втомъ тебе въ всем Богъ простить и благословитъ: Такожъ и госпожю мою дщирь Княгиню великую Огрофену Богъ проститъ и благословитъ. Також госпожю и дщирь мою Княжну Анастасию Богъ проститъ и благословитъ. А милость Божья и пречистой богородицы на тобѣ на моем господинѣ Княз велікомъ Андрѣи Дмитриевичѣ да будетъ. и на твоей Княгинѣ великой, госпожѣ нашей Ографенѣ, и на вашемъ сыну на нашемъ господинѣ Князѣ Иванѣ. И на всѣх ваших дѣтках. И мое благословеніе и молитва и братіи моее. Господине и господине Князь великый Андрѣй Дмитриевичь много молю тя о семъ и челомъ бью съ своею братицею. По бозѣ и по пречистой богородици тобѣ своему господарю, однова сыне игуменотъ ти иметъ жаловати на которую братию. Которые господине не имутъ его слушати, а по волѣ его не ходятъ, а мое житище грѣшна человѣка имутъ перечинивати, и азъ господина своего и господари тобе съ слезами много молюся о томъ, чтобы еси господине, тому не попустилъ быти. А тѣхъ бы еси

господине чюнулъ крѣпко, кто по моему житьицю не ходить, а игумена не имеетъ слушати. И ты господине тѣхъ вели и изъ монастыря выслати.

Духовная сія, въ «Исторіи Россійской Іерархіи,» [165] названа писанною собственною рукою Пр. Кирилла; но едва ли имѣющаяся нынѣ въ монастырѣ можетъ быть сочтена за подлинную; потому что 1) въ описи 1732 г. [166] замѣчено о духовной Чудотворца, что «печать у нее вислая на черномъ воску,» а у нынѣшней грамоты печати не имѣется, [167] и даже невидно признаковъ, чтобы оная была при ней, если только печать эта не была прикрѣплена къ грамотѣ слишкомъ низко и не оторвана съ бумагою; 2) потому особенно, что текстъ нынѣшней грамоты очень разнится отъ того, который напечатанъ въ «Исторіи Россійской Іерархіи» [168] и много пространнѣе онаго. Впрочемъ, судя по характеру письма, духовная сія можетъ быть отнесена ко времени Пр. Кирилла, или началу XV ст.

Грамота сія подклеена вишневою травчатою, полинялою камкою, вѣроятно, предъ составленіемъ описи 1802 г., въ которой въ первый разъ замѣчено сіе, и нынѣ хранится въ ризницѣ, въ деревянной рамкѣ, съ лица позолоченной по гунфарбѣ, за стекломъ

Примѣчаніе. Въ «Исторіи Россійской Іерархіи», [169] между собственными вещами Преподобнаго показаны еще и напечатаны тамъ три копіи съ трехъ посланій его къ Великому Князю Василію Димитріевичу и братьямъ его, Юрію и Андрею; но сихъ грамотъ теперь въ монастырѣ не находится.

2. Двои желѣзныя вериги, изъ коихъ однѣ съ двумя крестами напереди и назади, вѣсомъ $8^1/_2$ фун., другія напереди съ однимъ крестомъ и назади съ четвероугольною дощечкою, вѣсомъ $5^1/_4$ фун. Вериги сіи считаются, по устному преданію въ монастырѣ, принадлежавшими Пр. Кириллу Бѣлоезерскому; но въ описяхъ старинныхъ не значатся.

3. Нѣсколько келейныхъ вещей Пр. Кирилла. Въ описяхъ XVII и XVIII ст. вещей, принадлежавшихъ Преподобному, показано: часть клобука, шуба баранья, ковшъ деревянный, тесьма ременная съ деревянною пряжкою и карманцемъ кожанымъ, [170] (клобукъ въ Описи 1732 г. названъ камилавкою) [171] и въ карманцѣ денежка; [172] посохъ деревянный черемховый [173]., крестъ воротной золотой, а внутри онаго деревянный, [174] и оловянная

миса. [175] Опись 1802 г. клобукъ Преподобнаго называетъ колпакомъ, [176] и приписываетъ ему же еще деревянный поставецъ, въ которомъ помѣщались вышепоказанные миска оловянная, ковшъ и поясъ Угодника, [177] а Опись 1840 г. еще причисляетъ къ вещамъ его двѣ мѣдныя чашки въ кожаныхъ влагалищахъ, неизвѣстно, на какомъ основаніи, но умалчиваетъ о поставцѣ, оловянной мисѣ, воротномъ крестѣ и денежкѣ въ карманцѣ, [178] которыхъ теперь уже не находится въ монастырѣ и, вѣроятно, не было оныхъ и при составленіи той Описи. Опишемъ то, что сохранилось до настоящаго времени изъ вышепоименованныхъ вещей.

а. Колпачекъ, вязанный изъ сканной, жесткой шерсти коричневаго цвѣта, въ два ряда, безъ подкладки, по краямъ обившійся и въ срединѣ съ дирами, мѣрою спереди длины поболѣе 3 верш., сзади 5 верш., въ окружности по низу 2 арш. невступно.

б. Нагольный тулупъ изъ черныхъ овчинъ; покрой онаго сзади прямой, безъ выемки у поясницы; на полахъ 12-ть кожаныхъ (вышныхъ) пуговокъ и столько же и такихъ же петелекъ, во всю длину тулупа нашитыхъ; воротникъ стоячій, шириною $2^1/_2$ верш., подолъ оторочень овчиннымъ безъ шерсти ремешкомъ; рукава у запястья съ приставками изъ той же овчины, на подобіе глухихъ обшлаговъ; шуба мѣрою длины 1 арш., 13 верш., ширины въ станѣ между рукавами 1 арш., въ подолѣ 4 арш., 7 верш. Шерсть во многихъ мѣстахъ побита молью и кожа разодрана, и около диръ индѣ оборвана.

в. Кожаный поясъ (татаурецъ), изъ сыромятнаго ремня, длиною $2^1/_2$ арш., шириною $^3/_4$ верш., напереди съ деревянною пряжкою, которая длиною $1^3/_4$ верш., шириною $1^1/_2$ верш.; наономъ сумочка изъ черной кожи, четвероугольная, по бокамъ съ разставками, а вверху съ наметкою или закрышкою, шитая въ строчку, внутри подложена кожею краснаго цвѣта и вдоль перегорожена такою же кожею, сшитою вдвое, съ наметкою же, на коей выстрочены красными и голубыми нитками разныя фигуры, длина оной $5^1/_4$ верш., ширина $4^1/_4$ верш., привѣшена за двѣ приклепанныя къ ней пряжечки изъ красной, полуженой, мѣди, на сыромятныхъ, вдвое свитыхъ ремешкахъ, и спускается отъ пояса на 2 вершка.

г. Деревянный посохъ (дорожный, а не церковный) изъ черемховаго дерева, съ клюшкою; клюшка натуральная, прямая, о два рожка; продольное деревцо нѣсколько дугообразное; въ концѣ

онаго вставленъ острый четверосторонній гвоздь, а дерево около онаго обито желѣзомъ; посохъ длиною 1 арш., $12^{1}/_{2}$ верш., толщиною въ окружности у рожковъ $1^{3}/_{4}$ верш.; рожки длиною поменѣе 6 вершковъ.

д. Деревянный корневой ковшъ, круглый, тонкій, покрытый красною краскою, большею частію стертою, и олифою; у онаго носокъ тупый, не много и не круто приподнятый, ручка отломлена; на лѣвомъ краю небольшая сквозная трещина; ковшъ ширины поверху $4^{1}/_{4}$ верш., глубины $1^{1}/_{2}$ верш. Ковшъ этотъ содержится во влагалищѣ, состоящемъ изъ деревянной чашки, съ такою же крышкою, которыя снаружи оклеены черною кожею и обогнуты сыромятнымъ ремнемъ; внутри обложены толстымъ сукномъ, по краямъ теперь обившимся; у крышки нижній край обломанъ; на верху оной посрединѣ небольшая впадина; ремень стягивается передвижнымъ ременнымъ кольцемъ, и у верхняго края крышки разорванъ поперекъ, а у нижняго надорванъ.

е. Нельзя оставить безъ вниманія и двухъ мѣдныхъ чашекъ со влагалищами, о которыхъ мы упомянули выше. Хотя они и слишкомъ поздно причислены къ вещамъ, принадлежавшимъ Преподобному; но глубокая ихъ древность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; древность эта особенно очевидна на кожаныхъ влагалищахъ, которыя должно признать современными вышеописанному поясу и футляру для ковша.

а. Чашка изъ красной мѣди, безъ поддона, въ видѣ ковшика, съ короткою ручкой на шолнерѣ изъ той же мѣди; ручка вверху покрыта рѣзными разводами, а въ срединѣ оной сквозная вырѣзка наподобіе сердечка; снаружи чашки по краямъ, съ четырехъ сторонъ, вырѣзано по слову: Ч. С. Е. П.; чашка поверху ширины $4^{1}/_{4}$ верш., $1^{1}/_{2}$ верш. Она хранится въ кожаномъ влагалищѣ, похожемъ на ушатую шапку; на уши оной, сквозь пришитый къ нимъ бѣлый сыромятный ремень, пропущенъ для закрышки кожаный колпакъ въ видѣ воронки; ремень, перегнутый вдвое, длиною 9 верш., а колпакъ длиною $5^{1}/_{2}$ верш., шириною въ разструбѣ 6 верш.

б. Чашка изъ красной же мѣди, во всемъ подобная предъидущей, но ручка у оной безъ вырѣзки и покрыта сверху рѣзьбою, въ видѣ разводовъ; съ наружной стороны чашки по краямъ узенькій карнизецъ изъ двухъ чеканныхъ рубчиковъ и подъ онымъ вырѣзаны тѣ же самыя буквы, какія и на первой; чашка шириною $3^{3}/_{4}$ верш., глубиною поболѣе 1 верш. Она хранится въ кожаномъ влагалищѣ, въ видѣ ковшика, съ кожаною рукояткою,

покрытою кожею же; влагалище снаружи оклеено зеленымъ сафьяномъ и опоясано вдоль, вмѣстѣ съ крышкою, передвижнымъ ремнемъ, продѣтымъ въ кожаныя ушки, къ нимъ пришитыя; ремень вверху состегнутъ желѣзною пряжкою; внизу на ономъ передвижное желѣзное колечко; длина ремня 8 вершковъ.

Оба сіи влагалища, равно какъ и то, въ которомъ содержится деревянный ковшъ, приспособлены къ тому, чтобы страннику-пѣшеходу нести въ нихъ съ удобствомъ и бережно необходимую въ дорогѣ посуду. Это подаетъ поводъ заключать, что Пр. Кириллъ несъ ихъ на себѣ, когда шелъ сюда изъ Москвы.

4. Кубокъ (сосудъ въ видѣ большой рюмки) серебряный, снаружи и внутри позолоченный, вкладъ, въ 1626 г., патріаршаго Дьяка, Никифора Шипулина,[179] замѣчательный своими фигурою и величиною. У сего кубка поддонъ снизу плоско-выпуклый, а кверху по срединѣ въ видѣ опрокинутой кубоватой чашки; на нижней части поддона шесть чеканныхъ, высоко-выпуклыхъ, продолговатыхъ, лощоныхъ яблоковъ, и столько же на верхней такихъ же, и между яблоками чеканные разводы, цвѣты и плоды, три человѣческія лица и три птицы; внутри снизу стаканъ поддона закрытъ сглуха серебрянымъ, позолоченнымъ кружкомъ, на коемъ чеканныя изображенія цвѣтовъ и плодовъ, по мѣстамъ покрытыя поливою. Надъ поддономъ рукоятіе о три состава, шестигранное; на первомъ составѣ онаго внизу тумба круглая, гладкая, а на верху валикъ шестигранный и по сторонамъ на винтикахъ шесть завитушекъ, изъ коихъ три подлиннѣе позолоченныя, и три покороче бѣлыя; на второмъ составѣ въ срединѣ шестигранный валикъ съ чеканными рѣпейками, а кверху въ видѣ луковицы съ шестью гранями, и на каждой грани по чеканному выпуклому гладкому яблоку, и на яблокахъ по литой фигурѣ въ видѣ Херувима, безъ позолоты, на винтахъ; третій составъ внизу въ видѣ блюдца чеканнаго, а вверху шестиграннаго столбика, обложеннаго на винтахъ шестью маленькими завитушками. Надъ рукоятіемъ большая чаша, снизу выпуклая, въ срединѣ сжатая, прямая, въ видѣ стакана, кверху опять широкая, въ видѣ обыкновенной чашки съ поддономъ; на нижней и верхней выпуклостяхъ оной по шести чеканныхъ, продолговатыхъ, большихъ яблоковъ, и между ними на первой чеканные цвѣты и разныя фигуры, а на послѣдней такія же три миѳологическія женскія поясныя изображенія и три цвѣтка съ плодами; на срединѣ чаши на

стаканѣ въ шести чеканныхъ рамкахъ шесть такихъ же изображеній, изъ коихъ три женскія, символическія, во весь ростъ, и три морскихъ звѣрей. Крышка на кубкѣ накладная, серебряная, сверху и снизу позолоченная; края у оной плоскіе, горизонтальные, сверху чеканные, средина выпуклая, съ шестью чеканными выпуклыми, продолговатыми, гладкими яблоками, между коими чеканныя изображенія цвѣтовъ, плодовъ и трехъ лицъ человѣческихъ, окруженныя разводами; по срединѣ крышки на столбикѣ, обставленномъ шестью завитушками и накрытомъ кровелькою въ видѣ опрокинутаго блюдца, литая фигура всадника, поражающаго копьемъ, попираемаго конемъ его, крылатаго четвероногаго змія. Кубокъ мѣрою вышины съ крышкою $14^1/_2$ верш., а чаша глубины поболѣе $4^3/_4$ верш., ширины у краевъ 4 верш., вмѣстимостію $3^1/_2$ бутылки. Вѣсу въономъ 5 ф., 35 золот.

5. Кубокъ серебряный, снаружи и внутри позолоченный, подобный вышеописанному, но гораздо менѣе онаго и безъ чеканныхъ изображеній людей и животныхъ, и еще съ тѣмъ отличіемъ, что рукоятіе у онаго состоитъ изъ каріатида (безъ позолоты), который представляетъ мужчину съ длинною бородою, поражающаго палицею змія, и на крышкѣ, вмѣсто всадника, ваза съ ручкою, въ которой рѣзный бѣлый цвѣтокъ, а подъ нею рѣзныя завитушки; поддонъ съ внутренней стороны открытый безъ позолоты. Мѣрою кубокъ вышины съ крышкою 11 верш., чаша глубины $2^1/_2$ верш., ширины поверху поболѣе 2 верш., вмѣстимостію поменѣе одной бутылки; вѣсомъ 1 ф., 54 зол. Чей вкладъ, неизвѣстно; а сооруженъ этотъ кубокъ, безъ сомнѣнія, не позднѣе XVII столѣтія.

6. Кубокъ серебряный, съ самою тонкою позолотою съ лица и внутри. Поддонъ у онаго снизу плоско-выпуклый съ карнизомъ и двумя валиками, а на срединѣ съ шеею и яблокомъ; валики и яблоко чеканные, и на послѣднемъ шесть плоскихъ, гладкихъ ложечекъ. Рукоятка въ видѣ вазы, покрытой чеканомъ, съ выпуклыми шестью яблочками и наверху тремя литыми подставочками, въ видѣ изогнутыхъ стебельковъ. Чаша снизу кубоватая, по срединѣ съ перехватомъ, а вверху въ видѣ обыкновенной чайной чашки съ поддонцемъ; на бокахъ оной внизу и вверху чеканныя мелко-выпуклыя полушарія и между оными чеканные разводы. Крышка серебряная, накладная, по срединѣ плоско-выпуклая, съ гл[illegible] выпуклыми и рѣзными фигурами; на срединѣ оной

шейка гладкая съ чеканною покрышечкою и четверо-равноконечнымъ крестикомъ. Мѣрою кубокъ вышины съ крышкою и крестикомъ невступно 7 верш., чаша глубины $2^1/_2$ верш., ширины по верхнему краю $2^1/_4$ верш., вмѣстимостію $^3/_4$ бутылки; вѣсомъ 1 ф., 24 зол. Чей вкладъ, также неизвѣстно

7. Кубокъ изъ кокосоваго орѣха. Поддонъ у онаго серебряный, выпуклый, по мѣстамъ покрытый рѣзьбою; рукоятіе серебряное короткое, по срединѣ съ плоскою чеканною перекрышечкою, а наверху небольшою чашечкою, которая поддерживаетъ орѣхъ; верхній край орѣха обложенъ серебромъ, устье онаго сдѣлано изъ серебра же, въ видѣ низенькаго стакана, и тотъ и другое покрыты рѣзными фигурами водяныхъ птицъ, разводами и цвѣточками; орѣхъ съ трехъ сторонъ охваченъ тремя серебряными отвѣсными полосками, которыя соединяются съ верхнимъ окладомъ и нижнею чашечкою шолнерами; крышка на кубкѣ серебряная накладная, по срединѣ выпуклая съ рѣзьбою цвѣтовъ, но сверху оной гладкая шейка съ чеканною плоскою покрышечкою, и на послѣдней небольшое серебряное литое изображеніе четвероногаго животнаго съ крыльями, въ сидячемъ положеніи, у котораго въ переднихъ лапахъ таблички, съ вырѣзанными вглубь словами: M S; по нижнему горизонтальному краю крышки кругомъ вырѣзана, также вглубь, слѣдующая надпись: EET × VUDE DRIUCK × GODT × UIT × EU × VERGET. Мѣрою кубокъ съ крышкою вышины $5^3/_4$ верш., чаша глубины 3 верш., ширины въ горлѣ $1^1/_2$, вмѣстимостію немного поменѣе бутылки; вѣсомъ 1 ф. Отъ кого поступилъ въ монастырь, не извѣстно.

8. Кресла изъ простаго дерева, съ прямою, довольно высокою, наверху рѣзною, спинкою и точеными ножками, выкрашенныя голубою масляною краскою; подушки на нихъ для сидѣнья и за спиною покрыты зеленымъ травчатымъ полубархатомъ; локотники накладные, сверху съ подушечками, покрытыми такимъ же полубархатомъ (уже ветхимъ), а снизу сдѣлана на нихъ чернилами слѣдующая подпись крупными уставными буквами: «7176 Марта дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никономъ Патріархомъ въ заключеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрмѣ». [180] Кресла вышиною отъ пола до сидѣнья $10^1/_2$ верш., до верха спинки 1 арш., 6 верш., шириною 14 верш., глубиною 14 вершковъ.

9. **Надъ оными на стѣнѣ поясный портретъ Патріарха Никона**, писанный маслянами красками. Патріархъ изображенъ въ среднихъ лѣтахъ, въ полномъ Архіерейскомъ облаченіи, съ поднятою правою рукою для благословенія, а въ лѣвой съ посохомъ безъ сулка, на персяхъ съ одною панагіею и крестомъ и въ митрѣ на верху съ крестомъ; надъ митрою надпись въ одну прямую строчку: «Святѣйшій Никонъ Патріархъ Московскій и всея Россіи», противу митры, съ правой стороны, въ углу, написанъ видъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, и надъ онымъ изображеніе Воскресенія Христова. Портретъ мѣрою вышины 1 арш., 2 верш. невступно, ширины 14 верш. Рамка у онаго гладкая, плоская, изъ простаго дерева, обложенная съ лица, въ срединѣ краснымъ, а по краямъ и угламъ чернымъ. Гдѣ и когда писанъ сей портретъ, и отъ кого поступилъ въ монастырь, неизвѣстно. Въ описяхъ монастырскихъ оный до настоящаго времени не значился, но древность его очевидна

10. **Клобукъ изъ бѣлаго крепа съ травами**, покроемъ сходный съ нынѣшними клобуками, только сшитъ для низкой камилавки съ узкимъ верхомъ и гораздо короче употребляющихся въ настоящее время; низъ у онаго надставленъ поперечною вставкою; края обшиты плоскимъ шелковымъ шнуркомъ; швы, середній во всю длину клобука, и нижній до воскрылій, шиты въ тачку, въ двѣ строчки; передъ подложенъ бѣлою шелковою травчатою матеріею, въ видѣ треугольника, завязка изъ шелковаго шнурка. Клобукъ мѣрою длины 15 верш., ширины въ нижнемъ концѣ со вставною стрѣлкою 7 верш., воскрылія пришиты въ разстояніи отъ верхняго конца клобука на 7 верш., а отъ нижняго на 5 верш.; длины воскрылія $6^1/_2$ верш., ширины $3^3/_4$ верш. Чей этотъ клобукъ, неизвѣстно. Въ монастырѣ нѣкоторое время приписывали оный Патріарху Никону, но это невѣроятно, потому что на Патріаршескихъ клобукахъ обыкновенно нашивались Серафимы и кресты обнизные, а на семъ клобукѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, что находились на ономъ подобныя нашивки, а также по тому, что такой клобукъ слишкомъ малъ, коротокъ и узокъ для Патр. Никона, который, какъ извѣстно, былъ большаго роста и мужественъ. Съ большею вѣроятностію полагать надобно, что оный принадлежалъ Нижегородскому Митрополиту Исаіи, который въ 1708 г. посланъ былъ въ здѣшній монастырь на смиреніе, тутъ скончался 1720 года, Ноября 14 дня, и тутъ же погребенъ. [161] Клобукъ сей пришелъ уже въ ветхость и хранится въ деревянномъ футлярѣ за стекломъ.

11. Медаль золотая. На ней, съ одной стороны, грудное изображенie Императора Петра 1-го и кругомъ надпись: «Петръ Велики Iмператоръ И самодержецъ Всеросiски родился 30 маiя 1672»; другая сторона раздѣлена на двѣ неравныя половины, изъ коихъ на верхней, меньшей, на гладкомъ полѣ, изображены двѣ человѣческiя фигуры, стоящiя одна за другою; изъ нихъ одна держитъ вѣнокъ, а другая, по видимому, горящiй факелъ, и около оныхъ, по краю медали, полукружiемъ надпись: «Виждь какову оставихъ тя;» на нижней половинѣ изображены море и берегъ морской, и на послѣднемъ сидящiй рыцарь и около его разные символы, военныя принадлежности и древо, а на первомъ, т. е., на морѣ, корабль и гребное судно, и внизу надпись въ двѣ прямыя строчки: «Преставился 28 генваря 1725.» Медаль величиною со старинный полтинникъ, а вѣсомъ 3 зол. невступно. Въ описи 1732 г. значится, что медаль сiя дана при погребенiи Императора Петра 1-го Кирилловскому Архимандриту Иринарху. [182]

12. Медаль серебряная. На ней, съ одной стороны, грудной портретъ Императрицы Анны Iоанновны и около онаго надпись «Б. М. Анна Iмператрица I самодержица Всеросиская»; на другой изображенie во весь ростъ той же Императрицы и около ней трехъ человѣческихъ фигуръ, изъ коихъ одна возлагаетъ на Императрицу корону, другая вручаетъ ей правою рукою скипетръ, а въ лѣвой держитъ крестъ, третiя подаетъ ей державу и имѣетъ при себѣ съ правой стороны якорь; надъ головами ихъ полукружiемъ надпись: «Богомъ Родомъ i сими:» и внизу въ три прямыя строчки другая надпись: «Коронована в Москве дня 28 Апреля 1730.» Медаль шириною $1^1/_2$ верш., толщиною съ нынѣшнiй мѣдный трикопѣечникъ, вѣсомъ 24 зол. Кому пожалована и отъ кого поступила въ монастырь, неизвѣстно. Въ первый разъ показана здѣсь въ Описи въ 1732 году. [183]

13. Гербъ Россiйской Имперiи, въ видѣ двуглаваго орла, изъ мелко-настриженной шерсти чернаго цвѣта, наклеенной на окрашенномъ бѣлою краскою холстѣ; на головахъ орла по небольшой коронѣ и повыше оныхъ, въ срединѣ, третья большая корона и въ лапахъ скипетръ и держава, всѣ изъ шерсти красной, равно какъ и на корпусѣ орла и на крыльяхъ цвѣтки, на первомъ три, а на послѣднихъ по одному; орелъ длиною отъ головы до хвоста 14 верш., шириною по распростертымъ крыльямъ $15^1/_2$ верш.; поле около орла покрыто разводами и цвѣтами изъ

шерсти же чернаго и краснаго цвѣтовъ. Вся картина вышины 1 арш., $10^1/_2$ верш., ширины 1 арш., 5 вер. Рама у оной деревянная, дорошатая, позолоченная по гунфарбѣ. Откуда поступилъ сей гербъ въ монастырь, или по какому случаю оный построенъ здѣсь, неизвѣстно, а вѣроятно сдѣланъ оный въ память посѣщенія здѣшняго монастыря, въ 1722 г., Февраля 11 дня, Императоромъ Петромъ 1, [184] и Марта 10-го, супругою его, Императрицею Екатериною 1, [165] подобно тому, какъ, по такому же случаю, устроенъ и поставленъ надъ монастырскими св. вратами рѣзный деревянный гербъ въ Нижегородскомъ Макарьевскомъ монастырѣ. [186]

Окончивъ симъ обозрѣніе наше, предоставляемъ любителямъ отечественныхъ древностей судить, въ какой мѣрѣ заслуживаютъ ихъ просвѣщеннаго вниманія описанныя здѣсь древнія и рѣдкія вещи, сохранившіяся по нынѣ въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ.

3 Апрѣля, 1857 года.

Въ Кирилловѣ монастырѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. Знаменитая нынѣ на Бѣломъ морѣ обитель Соловецкая получила начало свое позже Кириллова монастыря, и одинъ изъ первыхъ основателей ея, Пр. Савватій, былъ постриженикъ сего послѣдняго (прест. по Слѣд. Псалт. въ 1462 г.), а приходить въ устройство и извѣстность стала уже во времена игуменства въ ней Св. Филиппа (1548=1568).

2. Монастырь здѣшній посѣщали: Кн. Андрей Дмитріевичь Верейскій и Бѣлозерскій, сынъ В. Кн. Димитрія Донскаго, и Кн. Михаилъ Бѣлевскій съ супругою, еще при жизни Пр. Кирилла; Кн. Михаилъ Андреевичь Бѣлозерскій и Можайскій, сынъ Верейскаго, вскорѣ по кончинѣ Преподобнаго; В. Кн. Василій Васильевичь Темный со всѣмъ своимъ семействомъ въ 1447 г, В. Кн. Василій Ивановичь съ супругою въ 1529 г., Царь Иванъ Васильевичь трижды: въ дѣтствѣ своемъ, въ 1545 г, во второй разъ по взятіи Казани съ Царицею Анастасіею, и въ третій въ 1569 г., съ Царицею Маріею и дѣтьми своими, Иваномъ и Ѳедоромъ; Кн. Евфросинія Старицкая въ 1566 г. и потомъ много разъ изъ Горицкаго монастыря; оттуда же супруга (четвертая) Царя Ивана Васильевича, Анна Алексѣевна, въ иночествѣ Дарія, и невѣстка его, супруга (вторая) сына его Ивана, Пелагія Михайловна, въ иночествѣ Параскева, послѣдняя многократно, и дочь Царя Годунова, старица Ольга Борисовна, въ 1606 г.; Петръ Великій въ 1722 г., и въ томъ же году, чрезъ мѣсяцъ послѣ его, Императрица Екатерина I. Житіе Пр. Кирилла, рукоп. въ л. Истор. Рос. Іерар. ч. IV, стр. 400. Вклад. кн. Кир. монаст. 1603 г. въ 4-ю д. л. Опись Кир. монастыря 1732 г., стр. 61 на обор. Приходорасх. кн. 1606 г. Обиходн. Келар. начала XVII ст. въ 4-ю д. л.

3. Въ Приходорасх. кн. XVII ст., вмѣстѣ съ вкладами въ монастырь отъ значительныхъ людей, обыкновенно означался и пріѣздъ ихъ сюда; на пр. въ Іюнѣ 1606 г.: «Приходила из Гор в монастырь Старица Царица Параскова молитца, дала на молебен рубль 16 алтын 4 денги»; въ Августѣ того же года: «Приходила из Гор в монастырь Старица Ольга Борисова дочь Годунова, на молебен дала рубль денег». Изъ сихъ книгъ видно, что въ здѣшній монастырь пріѣзжали для богомолья въ томъ же 1606 г. дворяне: Иванъ Васильевичь Малюковъ, Ѳедоръ Супоневъ и Богданъ Сночинъ; Государевъ Ключ-

никъ Григ. Лобановъ, Петръ Даниловичь Истленевъ, Княгиня Шуйская, супруга Кн. Дмитрія Ивановича, Исаакъ Семен. Погожій, изъ Прилуцкаго монастыря Геннадій, бывшій Епископъ Псковскій, Кн.' Тимофей Шехонцкой, Княгиня Старица Агаѳья дочь Шереметева, Илья Ростопчинъ, Князь Матѳей Вадбольской; въ 1616 г. Князь Иванъ Шаховской съ братьями, Кн. Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, Кн. Андрей Васильевичь Сицкій; въ 1627 г. изъ Смоленска дѣти боярскіе: Скобелевы, Иванъ Васильевичь Волынскій, Кн. Алексѣй Ивановичь Воротынскій и др.; въ 1630 г. Государевъ Дворянинъ Ѳома Владиміровичь Малыгинъ, Кн. Андрей Андреевичь Голицынъ, Камен. монастыря Архим. Герасимъ, Алексѣй Никитичь Годуновъ; въ 1633 г. Бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, Кн. Яковъ Коденековичь Черкасскій, Кн. Никита Ивановичь Одоевскій, Государевъ Дворянинъ Иванъ Гавриловичь Кондыревъ; въ 1637 г. Кн. Иванъ Ивановичь Шуйскій, съ Чаронды Воевода Андрей Просовецкій, Кн. Борисъ Михайловичь Лыковъ; въ 1650 г. Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ (навсегда); Князья: Михаилъ Васильевичь, Никита Ивановичь и Ѳедоръ Никитичъ Одоевскіе, Кн. Алексѣй Михайловичь Львовъ и другіе.

4. На пр., Кн. Борисъ Даниловичь Палецкій, въ иночествѣ Боголѣпъ; Шереметевы: Иванъ Васильевичъ Большой, въ иночествѣ Іона, Ѳедоръ Ивановичъ, въ иночествѣ Ѳеодосій, Иванъ Ивановичъ, въ иночествѣ Іоасафъ, Умной Колычевъ, Иванъ Ивановичь, въ иночествѣ Іоасафъ, Хабаровъ, Елизаръ Цыплятевъ, въ иночествѣ Евѳимій, Лопухинъ, въ иночествѣ Паисій, Чемесовъ, въ иночествѣ Іоаннъ, Ѳедоръ Колединскій, въ иночествѣ Ѳеоктистъ, Кн. Семенъ, въ иночествѣ Серапіонъ, Сицкій, Умной, въ иночествѣ Ѳеодоритъ, Булгаковъ, въ иночествѣ Зиновій, Иванъ Третьяковъ, въ иночествѣ Іона, сынъ Алексѣя Ѳомича и др. Посланіе Царя Ивана Васильевича въ Кир. монастырь, рукоп. XVII ст. въ 4-ю д. л., Вкладн. кн. 1603 г. въ 4-ю д. л., Обиходникъ Келар. начала XVII ст. въ 4-ю д. л., Вклад. кн. того же ст. въ 4-ю д. л., Приходорасх. кн. 1625 и 1650 г.

6. Въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ погребены изъ Князей и именитыхъ людей, кромѣ здѣшнихъ постриженниковъ, еще: Князья Воротынскіе: Владиміръ Ивановичь, Александръ Ивановичъ, Михаилъ Ивановичь, Логинъ Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ, Алексѣй Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ и Иванъ Алексѣевичъ, Кн. Василій Дмитричь Палицкій, Кн. Михаилъ Кубенскій; Шереметевы: Іеремія Ивановичь, Иванъ Васильевичъ Меньшой, Григорій Ивановичъ и Никита Васильевичъ; Кн. Ѳедоръ Прозоровскій, Кн. Семенъ Ивановичъ Кемскій, Кн. Иванъ Петровичъ Шуйскій, Князья: Михаилъ Иванъ и Венедиктъ Нащокины, Кн. Димитрій Елецкій, Иванъ Петровичъ Чихачевъ, Никита Ивановичъ Истленевъ, Андрей Александровичъ Квашнинъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Голицынъ, въ иночествѣ Діонисій, Алексѣй Ѳомичъ Третьяковъ, въ иночествѣ Александръ, жена его, инока Анна, и Софія, жена Василья Третьякова, Кн. Ѳедоръ Андреевичъ Телятевскій, Княгиня инока Агаѳія, супруга Царевича Кайбулича, дочь Шереметева, и др. Здѣсь же окончили дни свои и погребены: Аѳанасій, Архіепископъ Полоцкій, Косьма,

Архіепископъ Казанскій, Алексій, Епископъ Вологодскій, Кассіанъ, Епископъ Рязанскій, Матѳей, Епископъ Крутицкій, и Амвросій, Епископъ Пензенскій. Кн. Кормов. Кир. монастыря въ 4-ю д. л., пис. въ началѣ XVII ст., Вклад. кн. въ л., стр. 223 на обор., Синод. Корм. старца Матѳея Никифорова въ 4-ю д. л., Приходорасх. кн. 1605 и 1630 г.

6. У Царя Ивана Васильевича и Царевичей, Ивана и Ѳедора, были въ здѣшнемъ монастырѣ, у каждаго, свои особыя кельи. См. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю д. л., гдѣ значится подъ 1567 г.: «Царь Іоаннъ Васильевичь далъ 200 рублевъ на кѣльи»; подъ 1668 г. «Царь.... прислалъ дѣисусъ с празники и пророки и велѣл поставити в кѣліи свои»; подъ 1570 г.: «Царевичъ Іванъ Івановичъ.... дал образ Пречистые Богородицы.... а поставити тот образ въ Царевичевѣ Ивановѣ кѣліи, да на кѣльи далъ 200 рублевъ»; подъ тѣмъ же годомъ: «Царевичь Ѳедоръ Ивановичъ дал образ Пречистые Богородицы.... а велѣл тот образ поставити в кѣліи своеи... да пожаловал вклад 500 да 100 рублевъ на кѣльи».

7. Три посланія Пр. Кирилла Бѣлоезерскаго къ В. Кн. Василію Дмитріевичу и братьямъ его, Юрію и Андрею. Ист. Рос. Іер. ч. IV, стр. 403—417. Житіе Пр. Кирилла, рукоп. Кир. монастыря въ л., Акты монастырскіе: Списокъ XVI ст. съ грам. Удѣл. Кн. Дмитровскаго, Андрея Васильевича 1472 г., Подлин. отводныя книги 1482 г., двѣ Вкладныя книги, писанныя въ началѣ XVII ст. въ 4-ю л. и въ л., Списокъ XVIII ст. съ грам. Царя Ивана Васильевича 1556 г.

8. Вклад. кн. XVII ст. въ л. Тоже 1603 г. въ 4-ю л.

9. Тамъ же.

10. Тамъ же. Значительныхъ вкладовъ деньгами поступило въ XVI и XVII и частію въ началѣ XVIII ст. 140,330 руб., 46 коп.; въ семъ числѣ отъ одного Царя Ивана Васильевича 24,425 руб. Извѣстно, что у насъ, по Указу 1536 г., выдѣлывалось изъ фунта по 6-ти тогдашнихъ рублей; на семъ основаніи вкладъ Царя Ивана Васильевича положить можно, приблизительно, въ 92,600 рублей нынѣшнихъ. Отъ отца его, В. Кн. Василія Ивановича, 1000 рублей.

11. Книги Кирил. монастыря окладныя и проч., писан. въ 1701 г.

12. Изъ Сундучныхъ книгъ Кирил. монастыря видно, что съ 1601 по 1611 г. отъ продажи соли поступило въ монастырскую казну 41,312 руб., 4 алт., и съ 1612 по 1622 г. 32,644 руб., 18 алтынъ съ деньгою. Монастырскія угодья были: въ Каргоп. уѣздѣ, на Двинской сторонѣ, на устьяхъ рѣкъ Золотицы и Пушкохты, также въ Ненoксѣ, въ Лапшенгѣ и въ Кузь рѣкѣ. Книги Кир. монастыря Окладн., писанн. въ 1701 г. Рыбныя ловли находились, кромѣ Бѣла озера и Шексны рѣки, въ Поморьѣ, въ р. Уньбѣ. По грамотѣ Царя Михайла Ѳедоровича позволено было монастырю торговать въ Поморьѣ семгою съ гостемъ Голландскимъ, Карпомъ Ивановымъ Демулинымъ. См. торговыя условія съ нимъ въ 1614—1629 г., также Приходорасн. книга того же времени. Впрочемъ, что касается до денегъ, то, какъ видно изъ Приходорасходныхъ книгъ XVII ст., весьма много расходовалось оныхъ не

на монастырскія собственно надобности, а на плату пошлинъ въ казну съ с'ѣн, на государственныя ополченія, которыя тогда были весьма часты, и т. п. Въ 1605 г., въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, записана въ расходѣ, между прочимъ, слѣдующая статья: «Игумен Селиверстъ и старцы соборные выдали на Царьское вѣнчаніе, и на приход Государыне и на поставленіе Патриярху и боляромъ на новоселье 203 рубли 26 алтынъ 4 денги». Это былъ расходъ на Димитрія Самозванца, жену его, Марину, и Игнатія лже-Патріярха. Но для Самозванца этого было мало; вскорѣ, именно въ Декабрѣ, того же года, онъ взялъ отсюда «на свой обиходъ» пять тысячь рублей (на нынѣшнія деньги около 19,850 р., сер.), за которыми пріѣзжалъ сюда съ грамотою его Василій Самаринъ. См. Приходорасх. кн. Казначея Филарета 1605 г. и Кн. расх. Сундучныя съ 1601 по 1611 г.

13. Приходорасх. кн. XVII ст.

14. Опис. кн. Кир. монастыря XVII и XVIII ст.

15. Опис. кн. Кир. монастыря XVII и XVIII ст.

16. Вклад. кн 1603 г. въ 5-ю л. Тоже XVII ст. въ л. Описн. кн. XVII, XVIII ст. и 1802 г.

17. Туда отправлено: осѣнальныхъ крестовъ серебряныхъ 5 и 1 золотой, малыхъ крестовъ золотыхъ, серебряныхъ, аспидныхъ, костяныхъ и т. п. 46-ть, панагій 12-ть, шапокъ архимандр. 4, евангелій напрестольныхъ печатныхъ 2 и древнее письменное 1, кивотовъ съ иконами 15-ть, подсвѣчниковъ сереб. 6-ть серегъ сереб. 20-ть, прокладокъ изъ евангелій, шитыхъ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, 15-ть, ризъ 14, оплечье бархатное жемчужное 1 и т. п., всего 218 нумеровъ. Опись, отправлен. въ 1785 г. въ Москву, въ Московскую Св. Правител. Синода Контору, изъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря ризничнымъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ вещамъ, тетрадь въ л. на 99 листахъ. На одномъ изъ печатн. евангелій на окладѣ была слѣдующая надпись: «Лѣта 7186 въ царство благочестивыя державы Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, въ третіе лѣто царства его, и при его Великаго Государя братіяхъ Государѣ Царевиче и Великомъ Князе Іоаннѣ Алексіевиче и при Государѣ Царевиче и Великомъ Князѣ Петре Алексіевиче, сіе св. евангеліе по обѣщанію своему построила тетка ихъ Государева Благовѣрная Государыня и Великая Княжна Татіана Михаиловна въ обитель Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и Преп. отца нашего Кирилла, Бѣлоезерскаго Чудотворца, по своихъ царскихъ родителяхъ в вѣчное поминовен'е». Есть преданіе, что въ здѣшнемъ монастырѣ, въ послѣдней четверти XVIII ст., находилось жемчугу, снятаго съ облаченій и другихъ вещей, около четверика, и весьма много дорогихъ камней, и что извѣстный Архимандр. Іакинѳъ Карпинскій (былъ здѣсь настоятелемъ 1774—1797 г.), по усердію и видамъ своимъ, передалъ тотъ жемчугъ и камни Князю Потемкину-Таврическому.

18. Обозрѣніе свящ. древностей, наход. въ Свято-Троицкой Александро-Невской Лаврѣ. Спб. 1853 г.

19. Репорты Преосв. Амвросію М. Н-му и Н. Д. Консисторіи отъ 27 Авг. 1812 г., за № 63 и 64. Въ числѣ пожертвованныхъ вещей находились: 1) чаша сереб. вѣсомъ 4 ф., 17 зол., на которой была съ лица, на четырехъ кругахъ, надпись: «Василій Божіею милостію Великій Господарь всея Русіи и Великій Князь.» 2) Чаша же сереб, 1 ф., 4 зол., съ надписью: «Братина Великого Князя Юрья Ивановича.» 3) Ковшъ серебр. вѣс. 1 ф., 87 зол., на которомъ была надпись: «Божію милостію Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Руссіи Самодержецъ лѣта семь тысячь сто пятьдесятъ девятаго году пожаловалъ Государь царь симъ ковшемъ стольника Ивана Васильевича Алферьева за великую и Царскую службу.» 4) Ковшъ такой же, вѣс. 1 ф., 7 зол., съ надписью: «Божіею Милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ пожаловалъ симъ ковшемъ 720 р. Бѣлозерца посадскаго человѣка Θедора Чопыжникова за приборъ, что онъ будучи на Бѣлѣозерѣ въ Таможнѣ головою настоящаго сбору 204 году у цкару прибралъ 379 рублевъ». 5) Шандалъ и блюдо сереб., вкладъ Боярина Кн. Ивана Алексѣевича Воротынскаго. 6) Стаканъ такой же, съ надписью: «Достоканъ Боярина Θедора Ивановича Шереметева, вѣсу въ немъ гривна, шесть золотниковъ». Опись 1802.

Еще ранѣе, въ смутное царствованіе Василья Ивановича Шуйскаго, взято отсюда, вѣроятно, также на государственныя надобности нѣсколько серебряной посуды, какъ-то: 3 кубка, 2 стопы, 12-ть чарокъ. 1 стаканъ и 1 ковшъ, какъ это видно изъ отмѣтокъ въ современномъ спискѣ съ Описныхъ книгъ 1601 г., въ которомъ противу сихъ вещей сдѣланы помѣтки: «Взял Царь Василій». Въ числѣ оныхъ были: одна стопа, вѣсомъ 6 ф., 12 зол., и три чарки, вѣсомъ—одна 2 ф., 4 зол., а двѣ по 1 ф., 45 зол. «изъ Государевы дачи», т. е., вклады Царя Ивана Васильевича, а ковшъ—вкладъ Велик. Кн. Юрія Ивановича. Тутъ же о двухъ другихъ кубкахъ, изъ коихъ у одного «на покрышке деревцо, а у покрышки венец сканной с θиниоты», вѣсомъ 6 ф., 15 зол.; на другомъ «на покрышке человѣкъ», вѣсомъ 7 ф., безъ 2 золотн. вкладъ Андрея Щелканова, замѣчено: «116 году, Генваря в 6 ден игумен Матфѣй и старцы соборные тѣ кубки ударили челом Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичу всея Руси и Государине Царице Великои Княгине Марье на ихъ Государей радость». Въ тоже время поднесена была имъ же, игуменомъ, Ростовскому Митрополиту Іонѣ, серебряная братина, вѣсомъ 3 ф., безъ 3-хъ зол., вкладъ также Щелканова.

20. Тогда исключено изъ описи 1802 г. иконъ въ серебрян. окладахъ 334-ре кивотовъ съ образами 8-мь, крестовъ 78-мь, панагій 23, складней 21, облаченій, низанныхъ жемчугомъ: оплечьевъ отъ ризъ 2, епитрахиль, поручи, набедренникъ, палица, 3 пелены, 2 убруса, ожерелье и т. п. Кромѣ того собрано серебра изъ уничтоженныхъ св. сосудовъ, блюдъ и другой утвари и выжеги $1\frac{1}{2}$ пуда, 13 зол. Опис. 1802 г., ч. III.

21. Въ семъ году снято съ иконъ, архим. крестовъ и панагій, драгоцѣнныхъ камней: вениисъ, яхонтовъ, лаловъ, бирюзъ, изумрудовъ и т. п. 240-къ,

жемчугу и зеренъ Кафимскихъ и Бурмицкихъ 9226, золота 62½ зол., и продано серебряной утвари вѣсомъ 2 п., 13 ф. 67 зол. Въ числѣ послѣдней находятся два блюдца и звѣзда серебряныя, пожертвованныя Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, вклады Боярина Ѳ. И. Шереметева, Кн. Ивана Ивановича Кубенскаго. См. Опис. 1802 г., ч. II, Дѣло 1844 г. о повѣркѣ описи церк. имущества Кирил. монастыря.

22. Нынѣшній каменный Успенскій соборъ построенъ въ 1496 г. (Обиходникъ К. М-ря Старца Ѳеан. Бобоѣдова, въ 4-ю л.), а церковь во имя Пр. Кирилла первоначально сооружена была въ 1598 г. См. Списокъ съ надписи на антиминсѣ, данномъ въ сію церковь въ 7106/1598 г. Царь Иванъ Васильевичь (ум. въ 1584 г.), въ извѣстномъ посланіи своемъ въ Кирилловъ монастырь, между прочимъ писалъ: «А во все, над Воротынскими» (Кн. Владиміръ Ивановичь, замученный Царемъ въ 1554 г.) «Церковь ест поставили, и над Воротынскимъ церковь, а над чудотворцемъ нѣтъ, Воротынской в церкви, а чудотворец за церковію». Рукоп. Кир. М. въ л., писан. полууст. въ XVII ст. Отсюда очевидно, что въ то время мощи пр. Кирилла находились внѣ церкви; но изъ того, что тотъ же Царь, въ бытность свою, съ супругою своею Маріею, и сыновьями, Иваномъ и Ѳеодоромъ, въ здѣшнемъ монастырѣ, въ 1567 г., ставилъ отъ имени сихъ дѣтей своихъ пудовыя свѣчи у Кириллова гроба (Грам. его Вологод. погребному ключнику, Сабурову, хранящ. въ М-рѣ, писан. въ 7075/1567 г.), заключить надобно, что надъ оными была устроена тамъ палатка или часовня. Мощи угодника находились также внѣ прежней деревянной церкви успенія Божіей Матери, въ мѣстѣ, на которомъ построенъ нынѣшній соборъ, какъ это видно изъ житія его (Ркп. Кир. М., пис. полууст., въ л.), гдѣ замѣчено объ одной женѣ, получившей исцѣленіе при гробѣ Преподобнаго: «пріиде в монастырь жена, иже слѣпо око имущи, всѣх утаився по заутрени, и приходит в гробницу, идѣже есть гроб блаженнаго Кирилла». Прежде изъ собора въ церковь пр. Кирилла была небольшая дверь, за которою въ ниши помѣщалась гробница угодника. Гробница эта до нынѣшней раки была каменная, какъ видно изъ Описныхъ книгъ 1601 г., гдѣ сказано: «а въ церковь» (Пр. Кирилла) «вшед на лѣвой сторонѣ в гробницѣ в каменнной чудотворец Кирил, а на гробнице покровъ»... Теперь стѣна собора противу мощей разобрана и сведена аркою, а отъ того рака Преподобнаго стала принадлежать сколько церкви, во имя его сооруженной, столько же, и еще болѣе, собору.

23. Вклад. кн. К. М-ря въ л., стр. 122 на обор. и 123. Онъ же Ѳ. Ив-чь и тогда же повѣсилъ въ подножіи надъ ракою Пр. Кирилла серебряную лампаду вѣсомъ 6½ ф., цѣною 40 руб., 26 алт., 4 ден., но лампады этой нынѣ въ монастырѣ нѣтъ. Тамъ же. Еще ранѣе Шереметева пожертвовалъ на раку Преподобнаго Иванъ Ивановичь Хабаровъ 1000 руб. (умеръ въ 1565 г.) (См. Вклад. кн. 1603 г., гдѣ сказано: «да Иванова» (Хабарова) «подаянія 1000 рублевъ на чюдотворцову раку».

24. Житіе Пр. Кирилла, рукоп. Кир. монастыря, писанн. полууст., Описн. книги 1601 г. въ 4-ю д. л., гдѣ сказано о сей иконѣ: «В церкве у

Пресвятые Богородицы на правой сторонѣ царскихъ дверей образъ Пресвятые Богородицы Одегетрея Чюдотворной.... что явилася Чюдотворцу Кирилу». Приходорасходная тетрадь въ 4-ю л., писан. скорош. о сооруженіи ризы на сію икону. Въ началѣ этой рукописи значится: «Лѣта 7120 году Сентября въ 9 день память.... что взято из ризницы и из казны серебра на оклад Пречистые Богородицы Чюдотворному образу, юже Чюдотворецъ Кирилъ с собою принесе по явленію, иже бѣ на Симонове....» Тоже во всѣхъ другихъ монастырскихъ описяхъ.

25. Вклад. кн. въ л. стр. 44. «Да онъ же (Преосв. Пименъ) обложилъ икону Пречистые Богородицы Чюдотворный образ, с которою пришелъ Кирилъ Чюдотворецъ.

26. Тамъ же л. 35.

27. Тамъ же л. 4.

28. Книга «приходъ и расходъ, что пошло на окладъ къ Пречистой Богородице» и проч., л. 7120.

29. Тамъ же.

30. Въ Описи 1764 г. замѣчено о сей иконѣ: «Риза серебряная чеканная, золоченая, построена вновь».

31. Черновая отписка Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Патр. Филарету Никитичу игумена Ѳеодосія въ 1633 г.

32. Что икона сія точно писана Преп. Діонисіемъ, это подтверждается: 1) Вкладными книгами Кирил. монастыря, въ которыхъ, подъ 1565 г., записано: «Княгиня.... инока Евдокея (Евфросинія Старицкая).... приложила къ образу Кирилу Чюдотворцу, чудотворному Діонисіева письма гривну золоту и проч. 2) Приходорасх. тетрадью 1614 г. объ украшеніи сей иконы, гдѣ значится: «Лѣта 7122 году Сентября въ 27 день Христолюбцы.... дали на окладъ чюдотворнаго образа, его же писал чудотворецъ Дионисей Глушицкій при животѣ Чюдотворца Кирила». 3) Надписью, тогда же вырѣзанною на кивотѣ, въ которомъ помѣщается сей образъ, и 4) всѣми Описьми, какія въ Мрѣ имѣются съ начала XVII ст., на пр въ Описн. кн. 1601 г. сказано: «Образ пядница преподобнаго Кирила чудотворца, а писал преподобный Деонисій Глушицкой при чудотворце Кириле».

33. Книга «приходъ и расходъ что пошло на окладъ и проч. См. выше.

34. Во Вклад. кн. К. М-ря въ 4-ю л., на стр. 10 записано: «Лѣта 7056 Царь и Государь и Великій Князь Іванъ Васильевичь вся Русіи, и Царица Великая Княгини Анастасія присылали по образ по чудотвонцевъ, и приложил Царь и Государь и Царицы Государыни ко образу чудотворцеву пелену з жемчюгомъ».

35. Описи М-кія 1718 и др. годовъ.

36. Въ Описныхъ книгахъ К. М-ря 1621 г. въ 4-ю л. значится: «Образъ мѣстной (въ соборѣ) Успенія Пресвятые Богородицы Рублева письма» и проч. Описаніе оного тамъ во всемъ сходно съ нынѣшнимъ, кромѣ привѣсокъ. Тоже въ Описн. кн. 1635 г. въ 4-ю л. и 1668 г. О книгахъ послѣдняго года см. брошюру: Оружейная палата К. Б. М-ря. Спб. 1851 г. Хотя не съ

такою ясностію, но тоже самое замѣчено еще ранѣе въ Приходорасходной тетради объ устроеніи ризы въ 1614 г. на икону Пр. Кирила, писанную св. Діонисіемъ, гдѣ сказано: «да у Успенія Пречистые Богородицы отъ Рублеваго письма взять рѣпей златъ» и проч. Извѣстно, что старецъ Рублевъ писалъ иконы въ Московскій Благовѣщенскій соборъ, въ Сергіеву Лавру, въ Андроніевъ м-рь и въ др. церкви. Преставился въ 1430 г. и погребенъ въ Андроніевѣ м-рѣ. У Зымыцкаго онъ считается между святыми. Каталогъ всѣхъ Росс. Святыхъ, ркп. К. М-ря въ л.

37. Онѣ другой работы, отличной отъ оклада, и построены уже въ позднѣйшее время, около 1760 г. Смог. Описи 1732 и 1764 г.

38. Въ описяхъ послѣдняго времени (1773, 1802 и 1810 г.) не означено, кѣмъ писанъ сей образъ; но въ древнѣйшихъ описныхъ книгахъ вездѣ написаніе онаго приписывается Пр. Діонисію Глушицкому. Такъ, на пр., въ Описи 1601 г. сказано о немъ: «Образ Успенье Пресвятые Богородицы Діонисьева писма Глушицкаго». Тоже въ описяхъ 1622 и 1635 г. По симъ Описямъ образъ этотъ находился въ то время въ Соборѣ по правую сторону Царскихъ дверей, на второмъ мѣстѣ. Изъ Описи 1668 г. видно, что оный перенесенъ оттуда въ церковь Пр. Кирилла и поставленъ возлѣ самыхъ Царскихъ дверей, на правой же рукѣ; здѣсь, въ началѣ описанія его, также замѣчено: «Образ мѣсной Успенье Пресвятые Богородицы, писмо Дионисья Глушицкова». По Описямъ 1601—1635 г. тутъ прежде была другая—Неопалимыя Купины, а эта послѣдняя по Описямъ 1668 г. и позднѣйшимъ показывается въ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе стоялъ образъ Успенія Божіей Матери Діонисіева письма. Тоже самое повторяется о немъ и въ Описяхъ 1718, 1728, 1732, 1733 и 1764 г. Въ Описи 1773 г. онъ показанъ на томъ же мѣстѣ, но безъ означенія, кѣмъ писанъ. Послѣ перестройки церкви Преп. Кирилла въ 1785 г. заново, въ Описи 1802 г. оный значится въ той же церкви, но на другомъ мѣстѣ, именно по правую сторону горьняго мѣста и описанъ тамъ во всемъ согласно Описи 1668 г., только безъ означенія же имени художника. Оттуда, какъ видно изъ помѣтки противу него въ Описи 1802 г., онъ перенесенъ, вѣроятно, въ 1819 г., когда построенъ въ теплой Введенской церкви новый иконостасъ, въ сію послѣднюю, и помѣщенъ посрединѣ оной, у столба, съ западной стороны. Здѣсь оный находился не долго, и около 1830 г., по снятіи съ него старыхъ вѣнцовъ и цатъ съ камнями, по возобновленіи письма и наложеніи на оный новыхъ ризъ и вѣнцовъ, поставленъ на нынѣшнемъ мѣстѣ, въ предолтарномъ иконостасѣ той же церкви, что извѣстно въ монастырѣ уже по памяти и чему подтвержденіемъ служитъ и то, что стоящая теперь тутъ икона Успенія Божіей Матери, по окладу полей и по мѣрѣ своей, въ точности согласна съ значащеюся въ Описяхъ 1773 и 1802 г., такою же иконою. Подробности самаго изображенія не показаны ни въ одной изъ Описей монастырскихъ. Открытіе это сдѣлано въ 1854 году.

Въ Приходорасходной тетради о сооруженіи въ 1614 г. ризы на икону Преп. Кирилла, писанную тѣмъ же Діонисіемъ, между прочимъ записано: «Да у Пречистые Богородицы Діонисіева писма Глушицкого взять золотой

Угорской. Но какая это икона—Успенія ли, сей часъ нами описанная, или другая—неизвѣстно.

39. Въ двухъ Вклад. кн. въ 4-ю л. и въ л. значится: «Лѣта 7074 Маія въ 5 ден приходила молитися.... Княжь Андреева Ивановича Княгини инока Евдокѣя и поставила образъ въ церквѣ, Умиленіе Пречистые Богородицы съ Младенцом обложен серебром оклад чеканнои позолочен вѣнец с каменіемъ. оглавіе жемчюгом саженю да 3 цаты серебряные золочены с каменіем и ж жемчюгом, да 8 рясъ жемчюжных с каменіемъ и с пуговицами, да застѣнокъ жемчюгом саженъ», и проч. Въ Описи 1601 г. о сей иконѣ сказано: «Образъ чюдотворной Пречистые Богородицы.... что поставила Княгиня Евдокѣя Княж Андреева Ивановича Старицкаго»; но икона названа тамъ «Одигитріею». Тоже названіе дано ей въ описи 1718 г. Но такъ названа она неправильно, какъ по тому, что въ двухъ Вкладныхъ книгахъ, какъ показано выше, она именуется образомъ «Умиленія», такъ и по тому, что Одигитрія Божія Матерь и на рукѣ Ея Спаситель пишутся въ прямомъ положеніи, а здѣсь они склонены и касаются главами другъ друга, и Спаситель представленъ держащимся правою рукою за лице Божіей Матери, а это характеръ иконы, именуемой: «Умиленіе». См. изображеніе иконъ Преп. Богородицы, изд. въ 1843 г. Москва, стр. 18 и 26. Въ описи 1840 г. она переименована «Корсунскою»; но и это неправильно, по тѣмъ же причинамъ. «Чудотворною» она называется во всѣхъ монастырскихъ Описяхъ, но почему, неизвѣстно. Описаніе сей иконы во всѣхъ Описныхъ книгахъ сходно съ изложеннымъ здѣсь, кромѣ привѣсокъ, коихъ теперь на ней нѣтъ.

40. Въ Описи 1601 г. сказано о сей иконѣ: «Образ Кирила Чюдотворца з живописнова образа», т. е., писаннаго съ Преподобнаго при жизни его Св. Діонисіемъ

41. Вѣнецъ прежде обнизанъ былъ жемчугомъ въ двѣ ряди; на цатѣ было еще нѣсколько жемчужинъ на сѣняхъ, и при ней три креста, царскій вкладъ, изъ коихъ два аспидныхъ въ серебряной оправѣ, а третій золотой, всѣ съ камнями и жемчугомъ, двѣ запонки золотыя съ яхонтами и жемчугомъ царской же дачи. Тамъ же.

42. О семъ въ той же Описи сказано: «а про яхонты и про каменье и про золото старецъ Леонидъ (постриженъ въ 1568 г. См. Приход. тетр. того года, мѣсяцъ Іюнь) сказалъ: окладывалъ он тот образ на Москвѣ из царьскіе дачи и покупаючи из монастырских денег, а сколько царскіе дачи каменья и золото пошло и сколько чево куплено, того порознь не упомнит, а книг сказал тому у него не было.

43. Дѣло 1844 г. о повѣркѣ Описи м-рской 1840 г.

44. Описн. кн. 1601 г. въ перепиcи церкви Пр. Кирилла.

45. На прим., во Вклад. кн. 1603 г. значится, что въ 1568 г. Царь Иванъ В-чь, прислалъ сюда въ свою келію Деисусъ съ праздниками и пророками и образъ Похвалы Пресв. Богородицы; въ 1570 г. Царевичи, Иванъ и Ѳедоръ, по образу пречистыя Богородицы также для своихъ келей; въ 1566 г. Княгиня Евросинія Старицкая 22 иконы, въ 1554 г. Ив. Ив-чь Умной-Колычевъ 3 иконы; въ 1566 г. Ѳ. Ив-чь Умной-Колычевъ 3 же иконы; Варлаамъ,

Митрополитъ Ростовскій 2 иконы; Пименъ, Архіепископъ Новгородскій, 4 иконы, Елизарій Цыплятинъ 11 иконъ, Константинъ Мясоѣдъ 22 иконы, Третьяковъ 2 иконы, Булгаковъ 6 иконъ, Князья Воротынскіе 7 иконъ и мн. др.

46. Описн. кн. 1601 г. въ 4-ю л, въ переписи Успен. соб.

47. Тамъ же.

48. Во Вклад. кн. 1603 г. значится: «Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ.... обложилъ 3 иконы мѣстные, Троицы Живоначальную да Пречистую Одигитріе да Кирила Чюдотворца» и проч. Годъ не означенъ.

49. Описн. кн 1601 г. въ переп. Усп. Соб.

50. См. выше прим. 48.

51. Сравн. описи 1732 и 1764 гг.

52. Описн. кн. 1601 г. въ переписи Успенскаго собора.

53. Образа этого въ Описн. кн. XVII не значится. Въ первый разъ онъ встрѣчается въ Описи 1718 г. Но изъ находящихся тамъ въ описаніи онаго замѣчаній: «У Спасова же образа вново в привѣсе кресть серебряной.... да панагія»; и еще: «У того жъ образа на правой сторонѣ съ испода окладу трубы вершка на два отшибено, окладу нѣт», а особенно изъ словъ Описи 1733 г., прибавленныхъ къ послѣднему подобному же замѣчанію: «котораго» т. е., оклада, «и при описи 701 году не было», заключить надо, что онъ уже былъ въ Описяхъ XVII ст.

54. Ризы не одинаковой работы съ окладомъ и сооружены гораздо позже послѣдняго, именно около 1760 г. См. Описи 1731 и 1764 г.

55. Нѣкоторые любители церковныхъ древностей, видѣвшіе сію икону, приходили къ мысли, не поновлена ли она въ новѣйшее время? Но въ монастырѣ никто не помнитъ и не слыхалъ о семъ; притомъ о поновленіи древнихъ иконъ надо вообще замѣтить, что неискусные художники обыкновенно портятъ оныя, а искусные возстановляютъ ихъ въ прежнемъ видѣ; послѣднее, конечно, необходимо должно сказать и о сей иконѣ, если только она подвергалась какому нибудь исправленію. Впрочемъ, нельзя отрицать того, что она не слишкомъ давно покрыта лакомъ или другимъ какимъ-то лоснящимся составомъ.

56. Эта дверь тутъ же значится и въ Описныхъ книгахъ 1621 г. въ 4 д. л. Опис. Нагорнаго Ивановскаго монастыря.

57. Послѣднія буквы подъ титлами можно читать такимъ образомъ: т – р – и – ѳ – о – и / ррр ии дд ед мл кк; но къ первымъ буквамъ не подходитъ ни который изъ извѣстныхъ общихъ ключей тайнописанія, ни численный, ни буквенный тарабарскій. Не такъ ли надо читать оныя: с – т – а – р – (и)е – ц / ѫ г се л и м?

58. Встарину «пядницами» назывались всѣ иконы, которыя были менѣе одного аршина, а потому и мѣрялись пядями или четвертями; пядницы были большія и малыя; на прим. во Вклад. кн. 1603 г.: «Княгиня инока Евдокія поедучи на Горъ поставила в Успеніе пречистые Богородицы Умиленіе

пречистые Богородицы пядницу большую;» тамъ же: «133 году Василій Алексѣевичь» (Третьяковъ) «дал вкладом... Образъ пречистые Богородицы Одигитріе меньшая пядница. «Штилистевыми» назывались такіе образа, на которые исходило золота «шесть листовъ. Извѣстно, что въ старину образа писались большею частію по листовому золоту, что и теперь еще въ обычаѣ у иконописцевъ. Есть иконы четырелистовыя, осмилистовые, и т. п. Послѣднее названіе образовъ по листамъ золота, кажется, позднѣе перваго. См. Описн. кн. 1601, 1629 и 1635 съ 1718, 1732, 1764 г.

59. См. примѣч. 44.

60. Въ Описи 1718 г. о семъ образѣ сказано: «даяніе Боярыни Княгини Настасьи Львовны Воротынсково.»

61. Этотъ образъ имѣетъ много сходства съ образомъ одного съ нимъ содержанія, пожертвованнымъ Бояриномъ Ѳ. Ивановичемъ, въ иноч. Ѳеодосіемъ, Шереметевымъ (умеръ въ монастырѣ въ 1650 г., 17 Февр. См. Вклад. книга въ л., стр. 123 на обор.), но имѣетъ въ украшеніяхъ и нѣкоторыя отлики отъ оного. См. Опис. 1718 г., стр. 81 на обор. и 82. Если онъ подвергался измѣненіямъ въ убранствѣ, то можетъ быть признанъ Шереметевскимъ.

62. На образѣ Шереметева окладъ на поляхъ и цата у Богоматери показаны золотыя, на вѣнцѣ Богоматери корона золотая же, на поляхъ дробницы также золотыя, съ черневыми образами и проч. Икона эта помѣщалась въ серебрянномъ кивотѣ, вѣсомъ въ 2 ф., 30 зол. См. Опис. 1718 г., стр. 81 на обор. и 82.

63. Описн. кн. 1601 г. въ переписи церкви Пр. Кирилла.

64. Тамъ же. «И старец Леонид сказалъ, окладывалъ он тот образ из царьскіе дачи на Москвѣ». О Леонидѣ см. прим. 42.

65. Тамъ же. «И старецъ Леонид сказалъ, что тот отлас из царьскіе дачи не платна.»

66. Окольничій Ив. В-чь Олферьевъ, а по смерти его, жена его, Васса Андреевна, очень много дѣлали пожертвованій въ здѣшній монастырь ризницею, утварью церковною, колоколами и т. п. Олферьевъ померъ на Государевой службѣ въ Могилевѣ, въ 1655 г., а погребенъ въ Москвѣ, на Кирилловскомъ подворьѣ, въ Аѳонасьевскомъ монастырѣ. Вклад. кн. въ л., стр. 164-169. Этотъ монастырь находился тамъ въ Кремлѣ, близь Никитскихъ воротъ (Приходорасх. кн. 1616 г. и Опись сего монастыря въ 1729 г.), а закрытъ около 1770 г.

67. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л. «Лѣта 7073 дала Княгини Кнеже Андреева Ивановича инока Евдокѣя.... плащаница Кирилъ чудотворецъ, да Спасовъ образъ Хоругвы».

68. Таковы, на прим., около Спасителя на верху слова: «и безгласна придѣте братіе дадим послѣднее целованіе иже въ мя предахомся тлѣнъ».... на лѣвой сторонѣ:... «царствіе твое преставися 135 Генваря»..., около образа пр. Кирилла на нижней каймѣ тропарь (безъ начала) сему угоднику, на верхней конецъ тропаря и начало кондака ему же, на лѣвой сторонѣ слова.... «лѣта 7 тысящ 165 Августа въ 29 д при державе Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича,» на первой каймѣ: «.... кія, і малыя и

бѣлыя Россіи Самодержца и при Государынѣ, Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Ильиничнѣ и при Великом Государе Царевиче Алексѣе Алексѣевиче и Государе Никоне, Патріархе Московском». Далѣе нѣтъ словъ и каймы.

69. Вкладн. кн. въ л., стр. 115. Одоевскіе очень много дѣлали пожертвованій въ здѣшній монастырь ризницею, покровами, пеленами и т. п. Сынъ Никиты Ивановича, Яковъ Никитичь, въ 1692 г., пріѣзжалъ сюда для богомолья. Тамъ же, стр. 117.

70. Слова на каймѣ перемѣшаны и не имѣють полнаго смысла. На прим., на верхней каймѣ: (эта строка пришита низомъ къ верху) «врата ея и вопи его вѣрна Князя Івана во иноцех Иона схимник Воротынскои». Очевидно, говорится здѣсь объ Иванѣ Михайловичѣ, который померъ 17 Генваря, 1627 г.,и погребенъ въ здѣшнемъ монастырѣ.

71. Вкладн. кн. 1603 г. «Лѣта 7074, мѣсяца Маія, въ 5 ден, приходила молитися.... Княже Андрѣева Ивановича, Княгини инока Евдокѣя.... и дала.... вышитъ (образъ) видѣніе Іоя Богослова».

72. Двери сіи присланы въ монастырь со Стольникомъ Богданомъ Хитрово. Въ Приходорасх. кн. К. монастыря 1645 г. значится: «Іюня въ 4 ден. Столникъ Богдан Матѳеевич Хитрово привез с Москвы Государева жалованья двои царски двери, дано ему почесть сто рублев денег.»

73. Тамъ же.

74. Опис. 1718 и др. годовъ. О столпцахъ см. Опис. 1802 г., ч. II. стр. 57, на обор. и 58.

75. «Апракосъ» (ἄπρακτος, отъ α и πράσσω), не дѣлаю, такъ называются въ старинныхъ Описяхъ Евангелія, расположенныя по порядку дневныхъ чтеній или недѣлямъ, начиная съ Пасхи; Евангелія же, расположенныя по четыремъ Евангелистамъ, носятъ названіе Тетръ или Тетро, т. е., четвероевангелія.

76. Что Евангеліе сіе писано ученикомъ пр. Кирилла, Христофоромъ, это подтверждается, кромѣ помѣтки на самомъ Евангеліи, всѣми имѣющимися въ монастырѣ Описями XVII и XVIII ст. Такъ, на прим., въ древнѣйшей Описи 1601 г. сказано: «Евангеліе.... в десть, писмо чудотворца Кирилова ученика старца Христофора». Въ монастырѣ есть еще Евангеліе Тетръ писанное имъ же на бумагѣ; объ этомъ Евангеліи въ Описныхъ кн. книгохранительницы 1646 г. сказано: «Книга Евангеліе Тетръ, письмо Христоѳоровское, ученика Кирила чудотворца, въ десть», и проч. Въ житіи пр. Кирилла, писанномъ Логоѳетомъ, Іером. Пахоміемъ, еще при жизни учениковъ преподобнаго, о Христофорѣ замѣчено: «Сей убо Христофоръ много книгъ написа обители пречистыя Богородицы во храмъ ея своею рукою, и никако же вознесеся.» и проч. Ркп. въ л., стр. 93 на обор. Былъ здѣсь Игуменомъ съ 1428 по 1433 годъ.

77. Здѣсь въ имени Митрополита ошибка. Св. Іона избранъ на Митрополію Кіевскую въ 1437 г., а поступилъ на оную въ 1449 г. Въ 1422 г. Митрополитомъ былъ св. Фотій, который хиротонисанъ въ 1409 или 1410 г., и скончался въ 1431 г. Истор. Рос. Іерархіи, ч. 1, стр. 51 и 53.

78. Во Вкладн. кн. въ л., на обор. 107 стр., значится: «Того ж (186) году, Бояринъ же Князь Іоаннъ Алексіевичь (Воротынскій) обложилъ мона-

стырской кипарисной прорѣзной крестъ с праздники Господскими серебромъ и златомъ сканью съ ѳинифтью. Да к тому кресту построилъ ковчегъ», и проч.

79. См. предыд. примѣч.

80. Въ Вкладн. кн. 1603 г., въ 4-ю д. л. «Лѣта 7075, мѣсяца Августа, въ 7 день, Царь.... Іванъ Васильевичь.... і с своею Царицею Маріею і с своими Царевичи, Царевичемъ Иваном, да Царевичемъ Ѳеодоромъ Пречистои Богородице и Чюдотворцу Кирилу прикладу (далъ) сосуды церковные золотые, потырь, а в весу 6 гривенок, 50 золотников, блюдце, да звѣзда, да копіе, да лжица в весу 4 гривенки без 12 золотниковъ, и во всѣхъ сосудах церковных в вѣсу 10 гривенок и 6 золотниковъ». Тоже въ Вкладн. кн. въ л., стр. 10, на обор., и въ Описи 1601 г. Но въ Описяхъ 1635 г. и во всѣхъ XVIII ст. сказано объ этомъ вкладѣ нѣсколько иначе, на пр.: «потиръ золотъ... блюдо дискосное, да лжица золото.... два блюда да звѣзда серебряны золочены.... пожаловал тѣ сосуды блаженные памяти Государь Царь.... Іван Васильевичь». Опис. кн. 1635 г. Тутъ звѣзда показана серебряная, а не золотая, и сверхъ того къ сему же вкладу причислены два серебряныя блюдца; о копіи не упоминается, но въ Описяхъ XVIII ст. оно вездѣ значится. Два блюдца и звѣзда въ 1830 г. проданы, а копіе неизвѣстно куда употреблено. Опис. 1802 г., стр. 142, № 295—297.

81. Опис. 1718 г., стр. 193.

82. Пожертвованій отъ Преосв. Аѳанасія въ здѣшній монастырь было очень много; но сего потира между оными не значится. Вклад. кн. въ л., стр. 59 и 60, тоже въ 4-ю л. Но во всѣхъ Описяхъ XVII и XVIII ст. потиръ этотъ приписывается ему. На прим., въ Описн. кн. 1601 г., значится: «Потыр золот, и въ нем вѣсу три гривенки восемь золотник дал Архіепископъ Аѳанасій Полоцкой». Архіепископъ Аѳанасій, постриженикъ здѣшняго монастыря, съ 1540 по 1553 г. былъ въ ономъ игуменомъ; отсюда хиротонисанъ во Епископа Суздальскаго; потомъ въ 1566 г. переведенъ на Полоцкую каѳедру, а въ 1568 г. перешелъ на покой въ Кирил. монастырь, гдѣ и скончался, и погребенъ въ прежней паперти Успенскаго собора у Западныхъ дверей; могила его ни чѣмъ не отмѣчена. Истор. Рос. Іерар., ч. 1, стр. 178 и 228. кн. Кормов. К. монастыря начала XVII ст. въ 4-ю л.

83. Опис. 1718 г., стр. 193.

84. Вклад. кн. въ л., стр. 29 на обор. Государыня пожаловала, вмѣстѣ съ потиромъ и дискосомъ еще, звѣзду и два блюдца, но звѣзда отдана въ 1820 г. въ Соровскую Христорожд. церковь Кир. уѣзда, блюдцы уничтожены въ 1830 г. Опис. 1802 г. стр. 150 на обор. № 330, 331 и 332. Отъ Императрицы Анны Іоанновны еще были слѣд. пожертвованія въ здѣшній монастырь: 1) въ 1718 г. на воскъ и ладонъ 50 руб.; 2) въ 1730 г. на строеніе каменныхъ келій 500 руб. и въ милостыню братіи и на молебное пѣніе 450 руб., и 3) въ томъ же году вкладомъ 100 руб., всего 1000 руб. Вклад. кн. въ л., стр. 29 на обор. и 30.

85. Вклад. кн. въ л., стр. 169. «Во 188 году Васса же Андреевна дала чарку сребрену плоскую, внутри орелъ волоченъ, около орла надпись воло-

чена ж с финифты.... с вонную сторону подпись, истинная любовь уподобися сосулу злату» и проч.

86. Шипулинъ много дѣлалъ и другихъ вкладовъ въ здѣшній монастырь, и между прочимъ далъ на расписаніе стѣнъ въ Успенскомъ соборѣ 500 руб. Вклад кн. въ л., стр. 222—224. Умеръ въ Москвѣ, постригшись въ монашество, а погребенъ здѣсь въ паперти соборной, подлѣ сына своего, Исаакія. Тамъ же.

87. Вклад. кн. въ л., стр. 684. «186 г. Боярина Князя Іоанна Алексіевича Воротынскаго слуга Никита Іосифовъ сынъ Недіаковъ» (фамилія его писалась различно: Недешковъ, Недликоповъ, Недековъ и Недіаковъ) «далъ вкладомъ святыхъ таинъ святый животворящій хранительный крестъ, да другій крестъ дароносичный, оба серебрены золочены, за седьмьдесятъ рублевъ» и проч. Усердію Князя Воротынскаго соревновалъ вкладами въ здѣшній монастырь другой слуга его, Семенъ Григорьевъ Кандаловъ. Тамъ же.

88. Тамъ же.

89. Тамъ же. Во 187 году Никита Іосифовъ далъ «кадило сребрено чеканное грановито, верхъ о пяти главахъ».... «за сто рулбевъ.»

90. Неизвѣстно, по какому случаю перенесено сіе кадило изъ Срѣтенскаго въ здѣшній монастырь. Кн. Андрей Львовъ не значится между вкладчиками послѣдняго.

91. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л., «Князь Дмитрей Ѳедоровичь Палецкой».... «дал вкладу кадило серебряное, 20 рублевъ в вѣсу, и доколѣ Князь Дмитрей живъ, ино за него молити Бога и за его Княгиню и за ихъ чада, а пошлет Богъ по их души, ино написати их в сѣноникы».

92. По какому случаю и когда перенесено въ здѣшній монастырь, неизвѣстно.

93. См. тамъ стр. 196.

94. Въ Описн. кн. 1601 г., между прочею утварью, записано: «блюдо серебрено, вѣсу три гривенки.» Дѣйствительный вѣсъ описаннаго блюда не сходенъ и теперь съ надписью на ономъ.

95. Во Вкладн. кн. подъ 1642 г. отъ Воротынскихъ не показано никакого вклада, а подобное блюдо значится тамъ поступившимъ отъ Князя Ив. Алексѣевича 1678 г.

96. Вклад. кн. въ л., стр. 73 на обор. Во 145 году.... «Князь Іоаннъ Іоанновичь» (Шуйскій) «далъ чару водоосвященную сребрену».... за двѣсти рублевъ.

97 Вклад. кн. въ л , стр. 107. «186 году Марта въ 13 день Бояринъ Князь Іоаннъ Алексѣевичь Воротынскій прислалъ вкладомъ по сыне своемъ по Князе по Михаиле Іоанновичѣ».... «чашу сребрену с кровлею золочена на водоосвященныя воды, восмь фунтовъ.»

98. Кропило уничтожено, по ветхости, въ 1830 г. Опис. 1802 г., ч. II, стр. 170 на обор., № 386.

99. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л. «Лѣта 7076».... «да ковшъ Государь» (Царь Іоаннъ Васильевичь) «послал въ церковь серебрянъ вода святити, а в нем потянуло 25 рублевъ».

100. Во Вклад. кн. въ л.. стр. 106 на обор. «186 году Декабр въ 27 день Бояринъ Князь Іоаннъ Алексѣевичь Воротынскій былъ в Кириловѣ монастырѣ и привезъ по сынѣ своемъ Михаилѣ Іоанновиче»…. «кружка серебрена»…. «два фунта за 30 рублевъ 26 алтынъ, 4 деньги.»

101. Тоже и во Вклад. кн. въ л., стр. 165. «Во 144 году Іоаннъ же Васильевичь (Олферьевъ) над раку Кирилла чюдотворца дал лампаду сребрену»…. «за 30 рублевъ; въ 150 году Іоаннъ же Васильевичь по дщери своей Ѳеодосіи младенцѣ дал лампаду жь сребрену….. за 43 рубли».

102. Имя этой вкладчицы во Вклад. кн. незначится. Еще на серебропозлащенной чашечкѣ одной кисти отъ паникадила находится слѣдующая надпись, крупными плоскими буквами, вязью, съ титлами: «Лѣта 7145-го году Августа въ 25 день сие паникадило дал вкладомъ въ Кирилов монастырь и Успению Пречистеи Богородицы да к Преподобному Кирилу Игумену Бѣлоэерскому Чудотворцу гостины сотни Михаило Яроѳѣев» (далѣе внизу мелкими рѣзанными вглубь буквами) «по матери своей иноке Марле» (Марьѣ) схимнице». Но паникадила этого теперь въ монастырѣ нѣтъ.

103. На прим. въ Опис. кн. 1601 г. значится: «Ризы Кирилла Чюдотворца, мухояр бѣл, оплечье бархат, шелкъ бѣл да лазорев да черн. Въ Опис. 1718 г., стр. 234 на обор.: «Ризы Преподобнаго Чудотворца Кирилла мухоярь бѣлой…. оплечье камка кизильбашская.» Въ Опис. 1802 г., ч. II, стр. 222: «Ризы ветхіе Преподобнаго Чудотворца Кирилла мухоеру бѣлаго гарусные, у оныхъ ризъ оплечье камки лазоревой Кизилбажской» и проч. Въ Описн. кн. 1601 г. оплечье названо бархатнымъ неправильно.

104. Въ Описн. кн. 1601 г. сряду по описаніи ризъ Пр. Кирилла написано: «стихар таков же.» Тоже въ Опис. 1718 г. и 1802. Подъ симъ стихаремъ разумѣется не діаконскій, а подризный, стихарь, тоже, что нынѣ подризникъ.

105. Поѣзд. въ К.-Б. монастырь Проф. Шевырева, ч. II, стр. 14.

106. Вклады въ здѣшній монастырь отъ Царя Бориса Годунова показаны тамъ только денежные: по Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 1119 рубл., 50 коп., потомъ въ 1601 г. безъ назначенія, въ два раза 1000 руб., и въ 1601 г. по Царицѣ (сестрѣ) Иринѣ Ѳеодоровнѣ 550 руб., и по ней же роздано по рукамъ священникамъ по 40 алтынъ, діаконамъ по 1 руб. и братіи по 50 коп.

107. Архимандрія учреждена здѣсь въ 1649 г. и по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича въ томъ же году Архимандриту позволено служить въ бѣлой шапкѣ, съ сулкомъ, палицею, рипидами и осѣненіемъ свѣщнымъ и проч. См. Истор. Рос. Іер., ч. 1, стр. 373.

108. Въ числѣ передѣланныхъ шапокъ были двѣ вкладныя: одна Боярина Бориса Ивановича Морозова, другая Княгини Ѳотиніи Владиміровны Сицкой. См. Вклад. кн. въ л., стр. 127 и 147. Опис. 1718 г., стр. 233 и 1234.

109. Дѣло 1844 г. о повѣркѣ Описи, составленной въ 1840 г.

110. Этотъ камей пожалованъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ и въ 1601 г. находился въ привѣскѣ на иконѣ Успенія Божіей Матери, писан.

пр Діонисіемъ Глушицкимъ, которая описана здѣсь въ Отд. II. подъ № 4-мъ. См. Описн. кн. 1601 т. въ переписи Успен. Собора: «у Пречистыя ж Богородицы»..... «панагѣя рѣзь на камени Распятіе Господне».... «из царские дачи.»

111. Камей этотъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ былъ повѣшенъ на икону Божіей Матери, имен. Неопалимая Купина, которая теперь находится въ Успенскомъ соборѣ между мѣстными образами и описана здѣсь въ Отд. II, подъ № 7-мъ. Въ Описн. кн. 1601 г., въ переписи церкви Пр. Кирилла, сказано: «А у Пречистые Богородицы» (Неопалимой Купины) «чепочка серебрена золочена, а на ней икона золота, а в ней камень яшма, рѣзанъ на нем мученик Христовъ Георгии»..... «чепочка и икона Царские дачи».

112. Вклад. кн. въ л., стр. 168 на обор. «Во 183 году Васса ж Андреевна дала вкладомъ шапку Архимандричью, въ ней дробницы сребрены чеканное дѣло золочены..... «за тысящу рублевъ».

113. Этотъ камей прежде былъ въ привѣскѣ у мѣстнаго образа Пр. Кирилла съ житіемъ его и чудесами въ Успенскомъ соборѣ, описаннаго нами выше въ Отд. II, подъ № 7-мъ. Въ Описн. кн. 1601 г., въ переписи Успен. соб.: «У чюдотворца ж» въ привѣскѣ «икона рѣзь на камени образ Пречистые Богородицы молебной.» Во Окладной книгѣ 1603 г., въ 4-ю л. подъ 1566 г. значится: «Да пречистую положила» (Кн. Евфросинія) «воротную на гробъ Кирилу Чюдотворцу, вырѣзана на камени, а во облацѣ Спасовъ образъ, а камень перелеоть обложенъ.» Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л.

114. Вклад. кн. въ л., стр. 371. Лѣта 7098 «Старецъ Іоасафъ, порекло лужоной в церковь Успенія Пречистые Богородицы поставилъ икону мѣстную Пречистые Богородицы, обложена.... да въ привѣскѣ двѣ панагіи сребрены сканные с каменіемъ и з жемчуги, в одной панагіе камень яшма, а на немъ воображенъ рѣзью образъ Пречистые Богородицы с превѣчнымъ младенцемъ.... а въ Панагіяхъ мощи многих святых.» Подробнѣе описано въ Описн. кн. 1601 г. при переп. церк. Пр. Кирилла. Отсюда видно, что въ этой панагіи въ срединѣ находился образъ Преч. Богородицы молебной, вырѣзанной на яшмѣ, который теперь замѣненъ серебрянымъ чеканнымъ кружкомъ съ изображеніемъ Спасителя. Кто былъ въ мірѣ Старецъ Іоасафъ, неизвѣстно, а изъ многихъ дорогихъ вкладовъ его, которые преимущественно состояли изъ св. иконъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и проч. видно, что онъ былъ очень богатый человѣкъ. Могила его замѣчена въ числѣ погребенныхъ здѣсь большихъ вкладчиковъ, на памяти, которыхъ «ходят с кутіею панихиды поютъ на ихъ гробѣхъ.» Кн. Корм. нач. XVII ст., въ концѣ.

115. См. предыд. примѣч. Объ образѣ яснѣе сказано въ Описн. кн. 1601 г., при описаніи вышепоказаной иконы Божіей Матери Умиленія Іоасафовой: «Другая икона» (панагія) «камень хрусталь» и проч.

116. Смотр. Отд. VI, сосуды, № 2.

117. Описн. кн. 1635 г., въ 4-ю л., въ переписи ризницы.

118. Опис. 1718 г., стр. 36. Сн. Опис. 1764 г., стр. 261, № 81. Икона Умиленія описана здѣсь въ Отд. II, подъ № 10-мъ.

119. Описн. кн. 1601 г. въ переп. церк. Пр. Кирилла: «Да у той же пяты» на образѣ Пр. Кирилла «три креста царские дачи».... крестъ золот Распятие Христово, а на полех у креста два яхонта лазоревые да двѣ бирюзы, да во главѣ камень червенъ, около сажено жемчугом, а на другой сторонѣ креста Архангел Гаврил».

120. См. предъидущ. примѣч. Образъ Пр. Кирилла списанъ здѣсь въ отд. II, подъ № 6-мъ.

121. Дѣло 1844 г. о повѣркѣ Описи 1840 г.

122. Тамъ же.

123. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л. и Описн. кн. 1601 л.

124. См. надпись на крестѣ и Вклад. кн. въ л., стр. 122, на обор.

125. Такъ показано въ надписи на покровѣ, а во Вклад. кн. въ л., стр. 134, на обор., сказано, что покровы эти дала Княжна Александра Андреевна Голицына, по приказу Княгини Θеодосіи (въ инок. Евфросиніи) Андревны Телятевской, сестры Кн. Θедора (въ иноч. Епифанія) Андреевича Телятевскаго.

126. Опис. 1718 г., стр. 223.

127. Вклад. кн. 1603 г. въ 4-ю л. «Лѣта 7073 дала Княгини Княже Андреева Ивановича инока Евдокѣя в дом Пречистой.... плащаница Спасовъ образа.» Опис. 1718 г., стр. 223.

128. Опис. 1718, 1773 и 1802 г. Въ надписи, между прочимъ, значилось: «Лѣта 7073 въ царство Благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руссіи и Преосвященнѣм Митрополитѣ всея Руссіи здѣлан сеи воздух в обитель Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія».... «повелѣнiем Благовѣрнаго Князя Владиміра Андреевича внука Великаго Князя Івана Васильевича».

129. «110 году Марта въ 4 день Царь и Великій Князь Борисъ Θедоровичь всея Руси пожаловал в дом Пречистые Богородицы и Преподобнаго отца нашего Кирилла Чюдотворца прислалъ воздух болшей монастырской старой, даяние Княгинi инокi Евдокѣи с своем Государевымъ сытникомъ з Борисомъ Есиповымъ.» Современ. Сп. съ опис. кн. 1601 г.

130. Во Вклад. кн. этотъ вкладъ не показанъ.

131. Вклад. кн. въ л., стр. 123.

132. Этотъ покровъ во Вклад. Кн. не значится.

133. Вклад. кн. 1602 г. «Лѣта 7063 г. Царь Государь Великій Князь Іванъ Васильевичь.... і царицы Великая Княгини Анастасiа и сынъ ихъ Благовѣрный Царевичь Иванъ приложили.... покровъ на Кирила Чюдотворца. А положенъ покровъ на Чюдотворца на Семень день лѣта 7064 г.» Въ описяхъ 1718 и др. сказано объ этомъ опредѣленнѣе: «Даяние блаженные памяти Государыни Царицы і Великие Княгини Анастасіи Романовны».

134. Вклад. кн. въ л., стр. 18. Отсюда видно, что покровъ сей, шитый, какъ показываетъ надпись на ономъ въ 1587 г. при жизни Царевича, отданъ сюда уже по смерти его. «Лѣта 7100, маія въ 15 день Царица и Великая Княгиня Марія во инокеняхъ Марθа по сыне своемъ царевиче Дмитріе Іоанновиче Углецкомъ пожаловала покровъ» и проч Въ Опис. 1718 г. и др.

сказано о семъ покровѣ: «Даяние Государыни Царицы иноки Мареы Нагих Матери Государя Царевича Князя Димитрія Иоанновича». Стр. 225.

135. Вклад. кн. въ л., стр. 24 на обор.: «173 году Августа въ 6 день Государыня Царица и Великая Княгиня Марія Ильична пожаловала на гробъ чюдотворце Кириле покровъ» и проч. Тоже въ Опис. 1718 г., стр. 125 на обор.

136. Первоначально на семъ покровцѣ вѣнецъ около главы Преподобнаго, два креста на схимѣ, надпись имени, вѣнцы на св. Троицѣ были обложены жемчугомъ, и въ первомъ вѣнцѣ находились въ золотыхъ гнѣздахъ три яхонта лазоревые и изумруда. См. тамъ же.

137. Вклад Кн. въ л., стр. 117. Опис. 1718 г., стр. 224.

138. Сей покровъ вышитъ былъ по таусинному (вишневому) атласу, обложенъ по краямъ атласомъ зеленымъ, а подкладка была у онаго изъ камки зеленой; теперешній бархатный фонъ вставленъ въ оный, за совершенною ветхостію прежняго, и сдѣланы другія починки въ 1853 году.

139. Описн. кн. 1601 г. въ переписс. ризницы.

140. Вклад. кн. 1603 г. Здѣсь вкладъ этотъ означенъ обще съ другими подобными. «Лѣта 7074 Княгини инока Евдокѣя дала 20 образовъ.... у десяти образовъ пелены шиты серебром и золотом, а на пеленах кресты и образы шиты, да чарку серебряну 10 рублевъ.» Замѣчательно, что Княгиня Евфросинія готовила могилу себѣ въ здѣшнемъ монастырѣ, какъ видно это изъ сказаннаго сряду за симъ вкладомъ: «і Богъ пошлетъ по душу по Княгинину, и тѣ образы поставити у гроба Княгинина, а чарку на панихиды на гробъ ставити;» но желаніе ея не сбылось: Царь Іоаннъ Васильевичь велѣлъ утопить ее, вмѣстѣ съ племянницею ея, Іуліаніею, въ р. Шекснѣ и похоронить ихъ въ Горицкомъ монастырѣ, въ которомъ они жили.

141. Вклад. кн. 1603 г. «106 году дала вкладу из Вознесенскаго дѣвичья монастыря Княгиня Старица Софья Голицына пелену, шит образ Чюдотворца Кирила золотом и серебром, по полям дробницы серебряны золочены, за 30 рублев».

142. Описн. кн. 1601 г. въ Переписс. Усп. собора. Образъ Пр. Кирилла описанъ здѣсь въ отд. II, подъ № 7-мъ.

143. Описн. кн. 1601, въ переписс. ризницы, и 1635 г. тамъ же, гдѣ замѣчено еще: «взята от образа Успения Пречистые Богородицы».

144. Вклад. кн въ л., стр. 35. «Во 73 году Княгиня ж Евфросинія.... дала ... воздухъ, а на немъ шито Успеніе Пречистые Богородицы».

145. Она значится въ Опис. кн. 1601 г. въ ризницѣ между плащаницами

146. Пелены этой мы не встрѣтили ни въ Описяхъ, ни во Вкладныхъ книгахъ XVII ст.

147. Во Вклад. кн. въ л., на стр. 26, значится, что Царевна Ирина Михайловна вмѣстѣ съ Царевнами, Анною и Татіаною Михайловнами, пожаловали, въ 1678 г. печатное напрестольное Евангеліе, богато убранное сребропозлащеннымъ окладомъ, жемчугомъ и дорогими камнями, и шесть прокладицъ въ оное съ жемчугомъ и камнями въ золотыхъ гнѣздахъ.

148. Во Вклад. кн. и Описяхъ XVII ст. пелены сей невидно; значится оная только въ Описи 1718 г., на стр. 228, на обор., между старыми вещами.

149. Въ Истор. Рос. Іерар., ч. IV, стр. 398, и въ книгѣ «Поѣздка въ К. Б. монастырь, Профес. С. Шевырева, изд. въ Москвѣ въ 1850 т., ч. II, стр. 4, «часовня» эта ошибочно названа келліею Пр. Кирилла.

150. Житіе Пр. Кирилла, твореніе Іером. Пахомія, ркп. К. монастыря въ л., стр. 40. Что дѣйствительно на этой горѣ первоначально водворился Пр. Кириллъ, это, кромѣ устнаго преданія, подтверждается древними Описями, какія только сохранились въ монастырѣ до настоящаго времени; такъ, на прм., въ Описн. Кн. 1601 г. сказано: «Да в каменой же оградѣ другой монастырь на горѣ, гдѣ Кирила Чюдотворца первое прихоженіе было, а живут в нем старцы убогие, а кормят их из болшово ж монастыря.» Тоже въ Описн. Кн. 1622 г.

151. Житіе Пр. Кирилла, ркп. К. монастыря, стр. 41, 43—47.

152. См. тѣ кн. во второй половинѣ оныхъ. Страницы не писаны. Здѣсь разумѣются св. ворота, не тѣ, которыми входятъ въ Большой монастырь, и которыя нынѣ однѣ только въ ономъ и существуютъ, а другія, находившіяся въ каменной оградѣ, теперь отдѣляющей Ивановскій монастырь отъ внѣшняго двора монастырскаго; ограда эта прежде была наружною, а по распространеніи м-ря въ 1633—1666 г. осталась внутри онаго. Воротъ этихъ нынѣ въ сей оградѣ не находится; но мѣсто, гдѣ онѣ были, закладенное кирпичемъ, замѣтно и теперь. Надъ ними въ 1601 г. была четвероугольная башня, основаніе которой видно еще и по сю пору. Положеніе описываемой нами часовни въ точности соотвѣтствуетъ вышепоказанной мѣстности. См. Описн. кн. 1601 г. въ перепис. ограды монастырской.

153. См. тѣ кн. во второй половинѣ оныхъ. Страницы не писаны.

154. Опис. 1718 г., стр. 181, на обор. Опис. 1732 г., стр. 158, на обор. Опис. 1764 г., стр. 213.

155. Рапортъ Преосв. Митр. Н-ому Амвросію отъ 27 Февр., 1812 г., за № 18-мъ.

156. См. примѣч. 154.

157. Тамъ же.

158. Описн. Кн. сего года послѣ переписи Введен. Церкви. Тоже въ Описн. кн. 1622 и 1635 г.

159. Въ Истор. Росс. Іер., ч. IV, стр. 496—501, между Игуменами здѣшняго монастыря имя Вассіана не значится, а показанъ Кассіанъ II, но это ошибка. См. Описн. кн. въ предъид. примѣч. Въ Обиходникѣ к. м-ря Монаха Гурія Шишкина, въ 8-ю д. л., откуда взять въ Іерархію списокъ настоятелей здѣшняго м-ря, написанъ послѣ Варлаама Вассіанъ II, котораго тамъ вовсе нѣтъ.

160. Въ Описн. кн. 1601, 1622 и 1635 г. Башни этой теперь нѣтъ; она была на сѣверозападномъ углу монастыря, противъ гостиннаго двора; теперь стоитъ около этого мѣста башня, именуемая Косою.

161. Опис. 1732 г., стр. 348. «На той колокольнѣ колоколъ большей воскресной, другой колокол новой корноухой литейной, третей повседневной, в него часы бьют, тринадцать колоколовъ среднихъ и малыхъ, всѣ безъ вѣсу.»

162. Квитанц'а 14 Іюля, 1701 г., изъ коей видно, что тогда взято изъ здѣшняго м-ря на пушечный дворъ на литье пушекъ и мортиръ изъ колоколовъ четвертая часть мѣди, 416 п., 7½ ф.

163. Въ Истор. Росс. Іер., ч. IV, стр. 392, показано въ семъ колоколѣ 1200 пудъ. Столько же и нынѣ считають въ оном здѣшніе обитатели. Въ надписи дѣйствительное число пудовъ мѣди уменьшено по экономическимъ расчетамъ.

164. Вѣроятно, разумѣются здѣсь деньги, собранныя на слитье сего колокола и на прибавку въ оный мѣди къ старымъ, разбитымъ колоколамъ.

165. См. тамъ ч. IV, стр. 397.

166. См. тамъ, стр. 535 и особо кн. Описн. большой казны казнач. мон. Гедеона, того же 1732 г.

167. Въ Опис. 1702 г., ч II, стр. 353, замѣчено, что грамота сія тогда была уже безъ печати.

168. См. тамъ ч. IV, стр. 418.

169. ч. IV, стр. 398 и 403—418.

170. Описн. кн. 1601 г., л. 235, на обор.: «Въ той же палате» (на правой рукѣ отъ св. воротъ) «чюдотворца Кирила мощи» (вещи) часть клобука, шуба бараня, ковшь деревяной да тесма ременая, у ней пряжа деревянная, карманец коженой невелик.»

171. См. л. 165. «А в нем (въ серебряномъ ковчегѣ) камилавка чюдотворца Кирила.»

172. Описн. Кн. 1622 г. «чюдотворца Кирила.... карманец коженой не велик, а в нем денежка.» Тоже въ Описн. кн. 1635, 1732 и 1802 г.

173. Опис. 1718 г., стр. 77. «Над ракою чюдотворца Кирилла посохъ ево чюдотворцевъ, деревяной черемховой.»

174. Въ Описн. Кн. 1601 г. «Киотец серебрян».... а в нем крестъ золот с мощми чюдотворца Кирила». Опис. 1718 г., стр. 189. «А в томъ ковчегѣ крестъ воротной золотой с мощми чюдотворца Кирилла, а в золотѣ крестъ деревяной.» Тоже въ Опис. 1732 г., стр. 164. Изъ Описи 1802 г., ч. II, стр. 126 на обор., видно, что мощи, о которыхъ говорять XVII и XVIII ст. Описи, находились не въ крестѣ этомъ, а особо въ ящичкѣ, только въ одномъ съ онымъ ковчегѣ и, вѣроятно, принадлежали Пр. Кириллу. «А в томъ ковчегѣ крестъ золотой, воротной, гладкой Преподобнаго Кирила Бѣлоезерскаго чудотворца, а в немъ укрѣпленъ в срединѣ крестъ деревянной узенькой; крестъ вдоль поболѣ ³/₄ верха, вширь по перекрестью поболѣе полуверха; во ономъ же ковчегѣ в нижнемъ конце ящичекъ серебряной, а в томъ ящикѣ укрѣпленъ ящичекъ малой деревянной съ мощьми; ковчегъ и съ ящикомъ вѣсом 32½ зол., крестъ золотой вѣсомъ 2 зол.»

175. Въ Опис. 1732 г., л. 534, на обор. «В кіотѣ миса оловяная, на ней татаурецъ чюдотворца Кирила».... Еще о ней въ Опис. 1802 г., ч. II, стр. 353.,

176. См. тамъ, ч. II, стр. 128: «А в томъ ковчегѣ сѣрой шерсти вязаной

колпакъ Преподобнаго Кирила Бѣлоезерскаго, оный колпакъ по срединѣ вдоль $3^2/_4$ верха внутрь по нижнимъ концамъ 7 верховъ.» Ковчегъ по сему описанію тотъ же самый, въ которомъ въ Описи 1732 г. показана камилавка, и по Описи 1718 г. клобукъ Преподобнаго. Ковчегъ построилъ Архим. Митроѳанъ (1652—1660 г.) на свой коштъ.

177. См. тамъ ч. II, стр. 353.

178. См. тамъ стр. 27, на обор., № I—II.

179. Вклад. кн. въ л., стр. 222. Лѣта 7134 «Святѣйшаго Филарета Никитича Патріарха.... Діакъ Никифоръ Шипулинъ далъ вкладомъ кубокъ болшой серебренъ золоченъ, Ѳряское дѣло, за 60 рублевъ.» Тоже въ Описи. кн. 1635 г., въ переписи большой казны. Въ книгѣ «Поѣздка въ К. Б. м-рь, проф. Шевырева», ч. II, стр. 14, кубокъ этотъ ошибочно названъ золотою братиною и даромъ Царя Ивана Васильевича. О Шипулинѣ см. прим. 86.

180. Патріархъ Никонъ заточенъ въ сей монастырь въ 1667 г., въ Декабрѣ мѣсяцѣ; слѣд., кресла эти сдѣланы имъ въ первой годъ его заточенія тамъ.

181. Отписка Царю Петру I-му, въ Монастыр. Приказъ Архим. К. м-ря Иринарха, отъ 4 Дек., 1720 г., о смерти Митроп. Исаіи.

182. См. тамъ, стр. 311.

183. Опис. 1732 г., стр. 311.

184. Истор. Росс. Іерар., ч. IV, стр. 400. Петръ Великій тогда пробылъ здѣсь $5^1/_2$ часовъ.

185. Тамъ же, и въ Опис. 1732 г., стр. 61, на обор. Изъ послѣдней видно, что Государыня заѣзжала въ здѣшній монастырь на возвратномъ пути съ Олонецкихъ Марціальныхъ водъ въ Москву, и что тогда Архимандритъ Иринархъ поднесъ ей здѣсь образъ Пр. Кирилла въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ съ такими же вѣнцомъ и цатою, которыя были убраны бирюзами и венисами. Императрица въ посѣщеніе сіе пожаловала въ монастырь 50 золотыхъ и столько же братству въ милостыню. Вклад. кн. въ л., стр. 29.

186. Описаніе Троицкаго Макарьево-Желтоводскаго монастыря, изд. въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1846 г., стр. 53.

СОДЕРЖАНІЕ.

Б.

ДРЕВНОСТИ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ВЕЩИ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ КЪ БОГОСЛУЖЕНІЮ.

СВЯТЫНЯ,

ДРЕВНОСТИ И ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

ГОРОДА РЯЗАНИ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію святыни, древностей и достопримѣчательностей Рязани, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ городѣ.

Городъ Рязань въ древности назывался Переяславлемъ Рязанскимъ; столицею же Рязанскаго княжества прежде была Рязань, построенная верстъ за 48 отъ настоящей Рязани, на высокомъ берегу рѣки Оки (Спасскаго уѣзда), слѣды которой и до сихъ поръ еще видимы и о которой мы скажемъ подробно въ другомъ мѣстѣ.

Основаніе Рязани или Переяславля Рязанскаго было въ 1095 году, при Великомъ Князѣ Ярославѣ Святославичѣ. Онъ первый здѣсь заложилъ крѣпость, остатки которой и до сихъ поръ видны, и назвалъ ее своимъ именемъ. О заложеніи въ 1095 году города мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе:

«Заложенъ былъ градъ Переяславль Рязанскій у церкви Св. Николы Стараго». [1]

Церковь эта была построена, какъ видно изъ Княжеской грамоты, жалованной священнику Златоустовской церкви, на берегу озера Быстраго, которое, какъ и озеро Карасево, считалось святымъ. [2]

---

[1] Рязанскія достопримѣчательности.

[2] Рязанскія достопр., изъ книги списковъ съ выписей.

Въ лѣтописяхъ Рязанскихъ также сказано, что въ 1208 году, при Великомъ Князѣ Романѣ Игоревичѣ, внукѣ Глѣбовѣ, былъ на Рязани Архіепископъ Арсеній 1-й: онъ городъ заложилъ у озера Карасева (что нынѣ рѣка Лыбедь), но это была вторая закладка города, или, какъ видно, распространеніе его.

По разореніи столицы Рязанскаго княжества Татарами, Переяславль Рязанскій сдѣлался постояннымъ мѣстопребываніемъ Князей Рязанскихъ. Хотя съ точностію нельзя опредѣлить времени перенесенія столицы, но достовѣрно полагаютъ, что не ранѣе первой трети XIV столѣтія, такъ какъ изъ лѣтописей Рязанскихъ не видно, чтобы до Іоанна Коротопова [1] въ Переяславлѣ Рязанскомъ жили Князья Рязанскіе; но не смотря на это, перенесеніе столицы изъ Рязани въ Переяславль Рязанскій, приписываютъ Олегу, [2] который какъ намъ извѣстно, довелъ это княжество до большаго развитія.

Послѣ Олега Рязанское княжество совершаетъ постепенный переходъ къ подчиненію княжеству Московскому, такъ что это подчиненіе произошло почти безъ всякой борьбы. Будучи присоединена Великимъ Княземъ Московскимъ, Василіемъ Іоанновичемъ, къ общему составу Россіи, Рязанская область управлялась Воеводами Московскими. Такимъ образомъ исчезло самобытное Рязанское княжество.

Наконецъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, во время учрежденія въ Россіи губерній и намѣстничествъ въ 1778 году, Переяславль Рязанскій названъ губернскимъ городомъ Рязанью, и въ слѣдующемъ 1779 году Рязань надѣлена Высочайше утвержденнымъ планомъ и правомъ удержать свой древній гербъ, изображающій въ золотомъ полѣ стоящаго Великаго Князя Олега, который держитъ въ правой рукѣ мечь, а въ лѣвой ножны. Великій Князь представленъ въ червленой епанчѣ и накинутой на плечи зеленаго цвѣта отороченной соболями шубѣ и такой же Русскаго покроя съ собольею опушкою шапкѣ.

Судя по древности Рязани, можно подумать, что она представляетъ самую обильную жатву древностей; но вникнувъ поглубже въ ея исторію и припоминая, какимъ бѣдствіямъ въ 1365, 1377 и 1564

---

[1] Княжилъ съ 1327 по 1343 годъ.

[2] Княжилъ съ 1350 по 1402 годъ.

году подвергалась она отъ непріятельскаго огня и меча, намъ придется только грустить объ ея тяжкихъ утратахъ.

Древній Переяславль Рязанскій, построенный между рѣками Трубежомъ и Лыбедью, раздѣляется на двѣ части; одна называлась Старымъ острогомъ (древнею крѣпостью), а другая городомъ или кремлемъ. Острогъ, вмѣстѣ съ посадомъ, построенъ на высокомъ берегу рѣки Трубежа, обращенномъ къ сѣверо-востоку. Съ южной стороны онъ выходитъ къ берегамъ рѣки Лыбеди, опоясанъ и пересѣченъ глубокими оврагами и мѣстами обнесенъ деревянными стѣнами. Другая часть, называемая городомъ, построена на углу, образуемомъ устьемъ Лыбеди (озеро Карасево), и имѣетъ видъ прямоугольника. Холмъ, на которомъ она поставлена, обрытъ со всѣхъ сторонъ и приподнятъ вверхъ посредствомъ насыпи; длинные бока площади имѣютъ до 230 саж., а короткіе до 150. По западной сторонѣ тянется большой валъ, имѣющій 5 саж. вышины и 3 ширины; у подошвы этого вала идетъ глубокій ровъ, наполненный водою (озеро Быстрое). Три остальныя стороны опускаются въ Трубежъ и Лыбедь и обнесены деревянными стѣнами. По угламъ и между угловъ возвышается до 12 башень. Главныхъ воротъ двое: однѣ южныя выходятъ на старую торговую площадь, а другія, такъ называемыя, Глѣбовскія, обращены на западъ, къ острогу.

Такимъ образомъ древняя крѣпость Переяславля имѣетъ видъ дѣтинца и можетъ быть доступна непріятелю только съ западной стороны.

Внутри крѣпости расположенъ древній Княжескій теремъ, который, будучи обращенъ фасадомъ къ рѣкѣ Трубежу, окруженъ различными храминами, а именно: на право стоитъ Духовъ монастырь, на лѣво церковь Успенія Богородицы (нынѣ теплый Соборный храмъ), тутъ же Архангельскій Соборъ, бывшій домовою церковью Князей Рязанскихъ; далѣе выходитъ къ серединѣ города монастырь Спаса Преображенія; по западной сторонѣ къ берегу Быстраго Озера стоитъ церковь Николы «Стараго зерна» города Переяславля; на восточной сторонѣ, по берегу озера Карасева, кладбищенскій храмъ Іоанна Златоуста, построенный, по повелѣнію Ивана Васильевича III-го, въ 1485 году.

Мѣстность, на которой построенъ древній Переяславль Рязанскій, представляетъ, въ особенности отъ Княжескаго терема, великолѣпную картину природы. Подъ этимъ высокимъ угловатымъ холмомъ, воз-

двигнутымъ какъ будто надъ бездною, извивается блестящею змѣею Трубежъ; за нимъ, влѣво, живописною группою разбросаны по зеленымъ лугамъ бѣлѣющіеся песчаные острова, мѣстами осыпанные чернымъ грунтомъ земли, а мѣстами окаймленные кустарникомъ. Далѣе виднѣется, какъ будто разбросанный зелеными кучками, цвѣтущій лѣсъ. Направо разстилаются прелестнымъ полосатымъ ковромъ испещренныя то желтыми, то зелеными, черными и красными полосами засѣянныя и зрѣющіяся поля. А вдали, за всею этою картиною, бѣжитъ, отбросившись верстъ на 5 отъ города и отражаясь въ солнечныхъ лучахъ серебристою чешуею, рѣка Ока, унося въ своихъ свѣтлыхъ и могучихъ объятіяхъ безчисленное множество различныхъ бѣлопарусныхъ барокъ и судовъ, едва, едва, какъ бѣлокрылыя чайки, виднѣющихся. А за Окою чуть, чуть виднѣются, то утопая въ туманной дали, то карабкаясь на самую вершину горы и подпирая голубой небосклонъ, различныя деревенскія избушки, образующія тамъ большія деревни и села.

Теперь приступимъ къ отдѣльному описанію всего видимаго и заслуживающаго вниманіе историка и археолога.

I. Велико-княжескій теремъ.

Дворецъ этотъ, выходя, какъ сказано, фасадомъ на рѣку Трубежъ, занимаетъ съ этой стороны саженъ 35 пространства земли. Это огромное трехъ-этажное зданіе древней архитектуры построено изъ чрезвычайно толстыхъ стѣнъ, сложенныхъ частію изъ большаго кирпича, а частію изъ дикаго камня. Посреди узкихъ оконъ со стороны фасада въ верхнемъ этажѣ, какъ видно, былъ балконъ, а по сторонамъ того балкона придѣланы два какихъ-то глухихъ, узкихъ и высокихъ, съ вставленными для свѣта стеклышками, деревянныхъ балкончика, выкрашенныхъ бѣлою краскою и походящихъ болѣе на полукруглыя будки. Съ этой стороны дворецъ огороженъ высокою и плотною каменною стѣною, изъ за которой виднѣются рѣдко растущія большія деревья. Въ передней сторонѣ этого дворца, которая обращена къ Собору и представляетъ весьма узкую, сажени въ 4, стѣну, на верху нарисованъ въ большомъ размѣрѣ старый его хозяинъ, Великій Князь Олегъ (губерн. гербъ). Тутъ же, въ соединеніи съ каменнымъ заборомъ, сдѣланы ворота, которыя ведутъ къ крыльцу дворца, состоящему изъ широкой, построенной

изъ дикаго камня, лѣстницы, которая ведетъ во второй этажъ, гдѣ устроены одни слишкомъ большія, а другія слишкомъ малыя и мрачныя комнаты. Все это, какъ и самое крыльцо, лѣстницы и другіе подъѣзды, носятъ на себѣ видимую печать старины. Домъ этотъ служитъ для помѣщенія мѣстнаго Архіепископа. Время построенія этого терема съ достовѣрностію не извѣстно.

II. КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВО ИМЯ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Храмъ этотъ примѣчателенъ снаружи по необыкновенной красотѣ своей архитектуры и по своей огромности, превосходящей на третью долю большой Успенскій соборъ въ Москвѣ. Построеніе этого храма начато въ 1684 году, при Митрополитѣ Павлѣ Моравскомъ, и кончено вчернѣ въ 1690 году, но чрезъ два года, въ ночь на 17-е Апрѣля, этотъ великолѣпный храмъ, къ общему удивленію, отъ неизвѣстной причины, почти весь до основанія разрушился; по чему въ слѣдующемъ году постройка была вновь начата, только по уменьшенному уже размѣру, гораздо ниже, и въ 1700 году, при знаменитомъ Митрополитѣ Рязанскомъ, Стефанѣ Яворскомъ, храмъ былъ совершенно оконченъ. Незабвенный Архипастырь, Стефанъ Яворскій, устроивъ въ этомъ храмѣ великолѣпный рѣзной съ позолотою иконостасъ о четырехъ поясахъ и святыя иконы въ Греческомъ стилѣ, и поставивъ къ нимъ весьма цѣнныя, серебряныя лампады, совершилъ торжественное освященіе этого храма, что было 15 Августа, 1702 года.

Спустя 96 лѣтъ, священный храмъ, по причинѣ оказавшихся въ немъ трещинъ и другихъ поврежденій, былъ сломанъ и вновь сооруженъ знаменитымъ архитекторомъ, Иваномъ Русско, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ бывшаго тогда Архіепископа, Симона, возимаго для осмотра работъ, по старости и дряхлости своей, на телѣжкѣ. По окончаніи работъ, что было чрезъ восемъ лѣтъ, т. е., въ 1804 году, храмъ этотъ въ тотъ жа самый день, какъ и прежде, а именно, 15 Августа, былъ освященъ пріемникомъ благочестиваго Архипастыря, Симона, Архіепископомъ Амвросіемъ, и съ того времени священныя врата Дома Господня были въ теченіи 50 лѣтъ отверсты для всѣхъ благочестивыхъ и усердныхъ богомольцевъ; но всеистребляющая рука времени, все болѣе и болѣе трудилась надъ внутренностію святыни, такъ что Преосвященный Архіепископъ, по окон-

чаніи постройки великолѣпной Соборной колокольни, призналъ необходимымъ возобновленіе какъ внутри, такъ и нѣкоторыхъ предметовъ снаружи храма, для чего и былъ тотчасъ же созванъ строительный Комитетъ, усердными трудами котораго и приношеніями благочестивыхъ богомольцевъ, священый храмъ былъ возобновленъ превосходно. Труды Комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Архіепископа Гавріила, заключались, снаружи: въ устроеніи новой, покрытой масляною краскою желѣзной крыши и исправленіи пяти главъ храма, окраскою ихъ и наложеніемъ на нихъ бронзовыхъ вызолоченныхъ звѣздъ и позлащеніемъ яблокъ и крестовъ; а внутри: въ исправленіи и окраскѣ масляною краскою стѣнъ храма, возобновленіи сводовъ и карнизовъ и по стѣнамъ священныхъ изображеній, писанныхъ масляною же краскою и превосходною кистью иконописцевъ, приглашенныхъ изъ Москвы. Всѣ священныя изображенія представлены въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ огромности стѣнъ храма.

Иконы всѣхъ четырехъ поясовъ также возобновлены, и самый иконостасъ, имѣющій до 32 арш. вышины и ширины, весь вызолоченъ червоннымъ золотомъ на полиментѣ. Кромѣ того вымощенъ новый изъ дикаго камня полъ и сдѣланы разныя другія значительныя исправленія, какъ, на прим., передѣлка террасы, лѣстницъ и проч. По окончаніи всѣхъ этихъ работъ, бывшихъ подъ наблюденіемъ даровитаго архитиктора, Г. Воронихина, и неусыпнымъ попечительствомъ бывшаго начальника губерніи, П. П. Новосильцева, храмъ былъ торжественно освященъ при многочисленныхъ и разныхъ богомольцахъ, мѣстнымъ Архіепископомъ Гавріиломъ, въ роковой день 15 Августа (1857).

Этотъ великолѣпный храмъ, считающійся однимъ изъ первыхъ въ Россіи, расположенъ на крутомъ и высокомъ берегу рѣки Трубежа; отсюда, чрезъ извившійся змѣею Трубежъ, растилается прелестная панорама живописныхъ окрестностей: зеленыхъ луговъ, бѣлыхъ песчаныхъ обрывовъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ мелкихъ озеръ, то блестящихъ какъ стекло, то окаймленныхъ живописною рамкою зеленаго кустарника.

Древности и достопримѣчательности Каѳедральнаго Собора:

Въ ризницѣ, принадлежащей этому храму, находятся слѣдующія достопримѣчательности:

1. Водосвятная чаша серебряная и снаружи и внутри вызолоченная; на ней высѣчены три надписи: одна снаружи, вокругъ всей чаши, другая внутри по плоскости дна, вокругъ прекрасно чеканомъ изображенной Голгофы и Іерусалима, третья надпись наисподѣ дна.

Надпись наружная вокругъ чаши слѣдующая: «Лѣта 7161 (1653) году, индикта 6, Божіею милостію при державѣ Благовѣрнаго Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Руси Самодержца, и Его Благоверной и Христолюбивой Царице и Великой Княгине Маріи Ильиничне, и при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Никонѣ, Патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, сдѣлана бысть сія водосвященная чаша въ богоспасаемый градъ въ Переяславль Рязанскій во Святую, Соборную и Апостольскую Церковь Пречистыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Успѣнія и Святыхъ Страстотерпцевъ Христовыхъ, Благовѣрныхъ и Великихъ Князей Рускихъ обою брату по полу, Бориса и Глѣба, нареченныхъ во Святомъ крещеніи Романа и Давида, иже во Святыхъ отца нашего Василія, Епископа Рязанскаго, Чудотворца, не церковнаго серебра и золота из домовые казны повеленіемъ Великаго Господина, Преосвященнаго Мисаила, Архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, въ третіе лѣто владычества своего.»

Внутри чаши насѣченъ водосвятный стихъ, который читается такъ:

«Спаси, Господи, люди Своя и благослови достояніе Свое, побѣды благоверному Царю нашему на сопротивныя даруя, своя сохраняя крестомъ люди.»

Третья надпись на исподѣ дна:

«Состроена чаша сія повелѣніемъ смиреннаго Мисаила, Архіепископа Рязанскаго и Муромскаго въ Соборную Церковь Пречистыя Богородицы на Рязань 160.

А вѣсу въ ней 30. А золотыхъ пошло на позолоту (число не показано).

А за дѣло мастеру дано 55 рублей.

А вся она стоила цѣною (сумма не показана)».

II. Плащаница, устроенная Митрополитомъ Рязанскимъ Іосифомъ 1681 г. Октября. На ней около почившаго Спасителя изображено шитьемъ шелками, серебромъ и золотомъ Страсти Господни и вышиты слѣдующія слова:

«А шила оную и низала жемчугомъ жена прикащика Григорья Дмитріевича Строгонова, Агапова, которой за труды заплочено 80 рублей».

III. **Напрестольное Евангеліе**, тѣмъ же Митрополитомъ Іосифомъ устроенное въ 1677 году, украшено дорогими каменьями; изъ расходной книги тогдашняго времени видно, что Евангеліе это стоило 932 руб., 18 алтынъ и 3 деньги.

IV. **Золотой крестъ** съ слѣдующею надписью:

«Лѣта 7119 (1611) Генваря въ 6-й день совершися честный крестъ праздничной золотой, чеканной Соборныя Церкви Успенія Пречистыя Богородицы, по обѣщанію Θеодорита Архіепископа.»

Этотъ крестъ украшенъ изумрудами, яхонтами, лалами, многими другими каменьями и весь вынизанъ жемчугомъ.

V. Атласный, золотомъ шитый **Саккосъ**, присланный Патріархомъ Александрійскимъ Паисіемъ, въ бытность его въ Москвѣ, Митрополиту Рязанскому, Иларіону, въ 1667 году. Вмѣстѣ съ саккосомъ Патріархъ прислалъ на него грамоту, которая доселѣ хранится въ Архіерейскомъ домѣ.

VI. **Митра**, пожалованная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Архіепископу Рязанскому, Мисаилу, замѣчательна по своей древности и драгоцѣнности.

VII. **Свитокъ** пергаментный, на которомъ написанъ весь служебникъ Архіерейскій.

НА КОЛОКОЛЬНѢ СОБОРА.

На колокольнѣ Собора находятся три древнихъ колокола.

Первый, большой, или, такъ называемый, праздничный, второй часовой, и третій поліелейный.

Большой имѣетъ вѣсу 500 пудовъ, средній 300, а малый также до 300 пудовъ.

На большомъ находится слѣдующая надпись:

«Лѣта 7185 году, мѣсяца Августа въ 25 день, а отъ Рождества Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа въ 1676 г., при державѣ благочестивѣйшаго Государя, Царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, во второе лѣто царства его, въ духовномъ же чинѣ при отцѣ его и богомольцѣ при Великомъ Господинѣ, Святѣйшемъ Киръ Іакимѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи построилъ сей колоколъ

въ Богоспасаемый градъ Переславль Рязанскій къ Соборной и Апостольской Церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, и Святыхъ Страстотерпцевъ Россійскихъ Благовѣрныхъ Великихъ Князей, Бориса и Глѣба, смиренный Іосифъ, Божіею милостію Митрополитъ Разанскій и Муромскій, въ четвертое лѣто Архіерейства своего изъ домывые казны.

«А вѣсу въ семъ колоколѣ 500 пудъ.

Лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳедоръ Маторинъ».

Вторый колоколъ, часовой, вѣсомъ въ 300 пудовъ; на немъ слѣдуюдующая надпись:

«Лѣта 7188 году Августа въ 1-й день вылитъ сей колоколъ въ Переславль Рязанской, къ Соборной церкви Успенію Пресвятыя Богородицы, при державѣ Благочестивѣйшаго и Христолюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ пятое лѣто Царства его, при Великомъ Господинѣ, Святѣйшемъ Іоакимѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, строеніемъ и благословеніемъ Пріосвященнаго Іосифа, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, въ шестое лѣто владычества его.

Вѣсомъ сей колоколъ 300 пудъ.

Лилъ мастеръ Филипъ Андреевъ».

Третій, поліелейный, такъ же до 300 пуд., и на немъ надпись, свидѣтельствующая, что онъ вылитъ мастеромъ Филипомъ Андреевымъ въ 1680 г., въ шестое лѣто владычества Іосифа.

III. АРХІЕРЕЙСКАЯ ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ.

Въ Архіерейской домовой церкви, за правымъ клиросомъ, хранится, подъ стекломъ, примѣчательный по своей древности напрестольный воздухъ, пожертвованный въ нынѣшній Рождественскій Соборъ Великою Княгинею Анною Васильевною, дочерью Великаго Князя Московскаго, Василія Темнаго, и Супругою Великаго Князя Рязанскаго, Василія Іоанновича, въ 1485 г.; по тафтѣ этого воздуха шитьемъ шелками и золотомъ изображена тайная вечеря, и надъ Апостолами по лѣвую сторону вышиты серебромъ слѣдующія слова Спасителя, произнесенныя имъ при установленіи таинства:

«Пріидите и ядите, се есть тѣло мое, еже за вы ломимое».

А на правой сторонѣ:

«Пійте отъ нея вси, се есть кровь моя новаго завѣта».

По угламъ этого воздуха вышиты серебромъ, золотомъ и шелками, изображенія четырехъ Евангелистовъ, а на широкихъ краяхъ, разныя происшествія Христовой Церкви съ слѣдующими надписями:

На верхней части воздуха:

«Возвращеніе даровъ».

«Іоакимъ грядетъ въ пустыню».

«Анна плачется».

«Ангелъ Господень благовѣсти Аннѣ».

«Возвѣщаетъ Аннѣ Іоакимовъ приходъ».

На лѣвой сторонѣ воздуха:

«Зачатіе Святей Богородицы».

«Приняты дары Іоакимовы».

«Благословеніе рек. Іакима і Анну.»

На правой сторонѣ воздуха:

«Ангелъ Господень благовѣститъ Іоакиму».

«Іоакимъ грядетъ с. стады».

«Благовѣщеніе Святыя Богородицы».

На нижней части воздуха:

«Рождество Пресвятыя Богородицы».

«Поступленіе Пресвятей Богородицы».

«Введеніе въ Церковь Господню».

«Моленіе о жезлѣхъ».

Между срединою и краями находится слѣдующая подпись:

«Въ лѣто 6993 (1485) Индикта 3 сіи воздухъ созданъ бысть въ Церковь Успенье Святей Богородицы въ градѣ Переславли Рязанскомъ, замышленьемъ благородныя и благовѣрныя и Христолюбивыя Великой Княгини Анны, и при сынѣ ея благородномъ и благовѣрномъ Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Резаньскомъ, и при Епископѣ Сѵміонѣ Резаньскомъ и Муромскомъ; оконченъ сей воздухъ въ лѣто 94, мѣсяца Сентября 30 дня, на память Священно-мученика Григорія Великія Арменіи».

Подкладка подъ этимъ воздухомъ сдѣлана изъ синей крашенины; величина его въ длину 2, въ ширину $1^1/_2$ аршина.

Въ тепломъ соборномъ храмѣ покоится прахъ пріемниковъ Великаго Князя Рязанскаго Олега.

На правой сторонѣ стоятъ гробницы: Θеодора Ольговича, Ивана Θедоровича, Василья Ивановича, Ивана Васильевича и Θедора Васильевича Третныхъ.

На лѣвой сторонѣ: прахъ Великихъ Княгинь Софьи Дмитріевны и Анны Васильевны. Говорятъ, что скоро подлѣ нихъ займетъ свое мѣсто гробница Великой Княгини Рязанской Агрипины Θедоровны.

IV. СПАССКІЙ (2 КЛАССА) МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Время построенія этого храма съ достовѣрностію не возможно опредѣлить; извѣстно только то, что въ 1467 году Великій Князь Московскій Иванъ Васильевичь прислалъ ему грамоту на отчинѣ. Извѣстно также, что Великій Князь Θедоръ Васильевичь пожаловалъ ему село Гавриловское. [1]

Въ Преображенской церкви этого монастыря примѣчательны:

I. Серебрянный вызолоченный крестъ, положенный въ 1530 году Рафаиломъ, Епископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ, по своимъ родителямъ и по душѣ своей, вѣчныхъ ради наслѣдія благъ.

II. Другой серебряный вызолоченный крестъ съ мощами, приложенный въ 1703 году Гостиной сотни Михаиломъ Несижикомъ.

Въ древности близъ этого монастыря, въ нынѣшнемъ Архіерейскомъ саду, былъ женскій монастырь.

V. ДРЕВНІЙ ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛЪ.

Тутъ же особенное вниманіе обращаетъ на себя огромный земляной валъ, который есть не что иное, какъ укрѣпленіе или оборона для защиты города отъ непріятельскихъ набѣговъ; онъ имѣетъ пять саженъ вышины и три ширины; построеніе его относится ко временамъ построенія самаго города.

Валъ этотъ тянется по западной сторонѣ Спасскаго монастыря. Съ сѣверной стороны онъ примыкаетъ къ рѣкѣ Лыбеди (озеро Карасево), а съ южной къ рѣкѣ Трубежу, у подошвы его идетъ глубокій ровъ, наполненный водою.

---

[1] Рязанскія достопамятности.

Въ лѣтописяхъ Рязанскихъ, подъ 1208 годомъ, о заложеніи этого вала сказано такъ: «При Великомъ Князѣ Рязанскомъ, Романѣ Игоревичѣ, внукѣ Глѣбовѣ, былъ въ Рязани Архіепископъ Арсеній I-й. Онъ городъ Переславль заложилъ у озера (Карасева)». Это была вторая закладка Переславля Рязанскаго (первая была въ 1095 г.), и есть не что иное, какъ заложеніе и освященіе крѣпости, т. е., этого самаго вала.

Въ древности укрѣпленная часть города часто называлась Вышгородомъ, т. е., вышнимъ городомъ, и даже просто городомъ. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ надобно разумѣть заложеніе города Переславля Рязанскаго въ 1208 году, или той крѣпости, остатки которой видны донынѣ.

VI. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.

По всему видно, что эта церковь была придворною церковью Великихъ Князей Рязанскихъ, которые, по разореніи непріятелями столицы Рязанской, бывшей на Окѣ (что нынѣ Старая Рязань), избравъ мѣстопребываніемъ своимъ Переяславль Рязанскій, жили, какъ говоритъ преданіе, въ нынѣшнемъ Архіерейскомъ домѣ, находящемся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сей церкви. Въ ней обращаютъ на себя вниманіе:

1) Хоругвь, стоящая подлѣ лѣваго клироса, памятникъ глубокой древности; на ней по атласу шелками и золотомъ, съ одной стороны вышита картина Успенія Пресвятыя Богородицы, съ другой стороны Нерукотворенный образъ, а подъ нимъ изображено пять Великокняжескихъ лицъ на широкихъ поляхъ этой хоругви. Съ той и другой стороны золотомъ изображены различныя подписи, изъ которыхъ я могъ только разсмотрѣть слѣдующую, вокругъ образа Успенія Богородицы расположенную:

«Въ Рождествѣ дѣвство сохранила еси.»

2) Гробницы Рязанскихъ Архипастырей.

Всѣхъ гробницъ считается восемь.

Три расположены по правую сторону, при входѣ во храмъ, три по лѣвую; одна на правомъ клиросѣ и одна въ предверіи алтаря. На каждой гробницѣ положены дощечки съ надписями, напоминающими о почившихъ.

У гробницы, съ правой стороны, при входѣ въ церковь.

Первая гробница. Подъ нею покоится Митрополитъ Иларіонъ (рукоположенъ въ 1657, скончался въ 1669). На каменномъ столбѣ, противъ этой гробницы поставленномъ, изсѣчена слѣдующая надпись:

«Лѣта 7177 (1669) Іунія въ 16 день, по Указу Великаго Государя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, по челобитью Рязанскихъ жителей всякаго чина, погребенъ Великій Господинъ, Преосвященный Митрополитъ Рязанскій и Муромскій Иларіонъ, схимникъ, понеже первый Митрополитъ въ Рязанѣ. Отпѣвалъ и погребалъ Преосвященный Павелъ, Митрополитъ Рязанскій и Полонскій со властьми, во храмѣ Святаго Архистратига Михаила, идѣже прежніе Архіереи Рязанскіи почіютъ, преставися подъ градомъ Переславлемъ, идучи на обѣщаніе въ Макарьевъ Монастырь Чудотворца, Іюня же въ 6 день.»

Вторая гробница. Подъ нею покоятся: Епископъ Михаилъ (рукоположенъ 1548, ум. 1551 г. въ Москвѣ), Епископъ Гурій (рукополож. 1554 г.), Архіепископъ Ѳеодоритъ (рукопол. 1605, ум. 1616 г.), Архіепископъ Антоній (рукопол. 1620, ум. 1637 г. въ Москвѣ).

Третья гробница. Подъ нею покоится Епископъ Іона (рукополож. 1522, ум. 1542 года).

Гробницы съ лѣвой стороны, при входѣ въ Церковь:

Первая гробница. Подъ нею почиваютъ: Епископъ Ѳеодосій (рукопол. 1472 года), и Епископъ Симонъ (рукопол. 1481 года).

Вторая гробница. Тутъ почиваетъ Митрополитъ Іосифъ (рукопол. 1647, ум. 1698 года), и Митрополитъ Павелъ (рукопол. 1682, ум. 1687 года).

Третья гробница. Надпись, принадлежащая этой гробницѣ, гласитъ: въ семъ же Соборѣ въ 1735 году, погребенъ Устюжскій Архіепископъ, бывшій на обѣщаніи въ Донскомъ Покровскомъ монастырѣ, но подлинное мѣсто погребенія неизвѣстно.

Гробница на правомъ клиросѣ:

Подъ нею почиваетъ Архіепископъ Мисаилъ, убитый отъ Тамбовскихъ Мордовцевъ въ 1655 году.

Надъ гробницею, въ стеклянномъ футлярѣ, виситъ его мантія, на которой видны три пробитыя стрѣлою и сгрунившаяся сквозь

нихъ кровь страдальца. Туземцы благоговѣйно чтутъ память сего Святителя, служатъ ему панихиды, и съ вѣрою прикасаются къ его мантіи.

Гробница въ преддверіи алтаря:

Подъ сею гробницею почиваютъ: Митрополитъ Стефанъ Яворскій и Архіепископъ Алексѣй Титовъ. Надпись, принадлежащая сей гробницѣ, гласитъ: подъ сею гробницею почиваютъ Первосвященные:

1) Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій, Патріарша престола Екзархъ и Святѣйшаго Сѵнода Президентъ, рукоположенъ въ Архіерея 1700, а скончался 1722 г., въ Москвѣ, 64 лѣтъ отъ роду, въ царствованіе блаженныя памяти Государя Императора Петра перваго.

2) Архіепископъ Алексѣй изъ роду Боляръ Титовыхъ, переведенный на Рязань изъ Вятки въ 1738 году, скончавшійся въ 1750 году.

Подобно Мисаилу, и память Стефана Яворскаго благоговѣйно чтится туземцами и ему служатъ панихиды.

Рядомъ съ гробницею Яворскаго и Титова въ преддверіи же алтаря стоятъ на пьедесталѣ два ящика подъ стеклами, съ частицами мощей разныхъ Святыхъ.

Въ первомъ ящикѣ находятся частицы мощей:

Св. Мученика Христофора;

Часть мощей отъ руки Св. Іоны Митрополита, Московскаго Чудотворца;

Князя Константина Муромскаго съ чады;

Св. Іоанна Златоустаго;

Св. Нектарія Патріарха;

Св. Апостола Варѳоломея;

Св. Мученика Евграфа;

Св. Мученика Лаврентія;

Св. Мученика Константина;

Мощи и персть Моисея Архіепископа;

Св. Мученицы Христины;

Св. Василія Епископа Амассійскаго;

Преподобнаго Савватія, Соловецкаго Чудотворца;

Св. Іуліаніи Осорской;

Кость Св. Василія, Епископа Рязанскаго и Муромскаго;

Мощи Св. Іакова Перскаго;

Мощи невѣдомыхъ Святыхъ.

Во второмъ ящикѣ:

Вѣтка несгараемой купины;

Часть дуба Мамврійскаго;

Часть дерева, которымъ Богъ указалъ Моисѣю усладить воды (Мерры);

Ступень Өаворскія горы (на которой Спаситель преобразился);

Камень, на немъ же стояше Христосъ со ученики (на Өаворѣ);

Камень, на немъ же постися Христосъ 40 дней и 40 нощей;

Камень села Скудельнича;

Свѣча отъ гроба Господня;

Мѣра гроба Господня (шелковая тесьма);

Хлѣбъ Саввы Освященнаго;

Трава Великомученицы Екатерины;

Персть Василія, Епископа Рязанскаго;

Панагія раковинная;

Персть 14,000 младенцевъ, отъ Ирода убіенныхъ;

Часть отъ губы, которою обтирали мощи Преподобнаго Өеодосія, Тотемскаго Чудотворца;

Персть отъ гроба Господня;

Персть отъ гроба Сvміона Столпника;

Персть Саввы Звенигородскаго;

Часть гроба Александра Свирскаго;

Часть схимы Іоны Митрополита.

Разсказываютъ, что въ 1820 г., при возобновленіи храма, гдѣ-то подъ поломъ найденъ запыленный, наглухо заколоченный гвоздями и запечатанный ящикъ. Донесли объ этой находкѣ тогдашнему Преосвященному Сергію. Преосвященный приказалъ вскрыть ящикъ. Приказаніе исполнено, и въ ящикѣ найденъ другой ящикъ серебряный, скрывавшій вышеозначенныя святыни.

VI. Соборная церковь во имя Рождества Христова (Рождественскій Соборъ).

Въ древности эта церковь носила имя Успенія Пресвятыя Богородицы, и была двухъ-этажная, переименована же во имя Рождества Христова уже по устроеніи Большаго Успенскаго Собора.

Древность этого храма восходитъ далѣе 1483 г. Это видно изъ надписи на напрестольномъ воздухѣ, который пожертвованъ въ сей храмъ Великою Княгинею Рязанскою, Анною Васильевною, въ 1485 г. Впрочемъ въ настоящее время ни внѣ, ни внутри его не осталось никакихъ слѣдовъ древности. Около 1606 года эта церковь построена Преосвященнымъ Ѳеодоритомъ. Въ 1753 году передѣлана Преосвященнымъ Димитріемъ Сѣченовымъ; въ 1782 — 1783 годахъ Преосвященнымъ Симономъ; въ 1827 году, при Архіепископѣ Филаретѣ (въ послѣдствіи Митрополитъ Кіевскій), снова передѣлана и украшена по вкусу новѣйшей архитектуры. Въ этомъ храмѣ находятся слѣдующія священныя достопримѣчательности.

а) Мощи Св. Василія I-го, Епископа Рязанскаго. Сей Святитель прежде былъ Епископомъ Муромскимъ, но по причинѣ возмущенія противъ него Муромцевъ, будто бы за подозрительное житіе. Случай этотъ описанъ въ житіи Муромскихъ Чудотворцевъ Константина и чадъ его въ Прологѣ подъ 21 числомъ Мая слѣдующимъ образомъ:

«Тщетно праведникъ доказывалъ невинность свою, безразсудные хотѣли умертвить его. Тогда Василій предсталъ предъ неистовыхъ и возгласилъ: «Отцы и братія! Дадите мнѣ малое время, до утрія, до третьяго часа дне.» Кротость пастыря и произнесенныя имъ слова поразили народъ; онъ разошелся по домамъ. Благочестивый Архипастырь молился со слезами всю ночь во храмѣ Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; потомъ, отпѣвъ литургію, пошелъ въ церковь Благовѣщенія, и тамъ, предъ образомъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, перенесеннымъ нѣкогда изъ Кіева Благовѣрнымъ Княземъ Константиномъ, отпѣлъ молебенъ. Возложивъ надежду спасенія своего на Заступницу Богородицу, Василій пріялъ Чудотворную икону ея, и съ ней, какъ сказано въ прологѣ:

«Пойде изъ церкви и Епископія своея до рѣки Оки. Провождаху же его Вельможи града сего и весь народъ, хотяше ему судно дати къ плаванію. Святый же, стоя съ образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снемъ съ себя мантію, и простре ю на воду, и поступи на него, нося образъ Пресвятыя Богородицы, и абіе нанесенъ бысть духомъ бурнымъ и со образомъ Богородичнымъ противу быстрины рѣчныя, отнюду же рѣка течетъ. Видѣвше же сіе чудо, Муромстіи граждане начаху вопити: О Святый, Владыко Василій! Прости

насъ грѣшныхъ рабовъ своихъ! И абіе Святый Василій Епископъ взятся изъ очію Муромскаго народа, въ мгновеніи ока, вверхъ по Окѣ рѣкѣ. Бысть же сіе чудо въ третій часъ дне, и того же дня въ девятый часъ принесенъ бысть въ мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху Князи Рязанстіи. Великій же Князь Рязанстій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, и пріятъ Св. Праведнаго Василія Епископа, радуяся со всѣми Православными Христіаны. И такъ пребысть Муромская Епископія въ Рязань. Чудотворная же икона Богородицы, юже Василій принесъ, и донынѣ въ Рязани есть.» [1]

Такимъ образомъ Василій перенесъ съ собою и престолъ Епископіи изъ Мурома въ Рязань.

Что же касается до того, что будто бы Василій велъ жизнь, неприличную званію Святителя, въ чемъ его обвиняли жители Мурома, то это несправедливо; ибо Князь Муромскій, Григорій Васильевичь избралъ и назначилъ Василія Муромскимъ Епископомъ именно какъ благочестиваго старца, что видно изъ той же книги, гдѣ сказано такъ:

«Спустя много лѣтъ по представленіи Благовѣрнаго Князя Константина и чадъ его, и по запустѣніи города Мурома отъ невѣрныхъ людей, и спустя много лѣтъ послѣ Благовѣрнаго Князя Петра и Благовѣрной Княгини Февроніи, прибылъ изъ Кіева въ Муромъ Благовѣрный Князь Григорій Ярославичь, и поставилъ себѣ дворъ въ Муромѣ; тоже учинили Бояре его и всѣ купцы Муромскіе. Сей Князь обновилъ первоначальную тамошнюю церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и второй храмъ Святыхъ Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и поставилъ у церкви ихъ по прежнему Епископа, именемъ Василія, мужа праведнаго и благочестиваго».

Изъ этого видно, что Василій былъ ранѣе извѣстенъ, какъ достойный Архипастырь, и что онъ несклоненъ былъ къ жизни, не соотвѣтствующей своему сану.

И такъ Св. Василій прибылъ первоначально въ Старую Рязань (Спасскаго уѣзда). По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Святитель переселился изъ столицы Рязанской въ Переяславль, Рязанскій (т. е., въ настоящую Рязань), и здѣсь, въ 1294 г., скончался, [2] и погребенъ

---

[1] Словарь историческій о Святыхъ, стр. 58.

[2] Въ рукописномъ сборникѣ Рязанскихъ дѣлъ, извѣстномъ подъ именемъ «Достопамятностей», сказано: «при немъ (т. е., при Князѣ Рязанскомъ Ѳедорѣ

при Церкви Борисоглѣбской. Сказаніе о семъ Епископѣ говоритъ, что онъ и въ Новую Рязань чудеснымъ образомъ перенесся по волнамъ рѣки Оки на своей мантіи. До сихъ поръ сохранилось въ народѣ такое преданіе, что будто бы Св. Василій принесъ съ собою въ Переяславль два колокола, изъ которыхъ одинъ повѣшенъ на Борисоглѣбской колокольнѣ, а другой, при поднятіи на колокольню, упалъ въ рѣку Трубежъ, и каждый разъ, лишь только начинаютъ звонить на Борисоглѣбской колокольнѣ, то и этотъ колоколъ гудитъ подъ водою. Въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго были перенесены мощи Св. Василія. Тогдашній Архіепископъ, Ѳеодоритъ, съ подобающею честію перенесъ святые останки угодника Божія изъ Борисоглѣбской церкви въ Соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы (что нынѣ Рождественскій Соборъ), и установилъ празднованіе перенесенія мощей сего Святителя 10 Іюля. [1] Нынѣ, въ слѣдствіе Указа Святѣйшаго Синода, состоявшагося 1810 года, празднованіе сему Святителю совершается въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

На гробѣ Святителя изображена слѣдующая надпись:

«Перенесеніе мощей иже во Святыхъ отца нашего Василія Епископа Рязанскаго и Муромскаго, новаго Чудотворца изъ Стараго Острова отъ церкви Святыхъ Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба въ новопостроенную Соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и положися на семъ мѣстѣ; а перенесены Преосвященнымъ Ѳеодоритомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1592, Іюля 10 дня, при державѣ благочестиваго Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи». [2]

Романовомъ) бысть Епископъ Василій и того жъ году (т. е., вмѣстѣ съ Княземъ Ѳеодоромъ) преставился (Достопамятн. §. 57). А Князь Рязанскій Ѳеодоръ Романовичъ умеръ 1293 г. (Родослов. Князей Рязанскихъ, Строева, стр. 28). Сочинитель Историческаго описанія Соборныхъ и приходскихъ церквей, въ Россійской Имперіи находящихся (Моск. 1828 г., стр. 123) пишетъ, что Св. Василій, Епископъ Рязанскій, скончался 1328 года.

[1] Это былъ день перенесенія мощей Св. Угодника.

[2] Въ Рязанскихъ достопамятностяхъ, соч. Г. Тихонравова, §. 83, сказано, что перенесеніе мощей было въ 1609 году, и что выставленный на гробѣ Василія годъ показанъ невѣрно.

Предъ гробницею Св. Василія Епископа Рязанскаго виситъ серебреное старинное паникадило съ слѣдующею надписью:

«Лѣта 7186 (1678) мѣсяца Ноемврія въ 25 день, при державѣ благочестивѣйшаго Великаго Государя и Великаго Князя Θедора Алексѣевича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, во второе лѣто благочестивыя державы его, смиренный Іосифъ, Божіею милостію Митрополитъ Рязанскій и Муромскій, построилъ сію лампаду въ Богоспасаемый градъ Переяславль Рязанскій въ Соборную и Апостольскую Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, въ четвертое лѣто Архіерейства своего».

VIII. ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ΘЕДОТЬЕВСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Эта Икона обрѣтена въ 1487 году близь села Θедотьева, въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, почему и названа Θедотьевскою. По приказанію тогдашняго Великаго Князя Рязанскаго, Ивана Васильевича, явленная икона Богоматери была перенесена въ столицу его, Переяславль Рязанскій, и постановлена въ Соборной церкви.

Рязанское Духовенство и самъ Князь съ благоговѣніемъ встрѣтили эту икону близь нынѣшней церкви Симеона Столпника. Отъ множества народа, стекшагося на поклоненіе и лобызаніе этой святыни, она нѣсколько дней находилась неподвижною на этомъ мѣстѣ. Въ память сего въ послѣдствіи на томъ самомъ мѣстѣ была выстроена часовня, которая и теперь еще находится, съ тѣмъ только различіемъ, что перенесена съ дороги на нѣсколько саженъ ближе къ Симеоновской церкви.

Постояннымъ мѣстопребываніемъ этой святой явленной иконы былъ Соборъ. Въ 1611 году, по приказанію Рязанскаго Архіепископа Θеодорита, сняты съ сей иконы двѣ копіи: изъ нихъ одна отослана въ Борисоглѣбскій Соборъ (находящійся также въ Рязани), а другая въ село Θедотьево, гдѣ она явилась, въ церковь того села. При этомъ случаѣ Архіепископъ Θеодоритъ пожаловалъ Священнослужителямъ того села свою Архіерейскую грамоту, чтобы съ нихъ церковныя дани и оброковъ и всякихъ податей не взимать до кончины

вѣка [1], что и соблюдалось при послѣдующихъ Рязанскихъ Архіепископахъ, какъ то: Антоніи, Моисеѣ, Мисаилѣ, и Митрополитѣ Иларіонѣ, какъ видно изъ челобитной Священнослужителей села Ѳедотьева къ Рязанскому Митрополиту Павлу (1682—1684 г.), который, по случаю истребленія пожаромъ Ѳеодоритовой грамоты, приказалъ было собирать съ нихъ обычную дань и подати. [2]

Въ 1714 г., при незабвенномъ Митрополитѣ Рязанскомъ Стефанѣ Яворскомъ, этотъ чудотворный образъ, съ полнымъ благочестіемъ всѣми жителями чтимый, былъ подновленъ, при чемъ къ нему былъ сдѣланъ отъ добровольныхъ приношеній жителей великолѣпный новый кіотъ съ затворкою. [3]

Въ настоящее время эта икона находится въ богатой серебряной вызолоченной ризѣ, пожертвованной отъ усердія какого-то благочестиваго поклонника.

Празднованіе этой святой иконѣ издревле совершается 2 Іюля.

IX. Икона Муромской Божіей Матери.

Эта икона перенесена была первоначально изъ Кіева въ Муромъ Благовѣрнымъ Княземъ Константиномъ Святославичемъ. Съ нею приплылъ въ Рязань изъ Мурома Св. Василій, Епископъ Рязанскій и Муромскій. Икона эта, какъ говорится въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ Рязанскихъ, была «моленіемъ Святителя Василія, когда онъ приплылъ съ нею въ столицу Рязанскаго Княжества (старую Рязань) и оттуда даже перенесъ ее съ собою, въ 1291 году, Марта 12 дня [4] въ Переславль Рязанскій (нынѣшнюю Рязань)».

Празднество Святой иконѣ Муромской Божіей Матери первоначально совершалось въ 12 день мѣсяца Апрѣля, за тѣмъ, по Указу Святѣйшаго Синода 1810-го года, повелѣно совершать въ недѣлю Св. Апостола Ѳомы, наконецъ въ 1814-мъ году, Указомъ

---

[1] Рязанск. Іерархія, Воздвиженскаго, и Акты и грамоты Рязанск., К. Пискарева.

[2] Рязанскія достопамятности.

[3] Тамъ же.

[4] Историч. опис. соборныхъ и приходск. церквей, въ Росс. импер. находящихся. Москва, 1828 года.

Святѣйшаго Синода, опять предписано праздновать Святой иконѣ Муромской Божіей Матери въ день 12 Апрѣля. [1]

Въ настоящее время эта Святая икона находится въ богатомъ украшеніи серебромъ, золотомъ и различными драгоцѣнными каменьями.

Кромѣ того въ Рождественскомъ Соборѣ, на правой сторонѣ, почиваютъ пять Великихъ Князей Рязанскихъ: Θедоръ Ольговичъ (ум. 1409), Иванъ Θедоровичъ (ум. 1464) Василій Ивановичъ (ум. 1483), Иванъ Васильевичъ (ум. 1500 г.) и Θедоръ Ивановичъ: на лѣвой сторонѣ почиваютъ три Великія Княгини Рязанскія: Софія Дмитріевна, супруга Ивана Θедоровича, Анна Васильевна, супруга Василія Ивановича (ум. 1501 г.), и другая Княгиня Анна.

Надъ тѣми и другими въ старину стояли каменныя гробницы, подобно какъ въ Архангельскомъ Соборѣ надъ Рязанскими Архіереями, но при Преосвященномъ Палладіи, будучи раздавлены обрушившимися сводами храма, разобраны и уничтожены.

X. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВ. СТРАСТОТЕРПЦЕВЪ БОРИСА И ГЛѢБА.

Древность существованія этой церкви видна изъ того, что при ней былъ погребенъ Св. Василій, первый Епископъ Рязанскій, скончавшійся 1294 г. Эта церковь была Каѳедральнымъ Соборомъ Рязанскихъ Архіереевъ съ самаго учрежденія Архіерейской каѳедры въ Переславлѣ Рязанскомъ; здѣсь находится образъ Θедотьевскія Божія Матери, точный списокъ съ явленной иконы Богоматери, которая стоитъ въ Рождественскомъ Соборѣ. На обратной сторонѣ этой иконы сдѣланы двѣ надписи: одна вверху, другая внизу. Верхняя надпись заключаетъ въ себѣ молитву къ Святому кресту. Нижняя надпись гласитъ слѣдующее:

«Божіею милостію сія икона Пречистыя Богородицы чуднаго Ея Одигитрія списана бысть съ подобія образа древняго писанія Пресвятыя Богородицы Θедотьевскія. Понеже бо та чудотворная икона обрѣтена бысть въ предѣлахъ Рязанскихъ, близь села Θедотьева, на пустомъ мѣстѣ, именуется мѣсто то Старое, и чудесъ ради многихъ бываемыхъ, принесена бысть чудотворная сія икона

[1] Достопамятности Разанскія, Архим. Іеронима.

въ градъ Переяславль, въ Соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, при Боголюбивыхъ Князехъ Рязанскихъ, лѣта 6995 (1487), и построена та древняя чудотворная икона Пресвятыя Богородицы лѣта 7116 (1608 г.). А списана бысть с тоя чудотворныя иконы сія икона Пресвятыя Богородицы повелѣніемъ Ѳеодорита, Архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, лѣта 7119 (1611)».

На мѣстѣ погребенія Св. Василія, перваго Епископа Рязанскаго, искони вѣковъ стояла часовня, прежде деревянная, въ послѣдствіи времени каменная. Въ 1836 г., усердіемъ благоговѣйно чтущихъ память сего Святителя, воздвигнутъ чугунный памятникъ подъ красивымъ катафалкомъ. На памятникѣ семъ изображено въ лицахъ:

а) Съ сѣверной стороны: Раскаяніе жителей города Мурома, которые увидѣвъ, что Св. Василій удаляется отъ нихъ чудеснымъ образомъ, падаютъ ницъ и просятъ у него прощенія.

Внизу, подъ этимъ изображеніемъ, слѣдующая подпись:

«Въ 1294 году Святитель Божій, Василій, I-й Епископъ Рязанскій, по совершеніи Божественной литургіи и отпѣніи молебнаго пѣнія, въ третьемъ часу дня, оставляетъ жителей города Мурома, и на священной мантіи по рѣкѣ Окѣ съ Муромскою Иконою Богоматери противу рѣчнаго стремленія того же дня въ 9 часу приплываетъ въ городъ Старую Рязань.»

б) Съ южной стороны изображена встрѣча Св. Василія Епископа съ В. К. Рязанскимъ, Олегомъ (Константиномъ).

Внизу подпись:

«В. К. Рязанскій, Олегъ, [1] со всѣмъ священнымъ соборомъ встрѣчаетъ и принимаетъ Святаго праведнаго Епископа, Василія, радуясь со всѣми Православными христіанами.»

в) Съ западной стороны изображены двѣ женщины, которыя, идя съ водоносомъ на рѣку Трубежъ, увидали Св. Василія, плывущаго на мантіи по водамъ, и въ трепетномъ благоговѣніи пали предъ нимъ на землю.

Внизу подпись:

«Сей Великій Іерархъ, по извѣщанію народному, изъ города Старой Рязани на мантицѣ приплываетъ по Окѣ въ городъ Пере-

[1] Это ошибка: въ 1294 (а слѣдуетъ въ 1291) княжилъ не Олегъ, а Константинъ.

славль Рязанскій къ Собору Святыхъ Страстотерпцевъ Благовѣрныхъ Князей, Бориса и Глѣба, и при ономъ скончался. Епископствованія его было вообще 42 года.

г) Съ сѣверной стороны изображено перенесеніе мощей Св. Василія въ Соборъ Рождественскій.

Внизу слѣдующая подпись:

«Преосвященный Өеодоритъ, Архіепископъ Рязанскій, въ 1606 году, переноситъ Св. мощи сего Святителя Божія, нѣсколько столѣтій почивавшія въ нѣдрахъ земли при означенномъ Соборѣ, въ Соборную церковь Пресвятыя Богородицы, что нынѣ Рождественскій Соборъ».

«Сей памятникъ сооруженъ отъ усердствующихъ въ единонадесятое лѣто царствованія благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, въ 1836 году, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Святитель Божій былъ погребенъ и Св. его мощи почивали.»

XI. Церковь во имя Владимірской Божіей Матери (Семинарской).

Построена въ 1685 году на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ древнѣйшій монастырь и при немъ училище. Въ писцовыхъ книгахъ Мины Лыкова о ней упоминается сія подъ г. 7200 (1692). Изъ древности этого храма ничего не дошло до нашего времени; за то здѣсь находится рѣдкая въ нашихъ странахъ святыня. Это серебряный, вызолоченный крестъ, съ 152 святынями. Изъ надписей, на оборотѣ сего креста изсѣченныхъ, видно, что въ немъ заключаются:

Камень Геѳсиманіи,
Древо Креста Господня,
Камень Гроба Господня,
Часть жезла Моисеева,
Часть жезла Іоанна Богослова,
Мощи Апостола Тита,
Пророка Даніила,
Пророка Захаріи,
Іоанна Предтечи,
Апостола Варнавы,
Апостола Тимоѳея,
Апостола Андрея Первозваннаго,
Апостола Петра,
Апостола Павла,
Апостола Варѳоломея,
Апостола Ананія,
Апостола Филиппа,
Апостола Іакова, брата Господня,
Евангелиста Матѳея,
Евангелиста Марка,
Евангелиста Луки,
Архидіакона Евпла,
Архидіакона Стефана,
Лазаря, друга Божія,

Игнатія Богоносца,
Василія Великаго,
Григорія Богослова,
Іоны Митрополита,
Петра Митрополита,
Алексѣя Митрополита,
Филиппа Митрополита,
Іоанна Милостиваго,
Леонтія Ростовскаго,
Филарета Милостиваго,
Никиты Новгородскаго,
Германа Казанскаго,
Гурія Казанскаго,
Варсанофія Казанскаго,
Косьмы Безсребренника,
Іакова Перскаго,
Анастасія Перскаго,
Младенца, отъ Ирода избіеннаго,
Царя Константина,
Александра Невскаго,
Князя Владиміра,
Царевича Димитрія,
Князя Михаила Черниговскаго,
Князя Даніила,
Князя Андрея Боголюбскаго,
Князя Михаила Тверскаго,
Князя Михаила Муромскаго,
Князя Константина,
Князя Θеодора,
Князя Давыда,
Князя Гавріила Псковскаго,
Князя Романа Углицкаго,
Максима Блаженнаго,
Царицы Елены,
Анны, родительн. Богоматери,
Евθиміи Прехвальныя,
Преподобныя Ксеніи,
Θеодора Сикіота,
Саввы Сторожевскаго,
Даніила Столпника,
Николы Святоши,
Михаила Малеина,
Іоанна Дамаскина,
Сергія Чудотворца,
Григорія Краганскаго,
Нифонта Патріарха,
Кирилла Патріарха,
Аθанасія Патріарха,
Іосифа Пѣснописца,
Савватія Смоленскаго,
Александра Свирскаго,
Іоанна Лѣствичника,
Антонія Великаго,
Игнатія Ростовскаго,
Исаіи Ростовскаго,
Игнатія Новаго,
Кирилла Новоезерскаго
Пафнутія Боровскаго,
Ефрема Новоторжскаго,
Евθимія Великаго,
Стефана Новаго,
Иларіона Великаго,
Ефрема Сирина,
Петра Александрійскаго,
Никифора Патріарха,
Василія Амасійскаго,
Василія Анкирскаго,
Θеодора Тирона,
Θеодора Стратилата,
Андрея Стратилата,
Іоанна Новгородскаго,
Моисея Новгородскаго,
Арсенія Тверскаго,
Григорія Голасунскаго,
Григорія Нисскаго,
Спиридона Чудотворца,
Тихона Чудотворца,
Антипы Чудотворца,

Григорія Селунскаго,
Михаила Синайскаго,
Іоанна Воина,
Артемія Верколскаго,
Мученика Никиты,
Мученика Ареѳы,
Мученика Христофора,
Мученика Нестора,
Мученика Агаѳангела,
Мученика Агаѳоника,
Мученика Калинника,
Мученика Василиска,
Мученика Фотія,
Мученика Пантелеимона,
Мученика Адріана,
Мученика Аникиты,
Мученицы Наталіи,
Мученицы Параскевы,
Мученицы Христины,
Первомученицы Ѳеклы,
Мученицы Марины,
Мученицы Татіаны,
Мученицы Іуліаніи,
Великомученицы Варвары,
Великомученицы Екатерины,
Мученицы Ѳеодосіи,
Мученицы Агафіи,
Священномученика Аѳиногена,
Священномученика Елевѳерія,
Священномученика Акепсимы,
Священномученика Вавилы,
Священномученика Ипатія,
Священномученика Власія,
Мученика Георгія,
Мученика Димитрія,
Мученика Артемія,
Мученика Меркурія,
Мученика Прокопія,
Мученика Евстратія,
Мученика Авксентія,
Мученика Евгенія,
Мученика Мардарія,
Мученика Ореста,
Мученика Мамантa,
Мученика Евстаѳія,
Мученика Уара,
Мученика Кирика.

Внизу слѣдующая подпись:

«Построенъ сей святый Крестъ Господень со святыми мощами въ Переславль Резанской въ Церковь Смоленскія Богородицы, что внутри города. [1] Строили вкладчики тоя жъ Церкви прихожаня Дмитрей Наумовъ сынъ, да Герасимъ Ѳедоровъ сынъ, Рюмины, 1720 году, мѣсяца Маія 10 дня.»

Кромѣ того въ этой церкви находится Евангеліе, которое было напечатано, въ царствованіе Петра I-го, при Патріархѣ Адріанѣ,

[1] Смоленская церковь давно уже не существуетъ; она находилась не далеко отъ Успенскаго Каѳедральнаго Собора, на восточной сторонѣ его, въ Архіерейской слободкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ домъ соборнаго Діакона, Ивана Трофимова.

1698 года, Индикта 7, мѣсяца Декембрія. Верхняя доска его, украшенная позлащеннымъ серебромъ, примѣчательна по превосходному чекану Святыхъ лицъ.

XII. Церковь Вознесенская Долгошеинская (въ просторѣчіи Никола Долгошея).

Церковь эта получила такое странное названіе отъ своего наружнаго вида. Она имѣетъ предлинный, къ верху съуживающійся и уподобляющійся длинной шеѣ, куполъ. Преданіе говоритъ, что это самое и послужило къ наименованію ея словомъ «Никола Долгошея.»

Построеніе этого храма относится къ царствованію Ивана Васильевича Грознаго. Въ Сотной грамотѣ Рязанскихъ писцовъ, данной Епископу Рязанскому, Филоѳею, 7076 (1568) года, сказано: «Въ той же слободѣ (т. е., во Владычной) церковь каменная Никола Чудотворецъ не додѣлана». Во время нападенія Черкесовъ на Рязань эта Церковь была разорена, но въ 1618 г. возобновлена.

Въ сей церкви примѣчательно напрестольное Евангеліе, величиною въ листъ, напечатанное въ 1681 г. На серебряной верхней доскѣ насѣчена надпись, изъ которой видно, что Евангеліе положено въ церковь Николы Высокаго богомольцемъ Іоанномъ, бывшимъ тогда при ней Діакономъ, въ вѣчной поминъ по своей душѣ и по родителямъ своимъ.

Снаружи, на сѣверной сторонѣ придѣла, во имя Святителя Николая, въ стѣнѣ видѣнъ камень съ слѣдующею надписью:

«По благодати Божіей и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Члена, Преосвященнаго Палладія, Епископа Рязанскаго и Муромскаго, построена сія трапеза съ придѣломъ Св. Чудотворца Николая и при оной колокольня, лѣта 1761, Мая дня. Строитель всего онаго дому Его Преосвященства сынъ Болярскій, Алексѣй Ѳилимоновъ сынъ Берескинъ».

Тутъ же, на лѣвой сторонѣ сѣверныхъ дверей, видѣнъ другой камень съ надгробною надписью:

«1739 года, Ноября 14 дня, преставился рабъ Божій, дому Рязанскаго Архіерея Котельникъ, Ѳедоръ Никоновъ сынъ Берескинъ, который на семъ мѣстѣ погребенъ Преосвященнымъ Лаврентіемъ, Епископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ, сего Ноября 27 дня, тщаніемъ и прошеніемъ зятя его, Канцеляриста Ѳедора Морозова. Господи, Владыко, человѣколюбче, душу раба твоего съ праведными упокой! Аминь».

XIII. ЦЕРКОВЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

При входѣ въ эту церковь, на паперти, съ лѣвой стороны, въ стѣнѣ, находится камень съ надписью, свидѣтельствующею о времени ея построенія; надпись слѣдующая:

«Лѣта 7181 (1673), Индикта 11, начата бысть строится сія Церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, при державѣ Благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Россіи, при Великомъ Господинѣ, Святѣйшемъ Питиримѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, при Преосвященномъ Иларіонѣ Митрополитѣ Рязанскомъ и Муромскомъ. А состроена сія Церковь въ 187 (1679) году. А въ началѣ къ сей Церкви вкладчики были приказной избы подъячей Василій Метюшковъ и гостинныя гости Ѳедосей Лезеневъ, и всѣ прихожане по силѣ своей давали. А къ сей Церкви труды и тщаніе Попа Поликарпа».

Въ этой церкви заслуживаетъ особеннаго вниманія запрестольный деревянный осьмиконечный крестъ, самою природою образованный. Это не что иное, какъ выплавокъ, кажется, дикой яблони, правильно образовавшійся осьмиконечнымъ крестомъ. Величина этого креста въ длину 17 верш., въ ширину на мѣстѣ простертія рукъ $10^1/_2$ верш., въ низу при подножіи $9^1/_2$ вершковъ. Кѣмъ и когда онъ доставленъ сюда, неизвѣстно.

XIV. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ВХОДА ВО ІЕРУСАЛИМЪ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

При входѣ въ нее южными дверями, съ правой стороны въ стѣнѣ, находится камень съ надписью, свидѣтельствующею о построеніи ея въ 7188 (1680) году, Индикта 3. .

XV. ТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Монастырь этотъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ Рязанской губерніи, но изъ памятниковъ древности сей обители ничего не дошло до насъ. Осталось только одно преданіе, что въ 1386 году Преподобный Сергій, Игуменъ Радонежскій, приходившій въ Рязань по просьбѣ Великаго Князя Дмитрія, для примиренія Вели

каго Князя Рязанскаго, Олега Ивановича, съ Великимъ Княземъ Московскимъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, имѣлъ ночлегъ въ этомъ монастырѣ. Въ память пребыванія Святаго мужа въ Троицкой обители, въ 1685 году, Стольникъ Иванъ Ивановичь Вердеревскій, возобновляя монастырь, соорудилъ, при храмовой церкви во имя Живоначальныя Троицы, придѣлъ во имя Преподобнаго Сергія Чудотворца.

Въ настоящее время здѣсь существуетъ уже особая церковь во имя Преподобнаго Сергія.

Противъ этого Троицкаго монастыря нѣкогда былъ, такъ называемый, Соколій домъ, получившій такое названіе отъ того, что здѣсь содержались соколы, которыми Великіе Князья Рязанскіе потѣшались на охотѣ.

Нынѣ близъ этого мѣста находится небольшой, переброшенный чрезъ рѣку Павловку, мостикъ, до сихъ поръ сохранившій названіе Соколинскаго.

Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ храмовъ Рязанскихъ, которые достопримѣчательны или по своей древности, или по древности находящейся въ оныхъ Святыни, можно указать и на церковь, такъ называемую, Спасоярскую, въ которой хранятся древнѣйшія: деревянный сосудъ и дискосъ, и образа Спасителя и Іоанна Богослова.

XVI. БИБЛІОТЕКА СЕМИНАРІИ.

Въ Библіотекѣ Рязанской Семинаріи хранятся слѣдующія примѣчательныя книги:

1) Рязанскій лѣтописецъ, въ подлинной рукописи; онъ имѣетъ слѣдующее заглавіе:

«Достопамятности къ Россійской Имперіи, большею же частію къ Рязанской области надлежащія, выбранныя изъ отысканныхъ въ Рязанской Духовной Консисторіи разныхъ тетрадей и бумагъ и собранныя въ видѣ лѣтописи въ 1792 и 1793 годахъ, по случаю присланнаго изъ Святѣйшаго Сѵнода, 1791 года, Августа 31 дня, къ Его Преосвященству, Симону Архіепископу Рязанскому, Указа о присылкѣ лѣтописей въ оный Святѣйшій Сѵнодъ, а въ 1816 году вновь пересмотрѣны, исправлены и дополнены.

2) Книга Докторская, сирѣчь лечебникъ.

Эта, чрезвычайно любопытная, книга писана безъ означенія года. Судя по письму ея, образу изложенія и по тому, что начало счисленія годовъ въ ней показывается съ Сентября мѣсяца, можно заключить, что она писана не позднѣе XVII-го столѣтія.

3) Рукопись подъ № 49. Писана четкою скорописью, безъ означенія страницъ. Въ ней помѣщено нигдѣ не напечатанное опроверженіе, написанное Стефаномъ Яворскимъ на разсужденіе о словѣ Петра Апостола: Иго Законное сказующаго быти тяжесть не удобоносимую, предложенное въ Кіевской Академіи отъ Θеофана Прокоповича, Академіи тоя Ректора, 1712 года». Это опроверженіе состоитъ изъ 5-ти главъ.

4) Камень вѣры, Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, съ собственноручнымъ посвященіемъ сей рукописи Рязанской паствѣ. Писана четкимъ полууставомъ.

Это та самая книга, на которую Нѣмцы, критикуя, написали сочиненіе подъ названіемъ:

«Молотокъ вѣры, но, какъ извѣстно, этотъ молотокъ былъ такъ слабъ, что совершенно разшибся о камень Стефана Яворскаго.

Содержаніе собственноручнаго посвященія весьма оригинально; оно начинается такъ:

«Сія книга моею Хирургическою рукою написанная», и проч.

Вѣроятно, Пастырь хотѣлъ сказать хираргическою рукою, ибо онъ страдалъ этою болѣзнію.

Сожалѣю, что въ настоящее время не имѣю копіи съ этого посвященія, но надѣюсь въ скоромъ времени ее получить.

5) Рукопись подъ № 83, безъ заглавнаго листа, писана четкою скорописью. Въ ней собраны сочиненія разныхъ писателей духовныхъ, преимущественно Св. Димитрія Ростовскаго и Митрополита Рязанскаго, Стефана Яворскаго. Упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ:

а) Колесница торжественная, четырьми животными движима, отъ Іезекіиля Пророка видѣнная, на преславный и всерадостный входъ въ Царствующій великій градъ Москву непреодолѣнному врагомъ поборнику, страному брани сокрушающему грому, рыкающаго Шведскаго Льва уста заграждающему, новому Даніилови, отечественнаго достоянія своего, неправедно восхищеннаго, возвратителю, Ливоніи пленителю и разорителю, Всеавгустѣйшему Монарху и повелителю, Великодержавному Государю нашему, Царю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя

Россіи Самодержцу, и многихъ государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичу и Дѣдичу и Наслѣднику и Государю и Обладателю и Повелителю, по многихъ преславныхъ побѣдахъ и по плѣненіи удивительной крѣпости, Слюсенбурга или Орѣшка именуемой, возбраняющемуся». Сочиненіе Преосвященнаго Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, 1703 года: оно нигдѣ еще не напечатано (стр. 940).

б) Его же, Колесница четыреколесная, многоочая, Іезекіилемъ Пророкомъ видѣнная, на тріумфальное вшествіе Россійскому Августу и Повелителю, благочестивѣйшему Государю нашему, Царю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, по толикихъ преславныхъ надъ Шведами побѣдахъ, въ свой царствующій градъ Москву входящему, уготованная. 1704 года (стр 976).

в) Встрѣча Императора Петра Великаго въ Москвѣ послѣ побѣды, одержанной имъ подъ Полтавою. Отъ Тріумфальныхъ вратъ Пресвятыя Богородицы Казанской, при церкви честнаго Ея Собора, Великаго Государя Архіеріи встрѣтили: Преосвященный Стефанъ, Митрополитъ Рязанскій, Преосвященный Иларіонъ, Митрополитъ Крутицкій, Преосвященный Ефремъ, Митрополитъ Суздальскій, Преосвященный Іосифъ, Архіепископъ Устюжскій, и поздравляли.

На Тріумфальныхъ вратѣхъ трубачи по сему листу спѣвали:

Изми мя, Боже, вопіетъ Россіа,
Отъ ядовита лукава зміа,
Его же даша адскіе заклепы,
Бывшаго вождя, Ивашки Мазепы.
Кто ми дастъ слезы, яко Рахили,
Да восплачу горько въ моемъ смутномъ дили?
Се второй Иродъ, исполненный яда,
Мазепа лютый, уби свои чада,
Уподобися Россіа Давиду,
Иже сына терпитъ обиду.
Авессаломъ сынъ бысть неблагодарный,
Подобенъ ему Мазепа коварный.

Азъ возлюбихъ я, яко мати сына,
Откуда такова измина?
Къ нему бысть моя матерная любы,
Той же лютѣ изостри на мя зубы.
Азъ сотворихъ я съ Вельможи сидѣти,
Той же смертныя сплете на мя сѣти,
Толику на мя отрыгнулъ есть злобу;
Снѣдаетъ лютѣ матерьню утробу,
Азъ напоихъ я отъ камни меда,
Той же пагубный, исполненный вреда.
Азъ, яко чадо носихъ я во утробѣ,
Той же хощетъ меня видѣти во гробѣ.
Азъ любляше я мати выше мѣры,
Чаяхъ отъ него сыновнія вѣры,
Той же бысть на мя бритва изощренна,
Отъ нея же есмь лютѣ уязвленна.
Како прельстися и не познахъ лиса,
Ангела видомъ, прелестью биса.
Мнѣхъ, яко агнецъ, но волкъ ядовитый,
Овечью лестію — кожею покрытый,
Сладокъ языкомъ, но прегорькій дѣлы,
Утаи на мя пагубныя стрѣлы;
Сахаръ въ устѣхъ и сладкія слова,
Въ сердцы желчь, въ рукахъ погибель готова.
О лицемѣре! о Сатанинъ сыне!
Терніемъ острымъ красящійся нынѣ!
Како простерти дерзнулъ еси длани,
Лютыми уязвляя матерь раны?
Аще бы ми врагъ поносилъ сугубо,
Терпѣла быхъ казни его любо;
Но отъ своего чада прелюбима,
О коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творихъ ти худо?

Чего ради меня гониши, Іудо?
За моя хлѣбы, за моя трапезы,
Горькія въ жажду даеши ми слезы.
Горе тебѣ, проклятому лицемѣру!
Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
Юже предъ крестомъ и Евангеліемъ
Утвердилъ ю твоимъ лобзаніемъ?
Горе ти, горе, злобы исполненну!
Подобенъ еси гробу повапленну,
Иже очесѣмъ изъявляешися красенъ,
Внутрь ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
Горе ти, горе, второму Каину!
Горе ти, горе, погибельну сыну!
Проліалъ еси звѣрски кровь премногу,
Яко немолчно гласитъ на тя къ Богу.
Божія храмы быша днесь вертепы
Отъ Свѣискаго льва и волка Мазепы.
Другъ твой, — то волкъ — то ярость сугуба,
Людямъ бѣднымъ послѣдняя пагуба.
И что речеши на страшнемъ судищи
Лишеный и Бога и райскія пищи?
Въ крови невинной оскверниввши руцѣ,
Повиненъ еси нестерпимѣй муцѣ.
Инымъ речетъ Господь: «Благій рабе и вѣрный!
«Понеже благъ быстъ и нелицемѣрный,
«Вниди въ радость, въ рай Господа и Бога!
«За твою вѣру се тебѣ мзда многа»!
Тебѣ же горе, преступниче вѣры!
Воспріимеши часть лицемѣры.
Извѣстенъ будучи, яко тебя вора
Адъ ожидаетъ и погибель готова скора.
Боже мой! Къ тебѣ молитву пролію!
Услыши стенящу горцѣ Россію!

Ты вѣси са́мъ и ма́терь и сына,
Вижль, чья правда, вижль, чья измѣна!
Суди, Господи, обидящія мя
И посрами гордость встающихъ на мя!
Пріими мечь и щитъ! Буди помощь моя,
И возсіяй ми свѣтъ. . . . .

Въ рукописи не названъ авторъ этой элегіи, но е́сть поводъ думать, что она произведеніе Преосвященнаго Стефана Яворскаго. (стр. 1008).

г) Плачевное книгамъ цѣлованіе Преосвященнаго Стефана Яворскаго, написанное имъ за годъ предъ смертію, 1721 года, мѣсяца Августа, (стр. 1010):

«Грядите моима рукама часто пѣстованныя книжицы! Грядите, свѣте мой, лѣпота моя и красота моя! Шествуйте благополучно! Уже иныхъ разумы пасите, и сладость вашу другимъ уже изливайте! Увы мнѣ! Яко мое отъ васъ отлучено око, и не можетъ болѣе насытить мысли моя. Вы мнѣ сладость, вы медъ, вы и ароматы. Съ вами, о книги, сладко было мнѣ жити! Вы мнѣ были богатство и слава велика. Вы моя любы, рай и утѣха едина. Вы меня просвѣтили. Вы меня славна и именита сотворили, Вы мнѣ любовь у Властей исходатайствовали. Нынѣ же возбраняетъ мнѣ съ Вами Богъ! О туга велика!

Радостныя провождати и пресвѣтлыя дни дай вамъ, Боже! Уже мои зеницы заключаетъ ночь темная. Уже къ тому рукама моими утружденны не будите: иная мнѣ книга предвѣчная полагается предъ очи, юже мнѣ хощетъ отверсти грядущій Судія. Въ той книгѣ словеса и дѣла своя всякъ увидитъ и воспріиметъ по дѣломъ своимъ мздовоздаяніе. О страшная книга, яже тогда предъ судищемъ будетъ всѣмъ намъ грѣхъ явно представляяй! Сію азъ книгу егда въ размышленіи чту, абіе трепетъ въ кости моя входитъ, и сердце уязвляетъ стрѣла.

«О Боже Отче! О безмѣрная любы бездно! О источниче благости! О верше доброты! О моря и земли и высочайшаго небеси управителю, иже рукама воспящаеши бразду волнующася моря и

звѣздоносный неба кругъ премудро обращаеши! Тя молю недостойный червь суетный и ничтоже, призри и въ книгѣ животнѣй напиши имя мое Кровію Христа, иже есть животъ и спасеніе мое!

«Васъ же, писанія моя и книги моя, конечно цѣлую. Цѣлую и тебе, трудами моими порожденную, библіотеку».

«И тебе, возлюбленная мати, земле, цѣлую. Пріими, молю тя, матернимъ объятіемъ тѣло мое; понеже душу къ небеси, кости же къ тебѣ, вручаю. Аминь».

Это оргинально-трогательное прощаніе Преосвященнаго Стефана съ своими книгами напечатано и Латинскими стихами.

Кромѣ того въ Библіотекѣ Рязанской Семинаріи находятся до 25-ти древнихъ Татарскихъ и Русскихъ монетъ, относящихся, большею частію, ко временамъ древняго Рязанскаго Княжества. Въ числѣ этихъ монетъ имѣется снимокъ съ того сребреника, за который Спаситель былъ проданъ Іудою. Съ одной стороны этого снимка изображена ваза, изъ которой выходитъ дымъ (курящійся ѳиміамъ), а вокругъ написано по Еврейски: «Святый городъ Іерусалимъ», а съ другой стороны представлена разцвѣтающая вѣтвь Аарона; вѣсомъ и мѣрою эта монета равняется нашему полтиннику.

Въ залѣ Дворянскаго Собранія хранится грамота, дарованная Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Рязанскому дворянству, въ 1837 г., Сентября 30 дня. Она хранится въ серебряномъ, на малахитовомъ пьедесталѣ, ковчегѣ. На передней доскѣ ковчега изображены гербы всѣхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, въ числѣ которыхъ стоитъ гербъ губернскій. Надъ пирамидою изображенъ вензель Государя Императора въ сіяніи, которое ниспадаетъ на пирамиду и освящаетъ изображенную въ ней губернію. На верху ковчега рѣетъ увѣнчанный короною двуглавый орелъ съ скипетромъ и державою.

Въ Архивѣ Дворянскаго Депутатскаго Собранія находятся нѣсколько списковъ Великокняжескихъ жалованныхъ грамотъ, кои были писаны при награжденіи мѣстныхъ дворянъ различными деревнями, землями и угодьями, какъ, на примѣръ, списокъ съ грамоты Великаго Князя Ивана Ивановича на пожалованіе Григорья Дмитріевича Кобякова деревнею Модлинкою.

Въ Архивѣ Палаты Государственныхъ Имуществъ нѣкогда были, а нынѣ уже не существуютъ, кости задней ноги и клыкъ допотопнаго мамонта, изумительные по своей необыкновенной величинѣ и толщинѣ. Тутъ же хранились, замѣчательные по своей величинѣ и толщинѣ, зубы, вѣроятно, также мамонтовы. Всѣ эти принадлежности мамонтова остова были найдены въ одной изъ дачь Михайловскаго уѣзда, въ 1839 году.

Въ бесѣдахъ моихъ о Рязанскихъ древностяхъ съ благочестивымъ пастыремъ Рязанской Епархіи, Архіепископомъ Гавріиломъ, я видѣлъ у него, какъ усерднаго соревнователя разработки отечественной старины, много различныхъ старыхъ свитковъ и рукописей; но какъ почти всѣ они не касались моего предмета, а относились къ исторіи Рязанской Іерархіи, что было предметомъ занятій Архіепископа, то я не могъ изъ нихъ ничего извлечь для себя нужнаго.

Вотъ всѣ достопримѣчательности города Рязани, которыя я могъ усерднымъ стараніемъ любителя отечественной старины разыскать и, для соединенія въ одно цѣлое, собрать какъ посредствомъ распросовъ мѣстныхъ любителей древностей, такъ и посредствомъ отысканія различныхъ, частями разсѣянныхъ и заглохшихъ безъ всякаго отголоска и памяти, отрывочныхъ описаній, которыя, впрочемъ, всегда очищалъ строгою критическою повѣркою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращался къ исторіи.

Въ заключеніе, чтобы имѣть понятіе о томъ, какія свидѣтельства глубокой старины можетъ намъ представить Рязань, приведемъ нѣсколько строкъ изъ лѣтописца, чтобы видѣть, какимъ опустошеніямъ подвергалась ея древняя столица, которая также, сохранивъ ихъ въ весьма маломъ количествѣ, подала намъ ихъ дряхлою рукою изъ нѣдръ земли, какъ сокрытыя отъ непріятельскаго огня и меча.

Вотъ какъ повѣствуетъ, между прочимъ, лѣтописецъ о бѣдствіяхъ древней столицы при нашествіи Батыя:

«И вскорѣ преиде Князь (Ингварь изъ Чернигова, родной братъ Князя Рязанскаго) во градъ Рязань, и видя братія своя побіенна отъ нечестиваго царя Батыя, и снохи своя, и сродники своя, и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, земля пуста, церкви позжены, святыхъ образы ободраны и переколоты, и все узорочье взято Рязанское и Черниговское, и жалостно кричаша, яко труба рати гласъ пущающи, и отъ великаго кричанія лежаше на

земли яко мертвъ, и едва отліяше его, и носяше по вѣтру, едва отдохну душа его въ немъ.... Градъ и земля Рязанская измѣнися, доброта ея и слава ея отыде, и не бѣ что въ ней благо видѣти, токмо дымъ, и земля, и пепелъ; а церкви вси погорѣша, и сама соборная церковь внутри погорѣ и почернѣ, не единъ бо сій градъ плѣненъ бысть, но и ини мнози, и не бѣ во градѣ пѣнія, ни звона, въ радости мѣсто плачь всегда творяще и рыданія.»

Итакъ намъ остается только, при воспоминаніи о незабвенныхъ предкахъ, сожалѣть о невозвратной погибели, столь близкой нашему сердцу, старины.

I. Ф. ДИТТЕЛЬ.

КТО НАПИСАЛЪ

«ЗАМѢЧАНІЯ НА ЗАПИСКИ МАНШТЕЙНА О РОССІИ»?

«Замѣчанія на записки Манштейна о Россіи» напечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ 1825 и слѣдующихъ годовъ; ихъ знаетъ всякій, занимающійся исторіею Россіи въ XVIII вѣкѣ; но кто ихъ авторъ? — вотъ вопросъ.

Редакторъ названнаго журнала, въ подстрочномъ примѣчаніи, полагаетъ, что онѣ должны быть «произведеніе вельможи, бывшаго весьма близкимъ свидѣтелемъ, или даже участникомъ въ Государственныхъ дѣлахъ;» но кто этотъ вельможа, онъ не говоритъ.

Въ Военно-Энциклопедическомъ лексиконѣ (1-го изданія), въ статьѣ «Манштейнъ», говорится о «Замѣчаніяхъ» на его Записки, и приписываются онѣ Графу Андрею Ивановичу Остерману, сыну знаменитаго Вице-Канцлера. Но какое основаніе имѣлъ Баронъ Зедделеръ это говорить? Предположеніе ли это, собственно ему принадлежащее, извѣстіе ли, кѣмъ либо ему сообщенное, или положительное свѣдѣніе, основанное на неопровержимыхъ доказательствахъ — покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кстати замѣчу здѣсь, что много живаго интереса отнято у нашей (новой) исторіи этимъ равнодушіемъ собирателей историческихъ документовъ къ самой, — если можно такъ выразиться, — исторіи документовъ: если бъ они, издавая ихъ, оговаривали, какими путями добыты ими эти документы, отъ кого слышали приводимые ими разсказы, изъ какихъ рукъ получили издаваемыя рукописи, — критикѣ было бы на чемъ основать свои заключенія и не трудно было бы отличить достовѣрное отъ недостовѣрнаго. Такъ, на примѣръ, въ объявленіи объ изданіи газеты «Орелъ» были обѣщаны записки

Бирона: драгоцѣнное пріобрѣтеніе для литературы историческихъ матеріаловъ, если эти записки не вымышленныя; но необходимо, чтобъ при нихъ было со всею подробностію указано на всѣ инстанціи, черезъ которыя онѣ перешли отъ Герцога Курляндскаго до редакціи «Орла»....

Но возвращаюсь къ «Замѣчаніямъ на записки Манштейна».

Такъ какъ Баронъ Зеддлеръ не объяснилъ, какія онъ имѣлъ основанія приписывать ихъ Графу Остерману, то я считаю себя въ правѣ отнести его мысль къ области предположеній и ставить на ихъ мѣсто свои: пусть внимательный читатель разсмотритъ, на чьей сторонѣ болѣе вѣроятностей.

Одно чтеніе, даже поверхностное «Замѣчаній», раждаетъ сомнѣніе, чтобъ онѣ были написаны сыномъ Вице-Канцлера, потому что въ нихъ довольно щедрою рукою разсыпаны порицанія и ему лично, и мѣстами внѣшней политикѣ нашей. Такъ, на примѣръ, разсказавши, что Правительство Анны Леопольдовны заключало почти въ одно время оборонительный и наступательный союзы съ Австріей и Пруссіей, авторъ не безъ ироніи описываетъ смущеніе нашихъ Государственныхъ мужей. «Когда армія Фридриха II вступила въ Силезію, не нашли, замѣчаетъ онъ, лучшаго средства, какъ просить Фридриха помириться»... Разумѣется, главная доля насмѣшки падаетъ здѣсь на долю управлявшаго иностранными дѣлами, Остермана, и, напротивъ того, оправдывается предусмотрительность Миниха, горячо возстававшаго противъ этого двойного союза. «Правосудіе Фельдмаршала назвали пристрастіемъ и превозносили хитраго противоборника его», заключаетъ предполагаемый сынъ Остермана. «Не внушенія хитраго Остермана, не извѣтъ Герцога Курляндскаго, но опасенія Принцессы (Правительницы) были причиною удаленія Миниха», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и повторяетъ извѣстіе о томъ, что Вице-Канцлеръ совѣтовалъ Правительницѣ провозгласить себя Императрицею и царствовать совокупно съ младенцомъ, сыномъ своимъ; справедливое или несправедливое—обвиненіе въ этомъ именно и было, при восшествіи на престолъ Елизаветы, причиною погибели Остермана. Спрашивается, вѣроятно ли, чтобъ сынъ сталъ говорить это объ отцѣ?

Вообще въ «Замѣчаніяхъ» этихъ, написанныхъ съ цѣлію, такъ сказать, политическою, съ явнымъ намѣреніемъ отстоять кого-то противъ нападеній Манштейна, вовсе не Остерманъ есть лицо, от-

ставимое авторомъ, а Фельдмаршалъ Минихъ. Его, едва ль не въ ущербъ истинѣ, защищаетъ авторъ противъ обвиненій за штурмъ Очакова, за неисправность продовольствія въ Турецкую кампанію, опираясь и на фактическіе, болѣе или менѣе удовлетворительные, доводы, и на авторитеты современныхъ военныхъ знаменитостей; въ темной исторіи о убіеніи Шведскаго Маіора Цинклера, надѣлавшей столько шума въ Европѣ, авторъ беретъ въ руки дѣло Графа Миниха, какъ будто собственное; наконецъ, чертя портретъ Фельдмаршала, не находитъ достаточно яркихъ красокъ для изображенія его достоинства, и едва допускаетъ, въ видѣ тѣней, вспыльчивость и честолюбіе. Спокойный и даже безстрастный типъ его оживляется, когда онъ приближается къ размолвкѣ между Бирономъ и Минихомъ: первый изъ нихъ, про котораго онъ говоритъ въ началѣ: «Кто сказалъ Манштейну, что будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка здраваго, тотъ худо зналъ сего Герцога», — этотъ же самый Биронъ, когда возникли неудовольствія между нимъ и Минихомъ, получаетъ эпитетъ «временщика», а его соперникъ, Волынскій, «заслуженнаго и умнаго».

Говоря о приготовленіяхъ къ арестованію Бирона, авторъ «Замѣчаній» выражается такъ: «Умъ и мужество Фельдмаршала подавали несомнѣнную надежду къ успѣху»; нигдѣ ничего подобнаго не сказано объ Остерманѣ. Въ изложеніи этого интереснаго эпизода, который такъ подробно и обстоятельно описанъ Манштейномъ, принимавшимъ въ немъ личное участіе, нашъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки и пополненія, заявляя, такимъ образомъ, себя весьма близкимъ Фельдмаршалу человѣкомъ.

Далѣе, на слѣдующее утро, когда Биронъ былъ арестованъ, а Принцесса Брауншвейгская провозглашена Правительницею, въ «Замѣчаніяхъ» описано совѣщаніе между Фельдмаршаломъ, его сыномъ и Барономъ Менгденомъ, котораго одна двоюродная сестра была за молодымъ Минихомъ, а другая была извѣстная фаворитка Анны Леопольдовны. На этомъ семейномъ совѣтѣ рѣшился вопросъ, кого чѣмъ пристойно наградить». Фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну Записку, въ которой выражалось: 1) желаніе, чтобъ Правительница возложила на себя орденъ Св. Андрея Первозваннаго; 2) во уваженіе важной заслуги, оказанной Фельдмаршаломъ, Графомъ Минихомъ, пожаловать его Генералиссимусомъ»... Здѣсь сынъ остановился и замѣтилъ, что, можетъ быть, Принцесса пожелаетъ дать это

званіе своему супругу, и совѣтовалъ отцу своему просить должности перваго Министра. Фельдмаршалъ возразилъ: «Какъ же преклонить Графа Остермана быть подчиненнымъ первому Министру?» Подумали, и придумали сдѣлать его Великимъ Адмираломъ, Князя Черкасскаго Великимъ Каммергеромъ, хоть онъ и помрачилъ себя преданностію Бирону.... Предположеніе это, дополненное спискомъ нѣсколькихъ другихъ назначеній, повышеній и наградъ, было представлено Правительницѣ и утверждено ею.

Спрашивается, кому могли быть извѣстны подробности этого домашняго разговора трехъ близкихъ родственниковъ, разговора, происходившаго въ ранній часъ, въ плотно запертомъ, конечно, кабинетѣ?.. Едва ли кому либо, кромѣ лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Кто же изъ нихъ трехъ могъ его описать?

Баронъ Менгденъ никогда не заявилъ себя писателемъ, и мы, слѣдовательно, не имѣемъ права ничего ему приписывать. Фельдмаршалъ, кромѣ многочисленныхъ проектовъ, «промеморій» и другихъ чисто дѣловыхъ сочиненій, написалъ, сколько извѣстно, одно только «Ebauche pour donner une idée de la forme du Gouvernement dans l'Empire de Russie». Будучи въ Сибири, правда, онъ началъ было излагать свои мысли о нѣкоторыхъ предметахъ на чистыхъ листахъ календарей, но замѣтивъ, что Приставъ его подозрительно на это смотритъ, сжегъ все написанное, какъ онъ самъ это говорилъ автору «Замѣчаній», изъ чего ясно, что этотъ авторъ не есть онъ самъ. Кто же, слѣдовательно? Не кто иной, какъ его сынъ, Каммергеръ Императрицы Анны и Гофмейстеръ Правительницы, проведшій часть своей молодости въ Парижѣ при нашей Миссіи, одинъ изъ образованныхъ людей Нѣмецкой партіи, оставившій очень любопытныя «Записки», изданныя въ Русскомъ переводѣ въ 1817 году.

Сличимъ эти «Записки» съ «Замѣчаніемъ», а также съ статьею, напечатанною въ т. IX Бюшингова Сборника (Magazin), подъ названіемъ: «Antwort auf die vorhergehende Schrift des Herzogs von Curland (предшествующая статья есть «Motifs de la disgrace d'Ernest Jean de Biron»), и мы убѣдимся, что всѣ эти три произведенія вылились изъ одного пера.

«Antwort» опровергаетъ возводимое на Миниха обвиненіе, будто онъ съ Остерманомъ, Черкасскимъ и Бестужевымъ упросилъ Бирона принять званіе Регента; здѣсь разсказаны послѣдніе дни Анны Іоанновны, знаменитая политическая арлекинада, доставившая Бирону

управленіе Россійской Имперіи (арлекинада, канчивающаяся неподражаемымъ его словомъ: «Господа! Вы дѣйствовали, какъ истинные Римляне».), описано кратковременное его правленіе и наконецъ паденіе его. Сличая это съ «Замѣчаніями» и «Записками», находимъ, что «Antwort» не болѣе, какъ отрывокъ того и другаго, сходный съ сими послѣдними на столько, на сколько могутъ быть сходны Нѣмецкій оригиналъ съ двумя отдѣльно сдѣланными переводами. Единственное различіе, на которое можно указать, состоитъ въ томъ, что въ «Antwort» выпущены характеристика Императрицы Анны, описаніе ея образа жизни, придворныхъ обычаевъ и т. п., помѣщенныя въ «Запискахъ» послѣ разсказа о ея смерти и занимающія тамъ пространство съ 175 по 187 страницу, отъ которой опять начинается почти буквальная тождественность.

Между «Замѣчаніями» и «Записками» эту тождественность мы замѣчаемъ и во множествѣ другихъ мѣстъ, которыя перечислять было бы утомительно и излишне. Кто возьметъ на себя этотъ трудъ, тотъ, я увѣренъ, не усомнится ни на минуту признать оба выше названныя сочиненія не только принадлежащими одному перу, но варіантами одного и того же сочиненія, а «Antwort» отрывкомъ изъ нихъ.

Послѣдовательное ихъ появленіе объяснено, кажется, можетъ быть такимъ образомъ:

Первоначально были написаны «Записки». На послѣдней страницѣ выставлено: «Вологда, 175 года». Минихъ писалъ ихъ, во время своей ссылки, на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ видно изъ предисловія издателя.

Въ 1757 году напечатана въ Monct (Mons) книжонка подъ названіемъ: «Reflection critiques sur diverses sujets, entremêlées de contes appropriés aux moeurs du siècle présent, par M. L. P. D. S., officier de considération, qui, par dégaut, s'est exilé du grand monde». Между вздоромъ которымъ эта книжонка наполнена, напечатано»: Motifs de la disgrace etc.», про которую авторъ «Reflectons» говоритъ: «Cette pièce est originale, ecrite par lui meme (Biron) et traduite de l'Allemand en Francais». Можно усомниться, чтобъ малограмотный Биронъ самъ ее писалъ, но серіозно заподозрить этой статьи нѣтъ основаній. Напротивъ, думаютъ, что это есть та самая Записка, которая была написана для Императрицы Елизаветы, когда Герцогъ Курляндскій изъ Пелыма былъ возвращенъ въ Ярославль; но если бъ этого даже и не было,

издатель «Motifs etc.» могъ быть въ старыя времена въ сношеніяхъ съ семействомъ Бирона, когда, какъ онъ говоритъ, онъ вербовалъ въ Курляндіи драгунскій полкъ для Штатгалтера Вильгельма III. Во всякомъ случаѣ пытливый, но и разборчивый, Бюшингъ откопалъ эту жемчужину въ хламѣ, изданномъ подъ выше приведеннымъ названіемъ, весьма вѣроятно, указалъ на нее молодому Миниху, который изъ своихъ «Записокъ» взялъ соотвѣтствующій отрывокъ, приспособилъ къ опредѣленной цѣли, и обѣ статьи рядомъ вошли въ IX томъ Сборника: первая подъ своимъ прежнимъ названіемъ, вторая подъ именемъ «Antwort etc.,» при чемъ о послѣдней Бюшингъ оговорилъ, что она написана «однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ Фельдмаршала Графа Миниха (von einem den nächsten Verwandten des Feldmarschals G. v. Münich)».

Наконецъ, когда въ 1771 году вышли въ Амстердамѣ записки Манштейна, Минихъ (сынъ) имѣлъ уже готовый матеріалъ для составленія на нихъ «Замѣчаній», по поводу которыхъ все, выше изложенное мною, и написано.

Такъ объясняю я себѣ трехкратное появленіе одного и того же сочиненія подъ разными наименованіями. Оригиналъ его, первообразъ «Записки», писанъ по Нѣмецки, какъ удостовѣряетъ Русскій ихъ издатель. «Замѣчанія», безъ сомнѣнія, первоначально составлены на томъ же языкѣ и переведены, можетъ быть, бывшимъ издателемъ О. З.; во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ нашему времени: это очевидно по языку, который, вѣрно, никто не отнесетъ ко второй половинѣ прошедшаго вѣка. Но какова бы ни была послѣдовательность и исторія видоизмѣненій сочиненія, которое насъ занимаетъ, кажется, можно съ полною достовѣрностію признать авторомъ «Замѣчаній» и «Antwort», также какъ «Записокъ», не Остермана, а Миниха (сына).

Принадлежа къ числу любопытнѣйшихъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Іоанновны, Регенства Бирона и Принцессы Брауншвейгской, онѣ стоятъ того, чтобъ заняться изслѣдованіемъ, кто ихъ написалъ? Здѣсь, помимо библіографическаго интереса, предстоитъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно довѣрять автору, когда онъ говоритъ о томъ или другомъ изъ двухъ главнѣйшихъ дѣйствователей этой, не довольно знакомой еще намъ, эпохи.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ГОЛОСЪ

ВЪ ЗАЩИТУ ПРЕДАНІЯ

О

СВЯТОМЪ ВАСИЛІѢ I, ЕПИСКОПѢ РЯЗАНСКОМЪ.

Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ упоминаются два Рязанскіе Іерарха съ именемъ Василія: одинъ въ Лаврентіевской, подъ 6803 (1295) г., [1] другой въ Никоновской, подъ 6864 (1356) г. [2] Въ первой записана кончина Василія I, во второй посвященіе Василія II. Но въ житіи Муромскихъ Чудотворцевъ, Константина и чадъ его (Прол. 21 Мая), безъ означенія года, упоминается еще Василій Святый, мощи коего почиваютъ нынѣ въ Рязани, въ Соборѣ Рождественскомъ. Общимъ мнѣніемъ и Церковію доселѣ признаваемъ былъ за одно лице съ Василіемъ Святымъ Василій I. Но въ прошломъ году, авторъ «Исторіи Рязанскаго Княжества», г. Иловайскій, высказалъ ту мысль (стр. 149 и 150), что Василій Св. былъ одно лице не съ первымъ Василіемъ, а со вторымъ. Мнѣніе г. Иловайскаго принялъ извѣстный авторъ «Исторіи Русской Церкви», и въ статьѣ: «Іерархи Рязанскіе», помѣщенной въ «Христіанскомъ Чтеніи», за Май 1859 года (стр. 355—359), сводитъ въ одно лице Василія II съ Василіемъ Святымъ. За тѣмъ Святитель Василій, занимавшій доселѣ 4-е мѣсто въ ряду Іерарховъ Рязан-

---

[1] Полн. собр. Рус. лѣтоп., т. I, стр. 208. Въ Никон. III, 93, подъ 6802 (1294 г.). Ср. Воскр. лѣт. II, 268, подъ 1294 годомъ.

[2] Ник. лѣт., т. III, стр. 206.

скихъ и называвшійся 1-мъ въ нынѣшней Рязани, поставленъ у него уже одиннадцатымъ. Таковое мнѣніе г. Иловайскаго и автора «Исторіи Русской Церкви», не смотря на приведенныя ими основанія, не можетъ быть принято, какъ противное древнему преданію и всеобщему вѣрованію Рязанцевъ: Василій II не можетъ быть признанъ за одно лице съ Василіемъ Святымъ, приплывшимъ изъ Мурома въ Рязань на мантіи. Основаніемъ сему служатъ слѣдующія соображенія:

1. Въ Сказаніи объ изгнаніи изъ Мурома Св. Василія, помѣщенномъ въ Прологѣ подъ 21 Мая, [3] прямо говорится, что онъ посвященъ въ Епископа г. Мурома, и при томъ къ церкви Бориса и Глѣба по прежнему. Въ другомъ сказаніи, [4] помѣщенномъ въ Румянцевскомъ Музеѣ (364, л. 191), названъ онъ Епископомъ только Муромскимъ. Объ Рязани, при этомъ случаѣ, ни въ одномъ Сказаніи не упоминается. Василій II, какъ значится въ лѣтописи, поставленъ Епископомъ «въ Рязань и Муромъ». [5] И въ грамотѣ, данной Св. Алексіемъ на Червленый Яръ, названъ только Рязанскимъ,

Очевидно, что въ первомъ случаѣ, при Василіѣ Св., Муромъ имѣлъ еще преимущество въ Іерархіи; въ немъ поставленъ Епископъ по прежнему. Во второмъ случаѣ, при самомъ поставленіи Василія II въ санъ Епископа, Рязань взяла уже преимущество надъ Муромомъ; Муромъ занялъ второе мѣсто въ Іерархіи. При Василіѣ Святомъ, какъ видно изъ Сказанія, Рязань тогда только стала именоваться каѳедрою Епископовъ, когда онъ, изгнанный изъ Мурома, приплылъ въ нее на мантіи. Но и тутъ замѣтно было колебаніе между Рязанью и Муромомъ. Святители, имѣя каѳедру въ Рязани, стали именоваться сперва Рязанскими, а потомъ Муромскими. Впрочемъ, когда посѣщали Муромъ, именовались сперва Муромскими, потомъ Рязанскими. Когда же посвященъ былъ Василій II, колебаніе между Рязанью и Муромомъ прекратилось; въ законъ было поставлено быть Рязани первою въ Іерархіи; Василій II и посвя-

---

[3] И въ рукоп. Сказаніи, хранящемся въ Рязани.

[4] На л. 205. Сказаніе о обновленіи града Мурома и о святѣмъ Василіи, Епископѣ Муромскомъ чюдно.

[5] «Того же лѣта (6864—1356) Преосв. Алексѣй Митроп. постави Василія Епископомъ въ Рязань и Муромъ». Ник. л., т. III, стр. 206.

щался въ Епископа прямо въ Рязань и Муромъ. Слѣдовательно, съ самаго начала служенія долженъ былъ именоваться сперва Рязанскимъ и потомъ уже Муромскимъ. Отсюда выходятъ несообразности, которыя трудно согласить, если принять Василія II за одно лице съ Василіемъ Святымъ, упоминаемымъ въ Сказаніи Муромскихъ Чудотворцевъ.

2. Но вотъ и противорѣчіе, очень замѣтное, если принять мнѣніе г. Иловайскаго и автора «Исторіи Русской Церкви». Святый Василій, неправедно изгнанный изъ Мурома, приплылъ на мантіи въ Рязань старую; здѣсь встрѣченъ былъ Княземъ Рязанскимъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Значитъ, Рязань Старая была еще тогда столицею Княжества, и Князья имѣли въ ней свое мѣстопребываніе. Объ этомъ говорится въ Сказаніи такъ: «Ту бо (въ Старой Рязани) тогда пребываху Князи Рязанстіи». Но при Василіѣ II, Старая Рязань перестала быть столицею; ее замѣнилъ Переславль Рязанскій, что допускаетъ и г. Иловайскій. [6] Изъ лѣтописей видно, что съ самаго начала XIV стол. Князья стали предпочитать Рязани новый городокъ съ лучшимъ укрѣпленіемъ. Здѣсь видимъ и гражданскую дѣятельность ихъ. Такъ, въ 1300 г., у Переславля сходились Ярославичи, Князья Рязанскіе. [7] Въ 1301 году подъ стѣнами его разбитъ былъ Московскимъ Княземъ Даніиломъ Рязанскій Князь Константинъ. [8] Внутри города на площади Іоаннъ Коротополъ убилъ Александра Михайловича Пронскаго. [9] Сюда съ Татарами пришелъ сынъ Пронскаго, Ярославъ, бился съ Коротополомъ цѣлый день, заставилъ его бѣжать, взялъ Переславль и разорилъ его такъ, что жить въ немъ нельзя было Князю; [10] Ярославъ удалился въ Ростиславль. Здѣсь же, въ Переславлѣ Рязанскомъ и около его, исключительно является начальная дѣятельность Олега Ивановича. Переславль сталъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ Рязань. Ни одна лѣтопись не показываетъ, чтобы Олегъ Ивановичъ когда нибудь спасался отъ непріятелей въ Старой Рязани. Какъ же теперь признать Василія II тѣмъ самымъ, который на мантіи приплываетъ въ Рязань Старую, какъ столицу

---

[6] Истор. Ряз. Кн., стр. 157.
[7] Полн. собр. Рус. лѣт. т., I, стр. 208.
[8] Лавр. лѣт., 209. Ник. III, 98.
[9] Полн. собр. Рус. лѣтоп., т. IV, стр. 55. Ник. III, 170.
[10] Ник. т. III, стр. 178, 180.

Княжества, съ почетомъ принимается и Князьями и народомъ, когда Рязань перестала быть столицею и Князья давно уже перешли жить въ Переславль Рязанскій? Допустить это значитъ согласиться на явное противорѣчіе.

3. Время посвященія Василія II опровергаетъ самое основаніе, на которомъ утверждаютъ главнымъ образомъ мнѣніе свое г. Иловайскій и авторъ «Исторіи Русской Церкви.» Основаніе своему мнѣнію полагаютъ они въ современности Св. Василія обновленію Мурома и Юрію Ярославичу Муромскому (см. Ист. Р. княз. Илов., стр. 150. Христ. чт. 1859 г., Май, стр. 355 и 358, прим. 33). Но Василій II не могъ быть современникомъ ни обновленію Мурома, ни Юрію Ярославичу. Обновленіе Мурома, по лѣтописямъ, было въ 1351 г., и обновилъ его дѣйствительно Муромскій Князь, Юрій Ярославичъ. Но этотъ ревностный Князь не воспользовался плодами своихъ попеченій: черезъ два года, именно въ 1353 году, Юрій изгнанъ изъ Мурома Ѳедоромъ Глѣбовичемъ, а въ 1354, по суду Хана, лишенъ Княжества, преданъ заточенію и умеръ въ темницѣ. [11] Слѣдовало бы Василію II, какъ современнику, вступить на каѳедру Святительскую между 1351 и 1353 годами. Но объ его посвященіи лѣтопись прямо говоритъ, что онъ поставленъ въ Епископы на Рязань и Муромъ Святымъ Алексіемъ въ 6864 лѣто, т. е., въ 1356 году. Выходитъ, что Василій II является на каѳедрѣ Епископской уже послѣ смерти Юрія Ярославича. Авторъ «Исторіи Русской Церкви» видѣлъ эту несообразность и старался приблизить годъ посвященія Василія II, по крайней мѣрѣ, къ году заточенія и смерти Юрія Ярославича. Для этого, въ самомъ началѣ статьи своей, онъ сократилъ время посвященія его на два года и сказалъ, что «Св. Василій посвященъ въ 1354 году», [12] вопреки ясному указанію лѣтописи, и чтобы сблизить съ несчастными событіями Кн. Юрія, далѣе замѣтилъ, что «Блаженный Василій, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, послѣ хиротоніи, не могъ уже застать въ Муромѣ добраго Князя Юрія: тотъ въ 1354 г. изгнанъ былъ Кн. Ѳедоромъ Глѣбовичемъ и умеръ въ темницѣ. [13] Дѣйствителью, умеръ онъ въ 1354 году, а изгнанъ первоначально въ 1353, какъ показываютъ лѣтописи. Теперь, какъ же

---

[11] Ник. т. III, стр. 182, 194, 205. Ист. Солов. т. III, стр. 327.
[12] Христ. чт. 1859 г., Май, 355.
[13] Тамъ же, стр. 357.

допустить, что Василій II былъ современникъ обновленію Мурома и Юрію Ярославичу, когда онъ вступилъ на каѳедру Святительскую спустя 5 лѣтъ по обновленіи Мурома, и годъ, по крайней мѣрѣ, если не два, спустя послѣ смерти Князя Муромскаго?

Описывая годъ кончины св. Василія, авторъ «Исторіи Русской Церкви» впадаетъ въ другую крайность На стр. 358 онъ говоритъ, что «Блаженный Святитель не долго управлялъ Рязанскою паствою... Блаженная кончина его послѣдовала 3 Іюля, 1360 г.» Эту догадку свою подтверждаетъ указаніемъ на рукописныя святцы. Но въ нихъ сказано: «Св. Василій, Епископъ Рязанскій, чудотворецъ, преставися въ лѣто 6800, Іюля въ 3 д.» Очевидно, годъ въ святцахъ не благопріятствуетъ тому мнѣнію, что Василій Св. скончался въ 1360 г. На помощь у автора «Исторіи Русской Церкви» является произвольная прибавка, съ такою оговоркою въ замѣчаніи: [14] «Здѣсь показаніе о годѣ кончины не полное; не показаны десятки и единицы. Надлежало сказать: «преставися въ лѣто 6868», и тогда согласно будетъ съ лѣтописями». Но кто далъ право толковать и искажать такъ хронологію? Зачѣмъ искать ошибки въ лѣтосчисленіи тамъ, гдѣ годъ кончины и безъ прибавленія десятковъ, развѣ только двухъ, трехъ единицъ, близко соотвѣтствуетъ году кончины Василія I? Такой годъ (6802) записанъ и на гробницѣ св. Василія.

4. Наконецъ, вѣра и преданіе Церкви Рязанской совершенно опровергаютъ мнѣніе г. Иловайскаго и автора «Исторіи Русской Церкви.» Церковь Рязанская во всѣ времена вѣрно хранила преданія о св. Василіѣ и записала ихъ на своихъ памятникахъ. Она, во 1-хъ, признаетъ Св. Василія первымъ Епископомъ Переславля Рязанскаго. Такое преданіе находится въ канонѣ (въ стихирахъ), составленномъ въ честь Святому, съ надписью: «Служба святителю и чудотворцу Василію, первому Епископу Переславля Рязанскаго.» Но Василій II былъ не первый Епископъ нынѣшней Рязани. Въ ряду Іерарховъ Рязанскихъ онъ поставленъ въ «Христ. чт.» (стр. 355) одиннадцатымъ. А можетъ занять и еще ниже мѣсто, если взять во вниманіе древніе синодики Рязанскіе, гдѣ записаны имена Епископовъ Рязанскихъ. Невѣроятно, чтобы до 1356 г. Святители Рязанскіе оставались въ Старой Рязани, гдѣ перестали жить Князья, и не

---

[14] Тамъ же, стр. 358, примѣч. 33.

переселились въ Переславль Рязанскій, гдѣ съ самаго начала XIV ст. сосредоточивалась вся дѣятельность ихъ. И Князья и Святители любили жить въ одной столицѣ.

Другое преданіе Церкви записано на гробницѣ Святителя Василія, находящейся надъ мощами его, на памятникѣ чугунномъ, воздвигнутомъ на мѣстѣ, гдѣ покоились мощи его въ землѣ, и на той чудотворной иконѣ Божіей Матери, съ которою онъ приплылъ на мантіи въ Рязань. Оно возводитъ его прямо къ концу XIII столѣтія. На гробницѣ находится слѣдующая надпись: «Богъ, почиваяй во Святыхъ своихъ, удивилъ промыслъ свой на преподобномъ Василіи, Епископѣ Рязанскомъ, почивающемъ подъ симъ спудомъ»... За симъ слѣдуютъ слова, какъ приплылъ онъ на мантіи въ Старую Рязань, и далѣе говорится: «что было прежде шеститысячнаго и восемь сотъ втораго года, а преставися Святый 6802». [15]

Въ такомъ же смыслѣ сдѣлана надпись и на чугунномъ памятникѣ, воздвигнутомъ у церкви Бориса и Глѣба, гдѣ почивали въ землѣ святыя мощи праведника.

На чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой Муромскою, надпись возводитъ годъ кончины Св. Василія къ одному году, записанному на гробницѣ его. Она слѣдующая: «Сія чудотворная иконе принесена Благовѣрнымъ Княземъ Константиномъ изъ Кіева въ Муромъ, откуда приплы съ нею въ Рязань Св. Епископъ Василій, преставившійся въ 1294 лѣто.»

Какъ же смотрѣть на эти преданія, если признать Василія II тѣмъ Епископомъ святымъ, о которомъ разсказывается въ житіи Муромскихъ чудотворцевъ, Константина и чадъ его? Они совершенно нейдутъ къ лицу Василія II, а отвергнуть ихъ не имѣемъ ни какой основательной причины. Остается согласиться съ вѣрованіемъ Церкви, что св. Василій былъ не второй Василій, а первый, скончавшійся, какъ показываютъ лѣтописи, въ 1295 году.

Правда, и Василій I не современникъ обновленію Мурома, бывшему, по лѣтописямъ, при Юріѣ Ярославичѣ въ 1351 году. Но это обновленіе могло быть второе, во время котораго г. Муромъ перенесенъ, по замѣчанію Карамзина (т. IV, стр. 206, прим. 370), на старое мѣсто. Если такъ, то значитъ, было время, когда Муромъ

---

[15] Надпись эта и другія сдѣланы Преосв. Симономъ, въ 1783 году, безъ сомнѣнія, на основаніи прежде существовавшихъ надписей.

поставленъ былъ на новое мѣсто. Это и могло быть послѣ опустошенія его Татарами въ 1239 году, [16] въ первый разъ, и во второй въ 1281 году, Андреемъ Александровичемъ, также съ Татарскими полчищами. [17] Такое обновленіе Мурома прямо падаетъ на то время, къ которому относится служеніе Василія I. Притомъ, въ Сказаніи о Св. Василіѣ говорится еще, что Кн. Юрій Ярославичь прибылъ въ опустошенный Муромъ изъ Кіева, тогда какъ при второмъ обновленіи его объ этомъ не упоминается.

Василій I могъ быть современникомъ Юрію Ярославичу. Въ лѣтописяхъ объ Юріѣ Ярославичѣ въ первый разъ упоминается въ 1351 году. Но онъ, конечно, жилъ и дѣйствовалъ задолго до этого года; ибо былъ въ Кіевѣ, откуда прибылъ въ Муромъ. Объ отцѣ его, Ярославѣ, упоминается при выдачѣ замужъ дочери за Ростовскаго Князя, въ 1248 г. [18] Въ это время отецъ Юрія, Ярославъ, не могъ быть моложе 30 лѣтъ; приложимъ къ 1248 г. 36 лѣтъ, будетъ 1284-й годъ. въ который Епископомъ на Рязани упоминается Іосифъ, привезшій Рязанскимъ Князьямъ Кормчую. Могла послѣдовать въ слѣдующій за тѣмъ годъ кончина Ярослава Муромскаго, на 67 году. Положивши сыну его, Георгію или Юрію, въ 1285 году 26 лѣтъ, когда онъ, по смерти отца, прибылъ изъ Кіева въ Муромъ и обновилъ его, найдемъ, что въ 1354 году, когда онъ лишенъ былъ удѣла и скончался, могло быть ему около 95 лѣтъ. Лѣта опять возможныя. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого противорѣчія допустить, что Юрій Ярославичь могъ быть современникомъ Василію I и, пришедши изъ Кіева, по смерти отца, въ опустошенный Муромъ, обновилъ его и поставилъ въ немъ Епископомъ Василія I, когда въ Муромо-Рязанской епархіи, послѣ 1284 года, не стало Іосифа.

Василій I могъ прибыть изъ Мурома въ Рязань Старую. Она тогда была еще столицею княжества, гдѣ пребывали и Князья и Епископы. По смерти Св. Романа Ольговича, пострадавшаго (1270 г.) въ Ордѣ, остались три сына у него: Ѳеодоръ, Ярославъ и Константинъ. Ѳеодоръ сѣлъ въ Рязани, Ярославъ въ Пронскѣ. При Ѳеодорѣ оставался и Константинъ. У нихъ жива еще была и мать, Анастасія. По смерти Ѳеодора, въ 1294 г., занялъ престолъ въ

---

[16] Полн. собр. Рус. лѣт., т. I, стр 201.
[17] Ник. лѣт. т. III, стр. 72 и 73.
[18] Полн. собр. Рус. лѣт., т I, стр. 226 и 201.

Рязани братъ его, Ярославъ и княжилъ до 1299 г., въ который скончался. Мѣсто его занялъ третій братъ, Константинъ. Не видимъ изъ лѣтописей, чтобы эти Князья оставили Рязань. Замѣчаемъ только, что при Константинѣ, въ 1300 г., Ярославичи, племянники его, сходились у Переславля, по случаю усобицы за удѣлы. Надобно думать, что Переславль Рязанскій существовалъ въ это время, какъ лучшій укрѣпленный городъ, въ который на время удалялись Князья, для защиты себя отъ нашествія Татаръ, и болѣе любили въ немъ жить, чѣмъ въ Рязани, однако не вдругъ могли оставить и Рязань, какъ столицу, гдѣ они родились и воспитались, и гдѣ были гробы предковъ ихъ и родителей.

Если же Василій I, какъ Святый, могъ приплыть на мантіи изъ Мурома въ Рязань, то какой Князь встрѣчалъ его? Въ житіи Муромскихъ Чудотворцевъ сказано, что встрѣчалъ его въ Рязани Великій Князь, именемъ Олегъ, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и народомъ. Имя Князя послужило также поводомъ г. Иловайскому и автору «Исторіи Русской Церкви» и статьи: «Іерархи Рязанскіе», признать Василія Св. за одно лице съ Василіемъ II. Правда, со времени Олега Ингваревича (1252—1258) до Олега Ивановича (1350—1402) между Князьями не встрѣчаемъ Олега. Но это не опроверженіе тому, что Василій I есть Василій Святой. Имя Князя Олега могло быть поставлено ошибкою. Сказаніе о Св. Василіѣ писано во времена Іоанна IV.[19] Тогда живо помнили имя одного знаменитаго Князя Рязанскаго, Олега Ивановича. Ни одинъ Князь не былъ столь памятенъ для Рязани, какъ Олегъ Ивановичъ. Въ гражданской дѣятельности онъ сталъ виднѣе всѣхъ Князей и закрылъ собою своихъ предшественниковъ. Неудивительно, что, описывая событія отдаленныя, дошедшія по преданію, современники Грознаго забыли о томъ Князѣ, который жилъ во время Св. Василія, и упомянули въ Сказаніи извѣстное имъ имя Князя Олега. Но имя Олега могъ носить и тотъ Князь, который былъ современникомъ Василія I-го. То былъ Θеодоръ Романовичь (1270 — 1294). Христіанское имя его, какъ болѣе употреблявшееся, записала лѣтопись; имя свѣтское осталось въ преданіи. Такимъ образомъ имя Олега, записанное въ Сказаніи о Св. Василіѣ, не даетъ еще права

---

[19] Ист. Рус. Церкви, Еписк. Филарета. Періодъ 1, стр. 35, прим. 58.

Олегу Ивановичу быть тѣмъ Княземъ, который встрѣчалъ Св. Василія въ Старой Рязани. Да и зачѣмъ было Олегу Ивановичу итти въ Рязань и находиться тамъ? Рязань, въ его время, потеряла уже гражданское значеніе, перестала быть столицею и убѣжищемъ князей. Все вниманіе Олега Ивановича обращено было на Переславль Рязанскій; здѣсь было средоточіе всей его дѣятельности. Хотѣлось ему поставить новую столицу въ уровень съ Москвою.

Честь встрѣтить Св. Василія въ Рязани (Старой) и принять его въ радости со всѣмъ народомъ должна принадлежать сыну мученика Романа, Θедору Романовичу: онъ былъ современникъ Василію І-му; ибо княжилъ съ 1270 по 1294 г. и скончался не задолго до кончины блаженнаго Святителя. Въ «Рязанскихъ достопамятностяхъ» объ этомъ такъ сказано: «При Рязанскомъ Князѣ Θедорѣ Романовичѣ бысть на Рязани Епископъ Василій, и того же года преставися». [20] Самъ авторъ «Исторіи Русской Церкви» относилъ прежде кончину Св. Василія къ тому же 1294 году (Ист. Рус. Церк. II, стр. 132). Страннымъ кажется, почему онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, не имѣя положительныхъ и болѣе твердыхъ основаній.

Наконецъ, духъ или характеръ самаго Сказанія о Св. Василіи показываетъ, что событіе, въ немъ описанное, надобно относить ко временамъ, болѣе отдаленнымъ, чѣмъ времена Олега Ивановича; при ослабленіи насилія отъ Татаръ, дѣла гражданскія и церковныя приняли опредѣленный характеръ. Рязань возвысилась и стала во вражду съ Москвою. Но Москва упрочила за собою славу первопрестольной столицы; въ ней основали постоянное мѣстопребываніе свое Первосвятители Русскіе. И Святители Всероссійскіе, Θеогностъ и Алексій, внимательно наблюдали за событіями церковными и гражданскими, съ силою дѣйствовали на Князей и народъ, посылали грамоты увѣщательныя туда, гдѣ замѣчали безпорядки, и лѣтопись, менѣе стѣсняясь смутами отъ Татаръ, вѣрно записывала событія церковныя и гражданскія, съ хронологическимъ указаніемъ на время и лица. Читая Сказаніе о Св. Василіѣ, Епископѣ Рязанскомъ, видишь неопредѣленность въ Сказаніи, неясность въ дѣйствіяхъ: приходитъ изъ Кіева въ Муромъ Князь, обновляетъ городъ, но не показано, по какому случаю, по какому праву онъ дѣлаетъ

[20] Рязанскія достопримѣчательности, S. 51.

это и когда; избирается въ Святители праведный мужъ, но изъ какого званія, не указывается: посвящается въ Епископа Мурому, но гдѣ и какимъ Митрополитомъ, не упоминается; изгоняется невинно изъ Мурома народомъ, но не видишь ни дѣйствія Князя, ни распоряженія Митрополита въ послѣдствіи и увѣщанія его къ народу. Если бы дѣйствительно Св, Василій былъ посвященъ въ Москвѣ и Св. Алексіемъ Митрополитомъ, то преданіе непремѣнно сохранило бы это важное обстоятельство; и составитель Сказанія, записывая поставленіе праведника въ санъ Епископа, не опустилъ бы безъ вниманія того, что онъ посвященъ Св. Алексіемъ, тѣмъ болѣе, что Сказаніе писали уже много лѣтъ спустя послѣ временъ Олега Ивановича, и посвященіе Василія II записано было въ лѣтописи. Если бы Василій II, посвященный Св. Алексіемъ, дѣйствительно былъ изгнанъ изъ Мурома и на мантіи приплылъ въ Рязань съ иконою Божіей Матери, то, безъ сомнѣнія, это не укрылось бы отъ бдительнаго надзора Первосвятителя, и онъ едвали бы оставилъ такое событіе безъ вниманія; по крайней мѣрѣ, узнавъ великую славу чудотворца, упомянулъ бы о высокихъ качествахъ ставленика своего въ той грамотѣ, въ которой писалъ о немъ на Червленый Яръ всѣмъ Христіянамъ, священникамъ, діяконамъ, сотникамъ, баскакамъ и боярамъ. Но въ этой грамотѣ и намека нѣтъ на то лице, какое описывается въ Сказаніи; нигдѣ не названъ Василій ни святымъ, ни праведнымъ, а между тѣмъ есть мѣста, при которыхъ, кажется, хорошо бы было упомянуть хоть нѣсколько о высокихъ добродѣтеляхъ смиреннаго Архипастыря. Если бы Олегъ Ивановичъ дѣйствительно встрѣтилъ Василія II, какъ праведника, приплывшаго по Окѣ на мантіи съ чудотворною иконою Божіей Матери, то онъ огласилъ бы это великое чудо и за тѣмъ святость избранника Божія, особенно когда увидалъ его въ своей новой столицѣ, которую старался украсить, возвеличить и прославить предъ Москвою. И кончина Св. Василія, какъ Первопрестольника, не покрылась бы тайною. Олегъ Ив. ознаменовалъ бы гробъ чудотворца какимъ нибудь памятникомъ. Читайте Сказаніе о Св. Василіѣ, тамъ и помину нѣтъ о кончинѣ его; тамъ и самъ Князь, встрѣчавшій Св. Василія, названъ не Олегомъ Ивановичемъ, а какъ бы общимъ какимъ именемъ, Олегъ. Обратитесь къ исторіи самаго Князя, разсмотрите запись о дарахъ его Василію II, нигдѣ не увидите намека ни на святость и праведность его, ни на чудо приплытія его на мантіи. Судите послѣ этого, какъ же

относить преданія о Св. Василіѣ, Епископѣ Рязанскомъ, записанныя въ житіи Муромскихъ Чудотворцевъ, ко временамъ Олега Ивановича? Они ясно говорятъ въ пользу Василія не втораго, а перваго, вопреки мнѣнію Иловайскаго (стр. 149). По всѣмъ этимъ соображеніямъ, надлежитъ признать Василія I за одно и тоже лице съ Василіемъ Святымъ.

Касательно перенесенія мощей Св. Василія отъ церкви Бориса и Глѣба въ нынѣшній Рождественскій соборъ, авторъ «Исторіи Русской Церкви» приводитъ лѣтопись изъ Іерархіи, Воздвиженскаго. [21] Но лѣтопись сія по хронологіи не вѣрна. Показанный въ ней 1606 годъ не могъ быть годомъ перенесенія мощей Св. Василія. Въ лѣтописи сказано, что они перенесены въ новопостроенную соборную церковь Успенія Божіей Матери. Но въ 1606 году Соборъ Успенскій каменный, начатый Архіепископомъ Митрофаномъ, не былъ еще отстроенъ совершенно. Преосвященный Ѳеодоритъ, бывши въ Москвѣ при избраніи на царство Василія Ивановича Шуйскаго, 17 Мая, при вѣнчаніи его 1-го Іюня и перенесеніи мощей Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву 3 Іюня, просилъ Шуйскаго содѣйствовать ему въ построеніи этого собора. Шуйскій удовлетворилъ просьбу заботливаго Архипастыря; послана была того же 1606 г., 26 Іюля, грамота Ѳеодориту, въ силу которой присланъ былъ въ Переславль Рязанскій подмастерье, Сергейко Абрамовъ, и 24 каменщика «для церковныя соборныя подѣлки». Ѳеодориту приказано было Государемъ смотрѣть за ними, «чтобы церковное дѣло дѣлали хорошо и крѣпко и додѣлали бъ того жъ лѣта». [22] Какъ же теперь сказать, чтобы соборный храмъ Успенія въ 10 Іюля, 1606 г., былъ новопостроенный, когда на окончательное сѳоруженіе его, 26 Іюля, того же года, дана была только грамота Ѳеодориту и присланы каменщики? Правда, имъ велѣно окончить работу въ то же лѣто. Но это только каменная подѣлка собора. Изъ описи церквамъ, [22] сдѣланной въ

---

[21] Стр. 358 и 359. Надгробная надпись говоритъ о Св. Василіѣ: «Перенесены мощи иже во Святыхъ отца нашего Василія, Епископа Рязанскаго и Муромскаго Чудотворца, изъ стараго Острога, отъ церкви Св. Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, въ новопостроенную соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, Преосвященнымъ Ѳеодоритомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, въ лѣто 1606 г., Іюля 10 дня».

[22] Рязанскія достопримѣчательности, §. 131.

послѣдствіи, видно что соборъ, окончательно выстроенный Ѳеодоритомъ, имѣлъ 5 верховъ (главъ), крытъ былъ Нѣмецкимъ желѣзомъ; кресты обиты были также бѣлымъ Нѣмецкимъ желѣзомъ; двери желѣзныя; передъ дверьми рундуки, надъ дверьми стѣнное писаніе подъ кіотами. Для такой отдѣлки храма нуженъ и не одинъ годъ. Значитъ, и нельзя допустить, чтобы годъ перенесенія мощей Святителя Василія былъ 1606, когда извѣстно, что они перенесены были въ новопостроенную соборную церковь. По другимъ памятникамъ, болѣе достовѣрнымъ, записанъ годъ 1609. Такой годъ находится на старинной иконѣ или таблицѣ Святыхъ, въ Россіи просіявшихъ и чудотворныхъ иконъ, гдѣ, въ числѣ Святыхъ, упоминается и Василій, Епископъ Рязанскій и Муромскій. Здѣсь обрѣтеніе мощей его показано въ лѣто 7117 (1609). [24] Тотъ же годъ написанъ и на гробницѣ Св. Василія.

Число мѣсяца записано въ лѣтописи, 10-е Іюля. Мѣсяцъ показанъ не тотъ. Долженъ стоять не Іюль, а Іюнь. Это видно изъ надписи на гробницѣ Святаго и, кромѣ того, въ прошеніи священника Староуспенскаго собора, поданномъ въ 1723 г. на имя Императора Петра I, по случаю розыска празднованія Св. Василія, прямо сказано: «а всенощное бдѣніе въ день перенесенія мощей ево (Василія) Іюня въ 10 день отправляли мы по общей минѣи Святительскую службу». [25] 10 Іюня праздновали и раньше, при Преосвященномъ Моисеѣ (1645 г.). Тогда, въ честь Святаго, пѣли молебенъ и совершали водосвященіе, за что приказано было дать протопопу Кондрату съ братіею 3 алтына двѣ деньги. [26]

Авторъ «Исторіи Русской Церкви» отмѣтилъ приведенную имъ лѣтопись названіемъ надгробной надписи. У Воздвиженскаго, съ неправильною хронологіею, названа она копіею съ надгробной надписи. [27] Откуда взялъ ее Воздвиженскій, не знаемъ. Нѣтъ ея и въ «Достопамятностяхъ Рязанскихъ». Авторъ «Исторіи Русской Церкви» привелъ ее безъ всякой критики. Вотъ настоящая надпись на гроб-

---

[23] Рязанскія достопримѣчательности §. 154.

[24] Рязанскія достопримѣчательности §. 133.

[25] Подлинное прошеніе попа Ивана, хранящ. въ Архіерейскомъ домѣ.

[26] Рязанскія достопримѣчательности §. 166.

[27] Іерарх. Воздвиж., стр. 21.

ницѣ Святителя, какая имѣется нынѣ, въ соотвѣтствіе образу перенесенія мощей его: «Перенесеніе мощей иже во святыхъ отца нашего Василія, Епископа Рязанскаго и Муромскаго, изъ стараго острога отъ церкви святыхъ Сртастотерпцевъ Бориса и Глѣба въ градъ Переславль Рязанскій въ новопостроенную соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы... и положены тѣ мощи на семъ мѣстѣ, а пересены Преосвященнымъ Θеодоритомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, въ лѣто отъ Адама 7117 или 7118, Іюня въ десятый день, при державѣ Благочестиваго Царя и Великаго Князя Василія Ивановича». [28]

Наконецъ, въ замѣчаніи (стр. 359, № 34) сказано, что та лѣтопись въ первый разъ написана въ 1715 году. Гдѣ же написана? У Воздвиженскаго сказано: «на дщицѣ, поставленной надъ мѣстомъ почивающихъ мощей Святаго» (Іер. Воздв., стр. 21). Но это не первая лѣтопись; лѣтопись существовала при канонѣ св. Василія, который издавна хранился въ соборной церкви; сообразно съ нею надписанъ образъ перенесенія мощей въ возглавіи гробницы Святителя, въ клеймѣ, вмѣсто тумбы. Объ этомъ подлинное прошеніе Староуспенскаго Собора священника (1723 г.) такъ говоритъ: «А что написано было у гробницы ево, Василія Епископа, въ возглавіи въ клеймѣ, вмѣсто тумбы, образъ перенесенія мощей... и то написано по прошенію тоя жъ церкви бывшаго дьячка Бориса·Иванова, а написалъ я нижеименованный тотъ образъ съ совѣту товарища своего попа Льва противъ лѣтописи, что написано было съ каноромъ Василія Епископа».

О памяти Св. Василія авторъ «Исторіи Русской Церкви» говоритъ: во 1-хъ, что Муромской иконѣ Божіей Матери, прославившей невинность Святителя Василія, установлено Св. Синодомъ, 1810 года, праздновать 12 Апрѣля. [29] А есть указъ Св. Синода, 1814 года, 15 Іюня, въ которомъ показано, что Св. Синодъ, на прошеніе жителей Преосвященному Θеофилакту, о праздованіи Муромской Иконѣ Божіей Матери 12 Апрѣля, и на представленіе объ этомъ Преосвященнаго, не согласился установить празднество особое 12 Апрѣля. Нынѣ

---

[28] Надпись сія также сдѣлана Преосв. Симономъ въ 1783 году. Древняя лѣтопись была при канонѣ Св. Василія Рязанскаго.

[29] Христ. Чтеніе, стр. 359.

совершается празднество ей въ недѣлю Ѳомину съ поліелеемъ, по частному распоряженію Преосвященнаго Ѳеофилакта; во 2-хъ, говоритъ, что «память его (Св. Василія) кромѣ того празднуется Іюля 10 и Мая 21 числа». Никогда не праздновалась и нынѣ не празднуется память его въ эти дни. 10-е Іюля, какъ видѣли, не было днемъ перенесенія мощей; 10-е же Іюня праздновалось прежде и нынѣ, какъ день перенесенія мощей Святителя Василія Рязанскаго. И въ этотъ день празднества особаго не установлено, но, по усердію желающихъ чтить священную память Василія, совершалось и совершается иногда всенощное бдѣніе съ поліелеемъ съ вечера, только безъ благовѣста и звона. Что касается до 21 Мая, то о празднествѣ въ этотъ день Св. Василію Рязанскому нигдѣ не упоминается. Полное празднованіе ему совершается нынѣ въ Рязани въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ; въ этотъ день отправляется всенощное бдѣніе съ поліелеемъ и по литургіи молебенъ. Это установленіе древнее; былъ даже придѣлъ въ Рождественскомъ соборѣ во имя Всѣхъ Святыхъ.

Въ заключеніе всѣхъ нашихъ замѣчаній, не можемъ не выразить желанія, чтобы авторы разбираемыхъ нами статей о Святомъ Василіѣ, Епископѣ Рязанскомъ, почтили насъ печатнымъ отвѣтомъ въ защиту своего мнѣнія, и доказали бы намъ истину оного фактами, болѣе очевидными, и соображеніями, болѣе основательными; а дотолѣ мы не перестанемъ вѣровать, какъ вѣровали наши предки, и не согласимся измѣнять всѣ надписи Рязанскія о нашемъ Святителѣ въ угодность ихъ недоказаннымъ предположеніямъ.

РЯЗАНСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

ВЫГОВСКАЯ
РАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ
ВЪ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Конецъ XVII-го и начало XVIII-го столѣтія ознаменованы въ исторіи Русскаго раскола самыми ужасными порывами гражданскаго и церковнаго безначалія и фанатизма, увлекавшаго къ самоубійству цѣлыя сотни изувѣровъ. Стремясь въ независимости въ понятіяхъ и жизни, раскольники учреждали свои общины, проникнутыя духомъ безначалія, но прикрытыя внѣшностію монастырскаго общежительства, или скитскаго подвижничества. Это вызвало цѣлый рядъ мѣръ со стороны Правительства къ обузданію раскола и пресѣченію его дальнѣйшихъ успѣховъ.

Во время этой централизаціи раскола весьма важное значеніе въ исторіи его получило Поморье или Выгорѣчье (въ Олонецкихъ предѣлахъ), названное такъ отъ рѣки Выга, по которой расположены были раскольническія селенія. Какъ образовалось и населилось это гнѣздо раскола, мы не будемъ излагать, потому что это значило бы писать длинную исторію Выговской пустыни, чего мы не предполагаемъ дѣлать. Въ настоящей краткой статьѣ мы предположили прослѣдить, по достовѣрнымъ памятникамъ, только двѣ важнѣйшія эпохи въ исторіи Выговской пустыни, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, именно: 1) Посольство іеромонаха Неофита

отъ Св. Синода въ Поморье для разглагольствованія съ раскольниками о предметахъ несогласій ихъ съ Православною Церковію, и 2) доносъ одного раскольника этой пустыни, по фамиліи Круглаго, на пустынныхъ сожителей, и послѣдствія сего доноса.

I. Въ началѣ XVIII столѣтія Правительство, желая привлечь раскольниковъ къ соединенію съ Православною Церковію, изыскивало и употребляло къ сему всѣ возможныя мѣры кротости и дѣйствованія на совѣсть. Въ 1722 г. Св. Синодъ издалъ печатное объявленіе, въ которомъ приглашалъ раскольническихъ учителей явиться въ Св. Синодъ для свободнаго собесѣдованія съ ними о противности ихъ Православной Церкви. Снисхожденіе простиралось до того, что раскольникамъ позволено было, въ случаѣ, если не захотятъ явиться въ С.-Петербургъ, самимъ выбрать и назначить мѣсто и время для разглагольствованія. Мѣра сія, какъ сказано въ объявленіи, предложена были съ тою цѣлію, чтобы предварительно гражданскимъ мѣрамъ, узнать совѣсть расколоучителей: «Недоумѣваяся ли и ложная отъ истинныхъ не познавая, или и вѣдая лесть и лжу свою, но ради суетной чести и прокормленія, учительми въ простомъ народѣ являлися. А естьли который на сіе толь правильное призываніе не пріидетъ, тотъ покажетъ явно о себѣ, что онъ есть безбожникъ и прелестникъ. Таковымъ бо образомъ познавати злосовѣтныхъ коварниковъ научилъ насъ Христосъ Богъ: Всякъ, рече, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукавая суть; творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко по Бозѣ суть содѣлана» (Іоан. III, 20, 21).[1] Но срокъ, назначенный Св. Синодомъ, прошелъ, а для разглагольствій никто не явился. Тогда Св. Синодъ рѣшился испытать еще одну мѣру, дѣйствуя въ томъ же духѣ терпимости. Положено было, въ одинъ изъ главныхъ притоновъ раскола, именно въ Выговскую пустынь, послать духовное лицо для разглагольствія съ раскольниками, обличенія ихъ заблужденій и увѣщанія къ соединенію съ Церковію. Св. Синодъ предполагалъ употребить для сей цѣли іеромонаха Филарета, постриженника Николаевскаго монастыря, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, и извѣстнаго уже Синоду со стороны своей опытности въ обращеніи съ раскольниками; но Преосвященный Питиримъ просилъ оставить его для нуждъ Ниже-

[1] Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3925.

городской епархіи, а на мѣсто его рекомендовалъ іеромонаха Неофита, бывшаго духовникомъ Бельмашскаго монастыря, представляя Св. Синоду, что онъ, Неофитъ, имѣетъ къ разглагольствію съ раскольниками неусыпную охоту и вѣдѣніе Писанія не точію менѣе онаго Филарета, но и вящше. Св. Синодъ снабдилъ его рукописными и старопечатными книгами, которыя находятся въ особенномъ уваженіи у раскольниковъ, и сочиненіями Русскихъ пастырей, написанными противъ раскола, и въ особой инструкціи преподалъ ему подробныя наставленія, какъ поступать во время тамошней бытности въ собесѣдованіи съ раскольниками. Ландрату Петровскихъ заводовъ, Г. Муравьеву, предписано было: 1) охранять безопасность Неофита во все время пребыванія его въ раскольничьихъ станахъ; 2) объявить раскольникамъ, чтобы лица, отъ нихъ избранныя, явились на тихое, кроткое и безопасное разглагольствіе съ увѣщателемъ, въ пристойномъ мѣстѣ, безъ продолженія времени; а ежели не явятся, то отъ всѣхъ признаваемы будутъ за безотвѣтныхъ и отъ обличенія отбывающихъ; 3) пригласить имѣющихъ тамъ пребываніе знатныхъ лицъ, дабы они, кому нужнѣйшія дѣла службы не воспрепятствуютъ, присутствовали при ономъ разглагольствіи не для чего другаго, но для достовѣрнаго свидѣтельства, дабы никто не могъ его заподозрить; также пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и свѣтскихъ людей, особливо соблазняющихся раскольническимъ ученіемъ. Неофиту же предписано было въ семъ разглагольствіи съ расколоучителями поступать умѣренно и осмотрительно: въ обличеніи и увѣщаніи утверждаться книгами, которыя укрѣпляютъ истину благочестія, а раскольническое суемудріе разрушаютъ и опровергаютъ; вопросы трудные или отвѣты сомнительные отлагать на время, чтобъ отъ поспѣшности не дать отвѣта неосмотрительнаго, но дать мѣсто изысканію въ книгахъ и размышленію, а о важнѣйшихъ доносить Св. Синоду и ожидать разрѣшенія; всѣ вопросы и отвѣты велѣть записывать искуснымъ скорописцамъ, дабы оное разглагольствіе было памятно и могло быть предложено Св. Синоду въ извѣстіе, и для достовѣрнаго свидѣтельства требовать обыкновеннаго тому рукоподписанія; съ раскольниками упорными и Св. Церкви непокорными никакой жестокости не употреблять и свободы ихъ не пресѣкать, только записывать имена ихъ и разговоры; вообще и во всемъ поступать умѣренно и постоянно, дабы дѣло увѣщанія безпорочно было. Неофитъ прибылъ въ Поморье

23 Сентября, 1722 года. Раскольники, не дождавшись указа, прислали къ нему трехъ человѣкъ и просили сроку до зимняго пути, когда замерзнетъ Онежское озеро, выставляя на видъ, что они живутъ другъ отъ друга въ дальнихъ разстояніяхъ и за великими грязьми собраться въ скорости не могутъ. Въ тоже время просили на письмѣ вѣдѣнія, о чемъ Неофитъ будетъ говорить съ ними и спрашивать ихъ. Чтобы не ввесть ихъ въ какое мнѣніе, Неофитъ написалъ 106 вопросныхъ пунктовъ, присовокупивъ къ нимъ въ началѣ увѣщательное предисловіе, и отправилъ чрезъ одного изъ чиновниковъ тамошней Канцеляріи къ главнымъ расколоучителямъ, назначивъ срокъ прибытія въ послѣднихъ числахъ Декабря. Андрей Денисовъ, бывшій въ то время главнымъ учителемъ, Данило Викулинъ съ прочими лжеучителями, приняли вопросы, прочитали публично, и дали подъячему письмо о полученіи указа и вопросовъ, а къ тому письму означенные Данило да Андрей, на то время ухоронясь, рукъ своихъ не приложили, но иные, числомъ девять человѣкъ, заручили. «И се нѣчто есть не просто», доносилъ Неофитъ. Между тѣмъ расколоучители представляли, что они не могутъ въ короткое время приготовить отвѣты на столько вопросовъ: «Толикія многія вопросы и увѣщанія и стязанія о великихъ богословныхъ догматѣхъ и о древлецерковныхъ содержаніяхъ требуютъ обще собираяся всепустынно и книги, какъ староцерковныя, такъ и новопечатныя пріобрѣсти, и въ нихъ разсмотряя и выписывая разглагольство отвѣтное чинити». «Къ тому же»,—прибавляли расколоучители,—«мы люди недостаточные, въ нуждныхъ и пустынныхъ мѣстѣхъ живущіе, и въ потребахъ скудствующіе и всегдашнимъ попеченіемъ утружденные...... и при такихъ нашихъ попеченіяхъ на такіе многіе вопросы отвѣтовъ весьма намъ въ краткое время не возможно учинити. Аще же господское долготерпѣніе въ продолженіи будетъ, и когда написано будетъ, тогда объявимъ». Неофитъ назначилъ имъ послѣднимъ срокомъ Мартъ мѣсяцъ, 1723 года, а между тѣмъ жаловался, что эта медленность приводитъ дѣло въ замѣшательство, потому что къ нему приходили многіе для состязаній и оставаясь въ разговорахъ безотвѣтными противъ правды церковной, не присоединялись къ Церкви и говорили: «Пождите, что будутъ отвѣчать наши главные». Чтобы употребить время съ пользою, Неофитъ приглашалъ тамошній церковный чинъ для наставленія о правости церковной и познанія ложныхъ писаній, на которыя ссылаются раскольники.

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ вопросы Неофита, нашелъ, что они къ обращенію раскольниковъ удобны и разрѣшилъ ему давать ихъ списывать, для лучшаго разумѣнія, всѣмъ невозбранно. Но время шло, а отвѣтовъ не было. На первый указъ изъ Канцеляріи Петровскихъ заводовъ объ устроеніи дѣла, Выговцы отвѣчали, что будутъ съ отвѣтами на Троицынъ день. Прошелъ и Троицынъ день, а отвѣтовъ опять не было. На другой указъ изъ Канцеляріи Петровскихъ заводовъ объ устроеніи дѣла, Выговцы обѣщали явиться 31 Іюня. Между тѣмъ Св. Синодъ поручилъ требовать отъ главныхъ раскольниковъ заручнаго письма, чтобы лица, которыя явятся съ отвѣтами, уполномочены были на это отъ всего раскольническаго согласія, дабы то, что они будутъ говорить, учители и все согласіе причитало къ себѣ самимъ. Если же учители на разглагольствіе сами не придутъ, а явится отъ нихъ кто безъ выбора, то тѣ отвѣты принять при Ландратѣ, а въ разговоры не вступать, но при томъ объявить имъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ, что оныя раскольническіе учители и согласіе ихъ, зная свое лживое и прелестное ученіе, не являются къ разглагольству, и потомъ огласить тоже по церквамъ, дабы всѣ знали ихъ прелесть и не принимали ложнаго ученія. [2] При указѣ приложена была и форма, какъ о раскольникахъ надлежитъ при церкви народообъявленіе чинить. Наконецъ, 1-го Іюля, Выговцы представили цѣлую книгу отвѣтовъ, расположивъ имъ въ такомъ же числѣ и порядкѣ, въ какомъ писаны вопросы. «Отвѣты эти чрезъ злохульная ихъ уста отрыгненная»,—какъ доносилъ Неофитъ,—«преисполненная ко Св. Церкви всякаго грубословія и противословія, написанная по всякой безопасной смѣлой дерзости, вполнѣ достойны сыновъ противленія». Подавши ихъ, расколоучители не хотѣли ни дать объясненій на тѣ пункты, въ которыхъ отвѣты ихъ были уклончивы и неопредѣлительны, ни слушать вразумленій, отвѣчая только одно: «О томъ, де, у насъ написано въ вопросоотвѣтахъ нашихъ, и болѣе того не будемъ отвѣчать». Были два, три публичныхъ разглагольствія, но онѣ показали только, что съ слѣпыми раскольниками безполезно разсуждать о предметахъ ихъ заблужденій въ присутствіи цѣлой толпы такихъ же невѣждъ, какъ они сами, потому что въ подобныхъ преніяхъ преимущество остается не на сторонѣ внушеній справедливости, но на

---

[2] Ук. Св. Синода 24 Іюня, 1723 г.

сторонѣ дерзости, которая ничего не слушая и ничѣмъ не вразумляясь, и будучи поддерживаема цѣлымъ скопищемъ изувѣровъ, сильнымъ голосомъ вопiетъ о своей мнимой правдѣ. Посему Неофитъ сочинилъ краткое обличенiе несправедливости ихъ отвѣтовъ и прочиталъ оное публично, а отъ безполезныхъ словопрѣнiй удалился. Болѣе или менѣе успѣшнаго окончанiя дѣла въ томъ направленiи, какое оно получило, можно было ожидать только, составивши въ обличенiе письменныхъ раскольническихъ отвѣтовъ пространную книгу, на основанiи свидѣтельствъ древности, которыхъ не могутъ не принять сами раскольники. Св. Синодъ поручилъ исполнить сiе Совѣтнику своему, Преосвященному Ѳеофилакту, Тверскому Епископу.[3] Въ Августѣ, 1734 года, онъ представилъ Св. Синоду свою книгу обличенiй, но постигшiя его несчастiя отдалили изданiе ея еще на долгое время. Уже по смерти сочинителя, въ 1742 году, Св. Синодъ поручилъ разсмотрѣть ее Преосвященному Арсенiю, Митрополиту Тобольскому и Сибирскому. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ исправленiй, она издана была въ 1745 году.[4] Арсенiй продолжилъ трудъ Преосвященнаго Ѳеофилакта и въ 1744—1745 г. составилъ:

---

[3] Указ. Св. Синода, 15 Октября, 1723 г.

[4] Преосвященный Ѳеофилактъ еще въ 1725 году предлагалъ Св. Синоду, по согласiю съ Сенатомъ, употребить въ дѣйствiе болѣе надежную мѣру, состоящую въ томъ, чтобы, на основанiи Высочайшихъ указовъ (1721 г. Февраля 19, 1722 г. Марта 15 и Апрѣля 4) о возвращенiи бѣглыхъ людей, крестьянъ и бобылей, на ихъ прежнiя жилища, уничтожить самое гнѣздо Выгорѣцкаго раскола, раздѣливши по разныхъ мѣстамъ его жителей, большею частiю бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ и селенiй. Этою мѣрою, съ одной стороны, расколъ лишался главной поддержки, заключавшейся, при большомъ числѣ раскольниковъ, въ его сосредоточенности на одномъ мѣстѣ, и долженъ быть постепенно ослабѣвать отъ собственнаго раздѣленiя; съ другой стороны, раскольники, бывъ раздѣлены по разнымъ мѣстамъ, гдѣ они жили прежде того, могутъ всегда находиться подъ надзоромъ священниковъ и прочаго духовнаго, равно какъ и гражданскаго, начальства, чѣмъ по меньшей мѣрѣ должно пресѣкаться дальнѣйшее распространенiе раскола. Мѣра эта въ показанное время могла быть употреблена въ дѣйствiе тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что, по недавности заселенiя и устройства раскольническихъ пустыней и скитовъ, легко было отдѣлить туземцевъ отъ пришлыхъ иноземцевъ. Св. Синодъ, принявъ сiе предложенiе, сообщилъ о немъ Сенату вѣдѣнiемъ, но неизвѣстно, почему дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода.

«Дополнительное обличеніе неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ раскольническихъ пустосвятами Выгоцкими, пустынножителями именуемыми, честному іеромонаху Неофиту отъ Св. Правительствующаго Синода ради увѣщанія къ нимъ посланному, въ 1723 году предложенныхъ». Самую большую часть этого сочиненія составляетъ обличеніе хитраго и льстиваго раскольническаго предисловія къ Поморскимъ отвѣтамъ. Послѣ выписки нѣсколькихъ строкъ этого предисловія, оно начинается словами: «Сколько здѣсь словъ, столько лжи и лукавства и лицемѣрнаго раскольническаго смиренія. Будто бы агнецъ кротокъ и незлобивъ, а внутрь волкъ и хищникъ, и самый адскій бѣсъ прегордый и высокоумный; притворяетъ бо всячески себѣ показанными словами смиреніе, и пустынножителя себя нарицая и представляя, можно видѣть, что о себѣ не плохо думаетъ, но въ числѣ мнится быти сихъ угодниковъ Божіихъ, Св. Апостоломъ въ Посланіи къ Евреемъ проповѣдуемыхъ: ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустынѣхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, сирѣчь, въ числѣ древнихъ преподобныхъ пустынножителей, Антонія Великаго, Евѳимія и Саввы Освященнаго, или и самаго Іоанна Крестителя быть себе признаетъ и съ ними верстаетъ» и проч. Здѣсь же по мѣстамъ онъ касается раскольническихъ лжеученій, но съ особенною обстоятельностію разбираетъ 1, 5 и 9 отвѣты ихъ о старопечатныхъ книгахъ и перстосложеніи. Сочиненіе это не издано, но находится въ рукописи подлинникомъ въ архивѣ Св. Синода и въ спискѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. [5] Оба сочиненія, Преосвященнаго Ѳеофилакта и Арсенія, до очевидности обнаружили ложь и пустоту раскольническихъ мудрованій; но раскольники заграждаютъ отъ нихъ слухъ свой. Въ предисловіи къ обличенію, составленному Ѳеофилактомъ, справедливо замѣчено: «Отъ самаго начала, какъ только завелися на Руси раскольники, отъ правовѣрія отступившіи и суевѣрнымъ лжесловесныхъ человѣкъ баснемъ внимающіи, и самому діаволу, старинному отцу лжи, въ погибели послѣдующіи, было множество книгъ печатныхъ и рукописныхъ, на обличеніе ихъ слѣпоты и заблужденія богомудрыми пастырми и учителми церковными сочиненныхъ, на которыя книги никакого отвѣта отъ рас-

[5] М. Евгенія Словарь Дух. писат., ч. I, стр. 57. Калайдовича и Строева Описаніе рукоп. Толстова, отд. IV, № 60.

кольщиковъ, стариннаго отца лжи старовѣровъ, до сихъ поръ не бывало, исполняющуся непремѣнно Псаломническому пророчеству: «Всякое беззаконіе заградитъ уста своя» (Пс. 106), и паки: «Заградишася уста глаголющихъ неправедная» (Пс. 62).

Неофитъ скончался въ Поморьѣ. Посольство его, по крайней мѣрѣ, обнаружило совѣсть раскольническихъ учителей и открыло свободу дѣйствію гражданскихъ мѣръ противъ неблагонамѣренныхъ нарушителей гражданскаго спокойствія и церковнаго мира.

2. Дѣйствіемъ одной изъ сихъ мѣръ было обнаруженіе нѣкоторыхъ преступленій, совершенныхъ въ Выговской пустынѣ. Судебное слѣдствіе по дѣлу раскольника Круглаго, начатое въ Тайной Канцеляріи и потомъ веденное обще съ Духовнымъ правительствомъ, обнаружило въ свою очередь самыя тайныя стороны Выговскаго раскола. Въ исторіи Выговской пустыни событіе это составляетъ эпоху и раскольниками изложено въ особой повѣсти подъ заглавіемъ: «Злоключеніе на Выговскую пустыню чрезъ злаго безчиннаго Ивана Круглаго».

Круглый, крестьянинъ Московскаго уѣзда, деревни Яковлевой, вотчины Стольника Траханіотова, родился и крещенъ въ Правовѣріи. Съ малыхъ лѣтъ оставшись сиротою, жилъ буйно, и пришедши въ возрастъ, началъ свои похожденія съ того, что убѣжалъ отъ помѣщика, сперва въ Москву, потомъ въ С.-Петербургъ; здѣсь сошелся съ однимъ Выгорѣцкимъ раскольникомъ, который и увлекъ его въ Поморье. Первое имя его было Демидъ, а Иваномъ названъ въ расколѣ, гдѣ его вновь окрестили; тамъ же дали ему прозваніе Круглый. Въ 1738 году, подпавши суду Тайной Канцеляріи, въ допросахъ показалъ, что онъ раскольникъ и жилъ нѣсколько времени въ Выгорѣцкомъ раскольническомъ общежительствѣ. Тайная Канцелярія отправила его въ Св. Синодъ, гдѣ онъ, послѣ увѣщанія, отказался отъ раскола и возсоединенъ съ Православною Церковію. Между Выговцами были начитанные и бойко разсуждающіе раскольники: Круглый тоже былъ не изъ простыхъ, хотя и прикрывался простотою. «Священное и прочее Богодухновенное Писаніе и догматы благочестивыя Христіанскія вѣры и преданій онъ, Иванъ, не знаетъ, и ни чемъ ихъ онъ не опровергаетъ, и никакого въ томъ сомнѣнія не имѣетъ, и книгъ, какъ старопечатныхъ, такъ и новопечатныхъ не знаетъ, и грамотѣ онъ не ученъ. . . . Святѣй Церкви, кромѣ двоеперстнаго сложенія креста, противности онъ не имѣетъ,

и каковая той Святѣй Церкви противность, онъ, Иванъ, не знаетъ».[6] Но каковъ бы онъ ни былъ, все равно; для насъ важны его показанія объ устройствѣ Выговской пустыни и тамошнемъ расколѣ, которыя онъ могъ сдѣлать, какъ и сдѣлалъ, безъ особенной начитанности въ книгахъ, потому что для этого нужны были только глаза, чтобъ видѣть, и языкъ, чтобы разсказать, что видѣлъ.

ВЫГОРѢЦКІЕ МОНАСТЫРИ: МУЖСКОЙ ДАНИЛОВСКІЙ И ЖЕНСКІЙ ЛЕКСКІЙ.

Средоточіе Выгорѣцкаго раскола составляютъ два раскольническихъ монастыря, мужской и женскій, получившіе это названіе отъ того, что въ нихъ живутъ раскольники одного пола и наблюдаютъ общежительство, подобно какъ въ Православныхъ монастыряхъ. Мужской называется Даниловскимъ, по имени одного изъ бывшихъ главныхъ учителей, Данилы Викулина, и находится въ 60 верстахъ отъ Выгозерскаго погоста. Женскій называется Лекскимъ, отъ р. Лексы, и Крестнымъ по молельнѣ, устроенной въ честь Воздвиженія Честнаго Креста.

НАЧАЛЬНИКИ И ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА ДАНИЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Главный учитель и начальникъ монастыря Семенъ Денисовъ; за нимъ Мануйло Петровъ, который временно отъѣзжаетъ въ С.-Петербургъ стряпчимъ, Иванъ Филипповъ и другіе; келарь Маркъ Ивановъ Ламиновъ, уставщикъ, у котораго подъ сохраненіемъ всѣ раскольническія книги, и который въ часовнѣ по книгамъ читаетъ; писарь, нарядникъ; торговые прикащики, которые посылаются за торговыми промыслами; иконописецъ, который пишетъ по старинному образа красками на деревѣ; больничный Василій Лобновъ, Новгородецъ, и при немъ два человѣка, дѣлаютъ мѣдные образа; стольникъ, гостинщикъ, для пріема временно пріѣзжающихъ раскольниковъ; рубашечный казначей, который раздаетъ всѣмъ раскольникамъ платье; прачешный и проч. Въ монастырѣ находится общая молельня или часовня. Старецъ Ѳеодосій, грамотный, бѣглый монахъ, ежедневно отправляетъ по раскольнически вечерню, утреню и часы; онъ же читаетъ и Евангеліе; а когда его не прилучится, то читаетъ главный учитель, Семенъ Денисовъ, и прочіе раскольники, которые

[6] Показанія Круглаго на допросѣ Тайной Канцеляріи.

стоятъ на клиросѣ. Въ часовнѣ множество мѣдныхъ и живописныхъ образовъ и мѣдныхъ литыхъ тройныхъ створовъ, большихъ и малыхъ. На каждомъ изъ нихъ въ срединѣ изображеніе Спасова Образа, а по сторонамъ Богородицы и Іоанна Предтечи, а на обратной сторонѣ осмиконечный крестъ. Къ богослуженію созываютъ звономъ въ колокола, яко бы и при церкви. Когда бываетъ въ часовнѣ пѣніе вечерни, и утрени, и часовъ, тогда по отпустѣ, вмѣсто многолѣтія, вышеупомянутые раскольники, кои поютъ на клиросѣ, поютъ тако: «Утверди, Боже, вѣру Христіянскую; соблюди, Господи, и помилуй отецъ нашихъ духовныхъ, иже о Христѣ съ братіею и вся Христіяны». А при томъ Ея Императорскаго Величества титула, также всей Ея Императорскаго Величества Высочайшей фамиліи и Св. Синода не воспоминаютъ.

Когда прилучится большой господскій праздникъ, тогда келарь къ начатію часовъ приноситъ въ ту часовню пшеничный или ситный хлѣбъ—коровай на простомъ блюдѣ, который обширностію окроетъ все то блюдо, и принесши, поставляетъ на столѣ при мѣстныхъ образахъ, гдѣ онъ и остается во все время пѣнія часовъ; по окончаніи служенія Ѳеодосій выноситъ богородичный хлѣбъ изъ часовни съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ въ столовую келью и разрѣзаетъ на части; и когда всѣ сядутъ, то келарь Маркъ Ивановъ и прочіе прежніе келари разносятъ эти куски, раздавая каждому по одному куску. Когда тѣ куски съѣдятъ, то старецъ ударитъ въ мѣдную, повѣшенную при мѣстѣ его, чашку мѣдною ложкою, нарочно на это сдѣланною, и звонить перестанутъ.

ПРІЕМЪ И ПЕРЕКРЕЩИВАНІЕ.

1. **Мірянъ, вновь вступающихъ въ расколъ.** Когда кто вновь приходитъ въ общежительство, то учители, Семенъ Денисовъ и Данило Викулинъ, спрашиваютъ, какъ онъ изображаетъ на себѣ крестъ, и если пришедшій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, то спрашиваютъ, не помнитъ ли онъ Патріарха Никона, и если кто скажетъ, что помнитъ, того пріемлютъ просто; а кто скажетъ, что не помнитъ Никона, но объявитъ двоеперстное сложеніе, то принимаютъ его, наложивши на него постъ на шесть недѣль, по окончаніи которыхъ старецъ Ѳеодосій исповѣдываетъ его и потомъ перекрещиваетъ, съ нареченіемъ новаго имени. Такъ перекрещены всѣ

почти Выгорѣцкіе раскольники, которые не помнятъ Никона (за исключеніемъ Ладожскихъ скитенъ, какъ увидимъ ниже). Перекрещиваніе же происходитъ такимъ образомъ: поставятъ человѣка въ рѣкѣ (на Выгѣ, или Лексѣ) обнаженнаго и погружаютъ, да нарекутъ вновь имя; а помазанія и молитвъ никакихъ не бываетъ. Перекрещиваніе взрослыхъ, равно какъ и крещеніе младенцевъ, совершаютъ тайно, ночью и притомъ въ урочныя времена, 24 Іюня, на Рождество Іоанна Крестителя, на Преображеніе Господне и Воздвиженіе Честнаго Креста. А о Православномъ крещеніи Семенъ Денисовъ говоритъ, что еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, хотя и въ три погруженія, но паче оскверненіе.

2. Монаховъ. Одинъ изъ Выгорѣцкихъ монаховъ, по имени Іона, постриженникъ Православнаго Бельмашскаго монастыря, показалъ о себѣ, что, по прибытіи его въ Поморье, Даниловскій старецъ, Ѳеодосій, окрестилъ его вновь на р. Лексѣ, ночною порою, на Рождество Предтечи, и имя ему нарекъ Іоаннъ, и потомъ паки положилъ на него монашескій чинъ и благословилъ его жить въ лѣсу въ построенной избѣ. На исповѣди Ѳеодосій наказывалъ ему, чтобъ крестное изображеніе на себѣ полагать двоеперстное и молитву говорить: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», и въ каждую ночь, вмѣсто правила, земныхъ поклоновъ класть по пяти сотъ, и въ каждой недѣлѣ въ понедѣльникъ, среду и пятокъ по однажды, и въ воскресные и въ праздничные дни ходить въ ихъ Даниловскую часовню слушать часовъ, вечерень, утреней и молебновъ.

Не вдалекѣ отъ Выгозерскаго общежительства, меньше четверти версты, находится, при скотномъ дворѣ, другая часовня, съ деревянною вокругъ оградою и деревянными же кельями. Это женскій скитъ. Главная начальница его, старица Елена; прочія жены и дѣвки живутъ по тридцати и больше, а въ иное время и меньше. Моленіе въ часовнѣ они сами отправляютъ и для сбора бьютъ въ доску, потому что колоколовъ при этой часовнѣ не было. Отъ времени до времени ходятъ къ нимъ главный учитель, Денисовъ, для наставленія, а по хозяйственнымъ нуждамъ келарь, Маркъ Ивановъ, да рубашечный казначей. Всѣ раскольницы перекрещены старцемъ Пафнутіемъ, а которыя пришли послѣ его смерти, тѣ Ѳеодосіемъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Выгорѣцкаго общежительства, вверхъ по Выгу, на р. Лексѣ, устроенъ женскій раскольническій

монастырь, въ которомъ начальницей была сестра главнаго расколоучителя, Семена Денисова, Соломонія, а по смерти ея дочь другаго расколоучителя, Данилы Викулина, по имени не названа. По временамъ въ этотъ монастырь пріѣзжаетъ съ коровьяго двора вышеозначенная старица Елена. Часовня въ этомъ монастырѣ превеликая, больше Выгорѣцкой, со множествомъ образовъ и книгъ. Монастырь обнесенъ оградою; кельи и все прочее устроено по образцу мужскаго общежительства. Вечерню, утреню и часы сперва отправляла означенная Соломонія, послѣ нея дочь Данилы Викулина, а по временамъ и вышеозначенная Елена. Сборъ къ служенію производится благовѣстомъ и звономъ въ колокола. Всѣ раскольницы перекрещены.

РАСКОЛЬНИЧЕСКІЕ СКИТЫ ВЫГОВСКОЙ ПУСТЫНИ.

Скитами называются тѣ раскольницкія общины, или станы, въ которыхъ допускается общее житіе для лицъ обоего пола. Скиты эти содержатся пашнею, торгами и разными промыслами.

Невдалекѣ отъ Лекскаго монастыря находится мужской раскольническій скитъ, въ которомъ живетъ человѣкъ съ тридцать, которые въ объявленный женскій скитъ въ лѣтнее время поставляютъ дрова, убираютъ посѣвы, молотятъ и отвозятъ въ тотъ же скитъ, также поставляютъ въ оный всѣ съѣстные припасы. Но эти скитяне находятся въ одномъ питомствѣ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ и своей молельни не имѣютъ.

СКИТЫ ДЛЯ ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА.

Въ десяти верстахъ отъ Выгорѣцкаго общежительства находится Сергіевъ скитъ, съ часовнею и колокольнею, но безъ ограды. Учителемъ въ этой часовнѣ Псковичъ Ипатъ Ефремовъ, да при немъ крилошанкою раскольница, дѣвка Мароа. Скитяне всѣ перекрещены Пафнутіемъ, Ѳеодосіемъ и Варлаамомъ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ Выгорѣцкаго общежительства и двухъ отъ Сергіевскаго скита, по Выгу, часовня съ деревянною оградою, въ которой живутъ временно раскольники, пріѣзжающіе изъ Выгорѣцкаго общежительства для работъ, а особливыхъ раскольниковъ при этой часовнѣ нѣтъ. Настоятелемъ этой часовни Григорій Петровъ Тукачевъ, солдатъ, у котораго подъ карауломъ въ архіерейскомъ домѣ Новгородскаго Митрополита, Іова, семь лѣтъ со-

держался Семенъ Денисовъ, и который увлеченъ былъ этимъ послѣднимъ къ побѣгу въ Выговскую пустынь.

Выше по Выгу, въ шестнадцати верстахъ отъ монастыря, Корельскій боръ, а въ немъ раскольническихъ келій съ десять для раскольниковъ обоего пола; своей часовни при скитѣ нѣтъ.

Въ пятидесяти верстахъ отъ Выгорѣцкаго монастыря находится Ладожскій скитъ раскольниковъ обоего пола, въ которомъ главный раскольническій учитель старецъ Ѳеодосій, монахъ, выходецъ изъ Ладоги, и въ томъ скитѣ иные раскольники живутъ съ женами и дѣтьми. Особенность этого скита состоитъ въ томъ, что въ немъ никого не перекрещиваютъ; но это было предметомъ спора и ссоръ между Ладожскимъ и прочими скитами. Пѣніе отправляетъ въ часовнѣ старецъ Ѳеодосій; онъ же погребаетъ умершихъ, а рожденныхъ младенцевъ и свадебъ не бываетъ.

Внизъ по Выгу Кодозерскій скитъ съ часовнею, въ которой отправляетъ службу, перекрещиваетъ приходящихъ въ расколъ и погребаетъ умершихъ старецъ Варлаамъ; здѣсь также, какъ въ Ладожскомъ, живутъ съ семействами, но всѣ перекрещены.

Кромѣ сихъ скитовъ показаны еще: Желтопорожскій скитъ, съ часовнею св. Пророка Иліи, въ которой отправляетъ службу и погребаетъ умершихъ съ отпѣваніемъ учитель Прокопій Антиповъ. Часовня эта построена уже при Кругломъ, а до него и сначала при немъ, вмѣсто часовни, служила келья стараго раскольника, Ильи Ефремова, въ которой одна половина оставлена была для жилья, а другая отгорожена для церковной службы. Круглаго не впускали въ часовню до тѣхъ поръ, пока онъ не окрестился по ихъ раскольническому суемудрію.

Сулотозерскій скитъ, безъ часовни.

Челожерскій скитъ, съ деревянною часовнею и бильною доскою для призыва въ молельню.

Такозерскій скитъ, съ деревянною часовнею, построенною иждивеніемъ одного С. Петербургскаго жителя.

Волозерскій скитъ, съ часовнею во имя Рождества Христова.

Боровскій, онъ же и Тихвинскій, скитъ, съ часовнею во имя Тихвинской иконы Божіей Матери.

Въ разстояніи одной версты отъ Боровскаго скита часовня во имя Спасово.

Лунбошскій скитъ, близъ Повѣнецкаго пушечнаго завода, съ часовнею.

Пельяцкій скитъ; есть и другіе.

Да близъ Онежскаго озера, въ пяти верстахъ, у озера Лонскаго, живутъ раскольники, именуемые Новожены, келей съ шесть.

Выгорѣцкіе скиты находились въ согласіи и общеніи съ раскольниками другихъ странъ. Главные учители, Денисовъ и Викулинъ, посылали своихъ сподручниковъ въ С. Петербургъ, въ Архангельскъ, на рѣку Мезень, для ученія живущихъ тамъ раскольниковъ. Объ одномъ раскольникѣ, Ѳедорѣ Кутейкинѣ, у котораго былъ родной братъ въ С. Петербургѣ, Круглой показалъ, что «временно Ѳедоръ къ тому своему брату, будто бы для торговаго промыслу, пріѣзжаетъ, и живучи въ С. Петербургѣ потаеннымъ образомъ Правовѣрныхъ къ раскольнической прелести пріобщаетъ, и подговоря, увозитъ въ оные жь раскольническіе скиты». По записямъ Онежской Воеводской Канцеляріи, сдѣланнымъ при положеніи Поморянъ въ двойный подушный окладъ, показано: открытыхъ раскольниковъ мужескаго пола 600 человѣкъ и 17 монаховъ; женскаго пола 437. При слѣдованіи показано мужескаго пола 415, женскаго 390, да причисленныхъ къ Петровскимъ заводамъ, но не положенныхъ въ двойной окладъ, мужескаго пола 146, женскаго 81. Потаенные раскольники не входятъ въ этотъ счетъ.

Въ каждый двунадесятый праздникъ всѣ Выговскіе пустынножители и весьма многіе потаенные раскольники Выгозерскаго погоста собираются въ означенное общежительство для моленія и исповѣди, а женскій полъ въ скитъ на рѣкѣ Лексѣ, особливо въ день Воздвиженія Креста, сходятся въ этотъ скитъ изъ Шуйскаго и Толвавскаго погостовъ, какъ записные, такъ и незаписные, раскольники. Неперекрещенные раскольники, которые молятся двоеперстнымъ сложеніемъ, когда пріѣзжаютъ въ общежительство, то молятся въ кельѣ, которую отведутъ имъ главные раскольники, а въ часовню ихъ не впускаютъ; женскій полъ отсылаютъ на скотный дворъ къ старицѣ Еленѣ, а въ общежительство не впускаютъ. Съ таковыми приходящими людьми, если они не перекрещены, запрещено вмѣстѣ пить и ѣсть, но собираютъ имъ столъ особо, и если Правовѣрный изъ ихъ судна будетъ ѣсть, или пить, то они то судно бросятъ, а изъ котораго они ѣдятъ, изъ того судна Правовѣрнымъ ѣсть не дадутъ.

Если у кого изъ приходящихъ въ общежительство останутся отецъ, мать, или родственники, то тѣ раскольническіе учители, Семенъ Денисовъ съ товарищами, учатъ молиться за нихъ Богу: «Приведи, Господи, въ Православную вѣру и святое крещеніе»; а которые умрутъ не перекрестившись, таковыхъ поминать не велятъ.

Въ праздничные дни каждаго скита главные расколоучители отправляются туда для совершенія часовенной службы и во время оной говорятъ проповѣди. Круглый въ показаніи упоминаетъ о словѣ на день св. Пророка Иліи, читанномъ Семеномъ Денисовымъ на Ильинъ день въ Желтопорожскомъ скитѣ.

Такъ какъ, по ученію Выгорѣцкихъ раскольниковъ, нѣтъ истиннаго брака, то 1) дѣвокъ, своихъ дочерей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, раскольники отводятъ въ крестный скитъ; [7] 2) вступившихъ въ бракъ отлучаютъ отъ общенія; но 3) въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другаго принимаютъ съ приношеніемъ покаянія, что онъ ко святой Церкви сообщеніе учинилъ по принужденію. Круглый показываетъ, что когда умерла вторая его жена (на которой онъ женился уже по выходѣ изъ общежительства), и онъ, пришедъ въ общежительство, сказалъ объ этомъ главнымъ учителямъ, то они говорили ему, Круглому, чтобы онъ болѣе не женился. Когда Круглый обѣщалъ это и остался у нихъ жить, то они приказали ему шесть недѣль стоять у дверей часовни и кланяться всѣмъ приходящимъ и выходящимъ; во время обѣда раскольниковъ во всѣ дни недѣли, исключая субботу и воскресенье, молиться въ землю, а въ субботу и воскресенье въ поясъ, что онъ и исполнилъ.

---

[7] Круглый имѣлъ порученіе высватать дочь потаеннаго раскольника, крестьянина деревни Масляки, Онуфрія Евстафіева, за поповскаго сына Выгозерскаго погоста. И оной Онуфрій ему, Круглому, говоритъ: «Вѣдь онъ, Круглой, вѣдаетъ ихъ порядокъ и все знаетъ въ тонкость. Ему за поповича отдать свою дочь, такъ ни ему, ни женѣ, ни дѣтямъ его въ домъ къ оному попу ѣздить невозможно; понеже онъ, Онуфрій, крестьянинъ и къ попу въ домъ ходить не принадлежитъ. Хотя, де, вѣкъ его дочь дѣвкою просидитъ, только въ нынѣшнее время не отдастъ, понеже въ нынѣшніе годы отдать невозможно; что, де, нынѣ истиннаго брака нѣтъ. А нынѣ, де, большую дочь свезъ въ Выгорѣцкое общежительство и отдалъ главнымъ раскольническимъ учителямъ для житья въ Лекское общежительство, и тое, де, дочь уже съ рукъ сбылъ, и тое, де, дочь крестилъ помянутый старецъ Ѳеодосій; да и младшую дочь хочетъ туда жь отдать».

Укрывательство потаенныхъ раскольниковъ, которыхъ было не мало въ Поморскихъ скитахъ, давало возможность скрыть преступленія отъ суда церковной и гражданской власти, потому что какой взыскъ можетъ быть съ бѣглаго человѣка, который сего дня укрывается здѣсь, а завтра, если ему угрожаетъ опасность, можетъ уйти въ другое мѣсто безъ всякой задержки?

По донесенію Круглаго, для изслѣдованія Выгорѣцкаго раскола и пресѣченія его дальнѣйшихъ успѣховъ, учреждена была особая Коммиссія изъ Герольдмейстерской Конторы Ассессора, Осипа Тимоѳѣева Квашнина-Самарина, по назначенію Сената, и съ духовной стороны Кирилловскаго Архимандрита Вавилы и священника С. Петербургской Симеоновской церкви, Іоанна Григорьева. Коммиссіи поручено было отправиться въ самые раскольническіе скиты и по прибытіи, руководясь указаніями Круглаго, освидѣтельствовать раскольниковъ: 1) Кто чей, когда и откуда, и въ которые скиты пришелъ, и кѣмъ принятъ, и почему въ скитѣ называютъ себя пустынножителями, и всѣ ль они записные раскольники и раскольницы, и въ окладѣ положены ль, и всѣ ли въ таковомъ отмѣнномъ отъ сыновъ Церкви святыя платьѣ ходятъ, какое имъ носить указано? 2) Кои окажутся записными и въ окладъ положены, о тѣхъ возымѣть надлежащую справку, гдѣ они и когда именно въ расколъ записаны и въ окладѣ положены, и исправно ли платятъ окладъ? 3) Кои въ тѣхъ скитахъ явятся хотя записные въ расколъ и положенные въ окладъ, да не съ давняго времени, оныхъ съ прилежностію накрѣпко испытать, отъ кого они и когда къ раскольническому заблужденію склонены, и на кого покажутъ, оныхъ достовѣрно изслѣдывать, и для учиненія съ ними по указамъ, отсылать ихъ въ гражданское правительство. 4) Изслѣдывать потаенныхъ раскольниковъ въ скитахъ и смежныхъ погостахъ и если скажутся, разузнавать, когда и кѣмъ увлечены въ расколъ; всѣ ли взрослые значутся въ исповѣдныхъ книгахъ, и точно ли исповѣдались, и всѣ ли младенцы крещены? Отъ Тайной Канцеляріи были свои порученія.

13 Марта 1739 г. Коммиссія прибыла въ Олонецъ, а оттуда въ Шунскій погостъ, который найденъ удобнѣйшимъ для производства слѣдствія и розысковъ. Марта 28 Коммиссія вступила въ слѣдствіе, взявши къ допросу 29 человѣкъ, въ томъ числѣ главныхъ расколоучителей, Семена Денисова, Ивана Филиппова и Мануила Петрова; но многихъ другихъ не нашли по сыску, потому что раскол-

ники какъ общежительнаго, такъ и другихъ скитовъ, оставивши свои жилища, разбѣжались. Круглый сначала, по требованію Коммиссіи, дѣлалъ надлежащія показанія. 6 Апрѣля бывъ призванъ къ уликѣ на нѣкоторыхъ раскольниковъ, изъ числа тѣхъ, кои взяты по его показанію, вдругъ объявилъ, что онъ сдѣлалъ ложныя показанія и впредь доказывать ничего не будетъ, въ чемъ далъ и сказку. Коммиссія отправила его въ С. Петербургъ. Св. Синодъ не принялъ его отказа въ уваженіе: «ибо то его показаніе не по какимъ либо догадкамъ, но большею частію съименованіемъ мѣстъ и съ показаніемъ лицъ, именъ, прозваній и прочаго, что вымыслить неудобно было и что во многихъ случаяхъ оправдалось слѣдствіемъ и собственнымъ признаніемъ тѣхъ, на кого онъ сдѣлалъ показаніе». Круглаго отправили въ Тайную Канцелярію, а Коммиссіи подтверждено было безъ него производить слѣдствіе «по данной инструкціи съ вѣрноприлѣжнѣйшимъ тщаніемъ; бѣжавшихъ, какъ изъ общежительнаго, такъ и изъ другихъ скитовъ къ слѣдствопроизвожденію поставкою взыскивать на содержателяхъ тѣхъ скитовъ безъ всякаго послабленія, не ограничиваясь собственными показаніями раскольниковъ, но собирая показанія стороннихъ лицъ, достойныхъ вѣроятія; тѣхъ, которые при слѣдствіи объявятъ, что они не раскольники, для лучшаго увѣренія исповѣдывать и пріобщать св. Таинъ съ прилѣжнымъ наблюденіемъ, въ какихъ расположеніяхъ они будутъ исполнять это». [8] Но еще до полученія сего указа до свѣдѣнія Коммиссіи дошло, что въ деревнѣ Вернаволокѣ, Шунскаго погоста, въ ночи 12-го мая, самопроизвольно сожглись въ Ригѣ двадцать два человѣка мужескаго пола, о чемъ родственники ихъ объявили, что они учинили то сожженіе, боясь, дабы у нихъ не отняли креста двуперстнаго сложенія. Другіе раскольники объявили, что ежели ихъ съ дѣтьми будутъ искать и приводить къ допросу въ Коммиссію о двоеперстномъ сложеніи, то можетъ между ними учиниться тако жь, какъ учинили показанные крестьяне Ткавинскаго монастыря. Вскорѣ послѣ этого, въ октябрѣ 1739 г., сожглись еще четыре изувѣра въ Шунскомъ погостѣ, въ лѣсной избѣ, по восточную сторону Вирозера: одинъ изъ нихъ, записной раскольникъ, а прочіе три потаенные изъ прихожанъ Шунскаго погоста. Между тѣмъ въ Тайной Кан-

---

[8] Указъ Св. Синода 14-го мая, 1739 г.

целяріи производилось слѣдствіе о Кругломъ. Но такъ какъ онъ стоялъ на одномъ, что его показанія сдѣланы напрасно, то, за неимѣніемъ другихъ уликъ на оговоренныхъ имъ раскольниковъ, положено было освободить ихъ на добрыя поруки. Коммиссія еще нѣсколько времени продолжала свои изслѣдованія, но расколъ, ободренный благопріятнымъ окончаніемъ дѣла въ Тайной Канцеляріи, сдѣлался еще упорнѣе.

Соревнователь **И. ЧИСТОВИЧЪ.**

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

КЪ ИСТОРІИ

МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Все, что извѣстно объ исторіи рукописей «*Мстиславова Евангелія*» раскрывается до сихъ поръ исключительно только двумя приписками: позднѣйшей, въ началѣ текста, и древнѣйшей въ концѣ, его. Первая приписка 1551 года, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не напечатана, и едва ли не одинъ Кеппенъ упомянулъ о ней до сего времени въ своемъ «Спискѣ Русскимъ памятникамъ,» [1] а вторая, современная написанію Евангелія, приписка послѣсловія, помѣщена Митрополитомъ Евгеніемъ въ прибавленіяхъ къ его примѣчаніямъ на Мстиславову грамоту [2], конецъ ея перепечатанъ оттуда Забѣлинымъ въ «Историческомъ обозрѣніи финифтянаго и ценинпаго дѣла въ Россіи.» Исчисляя въ своихъ примѣчаніяхъ древнѣйшіе памятники отечественной письменности, по времени ихъ написанія, и руководствуясь въ этомъ случаѣ, относительно Мстиславова Евангелія, исключительно его послѣсловіемъ, Митрополитъ Евгеній замѣтилъ, что Евангеліе «писано нѣкіимъ Алексою для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича до 1125». [3] Ученые, касавшіеся исторіи

---

1 Стр. 94.

2 Труды Общ. ист. и древн. Рос. Москва 1826, часть III, кн. I, стр. 59

3 Тамъ же, стр. 5.

памятника послѣ Евгенія, пошли далѣе: они прямо пріурочили ему 1125 годъ, какъ годъ написанія рукописи. Первый примѣръ тому подалъ, по видимому, тотъ же Кеппенъ. Говоря въ одномъ мѣстѣ своего «Списка Русскимъ памятникамъ» о текстѣ Мстиславова Евангелія, онъ называетъ его, въ слѣдъ за Евгеніемъ, писаннымъ до 1125 года; въ другомъ же мѣстѣ, говоря о припискахъ въ началѣ текста, называетъ Евангеліе *писаннымъ въ 1125 году*. [4] Въ видахъ ли сокращенія случилось это, или по чему другому, но примѣръ подѣйствовалъ соблазнительно на послѣдующихъ. Снегиревъ и Забѣлинъ выставили окончательно тотъ же годъ, говоря объ окладѣ этого Евангелія. [5] Въ настоящее время одинъ изъ старѣйшихъ по времени памятниковъ Церковно-Славянской письменности живетъ съ неточнымъ годомъ во всѣхъ учебникахъ Русской словесности.

Извѣстно, что въ послѣсловіи Мстиславова Евангелія нѣтъ времени обозначенія года написанія рукописи, хотя въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» и сказано, что «*оно* (Евангеліе), *какъ значится въ послѣсловіи*, [6] *писано въ 1125 году*»; но въ послѣсловіи ничего подобнаго не значится. Догадка Митрополита Евгенія основана исключительно на названіи Мстислава Новгородскимъ Княземъ. Но съ одной стороны, Мстиславъ еще въ 1117 году оставилъ Новгородъ сыну своему, Всеволоду, а самъ перешелъ въ Бѣлгородъ, гдѣ и княжилъ до вступленія на Кіевскій столъ въ 1125 году, съ другой стороны, въ томъ же послѣсловіи Мстиславъ называется Царемъ, наконецъ приписчикъ Наславъ говоритъ о себѣ тутъ же, что онъ, будучи отправленъ Княземъ съ Евангеліемъ въ Царьградъ, возвратился оттуда не въ Новгородъ, а въ Кіевъ. Изъ всего этого, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ, что при опредѣленіи года написанія рукописи не возможно основываться исключительно на одномъ названіи Мстислава Княземъ Новгородскимъ, что надо было тутъ искать какого либо другого подтвержденія. Въ самомъ дѣлѣ, внимательное изученіе послѣсловія предлагаетъ намъ подтвержденіе того, что Евангеліе

---

[4] Стр. 94.

[5] Древн. Рос. Госуд., отд. I, стр. 112. — «Историч. обозрѣн. финифт. и ценин. дѣла въ Россіи.» С.-Петерб. 1853, стр. 57.

[6] Слова Снегирева. Отдѣлъ I, стр. 112.

писано именно въ бытность Мстислава Княземъ Новгородскимъ, но только двадцатью годами ранѣе того времени, которое вообще приписывается этому памятнику.

Выпишемъ сполна все послѣсловіе.

Гн҃ бе҃ оц҃ь нашихъ, авраамовъ, исаковъ, иаковлѧ и сѣмене ихъ праведьнааго, съподобивъıи мѧ грѣшьнааго раба своѥго алексоу напиcати сиѥ еуангелиѥ бл҃говѣрьноуоумоу и хрьстолюбивоѡмоу и бг҃мь ꙋьстимоѡмоу кнѧзю ѳеѡдороу, а мирьскъı мьстиславоу, вънoукоу соущю въсеволожю, а сн҃оу володимирю, кнѧзю новъгородьскоуоумоу, иже съвьрши сиѥ еу҃аѥ на бл҃виниѥ пр҃стѣи, ꙋс҃тѣи бл҃ѹци нашеи бі҃и. даи же ѥмоу гь҃ бъ҃ млсть свою и наслѣдиѥ цр҃ства нб҃сьнааго и дълголѣтно кнѧжениѥ и съ всѣми своими. аминь.

Въı же, бра҃ѥ, поꙋитающе въ сиѥ еу҃аѥ, аще кде криво налѣзете, то исправивъше, ꙋьтѣте же, а не кльнѣте. азъ бо грѣшьнъıи рабъ алекса напнсахъ сиѥ еу҃аѥ, сн҃ъ лазоревъ, прозвутера.

ѿ гн҃, спс҃и кнѧза нашего ѳеѡдора мъного лѣ҃, а мирьскъı мьстислава: — жадѣнъ пьсалъ: —

Азъ рабъ бж҃ии недостоинъıи, хоудъıи, грѣшьнъıи, съпьсахъ памяти дѣла цр҃ж нашемоу и лядемъ о съконьꙋаньи еу҃а, ѥже бяшеть казалъ мьстиславъ кънязь хоудомоу наслакоу. и возивъ цр҃югородоу и оуꙋинихъ химипетъ. бж҃иѥю же волею възвратихъся изъ цр҃ягорода и съправихъ вьсе злато и сребро и драгъıи камень, пришедъ кыѥвоу, и съконьꙋася вьсе дѣло мц҃а авгоуста въ. к҃. цѣноу же евангелиꙗ сего ѥдинъ бъ҃ вѣдаѥ. азъ же хоудъıи наславъ много троуда подъꙗхъ и пеꙋали, нъ бъ҃ оутѣши мя добраaго кънязя мл҃твою. и тако даи бъ҃ вьсѣмъ людемъ оугодниꙗ ѥмоу творити, слъıшащемъ ѥго цр҃ствиѥ, пребъıвающе въ радости и въ веселии и въ любъви. и даи бъ҃ ѥго мл҃твоу вьсѣмъ хрьстиꙗномъ и мънѣ хоудомоу наславоу, правящи ѥго ороудиꙗ въ правьдоу, и обрѣсти ꙋесть и милость ѿ бг҃а и ѿ своѥго цр҃я и ѿ братиѥ, вѣроующе въ ст҃оу тр҃цю оц҃а и сн҃а и ст҃аго дх҃а, нъıнѣ и присно и въ вѣкъı вѣкомъ аминь:~

По содержанію и по двумъ личностямъ, которыя упоминаютъ о себѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ послѣсловія, оно, по видимому, имѣетъ быть раздѣлено на двѣ части. Въ одной, въ началѣ, говоритъ о себѣ лицо, писавшее Евангеліе; въ другой, въ концѣ, лицо, приписавшее объ украшеніи его. Сынъ пресвитера, Алекса Лазоревъ, котораго **бъ съподоби написати еуангелие** для Новгородскаго Князя Мстислава Владимировича, кончаетъ рѣчь свою молитвою о здравіи Князя.[7] Въ слѣдъ за Жадѣномъ говоритъ Наславъ, который записалъ, на память царю и людямъ, **съпьсахъ памяти дѣла**, объ отправленіи его Мстиславомъ, вмѣстѣ съ Евангеліемъ, въ Царьградъ. Въ первой части рѣчь идетъ только о Новгородѣ, о Князѣ; во второй уже о Царѣ, о Кіевѣ. На сколько вторая часть послѣсловія важна для археологіи памятника, на столько первая важна для его исторіи. Предоставляя филологамъ право заняться подробнымъ разборомъ всего послѣсловія, мы, съ своей стороны, обратимъ вниманіе читателей только на цѣль, которую имѣлъ въ виду Князь Мстиславъ при написаніи этого Евангелія: **иже съвьрши сие суаие на славние прѣстни, устви влуци нашей бци.** Мѣсто это о первоначальномъ назначеніи Евангелія, не совсѣмъ ясное съ перваго взгляда, какъ нельзя лучше объясняется позднѣйшею припискою на первыхъ страницахъ Евангелія. Послѣдняя, какъ извѣстно, не обратила еще на себя вниманія ученыхъ изслѣдователей Евангелія. Въ этомъ описаніи намъ показалось равно страннымъ какъ то, что упомянувшій объ ней впервые, Кеппенъ, не коснулся вовсе великолѣпнаго оклада, о которомъ говорится въ припискѣ и который долженъ былъ занять почетное мѣсто въ «*Спискѣ Русскимъ памятникамъ, служащимъ для составленія исторіи художествъ*», такъ и то, что описывавшіе собственно окладъ Евангелія, вовсе не упомянули о припискѣ, поясняющей исторію его украшеній.

---

[7] Въ такомъ случаѣ надо полагать, что **мирьскы** назывался онъ **жадѣнъ**, какъ Князь его Өеодоръ *Мстиславомъ*. Или же эта приписка сдѣлана другимъ лицомъ, того же времени, какимъ-то *Жадѣномъ*, который послѣ Алексы тоже приписалъ отъ себя много лѣтъ своему, какъ видно, любимому Князю. Какъ бы то ни было, только Жадѣнова приписка, состоящая изъ трехъ строкъ, написана вся вплошъ золотомъ и почеркомъ, нѣсколько меньшимъ приписки Алексиной. *О. Б.*

Приписка на одной изъ бѣлыхъ страницъ предъ началомъ Мстиславова Евангелія слѣдующаго содержанія:

По мл҃тн бж҃їи и пр҃тои бц҃и ѡбновлено бы҃ ст҃ое еѵ҃аліе в великô новѣградѣ ѵт҃наго храма пр҃тые бц҃и ѵт҃наго еа и славнаго бл҃говѣщенїа на городнще, къ лѣ҃ ҂з҃. н҃ѳ, іюла, повелѣнїемъ бл҃гоѵт҃иваго цр҃а и г҃дра великô кн҃ѕа ивана васнльевнча всеа роусі, при паствѣ гд҃на пр҃есщ҃еннаго серапїона, архїеп҃кпа великаго новаграда и пскова.

Извѣстно, что *обновленіе* Евангелія состояло, собственно, въ обновленіи оклада, прибавленіи нѣкоторыхъ новыхъ, украшающихъ его до сего времени, финифтей, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же особую важность для насъ имѣетъ извѣстіе о томъ, что Евангеліе въ половинѣ XVI вѣка принадлежало Новгородской церкви Благовѣщенія на Городищѣ. Съ перваго взгляда представляется страннымъ, какимъ образомъ Евангеліе съ драгоцѣннѣйшимъ окладомъ попало въ церковь, по видимому, никогда не отличавшуюся ни богатствомъ своимъ, ни особымъ значеніемъ; но это легко объясняется, если припомнимъ, что она сооружена самимъ Мстиславомъ въ бытность его Княземъ Новгородскимъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что именно для этой церкви, въ то время, какъ она была сооружена, написано, по порученію Мстислава, и Евангеліе, имъ украшено и вложено по душѣ въ вѣчный поминъ. Такимъ образомъ становятся ясными слова: **иже съвьрши сие еѵ҃аліе на бл҃вние пр҃ѣстѣи, ѵс҃тѣи вл҃ѵци нашеи бц҃и,** и раскрывается путь, какимъ Евангеліе попало въ эту церковь въ XVI столѣтіи. Въ это время церковь Городищенская теряла окончательно свое значеніе, и для нея наставалъ тотъ періодъ запустѣнія, въ которомъ являются почти всѣ древнѣйшія Новгородскія церкви, вышедшія изъ черты древняго города. Она и теперь стоитъ на знаменитомъ Новгородскомъ урочищѣ, Городищѣ. Со времени первоначальнаго сооруженія ея, она, конечно, много потерпѣла отъ разрушенія и передѣлокъ, но до сихъ поръ еще въ ней уцѣлѣли замѣчательные остатки стѣнописи, именно узкихъ оконныхъ отверстій съ древними рамами и древнія иконы. Въ лѣтописяхъ Новгородскихъ сохранилось нѣсколько свѣдѣній объ этой церкви; важнѣйшее для нашего вопроса, конечно, о времени ея сооруженія. Большая часть лѣтописей относитъ его къ 1103 году.

«Въ лѣто 6611 (1103) заложи Мстиславъ Володимировичь Новгородскій Мономахъ церковь каменную Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ великомъ Новѣградѣ на Городищи». [8]

Только Софійская лѣтопись отдѣляетъ это событіе къ 1101 году; [9] но это не составляетъ значительной разницы и не удивитъ того, кто привыкъ къ подобнымъ явленіямъ въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ зачастую годъ основанія церкви мѣшается съ годомъ ея окончательнаго сооруженія и проч. Такъ о возобновленіи той же церкви въ XIV столѣтіи въ одной Новгородской лѣтописи читаемъ подъ 1342 годомъ: [10] «Заложи владыка Василій церковь святое Благовѣщеніе на Городищи, порушенную повелѣніемъ Великаго Князя Симеона Ивановича, въ Петрово говѣнье, въ понедѣльникъ, мѣсяца Мая съ 27, на святаго Климента, творца кануномъ»; и далѣе, подъ 1343.... «Того же лѣта, Августа въ 8, на память Св. Отца Емельяна, кончана бысть церковь каменая на Городищи святое Благовѣщеніе Архіепископомъ Новгородскимъ Василіемъ, а священа бысть того же мѣсяца въ 24, на память святаго мученика Евтихія, а дай же, Господи, ему здѣ много лѣтъ жити, въ семъ вѣцѣ и въ ономъ. Господи, постави одесную себѣ, иже много трудился о церкви твоей.» Такъ заключаетъ извѣстіе, вѣроятно, современный лѣтописецъ. Но въ другой лѣтописи [11] тѣ же извѣстія отнесены къ 1345 году и къ 1346: «Того же лѣта поставлена бысть церковь каменная въ великомъ Новѣградѣ, на Городищи, Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, порушенная повелѣніемъ Великаго Князя Симеона Ивановича Московскаго, мѣсяца Августа въ 8 день, а освящена бысть того же мѣсяца въ 24 день, на другое лѣто, Архіепископомъ Василіемъ.»

Послѣднее свѣдѣніе въ Новгородской лѣтописи [12] объ этой церкви относится къ передѣлкѣ крыши:

---

[8] Новгород. III лѣт., П. С. III, 213. Новгор. II, П. С. III, 122. Новгород. I, П. С. III, 3.

[9] Софійск. I лѣт., П. С. V, 154.

[10] Новгород. I, П. С III. Въ Софійск., не упоминая о закладкѣ, сообщено *о поставленіи* церкви въ 1343 году. П. С. V, 224.

[11] Новгород. III, П. С. III, 225. Въ другихъ лѣтоп. П. С. III, 82, 131.

[12] Новгород. II, П. С. III, 150.

7050 (1542) мѣсяца Іюня въ 8 день, на память святаго великаго мученика Прокопія, покрывали церковь, святое Благовѣщеніе, новымъ тесомъ, и истоки новыи, повелѣніемъ Великаго Князя Ивана Васильевича.»

Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, вся исторія любопытной церкви, которой мы обязаны происхожденіемъ одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ письменности, украшеннаго замѣчательнѣйшимъ окладомъ.

Мстиславово Евангеліе, какъ видно изъ послѣсловія и изъ приписки въ началѣ, будучи совершено для церкви Благовѣщенія и возобновлено, какъ принадлежность той же церкви, хранилось въ ней непрерывно въ продолженіи четырехъ съ половиною столѣтій. Дальнѣйшая исторія этой рукописи, по документамъ не значится. Извѣстно только то, что въ настоящее время она хранится въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, и мы можемъ предположить, что изъ Новгорода она привезена сюда въ одно время съ Остромировымъ Евангеліемъ и другими замѣчательными Новгородскими памятниками отечественной письменности. Принесемъ въ заключеніе благодарность Московскаго Архангельскаго Собора ключарю, Алексѣю Гаврилову, за то, что онъ первый сообщилъ о существованіе этого драгоцѣннаго Евангелія Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ.

Надѣемся, что составители новыхъ учебниковъ Исторіи Русской словесности не выставятъ при Мстиславовомъ Евангеліи 1125 года, какъ вовсе ему не принадлежащаго. По нашему мнѣнію, правильнѣе уже назвать его писаннымъ въ 1103 году. [15]

Георгій Филимоновъ.

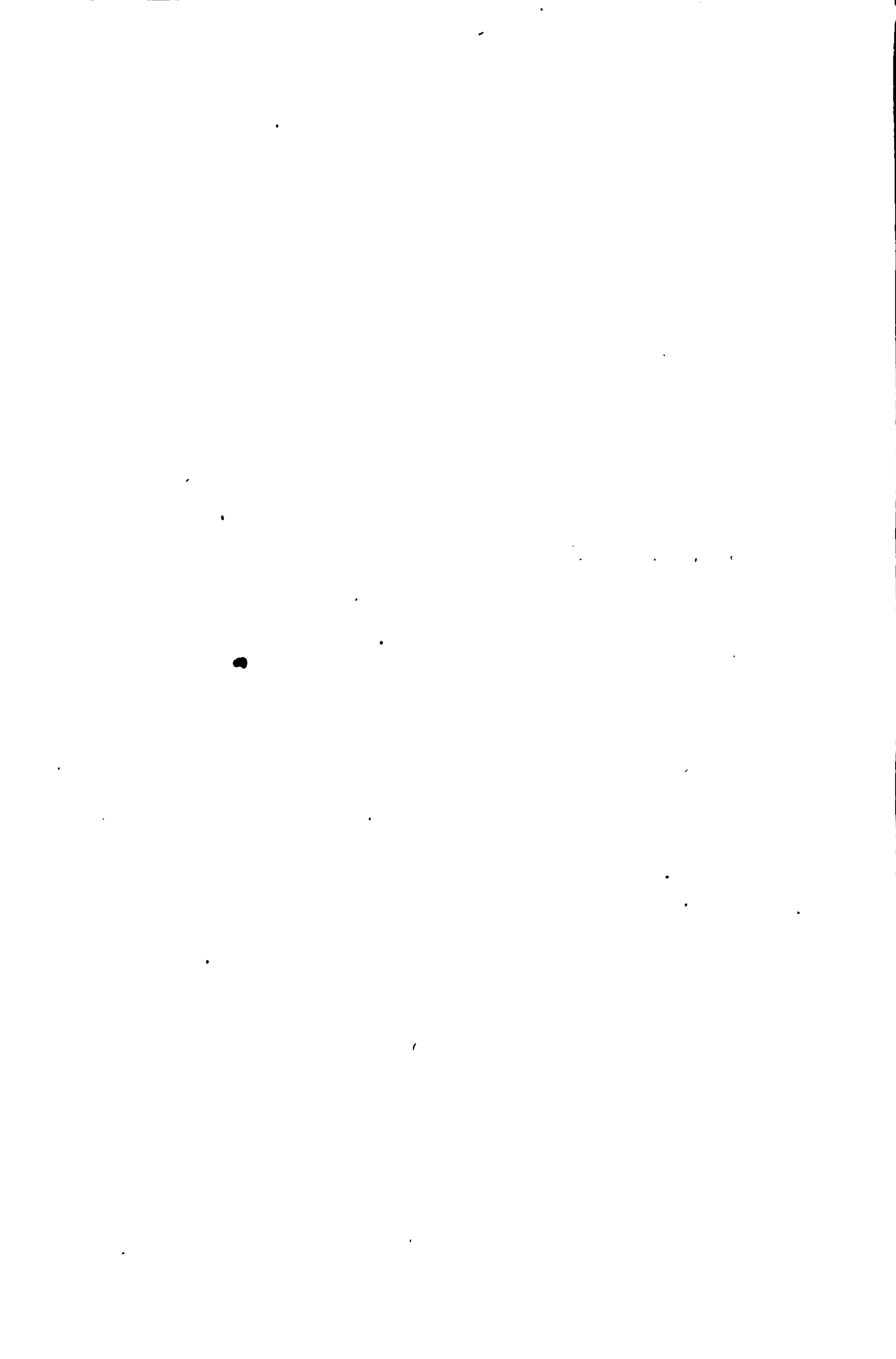
[15] Въ которомъ Мстиславъ, по свидѣтельству Новгородской же лѣтописи, какъ видѣли выше, «заложи церковь каменную Благовѣщенія на Городищѣ» и съвьрши для нея же сиѥ еуаѥ на бл҃вниѥ, т. е., на благословеніе, и какъ благословеніе, постарался о съконьчаньи его въ Царѣгородѣ и Кіевѣ, съправивъ златомъ и сребромъ и драгимъ каменіемъ. Послѣднее должно относиться уже ко времени княженія Мстиславова въ Кіевѣ, почему Наславъ и назвалъ его, какъ Великаго Князя, дважды Царемъ (подобно какъ и Владиміра Великаго и другихъ современники ихъ и потомки также иногда величали Самодержцами и Царями), не забывшаго и на Великокняжескомъ столѣ своей

церкви на Городищѣ и объ украшеніи Евангелія, написаннаго, по его настоянію, **на блвние прѣстти, устви блгци нашей бци**. Конечно, по такомъ **съконьчаньи** Мстиславъ отослалъ свое благословеніе обратно въ свою Новгородскую церковь, гдѣ оно и хранилось до 1551 г., когда «обновлено бысть въ іюлѣ.» Къ этому-то времени теперешній окладъ его слѣдуетъ большею частью отнести, хотя въ него вошло довольно и изъ первоначальнаго, Мстиславова, **съконьчаньи**. Надобно еще замѣтить, что приписка Наславова, сдѣланная имъ, конечно, по возвращеніи съ благословеннымъ Евангеліемъ, **памяти дѣла**, указываетъ на почеркъ другой руки, менѣе твердой, трепещущей, да и чернила нѣсколько отличнѣе отъ чернилъ приписки Алексиной и его письма въ цѣломъ Евангеліи. Все это должно быть такъ, разумѣется, если только справедливо то предположеніе, что Евангеліе это написано именно для церкви Новгородской на Городищѣ. Ясно, что сочинитель этой статьи догадку свою основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что выраженіе въ послѣсловіи Евангелія **на блвние прѣстти устви блгци нашей бци** есть одно и то же съ выраженіемъ приписки: **устнаго храма прѣстыѥ бци устнаго еѧ и славнаго блговѣщенія на городище**; стало быть, *словотитла* въ первомъ написана ошибкой Алексою Лазоревымъ вмѣсто простой *титлы*. Допустивъ это, надобно будетъ допустить также и то, что прозванье *на городище* само собой подразумѣвается тутъ, хотя образъ написанія **блвние** вм. **блговѣщеніе** довольно страненъ и никогда еще мнѣ не встрѣчался въ древнихъ памятникахъ; равно странно и управленіе отъ него зависящихъ словъ. Какъ бы то ни было, для Городищинской ли церкви въ Новѣгородѣ, или другой какой **съвьрши мьстиславъ сиѥ еуаѥ**, но то очевидно, что ни изъ одного послѣсловія къ нему не имѣемъ полнаго права пріурочивать написаніе его къ году перехода Мстиславова на столъ Кіевскій; напротивъ, это должно было произойти, **сущю ѥмоу кнѧзю новгородьскоумоу**. Ко времени же княженія его въ Кіевѣ относится лишь его **съконьчаньѥ**, т. е., украшеніе **златомь и сребромь и драгыимь каменьѥмь**, на что намекаетъ какъ величаніе Мстислава въ двухъ мѣстахъ Наславова послѣсловія **цѣсемь** при словѣ **кънѧзь**, такъ и прямое указаніе на мѣсто и время **съконьчаніѧ вьсего дѣла: пришедъ кыѥвоу, и съконьчаса вьсе дѣло мцѧ авгоуста въ .ѳ.**

О. Б.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе князя Михаила Михайловича Щербатова, извѣстнаго автора Россійской Исторіи (въ 15 томахъ, съ 1770 по 1792 г.) и множества другихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: Статистика въ разсужденіи Россіи, найдено мною въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго князя, принадлежащихъ нынѣ одной изъ внукъ его, княжнѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой, и сообщенныхъ, по ея благосклонности, мнѣ на разсмотрѣніе. Оригиналъ этого сочиненія, писанный, до страницы 63-й, чужою рукою, но исправленный рукою автора, съ слѣдующей за тѣмъ страницы до конца писанъ рукою самаго автора. Отъ вліянія сырости и даже воды, эта рукопись сдѣлалась такъ ветха, что во многихъ мѣстахъ листы ломались на части, при неосторожномъ къ нимъ прикосновеніи, и мнѣ съ трудомъ удавалось разбирать написанное. Раздѣляя господствующее нынѣ, къ счастію, убѣжденіе въ важной пользѣ сохраненія всѣхъ памятниковъ умственнаго труда нашихъ предковъ, а тѣмъ болѣе труда людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, я предпринялъ снять копію съ этой рукописи, которой не долго уже сопротивляться губительному дѣйствію времени, и которая прибавляетъ новую черту

въ исторіи наукъ въ нашемъ отечествѣ. Какъ ни слабъ, можетъ быть, съ точки зрѣнія нашего времени, очеркъ статистическихъ элементовъ Россіи, который предпринималъ сдѣлать кн. Щербатовъ, но самая попытка написать Статистику Россіи, по времени появленія ея, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ изъ самаго сочиненія видно, что оно писано было княземъ Щербатовымъ въ 1776—77 годахъ. Кромѣ того, не касаясь нѣкоторыхъ взглядовъ автора на тотъ, или другой, предметъ, мы должны сказать, что настоящее сочиненіе князя Щербатова, по положенію, которое занималъ онъ въ тогдашнемъ обществѣ и государственной службѣ, помогаетъ проясненію нѣкоторыхъ чертъ его времени.

Сочиненіе, къ сожалѣнію, не кончено.

Мих. Заблоцкій.

19 Февраля, 1855.
Москва.

СТАТИСТИКА

ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ РОССІИ.

Прежде нежели приступлю говорить о положеніи Россіи, въ разсужденіи окружающихъ ея областей и въ разсужденіи общей ея связи съ другими Европейскими державами, надлежитъ разсмотрѣть собственное ея положеніе: 1) пространство; 2) границы; 3) плодородіе: 4) многонародіе; 5) вѣру; 6) правленіе; 7) силу; 8) доходы; 9) торговлю; 10) мануфактуры; 11) характеръ народный; 12) расположеніе къ ней разныхъ народовъ, Азіятскихъ и Европейскихъ, какъ прилегающихъ, такъ и отдаленныхъ.

I. Пространство. 1) Взглянувъ на карту, каждый можетъ увидѣть, что Россія простирается отъ 49 градуса до 210 долготы, широты же имѣетъ отъ 78 до 50; слѣдственно имѣетъ, долготы 6552 версты, считая отъ Смоленска до Камчатки прямою линіею, широты же 2912.

II. Отъ сѣвера граничитъ она съ Сѣвернымъ океаномъ, Норвегіею и Швеціею; отъ запада съ Курляндіею, Польшею, Турецкими областями и народами, живущими въ Кавказскихъ горахъ; отъ полудня со степями, отдѣляющими ее отъ Хивинскихъ народовъ и Китайскія Имперіи; отъ востока съ Тихимъ моремъ.

Границы ея укрѣплены, со стороны сѣвера, по причинѣ опасности, дабы Сѣверныхъ державъ флотъ не могъ учинить нападенія на городъ Архангельскъ, крѣпостію, построенною близь устья рѣки Двины, называемою Новодвинскою, которая, по близъ прилежащему къ ней узкому форватеру, возбраняетъ проходъ всякимъ непріятельскимъ судамъ до города Архангельска. Со стороны самыхъ

сѣверныхъ частей отъ Шведскія Лапландіи, хотя укрѣпленныхъ мѣстъ и нѣтъ, но великія озера, болота, рѣки и неприступныя горы довольно защищаютъ сію часть Россіи отъ всякаго вражескаго нападенія.

Со стороны же Шведской Финляндіи, окромѣ также озеръ. рѣкъ, болотъ, горъ и лѣсовъ, находятся крѣпости: Кексголмъ, Вилманстрандъ, Выборгъ и Фридрихсгамъ.

Кексголмъ построенъ вблизи Ладожскаго озера, яко мѣсто, внутрь страны уже лежащее, и не можетъ служить во время военное, какъ развѣ для заготовленія припасовъ для дѣйствующихъ войскъ въ Финляндіи.

Вилманстрандъ, построенный при заливѣ озера Саймы, которое протекаетъ и въ Шведскія границы и, слѣдственно, хотя и не на самой границѣ лежитъ, но можетъ препону дѣлать, въ случаѣ Шведскія войны, лодками нападенія на сей городъ.

Выборгъ построенъ на заливѣ Финскаго нѣдра; сей городъ весьма важенъ былъ, когда границы Россійскія по оный простирались; а нынѣ, по отдаленіи оныхъ, служитъ токмо учинить препятствіе Шведамъ сдѣлать моремъ какія покушенія на Россію.

Фридрихсгамъ лежитъ также на маломъ заливѣ Финскаго нѣдра, близъ Шведскія границы. Сей городъ, если бы былъ лучше укрѣпленъ, то могъ бы великія важности быть, какъ для отвращенія Шведовъ, берегомъ итти учинить впаденіе въ Россію, такъ и возбранить дѣйствію ихъ морскихъ силъ. Въ 1766 году прожектировано построить Давыдъ-крѣпость, которая дѣйствительно и строится. Сія крѣпость, построенная внутри земли, не можетъ служить инако, какъ токмо защищеніемъ путямъ, ведущимъ къ Петербургу, во время, когда Шведы сдѣлаютъ впаденіе въ Финляндіи, и когда Россія, бывъ упражнена другою какою войною, будетъ принуждена оборонительную противъ Швеціи войну вести. Но какъ польза Россійская требуетъ, чтобы Шведскихъ войскъ не впущать въ Финляндію; ибо народъ сея губерніи, бывъ обязанъ единозаконіемъ, единымъ языкомъ и едиными обычаями съ Шведами, и всегда показующій склонность къ Шведскому правленію, можетъ симъ, вшедшимъ въ ихъ страну, врагамъ великую помощь учинить, и для того первая нужда въ томъ состоитъ, чтобъ границы противу ихъ нападенія укрѣпить, т. е., рѣку Кумень, гдѣ, кажется, можно изрядныя мѣста сыскать для построенія крѣпостей, яко гдѣ кирка Вал-

кера, кирка Мендугорь, и умноживъ укрѣпленія Нейшлота, лежащаго на озерѣ Куро, то сіи мѣста, начиная отъ Фридрихсгама, вмѣстѣ съ Вилманстрандомъ, кажется, составляютъ довольно сильную барiеру для невпущенія непріятеля въ страну, пресѣченную многими озерами и болотами.

С.-Петербургъ, городъ, построенный Петромъ Великимъ при устьѣ рѣки Невы. Сей городъ не имѣетъ не токмо никакого укрѣпленія, но ниже стѣнъ, а есть на Петербургской сторонѣ построенная крѣпость, называемая Петропавловская, которыя строеніе въ 1706 году, когда она въ окончаніе приходила, нужно было; ибо Шведы, владѣя еще Выборгомъ, могли, чрезъ Выборгскую сторону, нападеніе на самый Петербургъ учинить, яко они и не единожды то дѣлали. Но какъ Россійскія границы стали распространены далѣе внутрь области Шведской, тогда сія крѣпость уже совсѣмъ не нужна стала; да и дѣйствительно она не можетъ ни защитить сего пространнаго города, ни вмѣстить въ себя жителей онаго; ибо оный сталъ уже нынѣ не пограничный, но внутренній Россійскія Имперіи, и для того сія крѣпость нынѣ употребляется для содержанія колодниковъ, для дѣланія монеты и для прочаго, надъ чѣмъ должно крѣпкое наблюденіе имѣть. Но какъ Петербургъ есть и пристанище морское и, слѣдственно, могущее претерпѣть нападеніе отъ морскихъ силъ, то, предупреждая сію опасность своему новозиждущемуся граду, Петръ Великій учредилъ строеніе на островѣ Котлинѣ, наименуя сей градъ Кронстатомъ, и хотя, по правиламъ военныя архитектуры, великихъ укрѣпленій тутъ и не сдѣлалъ, ибо сей островъ собственнымъ своимъ мѣстоположеніемъ укрѣпленъ, потому что къ нему прилегаютъ мели, а форватеръ для большихъ судовъ лежитъ въ толь близкомъ разстояніи отъ построенныхъ тутъ батарей, и столь узокъ, что каждое судно подвержено быть можетъ конечному разбитію, прежде шествія въ гавань, и тако, Кронстатъ есть самая крѣпость, хранящая безопасность Петербурга. Но какъ еще прежде строенія Петербурга и Кронстата, былъ другой удобнѣйшій форватеръ, проходящій близь устья Сестры рѣки, которымъ можно было въ Петербургъ Малою Невкою войтить, то Петръ Великій повелѣлъ, затопленными судами сей форватеръ испортить, и во всю жизнь свою наблюдалъ, дабы теченіемъ рѣки, гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, его не промыло. По смерти же сего Государя, стали малое попеченіе прилагать о надзираніи за симъ форватеромъ, такъ

что во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, два корабля, одинъ Голландскій, а другой Французскій, миновавъ Кронстатъ, Малою Невою къ таможнѣ пришли, и сіе подало причину возобновить стараніе о поврежденіи сего форватера. Но такое попеченіе не должно быть по случаямъ учиненное, но непрерывно продолжаемое, ибо отъ онаго зависитъ цѣлость Петербурга.

Нарва, крѣпость, взятая у Шведовъ, въ 1704 году, лежащая на рѣкѣ Наровѣ, разстояніемъ отъ моря въ 12 верстахъ, и служащая единственно для недопущенія непріятелей здѣлать выгрузку въ семъ мѣстѣ на берега. Противу сея крѣпости, на другой сторонѣ рѣки Наровы, находится построенный Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ городокъ, Ивань-Городъ называемый, который былъ послѣ въ Шведскомъ владѣніи и, вмѣстѣ съ Нарвою, Россіянами былъ взятъ. Сіе мѣсто построено для обузданія Нарвы, и нынѣ, по причинѣ, что оно безъ всякаго попеченія остается, можетъ, естьли какимъ непріятелемъ будетъ захвачено, не малый вредъ Нарвѣ принести. При устьѣ рѣки Наровы находится морская гавань, токмо для купеческихъ судовъ.

Ревель, городъ, также лежащій на брегахъ Финскаго залива, при коемъ находится пристань, весьма способная для военныхъ кораблей, гдѣ часть Россійскаго флота обыкновенно зимуетъ. И сіи укрѣпленные города, вмѣстѣ съ укрѣпленнымъ городомъ Аренсбургомъ, на островѣ Езелѣ, служатъ для обузданія Финскаго залива.

Рига, городъ, построенный на рѣкѣ Двинѣ, при устьѣ, при которомъ есть малая крѣпостца, называемая Динаминде, Лифляндскаго морскаго залива; градъ, изрядно укрѣпленный, при которомъ цитадель въ содержаніи Императорскихъ войскъ, а градъ хранится войсками городовыми. Великое число строенія внутри города и вокругъ построенная Русская слобода уменьшаютъ его крѣпость; сей градъ имѣетъ купеческій портъ, который, ради наносу песку рѣкою Двиною, труденъ къ проходу становится: онъ служитъ преградою отъ внѣшнихъ Россійскихъ непріятелей, какъ отъ стороны Польши, такъ и отъ стороны Курляндіи и Пруссіи; а протекающая мимо его рѣка, Двина, подаетъ способъ къ привезенію великаго числа товаровъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ Польши.

Вновь пріобрѣтенныя Россіею отъ Польши провинціи, которыя начинаются по правую сторону рѣки Двины, отъ Польской Лифлян-

діи включительно, какъ и часть воеводства Полоцкáго, на томъ же брегу лежащаго, воеводство Витепское, такъ что сія рѣка Двина дѣлается естественною границею между Россійскою Имперіею и Польскою Рѣчью Посполитою, простираяся до пункта частной границы между воеводствъ Витепскаго и Полоцкаго, и слѣдуя внизъ по сей частной границѣ до пункта, гдѣ соединяются такія жъ частныя границы трехъ воеводствъ: Полоцкаго, Витепскаго и Минскаго, откуда прямою линіею до вершины рѣки Друсца подлѣ мѣстечка, называемаго Ордва, и спускаясь по той рѣкѣ до впаденія въ рѣку Днѣпръ, а сею рѣкою до самаго пункта прежнія границы между Россіи и Польши внизъ по той же рѣкѣ, на всей сей границѣ, простирающейся на семь сотъ верстъ отъ Риги до Кіева, нѣтъ ни одного порядочно укрѣпленнаго мѣста, и хотя въ разсужденіи настоящей слабости Польши и неустройства ея правленія, теперь, кажется, и нѣтъ нужды тутъ дѣлать укрѣпленія, но какъ не должно никогда непріятеля своего презирать, дабы, въ случаѣ нужды, не нужно было то съ поспѣшеніемъ дѣлать, что можно заблаговременно, съ большими выгодами; и тако кажется, что и сія часть границы нѣкотораго укрѣпленія требуетъ.

Остальныя части границы Россійскія съ Польшею не имѣютъ другія крѣпости, кромѣ Кіево-Печерской, построенной самимъ Петромъ Великимъ, въ 1706 году; и покамѣсть Польша будетъ пребывать въ такой слабости, въ каковой она нынѣ обрѣтается, то, кажется, и нужды большой въ дальнѣйшихъ укрѣпленіяхъ нѣтъ. Правда, что приближеніе Австрійскихъ границъ, уступленными имъ отъ Польши землями, требуетъ больше вниманія на сію страну, нежели прежде то имѣть надлежало. Отъ Кіева и Василькова, который разстояніемъ въ 30 верстахъ, Россійская граница простирается внизъ по Днѣпру, даже до запорожской Сѣчи (о которыхъ Казакахъ впредь съ другими Казаками упомянется) и до Кинбурга, вновь уступленнаго града, по трактату 1775 года, Іюня 10 дня; и хотя Кинбургъ, яко городокъ укрѣпленный, стоящій насупротивъ Очакова, былъ съ нимъ раздѣленъ единымъ устьемъ Днѣпра, называющимся лиманомъ, и довольно обуздываетъ Очаковъ, но еще намѣреніе есть, и нужно, тутъ построить городъ укрѣпленный, при стеченіи рѣкъ Днѣпра и Буга, который будетъ два предмета имѣть: 1) съ другой стороны обуздаетъ Очаковъ и будетъ подкрѣплять самой Кинбургъ; 2) бывъ построенъ за Сѣчью Запорожскою, будетъ содержать въ

страхѣ сихъ безпокойныхъ Казаковъ, и не допустить имъ имѣть со общенія съ Татарами.

Отъ Днѣпра граница Россійская простирается чрезъ степи къ Дону, гдѣ поселено не малое число военныхъ поселянъ, вышедшихъ изъ Венгріи, Далмаціи, Молдавіи и другихъ Христіанскихъ странъ, которые иные гусарскіе, а другіе пикинерные, полки составляютъ. Сія граница укрѣплена, кромѣ множества редутъ, и крѣпостями: Святыя Елисаветы, попреждé по Украинской линіи бывшей границѣ: Орелъ, крѣпость Ливенская, крѣпости: Ряжская, Святаго Θеодора, Козловская, Бѣлевская, Святыя Парасковьи, Ефремовская, Святаго Алексѣя, Св. Петра, Изумская; на границѣ 1714 года, Бахмутъ, крѣпость Св. Дмитрія: на рѣкѣ Самарѣ Усть-Самара или Богородична, и Старая Самара; на границѣ 1742 года крѣпости: Александровская, Никитская, Григорьевская, Кириловская, Алексѣевская, Захарьевская, Петровская, лежащія пять послѣднихъ на рѣкѣ Конскія Воды и Бердѣ, а Петровская возлѣ самаго моря; Семеновская, Павловская и Черепаха; Таганрогъ, крѣпость и портъ, построенный Петромъ Великимъ; но по Прутскому, 1710 года, трактату была разорена, а при начатіи нынѣшней войны съ Турками, въ 1769 году была возобновлена и утверждена трактатомъ 1765 года.

Не надлежитъ думать, чтобъ крѣпости сіи были построены съ толико крѣпкими строеніями, какъ Нарва и Рига, которыя укрѣплялися для сопротивленія порядочному и знающему войну непріятелю; ибо въ такихъ крѣпостяхъ нужды нѣтъ противу Татаръ, которые и малѣйшихъ редутъ, обороняемыхъ пушками, ежели имъ сопротивляются, никогда взять не могутъ; и тако былъ то напрасный убытокъ, чтобъ тутъ толь крѣпкія крѣпости строить. Случалось мнѣ слышать отъ одного весьма разумнаго человѣка, его мнѣніе о линіи между Россіею и Крымскими Татарами: что понеже всю линію захватить людьми не можно, то лучше ее вести по рѣкамъ, и дѣлать на оныхъ заплоты, которые могутъ быть употреблены для здѣланія мельницъ, для молонья на оныхъ провіанту для солдатъ, а тогда же, оными плотинами вода поднявшись, воспрепятствуетъ переходу Татарскому чрезъ рѣки, и когда таковую границу еще укрѣпить нѣсколькими крѣпостями, манеру имъ изобрѣтеннаго, не дорого стоющимъ и удобнымъ, въ разсужденіи тамошняго разлитія водъ, то никогда Татары, народъ, производящій разбойническую войну, внутрь границъ Россійскихъ впаденія едѣлать не отважатся.

Азовъ, городъ, мѣстоположеніемъ близъ устья рѣки Дона; сей градъ, по многимъ премѣненіямъ, былъ взятъ Петромъ Великимъ, въ 196 году, отъ Турковъ. Какъ сей Государь, равно нуждою государства, такъ и охотою побужденъ, пріобщеніемъ себѣ власти надъ морями, распространить Россійскую границу, предпріялъ тутъ строить флотъ, и строеніе сего, опредѣленнаго на Черное море, флота, учредилъ близъ Воронежа, откудова сюда, спускаяся внизъ по Дону, приходили въ Азовъ и въ Черное море первыя построенныя немалыя суда, хотя имѣли многое число пушекъ, но мало колиберныхъ; обольстили надеждою Государя, имѣли нѣкоторые бои съ Турецкими судами, и Посланникъ Возницынъ отправленъ былъ на фрегатѣ Викторіи изъ Азова въ Константинополь. Но вскорѣ узнано было, что, въ разсужденіи мелкости водъ Азовскаго моря, при берегахъ Азова и Таганрога, нельзя будетъ большихъ военныхъ кораблей строить, для сопротивленія Турецкимъ кораблямъ. Однако, Возницынъ, какъ выше сказано, на фрегатѣ Викторіи, по малу числу дней плаванія, достигъ до Константинополя, гдѣ, не бывъ извѣстенъ о обычаѣ Турецкомъ, чтобъ городу, а паче сералю, пушечною пальбою чести не отдавать, поравнявшись противъ сераля, мимо котораго должно было ему въ Константинопольскій портъ входить, произвелъ пушечную и оружейную стрѣльбу. Нечаянная сія стрѣльба произвела смущеніе въ сералѣ, а скорый приходъ Россійскаго корабля прямо въ Константинополь произвелъ страхъ въ Правительствѣ, чтобъ Россійскія силы, умножась на Черномъ морѣ, не пришли самый Константинополь атаковать; и хотя тогда ничего не изъявили, но тогда жъ тайно положили себѣ первымъ политическимъ предметомъ, чтобъ всегда стараться о истребленіи морскихъ Россійскихъ силъ на Черномъ морѣ. Петръ Великій хотя извѣстенъ былъ о невозможности построить въ Азовѣ большаго военнаго флота, но былъ также извѣстенъ о страхѣ и предубѣжденіи Турецкомъ, не преставалъ стараніе свое прилагать о строеніи кораблей въ Таганрогѣ, употребляя для сего токмо довольное иждивеніе и попеченіе, дабы сей мысленно только строющійся флотъ, яко страшилище Турковъ, казать, и тѣмъ удерживать ихъ отъ всякаго предпріятія противу Россіи, даже какъ въ 1709 году по разбитіи Короля Шведскаго и по долгомъ мѣшканіи отъ Турокъ, наконецъ чрезъ интриги Французскіе и Шведскіе возгорѣлась брань между Россіею и Портою Оттоманскою и несчастное бывшее приключеніе при Прутѣ, принудившее Петра

Великаго заключить миръ, чрезъ которой Петръ Великій не токмо отрекся отъ всякаго плаванія на Черномъ морѣ, но и на разореніе Азова и Таганрота согласился. Во время бывшей войны въ 1736 году, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, противу Турокъ Правительство не разсудило ни Азова возобновлять, ни строить флота на Черномъ морѣ, дабы чрезъ то Турокъ о могуществѣ вскорѣ изъ сего моря до Константинополя флотомъ достигнуть и въ боязнѣ содержать, а хотя и были тогда построены суда, но то толь мелкія, что не показывали и вида, яко бы хотѣли, что съ сея стороны важное предпріимать. Наконецъ, начавшаяся война въ 1768 году склонила правительство стараться вдругъ о возобновленіи лежащихъ въ разореніи градовъ, Таганрога и Азова, и о построеніи военнаго флота на Черномъ морѣ; грады стали возобновлены, но флотъ, за физическою невозможностію желательной силы и величины, построенъ не могъ быть. Ибо, умножилась ли мелкость при берегахъ Азовскихъ и Таганрогскихъ, или препорція старинныхъ кораблей плоскодоннѣе была при Петрѣ Великомъ и тѣмъ неудобна къ плаванію, въ 1769 и слѣдующихъ годахъ строенные и малые фрегаты принуждены были въ средину моря выводить для додѣлки и для оснащиванія, съ подверженіемъ имъ быть разбитымъ отъ стурмовъ, и симъ Туркамъ доказали, что они толь страшиться порта Азовскаго причины не имѣютъ. Однако, портъ сей и укрѣпленный городъ могутъ весьма служить для установленія коммерціи съ Турецкими областями, ежели къ тому довольно совѣстные и знающіе Русскіе купцы будутъ, а притомъ и Министерство постарается учинить ихъ торгъ безопасенъ въ Константинополѣ, о чемъ будетъ въ статьѣ о торгѣ сказано; съ другой стороны, сей градъ обуздываетъ Крымъ, обще съ Донскими Казаками, возбраняя Татарамъ дѣлать впаденіе въ Россійскія области, и наводитъ страхъ на разные дикіе народы, живущіе около рѣки Кубани, возбраняетъ Донскимъ Казакамъ имѣть сообщеніе съ ихъ однородцами, Некрасовцами, прежде ушедшими и поселившимися на Таманѣ островѣ, гдѣ ихъ называютъ Игнатъ-Казакъ, т. е., вольный Казакъ, имѣютъ тамъ они право янычарское; также сей градъ обуздываетъ самое своеволіе Донскихъ Казаковъ.

Прежде продолженія описанія о Россійской границѣ, не могу я оставить, чтобы не помянуть о трехъ пріобщенныхъ къ Россіи Турецкихъ градахъ, а именно: Кинбурнѣ, Еникулѣ и Керчи, по трактату 1775 года, Іюля 10 дня.

Кинбурнъ, градъ, лежащій на лѣвомъ берегу Очаковскаго лимана, и противъ самаго сего Турецкаго города въ такой близости, что всегда изъ сей крѣпостцы можно примѣтить и увѣдать о томъ, что дѣлается въ Очаковѣ; а съ другой стороны, лежа близь Крымскаго полуострова, можетъ наводить всегда страхъ Татарамъ. Лиманъ Очаковской уже не весь во области Турецкой нынѣ находится, но половина его стала покорена Россіи въ разсужденіи Кинбурна, и хотя сей градъ своими окружностями и отдѣлился отъ областей Россійскихъ земель, однако, ежели построится крѣпость на стеченіи рѣкъ Буга и Днѣпра, или на томъ мѣстѣ, гдѣ была прежде Запорожская Сѣчь, то сей градъ можетъ подпертъ быть сообщеніемъ своимъ съ другими Россійскими крѣпостями.

Такія выгоды находятся въ овладѣніи имъ Россіею, которыя, кажется, имѣли тогда въ предметѣ, когда его истребовали отъ Турковъ; но естьли разсмотрѣть съ другой стороны, то самое его положеніе, въ близости Очакова, наводитъ на Турковъ всегдашнюю недовѣренность и, слѣдственно, принуждаетъ ихъ, какъ градъ свой Очаковъ болѣе укрѣплять, такъ и во всемъ противъ Россіи осторожными быть, что есть единый способъ усилить порядкомъ нестройную, но сильную, Турецкую армію. Тоже можно сказать о Кинбурнѣ и въ разсужденіи Татаръ. Они, конечно, не будутъ отваживаться малыми толпами проѣзжать мимо Кинбурна, для дѣланія впаденія въ Россійскія области, но, перемѣняя родъ своего устроенія по устроенію войскъ опаснаго имъ непріятеля, многочисленнѣйшими и лучше устроенными толпами набѣги свои могутъ дѣлать; ибо сіе есть правило всегдашнее, что военный народъ пріучаетъ къ войнѣ и къ порядку сосѣдственные ему народы. И тако весьма мнѣ удивительно, что въ крайности, въ которую были Турки приведены, не потребовали у нихъ разоренія Очакова, дабы чрезъ то Турокъ отъ сосѣдства своего отдалить и совсѣмъ овладѣть Очаковскимъ лиманомъ, удобнѣйшимъ содержать и строить флотъ на Черномъ морѣ, нежели въ Азовѣ.

Еникуль и Керчь, грады, находящіеся при берегу морскомъ на восточной сторонѣ полуострова Крыма. Я, съ слабымъ своимъ разсудкомъ, не могу понять, какая причина побудила Россію настоять о полученіи сихъ градовъ; ибо ежели считать, что они могутъ служить портами и верфями для Россійскихъ купеческихъ судовъ на Черномъ морѣ, то сіи грады портовъ не имѣютъ, а только рейды, и тѣ весьма опасны; а чтобъ тутъ верфи завести, то должно возить

на плоскодонныхъ судахъ лѣсъ изъ Азова и Таганрога, съ подверженіемъ разбитію большой части онаго: а съ другой стороны, владѣніе Россійской державы сими градами наводитъ безпрестанной страхъ на Татаръ, и самымъ симъ понуждаетъ ихъ болѣе къ военному искуству прилѣжать и наиболѣе имѣть привязанности къ Турецкой державѣ, яко къ такой силѣ, которая можетъ ихъ вольность противу Россіи сохранить. Приложимъ къ сему, что толь близкое сосѣдство сихъ градовъ съ Татарами не можетъ быть долго, чтобъ не подавать ежедневно случая къ возобновленію войны.

Не должно же о сихъ трехъ градахъ въ забвеніи оставить и то, что воздухъ сихъ мѣстъ есть столь тяжелъ для Россіянъ, что большая часть лихорадками и горячками помираютъ, а при томъ бывающія тутъ часто моровыя язвы могутъ и цѣлые гарнизоны истребить.

Возвращаюся къ продолженію описанія Россійскихъ границъ. Отъ Азова онѣ идутъ къ востоку по рѣкѣ Маничѣ, впадающей въ Донъ, гдѣ близко ея впаденія находится крѣпость Святыя Анны; оттудова поворачиваясь къ полудню по рѣкѣ Пегерлыкою (Егорлыкою), и потомъ перешедъ черезъ вершину рѣки Кумы до рѣки Терека и сей рѣкою до Каспійскаго моря до Кизляра. На сей границѣ, кромѣ вышеписанной крѣпости, находятся укрѣпленные грады: Моздокъ, Терекъ и Кизляръ. Граница сія защищаетъ Россію отъ набѣговъ разныхъ кочевыхъ народовъ, яко: Кубанцовъ, Нсетинцовъ, Лесгинцовъ и многихъ другихъ также горскихъ Черкесъ. И хотя часть сихъ послѣднихъ и считаются подданными Россіи, но подданство ихъ состоитъ токмо въ томъ, что Князья ихъ берутъ отъ Россіи подарки и раздѣляютъ съ своими Узденями; а естьли когда они и даютъ войски на помощь Россіи, то не изъ усердія, но для того, что находятъ въ семъ себѣ удобный случай для грабительства. Впрочемъ, сіи горскіе Черкесы суть всегда готовы грабить и разорять Россіянъ, чего ради безпрестанно жителямъ Россійскимъ сея страны должно въ разсужденіи ихъ быть въ осторожности.

Отъ Кизляра Россійская граница по брегамъ Каспійскаго моря простирается до Астрахани, а отъ Астрахани по брегамъ же сего моря чрезъ устье Яика и чрезъ Гурьевъ Городокъ, построенный между устьями сея рѣки, до рѣки Ембы, и сею рѣкою на сѣверъ до рѣки Ора, которою проходятъ къ Оренбургу, а отъ Оренбурга вверхъ по Яику до рѣки Тобола. Понеже граница, находящаяся отъ рѣки Яика до Оренбурга, есть такая, которая натуральными преградами не укрѣплена,

того ради и сдѣлана Линія по рѣкѣ Яику до Оренбурга, и за Оренбургъ до рѣки Тобола, которая, кромѣ Оренбурга и Ора, двухъ изрядныхъ крѣпостей, укрѣплена множествомъ редутовъ и крѣпостей, которые обнесены заплотами съ насыпкою въ средину земли, и коль укрѣпленія сіи не суть маловажны, однако довольно сильны для учиненія сопротивленія тремъ ордамъ Киргисъ-Кайсатскимъ, которыя къ сей и Сибирской Линіи прилегаютъ. Естьли бы хорошее расположеніе Комендантовъ и попеченіе ихъ о своей пользѣ гарнизоны въ порядкѣ содержало, а паче, когда тутъ были расположены семь драгунскихъ полковъ, то не токмо бы Киргизъ-Кайсаки трепетали, но страшилися и внутренніе враги Россійскіе, т. е., Башкирцы, учинить какое либо возмущеніе.

Тутъ простирается Линія къ востоку, и на самой рѣкѣ Тоболѣ обрѣтаются крѣпости: Прѣсногорковская, Кабанья, Прѣсноводская, Становая, Святаго Петра на рѣкѣ Ишимѣ, Омская на Омѣ, Зелазинская близь озера Чанъ, Ямышевская, Семипалатная, Устьская, Устькаменогорская, лежащія по рѣкѣ Иртышу, которая въ семъ мѣстѣ служитъ границею Россійской Имперіи отъ Киргизъ-Кайсатской степи; вблизи сихъ мѣстъ обрѣтается еще крѣпость Змѣиногорская, нѣсколько внутри границъ, близъ рѣки Алеи. Отъ крѣпости Устькаменогорской граница Россійская простирается на востокъ, гдѣ на великое пространство нѣтъ никакихъ естественныхъ рубежей, да и не укрѣплена крѣпостями; ибо отъ самой крѣпости Устькаменогорской до крѣпости Чигойской, лежащей на рѣкѣ Селенгѣ, между Кяхты и Селенгинска, никакой крѣпости на границахъ нѣтъ; а отъ сея именованныя крѣпости въ немаломъ разстояніи находится другая, именуемая Акшинская, на рѣкѣ Ананъ, построенная немного внутри земли. Отъ сея крѣпости граница идетъ къ озеру Далай, изъ котораго истекаетъ рѣка Аргунъ; и въ недальнемъ разстояніи отъ сего озера построенъ форпостъ Цурухайтуевской, и отъ сего озера на сѣверовостокъ граница Россійская идетъ по рѣкѣ Аргуну, до соединенія ея съ рѣкою Шилкою, гдѣ Россійская граница, еще вдавшись немного по рѣкѣ Шилкѣ внутрь Россіи, потомъ простирается, не много уклоняясь на сѣверовостокъ, даже до Камчатскаго моря.

Достойно примѣчанія, что на всей сей Сибирской границѣ, отдѣляющей Россійскую Имперію отъ степи Киргисъ-Кайсаковъ, отъ Зенгорскаго владѣнія и отъ земель, принадлежащихъ Китайской Имперіи, находится толь мало крѣпостей, да и то весьма малыхъ,

съ которыхъ еще большая часть только противъ Киргисъ-Кайсатской степи построена, а прочее все почти безъ всякаго защищенія остается. Долговременное испытаніе довольно хотя доказываетъ, что Россійская Имперія не имѣетъ опасаться какой наглости отъ Китайцовъ: но гдѣ есть сосѣды, тутъ могутъ быть и непріятели, слѣдственно, кажется, совсѣмъ безъ укрѣпленія сію границу оставить бы не должно. Тщетно на сіе сказать, что малое число войскъ, хранящихъ сію границу, не дозволяетъ тутъ учредить крѣпости и сильнаго гарнизона. Я напротивъ того думаю, что гдѣ недостаетъ силы полеваго войска, тутъ и должно крѣпостямъ быть, въ какомъ состояніи у насъ и есть Сибирь, и не лучше ли учредить по сту и по двѣсти человѣкъ снабженнаго всѣмъ гарнизона, нежели разсѣять по всей границѣ по четыре и по пяти человѣкъ заставы, которые ни сами не могутъ помощи другимъ подать, ниже оной отъ другихъ получить, и чрезъ самое сіе подвергнуты погибели въ сихъ пустыхъ мѣстахъ отъ самаго безвременія, или быть побитымъ и плѣненнымъ отъ дикихъ, тутъ кочующихъ, народовъ, безъ малѣйшія пользы для отечества. Сіе я здѣсь означаю для показанія, какого вниманія сія граница отъ Правительства требуетъ.

Продолжая же описаніе границъ Россійскихъ близъ мѣста, гдѣ оная касается Камчатскому морю, на сѣверъ впадаетъ рѣка Уда, гдѣ построенъ Удинской острогъ, Россійская граница далѣе къ сѣверу простирается и, окружа тутъ заливъ, еще въ два другіе раздѣляющійся, который называется Пенжинскимъ моремъ, идетъ опять на полдень по брегамъ мыса, называемаго Камчатка, къ которому еще примыкаются острова, простирающіеся въ прямую линію къ полудню, называемые Курильскими; оттуда опять обращается на сѣверъ по тѣмъ же Камчатскимъ берегамъ, мимо носа Хатирскаго и устья рѣки Аноды, до устья рѣчки Ите, бывъ окружаема Тихимъ моремъ; оттудова обращается на западъ по Сѣверному Океану, гдѣ рѣки: Колыма, Индигирка, Каяна, Лена, Енисей и Обь, въ оной океанъ впадаютъ, и Вейгачскимъ узкимъ проходомъ до Бѣлаго моря и до Двинскія города Архангельскаго крѣпости.

III. Въ разсужденіи плодородія Россійскія Имперіи и разныхъ, въ ней находящихся, климатовъ, каждая почти изъ ея губерній имѣетъ особливыя произращенія; и тако, хотя можно сказать общимъ образомъ, что Россія вездѣ въ нужномъ для житія человѣческаго

изобилуетъ, но лучше почитаю вступить въ подробность и каждую губернію особливо описать.

I. Московская губернія есть единая изъ найвеличайшихъ Россійскихъ губерній, не столь по своему пространству, сколь по многонародію, и, окромѣ Московской провинціи, вмѣщаетъ въ себѣ десять другихъ провинцій, а именно: 1) Переславля Рязанскаго, 2) Костромскую, 3) Юрьевскую Польскаго, 4) Володимерскую, 5) Суздальскую, 6) Переславля Залѣскаго, 7) Тульскую, 8) Калужскую, 9) Ярославскую, 10) Углицкую, въ которыхъ во всѣхъ щитаю и съ Москвою 48 городовъ. Доброту земли, слѣдственно и плодородіе, можно въ сей губерніи на двѣ части раздѣлить. Тѣ, которые отъ Москвы лежатъ къ полудню, общимъ образомъ есть гораздо плодороднѣе, которая доброта земли по степенямъ приближенія къ Воронежской и Бѣлогородской губерніямъ умножается; напротиву же того лежащія къ сѣверу, хотя не столько плодородны, но нарочито промыслами своими награждаются, хотя естьли бы всевозможное прилежаніе и въ сихъ провинціяхъ употреблено было о земледѣліи, то и тутъ не токмо довольное, но и излишнее, пропитаніе могла бы земля дать, яко то видимъ по примѣру добрыхъ домостроителей Ярославскаго, Галицкаго и Костромскаго уѣздовъ, гдѣ иногда рожъ въ восмеро, а ячмень въ десятеро и въ двѣнадцатеро приходитъ. По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію, многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать, и для того принуждены другими работами оный сыскивать. По той же причинѣ многонародіе лѣса въ сей губерніи весьма истребило, и въ полуденныхъ провинціяхъ ихъ столь мало стало, что съ нуждою и на протопленіе имѣютъ.

Санктпетербургская губернія есть весьма мала обширностію и немногонародна, бывъ населена или прежними жителями оной, Чухнами, или переведенцами изъ другихъ Россійскихъ областей. Земля пещаная, болотная; климатъ холодной, непостоянной, въ ничто приводятъ всѣ труды земледѣльца и рѣдко награждаютъ попеченія его, такъ что многонародный градъ Петербургъ весьма мало отъ окружающихъ его жителей заимствуетъ своего пропитанія, а самые оные, бывъ удручены частыми недородами хлѣба, хотя освобождены, съ начала заведенія сея губернія, отъ всѣхъ рекрутскихъ наборовъ,

однако мало размножаются, и густые лѣса, годные для строенія, всю сію губернію почти покрываютъ.

Новогородская губернія, пространная, покрытая великими лѣсами, наполненная болотами и озерами и мало населенная. Сія губернія имѣетъ четыре провинціи, т. е., Новогородскую, Тверскую, Бѣлозерскую и Олонецкую, и 17 городовъ. Земля въ сей губерніи, такъ какъ и многонародіе, гораздо обильнѣе въ полуденныхъ ея частяхъ, нежели въ сѣверѣ; сѣверныя же части наполнены великими лѣсами и болотами, и во многихъ мѣстахъ земля есть столь нехлѣбородна, что хотя вырубаютъ великія дубровы и сожигаютъ лѣсъ на сѣчахъ, но и изъ сихъ свѣжихъ земель не болѣе, какъ три, или четыре хлѣба собираютъ, а потомъ совершеннымъ оскудѣніемъ соковъ земли принуждены опять оную землю въ лѣса запускать. Правда, въ сіи 3, или 4, раза собираютъ они обильную жатву; но ежели сравнить великой трудъ вырубки лѣсовъ, пожженіе ихъ, трудность пашни, самую потерю лѣсовъ, то врядъ могутъ сіи обильныя жатвы оный трудъ заплатить. Самыя же сѣверныя части сея губерніи толь наполнены болотами и озерами и каменными горами, что великіе округи земли безъ земледѣлія остаются, а которые бы и могли обдѣлываемы быть, въ тѣхъ ранними морозами хлѣбъ бываетъ побиваемъ, и такъ великая часть народа принуждена другими способами сыскивать себѣ пропитаніе, яко рыбною, птичею и звѣриною ловлями, разными мастерствами и работами въ маленькихъ печахъ желѣзной руды, или на сысканныхъ разныхъ минераловъ заводахъ, но никогда не можетъ быть та благополучна страна, гдѣ пропитаніе жителей не на земледѣліи основано.

Помянувъ о минералахъ, раждающихся въ горахъ сея страны, не могу оставить я, чтобъ нѣкоторымъ образомъ не сказать о начальномъ ихъ сысканіи. Еще при Петрѣ Великомъ найдено было великое число тутъ рудниковъ, и на нѣкоторыхъ изъ оныхъ еще при немъ были учреждены заводы, другихъ же разработка до удобнѣйшаго времени оставлена. Приписаны были къ симъ рудникамъ крестьяне, и частымъ посѣщеніемъ Государя заводы сіи возрастали, а особливо достойные вниманія тутъ были найдены рудники чугунные, весьма удобнаго металла для литья пушекъ чугунныхъ на флотъ; но какъ многія установленія Петра Великаго, естьли бъ послѣ кончины его, ради видной ихъ полезности, совсѣмъ разрушены не были, но бывъ лишены сего ока, внимающаго о

добромъ исправленіи всего, или безполезными учинились, или обратились во вредъ народу; тако и сіи Олонецкіе заводы долгое время безъ всякой прибыли Коронѣ производились, и съ крайнимъ отягощеніемъ приписанныхъ крестьянъ, единственно токмо въ пользу опредѣленнымъ тутъ смотрителямъ, и наконецъ, по долгимъ спорамъ между Адмиралтейскою и Бергъ-Коллегіями, которыя обѣ требовали сіи заводы подъ вѣдѣніемъ своимъ имѣть, были совсѣмъ оставлены. Но какъ чрезъ самое сіе флотъ лишился способа удовольствовать себя пушками, то сіе понудило возобновить сіи заводы, а воспоминаніе золъ, каковые крестьяне отъ нихъ претерпѣли, и начатіе ихъ съ самымъ отягощеніемъ крестьянскимъ, понудило 14 тысячь душъ къ бунту приступить, который токмо въ 1768 году вооруженною рукою унятъ былъ; тогда же приложены стали попеченія о разсмотрѣніи прежде найденныхъ рудниковъ и о сысканіи новыхъ. Вездѣ сія неплодная и каменистая земля, внутри нѣдръ ея скрывающіяся богатства стала оказывать, злато, сребро, мѣдь слитками, и такъ отъ насъ называемая самородка вездѣ богатство и прибыль работающимъ обѣщаетъ. Правда, нѣкоторые искусные люди меня увѣряли, что всѣ сіи руды суть гнѣздовые, и потому безъ надежды долгаго продолженія, которые, прельстивъ первымъ своимъ видомъ искателя, когда построются тутъ заводы, за выработкою своею и убытку заводу не могутъ заплатить; но, не вступая въ таковыя догадки, которыя лишь время, можетъ, окажетъ, скажу, что желательно только, что при учрежденіи заводовъ опредѣленные люди старались бы больше о твердой пользѣ государства, нежели о своемъ прибыткѣ, иль, показывая обманчивое усердіе, хотѣли выслужиться.

Хотя не толь драгоцѣнная вещь, но не меньше полезная (ежели будутъ умѣть симъ воспользоваться), сыскана въ сей же губерніи, т. е., разныхъ цвѣтовъ мраморъ, который и употребляется для зданія Исакіевской церкви, въ Петербургѣ, и многихъ другихъ казенныхъ строеній; но еще ни заводовъ не сдѣлано, гдѣ бы чрезъ разныя машины легче сей камень распиливать и полировать, ни ломка его, ни привозъ порядочно не учреждены, чтобы не токмо удовольствовать своихъ гражданъ, но чтобы и сѣверныя части Европы онымъ снабдить дешевле, нежели они оной изъ полуденной части получаютъ.

Кіевская губернія. Сія губернія есть весьма малаго пространства, такъ что не токмо приписной къ себѣ провинціи, но ниже города имѣетъ; но важность ея состоитъ въ томъ, что Кіевъ

самъ есть городъ пограничный и ключь Россіи, какъ отъ стороны Турецкихъ областей, такъ и Польши. Что касается до плодоносія сей губерніи, то въ разсужденіи песчаныхъ ея земель, окромѣ таковыхъ фруктовъ, которые на пескахъ могутъ родиться, произращенія ея суть весьма малой важности; но приписаны къ сей губерніи 16 свободъ Раскольничьихъ, лежащія близъ Стародуба. Сихъ свободъ земли обильствомъ и между обильными Россійскими землями отличаются; ибо на оныхъ равное есть плодородіе всякаго рода хлѣба, пеньки, которая есть тутъ лучшая, травы и плодовъ древесныхъ, а сверхъ того сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши. Надлежитъ примѣтить о сихъ слободахъ, что населившіе оныя Раскольники суть по большой части выходцы изъ Польши, и что оные не инако могутъ умножаться и пребывать въ цвѣтущемъ состояніи, какъ чрезъ весьма доброе управленіе и позволеніе ихъ вѣры, колико то съ общимъ положеніемъ Государства можетъ сходствовать, какъ о семъ въ статьѣ о разныхъ въ Россіи вѣрахъ помянется.

Бѣлогородская губернія. Сія губернія вмѣщаетъ въ себѣ 3 провинціи, т. е., Бѣлогородскую, Сѣвскую и Орловскую, и 16 городовъ. Общимъ образомъ о сей губерніи можно сказать, что она есть единая изъ плодороднѣйшихъ въ Россіи: тучныя ея земли удобренія никакого не требуютъ, развѣ подъ макъ и подъ конопли; великое число земель и легкая работа даютъ способъ земледѣльцамъ великое число земли запахивать, такъ что во многихъ мѣстахъ они четверть жатвы своея отдаютъ приходящимъ изъ Московской губерніи за то, что сіи имъ помогаютъ хлѣбъ ихъ убрать, а протекающая отъ Орла рѣка Ока подаетъ способъ хлѣбъ внутрь Россіи не въ толь плодородныя провинціи отвозить. Общимъ образомъ можно сказать о сей губерніи, что въ ней есть великій недостатокъ лѣсовъ; но я почитаю, что и сей недостатокъ исправить можно саженіемъ и сѣяніемъ оныхъ; ибо въ сей губерніи земель также есть обильство; но кажется двѣ причины тому препятствуютъ: первая, нерачительность жителей, которые все то, что отцы ихъ не дѣлали, невозможнымъ почитаютъ, а второе, и самые законы; ибо дубовой большой лѣсъ (какой въ сей губерніи на тучныхъ ея земляхъ растетъ) описывался на Адмиралтейство, и чрезъ сіе самъ хозяинъ, выроcтившій его, не токмо не властелинъ ему становился, но ежели онъ кѣмъ и утратится, принужденъ былъ разореніе претерпѣть наложеннымъ на

него великаго штрафа; то при такомъ узаконеніи можно ли ожидать, чтобъ старались люди завести лѣса? Сенатомъ уже усмотрѣна неудобность сего узаконенія и велѣно Адмиралтейской Коллегіи о лѣсахъ сдѣлать положеніе, котораго она чрезъ многіе годы еще не сдѣлала.

Воронежская губернія. Сія губернія вмѣщаетъ въ себѣ 3 провинціи, окромѣ губерніи, Елецкую, Тамбовскую и Шацкую, и 16 городовъ. Сія губернія, также какъ и Бѣлогородская, можетъ назваться питательницею Россіи и сходствуетъ во всемъ съ губерніею Бѣлогородскою.

Смоленская губернія. Сія губернія не имѣетъ провинцій, а токмо къ ней приписано 4 города. Сія губернія имѣетъ обильство лѣсовъ, и хотя земля въ ней сама собою и не весьма плодородна, однако чрезъ прилежное земледѣліе вездѣ можно ее довести до того, что не токмо жителей своихъ питать можетъ, но можетъ ссужать еще и другія области Россійскія имперіи. Городъ Смоленскъ, хотя древнее владѣніе Россійскихъ Князей, но бывъ долгое время подъ Польскимъ владѣніемъ, отъ котораго онъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отторгнутъ сталъ, сохраняетъ многіе обычаи Польскіе; и, не взирая, что уже болѣе ста лѣтъ какъ подъ Россійскою державою опять находится, жители его не могутъ забыть тѣхъ правъ и вольностей, которыми они, по правамъ Польскимъ, пользовались.

Архангелогородская губернія, занимающая сѣверныя части Россійскія имперіи, вмѣщаетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, 3 провинціи, Вологодскую, Великоустюжскую и Галицкую и 14 городовъ. Хотя пространствомъ она многія другія превосходитъ, но бывъ наполнена лѣсами и болотами, мало жителей имѣетъ, и ниже имѣть ихъ много можетъ; ибо подвергнутыя великимъ стужамъ, нѣкоторыя изъ ея частей, не могутъ зрѣть созрѣнія посѣянныхъ въ землю сѣменъ; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ хлѣбныя сѣмена и созрѣваютъ, земля есть столь неплодородна, что едва можетъ пропитать своихъ жителей. Я говорю сіе общимъ образомъ; ибо хотя нѣкоторые домостроители въ полуденныхъ частяхъ и довели землю удобреніемъ до изряднаго плодородія; но трудъ, который они на сіе употребили, и малое число земли, которое они запахиваютъ, паче общее мое положеніе утверждаютъ. Но естьли чего въ хлѣбномъ изобиліи сея губерніи недостаетъ, то награждается великимъ числомъ рыбъ и птицъ, которые въ рѣкахъ и лѣсахъ сея губерніи обрѣтаются; а притомъ можно сказать, что жители сея губерніи суть найпромы-

шленнѣйшіе люди изъ всѣхъ Россіянъ; притомъ примѣчательно есть и сіе, что сія губернія имѣетъ лучшую рогатую скотину изъ всея Россіи, которая имѣетъ свое происхожденіе отъ привезенныхъ Голландцами къ городу Архангельскому, откуда она по всей губерніи расплодилась.

Городъ Архангельскъ самъ собою достоинъ особливаго вниманія, ибо: 1) обильство кругъ его лѣсовъ, а паче лѣствиничихъ деревьевъ, дѣлаетъ его удобна быть мѣстомъ верфи, для строенія кораблей, которое тамъ и производится, и гораздо дешевле, нежели въ С. Петербургѣ; 2) мѣстоположеніе его въ близости къ Сѣверному морю могло бы послужить къ заведенію компаніи битья китовъ и рыбной ловли; ибо хотя и нынѣ рыбная ловля производится ловленіемъ бѣлугъ, битьемъ моржей и ловомъ нерпъ, сельдей и другихъ морскихъ звѣрей и рыбъ; но какъ сіи промыслы отданы были на откупъ для сальныхъ заводовъ, то сіе весьма стѣснило оный. А хотя уже послѣ и всѣмъ позволено стало такой промыслъ имѣть, но какъ оный производятъ самые бѣднѣйшіе люди, то не могутъ ни крѣпкихъ судовъ имѣть, ниже осмѣлиться въ дальное разстояніе отъ береговъ пуститься; и тако можно сказать, Россія видитъ предъ глазами своими пользу, отъ рыбной ловли могущую ей быть, но по ся поры оною не пользуется; 3) комерція сего города также можетъ быть весьма пространна, но о семъ я въ статьѣ о торговлѣ упомяну.

Казанская губернія вмѣщаетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, 5 провинцій, Свіяжскую, Пензенскую, Синбирскую, Вятскую и Пермскую, и 14 городовъ. Сія губернія, прежде бывшая знатное царство Татарское, которое Царемъ, Іоанномъ Васильевичемъ, покорено Россіи стало, и съ тѣхъ поръ только стало Россіянами населяться, имѣетъ въ себѣ многіе старобытные народы, яко: Татаръ, Мордву, Чувашъ, Вотяковъ и Черемисовъ, изъ коихъ первый слѣдуетъ Магомеданскому закону, а прочіе идолопоклонники, о которыхъ всѣхъ можно сказать, что они не суть доброжелательны Россіи. Но какъ я намѣренъ сдѣлать особливую статью о разныхъ народахъ, населяющихъ Россію, то въ оной и о сихъ подробнѣе опишу; здѣсь же о произращеніяхъ сея губерніи токмо упомяну. Можно сказать о сей губерніи, что естьли въ другихъ губерніяхъ дарованія природы суть раздѣлены, въ сей онѣ всѣ сообщены находятся. Тучная земля, изобильно раждающая всякаго рода сѣмена, великіе лѣса, годные для всякаго рода строеній, откудова и Адмиралтейство С.-Петербургское полу-

чаетъ большую часть дубоваго лѣса на строеніе кораблей, * великое число въ сихъ лѣсахъ разныхъ деревьевъ; обильство рыбъ въ рѣкахъ, протекающихъ въ сей губерніи, яко то: въ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и проч., богатые минералы, которые въ сѣверныхъ ея частяхъ находятся, склонность жителей къ промысламъ и, наконецъ, самая рѣка Волга, съ впадающими въ нее рѣками, соединяетъ сію губернію, съ одной стороны, съ Каспійскимъ моремъ, а съ другой, съ Балтійскимъ и съ моремъ Бѣлымъ, и тѣмъ подаетъ способъ сей губерніи отвозить свои произращенія въ разныя мѣста.

Нижегородская губернія имѣетъ въ себѣ, кромѣ самой губерніи, 2 провинціи, Алаторскую и Арзамазскую, и 6 городовъ. Она, по своей малой обширности, довольно многолюдна, и земли ея равно суть плодородны, какъ и въ Казанской губерніи. Протекающія въ ней рѣки, Волга и Ока, которая подъ самимъ Нижнимъ впадаетъ въ Волгу, подаетъ ей способъ имѣть сообщеніе чрезъ водяной путь съ найотдаленнѣйшими частями Россійской Имперіи. Народъ сея губерніи особливо склоненъ ко всякимъ промысламъ и торгамъ, и многіе тутъ обрѣтаются великія села, которыя богатствомъ и торговлею своею знатнымъ городамъ не уступаютъ. Но такъ какъ сіе естественно должно быть, гдѣ есть такіе великіе промыслы у крестьянъ, тутъ земледѣліе ослабѣваетъ, хотя сама природа тутъ кажется

* Петръ Великій, при начатіи Адмиралтейства, осмотря лѣса въ Казанской губерніи, сдѣлалъ два учрежденія объ оныхъ: 1) чтобъ помѣщикамъ дубовыхъ лѣсовъ, о кромѣ самыя нужды, не рубить, и то съ позволеніемъ Форстмейстера, которые потомъ толь во зло свою власть употребили, что отъ того и должность сію правительство принуждено было уничтожить; 2) чтобъ ежегодно по нѣсколько сѣять дубовыхъ лѣсовъ и растить ихъ по лѣкаламъ для Адмиралтейства; но токмо въ его время и было насѣяно, а послѣ него и не думало Адмиралтейство сѣять, и приписалъ 70 тысячъ Татаръ для рубки сихъ лѣсовъ и привозки къ берегу для отправленія въ С.-Петербургъ; а Валдмейстеры Адмиралтейства, на коихъ все сіе положено было, толь мало о сихъ лѣсахъ имѣли попеченія, о коихъ Государь думалъ, что ихъ на вѣки будетъ, что уже оныхъ близъ береговъ рѣкъ не находится, а принуждены ихъ отъ дальняго разстоянія на берега возить, да и тамъ на большіе корабли по лѣкаламъ уже почти сыскать не можно; возка же сія толь разоряетъ сіи приписанные 70 тысячъ душъ, что многіе разумные и разсмотрительные люди меня увѣряли, что каждая переписная Татарская душа болѣе десяти рублей сей работою платитъ въ годъ Государю, не щитая мздоимства правителей.

призывать людей къ необлѣнчивому земледѣлію, и сіе кажется есть коренное зло въ Россіи, что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы; но какъ нѣтъ никакого добра и зла, которое бы не имѣло причины своего начала, то, кажется, должно о семъ нѣкоторое разсмотрѣніе учинить. Прежде нежели Петръ Великій, наложеніемъ подати, принудилъ крестьянъ стараться другими ремеслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ прилѣжали къ землепашеству, были сыты, но бѣдны, и хлѣбъ толь дешевъ былъ, что, не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца; но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ невѣдомы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне, для удовлетворенія податьми Государя и помѣщика, оставя земледѣліе, стали ходить въ другія работы, и дѣйствительно, они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе упало и государство отъ того претерпѣваетъ. Вотъ первая причина политическая уменьшенію земледѣлія и дороговизны хлѣба. Есть и вторая: недостатокъ земель у многихъ крестьянъ, какъ особливо сіе примѣчается въ сей губерніи, такъ что есть многія великія села и волости въ сей губерніи, которыя, упражняяся въ рукодѣліяхъ, промыслахъ и торговлѣ, земли не имѣютъ, ниже подъ огороды, и, слѣдственно, таковые крестьяне не суть ко умноженію хлѣбопашества, но къ отягощенію другимъ земледѣльцамъ. Полезно было бы для Россіи, естьли бы Правительство, разсмотря права городовъ и состояніе мѣщанства и крестьянъ, не вдругъ, наглымъ образомъ, но мало по малу, лишило сихъ послѣднихъ тѣхъ промысловъ, которые прямо городамъ принадлежатъ, и отставъ отъ правила продавать государственную пользу, съ надлежащею осторожностію, лежащія въ Бѣлогородской и Воронежской губерніяхъ, пустыя земли, даромъ бы помѣщикамъ и крестьянамъ отдало, то бы самимъ симъ земледѣліе умножилось и Россія бы богатство и изобиліе почувствовала.

Астраханская губернія есть полуденнѣйшая изъ всѣхъ Россійскихъ областей, къ которой, окромѣ Астрахани, принадлежатъ четыре города: Саратовъ, Царицынъ, Кизляръ и Моздокъ. Однако произращенія ея не суть одинаковы по свойству ея земель; въ иныхъ мѣстахъ, яко кругъ Саратова, тучная земля раждаетъ всякаго рода

хлѣбъ; околу Моздока, при подобномъ же урожаѣ хлѣба сѣверныхъ странъ, родится Сарачинское пшено, виноградъ и другіе плоды полуденной стороны; но кругъ Астрахани и Кизляра песчаная и наполненная соляными частицами земля, а къ тому и жаркой климатъ, суть весьма противны всякому хлѣбородію; и тѣ, которые старалися сдѣлать опытъ, хотя сторичный плодъ получили, однако и самый сей сторичный плодъ не могъ заплатить трудовъ и убытковъ, понесенныхъ ими. Но сія страна, вмѣсто того, производитъ многія другія, служащія къ удовольствію человѣка, вещи, яко: арбузы, дыни, виноградъ и другіе весьма вкусные плоды въ великомъ изобиліи, также тутовыя или шелковичныя деревья, которыя подаютъ способъ къ заведенію шелковыхъ заводовъ, которые нынѣ есть и весьма могутъ размножиться. Не говорю я въ семъ случаѣ о заведенныхъ на Ахтубѣ (въ единомъ рукавѣ Волги), близъ Царицына, шелковыхъ заводахъ; потому что сіи имѣютъ свои неудобности, какъ тѣмъ, что крестьяне съ принужденіемъ шелкъ дѣлаютъ, въ такое время, когда они рыбнымъ промысломъ могутъ болѣе достать, такъ и тѣмъ, что тутовыя деревья ростутъ на поемныхъ мѣстахъ, и въ самое время водополья, для воспитанія червей шелковыхъ, должны крестьяне, съ подверженіемъ опасности жизни своея, ѣздя на лодкахъ, собирать сей листъ. Однимъ словомъ, сей заводъ, по указу заведенный, по указу и содержанный: а пчелы и шелковые черви не могутъ по указу весьма много размножиться. И тако, говорю я о такихъ заводахъ, которые крестьяне, или мѣщане, находя себѣ удобность, не по неволѣ, но для своей прибыли потщатся завести, что и весьма легко сдѣлать, естьли Правительство имъ въ семъ случаѣ сдѣлаетъ нѣкоторое побужденіе. Что же касается до винограду Астраханскаго, то сіе уже испытано, что хорошаго и удобнаго къ долгому стоянію вина изъ него сдѣлать не возможно, ради множества соляныхъ частей, которыми, почти каждое утро, вся земля покрывается и, слѣдственно, которые владычествуютъ и въ самомъ виноградѣ. Мнѣ случилось между записками Петра Великаго найти одинъ его указъ, писанный къ тогда бывшему въ Астрахани Губернатору, Артемію Петровичу Волынскому, въ которомъ сей Великій Государь, признаваясь, что вина изъ Астраханскаго винограда дѣлать не можно, по крайней мѣрѣ повелѣвзетъ ему стараться, чтобъ сидѣли Французскую водку. Сіе нынѣ уже исполняется; но по опасности, чтобъ сія изъ винограду сиженая водка не сдѣлала подрыву хлѣбному

вину и откупщикамъ, такая цѣна ей положена, и толь сидѣніе ея стѣснено разными узаконеніями, что ни какой дѣйствительной прибыли Государству сдѣлать не можно. Я здѣсь не такъ говорю, какъ прибыльщикъ, который алтына не хочетъ въ казну государственную скопить, и раздѣляющій Государя съ Государствомъ, но яко человѣкъ, который щитаетъ, что многіе убытки могутъ быть полезны Государству, и для того бы, я думалъ, чтобъ сидѣніе водки Французской позволить всякому въ Астраханѣ. А дабы сія водка откупнаго вина не подрывала, Государь бы по той цѣнѣ, какъ Французская водка продается въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, у промышленниковъ ее покупалъ, для продажи гораздо дешевле съ убыткомъ себѣ всѣмъ желающимъ, даже и въ самомъ внутри Государства; симъ бы образомъ не могли промышленники корчемствовать сею водкою, находя себѣ больше прибыли продать ее дорогою цѣною Государю, а и Государство бы себѣ прибыль получило тѣмъ, что сіи деньги внутри его обращались, а не выходили бы изъ Государства.

Кизлярской виноградъ, хотя щитается гораздо удобнѣе къ дѣланію вина, однако и изъ него еще мало видимъ хорошаго и прочнаго; но и самое сіе вино удобно для расходу въ кружныхъ мѣстахъ, ибо не должно Государству никакого произведенія презирать.

Двѣ главныя рѣки орошаютъ сію губернію: 1) Терекъ, выходящая изъ Таврійскихъ горъ и отдѣляющая губернію отъ горскихъ народовъ; примѣчательна только чрезмѣрною ея быстротою; 2) Волга, протекающая чрезъ всю Россію и близко Астрахани впадающая въ Каспійское море. Сія рѣка, единая изъ знатнѣйшихъ въ свѣтѣ, въ Астраханской губерніи, входящею въ нее рыбою изъ Каспійскаго моря, толь въ рыбѣ обильна, что почти превосходитъ всякое вѣроятіе, и Астраханскіе жители, какъ учугами, такъ и напловомъ ловящіе рыбу, и посылая свои корабли ловить оную еще въ Каспійское море, хотя симъ способомъ довольствуютъ всю Россію, вспомоществуютъ внутренней торговлѣ хлѣбороднѣйшихъ странъ съ Астраханью, но самая легость сего промысла отвращаетъ купечество Астраханское въ дальнѣйшія предпріятія для Азіатской торговли вступать.

Общимъ образомъ можно сказать, что сія губернія лѣсовъ не имѣетъ, и для того сама Астрахань, даже до дровъ, получаетъ изъ другихъ областей Россійскихъ. Единое изъ главнѣйшихъ произведеній Астраханскія губерніи есть соленыя озера. Хотя ихъ и великое число, но главнѣйшее изъ оныхъ есть озеро Елтонское, на которомъ

на одномъ столько соли садится, что оно одно можетъ всю Россію продовольствовать, и соль не болѣе четырехъ копѣекъ пудъ въ Дмитровской магазейнъ становится, но оттуда, при развозѣ въ другія части Россійской Имперіи, толь многія злоупотребленія есть, что наконецъ Корона весьма малую, въ сравненіи надлежащей, прибыль получаетъ. А какъ сіи всѣ злоупотребленія суть великой подробности, то и писать объ нихъ за нужное не почитаю; ибо сія причина есть тѣмъ болѣе важна, что она вмѣстѣ можетъ пріобрѣсти и прибыль Коронѣ и облегченіе всему народу. Мнѣ токмо остается теперь о соли сказать, что сія соль хотя весьма удобна къ пищи человѣческой, но посоленные ею мяса не бываютъ прочны, чего ради Адмиралтейство принуждено Гиспанскую соль для соленія мяса выписывать; однако она еще лучше соли Илецкой. Понеже я опредѣляю описывать въ особливой статьи многонародіе, то здѣсь токмо упомяну, что въ сей губерніи Рускихъ природныхъ жителей есть весьма мало. Пространныя ея степи заняты Калмыками, пришедшими съ Аюкою Ханомъ, и великое ихъ скотоводство подавало способъ доставать тутъ за дешевую цѣну хорошихъ лошадей, а сало отъ ихъ скота сочиняло знатную часть торговли Россійской; но какъ въ 1771 году семдесятъ тысячь кибитокъ изъ сихъ Калмыковъ ушло въ Мунгалы, то не токмо сего обилства Россія лишилась, но лишилась и великаго числа военныхъ людей, которые могли границы ея отъ набѣговъ другихъ дикихъ народовъ защищать. Есть еще въ Астраханской губерніи нѣкоторыя изъ Европейскихъ народовъ поселенныя колоніи; но какъ для познанія состоянія ихъ надлежитъ изслѣдовать почти ихъ исторію, то я сіе до другаго приличнаго мѣста оставляю, довольствуясь токмо здѣсь сказать, что лучшая изъ сихъ колоній есть колонія Гернгутерская, поселенная на Сарептѣ, и что сіи колонисты завели сѣяніе Виргинскаго табаку въ Астраханской губерніи.

Азовская губернія. Сія губернія прикасается съ одной стороны къ Астраханской, имѣетъ въ себѣ, окромѣ Азовской, одну Бахмутскую провинцію и многіе города, которые, однако, исчислить трудно; ибо какъ они построены всѣ для защищенія линіи отъ набѣговъ Татарскихъ, то по обстоятельству дѣлъ единые упадаютъ, а другіе строятся. Вообще можно сказать объ сей губерніи, что она имѣетъ землю весьма плодоносную и, окромѣ всякаго рода хлѣба, родятся въ ней преизрядные плоды, а на самомъ Дону и толь

хорошій виноградъ, что изъ него хотя не крѣпкія, но прочныя вины дѣлать можно. Пространныя ея степи наполнены великимъ множествомъ всякаго скота, т. е., лошадьми, коровами и овцами, которыхъ послѣднихъ шерсть за лучшую въ Россіи почитается. Протекающая чрезъ сію губернію рѣка Донъ толь великое множество рыбъ въ себѣ имѣетъ, что она не мало способствуетъ къ обогащенію Донскихъ Казаковъ, которые вмѣщены въ сію губернію, и которою они даже до Константинополя торгъ свой производятъ. Заключенный 1774 года, Іюля 10, миръ съ Портою Оттоманскою и учиненная свобода плавать Россійскимъ кораблямъ по Азовскому и Черному Морю, новый источникъ богатствъ для сей губерніи отверзаетъ, и тутъ же умножаетъ ея важность, которая и прежде сего особливаго всегда уваженія достойна была какъ по причинѣ ея пограничности съ Турецкими областями, такъ и по неспокойству Донскаго народа, обитающаго въ ней. А нынѣ, окромѣ вышеписанныхъ причинъ, до торговли касающихся, причина неусыпнаго надзиранія надъ сею губерніею тѣмъ приумножилась, что вновь пріобрѣтенные отъ Турковъ града: Керчь, Еникуль и Кинбургъ къ ней приписаны, града, которые, по стоянію ихъ въ самыхъ земляхъ чуждаго народа, могутъ всегда къ нечаянному нападенію подвергнуты быть, или и самые ихъ гарнизоны могутъ подать причину къ распри, и отъ того къ начатію войны. Впрочемъ, сія губернія не имѣетъ довольно лѣсовъ, но вся безлѣсными степями наполнена; также находится въ ней недостатокъ водъ, ибо, окромѣ Дона и Донца, ни одной тутъ знатной рѣки нѣтъ. По причинѣ Дона, за нужное почитаю упомянуть, что мѣлкость его водъ и занесенное устье пескомъ, отнюдъ не дозволяютъ строющихся въ Воронежѣ мореходныхъ судовъ до Азова спускать, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ безплодно учиненные опыты съ самыхъ временъ Петра Великаго.

Оренбургская губернія, лежащая между Казанскою, Астраханскою и Сибирскою губерніями, имѣетъ въ себѣ, кромѣ Оренбургской, двѣ другія провинціи, Исецкую (Исетскую) и Уфимскую и не малое число малыхъ городковъ и крѣпостей, оплотами огражденныхъ. Сія губернія населена разными народами, яко, т. е., переведенными Россіянами, Казаками Яицкими, которые нынѣ Уральскими называются, горными Башкирцами, Татарами, Калмыками и Мещеряками. Плодородіе почвы во всей сей губерніи есть чрезвычайно, гористыя и ровныя мѣста множайшимъ образомъ трудъ

земледѣльца награждаютъ, а Уральскія горы, занимающія не малую часть сей губерніи, даютъ ключи великимъ рѣкамъ, яко рѣкѣ Бѣлой, Яику, что нынѣ Уралъ, содержатъ въ нѣдрахъ своихъ богатые рудники, и лѣса, покрывающіе ихъ, служатъ къ самому выдѣлыванію сихъ рудъ, и тогда же вмѣщаютъ великое число звѣрей, которыхъ ловитвою народъ обогащается. Богатство сихъ рудъ въ сей губерніи толь есть чрезвычайно, что многіе заводчики меньше пятнадцати пудъ металлу, во ста пудахъ руды содержащагося, уже перетапливать презираютъ. Тутъ мѣдь, желѣзо, серебро и самое золото, вездѣ въ обильствѣ обрѣтается, и великое число людей, имѣющихъ тамъ свои заводы, въ краткое время великія сокровища получили. Но можно ли подумать, чтобъ самыя сіи дарованія натуры могли вредны тому государству, гдѣ онѣ находятся, быть? Однако въ самомъ дѣлѣ сіе воспослѣдовало, отъ того,. 1) всѣ волости, тамъ населенныя, были Государевы, которыя по заведеніи заводовъ, къ разнымъ заводамъ приписанныя были по числу донъ (домнъ) и молотовъ; но приписка сія была учинена не по близности и способности волостей, но приписывались тѣ, которыя не могли откупиться, или за которыя заводчики болѣе денегъ давали, и наконецъ, которыя управители заводовъ хотѣли; изъ чего произошло, когда большая часть волостей стали къ заводамъ приписаны, что часто отъ близости одного завода къ другому по семи сотъ верстъ работники должны ходить работать. Тщетно на сіе сказать, что сдѣланъ плакатъ, который ограничиваетъ волю заводчиковъ: онъ болѣе въ пользу ихъ, нежели въ пользу крестьянскую сдѣланъ, и крестьяне не престаютъ разными пронырствами заводчиковъ разоряемы быть, такъ, что при началѣ царствованія нынѣшней Государыни повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались. А наконецъ, когда злодѣй Пугачевъ принялъ дерзостно на себя великое имя, тогда они съ заводовъ толпами стали къ нему прибѣгать и умножать его шайку, и, конечно, нельзя никакими плакатами сдѣлать вспомоществованія симъ страждущимъ крестьянамъ, если они не будутъ приписаны по способности, кому на какой заводъ ходить, если платежъ не по работѣ, но по отдаленности ихъ хожденія не опредѣлится. 2) Правительство донынѣ не прилагало довольнаго попеченія о сочиненіи картъ, и самое недовольное свѣдѣніе сея землемѣрныя науки и великое обильство лѣсовъ учинило, что безъ всякаго разбору и исчисленія давались неумѣренной вели-

чины дачи каждому заводу; заводчики же, получа даромъ таковыя дачи, не болѣе употребили своего старанія для сохраненія лѣсовъ, толь нужныхъ для производства заводовъ, и самимъ тѣмъ сдѣлали, что имъ должно уже оныя въ самомъ дальнемъ отъ заводовъ разстояніи получать, а сіе умножило и дороговизнь на металлы. 3) Самое обильство минералловъ и представляющійся видъ скораго обогащенія склонилъ заводчиковъ не по размѣру числа приписанныхъ къ заводу людей, но по размѣру жадности ихъ къ корысти заводы умножать. А дабы имѣть на заводѣ работниковъ, то, презирая человѣколюбіе и презирая всѣ установленные плакаты, всякими способами къ работѣ, приписанныхъ къ заводу крестьянъ, принудить тщатся, и какъ чрезъ сіе, такъ и чрезъ объявленное въ первой статьѣ разсмотрѣніе о сей губерніи, крестьяне приходятъ въ совершенную бѣдность, не толико размножаются, коль бы безъ того могли, а земледѣліе ослабѣваетъ, такъ что тучная земля сея губерніи во многихъ мѣстахъ не обработана остается. 4) Многіе заводчики, получа право покупать деревни и перевозить туда крестьянъ, коихъ отнявъ отъ земледѣлія, туда перевезли, а притомъ стараяся всячески наполнить свои заводы людьми, всякихъ бѣглыхъ и распутныхъ людей къ себѣ на заводы принимаютъ, которые въ зимнія времена и пристанищами ворамъ бываютъ, лишь только съ тѣмъ, чтобъ они на ихъ въ сіи времена работали, и чрезъ все сіе заводы распростерли дѣйствіе на уменьшеніе земледѣлія, какъ въ сей губерніи, такъ и въ другихъ провинціяхъ. Множество бѣглыхъ, скрывающихся на сихъ заводахъ и не платящихъ ничего никому, уменьшаютъ доходъ государственный и дѣлаютъ тягость другимъ областямъ, и находящіе себѣ убѣжище на заводахъ разбойники, всегда въ страхъ и трепетъ Казанскую и Оренбургскую губерніи приводятъ. Тако нѣкоторыхъ приватныхъ людей прибытки разрушаютъ общую связь, полезность и спокойство государственное, чему, однако, инако пособить не можно, какъ воззрѣніемъ прилежнымъ и на мѣстѣ бывшимъ окомъ на всѣ сіи заводы, исчисленіемъ, болѣе ли они пользы, или вреда, своими злоупотребленіями приносятъ, и наконецъ учиненіемъ такихъ узаконеній, гдѣ бы польза государственная, происходящая отъ минераловъ, сравнена была съ пользою, происходящею отъ земледѣлія, гдѣ бъ благоденствіе заводчиковъ сравнено было съ благоденствіемъ крестьянскимъ, и гдѣ бъ, наконецъ, собственность, спокойство и общая связь всѣхъ дѣлъ Имперіи безпристрастно наблюдена была.

Говоря о минеральныхъ заводахъ Оренбургской губерніи, не можно умолчать о учрежденномъ горномъ Правительствѣ въ Екатеринбургѣ. Сей городъ, заложенный въ 1723 году, былъ для того и учрежденъ, чтобъ въ ономъ главному горному правительству быть, что я считаю, чтобы здѣсь надлежало и Бергъ-Коллегію, яко Правительство главное, въ семъ градѣ помѣстить. Но какъ большіе господа лучше желаютъ для сохраненія своего кредиту жить близъ лица своего Государя, то никогда мудрое сіе намѣреніе Петра Великаго исполнено не было, а токмо учреждено въ Екатеринбургѣ правительство, зависящее отъ власти сея Коллегіи, находящейся въ С.-Петербургѣ, то оное не было властно многое само собою учинить, принуждено о многомъ переписываться съ сею Коллегіею, въ которой главные заводчики, имѣя себѣ защитниковъ, находятъ способъ мнѣнія пребывающаго на мѣстѣ правительства и, слѣдственно, вникшаго во всѣ обстоятельства заводовъ, рѣшеніями Бергъ-Коллегіи испровергать и сіе самое произведши коренной вредъ, повредило и сіе правительство такъ, что оно гораздо менѣе пользы приноситъ, нежели бы безъ того приносить могло. Однако, помянувъ о семъ правительствѣ, горнымъ начальствомъ называемомъ, нужно есть сказать о его настоящемъ состояніи. Оно, окромѣ что имѣетъ надзираніе надъ всѣми приватными заводами, имѣетъ особливое попеченіе о обработываніи многихъ рудниковъ, принадлежащихъ Государю; промыслъ золота промываніемъ тутъ же подъ смотрѣніемъ единого члена производится; тутъ же учрежденъ монетный дворъ для дѣланія мѣдной монеты, который съ 1769 году по 1 число Маія 1775 года передѣлалъ 13 миліоновъ шестьсотъ семьдесятъ семь тысячъ двѣсти двадцать три рубли пятьдесятъ копѣекъ. На дѣланіе сихъ монетъ берется у заводчиковъ четвертая часть мѣди по установленной цѣнѣ, т. е., пудъ по 5 рублей съ полтиною, изъ котораго дѣлаютъ монеты мѣдной 16 рублей, да 1 десятина, которую они съ выплавленной ими мѣди Коронѣ платятъ, также на дѣланіе сея монеты употребляется.

Говоривши о минералахъ Оренбургской губерніи, не должно умолчать и о великомъ числѣ камней, которые въ сей губерніи находятся: разные марморы, агаты, ясмины, хрустали, топазы, аметисты и другіе какъ въ горахъ, такъ и въ минахъ изобилуютъ, и для обдѣлыванія ихъ есть многіе изрядные мастеровые въ Екатеринбургѣ. Сей промыслъ также находится подъ вѣдомствомъ одного изъ членовъ Горнаго начальства, и конечно естьли бы въ

такомъ правителѣ вкусъ съ знаніемъ сообщался и государственное бы правительство прилѣжнымъ окомъ на сіе воззрѣло, то бъ великую прибыль могло получить. Говоря о произведеніяхъ сея губерніи, не должно умолчать о земледѣліи. Въ сей губерніи есть троякія мѣста: единыя, наполненныя каменными горами, или покрытыя дремучими лѣсами, вторыя—наполненныя минералами, а паче же желѣзомъ, противны всякому произращенію, и третія, гдѣ тучная земля сторичный даетъ плодъ тѣмъ, кто ея обработываетъ. При семъ случаѣ, хотя и опредѣляю особливую статью говорить о народахъ, населяющихъ Россію, не могу я умолчать, чтобъ нѣчто не сказать о большей части Башкирцовъ, народѣ многолюдномъ и питающемся отъ своихъ стадъ, которые толико земли для паствы оныхъ занимаютъ, чтобъ конечно въ десятеро ихъ со изобильствомъ могли питаться, естьли бы народъ земледѣльствующій былъ. Я окончу сію статью о Оренбургской губерніи описаніемъ самаго города Оренбурга, построеннаго на рѣкѣ Яикѣ въ 1734 году, который имѣетъ порядочное укрѣпленіе, населенный какъ многими переѣхавшими туда купцами, Казаками, гварнизонными солдатами и ссылочными, которые по ссылкѣ своей на своемъ содержаніи въономъ житьи поселиться хотѣли. Близъ него великой мѣновой дворъ каменной построенъ для торгу съ Киргисъ-Кайсаками, Бухарцами и другими Азіатскими народами. Градъ сей построенъ на безлѣсной и неплодоносной степи, такъ что главное неудобство сего города состоитъ въ томъ, что хлѣбъ и лѣсъ должно изъ дальнихъ мѣстъ въ сей городъ привозить.

Сибирская губернія, содержащая въ себѣ двѣ провинціи, Тобольскую и Енисейскую, и 4 города и многіе остроги. Сія губернія, заимствующая свое наименованіе отъ имени всея сея пространныя страны, лежитъ на востокъ отъ Оренбургской и Казанской губерніи; населена жъ древними ея обитателями, Татарами, нѣсколькими дикими народами, Россіянами; едина часть ея прилегаетъ къ степямъ Киргисъ-Кайсатскимъ, а другая простирается по Ледяному морю, противу Новой Земли. Земля сея губерніи есть найплодоноснѣйшая, и можно сказать, что вездѣ, гдѣ хлѣбопашество заведено, тутъ сѣмена сторичной плодъ приносятъ; тѣ жъ части сея страны, которыя необработаны земледѣліемъ, суть покрыты великими лѣсами, пихтою, ельями, соснами, кедрами и другими подобными, которыя питаютъ множество звѣрей, составляющихъ своими шкурами

знатный Россійскій торгъ. Однако сказать можно нынѣ о звѣряхъ, что ихъ весьма убавилось, а паче соболей, которой звѣрь никакъ не можетъ близко жилья жить, на нѣсколько сотъ верстъ прочь отъ поселенія убѣгаетъ и, слѣдственно, по мѣрѣ разширенія селеній, онъ отъ сея губерніи удалился; къ чему еще способствовали и самые пожоги лѣсовъ, потому что сей звѣрь далеко отбѣгаетъ, гдѣ послышитъ хотя малѣйшій дымъ. А хотя многими указами и накрѣпко запрещено огни въ лѣсахъ раскладывать, или пожоги дѣлать, но совсѣмъ тѣмъ сіе исполняется, ибо и въ самомъ дѣлѣ въ толь пространной и ненаселенной странѣ возможетъ ли земская полиція таковыя вещи запретить? Но въ самомъ дѣлѣ мое мнѣніе есть, колико на сіе дикіе народы ни жалуютса, что единая десятина распаханной земли полезнѣе государству, нежели множество драгоцѣннѣйшихъ соболей въ лѣсахъ. Говоря о земледѣліи сея страны, не должно умолчать объ Барабинской степи, которая отъ моря до Томска простирается; на сей степи учинены великія поселенія изъ отдаленныхъ вмѣсто рекрутъ на поселеніе крестьянъ, и хлѣбопашество тутъ толь размножилось, что дѣйствительно, при плодоносіи сея земли, народъ какъ онымъ, такъ и великимъ скотоводствомъ сталъ тутъ обогащенъ. Не меньше достойна сія губернія примѣчанія многими минераллами, которые въ нѣдрахъ земли находятся, и Колывано-Воскресенскій заводъ, построенный близъ Змѣиногорской крѣпости, свидѣтельствуетъ о богатствахъ, сокровенныхъ въ нѣдрахъ сея страны; ибо сей заводъ вырабатываетъ каждый годъ по семи сотъ пудъ серебра для Короны, и хотя шахта идетъ больше, нежели на 90 саженъ въ глубь земли, однако по сю пору вода ее нигдѣ не одолѣла, и многіе лѣта работы не могли истощить одинъ сей рудникъ, а многіе еще и другіе рудники, не менѣе богатые, кругомъ найдены, такъ, что можно сказать, сіи мины, вѣчное богатство и доходъ Россійской Имперіи обѣщаютъ. Не меньше жъ сія страна примѣчательна великими рѣками, орошающими ее, яко: Обь, Иртишъ, Енисей и другія, которыя, протекая чрезъ всю Сибирь, впадаютъ въ Ледяное море. Сіи рѣки и обрѣтающіяся озеры, наполнены великимъ числомъ разныхъ рыбъ, такъ, что жители Сибирскіе почти ни за что сею рыбою довольствоваться могутъ. Рѣка Иртишъ выходитъ изъ озера Норзеса, лежащаго уже на Мунгальской степи, и чрезъ самое сіе, сіе бы мѣсто могло быть способно для торговли съ Мунгальскими народами, первое по тому, что все бы

можно изъ Тобольска вверхъ по рѣкѣ Иртишу въ сіе мѣсто отправить водою, а все вымѣненное отъ Мунгаловъ и другихъ народовъ, можно обратно везти внизъ по той же рѣкѣ до Тобольска. 2) Что и самые народы малаго Тибета, которые понынѣ чрезъ Китайцевъ и Мунгалъ съ Россіею на Кяхтѣ торгъ производятъ, могли бы, не захватывая Китайскихъ областей, къ озеру Норзесу пріѣзжать. Я тѣмъ охотнѣе сіе мое мнѣніе предлагаю, что Петръ Великій въ жизнь свою всегда старался на озерѣ Зайсанѣ торговлю завести.

Иркутская губернія есть самая восточнѣйшая и пространнѣйшая изъ всѣхъ Россійскихъ губерній. Границы ея простираются возлѣ степи, отдѣляющей Россійскую Имперію отъ Китайскія по Тихому или Восточному морю, гдѣ полуостровъ Камчатка, къ сей же губерніи принадлежитъ, и наконецъ по морю Сѣверному.

Сія губернія, не взирая на ея пространство, имѣетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, двѣ провинціи, Якутскую и Удинскую, да и сія послѣдняя въ 1775 году вновь учреждена; также и городовъ въ сей губерніи очень мало. Я первѣе назначу тѣ, которые съ давныхъ лѣтъ уже имя городовъ носили, а потомъ тѣ, которымъ въ нынѣшнемъ 1775 году наименованіе городовъ дано и учреждены въ нихъ правительства. И тако изъ первыхъ: Якутскъ, Селенгинскъ, Нерчинскъ и Илимскъ; изъ вторыхъ: Удинскъ, Устькеренскъ, Алданъ, Балаганскъ, Удинская слобода, Верхоленской острогъ, Тункинской острогъ, Егинское зимовье, Верхоянское зимовье, Средне-Колымское зимовье, Обскминской острогъ и Верховинойская Волость. Я весьма отдаленъ, чтобы дѣлать охуленіе учрежденію правительствъ, естьли къ тому достаточныхъ причинъ не имѣю; однако не могу я удержаться, чтобы не сказать, что сіи городы и въ оныхъ правительства Воеводскіе и Комисарскіе учреждены по предложенію назначеннаго туда Губернатора Нѣмца, который, никогда тамъ не бывавъ, сомнительно, чтобы зналъ обстоятельства сея пространныя Имперіи; а при томъ какъ сія губернія населена по большой части дикими народами, удалена отъ сообщенія съ прочими частями Россіи, гдѣ и самое Губернаторство почти ссылкою можно почитать, и наконецъ, гдѣ Воеводы и Комисары находятъ способъ, угнѣтая дикіе народы, обогащаться, то приумноженіе правительствъ не приумножитъ ли отягощенія симъ бѣднымъ народамъ? Избирать же людей для опредѣленія туда есть дѣло весьма трудное, потому что кто благородный, имѣющій малый чинъ, туда поѣдетъ? А тѣ, которые ѣдутъ для

наживы, не суть годные люди. Есть при нынѣ царствующей Императрицѣ изданной, весьма выгодной для Сибири, законъ, состоящій, что кто шесть лѣтъ въ Сибирѣ въ одномъ чину пробудетъ, тотъ можетъ требовать и получить повышеніе чина; но я удивляюся, что въ семъ законѣ вся Сибирь подъ единое правило была вмѣщена; ибо какъ можно сверстать Тобольскую губернію, въ разсужденіи ея близости къ Россіи и другихъ выгодъ, съ отдаленностію Иркутской губерніи, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ и хлѣба можно достать?

Я, упоминая о городахъ Иркутской губерніи, не означилъ ни одного острога изъ обрѣтающихся въ полуостровѣ Камчаткѣ, которые заимствуютъ свое наименованіе отъ протекающей рѣки того же имени. Оные суть, на западномъ берегу сего полуострова: остроги Кигильской, Ичинской, Боровской, Волшерѣцкой; въ срединѣ острова: Верхо-и Нижне-Камчатскіе.

Народы, населяющіе сію губернію, суть: Братскіе, близъ озера или моря Байкала; Тунгусы, занимающіе великое пространство по обѣимъ сторонамъ рѣки Лены; Якуты, населяющіе около средины теченія той же рѣки правую сторону, а при впаденіи ее и въ море и обѣ стороны; Юкагиры, населяющіе обѣ стороны рѣки Колымы до впаденія ея въ Сѣверный окіянъ; Чукчи, населяющіе самую сѣверную часть Сибири; Коряки, живущіе близь рѣки Анадира и, такъ называемаго, моря Пенжинскаго, и наконецъ Камчадалы, населяющіе Камчатку. Рѣки, орошающія сію губернію, суть: Лена, найвеличайшая изъ всѣхъ, которая имѣетъ свое начало близъ озера Байкала и впадаетъ въ Сѣверное море; длинное ея теченіе, широта, чистота воды и обильство рыбы дѣлаетъ подлинно, что должно ее единую изъ первѣйшихъ въ свѣтѣ почитать; другія же рѣки суть: Яна, Индигирка, Колыма, которыя всѣ впадають въ Сѣверный окіянъ; Данъ, Олекма, Витимъ, Вилуй, впадающія въ рѣку Лену, и рѣка Тунгусъ, выходящая изъ озера Байкалъ и соединяющая сіе озеро съ рѣкою Енисеемъ. Не можно пропустить, чтобъ не помянуть о семъ великомъ озерѣ, которое простирается въ длину около 1000 верстъ, а въ ширину въ узкихъ мѣстахъ около восьмидесяти верстъ, и также, какъ всѣ прочіи воды сея губерніи, имѣетъ особливую чистоту и наполнено рыбою. Я въ окончаніи, что касается до водъ сея губерніи, не могу умолчать о рѣкѣ Шилкѣ, которая отъ стеченія рѣкъ Ингоды и Читы начало свое имѣетъ, умножается впаденіемъ въ ея

рѣкою Аканъ, и наконецъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ кончатся Россійскія границы, соединясь съ рѣкою Аргунъ, сочиняетъ знаменитую рѣку Амуръ, текущую въ Китайскихъ областяхъ, которыя бы владѣніе весьма полезно было Россійской Имперіи, потому что сія рѣка есть глубокая и широкая, а вокругъ рѣки Шилки можно найти все нужное для строенія морскихъ судовъ, то бы владѣніемъ рѣки Амура, впадающей въ Камчатское море, самимъ бы тѣмъ могли пріобрѣсти владѣніе и Тихаго моря, и ближайшимъ бы образомъ торговлю свою въ восточную Индію распространить. Въ прежнія времена сія рѣка и составляла границы Россійскія, но посланной въ 1698 году для разграниченія Россійской Имперіи съ Китайцами Головинъ, не проникая ни нужды, ни важности владѣнія сея рѣки, обще съ городомъ Альбазиномъ, теченіе сея рѣки Китайцамъ во владѣніе уступилъ. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, когда Графъ Петръ Ивановичь Шуваловъ, присвоя себѣ государственные доходы, но не могши насытить своего корыстолюбія, химерическіе проекты представлялъ о завоеваніи Китая, старался онъ познать теченіе и глубину сея рѣки, о чемъ бывшему тогда Губернатору всея Сибири, Ѳедору Ивановичу Соймонову, и писалъ, отъ котораго для сего и посланъ былъ сынъ его, бывшій тогда артиллерійской Офицеръ, а нынѣшній Сенаторъ, Михайло Федоровичь Соймоновъ, и сей, сѣдши на плотахъ на рѣкѣ Шилкѣ, поплылъ въ низъ къ рѣкѣ Амуру. Единый изъ должныхъ быть при немъ Казаковъ, проникнувъ о намѣреніи Соймонова, кинувшись на маленькой плотъ, упредилъ его и о томъ стоящимъ Китайскимъ карауламъ объяснилъ, которые и воспрепятствовали плаваніе его рѣкою Амуромъ продолжать. Тако сіе намѣреніе, не имѣвъ ни малѣйшаго успѣха, дало токмо знать Китайцамъ о намѣреніяхъ Россіи паки овладѣть сею рѣкою. Намѣреніе хотя важное и полезное, но, конечно, не стоющее, чтобъ за сіе войну начинать.

Тако упомянувъ о разныхъ рѣкахъ и ихъ важности, остается мнѣ сказать о произведеніяхъ сея страны. Пространство и мѣстоположеніе сея губерніи по шару земному довольно показуетъ, что тутъ должны быть разные климаты, что и дѣйствительно есть. Сѣверныя ея части толь холодны, что не токмо ни какого рода сѣянія не могутъ имѣть, но и самой лѣсъ не ростетъ, а гдѣ и есть лѣсъ, и тотъ стужею обремененной, не можетъ, какъ въ поясъ человѣка выростать. Печальныя сея страны жители, странствуя между

горъ и снѣговъ, питаются рыбою и звѣрями, которыхъ бьютъ на ловитвѣ, или оленями, которыхъ, во время переплаванія ихъ чрезъ рѣки, бьютъ. * Хлѣбъ имъ почти не знаемъ; ибо и несчастнымъ тамошнимъ Русскимъ пудъ почти приходитъ въ 3 и 4 рубли: домовъ они не знаютъ и обогрѣваются рогами оленьими какъ дикихъ, такъ и домашнихъ, которыхъ они имѣютъ великое число. Напротиву же того, полуденныя части сея губерніи раждаютъ изобильно всякіе сѣмена, которые только въ холодномъ климатѣ изобильно родиться могутъ, яко рожь, овесъ и ячмень; ибо не взирая, что городъ Иркутскъ, лежащій на градусѣ сѣверныя широты и долженъ бы былъ пользоваться благорастворенным воздухомъ, однако климатъ тамъ такъ холоденъ, что ни какіе древесные плоды не созрѣваютъ, и увѣряютъ, что самая земля только на аршинъ, или на пять четвертей распускается; морозы въ сей губерніи суть чрезвычайны, такъ что самыя стекла въ окончинахъ отъ оныхъ трескаются, что уповаю происходитъ отъ того, что сія страна лежитъ на востокъ, и отъ самой высокости мѣста. Впрочемъ, скотоводство въ сихъ частяхъ сея губерніи есть чрезвычайно, такъ что многіе есть крестяне, которые отъ пятисотъ до тысячи скотины имѣютъ, и звѣрей, годныхъ для ѣды, такъ какъ дикихъ козъ и оленей, и тѣхъ, которые мѣхами своими большой торгъ составляютъ, яко соболей, песцовъ и лисицъ, есть великое множество; равнымъ же образомъ птицъ, водяныхъ, полевыхъ и лѣсныхъ, и разныхъ рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ, есть великое обильство. Между земными произведеніями не можно умолчать о богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ минахъ, которыя находятся близъ города Нерчинска, что легко можно заключить изъ того, какъ объясняется бывшимъ тамъ командиромъ, Генералъ-Маіоромъ Васильемъ Ивановичемъ Суворовымъ, въ поданномъ письмѣ въ 1775 годѣ, Ея Императорскому Величеству, что съ 1763 года по 2 число Мая 1775 года, выплавлено имъ серебра пять тысячь сто шестьдесятъ два пуда, одиннадцать фунтовъ, 42 золотника; золота 40 пудъ; за расходами прибыли три милліона осмьнадцать тысячъ семьсотъ шесть-

---

* При начатіи жаровъ олени великими стадами ходятъ изъ сѣвера къ полдню, а при начатіи осени опять на сѣверъ возвращаются. Сіи дикіе народы знаютъ время и мѣста, гдѣ они рѣки переплавываютъ и тутъ ихъ стережа, побиваютъ ихъ великое число.

десять рублей восемьдесять двѣ копѣйки; да отпущено безденежно на Коливанскіе заводы свинцу двѣсти четырнадцать тысячь шестьсоть пятьдесять шесть пудъ, двадцать шесть фунтовъ; работниковъ же на сихъ заводахъ семь тысячъ шестьсотъ семьдесятъ четыре человѣка. Я ни мало не сомнѣваюсь во всемъ усердіи Генералъ-Маіора Суворова, однако нѣкоторыя, имъ сдѣланныя, учрежденія на заводахъ, извѣстныя мнѣ, не кажутся совмѣстны съ состояніемъ тѣхъ заводовъ. Въ инструкціи, данной ему, повелѣно отдавать партикулярнымъ людямъ въ промыслы отдаленные отъ Нерчинскихъ заводовъ рудники, что имъ и исполнено было отдачею богатыхъ рудниковъ, лежащихъ токмо въ пятнадцати варстахъ разстояніемъ отъ заводовъ, такъ какъ между прочимъ рудникъ, называемый Михайловской, который съ другими богатѣйшими отданъ Сибирякову, а другіе, не такъ богатые и отдаленнѣйшіе, оставлены при Государственныхъ заводахъ. Я весьма отдаленъ отъ того, чтобъ думать, яко бы всѣ въ земли сокровенныя сокровища должны Государю принадлежать; ибо такое несправедливое мнѣніе, вкоренившееся до нынѣ въ Правительство, множество такихъ сокровищей, безъ открованія въ землѣ оставляло, и конечно правило, что каждый, гдѣ такое сокровище найдетъ, можетъ, на нѣкоихъ правахъ для Короны вырабатывать оное, есть весьма полезно для тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно работниковъ сыскать; но въ Нерчинскѣ суть другія обстоятельства. Окружности Нерчинска или населяютъ малое число Русскихъ крестьянъ, обогащенныхъ великимъ пространствомъ и тучностію земли, и великимъ скотоводствомъ, и обильностію рыбъ: и тако имѣя все нужное для жизни человѣческой, сіи, конечно, въ трудную работу минъ не пойдутъ; иль дикіе и военные народы, питающіеся ловитвою, которые также скорѣе захотятъ изъ мѣстъ своихъ переселиться, нежели въ минахъ работать за какую бы то ни было плату, чего ради и на Нерчинскихъ Государевыхъ заводахъ употребляется большая часть каторжныхъ, — то какими же людьми сей Сибиряковъ взявши рудники, будетъ ихъ обработывать? Я слышалъ, что ему даются на сіе каторжные изъ Государевыхъ заводовъ изъ одного прокормленія, то не лучше ли бы оныхъ употребить для прибыли Государевой, нежели приватному человѣку отдавать? А изъ сего самаго выходитъ, что Сибиряковъ долженъ льстить Командирамъ Нерчинскимъ. Ежели они склоняются на его желаніе, то заводъ Государевъ будетъ ослабѣвать, а ежели не скло-

няются, то онъ въ разореніе принужденъ прійти; ежели же насильно будетъ принуждать дикіе народы работать у себя, то сіе можетъ произвести бунтъ, такъ какъ сіе не единожды въ Башкиріи было.

Рижская и Ревельская губерніи. Сіи губерніи, бывшія прежде областями Рыцарей Меченосцевъ по разнымъ примѣненіямъ властителей, наконецъ отъ Швеціи были Россіянами завоеваны. Сіи губерніи также называются Лифляндская и Эстляндская. Мѣстоположеніе ихъ на Сѣверъ и близъ моря дѣлаетъ, что землю они имѣютъ весьма не тучную; но какъ сіи страны, для сохраненія своея вольности, должны были сами себя всѣмъ продовольствовать, и нужда, родительница изобрѣтеній, произвела въ нихъ такое примѣчаніе ко всякому роду домостроительства, что изъ бѣдной и худой земли, они ее богатѣйшею учинили; хлѣбопашество въ ней процвѣтаетъ, торгъ внутренній и внѣшній безпрестанно обращается, лѣсовъ безъ излишества, но довольно, скота обильно, рыбныя ловли изрядныя, что все, еще бывъ защищаемо ихъ правами и вольностями, въ лучшее состояніе приводится.

Выборгская губернія, пріобщенная къ Россіи по трактатамъ, является, яко бы естество, поставя сію область въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ свѣта, наполняя ее неудобными каменными горами, великими болотами и озерами, опредѣляло ее болѣе къ населенію дикимъ звѣрямъ, нежели людямъ; однако изъ древнихъ лѣтъ поселившіеся тутъ жители толь же въ нравахъ своихъ упорны, сколь земля ихъ дика, самою нуждою своею бывъ поощрены, принуждены были на самыхъ хребтахъ каменныхъ горъ и по разсѣдинамъ почти на наношенной землѣ хлѣбъ сѣять, болота осушать и лѣса вычищать для земледѣлія жъ. Страна сія намъ показываетъ чудеса рукъ человѣческихъ, и что нѣтъ почти невозможности, которой бы не можно было трудами преодолѣть. Сія страна хладная и неудобная къ земледѣлію доводена до того, что въ иныхъ мѣстахъ въ десятеро хлѣбъ раждаетъ, а менѣе нигдѣ не родится какъ въ четверо; однако, самое сіе удобреніе земли еще не можетъ продовольствовать жителей сея страны, первое, тѣмъ, что коль земля ни сдѣлана плодоносною, однако ни одинъ владѣлецъ не можетъ большой пашни имѣть, а притомъ, понеже въ Финляндіи всякой крестьянинъ есть собственный владѣтель своего участка, то нѣтъ между ими никакого соединенія для большаго какого предпріятія, чрезъ что, хотя малыя болота обсушаются,

но большія по прежнему остаются; тако самыя тѣ права собственности крестьянской, которыя побудили ихъ маленькія свои участки толь удобрить, суть препоною, чтобъ большое какое предпріятіе учинено было. Весьма бы полезно было для сего, ежели бы Правительство послѣдовало мнѣніямъ господина Статскаго Совѣтника Калмана, т. е., чтобы казеннымъ коштомъ нѣкоторыя большія болота обсушить и роздать ихъ крестьянамъ торперамъ, т. е., бобылямъ, которыхъ тамъ великое множество. Я уже выше упомянулъ о множествѣ лѣсовъ въ сей губерніи, которые составляютъ знатной оныя торги, но зажиточные мѣщане построивъ пильныя мельницы и находя себѣ защищеніе отъ самаго Губернатора, Енгельгарта, женившагося на Финляндкѣ и владѣтеля самаго многими мельницами, не слѣдуютъ учрежденному предписанію, по скольку на каждой мельницѣ пилить, а чрезъ сіе самое лѣса разоряютъ. Впрочемъ, лѣса сіи наполнены множествомъ звѣрей и птицъ, озера, рѣки и море великимъ числомъ рыбъ, которые также къ промыслу и пропитанію крестьянъ вспомоществуютъ. Весь Финляндской народъ особливо склоненъ къ скотоводству, и хотя въ разсужденіи у нихъ малаго числа паствъ и долго продолжающейся зимы, не могутъ они великихъ стадъ имѣть, однако и то число, которое они имѣютъ, толь умѣютъ содержать, что имъ скотина великую пользу приноситъ.

Украинская Малороссійская губернія. Когда Малороссія, при Гетманѣ Хмельницкомъ, пришла въ подданство Царю Алексѣю Михайловичу, тогда владѣніе всѣхъ полковъ Малороссійскихъ и Заднѣпровскихъ оставлено было сему Гетману и его пріемникамъ: но когда, послѣ смерти Гетмана Скоропадскаго, за нужное почтено было, по политическимъ обстоятельствамъ, чтобъ болѣе Гетмановъ въ Малороссіи не имѣть, тогда учреждена была Коллегія, и главный надъ оною, Князь Алексѣй Ивановичь Шаховской; но при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, не по отмѣнѣ политическихъ причинъ, но жертвуя оныя благоволенію своему къ дому Разумовскихъ, былъ сдѣланъ Гетманомъ, Графъ Кирилла Григорьевичь Разумовскій, который и правилъ Малороссіею до царствованія Императрицы Екатерины II. Въ третій годъ Ея царствованія нѣкоторыя причины, которыя въ сокровенности Кабинета остаются, склонили Правительство сдѣлать то, чтобъ Гетманъ Разумовскій сложилъ съ себя чинъ Гетманскій, и Малороссію учредили губерніей, подъ властію учрежденной нарочно Малороссійской Коллегіи, которой Президентомъ и

Губернаторомъ былъ пожалованъ Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ. Сей потомъ, окончивъ благополучно послѣднюю Турецкую войну, силы своей при Дворѣ пріумножилъ, отъ чего и Кіевская губернія стала къ Малороссійской пріобщена. Я не знаю, что препорученіе правленія толь знаменитому вождю, которому Коллегія Малороссійская не можетъ по силѣ у двора противурѣчить и, слѣдственно, онъ соединяетъ въ себѣ всю власть Гетманскую, съ пріобщеніемъ еще подъ его начальство большой части регулярныхъ войскъ, его любящихъ, не болѣе ли противно политикѣ, нежели пребываніе самаго Гетмана? Но оставя сіе политическое разсужденіе, упомяну о производствахъ сея страны. Жирная и плодоносная земля во всей сей губерніи великое обильство хлѣба и всякихъ земляныхъ плодовъ производитъ, лѣса ея наполнены плодовытыми деревьями, едиными бы могущими жителей своихъ пропитать; скотоводство тутъ чрезвычайное, и скотина какъ ростомъ, такъ и добротою отъ другихъ отличествуетъ, и не только довольствуетъ оною великую Россію, но и часть оныя отгоняетъ для продажи въ Германію, яко въ Данцигъ и Бреславль. Недостатокъ въ сей губерніи есть въ строевомъ лѣсѣ и въ водахъ, ибо хотя тутъ и многія великія рѣки протекаютъ, но въ разсужденіи пространства сея страны, еще можно сказать, что ихъ недостаетъ. Сказать можно, что сія страна еще бъ обильнѣе была, если бъ самое ея обильство не приводило жителей въ облѣнчивость, ибо во всей Малороссіи почти ни большихъ фабрикъ, ни знатныхъ художествъ и ремеслъ нѣтъ; къ тому же спомоществуетъ и самая вольность сего народа; ибо единые пользуясь правомъ Казачкимъ, не толь прилѣжатъ къ земледѣлію; другими словами, земледѣльцы, которые называются посполитыми, отъ ратушей зависятъ и вольны были съ мѣста на мѣсто переходить; слѣдственно, нигдѣ не старалися утвердить свой домъ, и хотя нынѣ сія ихъ вольность нѣсколько и пресѣчена стала, но не скоро можно застарѣлой обычай изъ сердецъ людскихъ искоренить.

Новороссійская губернія мѣстоположеніе свое имѣетъ на полднѣ Кіевской губерніи, и раздѣляется на двѣ провинціи, Елисаветоградскую и Екатерининскую. Сіе мѣсто было пустое и токмо были тутъ нѣсколько поселенныхъ слободъ, вышедшихъ изъ Польши бѣглыхъ Россіянъ, которыхъ Петръ Великій, послѣ нещастнаго Прутскаго дѣла, вывелъ. Не безъизвѣстно есть и найотдаленнѣйшимъ народамъ хорошее благорастворение воздуха сея области, туч-

ность ея земель, окромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, прилегающихъ близъ устій рѣкъ къ морю, гдѣ вертячіе пески чинятъ землю неудобну къ земледѣлію; обильство во всякихъ плодахъ, яко виноградѣ и прочихъ; и равно великое плодородіе земли такъ удобно еще къ скотоводству; довольное число лѣсу толь рѣдкаго въ сихъ странахъ; * такъ же и не малое число рѣкъ, орошающихъ оную (Днѣпръ тутъ протекаетъ и способствуетъ къ привозу сверху потребнаго лѣсу для строенія), которыя тутъ начало свое приемлютъ, яко Ингулы Большой и Малой, и другія; и сего ради Хорватъ Венгерецъ, служившій въ Венгерской службѣ, послѣдователь же Греческому закону, въ 1753 году пріѣхавъ въ Россію, предложилъ Правительству, чтобъ сіи земли утѣсняемыми за Греческій законъ Венгерцами и Бошняками населить. Набожная Императрица Елисавета мнила въ предложеніи семъ найти себѣ способъ здѣлать богоугодное дѣло; происки его и дары всѣмъ, тогда обрѣтающимся въ силахъ, учинили, что и они, затмѣвая политическія, противныя Хорвату, причины, паче склонность Императрицину самою пользою Государства старалися подкрѣпить. Тако все требуемое Хорватомъ ему было обѣщано, даже и то было забыто, что тѣ мѣста, которыя ему, яко пустыя степи, отдаютъ, имѣли вышепомянутыхъ вышедшихъ изъ Польши жителей и нѣсколькихъ Миргородскаго полку мѣстечекъ, поселенныхъ Брегадиромъ Капнистомъ, которые такимъ образомъ подъ власть Хорвату были отданы, и, отъ оного убѣгая, обратно въ полкъ ушли. Хорватъ былъ пожалованъ Генералъ-Маіоромъ, и хотя обѣщанія и ласки ему превосходили самую его надежду, но сей хитрый мужъ, зная, что онъ подъ деспотическое Правительство вступаетъ, требовалъ не такой области, которая бы пространствомъ своимъ могла внити во области Россійскія, но узкой поясъ, простирающійся отъ Архангелогородскаго шанца по Переволочну, съ такими намѣреніями, что есть-ли ему удастся во области сей власть свою утвердить, то, съ одной стороны, примыкаяся къ Польшѣ, а съ другой, гранича почти съ Турецкой Имперіей, отъ обѣихъ сихъ можетъ помощь себѣ и противу самыя Россіи заимствовать. Мышленное его расположеніе

---

* Изъ сихъ единый пространный лѣсъ назывался Чернымъ лѣсомъ, который нынѣ почти весь выведенъ. Въ прочемъ же, не малая часть жителей топятъ свои домы или ростущимъ толстымъ тростникомъ кругъ рѣкъ, или вербами, которыхъ также довольно по берегамъ находится.

казалось весьма хитро; но въ немъ главная ошибка была то, что онъ мало зналъ Россію, которой сила толь Польскую превышаетъ, что никакъ не можно было ему ни въ какомъ случаѣ на сію нестройную Республику понадѣяться, а Турецкая имперія толь отдалена, что такъ же не могъ вскорѣ отъ нея помощи получить, хотя бы она и хотѣла ему дать, что есть весьма такъ же сумнительно. Что же касается до Крымскихъ Татаръ, то сіи, по неустройству своему и по малому ихъ знанію въ военномъ искуствѣ, не могли быть страшны Россіи; а къ тому же самымъ полученіемъ сихъ земель онъ огорчилъ тогда жившихъ далѣе его къ Татарамъ Запорожскихъ Казаковъ, и вмѣсто что, можетъ статься, онъ надѣялся помощь въ случаѣ и отъ нихъ имѣть, яко отъ людей, которые толь часто противу Россіи бунтовали, учинилъ ихъ своими непріятелями и надзирателями его поступку.

Приступимъ сказать о его поселеніяхъ. Сей мужъ, показавшій сперва имѣть толь глубокіе виды, во исполненіи совсѣмъ былъ не таковъ. Онъ сперва вызвалъ не малое число Венгровъ, Славянъ и Бошняковъ Греческаго исповѣданія; но, имѣя ненасытное желаніе обогатиться, вскорѣ его корыстолюбивые поступки учинили, что не токмо таковые чужестранные престали къ нему приходить, но и пришедшіе многіе назадъ ушли, такъ что, имѣя великое пространство земли, но безъ жителей, онъ, подъ видомъ чужестранныхъ, началъ принимать бѣглыхъ Малороссіянъ, и льстяся сочинить именованіемъ токмо пять полковъ гусарскихъ. Поступки и преступленія его до такой крайности дошли, что ниже уже защитники его могли предпринять его оправдать, и по долгихъ Коммисіяхъ, въ которыхъ онъ всегда ожидалъ оправданъ быть, наконецъ онъ былъ арестованъ и сосланъ на Вологду, а правленіе сея области, подъ именемъ Новороссійской губерніи (вмѣсто Новой Сербіи, какъ она прежде называлась), было препоручено Кіевскому Губернатору, и Генералъ-Порутчикъ, Алексѣй Петровичь Мельгуновъ, который былъ единый изъ его слѣдователей, бывшій любимцомъ у Петра III-го, для отдаленія его отъ Двора, былъ посланъ для формированія еще тутъ четырехъ пикинерныхъ полковъ изъ приобщенныхъ нѣкоторыхъ Украинскихъ селеній.

Оставя, что касается до войска, до другаго времени, скажу, что наконецъ, въ 1774 году, Григорій Александровичь Потемкинъ, любимецъ Императрицынъ, испросилъ себѣ сію губернію, а по заключеніи мира и предпріялъ сію губернію населить выходящими Мол-

давцами и Волохами; но кажется мнѣ, что о семъ бы во время самаго пребыванія нашихъ войскъ въ Молдавіи надлежало помышлять, а не при заключеніи мира, учинившуюся намъ дружеской державою Порту Оттоманскую подданными ея ограблять, чего она именно и терпѣть не будетъ. Къ тому же выше я сказалъ, коль сія страна есть плодоносна, то слѣдственно требуетъ себѣ добрыхъ земледѣльцовъ, которыхъ въ Волохахъ и Молдавцахъ сыскать не можно; слѣдственно, не лучше ли бы Россіянами, хотя для показанія примѣру другимъ хлѣбопашества, населить, какъ то при Императрицѣ Аннѣ было учинено близъ Дона. А при томъ мнѣ кажется всегда опасно бѣглецамъ изъ своего отечества и чуждымъ народамъ препоручить защищеніе границъ государства.

Слободская губернія содержитъ въ себѣ пять провинцій: 1) Харьковскую, которой главный городъ есть Харьковъ, и въ немъ и самый Губернаторъ сея губерніи имѣетъ свое пребываніе, 2) Ахтырскую, 3) Сумскую, 4) Острогожскую, и 5) Изюмскую.

Сія губернія лежитъ на востокѣ отъ Малороссійской губерніи, на полднѣ отъ Бѣлогородской и на западъ отъ Воронежской. Власть ея Губернаторскаго правленія простирается не токмо на всѣхъ тѣхъ Черкасъ, которые въ сей губерніи поселены, но и на всѣхъ прочихъ, выселенныхъ въ разныя времена въ другія Великороссійскія губерніи, яко, дабы помянуть для примѣру, обрѣтаются на Волгѣ близъ Царицына выселенныя Украинцовъ слободы, для поставки соли, которые, хотя впрочемъ подъ правленіемъ Астраханскаго Губернатора находятся, но положенныя съ нихъ подати отсылаются въ Слободскую гобернію, которыя и употребляются на содержаніе тамъ гусарскихъ полковъ.

Общимъ образомъ должно о сей губерніи сказать, что она во всемъ изобильна, земля плодоносна для произвожденія всякаго рода хлѣба, лѣса ея наполнены множествомъ плодовитыхъ деревьевъ, луга питаютъ великое число крупной и хорошей скотины, воздухъ здоровъ и благопріятенъ, знатныя рѣки, Ворскла и Сѣверный Донецъ, ее орошаютъ, и хорошее учиненное сіе учрежденіе Евдокимомъ Алексѣевичемъ Щербининымъ, бывшимъ тамо со властію Губернаторскою, который самую сію губернію учредилъ, толь не токмо живущему народу, но и всѣмъ пріѣзжимъ ощутительно, что каждый съ похвалою изъ сей земли выѣзжаетъ, и конечно бы не надлежало искать другаго, окромѣ сего испытаннаго,

для учиненія благоустройства къ государству. Но можно къ сему еще приложить, что многія есть учрежденія, необходимо нужныя для сея губерніи, которыя сей Господинъ Губернаторъ единственно силою своею содержалъ, яко, между прочимъ, Наказъ земскимъ коммиссарамъ, который хотя многажды Именными Указами велѣно было разсмотрѣть, но какъ были сему Губернатору многіе недоброжелатели, то все сіе въ бездѣйствіи оставалось, какъ и понынѣ есть. Зачинаетъ въ сей губерніи являться недостатокъ въ лѣсахъ, происходящій отъ неограниченнаго винокуренія всѣми Казаками, о чемъ также помянутый Губернаторъ представлялъ, чтобы учинить ограниченіе; но, какъ между прочими владѣльцами въ Слободской губерніи была Княгиня Анна Даниловна Трубецкая, теща Князя Вяземскаго, Генералъ-Прокурора, которая раздавала свое вино сидѣть подданнымъ ей Черкасамъ и, оное продавая, получала себѣ великую прибыль, то не токмо никакого нужнаго о лѣсахъ учрежденія Сенатомъ утверждено не было, но и самъ Генералъ-Прокуроръ, личный непріятель тогдашнему Губернатору Щербинину учинился.

Псковская губернія вмѣщаетъ въ себѣ пять провинцій: 1) Псковскую, 2) Великолуцкую, которыя прежде къ Новгородской губерніи принадлежали, 3) Витепскую, 4) Полоцкую, и 5) Двинскую, присовокупленныя отъ Польши къ Россіи, изъ которыхъ составлена единая изъ губерній Бѣлыя Россіи, именованная Псковскою, по древнему именитому граду, Пскову. Но какъ самый сей градъ лежитъ на краю сея губерніи, то Губернское Правленіе переведено въ городъ Опочку, мѣстоположеніемъ на другомъ краю Псковской провинціи и почти по середкѣ губерніи.

Что касается до доброты земли сея губерніи, то большая часть ея земель суть глинистыя и песчаны. Земледѣліе тутъ болѣе процвѣтаетъ въ древнихъ Россійскихъ провинціяхъ, нежели пріобрѣтенныхъ отъ Польши, которыхъ подъ Польскимъ правленіемъ удрученный народъ ни къ хлѣбопашеству, ни къ скотоводству, ни къ искусствамъ и ремесламъ не прилежитъ; да и пріучить его трудно по праву, которое тамъ имѣютъ сидѣть вино, то крестьянинъ и малое число напахавъ, имѣя дешевое вино, старается пропить, и такъ облѣнчивость не допускаетъ много выработать, а что и выработаютъ, то имъ никогда не можетъ чувствительно быть, ради скорыя издержки на вино. Псковской же провинціи крестьяне гораздо приле-

жать къ земледѣлію и, можетъ статься, могли бы имѣть довольно хлѣба, естьли бы прибыльнѣй себѣ не почитали сѣять ленъ, который во всей Европѣ за лучшій почитается и отпускается въ великомъ количествѣ въ чужіе краи, чрезъ скупаніе помѣщиковъ у крестьянъ, которые его потомъ чужестраннымъ купцамъ продаютъ. Небезполезно есть о качествѣ сего произведенія Псковской провинціи помянуть: онъ длиненъ, чистъ и бѣлъ, но такъ жестокъ, что Россійскія фабрики за трудностію опрядать его въ тонкую нитку, его не употребляютъ. Новогородскій Губернаторъ, Сиверсъ, стараяся, чтобы сей ленъ могъ быть способенъ и на внутреннее употребленіе, обѣщалъ награжденіе тѣмъ, кто его тонѣ другихъ опрядетъ и вытачетъ тонкое полотно, и сіе многіе исполнили, но сами они признаются, что сдѣланныя изъ сей пряжи полотна весьма не носки, но вскорѣ всѣ переломаются, и тако благое намѣреніе сего Губернатора не могло до желаемаго конца достигнуть. Однако намъ извѣстно, что въ цѣлую Европу сей ленъ покупаютъ и дѣлаютъ изъ него хорошія и крѣпкія полотна, то не нужно ли бы было Правительству не пощадить и великаго числа денегъ, дабы узнать сей способъ? Но ожидать сего не должно прежде нежели о прямомъ состояніи Россіи узнаютъ, и узнаютъ о разныхъ качествахъ ея произведеній. Впротчемъ, сія губернія наполнена великими лѣсами, которые отпуская въ Ригу, знатной торгъ составляютъ. Однако не должно надѣяться, чтобы торгъ сей могъ долго продолжаться; ибо знатные господа, которые получили въ приобрѣтенныхъ провинціяхъ деревни, стараясь какъ можно скорѣе деньги получить, великое число всякихъ лѣсовъ, а паче мачтовыхъ, въ Ригу отпускаютъ, заводятъ хрустальные и поташные заводы, и являются поступкомъ своимъ ежедневно доказывать, что они ни какъ не надѣятся, чтобы сіи провинціи за Россіею осталися, и для того токмо маловременную прибыль стараются стянуть съ своихъ деревень.

Говоря о льнѣ и о лѣсѣ сея губерніи, надлежитъ помянуть и о рѣкахъ, которыми сіи произведенія къ портамъ Нарвскому и Рижскому доставляются. И тако главная рѣка, протекающая сквозь сію губернію и орошающая ее, есть рѣка Великая, имѣющая свое начало въ Полоцкой провинціи, откуда текучи сквозь всю Псковскую и орошая Опочку, Псковъ, впадаетъ въ Чудское озеро. Вторая рѣка Двина, которая, отдѣляя сію губернію отъ Польши, орошаетъ одинъ брегъ Россійскія державы и протекаетъ чрезъ Ригу даже до моря.

Въ сей, наполненной лѣсами, болотами и озерами, губерніи, конечно и другія есть рѣки, удобныя къ судовому ходу и, слѣдственно, къ способствію торговли, яко: рѣки Алеля, Соротъ, Евесть, Пешитъ, Ловать, и озера Чудское, Любань, Лиспо, Печерцо, Себѣжъ, Ало, Нещердо, Невель, и многія другія, которыя наполнены довольнымъ числомъ рыбъ; и конечно, не сумнительно есть, что сія страна, наполненная столькими озерами и рѣками, могла быть приведена къ лучшему сообщенію водою, но сіе должно отложить, пока торговля тутъ размножится и когда съ довольнымъ знаніемъ будутъ имѣть попеченіе о таковыхъ сообщеніяхъ.

Могилевская губернія вмѣщаетъ въ себѣ 4 провинціи, т. е., Могилевскую, Оршанскую, Мстиславскую и Рогачевскую. Сія губернія, прилегая съ одной стороны къ Смоленской, съ другой къ Псковской, съ третьей къ Россійской Украйнѣ и къ Малороссіи, имѣетъ разнаго свойства земли. Тѣ, которыя лежатъ къ Псковской губерніи, суть гораздо хуже, а которыя лежатъ къ Малороссіи, тѣ весьма хорошаго свойства, яко и по самымъ лѣсамъ видно, что въ сей губерніи великіе лѣса дубовые находятся, и конечно бы могло тутъ процвѣтать земледѣліе и обильно довольствовать земледѣльца за труды его, естьли бы утѣсненіе, подъ коимъ были подъ Польскимъ правленіемъ жители, и послѣднія разоренія сію область не опустошили. Но гдѣ благорастворенiе воздуха съ добротою земли соединяются, тутъ и впредь добраго земледѣлія ожидать можно, тѣмъ найпаче, что и способъ оное имѣетъ хлѣбъ свой въ Смоленскъ продавать.

Рѣки, орошающія сію губернію, суть Днѣпръ и Сожъ, впадающая въ оный, которыя теченіемъ звоимъ въ Малороссію способствуютъ сообщенію водою между сихъ областей, и хотя весьма рыбными ихъ назвать не можно, однако и недостатка въ рыбѣ нѣтъ.

Я выше помянулъ о дубовыхъ лѣсахъ, которые находятся въ сей губерніи, которые, по причинѣ ихъ положенія на Днѣпрѣ, весьма могутъ полезны быть для сплавливанія сею рѣкою, ежели когда бы Россія восхотѣла на устьяхъ Днѣпра завести корабельное строеніе. Но чѣмъ болѣе предвидится нужды въ сихъ лѣсахъ, тѣмъ болѣе потребно стараться о сохраненіи ихъ, и тѣмъ найпаче, что два есть способа, которые доводятъ къ истребленію ихъ: 1) Прежде дѣлалось, да и нынѣ не запрещено, отъ Рижскаго порта всякіе лѣса отпускать, и тако, привезя на Двину въ разныхъ кускахъ, великое

число дубоваго онаго лѣсу, идетъ въ Ригу и оттуда въ чужіе краи, и хотя и было повелѣно Генералъ-Губернатору общее о лѣсахъ Бѣлыя Россіи, годныхъ для Адмиралтейства, учинить разсмотрѣніе, но какъ онъ самъ производитъ торгъ мачтовыми деревьями изъ Псковской губерніи, то не приступилъ и о сихъ дубовыхъ разсмотрѣніе чинить. 2) Губернія сія и лѣсныя ея мѣста прилегаютъ къ областямъ Россійскимъ, совсѣмъ не имѣющимъ лѣсовъ; вмѣсто что въ Россіи есть ремесла и рукодѣлія, въ Могилевской губерніи его нѣтъ; и такъ изстари заведенъ былъ торгъ, брать рукодѣлія изъ Россіи, а оттуда на промѣнъ давать лѣсъ, и вкоренившійся великимъ числомъ лѣтъ сей обычай, основанный на взаимственной нуждѣ, трудно отвратить.

IV. О многонародіи. Окончивъ описаніе о плодородіи разныхъ губерній Россійской Имперіи, надлежитъ нѣчто сказать о многонародіи; и для того необходимо нужно на разныя части по народамъ различить, а именно: 1) Россіяне и всѣ иновѣрцы, платящіе подушный окладъ и дающіе рекрутъ. 2) Россіяне и иновѣрцы, платящіе подушный окладъ, но недающіе рекрутъ. 3) Разныхъ Христіянскихъ исповѣданій люди. 4) Разные Казаки и другіе военные поселяне. 5) Башкирцы и другіе дикіе народы Магометанскаго закона. 6) Калмыки и другіе идолопоклонцы кочевые.

Что касается до многонародія, то я, во первыхъ, за нужное почитаю предложить о числѣ народа, обрѣтающемся въ Россіи, по разнымъ извѣстіямъ, которыя я имѣю. И тако, во первыхъ, считается оного мужескаго полу:

Въ Московской губерніи.	2,169,288 душъ
— Новогородской съ Псковскою и Великолуцкою провинціями.	845,114
— Бѣлогородской.	717,270
— Воронежской.	829,832
— Нижегородской	461,099
— Архангелогородской.	438,210
— Смоленской	288,092
— Казанской.	1,256,201
— Астраханской	12,717
— Оренбургской	150,327
— Тобольской.	257,446
— Иркутской.	37,599

Въ Слободской.	361,737	всего 887,457.
Да жившихъ въ другихъ губерніяхъ, которые, однако, въ Слободскую платятъ подушныя деньги	525,720	
Да сверхъ того въ Петербургской губерніи, какъ видно по присланному доношенію отъ Губернатора о работникахъ въ Выборгѣ	71,744	
Въ Выборгской по такому же доношенію.	26,245	
Но о сей подлинно можно увѣрить, что вчетверо сего числа населеніе превосходитъ; ибо видно, что въ ономъ доношеніи считаны токмо хозяева домовъ, а торперы или бобыли, мѣщане и другіе, не владѣющіе землею, не считаны; и тако, уповая, безъ ошибки многонародіе всей губерніи можно положить до	100,000.	

Въ Лифляндской губерніи, гдѣ ревизія не по душамъ, но по гакамъ дѣлается, состоитъ 6367 гаковъ, но которыхъ, по качеству и по количеству земли, бываетъ отъ 10 до 20 работниковъ, то есть, отъ 15 лѣтъ до 60.

Къ сей же губерніи принадлежитъ островъ Езель, въ которомъ считается 1,477 гаковъ, а всякій гакъ полагается отъ четырехъ до осми работниковъ.

И такъ, взявъ общее посредственное число, т. е., удвояя число работниковъ, для исчисленія стариковъ и малолѣтныхъ, и полагая въ половинѣ по 20 душъ, а въ другой по 40, учинится:

въ Лифляндіи	191,010
на островѣ Езелѣ, послѣдуя тому же правилу счисленія.	8,862
И того въ Лифляндіи мужеска полу душъ	199,872.

Въ Эстляндской губерніи, гдѣ также гаками счисляется, и которыхъ обрѣтается въ сей губерніи 6,241, раздѣленныхъ на двое, единые земскіе, въ которыхъ полагается по 5 душъ, а другіе приморскіе, то какъ я не имѣю точнаго извѣстія о числѣ особливомъ каждыхъ изъ сихъ гаковъ, думаю, что достигну до нѣкой справедливости, ежели положу треть приморскихъ и двѣ трети земскихъ, что учинитъ число людей, считая число душъ въ двое противъ числа работниковъ:

На земскихъ	41,600
На приморскихъ	41,620
Обоего мужеска полу душъ	83,220

Малороссійская губернія, въ которой счисляется 955,218:

Въ томъ числѣ выборныхъ Казаковъ. .	163,889
Казаковъ подпомощниковъ, полковыхъ, артиллерійскихъ служителей сверхъ комплекта и другихъ разнаго званія людей	199,988
Мѣщанъ посполитыхъ, свободныхъ и владѣльческихъ, подсосѣдковъ, тако жъ другаго званія людей, работниковъ и служителей	585,909
Раскольниковъ и Великороссійскихъ крестьянъ.	5,432

Бѣлороссійскія губерніи:

Въ Могилевской	321,935
Въ Псковской, за исключеніемъ Великихъ Лукъ и Псковской провинціи *.	290,055

Однако о сихъ губерніяхъ надлежитъ примѣтить слѣдующее: первое, что какъ подушная перепись была вещь, не бывалая въ Польшѣ, то при начинаніи оные крестьяне думали, что они къ тѣмъ же тягостямъ будутъ подвергнуты, многіе ушли, другіе и бывши на мѣстѣ, утаивались, и тако во многомъ сія перепись, яко не

* А исчисленіе числа людей сихъ провинцій въ Новогородской губерніи мѣшено; однако какъ тамъ они вошли въ общую сумму числа душъ губерніи, то здѣсь за нужное особливо число ихъ жителей приобщаю, а именно: во Псковской 137,930, въ Великолуцкой 80,016 душъ.

со строгостію дѣланная, яко и сіе разумно было учинить, есть не вѣрна. Второе, что великое число въ Псковской губерніи въ Бѣлорусскихъ областяхъ написанные крестьяне, суть бѣглые, и самые тѣ же, которые во Псковской провинціи написаны, и съ которыхъ тѣ помѣщики съ пуста платятъ всѣ поборы; ибо они во время еще Польскаго владѣнія ушедъ въ Польскія земли, и по приобщеніи и тѣхъ земель къ Россіи, по старымъ помѣщикамъ не были отданы, ниже у нихъ изъ окладу выключены, какъ они, по крайней мѣрѣ, сего требовали.

Новороссійская губернія населена отчасти вышедшими народами изъ Венгріи и Славоніи, также нынѣ вышедшими Молдавцами и Валахами, и отчасти Малороссіянами населена. Я подлинно еще неизвѣстенъ, колико въ сей губерніи поселянъ, но слышалъ, что ихъ щитается всѣхъ, полагая въ томъ числѣ и Русскихъ, вышедшихъ изъ Польши раскольниковъ, до ста тысячъ человѣкъ.

Азовская губернія, такъ же весьма мало населена, ибо, не взирая на ея великое пространство отъ устей Дона до Новороссійской и до Воронежской губерніи, окромѣ Донскихъ Казаковъ, такъ же, какъ я слышалъ, едва имѣетъ сорокъ тысячь поселянъ.

Окромѣ сего числа людей обрѣтаются еще въ Россіи многіе кочевые, иновѣрные и иноплеменные народы, о числѣ которыхъ, во первыхъ, за нужное почитаю сдѣлать изчисленіе народовъ, дабы потомъ предложить общія мои мнѣнія о многонародіи въ Россіи, а наконецъ, вторично упомянувъ о всѣхъ сихъ народахъ иноплеменныхъ, показать ихъ положенія, мысли для общей связи, нравы и прочее, съ нѣкоторыми многими размышленіями.

Въ Азовской губерніи:

Донскіе Казаки, которыхъ щитается до	60,000
Въ Хоперской крѣпости Казаковъ до . .	500
Въ Новороссійской губерніи улущевскихъ Калмыкъ до	3,000
Въ Астраханской губерніи Волжскихъ Казаковъ мужеска полу	3,665
женска полу.	2,799
Кизлярскихъ, мужеска полу	3,086
женска полу	3,100

Въ Кизлярѣ Гребенскихъ Терскихъ семейныхъ до. 2,000
Терскихъ и Окочанскихъ до. 800
Въ городахъ Астраханской губерніи до 2,000.

Калмыкъ прежде было до 50,000 кибитокъ, которыхъ въ 1773 году ушло до 40,000 кибитокъ, что учинитъ, щитая по четыре человѣка на кибитку, 160,000 человѣкъ, нынѣ же осталось 11,198 кибитокъ, что учинитъ до 44,792 душъ.

Въ Оренбургской губерніи:

Яицкихъ Казаковъ, что нынѣ Уральскіе, до 10,000
Жалованныхъ и нежалованныхъ Казаковъ до 20,000
Въ Ставрополѣ изстари крещенныхъ Калмыкъ было до 8,000, нынѣ осталось не болѣе. . 2,500
Мещеряковъ до 8,000
Тархановъ до 2,000
Башкирцовъ до 50,000

Въ Сибири:

Въ городахъ Казаковъ до. 10,000
Иновѣрцовъ Брацкихъ до. 40,000
Тунгусовъ до 50,000
Остяковъ до. 10,000
Вогуличей до 3,000
Кореловъ и другихъ народовъ подвластныхъ можно положить до 20,000

Надлежитъ примѣтить, что и сіе изчисленіе сдѣлалъ о сихъ народахъ или по достойнымъ вѣроятія словеснымъ и письменнымъ извѣстіямъ, или съ того, по скольку у нихъ военныхъ людей щитается въ Военной Коллегіи, которое число я учетверилъ; ибо и необходимо надлежитъ щитать, что отъ двухъ взрослыхъ одинъ годнымъ къ войнѣ долженъ щитаться, а равное число съ взрослыми малолѣтныхъ и стариковъ есть.

Сверхъ сего числа щитается въ Россіи военныхъ людей регулярныхъ по табели изъ Военной Коллегіи 1766 года, окромѣ зем-

скихъ войскъ, яко Новороссійскихъ Гусарскихъ и Пикинерныхъ полковъ, такъ же и въ школахъ находящихся солдатскихъ дѣтей 305,889.

Но какъ многіе солдатскіе дѣти въ школы не записаны и пропадаютъ отъ службы, однако остаются въ государствѣ, то сихъ, по крайней мѣрѣ, еще должно положить до 40,000.

Поповъ, дьячковъ и другихъ церковниковъ, такъ же монаховъ, подъячихъ и другихъ приказныхъ служителей до 50,000.

Дворянъ, офицеровъ чужестранныхъ и другихъ чиновныхъ людей до 50,000.

Гвардіи до 10,000.

И того въ Россіи, окромѣ флота, который я нарочно не положилъ, дабы оный могъ наполнить число, ежели учинилъ гдѣ ошибку, 11,265,928 мужеска полу душъ.

Полагая толикое же число женщинъ, придетъ: 22,531,856 душъ.

Къ сему еще надлежитъ приложить поселенныхъ колонистовъ, которыхъ, по взятому мною извѣстію, въ 1774 году, изъ Опекунской Канцеляріи, находится поселенныхъ около Саратова мужеска полу душъ 25,708.

Да въ разныхъ другихъ мѣстахъ Россіи 3,185.

И того 28,893.

И тако всего должно щитать въ Россіи обоего пола душъ 22,560,749.

Хотя я уже и хотѣлъ поступить далѣе моими разсужденіями, но прежде еще за нужное нахожу сдѣлать нѣкоторыя размышленія о самыхъ сихъ колонистахъ. Не тщусь я охулять мудрый и достойный всегдашней похвалы предметъ вызова ихъ въ Россію; ибо каждому ощутительно есть, что пустыя и необработанныя степи ни силы, ни богатства государства не умножаютъ, и тако приобрѣтеніе и единого земледѣльца я толь прибыльнымъ государству щитаю, что никакъ не могу сожалѣть о великомъ числѣ денегъ, издержанныхъ на сихъ колонистовъ; но думаю, что должно показать, коль неосторожны были въ сихъ поселеніяхъ и какія злоупотребленія во всемъ происходили.

Я думаю, да и самое дѣло сіе доказываетъ, что главный предметъ въ призваніи сихъ колонистовъ состоялъ, чтобъ пустые степи

населить, завести тутъ земледѣліе, гдѣ его не было, и чрезъ то число земледѣльцовъ приумножить; а ежели которые будутъ и несклонны къ земледѣлію, чрезъ способъ бы тѣхъ завести рукодѣлія и ремесла, и чрезъ сіе бы учинить обращеніе денегъ въ отдаленныхъ и неторговыхъ мѣстахъ имперіи.

Теперь, предложивъ предметъ, должно разсмотрѣть, исполненъ ли онъ былъ. Первое: тѣ мѣста, гдѣ опредѣлили имъ селиться, не были осмотрѣны и сняты на карты, такъ что, когда началось сіе поселеніе, то найдены были великія деревни, прежде хотя безъ дачъ населенныя, но и тѣ обработываніемъ своимъ земли дѣлали пользу Государству, и слѣдственно тутъ земледѣліе было, и не лучше ли бы оставить было сихъ старыхъ и извѣстныхъ поселянъ, исполняющихъ уже единый предметъ, нежели, сбывъ ихъ, населить невѣдомыми людьми и, въ ожиданіи лучшаго блага, дѣйствительное зло произвести? Однако сіе учинили; и большая часть сихъ поселянъ иль въ населеннѣйшія мѣста перешли, или и разбѣжались, и земля осталась безъ обработыванія. Второе: на сихъ степяхъ кочевали вышедшія съ Аюкомъ, какъ и съ другими Калмыцкими владѣльцами, пятьдесятъ тысячъ кибитокъ. Сіи были люди храбрые, съ дѣтства приученные къ военному искуству и охраняющіе великую часть Россійскихъ границъ отъ вражескаго нападенія дикихъ и грабленія ищущихъ народовъ. Прилежность ихъ къ скотоводству дѣлала, что у нихъ, какъ лошадей, такъ и рогатаго скота, великое число было, и не одна губернія за дешевую цѣну отъ нихъ лошадьми довольствовалась, такъ же и скотиною, которой сало знатной торгъ Россійской составляло. Поселенныя же колоніи близъ Волги, отнимая у нихъ землю, прогоняютъ ихъ многочисленныя стада къ рѣкѣ Волгѣ, и отнявъ у нихъ волю рыбной ловли, весьма сихъ Калмыковъ утѣсняли, которая причина, соединенная съ другими, о которыхъ ниже помянется, и учинила, что до сорока тысячъ кибитокъ сихъ Калмыкъ со всѣмъ ихъ скотомъ ушли въ Мунгалы.

Не лучше сего было поступаемо въ вызываніи и въ разборѣ поселенія. Главные предпріимщики сего вызову были люди не токмо извѣстной честности, но лучше сказать, извѣстной развратности, которые данныя имъ деньги на сіи вызовы годныхъ людей употребили въ свою пользу, а вмѣсто годныхъ людей вызвали всякихъ бродягъ и развратныхъ людей, которые, пришелъ на мѣста, гдѣ

должно было имъ употребляться въ земледѣліи, не мало не стали о томъ прилежать, но довольствовалися тѣмъ пропитаніемъ, которое Корона имъ назначенное время давала, а когда тѣ лѣта минули, то еще выпрашивали; начальниковъ своихъ сіи развратные и непочитающіе никакихъ законовъ люди стали презирать, и не рѣдко даже до бунту доходили, которые часто добрымъ распорядкомъ Господина Резанова, бывшаго начальникомъ надъ колоніями въ Саратовѣ, были униманы. Наконецъ, послѣ бывшаго бунту въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ, приключеннаго злодѣемъ Пугачевымъ, многія колоніи претерпѣли, и яко люди, уже привыкшіе къ лѣности, тѣмъ болѣе. И мнили себѣ найти способъ къ испрошенію еще себѣ пропитанія на нѣсколько лѣтъ, откладывая всегда годъ отъ году начать стараться самимъ свое благосостояніе сыскивать. Между тѣмъ временемъ происшедшая перемѣна при Дворѣ отдалила любимца Государева, Князя Григорья Григорьевича Орлова, который назывался Президентомъ Коллегіи опекунства иностранныхъ, то есть сихъ, колонистовъ, и за отлучкою его въ чужіе краи сія Коллегія стала поручена Генералъ-Прокурору Князю Александру Алексѣичу Вяземскому, человѣку, хотя недальныхъ мыслей, но даже алтынами любящему скоплять казну Государеву. Сей, дабы избѣжать отъ прокормленія великаго числа колонистовъ, во время, когда и всѣ жители тѣхъ губерній крайнюю нужду въ пропитаніи претерпѣвали, представилъ Государынѣ, что было и апробовано, чтобъ завести въ сихъ мѣстахъ крѣпостныя строенія и давать довольную плату и землю тѣмъ, которые будутъ работать, дабы чрезъ то сіи могли себѣ безнуждное пропитаніе имѣть. Колонисты хотѣли имѣть себѣ ссуду деньгами и хлѣбомъ отъ Короны, но безъ работы, а какъ скоро до работы дошло, то очень мало въ оную вступили, стараяся сыскать себѣ пропитаніе другимъ образомъ, и думаю, что симъ способомъ сіи, до нынѣ бывшіе, праздностцы, будутъ стараться трудолюбіемъ своимъ сыскивать себѣ пропитаніе, а можетъ быть и полезны Государству будутъ. Тако можно сказать, что гдѣ есть люди, тамъ всегда наконецъ подъ добрымъ присмотромъ трудолюбіе и польза можетъ быть.

Описывая съ худой стороны сіи колоніи, каковы дѣйствительно они и есть, не должно въ сіе число включить Сарпинскую колонію, состоящую всю изъ Гернгутеровъ. Я чаю, что каждый знаетъ главности сего секта, основаннаго на обществѣ имѣнія онаго,

и, слѣдственно, прилѣжаніе ихъ общее ко всякому трудолюбію, что дѣйствительно и есть: ибо они завели торги такъ, что почти во всѣхъ знатнѣйшихъ городахъ имѣютъ своихъ корреспондентовъ; завели разныя рукодѣлія, которыя они всегда посылаютъ продавать; колико земля, ими населенная, ни чуть не удобна къ земледѣлію, однако они всю возможную пользу отъ нея получаютъ. Однимъ словомъ, сія колонія есть примѣръ мудраго управленія во всѣхъ частяхъ домоводства. Сумнителенъ токмо я, что такимъ образомъ неразрывнымъ братствомъ и обществомъ имѣнія соединенные люди, совмѣстны ли съ общимъ правленіемъ Государства, а паче, когда они умножатся до нѣкоего числа?

Въ заключеніе сего о колоніяхъ, почитаю за нужное предложить вѣдомость о нихъ, какъ находящихся кругъ Саратова, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ какомъ они состояніи были въ 1772 году.

Заведенныхъ около Саратова селеній	103
Въ оныхъ семей.	6,175
Въ нихъ мужеска и женска полу душъ . . .	25,708
Для нихъ построенныхъ домовъ	5,963.

У сихъ поселянъ 1771 года осенью и 1772 года весною было посѣяно:

Ржи.	12,804	четв.
Пшеницы.	11,115	—
Ячменя	2,118	—
Овса	8,364	—
Проса.	174	—
Гороху	494	—
Гречи.	7	—
И того	35,076	четв.

Въ томъ 1772 году въ урожаѣ:

Ржи.	30,087	четв.
Пшеницы.	22,985	—
Ячменя	8,090	—
Овса	30,376	—
Проса.	4,039	—
Гречи.	88	—
Гороху	1,948	—
Картофеля	9,435	—
И того	107,048	четв.

Табаку. . . . . 4,477 пуд., 33 фунт.
Винограду. . . . . . . 54 —

У нихъ же рогатаго скота по бывшей въ 1772 году осенью ревизіи:

Лошадей. 16,094
Коровъ 21,210
Овецъ 8,977
Свиней. 16,747
Птицъ разныхъ родовъ . . . . 83,748.

Да сверхъ сихъ колонистовъ, еще обрѣтается живущихъ въ Саратовкѣ близъ Санкпетербурга, въ Малороссіи и Новороссійской губерніяхъ, близь Кіева и Царицына, такъ же въ вѣдомствѣ Мануфактуръ-Коллегіи и Главнаго Магистрата 1020 семей, которыя составляютъ мужеска и женска пола 3185 душъ, изъ которыхъ всѣ или къ земледѣлію, или къ ремесламъ принадлежатъ.

Однако не надлежитъ мнить, чтобы сіи колонисты въ нынѣшнемъ 1776 году были въ томъ же состояніи; ибо въ бунтъ Пугачева многія колоніи были разорены, люди разбѣжались, или перебиты и Киргисъ-Кайсаками плѣнены, или и послѣ, яко неудобные къ прокормленію себя, разпущены. Но однако по нынѣшнимъ расположеніямъ надежда есть, что они вскорѣ въ прежнее состояніе придутъ, бывъ побуждены нуждою къ трудолюбію и способствуемы добротою земли и благорастворенностію воздуха.

Такъ же не должно прельщаться вдругъ, видя сіе извѣстіе; труды ихъ и земледѣліе суть весьма недостаточны въ разсужденіи ихъ числа; ибо естьли положить изъ числа 25,708 душъ половину мущинъ, то учинится 12,854 мущины, и изъ того числа половину работниковъ, то учинится 6,427 работниковъ, на котораго на каждаго должно положить обработать, по легости тамошнихъ земель, по три десятины въ полѣ, то учинитъ 19,251 десятину, на которыя естьли кругомъ положить по 12 четвериковъ, учинитъ 28,876½ четвертей. А дабы подлинно узнать по сей вѣдомости, пашутъ ли они столько, то должно положить всю рожь и половину пшеницы, яко сѣющуюся, въ озимомъ же полѣ, что учинитъ и того будетъ 18,461½ четвертей, недостатокъ еще 10,415 четвертей. Прибавь еще къ тому, что не всѣ они сами обработываютъ, то смѣло можно сказать, что еще половина Русскими обработана; и тако

сіи Русскіе, работая у колонистовъ, свою землю запускаютъ, и все сіе доказуетъ, что они еще не столь прибыльны для Государства, какъ думали, что они будутъ, и токмо развѣ чрезъ нѣсколько вѣковъ прибыль отъ нихъ чуствительна учинится.

V. ВѢРА.

Всѣмъ довольно извѣстно, колико Вѣра имѣетъ дѣйствія надъ народами, и для сего за нужное почитаю о находящихся Вѣрахъ въ Россіи упомянуть.

Первое. Владычествующая Вѣра есть Греческая Каѳолическая, которой послѣдуютъ, исключая раскольниковъ (о коихъ особливо ниже упомянется), всѣ народы древнихъ Россійскихъ областей, всѣ переселенные въ покоренныя надъ Татарами области, т. е., въ Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую, Иркутскую губерніи, и вся Малороссія. О системѣ сея Вѣры намъ нечего поминать; ибо оная довольно всѣмъ извѣстна.

Въ нѣдрахъ сея благочестивыя Вѣры родились многія ереси, которыя всѣ подъ именемъ раскола разумѣются: ихъ есть великое число, которыя преподобный Димитрій, въ книгѣ своей «Розыскъ», описалъ; но многіе тутъ есть расколы, которые иль мало распростерлись, иль и никогда не бывали, или, можетъ статься, онымъ и лишнее приписано: ибо сей праведный мужъ не могъ всѣхъ сихъ разныхъ расколовъ людей видѣть и изслѣдовать Вѣру; часто долженъ былъ вѣрить расказаніямъ другихъ людей упрежденныхъ, и чрезъ сіе, можетъ статься, что и лишнее написалъ. Подлинно же есть, что въ сихъ расколахъ есть разныя степени. Единые Старовѣры, которые почитаютъ Россійскую Церковь, ея таинства и Іерархію, но токмо не хотятъ треперстнымъ сложеніемъ креститься и брить бородъ, почитая, яко бы обрѣзаніемъ волосъ бороды повреждается образъ Божій, по коему человѣкъ былъ сотворенъ, и хотя и обще иконы почитаютъ, но вящше воздаютъ честь старымъ письмомъ писаннымъ. Изъ самихъ сихъ другіе, которые токмо за неимѣніемъ другихъ священниковъ ходятъ въ церковь и принимаютъ таинства, но къ вышесказанному прилагается отметаніе всѣхъ книгъ по Никоновскому исправленію; совершенно отметаются всѣ, новымъ письмомъ писанныя, иконы, и почитаютъ, что надлежитъ обѣдню служити на седьми, а не на пяти, просфорахъ; и сіи называются Поповщина. Третіи есть, которые называются Безпоповщина; сіи выше

писанныя же правила имѣютъ, и притомъ толико отметаютъ всю Іерархію, почитая Всероссійской Церкви духовенство неправо постановленное, что хожденіе въ церковь и принятіе какихъ бы то ни было таинъ отъ Россійской Церкви посвященныхъ священниковъ за смертный себѣ грѣхъ почитаютъ, мерзятъ даже съ Правовѣрными имѣть сообщеніе, и для сего имѣютъ свои собственныя для богомолія собранія, которыя отправляются у нихъ кѣмъ изъ ихъ стариковъ почитаемыхъ знающими законъ, то есть, такими, которые въ невѣжествѣ своемъ болѣе еще другихъ заблуждаются; ибо какъ всѣ сіи секты суть сочинены изъ полныхъ и грубыхъ людей, то не мудрено, естьли они ежечасно заблуждаются и суевѣрія умножаютъ. Изъ чего и происходитъ, что многіе изъ нихъ плуты, видя бѣсновѣріе народное, уговариваютъ часто великое число, яко бы для Бога пострадать, то есть, собравшись въ единое мѣсто, изпечься, и они корыстуются ихъ имѣніемъ.

Не входя въ историческое изъясненіе о началѣ сихъ сектовъ, и о томъ, какъ бы возможно было вначалѣ ихъ истребить, я токмо предложу ихъ нынѣшнее состояніе, какъ въ разсужденіи собственно ихъ, такъ въ разсужденіи расположенія о нихъ Правительства.

Можно сказать, что между подлаго народа сія ересь, въ разныя части раздѣленная, но подъ единымъ именемъ раскола знаемая, толико распростерлась, что нѣтъ почти ни города, ни знатнаго селенія, гдѣ бы кого изъ раскольниковъ не было, а есть и цѣлые града, яко: Каргополь, Олонецъ, Нижній Новгородъ и многіе другіе, такъ же какъ и уѣзды ихъ симъ ядомъ заражены. Въ Олонецкой и Бѣлозерской провинціяхъ имѣютъ они знатныя селенія и монастыри, которые общимъ подаяніемъ отъ всѣхъ раскольниковъ довольствуются. Въ Малороссіи есть великое число слободъ, раскольниками населенныхъ; въ Астраханской губерніи такъ же на рѣкахъ, именуемыхъ Узени, знатныя поселенія имѣютъ. Словомъ сказать, что они какъ явные, такъ и тайные, естьли не треть, то, по крайней мѣрѣ, четвертую долю подлаго народа сочиняютъ.

Они почти всѣ житія строгаго, до крайности покоренные своимъ начальникамъ и старѣйшинамъ, упражняются въ торговлѣ и другихъ ремеслахъ, и въ случаѣ какого либо нещастія, случившагося кому изъ нихъ, а паче естьли онъ прямо (по ихъ разумѣнію) благовѣренъ, то есть, найболѣе врагъ владычествующія вѣры, таковые обще отъ всѣхъ другихъ раскольниковъ знатныя вспоможенія

себѣ получаютъ. Стараются они обще всѣ привлечь подлой народъ въ свое исповѣданіе, не токмо представляя имъ всякую погибель въ послѣдованіи Церкви Россійской, и вѣчныя блага небесныя въ послѣдованіи ихъ вѣры, но такъ же обѣщая всякую ссуду и вспомоществованіе отъ ихъ братьевъ, раскольниковъ, и чрезъ сіе великое число къ себѣ привлекаютъ. Они упрямы и бѣсновѣры въ своей вѣрѣ. Ни на какое увѣщаніе склониться не могутъ, и самыхъ сильнѣйшихъ доказательствъ, испровергающихъ ихъ заблужденія, слушать не хотятъ; непріятели Правительства, такъ что ниже почитаютъ надъ собою власть законную сѣдящаго на престолѣ, яко нѣсть правовѣрнаго. Петръ Великій, который еще во младенчествѣ своемъ видѣлъ учиненной отъ нихъ второй Стрѣлецкой бунтъ, и зная ихъ недоброжеланіе къ Правительству, многими законами старался ихъ утѣснить, яко: чтобы ихъ не принимать во свидѣтельство, въ службы не употреблять, яко не достойныхъ вѣроятія, не допускать въ подряды, чтобы имъ носить на платьѣ разнаго цвѣта съ одеждою нашитые лоскуты для отличенія, и словомъ, какъ сими образами, такъ и другими, старался ихъ утѣснять. И подлинно, хотя принужденіе въ вѣрѣ и есть являющееся нѣчто весьма суровое, какъ мнѣ и самому казалось, но когда мнѣ случилось въ Архивѣ Петра Великаго разбирать валикое число по Тайной Канцеляріи дѣлъ, тогда я нашелъ множество злоумышленій, учиненныхъ противу Петра Великаго и Государства отъ сихъ бѣсновѣровъ, токмо по той причинѣ, что они почитаютъ, яко бы не Православный Государь, но антихристъ, или предшественникъ антихристу, на престолѣ Россійскомъ сидитъ, а потому всякая злоба и умышленіе противу его есть вещь не токмо позволительная, но и богоугодная. По кончинѣ сего Великаго Монарха, когда преемники его, часто и не проникая причинъ его поступку, предпріяли исправлять то, что имъ суровое казолось, мало по малу зачали ихъ, яко богатыхъ и вѣрныхъ людей, допускать въ подряды, и даже отличающіе ихъ лоскуты они сложили, осталася же токмо тягость на нихъ наложенія двойнаго подушнаго оклада, которой они безтягостно платятъ, а неупотребленіе ихъ въ службы не токмо въ наказаніе имъ, но еще въ пользу обратилося, поелику сіи службы есть тягостны другимъ купцамъ.

Тако сіе зло не токмо стало прекращаться, но еще умножается, и нынѣ царствующая Императрица, не довольно разсмотря всю вредность ихъ мыслей въ разсужденіи правленія, и не хотя совѣсти

принуждать, позволила и каждому, кто хочеть, въ расколъ записываться, что еще таковыхъ записныхъ раскольниковъ приумножило, и показывая она отвращеніе отъ всякой наглости противу ихъ, учинила, что и Правительство неучастнымъ окомъ на нихъ взираетъ. Однако сей милостивый поступокъ ни мало не обратилъ ихъ къ любови правленія, и хотя такихъ бѣсновѣрныхъ поступковъ и неосторожныхъ противу Монарха и невидно въ нихъ, но вездѣ, гдѣ они могутъ съ нѣкоторою надеждою показать свою ненависть противу Государя и Россійскія Церкви, не упускаютъ. Свидѣтельствуютъ сему бывшіе бунты: 1) Московской, въ которомъ, хотя скрытымъ образомъ, раскольники участіе имѣли; 2) Яицкой, котораго града Казаки, бывъ сей ересію заражены, не почли себѣ преступнымъ дѣломъ противу законныя власти вооружиться; 3) бунтомъ самозванца Пугачева, который главное пристанище и сообщниковъ себѣ имѣлъ на Узеняхъ и въ Малыковкѣ, изъ раскольниковъ поселенной слободѣ, и отъ другихъ раскольниковъ помощь и наставленіе себѣ получалъ; а Мечетской ихъ игуменъ, Филаретъ, и главный наставникъ ему былъ. И мнѣ случилося видѣть у Григорія Александровича Потемкина, что нынѣ Имперской Князь, одно увѣщательное письмо, писанное отъ единого ихъ начальника въ Сибири, въ которомъ онъ во многихъ мѣстахъ память Царя Алексѣя Михайловича поноситъ, изъявляя, что чрезъ поступокъ свой въ поправленіи книгъ учинилъ себя недостойна престола, изъявляя съ довольною ясностію, что то же и о наслѣдникахъ его разумѣетъ.

Таковыя мысли, вкорененныя бѣсновѣріемъ въ великое число народа, во многихъ мѣстахъ обществами соединеннаго, и по разнымъ мѣстамъ разсѣяннаго, есть не сумнительно опасны для Правительства. Правительство возмнило, что не должно совѣсти принуждать, что гоненіе лишь токмо ихъ озлобляетъ, и что терпѣніемъ ихъ вѣры можно ихъ къ доброжелательству привести. Но учиненныя имъ милости и терпѣніе имъ вѣры, не уповаю, чтобъ надъ бѣсновѣрами воздѣйствовали, яко сіе, явно бывшія возмущенія, въ которыхъ они участниками были, доказуютъ. Да не возмнятъ обо мнѣ, яко бы я былъ склоненъ къ гоненію за вѣру, ибо какъ самыя главности нашей Православной вѣры, такъ и правила философіи меня отъ того довольно отвращаютъ; но не могу же я терпѣть, чтобъ неучастнымъ окомъ могло Правительство взирать въ нѣдрахъ своихъ и на такую вѣру, которая другихъ не терпитъ.

Я теперь изъяснюся о томъ, что я думаю о поступкахъ, каковые должно съ ними имѣть, дабы удержать посредство между опаснаго и охулительнаго благовѣрными терпѣнія и гоненія. Ничто такъ не умножаетъ бѣсновѣрія и не утверждаетъ какой новой вѣры, какъ гоненіе на нее; ибо претерпѣвшіе наказаніе и смерть мучениками почитаются, и вскорѣ суевѣріе имъ чудеса и видѣнія отъ нихъ припишетъ, и не токмо отвратитъ, но паче утвердитъ народъ въ его заблужденіи; не щитая, что уже и опасно воздвигнуть гоненіе на такую секту, которую почти половина подлаго народа исповѣдуетъ, иль ей доброжелательна. И тако не гоненіемъ и наказаніемъ, но наставленіями, стыдомъ и убытками надлежитъ ихъ истреблять. 1) Духовенство должно стараться, дабы лучшихъ священниковъ, знающихъ ихъ догматы и изложенія, въ тѣ мѣста употреблять, гдѣ они изобилуютъ. И не токмо повелѣть имъ всю общую Христіанскимъ законамъ добродѣтель наблюдать, но еще соглашаться и съ ихъ предубѣжденіями, яко воздержаніемъ себя отъ вина и табаку, вещи хотя безгрѣшныя, но приводящія ихъ въ омерзѣніе къ тѣмъ, которые оныя употребляютъ. Самая служба въ тѣхъ мѣстахъ должна исправляться также длинно, какъ ихъ, то есть, чтобы все читано было въ одинъ голосъ; и сіе ихъ можетъ привести къ почтенію священниковъ и къ службѣ, и тако уже откроетъ путь ко внушенію ученія. 2) Должно предписать, чтобъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ расколниковъ много, чтобы въ нѣкоторые назначенные дни въ недѣлю собирались на опредѣленное какое мѣсто, хотя не въ церковь, гдѣ таковой благовѣйной и почтенной ими священникъ, не болѣе получаса долженъ имъ безъ злобы и ругательства, но тихимъ образомъ, говорить поученія, и мало по малу, почти не чувствительно, ихъ догматы испровергать и Православные доказывать, даже какъ достигнутъ до того времени, когда можно будетъ съ ними яснѣе говорить. Апостолъ Павелъ, желая сдѣлать обращеніе въ Аѳинахъ, не зачалъ предъ Ареопагомъ вдругъ охулять многобожіе, но взявъ причину отъ единого алтаря, посвященнаго Богу незнаемому, Господа Христа проповѣдалъ. Сему Апостолу языковъ и должно въ семъ случаѣ подражать. 3) Умножить школы Греческаго языка, и призывать ихъ, дабы изучася сему языку, въ подлинникахъ сами усмотрѣли справедливость Россійской Церкви и учиненнаго поправленія книгъ. 4) Не единыя смерти люди боятся: стыдъ и отличность поносная еще болѣе можетъ сдѣлать чувствительности

самому гоненію. И тако должно возобновить и твердо наблюдать, дабы они по прежнему разноличными лоскутами на плечахъ сукна отличались. 5) Возобновить мало по малу и, смотря по обстоятельствамъ, прежніе о нихъ законы, чтобы въ подряды, въ свидѣтельство и въ поручительство ихъ не допускать, окромѣ того, чтобы ихъ въ службѣ не употреблять; ибо 6) службѣ самой убытокъ приключаютъ; и тако сей законъ былъ имъ выгодою, а не наказаніемъ; и 7) умножить имъ платежъ подушныхъ денегъ и пошлинъ, а такъ же положенія постою на дворы.

Сіи способы, уповаю, могутъ мало по малу начать умалять сіи секты, ибо что многія лѣта возрастало, того не должно хотѣть въ единой часъ истребить; но все можетъ исполниться мудрымъ поведеніемъ, системою и терпѣніемъ.

Магометанскій. Всѣ Татары, остатки древнихъ Татаръ, которые владычествовали надъ Россіею, жившіе въ Костромѣ, въ Касимовѣ, въ Казанской, Оренбургской, Сибирской губерніяхъ, всѣ Башкирцы и Мещеряки, послѣдуютъ Магометанскому закону секты Омаровой. Сей ихъ законъ, въ разсужденіи политическаго состоянія Россіи, тѣмъ предосудителенъ: 1) что они, по закону своему, суть рожденные враги Христіанамъ, и напамятованіе ихъ, что прежде владычествовали надъ Россіей, ихъ дѣлаетъ паче врегами Россіянамъ; 2) что они, бывъ Омаровой секты, суть, по самому сему, связаны съ Турками, и всегда, когда бываетъ у Россіи война съ Портою Оттоманскою, тогда сіи народы ясно оказуютъ свою преданность къ онымъ.

Правительство уже давно сіи неудобности примѣтило и старалось отвратить могущее произойти зло, склоняя ихъ разными способами къ крещенію, и хотя послѣдуя всегдашнему Россійской Церкви правилу: не начинать явнаго гоненія, однако даваніемъ награжденій и избавленіемъ отъ достойнаго наказанія тѣхъ, которые крестятся, могло умножить Христіанъ, а уменьшить Магометанъ; и даже до того доходило, что брали малолѣтныхъ дѣтей, которыхъ крестили и обучали въ школахъ Христіанскому закону. Но что изъ сего произошло? Тѣ, которые токмо для награжденія крестятся, суть, конечно, безсовѣстные люди, и тако въ нихъ Церковь не находитъ вѣрныхъ Христіанъ, а которые, избѣгая отъ наказанія, или рекрутства, крестятся, тѣ, бывши нетерпимые люди въ ихъ обществѣ, еще бывъ отъ онаго отрѣшены, развратнѣе становятся,

и не имѣя ни какой вѣры, въ самомъ дѣлѣ и другимъ вѣру Христіанскую презрительну творятъ. Прежде же бывшія заведенныя школы, въ которыя брали малолѣтныхъ Магометанъ, такъ же не токмо не способствовали къ разпространенію вѣры, но паче въ ненависть ее приводили; ибо духовной Россійской чинъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ сіи школы состояли, толь злоупотребленія чинилъ, что большая часть оныхъ отроковъ помирали, а и другіе, исполненные огорченія и неизученные Христіанскому закону, выходили.

Естьли Россійское Правительство употребляло такіе способы, не меньше и самые сіи Магометанцы тайнымъ своимъ сообщеніемъ, основаннымъ на вѣрѣ, стараются всегда соединенны быть, и даже до того дошли, что просили позволенія ѣздить въ Мекку и Имановъ своихъ въ Турціи постановлять. Духъ новой философіи, часто не совмѣстный со здравою политикою, мало не позволилъ имъ такого дѣла, которое бы имъ сообщеніе съ Портою Оттаманскою не токмо безопасно, но и позволительно учинило.

Мнѣ весьма трудно является сіи народы въ Христіанскій законъ привести; ибо естьли особливаго милосердія на нихъ божескаго не будетъ, то трудно такому духовному чину, каковъ у насъ есть, дѣлать обращенія, и тако, кажется мнѣ, чтобъ къ духовнымъ увѣщаніямъ не худо нѣкоторые прибыточные для обращенныхъ способы приложить, храняся, однако, по примѣру Первенствующія Церкви, развратныхъ людей принимать, дабы тѣмъ не обезславливать законъ, безъ всякія политическія пользы. Сіи способы суть:

1) Въ деревняхъ ихъ, чрезъ ученыхъ и благоговѣйныхъ священниковъ, дѣлать проповѣди на ихъ языкѣ, и книги церковныя на ихъ языкъ перевесть. 2) Тѣмъ, которые обратятся, дать нѣкоторую свободу въ подушныхъ деньгахъ и службѣ. 3) Позволить имъ нѣкоторыя прибыльныя мастерства, которыя Татарамъ запретить. 4) Крайне наблюдать, чтобъ сіи, вновь обратившіеся, отъ священниковъ отягощаемы не были. 5) Избавить ихъ постоя солдатскаго на нѣсколько лѣтъ. Сіи способы, кажется мнѣ, многихъ побудятъ креститься, а единозаконіе умножитъ силу государственную.

Идолопоклонники: Якуты, Чюваши и Черемиса, Мордва и Вотяки. Что касается до идолопоклонниковъ, то есть, Чувашей, Черемисъ, Мордвы и Вотяковъ, такъ же многихъ Сибирскихъ народовъ, яко, Самоѣдовъ, Тунгузовъ, Коряковъ, Брацкихъ, Камчедаловъ и въ Астраханской оставшихся Калмыкъ, то о сихъ весьма простираться

причины не имѣю, какъ токмо, что разныя суевѣрія каждый изъ сихъ народовъ заражаютъ, сходственныя съ ихъ суровыми нравами; а изъ сихъ Брацкіе и Калмыки послѣдуютъ закону Далы и Ламы или Кутухты, и ихъ священниковъ или Ламъ, оттуда посвященныхъ, получаютъ, что дѣлаетъ то, что они безпрерывное сообщеніе имѣютъ съ Тибетскими и Китайскими народами, и потому никогда не могутъ быть толико преданы Россійской Державѣ, яко бы сіе желательно было. Послѣдній учинившійся побѣгъ, между прочимъ, отъ сей причины произошелъ, ибо обольщенные съ стороны Китайской Князья, а ожесточенные отъ Россійскихъ правителей, хотя и давно уже желали уйти въ селенія ихъ праотцовъ, но народъ, приобыкшій жить въ Россіи, и опасаясь побѣгомъ лишиться великихъ своихъ стадъ, никогда бы на сіе не согласился, естьли бы ихъ Ханы не употребили посредство нѣкоторыхъ Ламъ, которые, устраша ихъ силою закона, склонили бѣжать изъ Россіи. Толь сильно есть предубѣжденіе вѣры, и толь важно есть все Правительству надзирать надъ тѣми народами, которые владычествующей вѣрѣ государства не послѣдуютъ, а паче, когда главу вѣры своея почитаютъ быть въ чуждой странѣ. Братскіе Казаки, которые, какъ выше сказано, хотя послѣдуютъ вѣрѣ Кутухты, однако еще по нынѣ не было отъ нихъ никакого возмущенія, и Тайши ихъ иль Князьки являются болѣе другихъ быть склонны къ Россійскому правленію, хотя сіе и не возбраняетъ, чтобы не долженствовало ихъ уважать. Тунгусы и Самоѣды, Коряки и Камчадалы, послѣдующіе каждое особливому роду идолопоклоненія, ни между собою, ни съ другими народами связи никакой не имѣютъ; но, не взирая на правило Правительства, не принуждать совѣсти, часто духовнымъ чиномъ утѣсняемы бываютъ. Мнѣ случилося вмѣстѣ во многихъ данныхъ для Коммисіи Уложенія наказахъ отъ сихъ народовъ ихъ депутатовъ слышать, что они всѣ на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ жалуются, которые подъ именемъ проповѣдниковъ, грабитъ и мучитъ ихъ ѣздятъ. Таковыя проповѣди, конечно, не могутъ хорошаго мнѣнія о законѣ, которой сіи апостолы проповѣдуютъ, подать; отъ чего и дѣйствительно мало обращеній дѣлается, да и тѣ не искреннія, а токмо по неволѣ учиненныя. Но, по крайней мѣрѣ, надлежало бы подумать, что тѣ изъ сихъ народовъ, которые примутъ Христіанской законъ, щастливѣе учинятся; нѣтъ, они тѣмъ еще болѣе подвергнутся мучительству и мздоимству поповскому. Они, ѣздя по ихъ юртамъ,

примѣчаютъ все у сихъ, худо изученыхъ, Христіянъ, и естьли хотя малое что противу правилъ, или и преданій Христіянскаго закона, примѣтятъ, то не токмо жестоко на тѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ колико можно. Правительству духовному и гражданскому извѣстны такія злоупотребленія, но помощи еще никакой имъ не учинено. Мое же мнѣніе состоитъ, чтобы, для упрежденія таковыхъ злоупотребленій отъ священниковъ, надлежало запретить имъ ѣздить по улусамъ, но да назначутся имъ времяна и мѣста, города, или селенія, гдѣ бы могли они и приходящимъ Слово Божіе проповѣдывать, и крещеннымъ дикимъ народамъ потребы исправлять; а къ тому предписать отъ Синода, что должно за преступленіе закона почитать, и какъ ихъ должно наказывать, исключая совсѣмъ тѣлесныя наказанія и лишеніе имѣнія, о чемъ и имъ чрезъ Воеводъ объявить, запрещая имъ допускать себя такимъ образомъ наказывать.

Чуваши, Черемисы, Мордва и Вотяки, всѣ народы населяющіе Казанскую губернію, были прежде погружены во мракъ идолопоклоненія, и хотя сколько увѣщаніями, а болѣе силою, и склонены пріять Христіанской законъ, но обращеніе ихъ есть такое, какое можетъ невольное быть, то есть, что они остаются внутренно по прежнему идолопоклонники. Да и быть имъ инако не можно; ибо духовной Россійскій чинъ, отступая отъ правилъ Первенствующія Церкви, не бралъ труда ихъ сперва изучить, ниже знающихъ ихъ языкъ къ нимъ проповѣдниковъ посылать, но токмо такъ какъ въ баню, такъ ихъ ко крещенію, водили, и давъ имъ крестъ, которой они, по грубости своей, нѣкіимъ талисманомъ почитаютъ, образъ, который они чтятъ за идола, и запретъ имъ ѣсть мясо по постамъ, чего они не исполняютъ, а духовный чинъ и благочинные изъ онаго берутъ съ нихъ за сіе взятки. Впрочемъ, не приняли труда ни Священнаго Писанія на ихъ языкъ перевести, ни священниковъ оному изучить, чтобы его имъ толковать. Бывало иногда, что нѣкоторые Архіереи Казанскіе хотѣли въ семъ обращеніи порядокъ завести, но намѣренія ихъ не токмо не были послѣдуемы, но паче въ зло обратились. Одинъ Казанскій Архіерей учредилъ для дѣтей ихъ училище, изъ котораго хотѣлъ въ священники ихъ однородцовъ имъ посвящать, но изъ самаго сего произошло: взятые юноши въ училище не имѣли никакого призрѣнія, и почти съ голоду большая ихъ часть помирали. Сіе произвело, что они стали съ огорченіемъ ихъ отдавать,

отъ чего послѣдовали взятки, а потомъ и паденіе сей школы. Такое есть Христіянство сихъ народовъ, которые тайно многія еще языческія суевѣрія исполняютъ.

VI. ПРАВЛЕНІЕ.

Что касается до правленія, то оно совершенно самовластно; ибо власть законодательная и исполнительная вмѣстѣ соединяется въ Монархѣ. Истину при семъ можно сказать, что два царствованія, то есть, Императрицъ Елисаветы Петровны и нынѣ царствующія Екатерины Алексѣевны, являются такія, въ которыя самое самовластіе токмо для милосердія употреблялось; но есть ли отъ благодѣтельныхъ сердецъ дѣйствія благія происходили, сіе, однако, не возбраняетъ, чтобы причина не была самовластная.

Тако мнѣ остается токмо здѣсь описать Правительства, каковыя нынѣ есть (то есть, 1776 года, Ноября 27 числа), и какая ихъ власть каждаго.

Первое и главное правительство есть Сенатъ, установленный Петромъ Великимъ, помнится, въ 1708 году. Онъ раздѣленъ въ двѣ части, то есть, одна въ томъ мѣстѣ, гдѣ присутствуетъ Государь, то есть, въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ, и раздѣленъ въ шесть Департаментовъ, изъ коихъ четыре въ Петербургѣ, а два въ Москвѣ; а когда Государь ѣздитъ въ Москву, тогда Московской Сенатъ умножается двумя Департаментами, въ Петербургѣ остаются два.

Первый и пятый Департаменты судятъ всѣ дѣла Государственныя, касающіяся до доходовъ и торговли.

Второй и шестой Департаменты судятъ всѣ дѣла Великороссійскія аппеляціонныя, Вотчинныя и Юстицкія.

Третій Департаментъ такъ же судитъ всѣ дѣла аппеляціонныя и Юстицкія по Малороссіи, Лифляндіи, Естляндіи и Финляндіи, и ему же препоручены всѣ Государственныя строенія, коммуникаціи и ученыя дѣла.

Четвертый Департаментъ судитъ всѣ дѣла Военныя по военной и Адмиралтейской Коллегіи.

Всякой Сенаторъ имѣетъ право голосомъ своимъ остановить дѣло, и оно, по увѣщанію Прокурорскому, идетъ въ полное собраніе всѣхъ Департаментовъ, то есть, четырехъ въ Петербургѣ и двухъ въ Москвѣ, и полное же собраніе производитъ въ чины и опредѣляетъ въ должности.

Естьли же и въ полномъ собраніи Сенаторы разныя мнѣнія имѣютъ, тогда Генералъ-Прокуроръ, сперва сдѣлавъ предложеніе, покажетъ свои заключенія, и потомъ, по несогласію Сенаторскому, вносить Генералъ-Прокуроръ дѣло къ Государю.

Здѣсь прилично о власти Генералъ-Прокурора упомянуть. Сперва были Оберъ-Секретари въ Сенатѣ, которымъ, яко искуснымъ людямъ въ знаніи законовъ, дана была инструкція, дабы они наблюдали, чтобы всѣ законы были въ выписки вписываны и ничего бы въ противность законовъ учинено не было. Но какъ отсутствіе Государево въ Персію требовало, чтобы сильнѣйшій и болѣе акредитованный человѣкъ имѣлъ надзираніе, дабы ничего въ противность законовъ не было сдѣлано, то Государь, отъѣзжая въ сей походъ, опредѣлилъ единого изъ своихъ любимцевъ, Павла Ивановича Егузинскаго, назвавъ его Генералъ-Прокуроромъ и окомъ своимъ за Сенатомъ. Вскорѣ сія новая власть дѣйствія свои стала оказывать. Вицъ-Канцлеръ Шафировъ, человѣкъ горячій, отъ ссоры своей съ Генералъ-Прокуроромъ, по дѣлу Князя Меншикова, гнѣвъ Государевъ претерпѣлъ, и съ того времени не преставали Генералъ-Прокуроры власть свою надъ Сенатомъ распространять и, можно сказать, что истребили духъ твердости и усердія въ Сенаторахъ, которые принуждены почти во всемъ съ Генералъ-Прокуроромъ соглашаться. И дѣйствительно, можно ли какой твердости ожидать отъ такихъ судей, которые принуждены слушать токмо тѣ дѣла, которыя, по приказу Генералъ-Прокурора, имъ бываютъ предлагаемы, не смѣвъ ни какого другаго попросить; которые не имѣютъ никакой власти ни надъ малѣйшимъ канцелярскимъ служителемъ; которые ежели что не внялися въ слушаемомъ дѣлѣ, не имѣютъ право, какъ развѣ чрезъ Генералъ-Прокурора, попросить прочесть сіе дѣло, не токмо домой, но и въ Сенатѣ, и когда онъ и дастъ, то почти изъ милости; которые, естьли подадутъ голоса, то должны слышать увѣщаніе и противное часто заключеніе Генералъ-Прокурора, съ напоминаніемъ указу, чтобы менѣе голосовъ подавали, а старалися бы между себя соглашаться; на которыхъ, наконецъ, пойдетъ съ предложеніемъ

Генералъ-Прокуроръ къ Государю, которому онъ и дѣло, конечно, сходственно съ своимъ предложеніемъ, объясняетъ, вмѣсто что Сенаторы заочно и безотвѣтно осуждаются.

Такая захваченная власть Генералъ-Прокурорская, которую они стараются содержать оклеветаніемъ Сенаторовъ въ ихъ пристрастіяхъ предъ Государемъ, чѣмъ самая власть и почтеніе къ Сенату упадаетъ. Да и подлинно пристрастія и пороки въ Сенаторахъ есть: но не довольно, что ихъ охулять за оные, надлежало бы проникнуть и ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ толь узкихъ границахъ властію Генералъ-Прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для Государственнаго правленія надлежащую. Симъ самимъ показуютъ, что сіе вышнее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; чрезъ то принуждаютъ Государя имѣть недовѣренность и его унижать, а униженіе его унижаетъ болѣе ихъ духи; и наконецъ, сердца сихъ людей, не могши быть заняты знатными мнѣніями, что благо отечеству сдѣлать, впадаютъ въ пристрастіи и неправосудіи, и тако можно сказать, что Сенаторы повреждаютъ Сенатъ, а Сенатъ повреждаетъ Сенаторовъ, а все сіе отъ неумѣренныя власти Генералъ-Прокурора происходитъ.

Многіе, бывъ поражены сею истиною, говорятъ, что за толь благородными и заслуженными мужіями, уже смотрителя, ока Государева, то есть, Генералъ-Прокурора, не надобно. Но я, какъ выше показалъ, что не есть защитникъ сей власти: напротивъ того, скажу, что не все то худо, что злоупотребленіемъ худо учинилось, и что Генералъ-Прокуроръ есть нужная персона въ Сенатѣ, но съ нѣкоимъ сокращеніемъ власти, которая бы и Сенату и Сенаторамъ токмо къ поправленію служила.

1) Потребно во всякомъ мѣстѣ судебномъ имѣть Правителя Канцеляріи, и да останется сіе правленіе не Генералъ-Прокурора, но токмо въ томъ, чтобъ скорое и порядочное исполненіе было по дѣламъ.

2) Полезно Государю еженедѣльно, или и ежедневно, быть извѣстну о всѣхъ дѣлахъ, находящихся въ вышнемъ правительствѣ, и да останется то во власти Генералъ-Прокурора.

3) Но чтобъ реестръ дѣлъ былъ предложенъ предъ Сенаторовъ, по старшинству ихъ, котораго бы старшинства и они не имѣли права перемѣнить безъ важныхъ причинъ, яко дѣла, требующія вящшаго

поспѣшенія; дѣла, имѣющія ходящихъ и ищущихъ ихъ, предъ тѣми, за которыми никого ходящаго нѣтъ, и наконецъ, такія дѣла, по которымъ видно, что они совершенное разореніе кому приключаютъ; такія дѣла могли бы по предложенію Генералъ-Прокурора слушаться не по старшинству, однако не инако, какъ съ записаніемъ въ журналъ, чего ради для сихъ дѣлъ порядокъ старшинства перемѣненъ.

4) Каждый Сенаторъ имѣетъ право подавать голосъ и власть дѣло остановить, которое, наконецъ, естьли не согласится на предложеніе Генералъ-Прокурора, несется къ Государю. Но несетъ его Генералъ-Прокуроръ, который и дѣло сіе Государю объясняетъ, и конечно, всегда старается болѣе усилить свое предложеніе, въ противность мнѣнія тѣхъ Сенаторовъ, которые съ нимъ не согласны, то можно ли ожидать, чтобы подъ прямымъ видомъ таковыя дѣла Государю представлялись, и чтобъ Сенаторы, зная, что Генералъ-Прокуроръ есть истолкователь ихъ мысли по своему изволенію, могли надлежащую бодрость духа по званію своему имѣть? Тако, не гораздо ли бы лучше было, естьли бы, во время таковаго несогласія между Сенаторовъ, всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько было избираемо, которые бы при Государѣ мнѣніе свое могли объяснить и опровергать предложенія Генералъ-Прокурора? Тогда бы симъ власть Генералъ-Прокурорская въ надлежащія ей границы вмѣстилась, а и каждый бы Сенаторъ, чувствуя, что усердіе и справедливость можетъ быть изъяснена самимъ имъ предъ Государемъ, болѣе бы твердости духу имѣлъ, и устрашился бы несправедливое защищать, а самое бы сіе возвратило Сенату вообще, и каждому Сенатору особливо, то почтеніе, которое къ нимъ, для благоучрежденнаго правленія, должно имѣть.

5) Дирекція Сенатской Канцеляріи, какъ выше сказано, должна принадлежать Генералъ-Прокурору, и потому и всѣ служители должны быть подъ его начальствомъ; но и Сенаторы, долженствующіе разсматривать дѣла, писать голоса, и когда для лучшаго объясненія брать выправки, не должны ли при себѣ имѣть кого такого, который бы могъ имъ въ семъ помочь учинить? И не противурѣчительно ли сіе есть, что Генералъ-Прокуроръ, окромѣ Сенатскихъ всѣхъ Департаментовъ, служителей имѣетъ при себѣ многихъ собственныхъ Секретарей и Юрисъ-Консултовъ для писанія своихъ предложеній, а Сенаторы, долженствующіе также судить, никого не

имѣютъ? Изъ сего можно заключить слѣдующее: что или Сенаторовъ толь премудрыми людьми почитаютъ, что имъ никакой помощи во исполненіи должности своей не надобно, а Генералъ-Прокурора такимъ дуракомъ, которому всѣ возможныя помощи должно подать; иль Сенаторовъ такими особами, которые токмо для виду посажены, вся же сила оставлена Генералъ-Прокурору, что, кажется, и въ самомъ дѣлѣ есть. То естьли они надобные, не лучше ли придать имъ помощь, давъ имъ, по его выбору, каждому по секретарю, который бы въ трудахъ ихъ могъ спомоществовать? Впрочемъ, Сенатъ не имѣетъ власти законодательной, но токмо исполняетъ и истолковываетъ законы.

Описавъ тако правленіе Сенатское съ его недостатками, приступаю къ прочимъ правительствамъ; и первое, равное Сенату, есть Синодъ для духовныхъ дѣлъ, въ которомъ имѣютъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ, по именованію Государя, Архіереи, Архимандриты и нѣсколько Протопоповъ. Онъ управляется, окромѣ раздѣленія на Департаменты, равно такъ же какъ Сенатъ, и въ немъ обрѣтается Оберъ-Прокуроръ, особа, нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ Гражданскими правами, къ чему они весьма склонны. Но разсмотримъ, и самое сіе такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ Оберъ-Прокуроръ, человѣкъ не большаго чина и по большей части не случайной при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы Архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельствы противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать; Императрица Екатерина Первая и Петръ II-й мало царствовали; Императрица Анна Іоанновна имѣла при себѣ Герцога Курляндскаго, Лютеранина, слѣдственно, противнаго Духовенству; Императрица Елисавета мало, по набожности своей, не возобновила чинъ Патріаршій, и временникъ ея, Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, человѣкъ разумный, и совсѣмъ

ихъ пронокамъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно Лютераниномъ, а нынѣ царствующая Императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобъ духовной чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть.

Иностранная Коллегія. Сіе мѣсто имѣетъ всѣ дѣла, касающіяся до иностранныхъ народовъ. Главный оныя есть Канцлеръ. Должность его состоитъ производить всѣ дѣла, касающія до негосіацій съ чужестранными дѣлами; онъ даетъ наставленія всѣмъ Министрамъ; онъ отвѣтствуетъ на ихъ реляціи, и онъ докладываетъ непосредственно Государю о всѣхъ дѣлахъ, касающихся по его Департаменту. Прежде всѣ дѣла, окромѣ особливаго таинства требующихъ, производились по Коллегіи, и къ Министрамъ писывали рескриптами, а они Коллегію реляціями увѣдомляли; но какъ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, не имѣвъ титла Канцлера, а бывъ Гофъ-Мейстеромъ Великаго Князя, котораго онъ и послѣ не принялъ, получилъ правленіе сихъ дѣлъ, то забралъ всѣ дѣла къ себѣ и съ Министрами сталъ письмами корреспондовать, такъ что Иностранныя Коллегіи другіе члены мало уже извѣстія имѣютъ о текущихъ дѣлахъ. Правда, съ одной стороны сіе способствуетъ болѣе къ сохраненію секрета, но, съ другой стороны, вся система дѣлъ безъ противурѣчія въ волѣ единого главнаго состоитъ, и онъ не могши быть подпертъ мнѣніемъ другихъ своихъ сочленовъ, не имѣетъ довольно силы и Государю дѣлать представленія, противныя его волѣ. Впрочемъ, Иностранная Коллегія имѣетъ храненіе большія государственныя печати, которой печатаются трактаты, грамоты и патенты. Почтъ-амтъ подъ ея же властію состоитъ. И Канцлеръ подписываетъ подъ Государевой рукою всѣ грамоты, дипломы и патенты; онъ же отвѣчаетъ, вмѣсто Государя, Министрамъ, что за непринятіемъ Графомъ Панинымъ, нынѣ исполняетъ Вицъ-Канцлеръ.

Адмиралтейская Коллегія имѣетъ въ правленіи своемъ все, касающееся до морскихъ силъ. Она имѣетъ разные свои Департаменты для разныхъ снабженій флота, имѣетъ свой Коммисаріатъ, свою Контору для строенія, то есть, Интендантскую, свою Артиллерійскую, то есть, Цехмейстерскую, своего Генералъ-Казначея и другія, которыхъ Департаментовъ главные Експедиторами называемые, въ Коллегіи присутствуютъ; она доклады о произвожденіи и о главныхъ

дѣлахъ подаетъ самому Государю. Но какъ для лучшаго понятія о ней должно говорить тогда, когда будетъ упоминаться о состояніи флота, то до сего времени оное и отлагаю.

Военная Коллегія. Сіе имѣетъ правленіе всего сухопутнаго войска, имѣетъ свои Департаменты, то есть, Коммисаріатскій и Провіантскій; и Корпусъ Артиллерійской хотя особливо правится, однако подчиненъ Военной Коллегіи, и въ разсужденіи докладовъ имѣетъ тоже право, какъ и Адмиралтейская Коллегія.

Сіи три Коллегіи называются Государственными, и первыми тремя Коллегіями. Президенты ихъ суть всегда Сенаторы и имѣютъ чинъ Генералъ-Фельдмаршала, а Вице-Президенты Генералъ-Аншефа. Окромѣ Иностранной Коллегіи, на которую еще штатъ не сдѣланъ, и Вицъ-Канцлерскаго чина, Вицъ-Президента сея Коллегіи не означено, отъ чего иногда Вицъ-Канцлеры, по уменьшенію ихъ чина и Тайные Совѣтники бываютъ, яко и нынѣ Графъ Остерманъ.

Каморъ-Коллегія находится въ Москвѣ, а имѣетъ свою Контору въ Петербургѣ. Должность сея Коллегіи состоитъ собирать всѣ зборы, окромѣ подушнаго, которой прямо зборъ въ Коммиссаріатъ отпускается; а главный зборъ сея Коллегіи состоитъ съ винныхъ откуповъ. Сія Коллегія, учрежденная еще Петромъ Великимъ, никогда на хорошую ногу поставлена не была, да сіе и не удивительно, ибо большая часть ея Президентовъ, болѣе стараясь показать Государю приумноженіе доходу, и тѣмъ выслужиться, а притомъ, чтобы и себѣ прибыль отъ откупщиковъ получить, мало прилагали попеченія о приведеніи ея въ доброй порядокъ. Я буду, говоря о Государственныхъ доходахъ, говорить и о винномъ доходѣ, и для того здѣсь о семъ умалчиваю; но скажу здѣсь только о Окладной книгѣ, которая толь есть нужна Коллегіи, на которую положены зборы Государственныхъ доходовъ. Сія Окладная книга многажды начинаема дѣлаться и никогда не была окончена, а нужда въ оной толь очевидна настояла, что первый Департаментъ Сената, вошедъ въ сіе, препоручилъ сочиненіе оныя Генералъ-Прокурору, яко такой особѣ, которая чрезъ подначальныхъ ей Прокуроровъ, и имѣющая дирекцію надъ Сенатскою Концеляріею, скорѣе сіе исполнить можетъ; однако съ тѣмъ, что какъ многія подати, отмѣненныя уже указами, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платятся, другія же совсѣмъ разорительны, и болѣе убытку плателіщикамъ приносятъ, нежели

прибыли казнѣ, чтобы прежде утвержденія сея книги, все сіе разсмотрѣть и доходы привести въ порядокъ. Генералъ-Прокуроръ съ радостію сіе дѣло принялъ на себя, яко могущее ему честь и пользу принести, и по нѣкоемъ времени окончивъ ее, не представляя Сенату, для сдѣланія вышепомянутой нужной операціи, поднесъ ее самъ Государынѣ, приемля все на сіе единое. Такое самовластное дѣло противу перваго Правительства, казалося бы, не могло безъ наказанія остаться, но, напротивъ того, онъ не токмо Андреевскую ленту и похвальный указъ за сіе получилъ, но болѣе, что когда и Сенаторы стали себѣ присвоять честь сочиненія сея книги, изъясняя, что по ихъ повелѣнію она начата и для вышеписанныхъ причинъ то за сіе гнѣвъ получили. Такая есть сія Окладная книга, которой часть и въ Каморъ-Коллегіи находится, то, слѣдственно, не можно еще сказать, чтобы сей частію сея Коллегія въ совершенство была приведена. Впрочемъ, окромѣ страстей людскихъ и зловреднаго откупу, не можно сказать, чтобъ Каморъ-Коллегія худыя основанія имѣла.

Юстицъ-Коллегія въ Москвѣ. Она судитъ всѣ дѣла криминальныя и по аппеляціямъ судныя дѣла. Сіе важное мѣсто съ трудомъ бы могло быть управляемо, естьли бы ясные были законы и естьли бы судьи искусны были въ наукѣ оныхъ. То коль наипаче сіе есть трудно, когда смѣшеніе противурѣчащихъ и безъ системы сдѣланныхъ законовъ въ недоумѣніе самаго лучшаго судью могутъ оставить, а тѣмъ болѣе такихъ, которые съ трудомъ и грамотѣ умѣютъ. Но о томъ, что касается до законовъ, я буду въ концѣ сея статьи говорить.

Есть еще другая Юстицъ-Коллегія для Лифляндскихъ и Естляндскихъ дѣлъ при общемъ Департаментѣ для Бѣлорусскихъ дѣлъ. Въ сей Коллегіи дѣла отправляются по Нѣмецки, а въ Департаментѣ по Руски. Сія Коллегія касательно до Лифляндскихъ, Естляндскихъ судитъ по ихъ привилегіямъ и законамъ, а чего въ ихъ законахъ недостаетъ, то заимствуютъ изъ Шведскихъ, Польскихъ, Любскихъ и Римскихъ законовъ, какъ сіе точно въ ихъ правѣ означено. Изъ чего часто происходитъ, что по единому дѣлу отвѣтчикъ по волѣ судьи можетъ быть и оправленъ, и обвиненъ, по тому, какъ оный восхочетъ, Польскія ли, Шведскія ли, или Римскія права, часто между собою противурѣчительныя, употребитъ для рѣшенія; то удивительно ли, что такое смѣшеніе и безпорядокъ подаетъ причину ко

многимъ ябедамъ. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны Лифляндцы, жалуяся на недостатокъ своихъ правъ, просили о сдѣланіи имъ Уложенія, которое тогда же и написано было избранными отъ нихъ особами, но не было конфирмовано. Когда же въ 1767 году собрана была Коммисія для сочиненія Уложенія, тогда ихъ депутаты, примѣтя малую благосклонность во Дворѣ къ ихъ правамъ и привилегіямъ, предлагали, чтобъ въ разсмотрѣніе ихъ правъ не вступать, яко довольныхъ для сохраненія ихъ благоденствія, или бы, по крайней мѣрѣ, конфирмовать токмо ими сочиненное Уложеніе. Явное противурѣчіе; ибо естьли они довольны своими правами, то не для чего было о пересмотрѣніи ихъ просить. Сія Коммисія конца не имѣла, и такъ права и законы ихъ остались на прежнемъ основаніи. Сочиняемыя великія выписки ихъ правъ дѣлаютъ затрудненіе всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ дѣла Лифляндскія и Эстляндскія судимы бываютъ, а незнаніе исторіи сихъ правъ и причинъ ихъ учрежденія, да такъ же и дѣланные худые переводы, и паче умножаютъ сію трудность. Къ тому же сей народъ, бывъ пораженъ недовѣрчивостію на все то, что къ нимъ изъ Россійскихъ правительствъ идетъ, упорствуютъ во всемъ, что ихъ прежними обычаями, часто уже несовмѣстными съ нынѣшнимъ состояніемъ, утверждено. Въ примѣръ сему можно единое представить. Когда Лифляндія и Естляндія находилась подъ Шведскою державою, тогда по аппеляціи взносимые въ Стокгольмъ дѣла повелѣно было переписывать и копіи, а не оригинальные акты, отсылать туда, для того, что какъ ихъ должно было перевозить черезъ моря, то опасалися погибели ихъ. Сіе обстоятельство миновалось, ибо въ Петербургъ оные сухимъ путемъ привозятъ. Вицъ-Президентъ сія Коллегіи, Бемеръ, человѣкъ посредственнаго разума, но довольно искусный въ правахъ, и желающій что ни есть полезнаго сдѣлать, видя, что такіе акты, часто весьма великіе, однимъ списаніемъ своимъ судящагося въ великой убытокъ приводятъ, такъ что разоренный человѣкъ иногда не аппелируетъ и за недостаткомъ своимъ списать сіи акты, да къ тому же и толь они худо списанные присылаются, что съ трудомъ ихъ можно прочесть, а иногда описками и разумъ вещи перемѣняется и ввергаетъ судью въ неизбѣжность несправедливую сентенцію заключить.

Сихъ ради причинъ помянутый Вицъ-Президентъ, Бемеръ, представлялъ Сенату о отставленіи сего обычая, а тогда же и въ Гофъ-

Герихтъ Лифляндской послалъ указъ, дабы впредь оригинальные акты присылали, въ чемъ, правда, онъ преступилъ границы своей власти, повелѣвая то, о чемъ еще дозволенія требовалъ. Но онъ, бывъ нелюбимъ Сенаторами, на предложеніе свое ни какого рѣшенія не получилъ. Гофъ-Герихтъ, по своему упорству. жаловался Сенату объ отмѣненіи своихъ обычаевъ, за что Бемеру былъ посланъ выговоръ, и тако по нѣкоимъ страстямъ и околничнымъ причинамъ, самыя лучшія намѣренія безъ дѣйствія остаются.

Каморъ-Коллегія Лифляндская и Финляндская. Сія Коллегія учреждена въ Петербургѣ, для збору съ гаковъ Лифляндскихъ и съ земелъ Финляндскихъ. 1) По древнимъ еще обычаямъ Лифляндіи, каждые пять лѣтъ должно дѣлать новыя ревизіи и перекладывать земли, и сіи зборы собираетъ сія Коллегія. 2) По древнимъ же правамъ шляхетства Лифляндскаго, всѣ гаки Коронные отдаются на аренду, разбирая по чинамъ, прежде служившимъ Лифляндскимъ дворянамъ, по уставленной цѣнѣ, по шестидесяти, или по семидесяти рублевъ или Албертъ-талеровъ, смотря по качеству земли и по состоянію принадлежностей, да сверхъ того станціи или конной службы по 11 талеровъ $2^1/_2$ гроша, или 11 рублевъ $2^1/_4$ копѣйки, за Лифляндской гакъ, и по двадцати, или тридцати рублевъ, взирая на состояніе гака, да цолнерскаго хлѣба и конной службы денегъ по 4 рубли, 48 копѣекъ, за Естляндской или Езельской гаки около 24 рублевъ, да станціи и конной службы 4 рубли 20 копѣекъ. А какъ сіи гаки вдвое и втрое даютъ, то остальная прибыль въ пользу дворянъ обращается. При зборѣ такихъ денегъ вдругъ воспослѣдовала трудность, иль, лучше сказать, привязка Каморъ-Коллегіи, состоящая, что по учиненіи ревизіи, нашлося, что многіе построили корчмы, распахали земли и другія полезныя заведенія учинили, чѣмъ доходъ гаковъ умножился; то представлено было, дабы не токмо по симъ заведеніямъ число гаковъ приумножить, но и съ прежнихъ арендаторовъ, по сему числу приумноженія, арендныя деньги взыскать. Сенатъ сіе предложеніе принялъ и къ дѣйствію приступилъ, а сіе произвело неизчетное число утѣсненій и разореній, ибо многіе арендаторы уже померли, или деньги прожили, не щитая, что бы должны были, сверхъ положенной и контрактомъ утвержденной суммы, платить, то имѣніе ихъ подпало конфискаціи, и токмо плачь и вопль народной остановилъ исполненіе сіе, не отмѣняя, однако, чтобы впредь оного не было. Тако, желаніе выслужиться, или

приватная злоба, производитъ часто несчастія народныя и такія неправосудія, которымъ едва можно повѣрить.

Выше я помянулъ, что сія же Коллегія собираетъ доходы и съ Финляндіи, то для сихъ за нужное я почитаю сообщить, на какомъ основаніи сіи доходы положены. Въ древнія времена Шведы учинили перепись и разборъ Финляндскимъ землямъ и раздѣлили ихъ на четыре градуса, смотря по добротѣ, полагая, что перваго градуса земля родитъ въ семь разъ, втораго градуса въ шесть разъ, третьяго градуса въ пять разъ, четвертаго градуса въ четыре раза, и по сему положенію участки крестьянскія земли разверстали; но учиненное положеніе съ сихъ земель учинили такъ велико, что и перваго градуса земля, по заплатѣ съ нее всѣхъ податей, оставляетъ рабочему человѣку, которыхъ 15 на участкѣ мужескаго и женскаго пола щитается, 1 бочку и гоколь, то есть, 8 четвериковъ $^{3}/_{16}$, а въ прочихъ градусахъ земли еще и меньше. Сверхъ того, весь зборъ положенной состоитъ натурою вещей, и вещи въ толь дешевую цѣну положены, что хотя участокъ или манталъ перваго, втораго и третьяго градусовъ земли и платитъ 25 рублевъ, 92 копѣйки, а четвертаго 26 рублевъ, 95 копѣекъ, но въ самомъ дѣлѣ выходитъ вдвое и втрое. И сіе у Шведовъ называлась Нилянская метода. Колико такой окладъ ни тягостенъ поселянамъ, но какъ они при отягощеніи находили и разныя увертки, то могли жить и съ нѣкоимъ достаткомъ. Между прочимъ увертокъ есть и то, что имѣютъ торперовъ или бобылей, которые уже платежа не производятъ, и прилежаніе ихъ къ хлѣбопашеству и скотоводству вспомоществуетъ имъ въ семъ трудномъ платежѣ. Но какъ въ послѣднюю Шведскую войну пріобщена была къ Россійской державѣ Каменегорская провинція, разоренная нещастіями военными, для поправленія которыя дано было ей облегченіе платитъ половину податей, и сіе продолжаясь около тридцати лѣтъ, склонило Государыню помыслить ее въ общій съ другими окладъ привести. О семъ Ея Величество совѣтовала съ Господиномъ тогда бывшимъ Губернскимъ Совѣтникомъ Калманомъ. Онъ предлагалъ, чтобы всю Финляндію перемежевать и, отставя Нилянскую методу, яко тягостную крестьянамъ, учинить гейматы числомъ болѣе земли, елико возможно уменьшить торперовъ или бобылей, и наконецъ обложить землю такимъ образомъ, чтобы давала довольный доходъ Коронѣ и оставляла бы достаточное пропитаніе поселянамъ. Для сего повелѣно было ему начать межеваніе, для

котораго онъ изъ Швеціи выписалъ межевщиковъ, и сіе самое было учинено, никакъ не соображаясь съ государственною политикою, запрещающею внутреннее положеніе мѣстъ чужестраннымъ показывать, а паче такого народа людямъ, отъ котораго сія земля была силою оружія отнята, и которые, конечно, всегда желаютъ ее къ себѣ возвратить. Конечно, на сіе мнѣ скажутъ, что потому, что сія земля отъ Швеціи была завоевана, они уже имѣютъ и прежде насъ карты сея страны; но кто не извѣстенъ, что самое состояніе земли, а паче толь гористой и лѣсистой, часто перемѣняется разрубленіемъ лѣсовъ, здѣланіемъ прежде небывалыхъ дорогъ, обсушкою болотъ, строеніемъ деревень и прочее А сей перемѣны они и не могли имѣть, вмѣсто что чрезъ сихъ межевщиковъ все сіе имъ извѣстно стало, и они всегда могутъ оныхъ самыхъ и въ вожатые себѣ употребить въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя и намъ, владѣтелямъ страны, не весьма извѣстны. И тако, мимоходомъ учинивъ сіе примѣчаніе, возвращаюсь на предпріятое межеваніе господиномъ Калманомъ. Онъ его въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ изряднымъ успѣхомъ продолжалъ, и наконецъ требовалъ разсмотрѣнія его проекта, дабы, учиня окладъ уже нѣкоторымъ ѣздамъ, доказать дѣйствительную пользу, которая изъ сего можетъ произойтить, и повелѣно было членамъ Коммисіи о Коммерціи, въ присутствіи Калмана, сей проектъ разсмотрѣть: во многихъ годахъ мѣшканія, наконецъ, сей проектъ въ 1774 году былъ разсмотрѣнъ и къ Государынѣ поднесенъ; но отъ нея отданъ еще на разсмотрѣніе въ третій Департаментъ Сенату. Сей Департаментъ, бывъ уже отягощенъ многими апеляціонными дѣлами по Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, такъ же по дѣламъ строеній и другими, съ трудомъ можетъ вниманіе свое обратить на сіе изъ щетовъ и тонкихъ соображеній сочиненное дѣло, и тѣмъ найпаче, что, кромѣ Господина Теплова, который, бывъ членъ Коммисіи о Коммерціи, и въ оной сіе дѣло разсматривалъ, ни одинъ не имѣетъ прямаго понятія о правахъ и положеніи Финляндіи; и такъ сіе дѣло и по сей 1777 годъ лежитъ не окончено, да и не уповательно, чтобъ скоро ко окончанію пришло, а между тѣмъ времянемъ Корона лишается доходовъ, а поселяне отъ худаго оклада претерпѣваютъ. Слѣдственно, пока не сдѣлается порядочное положеженіе о доходахъ, то и ожидать не можно хорошаго правительства отъ сея Конторы.

Вотчинная Коллегія въ Москвѣ, которая имѣетъ свой Департаментъ въ С.-Петербургѣ, и какъ Коллегія, такъ и Департаментъ, подсудны прямо Сенату. Сія Коллегія судитъ всѣ дѣла, касающіяся до наслѣдства и разныхъ укрѣпленій недвижимаго имѣнія, чего ради и архиву имѣетъ всѣхъ писцовыхъ старинныхъ книгъ, записей, записку купчей, ввозныя грамоты, и отказныхъ и межевыхъ книгъ, также и плановъ. Многіе есть недостатки во управленіи сего судебнаго мѣста, толь нужнаго для утвержденія собственности недвижимыхъ имѣній. 1) Множество законовъ противурѣчительныхъ. 2) Недостатокъ самыхъ оныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. 3) Безпорядокъ самыя архивы, которая отъ многихъ бывшихъ пожаровъ отчасти истреблена, или и воровствомъ расхищена; ибо сія архива, которая утверждаетъ благосостояніе многихъ родовъ, подъ толь часто худымъ смотрѣніемъ находится, что въ древнихъ грамотахъ находятъ способы дѣлать приправки, а иные и совсѣмъ выкрадываютъ, яко сіе по дѣлу Парманскаго и по нѣкоторымъ другимъ оказалось. Нынѣ вещи есть полезныя которыя трудно выдумывать, но тѣ и часто на мысль встрѣчаются и могутъ учредить хорошій порядокъ; однако часто и самыя сіи, не взирая на ихъ легкое исполненіе, въ дѣйство рѣдко приведены бываютъ, яко можно сказать и о сей архивѣ Вотчинной Коллегіи. Всѣ единогласно на безпорядокъ ея жалуются, всѣ вопіютъ, что съ трудомъ дачи свои могутъ отыскать; чего же ради поправленія не дѣлаютъ? Теперь и настоитъ вопросъ: въ чемъ же сіе поправленіе долженствовало состоять? Отвѣтствую, въ слѣдующемъ: надлежитъ сдѣлать по азбукѣ два реестра всѣмъ деревнямъ и землямъ, находящимся въ Писцовой книгѣ и въ другихъ крѣпостяхъ, одинъ по имени владѣльцовъ, а другой по званіямъ селеній и пустошей, съ оставленіемъ многихъ линеекъ пустыхъ противу всякаго названія и съ показаніемъ, о которой дачѣ, въ какомъ столпцѣ или книгѣ по № и по листамъ поминается. Ежели сіи недвижимыя имѣнія будутъ переходить за другихъ, то въ оставленныхъ пустыхъ линейкахъ и должно отмѣчать, что такія земли, по наслѣдству ли, по купчей ли, по закладу ли, или по чему другому, перешли за такого, въ такомъ году и крѣпости въ такомъ мѣстѣ въ архивѣ находятся. То имѣя такіе обстоятельные списки всѣмъ владѣніямъ, единымъ бы взглядомъ можно видѣть, за кѣмъ сколько недвижимаго имѣнія, и какъ оно переходило, и сіе бы облегчило справки, выписки и

отысканіе по архивѣ, а притомъ бы упредило подложныя продажи и заклады.

Правда, есть еще помѣшательство въ запискѣ о земляхъ, нужной содержаться въ Вотчинной Коллегіи сіе есть положенная пошлина съ земель за всякую справку; деспотическое повелѣніе и беззаконный зборъ, яко показующій, что все имѣніе не есть подданныхъ, но Государево; ибо при всякомъ премѣненіи владѣльца должны платить нѣкоторую сумму Государю, и яко вторично покупать то, что уже давно пожаловано. И сіе дѣлаетъ, что гдѣ есть наслѣдственное безспорное владѣніе, тутъ и справокъ не дѣлаютъ, а недѣланіе такихъ справокъ и приключаетъ, что Вотчинная Коллегія и неизвѣстна, за кѣмъ имѣніе находится. Сіе я разумѣю по наслѣдству о приходящемъ; ибо по купчимъ и другимъ крѣпостямъ не можетъ Коллегія неизвѣстна быть, потому что такія крѣпости всегда для вѣдома записываются въ Коллегіи. Но тогда какъ многіе зборы вѣрные отмѣняются, не лучше ли бы было отмѣнить сей мысленный, который въ самомъ дѣлѣ безчеститъ правленіе, дѣлаетъ безпорядокъ, а мало прибытку приноситъ? Однако, да не возразятъ мнѣ сію трудность, яко бы не можно было вышепомянутыхъ списковъ вѣрныхъ имѣть; я уже сказалъ, что сіе касается токмо до приходящихъ по наслѣдству имѣній, а не до тѣхъ, которые по купчимъ и другимъ крѣпостямъ переходятъ, и слѣдственно, какой бы и случился въ семъ недостатокъ, онъ бы важенъ быть не могъ, а впрочемъ бы сіи списки вѣрны и полезны были.

Великая трудность еще есть въ Россіи, что всякій владѣлецъ, желающій справить за собою недвижимое имѣніе, и изъ дальныхъ губерній долженъ пріѣзжать въ Москву. Неудобность сія усмотрѣна была еще Петромъ Великимъ, который и повелѣлъ тогда архиву развести по губерніямъ, и сіе исполнено тогда было. Но не толь легко есть сдѣлать именованіе архивы, и положить въ нее надлежащія письмы, сколь сдѣлать порядочное о семъ учрежденіе, а паче учредить и исполненіе сего порядку. Архивы были развезены, но не изготовлены были ни пристойныя строенія, ни довольно вѣрные и исправные люди, такъ что отъ самаго сего произошло, что многія архивы погнили, погорѣли и были раскрадены въ пользу тѣхъ, которые находили себѣ пользу таковыя письма выкрадывать; и самымъ испытаніемъ наученъ, Петръ же Великій, по прежнему повелѣлъ всѣ архивы крѣпостей на недвижимыя деревни собрать въ

Вотчинную Коллегію, и не токмо повелѣлъ всѣмъ о справкѣ за собою сихъ имѣній просить въ сей Коллегіи, но даже узаконилъ, что хотя бы какое недвижимое имѣніе въ двои руки было продано, иль заложено, то крѣпость должна предпочтительной и старшей почитаться, которая прежде въ Вотчинной Коллегіи явлена.

Видно, что нынѣ царствующая надъ нами Государыня, ясно усматривая затрудненіе дворянъ ѣздить ради справокъ въ Москву, имѣетъ намѣреніе по прежнему справки деревень позволить въ Намѣстничествахъ, чего ради и архивы для такихъ дѣлъ по Намѣстничествамъ учредить. Но предпріемлетъ сіе гораздо съ лучшимъ противу прежняго основаніемъ, а именно, учреждаетъ повсюду нужныя строенія для сохраненія сихъ архивъ. Департаменты Вотчинные подъ именемъ Гражданскія Палаты для Вотчинныхъ дѣлъ учреждаются, которые и будутъ имѣть должность хранить всѣ таковыя крѣпости. Архива Вотчинной Коллегіи не раздѣляется, и тако не подвергнутся къ погибели, но токмо копіи съ писцовыхъ книгъ въ Намѣстничествы даются, нежели какое случится дѣло по чьему челобитью, то берется справка изъ Вотчинной Коллегіи, и сіе въ новоучрежденной архивѣ остается, что со временемъ все сіе можетъ сіи архивы пополнить и сдѣлать ихъ достаточными для разобранія нѣкоторой древности дѣлъ, а Вотчинная архива останется, яко хранилище общее Государственное, для вящшей древности всего. Учреждаются межевщики, которые свои планы и межевыя книги имѣютъ должность отдавать какъ въ Гражданскую Палату, такъ въ Межевую Контору и въ Вотчинную Коллегію, чрезъ что право владѣнія утверждается, по которому и впредь случающіяся дѣла рѣшиться могутъ такъ, какъ до нынѣ по Писцовой Книгѣ рѣшились. Не достаетъ токмо повелѣнія, дабы вышепомянутые реестры дѣлать въ столбахъ, съ означеніемъ перемѣнъ владѣльцевъ, но и сіе при добромъ Намѣстникѣ учредиться можетъ.

Тако кажется нынѣ всѣ надлежащія учрежденія для успѣху сего дѣла сдѣланы, и не токмо охуленія, но паче похвалы достойно. Но какъ я предприявъ описывать общее состояніе Россіи, долженъ всякое дѣло и частно и обще разсматривать, то не съ желаніемъ что охулить, ибо безпристрастіе есть первое правило, которое я тщуся наблюдать, и тако осмѣлюся сказать единое. Нѣстъ почти зла безъ нѣкоего добра. То правда, что крайнее было затрудненіе изъ дальныхъ губерній ѣздить дворянамъ справливать свои

деревни; но сіе, съ другой стороны, содержало нѣкоторое сообщеніе между дворянъ и разливало на нихъ изъ столицъ государственныхъ нѣкое просвѣщеніе, котораго обоего они лишатся, не имѣя уже нужды ни зачѣмъ въ столицы пріѣзжать. Тщетно надѣяться, чтобъ Намѣстникъ съ своимъ дворомъ могъ поправить грубые нравы и учинить просвѣщеніе; сіе все происходящее отъ нѣкоей власти, будетъ принужденное, а что сами въ столицѣ перенимали, то было вольное: а сообщеніе между разныхъ губерній людей, привлекаемыхъ въ единую середку, и совсѣмъ уже стѣснится. Я осмѣлюся сказать, не стѣснитъ ли то и разума? Ибо кто знаетъ Казань и Москву, и знаетъ, что они суть единого владѣнія, единого Государя, и что польза единого града дѣйствіе на другихъ имѣетъ, тотъ, думаю, пространнѣе будетъ имѣть о общей пользѣ соображеніе, нежели тотъ, кто токмо единый изъ сихъ градовъ знаетъ, не дѣлая себѣ и воображеніе о другомъ. Сіе токмо для примѣчанія, яко бредъ мой, прилагаю.

Коммерцъ-Коллегія, имѣетъ должность бдить о пользѣ торговли; сего ради она собираетъ всѣ вѣдомости о исходящихъ и входящихъ товарахъ, судитъ по контрактамъ и по другимъ, до торговли касающимся, дѣламъ; судитъ по силѣ трактата въ торговыхъ дѣлахъ Англичанъ, и даетъ наставленія и инструкціи Консуламъ, и имѣетъ съ ними переписку. Учрежденія ея, по настоящему состоянію торговли, суть изрядны, хотя бы многое можно было прибавить; но какъ сіе къ самой торговлѣ принадлежитъ, то тогда о семъ и будетъ изъясненіе. Однако, въ настоящемъ положеніи не могу я умолчать, что естьли то правда, какъ думаю, что никто сему оспорить не можетъ, что торговыя дѣла не терпятъ замедленія, то, кажется, дозволенная аппеляція на рѣшенія Коммерцъ-Коллегіи отъ правила сего отступаетъ. Мнѣ, думаю, многіе на сіе возразятъ, что какъ я хочу единое сіе мѣсто сдѣлать безъ аппеляціи, и тѣмъ имѣніе и благосостояніе многихъ торгующихъ предать на недоумѣніе, а иногда и на пристрастіе Коммерцъ-Коллегіи судей. Сохрани мя, Боже, таковыя мысли имѣть! Я почитаю аппеляцію затруднительною для торгующихъ, но совсѣмъ ее не отвергаю, и для того, съ одной стороны, стараюсь сохранить имѣніе и благосостояніе купцовъ, и удержать несправедливыя, или съ недоумѣніемъ учиненныя, рѣшенія Коммерцъ-Коллегіи, а съ другой и продостеречись отъ замедленія, каковое сіи дѣла въ Сенатѣ претерпѣваютъ. Множество есть на сіе способовъ,

и между многими, представшими мнѣ, сей мнѣ кажется единый изъ лучшихъ, чтобъ всегда Президентъ сея Коллегіи имѣлъ присутствіе въ Сенатѣ, и въ случаѣ какого такого рѣшенія сея Коллегіи, которымъ кто изъ просителей есть недоволенъ, то бы могъ недовольный особливою своею запискою представить то Президенту, съ означеніемъ числа въ запискѣ, который, разсмотря сіе дѣло, вторично, въ самую туже недѣлю, представитъ его въ Сенатъ, яко требуя совѣту въ трудности сего дѣла, и Сенаторы того Департамента, не яко опредѣленіе, но яко совѣтъ, должны собрату своему подписать: почему уже дѣло къ самому исполненію идетъ; и симъ скорѣе дѣла по исполненію дойдутъ, будутъ рѣшены по коммерческимъ правиламъ, и честь Президентская во всякомъ случаѣ терпѣть не можетъ. Однако, въ случаѣ еще неудовольствія, воленъ недовольный подавать аппеляціонную челобитную на Коллегію и на Президента, показуя, что въ Сенатѣ не все дѣло его было объяснено, и исполня сперьва по рѣшенію дѣла, и тогда уже Президентъ и Коллегія, яко приватные люди, съ нимъ будутъ судиться. А естьли въ семъ разпорядкѣ опасаться страстей и упрежденій, то и въ нынѣшнемъ положеніи они быть могутъ, токмо съ тою разностію, что нынѣ почти всякое дѣло наноситъ правому волокитою убытокъ, а тогда, по крайней мѣрѣ, менѣе дѣлъ къ волокитѣ подвергнуты будутъ.

Бергъ-Коллегія. *Я уже выше изъяснился, чтобы прямое мѣсто* Бергъ-Коллегіи надлежало быть въ Екатеринбургѣ. Но какъ я долженъ нынѣ говорить о томъ, какъ сіе правительство есть, то и въ семъ случаѣ многое нахожу еще недостаточно. 1) Бергъ-Коллегія должна, по званію своему, общее свѣдѣніе имѣть о всѣхъ обрѣтающихся минералахъ въ Россійской Имперіи; но имѣетъ ли она сіе? Нѣтъ; напротивъ того, сдѣланный раздѣлъ ея правительства есть естественная причина сего недостатку. Ибо Колывано-Воскресенскіе заводы отъ нея отдѣлены, и не токмо не даютъ ей никакого свѣдѣнія о состояніи сихъ заводовъ и о рудахъ, но ниже не допускаютъ сію Коллегію и малаго свѣдѣнія о сихъ заводахъ имѣть. 2) Промыслъ цвѣтныхъ камней и марморовъ такъ же отъ нея отдѣленъ, гдѣ она такъ же свѣдѣнія никакого имѣть не можетъ, хотя слои камней и часто бываютъ вѣрнымъ признакомъ богатыхъ рудъ. Примѣръ таковыхъ поступковъ въ разсужденіи Бергъ-Коллегіи отъ Адама Васильевича Олсуфьева, Начальника Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, и Ивана Ивановича Бецкаго, Начальника промысловъ цвѣт-

ныхъ камней предложу. Прежде были посыланы офицеры отъ Бергъ-Коллегіи для описанія рудниковъ, которые не токмо были не допущены до разсмотрѣнія Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, но и съ безчестіемъ оттуда выгнаны, а въ семъ 1777 году Коллегія опредѣлила послать офицера Шурлина описать всѣ рудники и промыслы, съ показаніемъ произвожденія всѣхъ работъ, и хотя требовала отъ вышепомянутыхъ двухъ особъ, Олсуфьева и Бецкаго, о допущеніи его на порученные въ ихъ вѣдомство заводы, но отъ Олсуфьева никакого отвѣту не получила, что разумѣется отказъ, а отъ Бецкаго получила отвѣтъ совсѣмъ другаго разуму, нежели какое было требованіе, и посему ясно есть, не въ разныя ли части сіе, долженствующее нераздѣленно быть единое правленіе, раздѣлено?

Потребно было бы, чтобы Бергъ-Коллегія не токмо имѣла, но и всякій бы годъ получала дополненія о всѣхъ рудникахъ, гдѣ какъ работа происходитъ; но сего и по нынѣ не учинено или отъ недостатку тщанія, или отъ упрямства находящихъ себѣ защищеніе богатыхъ заводчиковъ; а не имѣя таковыхъ вѣрныхъ извѣстій ни о рудахъ, ни о происходимой работѣ, ни о лѣсахъ, не можетъ и расположенія свои, какъ токмо по нечаянности, дѣлать.

Кажется, кабинетъ минеральной есть вещь необходимая для Бергъ-Коллегіи;—оной и начатъ собираться. Но самое сіе собраніе доказуетъ несовершенства управленія сея Коллегіи. Кабинетъ разобранъ ученымъ образомъ по системѣ Порштета, но не политическимъ. Я говорю, что классы и роды по системѣ Минералогіи разобраны, и только означено, съ какихъ заводовъ какой штуфъ, но не показано въ реестрѣ, съ какой глубины, въ какого рода землѣ, каждый изъ нихъ находится, и сплошная ли она такая идетъ, или съ перемѣнами, и прочими примѣчаніями, до горъ касающимися.

При Бергъ-Коллегіи находится Монетной Департаментъ, которой, имѣя должность раздѣлять металлы и бить деньги, въ сей части не токмо порядочно должность свою исполняетъ, но можетъ статься, что и лучше, нежели во многихъ другихъ мѣстахъ сіе производится; ибо бывшій Президентъ Бергъ-Коллегіи, Г-нъ Шлахтеръ, мужъ, присоединяющій великое испытаніе къ наукѣ, до такого совершенства сплавливаніе, раздѣленіе металловъ и машины для битья металла довелъ, что врядъ возможно ли больше требовать. Но достойно есть удивленія, что въ такомъ государствѣ, гдѣ толь великое число публичныхъ зданій строятъ, не подумаютъ, чтобы здѣлать

Монетной дворъ, гдѣ бъ покои были порядочны, люди бы отъ тѣсноты и низкости покоевъ не задыхалися, чтобъ сырость съ половъ не входила, гдѣ бъ способовъ водою дѣйствующихъ машинъ постарались уменьшить дороговизну работы: вещи, о которыхъ не однажды представлялъ покойный сей Коллегіи Президентъ, Графъ Аполосъ Епафралитычь Мусинъ-Пушкинъ; однако, все сіе по сю пору не исполнено, а сей Департаментъ со всѣми работами остается въ низкихъ, неудобныхъ и сырыхъ казармахъ Петропавловской крѣпости.

Говоря о Бергъ-Коллегіи, не можно мнѣ не упомянуть о учрежденномъ при оной Горномъ училищѣ. Сіе училище, что касается до производства наукъ, поелику я самъ былъ на экзаменѣ, можно сказать, есть единое изъ лучшихъ учрежденій; но въ разсужденіи его установленія, яко въ мѣстѣ отдаленномъ отъ всѣхъ горныхъ промысловъ, я не могу толико его похвалить; ибо вся наука производится теоретически, не видитъ ученикъ ни здѣланныхъ шахтъ (ибо здѣланная миніатурная весьма малое изображеніе дѣйствительной даетъ), ни подлежащихъ спусковъ для воды, ни разныхъ земляныхъ укрѣпленій, ни штолновъ, ни разныхъ духовыхъ и водяныхъ колесъ, ни разныхъ случаевъ, каковые въ настоящихъ минахъ бываютъ; не видитъ онъ завода, силы воды надъ колесами, ни укрѣпленія плотины, ни молотовыхъ, ни доменъ, ни силы огня, ни спуска и отдѣленія металла, ни рубки лѣсу, ни сженія уголья, и прочаго безчетнаго числа нужныхъ къ позванію горному офицеру вещей, такъ что по долгой наукѣ, хотя съ нѣкоторою теоріею и выйдетъ офицеръ, но еще должно ему стараться сызнова практикою переучаться; а всѣ знаютъ, колико теорія забывчива, и потому неуповательно, чтобъ сіе училище могло толикую пользу произвести, какую бы можно было отъ него ожидать, естьли бы оно было учреждено въ Екатеринбургѣ, гдѣ бы теорія немедленно съ практикою соединялась.

Манифактуръ-Коллегія. Сія Коллегія, мудро учрежденная Петромъ Великимъ для надзиранія надъ всѣми фабриками и мануфактурами и для побужденія оныхъ, разными злоупотребленіями не токмо полезна, но и вредна учинилась. Первое зло произошло отъ несправедливаго растолкованія слова закона, что фабриканы по ихъ дѣламъ не подсудны нигдѣ индѣ, какъ токмо въ Манифактуръ-Коллегіи. Сіе и должно бы разумѣться по ихъ дѣламъ, сирѣчь мануфа-

ктурнымъ, то есть, въ ихъ добротѣ товаровъ, въ спорѣ въ нужныхъ для фабрикъ и прочаго подобнаго, которые нигдѣ индѣ не могутъ быть суждены, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ должно почитать, что сіи дѣла и вещи знаемы, и такъ сказать, чтобъ судьи учили сію часть. Но сіе бы не прибыльно было, и для того вздумали распространить сіе право на особы и на имѣніе, и почти на всякія дѣла, изъ чего и произошло, что Манифактуръ-Коллегія сдѣлалась Суднымъ Приказомъ и Вотчинною Коллегіею; зачали въ ней суды говорить, зачали имѣнія искать, за все стали взятки брать, а отъ главнаго предмета ея установленія совсѣмъ отстали: судьи по регламенту ѣздятъ осматривать фабрики, но какіе судьи? Судьи, не имѣющіе ни смысла, ни вкуса, ѣздятъ токмо брать взятки и пить у фабрикановъ. Роздали деньги по страстямъ, смѣшали манифактуры съ рукодѣльями, для данія каждому фабриканскихъ привилегій, и разрушили все. Оставалась хотя тѣнь еще Мануфактуръ-Коллегіи, но видя такія злоупотребленія, Государыня восхотѣла вдругъ сдѣлать вольные ремеслы, позволя каждому въ домахъ работать, особливымъ и точнымъ указомъ: а какъ уже Манифактуръ-Коллегіи за сими не можно надзираніе имѣть, то и въ самомъ своемъ предметѣ она упала, а тогда же худыми и дешевыми мастерствами хорошія фабрики стали подрывать, а самымъ же симъ крестьяне сдѣлавшись ткачами, и земледѣльство нѣкоторое ослабленіе почувствовало.

Разсмотримъ, какого же бы поправленія требовала Манифактуръ-Коллегія? Никакого иного, какъ чтобы ей не быть, а быть, вмѣсто того, Генералъ-Директору надъ фабриками, мужу честному, имѣющему вкусъ, знающему въ такихъ работахъ и искуствахъ, которой бы наблюдалъ изъ своей канцеляріи о добротѣ товаровъ, давалъ бы имъ наставленія, какъ лучше ихъ производить, подпиралъ бы силою ихъ прозьбы у Двора дѣла бы, до гражданства касающіяся, оставилъ быть сужденными въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, а дѣла бы по ихъ ремесламъ рѣшилъ съ совѣту людей знающихъ и самихъ фабрикановъ, наконецъ, имѣлъ бы право давать награжденія тѣмъ, которые лучше производятъ работу, и имѣлъ бы знаніе и сообщеніе съ коммерческимъ правленіемъ, дабы положеніе мануфактуръ съ общимъ положеніемъ торговли согласить.

Коллегія Економіи. Имя сея Коллегіи показуетъ ея должность, то есть, домостроительство во всѣхъ, ввѣренныхъ въ правленіе ей, прежде бывшихъ Монастырскихъ и Архіерейскихъ деревняхъ. Я не

вступаю уже въ разсмотрѣніе того, что могла ли Корона лишить монастыри тѣхъ деревень, которыя они отъ набожія приватныхъ людей получили? Сіи деревни были отданы въ монастыри для поминовенія душъ дателей и, слѣдственно, съ нѣкоимъ родомъ условія. Духовенство по новымъ духовнымъ штатамъ убавлено, многіе монастыри упразднены, поминовеніе престало, а деревни не къ тѣмъ возвратились, которыхъ предки разорили для сысканія рая души своей. Сверхъ того, скорое желаніе отнять сіи деревни у духовнаго чину здѣлало, что, не взявъ обстоятельнаго извѣстія о нихъ, вдругъ все насовали, отъ чего великіе конскіе и скотскіе заводы разорились, яко Архіерейской въ Ростовѣ, которымъ многіе уѣзды довольствовались, и котораго, наконецъ, прекрасныя кобылы, запаршивленныя, не имѣя лѣтомъ ни корму (ибо луга всѣ стали отданы крестьянамъ), ни присмотру, осенью на живодерню изъ Бѣлогостицкаго монастыря продавались; мельницы опустились, лѣса многіе стали истреблены, пруды спущены и рыба распродана; земля не токмо кругъ монастырей, куда изъ вотчинъ приходили работники, осталась не запахана, но и почти во всѣхъ деревняхъ, гдѣ была монастырская пашня, а гдѣ и запахана осталась, и тутъ не такъ удобрена, какъ прежде была; заготовленные магазейны хлѣба монастырскаго стали раскрадены и за безцѣнокъ проданы; и я слышалъ въ то время нѣкоторыхъ безумныхъ людей, похваляющихъ сіе учрежденіе и приписующихъ дешевизну хлѣбную къ отнятію деревень у монастырей, яко бы крестьяне сами стали болѣе къ хлѣбопашеству прилежать, и отъ того хлѣбъ вздешевѣлъ, вмѣсто, что въ самомъ дѣлѣ сіе было то, что отъ многихъ лѣтъ скопленной хлѣбъ безумно и за безцѣнокъ продали. И самое дѣйствіе оказало, что сіе отнятіе деревень у монастырей уменьшило хлѣбопашество; ибо съ самаго сего времени сталъ хлѣбъ во всей Россіи дорожать; и, наконецъ, безъ всякаго разсмотрѣнія ни выгодъ, ни мѣста, положили всѣ сіи деревни на оброкъ по полтора рубли съ души. Все сіе учинено было учрежденной тогда при Дворѣ Коммисіей, состоящею, сколько я упомню, изъ Новогородскаго Архіерея, Димитрія Сѣченова, мужа ученаго, но честолюбиваго, который былъ бѣсновѣръ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, атеистъ и не кающійся, не взирая на свой санъ, при Екатеринѣ II-й, и во всемъ желающій послѣдовать изволенію Двора; Князя Сергѣя Васильевича Гагарина, человѣка, знающаго мелкую економію приватнаго человѣка, но впрочемъ совершеннаго без-

божника, презирающаго всякій законъ, не сдѣлавъ о немъ разсмотрѣнія, глупаго и труса Двору; Григорія Николаевича Теплова, человѣка умнаго и искуснаго, который и содержалъ, что такое положеніе токмо на первой случай можетъ служить; не предвидѣлъ ли онъ, или не хотѣлъ предвидѣть, какія злы и въ самомъ началѣ могутъ отъ сего произойти; но уповательно, что также угождалъ Двору, хотя нынѣ отъ сего отрекается, яко доказуетъ его голосъ, поданный въ Сенатскій Комитетъ, о причинѣ дороговизны хлѣба въ Россіи; Князя Бориса Александровича Куракина, человѣка молодаго, умнаго, честолюбиваго и желающаго быть учредителемъ Коллегіи Економіи, чего ради, хотя притомъ еще малое знаніе въ домостроительствѣ имѣлъ, поступалъ на все, для достиженія своего предмета.

Сія-то коммисія, толь хорошо составленная и по такимъ видамъ дѣйствующая, отняла на Государя всѣ церковныя имѣнія и учредила Коллегію Економіи, куда и былъ посаженъ Президентомъ вышеписанный Князь Куракинъ. Должность сей Коллегіи состоитъ, собирать положенные оброки съ деревень, отдавать въ наймы земли и мельницы, употреблять сіи деньги на жалованье по штатамъ духовному чину, и на другія ассигнованныя мѣста, что называютъ богоугодными дѣлами, хотя въ самомъ дѣлѣ они суть славолюбныя. Послѣ еще прибавили по полтинѣ на душу, и завели винныя варницы не економически, но, на обрядѣ купецкомъ. Сія же Коллегія опредѣляетъ казначеевъ къ каждымъ пяти, или шести, тысячамъ душамъ, давая имъ по 60 рублей жалованья.

Но въ чемъ бы казалась состоять прямая должность сея Коллегіи, а именно сдѣлать: 1) обстоятельное и вѣрное описаніе всѣхъ, находящихся подъ смотрѣніемъ ея, имѣній; 2) по симъ сдѣлать нужныя расположенія, единые опредѣлить на пашню, учредя тутъ нужные скотскіе заводы, и, давъ приличное наставленіе, какимъ образомъ съ такими вотчинами поступать *; сдѣлать распоряженія о

* Испытаніе многимъ доказало, что часю пахатныя деревни и ничего не даютъ своимъ хозяевамъ, естьли хорощаго смотрѣнія за пашнею нѣтъ, и для того, въ разсужденіи Государевыхъ деревень, можно два способа употребить: 1) по заведеніи заводовъ препоручить ихъ какому ближнему дворянину, съ показаніемъ всей должности крестьянской, означая ему, какую изъ пріобрѣтеннаго доходу должно прибыль въ жалованье себѣ получать; 2) отдать землю крестьянамъ, положа, по числу оныя, съ нихъ, вмѣсто оброка, хлѣбъ, то бы сіе самое ихъ къ хлѣбопашеству склоняло.

лѣсахъ по расчисткѣ ихъ; 4 о мельницахъ и другихъ заведеніяхъ; 5) завести вездѣ магазейны и нѣкоторыя запасныя суммы денежныя, и первые бы служили на ссуду бѣдныхъ крестьянъ и для подмоги Коронѣ въ случаѣ нужды, а вторые такъ же бы служили на подмогу крестянамъ, дабы, при правежѣ оброка, они съ дорогими процентами не принуждены были занимать.

Однако, ничего сего не дѣлало, и посыланные казначеи и управители, имѣя иногда излишнюю, а иногда ограниченную, власть, или сами крестьянъ разоряютъ, или крестьянамъ же крестьянъ разорять даютъ, а паче въ рекрутскихъ наборахъ. Казалося бы мнѣ, что въ таковыхъ обстоятельствахъ, для сохраненія благосостоянія крестьянъ, всего бы лучше было позволить имъ самимъ избирать себѣ опекуновъ ежегодно, которымъ бы и нѣкоторое жалованье давали. Естьли опекунъ хорошъ, онъ и всегда бы, получая нѣкоторое награжденіе, и къ чести своей могъ у нихъ пребыть; а ежели онъ дуренъ, то бы выборомъ другаго не токмо могли сами его смѣнить, но и просить на него. Но все сіе должно быть мудро расположено, кому выбирать, и кому смѣнять, и какову правленію быть; ибо мысли людскія не суть одинаковы, и для того правилами ихъ должно утвердить.

Опасное дѣло, но не можно сказать, чтобъ было дѣло не возможное, раздробя деревни, отдать ихъ на аренду: сіе бы послужило къ поправленію состоянія множества бѣдныхъ дворянъ, и ко умноженію Государственныя економіи; но 1) надлежитъ сіе учрежденіе о арендахъ не съ духомъ деспотичества и пристрастія дѣлать, и 2) лучше бы было начать сіе опробовать малымъ числомъ, дабы и людей къ содержанію арендъ приучить.

Медицынская Коллегія. Сія Коллегія имѣетъ особливое надзираніе о всемъ томъ, что до врачебной науки касается, и хотя не раздѣлена въ два Департамента, однако въ самомъ дѣлѣ двѣ различныя должности имѣетъ. 1) Коллегія, въ которой обрѣтается Президентъ не докторъ и не ученой человѣкъ, но кто по фаверу посажденный, и члены, которые суть доктора, лекари, и аптекарь, надзираетъ обще о всемъ, что касается до врачебныя науки; 2) Президентъ, не знающій въ той наукѣ, особливо надзираетъ о економіи и объ употребляемой казнѣ отъ Государя. Но должно еще разсмотрѣть, имѣетъ ли она довольно власти и возможности, дабы первое исполнять. Члены ея екзаменуютъ пріѣзжающихъ лѣкарей и

докторовъ и даютъ имъ право лечить; екзаменуютъ учившихся въ Россійскихъ гошпиталяхъ лекарей, и, не имѣя никакого права, по именному указу, сдѣлала докторомъ Штабъ-Лѣкаря Ореуса. Но такая Коллегія не должна ли бы имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ какое училище, гдѣ бы люди не токмо учились докторству и лѣкарству, но учились бы и нужнымъ языкамъ, нѣкоторымъ образомъ посвященнымъ и наукѣ врачебной, чтобы она давала наставленія къ произвожденію курсовъ разныхъ сихъ наукъ, и потомъ бы выучившихся экзаменовала, и давала по содержаніи ими тезисовъ, градусы докторовъ, опредѣляла бы молодыхъ людей на нѣсколько лѣтъ, была подъ смотрѣніемъ старыхъ и искусныхъ докторовъ? Сего всего нѣтъ, а между тѣмъ временемъ лишь только чужестранные, иль въ чужихъ краяхъ выучившіеся, во время самой науки своей предубѣжденные нѣкоторыми мыслями, часто несходственными съ нашимъ климатомъ, насъ лечатъ и морятъ. О второй части сея Коллегіи и говорить нечего: ибо хорошъ Президентъ, хороша и економія; худъ Президентъ, и економія худа.

Малороссійская Коллегія. Когда Малороссія сама собою управлялась, тогда при Гетманѣ были чиновники, которые обще, по ихъ правамъ и привилегіямъ, судили доходящія до верхняго ихъ суда; и какъ Гетманъ Хмельницкій и подъ власть Россійскую со всею Малороссіей поддался, то все тоже право и порядокъ оставлено было. Но когда бунтъ Мазепинъ показалъ, колико власть Гетманская можетъ предосудительна Россіи быть, тогда хотя въ разсужденіи тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствъ и не осмѣлились вдругъ чина Гетманскаго отмѣнить, но вскорѣ потомъ, послѣ смерти Гетмана Апостола, уже Малороссійцевъ до новаго выбору Гетмана не допустили, а вмѣсто того, для вышняго суда и расправы, учредили **Малороссійскую Коллегію**, надъ которой главный тогда былъ Князь Алексѣй Ивановичь Шаховской, прочіе же члены состояли изъ Малороссійскихъ чиновниковъ, яко: Генеральнаго Обознаго, Генеральнаго Писаря, и прочихъ, которые по Малороссійскому праву должны сочинять Совѣтъ Гетманскій. Перемѣна обстоятельствъ и вездѣ производитъ перемѣну въ правительствѣ, но въ деспотическомъ правленіи своенравіе Государя и разныя его страсти, не взирая на пользу народную и на права, оное, можно сказать, коверкаютъ. Любимецъ былъ Императрицы Елисаветы Петровны Алексѣй Григорьевичь Разумовскій, произшедшій изъ Козаковъ

Малороссійскихъ, началъ быть пѣвчимъ при ея дворѣ, достигъ до совершенной ея милости, потомъ при Цесаревнинскомъ ея дворѣ былъ Гофъ-Интендантомъ, и по возшествіи ея на престолъ вдругъ великіе придворные чины, ленты, графство и богатство получилъ; надлежало сего любимца возвысить родъ. Братъ его, Кирилла Григорьевичъ, отъ паствы стада былъ взятъ, привезенъ въ Петербургъ, пожалованъ въ Каммеръ-Юнкеры, посланъ, подъ присмотромъ Григорья Николаевича Теплова, тогда бывшаго съ чиномъ Ассессорскимъ при Академіи, въ чужіе краи, чтобы грубость Козацкую съ него пособить; по возвращеніи своемъ пожалованъ былъ Каммергеромъ и Подполковникомъ Гвардіи Измайловскаго полку, женевъ на дочери Ивана Львовича Нарышкина, на Катеринѣ Ивановнѣ, свойственницѣ Государской, за которою двадцать тысячь душъ въ приданное получилъ, и Иванъ Симоновичь Гендриковъ посланъ въ Украйну, чтобъ его радой, или собраніемъ Малороссійцовъ, выбрать въ Гетманы. Хотя сей народъ вольной, имѣвшій свои права и привилегіи, и не хотѣлъ, имѣя множество знатныхъ своихъ сограждан, выбрать сего, изъ подлости произшедшаго, но угрозы, страхъ и нѣкоторымъ обѣщанія, сіи трудности превозмогли. Кирилла Разумовскій былъ выбранъ въ Малороссійскіе Гетманы, и чрезъ самое сіе получилъ чинъ Фельдмаршальскій; а чинъ Гетманскій, соединенный съ милостію отъ Двора, сдѣлалъ его, яко самодержавнаго Государя Малороссіи. Коллегія, учрежденная при Аннѣ Іоанновнѣ, рушилась, возобновилось старое Малороссійское Гетманское правленіе, но токмо однимъ видомъ, ибо уже ни правы, ни законы, ни обычаи болѣе силы не имѣли. Деревни стали отнимаемы, правы нарушаемы, и Малороссіянцы принуждены были подъ тяжкимъ игомъ стенать. Однако Графъ Разумовскій Гетманъ, довольно бывъ просвѣщенъ, что бы совсѣмъ не полагаться на милость Двора, а паче по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, гдѣ перемѣна правленія долженствовала нѣкоторую перемѣну и въ его состояніи учинить, былъ великъ, почтенъ, ласканъ, но уже не братъ любимцовъ, котораго мѣсто при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ тогда занималъ Графъ, послѣ Имперской Князь, Григорій Григорьевичъ Орловъ. И тако началъ Гетманъ Разумовскій стараться сдѣлать себѣ партію въ Малороссіи, чрезъ которую бы могъ достигнуть, при жизни своей, сына своего, Алексѣя Кирилловича, при себѣ возвести въ Гетманы, и уже челобитная отъ народа была о томъ написана. Увѣряютъ, что

мысли сіи издавна ему внушилъ Тепловъ, который, какъ они стали ко исполненію приходить, сдѣлался и доноситель на него. По семъ доносѣ, хотя сіе было весьма тайно, увѣряютъ, что былъ наряженъ судъ судить Гетмана, который, нашедши его виновна въ неприличныхъ подданному замыслахъ, клонящихся къ бунту, осудилъ его на смерть: но участіе, которое онъ имѣлъ въ возшествіи Императрицы Екатерины Алексѣевны на престолъ, политика ея, яко бы уважала царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны и ея любимцовъ, учинило, что его только принудили чинъ Гетманской сложить, однако, давъ ему въ собственность всѣ на чинъ Гетманской принадлежащія деревни, и платя ему за другіе доходы, такъ что онъ, въ разсужденіи имущества своего, не токмо потерялъ, но выигралъ, а лишился токмо власти и почести Гетманской. И тако опять въ Малороссіи Гетмана не стало: вмѣсто Гетмана учредилась тутъ пока Малороссійская Коллегія, гдѣ присутствуетъ главнымъ Генералъ-Губернаторъ Малороссійскій съ Русскими членами пополамъ, которые числомъ составляютъ восемь человѣкъ и съ Президентомъ, то есть, Генералъ-Губернаторомъ, и девятый Прокуроръ: изъ коего числа Малороссійскіе чины суть: Генеральный Обозный, Генеральный Писарь, Генеральный Есаулъ, а прочіе суть Русскіе. Сверхъ сего, сіи чины Малороссійскіе, присутствующіе въ сей Коллегіи, имѣютъ чины Россійскіе, дабы сія равность чиновъ отвратила весь споръ въ предсѣдательствѣ; и наконецъ судитъ она во всемъ по Малороссійскимъ правамъ. Не входя во изъясненіе многихъ злоупотребленій, вкрадшихся въ сію Коллегію, яко суть вещи временныя и не избѣжныя во всякомъ правительствѣ, скажу токмо, что я не могу не назвать сіе учрежденіе весьма мудрымъ и полезнымъ; ибо какъ Великороссійскіе наблюдаютъ, дабы Малороссійцы, яко люди, имѣющіе свои права и привилегіи особливыя, не распростерли ихъ далѣе своихъ границъ, такъ Малороссійскіе чины, извѣстные о своихъ законахъ, стараются ихъ защитить; а желалъ бы токмо я, чтобъ для показанія, что не хотятъ утѣснить вольность сего самовольно поддавшагося Россіи народа, было больше равенства въ числѣ судей, а именно, чтобы щитая и Генералъ-Губернатора въ числѣ судей Великороссійскихъ, было бы точно тоже число, то есть, четыре Малороссійскихъ; и сіе, конечно, не сдѣлало бы никакого преимущества и излишней силы Малороссійцамъ; ибо окромѣ Прокурора, яко человѣка, особливо хранящаго интересы Коронные, власть Генералъ-

Губернатора, и въ случаѣ равенства голосовъ, всегда бы превозмогала.

Главный Магистратъ. Естьли кто читалъ регламентъ судебнаго мѣста, тотъ, конечно, долженъ признаться, что въ немъ весьма многое полезное изображено. Но какъ многія есть вещи такія въ немъ, которыя долженствовали быть временемъ и добрымъ устройствомъ исполнены, а другія, которыхъ исполненіе или отъ другихъ причинъ, или отъ новыхъ законовъ, зависятъ, то сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбойниковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записаны въ цехи; а состояніе Россійскаго государства требуетъ, чтобы благородные имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержать, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торгуютъ, или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ потеряется великое число денегъ, которыя нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключить, то купечество разоряется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы Магистрату именные о семъ даются, * и не взирая на все, торгъ крестьянской продолжается; то не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть, и чего не можно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить? Въ Магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкрутахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а банкрутскаго и не бывало; два, или три, были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ Коммиссіей о Коммерціи,

---

* Во время бытвости Вицъ-Президентомъ Князя Мещерскаго въ Магистратѣ въ Петербургѣ, запечаталъ онъ лавки, гдѣ крестьяне торгуютъ; велѣно было Теплову лавки распечатать, Мещерскаго побранить и Коммисіи о Коммерціи разсмотрѣть счеть торгу крестьянскому, а до тѣхъ мѣстъ, пока она разсмотритъ и конфисковано будетъ, ничего не дѣлать о семъ торгу; а спустя лѣтъ съ десять, по тайному приказанію, Вице-Президентъ Дурасовъ, для подтвержденія исполненія старыхъ законовъ, ихъ выписавъ, напечаталъ, но торгъ такъ же производится.

по долгомъ лежаніи, пересматриванъ Сенатомъ, то есть, мѣстомъ, ненавидящимъ Коммисію о Коммерціи; ибо Князь Вяземскій, Генералъ-Прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его, несходственнымъ съ правилами торговли, предпріятіямъ; какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ Государственныхъ; самъ Сенатъ, учиня токмо малыя переправки, сей уставъ о банкрутахъ апробовалъ, за подписаніемъ своимъ и Коммисіи о Коммерціи Императрицѣ въ 1774 году подалъ; но какъ она въ Кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ времянемъ государство и торговля терпитъ.

Окончивъ описаніе мое о разныхъ правительствахъ, которыя Петромъ Великимъ и его наслѣдниками были учреждены, надлежитъ теперь нѣчто сказать о новой формѣ правительства установляемой, и отчасти уже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ установленной. Установленіе сіе довольно всѣмъ извѣстно; и тако ни пространство сего труда не позволяетъ, ниже нужда требуетъ, въ большее пространство о содержащихся статьяхъ въ семъ учрежденіи писать, а довольно, кажется, предложить токмо тѣ главности, на которыхъ сіе учрежденіе основано, главности, которыя не извѣстны многимъ и самымъ тѣмъ, которые сію книгу читаютъ. 1) Дабы скорѣе дѣла могли быть рѣшены, учреждены въ каждомъ Намѣстничествѣ всѣ судныя мѣста, которыя прежде въ Государствѣ находилися, то есть, Нижній Земскій Судъ вмѣсто Воеводской Канцеляріи, Комендантское или Городническое правленіе вмѣсто Полиціи, Верхній Земскій Судъ, Гражданская Уголовная и Казенная Палаты вмѣсто Вотчинной, Юстицъ и Каморъ-Коллегіи. 2) Дабы пресѣчь преступленія въ самомъ началѣ, учреждены Капитаны-Исправники, коихъ должность есть земскую полицію наблюдать, и нижнія и верхнія расправы. 3) Полезно есть, чтобъ всякой равными своими былъ сужденъ; сего ради многіе судьи въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ и въ другихъ выбираются дворянами, другіе, яко для Магистратовъ, мѣщанами и купцами, и наконецъ, для Государственныхъ крестьянъ, въ нижнія расправы самыми крестьянами. 4) Великое число народа, или пространство страны, дѣлаетъ затрудненіе въ управленіи; сего ради губерніи положены, чтобы не болѣе были, какъ отъ 200 до 300 тысячъ душъ, а округи или уѣзды отъ 20 до 30 тысячъ. 5) Надъ всѣмъ надъ симъ поставленъ Государевъ Намѣстникъ, которой не есть судья, но токмо понудитель, чтобъ всякой судья свою должность исполнялъ, а

токмо въ дѣлахъ уголовныхъ, яко особливой важности, ему пересматривать повелѣно; онъ еще подъ собою имѣетъ Губернатора или правителя, и Вице-Губернатора или поручика. 6) Дабы власть судей всегда въ равновѣсіи была, то равнымъ образомъ они и опредѣляются: единые, яко Намѣстникъ, Губернаторъ и Вицъ-Губернаторъ точно отъ Государя, другіе по представленіямъ отъ Сената Государю, яко Предсѣдатели Палатъ и Верхняго Земскаго Суда, третіе отъ Сената, яко Совѣтники и Ассессоры намѣстническаго правленія и палатъ, четвертые по представленію Намѣстника въ Сенатъ обще съ намѣстническимъ правленіемъ, яко Президенты въ Магистратъ и Расправы и Городничіе, пятые по выбору дворянства, иль мѣщанъ, или крестьянъ, однако съ конфирмаціею Намѣстника. 7) Для дѣлъ мировыхъ и для дѣлъ трудныхъ, гдѣ законы являются угнетать совѣсть, опредѣленъ Совѣстный Судъ по выбору судящихъ съ конфирмаціею Намѣстника. 8) Дабы пресѣчь апелляціи, положено полагать залоги въ штрафъ, естьли будетъ апеллировавшій обвиненъ. 9) Предводители учреждены рожденными опекунами всѣхъ сиротъ и людей безгласныхъ. 10) Повелѣно учредить школы, домы общаго призрѣнія, домы исправительные, опредѣлить докторовъ и лѣкарей, и прочее все, что въ просвѣщеннѣйшихъ земляхъ есть.

Вотъ планъ учрежденія, который весьма мудрымъ съ перваго виду кажется; но не все то золото, что блеститъ, а надлежитъ ему и прочія качествы, свойственныя сему металлу, имѣть; такъ и въ законодательствѣ, не Платонову, Севарамбскую республику должно сочинять, а дѣлать вещи свойственныя со страною, съ народомъ и со всѣми обстоятельствами, и сіе въ семъ учрежденіи, не входя въ подробности, я и намѣренъ разсмотрѣть.

1. Умноженіе судебныхъ мѣстъ и судей, конечно, должно произвести скорѣйшее теченіе дѣлъ и удовольствіе обиженнымъ. Но когда и при маломъ числѣ судей жалуются многіе, что мало ихъ хорошихъ и право разумѣющихъ законъ, то гдѣ же взять большее число? И какъ тутъ хотятъ до безконечности умножить судей и надѣяться отъ нихъ прямаго правосудія, гдѣ нѣтъ ни собранныхъ всѣхъ правъ, гдѣ нѣтъ училищей, законовъ и гдѣ, наконецъ, мало людей правильно и грамотѣ умѣютъ, то изъ сего умноженія и выйдетъ, что хотя дѣла пойдутъ скорѣе, но не правѣе: одинъ поострѣе и поплутоватѣе всѣхъ переспоритъ; другое мѣсто должно будетъ исправ-

лять дѣло, гдѣ не всѣ обстоятельства выведены, иль обратно отослать, отъ чего такъ же волокита и замедленіе выйдетъ. Въ бывшую послѣднюю язву въ Москвѣ великое число приказныхъ служителей померло, и изъ разныхъ мѣстъ Имперіи требуютъ приказныхъ служителей и для старыхъ мѣстъ; но когда сіе число стало удесятерено, гдѣ же взять приказныхъ служителей? Насажать изъ школъ несмысленныхъ? Въ нихъ пользы мало будетъ, а знающихъ нѣтъ, и отъ незнанія ихъ другое замедленіе въ дѣлахъ происходитъ.

II. Земскій Исправникъ, яко бдящій о здоровьи, безопасности и покоѣ гражданъ, есть, конечно, чинъ, мудро установленный, и не можно сказать, чтобъ сіе и не во время было сдѣлано; ибо толь важныя должности, конечно, требуютъ особливаго человѣка, дабы недреманнымъ окомъ на все взиралъ. Но токмо должно безпристрастно разсмотрѣть, такъ ли учрежденъ сей чинъ, и можетъ ли онъ то исполнять, что на него положено, и на сіе предписаны ему такія должности и толь генеральными изъясненіями, что найскуснѣйшій въ законахъ и въ наукѣ правленія найдетъ трудъ по сему ихъ исполнять, яко §. 236 предписано ему исполнять должность свою съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ къ народу, съ осторожною кротостію, безъ ослабленія во всѣхъ дѣлахъ.

Вотъ малое число словъ, но которыя могутъ подать причину къ написанію великаго числа книгъ и безчетнаго числа противурѣчительныхъ диссертацій, естьли все сіе не будетъ точно означено и утверждено закономъ. Что такое доброхотство и человѣколюбіе къ народу? Что такое осторожность съ кротостію безъ ослабленія? И до коихъ мѣстъ каждое сіе качество простирается, и какъ единое другимъ должно быть смягчено? Трудные вопросы, для рѣшенія которыхъ врядъ найдутся ли и два юрисъ-консульта, во всемъ согласны. Должность Исправника есть великая и многотрудная, какъ въ статьяхъ должности его предписано; но сдѣлано ли ему побужденіе честолюбіемъ или деньгами? Нѣтъ; онъ написанъ быть девятаго классу, то, слѣдственно, естьли онъ Майоръ, не токмо чрезъ сіе что пріобрѣтаетъ, но и нѣкоторымъ образомъ теряетъ чинъ, а жалованья ему триста рублевъ, что въ разсужденіи его трудовъ и самаго убытка отъ поѣздовъ, не токмо прибыль, но разореніе приключитъ.

Нижняя расправа, учрежденная для ради суда однодворцевъ, черносошныхъ крестьянъ и другихъ крестьянъ Государевыхъ; но кто

ее сочиняетъ? Расправной судья, опредѣленной Намѣстническимъ правленіемъ, и четыре крестьянина, или однодворца засѣдатели. Вотъ желаніе равности, до неумѣренности доведенное, учинило, что изъ послѣдняго и непросвѣщеннѣйшаго рода людей судьи избираются, то либо грубостію своею отнимутъ власть у самаго главнаго судьи, либо онъ ими такъ овладѣетъ, что учинится деспотомъ; и сего ради, не лучше ли бы было, естьли бы, вмѣсто сихъ сочиненныхъ чиновъ, позволить имъ самимъ избирать себѣ ежегодно опекуновъ, со властію по прошествіи года смѣнять или продолжать ихъ?

III. Я уже сказалъ здѣсь выше, что хотя вредно избраніе крестьянами, людьми непросвѣщенными, изъ общества своего судей, прибавлю о крестьянахъ и то, что судьи крестьяне и ямщики, бывъ выбраны своими собратьями, и побывавъ въ судьяхъ, возгордѣютъ, отстанутъ отъ земледѣлія и тиранами другимъ своимъ собратьямъ учинятся. На сіе мнѣ можетъ быть скажутъ, яко бы я по страсти какой говорилъ, и что сія опасность не должна превозмочь пользу быть каждому судиму равными себѣ; что самое сіе принудитъ крестьянъ болѣе побужденія для просвѣщенія своего имѣть, и что примѣръ Финляндіи доказуетъ, что крестьяне, побывавъ судьями, отъ земледѣлія не отстаютъ. На все сіе легко мнѣ отвѣтствовать. Конечно, полезно есть каждому судиться равными себѣ, но въ чемъ сія полезность состоитъ? Въ томъ, чтобъ имѣть болѣе справедливости въ судѣ; а можетъ ли она быть отъ глупыхъ, грубыхъ и непросвѣщенныхъ людей? Не такъ легко и не такъ полезно просвѣтиться народу, какъ думаютъ; ибо малое просвѣщеніе введетъ токмо въ вящшія заблужденія и къ духу неподданства, а нужно нравственное просвѣщеніе, но сіе людей ученыхъ и нравы знающихъ не дѣлаетъ. Мы примѣръ сему видимъ, что наши попы и церковники, имѣющіе малое просвѣщеніе безъ нравовъ, суть найвреднѣйшіе люди въ государствѣ: разбои, бунты, корчемства и прочее суть ихъ обыкновенныя преступленія. И ежели народъ подлой просвѣтится и будетъ сравнивать тягости своихъ налоговъ съ пышностію Государя и Вельможъ, не зная, впрочемъ, ни нужды Государства, ни пользы самой пышности, тогда не будетъ ли онъ роптать за налоги, а наконецъ не произведетъ ли сіе и бунта? Финляндскіе крестьяне, побывавъ въ судьяхъ, отъ земледѣлія не отстаютъ; но сіе есть у нихъ самый лучшій промыселъ, и мѣщане ихъ въ свои промыслы не допускаютъ. Но въ Россіи, гдѣ крестьяне купечествуютъ

и въ мѣщанскіе промыслы вступаютъ, да по нынѣшнему положенію и быть тако не можно, гдѣ хлѣбопашцы всѣхъ менѣе прибыли получаютъ, можетъ ли крестьянинъ, отвыкшій отъ сохи и наглядѣвшійся на сластолюбіе и промыслы городскіе, къ земледѣлію возвратиться? И тако отъ сихъ судей, естественно, число земледѣльцевъ, которыхъ и такъ уже мало, ежегодно будетъ убавляться. Я тоже.....

(Здѣсь рукопись прерывается).

Сообщилъ **М. П. Щепкинъ.**

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕННАГО

ВЪ

ОРЕНБУРГСКОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ СЛѢДСТВІЯ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ЗЛОДѢЙСКОМЪ ЗАМЫСЛѢ

И

ПРЕДПРІЯТІИ БѢГЛАГО ДОНСКАГО КАЗАКА

ЕМЕЛЬЯНА ИВАНОВА СЫНА ПУГАЧЕВА,

ВЪ НАИМЕНОВАНІИ СЕБЯ ИМЕНЕМЪ

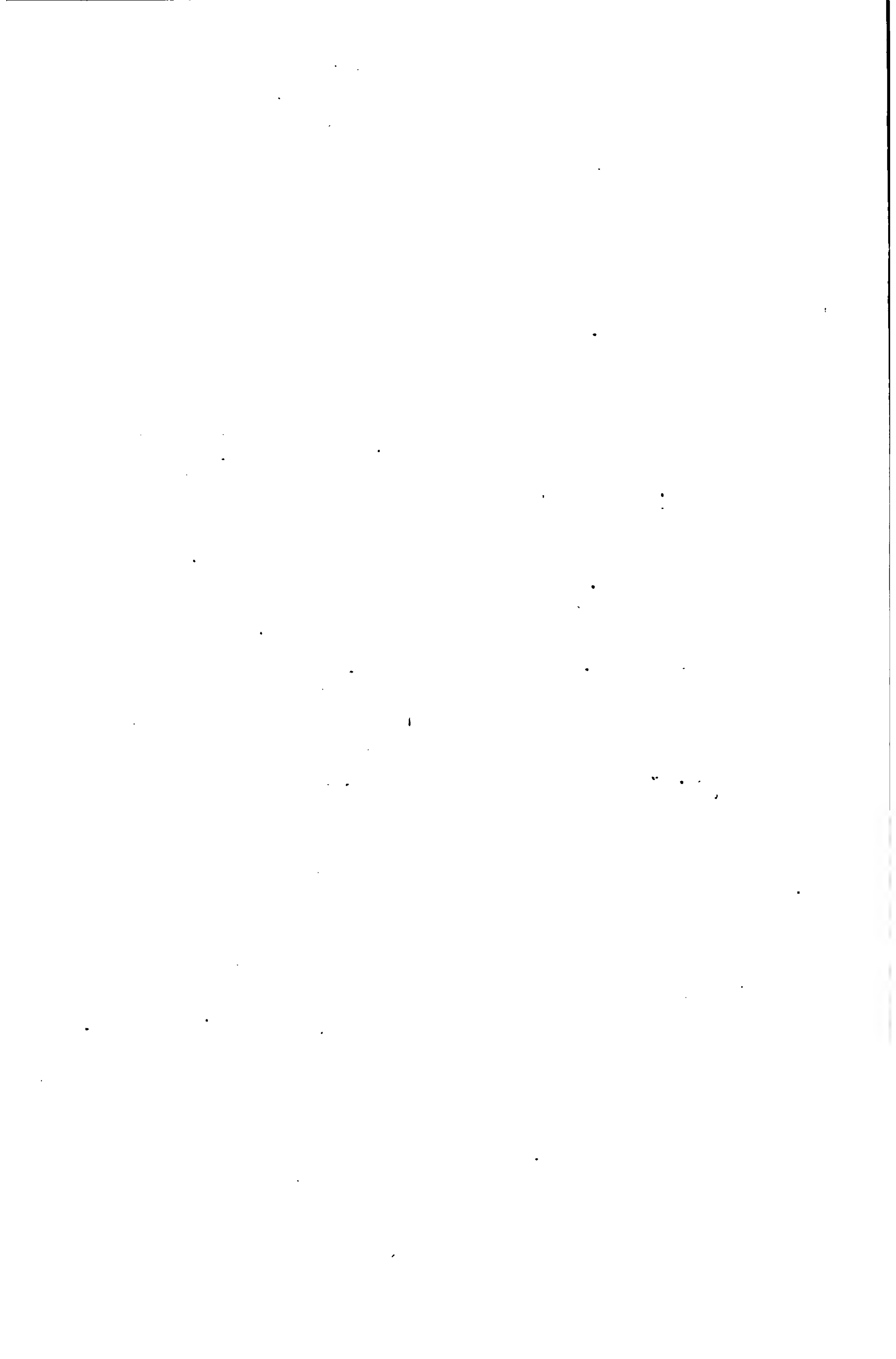
ПОКОЙНАГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ТРЕТЬЯГО;

О ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, НА ЯИКѢ ТОГДА БЫВШИХЪ,

СПОСПѢШЕСТВУЮЩИХЪ ЕМУ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЮ СЕГО ЗЛАГО НАМѢРЕНІЯ ВЪ ДѢЙСТВО,

ПРИ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІИ БУНТУЮЩИХЪ ЯИЦКИХЪ КАЗАКОВЪ,

БЕЗЪ ВСЯКАГО СООБРАЗОВАНІЯ КЪ НЕМУ ПРИЛѢПИВШИХСЯ.

ВЫПИСКА
ИЗЪ СЛѢДСТВІЯ ОРЕНБУРГСКОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИСІИ
ОБЪ ЕМЕЛЬЯНѢ ПУГАЧЕВѢ.

Прежде вступленія въ матерію самого дѣла, Секретная Коммисія нужнымъ почитаетъ объяснить о мѣстѣ рожденія злодѣя и врага Отечеству, Пугачева, о происхожденіи его состоянія и семействѣ, о службѣ и о самой причинѣ, понудившей его къ побѣгу.

Мѣсто, гдѣ сей извергъ рода человѣческаго на свѣтъ произникъ, есть Казачья Малороссійская Зимовейская станица; рожденъ и воспитанъ по видимому его злодѣянію, такъ сказать, адскимъ млекомъ отъ Казака той станицы, Ивана Михайлова Пугачева, и жены его, Анны Михайловой, которые померли, отецъ назадъ тому лѣтъ съ одиннадцать, а мать два года. Злодѣй имѣетъ у себя брата роднаго, Казака же Зимовейской станицы, которой лѣтъ съ пять какъ посланъ въ походъ и оттуда не возвращался, и двухъ сестеръ, Ульяну и Ѳедосью, находящихся въ замужествѣ, первая за Зимовейскимъ же Казакомъ, Федоромъ Брыканинымъ, которыя и теперь живутъ въ Зимовейской станицѣ, а вторая за поселеннымъ въ Азовѣ Прусакомъ, Симономъ Никитинымъ. Злодѣй, назадъ тому тринадцатый годъ, какъ женатъ Малороссійскаго Казака, Дмитрія Недюжева, которой умеръ, на дочери, Софьи Дмитріевой, съ которою прижилъ сына Трофима, отъ роду ему десять лѣтъ, двухъ дочерей: первой имя Аграфена, отъ роду ей седьмой годъ, второй имя Христина, отъ роду четыре года. И сіи его, жена и дѣти, находятся въ Казани, такъ какъ и племянникъ его родной.

Сей извергъ грамотѣ не умѣетъ, и жена его сказываетъ, что онъ состоянія былъ трезваго, то есть, не пьяница, былъ въ Прусскомъ походѣ четыре года, въ Польшѣ полтора года, да въ Крыму одинъ годъ. А какъ наконецъ въ сіе послѣднее мѣсто командиро-

ванъ онъ былъ вторично, то будучи тогда болѣнъ, нанялъ вмѣсто себя другаго. Служилъ сей извергъ въ Зимовейской станицѣ сперва Казакомъ, но напослѣдокъ, какъ жена сказываетъ, произведенъ былъ Хорунжимъ. Примѣтами онъ: росту средняго, долголицъ и сухощавъ, волосы на головѣ русые, а борода черная съ просѣдью, глаза каріе, на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ, напереди исподней зубъ еще въ малолѣтствѣ вышибенъ. А какъ выше сего сказано, что оной извергъ нанялъ на службу вмѣсто себя другаго, то, будучи свободенъ, ѣздилъ незадолго передъ побѣгомъ своимъ, то есть, въ началѣ 1772-го году, въ Азовъ за объявленными зятемъ своимъ и сестрою, и привезъ оныхъ въ домъ свой; они гостили у него недѣли съ двѣ и поѣхали назадъ въ Азовъ, но недѣль черезъ пять пріѣхали было опять къ нему, однако жъ жители Зимовейской станицы, подозрѣвая ихъ въ побѣгѣ, по скоромъ ихъ возвращеніи, взяли подъ караулъ и отослали въ городъ Черкаскъ. А какъ они тамо показали на сего злодѣя, что къ побѣгу подговорены имъ, то и его туда потребовали, и онъ, поѣхавъ туда, бѣжалъ въ Польшу въ 1772-мъ году, въ Великой постъ. Вотъ начальная причина его побѣгу.

Сей извергъ въ Польшѣ не долго шатался, ибо въ Августѣ мѣсяцѣ того жъ 1772 года, явясь на пограничномъ форпостѣ и утая прямое свое состояніе, тожъ и мерзкое свое прозвище, назвался раскольникомъ и бывшимъ яко бы прежде Пензенскимъ купцомъ, Емельяномъ Ивановымъ, изъявя притомъ желаніе присоединиться къ таковымъ же выходцамъ, на Иргизѣ поселеннымъ. Почему на томъ форпостѣ и данъ сему гнусному обманщику пашпортъ, на основаніи указнаго повелѣнія, чтобъ онъ явился въ Синбирской Провинціальной Канцеляріи, поелику поселеніе раскольниковъ по Иргизу состоитъ въ вѣдомствѣ оной. Злодѣй, получа такой пашпортъ и, вмѣсто того, чтобъ явиться въ Синбирской Канцеляріи, онъ прямо пришелъ на Иргизъ въ раскольнической скитъ, по начальникѣ, Филаретовъ именуемой, и тутъ объявилъ свой пашпортъ, лжесплестеннымъ вымысломъ полученной. Начальникъ сего раскольническаго скита, проклятой калугеръ, по имени Филаретъ называющейся, забывъ строгое прещеніе, указами имъ предписанное, чтобъ отнюдь никого, на самое краткое время, безъ объявленія въ Присутственномъ Мѣстѣ, къ себѣ не принимать, принялъ сего злодѣя въ свой скитъ подъ видомъ страннопріимства и держалъ оного нѣсколько недѣль, не

объявя нигдѣ. Злодѣй, нашедъ, такимъ образомъ, благосклоннаго укрывателя бѣглецовъ и воровъ, не имѣлъ никакой опасности утаевать себя отъ жителей ближняго селенія, но, употребляя во зло вымаленной имъ на форпостѣ пашпортъ, назывался выходцомъ и заграничнымъ купцомъ: ибо онъ, бывая часто въ близъ лежащей отъ скита дворцовой Малыковской волости, Мечетной слободѣ, познакомился съ жителями оной и завелъ кумовство, какъ то извѣстно, что онъ у крестьянина, Степана Косова, былъ воспріемникомъ сына, или дочери, отъ купели. Потомъ вздумалъ онъ вступить въ торговлю, а короче сказать, въ злодѣяніе подъ видомъ оной, какъ то ниже сего окажется; однако жъ о намѣреніи принятомъ объявилъ онъ воровскому своему укрывателю, что ѣдетъ въ Яицкой городокъ, разстояніемъ отъ скита, въ которомъ онъ пристанище имѣлъ, верстахъ въ шестидесяти, или семидесяти, покупать рыбы; калугеръ, позволя ему на то, далъ и своихъ нѣсколько денегъ для покупки себѣ. И такъ отправился онъ туда на собственной своей лошади, на которой онъ въ скитъ пріѣхалъ, съ однимъ товарищемъ, Мечетной слободы жителемъ, раскольникомъ, Семеномъ Филиповымъ. Сіе было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того жъ 1772-го года.

Изъ послѣдованія окажется, что сія его поѣздка не для покупки рыбы была, но прямо можно сказать, что онъ туда ѣхалъ съ посѣяннымъ уже на сердцѣ его злымъ ядомъ для зараженія онымъ мстящихся Яицкихъ Казаковъ, которые тогда находились между страхомъ и надеждою отъ слѣдствія, производимаго въ Оренбургѣ о убійствѣ ими Генерала-Маіора фонъ Траумберга, Старшинъ и прочихъ, о чемъ, статься можетъ, наслышался онъ въ мерзкомъ своемъ раскольническомъ обиталищѣ; а поелику всѣ Яицкіе Казаки ревностные подражатели расколу, то можетъ и расказывано ему было съ сожалѣтельной объ нихъ стороны. Сіе заключается по тому, что онъ, пріѣхавъ въ Яицкой городокъ, и по знакомству товарищу его, объявленному Филипову, остановясь въ домѣ отставнаго Яицкаго Казака, Дениса Пьянова, и живши у него семь дней, обзнакомясь, какъ Пьяновъ, по причинѣ происходимаго тогда на Яикѣ слуху, будто бы въ Царицынѣ явился Государь Петръ Федоровичь, вступя съ нимъ въ разговоръ о семъ и изъ любопытства спросилъ его, что бы это за причина была, то сей злодѣй такъ, какъ бы уже готовъ былъ на такой вопросъ отвѣтствовать, сказалъ Пьянову: «Это,

де, правда (то есть, что въ Царицынѣ явился Самозванецъ), и онъ де, подлинной Царь, Петръ Федоровичь; и хотя, де, его въ Царицынѣ поймали, однако жъ онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другаго.» А какъ Пьяновъ сомнѣвался и сказалъ злодѣю: «Какъ, де, этому можно статься? Вѣдь Петръ Федоровичь умеръ?» то злодѣй, выводя Пьянова изъ сумнѣнія, сказалъ на оборотъ: «Не правда, де, онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ;» и симъ тогда разговоръ оной кончился, потому что Пьяновъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ вдаль любопытствовать; а естьли бы онъ продолжалъ оной далѣе, то, можетъ статься, что злодѣй не утерпѣлъ бы тогда проврать что нибудь, похожее на нынѣшнее о себѣ самомъ; удержался же онъ, кажется, для того, что Пьяновъ прекратилъ сей разговоръ, съ показаніемъ нѣкотораго вида неимовѣрности: или же и по тому иногда, что онъ не зналъ еще прямо, будутъ ли Яицкіе Казаки согласны къ произведенію новаго бунта. И такъ, желая проникнуть мысли ихъ и намѣренія, завелъ съ Пьяновымъ вотъ какой разговоръ: «Какъ, де, вамъ, Яицкимъ Казакамъ не стыдно, что вы терпите такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ?» А какъ Пьяновъ отвѣчалъ ему: «Что жь, де, дѣлать-то! Такъ видно тому и быть!» то злодѣй говорилъ: «Да не лучше ль вамъ выйти съ Яику въ Турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ дамъ денегъ на каждую семью по двѣнадцати рублевъ»? Высказывая при томъ, что на границѣ оставлено у него до двухъ сотъ тысячь рублей, да на семдесятъ тысячь товару. «Ежели, де, Яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать». А какъ Пьяновъ не только равнодушно слушалъ сію злоковарную баснь, но и по насказанному имъ богатству усумнился еще о подлинномъ его состояніи, вопрося при томъ его такъ: «Да гдѣ, де, ты такія деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?» то злодѣй отвѣчалъ: «Я, де, заграничной торговой;» а потомъ продолжалъ: «Когда, де, вы выдите за границу, то всѣхъ васъ съ радостію встрѣтитъ Турецкой Паша; онъ, де, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то дастъ еще хотя и до пяти миліоновъ рублей». Сколько Пьяновъ сперва ни равнодушно слушалъ сіи бредни, но напослѣдокъ спохватился и запретилъ злодѣю плодить вдаль сію рѣчь; однако жъ, по безпечности своей, не донесъ объ ономъ и умолчалъ, для того, будто бы, какъ онъ въ допросѣ своемъ сказалъ, что не уважилъ его разговору.

Когда злодѣй осмѣлился такимъ образомъ открыться въ своемъ злоехидствѣ предъ однимъ человѣкомъ, то, думать надобно, что онъ и во многихъ Яицкихъ Казаковъ сіе зло поселилъ; ибо Пьяновъ показываетъ, что оной извергъ, живши у него цѣлую недѣлю, каждой день ходилъ на базаръ. Покупка его во время сей поѣздки состояла не больше, какъ въ нѣсколькихъ сазанахъ рыбы и на одну рубашку выбойки или пестриди какой; слѣдовательно, и можно заключить, что выходъ его на базаръ былъ или возмутительной, или онъ развѣдывалъ о ихъ обстоятельствахъ, приводившихъ ихъ тогда въ страхъ и отчаяніе по учиненному ими смертоубійству, и наконецъ явному бунту и супротивленію противу корпуса Генерала-Маіора Фреймана, о чемъ тогда въ Оренбургѣ производилось еще слѣдствіе. Навѣрное можно заключить, что онъ въ сіе время или наслышался отъ мятежниковъ, называющихся войсковой стороны, о негодованіи ихъ противу Правительства, или же самъ примѣтилъ въ нихъ крайнюю буйность и готовыхъ къ новому бунту; потому сіе заключается, что онъ, по побѣгѣ изъ Казани, предпріявъ въ злобномъ своемъ сердцѣ присвоить себѣ имя покойнаго Государя, и полагая всю свою надежду на войсковыхъ Казаковъ, безъ малѣйшей опасности открыть себя такимъ высокимъ названіемъ онымъ мятежникамъ, какъ о томъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ показано будетъ; а здѣсь включается то, какимъ образомъ сей извергъ попалъ въ Казанскую тюрьму, и какъ оттуда бѣжалъ.

Выше сего сказано, что оной злодѣй, ѣздя на Яикъ подъ видомъ покупки рыбы, имѣлъ у себя товарища, Мечетскаго жителя, Филипова, и по немъ имѣлъ квартиру у Казака Пьянова. Когда злодѣй подговаривалъ показаннымъ образомъ Яицкихъ Казаковъ къ побѣгу въ Турецію и обѣщалъ имъ свою помощь, то Филиповъ слышалъ сей его развратъ, и хотя умолчалъ о семъ въ Яицкомъ городкѣ, но, по возвращеніи домой, донесъ о семъ у Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ, почему злодѣй тогда же и пойманъ и посланъ въ Синбирскъ; да и Пьяновъ требованъ былъ къ сему дѣлу; однако жъ онъ, прослышавъ о семъ, бѣжалъ изъ дому своего и укрывался въ бѣгахъ по то самое время, какъ уже злодѣй атаковалъ на Яикѣ Полковника Симонова въ ретраншаментѣ. Злодѣй изъ Синбирска отосланъ въ Казань къ покойному Губернатору, фонъ Бранту, у котораго, а равно и въ Синбирскѣ, въ допросѣ показалъ, что Казаку

Пьянову объявленныя слова говорилъ яко бы въ пьянствѣ своемъ, безъ всякаго умыслу и намѣренія подговорить прямо Яицкое войско къ побѣгу, но смѣясь надъ Казакомъ Пьяновымъ, въ чемъ ему и повѣрено. При семъ случаѣ самъ онъ признался, что онъ бѣглой Донской Казакъ и Пугачевъ по прозванію, да и осматривали его въ Казани, не былъ ли онъ битъ кнутомъ; а какъ по осмотру не можно было узнать, чѣмъ онъ былъ сѣченъ, потому что спина весьма была изсѣчена, то онъ, объявя, что кнутомъ не сѣченъ, показалъ, что одинъ Полковникъ за потерю лошадей сѣкъ его жестоко плетьми. Казанской Губернаторъ представлялъ объ немъ въ Петербургъ съ мнѣніемъ, какъ бы разглашеніе сіе было бредни и недостойны большаго уваженія, и на его представленіе послѣдовало имянное Ея Императорскаго Величества повелѣніе такое: «Чтобъ Пугачева, наказавъ за его враки и за утайку своего названія, плетьми, сослать въ городъ Пелымъ, и тамо, употребляя его въ работу, въ какую годенъ будетъ, производить кормовыхъ по три копѣйки на день, но смотрѣть за нимъ накрѣпко, чтобъ не сдѣлалъ оттуда побѣду».

Между же тѣмъ, пока сія резолюція Губернаторомъ получена, злодѣй нашелъ случай воспользоваться побѣгомъ изъ подъ караула, потому что не стали уже имъ уважать; ибо сперва содержали его такъ какъ секретнаго или важнаго колодника въ Губернской Канцеляріи, подъ особымъ карауломъ, но потомъ, какъ старые Канцелярскіе покои сломаны и заведено вновь каменное строеніе, то, не имѣя мѣста содержать его болѣе въ Канцеляріи, отдали въ острогъ для содержанія съ прочими, а при отдачѣ совсѣмъ забыто было дать особое наставленіе объ немъ караульному офицеру, дабы содержать его съ нѣкоторымъ вниманіемъ, а чрезъ то самое и сдѣлано ему послабленіе такое, что онъ могъ на ряду съ прочими ходить въ міръ для прошенія милостыни, и отпускали по банямъ, чѣмъ самымъ злодѣй воспользовался, и приглася къ своему единомыслію колодника пригорода Алатъ, купца Дружинина, и одного караульнаго солдата, бѣжалъ съ ними изъ Казани 29-го Маія, 1773-го году; былъ за ними изъ острогу и другой караульной солдатъ, но они его напоили до пьяна и, отвезя его съ собою въ кибиткѣ нѣсколько верстъ отъ города, столкнули долой.

Не извѣстно, куда сей злодѣй объявленныхъ своихъ спутниковъ, то есть, Дружинина и караульнаго солдата, дѣвалъ: оставилъ

ли онъ ихъ гдѣ обманомъ и самъ отъ нихъ уѣхалъ, или обоихъ уходилъ? Ибо нѣтъ объ нихъ по сю пору никакого слуху; а равно и того еще нельзя узнать, кто вспомоществовалъ ему въ побѣгѣ изъ Казани? Куда онъ сперва пріѣхалъ? Гдѣ до половины Іюня мѣсяца былъ, и кто снабдилъ его парою лошадей и кибиткою, тожь ружьемъ, мѣднымъ котломъ и здобными лепешками? Но остается сію безъизвѣстность рѣшить самому извергу Пугачеву; ибо, чтобъ кто нибудь безъ обличенія сказалъ самъ о своемъ злодѣяніи, не токмо рѣдко, но почти изъ такого рода людей никогда не случается.

Сначала Оренбургская Секретная Коммиссія допросомъ прежде бывшаго Яицкаго, а потомъ опредѣленнаго въ Сакмарскъ, бѣглаго Казака, Ивана Пономарева, онъ же и Самодуровъ, извѣщалась, яко бы злодѣй, по побѣгѣ изъ Казани, укрывался, сперва на Узеняхъ, въ Камышъ-Самарѣ, яко въ такомъ мѣстѣ, которое, по непроходимости своей, весьма способно къ укрытію себя бѣглецамъ, и тутъ будто бы назвался онъ Государемъ Петромъ Третьимъ, да и присоединились къ нему тутъ Яицкіе бѣглые Казаки: Иванъ Чика, Илья Ульяновъ, Степанъ Толкачевъ, Петръ Балабановъ, Степанъ Пьяновъ, Елисей Мясниковъ и Михайло Жегулевцовъ, да раскольническихъ старцевъ семь человѣкъ, изъ которыхъ начальникъ ихъ назывался Макаріемъ, гдѣ будто бы они полагали между собою совѣтъ такой, чтобъ, собравъ въ свою шайку больше людей, итти на Яикъ во время плавки рыбы и, пришедъ на плавню, склонить Яицкихъ Казаковъ на свою сторону, и съ ними итти потомъ въ Яицкой городокъ, и тутъ, забравъ достальныхъ Казаковъ, а Старшинъ всѣхъ побить и иттить въ Оренбургъ, для того, что тутъ считали много денегъ, которыя злодѣй обѣщался раздѣлить Казакамъ.

А какъ Коммиссія не имѣла тогда противорѣчія показанію онаго враля Самодурова, слѣдовательно, и не могла имѣть причины сомнѣваться, чтобъ Самодуровъ показалъ неправду, то о семъ и въ репортѣ своемъ, отъ 21-го Маія, 1774-го году, къ Ея Императорскому Величеству представила; а притомъ, о сыску на Узеняхъ помянутыхъ раскольническихъ чернцовъ, Макарія съ товарищи, писана въ Симбирскую Провинціальную Канцелярію и на Яикъ къ Полковнику Симонову, но на сіе отвѣтствовано, что ни одного изъ показанныхъ старцевъ не сыскано; а потому, по другимъ показаніямъ, вы-

ходило и то, что Самодуровъ солгалъ о томъ, будто бы онъ видѣлъ на Узеняхъ Казаковъ Чику и Ульянова, потому что они въ бѣгахъ не были; въ разсужденіе чего Коммиссія и на прочее его показаніе возъимѣла уже подозрѣніе, и передопрашивая его вновь, увѣщевала, чтобъ показалъ истинную правду; почему Самодуровъ, отрекшись совсѣмъ отъ перваго своего показанія, признался, что ни злодѣя, ни Чики съ Ульяновымъ не видалъ на Узеняхъ и нигдѣ, да и не слыхалъ объ немъ ничего, кромѣ только того, что когда передъ обнаруженіемъ злодѣя, везли его, Самодурова, изъ Малыковки въ Яицкой городокъ, то дорогою слышалъ отъ встрѣчающихся Казаковъ, что на низу проявляется у нихъ Самозванецъ подъ именемъ Петра Третьяго, и что для сыску его посылались изъ города команды. Но въ допросѣ, учиненномъ ему у Оренбургскаго Господина Губернатора, Рейндорпа, солгалъ о семъ, по причинѣ бывшаго ему пристрастнаго распросу, а въ Секретной Коммиссіи съ начала утверждалъ сію ложь за истину по тому уже, что побоялся за перемѣнныя рѣчи истязанія. Сей враль Самодуровъ у Губернатора въ допросѣ лгалъ и о томъ, будто бы злодѣй, будучи на Узеняхъ, сказывался собственнымъ своимъ именемъ и названіемъ, но вышепомянутые бывшіе при немъ Яицкіе Казаки и раскольническіе старцы согласились назвать его и разгласить Государемъ Петромъ Третьимъ. На сіе онъ, Самодуровъ, при первомъ въ Коммиссіи допросѣ отмѣнилъ и признался, что солгалъ.

И такъ теперь по слѣдствію выходитъ, что злодѣй въ Таловинской уметъ пріѣхалъ мѣсяца черезъ полтора по побѣгѣ изъ Казанской тюрьмы. Неизвѣстно, гдѣ онъ столько время шатался; но какъ онъ самъ предъ нѣкоторыми Казаками хвасталъ, будто бы онъ изъ Казани въ Таловинской уметъ пріѣхалъ въ восьмой день, то изъ сего и должно было заключить, что онъ прямо пріѣхалъ въ уметъ. Но содержатель оного, хотя и не знаетъ, сколько именно времени жилъ у него оной злодѣй, однако жъ увѣряетъ, что онъ пріѣхалъ въ такое время, когда уже поспѣвали арбузы и яблоки, а потому и нельзя иначе положить сему время, какъ въ половинѣ развѣ Іюля мѣсяца, или немного попрежде.

Какъ то ни есть, однако жъ сей адской сынъ подоспѣлъ съ своимъ злымъ ядомъ къ Яицкимъ мятежнымъ Казакамъ въ такое

время, когда они негодовали на конфирмацію, послѣдовавшую на слѣдствіе, производимое въ Оренбургѣ о убивствѣ ими Генерала-Маіора Траумберга и старшинъ, не меньше жъ и о злодѣйскомъ ихъ предпріятіи, оказанномъ противъ корпуса Генерала-Маіора Фреймана. Ибо по сей конфирмаціи многіе съ ихъ мятежной стороны Сотники и Казаки, которые участвовали больше другихъ въ семъ злодѣяніи, пересѣчены иные кнутомъ, заклеймены и вырваны ноздри и разосланы въ ссылки, а иные, плетьми и написаны въ солдаты, что самое, а тѣмъ болѣе налагаемая на нихъ за пограбленное ими во время ихъ бунта у разныхъ людей имѣніе выть, приводило ихъ въ крайнее бѣшенство, потому что нѣкоторые и теперь симъ рѣшеніемъ недовольны кажутся и почитаютъ себя притѣсненными въ разсужденіи неравенственнаго расположенія на нихъ выти, которой положено на иныхъ отъ двадцати до сорока, а на иныхъ отъ десяти до пяти рублей, и говорятъ, что когда, де, все войско обвиняется въ томъ грабительствѣ, такъ и выти должно быть на всѣхъ равной.

Въ семъ мѣстѣ Коммиссія за нужное находитъ вмѣстить сократительно расказываемыя Яицкими Казаками повѣствованія о происхожденіи своемъ и поселеніи на рѣкѣ Яикѣ, о причинахъ, произведшихъ несогласіе между Старшинами и войсковыми Казаками, и наконецъ самое убійство Траумберга и старшинъ.

Происхожденіе Яицкихъ Казаковъ, можно сказать, соотвѣтствуетъ съ нынѣшнимъ ихъ злодѣяніемъ: они суть сбродные бѣглецы, промышлявшіе по Каспійскому морю и по Волгѣ разбоями и грабительствами чрезъ долгое время, но, напослѣдокъ, пришедъ въ раскаяніе, собравшись сотъ до пяти человѣкъ и избравъ мѣсто нынѣшняго ихъ поселенія, принесли повинную блаженныя памяти Государю, Царю Алексѣю Михайловичу. Сей Государь простилъ ихъ и позволилъ поселиться на избранномъ имъ мѣстѣ, пожаловавъ ихъ при томъ, какъ они сказываютъ, рѣкою Яикомъ съ вершины и до устья и всѣми падающими въ нее рѣками и протоками, рыбными ловлями и сѣнными покосами безданно и безпошлинно, также крестомъ и бородою, опредѣля имъ годоваго жалованья каждому по одной четверти муки по полуфунту свинцу и пороху; служба же ихъ состояла въ томъ, чтобъ защищать границы отъ набѣговъ Киргизцовъ, Башкирцовъ и Калмыковъ, поелику тогда Башкирцы и Калмыки не состояли въ подданствѣ Россіи. И, такимъ образомъ, поселясь они на нынѣшнемъ

мѣстѣ, принимали въ свое общество отвсюду бѣглецовъ, а чрезъ то въ скоромъ времени и умножились.

Гурьевъ городокъ поселеніе свое имѣетъ прежде, нежели Яицкой: разстояніемъ оной отъ Яицкаго верстахъ въ пяти стахъ, на низу рѣки Яика, близъ Каспійскаго моря; тамо весьма изобильная была рыбная ловля и сдѣланъ былъ издревле учугъ, то есть, загородка чрезъ всю средину рѣки Яика, чтобъ рыба вверхъ не могла проходить. Сей учугъ принадлежалъ Коронѣ и отдавался на откупъ Астраханскимъ купцамъ за извѣстную сумму. Но хотя такая преграда и сдѣлана была, однако жъ сперва у Яицкихъ Казаковъ рыбная ловля изобильная была. Между тѣмъ Яицкіе Казаки, бывъ въ разныхъ походахъ блаженныя памяти съ Императоромъ Петромъ Великимъ, заслужили монаршее его благоволеніе и, въ награду за ихъ службу, получили подтвержденіе прежнихъ своихъ привилегій, и притомъ точно изъ показаннаго Гурьевскаго учуга отгорожено было по осьми саженъ отъ обоихъ береговъ. А какъ сіе сдѣлано было, то Яицкіе Казаки паки стали имѣть довольную рыбную ловлю; ибо и они у себя сдѣлали, на подобіе Гурьевскаго, такой же учугъ. Но какъ время отъ времяни Яицкіе Казаки умножались, а рыбная ловля, напротивъ того, уменьшалася, то они условились напослѣдокъ испросить учужной откупъ въ свое содержаніе, и потомъ, по многимъ просьбамъ и ходатайствамъ, назадъ тому лѣтъ съ пятнадцать, получа желаемое, выломали въ Гурьевѣ учугъ, а свой вновь укрѣпили, и такъ сдѣлались одни владѣтелями рыбной ловли въ рѣкѣ Яикѣ; въ Гурьевъ же городокъ, чтобъ пресѣчь совсѣмъ постороннюю ловлю, командировали отъ себя сто человѣкъ Казаковъ на караулъ. Учугъ отданъ имъ на откупъ за пять тысячь за шесть сотъ рублевъ въ годъ, и положили между собою собирать сію сумму Старшинамъ съ Казаковъ во время рыбныхъ ловель. Старшины, вмѣсто сей суммы, сбирали съ нихъ около двадцати тысячь и отчету ни какого войску не давали, а между тѣмъ взяли они также на откупъ и соляной сборъ съ отвозной изъ городка всякаго рода соленой рыбы, десятой доли безъ мала, за пять тысячь рублей, поруча такъ же и сей сборъ бывшему Атаману Подполковничья чину, Бородину, съ такимъ условіемъ, чтобъ онъ, по прошествіи года, далъ войску вѣрной отчетъ, обнадежа его, естьли будетъ убытокъ, заплатить за него, а естьли будетъ прибыль, то оную уступали ему. Но Атаманъ, держа нѣ-

сколько годовъ сряду сей сборъ, не давалъ отчету; хотя Казаки и просили его о томъ, однако жъ онъ на то ни какъ не соглашался, и сѣкалъ еще, сказываютъ, тѣхъ, которые ему объ ономъ напоминали, потому что сей сборъ не меньше былъ перваго.

Между тѣмъ, одинъ Яицкой Казакъ, Логиновъ, будучи въ Сакмарскомъ городкѣ Атаманомъ и смѣнясь оттуда, пріѣхалъ на Яикъ, и усмотря великіе поборы съ Казаковъ, желалъ, чтобъ Старшины приняли и его къ себѣ въ товарищество, поелику онъ былъ Старшинной сынъ и имѣлъ на то право; но Старшины въ томъ ему отказали. Логиновъ зачалъ за то ссорить со Старшинами и разсказывать потомъ Казакамъ, что Старшины ихъ грабятъ. Казаки, видя его къ нимъ доброжелательство, хотѣли, чтобъ онъ былъ у нихъ Старшиною, но Старшины на то не соглашались. Логиновъ, выпрося у Казаковъ выборъ, ѣздилъ тайно отъ Старшинъ въ Петербургъ, и тамо исходатайствовалъ отъ Военной Коллегіи Старшинское себѣ достоинство и возвратился съ указомъ Военной Коллегіи, что онъ пожалованъ Старшиною, но Старшины и за тѣмъ не приняли его въ товарищество, въ разсужденіи помянутыхъ сборовъ. А какъ въ сіе время войско было на плавкѣ, то Логиновъ, выѣхавъ къ оному на встрѣчу, разсказывалъ, что Старшины его не принимаютъ, будто бы для того, что опасаются воспрепятствованія его отъ излишнихъ поборовъ и требованія въ первыхъ годахъ отчету. И такъ войско къ нему прилѣпилось, а онъ, напротивъ того, наставилъ оное, чтобъ не давали съ изловленной рыбы нисколько пошлины и потребовали бы съ Атамана Бородина во всѣхъ сборахъ отчету. Войско такъ и сдѣлало, а Атаманъ со Старшинами поставили сіе происшествіе за бунтъ, и представили такимъ образомъ въ Военную Колегію, удерживая, между тѣмъ, у войска, за неплатежъ помянутой пошлины, жалованье; но, напротивъ того, Логиновъ съ войскомъ били челомъ на Старшинъ, что они войско разоряютъ излишними поборами и взятками, и просили о томъ изслѣдовать. Вотъ самая начальная и главная причина, отъ которой напослѣдокъ проистекли великіе раздоры и неустройства!

Военная Коллегія, по представленію Старшинъ и по жалобѣ на оныхъ войска, опредѣлила произвесть на Яикѣ слѣдствіе, въ продолженіе котораго разные были слѣдователи, потому что войсковая

сторона, будучи недовольна, отводила нѣкоторыхъ разными подозрѣніями. Между сими слѣдователями были по ихъ сердцу только двое, Генералъ-Майоръ Потаповъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ; первой привелъ все слѣдствіе къ окончанію и послѣдовала на оный конфирмація Военной Коллегіи такая: на Старшинъ наложенъ денежной штрафъ, взысканіе удержаннаго ими жалованья и лишеніе ихъ Старшинскаго достоинства, съ тѣмъ, чтобъ ни въ какіе выборы впередъ ихъ не выбирать, чѣмъ войсковые Казаки, хотя нѣкоторые и съ ихъ стороны за ложные доносы осуждены были къ наказанію, были довольны. По сей конфирмаціи, что касалось до войсковыхъ Казаковъ, то исполнено было очень скоро; но что слѣдовало до Старшинъ, то бывшій у нихъ тогда съ военною командою, Маіоръ Новокрещеновъ, не только ничего не исполнялъ, но и не объявлялъ войску, по многимъ просьбамъ конфирмаціи, до Старшинъ касающейся. Между тѣмъ, какъ Казаки сказываютъ, Новокрещеновъ сдѣлалъ надъ ними такую хитрость, что велѣлъ имъ приходить къ себѣ на квартиру, обѣщаясь тамо вычесть имъ конфирмацію; а какъ они въ великомъ числѣ собрались къ его квартирѣ и просили исполнить обѣщанное, то Новокрещеновъ, не вычтя конфирмацію, понуждалъ ихъ тутъ къ выбору въ Атаманы, представляя имъ со своей стороны Дьяка Кретина. Но какъ они на то не соглашались и укоряли его нѣкоторые, что онъ закрываетъ Старшинъ, потому что они тогда въ гостяхъ у него были, то Новокрещеновъ представилъ на нихъ, въ разсужденіи многолюднаго ихъ собранія, похожее такъ какъ бы на бунтъ, почему изъ Военной Коллегіи наслана была въ войско грамота съ подтвержденіемъ, чтобъ они впредь повиновались законамъ и начальникамъ своимъ безъ всякаго прекословія, и ту грамоту велѣно было прочесть въ присутствіи Генерала-Маіора Черепова, въ Оренбургѣ тогда при войскамъ находящагося. Какъ же оной Череповъ пріѣхалъ на Яикъ и, собравъ войско въ кругъ, приказывалъ прочесть ту грамоту, то хотя они тому и не противорѣчили, однако жъ показывали такъ, что не хотѣли слушать, потому что обыкновеніе между ими бывало прежде такое, что подходили къ самымъ периламъ, для кругу сдѣланнымъ, а тутъ стояли отъ оныхъ гораздо одаль, и по многимъ Черепова приказамъ, хотя подвигались понемногу, однако жъ къ самымъ периламъ не подошли, отзываясь тѣмъ, что они и издали слышать могутъ. Сіе ихъ упрямство такъ разгорячило Черепова, что онъ приказалъ драгунамъ стрѣлять по

нихъ изъ ружей, и выстрѣлено было три раза, да и убито нѣсколько человѣкъ. Сей показанный имъ страхъ принудилъ уже ихъ слушать грамоту, но говорятъ, будто бы ничего не слыхали, и взяты съ нихъ тогда подписки въ томъ, чтобъ повиноваться впредь указамъ. Однако жъ сіе ихъ не успокоило, и они жаловались въ Петербургѣ на Черепова и на Новокрещенова, что они закрываютъ Старшинъ; по сей ихъ жалобѣ присланъ былъ помянутой Капитанъ Чебышевъ, и, во первыхъ, вычелъ имъ конфирмацію, касательную до Старшинъ, входилъ въ разбирательство новыхъ ихъ жалобъ и принудилъ ихъ выбрать новаго Атамана и новыхъ Сотниковъ изъ войсковой руки, которыхъ они и выбрали, и Чебышевъ утвердилъ ихъ выборъ; войсковымъ Атаманомъ сдѣлали они тогда надъ собою Петра Танбовцова, которому Чебышевъ, поруча взыскивать съ старыхъ Старшинъ штрафъ и Казачье жалованье, самъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ Чебышева Атаманъ Танбовцевъ содружился съ старыми Старшинами, и хотя взыскивалъ съ нихъ нѣкоторое число изъ удержаннаго ими Казачьяго жалованья, однако жъ не все; но что касалось до наложеннаго на нихъ штрафа, то и совсѣмъ не хотѣлъ съ нихъ взыскивать, да и не лишилъ ихъ Старшинскаго достоинства, то есть, не принуждалъ ихъ къ простой Казачей службѣ, но старался всегда выбирать ихъ или въ походные Атаманы, или въ Полковники; но Казаки и Сотники въ томъ противились, отъ чего послѣдовалъ новый раздоръ и несогласіе, а къ тому еще и подоспѣлъ штатъ Московскаго легіона, въ которомъ надлежало дать изъ Яицкаго войска триста тридцать четыре человѣка. И какъ сіе же самое число показано было померщими отъ безвременнаго командированія изъ Оренбурга полковъ по требованію Генерала-Маіора Черепова, для усмиренія Яицкаго войска въ то время, когда онъ по оному палилъ, и въ присланной къ нимъ грамотѣ сказано было, что съ виновныхъ толикое число взыщется, то Казаки, почитая въ семъ дѣлѣ винными не себя, но Старшинъ, и думая, что въ легіонъ вмѣсто тѣхъ-то померщихъ и требуютъ, воспротивились дать отъ себя людей, склоняя къ тому, что съ одной Старшинской руки отданы были требуемые люди. Атаманъ, усердствуя исполнить повелѣнное, наказывалъ и содержалъ подъ карауломъ тѣхъ, которые болѣе въ семъ дѣлѣ противорѣчили; однако жъ ни то, ни другое не помогло, и презря Атаманское повелѣніе, посылали отъ себя просителей въ Петербургъ о освобожденіи ихъ отъ легіонной службы, которая для нихъ

несносна была по тому, что надлежало бы лишиться бородъ и быть, какъ они говорятъ, въ очищеніи, почитая при томъ нарушеніемъ прежнихъ жалованныхъ имъ грамотъ и привилегій. Ея Императорское Величество, всемилостивѣйше снисходя на ихъ прошеніе, Высочайше указать соизволила, уволить ихъ отъ сей службы, и при томъ, въ совершенное удовольствіе всего ихъ желанія, для конечнаго рѣшенія продолжающейся между ими и Старшинами чрезъ многія лѣта тяжбы, послать на Яикъ съ войсковой стороны Гвардіи Капитана Дурнова, а со Старшинской командующаго въ Оренбургѣ надъ регулярными войсками, Генерала-Маіора Давыдова. Въ слѣдствіе чего и съѣхались на Яикъ Давыдовъ и Дурновъ; но Давыдовъ въ скоромъ времени отозванъ куда-то, а на мѣсто его пріѣхалъ Генералъ-Маіоръ Фонъ Траумбергъ: однако жъ Казакамъ оба они не показались, въ разсужденіи, что они требовали отъ нихъ къ новому слѣдствію повѣренныхъ, коихъ они дать не хотѣли, и приступали къ Дурнову, чтобъ онъ вычелъ имъ въ кругу свою инструкцію, и рѣшилъ бы прежде Старшинъ по первой конфирмаціи. Дурновъ, не зная, чѣмъ отъ нихъ отговориться, обѣщался исполнить ихъ просьбу, и манилъ ихъ тѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не дѣлая ничего. Напослѣдокъ мятежные Сотники и Казаки, не терпя такой проволочки, приходили въ бѣшенство, и открыли оное вотъ при какомъ случаѣ. Изъ самыхъ главныхъ ихъ возмутителей и мятежниковъ Сотникъ Кирпишниковъ ходатайствовалъ за нихъ повѣреннымъ въ Петербургѣ и, возвратяся оттуда, явился самъ у Дурнова и отъ него отпущенъ былъ на квартиру. Какъ скоро Атаманъ и Старшины, присутствовавшіе въ Войсковой Канцеляріи, узнали о его пріѣздѣ, то тотчасъ послали за нимъ Старшину Бородина и Дьяка Суетина съ Казаки, чтобъ взять его подъ караулъ; но Кирпишникова жена, сказывая, что мужа ея нѣтъ дома, заперла двери и не впускала къ себѣ посланныхъ; но они, не вѣря ея рѣчамъ, ломились въ двери, отъ чего и сдѣлался шумъ; на сей шумъ сбѣжались сосѣди, такъ какъ и мимоидущіе Казаки, и видя Старшинское насиліе, стали уговаривать ихъ отъ того. Старшины, не вытерпя укоризны, завели брань съ ними, а они, по видимому, имъ не уступали и доходило до драки, но одинъ изъ Старшинъ обнажилъ свою саблю и тѣмъ прекратилъ ссору, взявъ при томъ двоихъ изъ тѣхъ, кои больше буянили, подъ караулъ, и вели ихъ на арканахъ. А какъ оные были войсковый стороны, то почли всѣ

прочіе за крайнее себѣ безчестіе, и разнеслось это тотчасъ по всему городу. Между тѣмъ изъ тѣхъ Старшинскихъ Казаковъ, кои вели войсковыхъ на арканѣ, по прозванію Копѣечкинъ, какъ возвращался изъ Канцеляріи домой, то войсковые Казаки, напавъ на него, били и посадили въ домъ Казака Толкачева подъ караулъ: а какъ только сей шумъ заводился, то и сбѣжалось со всѣхъ сторонъ премножество войсковыхъ Казаковъ, да и зачали судить, что отмщеніе произведено правильнымъ образомъ. Потомъ, вычисляя каждой свои обиды, отъ Старшинъ причиненныя, присудили послать отъ себя къ Дурнову съ жалобою на Старшинъ и съ просьбою о свободѣ взятыхъ подъ караулъ двухъ Казаковъ, приказывая при томъ сказать, что покуда Старшины не освободятъ войсковыхъ Казаковъ, то и они Старшинскаго не выпустятъ, а въ то же время велѣли напомянуть Дурнову и о своемъ дѣлѣ. Дурновъ, выслушавъ сіе посольство, и видя ихъ буйность, думалъ удержать ихъ дерзость взятіемъ присланныхъ подъ караулъ; а между тѣмъ послалъ къ прочимъ мятежникамъ съ приказомъ, чтобъ они Копѣечкина освободили; но мятежники не только не успокоились, но тѣмъ болѣе озлобились за взятіе ихъ посланцовъ подъ караулъ, грубо отвѣчая присланному отъ Дурнова, что они не освободятъ Копѣечкина до тѣхъ поръ пока не выпустятъ войсковыхъ Казаковъ. А между тѣмъ часъ отъ часу умножалось ихъ сборище, такъ что вся улица, въ которой стеченіе свое имѣли, заперлась, и тутъ, негодуя на Коммиссіонеровъ, условились, напослѣдокъ, итти поутру къ Дурнову всѣмъ войскомъ просить, чтобъ онъ рѣшилъ старыхъ Старшинъ и вычелъ имъ свою инструкцію. Траумбергъ и Дурновъ, видя необычайное сборище, посылали въ толпу уговаривать, чтобъ они разошлись по домамъ, но они не послушали и, не смотря на зимнее время, ночевали многіе на улицѣ. Изъ сего не трудно было узнать Коммиссіонерамъ о вредномъ Казаковъ замыслѣ, и для того приняли надлежащія мѣры. Но мятежники, не смотря на сіе, какъ только насталъ день, то и собрались всѣмъ войскомъ въ одно мѣсто; по собраніи, посылали къ Дурнову сказать, что все войско идетъ упасть къ его ногамъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Дурновъ, видя новой родъ челобитчества и опасаясь дурныхъ слѣдствій, отвѣчалъ присланнымъ, что онъ, конечно, исполнитъ ихъ прошеніе черезъ недѣлю. Какъ же мятежники услышали, что Дурновъ еще откладываетъ на недѣлю, то больше прежняго разсвирѣпѣли

и положили итти неотмѣнно къ Дурнову. И такъ двинувшись съ мѣста, пошли всею толпою, неся почти каждой Коммиссіонерамъ по подарку, кто дубину, кто палку, а кто саблю и тому подобное. Траумбергъ и Дурновъ, видя, что дѣло доходитъ до побоища, собрали сколько было воинской команды, такъ же и Старшинскаго согласія Казаковъ, вооружа оныхъ къ сопротивленію и зарядили пушки, да и послали между тѣмъ курьера въ Оренбургъ съ извѣстіемъ, что Яицкое войско взбунтовало. Мятежники, идучи просить Дурнова, посылали къ нему одного попа съ нѣкоторыми Казаками предувѣдомить его, что войско идетъ къ нему за тѣмъ только, чтобъ онъ рѣшилъ имъ сего дня же Старшинъ и объявилъ свою инструкцію, а впрочемъ ни какого зла не намѣрено сдѣлать. Дурновъ отвѣчалъ имъ то, что и прежде, приказывая всѣмъ разойтиться по домамъ, а въ противномъ случаѣ велитъ по нихъ стрѣлять. Мятежники, услыша сіе, не оробѣли, пошли прямо къ Дурнову, неся при томъ предъ собою образа. Дурновъ посылалъ еще уговаривать ихъ, чтобъ успокоились и разошлись, обѣщеваясь исполнить чрезъ короткое время ихъ желаніе, но мятежники, напротивъ того, посылали къ нему помянутаго попа и Казака Шигаева на переговорку, чтобъ исполнилъ оное тотъ же день, а между тѣмъ сами, не останавливаясь, подходили близко. Траумбергъ и Дурновъ видя, что они прямо имѣютъ злой умыслъ, приказали стрѣлять изъ пушекъ. Но какъ только изъ нѣсколькихъ пушекъ выстрѣлено было, то они всѣ вдругъ и бросились на пушки и, овладѣвъ оными, разбили воинскую команду, тожъ и Старшинскихъ Казаковъ, и остервенясь, били всѣхъ безъ различія, и побили до смерти Генерала-Маіора Траумберга, Атамана своего, Танбовцова, и прочихъ Старшинъ и Казаковъ, а равно многихъ и изъ воинскихъ служителей; Дурнова же, едва дышущаго, оставили, и потомъ пустились на разграбленіе Старшинскихъ домовъ и прочихъ имѣній, а на другой день дьяка Суетина, выведя въ кругъ, прибили до смерти. Произведя, такимъ образомъ, тиранство, послали отъ себя нѣсколькихъ человѣкъ въ Петербургъ съ повинною челобитною; но между тѣмъ, когда изъ Оренбурга на Яикъ слѣдовалъ Генералъ-Маіоръ Фрейманъ съ корпусомъ для усмиренія ихъ, то они и противъ его, бывъ въ остервененіи, не устрашились вооружиться военною рукою и старались не допускать оного до входа въ ихъ городъ, однако жъ разбиты и начальные бунтовщики переловлены и отосланы къ слѣдствію въ Оренбургъ. Сіе слѣдствіе про-

должалось около году, и напослѣдокъ конфирмовано, и екзекуція надъ виновными исполнена въ Яицкомъ городкѣ вскорѣ послѣ Петрова дни прошлаго 1773-го году. Вотъ старая исторія Яицкихъ мятежниковъ; теперь продолжаема будетъ новая.

1-е. Извергъ Пугачевъ появился около Яицкаго городка послѣ учиненія показанной екзекуціи весьма скоро, именно же, въ половинѣ Іюля мѣсяца, а екзекуція учинена въ началѣ. Онъ пріѣхалъ въ Таловинской уметъ, разстояніемъ отъ Яицкаго городка въ пятидесяти, или шестидесяти, верстахъ, одинъ, въ кибиткѣ, запряженной парою лошадей, имѣя при себѣ ружье и котелъ мѣдный, мѣшечикъ съ сдобными лепешками, искрошившимися отъ дороги, въ мужичьемъ платьѣ. По пріѣздѣ въ уметъ, содержателю оного, Синбирскаго уѣзду, пѣхотному солдату, Степану Максимову, сыну Оболяеву, а по народному названію Ереминой Курицѣ, сказался, что онъ Пензенской купецъ, Иванъ Ивановъ, былъ въ Яицкомъ городкѣ для покупки рыбы, и тамо, оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собою ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ, лошади взбѣсясь, разбили телѣгу, а потому и просилъ уметчика дозволить ему пробыть въ его уметѣ, пока дождется своего обозу, обѣщевая ему за то по времени заплатить. А какъ уметчикъ на сіе ему позволилъ, то онъ, имѣя при себѣ ружье, принялся за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгаковъ, и тѣмъ, какъ самъ кормился, такъ и уметчика кормилъ, а уметчикъ, по видимому, былъ радъ, что жилецъ его промышленой человѣкъ, и при томъ одновѣрецъ, потому что и уметчикъ крестился двуперстнымъ сложеніемъ такъ же, какъ и Пугачевъ. Пугачевъ, примѣтя, что уметчикъ не обезпокоится его житіемъ въ уметѣ и обходится съ нимъ ласково, вздумалъ попробовать его, равнодушенъ ли онъ къ перемѣннымъ рѣчамъ и не сдѣлаетъ ли въ обхожденіи съ нимъ какой перемѣны; и для того черезъ недѣлю времени по пріѣздѣ въ уметъ, сказалъ ему: «Что, де, ты, Степанъ Максимычъ знаешь: вить я тебя обманулъ, что сказался Пензинскимъ купцомъ, а я вить не купецъ, но Дубовской Казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ». Но уметчикъ, по безпечности своей, ни мало не обезпокоясь тѣмъ и, не спрося его о причинѣ такой перемѣны, спросилъ только о обозѣ, изъ коего, по видимому, льстился чѣмъ нибудь покорыстоваться. «Такъ по этому, де, ты и о обозѣ-то солга лъ?» Но Пугачевъ, при-

мѣтя его корыстолюбіе, и не хотя вдругъ показаться предъ нимъ совсѣмъ обманщикомъ, сказалъ: «Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда, и я на сихъ дняхъ сюда его ожидаю». Чему уметчикъ повѣря, ни мало не обезпокоился перемѣною его имени и обходился съ нимъ по прежнему дружелюбно, а изъ сего самаго Пугачевъ, будучи пронырливой, примѣтилъ, что уметчикъ человѣкъ довѣрчивой, снисходителенъ къ страннымъ, или, иначе сказать, къ бѣглецамъ, и безопасенъ, естьли онъ и далѣе объявитъ ему о замыслѣ своемъ, предположенномъ уже тогда въ гнусномъ его сердцѣ. И такъ, предпріявъ открыть сему гнусному укрывателю бѣглецовъ злоехидной свой ядъ, искалъ случая, съ которой бы лучше стороны уловить сего глупца въ злыя свои сѣти, а потомъ, если дастъ онъ ему вѣроятіе, то и употребить его орудіемъ къ разглашенію бунтующимъ Яицкимъ Казакамъ, коихъ онъ часто видалъ приходящихъ въ его уметъ для питья квасу съ промыслу стрѣлянія сайгаковъ по степи, около умету шатающихся, и примѣтилъ, что ему многіе изъ нихъ знакомы; ибо, по видимому, онъ самъ собою изъ сихъ Казаковъ ни одному открылся въ своемъ злодѣйствѣ, опасаясь бѣды, естьли тотъ, которому онъ откроетъ о своемъ самозванствѣ, не повѣритъ и сочтетъ его за обманщика; а можетъ статься, боялся и того, чтобъ не попасть на такого, который бы и тогда, по его вопросу, сказался непослушной стороны, будучи послушной для узнанія причины по его вопросу. Злодѣй Пугачевъ, будучи съ природы злокозненъ и пронырливъ, не долго искалъ случая опутать злодѣйскими своими сѣтьми, и воспользовался бытіемъ съ нимъ въ банѣ его, спустя чрезъ двѣ недѣли съ пріѣзду въ уметъ, изъ которой вышедъ, и заведя съ нимъ стороною разговоръ, спросилъ его послѣ такъ: «Что, Степанъ Максимычь, давича ты былъ со мною въ въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ Царскіе знаки?» А какъ уметчикъ, по безпечности своей, не сдѣлавъ ему за то косова виду, и холодно, да еще съ усмѣшкою, отвѣчалъ: «Какія, де, знаки? Я ихъ отъ роду не только не видывалъ, да и не слыхивалъ;» то Пугачевъ, видя, что уметчикъ сіи первыя его слова безъ примѣчанія и холодно принялъ, отважился далѣе открываться ему и сказалъ: «Эдакая, де, ты простая курица. Ужь Царскихъ знаковъ не слыхивалъ! Я, де, тебѣ ихъ когда нибудь при Яицкихъ Казакахъ покажу». Сіе выговорилъ Пугачевъ, по видимому для того, чтобъ завести уметчика далѣе въ сей разговоръ, и довести его до того, чтобъ онъ самъ зачалъ любопыт-

ствовать; въ чемъ онъ и не ошибся; ибо уметчикъ съ тою же холодностію спросилъ его такъ: «Что это, Петръ Ивановичь! Къ чему ты это говоришь? Какимъ на тебѣ быть Царскимъ знакамъ?» А Пугачевъ, видя, что уметчикъ ни мало не осердился, и подаетъ еще поводъ къ дальнему вранью, сказалъ ему со смѣхомъ: «Эдакой, де, ты безумной: ужь того-то не догадался, къ чему я это говорю! Вить я не купецъ и не Казакъ, такъ какъ тебѣ сказался, а Государь вашъ, Петръ Федоровичь». Сколь уметчикъ ни безпеченъ былъ, однако жъ тутъ испугался: но чего же испугался? Не того, вить, что находитъ онъ гнуснаго враля и вымышленника, но того, что онъ Царя принималъ за простаго человѣка, ибо онъ, по видимому, тотчасъ повѣрилъ его словамъ: однако жъ, скрывая предъ нимъ свое легковѣріе, осмѣлился спросить его: «Да какъ же, де, это? Я слышалъ, что Государь померъ?» Но Пугачевъ, примѣтя его робость, и желая скорѣе оною воспользоваться, сказалъ: «Врешь! Петръ Федоровичь живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я, де, былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года, и услыша, что Яицкіе Казаки приведены всѣ въ разореніе, такъ нарочно для нихъ сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, естьли Богъ допуститъ, опять вступить на царство». Чему уметчикъ повѣря, сталъ предъ нимъ извиняться и просить, чтобъ не прогнѣвался за то, что обходился съ нимъ такъ, какъ съ простымъ человѣкомъ. А Пугачевъ, радуясь сему, что нашелъ такого осла, не взыскивалъ того на немъ и извинялъ его самъ незнаніемъ; однако жъ, опасаясь его простосердечія, дабы всѣмъ безъ различія не сталъ объ немъ разглашать, наставилъ его такъ, чтобъ онъ и впередъ при людяхъ никакого почтенія предъ нимъ не дѣлалъ, но обходился бы съ нимъ по прежнему просто и никому о томъ, что онъ государь, не сказывалъ; а называлъ по прежнему Казакомъ, приказывая при томъ сказывать только Яицкимъ Казакамъ, да и то тѣмъ только, которые съ войсковой стороны, то есть, съ мятежной, на коихъ, по видимому, былъ онъ надежнѣе, а которые со Старшинской руки, тѣмъ бы отнюдь не открывалъ. Уметчикъ ни мало не отговариваясь отъ сей, налагаемой на него, гнусной и измѣннической должности, высказывалъ только злодѣю, что онъ не знаетъ Казаковъ точно, кто съ войсковой и кто со Старшинской стороны; однако, желая показать ему первую свою услугу, сказалъ: «Вить развѣ, де, сказать объ васъ знакомому мнѣ Казаку, Григорью Закладнову: онъ вотъ, какъ

я знаю, что съ войсковой стороны, и хотѣлъ сюда пріѣхать ко мнѣ за лошадью: я де обѣщалъ ему продать, и думаю, что онъ на сихъ дняхъ сюда будетъ» (ибо сей мерзкой укрыватель злодѣя, ѣздилъ предъ симъ временемъ въ Яицкой городокъ съ просьбою на мужиковъ, покравшихъ его, и имѣлъ пристанище въ домѣ онаго Закладнова). Злодѣй, услыша такую для себя радостную вѣсть, похвалилъ уметчика и сказалъ ему: «Очень, де, хорошо! Открой ему обо мнѣ, когда онъ сюда пріѣдетъ». Однако жъ, страшася за сей промыселъ казни, наказывалъ уметчику такъ: «Да смотри же, накажи ему хорошенько, чтобъ онъ сказывалъ надежнымъ себѣ людямъ, такъ чтобы и жены ихъ не знали!»

2-е. Послѣ сего дни черезъ три пріѣхалъ въ уметъ и Закладновъ, и случилось такъ, что на той лошади, которую уметчикъ хотѣлъ ему продать, племянникъ уметчиковъ уѣхалъ въ другой уметъ за хлѣбомъ. Закладновъ, услыша о томъ, запечалился, что за пустяками такъ далеко ѣхалъ, и тужилъ, что не на чемъ ему работать. Но злодѣй, случившись быть при томъ и примѣтя, что Закладновъ такъ же, какъ и уметчикъ, не коварной человѣкъ, вздумалъ преклонить оного на свою сторону выпрошеніемъ ему у уметчика другой лошади на работное время безденежно: уметчикъ, почитая уже злодѣя царемъ, не смѣлъ передъ нимъ отговариваться, потому болѣе, что злодѣй предварительно назвалъ сіе самою бездѣлицею. И такъ обѣщалъ дать Закладнову лошадь. Закладновъ, будучи небогатой человѣкъ, доволенъ былъ симъ одолженіемъ, и ночевалъ въ уметѣ. Поутру собирался ѣхать съ полученною отъ уметчика лошадью домой въ Яицкой городокъ; злодѣй усмотря сіе, понуждалъ уметчика открыть объ немъ Закладнову; уметчикъ же, давъ на то прежде ему слово, не отговаривался тутъ, и пошелъ къ Закладнову, за плетнемъ лошадь осѣдлывающему, а по приходѣ завелъ съ нимъ рѣчь такимъ образомъ: «Что, Гриша, какъ ты думаешь о этомъ человѣкѣ (указавъ на злодѣя, которой тогда сидѣлъ въ базу, то есть, въ сараѣ, и изъ за плетня видѣнъ былъ), какой онъ человѣкъ? Закладновъ хотя и видѣлъ, что онъ совсѣмъ не похожъ на мужика, ибо былъ въ крестьянской рубашкѣ, съ бородою и волосы подстрижены, однако сказалъ: «По чему, де, мнѣ знать, что онъ за человѣкъ?» Уметчикъ, будучи издавна знакомъ съ Закладновымъ, и зная, что онъ не изъ коварныхъ людей, не обробѣлъ

сказать ему: «Вить это—Государь Петръ Федоровичь. Онъ, де, говоритъ, что имѣетъ на себѣ Царскіе знаки, и нарочно сюда на выручку къ вамъ (разумѣя войсковой руки, а прямо сказать мятежной стороны Казаковъ) пріѣхалъ. Онъ, де, приказалъ тебѣ сказать, чтобъ ты открылъ объ немъ войсковой руки надежнымъ людямъ». Всякой бы благонамѣренной человѣкъ и помнящій долгъ своей присяги, будучи на мѣстѣ онаго Закладнова, какъ бы глупъ ни былъ, но содрогнулся бы, услыша такую важную новизну, да и Закладновъ, во оправданіе свое въ допросѣ говоритъ, будто бы онъ испугался сего, но уметчикъ показываетъ, что Закладновъ, услыша сіе, сперва удивился, а потомъ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «Что это за диво такое? Конечно, де, Господь насъ поискалъ»; а сіе и значитъ, что Закладновъ тотчасъ словамъ уметчиковымъ повѣрилъ. Между же тѣмъ, какъ они вели о семъ разговоръ, злодѣй, можетъ статься, дѣлалъ надзираніе и примѣчалъ, въ какомъ положеніи Закладновъ приметъ отъ уметчика вымышленную имъ баснь: а усмотря, что и Закладновъ столько же ко льстивымъ баснямъ довѣрчивъ, сколько и уметчикъ, вышелъ потомъ самъ къ нимъ и безъ робости уже Закладнова вопросилъ: «Что Гриша, слышалъ ты отъ Еремкиной курицы обо мнѣ»? Закладновъ, вмѣсто того, что надлежало бы ему тутъ попротиворѣчить, или, по крайней мѣрѣ, показать видъ сомнѣнія, напротивъ того показалъ предъ нимъ свое легковѣріе; ибо, поклонясь сему извергу, отвѣчалъ такъ: «Слышалъ, Сударь». Злодѣй, видя, что нѣтъ для него никакой опасности, пустился далѣе изблевать зловредной свой ядъ такимъ образомъ: «И такъ, смотри же, Гриша, разскажи обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки; да смотри, объявляй по тайности, такъ, чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь Старшинской руки, чтобъ какъ не провѣдали обо мнѣ! Пришли-ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю, и скажу имъ, что надобно сдѣлать!» Изъ сихъ однихъ словъ примѣчается, что злодѣй на бунтующихъ Казаковъ имѣлъ несомнѣнную надежду и упованіе, что они его примутъ; слѣдовательно, будучи онъ въ Яицкомъ городкѣ или наслышался отъ нихъ, или самъ примѣтилъ великое ихъ негодованіе противу Правительства. Помянутой Закладновъ, выслушавъ все отъ злодѣя, далъ слово исполнить, и съ тѣмъ хотѣлъ ѣхать; но способникъ изверговъ, то есть, уметчикъ, можетъ статься, улещая его, чтобъ не навлекъ на нихъ бѣды, естьли бы донесъ по командѣ,

удержалъ его позавтракать и накорьмя, отпустилъ домой: а при отпускѣ злодѣй самозванецъ не упустилъ вторично наказать ему льстивыми словами: «Смотри же, Гриша, не забудь: пришли ко мнѣ Казаковъ, и самъ съ ними пріѣзжай! Да проворь скорѣе!» а Закладновъ на сіе сказалъ: «Хорошо, Сударь, слышу».

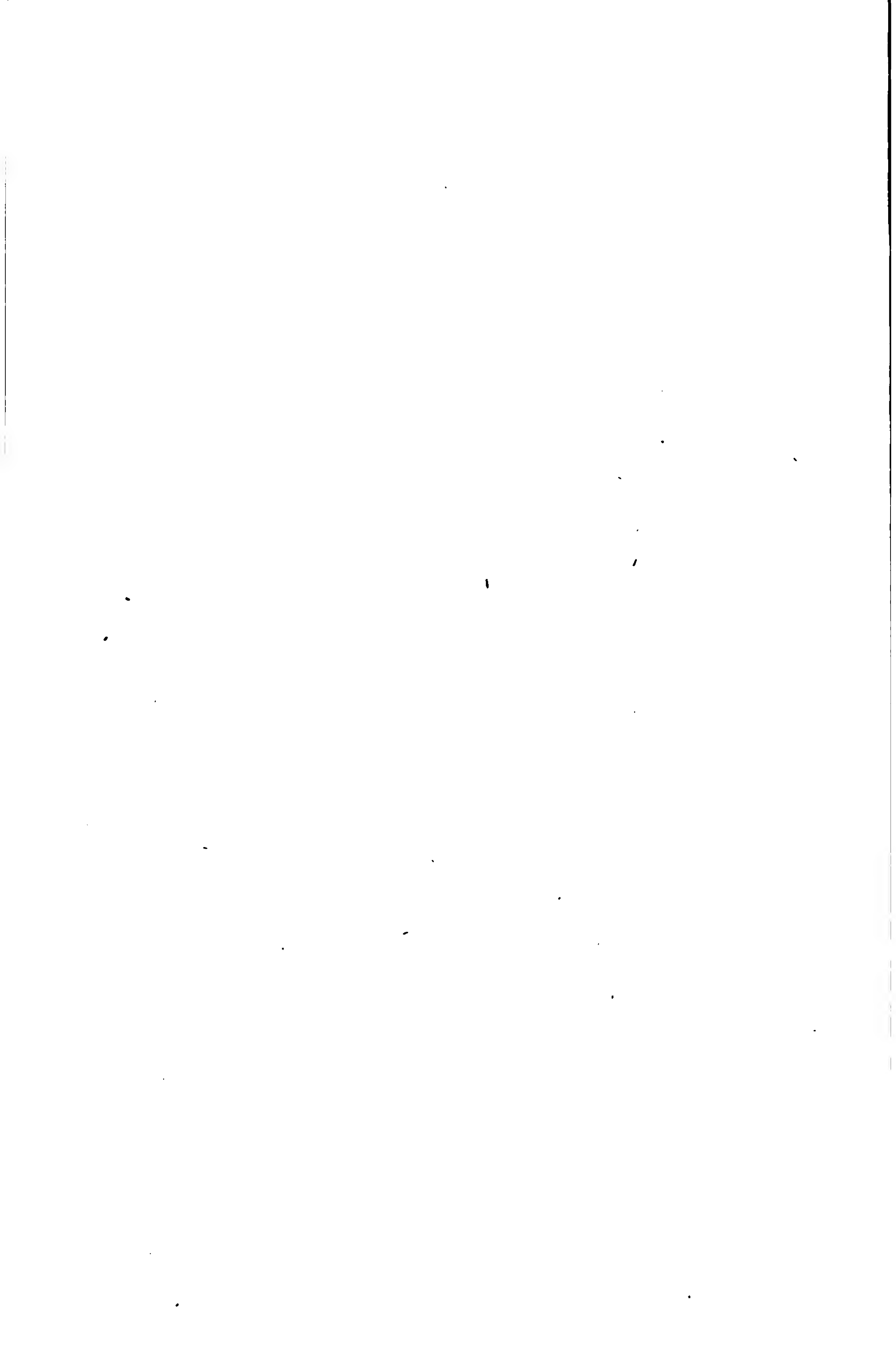
3-е. Оной Закладновъ, пріѣхавши домой, только что успѣлъ убрать лошадей, пошелъ со двора искать такого надежнаго себѣ человѣка, которому бы не опасно было открыть о найденномъ имъ Царѣ, и нашедъ живущаго чрезъ три улицы отъ него, Яицкаго же Казака, Ивана Чабанова (которой, а равно и всѣ, ниже описанные, войсковой стороны, то есть, мятежной), и по краткомъ съ нимъ разговорѣ, разсказалъ ему все, что на Таловой въ уметѣ видѣлъ и слышалъ. Чабановъ, не умнѣе, по видимому, Закладнова, и также легковѣренъ и безпамятенъ о своей присягѣ, какъ и Закладновъ, потому что не только онъ не воспротиворѣчилъ Закладнову и не донесъ по командѣ, но взялся еще разнести сію зловредную заразу по своей собратіи, мятежникамъ, говоря такъ:

(Конца недостаетъ).

Сообщ. Соревнователь М. Н. ПОЛУДЕНСКІЙ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

РАЗСУЖДЕНІЕ

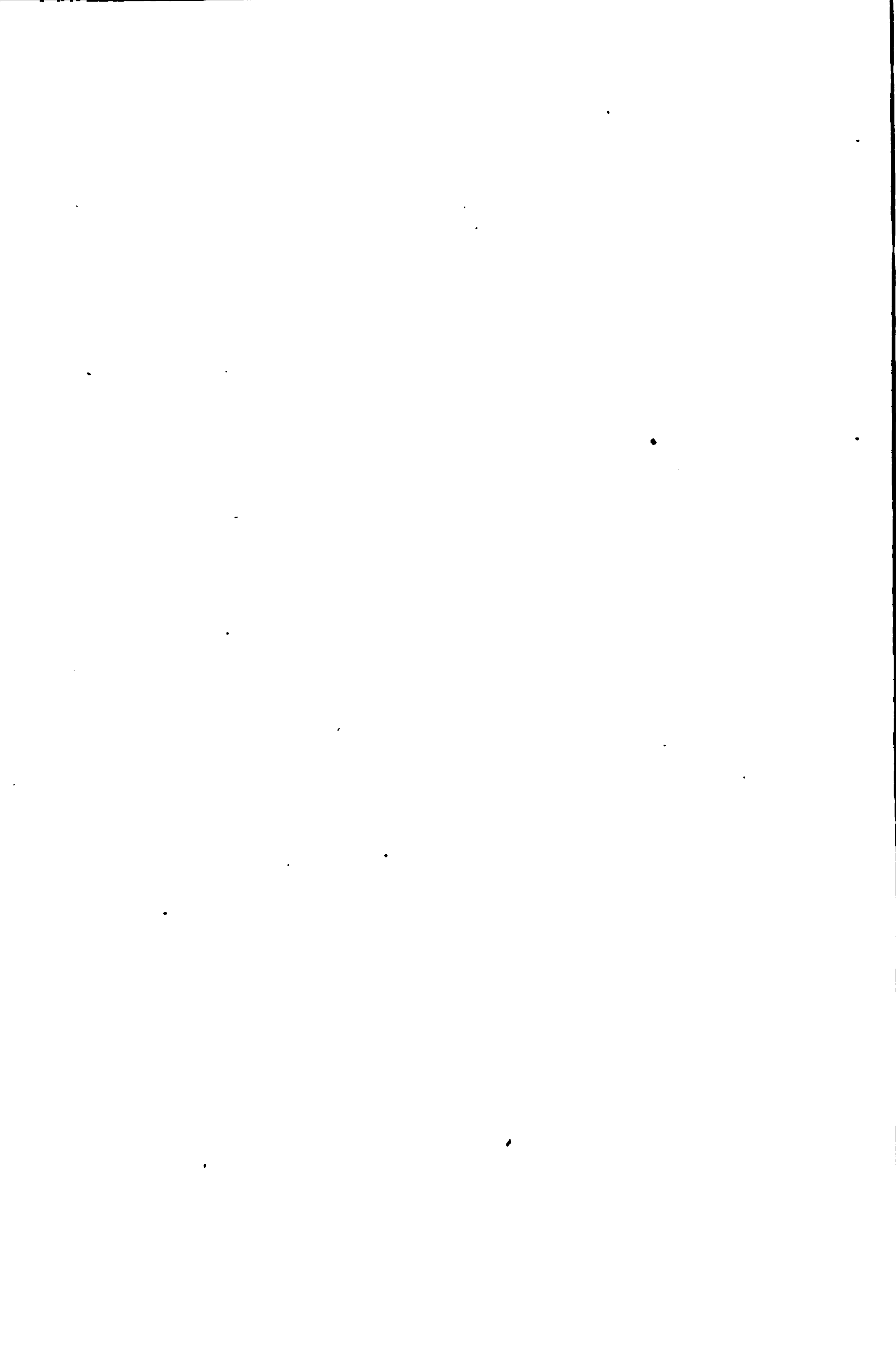
ИНОКА КНЯЗЯ ВАССІЯНА

О НЕПРИЛИЧІИ

МОНАСТЫРЯМЪ ВЛАДѢТЬ ОТЧИНАМИ.

ПО

СПИСКУ ОДНОГО ВѢКА СЪ СОЧИНИТЕЛЕМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о недвижимыхъ Церковныхъ имуществахъ съ самаго образованія Церкви до новѣйшихъ временъ постоянно ольше или меньше обращалъ на себя вниманіе свѣтской власти и былъ рѣшаемъ такъ, или иначе, смотря по ея воззрѣнію на него. Странно, даже неестественно, было бы, если бъ его не было у насъ. Исторія показываетъ, что онъ сильно и долго занималъ умы и нашихъ предковъ, и получилъ конечное свое рѣшеніе только весьма недавно. При всемъ томъ дѣйствователи съ той и другой стороны по сю пору не вполнѣ намъ извѣстны, многихъ даже названія ускользнули, между тѣмъ какъ они когда-то съ жаромъ и увлеченіемъ подвизались въ пользу этого вопроса, или противъ оного; еще менѣе извѣстны намъ сочиненія объ этомъ. И, однако же, пока не познакомимся мы съ послѣдними, знаніе наше о такомъ важномъ событіи въ жизни каждаго Христіянскаго народа будетъ недостаточно, какъ знаніе неполное, опирающееся на отрывочномъ и случайномъ знакомствѣ съ данными, относящимися къ нему. Такъ, что мы знаемъ печатнымъ образомъ изъ сочиненій *Максима Грека* о неприличіи инокамъ владѣть земными имуществами? А, вѣдь, онъ принадлежитъ къ числу передовыхъ ратователей у насъ по этому вопросу. Его «Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно,“ пи-

санныя къ Василію Ивановичу, содержатъ въ себѣ сильныя жалобы на незаконное употребленіе церковныхъ имуществъ (особливо 22—26). Тотъ же духъ вѣетъ и въ «Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ житіи между Филоктимономъ и Актимономъ, сирѣчь, любостяжательнымъ и нестяжательнымъ.» Оба относятся къ 1524 году. Далеко рѣзче выражался о томъ же другъ его, славный инокъ *Вассіянъ*, изъ знаменитаго рода Князей Патрикѣевыхъ, столько когда-то могущественныхъ. Возставая противу многаго и многихъ, онъ не сдерживалъ своего сужденія, смѣло отвѣчалъ на самомъ Соборѣ противъ него Митрополиту Даніилу, въ 1531 году, мая 11 дня, на всѣ его допросы, въ томъ числѣ и объ его отзывахъ касательно монастырскихъ имѣній: «Въ нѣкая времена бываше, скудости ради, нѣкихъ сущихъ священныхъ понужали на церковное служеніе нѣкое, премудрыхъ и блаженныхъ мужей, а не стропотныхъ и развращенныхъ, яко же ты стропотная и развращенная *глаголеши*, и *учиши*, и *пишеши*,» замѣтилъ Вассіяну Митрополитъ. И Вассіянъ рече: «Что мое, Господине, стропотство и развращеніе?» Митрополитъ ему молвилъ: «Развратилъ еси *на свой разумъ* святую великую книгу Правленную Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, на нее же *никто жъ не смѣлъ* тако дерзнути и помыслити, а ты *во своихъ сотвореніихъ* свое написалъ и развращенная тако: «Есть во святыхъ правилѣхъ супротивное Евангелію, и Апостолу и *Святыхъ Отецъ жительству*.»... а Чюдотворцевъ называеши смутотворца, потому что они *у монастырей и села имѣютъ и люди*.» И Вассіянъ отвѣчалъ: «Язъ писалъ о селѣхъ: во Евангеліи писано, *не велѣно селъ монастыремъ держати*.» Тогда Митрополитъ велѣлъ прочесть ему «Евангеліе, отъ божественныхъ писаній и иныхъ многихъ правилъ, отъ житія Святыхъ, въ опровержение его мнѣнія, како святымъ

церквамъ, и монастыремъ власти, и села, и люди не велѣно держати. Но Вассіянъ замѣтилъ: «Тѣ держали села, а пристрастіе къ нимъ не имѣли».—«Да, но яко Богу освященно и возложенно соблюдали и сохраняли, а не свое,» пояснилъ Даніилъ, и за тѣмъ, возвращаясь къ главному предмету прѣнія, упрекалъ Вассіяна въ оболганіи Божественнаго Писанія и Священныхъ Правилъ касательно запрещенія инокамъ владѣть селами; напротивъ, они позволяютъ, чтобы «инокамъ отъ нихъ питатися, и дающихъ села Господу Богу не претятъ, огню вѣчному не осуждаютъ, отступниками не именуютъ и проклятію не предаютъ, какъ ты нынѣ всѣхъ монастырей иноковъ нарицаешь отступниковъ, и многія на нихъ строки хульныя и законопреступныя написалъ, и то еси еретическое мудрованіе мудровалъ; во Православныхъ бо аще кто согрѣшитъ, но отступникомъ не именуется, а ты всѣхъ грѣшныхъ называеши, себе же единого безгрѣшна и законоположителя именуешь.» Въ отвѣтъ Князь-инокъ сказалъ, послѣ длинныхъ доказательствъ Митрополита изъ разныхъ духовныхъ сочиненій о грѣховности каждаго человѣка, что онъ все то «собѣ писалъ, на воспоминаніе своей души, но не можетъ и тѣхъ похвалить, которые села держатъ,» и что вообще, «кто хочетъ знать истину о чемъ, тотъ пусть поищетъ ея.» Къ сожалѣнію, не знаемъ дальнѣйшихъ его отвѣтовъ по сему предмету, такъ какъ прѣніе его съ Митрополитомъ, напечатанное мною еще въ 1847 году въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» (книгѣ 9-й года 2-го), по единственному, доселѣ извѣстному, списку, современнымъ полууставомъ, принадлежащему Библіотекѣ С.-Петербугской Академіи наукъ, прерывается на выпискѣ изъ слова Аѳанасія Великаго противъ Аріянъ и подобныхъ имъ, «иже по привидѣнію глаголютъ воплотитися Христу, а не истинно, и тѣлеси его

свыше свесену быти и нетлѣнну отъ воплощенія его и до воскресенія, и яко же сквозѣ трубу вода, тако же сквозѣ Марію Дѣву проиде Христосъ». Въ этой ереси обличался Митрополитомъ и Васьянъ съ Максимомъ Грекомъ: «А ты, Вассіянъ съ Максимомъ также написали въ житіѣ Пречистые такову же хулу на Господа Бога, Іисуса Христа, и на Пречистую Богородицю.» Вотъ уже 12-ть лѣтъ прошло съ того времени, какъ знаменитыя Прѣнія Максима и Вассіяна съ Митрополитомъ Даніиломъ были обнародованы мною въ первый разъ, и все таки конца послѣдняго не отыскалось по сю пору. За то, хотя поздно, имѣю теперь удовольствіе напечатать самое сочиненіе инока-Князя Вассіяна, навлекшее и на него, какъ извѣстно, соборной судъ и осужденіе, послѣдствіемъ которыхъ было и самое заточеніе его въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Это — «*Разсужденіе инока Князя Вассіяна о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами*». Оно хранится въ немногихъ нашихъ Библіотекахъ, между прочимъ въ Новгородской Софійской. Издаваемый теперь текстъ его взятъ изъ одного Сборника, въ небольшую четвертку, писаннаго разными почерками, но, кажется, одного вѣка съ самимъ сочинителемъ.

О. Бодянскій.

Сентября 27, 1859 г.

Москва.

РАЗСУЖДЕНІЕ

ИНОКА КНЯЗЯ ВАССІЯНА

О НЕПРИЛИЧІИ

МОНАСТЫРЯМЪ ВЛАДѢТЬ ОТЧИНАМИ.

Ангельское житіе на небесѣхъ свѣтъ показуетъ, а священническое и иноческое житіе доброе и образъ ихъ на земли вѣрнымъ человѣкомъ свѣтъ являетъ; сего ради молимъ васъ, возлюбленніи отцы и драгая братія, покаряйтеся благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ во благовѣріи, Княземъ Русскимъ радѣйте, и во всемъ имъ прямити и Бога молити за нихъ, аки сами за собя, и наипаче собя, да таковыя ради молитвы и мы помиловани будемъ. И добра Государемъ своихъ во всемъ хотите, и за ихъ достоитъ животомъ своимъ помирати, и главы покладати, аки за Православную вѣру свою, да власъ главы вашея не погибнетъ за таковую къ Богу добродѣтель; Богомъ бо вся свыше предана есть помазаннику Царю и Великому Князю, Богомъ избранному благовѣрному, и благовѣрнымъ Княземъ Русскимъ свыше дана есть всегда Богомъ Царю власть надо всѣми и за весь миръ царьства ихъ. Во ономъ вѣцѣ праведный, страшный Царь и небесный Христосъ Богъ нашъ на нихъ всего оного

испытаетъ и ко отвѣту ихъ за всѣхъ поставитъ; тако же по нихъ воздастъ общій судъ миру всему, комуждо по дѣломъ ихъ. Добро убо, добро, и паки речемъ добро, любимицы, отцы и братія, чесно есть и похвално предъ Пречистою нашею Богородицею и присно Дѣвою Маріею, и предъ всѣми святыми лики отъ Бога мздовоздаяніе Иноковъ не гнѣвайте и не осужайте, и почитати ихъ чесно, и милостина давати, и обители ихъ соружити, инокомъ на прибѣжище и Христіяномъ на душевное спасеніе; а отъ иноковъ не пріимати ничто жъ въ домы своя, кромѣ прощенія и благословенія: то бо есть отъ Бога дано имъ на помощь всѣмъ Христіяномъ. А Царемъ и Великимъ Княземъ достоитъ изъ міру всякія доходы своя съ пощадою имати, дѣла дѣлати милосердно со всѣми Князи и съ Боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки. Милостивый человѣкъ есть Царь, милость показа къ міру, уподобися милостиву Богу: тако жъ подобаетъ всякому быти милостиву другъ къ другу, и дати инокомъ не волости съ Христіяны. Подобаетъ инокомъ пріимати годовая урочная милостыня всему иноческому и священническому чину и нищему чину, а прочіе святые збирали, что съясти, а не на вѣкъ запасали: тако и инокомъ всѣмъ вездѣ, отъ перваго и до послѣдняго; а вотчинѣ и волостей со Христіяны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати, а имъ пріимати: то есть инокомъ душевредно мірскими суетами мястися, того всего мірскаго отреклися по указу иноцы сами своею волею. Тако имъ подобаетъ, а Царемъ иноковъ селы и волости со Христіяны жаловати не достоитъ, и не похвално есть Царемъ таковое дѣло: таковые здержатели сами собою царства своего не возмогутъ здержати, и отдаваютъ міръ свой, Богомъ данной имъ, аки поганымъ иноземцомъ, инокомъ въ подначаліе. Богъ повелѣ имъ царствовати и міръ воздержати, и для того Цари въ титлахъ пишутся самодержцы; таковымъ Царемъ не достоитъ писатца самодержьцемъ ни въ чемъ же, понеже пособники Богоданное царство и міръ, а не собою, иниже своими съ пріятели, съ Князи и съ Боляры, но но съ потребенными владѣетъ, мертвецы бесѣдуетъ. Таковый Царь луче сдѣлаетъ, иже кто царь-

скій вѣнецъ съ себя отдастъ и не имѣетъ Царьского имени на себѣ, и престола царьства своего подъ собою, нежели иноковъ мирскими суетами отъ душевнаго спасенія отвращати. То есть, Царьское ко инокомъ душевредство, немилосердіе и безконечная погибель, то инокомъ Княжее и Боярское и мірское жалованье давати, аки воинномъ, волости съ Христіяны. Не съ иноки Господь повелѣлъ Царемъ царство и грады съ волостьми держати, и власти имѣти со Князи, съ Боляры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки, и инокомъ повелѣ Господь за Царя, и за Великихъ Князей, и за весь міръ во смиренномъ образѣ Бога молити. Много было изначала вѣка сего тщилися во иноцѣхъ изъ великихъ животовъ на душевное спасеніе, и отъ славы, и отъ всее прелести міра сего, и отъ богатства бѣгали въ пустыню и въ пропасти земныя для душевнаго спасенія, а не для славы и суеты міра сего; но бѣгали за Царя и за весь міръ Бога молити о тишинѣ и о устроеніи міра; а кто ихъ изобидилъ, и онѣ за обидящихъ паче себя Бога молили за нихъ непрестанно; всегда таковъ образъ имѣли на собѣ и на то обѣщалися, а намъ, грѣшнымъ, Господь такожъ повелѣ тотъ обычей и образъ на собѣ носити, во всемъ быти таковымъ же на вся со смиренномудріемъ и добродѣтелью, а не на злобу, ниже на сесвѣтную славу и не на высокоуміе. А при послѣднемъ времяни будутъ человѣцы, и возлюбятъ быти мнози во иноцехъ, и сряжаются во образъ тотъ, аки женихи на женитву и ко свадбѣ, а не для ради смиренія и душевнаго спасенія, но для ради высокоумія славы и величества ихъ, понеже приспѣетъ, по діаволю наученію, ихъ иноческое, славное и завидное ихъ время міра сего, на пагубу душъ ихъ Царскою простотою. О семъ дозримъ про иноковъ, Богомъ попущающу, бѣсу во иноцехъ дѣйствующу отнюдъ, то есть, Царей и Великихъ благовѣрныхъ Князей простота, что отрекшимъ инокомъ міра сего, а по обѣщаніи своемъ тѣми же мирскими суеты, грады и волости съ Крестіяны владѣти и во всѣмъ ими дѣйствовати неподобаетъ; отнюдъ недостоитъ инокомъ на сесвѣтная ни на что же позавидѣти; да и како свѣтная возлюбити на небесехъ?

Сего ради и Царемъ достоитъ собирати расточенныя священническимъ, иноческимъ чины, безмѣстныя изъ міру розсылати по мѣстомъ и по монастыремъ въ подначаліе, а не на воли имъ давати. На то иноцы обѣщалися терпѣти подначаліе, всякую скорбь и тѣсноту, на братію тружатися, да къ тому церковное и келейное данное имъ правило, да за таковое ихъ терпѣніе воспріимутъ отъ Бога на небесѣхъ со ангелы вышнюю славу и мзду предъ всѣми святыми лики. Аще которыя въ винахъ священницы, а литоргія Божія по уставу имъ служити подобаетъ, и таковымъ за вины ихъ воздаянія коемуждо по дѣломъ его, а отъ мѣстъ изъ монастырей таковыхъ великихъ почтеныхъ чиновъ въ миръ на волю не отсылати, и ими въ мирѣ не глумитися, ниже таковымъ образомъ въ мирѣ и вездѣ не позитися и не поносити ихъ, да сами не посмѣянни таковыхъ злѣ не постражемъ. Сего послушаемъ; не для преподобныхъ Господь съ небесе сшелъ, но для грѣшныхъ. Тако жъ и въ винахъ вины отпущайте, а отъ мѣстъ изъ монастырей не высылати, ниже отъ храмовъ отказати. Обители и храмы устроили святіи отцы на спасеніе роду человѣческому, а не на высокоуміе и не на величіе инокомъ, ниже волостемъ со Христіяны за монастыри быти, но въ пѣніи и въ молитвахъ неусыпати, ко Господеви славу и честь и поклоненіе непрестанно возсылати. Инокомъ же мнящеся разумнѣе всѣхъ человѣкъ въ мирѣ, и разума не скажутъ, и не чаютъ въ белцехъ таковаго разума, каковаго въ собѣ мняще, а сего не разсудятъ, что ими врагу дѣйствующу и разуму въ нихъ вселшуся, хуже и хуждьшихъ разумовъ, и былъ быхъ разумъ разумнѣе, всѣхъ тщили бы ся на душевное спасеніе, и онѣ бы имѣли въ себѣ единомысленную любовь, до всѣхъ равну и не тщеславну, и волостей съ Крестіяны за монастыри не залучали, и того бы бѣгали, и поминковъ и посуловъ не пріимали, и лстивыхъ рѣчей бы не внимали, и мірскіе суеты, постригшися, не возлюбили бы, имѣли бы на себѣ образъ смиренномудрія съ молчаніемъ, а не свирѣпствомъ и яростію на Христьянскіе слезы. И во Царехъ таковое свирепство мало будетъ, каково во иноцѣхъ будетъ, и сего ради помолитеся,

Цари и Великіе Князи, и протчіи съ миромъ власти, со всѣми вселенными соборы, во всю четыредесятницу, Господу Богу и Спасу нашему, Іисусу Христу, и Пречистой Его Матери, Пресвятой Богородицы и присно Дѣвы Маріи; призовемъ на помощь святыхъ ангелъ и архангелъ, херувимовъ и серафимовъ и сущихъ съ ними святыхъ безплотныхъ, непрестанно всегда силъ небесныхъ девяти чиновъ, и святыхъ апостолъ, пророкъ и мучениковъ, святителей, преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, за множество грѣховъ своихъ и за простоту прежныхъ Государей и христолюбивыхъ Царей, и за великихъ богоизбранныхъ и за благовѣрныхъ Князей Русскихъ, и за священническій чинъ и за иноческій чинъ грѣховъ ихъ, и помяните въ молитвахъ своихъ и во службахъ весь родъ человѣческій! И умножилася есть предъ Богомъ и за весь миръ простота Царей и Великихъ Князей, и вопіетъ къ Богу грѣхъ священническій, и иноческій, и кровь Христіянская, и обида со слезами на обидящихъ, и паче всѣхъ на иноковъ, къ Богу и ко Пречистой Богородицы и ко всѣмъ святымъ. И за таковый иноческій грѣхъ и за Царьскую простоту попущаетъ Богъ и на праведныя люди свои праведный гнѣвъ, овымъ на спасеніе, а другимъ на погибель, по дѣломъ душъ ихъ. И сего ради при послѣднемъ времени начнутъ быти людіе, напрасными бѣдами спасатися, и по мѣстомъ за таковые грѣхи начнутъ быти глады, и моровѣ частые, и многія всякія трусы, и потопы, и межусобныя брани, и рати, и войны, и всяко въ мирѣ начнутъ гинуть, и грады стѣсняются, и во царствахъ будутъ смятенья великія, и ужасни будутъ, ни кимъ же гоними волости, и села запустѣютъ, домы Христіянскіе, людіе начнутъ всяко убивати, и земля ставится пространна, людей будетъ менше, и тѣмъ досталнымъ и не многимъ людемъ будетъ на пространное земли жити, негдѣ Царіе на своихъ Царскихъ степеняхъ не возмогутъ здержати, и по часту премѣнятися за свою Царьскую простоту и за иноческія грѣхи и за мирскія невоздержанія. Тогда Исаино Пророчество начнетъ во всемъ мирѣ явс быти збытися, Царей и Великихъ Князей небреженіемъ и неразсуженіемъ, и святыхъ

Божіихъ книгъ невниманіемъ. Мало посмотрятъ, и вняще святое писаніе ни во что же, и аще они, Государи и Великіи Князи, исправляти и здержати имаютъ грады и царьства свои могущими воины, и получаютъ мимотекущую суетную славу мира сего бранью и мужествомъ храбрости своея: тако достоитъ царю быти грозну, а не разсудятъ сего, ниже внемлютъ того, что во псалтыри написалъ царь Давидъ о домѣхъ мирскихъ, о враждахъ собравшихся к рати: Аще не Господь созиждетъ дому, всуе трудишася зиждущеи; аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдя стрегій. А Царю достоитъ не просто совѣтовати съ совѣтники, совѣщевати о всякомъ дѣлѣ, а святыми божественными книгами сверхъ всѣхъ совѣтовъ внимати, и по часту ихъ прочитати, и бесѣды Іосифа Прекраснаго Царя повести дозирати; и много множество безъ числа Царіе спроста простотою своею отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и въ безконечную погибель, по ихъ иноческому къ Царю ложному челобитью. Господь иноковъустави на исполненіе десятого ангельского чина, и малосмысленные Царіе — Христу противники, иноковъ жалуютъ и даютъ инокомъ свои Царьскіе вотчины, грады и села и волости со Христіяны, и отдаютъ изъ миру отъ Христіянъ своихъ, аки отъ невѣрныхъ и отъ несвоихъ, завидная и вся лутчая въ монастыри инокомъ. Отнюдъ то инокомъ не на добро и неподобно, и не подобаетъ, и всего того суетнаго отреклися иноки, и мира сего, и вся, яже въ немъ. Таковыми неподобными статьями и мирскими суетами Царіе иноковъ потворяютъ и отъ обѣщанія иноковъ и отъ молитвы отвращаютъ, въ безконечную погибель ихъ вводятъ, и отъ старчества ихъ въ правилѣ ихъ и въ молитвахъ слабятъ своею Царьскою простотою и невниманіемъ во святыхъ божественныхъ книгахъ, и не дозрячи бесѣды Іосифа Прекраснаго Царя повѣсти, и вѣрятъ ихъ ложному иноческому челобитью. А сего Царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцехъ, по діаволю лестному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ правеленыхъ житія выписываютъ, и выкрадываютъ изъ книгъ препо-

лобныхъ и святыхъ отецъ писанїе, и на то жъ мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лутчая и полезная собѣ вносятъ на собраніе свѣдѣтельства, яко бы то се подлинно святыхъ писаніе. А обѣщаніе свое въ тѣ поры на долго забудутъ, а постригаючися иноки сами того себѣ сесвѣтнаго и мирскаго житія отреклися, а обѣщалися Богу единому сами своею волею послѣдствовати Евангельскому ученію, и Писанію, и святыхъ отецъ житію, быти имъ отъ сего сесвѣтного житія мирскаго, ходити по всѣмъ заповедемъ Божіимъ, и быти инокамъ на всякую добродѣтель, а не на злобу, аки ангеломъ кроткимъ и смиреннымъ, и питатися имъ отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не Царьскимъ жалованьемъ и не Христіянскими слезами, послѣдствовати, прежнимъ инокомъ во всемъ быти, аки протчіи праведніи и пустынные жители, и во всемъ быти на семъ свѣтѣ не славнымъ, молчаливымъ и крѣпко отъ всего терпѣливымъ, и ни на что жъ на мирское на сесвѣтное житіе не зрѣти, ниже завидѣти. Аще чего око не видитъ, то и на сердце не взыдетъ человѣку; и пріятіе на ядение, на всякія скудость, и ризъ всѣхъ хуже человѣкъ, а лише которые иноки не послѣдствуютъ сему, и таковые есть не иноки, на соблазнъ въ мірѣ бродятъ и скитаются отвсюду, и смѣхъ творятъ миру всему. Сего ради ихъ подобаетъ изъ миру Царю розсылати въ подначаліе. Каковые иноки труды своими питатися не хотятъ, вакуплаютца на мирскіе слезы, хотятъ сыти быти отъ Царя по своему ложному челобитью, таковые иноки не богомольцы, но иконоборцы. А какъ таковыхъ въ подначаліе Царемъ не розсылать изъ миру и давать имъ воля своя, таковые ангельскому образу посмѣются, иноческіе ризы съ себя мечютъ и начнутъ ругатися и глумитися, и доидутъ до многихъ грѣховъ и возвратитися не знаютъ, за множество безчисленныхъ грѣховъ своихъ. Отнюдь то есть Царское небреженіе и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель, что инокомъ селы и волости со Христіяны владѣти и миръ судити, и отъ нихъ по Христіянсмъ приставомъ ѣздити, и на поруки ихъ давати, и піянству въ инокехъ быти, и мирскими слезами быти сытымъ. Волости

со Христіяны отрекшимся инокомъ владѣти не достоитъ, ни инокомъ храбро и въ вооруженныхъ полкѣхъ съ вершники ѣздити, аки воину на брань; подобаетъ инокомъ вооружатися противу сѣтей вражіихъ, аки воину на рать вооруженну, постомъ и молитвою непрестанно подвизатися, а къ миру и къ брату нелицемѣрною любовью и смиренною, и сладкими и полезными и богоугодными бесѣдами. А таковое дѣло небогоугодно, что инокомъ изъ миру, аки Царевымъ мирскимъ приказнымъ, збирати собѣ всякіе Царьскіе доходы. О таковыхъ иноческихъ мѣрахъ ангелъ Господень изрече, при послѣднемъ времени инокомъ невозможно спастися будетъ, отнюдь невозможно, что иноки возлюбятъ піянство, блудъ и нечистоту, свирѣпство и немилосердство и волости съ Христіяны, и вся неподобная мира сего. Тако жъ, любимая братія, бѣда, и скорбь, и погибель роду Христіянскому, оставшимъ благовѣрному Царю и Государю своему, и возлюбившимъ слабую и прелестную незаконную Латынскую и многихъ вѣръ вѣру, и позавидовавшимъ иже невѣрныхъ ризамъ отъ главы и до ногу, и ихъ обычаемъ, а того не узнаютъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а опослѣ тому со слезами поработаемъ и горко въ неволяхъ постражемъ, понеже Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризъ и на ихъ обычай вѣрнымъ человѣкомъ завидѣти, Богу мерзко и беззаконно ихъ житіе и обычей ихъ непріятенъ, занежъ недано имъ разумѣти про нашу новую благодать, имъ наше ничтоже завидно есть; они прочатъ сесвѣтное житіе, а мы угожаемъ тосвѣтное житіе. Сего ради, любимая наша братія, отъ всѣхъ ихъ невѣрныхъ прелестей крѣпко брежемся и ихъ ничтоже на себѣ имѣемъ и не внимаемъ, да за таковое невѣрствіе злѣ не постражемъ отъ Господа. Процвѣла новая благодать, а ветхая ихъ лжа попралася вся. Увы намъ грѣшнымъ! увы! Велика скорбь, велика бѣда, велика безконечная погибель! Кто насъ выручитъ и кто насъ избавитъ огня негасимаго и муки вѣчныя? Отреклися окаянные мира и своихъ прелестей въ немъ, и паки отрекшися во иноцѣхъ, тажъ воспріяхомъ суетная, аки пси возвратихомся на своя блевотины, и аки плюнутую слину отъ земли воспріяхомъ во

уста своя вложихомъ; такоже мы, многогрѣшни и прегрѣшныи иноки, возлюбивъ иночество, и отреклися мира сего и вся, яже въ немъ, и носимъ на себѣ образъ иночества, а имѣемъ въ себѣ дѣйственника лукаваго и творимъ угодная ему, а не Господеви, во иноческомъ образѣ строимъ каменныя ограды и полаты, позлащенныя узоры съ травами многоцвѣтными, Царскіе чертоги украшаемъ себѣ въ келіяхъ, и вездѣ лутчая и завидная вся, и покоимъ себе піянствомъ и брашнами отъ труждающихся намъ, и отъ мира вся лутчая имѣемъ, братцкую пищу и питіе собѣ; не труждающихся на насъ, ниже милующихъ и питающихъ насъ, зависти ради, лишаемъ бѣлцовъ отъ брашна своего лутчаго, а по достоянію подобаетъ пища и питіе лутчая вся миряномъ, тружающимся на насъ, а не намъ, инокомъ, не намъ, и паки рѣчемъ не намъ. Мы жъ, иноки, отрѣклися и обѣщалися Богу изъ лутчихъ на обышная, а не изъ лутчихъ повелѣно есть намъ, инокомъ, трапезу и ризы имѣти, отъ мира сего обышная, а не лутчая, отнюдь не лутчая любити; понеже лутчаго всего отрѣклися мира сего, и всего, еже въ немъ, возлюбили пустынное и преподобныхъ отецъ житіе, и пищу, и питіе. Кто то есть въ насъ таковый безумный, да исправляемся отъ трудниковъ и отъ бѣлцовъ, правимся всенощнымъ стояніемъ, правиломъ, и церковнымъ стояніемъ, и поклоняніемъ, и молитвою, и келейнымъ правиломъ; для ради того лутчее и лишное ясти и пити получаемъ отъ бѣлцовъ полезное собѣ, а не на тружающихся на насъ. О безумніи и заблуждьшіи піяницы, невеглаcи мы, иноцы, угожаемъ мамонѣ, а души своей сего не разсудимъ, ниже внимаемъ, что есмы на то постриглися и обѣщалися Богу въ томъ, что намъ непрестанно предъ Богомъ со слезами стояти и молити его, всещедраго Бога, единомысленно со слезы за Царя и Великого Князя, и за его Царицу и за Великую Княгиню, и за ихъ благородныхъ чадъ, и за весь міръ, и за свои грѣхи. Не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростію грады крѣпятся и миръ строится, но ихъ постомъ, и молитвами непрестанными и со слезами стояніемъ царства утверждаются, грады Израительскіе не скончаются. А нынѣ мы,

окаянные, тѣмъ себя вышимъ, и исправляемся, и превозносимъ превыше дѣлъ своихъ; своимъ малодушіемъ подъ собою имѣемъ волости съ Христіяны, и надъ ними властвуютъ, немилосердство и злобу показуютъ и всякую неправду, а того не внимаютъ, какъ мира сего и суеты всей убѣжать, чтобъ намъ на братію тружатися и молити милостиваго Бога во смиреномъ образѣ, и Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ. То есть, братіе, наше старчество, чтобъ по уставу и по правилу святыхъ отецъ почитати, божественая исправляти честно, а не тщеславно, а трудниковъ, и бѣлцовъ, и прочихъ Православныхъ всѣхъ любити единомысленно, и ихъ питати съ одного за единое, да еще лишное и полезнѣйшее отъ инокъ миряномъ, понеже на насъ по вся дни безъ выбору съ радостію тружаются и насъ, иноковъ, питаютъ своими самоволными не неполными трудами, во всемъ предъ нами послушаніе творятъ, а мы, окаяные, по діяволю наученію, таковыхъ богоизбранныхъ лишаемъ отъ брашна своего, аки невѣрныхъ иноземецъ и прочихъ поганыхъ. О мы, безумніи, камо дѣемся и како противъ ихъ начнемъ отвѣщати предъ праведнымъ и страшнымъ Судіею, занеже заградятся уста наши и прелпнетъ языкъ гортани нашему ото особныя пища, и отъ питія нашего, и отъ всякія неправды? Аще кто будетъ изизначала уставилъ сіе особное отъ мирянъ братцкое ясти и пити лутчее, по ненависти лукаваго, и намъ то, братіе, отъ Бога и отъ Пречистыя Богородицы и отъ всѣхъ святыхъ невозбранно будетъ, хотя трудниковъ и бѣлцовъ съ одного и прочихъ благовѣрныхъ Христіянъ причтемъ ихъ собою съ одного братцкое ясти и пити вкупѣ всѣмъ. Аще въ томъ чаете грѣха вы собѣ, и мы многогрѣшни, обаче, черницы, за всѣхъ васъ станемъ въ томъ предъ Вышнимъ до отвѣту и мучимся въ вѣкъ. А не мозите, возлюбленная и драгая братія, трудниковъ мирянъ и протчихъ Христіянъ лишати отъ собя и не погрѣбуйте ими, да не лишитъ насъ вышній Спасъ отъ небесныхъ благъ; аще ли не повѣрите ему, или мните въ разумехъ своихъ, что не будетъ, какъ и мы

дадимся за всѣхъ васъ, Православныхъ Христіянъ, во вѣки вѣкомъ мучитися во всѣхъ мукахъ.

Еще изнова преподобныхъ и пустыныхъ и всѣхъ святыхъ подлинного ихъ житія со вниманіемъ, како онѣ угодили Христови, предъ Богомъ стояли и молили милостиваго Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, непрестанно, дни и нощи, со слезами за Царя къ Богу возсылати и монастырскіе всякіе труды на братію тружатися, единомысленно, съ радостію. Аще и помысли (да кто же можетъ безъ мысли быти?), токмо не подавайся и не впадися въ нихъ; всѣ есте мы одного созданія, и однако всѣхъ пріемлетъ Спасъ, лишь съ вѣрою дѣла покажемъ. Онѣ, Государи, вся творили дѣла благая, а питалися и сыти были отъ обышная пища и питія, и сего зри, каковыи ризы носили и какъ на славу, и на величество, и на Христіянскія слезы гдѣ накупалися, и у кого что насилствомъ и лжами отнимали, и отъ кого чести, и славы, и волости съ Христіяны получали; всего того онѣ, угодники Христовы, бѣгали и укрывалися отъ родителей своихъ и отъ богатества. Таковъ образъ и обычей во семъ и терпѣніе намъ грѣшнымъ оставили, много ли злата, сребра и всякого узорочья? Сесвѣтного добра бѣжали, не оглядываяся, аки отъ лютого сесвѣтного любителя, или отъ свѣрепаго звѣря, или отъ всякія несказанныя злобы. А мы, окаяные и многогрѣшные иноцы, вылгали у Всемилостиваго Спаса, у небеснаго Владыки, таковый нося образъ, и нареклися иноки, а иноки есть, да толко не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки, а не на доброту, и сверхъ монастырскіе казны да еще крадемъ и всякъ себѣ въ собину, а не вѣсть кому во иноцехъ, запасаемъ отъ всѣхъ въ собину собѣ злата, и сребра, и всякіе особные драгіе вещи, и пьяные всякіе сладкіе питія разные и полезные, на многихъ блюдахъ и на мисахъ пищи предстоящимъ трапезы и сесвѣтные славы. Вѣдомо да буди о семъ, извѣстно миру всему спроста объявихомъ, то есть, возлюбленая братія, отъ бѣса, противо новыхъ благодати новая ересь, что иноковъ волости со Христіяны владѣти, и миръ имъ судити, и на поруки ихъ давати, и при-

ставовъ по нихъ иноковъ посылати, изъ миру всякіе Царьскіе доходы инокомъ, а ко Царемъ и прочимъ мирскимъ властемъ збирати, и миръ слезити, и во обителехъ пьяньству и сладости быти, и инокомъ піянство и сладость любити, и особные отъ бѣлцовъ братцкіе пищи и питія лутчая вся держать въ собину, сокровища собирати и всякія волости съ Христіяны за монастырь и всякія завидныя угодія залучати, и миръ изобижати. Отнюль то есть инокамъ въ погибель, тѣми неподобными статьями лукавый бѣсъ родъ Христіянскій во иноческомъ образѣ, Царьскою простотою и Великихъ Князей жалованьемъ, отвращаетъ отъ душевнаго иноковъ спасенія и вводитъ ихъ въ великую и въ безконечную погибель, потому что таковые власти даны есть мира сего свыше отъ Бога Царемъ и Великимъ Княземъ и ихъ мирскимъ властемъ, а не инокомъ. Иноцы отреклися мирскаго всего; подобаетъ и Царемъ съ пощадою изъ миру собирати всякіе доходы и дѣлати милосердо съ разсужденіемъ, а не гнѣвно и не по наносу, невѣрные тщатся брати ихъ на убиство, и на грабленіе, и на блудъ, и на нечистоту, и на всякую злобу своими храбростьми, и тѣмъ хвалятся, а вѣрнымъ воиномъ подобаетъ въ воинахъ быти съ Царьского повелѣнія и стояти противу враговъ креста Христова крѣпко, неподвижно, а къ своевѣрцемъ и въ домѣхъ ихъ быти кротку, щедру, милостиву и ихъ не бити, ниже мучити и грабленіе не чинити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ Православныхъ Христіянъ ни чимъ не изобидити, да отъ ихъ воздаянія и отъ слезъ во иноческомъ всѣ злѣ не постражутъ. И подобаетъ въ воинахъ быти и помнити всегда смертный часъ съ чистотою, со всякою добродѣтелью къ Богу и Православной Христіянской вѣрѣ; а такому войску бываетъ невидимо, а иногда и видимо, отъ Бога помощь и одолѣніе на враги за такову ихъ добродѣтель. Горе роду Христіянскому, прелстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки имущимъ ихъ на себѣ, держащимъ ихъ невѣрныхъ прелестей и впущающимъ ихъ въ земля своя, и ищущимъ отъ невѣрныхъ помощи, и хранящіимъ ими миръ и ихъ храбростью

Израилитскіе грады и страны Христіанскія. Таковые не раби, но враги именуются, понеже, оставя Божію помощь, и отъ невѣрныхъ ищутъ помощи и надежды, и попомъ, ими же обезчестени и изволени будутъ, и ими обладающе и горшее отъ невѣрныхъ воспріимутъ за неразсужденіе свое святыми Божіими книгами. Аще гдѣ будетъ власть иноческая, а не Царьскихъ воеводъ, и ту Божіи милости нѣтъ, таковые властующе иноки не богомолцы, но гнѣвители. Горе инокомъ, возлюбившимъ миръ, и вся, яже въ немъ; горе инокомъ, возлюбившимъ суету свѣта сего, и не сохранившимъ заповѣдей иночества, и умершимъ не въ покаяніи, Царьскою простотою; и всѣмъ владѣти уставлено и повелѣно заповѣдати о всемъ Царемъ и ихъ въ мирѣ и вездѣ властемъ мирскимъ владѣти, а святителскому, ниже священническому чину, окромѣ ихъ святительскихъ властей, въ правду о законѣ, и о благовѣріи, и о спасеніи мира сего съ Царьской небесной грозы, о правдѣ и за вѣру Царей и ихъ властей не убойтеся, ниже устрашитеся за паствы своя, и о спасеніи ихъ надо всѣми добро не просто давати. И оставити Царемъ тѣхъ изъ миру неподобные таковые статьи всѣ, и порадѣти Царемъ о спасеніи мира сего, паствы своей, и избывати на святителскую власть крѣпко и подлинно вѣдущихъ иноковъ на всякую добродѣтель, и ставити ихъ на таковый чинъ не по дружбѣ, нижъ по посуломъ, но истинно по правдѣ, нелицемѣрныхъ постниковъ, и къ Богу подвижниковъ, и къ миру добронравныхъ, и иноковъ не гнѣвити и осуждати, и учителнымъ быти, и почитати ихъ всѣмъ людемъ честно, и давати имъ урочные годовые милостыни, и особные инокомъ отъ миринъ промышляти улусы, чемъ имъ быть сытымъ самѣмъ своими трудами праведными, а не волости съ Христіаны, нижъ ихъ питати мирскими слезами и воздыханіи. Подобаетъ съ миромъ во всемъ вѣдати я Царю самому со властьми своими, а не съ иноки; иноковъ отъ всего мирскаго и суетнаго достоитъ отставити, отнюдь отставити; волости съ Христіаны не давати, Царю и Великому Князю уставъ по монастыремъ въ мирѣ всѣмъ вездѣ своею Царьскою смиренною грозою, брадъ и усовъ

не брити, ни торшити, и сану своего ни чимъ не вредити, крестное знаменіе на лици все полно крестити, покаятися, говѣти по вся годи всякому человѣку, вездѣ исповѣдатися Господеви духовнымъ отцемъ и отъ двоянадесеть лѣтъ мужеска полу, полу и женскаго. О томъ Царю и за весь миръ пещися крѣпко паствы и войска своего, да и за всѣхъ станетъ ко отвѣту предъ вышнимъ Царемъ. Мнози убо глаголютъ въ мирѣ, яко самоволна человѣка Богъ сотворилъ на сей свѣтъ; аще бы сотворилъ Богъ самовластна человѣка на сей свѣтъ, и онъ бы не уставилъ Царей и Великихъ Князей и прочихъ властей, не раздѣлилъ бы отъ орды орды. Сотворилъ Богъ благовѣрные Цари и Великіе Князи и прочая власти на воздержаніе мира сего и для спасенія душъ нашихъ. Аще въ мирѣ, о семъ всегоднемъ посту, не Царьская всегодная гроза, ино и въ воляхъ своихъ не покаются всѣ по вся годы, ниже послушаютъ поповъ, да еще многихъ, для поповъ того для отъ мѣстъ отказываютъ для слабости своей, и посмѣются попомъ; мнози начнутъ глаголати сіе: мзды ради попы глаголютъ сіе въ мирѣ, что покаятися, говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, а не разсудимъ въ новые благодати сего, что аки скоти несмысленіи и безъ покаянія, да еще здрави, попогибаемъ, ходя въ войнахъ и вездѣ неготови мремъ, слабости ради и самоволства. Для Царской простоты мнози иноци аще бы не выписывали и выкрадывали изъ книгъ подлиного святыхъ отецъ писанія, и не приписывали бы въ нихъ о пищахъ и о всемъ полезного собѣ, да не простовали бы Цари и Великіе Князи и людіе вси, извѣстно бъ имъ было подлинно о всемъ писаніи святыхъ и преподобныхъ отецъ. Царіе же мнятъ и людіе всѣ въ разумѣхъ своихъ и жалуютъ, дарятъ иноковъ селы и волости съ Христіяны, радѣючи чюдотворцомъ и святому мѣсту, ихъ вѣру держатъ, къ нимъ даваютъ угодья завидная и лутчая, а не разсудятъ сего, что ихъ подобаетъ питати иноковъ урочною и годовою милостынею, а не волости со Христіяны, ниже піянству въ нихъ и сладости съ сытостію быти, и особные братцкіе пища и питіамъ быти, таковыми неподобными и піяными стать-

ями и ко властемъ поминками драгими и посулы великими, а Царемъ челобитными своими иноки, по наученію лукавыхъ. На таковые статьи при послѣднемъ времяни прелстятся иноки лжами Царей и Великихъ Князей и прочихъ властей, и осудятъ ближнихъ всѣхъ, аки и старцы съ книжники, на распятіе Іюда на преданіе Христово. Тако жъ при послѣднемъ времяни умышляютъ иноки съ книжники прелестми своими, начнутъ лжами красти Царей и Великихъ Князей, а Царіе же не разсудятъ сего и слушаютъ ихъ и вѣруя обавниковъ ихъ, которые спосулятъ, и онѣ таковы есть Цари простотою своею, да судятся съ ними предъ небеснымъ Царемъ за множество мира и неразсудныя власти своея. Много есть, а болши умножится въ мирѣ и при Царехъ мудрыхъ грамотниковъ, а болши того отъ книгъ сказателей, а мало будетъ въ нихъ разумѣющихъ въ помощь съ миромъ Царю святыми божественными книгами; мнози въ нихъ сыщутся и начнутъ быти въ крылосѣхъ, по ихъ разуму, гораздые пѣвцы, собою начнутъ претворити въ пѣніи свой переводъ, кождо ихъ начнетъ хвалити свое пѣніе, а ни объ одномъ переводѣ ихъ свѣдетелство не бывало, да и не будетъ, и такіе многіе переводы и неподобные статьи и Царемъ и Великимъ Княземъ, достоитъ пѣніе скрѣпити одинъ переводъ, а не многія. На таковыхъ бы глупцовъ былъ извѣтъ, аки волы ревутъ другъ предъ другомъ, въ пѣніи тщатся ногами пинающе, руками трясущи и главами кивающе, аки беснующися, гласы изпущающе таковые. И то будетъ при послѣднемъ времяни начало лживыхъ пророкъ, и сперва прелстятъ въ нихъ невѣгласи, несмысленіи мздоимцы власти и неправіи судіи, послушаютъ лсти и по ихъ мнози людіе нерадивіи отъ Бога собѣ мзды ради да не пустятъ. Исправи во свѣдетельство къ Царю на таковыхъ нерадивыхъ по Бозѣ миромъ извѣтъ. А Царемъ съ бояры и съ ближними своими пріятели о всемъ совѣтовати, крѣпко на крѣпко думати, а сверхъ всѣхъ доложитися святыхъ божественныхъ книгъ и внимати бесѣда Іосифа прекраснаго, царя Египетскаго, повесть. Воздана напредъ креста кресту почесть и похвала со украшеніемъ, яко же процвѣтаетъ на немъ сила и

слава Господня превыше всѣхъ, и за всѣхъ новая благодати. Іосифъ узнавъ сіе, и кланялся ему напредъ збытка его. Вѣдомо буди и о семъ, отцы и братія, изначала вѣка сего послушалъ Господь и терпѣлъ человѣку, во всесвѣтномъ житіи не отмѣщалъ отцу самому, но за его грѣхъ дѣти, или внучата, постраждутъ, тако жъ благая воспріимутъ за доброту отецъ и дѣдъ своихъ, а при послѣднемъ времяни за умноженіе грѣхъ нашихъ, и за простоту Царей и Великихъ Князей, не срочитъ, ниже отпуститъ дѣтей и до внучатъ; но аще что сотворятъ добро, или зло, со вторицею воспріимутъ сами собѣ. И кто будетъ тогда въ премудрыхъ богомудръ, да разумѣетъ таковыя бѣсовскія сѣти, да сотворитъ никому же зла, но всегда тщится на всякую добродѣтель, и за то воспріиметъ здѣ благая и въ будущемъ вѣцѣ седмьдесятъ седмерицею. Сего ради глаголетъ Евангеліе: первый будетъ, яко послѣдній, а послѣдній, аки первый, первый бо есть ветхій законъ, а послѣдній процвѣла новая благодать. А насъ, многогрѣшныхъ, вкупѣ обѣихъ чернцовъ благословите, отцы, и братія простите, что если много и премножества грѣшныи чернцы провидѣли святыми Божіими книгами испроста, написавъ простотою своею и не ученою рѣчію осудили васъ, живыхъ и мертвыхъ, прежде страшного и праведного Судьи, Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, ему же слава подобаетъ всяка честь и поклоненіе со безначальнымъ его Отцемъ и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ ти Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

СПРАВА

БРАТСТВА ЦЕРКОВНАГО ВИЛЕНСКАГО ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ТРИБУНАЛЬНЫМЪ ВИЛЕНСКИМЪ

СЪ ІЕРОДІЯКОНОМЪ АНТОНІЕМЪ ГРЕКОВИЧЕМЪ, ПЕРЕДАВШИМСЯ ВЪ УНІЮ И ОСУЖДЕННЫМЪ НА СМЕРТЬ 1605 ГОДА.

СЪ КНИГЪ СПРАВЪ СУДОВЪ ГОЛОВНЫХЪ ТРИБУНАЛНЫХЪ, ОТПРАВОВАНЫХЪ У ВИЛЬНИ

Лета Божого нароженя тысеча шестьсотъ пятого, мѣсяца іюня двадцатого дня.

Передъ нами, судьями головными, на трыбуналъ у Великомъ Князстве Литовскомъ, зъ воеводствъ, земль и поветовъ на рокъ теперешній, тысеча шестьсотъ пятый, обраными, точиласе справа Священниковъ Братъскихъ, Братства церковного Виленского, на име, отца Іосифа Яцковича и отца Ивана Семеновича и иншыхъ, Ихъ Милости Княжатъ, Панятъ, Шляхты и всего Рыцерства, обывателей Великого Князъства Литовского, Пановъ Волынскихъ и Подолскихъ и иныхъ всихъ людей чоловека посполитого, до того Братъства Виленского церковного уписныхъ, будучыхъ подъ благословеніемъ трону Константинополского Патриархи, зъ Дьякономъ ихъ Братскимъ, на име Антониемъ Өедоровичомъ Грековича, отъ нихъ збеглымъ, за заказомъ оного очевистымъ. Который дьяконъ, за приволаньемъ возного енерала, самъ се очевисто не становилъ, только яко онъ самъ презъ приятеля своего, Яна Буйвила, такъ тежъ и третяя особа, Его Милость, отецъ Ипатей Митрополитъ, презъ неякого Яна Руцкого и двухъ, Ихъ Милости, Князей Канониковъ Виленскихъ, трибуналистами въ томъ року будучихъ, Князя Матея Друблянского, Князя Жакгеля Миколая, зъ обмовою, на писме отъ нихъ до насъ даною, становили. А они, Братство, того заказу презъ умоцованого своего, очивисто передъ нами установленого, Миколая Топчевского, подания, ему, дьякону, презъ Возного воеводства Виленского, Станислава Томковича, отъ насъ в раду имъ оной приданого, цедулы заказное и року за нее с признаньемъ оное презъ того Возного у насъ суду обема стронамъ припалого, слушне

водле права довели, которая жалоба ихъ въ той цедуле заказной на того Дьякона написана есть тыми словы:

«Дъакону Антонію Өедоровичу Грековича.

Заказуемъ тебе, яко збега нашого, черезъ Возного, вышей менованого, и черезъ свою цедулу жалобы нашое, передъ судъ головный трыбуналный въ семъ року, тысеча шесть сотъ пятомъ, тутъ, у Вилне, судовне отправуючій, о то, ижъ ты, мешкаючи на кгрунтехъ ихъ, Братскихъ, въ манастыру при церкви Братской Сошествия Светого Духа, слугою тое церкви ихъ Братское, и Бакаляромъ рукодайнымъ юркгелтовымъ будучи, пропомневши боязьни Божое, грокгости правъ такъ свецкого, яко и духовного, не маючы въ очью своихъ встыду людъского, и легце зневаживши станъ свой духовный чернеческій, не дбаючи ничого и на навпоминанье тебе отъ особъ духовныхъ и светскихъ, въ року, дей, теперь идучомъ, тысеча шесть сотъ пятомъ, зъ дня двадцать шестого на день двадцать семый, мѣсяца Мая, въ ночи, подъ часомъ на тотъ часъ отправованя справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ тутъ у Вилни, смелъ и важилъ се есь надъ звычай о пристойность стану своего духовного, Богу и людямъ брыдкого и мерзкого греха съ черницою, въ томъ манастыру мешкаючою, Катериною Лычанкою, допустилъ, чого, дей, и в семъ позве встыдъ естъ докладать, яко жъ, дей, тебе у тое черницы въ кельи мешканя ее будучой, зъ Вознымъ и стороною найдено. До которого, дей, то учинку своего невстыдливого, ты, Дьяконе, и съ тою черницою передъ Вознымъ и стороною признали-се есте, и на потомъ тогожь помененого дня и передъ двема Возными и стороною Шляхтою повторе тотъ учинокъ свой быть сталый она, черница, сама, по утеченью твоемъ отъ нихъ съ того манастыра ихъ Братского, доброволне признала, што, дей, меновите и по достатку на квите сознанья Возныхъ описано и доложоно естъ. И кгды, дей, тебе, Антонію Дьяконе, оные Священники въ мешканю тое черницы въ яме потаемъной, умыслне на то зготованой, где, дей, передъ, тыми людми, которые, дей, до тое черницы потребами своими хожывали, крылсе, знайдено, тогды, дей, ты, Дьяконе, уходечи * того учинку своего злого, ижбы не былъ еси ославованъ, ихъ, Священниковъ и Братью просилъ, абы тебе въ томъ зломъ учинку твоемъ не славечи, а милосердне на поправу живота твоего, съ тобою се обхо-

---

* Въ подлин. стран. 2-ая.

дили, которого таковаго злого учинку твоего, Богу и людямъ брыдкого, они тобе терпеть, и васъ на кгрунтехъ Братскихъ въ манастыру не хотечи мети, але васъ хотели были право, яко особами духовными, такъ и свецкими, осадити, и винныхъ, водлугъ выступку, карати, нижьли ты, Дьяконе, обецавъ се имъ то добрымъ словомъ своимъ и шлюбомъ себе въ томъ обвезавши, упросилъ еси ихъ въ томъ, абы тебе до везеня не сажали, але мелъ еси тамъ же на кгрунте ихъ Братскомъ до того часу змешкати, нигде не зникаючи, имъ о то усправедливити, на што, дей, и листь есь твой на себе доброволный записъ имъ, Паномъ Братьи, далъ; а за тымъ, дей, ничого не дбаючи яко на приреченье, такъ и на оный записъ свой, тогожде дня, у пятницу, неведоме крыянъкою, маючи при собе ключи отъ некоторыхъ речей скарбу Братъского, тобе повереннoго, зъ мешканя своего, зъ манастыра, презъ муръ спустивши се, отъ нихъ утекъ, што ширей жалоба ихъ естъ доложона.»

По прочитаню тое цедулы ихъ заказное, особы, звышъ менованые, то естъ, отъ того Дьякона, Янъ Буйвилъ, чинечи обмову отъ него, при устномъ мовенью своемъ, на писме презъ листъ того, Дьяконовъ, и съ подписомъ руки его, до насъ, суду, подалъ писаный въ тые слова:

«Ясне велможные а милостивые Панове Судьи Трибуналские Великого Князства Литовского, Панове мои милостивые! Заказалъ ме до суду Вашихъ Милостей Трибуналского Возный воеводства Виленского, Станиславъ Томковичь, за жалобою Поповъ Братства Виленского, отца Iосифа Яцковича и отца Ивана Семеновича, и одъ иныхъ Пановъ, Ихъ Милостей, о томъ, яко бымъ я противъ стану и повинности моее допуститисе мелъ нераду спросного зъ неякою черницею законною, у дворе ихъ Братскомъ, и иные речи, што ширей на томъ заказе написанномъ доложоно естъ. Противъ Милостямъ своимъ, милостивымъ Паномъ, даю о собе ведомость, ижъ я, будучи особою духовною и Дьякономъ, не естемъ повиненъ, мимо судъ свой духовный, до иншого суду и права мне (неналежного) становитисе. Але отзываюся до Его Милости, въ Бозе велебного отца Ипатея, Митрополита Киевъского, Галицкого и всея Руси, яко до Пана и пастира моего власного, подъ которого звирхностью и владзою, яко особа духовная, естемъ тамъ передъ Его Милостью, яко передъ судьею своимъ духовнымъ, каждому усправедливитисе и невиность мою, дастъ Богъ, явне показати,

готовъ буду, бо ме невинне ошкалевали и збили, зелжили, речи мои загамовали, мамратъ на мене силою, стоечи зъ шаблею надъ шыею моею, вытиснули, до которого сами жъ тые Попы, которые теперь на мене инстыкгуютъ, и иные братишкове руки свое подписали, а то все съ тыхъ причинъ, жемъ се зъ давна бралъ до Его Милости отца Митрополита, пастыра своего, отъ нихъ. Про тожъ оповедаюся передъ Вашмостями и протестую нашихъ Поповъ и мещанъ Виленскихъ того Братства, же мене невинне до суду свецкого, мне неналежного, потегаютъ, а ВМ., своихъ милостивыхъ Пановъ, яко сторожовъ справедливости светое, покорне прошу, абысте ме ВМ. до суду своего властного духовного, вышей помененого, отослать рачили, и водлугъ артыкулу тридцать второго, въ розделе третемъ, въ Статуте писаномъ, заховали, а я кождому права у суду моего належного достою. Писанъ у Вильни лета Божого нароженя тисеча шесть сотъ пятого, мѣсяца Іюня шеснадъцатого дня.» У того листу подпись руки его подписана тыми словы: «Еродьяконъ Антоніе Грековичъ рукою власною.»

По прочитаню того листу его, Дьяконового, Ихъ Милости, Князъ Каноницы Виленскіе, Князь Матей Друблянскій, и Князь Жакгель, чинечи устне сами отъ себе обмову, менечи, ижъ тую справу колу ихъ духовному розсужати належитъ, кгды жъ то идетъ межи особами духовными, домовляли се, абы то на розсудокъ ихъ одослано было, при которой Ихъ Милости обмове * отъ Его Милости, отца Ипатія, листъ, подъ печатью и съ подписомъ руки Его Милости, презъ неякого Яна Руцкого, до насъ, Суду, поданъ есть, писаный въ тые слова:

«Ясневелможные а милостивые Панове Судьи Трибуналскіе Великого Князства Литовского! Дошла мене ведомость, ижъ естъ заказаный до суду ВМ. Трибуналского, черезъ Возного воеводства Виленского, Станислава Томковича, за жалобою Поповъ Братства Виленского, отца Іосифа Яцковича а Ивана Семеновича, также и иншихъ Поповъ и Князей отъ стану шляхетского, Дьяконъ закону Греческого, Антоней Ѳедоровичъ Грековича, о якийсь екъсцесъ, яко бы мелъ противъ стану и повинности своее духовное, допуститисе нераду зъ некою черницою законною, и о иные речи, што ширей на томъ заказе писмомъ есть доложоно. Про

* Въ подлин. стран. 3-ья.

то жъ, ижъ тымъ таковымъ заказомъ, надъ звычай и порадокъ правный учиненымъ, мне, яко власному судьи и преложоному всего духовенства Руского, великое безправе и уйма владзы моее духовное дееться, про то В. Милостямъ, своимъ милостивымъ Паномъ, оповедаю и протестуюся, ижъ тотъ Дьяконъ, яко и иншіе особы духовные, нигде индей форумъ не маютъ, одно передо мною самымъ, водлугъ правъ и привилеевъ, предкомъ моимъ, Митрополитомъ Киевскимъ и всея Руси, здавна наданыхъ и мне самому потверженыхъ, также и водле порадку правного, именовите артыкулу тридцать второго, въ розделе третемъ, въ Статуте Великого Князства Литовского описаного, въ которомъ ясне естъ доложоно, яко зъ особъ духовныхъ преложоные ихъ, справедливость укривжонымъ чинити маютъ. А такъ прошу ВМ., своихъ милостивыхъ Пановъ, жебысте мене ВМ. при праве и юрздыкцыи моей вцале заховали, ни въ чомъ ее не нарушаючи, яко, будучи сторожами справедливости светое. А яко кождому зъ особъ духовныхъ и инъшихъ, юръздыкцыи моей подлеглыхъ, справедливость пристойную учинить естемъ готовъ, и тымъ се ВМ. оповедаю, ижъ штобы колвекъ противъ тому Дьяконови, яко и противъ иншихъ, юръздыкцыи моей подлеглыхъ, будь у суду ВМ., будь тежъ у иншихъ урадовъ, поступки якіе правные перевожены были, тыхъ я за жадные переводы а ни заказы правные признавати, а ни пріймовати не естемъ повиненъ, але и овшемъ съ тыми, которые ку нарушеню правъ юрздыкцыи моей особы духовное, до урадовъ неналежныхъ потегаютъ, тогды собе съ таковыми здоровое право у суду належного зоставую и прошу, абы тое оповеданье мое ВМ. ласкаве принявши, до книгъ Трибуналскихъ записать росказали. Писанъ у дворе моемъ Митрополемъ у Вильни, лета Божого нароженя тысеча шесть сотъ пятого, месеца Іюня шостогонадцать дня, у четверъ.» У того листу печать Его Милости одна и подпись руки тыми словы: «Ипатей Архиепископъ Митрополитъ Киевскій Галицкій и всея Руси власною рукою.»

По прочитаню того листу Его Милости, умоцованый отъ Братства, Топчевскій, указуючи то, ижъ яко тому Дьяконови, такъ и Его Милости, отцу Ипатию, тая обмова ити за слушную, пріймованная быти не маетъ, съ тыхъ причинъ: напродъ, ижъ тотъ Дьяконъ, будучи на Архидьяконство, станъ свой духовный, постановленый не отъ отца Ипатея, але отъ отца Луки, Митрополита Белоградского, Екзархи трону Константинополского Патріархи, будучого подъ благословеньемъ его, чого доводечи, покладалъ листъ того Луки

Митрополита, ему, Дьякону, даный подъ датою року семь тысечного сто шостого году, месеца Апреля девятого дня, индикта десятого, съ печатью того Митрополита и съ подписомъ руки его, въ которомъ то есть описано, ижъ онъ того Антония, за сведецтвомъ манастыра Дирманьского и всего места о годности его, на тотъ урядъ постановилъ его и совершилъ, то есть, въ четцы, свещоносцы, подъяконы и архидъяконы ку церкви манастыра Дирманского, храму Светое Тройцы. До того покладалъ другій листъ * отъ другого Екзарха Патриархи Константинополского, въ року теперешнемъ, шесть сотъ пятомъ, даный тому Дьякону, Антонию, на проповедь слова Божого, подъ печатью того Митрополита и съ подписомъ руки его, писаный писмомъ Греческимъ, въ которомъ то есть описано, ижъ Екзарха Патриархи Константинополского, тому, Дьякону, листомъ своимъ дае моць и его благословляеть у церквахъ Божиихъ службу Божую мети и слово Божіе проповедати водлугъ Евангеліи светой и иншого писма светого Церкви Восточной, отъ богоносныхъ Светыхъ Отецъ преданыхъ, што ширей въ тыхъ листехъ обудъвухъ естъ описано. А по прочитаню того листу поведилъ: «Поневажъ дей, того есми писмомъ довелъ, же тотъ Дьяконъ отъ Екзарховъ Патриаршихъ, яко постановеніе на станъ духовный себе, такъ уже и благословение отъ другого Екзархи на проповедь слова Божого, откулься значить, ижъ не одъ отца Ипатея постановление себе на Архидъяконство и на благословение проповеди слова Божого взялъ, але отъ Екзарховъ, подъ благословениемъ Патриаршимъ будучихъ, зъ которымъ постановленьемъ и благословеніемъ и тутъ, у церкви Братства Виленского Сошествія Светого Духа, за юръкгельтомъ, отъ Братства ему поступленымъ, справы въ церкви ему належачые, подъ благословениемъ Патриаршимъ будучимъ, отправовалъ, и школу Брацкую, за порученьемъ собе отъ нихъ въ заведованью своемъ мелъ. А допустившисе въ томъ манастыру Брацкомъ греху, Богу и людямъ брыдъкого, съ черницою, Катериною Лычанъкою, присегу свою зломивши, станъ свой духовный зъкгвалтивши и церковь Божью не ушановавши, и ихъ Братство въ томъ здрадивши, подъ часомъ теперешнемъ отправованя справъ судовъ головныхъ ексцесъ и збытокъ такій учинивши, отъ нихъ утекъ и збегъ, и теперъ, за заказомъ у ВМ. суду, самъ се не становитъ, звирхности Его Королевское Милости не есть послушонъ, толко то обмову презъ листъ свой чинитъ,

* Въ подлин. стран. 4-ая.

менуючи себе быть вжо теперъ, учинивши злое, подълеглого подъ благословеніе отца Ипатия, отзываючисе за тымъ до него на розсудокъ ег › зъ ними, признаваючи его быть собе за старшого, што, дей, ему слушне ити не може, бо онъ Дьяконъ, яко се выше меновало, подъ благословениемъ Патриаршимъ есть, и оттуль есть поставленъ на станъ духовный, и до того жъ бы се благословенства Патриаршого обзыватисе, на розсудокъ, то есть, до Екзархи и Епископа Львовского Патриаршого трону мелъ, а не до Его Милости, отца Ипатея, который его не становилъ, и ему благословенства не давалъ, и до духовныхъ, въ законе Греческомъ, подъ благословениемъ Патриярхи Константинополского будучихъ, вжо ничого Его Милость, отецъ Ипатей, мети не може.» А чинечи отказъ на листъ и обмову Его Милости отца Ипатія, поведилъ: «Его, дей, Милость, отецъ Ипатей, въ томъ листе своемъ пишучи до Вашей Милости, признаваетъ то, ижъ тотъ Дьяконъ, Антоній, есть передъ судъ Вашей Милости отъ Братства церковного Виленского заказаный, будучи яко особа духовная, передъ Вашей Милостями се судомъ становити и форумъ у В. Милостей меть не може, съ тыхъ причинъ доложивши того въ томъ листе своемъ, ижъ Его Милость, отецъ Ипатей, яко будучи Митрополитомъ Кіевскимъ, судьею преложонымъ всего духовенъства Руского, оного Дьякона, яко особу духовную, водлугъ правъ и привиліевъ, продкомъ Его Милости, отцомъ Митрополитомъ Кіевскимъ наданыхъ, и Его Милости тако жъ потвержоныхъ, и водлугъ артыкулу тридцать второго, въ розделе третемъ описаного, судити Его Милость о то и выступного карати маеть. Далей, просечи Вашей Милости въ томъ листе своемъ, абысте ему, Ваша Милость, уймы и владзы Его Милости въ томъ чинити не рачили, и на розсудокъ Брацтво Виленское до Его Милости, яко до старшого пастыра преложоного, съ тымъ Дьякономъ одослали.» На то, дей, такъ поведаю: «Его Милость, отецъ Ипатей, оного злочинцу Дьякона подъ юръздыкцию свою подтегати и оного ухоронятн, судьею самого себе и преложоного въ релии Греческой, и владзы юрыздикціи Митрополей належачой привлащати собе, и Братство Виленское съ тымъ Дьякономъ до розсудку своего притегати не може, съ тыхъ причинъ, ижъ тутъ въ панствахъ Его Королевское Милости, нашого милоставого Пана, Митрополья Кіевская, Галицкая и всея Росии, за окрещеньемъ Великого Володимера, ни подъ чыимъ иншимъ благословеніемъ не естъ, толко подъ благословениемъ светейшого вселенъского Патріархи Константинопольского

естъ, водлугъ вселенскихъ семи Соборовъ, отъ шести сотъ летъ ему отъ иншихъ Патріарховъ и Папежовъ тая парафія заграничоная, указана и подана естъ. Чого доводечи, покладалъ концылия, съ которыхъ тое месцо указывалъ, ижь съ першого вселенского енералного Собору, правило шостое, где такъ мовить: «Каждый Патріарха и Папежъ своими границами, въ тыхъ концылiяхъ шырей описаныхъ, владънути повинни суть, и одинъ въ другого парафию вступоватисе не маетъ, подъ великою клятвою и подъ вложеньемъ оного зъ стану его духовного». За которымъ, дей, таковымъ межи ними на тыхъ семи Соборехъ постановеньемъ, отъ давнего часу не отецъ Папежъ Митрополита до здешнихъ панствъ подавать рачилъ, * але Митрополитъ Кіевскій и Галицкій отъ Патріархи Константинополского завше былъ подаваный, подъ его благословеніемъ, яко Ихъ Милость, славное и светое памети, Ихъ Милость, Господари Короли привиля розные Митрополиту Кіевъскому и Галицкому и иншимъ владыкомъ, въ здешнихъ панствахъ, Ихъ Милость, Государскихъ, мешкаючимъ, подъ благословеніемъ Патріархи Константинополского, въ релии Греческой будучихъ, надать рачили, которые, дей, вси привиля не отцу Ипатію, который послушенство свое Его Милости, Отцу Папежови, зъ некоторыми владыками, яко пастырови неналежному, отдалъ, належа (чого); бо Его Милость, отецъ Папежъ, подъ своимъ благословениемъ тутъ Митрополита николи не мелъ, але тые привилья належатъ Митрополитомъ тымъ, которые суть въ старожитной вере Греческой а подъ благословеньемъ Патріархи Константинопольского.» Того доводечи, покладалъ у насъ, Суду, выпись съ книгъ кгродскихъ Виленскихъ, подъ печатью Подвоеводего Виленского, Пана Станислава Пукъшты, Хоружого Волковыйского, и съ подписомъ руки Писаря кгродского Виленского, Пана Щасного Богуматки, зъ датою, у верху писаною, тысеча пять сотъ осмьдесятъ девятого, месеца июля осмьнадцатого дня, въ которомъ выписе привилей Его Королевское Милости, наяснейшого теперешнего Государя нашого, Короля Жыкгимонта Третего, даный Преосвещенному отцу Іеремею, Патріарше Константинополскому, подъ печатью и съ подписомъ руки Его Королевское Милости, также и съ подписомъ руки Писара Его Королевское Милости, пана Матея Войны, которымъ тымъ привильемъ Его Королевская

* Въ подлин. стран. 5-ая.

Милость ему, отцу Іеремею, Патріарше, признавши быти въ панствахъ своихъ оному зъ давныхъ часовъ парафію належачую, и въ той парафіи Его Милости Патріаршой тымъ привильемъ своимъ юрздикцію Его Милости ростегати, Архиепископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Поповъ, Дьяконовъ и иныхъ духовныхъ становити, а выступныхъ, водлугъ правъ своихъ духовныхъ, карати, и вшелякій порадокъ, водлугъ правилъ Светыхъ Отецъ въ церквахъ меть, позволити рачилъ, што шырей по достатку именовите въ томъ привилью Его Королевское Милости описано и доложоно. За которымъ тотымъ привильемъ Его Королевское Милости, отцу Іеремею Патріарше данымъ, ростегаючи юръздикцію свою Митрополита Киевъского, небощика Онисифора Девочку, за непораднымъ его справованьемъ на томъ урадѣ, зъ духовенства его зложилъ, и за обобраньемъ отъ Братства всего небощика, Михаила Рагозу, на Митрополію Кіевскую самъ тутъ, у Вилни, постановити и оного совершить рачилъ. А одеждаючи Его Милость до столицы своей, Константинополя, Брацтву Виленскому Церковному привиля свое, подъ печатьми своими и съ подписомъ власное руки своее, дать рачилъ, который одинъ самый привилей, а зъ другого выписъ съ книгъ трибуналныхъ актыкованный, покладали, зъ датою року того жь, тысеча пятсотъ осмьдесять девятого, которыми тыми привилями Его Милость Братство Церковное Виленское у вечные часы благословивши, а на спротивного противку того Братъства клятву положивши, имъ дати позволити рачилъ на волное обиранье Архиепископовъ, а о непорадныхъ и отступныхъ столицы своее Патріаршое ознаймовати тому Братству указалъ, а за ознайменьемъ отъ иныхъ, таковыхъ въ ураду ихъ собе вольность складати, дегредовати (такъ!) и ихъ карати столицы своей зоставилъ, што ширей на тыхъ привиліяхъ есть описано. До того тежъ Его Милость, Отецъ Іеремія Патріархъ, въ томже року осмьдесять девятомъ и самый увесь порадокъ, въ Братстве Церковномъ Виленскомъ постановеный и на письме выдрукованый, благословивши, печать свою и подпись руки своее, письмомъ Греческимъ подъписаный, до того порадку ихъ Брацкого въ книжкахъ приложилъ и руку подписалъ, и имъ на вечные часы зоставити рачилъ, который порадокъ Брацкій подъ благословеніемъ широце есть выписаный, якожь Его Королевская Милость, теперешный нашъ милостивый Панъ, въ року прошломъ, тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятомъ, месеца Іюля двадцать первого дня, тотъ увесь порадокъ ихъ Братъскій и печать ихъ Братскую, одъ Отца Патріархи

Констаптинополского имъ наданые, признавъши Его Милость, Отцу Еремею Патріарше, зъ давныхъ часовъ въ панствахъ своихъ парафію, ему быти * належачую, привильемъ своимъ потвердити, и Братству Виленскому вольность въ уживанью ихъ набоженства реліи Гречеслое, яко школы мети, церкви будовати, печатью тою образомъ светое Тройцы печатовати, и иншіе всякіе справы, въ тыхъ книжкахъ Братскихъ описаные, конфирмовати, листы имъ отъ Отца Патріархи наданые, ствердити, во всемъ рачилъ, што шпроце по достатку именовите въ томъ першомъ привилью Короля, Его Милости, есть описано и доложоно. Которою то привилью Короля, Его Милости. передъ нами Выписъ съ книгъ головныхъ трибуналныхъ актыкованя оного тутъ у Вилни въ року тысеча пять сотъ деветдесятомъ, месеца Іюня двадцать шостого дня, подъ печатью земскою и съ подписомъ рукъ Ихъ Милости, Пановъ Судей головныхъ трибуналныхъ, покладали. Другимъ привильемъ тежъ Его Королевская Милость, нашъ милостивый Панъ, въ року прошломъ, тысеча пять сотъ деветьдесятъ второмъ, месеца Октебра девятого дня, тому жъ Братству Церковному Виленскому на сейме данымъ, припоминаючи Его Королевская Милость перпій привилей свой, имъ даный, и оный при моцы во всемъ заховуючи, знову имъ тые вси привилья, отъ Патріархи имъ даные, и порядокъ ихъ церковный Братскій во всемъ отвержаючи, будучи въ реліи ихъ Гречеслой, подъ благословеніемъ трону звирхнейшого пастыра ихъ, Патріархи Константинополского, ствержаючи, тежъ имъ и купли ихъ на Братство домы въ месте Виленскомъ, меновите въ томъ привилью менованые, позволяючи имъ церкви, школы, друкарни муромъ и деревомъ будовати, въ церкви священниковъ Брацкихъ подъ благословеніемъ Патріаршимъ мети, въ школахъ наукъ розмаитыхъ заживати, въ друкарни писмомъ вшелякимъ книги друковати, позволити и дати рачилъ, которою тежъ привилю выписъ съ книгъ головныхъ трибуналныхъ актыкованя оного, тутъ, у Вилни, въ року прошломъ, тысеча пять сотъ деветьдесять третемъ, месеца Іюля пятого дня, подъ печатью земскою и съ подписомъ рукъ Ихъ Милости, Пановъ Судей головныхъ трибуналныхъ, у насъ, Суду, покладалъ, и ширей въ немъ есть описано. А ижъ, дей, небощикъ Михаило Рагоза Митрополитъ, которого самъ небощикъ Еремея Патріархъ на Митрополью постановилъ и ему благословеніе трону своего Кон-

---

* Стр 6,

стантинопольского далъ, зневаживши собе столицу Константинопольского Патріярхи, отъ которое столицы благочестивымъ Митрополитомъ Кіевскимъ завше благословеніе походило и походитъ, яко въ парафіи той столицы его будучимъ, смелъ и важилъся надъ замеренье, въ концилiяхъ границъ описаныхъ и Духомъ Светымъ замкненыхъ, Патріярхомъ и отцу Папежови, каждому зъ нихъ указаныхъ, и запомневши присеги своее, на станъ свой духовный Патріарше отданое, зъ иншими некоторыми Владыками, въ здешнемъ панстве Господара нашого будучими, а менововите: съ теперешнимъ, Его Милостью, отцомъ Ипатіемъ, на тотъ часъ будучимъ Владыкою Берестейскимъ, правъ, привильевъ, волностей, свободъ, зъ давныхъ часовъ отъ Государей Королей, Ихъ Милости, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ реліи Греческой Церкви Восточной, а подъ благословеніемъ Вселенского Патріархи Константинопольского будучихъ, наданыхъ, сами отступили, и Церковью Восточною, маткою своею згоръдили, и духовенство свое отъ столицы Патріархи Константинопольского, имъ поданое, отступили, Его Милости, въ Бозе велебному отцу Папежови, послушенство свое отдали, и ему на томъ присегу учинили, за которымъ отданьемъ послушенства отцу Папежови отъ нихъ, въ року прошломъ, тысеча пять сотъ деветьдесятъ шостомъ, на съезде и соборе Берестейскомъ, за позволеньемъ отъ Государа Короля, Пана нашого милостивого, зложономъ, Никифоръ. Великій Протосинкгелъ и преднейшій справца великой Церкви Патріяршего трону Константинопольского, маючи моцъ зуполную отъ Іеремеи, Патріярхи Константинопольского, и отъ иншихъ Митрополитовъ, въ Кгреціи будучихъ, подписами власныхъ рукъ ихъ даную, которую моцъ передъ нами у суду на писме въ друку покладалъ и просилъ, абы до декрету нашого была уписана, которая такъ се въ собе маетъ:

Еремія, Милостію Божію Аркіепископъ Константинопольскій, Нового Рыму и Вселенскій * Патріархъ. Поневажъ о Богу словити не есть кождому дано, а ни о всихъ речахъ богословскихъ, а ни всегда, але есть часъ потому и которымъ дозволено о томъ мовити, и на чомъ бы было можно даръ Светого Духа осветити очи светыхъ, яко Григорей, въ богословіи славный, глаголетъ, для чого унижоность наша быти пристойную речь осудила, одного зъ учите-

* Страц. 7.

левъ постановити и осветити, абы о томъ старанье и пильность мелъ. Про то за совершеннымъ советомъ, при бытности светого и премудрейшого Патріярхи Александрейского, Господина Мелетія, также при бытности наместниковъ Антіохійскаго и Ерусалимского светыхъ Патріарховъ, и освещенныхъ Митрополитовъ, о Светомъ Дусе милой братьи и сослужебниковъ нашого смиренія, усветили есмо на преложенство о Светомъ Дусе дидаскала Восточное Церкви премудрого Великого Протосинкгела великія церкви, Господина Никифора, предъ тымъ будучого Строителя светого Патріаршего престола Констанстинопольского, яко мужа исполненого всякой науки, въ богословіи духовной и нынешней беглого. Про то уважне ововедемо и о Светомъ Дусе повелеваемо, абы тотъ премудрейшій Протосинкгелъ, Господинъ Никифоръ, былъ въ старшенство мянованъ на вси учители наши, и яко Протосинкгелъ нашое великое церкви и справца назначоный во епархіи столицы Константинопольское, власть Патріяршу совершенную маючи, абы мелъ первое седенье и годность на всихъ собраніяхъ собору такъ нашомъ смиреніи, яко и индей где бы ся трафило, абы не толко продкованіе въ чести абы мелъ надъ священными Митрополитами и надъ боговозлюбленными Архіепископы и Епископы, але и надъ тыми блаженейшими Архіепископы, Архидонскимъ (такъ!) и Кипрскимъ и Истскимъ, а яко преложоный надъ учителми всими Восточной Церкви; абы мелъ всякую власть, о Светомъ Дусе Божіемъ свойственную, такъ абы искушалъ и заведовалъ пилне всякую науку, умеетность и твиченье строны веры правдивого набоженства; кгды се трафило синодомъ якимъ быти поместнымъ, а на нихъ радити о науцехъ и справахъ церковныхъ, тогды яко тотъ, который особу всей нашой Церкви на собе носить, абы судилъ и росказовалъ водле обычаевъ святыхъ наукъ Восточной а светой Церкви нашое, абы цело были захованы всякіе святые преданія, до того оповедаетъ и росказуетъ смиренность наша о Светомъ Дусе. Если бы трафилъ который съ презвитеровъ годный караня водле права албо уничижающій права и науку нашой светой Церкви, тогды маеть власть совершенную слушную Патріяршескую тотъ же мудрейшій Никифоръ, абы ихъ зверженію предавалъ таковоro отъ сана, а иньшого место его сажалъ и освещалъ преданныя веры и нашихъ светыхъ наукъ держащихся, въ чомъ жаденъ всякого стану будь свецкого подъ виною изверженія и проклятства вечного отъ Бога вседержителя неразрешеного, спротивятися ему не маетъ. Для чого учиненый напи-

санный есть Синодовый привилій нашого смиренія и отданый есть томуто мудрейшому великому Протосинкгелу, на собе особу светой Восточной Церкви Господину Никифорови въ одной и вечной певности: лета отъ создания міру семой тысечи сто вершого, въ месецу Ноябру, индикта шостый. Дата съ Константънинополя Іеремея, Милостію Божією Архіепископъ Константинополскій, Нового Рима и Вселенскій Патріархъ, Мелентій Папа Патріархъ Александрейскій, Ираклейскій Митрополитъ, Деонисей Наместникъ Антіохейского Патріарха, Ираклей, Великій Логофетъ великія церкви, Наместникъ Ерусалимского Патріархи Кизицкій Митрополитъ, Дамаскинскій, Халкидонскій Іосасафъ навпектей (такъ!) Мароій (такъ!) Митрополитъ, Максимъ Іоаницкій Митрополитъ, Матоей Андринополскій Митрополитъ, Калистратъ Георгіи и Ксанты Митрополитъ, Филимонъ Родцкій Митрополитъ, Калистратъ Иверскій Митрополитъ, Ареепей Никомидейскій Митрополитъ, Митрофанъ Невротъскій Митрополитъ, Өеодосій Антиоъскій (?) Митрополитъ, Некторей Селиврейскій Митрополитъ, Офанасей Амасейскій Митрополитъ, Антъти#онъ Неопатрійскій Митрополитъ, Гавріилъ Филипесейскій Митрополитъ, Некторій Еврипъскій Митрополитъ, Іосафъ Диомитрыйскій Митрополитъ, Филоөей Самъскій Архіепископъ, Неофитъ Китъскій (?) Епископъ, Зосневскій Митрополитъ, Өеодосій Ларійскій Митрополитъ, Дионисей Аоанейскій Митрополитъ Өеофанъ. За которою тогды моцью онъ на томъ соборе Берестійскомъ, а зосланіемъ отъ Патріярховъ на тотъ соборъ оного зъ многого людьми стану духовного, яко зъ Греціи, такъ тежъ изъ тыхъ Панствъ Господаря Короля нашого, Милостивого Пана, тамъ на тотъ часъ прибылыхъ, въ коле енералномъ великомъ, за непослушенствомъ * Митрополимъ и Владыковъ, при немъ будучихъ, Митрополита небощика, Михаила Рагозу, и его, Отца Ипатея, и иншихъ Владыковъ, зъ ихъ урядовъ, декретомъ своимъ зложилъ и зо всего ихъ стану духовного оныхъ деградовалъ. Чого доводечи, у насъ, Суду декретъ, друкованый писмомъ Польскимъ, съ Кракова выданый, покладалъ, который такъ се въ собе маетъ:

Poniewaź nad ine niemałe sprawy Apostata Metropolita Kiowski Roski Michał. i z nim iednomyslny iego władikowie Włodzymierzski Hipatiusz, Łucki Cyrillus, Połocki Herman, Chełmski Dionizyi, Pinski Jona, nie chcieli usłuchać naszego kanonnego pozwu y przyść do Synodu, aby dali sprawę, iako smieli za schizmatyckimi nowymi wymysłami udać się, o których pilnie badanie czynić ziechalismy się, y ich zasłali, na których

wszyscy zgoła (ile ich iest w tey Bogiem strzeżoney Eparchiey, iednako z nami trzymaiąc obyczaie y Dogmata wschodniey świętey Bożey y Katolickiey y Apostolskiey cerkwie) świadczą, że są, iawnymi iey Apostatami, i oddalić umyslili od Patriarszego świętego Thronu Konstantinopolskiego, NowoRzimskiego własną tę Eparchią iego, a poddać ią stolicy Starego Rzymu nad prawo y kanony, odmiatuiąc ich własne wyznanie, a wyznawaiąc prywatne y iawne ich odstąpienie. My tedy dla pomienionych przyczyn, pilnie przymuszeni będąc boskimi y świętymi Kanony, na ten żałosny na nich dekret udać się musimy.

Ogłoszenic dekretu.

Wzgardzona od nich święta boża wschodnia Cerkiew, roskazuie nam y teraznieyszy Synod, aby Metropolit Michał, y pomienieni Władykowie obnażeni byli wszelakiego Archierzeyskiego uzędu y sprawowania y Episkopskiego nazwisku, y wszelakiego naszego duchownego stanu.

I zaraz po ogłoszeniu posłano do nich złożonie (sic!) w te słowa: Wiedźcież o tym, że dla nowych wymysłów y Apostazyei waszey, y dla niepokorstwa przeciw boskim y świątym Kanonom, wedle zdania praw Cerkiewnych, od teraźnieyszego świętego Synodu złożeni iesteście y wszelakiego stopnia cerkiewnego iestescie odsądzeni, dziewiątego dnia Oktobra, w roku tysiąc p'ęć sęt dziewięćdziesiąt szostym, indykcyona dziesiątego. I tak sę do tego Dekretu niżey mianowani podpisali: Nicephorus Wielki Protosyngiel y przednieyszy sprawca wielkiey Cerkwie Patryarszego Thronu Konstantynopolskiego, dekretuąc wespół i z świętym Synodem podpisałem się. Cyrillus Protosyngiel y Namiestnik Patriarszego Tronu Alexandryiskiego decretuiąc wespół z swiętym Synodem podpisałem się. Łukasz Metropolita Beligradski Patryarszego Thronu Konstantynopolskiego, dekretuiąc wespół z swiętym Synodem podpi.: Hedeon Episkop Lwowski, Halidski (sic!) y Kamieniecki, Patryarszego Thronu Konstantynopolskiego dekretuiąc wespół z świętym Synodem podpisałem się. Michał Kopistenski Episkop Przymiski (sic!) i Samborski, Patriarszego Thronu Konstantynopolskiego dekretuiąc wespoł z stwiętym Synodem poddisałem się. Makari Archimendrita Manastyrza Symona Petra z świętey Gory, za roskazaniem wielebnego Paysya, Episcopa Wenackiego Patriarszego Thronu Konstantinopolskiego dla trudności iego, dękretuiąc wespół z świętym Synodem podpi.: Mateusz, Archimendrita Manastyrza S. Panteleymona z świętey Góry, za roskazaniem wielebnego Anfilochia Episcopa Mukackiego, Patriarszego Thronu Konstantynopolskiego, dla tru-

dności dekretuiąc z świętym Synodem podpi.: Niceforus Archimendrita Kiiowski, dekretuiąc wespół z świętym Synodem podpisałem się. Henadiusz Archimendrita Supraski (sic!), dekretuiąc wespół z świętym Synodem podpisałem się. Iłarion Archimendrita Supraski (sic!) dekretuiąc wespół z świętym Synodem podpisałem się. Elizeusz Archimendrita Pinski, dekretuiąc wespół z świętym Synodem podpisałem się. Bazyli Archimendrita Dubienski, dekretuiąc wespół z świetym Synodem podpisałem się. Tymoteusz Archimendrita Dorohobuiski podpisałem się. * Michal Archimendrita Ławriszowski podpisałem się. Symeon Kosowski Archimendrita Peresopnicki podpisałem się. Isaki Archimendrita Stepanski podpisałem się. Serhy Geromona. Ihumien Smolnickii podpisałem się. Nestor Protopopa Zabludowski y primikiry Synodowy podpisałem się. Ihnaty Prezbiter Ostrozski y prymikiry nad Notaryami Synodowymi podpisałem się. Andrzey Wozniesienski Lwowski, Notary Synodowy podp.: Leonty Woskrzesienski y Emellan Juriewski ** Przezbiterowie y posłowie od wszytkiego Kryłosu Wilenskiego podpisaliśmy. Jakob Spaski Protopopa Wołkowyiski podpisałem się. Nikon starzec Manastyrza Wydubickiego podpisa.: Emellan Nikolski Protopopa Słucki podpisałem się. Piotr Woskrzesienski *** Namiestnik Zydaczowski podpisałem się. Ioan Przeczyski Namestnik Rohatynski podpisałem się. Andrzey Troiecki Protopopa Konstantinowski podpisałem się. Cyril Spaski Protopopa Ostropolski podpisałem się. Konstantyn Ostropolski Protopopa Dubinski podpisałem się Filip Protopopa Powiatu Wołkowyskiego podpisałem. Petr Protopopa Premiski podpisałem się. Bazyli Lewkiewicz Protopopa Klewanski podpisałem się. Andrzey, Namiestnik Samborski podpisałem się. Harasim Rożestwienski Namiestnik Skalski podpisałem. Klimenti Troiecki Namiestnik Kamienski podpisalem się. Bazyli Troiecki Bracki Wilenski Przezbiter podpisałem. Paveł przezwiter ot Bractwa Brzeskiego podpisałem się. Ioanas Protopopa Jarosławski podpisałem się. Leonti Protopopa Warwaski z Mili-

* Стр. 9.

** Всѣ трое священники Православные Львовскіе. Воскресенская и Вознесенская церкви уничтожены, но Св.-Юрьевская и теперь существуетъ при Митрополичьемъ Уніатскимъ соборѣ.

*** Церкви: Воскресенская въ Жидачевѣ, Рождество Богородичная въ Рогатинѣ и Рождественская въ Старой Скалѣ.

czyc podpisałem się. Było y innych bardzo wiele Przezbiterów, więcéy dwu set, ale ze nie ukazała tego potrzeba, przeto tu nie są położone, jako też y hipomnimata dziś dla obszyrności nie drukowane.

А по прочитанію того декрету, еще покладалъ пять Выписовъ зъ розныхъ книхъ: першій Выписъ съ книгъ Кгродскихъ Виленскихъ, оповеданя особъ духовныхъ, обывателевъ у Великомъ Князтве Литовскомъ будучихъ, а меновите тутъ въ месте Виленскомъ, яко Архимандритовъ, такъ Игуменовъ, Свещенниковъ и иншого духовенства Виленского, тутъ у Вилни на враде кгродскомъ Виленскомъ, въ року прошломъ тысеча пять сотъ деветьдесять пятомъ, месеца Августа осмого дня, презъ нихъ на Митрополита и Владыковъ учиненого о то, ижъ они безъ ведомости всего Хрестиянства и ихъ самыхъ маючи съ собою намовы ехали до Рыму, абы тамъ послушенство незвыклому пастыру Отцу Папежу, отдали, отступуючи своего звирхного пастыра, Патриархи Костантинопольского, при которомъ оповеданю своемъ и цедулу на писме до книгъ уписать подали, выповедаючи ему * послушенство свое, и его за пастыра мети хотечи, и на ихъ отступление не позволяючи до тое цедулы своей руками своими властными кождый зъ нихъ подъписался. Подъ тымъ способомъ если бы который зъ нихъ мелъ ихъ отступление позволяти, тогды отъстану своего духовного лишенъ мелъ быти вечно. До того покладали передъ нами другій Выписъ съ книгъ Кгродскихъ Виленскихъ зъ датою року деветъдесятъ шостого, месеца Апреля пятого дня, выповеданья предъ Вознымъ и стороною небощику, Михаилу Рагозе Митрополиту, послушеньства отъ Ихъ Милости, яко стану рыцерского шляхты, такъ тежъ и отъ чоловека посполитого, предъ Его Милость, Князя Богдана Окгинъского, Подъкоморого Троцъкого. Третій Выписъ съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ покла (дали подъ) датою року тысеча пять сотъ деветьдесять шостого, месеца Іюня двадъцать пятого дня, оповеданья въ суду головного одъ Ихъ Милости, Пановъ Княжатъ, Шляхты и посполитого чловека, обывателевъ Великого Князства Литовского, предъ Его Милость, Пана Димитра Быховца, Старосту на тотъ часъ Брацкого будучого тогорочнего, на небощика Митрополита и Владыковъ о то, же они, ехавши до Рыму, Отцу Папежови послушеньство свое, кромѣ всихъ ихъ ведомости, мимо каноны, отдали.

* Стр. 10.

Четвертый выписъ съ книгъ Кгродскихъ Виленскихъ подъ датою року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месеца Декабра, двадцать пятого дня, покладали выповеданя послушенства отъ всего места Виленъского в релии Греческой, подъ благословеніемъ Патріаршимъ будучихъ, на ратуши Виленскомъ, Его Милости, Отцу Ипатею теперешнему, передъ Вознымъ и стороною Шляхтою, за то само, ижъ онъ естъ отъ Патріархи ихъ зъ духовенства своего зложоный и его не есть послушонъ, и послушенство свое Отцу Папежови отдалъ. Пятый выписъ съ книгъ тежъ Кгродскихъ Виленскихъ покладали подъ датою року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятого, месеца Декабря чотырнадъцатого дня, такъ тежь выповеданья Отцу Ипатею отъ всего места Виленъского релии Греческое послушенства передъ Вознымъ и стороною на Ратуши, съ тыхъ меръ, же, не будучи вжо ихъ пастыромъ, а кгвалтомъ до послушеньства своего ихъ притегаетъ, што ширей по достатьку на тыхъ протестацыяхъ и реляцыяхъ Возныхъ есть доложоно, яко жъ и болше доводовъ на писме, яко протестацій на сеймехъ отъ Ихъ Милости, Пановъ Сенаторовъ Короны Полское и Великого-Князства Литовского, и отъ иншихъ Пановъ Шляхты по розныхъ поветехъ, такъ тежъ и реляцыи Возныхъ на Митрополита и Владыкъ о отступленье ихъ отъ трону Патріарха Константинополского, за тымъ и выповеданя послушенства онымъ суть учиненые, не мало быть поведилъ. На остатку и то указывалъ съ Концилію, который былъ въ Константинополѣ первый и другій, артыкулъ петнадцатый, где такъ меновите пишетъ: «Если бы который Епископъ, або Митрополитъ, отъ своего Патріарха отступилъ, тогды всего светительского стану отпадати маетъ, а если же которые парафиане отступятъ отъ своего Епископа, не для его выступку якого злого, але за его ересь, албо отступленіе, отъ Сенодовъ и отъ всихъ светыхъ отецъ узаконеного, таковые люди учтивости и благословенства годны суть, яко правдиве вѣрујючіе; а ижъ, дей, мимо тотъ артыкулъ петнадцатый небощикъ Отецъ Митрополитъ смелъ и важилъ се зъ иншыми Владыками то вчинити, а до незвыклого пастыра послушенство свое отдати, и отъ Патріаршего трону отступити, за чимъ, за зложеньемъ оныхъ отъ Патріархи, презъ Никифора Протосинкгела, зъ духовенства ихъ, такъ тежь и сами, водлугъ того артыкулу вышей менованого, отъ оного, * отпадаютъ и вжо собе Митропольи въ релии

* Стран. 11.

Греческой надъ народомъ Россійскимъ, которые есть подъ благословеніемъ Патріаршимъ, привлащати и духовныхъ, въ релии Греческой будучихъ, судити не може, и тотъ артыкулъ тридцать вторый въ розделе третемъ, которымъ се Его Милость въ листе своемъ щытить рачы, такъ тежъ и вси привиля продковъ Его Милости Благочестивымъ Митрополитомъ, подъ благословеніемъ Патріаршого трону Константинополского будучихъ, отъ Господарей Королей, Ихъ Милости, нашихъ милостивыхъ Пановъ даные, не Его Милости належатъ, але Митрополитови и Владыкомъ, подъ благословеніемъ Патріаршимъ будучимъ, тые привиля служатъ, и тотъ артикулъ имъ належитъ, за которыми они надъ духовными и светскими, въ той епархіи будучими, юриздикцію свою слушне ростегати могутъ. Про то ижъ Его Милость, Отецъ Ипатей, до всего народу Россійского трону Константинополского Патріархи ничого не маеть, и они его за пастыра своего собе быти не признавають, ино и справедливости у него съ того дьякона церкви своее Брацькое отъ нихъ збеглого, просити и у него собе доводити не повинны суть, одно где бы тутъ былъ поблизу Ексархъ Патріаршій, Владыка Лвовскій, тогды бы передъ нимъ слушне было бы собе справедливости, яко передъ старшимъ своимъ, доходити могли. А ижъ тотъ дьяконъ збытокъ съ черьницею грехъ, Богу и людямъ брыдкій, у манастыру ихъ Братскомъ пополнивши, присегу свою зламавъши, станъ свой духовный зъкгвалтивши, ихъ Братъство зрадивши, и такій збытокъ и ексцесъ подъ часомъ на тотъ часъ отправованя судовъ головныхъ трибуналныхъ, учинивши до Его Милости, Отца Ипатія, яко онъ менить, зъ монастыра ихъ Братского збегъ и утекъ, которого и самъ Его Милость Отецъ Ипатей, въ листе своемъ у себе быти призналъ, слушне тèды отъ Ихъ Милости, водлугъ права посполитого, якъ Констытуцыи трибуналное, такъ тежъ и водлугъ Констытуцыи Сеймовое, въ року шестьсотьномъ першомъ зъ Сейму выданое, тотъ дьяконъ, будучи подъ благословеніемъ Патріаршимъ заказаный, и прошу, абы сте Ваша Милость съ тыхъ всихъ причинъ и справъ нашихъ, передъ Вашими Милостями покладаныхъ, Братство Виленское Церковное и ихъ духовныхъ, подъ благословеніемъ Патріархи Константинополского будучихъ, въ доходженю кривдъ ихъ вшелякихъ, и въ той теперешней справе съ тымъ збегомъ ихъ владзу во всемъ при моцы зоставивши, а Его Милости, Отца Ипатія за Митрополита ихъ старшого и въ ростяганю Его Милости

юрздыкцыи надъ нами, станы духовными и свецкими, послушенства Церкви Восточное благословенства Патріаршого быти не узнавати, але, яко одъ старшеньства надъ нами, за зложеньемъ оныхъ отъ Патріархи нашого зъ духовенства, ихъ декретомъ своимъ оного и тую обмову Его Милости, и того дьякона на сторону отложить, а тутъ форумъ намъ съ тымъ дьякономъ передъ собою узнати и далей въ той справе поступовать, наказать рачили. Где далей въ той справе поступуючи, покладалъ передъ нами, Судомъ, выписъ съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ, подъ датою року теперешнего тысеча шестьсотъ пятого, месеца Мая двадцать семого дня, оповеданья передъ нами, Судомъ, священниковъ Братскихъ, Отца Іосифа Яцковича и Отца Ивана Семеновича, которые сами отъ себе и именемъ Ихъ Милости Княжатъ, Панятъ, Рыцерства и чоловека посполитого, Братства Церковного Виленьского, оповедали се на того дьякона Антонія Федоровича Грековича, о тотъ его вшетечный збытокъ съ черницою, въ монастыру Братскомъ пополненый, и о втеченье съ того манастыра ихъ, которое оповеданье съ цедулою ихъ заказною есть згодно. Покладалъ тежъ другій выписъ съ книгъ головныхъ трибуналныхъ подъ датою сего року тысеча шестьсотъ пятого, Месеца Іюня второго дня, признанья Возного Воеводства Виленского, Яна Келбора, который Возный то * въ томъ признаню своемъ признаваетъ, же, за взятьемъ оного отъ священниковъ Братскихъ, въ ночи, зъ дня двадцать шостого на день двадцать семый, съ тыми священниками и зъ иншими некоторыми людми Брацкими застали того Антония дьякона въ Катерыны Лычанки, черницы въ манастыру ихъ Брацкомъ, въ кельи мешканя ее, который диаконъ и съ тою черницею сами ся доброволне передъ нимъ, Вознымъ, и стороною, при немъ будучою, до греху, Богу и людемъ брыдкого, признали, и священниковъ и иншихъ людей просечи о милосердье, абы ихъ милосердне сами скарали. Признаваетъ тежъ и то тотъ Возный, ижъ того дня упросилъ ихъ, абы его до мешканя его, въ томъ монастыру будучого, опровадили для того, абы се тамъ убрати могъ. Признаваетъ тежъ и то въ той реляцыи своей, же с того мешканя своего горою зышедши скрозь дахъ презъ муръ, знать, же се спустился и утекъ, которого пришли были они его взяти и до враду подати, и такъ его вжо не нашли. Третій выписъ съ тыхъ же книгъ головныхъ трибуналныхъ

---

* Стр. 12.

признаня двохъ Возныхъ повету Виленского, Станислава и Ярома Толкевичовъ, у насъ, Суду, зъ датою року тысеча шестьсотъ пятого, Іюня второго дня, покладали, с которыми тыми возными и стороною Шляхтою, при нихъ на тотъ часъ будучими, священницы Братскіе, звышъ менованые, и иншіе Братя, Братство церковное Виленское, уписные, ходили въ томъ манастыру своемъ Братскомъ до келии мешканя Катерины Лычанки, того жъ року шестьсотъ пятого, месеца Мая двадцать семого дня, которую въ кельи нашодши, передъ тыми Возными пытали ее, если бы речи якіе Антония у себе мела, которая иншихъ никихъ речей у себе не поведала, толко сукню его, въ которой до нее тое ночи пришолъ, и пантофли быть призиала и передъ ними Возными, тымъ священникомъ Братскимъ, тую сукню оддала. До того пытали въ нее, якъ давно тотъ грехъ, Богу и людемъ брыдкій, въ томъ манастыру съ тымъ дьякономъ чинити почали? Которая то передъ ними признала, же вжо тому колконадцать недель есть, яко тотъ дьяконъ ис паненствомъ ее розлучилъ, и она, для встыду, никому обявити того не смела. Пытали тежъ и того въ нее, хто бы тую яму, въ коморцы ее подъ ложкомъ будучую, выкопалъ, въ которой его тое ночи въ нее знашли? Которую яму признала, ижъ тотъ диаконъ выкопалъ на то, если бы хто до ней пришолъ, тады бы се онъ тамъ завше въ яме ховалъ, которую яму они, Возные, и сторона Шляхта, при нихъ будучая, оглядали и видели, што ширей меновите и по достатку въ тыхъ Выписехъ есть описано и доложено.

А по прочитаню тыхъ всихъ справъ такихъ ясныхъ доводехъ, на писме одъ нихъ у насъ, Суду, покладаныхъ, еще се и до присеги самотреть на томъ, ижъ тотъ диаконъ Антоний грехъ, Богу и людямъ брыдкій, въ манастыру ихъ съ тою черницою Лычанкою пополнивши, одъ нихъ прочъ утекъ, * брали, а за тымъ доловляли ся, же быхмо его наупадъ въ самой речи, яко непослушного, права посполитого водлугъ артыкулу шестьнадцатого, тридцатого и сорокъ второго з розделу четвертого, здавши, за тотъ учинокъ его вшетечный, на горло, водълугъ артыкулу тридцатого, з розделу четырнадцатого, ижъ се у суду ВМ. ку росправе не ставилъ, тоды на выволанье вечное, до его Королевское Милости, нашого Милостивого Пана, одослали, а с тою черницою ихъ, Лычанкою, также зъ манастыра ихъ збеглое, о тотъ учинокъ ее, въ кождого права

---

* Стр. 13.

вольное мовенье заховали. А такъ мы, Судъ, въ той справе Брацтва Церковного зъ дьякономъ ихъ Братскимъ, Антониемъ Федоровичомъ Грековича, за законъ и ексцесъ, въ манастыру ихъ Братскомъ с черницою, на име Катериною Лычанкою, Богу и людемъ брыдкій, учиненый, который диаконъ самъ се у насъ, Суду, не становилъ, толко Его Милость, Отецъ Ипатей, обмову черезъ ниякого Пана Рудского и презъ двухъ Ихъ Милости, Паповъ Канониковъ Виленскихъ, въ томъ року шестьсотъ пятомъ депутатами на суды головные трибуналные будучихъ, Князя Матея Дроблянского и Князя Жакгеля, такъ тежъ и презъ Пана Яна Буйвила, чинилъ, которую обмову свою Его Милость, Отецъ Митрополитъ, на писме до насъ, Суду, подалъ, просечи, абыхмо того диякона, не судечи з Братствомъ о тотъ учинокъ, до него, яко звирхнего Пастыра и Митрополита, на розсудокъ, яко особы духовные, одослали. Лечь, ижъ за показаньемъ одъ Брацтва Виленского ясными доводы на писме и екстрактами з розныхъ книгъ привилѣевъ Его Королевской Милости, нашого Милостивого Пана, уписныхъ Братству Виленскому и Патриярхови Константинополскому, Отцу Іеремею, такъ тежъ и отъ того Отца Патриярхи Іеремея имъ, Братству Виленскому, и всему народови Рускому, въ релии ихъ Греческой, подъ Его благословениемъ будучихъ, даныхъ, а за доведеньемъ одъ нихъ, Брацтва, у насъ, Суду, и того, ижъ за отданьемъ послушенства незвыклого у ихъ релии и пастыра, Его Милости, Отца Папежа, на Соборе Берестейскомъ учиненого, презъ Ексарху Патриярхи Константинополского, Никифора, есть с того ураду небожчикъ Михайло Рагоза, Митрополитъ Кіевскій, которого онъ самъ, Патриарха, на Митрополию постановилъ, такъ тежъ и Его (Милости), Отца Ипатия, яко Владыку будучого на тотъ часъ Берестейского, и иншие некоторые Владыки, декретомъ зложоны зъ духовенства релии ихъ закону Греческого декгредованы суть, за которымъ зложеньемъ з нихъ ураду отъ насъ, Патриархи, ихъ старшого, и протестацыями яко духовныхъ особъ, въ месте Виленскомъ будучихъ, также и свецкихъ, и реляцыями Возныхъ выповедана, Митрополиту будучому, послушенства доводили. Съ тыхъ тогды всихъ причинъ Его, Отца Ипатия, за ихъ старшого * въ ростягненю оному юрздыкцыи у ихъ релии Греческой, подъ благословениемъ Патриархи Константинополского будучихъ, быть не узнавши, а ихъ Брацтво Виленское за акторовъ въ (до)хо-

* Стр. 14.

женю кривдъ вшелякихъ, водлугъ правъ и привильевъ Его Королевское Милости, имъ наданыхъ и потвержоныхъ, также и форумъ з нимъ, диакономъ, водлугъ науки, (въ) праве посполитомъ и въ констытуцыи трибуналной описаное, здесь у насъ, Суду о тотъ ексцесъ быти узнаваемъ. А въ самой речи кгды жъ обвиненый дияконъ не сталъ, оного, яко непослушного права, на упадъ здавши, а ижъ при томъ оповеданю, контроверсіи доложономъ, сторона жалобливая самотреть до присеги взела, за чимъ имъ, жалобливымъ на томъ, ижъ тотъ диаконъ Грековичь съ тою черницою такій збытокъ учинилъ, присегу наказуемъ, которой день третій складаемъ, а по присезе ихъ, его, Грековича, за то, ижъ онъ веру свою поприсежону зламавши, и тотъ злый учинокъ, ку обелженю Церкви Божой, смелъ и важилъся, надъ звычай и пристойность стану своего учинити, из манастыра ихъ утечи, на горло вказуемъ, а за тымъ нестаньемъ его, яко збега и злочинцу, на выволанье вечное до Его Королевское Милости, Пана нашого милостивого, отсылаемъ, а съ тою самою черницою, гдѣ имъ право дорогу укажетъ, волное мовенье захозуемъ. А кгды день присяги припалъ, особъ три, першій на име Иванъ Семеновичь священникъ, а другій Дементей Малахвеевичь, и третій Аверкій Василевичь, водлугъ наказу нашого, присягу передъ нами выконали, которая справа до книгъ головныхъ трибуналныхъ есть записана, которого записаня и сей Видимусъ, подъ печатью земскою повету Виленского Брацтву Лвовскому есть выданъ. Писанъ у Вилни.

(М. П.) * Мих. Хендзенскій писарь.

Езофъ Коледа Кутисувъ.

---

* Печать подъ бумажною кустодіею.

ВЫПИСЪ

ЗЪ КНИГЪ СПРАВЪ СУДОВЪ ГОЛОВНЫХЪ ТРИБУНАЛЬНЫХЪ, ОТПРАВОВАНЫХЪ У ВИЛЬНИ

ЛѢТА БОЖЕГО НАРОЖДЕНІЯ ТЫСЯЩА ПЯТЬСОТЪ ДЕВЯТДЕСЯТОГО,

МѢСЯЦА ІЮНЯ 26 ДНЯ.

Предъ нами, Судиями головными, на трибуналѣ въ Великомъ Князствѣ Литовскомъ, зъ воеводствъ и повѣтовъ на рокъ теперешъный девятдесятий собранными, становивши се очевисто землянинъ городскый землѣ Выленской, Панъ Григорій Тишковичь Бузича, самъ отъ себе и именемъ всеи братіи Братства Церковного закону Греческого, в мѣстѣ Виленскомъ, въ манастыри, при церкви Святыя Троица заложоного, чинячи объявленіе ку писанію до книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ, оповѣдалъ и покладалъ привилий Его Королевской Милости, Жикгимонта Третего, Божією милостію Короля Польского и Великого Князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Ифлянского и Королевства Швецкого наближшого дѣдича и Короля, пришлого Пана нашого милостивого, на свободное и доброволное уживание, справованіе и обхождене того Братства ихъ Церковного, водлугъ постановеніа и порядковъ, в немъ описанныхъ, безъ всякои перешкоды и нарушеня на всѣ пришлыи часы непорушно, имъ на тое Братство ихъ наданы, и просилъ насъ Панъ Григорій Тишковичь Бузича, абы тотъ привилий Его Королевъской Милости до книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ былъ уписанъ; а такъ мы, Суди, того опо-

вѣданныи и привилия Его Королевскои Милости согледавши, и читаного выслухавши, дали есмо до книхъ уписати, который отъ слова до слова такъ ся въ собе маетъ:

Во йимя Божие стався ко вѣчной памяти и змоцненю речи ниже описаннои. Мы, Жикгимонтъ Третій, Божіею милостію Король Польский, Великий Князя Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский и Королевства Шведского наближшии дѣдичь и пришлый Король, чинимъ явно и знакомито симъ листомъ Нашимъ, кому того вѣдати належати будетъ, нынѣшнемъ и на потомъ будучимъ, ижъ Мы, маючи на баченю повинность Нашу Государскую, щасливе пануючи надъ людомъ народовъ Христіанскихъ, а не толко стародавныхъ правъ, свободъ, волностий сторожомъ и обороицою будучи, але завсегды ку надаванию и примноженю ихъ обывателемъ панствъ Нашихъ ласкаве ставячися, и тымъ большею хутю надо все помноженя хвалы Божеи и порядковъ слушныхъ захованя зычачи, за донесеніемъ къ Намъ прозьбъ, на чоломбитие становъ многихъ розныхъ славутныхъ мещанъ мѣста нашего столечного Виленского, людей народу Руского, закону Греческого ласкаве позволили смы на то, ижъ что помѣненыи станы и поспольство звышъ реченное релии Рускои, мещане Виленские, Братия Церковъная, церкве мѣста Виленского, заложения святыя Троицы, покладали предъ Нами, Господаремъ, порядки и артикулы въ справахъ и въ обходѣхъ церковныхъ, къ помноженю хвалы Божей и молбъ, учинковъ Християнскихъ, ялмужны, побоженства и инишихъ справъ, пристойныхъ межи людми закону Греческого, спосибляючи въ тыхъ справахъ, и назвавши Братство Церковное Троецкое, межи собою постановленое, и въ уживанию здавна въ церквахъ Божиихъ и на писмѣ в друку будучие, которое они собѣ межи собою ховати и онымъ ся въ тыхъ речахъ радити, постерегати, науку писма святого помножати, и иныи пристойные справы порядне отправовати умысливши и постановивши, и Намъ то Государу списанно явне оказавши, просили Насъ, абы смы имъ то з ласки зверхностию Нашею къ вѣчному держанию и обходу справованию и уживанию того вѣчному надалъ, и привилиемъ Нашимъ ствердили. Ино Мы въ тотъ порядокъ постановения вглянувши, и бачачи речъ и прозбу ихъ пристойную для всѣхъ звыше именованныхъ речей и обходовъ побожныхъ розмножения, на то зезволивши, и то имъ симъ листомъ привилиемъ Нашимъ, к вѣчному уживаню и справованию надаемъ, и тотъ порядокъ, отъ нихъ предъ Насъ принесены, и повинность

Братства ихъ Церковнаго, звыше менованого, справъ помѣненыхъ, въ сей листъ нашъ вписати сами велѣли.

Наперве, ижъ кто бы колвекъ въ тое Братство ихъ Церковное вписатись и братомъ вписнымъ зостати хотѣлъ, тотъ маетъ дати до скринки Братскои тое, што самъ похочетъ, ведлугъ волѣ и преможенія своего. Ку тому каждый братъ уписный кождый недѣлѣ по службѣ Божей ранней повиненъ до Братства Церковного прийти и ведлугъ волѣ и преможенія своего до скринки Братскои на ялмужну дати. Также кождого року складанія одна въ году, а меновите въ недѣлю четвертую по Рожествѣ Христовѣ, для вспоможенія Братского, ведлугъ волѣ и преможенія ихъ, быти маетъ, и то, хто што при скончевію живота своего самъ зъ доброи волѣ своеи на Братство Церковное надастъ и отпишетъ. А съ тыхъ всѣхъ приходовъ служба Божія ранная чрезъ попа и діякона ихъ Братского у олтаря ихъ Братского въ каждомъ тыдни чотыри кротъ, а меновите: въ недѣлю, въ среду, въ пятницу и въ субботу, отправована бываетъ, а особливе въ каждую пятницу, по службѣ Божей ранней, всѣмъ соборомъ Троецкимъ, то есть, богомолія, молебенъ за Насъ, Государя, и за все Христіянство Пана Бога просити будутъ. А за то попомъ, и діякону, и слугамъ церковнымъ зъ скринки Братскои съ приходовъ помѣненыхъ, ведле порядку Братского, заплата идетъ. И на кождое свято врочистое, где въ которой церкви празникъ будетъ, также на богомоліе по шестій грошій давано будетъ, чернъцомъ, тыжь и черницамъ, въ кождомъ тыжню, ведле преможенія Братского, на справу давати маютъ. А до шпиталей и по турмахъ вязнемъ и убоству по улицахъ два кротъ въ рокъ ялмужну давати будутъ зъ доброи волѣ, а меновите: о Божіемъ нароженію и о Великодню. Если бы тыжь котрый колвекъ братъ уписный, з допущенія Божего, з пригоды на маетности упалъ, тогди таковому съ повинности Христіанскои з скринки Братской, водле приможеня Братского, подъ подможеня чинено будетъ. Также и въ хоробѣ брату уписному убогому, яко на ратунокъ здоровя, такъ и на выживене, часу тяжкости его, водле приможенія Братского, дадутъ и вшелякими потребами оправовати будутъ, водле звичая Христіанского, яко до Братства воля и побожность ихъ будетъ, снома тыжь Братскои дѣтей братіи уписное и убогыхъ сиротъ. * А кгды тыжь вже

* Разбитое здѣсь въ подлинникѣ перечеркнуто.

на котрого брата уписного убогого панъ Богъ смерть допустити рачитъ. а не было бы маетности его чимъ поховати, тогды братія Братства Церковного накладовъ з скринки Братской потребъ чинити будутъ, водле звичая Христіянского, яко добрая воля и побожность ихъ будетъ. В школѣ тыжь Братской дѣтей братіи уписное и убогыхъ сиротъ, языка и писма Руского, Греческого и Польского накладомъ Братскымъ дармо учити повинни, водля застановенія ихъ Братского. Также и до людей у писме учоныхъ, особъ духовныхъ и свѣцкихъ, для науки школьно, и до спѣванія справѣ свой, и ховати маютъ братія Братства Церковного уписніе вси, водлугъ шлюбу и рукоданія своего повинностямъ Братскымъ во всемъ досытъ чинити и схажокъ, водлугъ порядку Братского, пилни быти маютъ. А естьли бы хто якого жъ колвекъ стану зъ братіи ихъ уписнои схажокъ неделныхъ пиленъ быти и повинностямъ Братскимъ досытъ чинити не хотѣвъ, таковый за непослушенство свое, выну, въ постановеню ихъ Братскомъ описанную, поносити маетъ. На што и благословенство зверхнейшаго пастиря ихъ Архіепископа Костантинополя и Вселенского Патріярхи, Отца Іеремія, передъ Нами, Господаремъ, показовали, што Сенатомъ постановеню ихъ особливомъ Братскомъ, зъ друку выданомъ и на листѣ Патріяршинскомъ ширей и достаточней описано и доложоно есть, и ты свободы волности жъ надаемъ, ижъ онымъ водлугъ артикуловъ, въ семъ листѣ Нашомъ нижей и вышей описанныхъ, маютъ схажки свои и школу Братскую мѣти у манастыри святыя Троицы, въ мѣстѣ Виленскомъ, на звыкломъ месцу, где и передъ тымъ за благословенствомъ верхнего Пастыра ихъ, Отца патріярхи Костантинопольского, мевали, и тые порядки свои Братскіи на писме з друку выданые, водлугъ листу Патріярхи Костанътинополского, въ томъ Братстве Церковномъ, радити и справовати, вшелякого порядку ихъ Братского доброволне уживати, и листъ правъ своихъ Братскихъ, где того имъ потреба, оказовати будетъ, печатю, наданою имъ отъ Патріярхи, образомъ святое Троицы, печатати, такъ же церкви фундовати и направовати, людей, въ писме вчоныхъ, духовныхъ и свецкихъ, до науки школнои и до ученя людіи у церкви и до спеваня подъ справою своею ховати, и книги всякие старогъ и новогъ закону, такъ науце школной, яко и церкви потребные, по Грецку, по Словенску, по Руску и по Полску, друковати позволяемъ. Тыжъ и того, хто бы зъ доброи волѣ своеи на тое Братство ихъ Церковно што надалъ, албо тестаментомъ отписалъ, и потомъ надастъ, албо отпишетъ, какъ речи рухомые, такъ и лежачіи, то на всѣ помънім часи

при оном Братстве ихъ Церковномъ вечне зоставати маетъ, что имъ некоторый врадъ Трибуналний, ни Маршалковский, Земский, Кгродский и Местский, такъ при бытности, яко и безъ бытности Нашой въ томъ панстве Нашомъ, Великомъ Князстве Литовскомъ, николи боронити, а ни се въ то вступовати и переказы жадное въ томъ имъ чинити не маютъ и не будутъ мочи. А въ томъ бы ся кому оного межи братiею уписаною зъ розмовъ Братскихъ якая кривда и замовка росътыркомъ якимъ въ речахъ церковныхъ, часу обраня въ Братстве будучи стала, тогды справцы рочные того Братства, зыподшись посполу з братiею того деля, судовнымъ обычаемъ межи ними доглядати и полнити маютъ, а жадному въ таковыхъ речахъ до инъшихъ правъ, якъ духовныхъ, такъ свецкихъ, закону Греческого и Римского, отзыватись не маютъ, допустити, лечь кождый с нихъ маетъ права достояти, и послушенство передъ справцами рочными того Братства ихъ Церковного, звышъ помененого, чинити, бо таковыхъ речий, такъ духовные, яко и свецкiе врады, судити не маютъ. А если бы ся тыжъ кому кривда якая колвекъ отъ Братства Церковного въ речахъ церковныхъ и справахъ ихъ Братскихъ видела, тогды нихто з урядовъ, звышъ помененыхъ, судитъ ихъ о то не имать, одно Мы, Государь, яко оборонца вшелякихъ добръ духовныхъ и Братствъ Церковныхъ, справедливости чинити будемъ. Ку тому имъ особливе волность зъ ласки Нашое тую даемъ, ижъ въ дому ихъ Братскомъ вшелякий гость господыю такъ при бытности, якъ и безъ бытности Нашей стояти не маютъ, а ни з уряду жадного, яко Маршалковского, Замкового и Меского, въ томъ дому ихъ Братскомъ ни кому господа не маетъ быти давана а не записована, и некорыхъ чиншовъ а ни податковъ месцкихъ и повинностий жадныхъ посполитыхъ з дому ихъ Братского и з людий, въ немъ мешкаючихъ, давати и полнити не маютъ. Такъ тыжъ Бурмистры и Радцы места Виленского братiи утисное с того Братства Церковного на послуги до иншихъ Братствъ своихъ, также и до слугъ церковныхъ и шпиталныхъ, брати и никоторыхъ трудности и переказы въ томъ чинити не маютъ и не будутъ мочи, кдыжъ каждое Братство особныхъ слугъ зъ своего Братства обираетъ и для послугъ своихъ ховаетъ, кгды жъ тое Братство ихъ Церковное и своихъ послугъ церковныхъ шпиталныхъ и иныхъ, закону ихъ Греческого належачихъ, досытъ зъ себе маетъ. А такъ Мы, Государь, тотъ порадокъ и Братство ихъ церкви святое Тройцы, зъ ласки Нашое Государьское наданое, яко ся звышъ въ семъ привилiю Нашомъ помянило, на

вечными часы имъ симъ листомъ Нашимъ надали есмо и стверждаемъ, маютъ оны, и волни будутъ и потомки ихъ того Братства своего Церковного, свободне и доброволне уживати, и въ немъ ся водлугъ постановленя порядковъ, звышъ описанныхъ, справовати, обходити и радити безъ всякои перешкоды и нарушенія, на всѣ пришълыи часы непорушно. И на то дали есмо тому Братству Церковному Троецкому закону Греческого сесь Нашъ листъ привилии съ подписомъ руки Нашое Государьское, до которого, на твердость того, и печать Нашу привѣсити велѣли есмо. Писано у Вилнѣ лѣта Божого нароженя тисяча пять сотъ осмьдесятъ девятого, мѣсяца Іюля двайцать первого.

У того привилия печать привесистая и напись руки Его Королевское Милости тыми словы и литерами:

Sigismundus Rex.

И подпись руки Писаря Его Королевъскои Милости тыми словы и литерами:

Юрошъ Воловичь Писарь.

Што про память до книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ есть записано, а по записанію и сей Выписъ, подъ печатью земскою воеводства Виленского, братія Братства Церковного, вродъ менованого, собѣ взяли. Писанъ въ Вилни.

Jan * Wilenski, Starosta Kamieniecki, Marszałek tribunalski, ręką własną.

З повѣту Ошменьского Еснеъ Корсакъ, власною рукою.

Богданъ Огинский, Подстоліи Троцкий, депутатъ землѣ Жомоитскои.

Станиславъ Чеховичъ, Маршалокъ Его Королевской Милости, рукою власною.

---

* Здѣсь пробѣлъ.

РЕЕСТРЪ

УПИСОВАНІЯ БРАТІЙ БРАТСТВА ЦЕРКОВНОГО СВЯТОИ ЖИВОНАЧАЛНОИ ТРОЙЦЪ, ОЛТАРЯ СТРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ, ВЪ МѢСТѢ ВИЛЕНСКОМЪ, РОКУ ОТЪ ВОПЛОЩЕНІЯ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА,

1584.

За благословеніемъ въ Бозѣ велебного отца Киръ Онисифора, Митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, въ честь и славу Господу Богу, въ Троицы единому, и ко составленію любви въ вере; по закону Церкви Христовы и в потребу братіамъ недостаточествующимъ, възраста деля и ученія, сирѣчь церквамъ во преспеяніе и прочимъ добродетелемъ, по ученію и узаконенію святыхъ Апостолъ, Я, смѣреныи Михаилъ, з воли Божеи Архіепископъ, Митрополитъ Киевский, Галицкий и всея Росіи, рукою власною.

Велможный Панъ, Его Милость. Панъ Өеодоръ Скуминъ, Воевода Новгородский, Староста Городенский и Олитскій и прочая, власною рукою.

Велможный Панъ Филонъ Кмита Чернобылскый, Воевода Смоленский и Староста Оршанскій.

Велможный Панъ, Его Милость, Панъ Богданъ Сопега на Боркахъ, Кашталянъ Смоленский, Староста Гомелский.

Велможная Пани, Ей Милость, Пани Богдановая Сопежинаа, Пани Палагея Тимофеевна, Княжна Друцкая и Соколинская, Кашталянова Смоленская.

Велможный Панъ, Его Милость, Панъ Григорей Санигушковичъ, Княжа Коширеское.

Семенъ Воинъ, Кашталянъ Мстиславскыи, (Мстиславскій?) рукою своею.

Его Милость, Князь Андріянъ Соколенский.

Его Милость, Панъ Адамъ Хребтовичъ, Подкоморей.

Его Милость, Панъ Богданъ Подбийпета.

Его Милость, Панъ Агапи Сарихозинъ, Ротмистръ и Дворникъ Короля, Его Милости.

Его Милость, Беняшъ Ждановичъ, Писарь повету Ошменского.

Его Милость, Панъ Иванъ Григорьевичъ Бобоедъ.

Его Милость, Панъ Василей Федоровичъ Гладкий, земенинъ повету Мстиславского.

Его Милость, Пани Ивановая Заржецкая, Скарбная Пани Неонила.
Его Милость, Панъ Григорей Мирский, Подсудокъ Бряславский.
Пани Галена Василиевна Корсаковна Быстрейская.
Его Милость, Панъ Янъ Тишковичъ, зъ сыномъ своимъ, Михайломъ Тишковичомъ.
Его Милость, Князь Феодоръ Полубенский.
Ее Милость, Пани Марина Стецковая Войнянка.
Ее Милость, Княгиня Василиевая Телятинская Овдѣя.
Фаико Бычинъ, Подкоморий Панский, рукою власною.
Ив. *
Его Милость, Панъ Унифанъ Соколъ Война, Староста Ожский и Пер.
Ее Милость, Пани Пелагея Воловичовна, Пани Соколовая Войнинная.
Панъ Иванъ Еремеевичъ, Бурмистръ Виленский.
Панъ Яковъ Костантиновичъ Каптуръ, Райца.
Панъ Остапъ Максимовичъ Боровинъ, Райца.
Панъ Илья Исаковичъ Райца.
Панъ Иванъ Андреевичъ, Писаръ Местский.
Панъ Иванъ Мартиновичъ Монтушовъ, Райца.
Панъ Гаврило Семеновичъ Бражичъ, Лавникъ.
Панъ Гаврило Максимовичъ, Лавникъ.
Пани Филиповая Солокаевая Бурмистровая Пани Ганна.
Пани Семеновая Бражичая Бурмистровая Пани Овдотя.
Пани Ивановая Монтушовая Райцовая Пани Марія.
Панъ Иванъ Филиповичъ, Бурмистръ Менъский.
Пани Куприяновая Войтовая Слуцкая Пани Марья.
Панъ Гарасимъ Андреевичъ Рудый.
Панъ Григорей Тишковичъ Бузича.
Панъ Матѳей Яковлевичъ Щитовъ.
Панъ Яковъ Кондратовичъ.
Панъ Иванъ Григориевичъ Старый.
Панъ Карпъ Лазоревичъ.
Панъ Юрий Каменицкий.
Панъ Иванъ Григориевичъ Белоусъ.

---

* Здѣсь пробѣлъ на четыре строки.

Панъ Кузма Добъ, Райца.
Панъ Филипъ Лукяновичъ Радошковецъ.
Панъ Левонъ Өеодоровичъ Прусъ.
Панъ Гарасимъ Мартиновичъ Монтушовъ.
Панъ Костентинъ Иевлевичъ.
Панъ Иванъ Сидоровичъ Зубелъ.
Панъ Дмитръ Сидоровичъ Пшеный.
Панъ Хома Ивановичъ Ольшеница.
Панъ Ясь Матөеевичъ Волкъ.
Панъ Андрей Филиповичъ Солокай.
Пани Ефросиния Солокаевая.
Панъ Иванъ Кириловичъ Дуда.
Панъ Карпъ Михайловичъ, зять Дудинъ.
Панъ Омелянъ Сенчило.
Панъ Иванъ Василиевичъ Порошняковъ.
Панъ Яковъ Гавриловичъ.
Панъ Иванъ Яцковичъ.
Панъ Юрей Максимовичъ Хлудевичъ.
Панъ Ерошъ Максимовичъ Сысоевичъ.
Панъ Иванъ Максимовичъ Хлудевичъ.
Панъ Илья Каменицкий.
Панъ Иванъ Семеновичъ Кононовичъ.
Панъ Исакъ Семеновичъ Корфновичъ.
Панъ Андрей Тимоөеевичъ Усъ.
Панъ Иванъ Артемовичъ Шишка.
Панъ Лукашъ Соболевичъ.
Панъ Семеонъ Матөеевичъ.
Панъ Павелъ Ивановичъ з Бельска.
Панъ Мартинъ Еромичъ Ковалевичъ.
Панъ Денисъ Костюковичъ.
Панъ Давыдъ Андреевичъ Блажко.
Панъ Олексей Андреевичъ Блажко.
Панъ Андрей Блажко.
Панъ Өома Василиевичъ Мархай.

Панъ Сопронъ Степановичь.
Панъ Стефанъ Ильичь Жудевичь.
Панъ Максимъ Дмитровичь.
Панъ Өедоръ Дмитровичь Бурмистровичь.
Панъ Степанъ Гапоничь.
Панъ Ясь Гавриловичь.
Панъ Тимоөей Семеновичь з Бельска.
Панъ Жданъ Василиевичь.
Панъ Василие Барановичь.
Панъ Павелъ Ивановичь.
Панъ Моѵсей Самойловичь.
Панъ Левонъ Гриневичь.
Панъ Иванъ Григориевичъ Лукомский.
Панъ Ясь Ждановичь.
Панъ Свиридъ Шостаковичь.
Панъ Дмитръ Юрьевичь Подолица.
Панъ Михайло Ивановичь Крашелникъ.
Панъ Семенъ Андреевичь.
Панъ Өеодоръ Артемовичь.
Панъ Григорей Ивановичь Одериха.
Панъ Өеодоръ Ивановичь Сущъ.
Панъ Мартинъ Михайловичь.
Священно-Ерей Инокъ Пахомей, Грекъ.
Панъ Севастей Германовичь.
Панъ Василей Ивановичь Дудчинъ.
Панъ Өедоръ Ивановичь Князь.
Панъ Павелъ Романовичь.
Панъ Левонъ Василиевичь Шашко.
Панъ Андрей Аөанасовичь Шостакъ.
Панъ Никифоръ Оиельяновичь.
Панъ Прокопъ Яцковичь.
Панъ Иванъ Дмитровичь Бурмистровичь.
Панъ Иванъ Гавриловичь.
Панъ Григорей Ждановичь.

Панъ Матѳей Яковлевичъ.

Радивонъ Ивановичь Колядка.

Панъ Матѳей Радивоновичь Лихтарникъ.

Панъ Остаѳъ Борисовичь зять Пана Сенчиловъ.

Лукянъ Ждановичь Маленкий.

Ларионъ Кононовичъ.

Панъ Григорей Малышевичъ.

Панъ Иванъ Григориевичъ.

Панъ Григорей Ивановичь Крыловичъ.

Панъ Максимъ Михновичъ.

Панъ Савастей Ивановичь Голшаница.

Панъ Павелъ Харитоновичъ.

Панъ Григорий Ильичь Мантушевичь.

Пани Ѳвистимия.

Панъ Иванъ Пакостичь.

Степанъ Тапоничъ.

Жданъ Василиевичъ.

Панъ Омельянъ Андреевичъ.

Панъ Василие Ананевичъ.

Пани Ефросинія Солокоевая старая.

Панъ Артемъ Григориевичъ.

Панъ Игнатъ Крашельникъ.

Пани Парасковея Степановна.

Пани Мотруна Кириловна.

Пелагея Семеновна Почернеевая.

Панъ Олексей Феодоровичь Быкъ.

Пани Маріа Андреевна Щитовна.

Панъ Степанъ Дмитровичъ.

Панъ Иванъ Артемовичь Бугочевичъ.

Панъ Данило Братцовичъ.

Панъ Матѳей Савельевичъ.

Пани Матруна Даниловна.

Панъ Михайло Потаповичъ.

Ганна Андреевна.

Панъ Григорій Малышевичъ
Панъ Андрей Наумовичъ.
Пани Марья Гарасимовая.
Панъ Андрей Наумовичъ.
Панъ Максимъ Михновичъ.
Панъ Михайло Потаповичъ.
Пани Марья Зеновна.
Пани Матруна Лукяновна.
Панъ Артемъ Давыдовичъ.
Панъ Екимъ Мартиновичъ.
Пани Варвара Ивановна.
Панъ Григорей Соливодъ
Панъ Иванъ Ивановичь Лапотъ.
Ѳеодора Кондратовна Мартиновая.
Панъ Петръ Ивановичь Шепела.
Панъ Максимъ Дмитровичъ.
Панъ Якимъ Дмитровичь Пряслица.
Панъ Павелъ Васильевичъ.
Пани Ганна Гриневьна.
Пани Татьяна Ивановна.
Панъ Андрей Ярошевичъ.
Панъ Павелъ Ѳедоровичъ.
Пани Агреѳина Ѳедоровна.
Панъ Лавыдъ Борисовичь Хлебникъ.
Панъ Ларионъ Жудевичь Ильичъ.
Панъ Кондратъ Яцковичъ.
Кондратъ Яцковичъ.
Агреня Яцковая Рибница.
Пани Хоня Омеляновна.
Панъ Данило Логвиновичъ.
Пани Ганна Лазоревна Логвиновна.
Панъ Иванъ Кузмичь Дубовичъ.
Андрей Шестаковичъ.
Панъ Олексей Григориевичь Королко.

Панъ Филипъ Савостьяновичъ.
Харитонъ Филиповичъ Бобровникъ.
Агапія Нестеровна Блажковая.
Пани Настасья Климентевна.
Панъ Гаврило Максимовичь.
Наталья Убогая.
Панъ Филипъ Пилецкій, кравецъ.
Дементеянъ Мойсеевичъ.
Панъ Иванъ Гапоновичь, шапошникъ.
Оникей Прошковичъ.
Василей Игнатовичъ.
Кулина Богдановна.
Панъ Данило Остаповичъ.
Панъ Максимъ Семеновичъ Хохлуша, кравецъ.
Панъ Андрей Василиевичь Пострыгачь.
Марко Лукяновичъ.
Ульяна Иевлевна.
Григорей Евсеевичъ.
Пани Ганна Игнатовна Юревая Каменицкая.
Касьянъ Ивановичъ, пуховникъ.
Хома Романовичъ, кушнеръ.
Панна Евдокея Петрунховна.
Дарья Яковлевна Терентеевная.
Марья Терентеевна Стапановая.
Панъ Ѳилипъ Михайловичъ Колодка.
Семенъ Аѳанасовичъ Короткій.
Домна Семеновна Ивановая.
Агапя Василиевна Ивановая.
Петръ Василиевичъ.
Михайло Николаевичъ.
Панъ Василей Кириловичъ Кунинь.
Пани Параскевея Аѳанасовая.
Пани Евдокея Ивановна.
Панъ Стефанъ Григориевичъ Бусашь.

Панъ Григорей Гавриловичъ Собачичъ.
Панъ Семенъ Савичъ.
Панъ Игнатъ Купріяновичъ.
Пани Агаѳія Азаровна.
Панъ Кондратъ Уколовичъ Копышенинъ.
Панъ Алексей Левошковичъ Копышенинъ.
Панъ Иванъ Михайловичъ Копышенинъ.
Панъ Иванъ Михайловичъ Пинчукъ Грицковичъ.
Панъ Данило Олексеевичъ зо Жупряпинъ.
Панъ Иванъ Олексеевичъ Плевака.
Пани Степанида Подрезовая.
Панъ Ѳилонъ Кондратовичъ.
Панъ Левонъ Моисеевичъ.
Парасковея Пауковая.
Пани Хима Пауковна.
Панъ Романъ Григориевичъ, кравецъ.
Панъ Амбросъ Ильичъ, мещанинъ Оршанский.
Панъ Радивонъ Ивановичъ.
Панъ Иванъ Костентиновичъ Величковъ.
Панъ Артемъ Савичъ, крашельникъ.
Пани Варвара Зенковна.
Пани Хима Аѳонасовна.
Пани Ѳеѳтимя Ѳедоровна.
Пани Ганна Сасиновна.
Пани Овдотя Ѳилиповая.
Панъ Иванъ Папловичъ Копышенинъ.
Пани Татьяна, сестра Левона золотаря.
Пани Степанида Ивановна.
Пани Марина, Дудина сестра.
Панъ Стефанъ Молявчичъ.
Панъ Максимъ Демяновичъ.
Пани Варвара Амъбросовна.
Панъ Ѳеодоръ Матѳеевичъ Крупеня.
Панъ Олексей Андреевичъ.

Пани овдотя Олексеевая.
Панъ Савостей Павловичъ, шапочникъ.
Панъ Павелъ Өедоровичъ Копышеникъ.
Панъ Григорей Онисимовичъ Саөьянъ.
Панъ Охремъ Афанасовичь Копышенинъ.
Пани Овдотья Санковна.
Панъ Гаврило Зенковичъ.
Пани Агаөья Стасевая.
Панна Орина Беняшовна Камаровна.
Панъ Давыдъ Ивановичъ Шалистъ.
Пани Овдотя Давыдовна.
Панъ Яцко Игнатовичъ, Пинчукъ.
Пани Марья Ивановая Ходаковая.
Панъ Иванъ Кузмичъ Бусоловичъ.
Пани Орина Ивановая.
Пани Дарья Юревна Матөеевая.
Пани Степанида Ивановна Семеновая.
Панъ Ондрей Тимоөеевичъ, швецъ.
Панъ Иванъ Мартиновичъ Сикора.
Пани Настасія Ивановная.
Пани Марья Радивоновая.
Панъ Денисъ Павловичъ, кушнеръ.
Панъ Иванъ Кликуновичъ.
Панъ Василей Михайловичъ.
Пани Ганна Куриловна.
Панъ Василей Ждановичъ.
Пани Овдотья Санковна.
Пани Степанида Семеновна.
Пани Олена Зеноновна.
Пани Огреня Тимофеевна.
Панъ Иванъ Карповичъ Соленикъ.
Пани Татяна Хохлушиная.
Панъ Иванъ Олексеевичъ, кушнеръ.
Панъ Сидоръ Даниловичъ, кушнеръ.

Пани Матрена Ивановая.
Пани Софья Андреевая.
Панъ Антонъ Денисовичъ, амъбарникъ.
Панъ Жданъ Стефановичъ, амъбарникъ.
Панъ Григорей Ермоличъ Малявчинъ.
Пани Настасіа Даниловая.
Панъ Федоръ, зять Блажковъ.
Панъ Петръ Стефановичъ Соболевичъ.
Панъ Григорей Кликуновичъ, золотаръ.
Пани Настасья, вдова.
Панна Ѳекла.
Панъ Ондрей Олексеевичъ.
Панъ Стеѳанъ Гапоничъ, амъбарникъ.
Панъ Яковъ Мартиновичъ Соленикъ.
Пани Христина Стефановая изъ сыномъ своимъ Мойсеемъ.
Панъ Ѳедоръ Григориевичъ, кушнеръ.
Панъ Ониско Еремеевичъ Могилевецъ.
Панъ Ларионъ Бычацкый.
Панъ Аврамъ Михайловичъ.
Панъ Остапъ Григориевичъ, мыльникъ.
Панъ Левонъ Васильевичъ, кушнеръ.
Пани Марья Селезневая изъ дочкою своею Ганною.
Пани Марья Омеляновая Сенъчиловая.
Панна Соломида, дочка ее.
Пани Варвара Микитиная.
Левонъ Ондреевичъ, швецъ.
Демянъ рыбникъ з жоною своею Оленою
Пани Ганна Андреевна Медведковая.
Панъ Сергей Петровичъ Берестенинъ.
Панъ Трохимъ Ѳедоровичъ з жоною своею Просею Ѳедоровною
Пани Катерина Николаевна Ѳемировна.
Панъ Ермола Тимоѳеевичъ Беленикъ.
Пани Кулина Матѳеевна, вдова.
Панъ Стефанъ Ализаровичъ, кравецъ.

Панъ Петръ Авласовичъ, кравецъ.
Панъ Иванъ Стефановичъ Лабенский з жоною своею Аленою и з сыномъ своимъ Григоріемъ.
Пани Евгиня, попадя бывшая старая.
Пани Парася, Подвойского жона.
Алексей Лукашевичъ, рыбникъ.
Панъ Кондратъ Логвиновичъ.
Пани Матруна Петровая Седлярова.
Пани Яцковая, рыбница.
Пани Варвара Өедоровая, весполъ з сынами своими Климомъ а Стефаномъ и з дочкою Акилиною.
Панъ Аөанасъ Филиповичъ, швецъ.
Панъ Андрей Александровичъ Солевикъ.
Савастей Василиевичъ.
Панъ Дмитръ Ивановичъ, овсяникъ.
Левонъ кушнеръ.
Пани Катерина Каптуровая.
Пани Өедора Ильиная Жудевая.
Пани Өома Сергеевичъ Беленинъ.
Пани Марья, жона Романа кравца.
Пани Варвара Мойсеевна Остапа меского слуги сестричъ.
Панъ Иванъ Ивановичъ Голшаница.
Пани Маланья Сидоровна из дочкою своею Ганною.
Кузма Альхимовичъ з женою своею Просимею.
Иванъ Борисовичъ, кравецъ.
Панъ Иванъ Шалъга, кушнеръ.
Панъ Он. симъ Семеновичъ.
Панъ Өилипъ Матөеевичъ.
Панъ Аөанасъ Шостакъ.
Панъ Яцко Осподинко из сыномъ своимъ Иваномъ.
Пани Левоновая Золотаревая изъ сыномъ своимъ Иваномъ.
Панъ Михайло Ангелъ Грекъ.
Гаврило Дашковичъ.
Миколай Өедоровичъ, рукою власною.

Панъ Стефанъ Бельский, Пана Богдана Момнича крамникъ, далъ уписного.

Панъ Марко Ивановичъ, кушнеръ.

Панъ Марко Воисовичъ, кушнеръ.

Панъ Михайло Игнатовичъ, певецъ Братский.

Панъ Зеновъ Стефановичъ, слуга Его Милости, Пана Воеводы Виленского.

Его Милость, Панъ Иванъ Тризна, Маршалокъ Короля, Его Милости.

Его Милость, Князь Левъ Масалский.

Его Милость, Князь Богданъ Матфеевичь Окгинский, Подкоморий Троцкий, Державца Дорсунишский.

Его Милость, Панъ Иванъ Овсяный, Секретаръ Короля, Его Милости.

Его Милость, Панъ Делницкий, Секретаръ Короля, Его Милости.

Его Милость, Панъ Федоръ Толоконский.

Его Милость, Панъ Миколай Быховецъ.

Его Милость, Александра Даниловичъ Покоршинский.

Его Милость, Богданъ Федоровичъ Отинский.

Его Милость, Панъ Аврамъ Мелешко, Маршалокъ Короля, Его Милости.

Его Милость, Панъ Мартинъ Тишкевичъ, Воеводичъ Берестийский.

Его Милость, Григорей Щытъ Забелский, рукою власною.

Сымонъ Левъ рукую (такъ!) своею, Столникъ Троцкий.

РАСПОРЯЖЕНІЯ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТРІАРХА, ІЕРЕМІИ, И КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА, МИХАИЛА, О ОСВЯЩЕНИИ ВЪ ДЕНЬ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ВЪ ЦЕРКВИ ХЛѢБОВЪ И МЯСЪ, И ПРАЗДНОВАНІИ ПОЛОГА БОГОРОДИЦЫ НА ЗАВТРІЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА, ТАКЖЕ ПЯТНИЦЫ ВМѢСТО ВОСКРЕСЕНІЯ.

I.

ΙΕΡΕΜΙΑΣ

Ἐλέῳ Θεοῦ Ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμένικος Πατριάρχης.

ІЕРЕМІА БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ АРХІЕПИСКОПЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, НОВАГО РИМА И ВСЕЛЕНСКІЙ ПАТРІАРХЪ.

Преосвященному Архіепископу Митрополиту Киевскому и Галицкому и всеи Россіи, и Боголюбезнымъ Епископомъ, преславнѣйшимъ Княземъ, вельможнымъ Старостамъ и прочимъ зацнымъ Паномъ, обрѣтаемымъ въ мѣстѣхъ, мѣстечкахъ, и въ селѣхъ, Архимандритомъ и благочестивымъ Протопопомъ, благоговѣйнымъ Священникомъ, и всѣмъ глагола нашего Христоименитымъ людемъ, сыномъ по духу возлюбленнымъ нашего смиренія, благодать буди вамъ, миръ и милость отъ Бога. Смиреніе наше оувѣрися отъ многихъ, яко со прочими безмѣстіи ихъ, яжъ обрѣтохомъ въ сей Епархіи. Еще же суть сія три:

Первое оубо паска. Второе же, назавтріе Рождества Христова празнуютъ пологъ Богородица, и приносятъ въ день онъ семидаліонъ муку печену, что есть велико нечестіе, понеже Пресвятая Дѣва роди, и паки дѣвою пребысть неизреченно, и се есть догматъ безбожныхъ

еретиковъ, иже се сътвориша къ оуничиженію Пречистыя Богородица, и возбранися отъ шестаго вселенъскаго собора, правило 79, яко безмѣстно и безаконно. Третее, яко нѣціи отъ Христіанъ празнуютъ въ пятокъ, во святую же недѣлю работаютъ, еже и о семъ закону глаголющу: Проклять всякъ, дѣлаяй отъ часа суботы девятаго даже до годины понедѣлку начинающуся, понеже седмъ дній Богъ сътвори, и шесть даде въ служеніе человѣкомъ, и единъ отлучи себѣ на славословіе. Сего ради подобаетъ намъ празновати в недѣлю, и въ владычняя праздники невымовне. О глаголемѣй же пасцѣ, како и елико приносятъ въ церковъ раздѣляти нищимъ, яко хлѣбы, просты, а не яко святы, яко же мнятъ человѣци. Сего ради смиреніе наше завѣщаетъ и въ Святомъ Дусѣ повелѣваетъ, яко да отъ нынѣ и въ прочая имѣти се простый хлѣбъ, и не мѣти, яко святаго, или бы приносити муку, з сыромъ варену, въ церковъ назавтріе Рождества Христова, мняще въ честь Богородици, еже есть велика ересь, или безчествовати святую недѣлю и почитати пятницу, да будетъ отлученъ отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, и проклятъ, и непрощенъ, и по смерти не разрѣшенъ, дондеже престанутъ творити сія и получатъ прощеніе. Подъ тымъ же тяжкимъ отлученіемъ да будутъ и священъници, аще кій дерзнетъ сътворити се. Тако а не инако да будетъ, и дабы благодать Божія и безчисленная его милость, и молитва, и благословеніе нашего смиренія съ всѣми Православными была. Мѣсяца Ноемврія, Индикта 3.

Ἱερεμίας ἐλέῳ Θεοῦ Ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς Πατριάρχης.

II.

Волею божією михаилъ архієпископъ митрополитъ кієвскій и галицкій и всея россіи.

Будучи намъ на соборѣ нашемъ нынѣшнемъ Берестійскомъ, довѣдавшися презъ многіи свѣдоцътва духовныхъ и свѣцкихъ людій Православныхъ Христіянъ вѣры нашея, иже въ епископіяхъ митрополіи нашей найдуются по мѣстѣхъ и селахъ многіи обычаи и беза-

ковія, противныи вѣрѣ Каѳолическій, сирѣчъ, соборныя великія церкве нашея, што и Его Милость, святѣйшій Куръ Іеремеа, Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и вселенскій Патріархъ, зверхнѣйшій пастырь нашъ, бытностію своею зде в земьли Государя Короля, Его Милости, многые безчинія въ Рускомъ народѣ нашемъ оувѣдѣвъ, а межи многыми иными соблазнами обрѣтеся нѣкая соблазна, вымышленная паска, злыхъ еретическихъ наукъ, яко въ день Воскресенія Христова носятъ до церкви хлѣбы и мяса посвящати и взявши в домы своя з набоженьствомъ великимъ оуживаютъ, якобы нѣкую святость законьную, ругаючися Господу нашему Іисусу Христу, истинной пасцѣ нашей, который за всѣхъ вѣрныхъ себе далъ поживати тѣло и кровь свою, а не такъ, якъ сіи, оуподобившеся невѣрнымъ Жидомъ, паску себѣ отъ хлѣба и мяса съставляютъ. И ты жъ, на завтріе Рождества Христова носятъ пироги, мнятъ в честь Богородици полоrъ навѣжаючи, еже есть великое нечестіе и наоука нечестивыхъ еретикъ, Дѣвая же Богородица паче слова и разума нетленно и несказанно роди. Такожде же и пятницу нѣціи празднуютъ безъ работы, но подобаетъ Христіяномъ пятокъ постити и дѣлати весь день, а недѣлю празнуючи святити, и вси празники Господъскія и угодниковъ Божіихъ, и все по оуставу церковному, по Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ преданію творити. Сего ради яко же вселенскій Патріархъ о сихъ ересехъ писаніемъ своимъ запрѣтилъ везде не быти сему в Рускомъ народѣ нашемъ Хрістиянъскомъ. Того ради и мы нынѣ съ всѣмъ соборомъ нашимъ, ведле декрету вселенъскаго Патріарха, таковую ересь отъ церквей нашихъ изганяемъ и клятвѣ предаемъ. А кто бы смѣлъ сему противитися, или священникъ, или мирьскій, таковый да будетъ отлученъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятъ и по смерти неразрѣшенъ, яко преступникъ закона!

И мы на Соборѣ нашемъ нынѣшнемъ будучія: Мелентій Епископъ Володимерскій и Берестійскій и Ексархъ, Архимандрытъ Киевскій Печерскій, Кирилъ Епископъ Луцкій и Острозскій, Протоѳроніе и Ексархъ, Леонтіе Епископъ Пинскій и Туровскій, Діонісіе Епископъ Холмскій и Белъскій, Гедіонъ Болобанъ Епископъ Митрополіи Галицкой Львовской и Каменца Подолскаго, и съ всѣми духовными, Іереи

священными. И Его Милость Панъ Адамъ Патей Каштелянъ Берестейскій, и многыи зацныи свѣцкыи Станы. На што мы сей листъ нашъ на соборѣ единомысльно будучи списавши и печати попритискавши, руками смы ся власными подписали и по Епископіяхъ своихъ розослали и переписовати всѣмъ казали. Писанъ в Берестю, на соборѣ нашемъ духовномъ року 1590-го, Мѣсяца Іюня 20 дня. А нынѣ року 91 года Генуарія 17 дня, Мы, смиренный Михаилъ Архиепископъ Митрополитъ Кіевъскій и Галицкій и всея Росъсіи, во Львовѣ намъ, на сей часъ будучимъ, сей листъ нашъ друковати смы росказали, и всѣмъ до вѣдомости послали, абы ни єдінъ иначей не дерзнулъ оучинити подъ клятвою вышъше реченною непрощенъно.

Михаилъ Архіепископъ Митрополитъ Кіевъскій и Галицкій и всеи Россіи, рука власная.

Кѵрилъ Терлецкій, Божію милостію Ексархъ, Епископъ Луцкій и Островкій, власною рукою.

Деонисіе Збируский Епископъ Холмскій и Белзскій, власною рукою.

М. П.

Мелентіе Хребтовичь Епископъ Володымерскій, Архимандритъ Кіевъскій, рукою власною.

Леонтій Полчицкій, Божію милостію Епископъ Туровскій, Пиньскій, Архимандритъ Лѣщинскій, рукою власною.

Гедеонъ Болобанъ Епископъ Львовскій и Каменца Подолскаго, власною рукою.

ВО ЛЬВОВѢ,

В друкарни Братъской року 91-го, Генуарія 23.

ПЕРЕПИСКА

МЕЖДУ ГРЕКО-УНІЯТСКИМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ,

АѲАНАСІЕМЪ ШЕПТИЦКИМЪ

И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИМЪ АРХІЕПИСКОПОМЪ ЛЬВОВСКИМЪ,

ВЯЧЕСЛАВОМЪ ІЕРОНИМОМЪ СѢРАКОВСКИМЪ.

Die 11 Maji 1739.

Dwa lysty W. M. Pana w iedney kopercie do mnie z Kulikowa de lę 11 praesentis adressowane, y przez J. X-a Godurowskiego, kanonika Lwowskiego, ordynowane, gdy mię na tym mieyscu doszły, pryjołem one cum particulari observantia, oraz contenta tychze non sine admiratione czytałem; kiedy naprzód to mi proponitur od W. M. Pana, że iakoby deklarovałem, aby Clerici Ritus nostri z kołnierzykami nie chodzili, y że instabam, abyś W. M. Pan nadwornym moim klerykom powolił portare Collaria, co ja sam mogłem y mogę Juris dictionis meae kapłanom injungere. Więc jako cale nie pamiętam, gdzie y którego czasu ta była o tym konferencya (bo Panu Bystrowskiemu, słudze memu, w Dunajowie to było commemoratum), tak nie mogę cale rozumieć y wiedzieć ex quo fonte et motivo ta pretensia pullulavit, kiedy przez lat circiter 20 z Antecessorem W. M. Pana w tey Dyecezyi, exercendo Jurisdictionem supra Clerum Ritus mei, nigdy żadnéy o to nie było kontrowersyi, ani jakieykolwiek kollizyi, ale stricta zawsze observabatur konfidencya et non ficta charitas et amicitia bonam demonstrabat harmoniam, jakoż a principio y samego W. M. Pana dosyć widziałem bene affectum et zelantem pro integritate Unionis; teraz zaś nie mogę tego capere, z kąd ta evenit indignatio, kiedy już triplex praejudicium subsecutum. 1-um De pulsu campanarum i Hebdomade magna. 2-um De observantia festorum Ritus Latini per artifices Ritus nostri. 3-um Aby Clerici Nostri z kołnierzykami nie chodzili, et in eum finem attentata jest violentia w Kulikowie, kiedy kapłana tamecznego na to ordynowani

ludzie na ulicy publice cum scandalo infidelium, a zaś cum prostitutionis characteris, et cum convulsione Jurisdictionis meae, do któréy ta należy persona spiritualis, szarpali, suknie y kołnierzyk zdzierali, et contemptum, jak się im podobało, czynili. Owo zgoła ex dispositione, ut informor, W. M. Pana jus sobie nad tym kapłanem dixerunt. Co gdy non sine sensu doloris dostało mi sie słyszeć, zaczym to condolium meum skladam in delicatissimo pectore W. M. Pana, oraz na to respondeo, że kołnierzyk nie iest to signum castitatis, ale Clericatus, który pro utroque Ritu ab Ecclesia est constitutus, dowodzą, że Doktorowie Katolici, a nawet y Żydzi, zażywaią kołnierzyków, tudzież y Raycy w tuteyszem mieście, y w innych miastach mają hunc usum, a żadney o to nie masz, ani było kontradykcyi. Na ostatek trafiało się, y trafią że nie ieden był comprehensus et reprehensus bywa etiam per judicatum ex Clero Ritus Latini in excessu fragilitatis humanae, a przecie per hoc delictum żaden taki non amisit jus portandi Collare. Jedyna to widzę pro Clero Nostro per verbum placet dzieje się persekucya, który jak iest alterius Jurisdictionis, tak nie wiem, jak mogła extendi nad Kapłanem Kulikowskim takowa animadversya. W. M. Pana etc. etc.

A. Szeptycki.

Na ten list Respons X. I. M. Arcybiskupa.

Illustrissime et Reverendissime Domine Domine Frater ac Patrone observandissime!

List W. M. Pana responsionalny, de 1ę N. labentis pisany, odbierając swieżo, cum pari observantia, mam rationem sprawiedliwego nad nim podziwienia, częścią, że in vilipendium stateczney we mnie przeciwko W. M. Panu przyjaźni ręką własną w przeszłym adressie moim objaśnioney, alienam w nim widzę manum, z kąd gotowey W. M. Pana domyslam się awersyi; częścią, iż contenta jego magis credentia słowom y fałszem zarażoney uznającego błąd swoy kapłana exkuzie, porozumiewam, niżeli mojey do żadney w tym prywaty nie przywiązaney remonstracyi, która jako szczegulnie pro vindicanda honorowi Boskiemu illata publice injuria militat, tak od wszelikiego interessu aliena, świeckich nawet osób kilkunastu per tam impio sensu zadumionych testimoniis

probanda, justam in conscientiosa aequanimitate W. M. Pana animadversionem, lepszy kredyt et zelum pastoralem znaleźć powinna, zważając to dobrze, że w tym nec metus, nec lucri dla mnie wydaje się pretext y nadzieja. Spodziewać bym się bardziey powinien, że W. M. Pan eodem insignitus charactere dystyngwować lepiey Authoritatem Episcopalem w gruntownieyszym kredycie miałbyś pro justitia, zapatrując się na własną powagę, któréy eadem mutuo adhibenda, incumbit fides od osób pospolitych, longe firmior et praestantior, bo na wyższym stopniu, angelo consilii ac officii wspartym zasadzona, aż z tey okoliczności non sine sensu doloris miarkuję godnieyszy na niższey relacyi fundament u W. M. Pana w konto lepszej u siebie perswazyi in subjectionem dignitatis Episcopalis położony, lubo się temu poniękąd y nie dziwuję, że tak lapidor dyskredytem od W. M. Pana, bo nie widzę stateczney dla mnie Jego przyjaźni. Wierzysz W. M. Pan temu, czyli zmysloną rościsz pretensyę, iak bym uxorato Ritus Jego presbytero w zdieraniu kołnierza, w szarpaniu y strzeżeniu go miał rozkazać czynić wiolencyę et quaerere jus praetextum do niego in derogationem jurysdykcyi W. M. Pana, ewinkowałem to sat clare przeszłym listem, quali methodo factum. Ale ponieważ ta moja explikacya nie znalazła u W. M. Pana wiary, repetere iey więcey niechcę, abym przez częste nieprzyzwoite stallo meo justyfikacye, większego w W. M. Pana nie pomnażał Biskupiey rzetelności y powadze dyskredytu, jakiegom się teraz doczytał. Gdybym zaś miał mittere falcem in messem W. M. Pana per aliquod juribus et potestati Ejus praejudicium, znacznym było by to dowodem w tey kathegoryi, w której etiam przy żarliwości o honor Boski nie uzurpowałem sobie żadnego prawa, ale referowałem się do W. M. Pana; a zatym patet ztąd sufficienter niesłuszna objekcya. I lubo przeciwnych Ritui meo experior emergentii za Antecessora mego nie praktykowanych, przecież w tych mam się impractice conniventer, y zawsze przez zachowanie dobrey konfidencyi udavam się amicabiliter do W. M. Pana, pragnąc w iednostaynéy z nim bydź przyiaźni, której jakom na pierwszym wstępie był integre przywiązany, tak per conservationem jey, nie tylkom nie uczynił, ale y czynić nie pomyslił jakowych praejudykat. Mam stateczny dla W. M. Pana affekt, chociaż już powtórną laeditur

we mnie niedyskrecyją, charitatem tego fictam, jak W. M. Pan wyrażasz, wcale nieznam, bom do niey nie przywykł, mając a teneris przyuczone do iednostayney z każdym harmonii serce, kollizyi żadnych nie wznawiam, któreby firmam irritare miały amicitiam: o to tylko certuję, czego antiquitus in praxi nie bywało za antecessora mego, który iak nie miał stante vita sui trafiających się podobnych inkonweniencii ex parte Ritus W. M. Pana, in praejudicium swego, tak też et rationem upumienia się o to. Mam zaś z pewnych relacii, że portare Collaria kapłanom W. M. Pana similiter nie pozwalał, y owszem te publicznie zdeymować im kazał, co etiam vacante post obitum Ejus sede observabatur tak, że ta praejudiciosa ustała uzurpacya; nie wiem, zkąd teraz odnowiona, y za jakąś pretensyę rozumiana. Bądź zaś W. M. Pan plus quam certus, ze kołnierzyk iest verum signum retinendae perpetuae castitatis, non clericatus, którego że compraehensus in excessu fragilitatis humanae kto ex clero Ritus nostri nie utraca per hoc delictum, gotowa na to słuszney za występek kary, lub dobrowolney poprawy życia, przez co ad servandam stimulatur continentiam racya. Przekładasz mi W. M. Pan Doktorów y Żydów; co do pierwszych, jużem pierwszym listem wyexplikował W. M. Panu, że ci mają na to sua specialia privilegia, są personae distinctae, nie tylko w tym, że non sunt tonsuratae, ale y w samych że przezornieyszych y poważnieyszych obyczajach, bo się z żonami po ulicach, karczmach, jarmarkach, targach y innych w pospolitości mieyscach rospustnie nie włoczą, robot prostych contra honestatem status, tak jak Duchowni, rolniczych in opere ne mają. Żydzi zaś nie widziałem, aby in forma ecclesiastica kołnierze nosili, tylko sobie przyzwoite, o jakie cale nie miałbym mówić, bo tu longe dispar formyratio żadney comparacyi nie majacą. Stawiasz mi W. M. Pan pro exemplo Ritum Armenum, w którym uxorati presbyteri przedtym kołnierze nosili. Nie przeczę: dla tegoć S. Sedes incompatibitatem cum hoc signo przeyrzawszy, decrevit, ut abstineant a matrimonio, y tak teraz żyją bezżenni. Byli niegdyś et in ritu nostro uxorati presbyteri, ale gdy im ta licentia sublata, rozkazano in signum castitatis portare collaria, czemu że W. M. Pan nie przyznajesz, et in contemptum Cleri Ritus mei uxoratis hanc facultatem presbyteris dajesz, et blasphemiam nierozeznanego

Kulikowskiego duchownego fałszem, mi zadanym, pokrywasz, będę miał campum etiam w Senacie użalić się toti Reipublicae na takowe actus, Ritum dominantem aggravantes, ponieważ Jey własny uniwersalny, nie móy partykularny, iest w tym interes. WM. Pan że sam nie nosisz, allegas, że zakonnik iesteś? A za cóż Benedictus XIII, Kardynali, Pipica, Gotti, Seleri, Arcybiskupi, Nicolai, Conti, Stampa Biskupi y inni tysiączni w cudzych krajach, tu zaś w Polszcze Ichmć Wessel, Kamieniecki, Moszynski, Inflantski nie dawno zeszli, teraźnieyszy I. X. Czapski Przemiski, Biskupi y inni ex Religione, ad hoc gradus assumpti, kołnierze nosili y noszą? Kiedy tedy W. M. Pan portare recusas, co by mu magis ze wsząd competeret, na cóż uxoratis permittis? Wierz mi W. M. Pan, że gdybyś to żon nie mającym pozwolił, nie była by rzecz przykra dla mnie y dla Duchowieństwa mego znośnieysza, które y tak de pulsu campanarum conquaerulatur, że na kontempt Ritui Nostro, czego przedtym nie było praktyki, nastąpiło, y gdym to wymawiał Duchownym W. M. Pana, exprobrando affront popełniony Ritui Dominanti, reposuerunt, że ta Cerkiew non subest jurisdictioni W. M. Pana; aż teraz doczytuję się z listu Jego, że sam contribuisti W. M. Pan in despectum Ritus Nostri do tego, za co W. M. Panu będzie miała cała Polska suas obligationes. Są y Naszego obrządku w cudzych Państwach kościoły, a po staremu subsunt Regimini Dominanti w zwyczajach swoich; tak i tu, lubo una fides w tey S. Unii z nami, ale dispar Ritus, gdzie że praeest Król Imć z Senatem ac cum potiori parte equestris Ordinis Ritus Latini, toć dominio Ejus Ritus WM. Pana przynaymniey te dwa dni majoris Hebdomadae subesse tenentur. A do tego starasz się W. M. Pan, aby uniformitas była, a za cóż w rzeczy tak małey disparitatem popełniasz? Czemu in Ritu Armeno, gdzie vera apparet uniformitas z nami, tey praejudikacyi Ritui Nostro nie czynią? Ale się gloriosissime conformują? Niech ich modeluszem zachowują się Duchowni Ritus W. M. Pana, ile w mieście publicznym incumbit im omnino, ut a publico abstineat robot swoich exercitio, prywatnie tylko pozwala im się sua perficere artificia. Doczytasz się W. M. Pan lepiey in Bulla Clementis VIII, którą mi WM. Pan w liscie swoim cytujesz o tym Swiąt postanowieniu; nie wiém zaś, przez co by miał scandalizari populus, bene sentiens

de Nobis, chiba per has novitates dirimentes vinculum filadelficzney przyiaźni, gdy in contemptum Ritus Nostri promanantes, nie mniey y przez to, że tak sprawiedliwe moje illacye żadnych in limatissimo WM. Pana judicio nie odnoszą skutków, ale haerent steriles in contrarietate tego. To prawda, że i ztąd nie małe oritur scandalum et periculum, gdy ludzie mego obrządku uczęszczają do kapłanów Ritus W. M. Pana pro faciendis confessionibus, rozumiejąc ich in habitu z kołnierzykiem za xięży moich; a ci pytam się, quam tuta conscientia bez mojey approbacyi słuchać ich mogą, y na czyim to będzie sumieniu? Et e converso, populus Ritus WM. Pana iisdem presbyteris collaria portantibus spowiadać się recusat, mniemając ich łacinskich xięzy; jako przede mną sam że ten duchowny Kulikowski, kredyt tak wielki u W. M. Pana mający, powiadał, z tym się oświadczając, iż dla tych samych racyi nie życzył by sobie portare collare, ex quo go y Lachem nazywają, gdyby od WM. Pana nie miał rozkazu. Ja z tym się oświadczam, że żadney nie mam racyi bydź przeciwnym WM. Panu, y dalekim od sensu jego, nad te szczegulnie praejudicioza Ritui meo motiva, gdzie invigilare dawnym zwyczajom y obserwacyom muszę, a przez to naważić się WM. Panu, abym nie był pro forma Arcybiskup, praw kościelnych y koronnych nie utrzymujący. Unionem S. aestimo et philadelphico prosequor affectu, quod et licitum, permissum et antiquitus usitatum, zabronić y wznawiać quaestyi o to nie mogę, ale co też novitatis excogitatae supervenire może, zabieżeć temu powinienem; bo lubo una fides, dispar Ritus między nami, gdzie każdy obrządek suis differt proprietatibus y niemi się kontentować powinien. Takim sposobem kiedy WM. Pan uniformitatem cum Ritu Nostro praetendis in habitu, toć by należało y w inszych, soli tantum Ritui WM. Pana przyzwoitych, ceremoniach koscielnych też same zachować; ale że to fieri nequit, toć per consequens y to, co nie iest essentiale uniformitatis, subsistere nie może. Zaczym W. M. Pan racz perspicacissimo penetrare w tych kategoriach tak moje ninieysze remonstracye, jako y przyszłe ztąd konseqwencye judicio, wiem, że przyznasz justiciam słysznemu upominaniu się memu o to, y nie poczytasz go sobie pro offensa osoby swojey, bo tey od poznania iestem nieodmienny przyjaciel, y z tym się oświadczam, że nazawsze

zostawać pragnę continuo studio et veneratione Illustrissimae et Reverendissimae Dominationis Westrae addictissimus et obsequentissimus frater et servus

N. W. A. L.

Na ten Respons Replica IM. X. Metropolity.

Niespodziewałem się cale, aby y to miało commovere WM. Pana do nieukontentowania, że na dwa listy, ieden ręką Jego, a drugi J. Pana sekretarza w długich expressyach pisane, własną ręką nie dałem Responsu, bo jako nie potrezbna była fatyga WM. Pana to repetere, co J. Pan sekretarz fuse enucleavit, tak ja będąc sub cura medici nie mogłem bydź necessitowany do takowey pracy. Dosyć, że sekretarze zwikl non suos sensus, sed Principalium wyrażać. Więc y contenta Responsu mego byłi non aliter adnotowane, które że poszli in censuram, y bardziey W. M. Pan in suo velle się fundujesz y na tym że satis detulisse a nie in formalitate processus, która neminem condemnat bez inkwizycyi, choć by naywiększe y nayprynсypalnieysze były delacye. Nie rozumiem tedy, żebym w tym miał excedere spheram sprawiedliwości, która u mnie nie na słowach y fałzach, jako mi objicitur niedyskretnie, zawsze fundata, ale in regula juris; proszę zatym WM. Pana, abyś inaczey o mnie sentire raczył, bo się nie znam do naymnieyszey przyczyny, która by tales ku mnie W. M. Pana pobudzała nieprzyjazni stimulos. Jako bowiem od poznania godności Jego byłem zawsze delicatissimus cultor et praedicator boni ku mnie affectus W. M. Pana, tak nie wiem, zkąd ta orta niechęć, przez którą coraz większa augetur dissensio. Nie iest to materia status, aby o kołnierzyki na Seymie albo w Senacie zaniesiona była quaerimonia, y o insze jakoweś gravamina, do których się Clerus Noster nie zna, bo sam opprimitur varia angarizationum sorte et genere, y żadney in subselliis loci Ordinariorum nie uznaję sprawiedliwości, ale pomysleć o tem, jest to derogatio authoritati et jurisdictioni Supremi Pastoris; bo lubo in hac Patria Ritus Latinus in dominando nos excellit, ale to dominium ma się rozumieć in temporalibus, in spiritualibus zaś Ociec S. jako in militante Ecclesia visibile Caput ma superioritatem

a Christo Domino sobie traditam et impertitam, do którey zachodzące takowe interweniencye y okkurencye in discernendo należą; y kto by inaczey rozumiał, a dopieroż czynił, Bulla Coenae Domini to dissvadebit. Nie potrzeba inne documenta adducere uciemiężenia Cleri Nostri, kiedy in vicinia Lwowa J. X. Proboszcz w Mikołajowie Kapłana tamecznego grabi, infestuje variis indebitis praetensionibus, a przez lat 14 nie może lucrari justiciam in foro Consistoriali. Nie wiém zaś, kto y gdzie tantam popularitatem widział Duchowieństwa Naszego, po karczmach, targach y jarmarkach w kołnierzykach z żonami włoczących się, których kilkunastu tylko teraz znayduje się, którzy są in Collegio Pontificio educati, et in signum Doctoratus et Clericatus zażywają kołnierzyków. Trafia się też nie raz, że et ex Clero Latino z damami ieżdżą na jednym pojeździe, a przecie to non imputatur pro vitio, nec reprehenditur pro piaculo. Dosyć, że znaydują się różne defectus, których niechcę bydź relator, ale discretiori utor calamo, nie tak, jak circumscriptus iest Clerus Noster, który przy ubóstwie y cenzurze takowey przeciwko wszystkim interpretacyom sola se involvit virtute. Kapłani, collaria portantes, w cerkwi zwykli excipere confessiones, w których populus Latinus, mając swoje kościoły, nie bywa, a za tym niepotrebna inwektywa y pretensya, że dla kołnierzyków rozumiejąc bydź xęży Ritus sui do spowiedzi uczęszczają, chiba że in casu necessitatis lucrando animas charitas praestat, to nie powinno censeri pro excessu, ale pro merito. Bulla Clementis VIII w responsie pierwszym moim cytowana circa Unionem emanata favore nostri pro his partibus serviens nie ta, to iest, którą WM. Pan w liscie swoim allegas de instructione Graecorum, in Sicilia et Calabria degentium, którzy, nie mając proprii Ritus Pastores, subsunt jurisdictioni Ordinariorum Ritus Latini et festa observant; tu zaś in Russia Synodem Zamoyskim, a S. Sede approbowanym, są wyrażone Święta, które y kiedy mają bydź obserwowane in Ritu Nostro. Wszak pro principali u nas to proposito, aby był Kalendarz zjednoczony pod czas Synodu, ale Jmc.X. Nuncyusz Grymaldi, Sinodi praesidens, nie życzył to y wspomnieć in Actis Synodalibus, superaddendo, że S. Sedes na to nie pozwoli, niech unusquisque disponente Ritu swoje obserwuje Swięta, o które do tych czas, jako y o dzwonienie, tudzież o

kołnierzyki żadney nigdy nie było kwestyi, co jeżeli tego będzie potrzeba, inkwizycyą wyprobować nie będzie ullum dubium? o co piszą JchMc XX. Biskupi nasi, dziwując się, że tu innovatur ta praetensya, a w ich dyecezyach per consuetudinem antiquam alta pax et harmonia optime observatur. Wiem, że y WM. Pan iesteś w tym alienus, ale malevolorum susuratorum odium swoje reprezentuje et inculcat widzimisię. Nie jest y w tym paritas adaequata, aby kiedy Duchowienstwo nasze zachowuje y zachować intendit uniformitatem vestitus, aby zachowało unanimitatem et in ceremoniis Eccleciasticis, ponieważ ceremoniae jest to formalitas essentialis Ritus, a vestimenta materialis demonstratio tylko honestatis clericalis. Mijam zaś insze punkta, prowokujące bardziey jurgia, a nie oświadczające filadelficzną pzyjaźn, ktorą WM. Pan zawsze w listach swoich oświadczać raczysz, ale szukam in medullis serca Jego łaskawszey pro Ritu Nostro recognicyi, która by stateczną ugruntować mogła kointelligencyę, aby in svavitate et lenitate Spiritus procedendo wszystkie, które irrepserunt contradictoria, evanescant et pristina restituatur confidencya, do wzruszenia którey, jako żadney nie dałem okazyi, tak pragnę bydź zawsze nunquam variabili affectu et cultu Illustrissimae et Reverendissimae Dominatios Vestrae etc.

A. Szeptycki.

Na tę Replikę Respons.

Nie dla tego, abym miał formować wynalazek jakiego nieukontentowania, y tym wchodzić in multiplicationem urazy ad augendas praetensiones, ale dla odkrycia W. M. Panu naprzód mojey stateczney ku Niemu propensyi, a potym rozumianey Jego awersyi, miał honor namienić de aliena manu, bo jako przez to nihil praejudiciosi Ritui Nostro exortum, co ad Officium humanitatis należało, tak też nic mię movere ad displicentiam, ani też dotąd alta mente reponi nie mogło. I gdy by ejus momenti były insze między nami kwestye, łatwo solverentur spokoyną w dobrey harmonii konfidencyą, tylko że te mają principaliter w sobie divini honoris zelum, z mowy nierozumney Kapłana Kulikowskiego pullulantem, potym rationem gravaminis Ritus dominantis a vel maxime

przeyrzane przyszłe ad scandalum populi konsekwencye, więc longiori mora solidari muszą; lubo spodziewać bym się powinien, że tam, gdzie zachodzi res aequitati consona, bo raz ultra omnem praxim emergens, potym legibus cauta, a nakoniec superum offensiva, paratum in delicatisimo aequilibrio W. M. Pana zastanie judicium, w długie nie idąc scrutinia, bardziey do dyssensii, niżli ad perfectionem operis provocantia. Ile kiedy quoad usum collarium samego W. M. Pana authoritas y po innych Ritus Ejus dyecezyach Jchmść XX. Biskupów z nim, a ad normam ich subjecti Cleri conformitas stawa pro exemplo y złączona cum expositis ode mnie w pzeszłym liście rationibus, contra invalescentem teraz morem fortiter militat. Co ad pulsum campanorum, y niepraktykowany zdawna zwyczay, y chwalebny Armaenorum przykład incompatibilitatem sufficienter probant. Co też ad observationes Festorum et alia munia należy, praxis Episcopalis Piasecii y innych tak wielu sat clare evincunt et enucleant. Deinde quoad compescendam linguam impii z lezyą Boga regulatur sama żarliwość o honor Boski ad rigorem permovere, y jako Dominatrix w nas, Biskupach, o sprawiedliwość citius urgere powinna, ne detur Cleri victima tarda Deo. A zatym tak słuszne propozycye moje merentur w Samegoż W. M. Pana konsyderacyi zewsząd opatrzney et ex vi dowodnych remonstracii, et ex proprietate spokoyney inter Ritus aliancyi, et ex re własney W. M. Pana przyjaźni łatwą medytacyą o uspokojenie.

Nie wiem zaś, kto się z nas bardziey in suo velle et satis detulisse zasadza? Kiedy W. M. Pan post habito antiquo usu, non attentis aliorum exemplis, rejecta compatibilitate dla siebie, omnibus rationibus despectis w teraznieyszych emunkapach pro suo placito novoque sentire, w kontr dawnym zwyczajom, alteram legem kładzącym, procedis, zkąd promanat, że sam in suo velle persistis, z którego biorąc originem, też same novitates wprzód in usum podniesione, niżli prawem ugruntowane, jako pro fundamentalibus ex praxi, jure vel ratione censeri nie mogą, tak tylko representant imaginem sat voluisse W. M. Pana. Toż w drugiey satis detulisse apparet kategorii, gdy W. M. Pan bardziey innixus iesteś iedney wspomionego wyżey kapłana swego relacyi, niż moiey daleko sprawiedliwszey z wielu osobami remonstracyi, która et ex praestantiori

characteru mego fide, et ex assertione testimoniali nieinteressowanych osób longe potior probatione evincit, a tamtego opaczna exkuza, nullis fulta documentis, probat satis detulisse W. M. Panu. Znam się zaś dobrze na materyi status, bo to do mnie bardziey należy, gdzie y jaka tractari powinna, znam się et in authoritate Supremi Pastoris, bom się Jey lepiey przypatrzył, y z młodości w posłuszenstwie y rewerencyi onéy sacrosancte ćwiczył, zkąd też procedit summa potestas; Ejus, dawniey wierzę, niż biorę explikacyą od WM. Pana simplicibus na nauki potrzebnieyszą. Wiem o tym, że mnieysze emergencye in discernendo należą tam, zkąd (nim się zjawią y w zwyczay wniydą) jus quaerere et exportare dla siebie powinny, tym o Głowę naywyższą opierać się przyidzie, niepodobna, aby indivisum od niey Reipublicae dominantis Corpus. cujus pari in temporalibus, jak Supremi Capitis in spiritualibus subsunt regimini, tangere nie miały. Wszakże gdy toż ad ornandum Urbis et Orbis Caput Swiętych Uniatów pro membris sui, w ten czas et Reipublicae Nostrae Corpus pro delicatissimis iisdem przyjęto; po staremu ż ie per rationem Domini a certis privilegiis excypowato, chcąc podobną pro inditio subjectionis, jaka w inszych dzieje się Państwach mieć dystynkcyą. Ja zaś na zachowaniu Swiąt, obserwancyi czasów tristia obchodzących, jak jest Hebdoma S. nie uzurpowaniu sobie równych cum Latinis prerogatyw, do których signum distinctivum castitatis zmierza, nie wznawianiu zwyczajów takich, jakich in praxi nie bywało, rozumieć się ma; że ją tedy te emunkcye tollere intendunt; więc de gravamine Dominii, tanquam de re in temporalibus interveniente, należy mi się, jako Senatorowi, użalić Senatowi, o co mam varios undique stimulos, alia media (quoad absit) cogitantes. Zaczym ieżeli W. M. Pan motos nie zechcesz componere fluctus, będę musiał na tak liczne y wielkie perswazye circa assistentiam onych, że y w Rzymie, jako Biskup, y w Polszcze, jako Senator, upominać się tego zjednoczenia kalendarza. In Synodo że nie pozwolono, nie dla czego, tylko aby każdy obrządek kontentował się swoją własnością, co mu competit, pzeyrzałszy to in futurum, że ta uniformitas de Ritu proprio wyżuć by się za czasem mogła, jak już a Capite zaczyna od kolnierzy, które że W. M. Pan materialem demonstrationem honestatis clericalis appellas, toć i paramenta ad altare są materiali

demonstratione kapłana; a za tym ad uniformitatem trzeba y ornatów naszych, alias apparata zażywać: do tego kiedy kołnierze nie są formalitate essentiali uniformitatis, na cos ie tedy wznawiać, sufficit in articulo fidei unionem zachować, ażeby była differentia etiam in habitu inter Ritus, tak jak iest in Paramentis przy Ołtarzu. Więc omnino incumbit, ut abstineant kapłani W. M. Pana ab hoc signo distinctivo, które lubo portant Armaeni, to paulo minus od nas differunt. Tak święty, tak zbawienny, jak y nasz W. M. Panow obrządek, za cóż się różnić vestitu Latino od niego: jest to albo się wstydzić własney Religii, albo cum aliis circumstantiis Ritui dominanti na kontempt czynić. In signum też doctoratus w ten czas portare collaria y to non in tali forma, jak iest Romana, ale doctoribus consueta, godziło by się, kiedy by W. M. Pan, tanquam primus in ordine Doctor, bo Episcopus na sobie exemplum pokazał, lubo ieżeli tylko sola in Collegio mansione, non promotione (jak u nas) doctorantur subjecta, nie jest to formalna Doktorya, która plurimum ad scientiam requirit. Wszak i Kulikowski kapłan, tamże educatus, że w kołnierzyku incedit, toć już pro Doctore miany, a simpliciorem z tak nierozeznaney odpowiedzi ieszczem nie widział hominem. Są i u nas erudita inter Clerum subjecta, a po staremu extra sphaeram communis z inszymi regulae żadną dyctynkcyą umieiętności nie wychodzą, ale eodem utuntur habitu, bo tylko promotae personae gaudent titulo doctoratus. Z żonami żeby iię w kołnierzach przejeżdzali, nie pisałem in praesenti, ale ad futuram consequentiam, lubo to practicatum w Kulikowie. Ze zaś Clerus noster z damami na jednym pojeździe jeżdzi, ile cum honestis et distinctis personis, o to non inculpatus, bo między poważnemi nie tak prędka crescit opinia zgorszenia, lubo gdyby saepius kto to czynił, summe reprehenderetur, z takemi zaś jake są u Duchowienstwa W. M. Pana, niższey kondycyi niewiastami, gdy by miał który de nostris włoczyć się, zkąd daretur major et confidentior occasio scandali, upraszam mi donieść, a exemplariter będzie karany. Wszak patuit W. M Panu w roku przeszłym in simili sprawiedliwość moja w negocyacyą Mikołajowską, o którey słyszę między kapłanami mojemi, y W. M. Pana każę weyrzeć et pro justitia decernere quantotius. Zalecę oraz, aby y innym de Ritu W. M. Pana recurrentibus administretur

justitia, którey są niektórzy testes et facilitatis meae do niey; a jeżeli kto dotąd na niezwyczayney expektatywie sprawiedliwości zostaje, proszę o poufałą insynuacyą, nakażę accelerationem, bo co iest aequitatis, tego nie odbiegam. Oświadczam się nakoniec z uzajemną moja W. M. Pana od poznania aestymacyą, y jak bym rad cordicitus służyć in omnibus Jemu desideriis, tak y w tey emergencyi dał bym victas manus, gdy bym naprzód w niey nie widział justitiam dla siebie, a potym dystyngwowanych w tym królestwie osób compulsus z usilnemi futuri ztąd eventus remonstracyami, na actus takowe Ritum Dominantem aggravantes. Zaczym parces W. M. Pan diligentiae w tym meae, y ieżeli iść zechcesz per media pacis, aby tylko non praejudiciosa, przyimę tę favorabiliter, akkomodować się będę justicialiter, zakonczę amicabiliter, tak jak bydź pragnę invariabili affectu et cultu

W. Kąkolnikach ię 29 Junii. 1739 anno.

Illustrissimae et Reverendissimae Dominationis Vestrae additus obsequentissimus servus et frater,

N. W. A. L.

КЪ ПАПѢ.

Beatissime Pater!

Athanasius Szeptycki, Metropolita totius Russiae, humillimus S. V. orator, ea ex officio amovere curans, quae Cleri sui quietem, et per consequens bonum Catholicae Ecclesiae perturbare possunt, in iis, quae protectionem auxiliumque S. Apostolicae Sedis exposcunt, ad S. Vestram recurrendum sibi esse existimat, non inani spe fretus fore, ut pro eo, quo S. Vestra Ruthenorun Ecclesiam et Nationem complectitur amore, eandem ab oppressione dignetur liberare.

Vestiunt in Dioecesibus Russiae et Lithuaniae Collaria non tantum Sacerdotes Latini, sed Armeni quoque, qui acolae et advenae censendi sunt, immo ii ex Hebraeis, qui medicinae artem exercent. Vestituerunt ab antiquo, et modo pariter ea vestiunt Clerici et Presbyteri Ritus nostri Rutheni, cum autem propter hoc nec Armenis, nec etim huiusmodi Hebraeis ulla inferatur molestia, adsunt nonnuli ex Clero Latino, qui usum Collarium Clericis et Sacerdotibus Ruthenis denegare conantur. Monit alias hac super re quaestionem inutilem Archiepiscopus Latinus Leopoliensis, sed res ipso in limine composita est. Scandalum autem maximum nuperrime passi sunt nostri, immo etiam Schismatici et Haeretici Vilnae in Lithua-

nia. Cum enim Radkiewicz, Canonicus Vilnensis, in Presbyterum Ruthenum in libera via incurrerit, gestantem huiusmodi Collare, jurgiis eum convitiatus est, dein ipsemet per collum arripiens, cum per se Collari eum spoliare non posset, id seruos suos jussit perficere miserumque tanquam reum ad Tribunal Ritus Latini conducere: Episcopo Vilnensi facinus displicuisse auditur, sed nullum adhuc videtur satisfactionis remedium appositum. Reponunt Latini Sacerdotes Presbyteros nostros uxores habere, et ideo non convenire illis usum Collarium, quae ratio nullitatis est, quia Presbyteri Italograeci in Sicilia et Calabria uxorati sunt, nec propterea molestantur pro gestatione Collarium, an tolerabilior erit usus Collarium Judaeorum Medicorum in Russia, quam nostrorum Clericorum et Sacerdotum in propria Patria? Accidit ad hoc, Beatissime Pater, facilius dignosci inter nostrum Clerum ex gestatione Collarium hujusmodi unitum S. Matri Ecclesiae a Disunitis, inter quos plerisque in locis, praecipue in Lithuania, vivitur, et a quibus inibi fere undique noster Clerus Catholicus circumdatur. Supplicat itaque humillimus Orator, ut huiusmodi scandala et perturbationes tollantur e medio Catholicorum per benignam S. V-ae vel Sac. Congregationis de propaganda fide declarationem in concedendo usum Collarium utrique clero. Quod ex gratia etc.

Sanctissimo Domino Nostro
P P. Benedicto XIV.

На оборотѣ черезъ половину: **Ниже другой рукой:**

Ex Aud^a SSmi Die 24-a mensis Iulii 1744.

SSmus remisit Oratoris preces arbitrio Nuntii Apostolici cum facultatibus omnibus ad Eñoi effectum necessariis et opportunis.

Собств. подпись: Joseph Livizzani Secretarius.

М. П.

Внизу:

Athanasio Szeptycki pro Metropolita totius Russiae.

Сообщилъ **Я. Ѳ. Головацкій.**

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ,

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО,

НРАВЫ И ОБЫЧАИ ДРЕВНИХЪ СКАНДИНАВОВЪ,

СОЧИНЕНІЕ

А. М. СТРИННГОЛЬМА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Шемякинъ.

съ приложеніями и примѣчаніями Нѣмецкаго переводчика,

К. Ф. Фриша.

ЧАСТЬ I.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ.

«Hostis est omni hosti truculentior. Improvisus aggreditur, provisus elabitur; spernit objectos, sternit incautos; si sequatur, intercipit, si fugiat, evadit. Ad hoc exercent illos naufragia, non terrent. Est eis quaedam cum discriminibus pelagi non notitia solum, sed familiaritas.»

Sidonii Apollinaris opera. 8, p. 223.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОХОДЫ СКАНДИНАВОВЪ ВЪ ЗАПАДНЫЯ И ЮЖНЫЯ СТРАНЫ ЕВРОПЫ И ИХЪ ПОСЕЛЕНІЯ, ОСОБЛИВО ВЪ БРИТАННІИ, ФРАНЦІИ, ИТАЛІИ И ШВЕЙЦАРІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ ДО 863 ГОДА.

I. Въ первыхъ вѣкахъ нашей эры всѣ народы Гото-Германскаго племени, въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ, имѣли одну общую цѣль — разрушеніе Римской имперіи. Эта великая война съ обширнымъ владычествомъ Рима, продолжавшаяся непрерывно многія столѣтія, обращала вниманіе всего извѣстнаго тогда свѣта, возбуждала общую дѣятельность, была воинскою школою храбрыхъ людей. На ея поприщѣ, вѣроятно, являлись и съ Скандинавскаго сѣвера всѣ, искавшіе войны, военной славы и добычи въ богатыхъ Римскихъ провинціяхъ. Въ тѣ времена Готское племя занимало все пространство отъ Скандинавіи до Чернаго моря. Тѣмъ удобнѣе были походы сѣверныхъ народовъ къ ихъ землякамъ на югѣ. Тѣсную связь между сѣверными и южными племенами доказываютъ воспоминанія, сохранившіяся отъ тѣхъ временъ въ сагахъ и героическихъ пѣсняхъ, не менѣе того извѣстія, разсѣянныя въ сочиненіяхъ Итальянскихъ и Византійскихъ писателей о странствованіяхъ народовъ на Скандинавскій сѣверъ и оттуда. [1] Мы можемъ принять

---

[1] Такъ, на примѣръ, разсказываетъ Прокопій, что Герулы, въ началѣ V-го вѣка, рѣшились перейти изъ Придунайскихъ странъ въ Туле и поселились въ сосѣдствѣ Готовъ, и что оставшіеся на югѣ Герулы, въ первой половинѣ VI столѣтія, отправили пословъ къ Готамъ просить себѣ оттуда князя изъ королевскаго рода.

съ полною достовѣрностію. что походы сѣверныхъ жителей въ первой половинѣ тысячелѣтія нашего счисленія сначала направлялись въ родовыя земли ихъ южныхъ соплеменниковъ, къ славнымъ мѣстамъ ихъ великихъ войнъ съ Римскими императорами. Но вскорѣ обстоятельства перемѣнились: западная Римская имперія пала; Вестготы переселились въ Испанію; не стало въ Италіи и царства Остготовъ; всѣ народы Готскаго и Германскаго племени, жившіе прежде на берегахъ Балтійскаго моря, удалились въ завоеванныя внутреннія области имперіи; многочисленныя толпы другихъ племенъ Славянскаго и Вендскаго вторглись въ покинутыя Прибалтійскія страны и завладѣли ими, гоня и покоряя еще остававшіяся тамъ Гото-Германскія племена.

Только послѣ того начинаются собственно набѣги сѣверныхъ Викинговъ. Сѣверные народы, можетъ быть, и ранѣе, съ первыхъ вѣковъ нашего счисленія, предпринимали такіе походы и приносили войну на отдаленные отъ нихъ берега. Уже Тацитъ [2] упоминаетъ о Свеонахъ, какъ о народѣ, сильномъ оружіемъ и военными судами, которыя описываетъ такъ, какъ бы самъ видѣлъ флоты этого народа. Большая поэма «Фингалъ» Каледонскаго барда, Оссіана, воспѣваетъ прибытіе въ Ирландію Сварана, короля Лохлина: [3] такъ называютъ Скандинавы въ Ирландскихъ лѣтописяхъ его войну съ Кухуллиномъ. Этотъ побѣжденный король искалъ помощи у храбраго Шотландскаго вождя и короля, Фингала, дѣда храбраго Оскара, сына Оссіанова: Фингалъ явился, побѣдилъ Оскара, «короля моря», даже взялъ его въ плѣнъ, но поступилъ съ нимъ великодушно и позволилъ ему возвратиться въ отечество; Фингалъ не хотѣлъ убивать брата Агандекки, нѣжно любимой имъ прежде дочери Лохлинскаго короля, Старно, и сестры Сварана. Въ другихъ мѣстахъ пѣсенъ Оссіана говорится также о непріятельскихъ вторженіяхъ Лохлинцевъ или Скандинавовъ въ Эринъ и Морвену (Ирландію и Шотландію) задолго до временъ этого поэта. «Въ прежніе годы сыны

Также есть извѣстіе у Іордана, что къ великому Остготскому королю, Теодориху, пришелъ изъ Скандинавіи какой-то Родульфъ, бывшій тамъ королемъ надъ пятью племенами.

[2] Germania.

[3] Можетъ быть, отъ Гальскаго слова, «Loch», озеро, море; слѣдовательно, Lochlin, островъ, или земля на морѣ.

великаго моря пришли въ Эринъ. Тысячи кораблей плыли по волнамъ къ прекраснымъ долинамъ Уллина. Дѣти Инисфайльса возстали на встрѣчу племени темноцвѣтныхъ щитовъ.» Часто сражался съ ними Каннайль: «Явился морской флотъ. Каннайль палъ. Мореплаватель видитъ могильный курганъ его съ сѣверныхъ волнъ.» Въ 210 году Римскій императоръ, Северъ, предпринималъ походъ противъ Каледонянъ, древнихъ обитателей Шотландіи. Его сопровождалъ сынъ, Каракалла. Северъ умеръ въ этомъ походѣ: «Каракулъ (Каракалла), сынъ всемірнаго царя, отступилъ. Тогда барды пѣли: «Впередъ мы будемъ искать мира въ морской войнѣ. Наши руки обагрятся кровію Лохлина». Новѣйшіе археологи по многимъ причинамъ полагали вѣроятнымъ, что въ древнѣйшее время Скандинавы поселились на Шотландскихъ и Оркадскихъ островахъ, и что Пикты, славный древній народъ Шотландіи, также Скандинавскаго происхожденія. [4] На это намекали уже древнѣйшіе историки. Въ языкѣ, которымъ говорятъ теперь въ низменной Шотландіи, обнаруживается очень близкое сродство съ Скандинавскими нарѣчіями. Кромѣ того живое изображеніе древнихъ сѣверныхъ обычаевъ и обрядовъ въ пѣсняхъ Оссіана, гдѣ такъ часто воспѣвается «лѣсистый Лохлинъ» [5] и многія битвы Лохлинскихъ и Каледонскихъ героевъ, служитъ подтвержденіемъ, что между Скандинавіею и Британскими островами существовали сношенія миролюбивыя и враждебныя съ самаго давняго времени. Это дѣлаютъ вѣроятнымъ также и другія причины.

Франки и Саксы, по мнѣнію древнихъ историковъ, [6] народы сѣвернаго происхожденія, обитали по берегамъ Нѣмецкаго моря,

---

[4] Сравн. Финна Магнусена о происхожденіи Пиктовъ и ихъ имени въ Skandinaviske Literatur Sällskales Skrifter, Jahrgang 1816—1817.

[5] Онъ описываетъ ее страною, замѣчательною по высокимъ горамъ и многочисленнымъ утесамъ; въ ней много снѣговъ и темные дни; все это очень походитъ на Скандинавскій полуостровъ. Напротивъ «Сора», другая страна, вдающаяся далеко въ море, описывается равниною, безъ утесовъ и снѣга, что всего лучше подходитъ къ Ютландіи.

[6] Евменій, Римскій панегиристъ, жившій въ исходѣ III-го, или въ началѣ IV-го вѣка, говоритъ, что Франки вышли изъ самыхъ крайнихъ предѣловъ Варваріи, куда Римляне никогда не заносили оружія. Фрекульфусъ, жившій въ первой половинѣ IX вѣка, епископъ въ Lisieux, въ Нормандіи, пишетъ, въ своей хроникѣ,

гдѣ и застаетъ ихъ исторія, также по обѣимъ сторонамъ Эльбы и между этой рѣкою и Рейномъ; въ III и IV столѣтіяхъ они являются смѣлыми и искусными мореплавателями и безстрашными искателями приключеній: на своихъ малыхъ корабляхъ они подъѣзжали къ самымъ берегамъ, разбивали станы въ устьѣ всякой большой рѣки, оттуда дѣлали набѣги въ глубину страны, подобно горнымъ орламъ, нападали на тѣ мѣста, гдѣ не ожидали сильнаго сопротивленія, такъ же быстро исчезали, если ихъ преслѣдовали, потомъ обращались въ другую сторону и были свирѣпѣе всякаго инаго врага. [7] Доказательствомъ ихъ смѣлости и искуства плавать служитъ замѣчательное морское путешествіе, предпринятое нѣкоторыми Франкскими плѣнными изъ Чернаго моря: они отыскали себѣ путь по Греческому Архипелагу, проѣхали Средиземное море, по дорогѣ ограбили Сиракузы, переплыли Гибралтарскій проливъ, и по обширному Атлантическому океану добрались до своей отчизны на берегахъ его. Каравзій, въ 284 году, самовольно провозгласившій себя императоромъ въ Британніи, долженъ былъ остановиться въ Булони, для защиты береговъ между Лоарою и Рейномъ, отъ частыхъ нападеній Саксонскихъ и Франкскихъ Викинговъ. Для той же цѣли, въ IV и V в., Римляне нашлись принужденными принять особенныя оборонительныя мѣры и поставить особаго намѣстника на Саксонскомъ берегу, какъ называли тогда сѣверо-западный берегъ Галліи, по причинѣ частыхъ нападеній и поселеній на немъ Саксовъ. Очень вѣроятно, что въ числѣ этихъ Франкскихъ и Саксонскихъ Викинговъ находилось много Скандинавскихъ: до временъ Карла великаго сѣверныя страны составляли почти совершенно замкнутый

что Франковъ считали выходцами съ острова Сканціи, гдѣ, какъ разсказываютъ, была страна, называемся и нынѣ Франціею. Основываясь на томъ, Лагербринкъ полагаетъ родиною Франковъ Гератъ Фрекне въ Богусланѣ. Одинъ древній поэтъ, Ермольдъ Нигеллусъ, жившій также въ первой половинѣ IX вѣка или во время Лудовика Благочестиваго, говоритъ, что между Франками ходитъ старинное сказаніе, что они изъ племени Датчанъ, или Норманновъ. Срав. Лагербринка Schwedische Geschichte. I.—Vitichindus De reb. gest. Sax. «Nam super hac re varia opinio est, aliis arbitrantibus, de Danis et Nortmannis originem duxisse Saxones, aliis autem aestimantibus, ut ipse adolescentulus audivi quendam praedicantem, de Graecis.»

[7] Sidonius Apollinarius, lib. VIII, ep. 6.

[8] Comes littoris Saxonici.

міръ, о которомъ только немногія отрывочныя извѣстія и сказанія доходили до свѣдѣнія Римлянъ, потому-то и смѣшивали неизвѣстныхъ еще на югѣ Скандинавскихъ Викинговъ и разумѣли подъ однимъ именемъ съ Франкскими и Саксонскими, тѣмъ удобнѣе, что они принадлежали къ одному главному племени, говорили одинаковымъ языкомъ, имѣли одни и тѣже нравы, образъ жизни и занятія, сверхъ того приходили изъ странъ, также далеко лежащихъ на неизвѣстномъ сѣверѣ. Но потомъ, когда племена болѣе отдѣлились, каждое стало извѣстнѣе; когда Саксы направили главное нападеніе на Британнію, Франки устремились къ югу и овладѣли Галліею, тогда начинаютъ упоминаться и «Dani» (Damrane) въ числѣ сѣверныхъ Викинговъ, тревожившихъ Галльскіе берега. Въ 512 году они вошли на военныхъ судахъ въ рѣку Маасъ, подъ начальствомъ короля Кохилайка [10] и прибыли въ землю Аттуаріевъ, нынѣшній Гельдернъ. Вся страна была ограблена, уведено множество плѣнниковъ. Но на обратномъ пути они были настигнуты Теодебертомъ, внукомъ Хлодвига и сыномъ короля Франковъ, Теодориха, въ землю котораго они вторглись. Онъ разбилъ Викинговъ, возвращавшихся на свои суда, убилъ ихъ короля, овладѣлъ ихъ флотомъ и отнялъ добычу. [11]

Въ 429 году Римляне совсѣмъ покинули Британнію; они вызвали стоявшіе тамъ легіоны, въ которыхъ имѣли надобность для обороны Галліи и Италіи отъ натиска Готскихъ и Германскихъ народовъ. Тогда Скотты и Пикты, отброшенные въ сѣверную Шотландію и Ирландію, опять вооружились и жестоко стѣснили покинутыхъ Бриттовъ: эти послѣдніе, утративъ всякое мужество и отвыкнувъ отъ войны подъ владычествомъ Рима, призвали на помощь храбрый народъ, жившій на Датскихъ и Саксонскихъ берегахъ Нѣмецкаго моря. Два вождя, Генгистъ и Горсъ, отправились въ Британнію съ 4 кораблями и 300 человѣкъ. Ихъ отечественнымъ городомъ былъ Шлезвигъ, а земля, гдѣ жили они, называлась Англія. [12] Въ Британніи они нашли плодоносную и воздѣланную

---

[9] Scriptor. rer. Franc. y Duchesne.

[10] Кажется, всего болѣе отвѣчаетъ сѣверному имени «Гутлейкъ.»

[11] Gregorius Turonensis (въ послѣдней половинѣ VI-го вѣка), Hist. Franc.

[12] «Ангельнъ» еще нынѣ называется небольшая область въ Шлезвигскомъ герцогствѣ (гдѣ городокъ Каппельнъ). Но, вѣроятно, предѣлы прежней Англіи были обширнѣе.

землю и трусливыхъ жителей. Это сказали имъ оставшіеся поселяне. Ободренныя тѣмъ, новыя полчища Англовъ и Ютовъ переѣхали на 18 корабляхъ въ землю Бриттовъ. За ними слѣдовали другія толпы. Сѣкирами и большими мечами они отразили Пиктовъ и Скоттовъ, сражавшихся только дротиками и копьями. Потомъ обратили они оружіе противъ самыхъ Бриттовъ. Эти послѣдніе очнулись изъ состоянія нѣги и слабости, въ которое погрузили ихъ скромныя занятія и наслажденіе долгимъ миромъ: доведенные до крайности друзьями и врагами, они узнали, что поступили необдуманно, призвавъ на помощь иноземцевъ; но, видя одно спасеніе въ собственномъ мужествѣ, ободрились, получили увѣренность въ себѣ и взялись за оружіе. Такъ между Бриттами и ихъ союзниками началась кровопролитная война: одни отчаянно сражались за свой кровъ и родину и изучали войну на войнѣ; другіе считали воздѣланную страну своею прекрасною добычей и по понятіямъ того времени думали, что міръ принадлежитъ тому, кто храбрѣе. Эта война на жизнь и смерть продолжалась цѣлыя двѣсти лѣтъ и съ обѣихъ сторонъ велась съ ужасною жестокостію. Многочисленныя толпы храбрыхъ людей изъ земли Саксовъ, Англіи, Ютландіи и, безъ сомнѣнія, изъ Скандинавіи, [13] приходили на это новое поприще за воинскими подвигами, за славою и добычей. Бритты были побѣждены, особливо по недостатку между ними взаимнаго согласія. Главныя силы оставшихся бѣжали въ горы Валлиса (который въ сѣверныхъ сагахъ называется Бретландъ), гдѣ живутъ еще ихъ потомки, называющіе себя «Kymreig» и говорящіе особеннымъ языкомъ Кимрскимъ; [14] другіе удалились въ Корнвалисъ и Кумберландъ; иные искали спасенія за моремъ и поселились на противоположномъ берегу Галліи, получившемъ отъ нихъ названіе Бретани. Новые завоеватели получили общее имя Англосаксовъ, потому что самыя многочисленныя полчища состояли изъ Англовъ и Саксовъ. За исклю-

---

[13] Это не только вѣроятно само по себѣ, но и нѣсколько подтверждается Англійскимъ историкомъ Эльвердомъ или Этельвердомъ, жившимъ въ X вѣкѣ и оставившимъ хронику (У H. Savile Script. rer. Ang. 1). Тамъ сказано: «Тѣ, которые по временамъ приходили въ Британнію, были omni ex provincia Germaniae partis.» А что Скандинавія причислялась къ Германіи, это видно изъ исторіи Орозія, переведенной королемъ Альфредомъ.

[14] Англичане называютъ это нарѣчіе, по имени земли, «Welsh.»

ченіемъ Валлиса, Корнваллиса и Кумберланда, они покорили всю остальную землю, сколько находилось ея во владѣніи Бриттовъ. Каждый вождь отряда завоевателей сдѣлался государемъ нѣкотораго участка земли; отъ того-то въ покоренной странѣ мало по малу образовались семь королевствъ: Кентъ, Нортумберландъ (обширнѣе всѣхъ другихъ), Остъ-Англія и Мерсія, Вессексъ, Эссексъ и Суссексъ (западная, восточная, и южная Саксонія). Эти королевства вели потомъ частыя войны между собою за право верховной власти, до тѣхъ поръ, пока Эгбертъ, король Вессекскій, въ первой половинѣ IX-го столѣтія, сдѣлался ихъ общимъ государемъ; однако жь Остъ-Англія, Нортумберландъ и Мерсія, будучи зависимыми королевствами, управлялись и послѣ того собственными королями. Тогда вся страна получила общее названіе Англіи, [15] потому что первые вожди, Генгистъ и Горсъ, были изъ Англовъ, распространившихся по всей Нортумберландіи, Остъ-Англіи и Мерсіи; отъ чего ихъ собственная родина, Англія (на Ютландскомъ полуостровѣ), до того обѣднѣла жителями, что спустя долгое время послѣ того была пустынею.

Непрестанные поѣзды въ Британнію, во время долгой войны Англосаксовъ съ Бриттами, и счастіе, съ какимъ завоевана такая обширная страна, какъ Англія, еще болѣе ознакомили Скандинавовъ съ воднымъ путемъ въ этѣ страны и обратили ихъ стремленія къ югу. Туда еще болѣе подстрекало ихъ грозное оружіе Карла Великаго, сильнаго государя Франковъ: онъ воевалъ съ Саксонцами и покорилъ ихъ, распространилъ господство Франковъ до рѣки Эльбы, притомъ угнеталъ древнюю религію Асовъ и проповѣдывалъ мечемъ Христіанскую вѣру: все это внушило страхъ и чувство мести сѣвернымъ народамъ и обратило ихъ вниманіе на усиливающееся могущество Франковъ. На самомъ сѣверѣ въ тоже время совершились великія перемѣны по поводу низложенія малыхъ королей, сначала въ Швеціи, а потомъ въ Даніи и Норвегіи. Этѣ перемѣны какъ бы пробудили и потрясли всѣ силы народа—обыкно-

[15] Chron. Saxon. Это былъ Вестсаксонскій король, Эгбертъ, который, при своемъ коронованіи въ Британнскіе короли, въ 827 году, далъ приказаніе, чтобы вся страна съ этѣхъ поръ называлась Англіею: «Edixit, ut insula in posterum vocaretur Anglia, et qui Juti, vel Saxones dicebantur, omnes communi nomine Angli vocarentur». Annal. Winton. in Monast. Angl. Com. 1 (приводятся у Лангебека Script. rer. Danic. 1).

венное послѣдствіе всякаго государственаго переворота,—и изгнали множество малыхъ королей и ихъ принцевъ на море; тогда морскіе набѣги Викинговъ прежняго времени совсѣмъ исчезаютъ въ сагахъ и лѣтописяхъ, какъ не замѣтныя въ сравненіи съ великими походами, которые начинаются въ это время на сѣверѣ и, подобно грозной бурѣ, болѣе двухъ столѣтій наводятъ ужасъ на всю Европу.

Два моря, окружающія Скандинавію, необозримый берегъ, шхеры съ широкими проливами и безчисленными бухтами, островами разной величины и утесами; притомъ великая водная система, множество большихъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ, пересѣкавшихъ страну по всѣмъ направленіямъ: такая мѣстность въ старину разлучала жителей Скандинавіи еще гораздо болѣе, нежели въ наше время, такъ что водою они лучше могли вести взаимныя сношенія, нежели сухимъ путемъ. Притомъ Скандинавы должны были доставать не маловажную долю своей пищи изъ обильной житницы моря. Всѣ этѣ причины принуждали ихъ раздѣлять свою жизнь, съ небольшимъ различіемъ отъ амфибій, между водою и сушей. Итогъ былъ тотъ, что они съ дѣтства дружились съ моремъ и выростали моряками. Великая населенность въ отношеніи къ малому количеству воздѣланной земли заставляла ихъ искать чужихъ береговъ, для добыванія мечемъ способовъ жизни, которыхъ было недостаточно дома. Море стало ихъ лѣтнею родиною, походъ рабочею порой, военная добыча и грабежъ ихъ жатвою, потому и одинъ изъ праздниковъ, великое весеннее жертвоприношеніе, посвящался побѣдѣ. Въ это время Скандинавы рѣдко обращали оружіе другъ на друга въ долгихъ и гибельныхъ войнахъ, хотя и случались, вѣроятно, кровопролитныя ссоры между ними. У всѣхъ ихъ была одинаково бѣдная произведеніями земля; сверхъ того, полярная страна казалась слишкомъ ограниченнымъ поприщемъ для пылкой воинственности Скандинавовъ и переполнявшей ихъ дикой крѣпости, которой едва ли не тѣсна была цѣлая Европа. Отъ того-то вездѣ, по всему обширному свѣту, они искали добычи и славы и въ кровопролитныхъ играхъ пытали свои силы почти со всѣмъ человѣческимъ родомъ.

II. Долгая война Гото-Германскихъ народовъ съ Римскимъ владычествомъ кончилась; Англосаксы одержали верхъ въ кровавомъ спорѣ съ Бриттами за землю и власть; устало и переселеніе народовъ; звуки оружія замолкли на прежней сценѣ войны. Тогда

Скандинавы начинаютъ искать новаго поприща, новыхъ видовъ на воинскую добычу и славу и мѣста для лишней толпы народа, которой не могъ питать сѣверъ. Они обращаютъ свое оружіе противъ всѣхъ странъ и народовъ, на своихъ корабляхъ посѣщаютъ всѣ берега, и, разъѣзжая по морямъ исключительно одни, послѣ того, какъ Франки и Саксы сошли со сцены и поселились въ покоренныхъ земляхъ, дѣлаются извѣстными вездѣ подъ общимъ именемъ Датчанъ или Норманновъ (Dani, Nordmanni). Подъ такимъ именемъ въ лѣтописяхъ этого времени разумѣются люди съ Скандинавскаго сѣвера, изъ Швеціи, Даніи и Норвегіи. [16] У береговъ Англіи они появились въ половинѣ VIII-го вѣка (около 753 г.), и тогда ограбили островъ Танетъ или Тенетъ. [17] Около тридцати лѣтъ послѣ того въ Англіи замѣчали странныя явленія въ атмосферѣ: видѣли огненныя полосы, драконовъ, ужасныя молніи и другія чудесныя явленія, которыя, по вѣрованіямъ того времени, толковались, какъ знаменія, предрекавшія великія бѣдствія и смерть множества людей. Въ томъ же году, при Биртрикѣ, королѣ Вессекса, прибыла въ Англію толпа сѣверныхъ Викинговъ. Фогтъ короля пошелъ имъ на встрѣчу. Онъ былъ убитъ, «погибъ, разсказываютъ Англійскія хроники, въ числѣ первыхъ жертвъ изъ тысячи тысячъ павшихъ, потомъ отъ меча Норманновъ.» Въ то же время пристали три корабля и къ берегамъ Мерсіи. Въ этомъ королевствѣ царствовалъ тогда король Оффа. Викинги высадились и стали грабить. Собрали войско противъ нихъ,

---

[16] «Nortmannorum exercitus collectus fuit de fortissimis Danorum, Sueonum, Norveorum.» Helmoldi Chron. Slav. «Dani et Sueones, quos Nordmannos vocamus.» Eginhard (умершій въ 839 г.), Vita Caroli M. «Dani et Suiones caeterique trans Daniam populi ab historicis Francorum omnes Normanni vocantur.» Adamus Brem. De situ Daniae. «Nortmanni lingua barbara dicti sunt quâsi homines Septentrionales, eo quod ab illa mundi parte venerunt, scilicet a Scythia inferiori, quae secundum Isidorum terra Barbarica vocatur.» De Nortmannorum gente et principibus у Duchesne Script. Franc. (Къ этимъ доказательствамъ подходитъ еще приведенное въ примѣч. 213). Въ Англійскихъ лѣтописяхъ они вообще называются «Dani:» подъ этимъ именемъ въ то время разумѣлись вообще всѣ, говорившіе «Doensk Tugna», Датскимъ языкомъ, т. е., Датчане, Шведы, Норманны, также и Исландцы, говорившіе съ ними однимъ языкомъ, потому-то въ Исландскихъ законахъ Датскій языкъ называется «vor tunga», нашъ языкъ.

[17] Chronol. Ang. у Твисдена, Hist. Angl. scriptor.

принудили ихъ покинуть добычу и бѣжать на корабли. Нѣкоторые взяты въ плѣнъ и приведены къ королю. Они казались неустрашимыми и объясняли, что посланы только для развѣдыванія качества страны, и что въ большемъ числѣ Норманнское войско готовится въ походъ для вторженія въ землю Англовъ и Бриттовъ. Король возвратилъ свободу плѣнникамъ съ такими словами: «Скажите Норманнамъ, что пока царствуетъ Оффа, всѣмъ пришлецамъ будетъ такой же пріемъ, какъ вамъ.» Эта черта безстрашія и вмѣстѣ благороднаго характера пріобрѣла для Мерсіи пощаду отъ Норманнскихъ разореній при жизни Оффы. Но всѣ другіе берега Британніи были посѣщены и опустошены въ слѣдующихъ годахъ. Викинги раздѣлились и, по выраженію лѣтописей, «свирѣпствовали, какъ лютые волки». Они уводили скотъ, неистовствовали въ грабежахъ и убійствахъ, никогда не щадили ни священниковъ, ни монаховъ, ни монахинь. Тогда опустошены были церковь и монастырь Св. Кутберта на островѣ Линдисфарне въ Нортумберландіи; тамошнія сокровища расхищены. Одни изъ монаховъ убиты, другіе брошены въ море. Но Св. Кутбертъ призвалъ небесную кару на Викинговъ: въ слѣдующемъ году ихъ суда разбило ужасною бурею: большая часть войска погибла въ волнахъ; всѣ, успѣвшіе спастися на берегъ, безъ милосердія истреблены съ ихъ вождемъ, который мучительною смертію поплатился за свои разбои. [18] Это случилось въ 794 году. На другой годъ явились новые Викинги, опустошившіе Ирландію съ окрестными островами. Для Ирландцевъ были они незнакомымъ народомъ, почему и назывались отъ нихъ «Gâl» чужеземцы, и раздѣлялись на бѣлыхъ (Fion-Gâl) и черныхъ (Dubh-Gâl) и островитянъ (Innis-Gâl); [19] Ирландцы называли ихъ также Lochlanach, мореходы, сѣверные пираты; но, слѣдуя обычаю того времени давать имя народу по положенію его страны, они всего обыкновеннѣе называются въ Ирландскихъ лѣтописяхъ «Восточными людьми» (Ostmanni). Морское войско этихъ Восточныхъ лю-

---

[18] Это былъ, вѣроятно, Рагнаръ Лодброкъ, славный въ древнихъ сѣверныхъ сагахъ.

[19] Можетъ быть, по предположенію Сума и Гейера, различіе въ одеждѣ подало поводъ къ названіямъ «бѣлые и черные Гали», бѣлые и черные Лохланахи или Лохлануйги. Fion-Gâl, Dubh-Gâl, Innis-Gâl отвѣчаютъ, впрочемъ, тремъ Скандинавскимъ народамъ. Срав. Гейера Svea Rikes häfder, ч. I.

людей уже въ 818 году стало твердою ногою въ Ирландіи и заняло области Лейнстеръ и Meath.

Въ Фрисландію въ 810 году прибылъ Датскій король Годефридъ, съ флотомъ изъ 200 судовъ, ограбилъ всѣ прибрежные острова, сожегъ Гренингенъ, разбилъ Фризовъ въ трехъ сухопутныхъ битвахъ и обложилъ ихъ данью во 100 фунтовъ серебра. [20] Это случилось еще при жизни Карла Великаго. Онъ отправился изъ Ахена къ морю, объѣхалъ и осмотрѣлъ весь берегъ до Руана, велѣлъ вездѣ закладывать укрѣпленія, распорядился постройкою кораблей во всѣхъ гаваняхъ, потому что въ одномъ только сильномъ и хорошо снаряженномъ флотѣ онъ видѣлъ безопасность и защиту страны отъ частыхъ нападеній сѣверныхъ непріятелей. [21] Однажды, въ какомъ-то приморскомъ городѣ южной Франціи, императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, когда показались въ гавани иноземные корабли. Одни считали ихъ Жидовскими, другіе Африканскими, нѣкоторые Англійскими: всѣ полагали, что это купеческіе корабли. Но Карлъ, по способу постройки и быстротѣ движеній угадалъ ихъ назначеніе и сказалъ: «Эти суда не съ товарами, а съ ратными людьми.» Всѣ тотчасъ схватили оружіе и поспѣшили къ гавани встрѣчать этихъ гостей. Однако жь Викинги, замѣтивъ, что тутъ самъ Карлъ, быстро повернулись въ море и исчезли, какъ молнія. Тогда Карлъ задумчиво покачалъ головою: нѣкогда Фингалъ, подъ вліяніемъ мрачнаго предчувствія, глубоко скорбѣлъ о войнѣ съ Скандинавскимъ княземъ Аррагономъ и такъ высказывалъ свои сѣтованія· «Плачевная война предстоитъ намъ съ суровымъ королемъ Сары. Вижу твои бури, Морвена! Онѣ испровергнутъ мои замки, когда мои сыновья падутъ въ бою и не останется никого для обитанія въ Сельмѣ.» Подобно Фингалу, могущественный Французскій императоръ сожалѣлъ о судьбѣ своихъ преемниковъ, видя возрастающую смѣлость этихъ пиратовъ и предчувствуя отъ того много бѣдствій для

[20] Annal. Bertin. y Duchesne.

[21] «Carolus M. molitus est classem contra Nordmannos, aedificatis ad hoc navibus juxta flumina, quae de Gallia et Germania septentrionalem influunt oceanum, et quia Nordmanni Gallicum littus atque Germanicum, assidua infestatione vastabant, per omnes portus et ostia flumina, qua naves recipi posse videbantur, stationibus et excubiis dispositis, neque hostis exire possit, tali munitione prohibuit.» Eginhardus, Vita Caroli M.

своей страны. «Предвижу, съ горестью сказалъ онъ, сколько зла надѣлаютъ они моимъ преемникамъ и ихъ подданнымъ.» [22] Немного времени спустя по кончинѣ Карла, флотъ Викинговъ, изъ 13 кораблей, посѣтилъ берега Фландріи и потомъ въѣхалъ въ Сену. Отраженные тамъ, они направились въ Аквитанію (въ западной Франціи), ограбили мѣстечко Медокъ между Гаронною и моремъ и воротились потомъ съ богатою добычею на сѣверъ. [23] Но въ 827 году явились они опять, и на этотъ разъ дошли до береговъ Испаніи. Они пристали къ Галиціи, показались при Гижонѣ и грабили по всему протяженію страны. Леонскій король, Рамиръ, пошелъ имъ на встрѣчу, разбилъ ихъ и, по сказанію Испанскихъ историковъ, сожегъ у нихъ семьдесятъ кораблей. [24] Спустя три года, Норманны показались опять на западномъ берегу Франціи. Они высадились на островѣ Ноармутье близъ береговъ Вандеи, ограбили монастырь св. Филиберта, построенный Карломъ Великимъ, разорили монастырь Богородицы на островѣ Ре и также посѣтили ближній берегъ твердой земли. [25] Въ томъ же году другіе Викинги прибыли въ Ирландію, три раза въ одинъ мѣсяцъ занимали городъ Армагъ, прежде никогда никѣмъ не покоренный, долго держались въ немъ, выгнали архіепископа (по имени Фарнанъ) и увели съ собою въ плѣнъ аббата. [26] Спустя нѣсколько времени, въ 832 году, прибыло войско Викинговъ на островъ Sheрey въ Кентскомъ графствѣ, на юго-восточномъ берегу Англіи. Ограбивъ островъ, они вошли съ 35-ю кораблями въ устье рѣки Карра, въ Дорсетскомъ графствѣ, высадились, свирѣпствовали ужасно и обогатились значительною добычей. Тогда Эгбертъ, король Вестсекскій, собралъ войско и далъ имъ великую битву при Каргамѣ. Она продолжалась весь день; потеря была велика съ обѣихъ сторонъ; Викинги удержали поле сраже-

---

[22] «Maximo dolore torqueor, quia praevideo, quanta mala posteris meis et eorum sint futuri subjectis.» De rebus bellicis Caroli M. у Duchesne. Далѣе сказано, что это случилось въ приморскомъ городѣ Нарбоннской Галліи, которая простиралась отъ Пиринеевъ до Италіи, и отъ Средиземнаго моря до Севенновъ и р. Роны. Если это вѣрно, то Викинги еще тогда появлялись въ Средиземномъ морѣ.

[23] Annal. Bertin. и Chron. Normann. у Duchesne.

[24] J. Vaesaeus въ Hispania Illust., привод. у Лангебека, l. c.

[25] G. B. Deping'а походы Норманновъ и ихъ поселенія во Франціи.

[26] Waraeus, Antiquit. Hibern.

нія. [27] Въ слѣдующихъ годахъ, съ 833 до 837-го посѣщены были берега Фрисландіи, Голландіи, Фландріи и Франціи, между тѣмъ какъ другіе отряды тревожили Англію и Ирландію. Тогда три раза въ три года былъ ограбленъ Дорштадтъ, [28] опустошены города Антверпенъ и Витта (Гееръ-Флитъ при устьѣ Мааса въ Голландіи), земля обложена данью. Викинги плавали вверхъ по Шельдѣ, заняли городъ Доорникъ, сожгли тамошній монастырь, сравняли съ землею всѣ зданія, перебили множество жителей, остальныхъ полонили. Въ Мехельнѣ разломали они церковь св. Румольда, ограбили городъ и ушли съ богатою добычею. Флотъ изъ 9-ти кораблей прибылъ и на островъ Ноармутье, на югозападномъ берегу Франціи. [29] Другой флотъ, направляясь мимо Корнваллиса, присталъ въ южномъ Валлисѣ, гдѣ Викинги высадились и въ союзѣ съ Валлисцами вторглись въ королевство Вестсекскаго короля, Эгберта, опустошая все на пути огнемъ и мечемъ. Эгбертъ сразился съ ними на горѣ Генгистдуне (Генстонгиллѣ), между Saltash и Launceston, неподалеку рѣки Тамара, впадающей у Плимута. Викинги были разбиты; большая часть ихъ пала, остальные убѣжали на корабли. Но подкрѣпленные другимъ флотомъ изъ Скандинавіи, они еще ужаснѣе напали на Ирландію. Плывя вверхъ по рѣкамъ Бойне и Лиффи (послѣдняя протекаетъ при Дублинѣ), они ограбили Муйридглъ, сдѣлали значительную добычу въ Унхайлѣ, разорили множество монастырей и сожгли монаховъ, разбили въ кровопролитной битвѣ все войско, какое собрали жители Лейнстера, ограбили Армагъ и Лиммерикъ, также Лисморъ въ графствѣ Ватерфордъ, похитили въ церквахъ и монастыряхъ священные сосуды и всѣ драгоцѣнности, и такъ свирѣпствовали, что Конквоваръ, верховный Ирландскій король, умеръ съ горя о такомъ бѣдствіи страны. [30] Счастію Норманновъ въ Ирландіи больше всего помогало то обстоятельство, что Ирландцы, раздѣленные на многія небольшія государства, которымъ мало было нужды до общаго, верховнаго

---

[27] Gibson, Chronol. Saxon. — Florentius Wigorniensis, Chron. — Matthaeus Westmonasteriensis, Flores Hist.

[28] Городъ, прежде лежавшій на Рейнѣ, очень значительный: его остатки существуютъ и по нынѣ въ Wyk de Duerstede. Ср. Лангебека l. c. 1, p. 438, not. c.

[29] Annales Fuldenses у Duchesne. Gesta S. Gummari въ F. Haraei Ann. Brab. Мѣста изъ нихъ у Лангебека l. c. Labbe, Nov. Bibl. Mss., прим. Depping.

[30] Gibson, Chron. Sax., Flor. Wigorn. l. c. Hystory of Ireland by Keating.

короля, непрерывно вели междоусобныя войны; даже во время опустошительныхъ нашествій Викинговъ, они ни мало не переставали воевать другъ съ другомъ.

Острова, въ великомъ множествѣ окружающіе Шотландію, на западѣ Гебриды (Soedегоеаr сѣверныхъ сагъ), на сѣверѣ Оркадскіе или Оркновы, были истиннымъ гнѣздилищемъ и сборнымъ мѣстомъ Викинговъ. Впрочемъ, гдѣ бы ни приставали эти пираты, если только находились по близости острововъ, на нихъ лучше всего переносили они свой станъ; тамъ были въ безопастности въ заливахъ и бухтахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ моремъ, легко могли находить удобный случай для нечаяннаго нападенія; туда подъ сохраненіе приводили плѣнныхъ и сносили награбленное добро съ твердой земли, а при наступавшей опасности окружающее море всегда было имъ открыто для убѣжища. Ни одинъ изъ западныхъ народовъ еще не имѣлъ флотовъ; Норманны владѣли всѣмъ океаномъ или, лучше, по словамъ одного древняго поэта: «они населяли море и на немъ искали себѣ пищи.» [31]

III. До сихъ поръ одни небольшіе и отдѣльные флоты Викинговъ показывались въ южныхъ водахъ, какъ бы для осмотра береговъ и рѣчныхъ устьевъ; отъ того-то однѣ прибрежныя мѣста подвергались ихъ нападеніямъ. Но въ 836 году, сказываютъ Англійскія лѣтописи: «послалъ всемогущій Богъ толпы свирѣпыхъ язычниковъ, Датчанъ, Норвежцевъ, Готовъ и Шведовъ, Вандаловъ (Вендовъ) и Фризовъ, [32] цѣлыя 230 лѣтъ они опустошали грѣшную Англію отъ одного морскаго берега да другаго, убивали народъ и скотъ, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей.» Храбрый Эгбертъ, верховный король Англіи, умеръ въ началѣ 837 г.; ему наслѣдовалъ сынъ его, Этельвульфъ, человѣкъ благочестивый, но слабый, любитель мира и тишины. Въ начальномъ году его царствованія флотъ Викинговъ, изъ 33-хъ кораблей, вошелъ въ гавань Гамтуна (теперь Соутгамптонъ въ Гампширѣ). Здѣсь встрѣтили они сильное

---

[31] «Ipse quidem populus (Nortmanni) late pernotus habetur
Lintre dapes quaerit incolitatque mare.»
Ermoldus Nigellus, жившій въ первой половинѣ IX столѣтія и описавшій въ 4-хъ книгахъ жизнь Людовика Благочестиваго.

[32] «Danos et Norwegenses, Gothos et Swathedos, Wandalos et Freses». Matthaeus Westm. l. c. Bromton, Chronic. y Twysden, Collectio script. Angl.

сопротивленіе со стороны альтерманна Вульфгирда, [33] который принудилъ ихъ отступить, не сдѣлавъ ничего. Потомъ они удалились въ Портсмутъ, гдѣ одержали верхъ въ большомъ сраженіи съ альтерманномъ Этельгельмомъ, притянувшимъ къ себѣ войска изъ Дорсетскаго графства. Они разбили также альтерманна Геребрита, въ области Mersсwaram (Rumney Marsh), южной части Кентскаго графства; ограбили Линкольнъ, столицу Линдсея, нанесли великія пораженія Англичанамъ въ Остъ-Англіи, также какъ въ Кентѣ, и опустошали вездѣ, куда ни приходили. До сихъ поръ, послѣ внезапныхъ нападеній и грабежей, они съ добычею возвращались на зиму домой на сѣверъ; теперь начали укрѣпляться на Тенетѣ, зимовать на Snepey и другихъ островахъ. Съ наступленіемъ весны, они медленно приближались къ берегамъ и приставали то здѣсь, то тамъ. «Не приносила никакой пользы побѣда надъ ними въ одномъ мѣстѣ; спустя нѣсколько времени показывались ихъ войска и флоты еще многочисленнѣе въ другихъ мѣстахъ. Если Англійскіе короли выступали въ походъ для защиты восточной стороны королевства, то еще прежде встрѣчи съ врагомъ нагоняли ихъ поспѣшные гонцы и говорили: ««Куда идешь, король? Съ безчисленнымъ флотомъ язычники пристали къ южнымъ берегамъ, разоряютъ города и деревни, истребляютъ на пути все огнемъ и мечемъ.»» Въ тоже время приходили такія вѣсти съ запада и сѣвера: отъ того-то выигранная битва не приносила радости: знали, что впереди было ихъ много и гораздо кровопролитнѣе.» «Смѣлость и безпощадность Викинговъ наводили такой страхъ на Англичанъ, что отнимали у нихъ силы къ сопротивленію.» «Викинги не щадятъ никого, пока не дадутъ слова щадить. Одинъ изъ нихъ часто обращаетъ въ бѣгство десятерыхъ и даже больше. Бѣдность внушаетъ имъ смѣлость; непостоянный образъ жизни поставляетъ въ невозможность сражаться съ ними; отчаяніе дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми.» [34] Такъ Англійскіе

---

[33] Такъ назывались у Англосаксовъ правители областей или округовъ. «Альтерманны» въ Англіи имѣли одинаковую должность и достоинство съ Ярлами Скандинавіи.

[34] «Piratae Dei praesidio ita strenui evadunt, ut in pugna unus saepe decem in fugam egerit, nunc plures, nunc fortasse pauciores.» — «Egestas audaces et error investigabiles, et desperatio facit invincibiles. Nec erat illa gens inimicorum, quae pietatem coleret, quae ante fidem cuiquam parceret.»

лѣтописцы [35] описываютъ великую опасность и бѣдствіе страны въ это время отъ страшныхъ сѣверныхъ полчищъ. Англосаксы, спустя немного времени по ихъ поселеніи въ Англіи, обратились въ Христіянскую вѣру; уже до исхода VII-го вѣка языческая религія искоренилась тамъ совершенно. Распространившаяся монашеская жизнь, изобиліе плодоносной страны ослабили въ нихъ воинское мужество и изнѣжили ихъ. Къ тому же, власть верховнаго короля была ничтожна, а многоначаліе привело къ безсилію. Напротивъ Норманны были еще язычники и видѣли въ Христіанахъ народъ, чуждый и непріязненный религіи Асовъ. [36] Они умѣли также благоразумно извлекать выгоду изъ народныхъ междоусобій. [37] Безопасные на родинѣ подъ защитою моря, они на все отваживались и ничего не боялись. Недѣятельная жизнь не имѣла для нихъ ни какой цѣны, счастіе усиливало ихъ смѣлость и оживляло охоту къ предпріятіямъ еще отважнѣе. На небольшихъ судахъ они вездѣ могли приставать къ берегу, и непріятельскіе флоты нигдѣ не мѣшали ихъ высадкѣ. Разбитые на сушѣ, они всегда имѣли вѣрное убѣжище на своихъ хорошо охраняемыхъ судахъ въ открытомъ морѣ. Большихъ запасовъ не могли брать съ собою, да и не имѣли въ нихъ надобности: если направляли путь далѣе, нежели на сколько взято продовольствія, то приставали къ ближнему берегу и отправлялись на промыслъ (Strandhugg.) Куда ни являлись, вездѣ были страшными гостями; ни одной приморской странѣ не было отъ нихъ пощады: Ирландія терпѣла не меньше Англіи. Два флота, каждый не менѣе 60-ти судовъ, входили въ рѣки Бойне и Лиффи, одинъ въ Дрогеду, другой въ Дублинъ. Эти пришлыя восточныя суда приставали къ находившимся прежде въ Ирландіи и общими силами воевали съ Ирландцами. Викинги высадились и въ Шотландіи, дали Пиктамъ великую битву, одержали побѣду и ограбили Шотландскіе берега. [38]

---

[35] Matthaeus Westm. l. c. Bromson l. c. Gibson, Chron. Sax., Flor. Wigorn. l. c. Vita Elphegi, и Lupi Sermo ad Anglos, у Лангебека. l. c.

[36] Кажется, можно сдѣлать такое заключеніе изъ ихъ поступковъ съ церквами и монастырями, съ монахами и священниками.

[37] Они, какъ мы видѣли, соединились, съ Валлисцами, природными врагами Англичанъ, и сдѣлали общее съ ними вторженіе въ государство Вестсаксонскаго короля, Эгберта.

[38] Waraeus, Antiquit. Hib., Joh. Fordun, Scotichron., у Лангебека, l. c.

IV. Между тѣмъ какъ это происходило въ Шотландіи, Англіи и Ирландіи, другія полчища Викинговъ бросились на Фрисландію, Голландію и Белгію, тревожили Францію и Испанію, проникли въ Средиземное море и посѣщали берега Италіи и Африки. Лудовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго, въ 840 году умеръ на одномъ островѣ рѣки Рейна, послѣ 26-тилѣтняго печальнаго и тревожнаго царствованія; снѣдаемый горемъ о неблагодарныхъ дѣтяхъ, онъ палъ подъ бременемъ правленія, къ которому былъ неспособенъ, по его добродушному и слабому характеру. Онъ раздѣлилъ великую Французскую имперію между сыновьями. Поднимая оружіе на отца при его жизни, они стали воевать между собою, когда Лудовикъ нашелъ покой въ могилѣ. Въ битвѣ братьевъ при Фонтене, въ Бургоніи, 25-го Іюня, 841 года, одной изъ самыхъ кровопролитныхъ, о какихъ только разсказываютъ лѣтописи того времени, пали лучшіе воины Франціи. Спустя два года, въ 843 году, братья заключили взаимный, дружескій договоръ въ Вердюнѣ. Лудовикъ, имѣвшій пребываніе въ Баваріи и прозванный Нѣмецкимъ, получилъ Нѣмецкія земли на востокъ отъ Рейна, вмѣстѣ съ Шпейеромъ, Вормсомъ и Майнцемъ, и частію Пфальца. Карлъ, по прозванію Лысый, получилъ большую часть теперешней Франціи или страну на западъ отъ Роны, Соны, Мааса и Шельды; Лотарь, старшій изъ сыновей Лудовика, наслѣдовалъ отцу въ достоинствѣ Римскаго императора и, вмѣстѣ съ Испаніей, получилъ страну, лежащую между королевствами братьевъ и простиравшуюся отъ Альповъ до береговъ Нѣмецкаго моря: по имени одного изъ наслѣдниковъ Лотаря, потомъ дано ей названіе Лотарингіи. Пипинъ, племянникъ этихъ королей, получилъ [39] Аквитанію. Съ такимъ раздробленіемъ сильной имперіи Карла Великаго распалось страшное владычество Франковъ. Великіе вассалы, сдѣлавшіеся еще сильнѣе при внутреннихъ волненіяхъ и междоусобной войнѣ братьевъ, управляли подъименемъ герцоговъ и графовъ, подобно независимымъ государямъ, въ своихъ ленахъ, такъ что королевская власть имѣла или малое значеніе, или никакого. При томъ Вердюнскій договоръ не прекратилъ навсегда войну въ семействѣ Каролинговъ, а за предѣлами Испаніи грозило могущество Аравитянъ.

[39] Кромѣ сыновей: Лотаря, Лудовика и Карла, Лудовикъ Благочестивый имѣлъ, еще сына Пипина, который умеръ, впрочемъ, при жизни отца, оставивъ сына, также Пипина.

Когда Франція находилась въ такомъ бѣдственномъ положеніи, весною того года, въ которомъ дано сраженіе при Фонтене, одинъ флотъ Викинговъ вошелъ въ рѣку Сену, другой въ Лоару. Городъ Руанъ былъ разоренъ, Сентъ-Уенскій монастырь взятъ, множество монаховъ убито или уведено въ плѣнъ, всѣ мѣста, лежащія между Руаномъ и моремъ и на прибережьи Сены ограблены, или обложены данью; монастырь Жюмьежъ, основанный Св. Филибертомъ, въ VII-мъ столѣтіи, на маленькомъ полуостровѣ Сены; цѣлыя тридцать лѣтъ; съ того времени стоялъ пустой; монастырь Фонтенель откупился 6-ю фунтами золота или серебра, отъ грабежа и пожара; Сен-Денисскіе монахи заплатили 26 фунтовъ за выкупъ 68-ми плѣнниковъ. [40] На Лоарѣ Викинги опустошили всю страну между этою рѣкою и Шеромъ, выжгли городъ Амбоазъ и явились передъ Туромъ. Ужасъ предупредилъ ихъ такъ, что жители Тура наскоро исправили стѣны и встрѣчали метательными копьями приближавшихся Викинговъ. Норманны осадили городъ, заняли всѣ выходы, построили бастіоны, дѣлали на городъ сильныя нападенія, слѣдовавшія быстро одно за другимъ, и держали жителей въ крѣпкой осадѣ. Туръ находился въ крайней опасности: ему угрожало взятіе приступомъ. Тогда жители взяли изъ церкви мощи св. Мартина и носили ихъ по городскимъ стѣнамъ. Видъ святыхъ останковъ покровителя Тура оживилъ надежду и мужество его защитниковъ. Неискусные въ осадномъ дѣлѣ и не привыкшіе встрѣчать такое храброе сопротивленіе, Викинги отступили. Въ Турѣ приписали чудесное спасеніе города св. Мартину: построили во имя его церковь (Saint Martin de la guerre) на томъ мѣстѣ, куда принесены были мощи; тамъ, гдѣ находилась стѣна, на которой цѣлую ночь стояла рака, также воздвигнута огромная и великолѣпная церковь, называемая базиликою св. Мартина; съ пѣніемъ носимы были вокругъ его св. мощи; на торжественномъ собраніи мѣстнаго духовенства постановлено ежегодно праздновать во всемъ епископствѣ день 12-го Мая, въ который Норманны сняли осаду. [41] Викинги, воротившись на сѣверъ, разсказы-

---

[40] Villelmus Gemmeticensis, жившій въ исходѣ XI вѣка. Historia Normann. у Duchesne. Chron. Fontan. и Annales de Saint Bertin. Тамъ же.

[41] Odonis Abbatis De Danorum in Galliam irruptionibus et de Turonensi urbe, ab eis obsessa, у Лангебека l. c. II. Chron. Turon. у Martene, Collect. veter. script. et monum. hist., и въ Hist. scriptor. Norm., у Duchesne.

вали, что въ землѣ Франковъ надобно больше бояться мертвыхъ, нежели живыхъ.

V. Но едва только оправились во Франціи отъ этого перваго страха, какъ появились новые флоты Викинговъ. По разсказу Норманнскихъ писателей, старый король Лодброкъ хотѣлъ, чтобы его сыновья и сѣверное юношество пошли въ походъ искать счастія на чужбинѣ. Во времена переселенія народовъ существовалъ слѣдующій обычай: въ неурожайные годы или въ случаѣ такого размноженія народа, что земля не могла прокормить всѣхъ жителей, избиралась по жеребью большая или меньшая часть молодыхъ людей, или такихъ, «которые еще не могли сами располагать собою и не обзавелись собственнымъ хозяйствомъ» и высылались за предѣлы страны искать себѣ въ другомъ мѣстѣ пищи и родины.[42] Разсчитывали на то, что храбрый человѣкъ вездѣ найдетъ себѣ отечество. Съ тѣхъ поръ морскіе походы вошли въ обыкновеніе: поселянинъ отправлялъ взрослыхъ сыновей на море, чтобы они сами заботились о своихъ нуждахъ и наживали богатство. Это случалось особливо при чрезмѣрномъ народонаселеніи и угрожающемъ голодѣ, когда плохая жатва или совершенный неурожай дѣлали способы жизни для многолюдства гораздо недостаточнѣе противъ обыкновеннаго. Тогда, по старинному обычаю, все храброе юношество страны добровольно, или по принужденію, покидало свою родину и, составивъ сильные полки, выходило на многочисленныхъ флотахъ въ море добывать оружіемъ содержаніе и богатство въ краяхъ, болѣе изобильныхъ.[43] Такое общее переселеніе съ сѣвера совершилось въ поло-

---

[42] Таково переселеніе Лонгобардовъ изъ Готландіи. Paul. Warnefr. De gestis Longobardorum libri VI.

[43] «Danorum tellus quoniam sibi insufficiens est, moris est apud illos, ut per singula lustra multitudo non minima, dictante sortis eventu, a terra sua exsulet et in alienis terris mansionem sibi quomodo ad propria non reversura vindicet.» Odo l. c. «Exuberantes, atque terram, quam incolunt, habitare non sufficientes, collecta sorte multitudine pubescentium veterrimo ritu in externa regna extruduntur nationum, ut adquirant sibi praeliando regna, quibus vivere possint pace perpetua.» Dudo, De moribus et actis Normannorum y Duchesne. «Est autem Dania insula maris, rerum et maxime hominum fertilitate foecunda, cujus Reges antiquitus sancita lege statuerunt, ut, dum nimis insula esset hominibus repleta, viri audaciores de propriis migrare sedibus cogerentur.» Matthaeus Westmonasteriensis. Flores Hist. «Dani tantis adoleverunt incrementis, ut, dum

винѣ IX-го вѣка. Во главѣ его былъ Біернъ-Іернсида (медвѣдь съ желѣзнымъ бокомъ), [44] сынъ стараго Лодброка, прозванный такъ

---

repletae essent hominibus insulae, quam plures sancita a Regibus lege cogerentur de propriis sedibus migrare. Nam pater adultos filios cunctos a se pellebat, praeter unum, quem heredem sui juris relinquebat.» Villelmus Gemmeticensis, Hist. Normann. «Lothrocus Rex, patrum legibus excitus, cum ingenti juvenum agmine sorte cogente filium, nomine Bier Costae ferraeae, a suo abdicasse regno — ut peregrina regna petens, exteras sibi armis acquireret sedes.» Тамъ же. Пусть сравнять съ этими мѣстами другія, указанныя въ предыдущихъ примѣчаніяхъ. Чрезмѣрная населенность и голодъ бывали поводомъ къ переселеніямъ: примѣръ того встрѣчается и въ Инглинга-сагѣ, въ разсказѣ о возмущеніи противъ Олофа, сына Ингіальда Ильрады. Иваръ Видфаммъ отнялъ у него отцовское королевство. Олофъ удалился въ Вермландъ, воздѣлалъ тамъ землю, и за то получилъ прозваніе Traetelja (древосѣкъ). Къ нему явилось много бѣглецовъ изъ прочей Швеціи искать убѣжища отъ жестокостей Ивара Видфамна. Въ Вермландѣ сдѣлался голодъ по причинѣ множества народа и недостаточности способовъ пропитанія. Олофъ не очень уважалъ боговъ съ тѣхъ поръ, какъ они покинули его династію и отдали въ чужіе руки его отцовское королевство съ священнымъ храмомъ Упсалы: онъ рѣдко приносилъ имъ жертвы. Народъ смотрѣлъ на это съ неудовольствіемъ и думалъ, что за то и посѣтило ихъ такое бѣдствіе. Переговоривши о томъ между собою, жители великою толпою пошли къ двору, въ которомъ находился Олофъ, окружили домъ его, подложили огня и сожгли своего вождя вмѣстѣ съ жилищемъ, въ жертву Одену, за одинъ хлѣбородный годъ. Когда же умы поуспокоились и люди, болѣе разсудительные, увидѣли, что не Олофъ причина голода, а многолюдство, котораго не могла прокормить земля, опредѣлили, чтобы часть населенія вышла изъ страны: большое число жителей выселилось на острова Соль, Saloear, въ Норвегіи. Срав. Швед. ист. ч. I, стр. 251 и 299. Слѣды древняго обычая, по которому отецъ высылалъ взрослыхъ сыновей изъ отчизны, кромѣ одного, наслѣдовавшаго отцовское добро, встрѣчаются въ Остготскомъ законѣ (Ostgoeta Lagen) въ Dr. B. V. pr., гдѣ сказано: «han (поселянинъ) a egh hanum (сына) til hafs at visa ok egh i hirdhgardh», онъ не можетъ высылать его ни на море, ни на королевскій дворъ. Относительно приведеннаго нами выше писателя, надобно замѣтить, что Аббатъ Одо жилъ въ первой половинѣ X-го вѣка (умеръ въ Турѣ 942 года), и что Дудо и Вильгельмъ Gemmeticensis, жившіе въ XI вѣкѣ, спустя 100 лѣтъ послѣ поселенія Норманновъ во Франціи, писали посреди потомковъ сихъ поселенцевъ, основавшихъ независимое герцогство въ этой странѣ.

[44] Съ тѣхъ поръ, какъ начали обращать болѣе вниманіе на древніе Скандинавскіе источники сѣверной исторіи и подвергать ихъ критикѣ, вѣкъ Рагнара Лодброка и его сыновей представлялъ величайшія затрудненія для исто-

потому, что никогда не бывалъ раненъ въ сраженіяхъ: объ немъ

рика и археолога, по причинѣ встрѣтившихся противорѣчій въ извѣстіяхъ. Скандинавскія саги говорятъ о дальнихъ походахъ Рагнара и его сыновей въ Англію, землю Саксовъ, Валландъ (Нидерланды), Францію и даже Ломбардію въ Италіи, гдѣ эти Викинги взяли городъ Луну и сожгли ее за Римъ. Въ томъ согласны съ сагами древнія хроники Франціи и Англіи. Во Французскихъ лѣтописяхъ Біёрнъ Іернсида оставилъ страшное имя, и отецъ его называется Лодброкомъ (Lothbrocus или Lothroc), Датскимъ королемъ. Англійскія лѣтописи сохраняютъ не менѣе страшную память о Ингварѣ и Уббѣ съ ихъ братьями и называютъ ихъ сыновьями Лодброка, Датчанина изъ королевскаго рода. И въ томъ согласны древніе Англійскіе источники съ сѣверными, что Лодброкъ погибъ въ Англіи и его сыновья приходили туда для отмщенія за отца: имена сыновей почти одни и тѣже; другія согласныя показанія доказываютъ неоспоримо, что здѣсь идетъ рѣчь объ однихъ и тѣхъ же лицахъ и событіяхъ. Французскія и Англійскія хроники ведутъ разсказъ въ хронологическомъ порядкѣ и означаютъ время замѣчательныхъ событій, случившихся въ ихъ землѣ. По извѣстіямъ первыхъ, Біёрнъ Іернсида (Bier ferreae costae), сынъ Лодброка, прибылъ во Францію около 840 или 850 года съ великимъ войскомъ сѣверныхъ пиратовъ язычниковъ. Но опустошительное нашествіе на Англію, Датчанъ, Норманновъ, Шведовъ и Готовъ, подъ начальствомъ Ингвара и Уббо, сыновей Лодброка, съ ихъ братьями и знатными людьми, случилось въ 867 году, когда были разбиты Нортумберландскіе короли Осбритъ и Елла; Св. Эдмундъ, король Остангліи, убитъ 870 года, Бургредъ, король Мерсіи, изгнанъ въ 874-мъ году; въ томъ же году враги наводнили и Вестсекское королевство великаго Альфреда. По этимъ извѣстіямъ Рагнаръ Лодброкъ жилъ въ первой половинѣ IX-го вѣка, и его сыновья Біёрнъ Іернсида, Сигурдъ Ормёга (змѣиный) и Иваръ, раздѣлившіе королевство по смерти отца, царствовали во 2-й половинѣ того же столѣтія. Но въ это время, по Скандинавскимъ лѣтописямъ, на сѣверѣ совсѣмъ другіе короли: Ерикъ сынъ Эдмундовъ былъ тогда королемъ въ Швеціи, Гормъ старый въ Даніи, Гаральдъ Гарфагеръ (красивые волосы) въ Норвегіи: первый въ Швеціи, былъ четвертымъ королемъ послѣ Біёрна Іернсиды, Гормъ старый, также четвертый король, въ прямой линіи отъ Лодброка, а Гаральдъ Гарфагеръ, единовластный государь Норвегіи около 874 года, происходилъ по матери Рагнгильдъ въ 5-мъ колѣнѣ отъ Рагнара Лодстока. И такъ, по Скандинавскимъ лѣтописяхъ, около половины и въ исходѣ VIII-го столѣтія, жили тѣ самыя лица и случились тѣ самыя происшествія, которыя, въ извѣстіяхъ иностранныхъ хроникъ встрѣчаются во 2-й половинѣ IX вѣка, слѣдовательно, позднѣе почти цѣлымъ столѣтіемъ. Въ добавокъ къ тому, Исландскіе лѣтописцы, Аре Фроде, и его послѣдователи, желавшіе, подобно лѣтописцамъ другихъ странъ, подвести событія подъ точныя хронологическія числа, помѣстили Рагнара Лодброка и его сыновей въ IX-е столѣтіе, соображаясь въ этомъ случаѣ съ Англійскими легендами и не замѣчая противорѣ-

говорили, что мать заворожила его отъ всякаго оружія. Съ нимъ

чія, въ какое впадали чрезъ то въ хронологіи сѣверныхъ королей и съ генеалогическими таблицами. Отъ того-то сѣверныя историческія сочиненія противорѣчили одни другимъ, и событія того времени стали еще запутаннѣе. Для соглашенія такихъ разнорѣчащихъ извѣстій многіе Скандинавскіе историки, на пр., Торфей и другіе, принимали двухъ королей съ именемъ Рагнара Лодброка, изъ которыхъ ранѣе жившій,—верховный сѣверный король, принадлежалъ VIII столѣтію, а позднѣйшаго Лодброка иноземныхъ лѣтописей полагали однимъ изъ малыхъ королей (Fylkis koenige) Ютландіи въ IX-мъ вѣкѣ. Нѣкоторые, на пр., Вильде, признаютъ одного только Рагнара Лодброка, но даютъ сыновьямъ его слишкомъ долгую жизнь; другіе, на пр., славный изслѣдователь Миллеръ въ Даніи, считаютъ этихъ сыновей внуками Лодброка. Во Французскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются два Норманнскіе вождя подъ этимъ имененемъ: одинъ, ранѣе жившій, въ 836 году, ввелъ свой флотъ въ Шельду, а позднѣйшій, въ 845 году, доходилъ до Парижа. Адамъ Бременскій, въ его Датской исторіи, упоминаетъ о Датскомъ королѣ Регинфредѣ, который жилъ въ первой половинѣ IX-го вѣка, но будучи изгнанъ своимъ соправителемъ, Гаральдомъ, велъ потомъ жизнь пирата. Кажется, что этого Регинфреда, упоминаемаго и во Французскихъ лѣтописяхъ, Саксо и Исландскіе лѣтописцы смѣшиваютъ съ Рагнаромъ Лодброкомъ, или принимаютъ ихъ за одно и то же лицо; но имена «Біёрнъ» и «Иваръ» были въ такомъ общемъ употребленіи на сѣверѣ, что лица, являющіяся подъ этими именами во Французскихъ и Англійскихъ лѣтописяхъ, могли быть совсѣмъ другія, а не сыновья Лодброка. Есть не только слѣды, но отчасти точныя свидѣтельства, что Исландскимъ лѣтописцамъ и позднѣйшимъ переписчикамъ сагъ были равно знакомы, какъ церковная исторія Адама Бременскаго, такъ и другія Французскія и Англійскія хроники: извѣстно, какъ любятъ саги соединять въ одно многія замѣчательныя событія и навязывать одному славному имени множество подвиговъ, вовсе не заботясь о хронологіи. По этимъ причинамъ Гейеръ (Svea Rikes Haefder I) считалъ вѣроятнымъ, что все, повѣствуемое лѣтописями другихъ странъ объ Иварѣ, Біёрнѣ и ихъ братьяхъ, Исландцы прибавили къ разсказамъ древнѣйшихъ сагъ про Рагнара и его сыновей. Это остается единственнымъ средствомъ понять и объяснить сколько нибудь эту запутанность въ событіяхъ и годахъ относительно Рагнара Лодброка и его сыновей. Хотя Французскія лѣтописи ничего не говорятъ собственно о дѣлахъ Лодброка, но только мимоходомъ называютъ его имя, Англійскія же передаютъ лишь сказаніе о его смерти, то, кажется, до нихъ доходили слухи о немъ, какъ о страшномъ человѣкѣ, и многія обстоятельства заставляли ихъ считать сыновьями его тѣхъ Викинговъ, которые явились столь ужасными въ этихъ странахъ въ послѣдней половинѣ IX-го вѣка и, можетъ быть, были его внуки или родственники. Тоже самое отчасти относится и къ походамъ, приписаннымъ Скандинавскими сагами Ивару Видфамне, Гаральду Гильдетанду и Сигурду Рингу, которые покорили всю Нортумберландію или пятую часть

ѣхалъ Гастингъ, [45] его воспитатель. Кромѣ нихъ готовятся въ походъ

Англіи и владѣли ею. По Англійскимъ же лѣтописямъ опустошительныя вторженія Норманновъ въ Англію начались только въ исходѣ VIII-го вѣка, но потомъ продолжались долго; однако жъ особенно страшными они сдѣлались съ 837 года до самаго покоренія ими Нортумберландіи въ послѣдней половинѣ этого столѣтія (IX-го). По всей вѣроятности, въ сѣверныхъ сагахъ перепутаны время и лица, тѣмъ скорѣе, что въ числѣ Датскихъ королей встрѣчается много «Ринговъ» и «Гаральдовъ,» а имя «Ивара» носили многіе Датскіе вожди, отъ чего и произошло, что позднѣйшія событія отнесены къ славнымъ именамъ Ивара Видфамна, Гаральда Гильдетанда и Сигурда Ринга. Срав. Гейера l. c. и Галленберга Anmerkungen zu Schwed. Gesch. v. Lagerbrink. 1. Въ исчисленіи Шведскихъ королей отъ Рагнара Лодброка встрѣчаются двое съ именемъ Біёрна, принадлежащіе къ первой половинѣ IX-го вѣка, именно Біёрнъ на Гаагѣ, и его отецъ Біёрнъ. Сравн. Schwed. Gesch. T. 1. p. 270, not. 85, p. 288, p. 290, not. 104.

[45] Его имя пишется въ хроникахъ очень различно: то Астингусъ, то Астаннусъ, то Альстагнусъ, то Анстигнусъ, то Анстиннусъ, то Гестенусъ, то Гвастенъ (см. Лангебека l. c. 1, c. 1, стр. 525, прим. 9). Можетъ быть, то же, что сѣверное имя Эйстенъ или Остенъ. Объ этомъ Гастингѣ, его соратникѣ Біёрнѣ Іернсидѣ и ихъ прибытіи во Францію у Роберта Баса, написавшаго около 1160-го года стихотворную хронику «Le Romanz de Rou» на Романскомъ или Древне-Французскомъ языкѣ есть слѣдующіе стихи:

«Hastainz y vint premierement,
Qui fist maint poure et maint doleur,
Compainz et maistre fu Bier,
Que l'en clamoit coste de fiere;
Coste de fer pour ceu out non,
Ne sai c'est voir, mez ce dit on,
Que la mere, qui l'ont porté,
L'out si charmé et enchanté
Que fer ne le pout entamer
Ne par ferir ne par bouter.
Fiz fu Lotroc un Danoiz Roy,
Qui touz temps fu de male foy.»

Относительно прозванія Біёрну Jernsida (costa ferrea) разсказываетъ также Villelmus Gemmet., что его прозвали такъ, «quia non ei clypeus objiceretur, sed inermis in acie stans, armorum vim quamcunque sperneret illaesus, vehementissimis matris eius venenis infectus.»

толпы Вестготскихъ юношей и мужей. [46] Во всѣ окрестныя мѣста отправлены гонцы съ приглашеніемъ участвовать въ походѣ. Храбрые молодые люди всей Скандинавіи составляютъ несмѣтное войско: это [47] бѣдняки, смѣлые отъ того, что имъ нечего было терять, равно готовые умереть, или побѣдить. Вездѣ строятъ суда, изготовляютъ шлемы, щиты и брони, точатъ мечи и копья. Въ назначенный день суда спущены въ море; храбрые люди стекаются къ нимъ съ разныхъ сторонъ; великая жертва приносится богу Тору, ея кровію окропляются головы присутствующихъ. [48] Ставятъ знамена; молодые люди весело всходятъ на суда; вѣтеръ надуваетъ паруса и уноситъ въ море флотъ, тяжело нагруженный оружіемъ и войскомъ. На Лоарѣ разнесся слухъ, что Норманнскій флотъ уже близко. Монахи, съ богатствами окрестныхъ монастырей, бѣжали въ сильно укрѣпленный городъ Нантъ. Тамъ же искали убѣжища и окрестные поселяне. Проводникомъ Викинговъ былъ графъ Ламбертъ, питавшій непримиримую непріязнь къ Французскому королю за то, что этотъ отказалъ ему въ Нантскомъ графствѣ: они вошли въ Лоару и, при попутномъ западномъ вѣтрѣ, пользуясь помощію веселъ, такъ же какъ и парусовъ, направили путь прямо къ Нанту. Жители сочли плывущіе къ нимъ корабли за купеческіе и не приняли никакихъ мѣръ къ защитѣ. Какъ ни боялись смѣлыхъ Норманновъ, однако жь не ожидали отъ нихъ такой дерзкой отваги, чтобы покуситься плыть къ Нанту, городу, обнесенному крѣпкими стѣнами. Но между тѣмъ какъ жители воображали себя въ безопасности, Викинги съ флотомъ пристали къ городу, взобрались по штурмовымъ лѣстницамъ на стѣны, разломали запертыя засовами ворота и вломились въ городъ. Тогда не было пощады никому, кто ни попадался. Женщины и дѣти, военные люди, духовенство, міряне,

---

[46] Въ Fragm. Mirac. S. Bercharii, у Mabill. Act. SS. Ben. T. II. (Мѣста изъ этого творенія привод. Лангебекъ). Норманны, подъ начальствомъ Гастинга и Біёрна Іернсиды нападавшіе на Францію, называются Visigothi, Вестготы.

[47] Лѣтописи упоминаютъ о «Весфалдингахъ» (можетъ быть, изъ Вестфольдена въ Норвегіи), которые также принимали участіе въ этомъ походѣ.

[48] Dudo l. c.

[49] Villelmus Gemmet. прибавляетъ, что Викинги, пріѣзжавшіе во Францію, принадлежали къ Готскому племени, но, по ихъ собственнымъ словамъ, происходили отъ Троянцевъ.

всѣ безъ исключенія были изрублены или взяты въ плѣнъ. Множество священниковъ, всѣ монахи и большая толпа зрителей убѣжали въ соборную церковь св. Петра. Викинги выломали церковныя двери, убили епископа Гвигарда при алтарѣ Св. Ферреола, въ толпѣ другихъ причинили жестокое кровопролитіе и потомъ зажгли церковь. На церкви и монастыри, на священниковъ и монаховъ, какъ на враговъ ихъ религіи, они особенно изливали свою ярость, потому и разорялись эти святилища, тогда какъ другія зданія бывали пощажены. Викинги знали также, что въ церквахъ и монастыряхъ находилось много богатства. Разрушивъ соборную церковь и ограбивъ городъ, они вернулись на суда съ значительною добычей и большою толпою плѣнныхъ, разбили станъ на удачно выбранномъ, удобномъ для нихъ, островѣ рѣки Лоары; тамъ выстроили себѣ хижины, туда стащили добычу и плѣнныхъ, своихъ больныхъ и раненыхъ, утвердились на островѣ и, будто стѣною, окружили весь рейдъ своими судами. Потомъ повели нападенія на окрестныя мѣста, дѣлали набѣги по всей странѣ, то пѣшіе, то на лошадяхъ, то на лодкахъ по рѣкамъ, разсѣявая ужасъ по всему сосѣдству, грабили деревни и монастыри, покоряли замки и крѣпости, и собрали безчисленное множество золота, серебра и другихъ драгоцѣнностей. [50] Ограбивъ области на Лоарѣ и раздѣливъ добычу, [51] они сѣли на суда и вышли въ море. Вѣтеръ пригналъ ихъ въ Испанію къ берегамъ Галиціи. Но множество судовъ было разбито бурей и нападеніе на Корунну не удалось, потому что долгая, кровопролитная война съ Маврами пріучила Испанцевъ къ битвамъ и развила въ нихъ воинственный духъ. [52] Отъ того-то Викинги вернулись во Францію и, войдя въ устье Гаронны, поплыли вверхъ по рѣкѣ. Ограбили Бордо и простерли свои опустошительные набѣги, съ одной стороны, до Сента, съ другой до Тулузы. Они ограбили Базасъ, Даксъ, Бигорръ, Байонну, Лескаръ, Олеронъ, Лейктуръ и монастырь Кондомъ. Тотилъ, герцогъ Гасконскій, двинулся къ нимъ на встрѣчу удержать ихъ вторженіе. Викинги разбили его и потомъ прошли всю Гасконію.

---

[50] Frag. de Bello Brit. Annal. Bert. и Chronica Normannorum у Duchesne.

[51] При этомъ случаѣ они поссорились, и между ними произошли кровопролитныя схватки.

[52] Annal. Bertin. и Chron. Normann., у Duchesne; также Fragm. Hist., Arm. у Martene.

Близь города Тарба находился укрѣпленный замокъ, обнесенный рвомъ и стѣнами, пребываніе графа Бигоррскаго: онъ обращенъ въ груду пепла. Монастыри Гасконіи постигла таже участь. Смѣлые враги отваживались углубляться далеко во внутренность страны. Тѣмъ удобнѣе для жителей выпадали случаи къ жестокому мщенію Викингамъ. Въ Тарбѣ, въ югозападной Франціи, еще понынѣ празднуется день 21 Мая, въ воспоминаніе пораженія Норманновъ, когда они, возвращаясь съ богатой добычей, были въ одной тѣснинѣ застигнуты врасплохъ и изрублены до послѣдняго. Славу этого успѣха приписывали св. Миссолину, потому что побѣду надъ такимъ лютымъ врагомъ не почитали дѣломъ обыкновеннаго человѣка.[53] Французскія лѣтописи уподобляютъ полчища Викинговъ «разрушительному потоку, истекшему изъ утесовъ сѣверныхъ горъ». Въ этѣхъ лѣтописяхъ особенно Гастингъ оставилъ страшное имя свирѣпостію и опустошеніями, обозначавшими путь его. Онъ переходилъ отъ приключенія къ приключенію, отъ одного кроваваго подвига къ другому.

VI. И области на Гароннѣ были посѣщены Викингами, подобно областямъ на Сенѣ. Въ Мартѣ 845 года флотъ изъ 120 длинныхъ судовъ вошелъ въ эту рѣку, проникнулъ до Руана, а оттуда въ Шарлераннь, которымъ завладѣли Норманны. Карлъ Лысый пошелъ на нихъ, поручивъ себя напередъ св. Діонисію въ Сенъ-Денисскомъ монастырѣ. Викинги обратили въ бѣгство его войско, часть плѣнныхъ повѣсили, остальныхъ увели на одинъ островъ Сены, грабили по обѣимъ берегамъ рѣки и проникнули до Парижа. Тогда всѣ, кто только могъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, унося съ собою лучшія драгоцѣнности. Мощи св. Женевьевы и св. Германа отправлены во внутреннюю Францію; изо всѣхъ мѣстъ послѣдовало общее бѣгство мужчинъ, женщинъ, дѣтей; по всѣмъ дорогамъ брели монахи съ мощами и разносили ужасъ по всей странѣ. Викинги заняли Парижъ, но нашли городъ и монастыри пустыми. Карлъ Лысый съ войскомъ стоялъ при Сенъ-Дени частію для защиты этого сильнаго монастыря, частію, чтобы самому имѣть въ немъ прикрытіе. Викинги, направясь къ сѣверу, вторгнулись въ Бове и ограбили монастырь Sithdiu (Сентъ-Омеръ). Имъ предшествовалъ такой ужасъ, что дворяне той страны, по крайней мѣрѣ, такіе, у кого не было сильно

---

[53] Depping, l. c.

укрѣпленныхъ замковъ, бѣжали толпами. Корбейскій монахъ, Пасхазій Радбертъ, жившій въ то время, когда ограбленъ Парижъ, такъ высказываетъ свои жалобы: «Кто бы подумалъ, кто бы вообразилъ видимое нынѣ нашими глазами, предметъ нашихъ вздоховъ и слезъ? Орда, составленная изъ морскихъ разбойниковъ, проникла до Парижа и сожгла церкви и монастыри на берегахъ Сены! Кто бы представилъ себѣ, что простые разбойники отважатся на такія предпріятія и что, увы! такое славное и сильное, великое и населенное королевство постигнетъ участь позора и униженія отъ грабительства этихъ варваровъ? За нѣсколько предъ симъ лѣтъ не ожидали увидѣть, что они награбятъ такое множество сокровищъ въ нашихъ областяхъ, опустошатъ ихъ, а жителей уведутъ въ рабство; даже и не предчувствовали, что они осмѣлятся занести ногу во внутренность королевства!» [54]

Незрѣлые плоды и непривычный климатъ произвели между Викингами опустошительную, прилипчивую болѣзнь. [55] Они отправили пословъ въ Сенъ-Дени къ королю Карлу и вызывались удалиться за нѣкоторую сумму серебра. Король и вельможи Франціи не умѣли пользоваться затруднительнымъ положеніемъ Норманновъ. Они купили ихъ удаленіе за 7000 фунтовъ серебра. [56] Послѣ того всѣ дошедшіе до Парижа, сколько уцѣлѣло ихъ отъ повальной болѣзни, покинули берега Сены, ограбивъ еще разъ страну, и воротились на сѣверъ съ безчисленною добычею въ серебрѣ и золотѣ. Но другое ихъ войско опустошило Бретань и разбило Номеногія, короля-самозванца этой области, въ трехъ битвахъ, и онъ считалъ себя счастливымъ, успѣвъ богатыми подарками удалить своихъ страшныхъ гостей. Третье войско Викинговъ разсѣялось по Аквитаніи, побѣдило Сегуина, графа Бордосскаго и Сентскаго, павшаго въ битвѣ, завоевало и ограбило Сентъ, также Люсонъ и проникнуло до Лиможа, разорило монастыри Иль-Дье, Гранъ-Лье и другіе; посѣтило островъ Ноармутье, не поплыло вдоль Аквитанскаго берега, неся съ собою особенно страшное опустошеніе, распространяя ужасъ

---

[54] Bibliotheca patrum, t. XIV и Mémoires de Bonamy sur l'état de l'empire français, lorsque les Normands y firent des incursions (t. XV. des Mémoires de l'Acad. Rey. des inscript. et belles lettres), привод. Depping l. c.

[55] Кажется, что кровавый поносъ была та болѣзнь, которою часто страдали Викинги въ походахъ во Францію.

[56] Annal. Bertin.

въ странахъ по рѣкѣ Гароннѣ. Они осадили Бордо. Карлъ Лысый собралъ войско и двинулся въ Аквитанію. Ему удалось захватить новыя Норманнскія суда на рѣкѣ Дордони и перебить находившееся на нихъ войско. Но это было все, что сдѣлано имъ противъ Норманновъ; потому что однажды ночью они неожиданно овладѣли городомъ Бордо, ограбили его, взяли въ плѣнъ Вильгельма, герцога Бордосскаго, разорили монастырь la Rèole (Regula) и простерли свои набѣги до Мелля (Metallus) въ Поату, который былъ также занятъ ими и ограбленъ. Перезимовавъ въ Аквитаніи и ограбивъ городъ Периге (Petrocorium), они опять вышли въ море въ 849 году. [57]

VII. Но спустя короткое время, тѣ же Викинги воротились, отвезя богатую добычу на сѣверъ; съ ними явились новыя толпы. Море кишѣло кораблями Викинговъ. Они входили въ Эмсъ и Везеръ, плавали по Рейну, Маасу, Шельдѣ и Соммѣ; на Сенѣ, Лоарѣ и Гароннѣ они были какъ у себя дома. Однимъ словомъ, въ ихъ власти находились всѣ рѣки, большія и малыя, по всему берегу отъ Эльбы до Пиринеевъ. Въ рѣчныхъ устьяхъ они устроивали укрѣпленные станы, обыкновенно на островахъ: оттуда съ своими малыми флотами плавали вверхъ по рѣкамъ, дѣлали грабежи на обоихъ берегахъ, собирали дань съ монастырей, городовъ и деревень и нерѣдко заходили далеко во внутренность страны. Особливо Фрисландія, простиравшаяся тогда до Рейна, была ихъ всегдашнее сборное мѣсто. Они овладѣли Дорштадтомъ, который уже часто навѣщали, какъ богатый городъ, съ императорскимъ монетнымъ дворомъ. Они осадили и взяли приступомъ Утрехтъ съ его крѣпостью, разбили Фризовъ во многихъ сраженіяхъ, обложили ихъ данью и ограбили Нимвегенъ, и вся страна между Рейномъ и Вааломъ подвергнулась ихъ и опустошеніямъ. Отчасти тѣ же толпы Викинговъ, отчасти другія, посѣтили берега Фландріи, искали входа въ Маасъ, Шельду и другія рѣки; ограбили нѣсколько мѣстъ между городами Граве и Мастрихтомъ, потомъ вернулись въ море и поплыли вверхъ по Сенѣ. Тогда Карлъ Лысый приведенъ былъ въ такое стѣсненное положеніе, что звалъ на помощь себѣ брата Лотаря, Римскаго императора. Но прежде, нежели этотъ двинулся въ походъ, Карлъ рѣшился предоставить Викингамъ землю, какъ полагаютъ, въ Нейстріи, полу-

---

[57] Ademari Chron. у Лаббе, привод. у Лангебекомъ. Annal. Bertin., Chron. Fontan. и Chron. Normann., у Duchesne.

чившей потомъ названіе Нормандіи. Едва это исполнилось, какъ въ 851 году другое Норманнское войско, находившееся во Фландріи, выступило изъ Гента и потянулось сухимъ путемъ къ Бове, а оттуда въ Руанъ на берегу Сены. Въ тоже самое время вошелъ въ эту рѣку и флотъ Викинговъ. Обѣ толпы дочиста ограбили монастырь Фонтенель, или Сентъ-Вандриль, разорили и сожгли монастырь Флавіакумъ (Сентъ-Жерменъ де Флай), около 8-ти мѣсяцевъ опустошали окрестности, но наконецъ, потерпѣвъ большую потерю въ людяхъ на одномъ сраженіи съ Франками, они воротились съ великою добычею на суда и отплыли въ Бордо, которымъ владѣли, какъ собственностію.[56] Это было въ Іюнѣ 852 года. Спустя три мѣсяца, 25-го Сентября, опять вошелъ въ Сену сильный флотъ изъ 252 судовъ, посѣтившій по дорогѣ Фрисландію и Фландрію. На этотъ разъ Викинги проникнули далеко во внутренность страны. Карлъ и Лотарь соединили противъ нихъ свои силы. Не смотря на то, Викинги удержали свое мѣсто и оставались въ странѣ всю зиму, имѣя подъ рукою флотъ. Въ Іюлѣ слѣдующаго года они покинули Сену, таща съ собою награбленное добро и великое множество плѣнныхъ, и направились къ Лоарѣ; напали на городъ Нантъ, взяли его, и оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго стана, дѣлали свои набѣги въ дальнія окрестности, предали грабежу города Анжеръ и Левансъ и двинулись къ Туру. Но въ то же время на рѣкахъ Лоарѣ и Шерѣ столько прибыло воды, что этѣ рѣки, подобно морю, окружили Туръ. Это спасло городъ. За то вблизи его лежавшій монастырь испыталъ страшное нашествіе. Тамъ Викинги убили 120 монаховъ. Спустя шесть мѣсяцевъ, явились они опять передъ городомъ. Оробѣвшіе жители покинули Туръ и бѣжали. Разрушивъ церковь и монастырь св. Мартина и разграбивъ городъ, Норманны пошли дальше: взяли приступомъ и разорили замокъ Блоа и располагали итти въ Орлеанъ; однако оставили этотъ замыслъ, испуганные вѣстію, что епископы, Орлеанскій и Шартрскій, собираютъ противъ нихъ войско и суда. Они воротились въ страны нижней Лоары. Другіе Викинги, пришедшіе послѣ нихъ къ этому берегу, разбили станъ на сторонѣ рѣки Лоары, Бесіи (île de Biere), укрѣпились тамъ и выстроили хижины, гдѣ

---

[56] Annal. Bertin., Annal. Metens., Annal. Fuldenses, Chron. Normann. и Chron. Fontan. Слич. Chron. Joh. de Be ka, привод. Лагнебекомъ l. c.

сохраняли плѣнниковъ. Между обоими отрядами въ Нантѣ и на островѣ завязалось сраженіе: они бились цѣлую ночь, но потомъ кончили войну договоромъ. Послѣ пріѣхавшіе удалились и вошли въ Сену. Карлъ Лысый стянулъ войско и успѣлъ одержать надъ ними такую побѣду, что только не многіе уцѣлѣли. Но вождь разбитаго войска (Французскія лѣтописи называютъ его Сидокъ) вернулся опять по прошествіи двухъ лѣтъ, снова вошелъ въ Сену съ сильнымъ флотомъ, 18 Іюля 855 года, и проникнулъ до Пистра. Въ томъ же году прибылъ въ эту рѣку и Біёрнъ, вѣроятно, тотъ самый, котораго прозывали Іернсида (желѣзный бокъ), съ не менѣе сильнымъ флотомъ. Они соединились, свирѣпствовали ужасно и дошли до большаго Партійскаго лѣса (Particum saltum), теперешній округъ Леперпіь между Шартромъ и Майенью. Тогда же и отрядъ на Лоарѣ двинулся къ городу Пиктавовъ, нынѣшнему Поатье, а третій отрядъ на Гароннѣ осадилъ Тулузу. Но этотъ сильно укрѣпленный городъ защищался упорно, такъ что Викинги послѣ короткаго времени въ другой разъ сняли осаду. Не удалось и покушеніе на Поатье, потому что Аквитанцы собрали войско и въ кровопролитной битвѣ разбили Викинговъ совершенно. Самъ король Карлъ двинулся на Сидрока и Біёрна и принудилъ ихъ къ отступленію. Сидрокъ ушелъ, а Біёрнъ укрѣпился на одномъ островѣ рѣки Сены, у Французскихъ лѣтописцевъ Осселль, [59] выстроилъ тамъ замокъ и тревожилъ оттуда оба берега Сены. На слѣдующій годъ въ эту рѣку вошла опять сильная флотилія: войско на ней состояло подъ начальствомъ Гастинга и Біёрна. Норманны взяли Парижъ, ограбили его, сожгли церковь св. Петра и св. Женевьевы и много другихъ. Для спасенія Сенъ-Дени, С. Стефана, С. Жермена и разныхъ другихъ монастырей, должны были сдѣлать денежную складчину король, епископы, аббаты, графы и всѣ вельможи, даже церкви. Сумма этого сбора простиралась до 685 фунтовъ золота и 3,250 фунтовъ серебра. [60]

Послѣ того Гастингъ предложилъ Викингамъ походъ въ Средиземное море. Предложеніе принято.

---

[59] Мнѣнія Французскихъ ученыхъ несогласны въ томъ, какіе изъ множества островъ Сены должно разумѣть подъ этимъ названіемъ. Ср. Деппинга.

[60] Odo, l. c., Chron. Malleac. у Labbe, и Aimoinus, Lib. II. de Transl. S. Vinc. у Mabill. Sec. IV., Bened., привод. Лангебекомъ l. c., Villelmus Gemmet. l. c., Chron. Normann., Annal. Bertin. и Annal. Fuldens. l. c.

VIII. Викинги, по своему обычаю, смѣлые на всякой подвигъ, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ [61] покушались проникнуть въ страны, лежащія на Средиземномъ морѣ. На 54-хъ длинныхъ судахъ они объѣхали весь западный берегъ Испаніи до Лиссабона. Послѣ напрасной 13-тидневной осады этого города, въ продолженіе которой грабили окрестности, они вернулись на суда съ богатою добычею и множествомъ плѣнныхъ. Получивъ высокое понятіе о богатыхъ владѣніяхъ Арабовъ въ южной Испаніи, Норманны направили путь далѣе къ югу, приплыли къ берегамъ Андалузіи, вошли въ рѣку Гвадалквивиръ и осадили весьма населенный городъ Севиллу. На нихъ двинулись Арабы, владѣвшіе всею южною и большою половиною остальной Испаніи. «Подлинно странное, замѣчательное событіе — эта встрѣча, съ оружіемъ въ рукахъ, двухъ странствующихъ народовъ-завоевателей, и притомъ въ Испаніи, одного изъ холодныхъ странъ Сѣвера, другаго изъ знойныхъ степей Аравіи, народовъ, которые, можетъ быть, прежде не слыхали никогда другъ о другѣ. Одна и таже страсть къ смѣлымъ предпріятіямъ свела лицомъ къ лицу поклонниковъ Одена и Магомета у подошвы Сіерры-Морены.» [62] Новая для Викинговъ Музульманская тактика могла бы привести ихъ въ замѣшательство, но они не поддались страху и разбили Арабовъ въ трехъ битвахъ. Севилла, однако жь, сопротивлялась упорно: осажденные такъ часто дѣлали вылазки, что Норманны отчаялись покорить городъ. За то они ограбили предмѣстія и окрестности, послѣ тринадцатидневной осады взяли Алджезиру, дѣлали набѣги около Кадикса и Медины и потомъ съ богатымъ грузомъ добычи воротились на суда. Абдеррахманъ II-й Кордуанскій преслѣдовалъ ихъ и далъ имъ сраженіе. Побѣда осталась нерѣшенною. Они ворвались потомъ въ городъ Таблату, по близости Севиллы, но были выгнаны оттуда стрѣлами Испанцевъ, съ потерею 400 человѣкъ. Нѣсколько дней дѣлали они набѣги и опустошенія въ Севильской области. Узнавши, наконецъ, что Абдеррахманъ вооружилъ 15-ть кораблей и собралъ противъ нихъ новое войско, они сняли свою передовую стражу, сѣли на суда и поплыли къ Лиссабону. Тамъ примкнули къ нимъ другія ихъ суда;

---

[61] Именно въ 844, по показаніямъ нѣкоторыхъ хроникъ, но другіе, на пр., Jo. Mariana въ его Historia de rebus Hispaniae, принимаетъ 847 годъ.

[62] Depping l. c.

послѣ того весь флотъ возвратился домой. [63] Арабы считали ихъ народомъ изъ племени Маговъ и называли Madgius. [64]

Въ тѣ же страны направилъ путь и Гастингъ и рѣшился достигнуть Рима въ своемъ походѣ. Смѣлые замыслы всегда занимали этого вождя: по увѣренію одного Французскаго лѣтописца, [65] у Гастинга былъ не какой нибудь неважный замыслъ, а завоеваніе власти и сана Римскаго императора для своего питомца, Біёрна Іернсиды. «Всѣ государства міра, говорилъ онъ войску, открытыя для насъ, должны увидѣть нашу славу. Сотни тысячь уже пали отъ нашего меча; но всякой воинъ, достигнувъ одной цѣли, стремится къ высшей· если мы подаримъ Римскую корону Біёрну Іернсидѣ, наша слава разнесется по всему свѣту.» [66] Въ 857-мъ, или, по другимъ показаніямъ, въ 859 году Гастингъ, съ флотомъ изъ сотни длинныхъ судовъ, поплылъ къ берегамъ Испаніи, присталъ къ Галиціи, высадился и грабилъ. Тогда въ Астуріи и Леонѣ царствовалъ Ордоній 1-й, а Мухаммедъ 1-й въ Кордуѣ. Донъ Педро, намѣстникъ въ Галиціи, выступилъ съ войскомъ на Викинговъ и принудилъ ихъ воротиться на суда. Они продолжали свой путь, дѣлая гребежи вездѣ на берегахъ Испаніи, Португалліи, черезъ Гибралтарскій проливъ, или, такъ назы-

---

[63] См. Werlauff, om Skandinavernes Bekiendtskab med den pyrenaeiske Halvöe, т. е., о знакомствѣ Скандинавовъ съ Пиренейскимъ полуостровомъ (въ Skand. Littsellsk. Skr. на 1814 годъ), гдѣ, какъ у Лангебека, собраны различныя извѣстія о походахъ сѣверныхъ Викинговъ въ Испанію. Ср. De Guignes, Hist. d. Huns, и Ферреры Ист. Исп. Мы же для нашихъ читателей сочли неизлишнимъ помѣстить въ приложеніяхъ статью: «Норманны въ Испаніи», взятую нами изъ Annales for Nordisk oldkundighed.

[64] Madschus Арабовъ, равно какъ Mugh (Магіи) Персовъ, означаетъ собственно огнепоклонниковъ или приверженцевъ Зороастровой религіи; но Магометане обыкновенно называютъ такъ всѣхъ народовъ, не исповѣдающихъ Ислама; Madschus у нихъ ругательное слово, которое даютъ они всѣмъ невѣрнымъ. Ср. Ибн-Фоцлана и другихъ Арабовъ «Извѣстія о Руссахъ древнѣйшаго времени», съ замѣчаніями и приложеніями Френа.

[65] Villelmus Gemmet.

[66] Benedic. de St. Maur. Chron. de Normandie въ числѣ приложеній къ Датскому переводу Деппинга Hist. des expedit. marit. des Normands, на которую ссылается A. Cronholm Fornnordiska Minnen, I.

ваемый въ древнихъ сагахъ, Ніорва Зундъ, [67] переѣхали въ Африку; взяли приступомъ городъ Накхоръ [68] и перебили множество Сарацынъ. Потомъ явились на Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ и грабили на Маіоркѣ, Минорке и Форментеррѣ. [69] Оттуда устремились къ берегамъ Италіи. Вѣтеръ принесъ ихъ въ Генуезскій заливъ, въ которомъ они вошли въ бухту Спецціи. Предъ ними находился городъ Луна, бывшій въ весьма цвѣтущемъ состояніи во времена Этрусковъ, но послѣ паденія Римской имперіи утратившій свое значеніе. Высокія съ башнями городскія стѣны и великолѣпныя окрестности подали Викингамъ мысль, что это славный городъ Римъ. Въ Лунѣ тогда праздновали Рождество Христово: всѣ жители собрались въ соборную церковь. Вдругъ разнесся въ городѣ слухъ, что гавань полна судовъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ. Всѣ тотчасъ бросились запирать городскія ворота; заняли стѣны, приняли всѣ мѣры въ защитѣ. Гастингъ видѣлъ это: разсчитавъ, какъ трудно, почти невозможно, взобраться на стѣны, онъ придумалъ хитрость; онъ отправилъ пословъ въ городъ и велѣлъ сказать тамъ, что они люди съ Сѣвера, по волѣ боговъ покинувшіе родину: они воевали землю Франковъ и покорили ее; къ этому городу они не приставали съ враждебными намѣреніями, но занесены бурею на его рейдъ; сохраняя миръ съ жителями, они желаютъ только исправить въ пристани поврежденія, причиненныя ихъ судамъ, а въ городѣ закупить, что нужно. Начальникъ флота очень боленъ; притомъ безпокойная морская жизнь ему надоѣла; много наслышавшись о Христіянскомъ

---

[67] Корень этого слова, вѣроятно, Древнескандинавское Nor, встрѣчающееся въ Helsinge Lagen (Widherbo B. Fl. 14) въ значеніи узкаго залива. Въ томъ же значеніи оно находится и въ числѣ приводимыхъ Торнеромъ словъ въ его Dissert. de urbe Uma (Umeå), уцѣлѣвшихъ въ Вестерботніи, особливо въ приходѣ Лёфангеръ, гдѣ наиболѣе сохранилось въ народѣ древнихъ Скандинавскихъ словъ. И въ Далекарлійскомъ нарѣчіи «Nor» означаетъ заливъ. Въ близкомъ родствѣ съ нимъ Англосакс. nearu, nyr; нынѣшнее Англійское narrow, тоже значитъ узкій, кривой. См. въ Gloss. Ире статью «Nor.»

[68] Френъ замѣчаетъ, что у Арабскаго писателя Едризи встрѣчается городъ Вакуръ. Онъ думаетъ, что это тотъ же Накхоръ и имя Вакуръ, испорченное Nokur. Въ «Africa» Льва Африканскаго (приводимаго Сумомъ въ его Gesch. v. Daenemark. II) упоминается и р. Nocor, текущая по плодоносной равнинѣ въ Фецскомъ королевствѣ и впадающая въ Средиземное море.

[69] Petri de Marca Marca Hispanica, привод. у Лангебека l. c.

Богѣ, онъ желаетъ принять Христіянство креститься и быть похороненнымъ въ томъ городѣ, гдѣ застигнетъ его смерть.» Епископъ и графъ Луны съ радостію услышали это извѣстіе, освобождавшее ихъ отъ страха непріятельскаго нападенія. Съ обѣихъ сторонъ договорились о мирныхъ и торговыхъ условіяхъ. Графъ и епископъ были воспріемниками при крещеніи Гастинга: онъ получилъ св. миропомазаніе, больной принесенъ былъ въ городъ и обратно на корабль, потому что Норманны не могли входить въ Луну. На слѣдующую ночь услышали громкій плачъ на корабляхъ и въ станѣ. Утромъ явились въ городъ послы съ извѣстіемъ, что Гастингъ умеръ, что онъ желалъ себѣ погребенія въ городскомъ монастырѣ и назначилъ въ даръ церкви свой мечъ, свои перстни и другія драгоцѣнности. Духовенство съ полною готовностію приняло это послѣднее благочестивое желаніе умирающаго, новаго Христіянина, соединенное при томъ съ такими богатыми дарами. Гастинга, одѣтаго въ броню, положили въ гробъ со всѣмъ его оружіемъ. По обѣимъ сторонамъ гроба шли Норманны; впереди несли назначенныя въ церковь дары — перстни и поясъ, оправленные въ золото и серебро, мечи, сѣкиры и другія драгоцѣнности. Когда похоронное шествіе приблизилось къ городу, отворились городскія ворота и на встрѣчу ему вышелъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, въ праздничныхъ ризахъ: всѣ они помѣстились во главѣ процессіи. Въ благоговѣйномъ молчаніи, съ восковыми свѣчами, съ распятіями впереди, она подвигалась къ церкви, гробъ поставленъ предъ хорами и отпѣваніе совершено со всею торжественностью. Но когда пришло время опускать въ могилу гробъ, Норманны протѣснились впередъ и кричали, чтобы не дѣлали того. Такая выходка изумила духовенство и другихъ Христіянъ: изумленіе смѣнилось ужасомъ, когда съ гроба слетѣла крышка и изъ него выскочилъ Гастингъ, схватилъ свой мечъ и изрубилъ епископа на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ съ служебникомъ въ рукѣ. Въ ту же минуту и Норманны обнажили мечи, спрятанные у нихъ подъ плащами. Духовенство, графъ и всѣ знатные люди были убиты прежде, нежели оправились отъ перваго удивленія; всѣ остальные, между ними много молодыхъ мужчинъ и женщинъ, взяты въ плѣнъ; никто не могъ убѣжать, потому что тотчасъ же заперли церковныя двери. Потомъ Норманны разсѣялись по всему городу; съ гавани, черезъ отворенныя городскія ворота, бросились къ нимъ другія толпы: стража на стѣнахъ и всѣ, сопро-

тивлявшіеся съ оружіемъ въ рукахъ, были убиты; страхъ и смятеніе поселились во всѣхъ домахъ: видѣли безполезность всякихъ покушеній къ защитѣ; Норманны заняли всѣ мѣста и стали повелителями города. [70] Только тогда они открыли свою ошибку и узнали, что завоеванный городъ не Римъ. [71] Сказываютъ, что они потомъ посѣтили Пизу и другія города Италіи и доходили даже до Греціи. [72] Обремененные богатою добычею, со множествомъ плѣнныхъ, прекрасныхъ женщинъ и сильныхъ юношей, они возвращались на Сѣверъ; но не оставивъ еще Средиземнаго моря, въ одну сильную бурю, потеряли мачты, рули, паруса, и для облегченія судовъ принуждены были бросить за бортъ плѣнниковъ и товары. [73] Въ 859 году одно отдѣленіе этого флота явилось снова въ Испаніи, ограбило города Алджезиру въ Андалузіи, Алгамбру въ Португальской Эстремадурѣ и Мескителлу въ Беирѣ, переправилось потомъ въ Африку, гдѣ причинило много опустошеній и потомъ зимовало на Испанскихъ берегахъ. [74] Другое отдѣленіе вошло въ рѣку Рону, единственную Французскую рѣку, не носившую еще Норманнскихъ судовъ. Тамъ Викинги укрѣпились на островѣ Камаргѣ, плавали вверхъ по Ронѣ, дѣлали набѣги по обѣимъ сторонамъ ея, разграбили города Нимъ и Арль, доходили до Валанса, посѣщали также и Испанскую Каталонію. [75]

---

[70] Villelmus Gemmet. и другіе древніе Норманнскіе лѣтописцы, особливо Dudo, разсказываютъ подробно замѣчательное покореніе Луны. И у Муратори въ Antiquit. Italicae medii aevi упоминается о взятіи Луны хитростію Норманновъ въ 857 году. Спустя потомъ 200 лѣтъ, когда Норманны, поселившіеся въ Норманліи, покоряли южную Италію, Робертъ Гвискаръ такою же хитростію взялъ одинъ укрѣпленный замокъ въ Калабріи. См. Guilelmi Appuli histor. poema de rebus Normann. въ числѣ Muratorii Scrip. rer. Ital. V. Снорре Стурлесонъ, въ сагѣ про Гаральда Гардрада, разсказываетъ, что и этотъ вождь Византійскихъ Варяговъ употребилъ тоже средство для покоренія одного укрѣпленнаго города въ Сициліи.

[71] Сравн. съ этѣмъ сагу про Рагнара Лодброка.

[72] Chron. Norman. у Duchesne и Petri de Marca M. Hisp. Ср. Muratorii Antiquit. Ital. 1.

[73] Bened. de Sit. Maur. Chronol. de Normandie, привод. Деппингомъ l. c.

[74] Roderici Toled. Hist. Arab.

[75] Annales Bertin. и Chron. Normann.

IX. Это случилось въ тоже время, когда городъ Шартръ впалъ во власть тѣхъ Викинговъ, которые утвердились на островѣ Сены, Осселлѣ, и все еще держались въ этомъ укрѣпленномъ станѣ; оттуда они дѣлали постоянно набѣги по обѣимъ берегамъ Сены, разсѣвались по многимъ областямъ, разграбили города Сенъ-Кентенъ и Соасонъ и держали всѣхъ въ страхѣ. Также не безопасно было и въ странахъ по Лоарѣ: тамъ бродили другіе Викинги и снова проникли до города Поатье, взяли его и разграбили, такъ что побѣда, нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ одержанная Аквитанцами надъ этимъ врагомъ, не принесла ни какой пользы ни городу, ни странѣ. Такихъ нападеній на Францію еще не бывало. Викинги проникали все глубже и глубже въ самое сердце государства и имѣли въ своихъ рукахъ всѣ Французскія рѣки и пристани. Въ такой опасности Карлъ Лысый позвалъ на помощь племянника[76], Лотаря II-го, короля Лотарингіи; съ нимъ и знатными вассалами онъ предпринялъ осадить Викинговъ на островѣ Осселлѣ и разрушить этотъ станъ. Но во время осады великіе подручники составили заговоръ противъ Карла и обратились къ его брату, Людовику Баварскому: они просили его выручить ихъ и принять вѣнецъ Франціи; иначе они принуждены будутъ покориться Норманнамъ. Осаждавши понапрасну Осселль цѣлое лѣто, съ Іюня 858 года, Карлъ долженъ былъ снять осаду, чтобы итти на брата, Людовика Нѣмецкаго, уже вошедшаго съ войскомъ во Францію. Тогда Викинги овладѣли судами, собранными королемъ для облежанія острова. Они укрѣпили его еще лучше, такъ что послѣ примиренія съ подручниками и удаленія Людовика въ Германію, Карлъ не видѣлъ другаго средства, кромѣ переговоровъ съ войскомъ Викинговъ на Осселлѣ. Біернъ, ихъ вождь, имѣлъ свиданіе съ королемъ въ замкѣ Вербери. Неизвѣстно, какими средствами король склонилъ этого страшнаго врага оставить Францію. Викинги обыкновенно возвращались домой на отдыхъ, когда ихъ воинской пылъ проходилъ, и они утомлялись странническою

---

[76] Императоръ Лотарь II-й умеръ въ 855 году и раздѣлилъ свою имперію между тремя сыновьями: Людовикъ, старшій, получилъ Италію съ император. достоинствомъ; Лотарь II Лотарингію между Рейномъ, Маасомъ и Шельдою со всею страною, простирающеюся до сліянія Соны съ Роною и до того мѣста, гдѣ Юра отдѣляетъ Франшъ-Конте отъ Швейцаріи; младшій, Карлъ, Провансъ, Ліонъ, Дофине и Швейцарію.

жизнію на морѣ, или когда полагали, что довольно пріобрѣли славы и богатства. Вѣроятно, что то же было и съ Біёрномъ, и что Карлъ Лысый осыпалъ его богатыми подарками. На возвратномъ пути онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, потерялъ многія суда и съ трудомъ достигъ одной Англійской гавани, оттуда отправился въ Фрисландію и тамъ умеръ. [77]

Но съ Біёрномъ отступило не все Норманнское войско: большая часть Викинговъ оставалась еще на островѣ; ночью, 28 Апрѣля, 859 года, они овладѣли городомъ Нойономъ, ограбили его, перебили или увели въ плѣнъ много священниковъ и монаховъ съ епископомъ Иммо и многими знатными людьми того мѣста. Отчаявшись въ безсильныхъ оборонительныхъ мѣрахъ короля и великихъ подручниковъ, народъ собрался толпою между рѣками Сеною и Лоарою, чтобы положить конецъ этимъ страшнымъ опустошеніямъ. Но храбрые Викинги легко обратили въ бѣгство эту неопытную толпу. [78] Въ томъ же году прибыла съ Сѣвера новая толпа Норманновъ: сначала они посѣтили страны на Шельдѣ, потомъ поселились на одномъ островѣ рѣки Соммы, разорили на этой рѣкѣ монастырь С. Валèрици, заняли и ограбили Аміенъ и взяли всѣ драгоцѣнности въ монастырѣ С. Бертини близъ Сентъ-Омера. Здѣсь увидѣли примѣръ строгости, съ какою Викинги сохраняли порядокъ въ своихъ рядахъ и наблюдали справедливость: на алтарѣ монастырской церкви они сложили въ кучу церковное серебро; послѣ того замѣтили, что недостаетъ нѣсколькихъ сосудовъ; тотчасъ же поставили караулъ, гдѣ было нужно; звукомъ военныхъ роговъ собрали весь отрядъ, начали разысканія, открыли воровъ и въ ту же минуту повѣсили на южныхъ воротахъ церкви. [79] Вездѣ были до того напуганы, что изъ монастырей, лежащихъ внутри Франціи, монахи съ мощами и драгоцѣнностями убѣгали въ болѣе отдаленныя мѣста. Карлъ Лысый, признавая свое безсиліе противъ непрестанно приплывающихъ Викинговъ, прибѣгнулъ къ такому же средству, какимъ нѣкогда пользовались римляне въ слабости и нуждѣ: они покупали себѣ помощь одного врага противъ другаго. Карлъ вошелъ въ переговоры съ Викингами, прибывшими на Сомму послѣ другихъ, и успѣлъ заключить такое условіе, чтобы

---

[77] Annal. Bertin., Annal. Fuld. и Villelmus Gemmet.

[78] Chron. Norman.

[79] Annal. Bertin.

они за 5000 серебряныхъ маркъ пособили ему выгнать ихъ единоземцевъ съ острова Осселли. Для собранія такой немаловажной суммы въ странѣ, ограбленной и лишенной торговли, Карлъ обложилъ монастыри, землевладѣльцевъ и купцовъ нѣкоторымъ налогомъ, соразмѣрно съ цѣною ихъ движимаго и недвижимаго имущества. Въ ожиданіи пока соберутся деньги, Викинги, не выносившіе празднаго и тихаго образа жизни, сдѣлали походъ въ Англію. Воротившись по истеченіи года, они вошли въ Сену, чтобы страхомъ поторопить Франковъ къ уплатѣ обѣщанной суммы. Наконецъ, они получили ее, и король, сверхъ того, подарилъ имъ много съѣстныхъ припасовъ. Тогда отправились къ острову Осселли и окружили его. Въ то же время прибыло отдѣленіе изъ Средиземнаго моря, зимовавшее въ Испаніи, и примкнуло къ осаждающимъ. Окруженные превосходнымъ числомъ, отрѣзанные отъ моря и суши, и притомъ нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, Викинги на островѣ сдавались на капитуляцію. Имъ дозволено это съ условіемъ, чтобы изъ добычи, награбленной во Франціи, они отдали 3000 маркъ золота и столько же серебра. Приближалась зима, и Викинги раздѣлились на небольшія роты по всѣмъ пристанямъ Сены отъ моря до Парижа. Одинъ отрядъ, ища зимнихъ жилищъ, дошелъ до Мелюна, выше Парижа; другой, тотъ самый, что осажденъ былъ на островѣ, слѣдовалъ тѣмъ же путемъ и расположился въ монастырѣ Фоссатисъ (Сенъ-Моръ-де Фоссе). Эта толпа, съ обычною смѣлостію, въ половинѣ генваря 862 года, затѣяла походъ на малыхъ судахъ вверхъ по Марнѣ, овладѣла городомъ Мо и проникнула до монастыря С. Фарона. Карлъ воспользовался этимъ случаемъ и рѣшился отрѣзать имъ возвратный путь въ Сену. Велѣвши устроить мостъ ниже города Мо, такимъ образомъ онъ заперъ рѣку и занялъ войскомъ берегъ. Викинги еще не видали себя въ такомъ опасномъ положеніи, когда, спускаясь по рѣкѣ, нашли, что путь отрѣзанъ и берега заняты войскомъ. Они держали совѣтъ и разсуждали, какъ выйти изъ этой западни. Послѣ долгихъ разсужденій, послали къ королю Карлу и желали переговоровъ. Они вызывались освободить плѣнныхъ и возвратить все, что награбили съ той минуты, какъ въѣхали въ Марну; обѣщались не только оставить Сену въ назначенный срокъ, но вмѣстѣ съ королемъ принудить къ отступленію и другихъ Викинговъ; отдавали ему десять своихъ единоземцевъ въ залогъ исполненія этихъ обязательствъ. Король принялъ условія, и въ день весенняго равноден-

ствія Викинги оставили берега Сены; флотъ раздѣлился на малые отряды; каждый избралъ свой путь; но всѣ отправились въ море, унося безчисленныя сокровища, добытыя въ землѣ Франковъ. [80]

X. Древнія Французскія лѣтописи описываютъ мрачными чертами состояніе Франціи послѣ Норманнскихъ опустошеній въ первыя тридцать лѣтъ. «Стѣны разоренныхъ городовъ, церквей и монастырей поросли кустарникомъ. Одни изъ жителей ушли къ востоку для поселенія въ дальнихъ странахъ, другіе готовы были лучше переносить всѣ опасности, нежели покинуть отцовское наслѣдіе, но за то лишились всего имущества; нѣкоторые, расторгнувъ связи, пристали къ этимъ чужеземцамъ и, чтобы получить ихъ довѣріе, поступали еще свирѣпѣе самихъ враговъ и оскверняли руки кровію друзей и родныхъ. На морскихъ берегахъ совершенное запустѣніе, потому что жители бросились въ укрѣпленные города, да и во всей прочей странѣ едва встрѣчается какое нибудь человѣческое существо. Таже картина на сѣверѣ и на югѣ, даже и внутри государства. Земля не приносила владѣльцамъ никакихъ доходовъ, виноградники и сады разорены; работники прогнаны; на большихъ дорогахъ не попадалось ни купцовъ, ни путешественниковъ; могильная тишина поселилась на необработанныхъ поляхъ; терновникъ и крапива покрывали плодоносную почву.» [81] Одинъ духовный, Бенедиктъ де Сенъ-Моръ, написавшій въ XII вѣкѣ стихотворную лѣтопись о герцогахъ Нормандіи, оплакиваетъ въ сильныхъ стихахъ униженіе и бѣдственную участь Франковъ, «принужденныхъ преклонить головы подъ иго ужаснѣйшаго народа въ мірѣ»; ему кажется, что «потомство сочтетъ невѣроятнымъ позоръ и униженіе, покрывшіе такой могущественный народъ». [82] Вообще добрые клирики и монахи, единственные исторіографы тѣхъ столѣтій, слишкомъ преувеличивали страшные поступки Норманновъ и бѣдствіе отъ нихъ для Франціи: церкви и монастыри были міръ Французскихъ лѣтописцевъ; но къ этимъ священнымъ зданіямъ Викинги преимущественно направляли свои набѣги, потому что могли тамъ получить самую богатую добычу въ золотѣ, серебрѣ и другихъ драгоцѣнностяхъ. Историки иныхъ странъ съ удивленіемъ говорятъ о высокомъ ростѣ и красивой физіо-

---

[80] Annal. Bert. и Chron. Normann.

[81] См. Depping l. c., гдѣ показаны источники.

[82] Bened. de Sit. Maur. Chron. de Norm., привод. Деппингомъ l. c.

номіи Норманновъ; [83] но Французскіе лѣтописцы не могутъ привести ни одного порядочнаго поступка Норманновъ: [84] для нихъ этотъ народъ—«исчадіе ада, порожденіе дьявола, свирѣпые язычники;» видно, по выраженію одного позднѣйшаго Норманнскаго историка, «что они писали» дрожащею рукою, съ оцѣпенѣвшею отъ страха кровью, въ дымившихся еще развалинахъ своихъ монастырей. [85] Нерѣдко тѣ же самые лѣтописцы высказываютъ горькія жалобы на королей, большихъ и малыхъ подручниковъ: всѣ они, по словамъ лѣтописей, не смотря на ихъ Христіянское имя, не удерживали рукъ отъ беззаконій, не гнушались никакого грѣха, но отнимали у церквей и монастырей ихъ имущество и владѣнія, жестоко угнетали народъ, были безбожнѣе Моавитовъ, Амалекитовъ и Норманновъ. Эти лѣтописцы, подобно древнимъ историкамъ Англіи, сѣтуютъ также на глубокую испорченность нравовъ всего народа и сознаются, что какъ ни сурова участь, посланная странѣ въ Норманнскихъ жестокостяхъ, однако жь она—достойное возмездіе за порочную жизнь всѣхъ народныхъ сословій. Новѣйшіе историки ищутъ причины удивительныхъ успѣховъ и счастія Норманновъ въ недостаточномъ управленіи государства, въ слабости правительства, въ честолюбіи и несправедливости вельможъ. Распаденіе имперіи по смерти Карла Великаго не было бѣдствіемъ какъ для нея, такъ и для народовъ и человѣчества. Но безпрестанные дѣлежи земель между государями его дома, ихъ шаткія взаимныя отношенія и продолжительныя несогласія имѣли гибельныя послѣдствія какъ для нихъ самихъ, такъ и для человѣчества. Великіе подручники духовнаго и свѣтскаго сословія властвовали вездѣ, захватили цѣлыя области, незаконно присвоили

---

[83] «Tales viri de Normannis.... quales nunquam antea in gente Francorum visi fuissent, in pulchritudine videlicet et proceritate corporum.» Lamb. Annal., привод. Деппингомъ l. c. «Pulcher adest facie, vultuque statuque decorus.» Ermoldus Nigel. de rebus gestis Ludovici Pii у Лангебека l. c. 1.

[84] «Пристрастно и легкомысленно онъ (Dudo) выдаетъ басни за истинныя происшествія и изображаетъ язычниковъ Норманновъ пиратами безъ всякаго добраго качества. Тоже встрѣчается и у всѣхъ древнихъ Французскихъ историковъ, говорившихъ о Норманнскихъ вторженіяхъ: они не умѣютъ разсказать ни одной похвальной черты; но какъ сами Норманны ничего не писали о своихъ войнахъ во Франціи, то мы знаемъ ихъ только только по извѣстіямъ духовенства, а съ нимъ они вели ожесточенную войну». Depping l. c.

[85] Inventaire de l'histoire de Normandie, мѣста изъ которой привод. Depping.

себѣ права величества въ своихъ герцогствахъ и графствахъ, иногда бунтовали противъ короля, иногда враждовали другъ съ другомъ. Презираемая королевская власть съ каждымъ днемъ приходила въ упадокъ. Въ жестоко угнетенномъ народѣ исчезла всякая воинственность; образъ мыслей у всѣхъ становился рабскимъ; ни въ городахъ, ни въ селахъ не стало участія къ общему дѣлу, никто и не помышлялъ объ общемъ благѣ. Обнищавшія и угнетенныя народныя сословія съ охотою приставали къ Норманнамъ для отмщенія своимъ притѣснителямъ; даже великіе вассалы для своихъ мстительныхъ и властолюбивыхъ замысловъ нерѣдко искали помощи у Викинговъ, и съ этою цѣлію даже пособляли имъ занимать укрѣпленные города и замки.

Такимъ положеніемъ дѣлъ Норманны умѣли пользоваться превосходно: съ каждымъ новымъ походомъ они больше знакомились съ разстроеннымъ состояніемъ государства, всякой разъ дѣлались отважнѣе и страшнѣе, тѣмъ чаще приходили опять и тѣмъ лучше научались соединяться въ большія массы. Отъ того-то Франки никогда еще не имѣли такого злаго врага; нападенія народа, такъ же хорошо знакомаго съ сушею, какъ и съ моремъ, были такъ необыкновенны, новы и оригинальны, что не знали никакихъ мѣръ къ защитѣ отъ нихъ. Французы еще понынѣ удивляются тому, что Норманны такъ часто и съ такою легкостію могли плавать по Сенѣ, потому что на ней много излучинъ между Парижемъ и Руаномъ, да и самое теченіе представляетъ великія препятствія, такъ что и въ настоящее время стоитъ немаловажнаго труда провести барку вверхъ по этой рѣкѣ. Принимая это въ соображеніе и притомъ видя изъ показаній старинныхъ лѣтописцевъ, что Норманны со всѣмъ флотомъ, изъ полутораста судовъ и болѣе, повторяли часто этотъ маневръ, притомъ въ непріятельской землѣ, на рѣкѣ, которой берега были густо населены и жителямъ представлялось столько способовъ къ сопротивленію, не легко объяснить предпріятія Норманновъ и бездѣйствіе Франковъ. Полагаютъ, что рѣки Франціи, также какъ и прочей Европы, получали прежде гораздо болѣе водъ изъ множества болотъ и дремучихъ лѣсовъ, и плаваніе по нимъ не встрѣчало такихъ затрудненій, какъ въ наше время. Все остальное, думаютъ, надобно приписать чрезвычайной отвагѣ и быстротѣ предпріятій Норманнскихъ, потомъ ихъ знакомству съ опасностями на водѣ и великому искусству управлять судами, такъ

что ни одинъ народъ не могъ состязаться съ ними на морѣ. Ихъ суда были одинаково приспособлены какъ къ весельному, такъ и парусному ходу; Норманны умѣли пользоваться приливомъ и отливомъ для входа въ Сену, Лоару, Гаронну и другія рѣки: считаютъ вѣроятнымъ, что они въ то время, когда прекращался приливъ, устроивали свои складочныя мѣста для добычи и припасовъ, чтобы удобнѣе и быстрѣе продолжать потомъ свое путешествіе. [86] Секретъ ихъ военной тактики состоялъ въ удивительной быстротѣ маршей; притомъ они держали въ тайнѣ свои намѣренія и являлись обыкновенно тамъ, гдѣ всего меньше ихъ ожидали: монахи монастыря Сенъ-Жерменъ-де-Пре, уединенно лежавшаго неподалеку Парижа, никогда не забывали изъ предосторожности ставить конные пикеты, которые должны были извѣщать ихъ о приближеніи непріятелей. Въ день Пасхи, когда вся братія слушала обѣдню, Норманны подошли съ такою быстротою, что пикеты едва могли подать знакъ, и монахи только что успѣли спрятаться въ колодцы и другія убѣжища. Другое главное свойство ихъ военнаго искуства, если дѣло шло о настоящемъ сраженіи, заключалось въ умѣньи выбирать крѣпкое положеніе, потому что это главное дѣло тактики было не безъизвѣстно древнимъ обитателямъ Сѣвера: они особливо любили выбирать высоты; тогда нападающимъ было трудно пускать вверхъ свои стрѣлы и дротики, или взбираться на гору, занятую непріятелемъ, не разстроивая своей боевой линіи, между тѣмъ какъ войско, занимавшее высоты, могло нападать съ лучшимъ успѣхомъ и съ большею силою бросать въ непріятеля камни и копья. Рѣки, болота, ручьи и рвы служили имъ для прикрытія фронта и фланговъ. Но особливо они старались занимать такія позиціи, чтобы солнце и вѣтеръ были у нихъ съ тыла. [87] Смотря по качеству мѣста сраженія и другимъ обстоятельствамъ, они строили свое войско въ форму пирамиды или конуса, * или вытягивали его въ линію, съ центромъ и крыльями. Находятъ, что они знали употребленіе вспоможеній, какъ для смѣны сражающихся, такъ равно для обхода

[86] Depping l. c.

[87] Ср. Jahn, Almän Udsigt over Nordens Krigsvaesen i Middelaldern.

* Этотъ образъ построенія войска, общеупотребительный въ Скандинавіи, называется «свиная голова» (svinhufvud); войска же, такъ устроенное, называется svinfylka.

непріятеля во время боя и для удара ему въ тылъ.[88] При нападеніяхъ превосходнаго числа пѣхоты, или конницы, все войско строилось въ форму четыреугольника, или круга, и составляло сплошную массу щитовъ: самый передній рядъ четыреугольника или кольца упиралъ свои копья тупыми концами въ землю, а острія направлялъ на грудь всадниковъ; ближній за нею рядъ устремлялъ копья на грудь непріятельскихъ лошадей, и цѣлый отрядъ представлялъ непріятелю со всѣхъ сторонъ непроницаемый фронтъ.[89] Но ничто не дѣлало ихъ такъ страшными, какъ ихъ презрѣніе къ смерти: самые дерзкіе, необдуманные замыслы были для нихъ забавою. Скорѣе они дозволяли себя изрубить въ куски, нежели сдаться. Отъ Эльбы до Пиринеевъ все трепетало предъ ними.

Въ числѣ славныхъ вождей, до сихъ поръ начальствовавшихъ Викингами, кромѣ Біерна-Іернсиды, названнаго во Французскихъ лѣтописяхъ «королемъ войскъ и вождемъ всего опустошенія», [90] и Гастинга, его воспитателя, котораго описываютъ тамъ, какъ самаго страшнаго изъ Викинговъ, упоминаются еще Аскеръ или Оскеръ,[91] Рёрикъ, Сидрокъ, Готтфридъ, Рагнаръ и Веландъ. Но никого такъ не боялись, какъ грознаго Гастинга. Ужасъ прошелъ по всей странѣ, когда молва возвѣстила его возвращеніе изъ Италіи. Король созвалъ на совѣщаніе князей, графовъ, и епископовъ государства. Многіе совѣтовали воевать и обѣщали королю пособіе. Но Карлъ считалъ вреднымъ для страны продолжать ужасы войны и опасался совершенной погибели государства. Обсудивъ всѣ обстоятельства, онъ, съ общаго согласія, послалъ къ Гастингу Сенъ-Денискаго аббата со многими другими епископами для переговоровъ. Считали побѣдою и чудомъ краснорѣчія епископовъ, что они успѣли наконецъ уговорить этого свирѣпаго человѣка. Гастингъ, которому, вѣроятно, надоѣла бродячая жизнь Викинга, имѣлъ свиданіе съ королемъ, выговорилъ себѣ большую сумму денегъ, принялъ Христіанскую вѣру, получилъ

---

[88] Sturleson, Olof den Heliges Saga, c. 223. Sverres Saga, c. 46.

[89] Sturleson. Harald Hardrades Saga, c. 92. Иностранные лѣтописцы не сообщаютъ или вовсе никакихъ, или очень неважныя извѣстія о военномъ искуствѣ Норманновъ, потому что тогдашніе составители лѣтописей мало о томъ заботились. Черты этого искуства собраны въ древнихъ Сѣверныхъ сагахъ.

[90] «Totius excidii signifer exercituumque rex. Villelmus Gemmet.

[91] Франц. авторы называютъ его «Oscheri.»

въ лену графство Шартръ и поселился на покой во Франціи. И Веландъ пришелъ ко двору короля Французскаго, также принялъ крещеніе и, вѣроятно, получилъ землю.[92] Принимая въ свою среду вождей и войска этихъ страшныхъ Викинговъ, старались отвратить опасности, для устраненія которыхъ не было другаго средства; на будущее время надѣялись вести жизнь покойнѣе и безопаснѣе отъ частыхъ непріятельскихъ нашествій. Король Лотарь поступалъ также, и далъ Рёрику и Готтфриду лены въ Фрисландѣ.[93] Когда эти сильные люди поступили въ число подданныхъ государства и, по условіямъ послѣднихъ переговоровъ, всѣ флоты Викинговъ очистили берега Сены, Франція, цѣлыя 30-ть лѣтъ постоянное сборище Норманновъ, нѣсколько времени была пощажена отъ ихъ нападеній. Вмѣстѣ съ аббатами и монахами разныхъ монастырей воротились въ Парижъ аббатъ и монахи Сенъ-Жерменской обители съ спасенными мощами и ея св. покровителемъ (въ Іюлѣ 863 года). Духовенство и безчисленная толпа жителей встрѣтили ихъ на устьѣ Бьевры, при сліяніи этой рѣки съ Сеною, отслужили праздничную обѣдню и потомъ въ торжественной процессіи пошли въ монастырскую церковь съ пѣніемъ стиховъ изъ Пророка Іереміи: Како сѣде единъ градъ, умноженный людьми: бысть яко вдовица, умноженный во языцѣхъ, владяй странами, и бысть подъ данію.... и нѣсть утѣшаяй его.[94]

XI. Однако жь по временамъ появлялись отряды Викинговъ, приводившіе въ страхъ и тревогу. Турпіо, графъ Ангулемскій, человѣкъ, прославленный современными историками, пошелъ противъ такого отряда, укрѣпившагося на Лоарѣ. Его войско было разбито, самъ онъ убитъ, и Викинги опустошили весь Ангулемъ.[95] Другіе отряды бродили въ странахъ Гаронны, гдѣ герцогъ Гасконскій, Арнальдъ, имѣлъ частыя стычки съ ними и многихъ истребилъ, но наконецъ въ одной большой битвѣ потерялъ лучшую часть войска.[96]

---

[92] Script. Normann. у Duchesne

[93] Annal. Bertin.

[94] Aymoin, de miraculis Sancti Bened., и Bouillart, Histoire de l'abbaye de Saint-Germain-des-Prés, которую приводитъ Деппингъ.

[95] Chron. Aquitan. у Лаббе, привод. Лангебекомъ.

[96] Fragmenta Lemov. у Duchesne.

Окрестныя страны жестоко разорены побѣдителями. Другая съ Сѣвера прибывшая толпа, вошла въ Рейнъ и опустошала по обѣимъ берегамъ рѣки королевства Лотаря и Лудовика Нѣмецкаго; въ тоже время, въ 865 году, другой флотъ вошелъ въ Лоару и проникнулъ до города Флери, гдѣ Викинги сожгли монастырь св. Бенедикта. На возвратномъ пути они опустошили городъ Орлеанъ и всѣ окрестные монастыри и церкви; такимъ же образомъ свирѣпствовали по берегамъ Лоары; съ одной стороны доходили до Поатье, съ другой до Леманса, ограбили оба города и потомъ искали пути къ своимъ судамъ. [97] Робертъ, графъ Анжуйскій, храбрый воинъ, дѣдъ Гуго Капета, родоначальника Капетинскаго дома, получилъ отъ Карла Лысаго порученіе оборонять всю страну между Лоарой и Сеною. Названіе «Сильнаго» дано ему за успѣхъ, съ которымъ во многихъ случаяхъ онъ сражался съ Норманнами; однажды, раненый, онъ долженъ былъ отступить, за то въ другой разъ истребилъ до послѣдняго все войско Викинговъ. Робертъ позвалъ на помощь Райнульфа, герцога Аквитаніи, для прогнанія Норманновъ, свирѣпствовавшихъ въ странахъ Лоары. Собравъ людей изъ Анжу, Поату и Гасконіи, они двинулись на Викинговъ съ отборнымъ войскомъ и напали на нихъ врасплохъ на рѣкѣ Сартѣ, когда они отступали изъ Леманса. Норманны бросились въ стоявшую близь рѣки каменную церковь. Это была деревенская церковь, въ Бриссарте, деревнѣ, за нѣсколько миль отъ Анжера. Всѣ, не успѣвшіе уйти туда, были изрублены. Робертъ съ Райнульфомъ окружили церковь; на другой день хотѣли напасть на нее съ осаднымъ оружіемъ. Отъ сильнаго жара (это было въ Іюлѣ) Робертъ снялъ съ себя вооруженіе, и никто не думалъ, чтобы Виккинги, составлявшіе небольшой отрядъ, отважились напасть на превосходное числомъ войско. Но они сдѣлали сильную вылазку, когда всего менѣе ожидали, и бросились на Анжуйцевъ и Гасконцевъ. Послѣ кровопролитной схватки ихъ отбили, но Робертъ Сильный палъ, и Норманны утащили его трупъ въ церковь. Сраженіе еще продолжалось. Герцогъ Райнульфъ также убитъ стрѣлою, пущенною изъ церковнаго окна. Когда же и графъ Геривей былъ раненъ, Французы бѣжали, и Норманны воротились

---

[97] Annal. Bertin.

на суда. [98] Это случилось въ 866 году. [99] Въ то же время флотъ о пятидесяти парусахъ доплылъ по р. Сенѣ до Пистра. Оттуда Викинги послали 200 человѣкъ въ Парижъ съ требованіемъ вина. Удивлялись ихъ привычкѣ странствовать по непріятельской землѣ: и въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайная отвага и какое-то гордое презрѣніе. Посланные воротились ни съ чѣмъ, однако жь безъ всякаго вреда: неизвѣстно, прогнали ли ихъ, или въ Парижѣ не случилось вина на то время. Потомъ они направили свои суда въ Парижскую область, жили около 3-хъ недѣль въ Сенъ-Денисокомъ монастырѣ и каждый день носили добычу на свои суда. Когда же эти бродящія въ странахъ Сены и Лоары толпы угрожали двинуться въ Шаппу, гдѣ происходила ярмарка, Карлъ Лысый прибѣгнулъ опять къ обыкновенной спасительной мѣрѣ: онъ убѣдилъ ихъ отступить за 4000 фунт. серебра. [100] Не менѣе жестоко тѣснимъ былъ и король Лотарь: Викинги вторгнулись во Фландрію, но наконецъ прогнанные оттуда, вошли въ Рейнъ и производили грабежи по обѣимъ сторонамъ рѣки. По примѣру короля Французскаго, и Лотарь обложилъ каждую лену податью въ четыре денарія и въ нѣкоторомъ количествѣ муки, вина и скота, для доставленіе къ вождю Викинговъ, по имени Родульфу. [101] Такъ какъ плаваніе по всѣмъ рѣкамъ было вездѣ открыто и свободно, на дорогахъ, не было ни заставъ, ни сторожъ, то война всегда состояла въ волѣ Викинговъ, потому что они могли направлять свои вторженія, куда хотѣли. Зная это, рѣшились заложить крѣпости на Сенѣ и Маасѣ; заперли мостами Марну и Оазу; черезъ Сену близъ Парижа также построили крѣпкій мостъ, съ укрѣпленіями на обоихъ его концахъ, занятыми сильной стражей; Пистръ и другія мѣста тоже укрѣпили; на берегахъ поставили сторожу. Вышло строгое запрещеніе доставлять Норманнамъ лошадей, броню и всякое другое оружіе: сдѣлавшій это съ какимъ бы

---

[98] Еще донынѣ существуетъ маленькая церковь, бывшая мѣстомъ этого жестокаго боя. Хотя ее много разъ перестроивали, однако жь сохранилась еще очень древняя трапеза, вѣроятно, та самая, гдѣ заперлись Норманны. На правой стѣнѣ ея много небольшихъ круглыхъ оконъ, изъ которыхъ три еще открыты, два другія закладены. Въ одно изъ нихъ, вѣроятно, пущена стрѣла, убившая Райнульфа.

[99] Annal. Bertin.

[100] Annal. Bertin.

[101] Annal. Bertin.

то ни было намѣреніемъ, за деньги ли, или въ обмѣнъ на плѣнника, объявляемъ былъ измѣнникомъ государства и подвергался наказанію, не принимая ничего въ его оправданіе и защиту. [102]

XII. Нѣсколько странно, какъ доставало Сѣверныхъ флотовъ и войскъ, чтобы охватывать всю береговую страну отъ Эльбы до Пиринейскаго полуострова, и цѣлое столѣтіе не только содержать въ постоянной осадѣ все это прибережье, но даже дѣлать набѣги въ Средиземное море, къ берегамъ Италіи; однако жь, въ то же самое время Британскіе острова, Англія, Шотландія и Ирландія постоянно подвергались жестокимъ нападеніямъ Сѣверныхъ Викинговъ. Тогда же, какъ посѣщена была ими Испанія, взяты города Гамбургъ [103] и Парижъ и страдала отъ нихъ Фрисландія; два флота прибыли въ Англію, одинъ къ берегамъ Соммерсетскаго, другой Кентскаго графствъ. Высадившіеся въ Соммерсетѣ проиграли, однако жь, великую битву на устьѣ рѣки Петриды (нынѣ Эверлмутъ и Парретъ) съ альтерманнами Эанвульфомъ и Осрикомъ, и епископомъ Эльстаномъ. И приставшее къ берегамъ Кента войско было также разбито и потеряло 9-ть судовъ. [104] За этими невзгодами для Викинговъ послѣдовали другія въ Ирландіи: Скандинавы, тамъ поселившіеся, подкрѣпленные новыми войсками съ Сѣвера, послѣ многихъ побѣдъ, взяли приступомъ даже Дублинъ, но наконецъ, въ 848 году, потерпѣли сильныя пораженія.

Тургезій, какъ называютъ его Ирландскіе писатели, можетъ быть, по Сѣверному произношенію, Торкилъ, былъ верховнымъ правителемъ въ завоеванной Скандинавами землѣ, Ирландіи. Тамъ хотѣлъ онъ основать особое государство и обезпечить для себя свои завоеванія. Съ такою цѣлію онъ поставилъ во всякой области короля изъ своихъ Скандинавскихъ собратій, въ каждомъ округѣ капитана, во всякой деревнѣ смотрителя, поселилъ по одному Скандинаву на каждомъ дворѣ, поручилъ своимъ людямъ надзоръ за церковными и монастырскими имѣніями и, по Сѣверному обычаю, обложилъ всѣхъ «носовою» податью, по унцу золота съ каждаго носа. По извѣстіямъ

---

[102] Capit. Reg. Franc. и Eckart, Rer. Franc., также Acharii Spicil., привод. Лангебекомъ; ср. Annal. Bert.

[103] Remberti Vita Anscharii, и Adami Brem. Hist. Eccles.

[104] Ethelwerdus, Chron., Gibson, Chron. Sax., Matthaeus Westmon., Flor. Hist., Florent. Wigorn., Chronol.

лѣтописцевъ, Ирландцы находились подъ суровымъ игомъ. Конечно, произволъ побѣдоноснаго народа давалъ себя чувствовать во многихъ случаяхъ, однако великія жестокости, можетъ быть, навязаны Скандинавамъ по недоразумѣнію, или чтобы показать всѣ ненавистныя черты чуждаго правительства. [105] Ирландцы находили себя слабыми, чтобы свергнуть иго вооруженною рукою, и потому прибѣгли къ хитрости для погубленія Тургезія, и потомъ вездѣ вспыхнуло возстаніе противъ Скандинавовъ. Будучи разсѣяны по всей странѣ, не получивъ никакихъ предостереженій, они были убиваемы повсюду; ихъ небольшіе отряды, успѣвшіе собраться, разбиты, прочіе спаслись на Шотландскіе острова, или вернулись въ Скандинавію. [106] Радость Ирландцевъ не была продолжительна: въ 849 году опять прибылъ Скандинавскій флотъ изо 140 судовъ; война возобновилась ко вреду Ирландцевъ, и Малахія, ихъ верховный король, считалъ себя счастливымъ, что могъ заключить союзъ и миръ съ чужеземцами. Они снова овладѣли окрестною страною, которая по имени, такъ называемыхъ, бѣлыхъ, получила имя «Фингаліи» (земля бѣлыхъ людей). [107] Между этими бѣлыми и другими Скандинавами или Лохланами находившимися въ Ирландіи, началась война. [108] Послѣдніе взяли Дублинъ, ограбили его, побѣдили бѣлыхъ и принудили ихъ воротиться на Сѣверъ. Но въ 853-мъ году они явились опять съ сильнымъ флотомъ, подъ начальствомъ трехъ братьевъ, Олафа, Сигтригга и Ивара: Сигтриггъ сдѣлался королемъ въ Ватерфордѣ, Иваръ въ Лиммерикѣ, Олафъ въ Дублинѣ. Этотъ Олафъ пользовался между ними большимъ значеніемъ, и потому ему покорились всѣ Скандинавы, жившіе въ Ирландіи: онъ сталъ верховнымъ королемъ и съ того времени считалъ своимъ пребываніемъ Дублинъ. Ирландскіе историки разсказываютъ объ этихъ пришельцахъ изъ Лохлина и съ Шотландскихъ острововъ, поселившихся въ Ирландіи, что они опытны

---

[105] Такъ, на пр., относительно налога въ унцъ золота, платимаго съ каждой головы, разсказываютъ, что если кто не могъ, или не хотѣлъ, платить его, тому отрѣзывали носъ, почему эта подать и получила названіе Airgiod Srone, «носовой.» Но едва ли подвержено сомнѣнію, что Ирландцы, или ихъ лѣтописцы, выдумали это по причинѣ названія подати.

[106] Waraeus, Antiq. Hib.

[107] Waraeus, Antiqu. Hib. Ср. выше примѣч. 19.

[108] Waraeus l. c. О такихъ междоусобіяхъ упоминается часто.

во всякомъ воинскомъ дѣлѣ, снабжены разнаго рода оружіемъ, храбры на войнѣ, гостепріимны и полезны для Нормандцевъ своею торговлею, потому что Ирландскій народъ, по врожденной лѣни, никогда не занимался судоходствомъ, или торговлею; они обнесли города стѣнами и рвами, воевали со многими малыми королями, между которыми раздѣлена была Ирландія съ окрестными островами, и расширяли предѣлы своихъ владѣній. [109]

Во время этихъ происшествій въ Ирландіи, другія полчища устремились на Англію. Альтерманнъ Цеорль сражался съ однимъ отрядомъ при Венбури, въ Девонширѣ (Wicganbeorche), въ 851, году и одержалъ надъ нимъ побѣду. Въ томъ же году прибылъ въ Англію новый флотъ, не менѣе 350 судовъ. Викинги вошли въ Темзу, взяли Кентербури и Лондонъ, [110] обогатились тамъ значительною добычею, потомъ разбили Беортвульфа, короля Мерсіи, за тѣмъ направили путь къ югу, переѣхали Темзу и вступили въ Суррей. Тутъ встрѣтилъ ихъ Вестсаксонскій король Этельвульфъ съ сыномъ Этельбальдомъ и войскомъ. При Аклеѣ (Окелей въ Суррѣ), неподалеку Лондона, сошлись оба войска. Битва была упорна и кровопролитна: Викинги потерпѣли большое пораженіе, но и Англичанамъ побѣда обошлась дорого, потому что и они понесли большой уронъ въ людяхъ. [111] Притомъ эта побѣда ни мало не избавила ихъ отъ вторичныхъ посѣщеній смѣлыхъ искателей счастія. Викинги учредили свой притонъ на Тепетѣ и Sheрey, зимовали на этихъ островахъ, откуда предпринимали постоянные набѣги къ берегамъ Англіи, высаживаясь въ разныхъ мѣстахъ. Они нападали и на Шотландію, врывались въ землю Пиктовъ и навели страхъ на всю страну. Напрасно Шотландскій король, Константинъ, предлагалъ имъ свободную торговлю съ Шотландіею, если они бросятъ ремесло Викинговъ и будутъ сохранять миръ. [112]

---

[109] Giraldus Cambr., Topographia Hibern. Jocelinus, Vita S. Patric., привод. Лангебекомъ l. c.

[110] Еще прежде, въ 839 году, или, по другимъ извѣстіямъ, въ 842, взяли они Лондонъ, Рочестеръ, Кентербери.

[111] Gibson, Chron. Sax., Florent. Wigorn. l. c., Simeon Dunelm, de gestis Reg. Angl.

[112] J. de Fordun, Scotichron.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

НОРМАННЫ СОСТАВЛЯЮТЪ БОЛѢЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ФЛОТЫ И ДУМАЮТЪ О ЗАВОЕВАНІЯХЪ. ОНИ СИЛЬНѢЕ НАПАДАЮТЪ НА АНГЛІЮ И ФРАНЦІЮ.

I. До сихъ поръ мы видѣли, что Скандинавы разъѣзжаютъ по всѣмъ морямъ и воюютъ почти со всѣмъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ, безъ всякой другой цѣли, кромѣ той, чтобы жить и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Хотя воинскіе подвиги приносили имъ богатства, которыхъ немного было у нихъ на родинѣ, однако жь ихъ набѣги служили болѣе ко вреду иноземныхъ народовъ, нежели къ продолжительной пользѣ для нихъ самихъ. Они грабили государства, но не покоряли ихъ. Только въ Ирландіи и на окрестныхъ островахъ они положили начало прочныхъ поселеній и новыхъ обществъ. Но потомъ успѣхи ознакомили ихъ съ слабостію великихъ государствъ; они узнали существенную выгоду совокупныхъ дѣйствій большими войсками и флотами, вмѣсто отдѣльныхъ набѣговъ. Тогда ихъ предпріятія получили болѣе важности и согласія. Они начали думать о завоеваніяхъ и основаніи новыхъ государствъ.

Въ 866 году въ Англію прибыло сильное войско [113] изъ Шведовъ, Готовъ, Датчанъ, Норвежцевъ и другихъ народовъ. Флотъ, величайшій изъ всѣхъ, приплывавшихъ съ Сѣвера, находился подъ начальствомъ 8-ми королей и болѣе 20-ти ярловъ. [114] Вѣтеръ пригналъ ихъ сначала къ Шотландіи, но потомъ они высадились въ

---

[113] Matthaeus Westm. показываетъ, что это войско состояло изъ 20,000 человѣкъ.

[114] Florent. Wigorn.

Остъ-Англіи. Тамъ перезимовали, достали лошадей, раздѣлили ихъ по полкамъ, и дѣлали походы то въ томъ, то въ другомъ направленіи, опустошали разные монастыри, грабили страну, убивали всѣхъ, кто ни попадался. [115] На другой годъ они оставили Остъ-Англію, вошли въ рѣку Гумберъ и двинулись къ Іорку, столицѣ Нортумберландіи. Въ великой битвѣ съ ними, въ вербное воскресенье, 867 года, пали короли этого государства, Элла и Осбритъ, съ восемью альтерманнами. Викинги взяли Іоркъ; въ этотъ и послѣдующій годы прошли съ опустошеніемъ всю Нортумберландію, оттуда отправились въ Ноттингамъ въ Мерсіи, овладѣли крѣпостію и цѣлый годъ держались въ этомъ, сильно укрѣпленномъ, городѣ; вернувшись потомъ въ Нортумберландію, все лѣто 869 года оставались въ Линдсеѣ, и съ наступавшею зимою опять пошли въ большомъ числѣ въ Остъ-Англію, гдѣ и остались зимовать въ Теодъ-Фордѣ, въ Норфолькскомъ графствѣ. Куда ни приходили въ Нортумберландіи, въ Остъ-Англіи и Мерсіи, вездѣ жестоко доставалось особенно церквамъ и монастырямъ. Лѣсомъ поросло то мѣсто, гдѣ до того времени мирно стояла женская обитель Эбчестеръ, въ Дургамѣ; неподалеку города Линкольна, еще по нынѣ видны слѣды разореннаго до основанія монастыря Барденей, котораго монахи были перебиты до одного человѣка въ монастырской церкви. Обитель Св. Іоанна въ Беверлеѣ, въ Іоркскомъ графствѣ, ограбленная и сожженная со всѣми ея книгами и украшеніями, долгое время послѣ того находилась въ совершенномъ запустѣніи. Для спасенія монастырей Кройланда и Медесгамстаде, храбрый Альгаръ младшій, графъ Голандъ, собралъ все молодое населеніе своего графства, присоединилъ еще двѣсти храбрыхъ людей изъ монастыря Кройланда, получилъ 300 ратныхъ юношей изъ Депинга, Лангтофта и Бостона; къ нему примкнулъ рыцарь Моркардъ Брунне съ своими подручниками, смѣлый и многочисленный отрядъ; также изъ Линкольна 500 человѣкъ подъ начальствомъ Осгота, стараго и опытнаго воина: сверхъ того къ нему присоединились отряды изъ другихъ странъ. Съ этимъ войскомъ Альгаръ пошелъ на встрѣчу приближавшимся Норманнамъ; въ день Св. Мавриція, 22 Сентября, 870 года, сразился съ ними при Шрекингамѣ, истребилъ ихъ великое множество, убилъ у нихъ трехъ королей и преслѣдовалъ уцѣлѣвшихъ до самыхъ воротъ ихъ стана,

---

[115] Simeon Dunelm, Matthaeus Westm. и Florentius Wigorn.

но тутъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Ночь разлучила сражавшихся. Ночью пришли въ станъ разбитыхъ новыя толпы, бродившія въ другихъ мѣстахъ. Таща съ собою богатую добычу, онѣ вели множество женщинъ и дѣтей. Прибытіе новаго войска навело такой страхъ на Англичанъ, что большая часть ихъ разбѣжалась ночью: при разсвѣтѣ Альгаръ нашелъ, что его войско убавилось почти до двухъ тысячь ратниковъ. [116] Норманны были очень раздражены потерею трехъ королей, убитыхъ въ сраженіи прошедшаго дня. Рано утромъ они похоронили ихъ въ деревнѣ Лаундонъ, названной, въ воспоминаніе того, Трекингамъ; четыре короля и восемь ярловъ присутствовали на похоронахъ. Почтивъ память падшихъ по древнему обряду, для отмщенія ихъ смерти, они тотчасъ же приготовились къ новому бою: два короля и четыре ярла остались въ станѣ, для защиты его и плѣнныхъ, прочіе пошли на Альгара. Англичане, слабѣе числомъ, держались плотно другъ къ другу, составляя кругъ щитомъ къ щиту и вездѣ представляли непріятелю фронтъ изъ копій. Норманны сражались весь день, чтобы прорвать эту сплошную массу, и когда ихъ стрѣлки и всадники начинали утомляться, обратились притворно въ бѣгство: они очистили поле битвы и разсыпались по всѣмъ направленіямъ. Тогда Англичане нарушили свой боевой порядокъ и погнались за бѣгущими. Но непріятели вдругъ собрались, снова пошли на Англичанъ и разбили ихъ совершенно. Альгаръ и шесть вождей пали. Немногіе изъ молодаго войска Суттона и Геденея бросили оружіе и спаслись бѣгствомъ въ близъ лежащій лѣсъ, откуда ночью пришли въ обитель Кройландъ и съ великимъ ужасомъ въ словахъ и тѣлодвиженіяхъ разсказали аббату и монахамъ постигшее ихъ бѣдствіе. Братія только что воротились отъ заутрени. Очень перепуганный аббатъ послалъ проворныхъ гребцовъ на лодкѣ въ лѣсъ Анкавигъ съ драгоцѣнностями и рукописями, сколько успѣлъ собрать второпяхъ: его заставилъ спѣшить дымъ, поднимавшійся изъ окрестныхъ деревень и возвѣщавшій, что Норманны шли съ

---

[116] Хотя въ лѣтописи показано оставшихся не болѣе, какъ «vix ducenti», но въ продолженіе разсказа упоминается, что Альгаръ, при размѣщеніи небольшаго оставшагося войска, поставилъ рыцаря Толія съ 500-ми человѣкъ на правомъ крылѣ, а Осгота съ такимъ же числомъ войска и другимъ храбрымъ отрядомъ на лѣвомъ, и что самъ Альгаръ съ остальными занималъ средину позиціи, а потомъ вмѣсто «ducenti,» вѣроятно, ошибки писца, надобно разумѣть «duo millia.»

огнемъ и мечемъ. Взявъ съ собою престарѣлыхъ и дѣтей, въ надеждѣ, что эти послѣдніе пробудятъ жалость въ язычникахъ, аббатъ поднялся въ верхнюю церковь, отслужилъ обѣдню и пріобщился Св. Таинъ. Норманны ворвались, убили аббата у алтаря, изрубили въ ризницѣ пріора Аскера, а субпріора Летвина въ трапезной, умертвили всѣхъ монаховъ, но сначала напрасно мучили ихъ, допытываясь, гдѣ спрятана монастырская казна; по обѣимъ сторонамъ раки св. Гутлака взломали мраморныя гробницы, сохранявшія тѣла святыхъ; наконецъ, когда поиски и развѣдыванія о сокровищахъ были напрасны, зажгли церковь и монастырскія службы. Потомъ они удалились, гоня за собою безчисленное множество рогатаго скота и лошадей, и пошли въ монастырь Медесгамстаде: тамъ нашли запертыми монастырскія ворота и тотчасъ приступили къ стѣнамъ со стрѣлками и таранами; при вторичномъ нападеніи они вторгнулись въ монастырь. Лубба, братъ ярла Уббы, въ воротахъ былъ опасно раненъ камнемъ; онъ упалъ и отнесенъ товарищами въ палатку брата. Въ злобѣ на то, Убба хотѣлъ мести и самъ рубилъ всѣхъ, носившихъ монашеское платье; никому не было пощады, ни аббату, ни простому иноку; всѣ алтари были срыты, гробницы взломаны, истреблено большое собраніе духовныхъ книгъ и невѣроятное множество рукописей; тѣла св. дѣвъ: Кинесбурги, Кинесвиты и Тильбы выброшены изъ ракъ; всѣ зданія зажжены и горѣли 14 дней.[117] Въ монастырѣ Эли перебиты всѣ монахини и находившіеся тамъ мужчины; похищено много разныхъ утварей и драгоцѣнностей, принесенныхъ туда изъ окрестности, потому что надѣялись на безопасность и крѣпость монастыря. Туже участь имѣли монастыри Торней, Рамзей и Гамстедъ: монахи убиты, монахини опозорены. Во избѣжаніе такого жестокаго позора и оскверненія отъ свирѣпыхъ язычниковъ, игуменья дѣвичьяго монастыря Кольдингама, въ графствѣ Варвикъ, святая Эбба, взяла клятву съ монахинь, что онѣ во всемъ будутъ слѣдовать ея примѣру. Онѣ обѣщались: тогда игуменья взяла бритву и отрѣзала себѣ носъ и верхнюю губу до самой челюсти. Всѣ поступили по ея примѣру. Видъ этихъ женщинъ изуродованныхъ, обезображенныхъ, плавающимъ въ крови, возбудилъ такое

---

[117] Ingulphus (жившій въ XI вѣкѣ) Historia Abbatiae Croylandensis. Cp. Vastatio Monasterii Medeshamstade in Anglia per Danos anno 870, у Лангебека I. c. II.

отвращеніе въ пришедшихъ Викингахъ, что они тотчасъ оставили монастырь, но при выходѣ зажгли зданія и сожгли всѣхъ монахинь, которыя съ ихъ игуменьею сподобились мученической смерти.[118] Изъ монастыря Дергама, въ Норфолькѣ, всѣ монахини были прогнаны; въ Тинемутѣ онѣ сожжены въ маленькой церкви, куда убѣжали укрыться. Тоже разореніе постигло обитель Стенесгальмъ, основанную св. Гильдою для многочисленнаго общества монахинь. Тогда же сгорѣлъ и мужской монастырь Версмутъ, гдѣ воспитывался достопочтенный Беда. Въ самомъ дѣлѣ нельзя упрекать древнія лѣтописи, что онѣ высказываютъ самыя горькія сѣтованія на лютое бѣдствіе, посланное Христіянству въ этихъ страшныхъ полчищахъ, которыя съ сѣвернымъ вѣтромъ пришли изъ страны на Ледовитомъ морѣ и, подобно пагубной бурѣ, пронеслись по всѣмъ предѣламъ Британніи отъ одного морскаго берега до другаго. Они почитаютъ это наказаніемъ Божіимъ за грѣхи Англійскаго народа и припоминаютъ слова Господни пророку Іереміи:[119] Отъ лица сѣвера возгорятся злая на всѣхъ обитающихъ на землѣ (Іер. I. 14.)

II. Въ Остъ-Англіи царствовалъ король Эдмундъ, храбрый и сильный юноша, потомокъ древняго Саксонскаго королевскаго рода, прославляемый въ лѣтописяхъ за Христіянскую жизнь, честность и кротость, за что и причтенъ былъ по смерти къ лику святыхъ. Онъ имѣлъ съ Норманнами жестокую, кровопролитную битву, 20 Ноября 870 года. Его войско разбито, самъ онъ палъ, съ нимъ погибъ также епископъ Норвицкій, Гумбертъ.[120] Эдвольдъ, братъ Эдмунда, въ безутѣшномъ горѣ о его смерти и несчастіи страны, разстался съ міромъ и подобно пустыннику, жилъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ въ монастырѣ Кармутѣ, въ Дорсетскомъ графствѣ. Норманны покорили всю Остъ-Англію,[121] а въ слѣдующемъ году обратили оружіе на Вестъ-

---

[118] Matthaeus Westmon.

[119] Hi omnes persecutores Christianorum erant adeo crudeles naturali ferocitate, ut nesciant malis hominum mitescere.... et juxta Prophetae vaticinium, quod ab Aquilone venit omne malum (Jer. 1, 14.) flante Borea, a gelidis nativitatis suae sedibus gens eadem nequam prosilivit, subitos ac neciferos turbines in omnes fines Britanniae flavit, nunc mari, nunc terra circuiens, flammis ac ferro cuncta depopu.... lans cum Christicolis pacem habere noluit, unde Monasteria universa ab ipsis fundaminibus diruens etc. См. у Лаппенберга l. c. II.

[120] Chronicon Sax., Matthaeus Westm., Simeon Dunelm.

[121] Joh. Bromton.

Саксонію, перебрались черезъ Темзу и пошли къ королевскому замку Ридингу или Редингаму, лежащему въ Беркскомъ графствѣ, на южномъ берегу Темзы. Одна часть войска, подъ начальствомъ двухъ ярловъ, отправилась грабить окрестности, между тѣмъ какъ другая начала копать валъ на правой сторонѣ замка между р. Темзою и Кенетомъ. Этельвульфъ, альтерманъ въ Беркскомъ графствѣ, при Энглафельдѣ напалъ на грабившую толпу. Бой былъ упорный; одинъ изъ ярловъ палъ со многими Норманнами, другіе спаслись бѣгствомъ. Спустя четыре дня потомъ двинулся къ Ридингу Вестъ-Саксонскій король Этельредъ съ братомъ Альфредомъ и войскомъ. На равнинѣ передъ замкомъ встрѣтился съ ними Норманнскій отрядъ. Они сдѣлали нападеніе, одну часть Норманновъ истребили, другую преслѣдовали до ихъ укрѣпленія. Но въ эту минуту все Норманнское войско соединенными силами бросилось изо всѣхъ воротъ на Англичанъ. Началась отчаянная битва. Альтерманъ Этельвульфъ палъ, Англичане были разбиты и обратились въ бѣгство. Но спустя четыре дня оба войска сошлись опять при Эсцедунѣ (Асдоунъ). Норманны поставлены двумя отрядами въ видѣ конуса. одинъ подъ начальствомъ двухъ королей, другой всѣхъ ярловъ, тамъ находившихся. Увидѣвъ это, Англичане также построили и раздѣлили свое войско. Самъ Этельредъ, начальствовавшій одною частію, началъ сраженіе съ отрядомъ подъ командою королей; его братъ, Альфредъ, съ другою частію пошелъ на ярловъ. Битва началась страшнымъ военнымъ крикомъ: съ обѣихъ сторонъ сражались съ большимъ ожесточеніемъ: самый жаркій бой происходилъ около маленькаго кудряваго деревца, которое, по увѣренію современнаго лѣтописца, Ассерія, онъ «видѣлъ своими глазами». [122] На сторонѣ Норманновъ была выгода положенія, потому что они занимали высоту. Но Англичане сражались за свободу и отечество, за все, для нихъ драгоцѣнное и святое. Одинъ изъ Нор-

---

[122] «Erat quoque in eodem loco unica spinosa arbor, brevis admodum, quam nos ipsi nostris propriis oculis vidimus, circa quam ergo hostiles inter se acies, cum ingenti omnium clamore, illi (Pagani) perperam agentes, isti (Christiani) pro vita et dilectis atque patria pugnaturi, hostiliter conveniunt.» Asserius, Allfredi Regis res gestae.

манскихъ королей [123] и пять ярловъ пали, [124] все поле битвы было покрыто трупами убитыхъ, Англичане одержали полную побѣду и гнали разбитое войско всю ночь и весь слѣдующій день. Однако жъ, какъ ни рѣшительно описываютъ лѣтописи пораженіе Норманновъ въ этой битвѣ, но спустя, двѣ недѣли потомъ, опять они сражались съ Англичанами при Басингѣ, въ Гамскомъ (нынѣ Соутгемптонскомъ) графствѣ: счастіе повернулось, и Норманны разбили соединенныя войска Этельреда и Альфреда. Два мѣсяца спустя, они выиграли другую битву съ этими королями при Мертонѣ, въ графствѣ Суррей. Потомъ разбили Альфреда на южномъ берегу р. Виллей, неподалеку Вильтона, въ Вильтскомъ графствѣ. [125] Битва слѣдовала за битвою: въ промежуткахъ случалось много стычекъ днемъ и ночью. Храбрый Вестъ-Саксонскій король, Этельредъ, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ Норманнами: ему наслѣдовалъ братъ его, Альфредъ. Непріятели заключили съ нимъ миръ въ 872 году, перезимовали въ Лондонѣ, провели слѣдующій годъ въ Остъ-Англіи и Нортумберландіи и въ 874-мъ году вторгнулись въ королевство Мерсію. Тамошній король, Бургредъ, бѣжалъ за море въ Римъ. гдѣ и умеръ. Норманны, покоривъ всю Мерсію, поставили въ ней королемъ Цеольвульфа, природнаго Англичанина, Бургредова подручника, съ условіемъ, чтобы онъ миролюбиво возвратилъ имъ Мерсію, если они пожелаютъ, для вѣрности далъ бы заложниковъ, обязался клятвою во всемъ повиноваться имъ и честно платить положенную дань. Для собранія ея Цеольвульфъ обходилъ всю страну, у многихъ оставшихся поселянъ отнималъ послѣднее, принуждалъ купцовъ отдавать все имущество, притѣснялъ вдовъ и сиротъ и терзалъ невыразимыми муками монаховъ и священниковъ, чтобы вынудить у нихъ признаніе, гдѣ спрятаны церковныя и монастырскія сокровища. Такіе варварскіе

---

[123] Его имя въ лѣтописяхъ Bancsceg, Bagsaec, Oseg. Другой Норманскій король назывался Гальфданъ.

[124] Сидрокъ старшій, Сидрокъ младшій, Осбернъ, Френа и Гаральдъ.

[125] Asserius, Florent. Wigorn., Simeon Dunelm., Ethelwerdus, Matthaeus Westmon., Gibson и другіе.

[126] Qui (Ceolwulfus) tandem per Danos, dominos suos, justissimos in hoc, depositus est, et usque ad ipsa verenda nudatus, misero fine vitam terminavit. Ingulphus l. c. Cp. Asserius, Florent. Wigorn., Matthaeus Westmon., Ethelwerdus, Simeon Dunelm. и Gibson, Chron. Saxon.

поступки не понравились Норманнамъ: справедливые въ этомъ случаѣ, они низложили его и ограбили дочиста; онъ умеръ въ бѣдности.

III. Въ Англію прибывали постоянно новыя войска изъ Скандинавіи; на помощь имъ явились короли Олафъ и Иваръ съ хорошо вооруженнымъ флотомъ изъ 200 судовъ. [127] Воюя съ Англіею и покоривъ большую часть ея, они въ тоже время получили возможность дѣлать иногда набѣги въ Шотландію. Угнетенные Пикты позвали ихъ на помощь и уступили имъ свои права на эту землю. По силѣ этого права, братья Ингваръ и Уббе прибыли съ многочисленнымъ флотомъ къ берегамъ полуострова Фифа (земля въ Шотландіи между устьями рѣкъ Форта и Тея). Тамъ и въ сосѣдней странѣ Лотіанѣ Норманны свирѣпствовали огнемъ и мечемъ; испуганные жители, бросивъ все, бѣжали въ горы и лѣса. И здѣсь, какъ и вездѣ, жестокое разореніе постигло церкви и монастыри. Безчисленная толпа монаховъ и священниковъ искала спасенія, гдѣ могла: нѣкоторые прятались въ горныхъ разсѣлинахъ и пещерахъ, гдѣ страдали отъ голода и жажды и едва оставались живы, другіе съ епископомъ Адріаномъ бѣжали на островъ Маю (Мая), въ тамошній славный монастырь. Но и тамъ нашли ихъ Норманны: изрубивъ епископа и монаховъ, они разорили монастырь совершенно. Между тѣмъ Шотландскій король, Константинъ, призвалъ къ оружіи весь свой народъ и собралъ многочисленное войско, съ которымъ пошелъ на Норманновъ. Они расположились въ двухъ станахъ по обѣимъ берегамъ рѣчки, называемой у туземцевъ Левинъ. Отъ продолжительныхъ проливныхъ дождей на этой рѣчкѣ столько прибыло воды, что нельзя было переходить ее въ бродъ, станы были отрѣзаны другъ отъ друга, не стало никакой возможности для одного помочь другому. Замѣтивъ это, Константинъ со всѣмъ войскомъ двинулся на ближайшій къ нему станъ, подъ начальствомъ Уббы. Этотъ не находилъ выгоднымъ покидать крѣпкое положеніе и при тогдашнемъ состояніи дѣлъ вступать въ бой съ непріятелемъ. Но въ это время Константинъ напалъ на отдѣльныя шайки, бродившія по странѣ и пробиравшіяся въ станъ съ награбленною добычей, и истребилъ ихъ. Это привело Норманновъ въ бѣшенство: они хотѣли, чтобы вожди вели ихъ въ бой. Уббе представлялъ неосторожность и опасность сраженія со всѣми Шотланд-

---

[127] Waraei, Antiquit. Hibern.

скими силами въ то мгновеніе, когда нельзя ожидать никакой помощи, ни выручки отъ другаго отряда, пока водополь отдѣляла ихъ отъ него; онъ убѣждалъ остаться въ крѣпкомъ станѣ и выжидать лучшаго случая. Не слушая ничего, думая только о падшихъ товарищахъ и о долгѣ мести, Норманны съ дикимъ воплемъ требовали битвы. Противъ воли повелъ ихъ Уббе и приготовилъ все къ бою. На Норманнахъ, сверхъ кольчугъ, надѣты были полотняные кафтаны блестящей бѣлизны, съ красною оторочкою; въ рукахъ у нихъ были короткіе острые мечи, такой формы, что могли болѣе колоть, нежели рубить, и проницали всякія латы. Такое вооруженіе великановъ, подходившихъ въ боевомъ порядкѣ, съ перваго взгляда навело страхъ на Шотландское войско. Но, полагаясь на превосходство въ числѣ, они ободрились и открыли сраженіе громкимъ воинскимъ крикомъ. Бились упорно съ обѣихъ сторонъ, развязка долго оставалась неизвѣстною, пока одинъ Шотландскій отрядъ зашелъ въ тылъ Норманнамъ и сильный непріятель окружилъ ихъ совершенно. Тогда они отчаялись во всякомъ счастливомъ успѣхѣ и побѣдѣ: каждый сражался за свое спасеніе. Многіе убиты въ бѣгствѣ къ стану, другіе бросились въ ровъ, окружавшій станъ, очень многіе кинулись въ рѣку, стараясь спастись вплавь, и большая часть ихъ потонула; но Уббе и другіе съ нимъ счастливо достигли противоположнаго берега и перебрались въ другой станъ. Два дня проводили Шотландцы въ шумной радости объ одержанной побѣдѣ; увѣренные въ такомъ же успѣхѣ надъ другимъ отрядомъ, считали его уже уничтоженнымъ; гордясь побѣдою, отзывались о немъ съ презрѣніемъ, впередъ дѣлили будущую добычу, очень важно разсуждали, какъ поступить съ плѣнниками и бросали жеребій, убить ли тотчасъ Норманнскихъ вождей, или оставить въ живыхъ, для потѣхи и насмѣшекъ надъ ними. Въ такомъ развлеченіи они дожидались, когда рѣка войдетъ въ берега, потомъ перешли ее и двинулись къ другому стану. Онъ раскинутъ былъ недалеко берега по отлогимъ, излучистымъ утесамъ; собранные въ груду камни служили для него вмѣсто вала. Подъ защитою этого крѣпкаго стана на выгодной мѣстности, Норманны не падали духомъ отъ прежней потери; эта невзгода и чувство мести еще больше подстрекали ихъ на отчаянный бой, къ которому они готовились бодро и весело. Ихъ боевой порядокъ устроенъ былъ такъ: на правомъ крылѣ сталъ Уббе съ 6000 человѣкъ, Буернъ или Бруернъ, выходецъ-

Англичанинъ, распоряжался лѣвымъ, состоявшимъ частію изъ Англичанъ и Пиктовъ; Ингваръ, братъ Уббы, начальствовалъ срединой и остальнымъ войскомъ. Онъ говорилъ рѣчь войску, убѣждая сражаться храбро: награда ихъ мужества весь Альбіонъ и всѣ его сокровища; общая гибель и позоръ, который покроетъ кончину храбрыхъ, будутъ вѣрнымъ послѣдствіемъ ихъ бѣгства; онъ клялся богами, что не иначе воротится въ станъ, какъ побѣдителемъ, и убѣждалъ всѣхъ подражать ему. Все войско отвѣчало ударами въ щиты и стукомъ оружій: это означало, что они раздѣляютъ его мнѣніе. Съ рѣшимостію побѣдить, или умереть, они пошли на непріятеля. Каждое крыло Шотландскаго войска состояло изъ 10,000 человѣкъ; правымъ начальствовалъ Этусъ, братъ короля, лѣвымъ нѣкто Дунканъ Атоль, самъ Константинъ срединой. И онъ ободрялъ свое войско, благодарилъ за храбрость, оказанную въ прежней битвѣ, увѣщевалъ не позорить трусостію, или постыднымъ бѣгствомъ, такую славную побѣду; имъ нечего бояться непріятелей, страшныхъ не столько храбростію, сколько исполинскимъ ростомъ; ихъ легко побѣдить и истребить, если храбрые Шотландцы пойдутъ на нихъ съ обыкновенною неустрашимостію.

Константинъ зналъ обыкновеніе Норманновъ—быстро и стремительно бросаться въ бой; онъ не велѣлъ своимъ нападать на нихъ, но остановиться и выждать нападенія. Онъ хотѣлъ, чтобъ непріятели утомились отъ долгаго и скораго похода, и расчитывалъ, что они усталые прибудутъ на мѣсто сраженія, тогда успѣшнѣе можно напасть и уничтожить ихъ. Но замѣтивъ, что Шотландцы не двигались, Норманны, какъ опытные на войнѣ, остановились, тихо подвигались впередъ, нѣсколько минутъ отдыхали, чтобы прійти на бой съ свѣжими силами, потомъ пустили тучу стрѣлъ и дротиковъ и ринулись на непріятеля.[128] Шотландцы привыкли нападать всегда первые, на всемъ ходу, съ громкимъ крикомъ, который считали средствомъ напугать врага и воспламенить къ бою другъ друга; но тутъ они оробѣли и смутились, видя, что на нихъ нападаютъ, въ против-

---

[128] «Dani, signo dato, in proelium ruunt; primum autem animadvertentes haud ab hoste occurri, artis periti militaris, ultro cursum repressere, paulumque medio spatio, ne solutis viribus praelium inirent, quievere. Mox lentu gradu progressi frequentes catapultas et tela jacere.»

ность ихъ обычаю. Сначала отступили крылья; потомъ Норманны со всѣхъ сторонъ напали на обнаженную средину. Въ этомъ бою пало до 10,000 Шотландцевъ. Константинъ схваченъ въ бѣгствѣ, отведенъ въ пещеру и тамъ отрубили ему голову. Въ память того пещера получила названіе «черной,» и потомъ «чортовой.» Его братъ, Этусъ, съ трудомъ спасъ остатки разбитаго войска. [129]

Это случилось въ 874 году, когда Норманны покорили Мерсію и выгнали тамошняго короля, Бургреда. Расказываютъ, что потомъ они воевали съ Пиктами, безпрестанно дѣлали набѣги на страну и Стратклуденсы, народъ, жившій прежде въ графствѣ Галловей, въ Шотландіи, но вышедшій оттуда, по причинѣ непрестанныхъ нападеній Пиктовъ и Скоттовъ, и поселившійся на рѣкѣ Клейдѣ, въ сѣверномъ Валлисѣ, не менѣе терпѣли отъ Норманновъ, разсѣявшихся повсюду. Послѣдніе вторгнулись и въ Кумберландъ, не пощадили также южнаго Валлиса.

IV. Между тѣмъ Норманны окончили покореніе всей Нортумберландіи и Остъ-Англіи, основали въ этихъ странахъ свои государства, раздѣлили между собою землю и начинали заводить тамъ прочныя поселенія.. Потомъ, какъ будто согласясь общими силами покорить всю Англію, Норманскія войска бросились со всѣхъ сторонъ на Вестъ-Саксонское королевство. Король Альфредъ приведенъ былъ въ самое горькое положеніе: покинутый всѣми, съ немногими приверженцами, онъ блуждалъ по лѣсамъ и болотамъ Соммерсета, гдѣ нашелъ убѣжище въ Этелингеѣ (Этельнеѣ), въ болотѣ, гдѣ водилось много дикихъ козъ и другихъ звѣрей. Это неприступное мѣсто ограждалось со всѣхъ сторонъ другими болотами и лѣсами; къ нему вела только одна тропинка между двумя замками. Тутъ пробылъ Альфредъ многіе мѣсяцы и жилъ только тѣмъ, что могъ достать въ торопливыхъ набѣгахъ. Между тѣмъ Норманны наводнили всю Вестъ-Саксонію. Тогда множество Англичанъ покинуло отечество и бѣжало за море на берега Франціи. [130]

Въ Девонширѣ, на рѣкѣ Теѣ, находился замокъ Кинвитъ, нынѣ разрушенный. Онъ имѣлъ крѣпкія стѣны и былъ неприступенъ со

---

[129] Hect. Boethii, Hist. Scotorum. Buchananus, Rerum Scoticarum hist.

[130] Vit. S. Neoti Abb. y Mabillon (Acta SS. Bened. VI), привод. Лангебекомъ l. c., Asserius, Florent. Wigorn., Mathtaeus Westm.

всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной. Туда удалились многіе изъ людей и воиновъ Альфреда. Норманны осадили его, но не могли взять приступомъ и довольствовались обложеніемъ, чтобы голодомъ и жаждою принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Въ отчаяніи, не имѣя другаго выбора, кромѣ голодной или славной смерти, Англичане однажды на разсвѣтѣ сдѣлали неожиданную сильную вылазку. Она имѣла успѣхъ. Норманскій вождь палъ, большая часть его войска истреблена, остальные спаслись въ лѣсахъ или на судахъ. Англичанамъ досталось и священное знамя Рафанъ или Равенъ, вышитое въ часы утра тремя дочерьми Лодброка, сестрами Ингвара и Уббы: по срединѣ его былъ изображенъ воронъ, который, когда знамя несли въ сраженіе, махалъ распущенными крыльями, или опускалъ ихъ неподвижно, въ первомъ случаѣ предсказывая побѣду, въ послѣднемъ—пораженіе. [131]

Этотъ успѣхъ оживилъ мужество Англичанъ. Альфредъ вышелъ изъ лѣсовъ, служившихъ ему убѣжищемъ; народъ обрадовался, увидавъ его: въ короткое время король собралъ многочисленное войско. Одно изъ главныхъ Норманскихъ полчищъ, подъ начальствомъ короля Годруна или Гитро (какъ называютъ его нѣкоторыя лѣтописи), зимовало въ Чиппенгамѣ, въ Вильтширѣ, и овладѣло тамошнимъ королевскимъ замкомъ. Туда направилъ походъ Альфредъ. Норманны раскинули станъ на Браттонѣ, крутой и высокой горѣ, сѣвернѣе Эддендуна (Этандунъ), гдѣ видны еще слѣды ихъ рвовъ и вала. Но почему-то (о чемъ молчатъ лѣтописи) они оставили это крѣпкое положеніе и спустились къ подошвѣ горы. Тутъ напалъ на нихъ Альфредъ и одержалъ полную побѣду. Остатки разбитаго войска бросились въ лежавшій по близости замокъ. Король обложилъ его и цѣлыя двѣ недѣли держалъ Норманновъ въ осадѣ. Мучимые голодомъ, они желали переговоровъ, обѣщали удалиться изъ королевства Вестъ-Саксонскаго, предлагали заложниковъ; число и качество ихъ отдавали на его волю, не требуя такихъ же съ его стороны. На подобныхъ условіяхъ они до сей поры ни съ кѣмъ еще не заключали мира. Альфредъ боялся доводить ихъ до отчаянія и согласился на перемиріе. Спустя семь недѣль, Годрунъ съ 30 храбрѣйшими изъ своихъ людей пришелъ къ Альфреду въ Альре

[131] «Et hoc saepe probatum est», прибавляетъ Ассерій.

(Aulre) въ Соммерсетѣ; тамъ принялъ Христіанскую вѣру, и самъ Альфредъ былъ его воспріемникомъ. [132] Король предоставилъ ему Остъ-Англію на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ владѣлъ ею король Эдмундъ, такъ что Годрунъ долженъ былъ признать верховную власть Вестъ-Саксонскаго государя. Границею между обоими королевствами была рѣка Темза и Лига (Леа, впадающая въ Темзу); отъ истоковъ послѣдней пограничная черта шла вдоль р. Уза въ Ветлингастритъ. Никто, ни свободный, ни рабъ, не могъ безъ позволенія переходить изъ одного королевства въ другое. Торговля между жителями обоихъ государствъ разрѣшалась, но подъ условіемъ, чтобы всякій, желавшій купить въ сосѣдней землѣ скотъ, или другое что нужное, представлялъ ручательство, что онъ отправился изъ своего государства для честнаго ремесла и ѣхалъ мирно. Денежное наказаніе за неумышленный смертельный ударъ (mannsbot) положено одинаково для Датчанина (Норманна, Скандинава) и для Англичанина, и за убійство того, или другаго, назначено восемь съ половиною марокъ золота; выкупныя деньги за убійство также полагались въ одинаковомъ количествѣ, именно по 200 шиллинговъ. Если обвинялся въ убійствѣ кто нибудь изъ королевскихъ тегновъ (слугъ), то онъ могъ оправить себя присягою 12-ти другихъ тегновъ; всякой другой тегнъ, менѣе королевскаго, могъ также оправдаться присягою 11-ти лицъ его званія и одного его королевскаго тегна; тоже имѣло силу во всѣхъ тяжебныхъ искахъ, свыше 4-хъ марокъ золота; но кто не могъ оправить себя установленнымъ порядкомъ, долженъ былъ вносить втрое. [133]

Такого содержанія былъ договоръ, заключенный между королями Альфредомъ и Годрупомъ, съ согласія мудрыхъ Англосаксонскихъ мужей и всѣхъ жителей Остъ-Англіи: они скрѣпили его клятвою за себя и своихъ потомковъ, рожденныхъ и нерожденныхъ. Норманны были сильны въ Нортумберландіи и Остъ-Англіи. Альфредъ, не имѣя достаточныхъ средствъ для совершеннаго ихъ изгнанія изъ Англіи, и въ радости, что спасъ свое наслѣдственное королевство, полагалъ полезнѣе оставить ихъ въ мирномъ владѣніи покоренною

---

[132] Chron. Sax., Asserius, Ethelwerdus, Wilhelmus Milm., Matthaeus Westm., Florentius Wigorn.

[133] Leges Saxonicorum Regum, изданные Ламбардомъ.

страною; онъ расчитывалъ, что эти страшныя войска, добывши себѣ недвижимую собственность и поселившись прочно въ основанныхъ ими государствахъ, будутъ вести жизнь спокойнѣе. Онъ хотѣлъ лучше видѣть въ нихъ друзей, нежели враговъ. Его королевство на нѣсколько времени получило пощаду отъ ихъ дальнѣйшихъ нашествій. Но уже въ 879 году приплылъ сильный флотъ Викинговъ, вошелъ въ Темзу и зимовалъ въ Фульгамѣ (Fullanham), въ Мидлесекскомъ графствѣ, впрочемъ на слѣдующій годъ удалился и направилъ путь къ Генту во Фландріи. [134] Другое войско Викинговъ въ 884 году прибыло въ Англію изъ Франціи; оно осадило Рочестеръ на восточномъ берегу рѣки Medway, поспѣшно начало строить укрѣпленіе у городскихъ воротъ, въ другихъ мѣстахъ также подѣлало окопы, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ жителяхъ города, храбро оборонявшихся до прибытія съ войскомъ Альфреда. Тогда Викинги принуждены были снять осаду и воротиться на суда съ такою поспѣшностію, что оставили плѣнныхъ и лошадей, приведенныхъ изъ Франціи. [135] Однако жъ Альфредъ не прежде 886 года, послѣ долгой осады, могъ снова завоевать Лондонъ, сдѣлавшійся добычею другихъ Викинговъ. [136]

V. Во все это время Викинги жили на островѣ въ устьяхъ Лоары, откуда постоянно дѣлали набѣги по обѣимъ берегамъ этой рѣки. Франція, не смотря на сильное нападеніе Норманновъ на Англію, не была совсѣмъ оставлена въ покоѣ. Фландрія, также и Аквитанія, были посѣщаемы и подвергались грабежамъ изрѣдка. Викинги, жившіе на Лоарѣ, въ своихъ набѣгахъ ознакомились съ мѣстностію Анжера и поняли выгоды, какія доставлялъ этотъ городъ, какъ хорошее оборонительное и крѣпкое мѣсто. Норманны вообще имѣли вѣрный взглядъ при выборѣ положеній и умѣли разумно пользоваться мѣстами, укрѣпленными природою, или искуствомъ. Ихъ успѣхамъ въ Англіи не мало пособляло умѣнье извлекать выгоды изъ покинутыхъ Римскихъ становъ и окоповъ. Анжеръ имѣлъ отъ природы защиту въ своей возвышенной мѣстности, господствовавшей надъ всею страною; притомъ хорошо укрѣпленъ былъ искуствомъ: его ограждали высокія Римскія стѣны и замокъ, лежащій

---

[134] Gibson., Chron. Sax., Asserius.

[135] Asser., Ethelw., Mat. Westm.

[136] Asser.. Ethelw., Flor. Wig., Simeon Dunelm., Mat. Westm.

на утесѣ, на берегу рѣки Мена (Maiçe). Французы оставили безъ гарнизона это важное мѣсто. Викинги взяли городъ и замокъ (873 года), снесли туда добычу, привели женъ и дѣтей, поправили стѣны и рвы, и выбрали это мѣсто своимъ главныхъ станомъ. Карлъ Лысый какъ бы очнулся отъ сна. Предпріятіе Викинговъ привело въ ужасъ всю Францію. До тѣхъ поръ они выбирали острова становыми мѣстами, довольствовались опустошеніемъ твердой земли въ различныхъ точкахъ, теперь увидѣли, что они утвердились посреди государства. Какъ обладатели Анжера, они могли окружить себя военными способами и наконецъ покорить все королевство. Карлъ Лысый распорядился наборомъ воиновъ по всей Франціи съ такою настойчивостью, какую рѣдко въ немъ замѣчали; однако жь притворялся, будто его великія вооруженія имѣли цѣлію безпокойную и мятежную Бретань. Ему хотѣлось застать врасплохъ Норманновъ и не допустить ихъ принять необходимыя мѣры. Саломонъ, Бретанскій король, въ это время союзникъ и другъ Карла, зналъ намѣренія этого государя и дѣйствовалъ сообразно съ ними. Оба собирали войска. Но вмѣсто того, чтобы выступить въ поле другъ противъ друга, какъ непріятели, они соединили свои силы, въ одно и тоже время двинулись къ Анжеру и осадили это мѣсто. Они сдѣлали нападеніе всѣми возможными военными машинами, древними и новаго изобрѣтенія. За то Норманны скатывали на осаждающихъ огромные камни и отгоняли ихъ. Тогда король Бретанскій началъ отводить рѣку Менъ въ широкій и глубокій ровъ, чтобы флотъ Норманновъ посадить на мель и овладѣть судами, стоявшими на рѣкѣ у подошвы утеса, на которомъ утверждался замокъ. Это намѣреніе смутило Норманновъ: они находили себя не въ силахъ помѣшать тому и не знали достаточно природы и свойства страны, чтобы видѣть, какъ невозможно было для осаждающихъ продолженіе начатыхъ работъ. [137] Они отправили пословъ къ Карлу и дали знать о своемъ расположеніи къ переговорамъ. Французское войско очень страдало отъ голода и жажды и было утомлено долгою осадою. Карлъ охотно вошелъ въ переговоры. Норманны возвратили часть награбленной добычи и дали заложниковъ для увѣренія, что они въ назначенный день очистятъ Анжеръ; до конца зимы они должны были жить въ ихъ обыкновенномъ пристанищѣ

[137] Еще нынѣ видны остатки этого неконченнаго рва для спуска воды.

на островѣ Лоары, и до того времени могли вести торговлю; всѣ, желавшіе принять Христіянскую вѣру, получили позволеніе поселиться во Франціи; прочимъ предоставлялось оставить эту страну. [138]

Между тѣмъ какъ во Франціи еще радовались избавленію отъ опасности, угрожавшей государству, въ Бретани вспыхнулъ мятежъ: Саломонъ былъ низложенъ и убитъ; явились партіи, изъ которыхъ одна пригласила на помощь Норманновъ съ береговъ Лоары. Безпокойства въ Бретани еще продолжались, и Норманны еще не покинули этѣхъ странъ, какъ вошелъ въ Сену новый флотъ Викинговъ, состоящій изо ста судовъ, въ Сентябрѣ 876 г. Карлъ Лысый, по смерти племянника, Лотаря II-го, въ 869 г., увеличившій свое государство частію земель покойнаго, и вскорѣ потомъ, съ кончиною другаго племянника, императора Людовика II, въ 874 году, получившій Италію съ императорскимъ саномъ, этотъ Карлъ, увѣнчанный тремя коронами, долженъ былъ обложить народъ чрезвычайною податью, чтобы купить у Норманновъ миръ и склонить ихъ оставить Сену. [139]

Въ 876 году, 28 Августа, умеръ Людовикъ Баварскій, король Германіи; его три сына, Карломанъ, Людовикъ и Карлъ, раздѣлили между собою королевство отца. Въ слѣдующемъ году кончилъ жизнь и Карлъ Лысый во Франціи, его сынъ и наслѣдникъ, Людовикъ Косноязычный, послѣ недолгаго царствованія также умеръ, въ 879 году, и оставилъ государство двоимъ сыновьямъ, Карломану и Людовику, которые царствовали вмѣстѣ.

Въ ихъ правленіе Норманны бросились большими массами на Францію и Нидерланды, вторгнулись также и въ Германію. Въ Англіи Альфредъ нанесъ ударъ ихъ могуществу, ограничилъ ихъ господство Нортумберландіею, Остъ-Англіею и Эссексомъ, многихъ изъ нихъ склонилъ обратиться въ Христіянскую вѣру, но другія ихъ толпы, не желая стѣснять себя такими предѣлами, или предпочитая тревожную жизнь Викинга мирному и скромному быту, перебрались на противоположные берега твердой земли. Туда же прибыли съ Сѣвера новыя Норманнскія войска. Это случилось въ то самое время, когда Викинги на Лоарѣ проникнули до Амбоаза и заняли его,

---

[138] Annal. Bertin, Annal., Metens. и Chron. Andegar. у Duchesne; срав. Depping l. c.

[139] Capitularia Caroli Calvi, привод. Деппингомъ l. c.

но въ день Св. Андрея, 30 Ноября, 879 года, короли, Карломанъ и Людовикъ, напали на нихъ и разбили на р. Вигенѣ, притокѣ Соны. [140] Вновь приплывшіе Викинги высадились во Фландріи, взяли городъ Теруанъ, вошли потомъ въ Шельду, разорили монастыри на этой рѣкѣ, опустошили большую часть Брабанта, разрушили церкви, взяли въ плѣнъ множество жителей. Они зимовали въ Гентѣ и оттуда дѣлали набѣги на окрестности, взяли Дорникъ (Турне), ограбили его, разрушили городскія стѣны, жителей увлекли въ плѣнъ. Нѣмецкій король, Людовикъ, храбрый воинъ, праздновалъ Рождество Христово во Франкфуртѣ, въ 879 году, и ѣздилъ оттуда во Францію для переговоровъ съ Карломаномъ и Людовикомъ. На возвратномъ пути въ Германію, въ Шарбоньерскомъ лѣсу, [141] между Маасомъ и Шельдою, онъ встрѣтилъ сильный Норманнскій отрядъ, шедшій въ безпорядкѣ, съ огромною добычею, къ своимъ судамъ на Шельдѣ. Пользуясь такимъ выгоднымъ случаемъ, Людовикъ напалъ на Норманновъ и совершенно разбилъ ихъ: уцѣлѣвшіе отъ смерти въ битвѣ бѣжали въ сосѣднее помѣстье, гдѣ укрѣпились наскоро. Сынъ Людовика, Гуго, увлекшись пылкостію юноши, преслѣдовалъ ихъ и напалъ на это укрѣпленіе, но онъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и, спустя нѣсколько минутъ, умеръ отъ ранъ. Ночью Норманны сожгли своихъ убитыхъ и потомъ отправились на суда. Людовикъ, въ глубокомъ горѣ о смерти сына, продолжалъ путь въ Германію. [142]

Изъ Гента, гдѣ Норманны долгое время имѣли свой главный станъ, и изъ Куртре, гдѣ проводили зиму, они безпрестанно дѣлали набѣги по рѣкамъ Шельдѣ, Ли или Лейе и Самбрѣ, посѣщали страну Менапье, между Рейномъ и Шельдою, брали замки, разоряли монастыри. Короли Французскіе, Карломанъ и Людовикъ, занятые войною съ однимъ изъ самыхъ знатныхъ подручниковъ, герцогомъ Бозономъ, объявившимъ себя королемъ Бургундіи, послали храбраго аббата Гослена для сопротивленія Норманнамъ на Шельдѣ. Госленъ раздѣлилъ войско, чтобы напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Норманны разбили оба отряда. Ободренные успѣхомъ, они

[140] Annal. Bertin.

[141] «Carbonaria silva» составляетъ часть Арденнскаго лѣса.

[142] Annal. Metens., Annal. Fuldens.

вторгнулись далѣе и страшно свирѣпствовали между Шельдою и Соммою. Частію взяли и разорили, частію ограбили они замокъ Альденбургъ близъ Остенде, Арденбургъ и Остбургъ при Слюи, Герлесбеку или Гелеску близъ Алоста, Ваттенъ при Уденардѣ, Фурнесъ, Гронебергу, Лонгамарку, Сперліакъ, Стеенвoорде, Поперингенъ, Вестенъ, Коминь и Вервикъ, Эре, Мервилль, Гаарлебеке, Аальстъ, Петегемъ, Эйгамъ, Кассель, Булонь, Байлейль, Уденардъ, Ипернъ и Антверпенъ, кромѣ того монастыри Вормгутъ и Бурбургъ со многими другими, и въ томъ числѣ извѣстный въ сѣверной исторіи Турголътъ. [143] Дороги и лѣса кишѣли бѣглецами всѣхъ возрастовъ и сословій; священники, монахи и монахини бродили изъ мѣста въ мѣсто съ святыми мощами и искали для нихъ убѣжища въ самыхъ далекихъ странахъ.

Въ 800 году, 26 Декабря, Норманны вступили въ Аррасъ, опустошили этотъ городъ, разорили монастырь С. Ваастъ, посѣтили окрестности и всю страну до Соммы, взяли города Сентъ-Омеръ и Камбре, ограбили и разрушили всѣ лежавшіе на Скарпѣ монастыри, потомъ съ безчисленною добычею воротились на флотъ и въ станъ на Шельдѣ, ведя съ собою большое число плѣнныхъ и лошадей со множествомъ другаго скота. Другіе Викинги прошли такимъ же образомъ Фрисландію, страны, лежавшія на нижнемъ Рейнѣ, ограбили городъ Бергенъ опъ-Цоомъ, потомъ вошли въ Ваалъ, отправились на зимнія квартиры въ Нимвегенѣ, утвердились тамъ и обнесли городъ валомъ и рвомъ. Король Нѣмецкій, Людовикъ, пошелъ туда съ великимъ войскомъ и осадилъ Викинговъ, но ничего не могъ сдѣлать, потому что Норманны хорошо укрѣпились въ этомъ сильномъ замкѣ. Наконецъ заключили договоръ, чтобы король снялъ осаду, а Норманны оставили его королевство. Разрушивъ замокъ и укрѣпленія, они отправились къ устьямъ Рейна. Но стоявшіе станомъ на Шельдѣ запаслись множествомъ лошадей, дѣлали набѣги верхомъ по всему протяженію страны; черезъ Теруанъ пришли они въ монастыри св. Рихарія (Ст.-Рикье) въ Понтье и св. Валерики (С.-Валери) на Соммѣ, посѣтили всѣ приморскія мѣста, потомъ пошли на суда съ богатою добычею, но тотчасъ опять вернулись, перешли Сомму и проникнули до города

---

[143] Meyeri Annal. Flandr., привод. Лангебекомъ I. c.

Бове.[144] Король Французскій, Людовикъ, пріостановилъ военныя дѣйствія въ Бургундіи, лучше сказать, онъ предоставилъ брату, Карломану, преслѣдовать бѣгущаго Бозона, и пошелъ съ побѣдоноснымъ войскомъ въ сѣверныя области государства для изгнанія Норманновъ, продолжавшихъ свои походы. Въ графствѣ Вомье при Солькурѣ, деревнѣ между Э и Аббевилемъ, близъ истоковъ Соммы, онъ повстрѣчался съ Норманнами, шедшими къ Лавье и не ожидавшими нападенія. Распорядивъ все къ битвѣ, Людовикъ ободрялъ воиновъ, просилъ Бога о помощи и покровѣ и пѣлъ псаломъ, на который все войско отвѣчало: Kyrie Eleison! (Господи помилуй!) Сраженіе было кровопролитное; Норманновъ разбили, но ни ихъ пораженіе не было такъ рѣшительно, ни побѣда Французовъ столь полная, какъ говорятъ нѣкоторые древніе источники, потому что къ вечеру того же дня Норманны сильно напали на Французовъ, самонадѣянныхъ и беззаботныхъ послѣ побѣды. Началась новая, жаркая битва; одинъ отрядъ Французовъ былъ истребленъ; немногаго недоставало, чтобы все ихъ войско уступило поле сраженія; однако жь Людовикъ побѣдилъ въ другой разъ своимъ присутствіемъ духа и личною храбростію; не смотря на то, онъ счелъ полезнымъ отступить тотчасъ послѣ боя, и такъ поспѣшно, что отступленіе походило на бѣгство.[146] Полагаютъ, что его кончина въ слѣдующемъ году[147] была слѣдствіемъ чрезвычайныхъ усилій его въ этой битвѣ (она происходила въ Августѣ 881 года). Норманны воротились въ свой станъ въ Гентѣ. Одинъ ихъ отрядъ сухимъ путемъ и водою потянулся къ Маасу и укрѣпился на мѣстѣ, названномъ въ лѣтописяхъ Гаслу или Гаслакъ,[148] нынѣ Эльслое, деревня, въ двухъ Французскихъ миляхъ отъ Мастрихта, ниже Венлоо на Маасѣ. Оставшіеся въ Гентѣ Викинги

---

[144] Annal. Metens., Chron. Normann.

[145] Есть стихотвореніе на эту битву на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ: оно извлечено на свѣтъ изъ убѣжищъ С. Амандскаго монастыря въ Белгіи ученымъ Мабильономъ и потомъ много разъ было напечатано, какъ драгоцѣнный памятникъ языка, исторіи и поэзіи среднихъ вѣковъ.

[146] Chron. Normann., Annal. Bertin., Annales Metens.

[147] Нѣкоторые говорятъ 882, а другіе 883 года.

[148] Древнія саги упоминаютъ часто, что мѣсто сраженія обносилось тыномъ изъ орѣшинъ и называлось hass la vall. Отсюда, можетъ быть, происходятъ многія названія сѣверныхъ мѣстъ, на прим., приходъ въ Гассле и Гаслледъ, Гасслерёръ, Гасселасъ, Гассленорсъ и другихъ, означающихъ мѣста сраженій.

возобновили вторженія въ сѣверную часть Франціи. Король Людовикъ построилъ укрѣпленіе Стромсъ, нынѣ Эструнъ, вблизи Арраса, но не нашелъ никого, кто бы взялся защищать его. [149] Норманны снова дошли до Соммы, осаждали напрасно Дуе, но овладѣли Перонною, какъ замкомъ, такъ и городомъ. Стоявшіе станомъ въ Гаслу разсѣялись оттуда по Брабанту, Литтиху, по всей рѣчной долинѣ между Кельномъ, Майнцомъ и Маасомъ. Они покорили и ограбили города Литтихъ, Мастрихтъ и Тонгернъ со всѣми окрестными деревнями, церквами, монастырями. Тогда же они посѣтили и Ахенъ, прежнее пребываніе Карла Великаго. Большой, великолѣпный императорскій дворецъ служилъ для Норманновъ конюшнею, и цѣлые 80-ть лѣтъ послѣ того, до временъ Оттона Великаго, находился въ совершенномъ запустѣніи. Кёльнъ, Боннъ и Кобленцъ впали во власть Норманновъ. Изъ Кобленца, гдѣ рѣка Мозель впадаетъ въ Рейнъ, они продолжали свой путь вверхъ по теченію послѣдней рѣки и ограбили города Майнцъ и Вормсъ. Потомъ вошли также и въ рѣку Мозель, разрушили городъ Триръ и проникли до Меца. Епископъ города Меца, Вало, съ архіепископомъ Трирскимъ, Бертульфомъ, и графомъ Адельгардомъ собрали войско. Норманны разбили его. Цюльпихъ, Юлихъ, Нюисъ, Музонъ обращены въ пепелъ; въ городѣ Бингенѣ избиты жители, не убѣжавшіе въ лѣса. Приведенные въ отчаяніе потерею собственности, поселяне собрались и пошли на Норманновъ, но эти бросились на подходившихъ съ ужаснымъ воинскимъ крикомъ и легко разсѣяли толпу, предводимую дурно. Огромная добыча пріобрѣтена въ этихъ набѣгахъ и отнесена въ станъ въ Гаслу. [150]

VI. Нѣмецкій король, Людовикъ, умеръ въ началѣ 882 года послѣ долгой болѣзни, останавливавшей его отъ болѣе дѣятельной войны съ Норманнами; его братъ, Карломанъ, храбрый король Баварскій, кончилъ жизнь еще за два года передъ тѣмъ; младшій изъ братьевъ, уже прежде императоръ и повелитель Италіи, теперь сдѣлался королемъ всей Германіи. Онъ собралъ сеймъ въ Вормсѣ для совѣщаній съ вельможами государства о мѣрахъ къ освобожденію страны отъ Норманнскихъ полчищъ. По приговору сейма, Карлъ собралъ на нижнемъ Рейнѣ сильное войско изъ Ломбардовъ, Алеманновъ,

---

[149] Annal. Bertin.

[150] Annal. Fuldens., Annal. Metens., Chron. Normann.

Тюрингенцовъ, Саксонцевъ, Франковъ и Фризовъ, другое войско изъ Баварцевъ и Австрійцевъ собралось нѣсколько выше на Рейнѣ. Обѣ арміи соединились при Андернахѣ; оттуда со всѣми силами Карлъ пошелъ къ Гаслу и осадилъ укрѣпленный Норманнскій станъ въ Іюлѣ 882 года. Эта осада кончилась тѣмъ, что императоръ, вождь такого многочисленнаго войска, обложилъ церкви и монастыри податью и заплатилъ Норманнамъ многія тысячи фунтовъ серебра и золота, чтобы они добровольно вышли изъ Гаслу и оставили его королевство. Норманны обошлись надменно съ императорскими послами. Карлъ долженъ былъ дать заложниковъ, прежде нежели Годефридъ, знатнѣйшій изъ четырехъ королей, начальствовавшихъ Норманнами, вышелъ изъ стана для свиданія и личныхъ переговоровъ съ императоромъ. Тогда, по старому обычаю, на одной высотѣ поставленъ щитъ, въ знакъ перемирія и мира. [151] Годефридъ получилъ отъ Карла тѣже графства и помѣстья въ Фрисландѣ, которыми владѣлъ прежде Рёрикъ, сѣверный вождь; сверхъ того Карлъ обѣщался женить его на Гизелѣ, дочери короля Лотаря II-го, и былъ его крестнымъ отцемъ, когда онъ обратился въ Христіянскую вѣру. Осада была снята, императорское войско распущено и Викинги отправили на родину 200 судовъ съ добычею и плѣнниками. [152] На остальныхъ судахъ они обратились во Францію, вошли въ Сомму, учредили главное пребываніе въ Аміенѣ, проникли до Лаона и оттуда до Реймса. Гинкмаръ, тамошній епископъ, велѣлъ слить двѣ золотыя чаши, чтобы склонить ихъ къ пощадѣ города. Не довѣряя, однако жь, ихъ честному слову, ночью онъ убѣжалъ съ драгоцѣнностями соборной Реймской церкви за рѣку Марну въ мѣстечко Эперне; Норманны ограбили всю окрестность и вошли въ Реймсъ, но не причинили никакого насилія городу, ни даже городскимъ церквамъ и монастырямъ. [153] Изъ Реймса они обратились въ Соасонъ: ихъ замыслы клонились къ тому,

---

[151] Потому-то такой щитъ въ древнихъ Сѣверныхъ сагахъ называется Fridskiöldr (щитъ мира). Припомнимъ Олега, прибивающаго щитъ къ воротамъ Византіи, по заключеніи мира. Красные щиты, поставленные на высотѣ, означали начало войны, бѣлые—миръ. Если хотѣли остановить сражающихся, выставляли на высотѣ бѣлый щитъ, и битва тотчасъ прэкращалась.

[152] Annal. Metens., Annal. Fuldens. и Annalium Fuldens. Supplementum, привод. Лангебекомъ l. c.

[153] Annal. Bertin. и Histoire de l'eglise de Reims, у Деппинга. l. c.

чтобы покорить всю страну отъ Шельды до Лоары. Карломанъ, по смерти брата Людовика, царствовавшій одинъ во Франціи, вышелъ изъ Бургундіи, почти завоевавши ее, въ походъ противъ Норманновъ. Онъ захватилъ врасплохъ разсѣянные ихъ отряды и многіе истребилъ, однако жь не пріобрѣлъ существенныхъ выгодъ. Норманны въ Гентѣ и Аміенѣ пособляли другъ другу въ предпріятіяхъ, овладѣли Фландріею и Пикардіею, оттѣснили Французское войско, жестоко свирѣпствовали вездѣ, гдѣ проходили. Карломанъ, отчаявшись силою оружія одолѣть этихъ храбрыхъ и привычныхъ къ войнѣ людей, наконецъ нашелъ себя принужденнымъ открыть съ ними переговоры и, подобно своимъ предшественникамъ, купить деньгами отступленіе Норманновъ. Онъ заплатилъ имъ 12,000 фунтовъ лучшаго серебра. Норманны обѣщались не тревожить его государство въ продолженіе 12-ти лѣтъ. Потомъ сожгли свой станъ, очистили Аміенъ и удалились. Карломанъ слѣдовалъ за ними издали съ войскомъ, чтобы лично удостовѣриться въ ихъ отступленіи. Они раздѣлились на два отряда: одинъ сѣлъ на суда въ Булони и отплылъ въ море, другой пошелъ въ Брабантъ и выбралъ для зимовки Левенъ на Дилѣ. Вскорѣ потомъ, въ Декабрѣ 884 года, Карломанъ былъ, по несчастію, раненъ его людьми на охотѣ за кабанами и послѣ немногихъ дней умеръ. Королемъ Франціи, по выбору Французовъ, сталъ тогда Карлъ Толстый, императоръ и король Италіи, такимъ образомъ соединившій на себѣ всѣ короны Карла Великаго. Ожидали, что такое великое могущество, соединенное въ одномъ лицѣ, избавитъ имперію отъ опасности сдѣлаться добычею Норманновъ. Но для дѣйствительной силы нужно нѣчто болѣе вѣнца. Карлъ нѣсколько разъ посылалъ изъ Франціи и Рейнскихъ земель войска противъ Норманновъ: эти смѣялись надъ ними: «Зачѣмъ пришли вы?» спрашивали ихъ. «Вамъ совсѣмъ было не нужно приходить къ намъ. Мы хорошо понимаемъ, вамъ хочется, чтобы мы опять навѣстили васъ: мы сами думаемъ сдѣлать то же.» Они вторгнулись во Францію, утверждая, что вели переговоры съ королемъ, а не съ народомъ, потому и не считаютъ для себя обязательнымъ въ отношеніи къ преемнику тотъ договоръ, который они заключили съ его предшественникомъ. На этотъ разъ они проникли до Руана и переплыли Сену на небольшихъ лодкахъ, найденныхъ на рѣчномъ берегу, потому что ихъ флотъ еще не прибылъ. На встрѣчу имъ пошелъ Райнальдъ, герцогъ Менскій, съ

войскомъ, набраннымъ въ Нейстріи и Бургундіи, но онъ палъ въ первой битвѣ; все его войско разбѣжалось. Норманны вошли въ рѣку Оазу и осадили крѣпость Понтоазъ. Стража принуждена сдаться по недостатку въ водѣ. [154]

VII. Годефридъ, получившій отъ императора землю въ Фрисландѣ, женился на Гизелѣ, дочери короля Лотаря II-го и сестрѣ Гуго, графа Эльзаскаго. Графъ Гуго замышлялъ возстановить для себя королевство отца, Лотарингію. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ дружескія сношенія и заключилъ союзъ съ своимъ шуриномъ; говорятъ, что онъ предлагалъ Годефриду половину Лотарингіи, если имъ удастся завоевать ее. Императоръ зналъ о переговорахъ этихъ храбрыхъ людей и боялся, чтобы ихъ замыселъ не удался; но неимѣя ни силъ, ни мужества помѣшать имъ другимъ образомъ, прибѣгнулъ къ мѣрѣ, самой вѣроломной. Годефриду хотѣлось, чтобы императоръ увеличилъ его лену: при миролюбивыхъ переговорахъ объ этомъ предметѣ съ императорскими послами, графомъ Саксонскимъ, Генрихомъ, и архіепископомъ Кельнскимъ, Вилибертомъ, онъ и всѣ его товарищи были коварно убиты. Когда же герцогъ Гуго, вызванный лестными обѣщаніями, пришелъ къ императору въ Гондревиль въ Лотарингіи, ему выкололи глаза и потомъ заключили въ монастырь. [155] Всѣ Норманны, до которыхъ дошла молва о смерти Годефрида и коварномъ убійствѣ ихъ соплеменниковъ, озлобились чрезвычайно. Изъ Англіи, изъ Нидерландовъ, изъ областей на Лоарѣ, со всѣхъ сторонъ стекались Норманнскія полчища на берега Сены для отмщенія императору и Франціи за вѣроломный поступокъ съ ихъ соотечественниками: отъ того и сильное нападеніе ихъ на Парижъ; отъ того и свирѣпость, съ которою они неистовствовали огнемъ и мечемъ въ странахъ, гдѣ проходили. Ахиллъ не повлекъ бы вокругъ Троянскихъ стѣнъ Гектора, если бы этотъ не убилъ Патрокла. На разстояніи двухъ Французскихъ миль Сена уставлена была судами Викинговъ; считали этихъ судовъ до семи сотъ, а число Норманновъ до 40,000. [156] Покореніе всей

---

[154] Annal. Fuldens., Annal. Metens., Chron. Normann.

[155] Anal. Met., Annal. Fuld.

[156] Abbonis Monachi St. Germani, de obsessa a Normannis Lutetia Parisiorum, libri duo, y Duchesne, и Лангебека, и многіе другіе сборники. Аббо лично былъ въ Парижѣ во время замѣчательной осады въ 885 и 886 годахъ, и очевидецъ

Франціи было ихъ очевиднымъ намѣреніемъ. Его успѣхъ всего болѣе зависѣлъ отъ взятія Парижа. Неизвѣстно, какая участь ожидала страну, если бы достался имъ этотъ хорошо укрѣпленный городъ и они со всѣми силами пріобрѣли твердое и надежное мѣсто посреди государства. Для Франціи дѣло шло о войнѣ на жизнь и смерть. Казалось, что съ обѣихъ сторонъ напрягали всѣ силы, послѣ столькихъ разбоевъ и кровопролитныхъ сраженій въ длинный періодъ лѣтъ, подъ конецъ великой военной драмы, разыгрываемой Норманнами во Франціи.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, 885 года, Норманнскій флотъ сталъ на одной высотѣ съ Парижемъ. Кажется, что Норманны замышляли еще выше подняться по рѣкѣ Сенѣ и вдругъ всѣми силами разлиться по Франціи. Нечаянное препятствіе встрѣтилось имъ въ крѣпкихъ мостахъ, устроенныхъ черезъ эту рѣку. Сверхъ всякаго ожиданія, они нашли городъ превосходно укрѣпленнымъ послѣ ихъ послѣдняго посѣщенія.

Собственно Парижъ въ то время ограничивался островомъ рѣки Сены; [157] оба предмѣстія находились одно на правомъ, другое на лѣвомъ берегу рѣки; они совсѣмъ не были укрѣплены: тутъ, посреди хижинъ, луговъ и пахатныхъ полей, лежали монастыри св. Мартина, св. Лаврентія, св. Германа, св. Женевьевы; всѣ драгоцѣнности и мощи святыхъ перенесены изъ нихъ въ собственный городъ, при извѣстіи о приближеніи Норманновъ. Парижъ, окруженный обоими рукавами Сены, защищался стѣною и башнями, построенными по концамъ мостовъ, большаго и малаго, которые поддерживали сообщеніе города съ предмѣстіями. [158] Эвдо, графъ Парижскій, сынъ Роберта Сильнаго, и Гослинъ, епископъ Парижскій, оба неустрашимые, храбрые люди и твердые характеромъ, имѣли главную власть въ городѣ; кромѣ ихъ начальниками были: графъ Робертъ, братъ Эвдо, графы Рагенаръ, Утто и Этилангъ съ

тогдашнихъ событій; его неудачная подражательность безсмертнымъ поэтамъ, воспѣвшимъ осаду Трои и приключенія Енея, не отнимаютъ достоинства у его труда. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не показано другихъ источниковъ, слѣдующее описаніе осады Парижа основывается на его извѣстіяхъ.

157 Полагаютъ, что сосѣдній островъ Сенъ-Луи былъ въ то время песчаною банкою, едва выходившею изъ подъ воды.

158 Depping l. c. Онъ ссылается на Maupercher, Paris ancienne et moderne.

Сенъ-Жерменскимъ аббатомъ Эбло. Осаднымъ Норманнскимъ войскомъ начальствовалъ Сигфридъ, съ титуломъ короля, но безъ королевства, одинъ изъ тѣхъ, которые съ Годефридомъ защищали Норманнскій станъ въ Гаслу отъ всего императорскаго войска. Много было и другихъ королей въ этомъ войскѣ: каждый начальствовалъ своимъ отрядомъ, но всѣ признавали главноначальствующимъ Сигфрида. Какъ ни были Норманны независимы въ образѣ своихъ дѣйствій, однако жъ охотно подчинялись воинскому порядку и слушались верховнаго вождя, зная, что это главное условіе побѣды.

Спустя два дня по приходѣ Норманнскаго войска, Сигфридъ повелъ переговоры съ епископомъ Гослиномъ: желалъ свободнаго проѣзда въ верхніе предѣлы королевства, обѣщался не дѣлать никакого зла городу, говорилъ, что питаетъ полное уваженіе къ епископу и графу Эвдо, но прибавлялъ, въ видѣ предостереженія, чтобы они поберегли себя и своихъ людей. Епископъ отвѣчалъ, что императоръ поручилъ ему оборону города, и онъ не допуститъ причинить никакого вреда его государству. Тогда Сигфридъ грозилъ стрѣлами принудить его къ сговорчивости. Немногіе крѣпкіе города могли противиться Норманнамъ; внезапнымъ нападеніемъ, страхомъ, ихъ предтечею, хитростію и отважнымъ приступомъ, часто также голодомъ и жаждою, они, безъ всякихъ осадныхъ орудій, покоряли и разрушали города, укрѣпленные лучше Парижа. Раздраженные отказомъ епископа, Норманны рѣшились взять городъ силою; на разсвѣтѣ другаго дня съ стрѣлами и метательными орудіями напали на башню, на краю большаго моста, [159] на правомъ берегу Сены. Бой былъ жестокій; епископа Гослина ранили; только къ вечеру они прекратили нападеніе и воротились на суда, таща съ собою убитыхъ. Но на другой день сильнѣе покушались овладѣть этою башнею: пускали множество стрѣлъ, бросали камни пращами и балистами (blidor), пробивали дротиками деревянныя укрѣпленія. Неуспѣвши ни въ чемъ, они сдѣлали себѣ приступныя кровли изъ сырой кожи и подъ ихъ защитою добѣжали до подножія башни, чтобъ подкопать ее. Осажденные лили на нихъ кипящее масло, воскъ, смолу и принудили оставить это покушеніе. Норманны напали опять и разбивали дубинками основанія башни; сверху сыпалось на нихъ разное оружіе: ихъ шлемы были унизаны стрѣлами, рас-

[159] Этотъ мостъ наведенъ былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣ Pont-au-Change.

писанные щиты, большіе и малые, звенѣли отъ безпрестанно падавшихъ на нихъ камней, но осаждающіе продолжали работу, прорубили отверстіе и готовились ворваться, какъ вдругъ съ верху башни обрушилось на нихъ такое множество камней и другихъ тяжестей, что за одинъ разъ было раздавлено шестьдесятъ человѣкъ. Это положило конецъ нападенію, и Французы поспѣшили закласть проломъ. Верхняя часть башни была деревянная. Послѣ напрасныхъ усилій противъ каменной башенной стѣны, Норманны набросали внизу ея огромную полѣнницу дровъ и развели огонь, чтобы поджечь деревянную часть. Но проливной дождь потушилъ пламя и пособилъ усиліямъ осажденныхъ уничтожить пожаръ.

Такъ нападали и оборонялись съ одинаковымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ до самаго декабря. Въ это самое темное и холодное время Норманны дозволили себѣ нѣкоторый отдыхъ. Однако жь держали городъ въ осадѣ: главный ихъ станъ находился на правомъ берегу Сены, гдѣ, для защиты отъ нападенія, они вывели валъ изъ земли и камня вокругъ церкви Сенъ-Жерменъ-ле-Рондъ (нынѣ Auxerrois). Самые бойкіе и нетерпѣливые между ними, не вынося покоя, отправлялись въ набѣги то пѣшіе, то верхомъ: грабили, жгли, убивали, свободныхъ дѣлали рабами, а рабовъ свободными; прогоняли феодальныхъ господъ, отдавали ихъ помѣстья поселянамъ и мелкимъ владѣльцамъ и многихъ привлекли на свою сторону. Такъ пробрались они по лѣсамъ и полямъ, черезъ рѣки и горы, въ окрестности Реймса и привели въ ужасъ всю сѣверную Францію. Фулько, архіепископъ Реймскій, преемникъ Гинкмара, въ сильныхъ выраженіяхъ укорялъ императора въ медленности и безпечности о защитѣ государства; самымъ настоятельнымъ образомъ увѣщевалъ его спѣшить на помощь и выручку къ Парижу, ключу Нейстріи и Бургундіи: этотъ городъ, а съ нимъ и Франція, теперь подвергаются опасности достаться Норманнамъ. Въ другомъ письмѣ къ Святому Отцу онъ описываетъ всеобщій страхъ, наведенный Норманнами на Францію, такъ что никто не отваживается выходить изъ воротъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Папа, въ отвѣтѣ на это письмо, сожалѣетъ объ участи Франціи и изъявляетъ глубокое сочувствіе къ бѣдствію страны.[160] Таково было дѣйствіе страха, внушаемаго Норманнами, что никакія междоусобія не возмущали спокойствія государства;

---

[160] Flodoard, Hist. eccl. Rhemens., привод. Деппингомъ и Сумомъ.

партіи смолкли; взоры всѣхъ съ тревожною боязнію обращались къ развязкѣ Парижской осады. Норманнскій станъ оживленъ былъ великою дѣятельностію: тамъ устроивали двѣ крытыя телѣги неслыханной крѣпости и величины, каждая о шестнадцати колесахъ, и такая просторная, что въ ней могло помѣщаться до 60 человѣкъ; дѣлали покровы изъ воловьихъ кожъ, подъ которыми могли стоять отъ 4 до 6 человѣкъ; строили также другія осадныя оружія; день и ночь постоянно работали новыя стрѣлы и щиты, или поправляли старые.

Послѣ такихъ приготовленій и отдыха на обѣихъ сторонахъ, началась снова великая борьба въ исходѣ генваря, 886 года. Нападенія Норманновъ были сильны и упорны: безъ непоколебимой твердости Эвдо, Гослина и Эбло, и крайнихъ усилій стражи и Парижскихъ гражданъ, взята была бы твердая крѣпостца, оплотъ безопасности города. Съ башни ничего не было видно внизу, кромѣ расписанныхъ щитовъ, а на верху только тучи стрѣлъ и камней. Всѣ ночи стояли Норманны у подножія крѣпостцы и облегали ее; глубокіе рвы наполняли трупами убитыхъ плѣнниковъ и звѣрей, виноградными вѣтвями, дерномъ, деревьями, землею и чѣмъ ни попало; составляли надъ головами у себя непроницаемую крышу щитовъ, чтобы подъ ихъ защитою работать и дѣлать нападенія; употребляли всѣ силы, все искуство. Но непривычка и неумѣнье обращаться съ осадными орудіями дѣлали безплодными всѣ ихъ усилія противъ валовъ и стѣнъ крѣпостцы. Неуклюжія телѣги, вѣроятно, назначенныя для пробиванія стѣнъ, стали на дорогѣ, потому что лошади, ихъ тащившія, и возницы, даже самые изобрѣтатели этихъ подвижныхъ крѣпостей, были перебиты стрѣлами и непрестаннымъ каменнымъ дождемъ съ башни, а потому Норманны не могли сдѣлать ничего лучшаго, какъ отвезти въ лѣсъ эти неудобныя орудія. Не успѣшнѣе дѣйствовали и ихъ стѣнобитныя машины: сначала неровная мѣстность очень затрудняла ихъ движеніе; притомъ осажденные пробивали и портили эти орудія каменными пращами и обитыми желѣзомъ бревнами. Норманны придумывали другіе способы: наконецъ, послѣ неудачныхъ опытовъ, напали на средство, ужаснувшее осажденныхъ. Они нагрузили двѣ барки бревнами, наклали на нихъ множество сухихъ дровъ, стащили канатами въ воду, зажгли и пустили внизъ по теченію, чтобы сожечь мосты и и отдѣлить башню отъ всякаго сообщенія съ городомъ. При видѣ

этихъ горящихъ пирамидъ многіе жители города упали духомъ и въ страхѣ думали, что все погибло: тотчасъ зазвонили во всѣ колокола, что обыкновенно дѣлали въ крайней опасности; умоляли о помощи св. Германа; люди набожные спѣшили къ мощамъ святыхъ; смѣлые бросились къ мостамъ толпами. Съ звукомъ роговъ, бряцаньемъ оружій и колокольнымъ звономъ сливались стенанія дѣтей и женщинъ. На противоположномъ берегу стояли густою массою Норманны: весь этотъ шумъ они слушали съ живою радостію, будто въ отвѣтъ на то били въ щиты и съ страшными криками восхищались прекрасной картиной. Но Эвдо, Гослинъ и Эбло, во главѣ гражданъ и стражи, работали изо всѣхъ силъ камнями, бревнами и другими орудіями для защиты мостовъ отъ грозившей опасности; послѣ великихъ усилій, имъ удалось удержать въ отдаленіи горящія барки и набросать на нихъ столько камней, что онѣ стали опускаться на дно и потонули. Цѣлые три дня постомъ и благодарными моленіями къ Богу праздновали спасеніе города отъ угрожавшей ему погибели. Но вскорѣ потомъ рѣка Сена, отъ великой прибыли воды, такъ стремительно понеслась къ малому мосту, что онъ обрушился въ срединѣ; башня, его охранявшая съ одного конца, и ея стража изъ 12 человѣкъ были отрѣзаны. Французы спѣшили поправить поврежденіе, но Норманны подоспѣли скорѣе съ своими судами, окружили конецъ моста, сдѣлали нападеніе на башню, взяли ее и сожгли. Съ этой же стороны они покушались на приступъ къ городу; однако жь были отражены съ большимъ урономъ: многіе потонули въ Сенѣ, двое изъ ихъ королей пали. Тогда часть войска пошла на грабежъ и опустошила страну между Лоарою и Сеною. Это побудило осажденныхъ отважиться на вылазку и напасть на Норманнскій станъ, но непріятели были осторожны и отразили нападеніе.

Въ то время (это было въ февралѣ) графъ Саксонскій и Тюрингенскій, Генрихъ, опытный въ военномъ дѣлѣ, пришелъ на берега Сены съ сильнымъ императорскимъ войскомъ. Онъ много потерпѣлъ въ походѣ отъ дождей и холодной погоды, особливо потерялъ много лошадей, но принесъ много съѣстныхъ припасовъ, что было главное для осажденнаго города. Онъ и Эвдо соединили свои силы и рѣшились вмѣстѣ напасть на укрѣпленія Норманновъ. Это нападеніе кончилось не счастливѣе прежняго: послѣ жестокаго боя, Норманны отразили соединенныя войска. Въ цѣлые три мѣсяца не

успѣвъ ничего сдѣлать для освобожденія Парижа, графъ Генрихъ удалился съ своимъ войскомъ, потому что осажденные начинали чувствовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. На это же разсчитывали и Норманны, когда не удались имъ всѣ покушенія взять городъ приступомъ. Сами они снабжены были вдоволь всѣмъ нужнымъ, имѣли много разнаго скота и сохраняли его въ церкви С.-Жерменъ-де-Пре, обращенной ими въ скотный дворъ. Не было также недостатка въ олсняхъ и дичи, потому что они усердно охотились и владѣли всею окрестностію. Для разсѣянія они затѣвали разныя игры, забавлялись ими и ограничивались строгимъ облежаніемъ города, чтобы принудить его голодомъ къ сдачѣ.[161] Между тѣмъ Сигфридъ наскучилъ долгою осадою: за себя и свой отрядъ онъ уговорился съ епископомъ Гослиномъ оставить Сену, получилъ 60 фунтовъ золота и удалился искать счастія въ другомъ мѣстѣ. Остальное войско продолжало осаду. Синрикъ, одинъ изъ Норманнскихъ королей, далъ клятву не прежде оставить Францію, какъ доплывши до истоковъ Сены. Но вскорѣ онъ утонулъ въ этой рѣкѣ, съ пятидесятью его людьми, вѣроятно, отъ того, что слишкомъ нагружено было судно. Между тѣмъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ съ каждымъ днемъ становился чувствительнѣе въ Парижѣ. Слѣдствіемъ были голодъ и заразительныя болѣзни. Смертность до того усилилась, что для погребенія мертвыхъ едва доставало живыхъ. Одинъ изъ храбрѣйшихъ защитниковъ города, тотъ, кто ободрялъ упадающихъ духомъ жителей въ самыя отчаянныя мгновенія и первый во всѣхъ битвахъ подавалъ лично примѣръ неустрашимости и мужества, епископъ Гослинъ, наконецъ, палъ подъ тяжестью постоянныхъ усилій и умеръ вскорѣ послѣ договора съ Сигфридомъ. Смерть его еще болѣе уронила мужество Парижанъ: многіе изъ знатныхъ покинули городъ, остальные съ жалобными воплями требовали переговоровъ съ непріятелемъ. Графъ Эвдо, на которомъ одномъ лежала теперь оборона Парижа, всѣми силами вооружался противъ сдачи города и лично отправился къ императору для ускоренія помощи. Въ его отсутствіе аббатъ Эбло принялъ начальство. Съ каждымъ днемъ осажденные теряли болѣе надежды и мужества и настойчивѣе требовали сдачи Парижа. Вдругъ одному изъ знатныхъ привидѣлся сонъ, въ которомъ Богъ указывалъ ему на

---

[161] Срав. Annalista Fuldens. Supplem.

небесныя силы, защищавшія стѣны и охранявшія городъ. Мужество Парижанъ ожило, потому что этотъ сонъ видѣлъ человѣкъ, раздѣлявшій общее мнѣніе народа о переговорахъ съ Норманнами и хотѣвшій спасаться бѣгствомъ. Толковали, что сновидѣніе послано св. Германомъ; утѣшали себя заступничествомъ этого святаго; вынесли его мощи и носили ихъ съ крестнымъ ходомъ во кругъ городскихъ стѣнъ.

Утѣшенные и обнадеженные помощію неба, Парижане продержались еще нѣсколько времени; наконецъ, въ іюлѣ настало желанное освобожденіе. Графъ Адальгемъ счастливо пробрался въ городъ съ свѣжимъ войскомъ и съѣстными припасами; графъ Эвдо воротился съ тремя полками; самъ императоръ двинулся въ Мецъ съ значительнымъ войскомъ. Прежде него пришелъ Генрихъ, графъ Саксонскій и Тюрингенскій съ войскомъ изъ Германіи и Лотарингіи. Въ сосѣдствѣ съ городомъ онъ разбилъ станъ на удобномъ мѣстѣ и сошелъ съ коня, чтобы осмотрѣть укрѣпленія Норманновъ. Вокругъ своего стана они выкопали множество ямъ въ три фута глубины и слегка прикрыли ихъ хворостомъ. Въ одну такую яму упалъ графъ Генрихъ: въ тоже мгновеніе его окружили, убили, ограбили. [162]

Такъ отомстили они одному изъ убійцъ Годефрида. Но видя напрасною надежду покорить голодомъ Парижъ, получившій помощь и ожидавшій еще другой, они возобновили прежнія покушенія и жестоко осыпали городъ стрѣлами, дротиками и большими камнями, которые бросали изъ пращъ. Силы осажденныхъ начинали упадать; замѣшательство усилилось, когда Норманны повели приступъ съ другаго мѣста и устремились на Парижъ съ восточной стороны. Они сдѣлали это успѣшно: зажгли башню, защищавшую въ этомъ мѣстѣ городъ, и уже готовились взбираться на стѣны, или вломиться въ ворота. Во всю долговременную осаду не бывало еще въ Парижѣ такого смятенія: вынесли на стѣны мощи св. Германа, главнаго покровителя города, но какъ бы отчаявшись въ спасеніи его сильною помощію, принесли туда и мощи св. Женевьевы. Между тѣмъ бой свирѣпѣлъ съ дикою силою. Стража горящей башни бросилась вонъ и устремилась на Норманновъ. Съ обѣихъ сторонъ употребляли крайнія усилія: Парижане по тому, что сражались за жизнь

---

[162] Annal. Metens.

и собственность, за все имъ драгоцѣнное и милое, зная, что отъ ихъ храброй обороны зависѣла судьба Франціи въ это рѣшительное мгновеніе; Норманны отъ того, что приближались къ цѣли своихъ усилій и ожидали отъ этого упорнаго боя, что счастіе наконецъ увѣнчаетъ ихъ оружіе. Наконецъ силы Сѣвера должны были уступить отчаянному сопротивленію Парижанъ. Норманны не могли нигдѣ пробиться, или овладѣть какимъ нибудь уголкомъ на стѣнахъ: отраженные на всѣхъ мѣстахъ, они наконецъ отступили, по обыкновенію таща съ собою убитыхъ. [163]

Это нападеніе было послѣднее во время десятимѣсячной осады; вскорѣ, въ началѣ октября, прибылъ императоръ съ многочисленнымъ войскомъ. Норманны соединили въ одинъ станъ свои оба стана, раскинутые на противоположныхъ берегахъ Сены, для облежанія города. Въ то же время вернулся Сигфридъ. Съ его приходомъ Норманнское войско очень усилилось, такъ, что императоръ, напуганный прежними несчастными нападеніями на ихъ станъ, не отважился сражаться, но вступилъ съ ними въ переговоры и заплатилъ 700 фунтовъ, за что они обѣщали снять осаду. По заключеніи мира, завязались дружескія сношенія между Норманнами и Парижанами, оказывавшими взаимное уваженіе мужеству другъ друга, какъ и слѣдуетъ храбрымъ людямъ; Норманны посѣщали Парижъ, завели знакомство въ городѣ и долго гостили тамъ, какъ будто посреди родныхъ и друзей, жили вмѣстѣ съ Парижанами и обѣдали съ ними, [164] однимъ словомъ обходились другъ съ другомъ такъ, какъ будто никогда не бывали врагами. Наконецъ Норманны сожгли свой станъ и отправились въ путь. Императоръ, желая наказать за непокорность лежащія выше Парижа области, и особливо Бургундію, мирнымъ договоромъ дозволилъ Норманнамъ свободный грабежъ въ этихъ странахъ. [165] Эбло и новый епископъ Парижа, Анщерикъ, преемникъ Гослина, сидѣли за обѣдомъ, когда сказали имъ, что къ городу приближался Норманнскій флотъ для проѣзда вверхъ по рѣкѣ, съ дозволенія императора. Въ негодованіи на недостойный поступокъ Карла, предававшаго жестокому грабежу

---

[163] Ср. Depping. l. c.

[164] «Una domus, panis, potus, sedes, via, lectus
Commixtum sibimet populum mirantur utrumque.» Abbo l. c.

[165] Annal. Metens.

внутреннія области государства, также и на напрасное кровопролитіе въ томъ случаѣ, если не пропустятъ Норманновъ, графъ и епископъ вскочили со стульевъ, схватили мечи, призвали къ оружію гражданъ и стражу, поспѣшили къ мосту и не дали проѣхать флоту. Норманны повернулись назадъ безъ боя, не желая нарушать миръ съ Парижанами. Тогда увидѣли примѣръ ихъ сухопутнаго путешествія съ флотомъ. Они вытащили суда изъ воды и волокли ихъ по суху на разстояніи болѣе 2000 футовъ, потомъ опять спустили въ воду выше Парижа. [166] Плѣнниковъ гнали связанныхъ по двадцати человѣкъ верёвками: вѣроятно, при такомъ путешествіи требовались также и ихъ силы. Парижане смотрѣли съ удивленіемъ на это зрѣлище; лѣтописи упоминаютъ о немъ, какъ о неслыханномъ, невѣроятномъ и никогда небываломъ; однако жъ у Норманновъ это былъ самый обыкновенный способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда излучистый берегъ, или другія препятствія встрѣчались судамъ. [167] Переправивъ такимъ образомъ флотъ въ верхнюю Сену, они быстро поплыли въ Сенсъ, городъ Шампани, на рѣкѣ Йоннѣ. Сенсъ былъ хорошо укрѣпленъ, и его граждане защищались также храбро, какъ и Парижане: Норманны цѣлые шесть мѣсяцевъ осаждали его понапрасну. Однако жъ жители были въ смертельномъ страхѣ за исходъ осады, вступили въ переговоры съ Норманнами и убѣдили ихъ за нѣкоторую сумму отступить отъ Сенса. Они опустошили всю окрестность, разрушили монастыри, замки, церкви. [168] Между тѣмъ императоръ оставилъ Парижъ и пошелъ къ Соассону. За нимъ послѣдовалъ Сигфридъ съ частію войска и вошелъ въ Оазу, опустошая на пути все огнемъ и мечемъ. Когда огонь пылающихъ дворовъ, деревень и замковъ возвѣстилъ приближеніе

---

[166] Annal. Metens.

[167] Гаральдъ Гардрадъ велъ войну въ Даніи съ королемъ Свеномъ Эстридсэномъ: послѣдній однажды заперъ его со всѣмъ флотомъ въ Лимфіордѣ, но Гаральдъ доплылъ до противоположнаго конца этого залива, потомъ ночью перетащилъ свои суда черезъ узкій перешеекъ и спасся въ Нѣмецкое море. (Чтобы понять это извѣстіе, надобно вспомнить, что Лимфіордъ еще не соединялся съ Нѣмецкимъ моремъ посредствомъ пролива Аггеръ (въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ перешеекъ), и сѣверная часть Ютландскаго полуострова не была еще островомъ, какъ теперь.)

[168] Annal. Metens., Chron. Normann.

Норманновъ, императоръ поспѣшно бѣжалъ изъ Соассона въ Эльзасъ. Едва только успѣлъ онъ оставить городъ, какъ вошли туда Норманны. Они сожгли церковь и монастырь св. Медарда, разорили всѣ окрестные монастыри, церкви и королевскіе замки, перебили множество жителей, а другихъ увлекли въ плѣнъ съ собою. [169]

VIII. Карлъ Толстый, рабъ придворныхъ партій и почти съумасшедшій отъ головной боли, которою страдалъ, до такой степени лишился уваженія къ себѣ подданныхъ, что въ ноябрѣ, 887 года, въ Трибурѣ они объявили его неспособнымъ далѣе царствовать. Тогда всѣ его покинули: повелитель такихъ великихъ государствъ, носившій всѣ короны Карла Великаго, умеръ бы съ голода, если бы не сжалился надъ нимъ архіепископъ Майнцкій, Ліутбертъ. Наконецъ преемникъ Карла назначилъ ему на содержаніе нѣкоторыя помѣстья, но Карлъ только нѣсколькими мѣсяцами пережилъ свое несчастіе. Въ Германіи выбрали королемъ Арнульфа, его племянника, побочнаго сына Карломана, короля Баварскаго. Во Франціи еще живъ былъ потомокъ Карловинговъ, тотъ самый Карлъ, котораго послѣ прозвали Карломъ Простымъ, младшій сынъ Людовика Косноязычнаго, осьмилѣтнее дитя. [170] Но сильно боялись Норманновъ; въ тогдашней нуждѣ государства не хотѣли ввѣрять его защиту слабой рукѣ ребенка: мимо юнаго принца, выбранъ былъ королемъ графъ Эвдо, сынъ Роберта Сильнаго. Отъ него, храбраго защитника Парижа, ожидали спасенія Франціи.

Эвдо принялся тотчасъ за дѣло: онъ пошелъ на Норманновъ и встрѣтилъ сильное ихъ войско при Монфоконѣ, неподалеку рѣки Эны, и хотя былъ слабѣе числомъ, однако жь напалъ храбро и привелъ ихъ въ безпорядокъ. Не смотря на то, онъ все таки не могъ помѣшать имъ осадить городъ Мо, который, наконецъ, они принудили къ сдачѣ. Они плавали по рѣкамъ: Соммѣ и Оазѣ, Іоннѣ и верхней Сенѣ, между тѣмъ какъ другія ихъ толпы вошли въ Лоару. Они опустошили Бургонь, Шампань, Лотарингію, Артуа и Пикардію до самыхъ морскихъ береговъ; взяли города Оксерръ, Троа, Шалонъ (на Марнѣ), Тунь и Вердюнъ, но опять пощадили Реймсъ, хотя и бродили въ его сосѣдствѣ. Вездѣ разоряли они еще уцѣлѣвшіе

[169] Chron. Normann., Joh. Iperii Chron. S. Bertini, привод. Лангебекомъ l. c.
[170] Онъ родился 17 сент., 879 года, спустя 6 мѣсяцевъ по смерти отца.

монастыри, разрушали замки, свирѣпствовали ужаснѣе, чѣмъ когда нибудь, даже рубили виноградныя деревья и яблони: такія жестокости приписываются особенно ихъ полчищамъ на рѣкѣ Лоарѣ. Въ это ужасное время, на соборѣ въ Мецѣ, 1-го мая, 888 г., было постановлено, чтобы во всякихъ Христіянскихъ собраніяхъ возсылались Богу молитвы о спокойствіи отъ Норманновъ; во многихъ мѣстахъ включены въ ектеніи слѣдующія слова: a furore Normannorum libera nos, o Domine! Эвдо, чаще побѣжденный, нежели побѣдитель, былъ также не въ состояніи изгнать ихъ, какъ и остановить ихъ грабежи. Норманны, вошедшіе въ Марну, Йонну и верхнюю Сену, проведя цѣлые три года въ сѣверной Франціи, осенью 889 года воротились съ флотомъ опять къ Парижу; гордые успѣхами и побѣдами, они требовали свободнаго проѣзда и, получивъ отказъ, снова рѣшились осадить городъ: на этотъ разъ они повели главное нападеніе съ восточной стороны. Эвдо, слѣдившій за ихъ движеніями, это предвидѣлъ: онъ подоспѣлъ съ войскомъ на выручку Парижа; съ его помощію Парижане оказали такое же упорное сопротивленіе, какъ и въ первую осаду. Но Эвдо до того упалъ духомъ и такъ отчаялся въ побѣдѣ надъ этими непреклонными врагами, что вошелъ съ ними въ переговоры, хотя Норманны были окружены со всѣхъ сторонъ посреди государства: богатыми подарками онъ склонилъ ихъ снять осаду. [171] Оставивъ въ покоѣ Парижъ, они по прежнему потащили свои суда по землѣ и снова спустили ихъ въ воду нѣсколько ниже города. Флотъ ихъ поплылъ внизъ по Сенѣ къ морю, но главное войско отправилось сухимъ путемъ на лошадяхъ и пѣшкомъ, вошло въ область города Кутанса и расположилось предъ замкомъ Сенъ-Ло. Цѣлой годъ осаждали Норманны этотъ крѣпкій замокъ, прежде нежели могли взять его. [172] Потомъ они вторгнулись въ Бретань, раздираемую междоусобіями. Приходъ Норманновъ соединилъ всѣ партіи: Аланъ, прозванный Великимъ, герцогъ Бретанскій, собралъ всѣ военныя силы Бретани; всѣ стали подъ его знамена, соединясь обѣтомъ пожертвовать десятину имущества Богу и св. Петру. Аланъ разбилъ Норманновъ съ такимъ успѣхомъ, что они потеряли въ Бретани до 14,000 человѣкъ. [173]

---

[171] Chron. Normann., Annal. Metens.

[172] Annal. Metens., Chron. Normann.

[173] Annal. Metens.

Между тѣмъ одинъ Норманнскій отрядъ направилъ путь въ Бретань. Остальное войско разсѣялось по всѣмъ странамъ; одни вошли въ Оазу и осадили Нойонъ, другіе расположились станомъ при деревнѣ Аргевъ, на правомъ берегу Соммы; нѣкоторые пошли въ другія мѣста. Всѣ наконецъ уговорились плыть внизъ по разнымъ рѣкамъ до самаго моря, потомъ соединиться и вмѣстѣ напасть на Бельгію. Сборнымъ мѣстомъ они выбрали Лёвенъ. Одинъ отрядъ бойкихъ Норманнскихъ юношей, въ числѣ 550 человѣкъ, искавшихъ приключеній и добычи, оставилъ ночью главное войско и спѣшилъ въ Сентъ-Омеръ, располагая взять городъ съ перваго нападенія, потому что его укрѣпленія еще не были окончены и состояли только изъ землянаго вала и тына. Они хотѣли врасплохъ овладѣть городомъ, но были замѣчены, когда спускались съ горы за двѣ мили отъ Сентъ-Омера и остановились вблизи ея, чтобы пограбить рогатаго скота. Граждане поспѣшили принять всѣ возможныя мѣры для обороны, работали день и ночь, устроивая укрѣпленія. Норманны разставили себѣ шалаши по сосѣдству съ городомъ и начали формальную осаду. Они повели нападенія со всѣми воинскими снарядами, отчасти новаго и необыкновеннаго рода, [174] бросали въ городъ раскаленное желѣзо, разныя горючія вещи, пускали тучи стрѣлъ; [175] когда же всѣ такія попытки были уничтожены бдительностію и упорнымъ сопротивленіемъ жителей, они выкопали вокругъ укрѣпленій широкіе и глубокіе рвы, наполнили ихъ бревнами и хворостомъ и хотѣли все это зажечь, чтобы окружить городъ моремъ огня. Однако, не посчастливился и этотъ замыселъ: ночью, когда вѣтеръ подулъ съ той стороны, гдѣ наиболѣе подвергался опасности городъ, граждане улучили мгновеніе, и сами осторожно зажгли этотъ костеръ и обратили его въ пепелъ безъ вреда для города. Норманны наскоро собрались, какъ бы одолѣваемые страхомъ, и отступили. Вѣроятно, причиною такаго скораго отступленія были слухи, ложные, или истинные, о войскѣ, подходящемъ на выручку города. Въ преданіи это приписывается славнымъ покровителямъ Сентъ-Омера, апостолу Петру и св. Бертину. [176]

---

[174] «Diversis et insolitis artificiorum generibus.»

[175] «Ignita utensilia et frusta candentis ferri, more grandinis fundibilis, in eos jacientes, sagittarum quoque imbres in eos pluere non intermittentes, multaque alia.... offendicula molientes.»

[176] Mirac. S. Bertini, привод. Лангебекомъ l. c.

Однако жь войско, собравшееся въ Лёвенѣ, дошло до рѣки Мааса. Арнульфъ, король Германіи, принялъ мѣры къ защитѣ и собралъ войско у Мастрихта. Норманны перешли Маасъ при Литтихѣ и оставили назади Нѣмецкое войско. При Ахенѣ они разсѣялись по лѣсамъ и болотамъ, убивали всѣхъ, кто ни попадался на дорогѣ, брали всѣ повозки и телѣги съ провіантомъ для Нѣмецкаго войска и тѣмъ привели его въ крайнее затрудненіе. Нѣмецкіе вожди держали военный совѣтъ и разсуждали, на что рѣшиться при такомъ невѣрномъ и опасномъ положеніи: [177] итти ли черезъ землю Рипуаровъ въ Кёльнъ и оттуда въ Триръ, или, переправясь черезъ Маасъ, захватить и разрушить Норманнскія суда. Ночь разстроила совѣщаніе, но еще ни на что не рѣшились. Съ разсвѣтомъ 26 іюня, 891 года, Нѣмецкое войско выступило, и съ распущенными знаменами, готовое къ бою, потянулось вдоль берега рѣки Мааса. Перешедши рѣку выше Гейле, оно остановилось; собравшись опять, вожди положили, чтобы, не утомляя понапрасну всего войска, каждый вождь послалъ по 12-ти человѣкъ для развѣдыванiй о непріятелѣ. Еще совѣтовались, какъ привести это въ дѣйствіе, когда показался передовой отрядъ Норманновъ. Полагая, что это отдѣльный небольшой отрядъ, Нѣмцы преслѣдовали ихъ безъ всякаго порядка. Преслѣдованіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ одной деревнѣ столкнулись со всею силою Норманнской пѣхоты, которая сомкнутымъ строемъ напала на Нѣмцевъ и легко опрокинула ихъ. Вожди старались наскоро, сколько дозволяло время, возстановить порядокъ въ своихъ рядахъ. Но Норманнская конница, прискакавшая на звукъ оружія и военные крики, ворвалась въ несовсѣмъ еще устроенные ряды и привела въ разстройство все войско. Такъ искусными движеніями и тактикою Норманны одержали рѣшительную побѣду надъ Нѣмецкимъ войскомъ и почти уничтожили его. Зунцо или Зундерольдъ, архіепископъ Майнцкій, графъ Арнульфъ и множество дворянъ Нѣмецкаго государства пали на мѣстѣ сраженія. Всѣ, спасшіеся отъ смерти и плѣна, бѣжали. Побѣдители овладѣли непріятельскимъ станомъ, перебили плѣнниковъ и потомъ воротились въ Лёвенъ.

Король Арнульфъ находился въ походѣ на Славянъ, когда получилъ вѣсть объ участи, постигшей его войско на Маасѣ. Его глу-

---

[177] «Non tam de periculo, quam de re dubia consulunt.

бою опечалила смерть такого множества храбрыхъ и преданныхъ ему людей; сверхъ того Рейнскимъ землямъ грозила опасность быть наводненнымъ полчищемъ Норманновъ. Арнульфъ былъ государь, сохранявшій еще воинскій пылъ первыхъ Каролинговъ: онъ быстро рѣшился, выступилъ въ походъ, присоединилъ къ себѣ ратныхъ людей изъ Саксоніи, Баваріи и восточныхъ областей государства и съ сильнымъ войскомъ двинулся къ Норманнскому стану при Лёвенѣ. Въ тылу стану текла рѣка Диль; спереди стана находилось обыкновенное укрѣпленіе или валъ. Эти валы Норманны устроивали такимъ образомъ: обозначивъ пространство, отводимое для стана, обыкновенно въ формѣ круга, на окружности его вбивали въ землю три, или четыре, ряда столбовъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи одни отъ другихъ; потомъ пространство между ними наполняли камнями, дерномъ, землею. На возникшемъ такимъ образомъ валу они клали еще нѣсколько пластовъ земли, плотно утоптанной, взятой изъ рвовъ, которыми всегда обводили весь станъ. [178] При Лёвенѣ, кажется, ихъ станъ не былъ обнесенъ рвомъ, потому что они расположились въ болотистой странѣ и передъ валомъ находилось болото. Арнульфъ затруднялся напасть на нихъ, потому что это можно было сдѣлать не иначе, какъ пѣхотою, а королевское войско почти все состояло изъ конницы. Одушевивъ рѣчью воиновъ, онъ сошелъ съ коня, заставилъ сдѣлать тоже и всадниковъ, и взявши знамя, во главѣ войска пошелъ по болоту на укрѣпленный станъ. Отдѣльный отрядъ Норманнскаго войска отправился далѣе по Маасу для грабежа. Гордые прежними побѣдами и полагаясь на свой валъ, потому что никогда еще не были одолѣваемы внутри укрѣпленій, [179] оставшіеся въ станѣ Норманны смѣялись надъ подходившимъ непріятелемъ и смотрѣли на него съ презрѣніемъ. [180] Дерзкая самонадѣянность не рѣдко бывала причиною пораженія большихъ войскъ. Впереди войска, горѣвшаго желаніемъ сравняться въ храбрости съ

---

[178] Ср. F. H. Jahn l. c.

[179] «Erat ibi gens fortissima inter Nordmannos Danorum, quae nunquam antea in aliqua munitione et capta et superata auditur.»

[180] «Illi, cernentes acies appropinquare, ligno et terrae congerie more solito se communiunt, et cachinnis et exprobrationibus agmina lacessunt; ingeminantes cum insultatione et derisu, ut memorarentur Guliae (Нѣмец. Geule), turpisque fugae, caedisque patratae, post modicum similia passuri.»

своимъ государемъ и отомстить за смерть падшихъ братій, Арнульфъ бросился на укрѣпленіе и ворвался въ станъ. Этотъ нечаянный успѣхъ и замѣшательство, происшедшее отъ того между Норманнами, навели на нихъ паническій страхъ; не имѣя другихъ путей для бѣгства, они бросались сотнями и тысячами въ рѣку Диль, такъ что она запружена была безчисленнымъ множествомъ труповъ. Не многіе спаслись вплавь; однихъ потопило тяжелое вооруженіе, другіе,—какъ обыкновенно въ минуты нужды берутся за первое лучшее средство къ спасенію,—старались спастись, ухватясь за товарищей и увлекали ихъ въ глубину: видно было, какъ хватали они другъ друга за руки и за ноги, цѣплялись за шею, однимъ словомъ, никто не пособлялъ, а только мѣшалъ спасенію даже тѣхъ, для кого это было возможно. Число Норманновъ, погибшихъ при этомъ случаѣ, полагаютъ до 9000, въ томъ числѣ двѣнадцать вождей, и изъ нихъ многіе въ королевскомъ санѣ. Шестнадцать королевскихъ знаменъ, какъ трофеи побѣды, отнесены въ Регенсбургъ въ Баваріи, [181] пребываніе Арнульфа. Въ продолженіе многихъ столѣтій, въ воспоминаніе этой побѣды, праздновалось 1-е число сентября; долго также показывали тамъ картину этой замѣчательной битвы, съ надписью, въ которой побѣда приписана св. Мартину. [182]

Эти важныя пораженія, понесенныя Норманнами въ теченіе двухъ лѣтъ рядомъ, въ Бретани 890 года и при Лёвенѣ 891 года, хотя значительно убавили ихъ силы, однако жь не уронили ихъ мужества. Спасшіеся въ послѣдней битвѣ снова присоединились къ флоту, вошедшему въ рѣку Маасъ. На слѣдующій годъ они сдѣлали набѣгъ въ Прирейнскія страны и опустошили все до города Бонна: тамъ овладѣли они Лундендорфомъ на правомъ берегу Рейна. Нѣмецкое войско опять пошло имъ на встрѣчу. Норманны, уклоняясь отъ правильнаго боя, пробирались лѣсами и, давъ пройти влѣво непріятельскому войску, поспѣшили въ монастырь Прюимъ, неподалеку Люксембурга, и ограбивъ его, вступили въ Арденскій лѣсъ, взяли

---

[181] Annal. Fuldens., Annal. Metens.

[182] Сумъ въ своей Historia af Danmark II. По его извѣстію, этотъ день праздновался въ Лёвенѣ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія. Продолжается ли это нынче, мнѣ не извѣстно.

замокъ, не задолго предъ тѣмъ построенный на высокой горѣ, куда убѣжали многіе жители: всѣ они были перебиты.[183] Воротясь съ богатою добычею въ Лёвенъ, они снова разбили тамъ станъ. Тогда Франція посѣщена была голодомъ; потому они предприняли походъ въ Англію съ 250 судами. Въ то же время другой флотъ, изъ 80 судовъ, покинулъ Францію и также направился въ Англію.

IX. Мы видѣли, что Альфредъ, великій и благородный государь, снова завоевалъ отцевское государство, взялъ опять Лондонъ, съ этого времени оставшійся столицею Вестъ-Саксонскихъ королей; вступилъ въ дружескій союзъ съ Норманнами въ Остъ-Англіи и Нортумберландіи. Наставшіе потомъ мирные годы онъ посвятилъ на постройку флотовъ, поправку разоренныхъ замковъ и городовъ и обнесеніе ихъ стѣнами. Въ то же время онъ построилъ новыя башни и укрѣпленія, гдѣ было нужно снабдилъ города стражею, поставилъ земское войско на берегахъ и мѣстахъ, наиболѣе подверженныхъ нападенію непріятеля. Все это возложилъ онъ на епископа Свитгульфа въ Рочестерѣ, епископа Ильгарда въ Дорчестерѣ,[184] герцога Этельреда, потомка древняго дома Мерсійскихъ королей и зятя Альфредова въ Лондонѣ и другихъ въ разныхъ мѣстахъ, графа Бритгульфа или Биртгульфа въ Эссексѣ, графа Бульфреда въ Гампскомъ графствѣ,[185] Его суда, другаго устройства съ Норманнскими, имѣли преимущество предъ ними въ длинѣ и высотѣ, лучше плавали и были не такъ легки. Всѣ подданные, способные носить оружіе, раздѣлены на двѣ половины: одна обязана всегда быть готовою къ выступленію въ походъ въ назначенное время, другая, между тѣмъ, оставалась свободною и могла исправлять домашнія работы, ожидая своей очереди. При такихъ мѣрахъ для защиты страны, Альфредъ не менѣе заботился о внутренней безопасности, о законадательствѣ, управленіи, правосудіи: его учрежденія въ духѣ древнихъ обычаевъ и нравовъ частію сохранились въ Англіи до нашего времени, въ теченіе почти тысячи лѣтъ, не смотря на всѣ потрясенія, постигавшія эту страну. Онъ также любилъ науки и искуства,

---

[183] Annal. Metens.

[184] Не городъ этого имени въ Дорсетскомъ графствѣ, а другой, соименный ему въ Оксфордскомъ, откуда въ XI столѣтіи пребываніе епископа перенесено въ Линкольнъ.

[185] Chron. Sax., Florent. Wigorn., Matthaeus Westm.

оказывалъ имъ покровительство, и съ этими преимуществами соединялъ личную храбрость и талантъ полководца. Народъ обожалъ его.

Въ такомъ состояніи находилось Вестъ-Саксонское королевство, когда изъ Франціи переправились туда два сильные флота Викинговъ. Одинъ изъ нихъ высадился въ Кентскомъ графствѣ, въ устьѣ рѣки Ротера. Викинги на большомъ разстояніи тащили вверхъ по ней свои суда до лѣса Андреда, во 120 Англійскихъ миль длины и 30 ширины; тамъ взяли они и разорили замокъ, въ половину построенный и защищаемый небольшимъ отрядомъ; на его мѣстѣ выстроили другой гораздо сильнѣе, по имени Апульдръ, гдѣ и перезимовали. Другой флотъ вошелъ въ Темзу, расположился въ Миддлетонѣ, въ Кентскомъ графствѣ, и выстроилъ тамъ укрѣпленіе. Жители Остъ-Англіи и Нортунберландіи все еще питали тайную злобу къ Вестъ-Саксонскому королевству, все еще были воинственны, и любовь къ тревожной жизни Викинга пробуждалась въ нихъ съ каждымъ приходившимъ въ Англію Норманскимъ отрядомъ: они прервали союзъ съ Альфредомъ и соединились съ Викингами въ Кентскомъ графствѣ. Собравъ войско, Альфредъ расположился въ срединѣ между обоими отрядами Викинговъ и поставилъ станъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ прикрывали его воды, лѣса и горы, и откуда король легко могъ напасть на то изъ обоихъ непріятельскихъ войскъ, которое первое выйдетъ изъ укрѣпленій для грабежа, или битвы. Однако жь Викинги не считали себя довольно сильными для сраженія съ королемъ: раздѣлившись на малыя толпы, верхомъ и пѣшіе, они разбрелись по такимъ мѣстамъ, гдѣ считали себя безопасными отъ Англо-Саксонскаго войска. Но Альфредъ быстрыми движеніями часто заставалъ ихъ врасплохъ; однажды нечаяннымъ нападеніемъ уничтожилъ одинъ отрядъ, и вообще велъ счастливо малую войну. Тогда часть войска Викинговъ выступила изъ Апульдра и спѣшила скорѣе къ Темзѣ для доставленія награбленной добычи въ Эссексъ. При Фарнгамѣ, въ графствѣ Суррей, Альфредъ нечаянно напалъ на обремененный добычею отрядъ, истребилъ многихъ и преслѣдовалъ остальныхъ; изъ бѣжавшихъ многіе утонули въ Темзѣ; переплывшіе счастливо вошли въ рѣку Кольне въ Эссексѣ и потомъ отправились на островъ Мерсей, лежавшій въ устьѣ рѣки. Также, какъ въ Миддлетонѣ, Альфредъ осадилъ Викинговъ и на Мерсеѣ. Онъ жестоко стѣснилъ островъ осадными ору-

діями всякаго рода: непріятели, доведенные до крайности, принуждены были начать переговоры. Они получили свободный выходъ за обѣщаніе покинуть Англію и больше не тревожить королевства Альфреда. Они пошли въ Бимфлитъ въ Эссексѣ, на сѣверномъ берегу Темзы, въ область, уступленную прежде Норманнамъ, укрѣпились тамъ и устроили станъ съ широкими и глубокими рвами. Между тѣмъ жители Остъ-Англіи и Нортумберландіи вооружили два флота: одинъ изо ста, другой изъ сорока судовъ; цѣль ихъ была та, чтобы дать оправиться своимъ жестоко стѣсненнымъ сѣвернымъ землякамъ, занять Альфреда во многихъ мѣстахъ и раздѣлить его силы. Наконецъ, они пристали въ различныхъ точкахъ его королевства и высадились въ Девонширѣ, между тѣмъ какъ другой отрядъ осадилъ Экзетеръ. Альфредъ поспѣшилъ на выручку этому городу. Его осадное войско передъ островомъ Мерсеемъ терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, притомъ же время службы воиновъ окончилось. Викинги, долгое время осаждаемые на островѣ, воспользовались этими обстоятельствами, такъ же какъ и остававшіеся въ Апульдрѣ: они выступили и соединились съ Норманнами, находящимися въ Бимфлитѣ. Но изъ Лондона и другихъ мѣстъ собрались свѣжія силы для осады Бимфлита, между тѣмъ какъ самъ Альфредъ выручалъ Экзетеръ, Чичестеръ и другія мѣста, посѣщенныя Викингами. Одинъ отрядъ ихъ оставилъ Бимфлитъ и вышелъ для грабежа, когда Англо-Саксонское войско подступило къ этому крѣпкому стану; сначала оно разбило въ кровопролитномъ бою оставшихся тамъ непріятелей, потомъ взяло приступомъ станъ и захватило все, тамъ находившееся; сожгло часть судовъ, а другую, съ плѣнными женщинами и дѣтьми и добычею въ золотѣ, серебрѣ и другихъ вещахъ, отвело въ Лондонъ и въ Рочестеръ. Остатки разбитаго войска соединились съ отрядомъ, вышедшимъ на грабежъ, получили подкрѣпленіе изъ Остъ-Англіи и Нортумберландіи и, расположась на морскомъ берегу, на мѣстѣ, по имени Сутъ-Собери въ Эссексѣ, укрѣпились тамъ сильно. Оттуда, по берегу Темзы, пошли они въ Буддингтонъ на Севернѣ, гдѣ также устроили укрѣпленія. Туда же явился и Альфредъ съ многочисленнымъ войскомъ и обложилъ укрѣпленный городъ съ моря и суши. Въ станѣ Викинговъ обнаружился великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; напослѣдокъ они должны были убивать лошадей для поддержанія жизни. Въ такой нуждѣ, предвидя голодную

смерть, если продолжится осада, они рѣшились лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ и въ крайнемъ отчаяніи сдѣлали вылазку. Многіе были убиты, иные потонули, но остальные пробились, убѣжали опять въ свой укрѣпленный станъ въ Сутъ-Собери и отправились въ Остъ-Англію. Отдавъ тамъ свои суда, женъ, дѣтей и награбленныя сокровища подъ сохраненіе землякамъ и подкрѣпленные храбрымъ юношествомъ Остъ-Агліи и Нортумберландіи, они поспѣшили на полуостровъ Виргиль въ Честерскомъ графствѣ: шли днемъ и ночью такъ скоро, что Альфредъ не прежде успѣлъ настичь ихъ, когда уже они овладѣли Честеромъ. Король истребилъ всѣхъ, остававшихся передъ городомъ, отнялъ скотъ, стоявшій на полѣ фуражъ отчасти сожегъ, отчасти скормилъ своими лошадьми, и отнялъ у Викинговъ всѣ способы держаться далѣе въ Честерѣ. Они вышли оттуда, посѣтили сѣверный Валлисъ въ Нортумберландіи и Остъ-Англію; въ этой странѣ сѣли на суда и поселились на островѣ Мерсеѣ. Спустя нѣсколько времени, по Темзѣ вошли они въ рѣчку Ли и укрѣпились на ней въ одномъ удобномъ мѣстѣ, почти за 20 миль отъ города. Англо-Саксонское войско двинулось для осады ихъ. Они отбили нападенія и обратили въ бѣгство Англо-Саксовъ. Альфредъ расположился близъ Лондона. Проѣзжая однажды берегомъ рѣчки Ли, онъ открылъ мѣсто, гдѣ легко отвести и запрудить эту рѣку. Рѣчка была отведена; замѣтивъ это, Викинги бросили свои суда и укрѣпленія и пошли сухимъ путемъ черезъ Мерсію въ Бриджнортъ въ Шропъ-ширѣ, лежавшій на Севернѣ, неподалеку Валлиса, гдѣ опять укрѣпились, дѣлали набѣги въ Валлисъ, грабили многія области, перезимовали въ своемъ станѣ, но съ наступленіемъ весны отправились въ походъ и удалились въ Остъ-Англію и Нортумберландію.

Эти частыя нападенія на Вестъ-Саксонское королевство продолжались пять лѣтъ, съ 892 по 897 г. [186] Съ Викингами находились ихъ жены и дѣти: это обстоятельство усиливаетъ вѣроятность мнѣнія, что у нихъ была цѣль завоевать королевство Альфреда, или, по крайней мѣрѣ, какую нибудь область, поселиться тамъ и основать свое государство, по примѣру ихъ соотечественниковъ въ Остъ-Англіи и Нортумберландіи. Но при жизни Альфреда Норманны напрасно напрягали силы противъ его королевства; много страдало

---

[186] Chrow. Sax., Asserius, Flor. Wig., Matth. West., Sim. Dun., Joh. Bromton.

оно отъ ихъ нападеній, однако жь вездѣ отражали этого врага и нигдѣ не дали ему утвердиться. Норманны отъ того и прекратили свои набѣги на нѣсколько времени. Нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Остъ-Англіи и Нортумберландіи между своими земляками, прочіе воротились во Францію.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ПОСЕЛЕНІЕ НОРМАННОВЪ ВЪ НОРМАНДІИ И КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ЭТОГО ГЕРЦОГСТВА ДО 987 ГОДА.

I. Вскорѣ послѣ того, какъ Норманны покинули Францію, въ 892 и 893 годахъ, тамъ начались внутреннія смятенія. Только что миновалась опасность, великіе подручники стали завидовать, что человѣкъ ихъ званія и не королевскаго рода вступилъ на престолъ и сдѣлался ихъ государемъ. Одна сильная сторона выбрала королемъ Карла Простаго. Эвдо принужденъ былъ уступить ему часть королевства. Вскорѣ потомъ Эвдо умеръ, и Карлъ Простой сдѣлался единодержавнымъ государемъ Франціи въ началѣ 898 года.

Междоусобіе еще продолжалось, когда Норманны вернулись изъ Англіи. Другія полчища прибыли изъ Скандинавіи. Между новыми пришлецами явился человѣкъ, который благоразумнѣе и вѣрнѣе всѣхъ до него началъ исполнять планъ покоренія Франціи, или, по крайней мѣрѣ, какой нибудь Французской области для жилища себѣ и своему народу. Это былъ Рольфъ, родомъ изъ Мёре въ Норвегіи, сынъ тамошняго ярла, Рагнвальда, по прозванію «Мудраго». Рагнвальдъ, сильнѣйшій ярлъ въ Норвегіи, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые добровольно пристали къ Гаральду Гарфагру, когда этотъ замышлялъ завоевать всю Норвегію. Съ того времени онъ пользовался особенною милостію и уваженіемъ Гаральда. У него было много сыновей: одинъ изъ нихъ, Торeръ Молчаливый, наслѣдовалъ отъ отца достоинство ярла въ Мёре; другой, столь славный въ древнихъ сагахъ, Торфъ

Эйнаръ, былъ ярломъ на Оркадскихъ островахъ; третій, Роллёгеръ, поселился въ Исландіи, а Рольфъ съ молодыхъ лѣтъ странствовалъ по морю и рѣдко бывалъ на родинѣ, подъ отеческимъ кровомъ. Около 874 года онъ плавалъ на Гебридскіе острова, на западной сторонѣ Шотландіи; оттуда, застигнутый зимою на возвратномъ пути, отправился въ Англію, въ то время, когда Сѣверныя войска наводняли эту страну и частію завоевали ее. Рольфъ, кажется, присталъ къ берегамъ Вестъ-Саксонскаго королевства, гдѣ имѣлъ два сраженія съ жителями, которые не пускали его итти впередъ на разореніе страны. Оба раза онъ побѣдилъ, но самъ понесъ великій уронъ и не зналъ, куда обратиться съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ. Какъ истинный Викингъ, онъ хотѣлъ воевать по своей волѣ, не подчиняя себя ни чьему начальству, чтобы не затеряться во множествѣ великихъ войскъ, сдѣлавшихъ уже значительные успѣхи въ Англіи. Такъ мысли его обратились къ Франціи; лѣтописи разсказываютъ, что какой-то сонъ утвердилъ его въ намѣреніи итти туда. Онъ освободилъ плѣнныхъ, послалъ нѣсколькихъ Норманновъ къ Альфреду съ предложеніемъ мира и обѣщаніемъ весною удалиться, если до того времени будетъ разрѣшена ему свободная торговля въ этой странѣ. Альфредъ согласился и призвалъ къ себѣ Рольфа: они стали друзьями и заключили взаимный оборонительный союзъ. Зимою Рольфъ исправилъ свой флотъ и при наступленіи весны переправился на твердую землю съ вспомогательнымъ отрядомъ Альфреда, у котораго заключено было тогда перемиріе съ Норманнами. Онъ хотѣлъ плыть во Францію, но буря отнесла его къ острову Вальхерну, при берегахъ Голландіи. Жители острова собрались и напали на него, онъ разбилъ ихъ и нѣсколько времени оставался на островѣ, ожидая подкрѣпленій отъ своего союзника изъ Англіи. По договору Альфредъ послалъ ему 12-ть судовъ съ пшеницею, виномъ, свинымъ мясомъ и вооруженными людьми. Прибытіе вспоможенія возбудило опасеніе жителей, что Рольфъ поселится на островѣ и покоритъ его. Они позвали на помощь Радбода, графа Фрисландскаго, и Рагинера Длинношеяго, графа Геннегау и Гасбая, сами также набрали войско въ разныхъ мѣстахъ и напали на Рольфа соединенными силами. Онъ опять побѣдилъ ихъ, прогналъ Радбода и Рагинера въ ихъ станы, опустошилъ весь островъ и, переправясь на твердую землю, вторгнулся въ землю Фризовъ, чтобы отомстить имъ за нападеніе. Большое Фрисландское войско собралось у Гарлемскаго

озера и сдѣлано нападеніе на Рольфа врасплохъ на походѣ. Съ такою же рѣшимостію, какъ и смѣлостію, онъ построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ и придумалъ военную хитрость: поставивъ задніе ряды Норманновъ на колѣни: онъ велѣлъ имъ накрыться щитами и въ этомъ положеніи ждалъ нападенія непріятеля. Фризы, думая имѣть дѣло съ небольшимъ отрядомъ, сдѣлали неосторожное нападеніе. Вдругъ съ страшнымъ крикомъ Норманны поднялись съ колѣней и стремительно ринулись на Фризовъ. Обезпамятѣвшіе отъ страха, Фризы бросились бѣжать опрометью и потерпѣли жестокое пораженіе въ бѣгствѣ. Рольфъ воротился на суда съ великимъ числомъ плѣнныхъ, между которыми было много Фризскихъ вождей. Ограбивъ потомъ страну и вынудивъ значительную дань съ Фризовъ, онъ вошелъ въ Шельду, дѣлалъ опустошенія по обѣимъ берегамъ этой рѣки до города Конде и вторгнулся въ Геннегау. Графъ Рагинеръ, человѣкъ храбрый, [187] употреблялъ всѣ усилія, чтобы остановить дальнѣйшее вторженіе Рольфа; между ними случались многія стычки и сраженія, въ коихъ Норманны всегда оставались побѣдителями. Рагинеръ расположился въ засадѣ для внезапнаго нападенія, но на него самаго напали врасплохъ и даже взяли въ плѣнъ. Фрисландія пришла въ ужасъ: супруга Рагинера, въ глубокомъ горѣ, предлагала Рольфу двѣнадцать Норманновъ, взятыхъ въ плѣнъ въ прежнихъ сраженіяхъ, за выкупъ своего мужа. Рольфъ велѣлъ ей сказать, что графъ будетъ казненъ немедленно, если она не отправитъ къ нему этихъ плѣнниковъ со всѣмъ золотомъ и серебромъ, какое найдется въ странѣ. Въ трепетѣ за жизнь мужа, она исполнила оба суровыя условія съ такою точностію, сколько позволяли ей средства, даже не пощадила церквей и монастырской казны. Всѣ сокровища она отправила къ Рольфу съ усердною просьбою о свободѣ мужа, и клятвенными увѣреніями, что не могла собрать болѣе. Рольфъ позвалъ къ себѣ Рагинера, порицалъ его за неблагоразумное нападеніе на него на островѣ Вальхернѣ и потомъ прибавилъ: «Возвращая тебя, знаменитый и храбрый мужъ, твоей женѣ, отдаю тебѣ половину золота и серебра, которое она и вельможи твоей страны прислали на выкупъ тебя: да будетъ впередъ между нами постоянный миръ и дружба, а не

---

[187] «Dux milesque asperrimus, Regumque et Ducum atque Comitum superbo satus sanguine.» Dudo, De moribus et actis Normann.

вражда!»[188] Послѣ такого великодушнаго и благороднаго поступка, Рольфъ оставилъ эти страны, направилъ путь во Францію и вошелъ въ Сену. Туда пришли къ нему посланники отъ короля Альфреда, который находился тогда въ крайности отъ Норманновъ и просилъ помощи у Рольфа, какъ у союзника. Рольфъ тотчасъ оставилъ Францію и переправился въ Англію, чтобы помочь Альфреду въ минуты опасности, съ такою же дружескою готовностію, съ какою тотъ пособилъ ему на островѣ Вальхернѣ, куда занесла его буря. Спасеніе Альфреда, его успѣхи и побѣды[189] въ лѣтописяхъ особливо приписываются дѣятельному участію Рольфа. Потомъ многіе годы провелъ онъ въ походахъ по разныхъ странамъ. На возвратномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Норвегію, онъ прибылъ въ Викенъ * и, по обычаю Викинговъ, фуражировалъ для снабженія флота провіянтомъ. Но Гаральдъ Гарфагръ, покорившій Норвегію, заботясь о тишинѣ и порядкѣ въ своемъ государствѣ, между прочимъ, строго запретилъ всякаго рода разбои. Случилось такъ, что онъ лично находился въ Викенѣ, когда Рольфъ тамъ грабилъ. Въ гнѣвѣ на такое пренебреженіе своихъ приказаній, король тотчасъ повелъ его на судъ: Рольфъ былъ изгнанъ изъ государства, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Его дряхлая мать напрасно умоляла короля, чтобы онъ не наказывалъ его такъ позорно.[191] Рольфъ, изгнанникъ изъ Норвегіи, утративъ отечество и собственность, на всѣхъ парусахъ поплылъ во Францію съ тѣмъ, чтобы, завоевать себѣ государство, или погибнуть. На пути пристали къ нему другіе Викинги.

II. Когда Рольфъ прибылъ опять въ Францію (896 года) и поплылъ съ флотомъ по Сенѣ, ограбленные много разъ жители до того перепугались, что Витто, архіепископъ Руанскій, по настоянію купечества и другихъ, послалъ къ нему пословъ: они просили

---

[188] Dudo l. c. Villelm. Gemmet. l. c.

[189] См. извлеченіе изъ нихъ у Лангебека l. c. II.

[190] Strandhugg (изъ словъ Strand берегъ и Hugg ударъ) означаетъ высадку на берегъ для убиванія скота въ пищу: это обыкновенный способъ Викинговъ запасаться необходимою провизіею. Ср. стр.

[191] Sturlesson, Har. Harfag. Saga.

* Такъ назывался заливъ Христіанійскій. Земля Викенъ — нынѣшній Богусланъ.

безопасности для жизни и собственности Руанцевъ, вѣрявшихъ себя покровительству Норманновъ. [192] Рольфъ обѣщалъ оставить ихъ въ покоѣ, слышавъ, что они бѣдные, беззащитные люди. Потомъ онъ самъ прибылъ къ Руану, и остановился съ своими длинными судами у церкви Св. Мартина. Онъ нашелъ городъ очень опустѣвшимъ, стѣны его разрушенными. Рольфъ посовѣтовался съ своими товарищами. Эти красивые, сильные люди полагали, что надобно завладѣть такою плодоносною страною. Рольфъ велѣлъ исправить городскія стѣны и учредилъ въ Руанѣ свое мѣстопребываніе. Съ сильнымъ войскомъ поплылъ онъ далѣе по Сенѣ до Архаса (Понъ-де-л'Аршъ). Въ тоже время другіе полки Норманновъ плавали по Лоарѣ и Гароннѣ, такъ что въ ихъ власти находились въ одно время всѣ значительныя рѣки Франціи. Карлъ Простой пошелъ на Рольфа съ сильнымъ войскомъ. Оно расположилось на рѣкѣ Эрѣ, впадающей въ Сену недалеко отъ Понъ-де-л'Арша. Райнольдъ, герцогъ Франціи и Орлеана, [193] и вождь Французскаго войска, спрашивалъ мнѣнія Гастинга, какъ избавиться отъ этого врага? Гастингъ былъ природный Норманнъ, поселившійся во Франціи, и какъ владѣлецъ Шартра, [194] примкнувшій къ войску съ своимъ вспомогательнымъ отрядомъ. Онъ совѣтовалъ вступить въ переговоры и выбранъ былъ посланникомъ къ Норманнамъ, вмѣстѣ съ двумя другими, разумѣвшими ихъ языкъ. Норманнскій станъ находился на другомъ берегу Эры. Переговоры велись такимъ образомъ, что на одномъ берегу стояли Французскіе уполномоченные, а на противоположномъ Норманнскіе. Гастингъ кричалъ съ берега Норманнамъ, что они за люди и за чѣмъ при-

---

[192] Dudo и Willelmus Gemmet. Ср. Деппинга l. c., у котораго приведено мною много мѣстъ изъ рукописныхъ Норманнскихъ лѣтописей.

[193] Именно у Ордерика Виталя, Hist. Eccl. (у Duchesne) онъ называется «Dux Aurelianensis» (герцогъ Орлеанскій), а у Дудо и Вильгел. Геммет. «Dux totius Franciae» (герцогъ Франціи), въ то время, можетъ быть, такой же сановникъ, какъ послѣ «Connetable de France.»

[194] Ср. выше. Однако жь мало вѣроятно, чтобы Гастингъ, упоминаемый здѣсь, и великій Викингъ, сдѣлавшій за 50 лѣтъ предъ симъ походъ во Францію, съ Біёрномъ Іернсидою, были одно и тоже лицо. Вѣроятно, этотъ Гастингъ сынъ перваго, или это событіе случилось во время прежнихъ походовъ Рольфа во Францію, потому что, разсказывая о его подвигахъ, Норманнскія лѣтописи почти совсѣмъ не заботятся о хронологіи.

шли сюда? Ему отвѣчали, что они Сѣверные люди, а пришли для покоренія Франціи.—«Кто начальникъ?» спрашивалъ далѣе Гастингъ. «Всѣ они имѣютъ равную власть,»—былъ отвѣтъ.—«Слыхали ли они объ ихъ соотечественникѣ, Гастингѣ, который въ прежніе годы ходилъ съ сильнымъ войскомъ во Францію?»—«Разсказываютъ», отвѣчали ему, «что онъ храбро и славно началъ, но кончилъ съ небольшою выгодою и славою.» Не смотря на то, Гастингъ продолжалъ. «Не желаютъ ли они признать власть короля Французскаго и получить отъ него владѣнія?» Они отказались, говоря, что не хотятъ никому подчиняться, пока въ состояніи владѣть оружіемъ, и мечемъ завоюютъ страну.—«Что жъ они хотятъ дѣлать?» спросилъ Гастингъ. Они отвѣчали, что не намѣрены никому давать отчета, и ушли съ берега. Во Французскомъ станѣ разсуждали, отважиться ли на сраженіе. Гастингъ не совѣтовалъ, узнавъ, что Норманнское войско состоитъ изъ молодыхъ отборныхъ людей. Ротландъ, знаменоносецъ во Французскомъ войскѣ, заподозрилъ его въ тайной приверженности къ его землякамъ и сказалъ, что волковъ не травятъ волками, а лисицъ — лисицами. Разсерженный Гастингъ объявилъ, что не будетъ больше участвовать въ совѣщаніи объ этой войнѣ. Французское войско выступило и перешло на противоположный берегъ рѣки. Рольфъ, ожидавшій нападенія, обвелъ станъ валомъ съ однимъ широкимъ и большимъ входомъ. Черезъ эти ворота старались ворваться Французы. Это было напрасно. Норманны отразили нападеніе, Ротландъ знаменоносецъ палъ, Райнольдъ и Гастингъ со всѣмъ войскомъ и вождями бѣжали. Не опасаясь болѣе непріятеля, Рольфъ также покинулъ свой станъ, поднялся еще далѣе вверхъ по Сенѣ, внезапно напалъ на Меланъ, взялъ его, избилъ всѣхъ знатныхъ гражданъ, ограбилъ городъ и всю окрестную страну. Райнольдъ не могъ спокойно сносить позора своего бѣгства на Эрѣ, и собравъ опять войско сильнѣе прежняго, напалъ на Рольфа въ другой разъ. Искусно поставивъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, Рольфъ прорвалъ ряды Французскаго войска, уничтожая все, и нанесъ ему жестокое пораженіе: герцогъ Райнольдъ убитъ въ бѣгствѣ; множество отведено въ плѣнъ на Норманнскія суда. [193] Рольфъ вторгнулся въ Бургундію и дошелъ до С. Флорентина на рѣкѣ Армансонѣ, въ Шампани,

---

[193] Dudo и Will. Gemmet.

но тамъ проигралъ сраженіе съ Ричардомъ, герцогомъ Бургундскимъ, и воротился на Сену. [196] Онъ оставался въ области Парижа, когда дошло до него, что городъ Байе (въ Кальвадоскомъ департаментѣ, въ Шампани) дурно укрѣпленъ: онъ быстро двинулся туда и осадилъ городъ; но жители оборонялись храбро и взяли въ плѣнъ Бото, одного изъ знатныхъ Норманнскихъ вождей. Рольфъ послалъ въ городъ съ предложеніемъ перемирія на одинъ годъ за освобожденіе Бото. Предложеніе принято. Рѣкою Сеною въѣхалъ онъ въ рѣку Марну, взялъ Мо и прошелъ по странѣ до Мааса. Когда срокъ перемирія съ городомъ Байе кончился, Рольфъ спустился на своихъ маленькихъ судахъ внизъ по Сенѣ и нечаяннымъ нападеніемъ взялъ городъ. Беренгаръ, графъ Байскій, палъ при защитѣ этого мѣста. По Сѣверному обычаю Рольфъ женился на красивой дочери графа, Попѣ, [197] и воротился въ Руанъ, гдѣ было его главное пребываніе.

Здѣсь владѣлъ онъ всею окрестною страною; началъ укрѣплять многія мѣста и вообще принималъ всѣ мѣры для безопасности и прочности поселенія. Христіяне спѣшили толпами подчиняться его законамъ: владычество язычника, подъ защитою котораго обезпечивалась ихъ жизнь и собственность, они предпочитали власти Христіянскаго государя, не могшаго оборонять ихъ. Порядокъ и тишина начали процвѣтать въ этой странѣ, болѣе всѣхъ пострадавшей отъ Норманнскаго разоренія и отъ того, большею частію, запустѣвшей и покинутой. Французы и Скандинавы, Христіяне и язычники жили въ согласіи подъ управленіемъ Сѣвернаго вождя и въ хорошихъ взаимныхъ отношеніяхъ, спокойные и безопасные. [198] Геривей, архіепископъ Реймскій, усердный ревнитель обращенія Норманновъ въ Христіянство, сообщилъ архіепископу Руанскому, Витто, разсужденіе, въ 23-хъ главахъ о томъ, какъ надобно поступать относительно тѣхъ Норманновъ, которые одинъ, или нѣсколько, разъ крестились, но тѣмъ не менѣе возвращались къ прежнимъ языческимъ обычаямъ: убивали священниковъ и другихъ Христіянъ, приносили жертвы идоламъ, учреждали пиршенства при жертвоприношеніяхъ. Геривей, по примѣру папы Іоанна IX, совѣтуетъ поступать въ этомъ случаѣ

---

[196] Orderic. Vit. и Chron. Besuense въ числѣ Script. Normann.
[197] Dudo и Villel. Gemmet.
[198] Depping l. c.

кротко и осторожно. Папа замѣчалъ, что для этихъ новыхъ Христіянъ нельзя употреблять церковныя наказанія, потому что они не довольно просвѣщены и не привыкли къ принужденію, отъ того и слѣдуетъ обходиться съ ними кротко и снисходительно, не раздражая ихъ на жестокіе поступки. Такими средствами духовенство старалось обратить къ миролюбію этихъ Сѣверныхъ варваровъ и присоединить ихъ къ Христіянству, потому что не было силъ для сопротивленія имъ. Это стало особенно необходимымъ, потому что они до того усилились, что начали уже укрѣпляться и отводить себѣ жилища въ государствѣ. Никто не мѣшалъ имъ. Французамъ наскучило вооруженіе новыхъ войскъ противъ нихъ: до такой степени упало мужество Французскаго народа отъ безполезной войны. Норманны, съ своей стороны, занимаясь устройствомъ новыхъ поселеній, кажется, держали себя спокойно нѣсколько времени. По крайней мѣрѣ лѣтописи долго не говорили о Норманнскихъ нашествіяхъ, исключая мѣстъ на Лоарѣ, гдѣ посѣтили они города Туръ и Амбоазъ и разрушили мостъ на этой рѣкѣ. Пользуясь спокойствіемъ въ государствѣ, церковные отцы созвали соборъ въ Троле, въ Соассонской области. Соборъ открылся жалобами на великіе успѣхи Норманновъ, мѣшавшіе собраніямъ епископовъ и дворянъ; изображали печальное состояніе монастырей, частію сожженныхъ и разрушенныхъ, частію ограбленныхъ и обнищавшихъ; находили причиною всего бѣдствія грѣшную жизнь Христіянъ, изнурявшую ихъ силы, отъ того-то они и не могли сопротивляться язычникамъ, но всегда бывали принуждаемы бѣгать отъ нихъ. [199]

III. Между тѣмъ какъ отцы Церкви изливали свои сѣтованія и думали о средствахъ противу зла, Рольфъ дѣлалъ приготовленія къ великому, рѣшительному походу. Кажется, что онъ пользовался уваженіемъ у всѣхъ Норманновъ во Франціи и руководилъ ихъ замыслами, или, можетъ быть, вожди различныхъ Сѣверныхъ полчищъ сговорились на общее предпріятіе: потому что послѣ отдыха нѣсколькихъ лѣтъ, всѣ они снова приходятъ въ движеніе, вдругъ поднимаются въ походъ на Лоарѣ, Гароннѣ, Сенѣ и всѣ направляютъ путь во внутреннія области Франціи. Такое общее движе-

---

[199] Coleti, Collectio Conciliorum, привод. Деппингомъ и Сумомъ.

ніе, казалось, имѣло опредѣленную цѣль—завоеваніе Франціи. [200] Карлъ Простой приведенъ былъ въ такой страхъ, что обратился къ архіепископу Руанскому съ просьбою уговорить Рольфа на трехмѣсячное перемиріе. Король объяснялъ свою нужду архіепископу въ слѣдующихъ словахъ: «Ежедневно теряю множество людей; города и деревни разоряются; никто ни пашетъ, ни сѣетъ; государство гибнетъ. Скажи Рольфу, что я дамъ ему великія владѣнія и богатые дары, если онъ захочетъ сдѣлаться Христіяниномъ.» [201] Рольфъ согласился на перемиріе, и Норманны остановились. Мы не знаемъ точныхъ условій при заключеніи перемирія и обѣщаній, сдѣланныхъ Рольфу. Извѣстно только, что герцогъ Бургундскій, Ричардъ, и Эбло, графъ Поату, жестоко досадовали на эту сдѣлку и считали ее позоромъ для Франціи; отъ того, по истеченіи перемирія, начались новыя непріязненныя дѣйствія со стороны Французовъ. Сѣверныя войска опять двинулись въ походъ и свирѣпствовали хуже прежняго. Поприщемъ своихъ опустошеній Рольфъ выбралъ рѣки Сену и Йонну, доплылъ до Сенса [202] и разорилъ всю страну до Флери и Этамна; другія войска съ югозападной стороны королевства проникли до Лангедока и Прованса. [203] Мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о Нор—

[200] «Rollo (Rolf) per Seguanam et Ligerim (Сену и Лоару) perque Garumnam (Гаронну), tria quae Oceano fluunt flumina, emergens tripertito exercitu, jam non more piratico, sed libere Franciam pervadendo coepit infestare. Cooperuerunt itaque Dani superficiem terrae sicut locustae, nec erat cuiquam hominum eos facile prohibere.» Fragm. vet. у Duchesne.

[201] «Regnum, cui praeesse debeo, desolatur; terra aratro non scinditur; Respublica et captivatur et occiditur. Obesse Rolloni nequeo, quia quotidie meis privor. Quapropter Paternitatem Sanctitatis tuae rogo et deprecor, ut adquiras nobis apud Rollonem sequestram pacem trium mensium; et, si forte his diebus Christianum fieri se voluerit, maxima beneficia ei dabimus magnisque donis eum remunerabimus.» — У Дидо и Вильгельма Геммет.

[202] «Недалеко отъ Сенса, при подошвѣ горы, гдѣ одинъ богатый Испанецъ потерпѣлъ строгое наказаніе за убійство изъ ревности своего родственника, еще въ исходѣ XVIII-го вѣка былъ видѣнъ крестъ съ надписью, сказывавшею, что Норманны разорили тутъ монастырь, гдѣ братія жили по уставу св. Медарда и каждый годъ Сенское духовенство, при молебственной процессіи (въ недѣлю по Вознесеніи) останавливалось для совершенія литіи предъ этимъ памятникомъ языческихъ опустошеній.» Depping.

[203] Епископы по ту сторону Нарбонны писали къ папѣ, Анастасію, что не могутъ ходить въ Римъ, потому что большія дороги заняты Норманнами и Сарацинами и весьма опасны. Depping l. c.

маннскомъ походѣ: лѣтописи сообщаютъ о немъ чрезвычайно отрывочныя свѣдѣнія и останавливаются только на разореніяхъ, постигшихъ отдѣльныя мѣста. Разсказываютъ о Рольфѣ, что онъ обратился наконецъ къ Шартру, который былъ хорошо укрѣпленъ и защищенъ замкомъ, лежавшимъ на горѣ. Въ одномъ изъ гротовъ горы, гдѣ въ старину Друиды совершали свои таинственные обряды, сохранялась, какъ драгоцѣнность, икона Пресвятой Дѣвы въ печальной одеждѣ; надъ гротомъ находилась соборная церковь. Шартръ почитался однимъ изъ священныхъ мѣстъ Франціи. Рольфъ напалъ на него съ метательными и разными другими орудіями. Ричардъ, герцогъ Бургундскій, Эбло, графъ Поату, и Робертъ, графъ Парижскій, братъ умершаго короля Эвдо, собрали войско для обороны города. Норманны жестоко тѣснили городъ, и Рольфъ готовился овладѣть имъ, когда герцогъ Ричардъ и графъ Робертъ пришли на помощь осажденнымъ. Гвальтельмъ, епископъ Шартрскій, пламенною рѣчью ободрилъ стражу и гарнизонъ, исповѣдалъ и причастилъ ихъ, и обѣщалъ вѣчное блаженство падшимъ въ бою съ врагами Божіими, страшными Норманнами. Съ прибытіемъ вспоможенія, ожившіе духомъ и силами граждане и стража выступили изъ Шартра для нападенія на непріятеля вмѣстѣ съ герцогомъ Ричардомъ и графомъ Робертомъ; во главѣ гражданъ находился епископъ въ праздничныхъ ризахъ, предшествуемый распятіемъ; онъ несъ въ рукахъ копье съ повѣшенною на немъ одеждою Пресвятой Дѣвы, полученною Карломъ Простымъ изъ Константинополя; за епископомъ слѣдовало прочее духовенство, взывая о помощи къ Божіей Матери и распѣвая хвалебныя пѣсни ей. Нападеніе на Норманновъ было сдѣлано съ двухъ сторонъ: съ одной напали на нихъ Французы и Бургундцы подъ начальствомъ храбрѣйшихъ людей Франціи, съ другой бросились на нихъ граждане: послѣдніе, побуждаемые благочестіемъ, съ радостію проливали кровь за спасеніе святаго города. Не смотря на то, Норманны сопротивлялись долго и упорно, сражались, какъ люди, пріученные военною наукою и храбростію выходить побѣдителями изъ множества сраженій. Но среди жестокаго боя ихъ съ Бургундцами и Французами, на нихъ напали съ тыла граждане Шартра: будучи не въ состояніи выдерживать долго это двойное нападеніе, послѣ жаркой схватки, они уступили поле сраженія съ потерею 6 или 7000

---

[204] Depping l. c.

человѣкъ. [205] Преслѣдуемый Рольфъ воротился съ большею частію войска въ Руанъ. Другая часть направила путь въ Лошь въ Туреннѣ и расположилась тамъ станомъ на горѣ. Эбло, графъ Поату, пришелъ уже послѣ сраженія. Онъ былъ очень недоволенъ, что не отложили нападенія до его прихода. Герцогъ Ричардъ и графъ Робертъ, купившіе побѣду дорого и съ великими усиліями, указали ему Норманновъ, ставшихъ станомъ на вершинѣ горы близь Лоша. «Тамъ, говорили они, еще остались для него лавры». Графу Эбло также хотѣлось отличиться побѣдою: въ ту же минуту онъ пошелъ туда и напалъ на Норманновъ съ стрѣлами и дротиками. Они защищались храбро такимъ же оружіемъ. Нѣсколько разъ онъ старался взобраться на гору, и каждый разъ его отражали. Чтобы со всѣхъ сторонъ запереть ихъ стѣною, графъ велѣлъ принести палисады, употребленные Норманнами при осадѣ Шартра. Непріятели отняли ихъ и сами огородились тыномъ. Въ отчаяніи Эбло позвалъ на помощь Ричарда. Они окружили гору войскомъ со всѣхъ сторонъ и построили укрѣпленія. Непріятели держали совѣтъ, какъ выйти имъ изъ такого опаснаго положенія? Ночью, когда все стихло, нѣкоторые изъ нихъ пробрались черезъ станъ и укрѣпленія Французовъ. Счастливо совершивъ этотъ переходъ, они сильно затрубили въ рога: въ ту же минуту Норманны пустились съ горы бѣгомъ, съ страшнымъ военнымъ крикомъ. Французы, пробужденные шумомъ отъ сна, вообразили, что пришелъ Рольфъ со всѣмъ войскомъ на выручку своихъ. Темнота ночи, испугъ, смятеніе увеличили безпорядокъ во Французскомъ станѣ. Графъ Ричардъ и герцогъ Робертъ, какъ ни были неустрашимы, но въ общей суматохѣ лишились всякаго присутствія духа и не знали, что дѣлать, отъ страха и недоумѣнія. Побѣда небольшой толпы изнуренныхъ голодомъ Норманновъ надъ такими знаменитыми вождями и ихъ многочисленнымъ войскомъ, подавала потомъ поводъ къ насмѣшкамъ и приводила въ стыдъ этихъ господъ. Норманны, опрокидывая все на дорогѣ, счастливо пробились. Французы, едва оправясь отъ изумленія и образумившись при видѣ истиннаго положенія дѣлъ, бросились преслѣдовать бѣгущихъ. Но эти

---

[205] «Поле передъ воротами города Друеза, гдѣ побѣждены были Норманны, получило названіе Prés de la reculée (поле бѣгства) и барельефъ на хорахъ городской соборной церкви увѣковѣчилъ побѣду гражданъ Шартра.» Depping l. c. съ ссыл. на Sebast. Rouillard, Hist. de l'eglise de Chartre.

уже дошли до берега Эры, стали тамъ станомъ въ болотистой странѣ и построили себѣ страшное укрѣпленіе изъ ободранныхъ труповъ убитыхъ лошадей, воловъ, ословъ, козъ и овецъ. При видѣ такого ужаснаго вала Французская конница въ страхѣ отпрянула назадъ: самыя лошади почувствовали омерзеніе. Норманновъ оставили въ покоѣ. Они дошли потомъ до своихъ судовъ и воротились счастливо въ Руанъ. [206]

Рольфъ, не смотря на потери при Шартрѣ, въ такихъ же силахъ, какъ прежде, приготовился къ новому походу, возобновилъ войну и свирѣпствовалъ жестоко въ странѣ: мужчинъ убивалъ, женщинъ уводилъ въ плѣнъ, разорялъ церкви и опустошалъ все. Внушая ужасъ такимъ образомъ дѣйствій, онъ хотѣлъ тѣмъ облегчить себѣ побѣду надъ упавшимъ духомъ Французовъ и принудить ихъ покориться. Во Франціи не предвидѣли ничего другаго, кромѣ вѣрной погибели. Прелаты, графы, бароны обвиняли въ медленности короля; народъ умолялъ его сжалиться надъ Христіянствомъ и даровать спокойствіе странѣ. [207] Карлъ Простой созвалъ чины. Они совѣтовали ему заключить миръ съ Норманнами. [208] Карлъ сообщилъ чинамъ предложенія, какія хотѣлъ сдѣлать Рольфу для открытія переговоровъ съ нимъ. Чины одобрили ихъ. Рольфъ уже состарѣлся и наскучилъ непостоянною странническою жизнію, которую велъ цѣлыя сорокъ лѣтъ въ безпрестанныхъ морскихъ походахъ и войнахъ. Король предлагалъ ему всю страну отъ рѣкъ Эры и Эпте до моря и маленькой рѣчки на самой границѣ Бретани; по другимъ, все пространство земли между моремъ, Понтье, Бретанью, Шартромъ, Меномъ и Бове, [209] вмѣстѣ съ прекрасною и плодоносною страною, которая называлась потомъ Нормандіею и нынѣ одна изъ лучшихъ областей Франціи. Чтобы прочнѣе привязать его къ королю и выгодамъ Франціи, предлагали ему въ супруги побочную дочь короля, Гизелу, 15-тилѣтнюю принцессу, [210] съ усло-

---

[206] Dudo и Vill. Gemm. Cp. Depping l. c.

[207] Robert Vace, Le romanz de Rou, и рукописная лѣтопись, сохраняемая въ Королевской Парижской Библіотекѣ подъ № 9857, привод. Depp. l. c.

[208] Mss. de la Bibliothèque du Roi, № 9858, привод. Depp. Подъ словомъ «чины» здѣсь должно разумѣть вельможъ Франціи.

[209] Gaufr. Malaterra, Hist. Sic. Cp. Depping l. c.

[210] Старше она не могла быть.

віемъ принять св. крещеніе и жить въ мирѣ съ Франціею. Предлагаемая страна, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, была обыкновеннымъ пристанищемъ Викинговъ и отъ того очень разорена и безлюдна: на прежнихъ пашняхъ росли лѣса. Замѣтивъ это, Рольфъ сказалъ, что тамъ не найдетъ пропитанія для себя и войска. Рѣшились, не смотря ни на какія пожертвованія, жить въ постоянномъ мирѣ съ этимъ Норманнами; для того оставалось одно средство — принять ихъ въ число подданныхъ Франціи; потому предложили Рольфу въ придачу Фландрію. Эта была для него болотиста. Наконецъ вмѣсто Фландріи уступили ему Бретань, какъ зависимую лену, такъ что Беренгеръ, владѣлецъ Рейна и Аланъ, герцогъ Дольскій, обязаны были присягать въ вѣрности герцогу Норманнскому, какъ феодальному властелину. Рольфу предоставлялось управленіе герцогствомъ съ неограниченными правами: онъ долженъ былъ владѣть имъ, какъ наслѣдственною собственностію (odal;) подобно другимъ владѣніямъ того рода, оно могло переходить отъ него къ потомкамъ, даже и женскаго пола; онъ обязывался нести для короля воинскую службу и присягнуть ему въ вѣрности; напротивъ, король, съ своей стороны, обезпечивалъ ему спокойное владѣніе герцогствомъ. Французскій король Карлъ Простой, Робертъ, герцогъ Франціи и графъ Парижскій, графы королевства, архіепископы, епископы и аббаты клялись святою Католическою вѣрою въ подтвержденіе этого дара и обезпечили за Рольфомъ всѣ преимущества въ уступленной ему странѣ. Это происходило въ С.-Клерѣ, на рѣкѣ Эпте, гдѣ король видѣлся съ Рольфомъ для торжественнаго заключенія договора и пригласилъ вельможъ государства присутствовать на этомъ свиданіи. Когда бароны Франціи подвели Рольфа къ королю для принятія присяги, взоры всего собранія обратились на Сѣвернаго вождя: предубѣжденные въ его пользу мужественною, прекрасною наружностію, всѣ въ одинъ голосъ вскричали: «Такой человѣкъ достоинъ такого великаго герцогства.»[311] Рольфъ присягнулъ королю въ вѣрности и въ знакъ подданства вложилъ свои руки въ руки Карла. Сѣверный вождь, Гербертъ, получилъ отъ короля графство Сенлисъ; другому Герло (или Гелло), одному изъ знатныхъ соратниковъ Рольфа,

---

[311] Chron. Manuscr. de Normand. Bibl. du Roy № 8397, привод. Деппингомъ l. c.

дано въ ленное владѣніе Мон-де Блоа. [212] Этотъ Герло былъ отецъ Теобальда Стараго, у котораго былъ сынъ Одо, графъ Шампанскій, а отъ него всѣ позднѣйшіе графы Шампани.

Въ радости, что спасъ свое королевство и примирился съ храбрыми Норманнами, король воротился во внутреннія области Франціи. Рольфа проводилъ герцогъ Робертъ въ Руанъ, гдѣ этотъ новый подручникъ вскорѣ крещенъ былъ епископомъ Франко въ присутствіи многихъ Французскихъ вельможъ, принятъ отъ купели герцогомъ Робертомъ и нареченъ по имени своего крестнаго отца. Въ первые семь дней послѣ того носилъ онъ бѣлую одежду новокрещеннаго и, по совѣту архіепископа Франко, жаловалъ помѣстьями церкви и монастыри въ знакъ того, что впередъ будетъ такимъ же добрымъ Христіяниномъ, какъ прежде былъ великимъ Викингомъ; въ первый день одарилъ онъ помѣстьями церковь Богородицы въ Руанѣ, на другой день церковь Богородицы въ Байе, на третій церковь Богородицы въ Эврё, на четвертый церковь Сенъ-Мишель-сюръ-ла-Меръ, на пятый церкви св. Петра и св. Одоени въ Руанскомъ предмѣстіи, на шестой церковь св. Петра въ Жумьежѣ, а на седьмой монастырь Сенъ-Дени. Кромѣ послѣдней, всѣ эти церкви находились въ его герцогствѣ. Потомъ онъ раздѣлилъ землю между товарищами, изъ которыхъ одни были Норвежцы, другіе Шведы [213] и Датчане. Этотъ дѣлежъ производился по Сѣверному обычаю, каждый участокъ от-

---

212 Dudo, VIII. Gemm. и Ордерикъ Вит. съ Робертомъ Васъ, у Деппинга.

213 О Шведахъ въ Рольфовомъ войскѣ есть точное свидѣтельство въ Gesta Domus Ambasii c. 5, in Dacherii Specil. (привод. Сумомъ). Тамъ утверждаютъ, что отъ Датчанъ и Шведовъ, овладѣвшихъ Нормандіею, происходитъ все Французское дворянство (?!). Къ числу приведенныхъ выше свидѣтельствъ (примѣч. 16), что подъ общимъ названіемъ Норманновъ и Датчанъ разумѣются въ иностранныхъ лѣтописяхъ жители трехъ Скандинавскихъ государствъ, Швеціи, Даніи и Норвегіи, можно еще прибавить слѣдующее изъ одной древней лѣтописи (Chron. vet. у Дюшеня): «Dani Sueuique (Suecique), quos Theotisti Norman, Aquilonares appellant, a Turoni (Туръ) S. Martini precibus fugati sunt (Ср. выше) tempore Caroli Stulti. Hi per XL annos nunc Ligerim (Лоару), nunc Sequanam (Сену) invehebantur, urbes vastantes.» Притомъ, обыкновеніе ѣздить въ морскіе походы (Wiking) было общее на всемъ Сѣверѣ, какъ въ Швеціи, такъ въ Норвегіи и Даніи. Уже на основаніи этого общаго обычая надобно принять, что войска Викинговъ, наводнявшія въ IX и X вѣкахъ плодоносныя страны Европы, состояли изъ Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ. Въ странахъ, посѣщаемыхъ

мѣривали веревкою; [214] даже по нынѣ многія мѣста въ Нормандіи сохранили имена Сѣверныхъ воиновъ, бывшихъ владѣльцами ихъ. [215] Въ войскѣ Рольфа находилось много молодыхъ людей живаго и безпокойнаго характера, которые не поселились у него, а все еще хотѣли искать приключеній: такихъ одарилъ онъ серебромъ, лошадьми, оружіемъ. Удовлетворивъ справедливыя требованія всѣхъ и каждаго имуществомъ и владѣніями, онъ отправился съ большею свитою во Францію, и тамъ съ великою пышностію праздновалъ свою свадьбу съ принцессою Гизелой. Его примѣру послѣдовали другіе Норманны и женились на Француженкахъ и Бургундкахъ.

IV. Руанъ, [216] гдѣ Рольфъ учредилъ свое главное пребываніе, былъ укрѣпленъ; разрушенныя стѣны поправлены, построены замки

Викингами, трудно было различать ихъ, потому что они походили другъ на друга по языку и обычаяхъ и какъ будто принадлежали къ одному народу. Сверхъ того Данія лежала ближе къ тѣмъ землямъ, куда они ходили, прочая же Скандинавія была мало извѣстна, отъ того и называли ихъ общимъ именемъ Датчанъ (Dani). У Дудо и Вильг. Геммет. даже Рольфъ называется Dacus, хотя изъ Сѣверныхъ Королевскихъ сагъ исторически извѣстно, что онъ родомъ изъ Норвегіи.

[214] «Illam terram suis fidelibus funiculo divisit.» Vill. Gemmet. О древнемъ Сѣверномъ обычаѣ мѣрять землю веревкою или канатомъ свидѣтельствуютъ древніе Скандинав. законы; см. Vestgöta-Lagen (законъ) J. Jorda-Balken (Jord земля, Balk отрѣзокъ, sectio), 14. Vestg. L. II. J. B. XXXIII. Ostgöta Lag. 1. Bygd. Balk. 1, 4, и во многихъ другихъ мѣстахъ; напротивъ Французы, Англичане и Нѣмцы мѣряли кольями, что можно заключать изъ словъ Verge, Perche, собственно прутъ, шестъ, означавшихъ мѣру длины. Отъ того и Норманнскій способъ измѣренія земли веревкою обратилъ вниманіе Франковъ. Срав. Деппинга l. c.

[215] На пр.: Анговилль, Борневилль, Гримонвилль, Геронвилль, Гранвилль и другія, принадлежавшія Амготту, Біёрну, Гриму, Гаральду, Геріоду, что еще яснѣе можно видѣть изъ древнихъ ландкартъ, гдѣ тѣже мѣста называются Amgoti, Burnenvilla, Grimaldi, Heroldi, Geroldi villa. Mém. de M. de Gerville sur les noms des lieux en Normandie (въ VII томѣ Mém. de la soc. roy. des antiquaires de France), привод. Деппингомъ l. c. Онъ прибавляетъ: «При разсмотрѣніи старинныхъ географическихъ ландкартъ встрѣчается великое число мѣстныхъ названій, которыя всѣ Сѣвернаго происхожденія.»

[216] Въ средніе вѣка онъ назывался также Rodom, Rothom, Rotum, Rotumum (испорченное Rotomagus «opulentissimum Galliae ad oceanum britannicum emporium» Римлянъ); почему Нормандскіе герцоги въ старинныхъ нашихъ сагахъ называются Rude jarlar.

разоренныя церкви возстановлены; благодаря заботливости тѣхъ самыхъ людей, которые въ недавнее время жестоко опустошали эти страны, умножились тамъ города и деревни; поросшія лѣсомъ земли обратились въ плодоносныя поля. Въ древнѣйшемъ собраніи Норманнскихъ законовъ [217] есть извѣстіе, что Рольфъ, сдѣлавшись государемъ Нейстріи (страны, послѣ поселенія въ ней Норманновъ, названной Нормандіею), воскресилъ древніе обычаи и постановленія; когда же посѣтили его немощи, онъ совѣтовался съ мудрыми старцами, знавшими въ подробности старинное судопроизводство, велѣлъ представить себѣ Салическіе и Рипуарскіе законы, которыми управлялись Франки, исправилъ ихъ и примѣнилъ къ нравамъ и обычаямъ своего народа, по совѣту разумныхъ и свѣдущихъ людей поставилъ межевые знаки между пограничными и сосѣдними странами и, подобно другому Ромулу, сдѣлалъ свое герцогство пристанищемъ чужеземцевъ и изгнанниковъ, давая всѣмъ недвижимую собственность и покровительство законовъ. [218] Для защиты собственности отъ насилій, онъ ввелъ постановленіе, что всякой укрыватель, наравнѣ съ воромъ, подвергаетъ себя смертной казни. Есть сказаніе, что онъ приказалъ всѣмъ оставлять на пашняхъ плуги и пускать по волѣ лошадей, воловъ и ословъ, и обѣщался платить изъ своей казны, по назначенной цѣнѣ, за всякой ущербъ, причиненный воровствомъ, или разбоемъ. Одна крестьянка, съ вѣдома мужа, украла свой собственный плугъ: хотѣли испытать герцога и законъ его. Воровство открыто со всѣми его обстоятельствами; но герцогъ не умѣлъ шутить законами: крестьянинъ и жена его были повѣшены. Эта строгость, по словамъ Норманнскихъ лѣтописей, довела до того, что въ его время никто не осмѣливался грабить, или воровать, въ его герцогствѣ. На дубѣ въ лѣсу Марре на Сенѣ, неподалеку Руана, Рольфъ велѣлъ повѣсить золотой браслетъ, [219] тамъ висѣлъ онъ три года, и никто не прикоснулся къ

---

[217] Anc. Coutoumier de Normandie, привод. Деппингомъ.

[218] Th. Walsingham, Hypodigma Neustriae. «Universamque diu desertam terram (именно Нейстрію) reaedificavit atque de suis militibus advenisque gentibus refertam restruxit. Vill. Gemmet.

[219] Прежде въ Нормандіи показывали много мѣстъ, гдѣ висѣли такіе браслеты, сначала въ Румарскомъ лѣсу, потомъ близъ Канна и наконецъ близъ «Marre

нему: до того боялись бдительности строгаго герцога. Въ подобныхъ сказаніяхъ, выдуманныя ли они, или истинныя, изъ рода въ родъ переходило воспоминаніе о порядкѣ и всеобщей безопасности подъ мощнымъ правленіемъ этого человѣка. Въ старости онъ держалъ кормило правленія такою же твердою рукою, какъ руль Викинга въ молодости. Когда во Франціи, по отзыву одного Французскаго писателя, [220] королевская власть находилась въ пренебреженіи, всѣ отрасли управленія пришли въ невѣрное, сомнительное положеніе, старый морской разбойникъ умѣлъ сохранять порядокъ и законы и снискать себѣ уваженіе во всѣхъ сословіяхъ своего народа, даже внѣ государства. Бретоны, безпокойные жители Бретани, все еще охранявшіе нѣкоторую независимость и чувство свободы и часто надоѣдавшіе Французскимъ королямъ, отказали въ покорности герцогу Норманнскому: но Рольфъ привелъ ихъ подъ свою власть съ такою силою, что Бретань въ послѣдствіи безусловно повиновалась ему и его потомкамъ. Французы съ завистью смотрѣли на цвѣтущую Нормандію, возраставшую въ силахъ и населенности, обитаемую чужеземцами, врагами, варварами. Карлъ Простой тайно подсылалъ соглядателей къ дочери, Гизелѣ. Это узнали нѣкоторые Норманнскіе вельможи; боясь коварно замышляемаго присоединенія Нормандіи снова къ Франціи, онѣ встревожились и предостерегли герцога. Не съ такою скоростію дошла эта вѣсть до него, съ какою онъ разсѣялъ всѣ опасенія сильною мѣрою; сначала позвалъ къ себѣ посланниковъ, потомъ велѣлъ отвести ихъ наплощадь и тамъ казнить всенародно. Гизела умерла со страха и горя, король гнѣвался, Французы дивились, однако жь никто не трогался. Когда же герцогъ Робертъ, крестный отецъ и другъ Рольфа, имѣя противъ Карла Простаго тайные замыслы, хотѣлъ увѣриться въ помощи герцога, этотъ, не одобривъ его намѣреній, отвѣчалъ его послу: «Скажи своему государю, что онъ поступаетъ несправедливо; я не противъ войны его съ королемъ, если онъ имѣетъ причины на то, но никогда не похвалю, что онъ хочетъ отнять государство у Карла.» [221]

---

aux Anneaux,» по дорогѣ изъ Канна въ Руанъ. Brâz, Recherche sur le duché de Normandie, привод. Деппингомъ.

[220] Depping l. c.

[221] Script. Normann.

Значеніе, которое Рольфъ доставилъ себѣ черезъ это, переходило съ герцогствомъ, какъ наслѣдство, изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну: Герцоги Нормандскіе почти всѣ отличались мощію въ управленіи государствомъ. Норманны также передали потомкамъ свой воинственный, рыцарскій духъ, безстрашную храбрость, честолюбіе и любовь къ странствованіямъ; послѣдняя осталась навсегда рѣзкою чертою въ Нормандскомъ народѣ и болѣе всего другаго затрудняла совпаденіе его нравовъ съ нравами Французовъ. Вильгельмъ, великій герцогъ Нормандскій, завоеватель Англіи, возложившій Англійскую корону на себя и преемниковъ, лучше другихъ зналъ своихъ Норманновъ и говорилъ, что это очень надменный народъ, которымъ повелѣвать нелегко, готовый тотчасъ затѣять ссору; все можно сдѣлать изъ нихъ, если только умѣли внушить имъ страхъ къ себѣ. Одинъ Сицилійскій писатель, Малатерра, жившій въ исходѣ XI-го вѣка и изучившій въ Сициліи нравы, свойства и поступки тамошнихъ Норманновъ, описываетъ ихъ хитрыми и благоразумными, невыносящими обидъ, всегда готовыми на мщеніе за нихъ; по его словамъ: «они покидаютъ отечество изъ видовъ корысти, властолюбивы и ищутъ богатства, но держатся средины между скупостію и расточительностію; когда нужно, переносятъ труды, голодъ и холодъ, но очень своевольны и требуютъ обузданія законами, любятъ краснорѣчіе, пышность въ платьѣ и оружіи, также лошадей и охоту, особливо соколиную; ихъ государи очень щедры изъ желанія великаго имени.» [222] Французы, не знавшіе напитковъ изъ солода и менѣе Сѣверныхъ людей употреблявшіе пищи, дивились, что они пили и ѣли гораздо больше и въ насмѣшку прозвали ихъ обжорами и солодовниками. [223] Съ другой стороны въ древнихъ пѣсняхъ Норманновъ очевидно чувство отвращенія къ Французамъ. [224] Это взаимное нерасположеніе, собственно народная вражда, продолжалось до тѣхъ поръ, пока они различались родовыми чертами лица, русыми волосами и другими племенными отличіями,

---

[222] Malaterra l. c. Le Romanz de Rou, привод. Деппингомъ.

[223] Употребленіе крѣпкаго и слабаго пива сохранилось въ Нормандіи и было всеобщимъ до XVI вѣка.

[224] Le Romanz de Rou, у Деппинга.

служившими напоминаніемъ, что они чуждое, привитое племя въ составѣ Французскаго королевства. Не смотря на то, обитатели Нормандіи, состоявшіе изъ двухъ разныхъ народовъ, жили мирно и согласно подъ крѣпкимъ скипетромъ Нормандскихъ герцоговъ, и вскорѣ слились въ одинъ народъ, тѣмъ удобнѣе, что государственный бытъ Нормандіи вообще былъ устроенъ по образу Французскаго государства. Норманны завоевали населенную уже страну съ древними законами и учрежденіями, съ укоренившеюся властію дворянства, съ многочисленными народными сословіями духовенства, горожанъ и поселянъ; подчинивъ себя образованію и обратясь въ Христіянскую вѣру, они должны были примѣняться къ этимъ установившимся общественнымъ учрежденіямъ и предоставить дѣла обыкновенному ихъ ходу. Рольфъ и его потомки окружали себя совѣтомъ изъ знатныхъ вождей и воиновъ. Опираясь на этотъ совѣтъ, они владѣли высшею законодательною и исполнительною властію. Сѣверные тинги не годились для государственнаго устройства Франціи, а еще менѣе для Нормандіи. Для ея прочнаго существованія необходимо было, чтобы вся власть сосредоточивалась въ одномъ сильномъ лицѣ, отъ того Норманны предоставили герцогу защиту выгодъ каждаго, наблюденіе за общею безопасностію, всѣ правительственныя распоряженія съ совѣта умныхъ и знатныхъ людей между ними. [227]

Эти обстоятельства, какъ и во Франціи, принесли съ собою господство феодализма въ Нормандію. Но никогда не доходило до того, чтобы феодальная система (хотя со временемъ и сдѣлалась тягостнѣе) подавляла чувство гордости въ Норманнахъ. Когда въ другихъ Французскихъ областяхъ, говоритъ одинъ ученый Нормандскій писатель, [228] необходимо было покровительство высшаго для сохра-

---

[225] Le Romanz de Rou.

[226] Одна старинная лѣтопись монаха въ Фонтинеллѣ (Append. ad Chron., in Dacherii Specil., привод. Деппингомъ и Сумомъ) хвалитъ Рольфа, что онъ своимъ мудрымъ правленіемъ содѣйствовалъ полному сліянію различныхъ племенъ, поселившихся въ его герцогствѣ, и образовалъ изъ нихъ одинъ народъ, который въ короткое время превзошелъ всѣхъ сосѣдей силою, числомъ и внутреннимъ единствомъ.

[227] «Jura et leges sempiternas, voluntate principum sancitas et decretas plebi indixit.» Vill. Gemmet.

[228] Houard, Anc. lois des Français, привод. Деппингомъ.

ненія личной свободы, въ Нормандіи, напротивъ, каждый человѣкъ, каждая недвижимая собственность были свободны; тамъ одинъ герцогъ владѣлъ непосредственнымъ правомъ суда надъ всѣми подданными, и феодальные владѣльцы не имѣли ни какихъ способовъ измѣнять состояніе свободнаго народа, или нарушать право собственности. Намъ неизвѣстны первые акты, опредѣлявшіе права жителей. Древнѣйшій въ этомъ отношеніи актъ, достигшій нашего времени, принадлежитъ къ 1315 году, когда Нормандія уже опять присоединена была къ Франціи. Изъ него видно, что жители Нормандіи обязаны были нести опредѣленныя повинности и платить установленные налоги, но кромѣ того не могли ничего отъ нихъ требовать; ихъ нельзя было подвергать судебному допросу, развѣ только въ уголовныхъ преступленіяхъ; сороколѣтняя давность въ Нормандіи давала законныя права; всѣ Нормандцы могли быть судимы только своими единоземцами. Такія изъятія составляли конституціонный актъ или хартію Нормандцевъ и въ различныхъ случаяхъ утверждались со всѣми обычными торжествами. Нигдѣ не было издано столько постановленій для безопасности лицъ и собственности; письменные приговоры употреблялись въ Нормандіи уже сначала XII-го вѣка, почти за 200 лѣтъ до того времени, когда этотъ обычай принятъ былъ въ прочихъ областяхъ Франціи. [230]

У потомковъ Норманновъ, черту ихъ Сѣвернаго происхожденія составляла рѣшительная склонность къ охотѣ, рыбной ловлѣ и морскимъ путешествіямъ; въ послѣдующихъ вѣкахъ изъ Нормандіи вышло много мореплавателей. Въ X столѣтіи былъ построенъ Діеппъ; Шербургъ, Гонфлеръ, Барфлеръ, были гавани, посѣщаемыя безчисленнымъ множествомъ иноземныхъ торговыхъ кораблей: это исходныя точки мореходства Нормандцевъ. Они обогащались трудомъ, торговлею и мореплаваніемъ и знали имъ цѣну. Съ тѣмъ вмѣстѣ сохраняли наслѣдственную воинственность и страсть къ поэзіи. Ни въ одной Французской области поединки и рѣшеніе ссоръ оружіемъ не находились въ такомъ общемъ употребленіи, какъ въ Нормандіи; вызывали другъ друга на Holm-gang (прогулку на островокъ), сражались въ загороженномъ мѣстѣ и на открытомъ полѣ; Скандинав-

---

[229] Goube, L'hist. du duché de Normandie, привод. Деппингомъ.

[230] Depping съ ссылками на Houard.

скіе турниры переселились на почву Франціи. [231] На пирахъ сочинялись пѣсьни, разсказывались саги для забавы и развлеченія гостей. [232] Въ это время въ южной Франціи, въ мѣстахъ, лежащихъ близь Средиземнаго моря, особливо въ блестящую эпоху Беренгаровъ, графовъ изъ Аррагонскаго дома, трубадуры, рыцари и странствующіе пѣвцы воспѣвали на Провенсальномъ языкѣ любовь и красоту въ изящныхъ канзонахъ, прекрасныхъ, какъ природа, среди которой онѣ родились; въ очаровательныхъ идилліяхъ (Pastourelles) описывали прелести сельской жизни, въ тензонахъ разсуждали о метафизическихъ вопросахъ любви предъ учрежденнымъ для того судилищемъ (Cour d'amour); въ сирвентахъ изображали сатирическими чертами нравы. Нормандскіе скальды пѣли подвиги храбрыхъ, ихъ сила выраженія и смѣлое воображеніе дали направленіе сѣверной Французской поэзіи, которая послѣ избирала преимущественно эпико-романтическій родъ. [234] Особливо по завоеваніи Англіи, среди колебавшихъ умы крестовыхъ походовъ, когда чудесныя сказанія Востока переносились въ Европу и кругъ понятій расширился, и поэтическій образъ выраженія въ Нормандіи получилъ болѣе изящества и «восхищалъ толпу прелестью картинъ, которыя могли привести для Нормандцевъ въ забвеніе ту жалкую землю, гдѣ они жили.» Вильгельмъ Завоеватель имѣлъ скальдовъ при своемъ дворѣ; большія эпическія поэмы, написанныя Англо-Норманнами, или стихотворныя героическія саги (начало нашихъ романовъ) [235] суть первыя произведенія изящнаго искуства

---

[231] Depping l c.

[232] По свидѣтельству многихъ старинныхъ поэтовъ, изъ которыхъ у одного есть слѣдующіе стихи:

> «Usage est en Normandie
> Que qui herbergiez est, qu'il die
> Fable ou chanson dié (dediée?) a' l'hoste».

Fouhcet, de la langue et poësie Francaise, привод. Деппингомъ. Тоже говоритъ Robert Vace.

[233] Прованскіе графы: они управляли съ XI-го до половины XIII вѣка.

[234] Ср. Герена «Ueber den Einfluss der Normannen auf die Franz. Sprache und Literat.»

[235] Это имя они получили отъ того, что первые изъ нихъ написаны на образовавшемся изъ Латинскаго Романскомъ языкѣ, la langue Romancière, la Romance, какъ называли его еще въ XII и XIII столѣтіяхъ. Изъ смѣшенія его

Французовъ. Провансальская муза умолкла, самый языкъ пришелъ въ упадокъ во время долгой, кровопролитной войны въ XIII-мъ столѣтіи съ еретиками Альбигойцами, отъ которой одичала южная Франція. Сѣверный діалектъ, на которомъ Англо-Норманны сочиняли свои пѣсни, сдѣлался господствующимъ, придворнымъ и литературнымъ языкомъ Франціи.

V. Рольфъ, основатель Нормандскаго герцогства, умеръ въ Руанѣ 931 года, послѣ 19-тилѣтняго мудраго правленія. Его прахъ покоится въ одной изъ часовенъ соборной Руанской церкви, гдѣ еще нынѣ можно видѣть его гробницу напротивъ гробницы его сына.[238]

съ языкомъ Франковъ, Вестготовъ и другихъ иноземцевъ, получившихъ осѣдлость во Франціи, въ исходѣ XI-го вѣка, явились два главныя нарѣчія: langue d'oyl, сѣверное, изъ котораго образовался нынѣшній Французскій языкъ, и langue d'oc, южно-Французское, распадавшееся также на два подрѣчія: Провансальскій, которымъ говорили отъ Испаніи по Средиземному морю до Валенціи, и Каталонскій, нынѣшній Гасконскій. Романы начались съ поэтическаго разсказа про подвиги Готфрида Буйльонскаго, написаннаго рыцаремъ, Георгомъ Бехадою (около 1130 года), и стихотворной исторіи древнихъ Англійскихъ королей, Евстахія Бистаса (около 1155 года). Нѣкто Александръ Берне (около 1200 года) написалъ также поэтическій разсказъ объ Александрѣ Великомъ, съ разными аллегорическими намеками на Французскаго короля, Филиппа Августа.

[238] Ордерикъ Виталь разсказываетъ, что Маврикій, архіепископъ Руанскій съ 1055 по 1067 годъ, принесшій прахъ Рольфа въ соборную Руанскую церковь, гдѣ покоится онъ и теперь, вырѣзалъ золотыми литерами на его гробѣ слѣдующую надпись:

Dux Normannorum, timor hostis, et arma suorum
Rollo sub hoc titulo clauditur in tumulo.
Majores cujus probitas provexit, ut ejus
Servierit nec avus, nec pater, nec proavus,
Ducentem fortes Regem multosque cohortes
Devicit Daciae congrediens acie.
Frixonas, Walcros, Halbacenses, Hainaucos,
Hos simul adjunctos Rollo dedit profugos.
Egit ad hoc Fresios per plurima vulnera victos,
Ut sibi jurarent, atque tributa darent.
Bajocas (Bayeux) cepit, bis Parisios superavit,
Nemo fuit Francis asperior cuneis,
Annis triginta Gallorum caedibus arva

При его ближайшихъ преемникахъ юное Нормандское государство подверглось великой опасности. Вильгельмъ, сынъ и преемникъ Рольфа, [237] воспитывался среди монаховъ и сначала обнаруживалъ слабый, непостоянный характеръ. Онъ жилъ въ большой дружбѣ съ Французами и многихъ изъ нихъ принялъ въ свой совѣтъ. Это не понравилось Норманнамъ, которые начинали опасаться, что у нихъ отнимутъ земли, розданныя имъ прежде. Они возненавидѣли Вильгельма и говорили, что онъ болѣе Французъ, чѣмъ Норманнъ. Одинъ вождь, по имени Ріульфъ, сталъ во главѣ недовольныхъ. Они согласились взаимно защищать свои владѣнія и, для большаго усиленія и безопасности, отправили посольство къ герцогу съ требованіемъ, чтобы онъ уступилъ имъ землю между Сеною и Риллемъ. Вильгельмъ отвѣчалъ, что не можетъ отдать имъ эту землю: за то надаритъ браслетовъ, панцырей, поясовъ, шлемовъ, красивыхъ лошадей и въ золото оправленныхъ сѣкиръ и мечей, если они останутся его вѣрными приверженцами, во всемъ станетъ слушаться ихъ совѣта, у него будутъ общіе съ ними враги и друзья. Еще болѣе ободренные этимъ отвѣтомъ и опасаясь, не хочетъ ли герцогъ усыпить ихъ обѣщаніями, недовольные собрались и пошли къ Руану. Въ испугѣ Вильгельмъ послалъ имъ предложить еще больше земли,

---

Implevit, pigro bella gerens Carolo.
Post multas strages, praedas, incendia, caedes,
Utile cum Gallis foedus iniit cupidis.
Supplex Franconi meruit baptismate tingi,
Sic periit veteris omne nefas hominis.
Ut fuit ante lupus, sic post fit mitibus agnus,
Pax ita mutatum mulceat ante Deum.

Позднѣйшая надпись на гробѣ Рольфа у Деппинга l. c. «Hic positus est Rollo Normannii est territi vastatae rastitutae primus Dux, conditor, pater, a Francone archiepiscop. Rotom. baptizatur anno 913, obiit anno 917; ossa ipsius in veteri sanctuario nunc capite navis primum condita, translato altari, collocata sunt a B. Maurilio archiepiscop. Rotom. anno 1063 — 931 obiit Rollo anno vita 86.

[237] Отъ Попы, которая принесла ему также дочь, по однимъ извѣстіямъ, Герлоку, по другимъ, Аделину или Аделу; послѣднее, вѣроятно, Христіянское имя. Она была въ супружествѣ за графомъ Поату, Вильгельмомъ. Супруга Рольфа, Гизела, не оставила дѣтей.

нежели они требовали сначала. Ріульфъ отвѣчалъ, что они не признаютъ Вильгельма герцогомъ; пусть онъ оставитъ Руанъ и отправится во Францію къ своей роднѣ и друзьямъ, въ противномъ случаѣ они возьмутъ приступомъ городъ и не пощадятъ никого, ни даже самаго герцога. Дрожа отъ страха, Вильгельмъ съ тѣлохранителями и вельможами ушелъ на гору за Руаномъ, откуда можно было видѣть войско бунтовщиковъ. Нашедши ихъ многочисленнѣе своего войска, онъ сказалъ Бернарду Датчанину, главному вождю и совѣтнику своему, чтобы тотъ отправился къ его двоюродному брату, графу Сенлисъ, попросилъ у него помощи и, воротившись съ нею назадъ, истребилъ этихъ бунтовщиковъ до послѣдняго со всѣмъ ихъ родомъ. «До рѣки Эпте я послѣдую за тобою, отвѣчалъ Бернардъ, но не пойду во Францію; я прежде воевалъ тамъ вмѣстѣ съ твоимъ отцемъ и перебилъ много Франковъ; ихъ потомки еще живы и не ласково посмотрятъ на насъ. Не уже ли для тебя лучше вести безполезную жизнь въ презрѣніи, питаясь милостынею, нежели управлять твоею землею и защищать ее? Я и мои товарищи съ тобою не поѣдемъ. Скорѣе мы сядемъ на корабли, отправимся на Сѣверъ и поищемъ себѣ князя и защитника, достойнаго править такимъ герцогствомъ. Женоподобный человѣкъ! Тебѣ не царствовать надъ нами долѣе, потому что боишься смерти отъ руки враговъ.» Эта рѣчь пристыдила и разсердила Вильгельма, однако жь образумила. Онъ объявилъ, что приметъ надъ своими начальство и нападетъ на непріятеля. Триста человѣкъ тотчасъ ударили въ щиты въ знакъ того, что готовы итти съ нимъ на смерть. Мятежники послѣ прежнихъ переговоровъ не ожидали какихъ нибудь сильныхъ мѣръ отъ Вильгельма. Но въ ту минуту, когда всего менѣе ожидали нападенія, Вильгельмъ и Бернардъ Датчанинъ, во главѣ отборнаго войска, бросились съ горы, истребляя на пути все мечемъ и копьемъ, вогнали одинъ отрядъ въ Сену, разсѣяли прочіе, разрушили палатки и одержали рѣшительную побѣду. Такой успѣхъ вмѣстѣ съ прежнимъ происшествіемъ имѣлъ на Вильгельма спасительное вліяніе, пробудивъ усыпленныя въ немъ добрыя и благородныя качества: съ тѣхъ поръ онъ сталъ способнымъ правителемъ и снова пріобрѣлъ любовь и уваженіе Норманновъ.[238] Молва о его значеніи, храбрости и блестящемъ дворѣ собрала вокругъ него

[238] Dudo и Villelmus Gemmet.

множество ратныхъ людей изъ Скандинавіи, Англіи, Ирландіи, Фландріи, Бургундіи, и изо всей остальной Франціи. Герцогъ Лотарингскій, Генрихъ, описывалъ Оттону І-му, королю Германіи и потомъ императору, могущество Нормандскаго герцога: «Никто, говорилъ онъ, не могъ сравняться съ нимъ: онъ окруженъ былъ дворянами и знатными людьми и сверхъ того имѣлъ безчисленное множество подручниковъ и рабовъ, обѣдалъ на золотыхъ блюдахъ и пилъ изъ золотыхъ кубковъ; ни убійства, ни грабежа, ни воровства не случалось въ его землѣ; всѣ жили въ безопасности, мирно и согласно другъ съ другомъ. [239]

Въ исходѣ 942, или въ началѣ 943 года, Вильгельмъ коварно убитъ на островкѣ рѣчки Соммы, не подалеку Пекиньи. Тамъ находился онъ по случаю мирныхъ переговоровъ съ графомъ Фландрскимъ, Арнульфомъ, противъ котораго пособлялъ Герлуину, графу Понтье Виновникомъ убійства былъ графъ Арнульфъ. Единственный сынъ Вильгельма, Ричардъ, былъ 8 лѣтъ по смерти отца. Когда Нормандія осталась безъ правителя, многіе воспользовались этимъ случаемъ, чтобы раздѣлить ее. Внукъ Роберта Сильнаго, Гуго, названный Великимъ, графъ Парижскій и герцогъ Бургундіи и Орлеана, самый сильный и богатый владѣлецъ Франціи, вторгнулся съ войскомъ въ Нормандію. Бретанскіе князья, Аланъ и Беренжеръ, также сочли это время удобнымъ для возвращенія Бретани независимости отъ Нормандіи; каждый старался присвоить себѣ что нибудь изъ великой и прекрасной земли герцога Нормандскаго. И Людовикъ IV, король Французскій, сынъ Карла Простаго, прибылъ въ Руанъ, какъ будто для принятія присяги отъ новаго правительства, но таилъ въ умѣ другіе замыслы, желая присоединить Нормандію къ Французской коронѣ. Этой цѣли онъ старался достигнуть хитростію. Въ такомъ опасномъ положеніи герцогство спасено мужествомъ Норманновъ и добрымъ общимъ расположеніемъ умовъ въ странѣ. Бернардъ Датчанинъ, родоначальникъ графовъ Геркуръ, находился въ главѣ правительства во время несовершеннолѣтія Ричарда. Бретоны побѣждены въ трехъ сраженіяхъ и принуждены снова къ покорности. И Гуго въ разныхъ битвахъ потерялъ много людей, однако жь одержалъ побѣду при Эврё и взялъ этотъ городъ. Грознѣе была опасность, приготовленная Нормандіи скрытностію и лукавствомъ

[239] См. у Сума. I. с. III.

Людовика IV-го. Онъ принятъ былъ дружелюбно гражданами Руана; ожидали, что онъ пойдетъ войною на графа Арнульфа и отомститъ за смерть Вильгельма. Людовикъ торжественно утвердилъ Ричарда во владѣніи герцогствомъ; священною клятвою, положивъ руки на мощи святыхъ, обязался защищать молодаго герцога; обѣщалъ воевать съ графомъ Арнульфомъ; дружескимъ обращеніемъ онъ умѣлъ такъ расположить къ себѣ Норманновъ, что они повѣрили, когда король пожелалъ взять Ричарда ко двору въ Лаонъ, для наученія его всему, что необходимо государю, и для заботливаго воспитанія. Они вручили ему молодаго герцога. Но воротясь въ Лаонъ, Людовикъ заключилъ мирный договоръ съ графомъ Арнульфомъ: этотъ послѣдній напомнилъ королю, сколько вреда Норманны причинили Франціи, совѣтовалъ запереть Ричарда въ крѣпкую тюрьму, обжечь ему пяты, Норманновъ обложить тяжелою податью и всячески притѣснять, чтобы они сочли за лучшее воротиться туда, откуда пришли. Ричарда держали подъ крѣпкою стражею. Въ Нормандіи услышали о томъ и встревожились чрезвычайно. Духовенство учреждало крестные ходы; по всему герцогству служили обѣдни объ освобожденіи младенца-герцога, единственной отрасли мужескаго пола изъ дому Рольфа; народъ толпами стекался въ церкви, пѣли псалмы, подавали милостыню, каждую недѣлю три дня постились; въ Руанѣ не было слышно ни музыки, ни плясокъ, горе поселилось во всѣхъ домахъ. Осмундъ, [240] воспитатель и учитель молодаго герцога, послѣдовавшій за нимъ въ Лаонъ, днемъ и ночью придумывалъ способы къ спасенію своего питомца. По его совѣту, Ричардъ не вставалъ съ постели, притворяясь больнымъ. Однажды при дворѣ былъ какой-то большой праздникъ; въ то время, когда король со всѣми обѣдалъ, и сторожа оставили ребенка, полагая, что онъ уже при смерти, Осмундъ спряталъ его въ вязанку сѣна и переодѣвшись конюхомъ, вынесъ изъ города. Всѣ распоряженія сдѣланы напередъ, лошади были готовы. Ричардъ и Осмундъ убѣжали счастливо. По всей Нормандіи благодарили Бога за освобожденіе герцога.

---

[240] По словамъ Goube, Hist. du duché de Normandie (привод. Деппингомъ), потомки этого Норманна жили еще въ Руанѣ въ исходѣ прошлаго столѣтія.

Но опасность не миновалась. Пробилъ рѣшительный часъ для существованія Нормандіи, когда король Людовикъ, задумавъ уничтожить это герцогство, заключилъ договоръ о раздѣлѣ его съ сильнымъ Гуго Великимъ, возведеннымъ въ герцоги Франціи. Ихъ дѣятельнымъ помощникомъ былъ графъ Фландрскій, Арнульфъ, питавшій непримиримую ненависть къ роду Рольфа и къ Нормандцамъ; по всей Франціи собирали воиновъ. Гуго Великій двинулся съ войскомъ къ Байе: съ другимъ, особливо сильнымъ конницею, король Людовикъ пошелъ къ Руану.

Бернардъ Датчанинъ послалъ нѣсколькихъ вельможъ на Сѣверъ сказать Скандинавамъ о смерти герцога Вильгельма и объ опасности, въ какой находились Норманны во Франціи, и просить, чтобы они пособили своимъ соотечественникамъ. Въ то же время онъ отправилъ другое посольство въ станъ Французскаго короля, велѣлъ засвидѣтельствовать Людовику свое уваженіе и доложить, чтобъ онъ шелъ съ миромъ въ Нормандію и овладѣлъ ею, но не опустошалъ. При личномъ свиданіи съ нимъ онъ представилъ неосторожность, съ какою поступилъ этотъ, отдавши Байе и Кутансъ графу Гуго, который и безъ того уже силенъ и никогда не будетъ вѣренъ королю: эти города—цвѣтъ Нормандіи; самая большая часть лучшихъ воиновъ, до 20,000 числомъ, имѣютъ тамъ свои жилища. Онъ далъ знать королю о желаніи Нормандцевъ лучше присоединиться къ Французской коронѣ, нежели видѣть раздѣленіе страны; они скорѣе хотѣли бы всѣ вмѣстѣ повиноваться королю, нежели порознь его подручнику. Онъ заключилъ свои убѣжденія такими словами: «Но если, не смотря на то, ты не перемѣнишь своихъ намѣреній, мы уйдемъ на Сѣверъ, но вернемся оттуда съ сильнымъ войскомъ и станемъ воевать въ твоемъ государствѣ, какъ было при Рольфѣ; тогда можетъ случиться, что страна не достанется ни тебѣ, ни Гуго.» Людовикъ не думалъ найти у грубаго Норманна такой политики, отъ какой не отказалось бы и новѣйшее время; король ничего столько не желалъ, какъ нераздѣльнаго обладанія всею Нормандіею. Согласясь на представленія Бернарда, онъ велѣлъ извѣстить Гуго, что Нормандцы пожелали остаться подъ властію одного государя; почему приказывалъ герцогу снять осаду Байе и вывести его войска изъ

---

[341] Dudo и Le Romanz de Rou, привод. Деппингомъ.

герцогства. Гуго не считалъ себя сильнымъ для сопротивленія соединеннымъ войскамъ короля и Нормандцевъ; онъ повиновался приказанію и отступилъ, въ жестокой досадѣ на то, что добыча, на которую расчитывалъ, ускользнула изъ его рукъ, и что король одинъ воспользуется плодами похода. Лишивъ короля сильной помощи со стороны Гуго Великаго, раздѣливъ и поссоривъ ихъ, Бернардъ Датчанинъ разсѣялъ между Норманнами слухи, что Французы просили короля выгнать Нормандцевъ и раздѣлить ихъ помѣстья и женъ между его воинами, изъ которыхъ одинъ уже выбралъ владѣнія Бернарда и его красивую хозяйку. Молва разошлась и пробудила подозрѣнія и ненависть Нормандцевъ къ Французамъ; усыпленный долгими дружескими переговорами, Людовикъ между тѣмъ совѣтовался въ Лаонѣ съ графомъ Фландрскимъ, Арнульфомъ, объ устройствѣ дѣлъ въ Нормандіи и раздѣленіи Нормандскихъ ленъ между придворными. Вдругъ прибылъ съ Сѣвера флотъ, состоявшій изъ 60 длинныхъ судовъ, съ отборнымъ войскомъ. Викинги высадились въ устьѣ рѣки Дивъ и, какъ спасители страны, встрѣчены привѣтствіями жителей полуострова Котантена. Со всѣхъ сторонъ Нормандіи стекались ратные люди для соединенія съ Норманнами.[242] Тогда самъ Людовикъ попался въ плѣнъ: его отвели въ Руанъ и освободили не прежде, пока онъ на торжественномъ собраніи далъ клятву не дѣлать впередъ ни какихъ притязаній на Нормандію; въ залогъ этого обѣщанія онъ оставилъ въ рукахъ Норманновъ обоихъ сыновей, Лотаря и Карломана, съ епископами, Соассонскимъ и Бовесскимъ, и множествомъ другихъ Французскихъ подручниковъ. Они остались въ Нормандіи до тѣхъ поръ, когда, спустя нѣсколько времени, собранъ былъ блестящій сеймъ на рѣкѣ Эпте. Тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отецъ Людовика, Карлъ Простой, уступилъ Нормандію дѣду Ричарда, Рольфу, въ 945 году, Французскій король, Людовикъ IV, отдалъ внуку Рольфа, герцогу Ричарду I-му, эту область какъ самостоятельное и независимое государство.[243] Герцоги, графы, высшее духовенство королевства обѣщались клятвенно соблюдать договоръ. Съ другой стороны присягнули въ покорности Ричарду владѣльцы Нормандіи и Бретани.

---

[242] Bened. de St. Maur. Chron., прив. Деппингомъ.

[243] «Richardus nec regi nec duci militat, nec ulli nisi Deo obsequium praestat. Tenet sicuti rex Monarchiam Nortmanniae regionis.» Dudo.

Гуго Великій надѣялся очень усилить могущество своего дома чрезъ тѣсное родство съ Нормандскимъ герцогомъ. Въ такихъ видахъ онъ выдалъ дочь свою, Эмму, за молодаго Ричарда.[244] Этотъ союзъ двухъ великихъ и сильныхъ герцогскихъ домовъ привелъ въ ужасъ Людовика и графа Фландрскаго. Опасаясь совершенной погибели для себя, они видѣли одно спасительное средство въ низложеніи герцога Нормандіи; иначе нельзя было разорвать тѣсный союзъ двухъ сильныхъ домовъ, скрѣпленный узами родства. Но самъ Людовикъ не имѣлъ силъ для предпріятія: онъ обратился къ своему шурину, Оттону Великому, королю Германіи. Этотъ явился, когда Людовикъ уступилъ ему Лотарингію, съ сильнымъ, хорошо вооруженнымъ, войскомъ, для возстановленія королевской власти во Франціи и завоеванія Нормандіи. Король Людовикъ и графъ Фландрскій соединили свои силы съ силами Оттона. Перешедши рѣку Эпте, онъ вторгнулся въ Нормандію и расположился станомъ передъ Руаномъ. Передовой отрядъ Нѣмецкаго войска попалъ въ засаду въ старомъ лѣсу Бигорель и былъ весь истребленъ. Руанъ сопротивлялся упорно, подкрѣпляемый свѣжимъ войскомъ изъ внутренней Нормандіи, приплывавшимъ на лодкахъ по Сенѣ. Между вождями непріятельскаго войска начались несогласія; приближалась зима, дороги становились дурны. Оттонъ Великій послѣ трехмѣсячнаго похода долженъ былъ воротиться, не сдѣлавъ ничего: его отступленіе вполнѣ походило на бѣгство. Норманны преслѣдовали Нѣмцевъ до Амiена.[245]

VI. Спустя немного лѣтъ (въ 954 году), умеръ Людовикъ IV; ему наслѣдовалъ сынъ его, Лотарь. Вскорѣ за Людовикомъ кончилъ жизнь и Гуго Великій, поручивъ на смертномъ одрѣ свою вдову и юнаго сына, Гуго Капета, заботамъ и попеченіямъ Ричарда. Графъ Шартрскій, Теобальдъ, ненавидѣлъ Ричарда и объявилъ ему войну; графу помогалъ король Лотарь, подобно отцу старавшійся силою и коварствомъ низложить Нормандскаго герцога; не менѣе ненавидѣли послѣдняго графы Анжуйскій и Фландрскій. Такъ враги со всѣхъ сторонъ окружили Ричарда; боясь, что не въ состояніи будетъ

[244] Но какъ они еще были дѣти, то бракъ совершенъ 960 года, когда Эмма достигла совершенныхъ лѣтъ.

[245] Dudo и Witichind (De reb. Sax. gest.) и Flodoard, Hist. eccl. Rhem. привод. Деппингомъ.

долго сопротивляться ихъ соединеннымъ силамъ, Ричардъ опять послалъ за помощію въ Скандинавію. Снова явился многочисленный флотъ съ Сѣвера въ 963 году, вошелъ въ Сену и привезъ отборныхъ воиновъ на подмогу ихъ землякамъ. Приплывшіе были язычники, вели войну безъ пощады, какъ Викинги, и свирѣпствовали ужасно въ непріятельской землѣ. Всѣ поспѣшили мириться съ Ричардомъ. Французскіе епископы, собранные на соборъ въ Лаонѣ, послали къ герцогу епископа Шартрскаго съ просьбою о перемиріи. Графъ Теобальдъ пришелъ къ нему лично и, помирившись, возвратилъ захваченный имъ городъ Эврё. Король Лотарь также имѣлъ свиданіе съ Ричардомъ на рѣкѣ Эпте, гдѣ уладились всѣ несогласія. Ричардъ вышелъ изъ опасности съ побѣдой и славой. Но ему трудно было уговорить своихъ Сѣверныхъ соотчичей и родныхъ, чтобы они покинули эту страну: они рѣшились завоевать ее для себя. Богатыми дарами и увѣщаніями Ричардъ наконецъ убѣдилъ ихъ вождей оставить это намѣреніе. За то цѣлые девять дней бунтовало ихъ войско: Норманны не хотѣли слышать о какомъ бы то ни было мирѣ и успокоились не прежде, пока не взяли съ Ричарда обѣщанія указать имъ другую прекрасную и плодоносную страну. Онъ далъ имъ проводниковъ въ Испанію, а флотъ ихъ снабдилъ всѣмъ нужнымъ, особливо свининою и мукою. Часть ихъ, однако жь, осталась и поселилась въ Нормандіи.

Ричардъ [268] оставилъ много сыновей и дочерей; изъ нихъ Эмма была въ супружествѣ сначала за Англійскимъ королемъ, Этельредомъ, потомъ за Канутомъ; другая, Гедвига, за Готтфридомъ, княземъ Булонскимъ; третья, Матильда, за Одономъ, графомъ Шартрскимъ. всѣ онѣ были родоначальницами великихъ семействъ. Такъ Норманнскіе и Французскіе роды смѣшивались одни съ другимъ и наконецъ оба народа слились въ одинъ. Еще при жизни Ричарда его шуринъ, Гуго Капетъ, получилъ съ его помощію корону Франціи, (въ 987 году); онъ отнялъ права на престолъ у Каролинговъ и сталъ родоначальникомъ новаго дома. Съ этого времени оставили Норманновъ въ спокойномъ владѣніи страною; при слѣдующихъ дѣятельныхъ потомкахъ Рольфа могущество и благосостояніе Норман-

---

[268] Не отъ первой жены, Эммы, но отъ второй, Гуноры, прежней его наложницы, красивѣйшей женщины страны, притомъ очень милой и умной, въ

діи достигли высокой степени; это было самое сильное, населенное и лучше всѣхъ управляемое Французское герцогство. Нормандскихъ герцоговъ боялись больше всѣхъ: самъ король уступалъ имъ въ могуществѣ. [247]

Поселеніе Норманновъ во Франціи и основанное ими государство подъ независимымъ управленіемъ сначала не принесли ни какой лучшей пользы для страны, кромѣ той, что Нормандія, занимая значительную часть западныхъ Французскихъ береговъ, стала оплотомъ отъ разореній и гибельной опасности, которой въ прежніе годы подвергалась Франція при частыхъ набѣгахъ и постоянныхъ вторженіяхъ Викинговъ въ ея предѣлы. [248] Эти набѣги еще не совсѣмъ прекратились, но не были больше опасны для Франціи. Норманнскія опустошенія уже не простирались далеко въ окрестности. Рольфъ, желая утвердить и успокоить Нормандію, воевалъ съ однимъ отрядомъ Викинговъ, которые или держались давно на Лоарѣ, или пришли туда вновь съ Сѣвера и разоряли окрестную страну. Они защищались храбро отъ своихъ Христіянскихъ соотчичей, и такъ упорно, что Рольфъ, осаждавшій ихъ цѣлые пять мѣсяцевъ, заключилъ съ ними миръ и позволилъ имъ поселиться въ Бретани. Въ слѣдующіе годы новыя полчища Викинговъ ѣздили также по Лоарѣ, другія по Гароннѣ, опустошали Поату и Гвіену, и проникли до Бургундіи и Оверни. Но они не могли укрѣпиться нигдѣ, потому что были въ незначительныхъ силахъ; имъ сопротивлялись, ихъ побѣждали: они удалились въ другія страны, или смѣшались съ своими земляками въ Нормандіи. Тогда Испанія стала цѣлію ихъ набѣговъ: берега Галиціи, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, были посѣщены Викингами: они разсѣвали ужасъ и опустошеніе, грабили, брали въ плѣнъ; между тѣмъ, въ 964 году, Норманнское войско, помогавшее герцогу Ричарду, направляясь изъ Франціи въ Испанію, также вы-

---

знатной Норманнской фамиліи. Сверхъ того онъ имѣлъ многихъ дѣтей отъ разныхъ другихъ наложницъ: изъ этихъ дѣтей два сына были одинъ послѣ другаго графы Э, и ихъ потомки владѣли этимъ графствомъ еще въ XII вѣкѣ.

[247] Dudo, Villelm. Gem., Order. Vit., Le Romanz de Rou, привод. Деппингомъ.

[248] То обстоятельство, что Бретань подчинена была герцогу Нормандскому, Французскіе лѣтописцы считаютъ счастіемъ для Анжу и Поату, которыя избавились чрезъ это отъ прежнихъ вторженій безпокойныхъ Бретоновъ.

садилось въ Галиціи, взяло и ограбило 18 городовъ, разбило многочисленное войско Испанцевъ. Норманны, три дня обыскивавшіе убитыхъ на полѣ сраженія, чтобы ограбить ихъ, нашли между ними много черныхъ людей (Blâmän).[249] Они долго опустошали Галицію огнемъ и мечемъ и совершили много жестокостей; наконецъ епископъ Компостельскій, свят. Розендъ, собравши войско, успѣлъ въ большомъ сраженіи побѣдить ихъ и прогнать на суда. Въ 969 году прибылъ въ Испанію новый флотъ, состоящій изъ ста судовъ. Жители Галиціи отнесли всѣ свои драгоцѣнности для сохраненія въ Компостеллу. Норманны пошли къ этому богатому, хорошо укрѣпленному, городу. Епископъ Сизенандъ собралъ всѣхъ способныхъ носить оружіе людей изъ Галиціи, пошелъ на встрѣчу непріятелю и напалъ на него. Епископъ былъ разбитъ и самъ палъ въ сраженіи. Норманны ограбили много городовъ; другіе, во избѣжаніе грабежа, откупались отъ нихъ данью. Проникнувъ въ глубину страны, они уже помышляли о возвратномъ пути для отнесенія въ надежное мѣсто огромной добычи; къ тому же понуждала ихъ молва, что противъ нихъ собирается сильное войско. Молва оправдалась: на возвратномъ пути, неподалеку отъ гавани, въ которой находился ихъ флотъ, нечаянно напало на нихъ все Испанское войско: отягощенные добычею, они были побѣждены въ жестокомъ бою и разбиты совершенно, уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ, всѣ ихъ суда сожжены.[250]

---

[249] Dudo l. c. Это служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ извѣстій, встрѣчающихся въ сагахъ, о битвахъ Скандинавовъ съ Blâmän; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, отвезены рабами на Сѣверъ, потому что, какъ видно изъ сагъ, и тамъ были Blâmän. Очень вѣроятно, что много Негровъ и Эѳіоплянъ явилось въ Испанію съ Сарацинами или Арабами; кромѣ того, Скандинавы, въ своихъ дальнихъ походахъ, встрѣчали ихъ на Африканскомъ берегу. Но мало вѣроятно, чтобы Викинги посѣщали собственно землю «Bläland» или Эѳіопію.

[250] Rodericus Toletanus, Hist. Arabum, и Ferreras, Gesch. v. Spanien. Ср. Werlauff. l. c.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВТОРЖЕНІЯ НОРМАННОВЪ ВЪ БРИТАНІЮ ВЪ X И ВЪ НАЧАЛѢ XI СТОЛѢТІЯХЪ.

I. Не только Испанія, но и берега Бельгіи, Голландіи, Фрисландіи и Шотландіи были отъ времени до времени посѣщаемы разъѣзжавшими вездѣ Викингами; между тѣмъ ихъ многочисленные флоты плавали частію въ Нормандію, частію въ Англію, Ирландію и на окрестные острова, для помощи поселившимся тамъ Скандинавамъ и для поддержанія ихъ во владѣніи покоренными странами. Борьба завоевателей Норманновъ съ туземными жителями въ этихъ странахъ продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ въ теченіе всего X-го столѣтія. Многіе Ирландскіе малые короли вели постоянныя войны другъ съ другомъ и рѣдко сражались соединенными силами съ Скандинавскими притѣснителями, захватившими нѣкоторые приморскіе города, гавани и отчасти внутренность острова. Эти междоусобія пособили Норманнамъ укрѣпиться въ завоеванныхъ странахъ; иногда въ союзѣ, иногда въ войнахъ съ Ирландцами, они продолжали владѣть Дублиномъ, Ватерфордомъ, Лимерикомъ и Коркомъ, какъ главными мѣстами ихъ власти. Напротивъ, въ Англіи ближайшіе преемники Альфреда шли по слѣдамъ своего великаго предшественника, заботились о флотѣ, вездѣ строили крѣпости и башни и утвердивъ власть надъ Мерсіею и малыми королями Валлиса, стали сильнѣе всѣхъ прежнихъ королей Англіи. При такомъ могуществѣ они не безъ успѣха вели постоянно войну съ Сѣверными королями Нортумберландіи, Остъ-Англіи и Эссекса. Имъ удалось мало по малу захватить одно за другимъ владѣнія Норманновъ, которыхъ владычество въ Англіи, казалось, слабѣло болѣе и болѣе. Причиною были ихъ междоусобія и внутренніе раздоры, при томъ они слишкомъ далеко распространились, раздѣлясь на небольшіе отряды подъ властію особенныхъ вождей, не всегда ладившихъ между собою; сверхъ того Англичане изучили и усвоили военную тактику Норманновъ, а эти послѣдніе, въ долгое время

ихъ пребыванія въ изобильной странѣ, много утратили воинственности при новомъ образѣ жизни и ежедневномъ обхожденіи съ туземцами, и болѣе полюбили миръ. Отъ того-то уже при Эдуардѣ I-мъ, сынѣ и преемникахъ Альфреда, покорились Англійскимъ королямъ Остъ-Англія и Эссексъ съ частію Мерсіи, обитаемой Норманнами. Послѣ Эдуарда взошелъ на престолъ Англіи, въ 924 году, его старшій сынъ, Ательстанъ, Адальстенъ Сѣверныхъ сагъ, дѣятельный и храбрый государь. Онъ подчинилъ своей власти Нортумберландію и такъ успѣшно воевалъ съ королемъ Шотландскимъ, Константиномъ, что принудилъ его просить мира и отдать въ заложники своего сына. Возраставшее могущество Ательстана возбудило нѣкоторыя опасенія въ Норманнахъ. Онъ пособлялъ своему пріемышу, Гакану Гаральдсону, возвратить отцовское королевство Норвегію; [251] съ его помощію племянникъ его

[251] Ательстанъ отправилъ съ посольствомъ драгоцѣнный мечъ къ Норвежскому королю, Гаральду Гарфагеру. Посолъ поднесъ ему этотъ подарокъ съ такими словами: «Этотъ мечъ посылаетъ тебѣ Ательстанъ и желаетъ, чтобы ты принялъ его.» Гаральдъ взялъ мечъ за рукоять. «Ты принялъ подарокъ, продолжалъ посолъ, и исполнилъ желаніе нашего короля: теперь, взявши его мечъ, ты долженъ быть его слугою и подручникомъ.» Эти слова удивили Гаральда и напомнили ему тогдашній обычай, что всѣ, поступившіе на службу къ феодальному господину, въ знакъ вѣрности, клали руку на эфесъ меча. Онъ очень сердился, однако жь отпустилъ пословъ безъ всякаго вреда. У Гаральда былъ маленькій сынъ, котораго родила ему, уже старику, его наложница, Тора Морстенстангъ. На другой годъ послѣ Ательстанова посольства, онъ отдалъ этого малютку своему подручнику, Гауку Габроку, бывалому во многихъ опасныхъ положеніяхъ, и велѣлъ ѣхать въ Англію, научивъ его, что ему дѣлать въ этой странѣ. Король Ательстанъ былъ въ Лондонѣ и давалъ великій пиръ въ то время, когда пришли къ нему Норвежскіе послы. Гаукъ Габрокъ вошелъ въ королевскую залу въ сопровожденіи 30 воиновъ; всѣ они держали въ лѣвой рукѣ щиты, которыми прикрывались эфесы обнаженныхъ мечей, спрятанныхъ у нихъ подъ плащами. Воины остановились у стола, а Гаукъ подошелъ къ королю и привѣтствовалъ его. Король отвѣчалъ такимъ же привѣтствіемъ. Гаукъ взялъ малютку Гакона и посадилъ его къ королю на колѣни. Король посмотрѣлъ на дитя и спросилъ Гаука, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это? «Гаральдъ, отвѣчалъ Гаукъ, проситъ тебя воспитать его побочнаго сына.» Въ то время воспитатели чужихъ дѣтей почитались ниже тѣхъ лицъ, которыя поручали имъ воспитаніе. Ательстанъ въ гнѣвѣ схватилъ свой мечъ, стоявшій возлѣ него, обнажилъ и готовъ былъ заколоть ребенка. Но Гаукъ сказалъ: «Ты держалъ его на колѣнях, государь; можешь заколоть его, если хочешь, но не перебьешь всѣхъ сыновей короля Гаральда.» Сказавъ это, онъ вышелъ съ своею свитою, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Норвегію. Въ тѣ времена дѣти, поса-

по сестрѣ, Людовикъ IV, вступилъ на Французскій престолъ: онъ находился также въ дружескихъ сношеніяхъ съ Вильгельмомъ, герцогомъ Нормандіи. Съ паденіемъ Норманнскаго господства въ Англіи, всего можно было опасаться отъ Ательстана. Такая же судьба грозила не только Нормандскимъ владѣніямъ въ Шотландіи, Ирландіи и на островахъ, даже ихъ морскіе набѣги встрѣчали болѣе препятствій, и они не безъ причины опасались за свою славу и выгоды.

II. Въ это время въ Дублинѣ царствовалъ король, называемый въ Англійскихъ лѣтописяхъ Анлафомъ, «языческій обладатель Ирландіи и многихъ острововъ», [252] тотъ самый, котораго Сѣверныя саги называютъ «Олофъ Рёде, могущественный мужъ, храбрый вождь варваровъ,» [253] происходившій по матери отъ Рагнара Лодброка. [254] Этотъ Олофъ, исповѣдовавшій еще языческую вѣру своихъ отцевъ, съ безпокойствомъ слѣдилъ за Ательстаномъ, покорявшимъ Норманнскія государства въ Англіи, и чтобы отнять ихъ у него, заключилъ союзъ съ своимъ зятемъ, королемъ Шотландіи, Константиномъ, а этого

женныя къ какому нибудь семьянину на колѣни, считались принадлежащими къ его семейству: онъ принималъ на себя обязанность ихъ воспитанія. Этотъ долгъ исполнялся тогда свято и добросовѣстно, и Ательстанъ, не смотря на иронію, съ какою Гаконъ поступилъ къ нему въ воспитанники, однако жь воспиталъ его, какъ роднаго сына, велѣлъ учить Христіянскому закону, наблюдалъ въ добрыхъ нравахъ, училъ всѣмъ извѣстнымъ гимнастическимъ упражненіямъ и любилъ его больше всѣхъ родныхъ. Получивъ такое воспитаніе, Гаконъ сталъ прекраснымъ, ко всему способнымъ, человѣкомъ, ростъ имѣлъ выше обыкновеннаго; въ Скандинавскихъ сагахъ, на пр., въ сагѣ про Гаральда Гарфагера, онъ называется питомцемъ Ательстана. Не получивъ никакого наслѣдства послѣ отца въ Норвегіи, спустя нѣсколько времени по смерти Гаральда Гарфагера, онъ пріѣхалъ въ эту страну. Ательстанъ снабдилъ его войскомъ и хорошими военными кораблями. Онъ прибылъ въ Тронгемъ, нашелъ тамъ первыхъ приверженцевъ, частію по чрезвычайному сходству съ отцемъ, такъ что жители думали видѣть передъ собою покойнаго Гаральда, частію по тому, что обѣщалъ имъ больше свободы. Примѣру Тронгема, тогда главнаго мѣста Норвегіи, послѣдовала и вся страна. Эрикъ Блодиха (кровавая сѣкира) принужденъ бѣжать; Гаконъ избранъ въ короли. Онъ царствовалъ прекрасно, но послѣ долженъ былъ воевать съ сыновьями изгнаннаго Эрика, которые, съ помощію Датскаго короля, Гаральда Блаатанда, явились къ Норвегію и завоевали ее. Ср. des Verfassers Gesch. des Schwed. Volkes. Th. 1, S. 324 ff.

[252] «Hiberniensium multarumque insularum paganus Rex Anlafus.» Flor. Wigorn., Matt. Westm. и многіе другіе.

[253] «Barkarorum dux strenuissimus.» Hist. Rames.

[254] Eigils saga.

жестоко огорчала прежняя несчастная война съ Ательстаномъ, и онъ старался уничтожить его могущество. Олофъ переправился въ Англію съ флотомъ изъ 615 судовъ; его войско состояло изъ Датчанъ и Норвежцевъ, жителей Оркадскихъ острововъ и сѣверныхъ Викинговъ: [255] всѣ они соединились для великаго похода въ Англію; въ рѣкѣ Эмберъ высадилось сильное войско: тогда пристали къ нему всѣ Англійскіе Норманны, пламенно желавшіе имѣть своего собственнаго короля. Альфгейръ и Гудрекъ, ярлы Ательстана, правители Нортумберландіи, собрали войско для удержанія вторженія Олофа. Онъ разбилъ ихъ и покорилъ страну. Слухъ о его побѣдѣ и завоеваніяхъ разнесся быстро и заставилъ перейти подъ его знамена ярловъ Бретоніи, именно Гринга и Адильса, со многими другими сильными людьми. [256] Изъ Шотландіи пришелъ и Константинъ, съ войскомъ изъ Пиктовъ и Скоттовъ; другое войско явилось изъ Кумберланда, и всѣ присоединились къ Ирландскому королю и его Норманнскому войску на гибель Ательстану и уничтоженіе его усилившейся власти. Противъ союза такого множества могучихъ враговъ онъ собралъ всѣ силы своей страны. Лучшую часть ихъ составляли Вестъ-Саксы, Мерсійцы и Скандинавскіе Норманны, потому что кромѣ жителей Нортумберландіи и Остъ-Англіи, державшихъ сторону Англійскаго короля, онъ принялъ къ себѣ въ службу многихъ вождей Викинговъ съ ихъ полками; они искали дѣла и войны и стали подъ знамена великаго и извѣстнаго государя, гдѣ легко было получать почести, славу и щедрые подарки. Между прочими два храбрые Исландца, братья Торольфъ и Эйгиль, сыновья Скалагрима, долго ѣздившіе и пытавшіе свою силу въ морскихъ набѣгахъ, отправились наконецъ въ Англію и поступили въ службу къ Ательстану съ 300 Викинговъ. Они были великіе вожди и Ательстанъ сдѣлалъ ихъ полководцами войска, собраннаго въ сѣверной части страны, а самъ спѣшилъ на югъ для набора еще больше людей и умноженія своихъ силъ. Эйгиль и Торольфъ разбили станъ на равнинѣ и, для удержанія Ирландскаго короля отъ грабежей въ странѣ, послали сказать ему, что Ательстанъ отдаетъ ему на волю об-

[255] «Fera barbaries Aquilonis.»—«Infinita multitudo Danorum, Norreganorum, Scotorum ac Pictorum, Orcadenses et Cumbri, Danique de Northumbria et Norfolchia.» Ingulphus et Wilhelm. Malmesb.

[256] Eigils saga.

нести орѣшинами мѣсто для поединка [257] близъ винограднаго лѣса. Кто первый явится туда, долженъ дожидаться противника цѣлую недѣлю: побѣдившему достанется вся Англія. По предписанію древняго Сѣвернаго обычая, если боевое мѣсто будетъ такимъ образомъ назначено, никто изъ соперниковъ, не навлекая на себя позора, не смѣетъ опустошать страну до начала поединка. Казалось, что Олофъ былъ не прочь отъ того, переговоры шли своимъ порядкомъ, пустая болтовня занимала Ирландскаго короля до тѣхъ поръ, пока не пришелъ Ательстанъ съ превосходнымъ въ числѣ войскомъ. Тогда переговоры кончились: Ательстанъ не принялъ никакихъ мирныхъ условій, предлагая только одно, чтобы Олофъ удалился изъ его страны, возвратилъ набранную добычу, подчинился ему, какъ подвластный король, и чтобы впередъ никто изъ нихъ не начиналъ войны съ другимъ. [258] Для разузнанія положенія Олофъ, всегда отважный и дерзкій, переодѣвшись арфистомъ, пошелъ въ непріятельскій станъ. Ательстанъ съ гостями сидѣлъ за столомъ. Незнакомецъ потѣшалъ ихъ музыкою и пѣніемъ. Они дали ему денегъ, которыя, однако жь, онъ бросилъ незамѣтно для гостей. Но это видѣлъ одинъ изъ слугъ Ательстана, служившій прежде у Олофа и наблюдавшій за всѣми его движеніями. Когда Олофъ ушелъ, слуга разсказалъ все Ательстану. Этотъ спросилъ его, почему онъ не сказалъ о томъ при Олофѣ. «Я недавно принялъ присягу въ вѣрности тебѣ, отвѣчалъ слуга, но прежде присягалъ я также и Олофу, и если бъ измѣнилъ ему, ты могъ бы заключить, что я и съ тобою поступлю также.» Онъ совѣтовалъ королю передвинуть его отрядъ и разбить станъ въ другомъ мѣстѣ, пока соберется все войско. Онъ зналъ, что Олофъ, молодой человѣкъ, не привыкъ терять время даромъ. Ательстанъ послушался совѣта и вскорѣ узналъ его пользу. На другую ночь Олофъ напалъ на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ шатеръ Ательстана. Съ вечера, передъ нападеніемъ, помѣстился тамъ Верстанъ, епископъ Ширбурнскій, изъ Дорсетскаго графства, не зная ничего о случившемся: онъ палъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. [259]

---

[257] Hassia vall. Ср. прим. 148

[258] Eigils saga. Эта сага извѣстной исторической достовѣрности и одна изъ лучшихъ древнихъ сагъ. Срав., впрочемъ, Fornnordiska Minnen (древніе Сѣв. памятники) A. Cronholm, Th. I., гдѣ очень хорошая критика Англо-Саксонскихъ лѣтописей, сличенныхъ съ Сѣверными сагами о походахъ Скандинавовъ въ Англію и поселеніи ихъ тамъ.

[259] Wilh. v. Malmesbury.

На разсвѣтѣ того же утра, 28 іюня, 937 года, Олофъ, не отдыхая, двинулся со всѣми силами на Англо-Саксонское войско, расположившееся за милю отъ него станомъ. Онъ шелъ такъ поспѣшно, что Англичане едва имѣли время вооружиться и построиться въ боевой порядокъ. Съ одного крыла они прикрыты были рѣкою, съ другаго—лѣсомъ. Самъ Ательстанъ начальствовалъ Вестъ-Саксами, которые составляли отдѣльный отрядъ Англійскаго войска, занимая открытое поле вблизи рѣки. Противъ него выстроился Олофъ съ Норманнами. Константинъ съ Шотландцами, Пиктами, Кумбрами и Оркадскими островитянами расположился въ сторонѣ, обращенной къ лѣсу, противъ Мерсійскихъ и Лондонскихъ войскъ, составлявшихъ другой отрядъ Англійскаго войска подъ начальствомъ Туркейля, канцлера Ательстанова. Послѣдовавшее сраженіе—оно было при Брунанбургѣ въ Нортумберландіи—Англійскія лѣтописи называютъ великимъ и кровопролитнымъ, какого до тѣхъ поръ никогда не бывало на островѣ: [260] оно продолжалось съ утра до вечера. Норманны сражались съ Норманнами: это обстоятельство было причиною упорности и жестокости боя. Послѣ того, какъ употреблены были въ дѣло стрѣлы и дротики, войска сошлись и началась настоящая битва. Сражались челомъ къ челу, щитъ ударялся о щитъ, мечъ о мечъ, копье о копье. На сторонѣ Шотландцевъ и Норманновъ пало пять королей и семь ярловъ, [261] и Ательстанъ потерялъ много знатныхъ людей, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, двухъ альтерманновъ и двухъ принцевъ, Эльвина и Этельвина, сыновей его дяди, Этельварда. На обѣихъ сторонахъ лежало безчисленное множество убитыхъ. Прежде всего растроенъ былъ боевой строй Оркадскихъ островитянъ и Пиктовъ, потомъ Шотландцевъ и Кумбровъ, наконецъ

---

[260] «Proelium proeliorum maximum.» — «Tantumque sanguinis, quantum catenus in Anglia nullo in bello fusum est, fuderunt.»—«Crudelissimum commissum est bellum et longe prae ceteris saevissimum, vel antiquorum scriptis traditum, sive praesentium memoria commendatum.» — «Unde et vulgo usque ad praesens bellum praenominatur magnum.» Этотъ и подобные отзывы, встрѣчающіеся въ Англо-Саксонскихъ лѣтописяхъ объ этой битвѣ, см. у Лангебека, гдѣ приведено и старинное Англо-Саксонское стихотвореніе съ другимъ Латинскимъ, въ которыхъ воспѣта эта великая битва; оба они, должно быть, написаны современными поэтами.

[261] Такъ Англо-Саксонское стихотвореніе и нѣкоторыя другія считаютъ 13 падшихъ ярловъ, а нѣкоторыя 9-ть.

и Ирландецъ Олофъ съ своими Норманнами принужденъ отступить и бѣжать на суда. Ательстанъ одержалъ совершенную побѣду. [262] Немало пособило ему то обстоятельство, что Олофъ и его войско, уставшее отъ ночнаго боя въ епископомъ Верстаномъ, также и отъ скораго марша, пришло въ безпорядкѣ на поле битвы. Ательстанъ много также обязанъ побѣдою Норманнамъ, сражавшимся на его сторонѣ, особливо Торольфу и Эйгилю. Они сражались очень храбро и покрыли себя великою славою. Торольфъ съ своими Норманнами и отрядомъ, которымъ начальствовалъ, двинулся для нападенія въ тылъ непріятелю; для того онъ пошелъ по опушкѣ лѣса, велѣвъ людямъ лѣваго крыла прикрыться щитами, и обнажилъ такимъ образомъ правый, обращенный къ лѣсу; въ ту же минуту бросился изъ лѣса Бретонскій ярлъ, Адильсъ, стоявшій въ засадѣ съ своимъ отрядомъ и напалъ на открытое крыло Торольфа. [263] Торольфъ палъ, пораженный дротиками; его знаменоносецъ бѣжалъ. Шотландцы подняли побѣдный крикъ, какъ обыкновенно дѣлали при паденіи непріятельскаго вождя. Эйгиль слышалъ эти крики; принявъ начальство надъ братнинымъ отрядомъ и снова построивъ его, онъ бросился на непріятеля. Сильно размахивая острымъ мечемъ надромъ, добытымъ въ Курляндіи, онъ рубилъ по всѣмъ сторонамъ и погубилъ многихъ. Бой завязался жестокій. Эйгиль и Адильсъ сошлись; послѣдній, обмѣнявшись нѣсколькими ударами, палъ; его Норманны бѣжали; Викинги въ свою очередь подняли крикъ побѣды. Эйгиль преслѣдовалъ бѣгущихъ и никому не давалъ пощады. Когда же и Шотландцы уступили поле сраженія, онъ ударилъ въ тылъ королю Олофу. Норманны Олофа поколебались. Замѣтивъ это, Ательстанъ ободрилъ своихъ, подвинулъ дальше впередъ свое знамя и Вестъ-Саксы напали на непріятеля съ такою силою, что онъ отступилъ съ великимъ урономъ. [264] Эйгиль долго преслѣдовалъ бѣгущихъ и убилъ многихъ, потомъ воротился и отыскалъ трупъ падшаго брата. Велѣвъ построить огромный костеръ, онъ положилъ на него Торольфа въ полномъ вооруженіи, надѣлъ ему на каждую руку по золо-

---

[262] Chron. Sax., Flor. Wig., Ethelwerdus, Matthaeus Westm. Ingulphus, Simeon Dunelm.

[263] Это значитъ «въ тылъ или въ бокъ, гдѣ они не были прикрыты щитами.

[264] Eigils saga.

тому кольцу и пѣлъ въ память убитаго пѣсьню. Послѣ того пошелъ искать Ательстана. Этотъ сидѣлъ въ королевской залѣ и пилъ съ своими подручниками. Подошедши, Эйгиль привѣтствовалъ короля. Въ знакъ почести отвели ему мѣсто на нижней лавкѣ, противъ Ательстана, самое почетное послѣ королевскаго. Эйгиль сѣлъ мрачный и задумчивый; у него были большіе глаза, густыя брови, широкій лобъ, рыжеватые густые волосы, толстая шея и крѣпкія плечи, ростъ имѣлъ исполинскій; онъ сидѣлъ въ шлемѣ съ мечемъ на колѣняхъ, то обнажалъ, то опять вкладывалъ въ ножны; казался сердитымъ и мрачнымъ, нахмуривалъ брови и снова поднималъ ихъ, толкалъ ногою щитъ, лежавшій впереди, и не хотѣлъ пить. Противъ него сидѣлъ Ательстанъ и наблюдалъ за движеніями Исландца. Такъ сидѣли они нѣсколько времени; потомъ король обнажилъ мечъ и снявъ съ руки большой золотой перстень, надѣлъ его на острее, сошелъ съ престола и черезъ огонь подалъ перстень Эйгилю. Исландецъ также всталъ съ мѣста и принялъ мечемъ подарокъ. Оба опять усѣлись; Эйгиль надѣлъ перстень на палецъ, потомъ взялъ рогъ и выпилъ его до дна; владѣя поэтическимъ дарованіемъ, онъ тутъ же сочинилъ пѣсьню, выражавшую его печаль о падшемъ братѣ и утѣшеніе, которое принесъ ему королевской подарокъ. Король велѣлъ подать два сундука, наполненные серебромъ, такіе большіе и тяжелые, что каждый едва могли тащить двое людей: это серебро, по волѣ Ательстана, назначалось для отца и родныхъ Эйгиля въ примирительный даръ за погибель Торольфа. Самому Эйгилю король предложилъ много разнаго имущества, много отличій и достоинствъ, если онъ останется въ его службѣ и поселится въ Англіи. Эйгиль благодарилъ короля, пробылъ у него всю зиму съ своими и братниными воинами и пользовался великимъ почетомъ. Сочинивъ пѣсьню въ честь Ательстана, онъ, въ награду за то, получилъ два золотые перстня, вѣсомъ по фунту каждый, съ дорогимъ плащемъ съ королевскаго плеча. Но съ наступленіемъ весны воротился въ Исландію.[965] Вскорѣ потомъ Ательстанъ умеръ въ 940 году. Ему послѣдовалъ братъ его, Эдмундъ, осьмнадцатилѣтній юноша.

При немъ сильный Олофъ воротился изъ Дублина съ большимъ войскомъ, снова высадился въ Нортумберландіи, взялъ много мѣстъ,

---

[965] Eigils saga.

овладѣлъ Юркомъ и, ворвавшись въ южную Англію, имѣлъ виды на покореніе всего государства. Однако жь архіепископы, Іоркскій и Кентерберійскій, успѣли примирить обоихъ враждовавшихъ королей на томъ условіи, что Олофъ будетъ королемъ сѣверной Англіи, а Эдмундъ южной; кто изъ нихъ переживетъ другаго, долженъ наслѣдовать государство умершаго и быть единодержавнымъ королемъ всей Англіи. Въ слѣдующемъ году Олофъ умеръ. Другой Олофъ, сынъ Сигтригга (Анлафъ или Аулафъ, сынъ Сигтрикка) и Регинальдъ, сынъ Гутреда (или Гутферта), объявили себя королями Нортумберландіи. Но Эдмундъ разбилъ ихъ обоихъ въ 944 году, выгналъ изъ страны и овладѣлъ всею Англіею. Олофъ Сигтриггсонъ приходилъ и въ другой разъ, но былъ прогнанъ опять. Такъ на время пало владычество Норманновъ въ Англіи. Король Эдгаръ, сынъ Эдмунда, держалъ флотъ изъ 4000 судовъ, который высылалъ ежегодно для защиты береговъ, такъ что одни корабли прикрывали отъ Викинговъ западные берега, другіе восточные, прочіе южные и сѣверные предѣлы Англіи. Этотъ Эдгаръ имѣлъ въ Честерѣ свиданіе съ королями Шотландіи, Валлиса, Кумберланда и острововъ; всѣ они согласились жить въ мирѣ и дружбѣ съ нимъ; при этомъ-то случаѣ, по заключеніи мира, происходило славное въ Англійскихъ лѣтописяхъ катанье по рѣкѣ. Эдгаръ велѣлъ грести восьми королямъ, а самъ правилъ рулемъ. Въ своихъ грамотахъ онъ называлъ себя государемъ Англіи и островныхъ и морскихъ королей. Но хотя Норманны не имѣли больше независимаго государства подъ властію собственныхъ королей, они продолжали, однако жь, составлять довольно значительную часть населенія Англіи. Уже въ первой половинѣ X вѣка нѣкоторыя области, особливо Нортумберландія, до того были наполнены поселенцами-Скандинавами, что всѣ тамошніе жители, по словамъ одной Исландской саги, [266] по отцу, или матери происходили отъ Скандинавовъ; даже многіе были совершенно Норманнскаго происхожденія. При Ательстанѣ число Норманновъ очень умножилось, благодаря его повелѣнію, чтобы каждый зажиточный домъ въ Англіи содержалъ одного Норманна, который за то обязывался слѣдовать за королемъ во всѣхъ его походахъ. Ательстанъ любилъ Норманновъ за храбрость, которой обязанъ былъ большею частію своихъ успѣховъ; поселившіеся

[266] Eigils saga.

въ Англіи Норманны были такъ многочисленны и такъ сроднились съ государствомъ, что не для чего было изгонять ихъ; отъ того онъ обходился съ ними ласково и надѣялся, что со временемъ они сольются съ Англо-Саксами въ одинъ народъ. Король Эдгаръ слѣдовалъ примѣру дяди и даже дозволялъ имъ сохранять ихъ вѣру и особенно обычаи; потому-то при немъ такое множество Норманновъ стекалось въ Англію, такъ что едва ли оставалось какое нибудь мѣстечко, гдѣ бы не жили эти чужеземцы вмѣстѣ съ коренными жителями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользовались противъ нихъ большею свободою: тогда какъ Англо-Саксы обязывались къ покорности постановленіямъ, которыя король и мудрые люди находили полезнымъ прибавлять къ числу прежнихъ узаконеній, Норманнамъ дозволялось жить по тѣмъ законамъ, которые найдутъ лучшими. [267] Это приносило Англіи миръ и значеніе, пока она управляема была способными, дѣятельными государями. Но при другихъ обстоятельствахъ это способствовало успѣхамъ набѣговъ, которые Норманны возобновили на Англію, и совершенному покоренію государства Датскими королями, Свеномъ Твескеггомъ и Канутомъ Великимъ.

III. По смерти Эдгара, въ 975 году, во время возникшихъ междоусобій въ Англіи, флотъ запущенъ и пришелъ въ упадокъ; притомъ въ 979 году, въ младшемъ сынѣ Эдгара, Этельредѣ, явился на престолѣ Англіи государь, равно неспособный въ военное и мирное время, и Англія стала опять цѣлію набѣговъ и опустошеній Сѣверныхъ Викинговъ. Они приставали у всѣхъ береговъ, разоряли, грабили страну, обыкновенно разбивали высланныя на нихъ войска, брали приступомъ и покоряли города и разошлись далеко по странѣ, тѣмъ успѣшнѣе, что къ нимъ переходили многіе ихъ тамошніе земляки, особливо въ Нортумберландіи, гдѣ наибольшее число жителей было Скандинавскаго происхожденія; сверхъ того тамъ питали сильное неудовольствіе на короля. Въ крайней нуждѣ Этельредъ, въ 991 году, долженъ былъ купить миръ у Викинговъ за 10,000 фунтовъ серебра. Это первый налогъ, которымъ обложена вся Англія, платимый Норманнамъ, подъ названіемъ Denegeld (денежный взносъ Датчанамъ). Въ послѣдствіи онъ не только повторялся четыре раза, но и былъ умноженъ, потому что постоянно приходили новые Викинги

[267] Wilkius, Leges Angl. Sax.

и каждый разъ дальше и дальше распространялись въ странѣ. [268] Наконецъ Этельредъ, для подкрѣпленія себя, искалъ союза съ Ричардомъ II-мъ, герцогомъ Нормандскимъ, всегда страшнымъ для Франціи. Для того онъ воспользовался смертію первой жены и отправилъ посольство на твердую землю за сватаньемъ для себя сестры герцога, Эммы, названной, по красотѣ, «алмазомъ и цвѣткомъ Нормандіи.» Послѣ брака съ нею, въ 1002 году, по совѣту своихъ вождей и добрыхъ подручниковъ, онъ придумалъ способъ «истребленія всѣхъ живущихъ въ Англіи Норманновъ, появившихся на островѣ, подобно плевеламъ среди пшеницы,» [269] лишить Сѣверныхъ Скандинавовъ главной опоры и отучить ихъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на Англію. Для того посланы тайныя приказанія во всѣ Англійскія области, чтобы въ назначенный день св. Брикція, 13-го ноября, 1003-го года, убивали всѣхъ Сѣвернаго племена людей безъ различія званія, пола и возраста, какъ постоянно тамъ живущихъ, такъ и находящихся по какому бы то ни было случаю; тотъ же самый день выбрали для всеобщаго оружейнаго смотра, когда, по древнему закону, всѣ Норманны и Англо-Саксы обязывались отдавать свое оружіе посланнымъ для того лицамъ. Этотъ смотръ приходился

---

[268] Такъ Этельредъ купилъ у нихъ миръ въ 994 году за 16,000, въ 1002 за 24,000, въ 1007 за 36,000, въ 1012 за 48,000 фунтовъ; въ 1014 было выплачено Датскому войску 30,000 фунтовъ, и въ 1017, по покореніи государства Канутомъ Великимъ, 72,000; сверхъ того граждане Лондона 11 или 15 т. фунтовъ. Тѣмъ объясняется множество Англійскихъ денегъ, открытыхъ въ Скандинавіи и между ними болѣе $^2/_3$ временъ короля Этельреда, выбитыхъ съ 979 по 1016 годы; меньше найдено монеты временъ Канута, хотя онъ былъ Датскимъ королемъ и тогда велись частыя сношенія между Англіею и Сѣверомъ. «Датскія деньги, Danegeld», платимыя съ 991 по 1014 годы Норманнамъ за миръ, собирались и послѣ, въ царствованіе Датскихъ королей въ Англіи (съ 1017 по 1042 годы), на содержаніе Датскаго войска, да и по сверженіи иноземнаго ига въ Англіи продолжала существовать эта подать. Для народа она была ненавистна; думали, что ее установилъ самъ дьяволъ. Король Эдуардъ Исповѣдникъ (съ 1042 по 1066) увѣрялъ, что видѣлъ самъ, какъ дьяволъ «собственною персоною» плясалъ и потѣшался на огромной кучѣ «Датскихъ денегъ». Король до того перепугался, что отмѣнилъ эту подать. Тѣмъ не менѣе, однако жъ, принуждены снова ввести ее. Срав. Hallenberg, Anmerk. zu Lagerbrinks Gesch. d. Schwed. Volk. I.

[269] По собственнымъ словамъ Этельреда въ дипломѣ 1004-го года (прив. Сумомъ l. c.)

въ субботу, [270] въ которую Норманны, слѣдуя старинному обычаю, обыкновенно ходили въ баню. Невѣроятно, однако жь, чтобы подобныя приказанія посланы въ Нортумберландію и въ другія страны, гдѣ уже давно утвердились Норманны и были такъ многочисленны, что подобнаго умысла нельзя было ни сохранить въ тайнѣ, ни привести въ исполненіе. [271] Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ кровопролитіе совершилось съ такою лютостію, какая была незнакома даже язычникамъ, и возбудила въ нихъ ужасъ и негодованіе: хозяева убивали своихъ гостей, женщинъ зарывали до половины въ землю и груди нхъ отдавали на растерзаніе собакамъ, или отрѣзывали ножами, другихъ совсѣмъ закапывали въ землю живыми, младенцевъ съ размаху убивали о косяки и камни, мужчинъ рубили, или сожигали вмѣстѣ съ домами. [272] Молодая и красивая Гунгильда, сестра Датскаго короля, Свена Твескегга, супруга Пальне, [273] Девонширскаго ярла или графа, была притащена на мѣсто казни; при ея глазахъ проколоты четырьмя копьями ея мужъ и малютка сынъ, потомъ она сама перенесла смерть съ равнодушіемъ и твердостію, предсказывая, что ея убійство навлечетъ великое несчастіе на Англію: лѣтописи замѣчаютъ, что на лицѣ умершей нельзя было найти ни одной черты страха и муки. Въ Оксфордѣ часть Норманновъ спаслась въ церкви св. Фридесвида; ихъ не могли выгнать оттуда и зажгли церковь: всѣ находившіеся въ ней сгорѣли со всѣми церковными драгоцѣнностями и книгами. Вообще убіеніе Норманновъ облегчалось тѣмъ, что они не имѣли оружія и были застигнуты врасплохъ среди самаго безпечнаго покоя. Особливо въ Лондонѣ, гдѣ, кажется, Этельредъ находился лично, избито ихъ безчисленное мно-

---

[270] По этой причинѣ мы полагаемъ, что кровавый замыселъ противъ Норманновъ затѣянъ и совершенъ въ 1003 году, потому что въ этотъ годъ день св. Брикція приходился къ субботу. Англо-Саксонскія лѣтописи показываютъ это событіе въ 1002 году.

[271] Очень вѣроятно предположеніе Сума, что не всѣ Норманны, какъ говорятъ Англійскія лѣтописи, перебиты въ Англіи. Это показываетъ ходъ событій въ последующій мстительный походъ Свена Твескегга.

[272] Гейнрихъ Гунтиндонъ, жившій почти 150-ю годами позднѣе, говоритъ, что въ его дѣтствѣ старики разсказывали объ этихъ сценахъ. Henricus Huntindoniensis historia.

[273] Это, вѣроятно, его Сѣверное имя, по предположенію Сума. Въ Англо-Саксонскихъ лѣтописяхъ онъ называется Паллигъ, Палингъ.

жество; искавшіе убѣжища въ церквахъ были убиваемы даже въ алтаряхъ. Но въ Суррeѣ спаслись 12-ть молодыхъ людей рѣкою Темзою въ лодкѣ, приливъ счастливо вынесъ ихъ въ море, гдѣ они вымѣняли судно, распустили паруса и счастливо прибывъ въ Данію, дали знать о случившемся въ Англіи Свену Твескегу.

IV. Свенъ послалъ гонцевъ въ Швецію и Норвегію съ извѣстіемъ объ участи, постигшей въ Англіи друзей и родныхъ Скандинавовъ; самъ онъ съ знатнѣйшими людьми ѣздилъ по своему государству отъ тинга къ тингу, возвѣщая народу происшествіе въ Англіи и призывая къ общему походу. Всѣ изъявили согласіе, потому что всѣмъ надо было отмщать смерть друга, или родственника. Снаряжались на войну по всей Даніи. Вѣроятно, не малочисленны были Шведскіе и Норвежскіе полки, примкнувшіе къ Датскому войску. Собрался сильный флотъ; войско посажено на суда; выкинутъ королевскій флагъ и походъ направился въ Англію. Приведя флотъ въ безопасное мѣсто на Англійскомъ берегу и не начиная еще военныхъ дѣйствій, Свенъ переправился въ Нормандію; для него было важно обезпечить себя съ этой стороны и увѣриться въ дружескомъ расположеніи герцога Ричарда. Герцогъ, самъ принадлежавшій къ Сѣверному племени, гнушался кровопролитія, затѣяннаго его зятемъ. Незабывъ еще отношеній, въ какихъ его родоначальникъ и отецъ и Нормандцы находились къ Скандинавскимъ народамъ, онъ принялъ съ великими почестями Датскаго короля и угостилъ прекрасно людей его, заключилъ съ нимъ миръ и союзъ за себя и своихъ наслѣдникомъ, чтобы между Сѣверными королями и Нормандскими герцогами была всегдашняя дружба. Норманны получили полную свободу продавать свою добычу въ герцогствѣ, или обмѣнивать ее на другіе товары; ихъ раненные и больные должны находить тамъ вѣрное пристанище и такое же попеченіе и услуги въ Нормандскихъ семействахъ, какъ у себя дома. Оба Государя скрѣпили клятвою этотъ мирный и оборонительный союзъ; при разставаніи Свенъ получилъ богатые дары. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, онъ воротился на флотъ. Для Англіи настали такіе же ужасные дни и такая же участь, какъ и за 150 лѣтъ предъ тѣмъ, когда Сѣверныя войска, подстрекаемыя мщеніемъ, бросились на эту страну. Кровь и разореніе обозначали путь Свена. Онъ поклялся, что не перестанетъ воевать съ Англіею, пока не покоритъ ее всю, и въ другомъ походѣ, въ 1013 году, исполнилъ этотъ обѣтъ. Тогда вошелъ онъ въ рѣку Эмберъ,

потомъ плылъ по Трентѣ до Гайнсбурга, въ Менкольнскомъ графствѣ, перевелъ туда флотъ и нѣсколько дней провелъ въ покоѣ для отдохновенія войска. Іоркъ покорился ему; примѣру этого города послѣдовала не только вся Нортумберландія, но и область Линдсей съ пятью городами, Лейстеромъ, Менкольномъ, Ноттингамомъ, Станфордомъ и Дерби; всѣ они, со всѣмъ народомъ къ сѣверу отъ Ветлингастрита, сдались Датскому королю. Они присягнули ему въ вѣрности, въ залогъ которой онъ получилъ аманатовъ отъ всѣхъ графствъ. Онъ требовалъ съѣстныхъ припасовъ и лошадей, и получивъ это, пошелъ въ южную часть государства съ сильнымъ войскомъ, подкрѣпленнымъ отборными воинами изъ покоренныхъ областей. Тяжкое посѣщеніе постигло страны, лежащія къ югу отъ Нортумберланда, за страшное убійство тамошнихъ Норманновъ въ 1003 году. Свенъ поклялся Англичанамъ мщеніемъ, и, будучи жестокъ и суровъ по природѣ, онъ мстилъ имъ «такою полною мѣрою,» что древнія лѣтописи не безъ основанія называютъ его демономъ Англіи. Куда ни приходилъ, его лютость не давала никому пощады. При выступленіи онъ приказывалъ разорять страну дочиста, истреблять засѣянныя поля и сады, жечь деревни, мужчинъ убивать, женщинъ оставлять для сластолюбія. Такъ дошелъ онъ до Оксфорда. Городъ покорился и далъ заложниковъ. Винчестеръ, напуганный жестокостями, обозначавшими путь страшнаго человѣка, поступилъ по примѣру Оксфорда и сдался безъ сопротивленія. Покоривъ также Кентъ, Свенъ сдѣлалъ нападеніе на Лондонъ. Но тамъ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе: самъ Этельредъ былъ въ городѣ и граждане, съ находившимися тамъ Викингами, защищались храбро. Не успѣвши взять города ни хитростію, ни силою и потерявъ много людей при переправѣ черезъ Темзу, Датскій король снялъ осаду и пошелъ въ Валлингфордъ, а оттуда въ Батъ, вездѣ оставляя кровавые слѣды своего похода. Въ Батѣ пришелъ къ нему альтерманнъ Девонширскій, Этельмеръ, просилъ о мирѣ и далъ заложниковъ. Также поступили и всѣ прочія власти Вестъ-Саксонскаго государства, чтобы не видѣть страны совсѣмъ опустошенною. Вся Вестъ-Саксонія покорилась Свену. Граждане Лондона отчаялись въ возможности сопротивленія Сѣверному войску, страшному для всѣхъ и обладавшему всею Англіею; опасаясь всего отъ Свена, если будутъ противиться долѣе, они послали заложниковъ и просили мира. Съ того времени, говорятъ Англійскія лѣтописи, весь Англійскій

народъ признавалъ Свена своимъ государемъ, если только заслуживаетъ этого имени король, похожій во всемъ на тиранна. Жестоко онъ правилъ Англіею и собиралъ большіе налоги для содержанія и награды войска. Въ особенности владѣнія церквей и монастырей подвергались поборамъ. Онъ уничтожилъ грошъ свят. Петра, обративъ его въ свою пользу. Для исполненія требованій суроваго завоевателя, церковь въ Ворчестерѣ должна была отдать украшенія, золотые и серебряные сосуды, чаши и кресты, даже застежки у книгъ и всѣ помѣстья и дворы. Этельредъ со всѣмъ королевскимъ семействомъ, супругою, сыновьями и немногими приверженцами бѣжалъ въ Нормандію, гдѣ принятъ съ великими почестями своимъ тестемъ, герцогомъ Ричардомъ, который оказалъ ему полное гостепріимство, однако жь никакъ не согласился принять участіе въ его дѣлахъ.

Изъ Гейгнесбурга, или Гайнсбурга, гдѣ имѣлъ свое пребываніе Свенъ, онъ издалъ повелѣнія о сборѣ налоговъ. «Для пополненія своей мѣры, какъ выражаются Англійскія лѣтописи, онъ осмѣлился вынудить значительную дань съ Эдмундсбурійской обители, гдѣ покоятся нетлѣнные остатки св. Эдмунда: [274] на такое дѣло не отваживался до него никто.» Отъ обители и всей Остъ-Англіи монахъ Эльвинъ явился въ станъ Датскаго короля и именемъ св. Эдмунда просилъ пощадить его монастырь отъ такого налога. Но Свенъ, рѣдко дѣлавшій что нибудь для живыхъ Христіянъ, еще менѣе дѣлалъ для мертвыхъ, [275] отказалъ на отрѣзъ монаху и грозилъ не только сжечь Эдмундсбури и перебить монаховъ, «но даже осмѣлился въ своемъ безбожіи сказать, что Эдмундъ не святой.» Вскорѣ потомъ король, сидя на конѣ посреди своихъ людей, держалъ съ ними тингъ и вдругъ почувствовалъ сильную боль въ желудкѣ; въ слѣдующую за тѣмъ ночь, на праздникъ Срѣтенія, 2-го Февраля, 1014 года, онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Ходила молва, что ему явился св. Эдмундъ, невидимый никѣмъ изъ другихъ; что трепещущій Свенъ громко вскричалъ: «Помогите, воины! Вотъ св. Эдмундъ идетъ убить меня;» что святой поразилъ его копьемъ посреди Норманнскихъ вождей и, во избавленіе міра отъ такого тиранна, погубилъ его точно также, какъ святой Меркурій Юліяна Отступника.» [276]

---

[274] Ср. выше.

[275] Слова Сума.

[276] Ср. Snorre Sturlesson, Olof Haraldssons Saga. Впрочемъ см. часто приводимыя здѣсь Англійскія лѣтописи.

V. Тогда Англичане тайно послали гонцовъ въ Нормандію къ прежнему королю, Этельреду, съ приглашеніемъ возвратиться къ нимъ и снова принять правленіе, однако жь съ условіемъ,—царствовать лучше прежняго. Суровое правленіе Свена и его жестокости поселили въ Англо-Саксахъ такую ненависть къ Датчанамъ, что они, не боясь болѣе мщенія лютаго Свена Твескегга, согласились между собою никогда не имѣть своимъ государемъ какого бы то ни было Датскаго короля. Этельредъ воротился. Но Лондонъ и большая часть замковъ находились во власти Норманновъ. Для покоренія ихъ Этельредъ принялъ къ себѣ въ службу полки Сѣверныхъ Викинговъ, обѣщавъ имъ помѣстья и деньги, если они пособятъ ему завоевать его государство. Это было въ то самое время, когда Олофъ Дигре (Толстой) разъѣзжалъ по морю изъ одной страны въ другую съ Сѣвернымъ флотомъ. [277] Онъ вошелъ въ Темзу, съ цѣлію помочь Этельреду покорить Лондонъ. По другую сторону Темзы, напротивъ Лондона, лежалъ большой купеческій городъ, по имени Судвирке: тамъ у Норманновъ много было способовъ для защиты; они выкопали большіе рвы, окружавшіе валъ, устроенный изъ бревенъ, камней и дерна. Между Судвирке и Лондономъ построены мосты, такіе широкіе, что двѣ телѣги рядомъ могли проѣзжать по нимъ; мосты утверждались на сваяхъ и съ морской стороны защищались укрѣпленіями и валами такой высоты, что закрывали человѣка по самую грудь. Послѣ многихъ неудачныхъ нападеній на Судвирке, Этельредъ, въ огорченіи, созвалъ всѣхъ вождей на совѣтъ, какъ разрушить мосты для прерванія сообщеній между Судвирке и Лондономъ. Олофъ сказалъ, что попытается подплыть къ мостамъ, если и прочіе вожди сдѣлаютъ то же. Всѣ согласились. Каждый приготовилъ для того людей и суда. Олофъ велѣлъ сдѣлать большія штурмовыя крыши изъ плетеныхъ прутьевъ и досокъ, для чего сломаны всѣ старые дома. Эти крыши такъ прикрывали суда, что даже свѣшивались за борты ихъ, и чтобы можно было взмахивать оружіемъ, подпирались высокими столбами, способными выдерживать камни, брошенные сверху. Когда всѣ приготовились, каждый съ

---

[277] Онъ былъ сынъ Гаральда Гренске и прозванъ потому Гаральдсеонъ; по смерти его, 1030 года, въ сраженіи при Стиклярстаде, онъ причтенъ къ лику святыхъ. Это одинъ изъ дѣятельныхъ Норвежскихъ королей. Его исторію см. у сочин. Gesch. des Schwed. Volkes, ч. I., и Geijer, ч. I.

своимъ отрядомъ, они отплыли вмѣстѣ, направляясь вверхъ по теченію; когда же приблизились къ мостамъ, ихъ приняли сверху такою тучею стрѣлъ и огромныхъ камней, что не могли устоять ни шлемы, ни щиты, самыя суда были очень повреждены и нѣкоторыя вернулись назадъ. За то Олофъ съ Норманнами, подъ защитою крышъ, пробрался подъ мосты и привязалъ крѣпкіе канаты къ поддерживавшимъ ихъ сваямъ. Потомъ его люди перемѣнили направленіе, поплыли внизъ, работая всѣми веслами, сколько доставало силы. Сваи пошатнулись, сошли съ своихъ мѣстъ, и мосты, лишенные подпоръ, рухнули подъ тяжестью набросанныхъ на нихъ каменныхъ грудъ и тяжело вооруженныхъ людей, стоявшихъ тамъ тѣсною толпою; многіе упали въ рѣку, нѣкоторые спаслись въ Судвирке, другіе въ Лондонъ. Послѣ того Судвирке былъ взятъ; но когда это укрѣпленное мѣсто пало и Темза была открыта для непріятельскаго флота, по разрушеніи мостовъ, покорился и Лондонъ. Олофъ пособилъ также королю взять Кентербури и былъ его усерднымъ сподвижникомъ при завоеваніи государства.

По смерти Свена Твескегга, войско провозгласило королемъ сына его, Канута, провожавшаго отца въ Англію. Канутъ былъ еще молодъ и не могъ противопоставить довольно войска общему возстанію въ Англіи; необходимость, по смерти Свена, обезпечить для себя отцовское государство, Данію, принудила его ѣхать домой. Онъ взялъ съ собою заложниковъ, выданныхъ Англичанами его отцу, сыновей первыхъ и знатныхъ людей страны. Прибывъ въ Сандвичъ, онъ велѣлъ имъ отрубить руки, отрѣзать носы и уши и бросить въ такомъ положеніи на берегъ. Кончивъ всѣ нужныя распоряженія въ Даніи, онъ собралъ всѣ силы для возвращенія отцовскихъ завоеваній и покоренія Англіи. Въ этомъ предпріятіи помогалъ ему зять, Эрикъ, Норвежскій ярлъ, бывшій его подручникомъ. [279] И Олофъ Скётконунгъ (любимый король) Шведскій послалъ ему вспомогательный отрядъ. [280] Окончивъ военныя приго-

---

[278] Snorre Sturleson Olof Haraldssons Saga.

[279] Эрикъ ярлъ владѣлъ Гедемркеномъ и Раумарике въ Норвегіи, какъ ленами Датскаго короля. Ср. Gesch. и Geijer. ч. I.

[280] Ихъ вождь называется Лакманъ или Лахиманъ, король шведскій: «Sveno tumulato Chnutus filius magna cum classe, adducto secum Lachiman, rege Sve-

товленія, когда собрались войска изъ Швеціи и Норвегіи, а особливо сильное Датское войско, Канутъ вышелъ въ море, лѣтомъ 1015-го года, для вторичнаго покоренія Англіи. На всемъ флотѣ не было ни одного раба, ни отпущенника, ни дряхлаго старика, ни простаго человѣка, но все молодые, сильные, свободные и смѣлые люди; по бокамъ судовъ висѣли щиты; ихъ мачты украшались позлащенными львами, драконами, волами, разливавшими вокругъ сіяніе, когда солнце бросало лучи на нихъ. [281] Войско высадилось въ Вестъ-Саксоніи, въ Дорсетскомъ графствѣ, въ устьѣ рѣки Фромута. Таково было начало великаго похода, обильнаго странными событіями, подвигами мужества, кровавыми сценами и дѣлами предательства; въ этомъ походѣ совершенное покореніе Англіи увѣнчало двухсотлѣтнюю кровопролитную борьбу между Англо-Саксами и Скандинавами. Слабый, несчастный король Этельредъ, въ апрѣлѣ 1016 года, умеръ; въ покорной ему части Англіи принялъ правленіе наслѣдникъ и сынъ его, Эдмундъ, прозванный «Желѣзнымъ бокомъ,» за тѣлесную силу и мужество, великій и непобѣдимый герой, не падавшій духомъ отъ какого бы то ни было несчастія; всегда дѣятельный, онъ честно ратовалъ съ измѣною своихъ и превосходными силами враговъ; при жизни Эдмунда, «Желѣзнаго бока», Норманнамъ досталось много тяжелыхъ трудовъ. Не видя конца войнѣ и кровавымъ битвамъ, слѣдовавшимъ однѣ за другими безъ рѣшительныхъ послѣдствій, вельможи Англіи старались наконецъ склонить воюющихъ королей

---

corum.» См. хронику при Leg. Anglosax. Wilkin's. Объ этомъ Лакманѣ упоминаютъ и Норманнскія лѣтописи. Онъ помогалъ герцогу Нормандскому, Ричарду II, противъ его сосѣдей и, вѣроятно, тотъ самый, котораго Робертъ Васъ называетъ Каманомъ:

«De Norvegue le roi Colau (Олофъ, вѣроятно, Олофъ Толстой)
E de Suave le roi Caman.»

Le Romanz de Rou, привод. Деппингомъ. — Lagerbrink (Gesch. des Schw. Reichs I.; ср. его Monum. Scand. p. 11) полагаетъ, что этотъ Лакманъ или Лахиманъ (можетъ быть, Шведскій лагманъ или судья, въ иностранныхъ лѣтописяхъ получившій титулъ «Regis Svecorum) одно и тоже лицо съ славнымъ ярломъ, Ульфомъ, сыномъ Торкиля Спракалега и братомъ Эйлифа, котораго также Англійскія лѣтописи помѣщаютъ въ числѣ Сѣверныхъ вождей. Впрочемъ срав. объ Ульфѣ и Эйлифѣ Schwed. Gesch. I, S. 470, not. 202.

281 Смотри пышное описаніе въ Encomium Emmae Reginae у Лангебека, Script. rer. Dan. II.

на договоръ, по которому они должны были раздѣлить между собою Англію. Канутъ согласился охотно и съ радостію, Эдмундъ съ неудовольствіемъ и только послѣ многихъ убѣжденій его приближенныхъ. Оба короля имѣли свиданіе на Оланнге (теперь the Light), островѣ рѣки Саверны, не подалеку Деоргиста, въ Грочестерскомъ графствѣ. Между ними рѣшено быть имъ обоимъ королями Англіи. Канутъ долженъ владѣть Мерсіею, по крайней мѣрѣ, ея частію, со всею страною къ сѣверу и востоку отъ Темзы; напротивъ, Эдмундъ Вестъ-Саксоніею или землею къ югу и западу отъ этой рѣки, и городомъ Лондономъ. [282] Мирный договоръ подтвержденъ клятвою и заложниками съ обѣихъ сторонъ; для большаго укрѣпленія договора, въ знакъ довѣрія и дружбы на будущее время, оба короля обмѣнялись взаимно платьемъ и оружіемъ и поклялись въ вѣчномъ братствѣ. Это было въ послѣднихъ числахъ октября, 1016 года, а спустя четыре недѣли потомъ, въ день св. Андрея, 30 ноября, Эдмундъ «Желѣзный бокъ» былъ убитъ; подозрѣвали не безъ основанія, что убійство совершено по распоряженію Канута, по крайней мѣрѣ, съ вѣдома его. [283] Такого рода поступки были не чужды Датскому королю. Онъ сталъ тогда единовластнымъ государемъ всей Англіи, а спустя около 20 лѣтъ, также и Даніи, до самой своей кончины въ 1035, или, по другимъ, въ 1036 году. По смерти Канута царствовали въ Англіи два его сына, одинъ послѣ другаго, Гаральдъ, и двоюродный братъ его, Гёрдаканутъ. [284] Никто изъ нихъ не оставилъ наслѣдниковъ: съ Гёрдаканутомъ пресѣклась мужеская линія королевско-Датскаго дома; въ лицѣ Эдуарда Исповѣдника, сына Этельреда и Эммы, воспелъ на Англійскій престолъ государь изъ рода Англо Саксонскихъ королей.

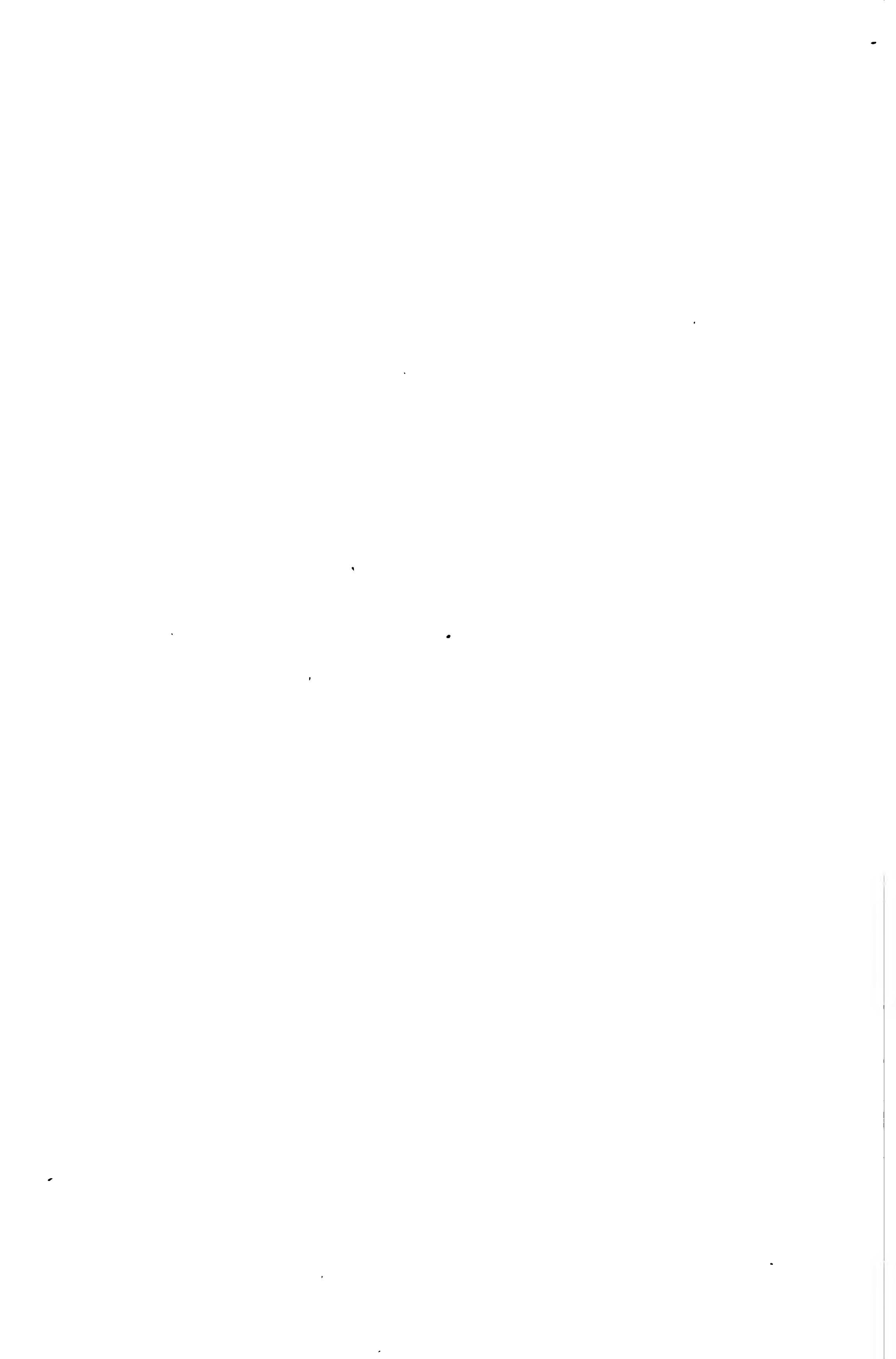
[282] Floren. Wigorn. даетъ ему и Остъ-Англію.

[283] Ср. Сума I. с. III, гдѣ изъ Англо-Саксонскихъ лѣтописей и Шотландскихъ сагъ собраны всѣ извѣстія о смерти Эдмунда, «Желѣзнаго бока. Онъ оставилъ двухъ юныхъ сыновей, Эдмунда и Эдуарда, которыхъ Канутъ Великій отослалъ въ Швецію къ брату и союзнику,» Олофу Скётконунгу, съ просьбою какъ нибудь умертвить ихъ. Но Олофъ, гнушаясь такимъ дѣломъ, не исполнилъ желанія Канута, а отправилъ принцевъ невредимыми въ Россію, откуда они перешли къ королю Венгерскому.

[284] Гаральдъ умеръ 17 марта, 1039 года, а Гёрдаканутъ 8-го іюня, 1041 г. Подробнѣе о нихъ см. въ Gesch. des Schwed. Volkes I, 467—469.

V

СМѢСЬ

МНѢНІЕ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ

ТРОЩИНСКАГО

О ПРОЕКТѢ УЛОЖЕНІЯ.

Разсмотрѣніе Проекта Гражданскаго Уложенія Россійской имперіи, предложеннаго въ Государственномъ Совѣтѣ, которой долженъ опредѣлить оному существенную цѣну, обязуетъ меня представить свое мнѣніе, основанное на понятіяхъ, внутреннимъ чувствомъ одобряемыхъ, какъ по долгу званія, всемилостивѣйше на меня возложеннаго, такъ и по самой любви къ отечеству.

Судить о достоинствѣ законовъ есть дѣло общее, поколику они касаются каждаго лица и чина, входящаго въ составъ Государственныхъ сословій; но положимъ опредѣлительное заключеніе въ такомъ или иномъ видѣ: законы должны быть изданы, есть исключительная обязанность особъ, уполномоченныхъ къ тому властію, или Высочайшею довѣренностію, какъ сіе прежде совершалось и нынѣ производится въ нашей имперіи. Извѣстно, впрочемъ, что въ столь великомъ дѣлѣ, каково есть законодательство, ни какая значительная принадлежность оного не можетъ быть отдаваема на прозволъ трудящихся. По сей причинѣ всякой разъ обязуются они, въ продолженіи работъ своихъ, сообразно съ тѣмъ направленіемъ, которое верхняя власть предварительно благоволитъ открывать имъ въ приватныхъ, или публичныхъ, начертаніяхъ. Не приводя въ подтвержденіе сего примѣровъ прежнихъ временъ, я представляю дѣйствительнѣйшій, въ нашихъ глазахъ находящійся, который заключается въ правилахъ,

предписанныхъ въ 1804 году Коммиссіи составленія законовъ, примѣръ тѣмъ священнѣйшій для насъ, что не только имѣетъ онъ прямое отношеніе на наши настоящія занятія, но и запечатлѣнъ высочайшею волею Государя Императора, изъявленною въ разсужденіи существа законовъ, коими Его Императорское Величество благорасположенъ осчастливить своихъ вѣрноподданныхъ и самое потомство.

И такъ обязанъ будучи разсматривать Проектъ новыхъ законовъ, яко Членъ Государственнаго Совѣта, я полагаю для наблюденій моихъ предписанныя правила границами, изъ которыхъ не дерзаю выступить. Уклоненіе отъ оныхъ считаю для себя невозможнымъ, а направленіе по сей чертѣ соображеній моихъ признаю необходимостію, ибо въ семъ одномъ обращеніи отъ однихъ къ другимъ чувствованіямъ надѣюсь обрѣсти руководство, столь нужное въ такъ многотрудномъ дѣлѣ.

Министерство Юстиціи, находившееся въ Управленіи Д. Т. С., 1-го класса, Князя П. В. Лопухина, имѣвъ тогда въ своемъ вѣдѣніи Коммиссію составленія законовъ, всеподданнѣйшимъ докладомъ представляло на Высочайшее воззрѣніе причины медленнаго движенія оной, правила нужныя для руководства къ дальнѣйшимъ упражненіямъ ея, планъ и самыя таблицы, начертанныя для Книги Законовъ Россійскаго Государства, купно съ тѣмъ ходатайствуя о новомъ преобразованіи сего мѣста, чтобъ сообщить ему возможность къ правильному и скорѣйшему совершенію возложенной на него обязанности, предоставило ему вспомогательныя средства, служащія къ достиженію желаемой цѣли. Докладъ сей былъ удостоенъ Высочайшей апробаціи въ 28 день Февраля, 1804 года, во всемъ пространствѣ своемъ преданъ тисненію и тогда же изданъ въ свѣтъ. Я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ оного мѣста, гдѣ сказано о Коммиссіи слѣдующее. Страница 16, 17 и 18: «Ограничить обязанность однимъ сводомъ существующихъ въ Имперіи Россійской узаконеній или собираніемъ оныхъ и соединеніемъ въ одну, такъ сказать, необразованную массу, раздѣленную на столько разныхъ книгъ, составовъ, артикуловъ и проч., сколько разныхъ заключается въ оныхъ матерій, было бы несогласно ни съ Наказомъ Екатерины Великой, ни съ собственными намѣреніями В. И. В., въ Высочайшемъ рескриптѣ изображенными; ибо чрезъ одно такое дѣйствіе (т. е., посредствомъ Свода законовъ) не могутъ быть дополнены недостатки, исправлены погрѣшности и соглашены противорѣчія и несходства, какія временемъ и стеченіемъ обстоятельствъ допущены въ Россійскихъ законахъ; съ другой стороны, нельзя

распространить предѣловъ дѣйствія Коммиссіи такъ, чтобы предоставить ей сочиненіе законовъ новыхъ, или введеніе чуждыхъ, образу правленія и мѣстному положенію Россіи не соотвѣтственныхъ. Въ такомъ случаѣ Коммиссія принесла бы болѣе вреда, нежели пользы государству. Историческіе опыты подтверждаютъ справедливость сего мнѣнія. Юстиніяново новозаконоположеніе почиталось самымъ совершеннѣйшимъ въ древности, однако жъ введеніе оного въ другія націи произвело великую запутанность, несообразности и затрудненія въ ихъ собственномъ законовѣдѣніи. Что касается до Россіи, то, благодаря Всевышняго, она никогда не была управляема чуждыми законами; даже въ самыя смутныя времена она сохранила свои преданія, уставы и законы.»

И такъ обязанность Коммиссіи не состоитъ ни въ сочиненіи одного Свода Законовъ, ни во введеніи въ отечество законовъ новыхъ, или изданныхъ для другихъ странъ и народовъ.

Несовершенство начертаній, по которымъ располагаемы были прежніе труды Коммиссіи, и безуспѣшность самыхъ трудовъ ея, главнѣйшимъ образомъ происходили отъ того, что кругъ дѣйствія Коммиссіи, обращаясь между означенными двумя крайностями, не имѣлъ истинной и настоящей цѣли. Чтобы означить оную ясно и удовлетворительно, нужно опредѣлить прямыя черты, изображающія существенное достоинство общаго Законоположенія, согласно съ разумомъ Наказа Екатерины II-я и съ правилами, въ Высочайшемъ наставленіи В. И. В. предписанными; черты сіи заключаются въ слѣдующемъ:

1-е. Когда Законы утверждены на непоколебимыхъ основаніяхъ права (principia juris).

2-е. Когда они точно опредѣляютъ всѣ части Государственнаго управленія, образованіе и предѣлы властей, также всѣ права и обязанности подданныхъ, сообразно духу правленія, характеру народному, политическому и естественному положенію государства.

3-е. Когда они расположены съ наблюденіемъ надлежащаго приличія и строгаго порядка и предложены во всей ясности.

4-е. Когда содержатъ въ себѣ твердыя и непреложныя правила отправленія правосудія.»

Очевидно, что сіи отличительныя, необходимыя и единственныя свойства, знаменуя прямое достоинство законоположенія, изображаютъ и самую цѣль, которой Коммиссія должна достигнуть, и вмѣстѣ откры-

ваютъ правила, которыя она должна соблюдать для достиженія своей цѣли.

Стран. 20 и 21: «За симъ дѣйствіемъ непосредственно слѣдуетъ Коммиссіи заняться составленіемъ общихъ Государственныхъ законовъ, соотвѣтственныхъ разнымъ состояніямъ подданныхъ Россійскаго государства, установленныхъ верховною властію, т. е., опредѣленіемъ всѣхъ гражданскихъ отношеній, общихъ и частныхъ законовъ, какіе изъ того проистекаютъ, обязанностей, сими послѣдними налагаемыхъ, и наказаній сопряженныхъ съ нарушеніемъ оныхъ; для сего обязана она изъ существующихъ въ Россіи указовъ и постановленій извлечь законы, утвержденные уже печатію народнаго благоденствія, приличествующія благосостоянію обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія, духу націи и главному характеру народовъ находящихся въ ней областей. Уложеніе, Высочайшіе указы, Наказъ Екатерины Великія и постановленія собственно В. И. В-мъ изданныя, представляютъ богатый источникъ, откуда заимствовать вещество и силу для сложенія и укрѣпленія всѣхъ частей Государственнаго состава. Надлежитъ только привести оныя въ систематическій порядокъ, взять во уваженіе время, въ которое были они изданы, отношенія ихъ къ тогдашнимъ и настоящимъ нравамъ и обстоятельствамъ, и сообразить съ принятыми основаніями права.»

Такимъ рѣшительнымъ образомъ изъясняется высочайше апробованной докладъ Министерства Юстиціи. Сіи внушенія трудящимся надъ составленіемъ Законовъ, иль паче высочайшія повелѣнія, данныя Коммиссіи, исполнили пріятнѣйшими надеждами сердца всѣхъ сыновъ Отечества, которые находили въ томъ обезпеченіе своихъ правъ и несомнѣнное водвореніе правосудія, запутаннаго множествомъ общихъ и частныхъ установленій, изданныхъ въ разныя времена и по разнымъ побудительнымъ причинамъ. Я также нахожу въ сихъ мѣстахъ полное для себя разрѣшеніе, извлекая изъ оныхъ нужныя, для настоящихъ наблюденій моихъ, примѣчанія, состоящія въ слѣдующемъ:

1-е. Коммиссія, получивъ начертаніе, изображающее существенное достоинство общаго Закона, должна по сему направленію достигать своей цѣли.

2-е. Коммиссія обязана изъ существующихъ въ Россіи указовъ и постановленій извлечь законы.

3-е. Она должна сообразить ихъ съ принятыми основаніями права.

4-е. Привесть ихъ въ систематическій порядокъ.

5-е. Предложить во всей ясности.

6-е. Коммиссія не имѣетъ права вводить въ Отечество законовъ новыхъ или чуждыхъ, изданныхъ для другихъ странъ и народовъ, образу правленія и мѣстному положенію Россіи несовмѣстныхъ.

Вотъ въ чемъ заключались главныя обязанности Коммиссіи составленія законовъ, которой произведенія предлагаются намъ на разсмотрѣніе; въ томъ же состоитъ и нашъ священный долгъ, дабы наблюсти при семъ случаи о пополненіи всѣхъ правилъ, начертанныхъ согласно съ благими намѣреніями Государя Императора, заключающимися въ самой цѣли законодательства. Ибо когда Высочайшая воля есть, чтобъ ожидаемые законы соотвѣтствовали кореннымъ установленіямъ и нашему образу правленія, то Высочайшая же воля существуетъ и въ томъ, чтобы уважить мѣстныя обстоятельства и самые нравы народа, болѣе или менѣе приверженнаго къ любимой имъ естественной простотѣ. Сверхъ того я долженъ сообразоваться съ новымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Государственному Совѣту въ 28 день Августа, истекшаго 1814 года, которымъ повелѣвается входить въ разсмотрѣніе предлагаемыхъ проектовъ Уложенія, дабы повѣрить ихъ и такимъ образомъ привести въ надлежащее единообразіе.

На сихъ основаніяхъ располагая наблюденія мои, нужнымъ считаю раздѣлить оныя на три главныя части:

Во 1-хъ, относительно состава Гражданскаго Уложенія, нынѣ разсматриваемаго.

Во 2-хъ, относительно существа заключающихся въ ономъ законовъ, для Россіи заготовленныхъ.

Въ 3-хъ, изъяснены будутъ особенныя примѣчанія мои и заключеніе, сообразное свойству главнаго предмета.

Для меня сей подвигъ тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе чувствую святость обязанностей моихъ, убѣждающихъ совершить оное по крайнему разумѣнію, и тѣмъ самымъ исполнить и священную волю обожаемаго Монарха.

И такъ, раздѣливъ наблюденія мои на три главныхъ части, я приступаю къ изложенію оныхъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

I

ОБЩІЙ СОСТАВЪ ПРОЕКТА ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

Коммиссія законовъ, удостоенная столь великой довѣренности, для выполненія оной обязана была собрать у себя всѣ разсѣянныя въ разныхъ архивахъ и книгахъ установленія, общія и частныя постановленія, и случайныя дѣйствующія и забвенныя, Высочайшія и Сенатскія; она обязана была собрать ихъ, или разсмотрѣть уже собранныя, раздѣлить по матеріямъ, открыть въ нихъ противорѣчія и причины онымъ, примѣниться къ настоящимъ обстоятельствамъ и мѣстнымъ и повсемѣстнымъ, составить для всякой вещи положительную статью закона, сообразить оную съ принятыми основаніями права, потомъ озлащенную въ семъ, такъ сказать, горнилѣ включить въ свойственный для нея разрядъ, и наконецъ въ составляемомъ проектѣ новаго Уложенія показать мѣста и причины, откуда она заимствована и для чего преобразована или оставлена въ первобытномъ состояніи.

Я не могу представить себѣ другаго, кромѣ сего, надежнѣйшаго пути, для достиженія къ священной цѣли законодательства, приличнаго для насъ и сотвѣтственнаго благодѣтельнымъ намѣреніямъ и самымъ велѣніямъ Августѣйшаго Законодателя. Но чтобъ совершить съ успѣхомъ столь великій трудъ, для сего высокая теорія долженствовала вступить въ тѣсный союзъ въ вѣрнѣйшею практикою, безъ которой вся работа сія хотя и могла быть приведена къ окончанію, но въ составѣ своемъ не могла заключать желаннаго совершенства.

Среди таковыхъ убѣжденій, обозрѣвая таблицы, изображающія общее начертаніе книги Законовъ Россійскаго Государства, могу сказать со всею признательностію, что они содержатъ въ себѣ весьма правильное расположеніе главныхъ частей; но что принадлежитъ до свойственныхъ каждой части раздѣленій и подраздѣленій, то явственно, что въ обработаніи оныхъ должно было бы съ большею строгостію подчинить теоретическія расположенія мѣстнымъ практическимъ наблюденіямъ, во 1-хъ, для того, чтобъ избѣгнуть излишнихъ умствованій, кои могутъ увеличивать книгу Законовъ, но не содѣлываютъ оной лучшею; во 2-хъ, для того, чтобъ въ учиненныхъ безъ примѣненія къ дѣйствительному ходу вещей распоряженіяхъ не содѣлать иногда противныхъ естественному направленію росписаній. Разсуж-

денія многихъ о томъ, въ какомъ разительномъ противоборствѣ весьма часто находится теорія съ мѣстною практикою, оправдывая мои опасенія, надѣюсь, преклонять и другихъ къ единомыслію со мною, что приложеніе теоріи къ практикѣ тѣмъ удовлетворительнѣе должно быть исполнено, чѣмъ болѣе будетъ удостовѣрять, что чрезъ сіе одно средство можетъ избѣгнуть опасной запутанности въ дѣлахъ, а можетъ быть и того еще опаснѣйшей смѣшанности въ понятіяхъ. Позвольте спросить, по какому случаю твердыми содѣлались извѣстныя 12 Римскихъ Таблицъ? Во 1-хъ, по такому, что общая теорія приложена была къ мѣстной практикѣ; а во 2-хъ, что законоискуство совокупилъ опытный умъ съ дѣйствіями, на Таблицахъ изобразившимися, поколику законы должны быть составлены, а не написаны.

Книги Законовъ, наполненныя искуственными изворотами, представили бъ намъ болѣе или менѣе умозрительныхъ истинъ, тогда, когда не можетъ она быть учебною книгою, но дѣйствующею по прямому направленію на обузданіе непостоянной силы человѣческой, на благосостояніе каждаго гражданина и на блаженство цѣлаго народа, будучи книгою дѣйствій человѣческихъ, въ извѣстность приведенныхъ, а не мнѣній, до безконечности распложаемыхъ. Здѣсь должна быть употреблена обыкновенная рѣчь, а вещи долженствуютъ находиться въ естественномъ и ближайшемъ одна отъ другой разстояніи. Тогда книга Законовъ будетъ вразумительна не для однихъ ученыхъ, но и для простолюдиновъ, коимъ наиболѣе должно быть внятно вѣщаніе сего оракула, чрезъ что они сами могли бы различать правду отъ лжи и сіе доказывать словами законовъ; но испещрять законы множествомъ искуственныхъ умословій значило бы разсѣвать въ народѣ сѣмена всякихъ толковъ, значило бы также ввѣрять судьбу законовъ въ руки небольшаго числа людей, приготовленныхъ къ умственнымъ хитростямъ, отъ коихъ правосудіе болѣе можетъ страдать, нежели получать услуги. Никогда столько нельзя ожидать оправданія виноватымъ и обвиненія правымъ, какъ во время существованія такихъ законовъ, которые, по составу своему, принуждаются много разговаривать и мало разрѣшать.

Усматривая, однако жъ, изъ общаго введенія къ Гражданскому Уложенію, на 15 страницѣ, что «вся первая часть оного раздѣлилась на 11 главъ, изъ коихъ 5-ть первыя составляютъ общее введеніе ко всему составу Уложенія, а 6-ть послѣднія опредѣляютъ суще-

ственные предметы правъ личныхъ», я принужденнымъ нахожусь открыться: или сіе пятиглавное введеніе не принадлежитъ къ положительнымъ законамъ, и должно быть отвергнуто, или слѣдуетъ слiять его въ одинъ составъ съ положительными законами, буде они не могутъ имѣть безъ него свойственной имъ силы; ибо законы отнюдь не требуютъ многословія въ родѣ метафизическихъ тонкостей, до которыхъ Присутственнымъ Мѣстамъ и тяжущимся нѣтъ ни какой нужды.

Напротивъ, они требуютъ ясности, естественной простоты, чистой логики, правильныхъ умозаключеній, изящной выкладки словъ, безъ многорѣчія и развлеченій. Они требуютъ полноты, которая должна состоять въ томъ, чтобъ не входить въ исчисленіе излишнихъ подробностей. Но коль скоро относительное и частное расположеніе вещей затмѣваетъ предметы, коль скоро большая часть обработанія оныхъ не имѣетъ свойственнаго имъ совершенства, коль скоро общій гласъ охуждаетъ ихъ качества, то въ семъ случаѣ трудно дать имъ одобреніе. Для повѣрки таковыхъ принадлежностей, разсмотримъ какое ни будь мѣсто изъ Проекта Гражданскаго Уложенія; говорю какое ни будь, по тому что въ книгѣ Законовъ, издаваемой въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, или, лучше сказать, издаваемой временемъ, всѣ части и частицы должны быть расположены и должны быть обработаны съ одинакимъ совершенствомъ.

Страница 93 упомянутаго Проекта содержитъ въ себѣ 4-ю главу о собственности общей, гдѣ, послѣ нѣкоторыхъ словъ о сей собственности, слѣдуетъ переходъ къ распоряженію раздѣла добровольнаго и судебнаго; за симъ шагъ къ межеванію, другой къ спорамъ о межахъ, далѣе нарядъ участвующихъ лицъ въ межевые суды, а наконецъ обращается къ содержанію межевыхъ знаковъ. Такимъ образомъ судное дѣло перепутано съ межевымъ, какъ будто бы общая собственность не могла подходить подъ общія правила о раздѣлахъ и межеваніи. Страница 154 предлагаетъ 29 главу о порядкѣ раздѣловъ. Извѣстно, что причина раздѣловъ содержится въ большемъ или меньшемъ числѣ наслѣдниковъ, но отнюдь не въ одномъ, оставшемся послѣ предшествовавшаго владѣльца, законномъ преемникѣ, коего право принадлежитъ уже къ отдѣленію о наслѣдствѣ, а не къ главѣ о раздѣлахъ. Напротивъ того здѣсь всѣ первые четыре параграфа говорятъ о семъ наслѣдникѣ безъ всякой нужды; но въ книгѣ законовъ ненужное должно быть нетерпимо. Въ началѣ также страницы 162 весь § 425 рѣшительно

говоритъ, что жалобы на составленіе удѣловъ нигдѣ не пріемлются, а въ концѣ той же страницы § 430 позволяетъ просить передѣла по разнымъ уважительнымъ причинамъ. Не только въ юридическомъ, но и въ простомъ смыслѣ говорить и такъ и инаково, разъ безусловно, въ другой съ условіемъ, значитъ играть словами и мыслями и противорѣчить самому себѣ. Страница 10-я предлагаетъ главу 3-ю о жительствѣ. Усмотрѣвъ сіе оглавленіе, знающій Славянскія выраженія приготовитъ себя къ услышанію чего ни будь о житіи, или образѣ жизни; не снискавшій же познанія въ Славянскихъ израженіяхъ вообразитъ, что здѣсь онъ узнаетъ нѣчто о своей квартирѣ, чаще или рѣже перемѣняемой, смотря по обстоятельствамъ. Но какъ одинъ, такъ и другой найдутся въ крайнемъ заблужденіи; ибо подъ симъ оглавленіемъ узнаютъ они о своихъ помѣстьяхъ, а не о житіи и не о квартирахъ.

Статьи сіи показываютъ ясно, съ какимъ небреженіемъ расположены и сочинены части Гражданскаго Уложенія, входящія въ составъ оного: но за симъ поищемъ еще той полноты и той краткости, которыхъ требуютъ положительные законы.

Глава 1-я, о правахъ Гражданскихъ вообще, о пріобрѣтеніи ихъ и лишеніи, должна получить въ нашемъ испытаніи преимущество, по случаю первенства, какое она занимаетъ въ сей книгѣ.

Судя по словамъ оглавленія, здѣсь обѣщано говорить много, но сказано только мимоходомъ о правахъ гражданскихъ, упомянуто имя политическихъ, коснулись также слегка способовъ, какимъ образомъ гражданскія права пріобрѣтаются, наконецъ распространились въ изчисленіи тѣхъ случаевъ, чрезъ которые права сіи потерять можно.

Кажется мнѣ, въ сей главѣ надлежало бы изложить опредѣлительно общее и частное право Россійскихъ подданныхъ, раздѣляющихся на разныя сословія: дворянъ, по содержанію всемилостивѣйше пожалованной грамоты; купцовъ и мѣщанъ, по изданному для нихъ городовому положенію; крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, по существующимъ объ нихъ узаконеніямъ. Потомъ уже слѣдовало бы приступить къ изъясненію способовъ пріобрѣтенія ихъ правъ, не чрезъ одно рожденіе, бракъ и укорененіе, но и чрезъ оказанныя Государю и Отечеству заслуги и чрезвычайныя пожертвованія; да и вообще, купецъ можетъ у насъ пріобрѣтать право дворянина по пожалованію; мѣщанинъ своимъ средствомъ пріобрѣтаетъ право купца;

казенный крестьянинъ право того и другаго; помѣщичій крестьянинъ, получивъ отпускную отъ своего господина, имѣетъ право избирать родъ жизни по своей доброй волѣ. За симъ естественная связь вещей требовала приступить къ указанію случаевъ, какимъ образомъ теряются гражданскія права. Здѣсь нѣтъ нужды входить въ излишнія, раздѣленія, подобныя тѣмъ, какія въ § 9 заключаются, ибо невозможно всего случающагося пересказать въ краткихъ словахъ. Желаніе говорить о томъ, и не совершить онаго, приведетъ къ однимъ недоразумѣніямъ. Такъ, въ помянутомъ § 9, послѣ всѣхъ предложеній, прочитавъ 6 пунктъ, судъ можетъ разсуждать, что лишенному гражданскаго права, нельзя быть и истцомъ и отвѣтчикомъ; но быть повѣреннымъ законъ дозволяетъ, поелику, при изчисленіи всѣхъ случаевъ, о томъ ничего не сказано, слѣдовательно, и дѣйствіе сіе не возбраняется. Равное тому заслуживаетъ примѣчаніе и 7-й пунктъ, въ которомъ изображено: «Всѣ Гражданскія послѣдствія брака, осу«жденію предшествовавшія, со времяни потери гражданскихъ правъ «пресѣкаются.» Подумаютъ, что сынъ, или дочь, рожденныя спустя мѣсяцъ, или недѣлю, послѣ потери гражданскихъ правъ, не могутъ имѣть части въ своемъ наслѣдіи: ужасная мысль, которой законъ совсѣмъ не имѣетъ, но сей пунктъ производитъ оную! Всѣ таковыя примѣчанія удостовѣряютъ насъ, что въ главѣ 1-й нѣтъ ни полноты, ни краткости, которыхъ требуютъ положительные законы въ опредѣленіи Гражданскихъ правъ; они содержатъ въ себѣ пустоту, а въ изчисленіи потерянія сихъ правъ она изобилуетъ многословіемъ, слѣдственно, ни съ одной стороны не имѣетъ свойственнаго ей образованія.

При семъ случаѣ позвольте мнѣ забыть на минуту всѣ мои права, рожденіемъ и службою пріобрѣтенныя, дабы остаться при одной скромной мысли, что я Россіянинъ. Въ размышленіяхъ моихъ, я, сравнивая себя съ подданными другихъ державъ, чувствую предъ прочими свое преимущество, ибо каждый Россіянинъ увѣренъ совершенно, что какую бы часть ни опредѣлила ему судьба его, но жизнь его всегда охранена закономъ, благодѣтельствующимъ равно для всѣхъ, безъ различія рода и пола: законъ, единственный въ свѣтѣ, истекшій, можно сказать, изъ самыхъ чувствій Божественнаго милосердія, освященный преемственно августѣйшими вѣнценосцами, утвержденный печатію времяни, откуда происходитъ избавленіе Россіянъ отъ смертной казни. Столь священный законъ, дарующій столь великое право Россія-

нія, право сохраненія жизни, уже ли не могъ имѣть мѣста въ 1-й главѣ о правахъ Гражданскихъ вообще? Уже ли право сохраненія жизни есть ниже права личнаго, каждому принадлежащаго по его состоянію? Уже ли право сохраненія жизни обветшало въ нашихъ глазахъ и должно потерять высокую свою цѣну? Я совсѣмъ не сомнѣваюсь въ единомысліи въ семъ пунктѣ собесѣдующихъ нынѣ со мной, но не могу не изъявить удивленія моего, какъ глава 1-я о правахъ Гражданскихъ вообще оставляетъ въ забвеніи сіе спасительное право Россіянъ, истинное право человѣчества, которому даетъ новую силу сострадательное чувствованіе человѣколюбиваго Монарха! Признаюсь, оскорбительно для меня видѣть въ проектахъ законовъ упущенія, унижающія цѣну Высочайшихъ даровъ и многихъ отечественныхъ установленій. Можетъ быть, на сіе возразятъ мнѣ, что таковыя преимущества Россіянина сохранены будутъ на своихъ мѣстахъ по принадлежности. Ежели такъ, то, не имѣя возможности сосредочить здѣсь общихъ понятій, не должно было полагать и начала онымъ. Таковымъ возраженіемъ оправдаютъ лишь сказанное мною выше: «или сіе пятиглавное введеніе не принадлежитъ къ положительнымъ законамъ, и должно быть отвергнуто, или слѣдуетъ сліять его въ одинъ составъ съ положительными законами, буде они не могутъ имѣть безъ него свойственной имъ силы.»

Естьли бъ я рѣшился писать критику на составъ Гражданскаго Уложенія, или на проектъ онаго, то не осталось бы, можетъ быть, ни одной главы, которая не потребовала бы отъ меня пространнѣйшихъ изъясненій. Прочитавъ главу 6-ю о бракѣ, всякъ долженъ заключить, или Россія не признаетъ уже въономъ таинства Церкви, или желаетъ, чтобъ со времяни изданія новаго Уложенія происходила безпрестанная борьба между властями духовною и свѣтскою. Къ чему помѣщенъ въ сей главѣ разборъ супружескихъ союзовъ, принадлежащій вѣдѣнію духовной власти, разрѣшающей таковыя сомнѣнія совокупно съ благословеніемъ браковъ? Къ чему заимствованы сюда изъ церковныхъ книгъ наставленія, внушаемыя вѣрою при самомъ бракосочетаніи? Къ чему гражданскій законъ одѣвать въ неприличныя для него ризы духовнаго священнослуженія? «Мы вѣдаемъ повелѣнное человѣкамъ закономъ Божіимъ: законы Гражданскіе должны въ обществѣ подкрѣплять законы Божіи. Но сіи два рода законовъ, не должны быть смѣшены. Они различествуютъ между

собою по ихъ происхожденію, предмету и свойству,» изрекла Великая Екатерина въ 4 пунктѣ Генералъ-Прокурорскаго Наказа.

Однимъ словомъ: естьли бъ я, по праву писателя, рѣшился критиковать Проектъ Гражданскаго Уложенія, то сіе вовлекло бы меня въ дальнѣйшія изъясненія, требующія много времени и большихъ занятій. Но по званію моему, я долженъ ограничиться общими наблюденіями, нужными для мнѣнія моего въ отношеніи къ одному сложенію Проекта, нынѣ разматриваемаго; поелику главное обозрѣніе составляетъ принадлежность 1-й части моихъ наблюденій, а не болѣе. Находя же въ составѣ Проекта Гражданскаго Уложенія общую смѣсь: тамъ противорѣчіе, тамъ несвойственныя выраженія, тамъ безполезныя вещи, тамъ пустоту, тамъ многословіе, тамъ упущеніе, тамъ смѣшеніе судной части съ межевою, тамъ сцѣпленіе духовной власти со свѣтскою: да и вообще какое вездѣ сплетеніе обстоятельствъ! какое противоборство теоріи съ практикою! сколько разъ и на сколькихъ мѣстахъ, одно отъ другаго отдаленныхъ, говорится объ одномъ и томъ же предметѣ, о раздѣлѣ и раздѣлѣ! Находя все сіе въ такомъ видѣ, погрѣшилъ бы я противъ справедливости, ежели бъ не сказалъ, что столь очевидное нестроеніе ни какъ не должно быть допущено въ Россійскихъ узаконеніяхъ. Я примѣчаю, что въ семъ сочиненіи классификація вещей употреблена совсѣмъ не такова, каковой быть надлежало; теоріи много, а мѣстныхъ практическихъ наблюдеденій совсѣмъ непримѣтно; къ тому же всѣ почти частныя раздѣленія выработаны не съ такимъ логическимъ единствомъ и не съ такимъ достоинствомъ, каковыхъ требуетъ главная цѣль, а паче величіе предмета.

II

СУЩЕСТВО ПРОЕКТА ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

Духъ законовъ отражается не только чрезъ разумѣніе, какое онъ въ понятіяхъ нашихъ производитъ, но и чрезъ послѣдствія, какія на мѣстѣ дѣйствія вытекаютъ изъ его благости, или противныхъ тому свойствъ. Дабы искусить сущность его въ Проектѣ Гражданскаго Уложенія, избираю для сего метрическія свидѣтельства, заключающіяся въ 5-й главѣ, но относящіяся до такихъ лицъ и вещей, кои всѣмъ извѣстны, слѣдовательно и разсматривать ихъ можно съ большею удобностію.

По росписанію, здѣсь учиненному, о духовныхъ и гражданскихъ метрическихъ книгахъ, люди всякаго состоянія, какъ то: священство, церковной причтъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ экономической, удѣльной и помѣщичей, словомъ, всѣ вообще поставлены въ одну линію съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе было каждаго снабдить письменнымъ видомъ о его существованіи. На сей конецъ учреждаются двѣ метрическія книги: духовная и гражданская; первая составляется при церквахъ; изъ оной должны быть каждому выдаваемы свидѣтельства по формѣ, за подписаніемъ всего причта; получившій же свидѣтельство обязанъ явить его въ теченіи мѣсяца мѣстному начальству, духовному, или гражданскому, по принадлежности. Вторая книга должна быть составляема гражданскимъ начальствомъ, здѣсь упомянутымъ. Въ оную будутъ вносить данныя отъ церквей свидѣтельства отъ слова до слова, а потомъ съ помѣтою возвращаться предъявляющимъ ихъ для всегдашняго храненія. Книги сіи въ гражданскія мѣста имѣютъ быть разсылаемы Казенными Палатами, за ихъ скрѣпою и печатью. Какъ духовныя метрики ежегодно соединятся въ Консисторіяхъ, такъ и гражданскія въ Казенныхъ Палатахъ. Консисторія и Палата, нарядивъ для нихъ нарочитую коммиссію и свѣривъ ихъ такимъ образомъ, должны скрѣплять взаимнымъ подписаніемъ всѣхъ членовъ, а потомъ доставлять перечневыя вѣдомости въ духовное и гражданское высшее начальство. Естьли вышесказанное свидѣтельство будетъ утрачено, то, вмѣсто его, требовать другаго или отъ церкви, или отъ Консисторіи, или отъ Казенной Палаты. Сіи свидѣтельства выдавать уже на гербовой бумагѣ, исключая поселянъ. Всѣ таковыя свидѣтельства будутъ разрѣшать всякой судебной споръ, о гражданскомъ состояніи лицъ возникшій; но естьли бы и въ самомъ свидѣтельствѣ учинилось упущеніе, то за умышленное судить по законамъ, а неумышленное исправить по разсмотрѣніи всѣхъ доказательствъ упущенія и по формальному судебному приговору.

Столь общее и столь обстоятельное распоряженіе, заключающееся въ главѣ 5-й, не разрѣшаетъ въ ней одного только сомнѣнія: распространяется ли сей законъ и на женской полъ? Но то весьма ясно, что въ каждомъ погостѣ долженъ устатвиться нѣкоторой родъ трибунала: изъ чтецовъ, дьячковъ, пономарей, ктиторовъ или старостъ, ибо всѣ они въ совокупности составляютъ церковной причтъ, которой долженъ подписывать метрическія свидѣтельства Князьямъ, Графамъ,

Дворянамъ и людямъ всѣхъ прочихъ состояній. Таково есть новое распоряженіе о метрическихъ книгахъ.

Одинъ внимательный взоръ можетъ уже показывать тѣмъ, откуда заимствовано сіе длинное производство, которое, по свойству своему, чѣмъ общественнѣе, чѣмъ обширнѣе въ своихъ основаніяхъ, тѣмъ простѣе и малосложнѣе должно бы быть, однако жъ многосложно. Да и могло ль сіе быть иначе, когда общая теорія не приложена къ мѣстной практикѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ вѣроисповѣданіе дозволяетъ почитать бракъ дѣломъ произвольнымъ гражданскихъ условій? Гдѣ рожденіе человѣка и кончина его относимы бываютъ къ особеннымъ началамъ; гдѣ бракъ основывается на прихотливыхъ желаніяхъ, а не на естественныхъ причинахъ, тамъ таковыя доказательства о гражданскомъ существованіи вѣроятно и нужны. Но когда по вѣрѣ, въ Россіи господствующей, рожденіе Христіанина, бракъ и кончина его, когда все сіе почитается въ ней дѣломъ рукъ Божескихъ, то здѣсь правила другихъ вѣроисповѣданій не имѣющихъ къ оному довѣренности, будутъ совершенно пагубны. Я совсѣмъ не слыхалъ въ губерніяхъ тяжбъ о подлогѣ младенцовъ, для коихъ найболѣе нужны метрическія свидѣтельства, не слыхалъ о томъ въ продолженіи 50 лѣтъ моей службы, да и не сомнѣваюсь, чтобъ и впредь оныя могли случаться, пока самъ отецъ и мать съ повивальною бабкою и священникомъ будутъ адвокатами процесса о новорожденномъ въ самыя первыя минуты его въ свѣтъ явленія. Но естьли бъ и могла послѣдовать въ теченіи многихъ лѣтъ подобная тому фальшь, хотя на сіе согласиться весьма трудно, то принимать столь великія мѣры, для отвращенія столь рѣдкаго случая, столь малозначащаго въ отношеніи къ цѣлому государственному тѣлу, значило бы въ переносномъ смыслѣ: двинуть море потопить муху.

Всякой Россіянинъ, которой чуждъ извѣстнаго предубѣжденія о красотѣ внѣшнихъ благъ, съ его климатомъ и вѣрою не согласующихся, прочитавъ распоряженіе о метрическихъ свидѣтельствахъ, по самой необходимости впадетъ въ недоумѣніе, а потомъ съ крайнимъ сожалѣніемъ вынужденъ будетъ сказать: «Естьли подобныя мѣры нужными казались для блага рождающихся, то здѣсь чрезъ обряды и формы изсякнутъ и самые источники плодородія.» Какъ можно заставлять каждаго человѣка, а наипаче поселянина, таскаться всякой разъ по всѣмъ окольностямъ: изъ дому своего къ священнику, отъ сего къ вотчинному старостѣ, или помѣщику, которой весьма

часто, будучи малымъ чѣмъ богатѣе своего крестьянина, его же пошлетъ въ судъ, гдѣ онъ долженъ будетъ ожидать очереди нѣсколько дней, ибо книга одна въ Уѣздномъ судѣ, и неминуемо будетъ загромозжена свидѣтельствами; наконецъ, по долговременномъ страданіи, получивъ сей чуждый талисманъ свой, котораго ни разобрать, ни сберечь не умѣетъ, совершитъ путешествіе по уѣзду, нерѣдко имѣющему 200 и 300 верстъ въ длину и сто, или полтараста, поперекъ, а между тѣмъ время, златое время полевыхъ его работъ, улетитъ, коего никакой процессъ вспять обратить уже не можетъ. Но для чего все сіе? Для того только, чтобъ изъ многихъ милліоновъ одинъ какой ни будь человѣкъ не назвался другимъ имянемъ: дворянинъ купцомъ, купецъ мѣщаниномъ, мѣщанинъ крестьяниномъ, и обратно, тогда, когда гражданское состояніе каждаго изъ нихъ закономъ утверждено; для того только, дабы до безконечности распространить письмоводство и число приказныхъ людей, а не число военныхъ, не ремесленниковъ и не число рукъ, потребныхъ къ воздѣлыванію обширнѣйшихъ полей: для того только, дабы накоплять устрооенныя кучи измаранныхъ бумагъ, кои будутъ свидѣтельствовать о трудахъ и заботахъ, принесенныхъ въ жертву суетнымъ помысламъ. Бѣдный дворянинъ, и купно поселянинъ, удрученный многими хлопотами о земскихъ повинностяхъ и симъ новымъ процессомъ, отнимающимъ у него послѣднее время для необходимѣйшихъ упражненій, соскучивъ и самымъ плодородіемъ жены своей, не приминетъ жаловаться наконецъ. «Для чего заставляютъ меня влачиться изъ одного уѣзда съ другой, скажетъ онъ; для чего заставляютъ меня хлопотать о семъ несчастномъ свидѣтельствѣ, когда и самая нить жизни младенца, едва только въ пеленахъ матери своей шевелящагося, можетъ быть прервана чрезъ нѣсколько недѣль и мѣсяцовъ?»

Сообразилъ ли сочинитель Проекта всѣ обстоятельства деревенской жизни, чтобъ новымъ судебнымъ образомъ отяготить простодушнаго поселянина въ самой хижинѣ его? Крестьянка въ концѣ одного поля жнетъ рожъ и родитъ, а въ концѣ другаго поля мужъ ея убираетъ сѣно, священникъ отозванъ въ другую деревню для исправленія требъ, откуда не можетъ скоро возвратиться, церковые причетники разошлись также для исправленія своихъ надобностей; спрашивается: какія мѣры должно будетъ взять отцу въ такомъ случаѣ? Естьли онъ оставитъ уборку сѣна и не докончитъ участка, женою начатаго, то можетъ лишиться цѣлой половины своихъ запасовъ, а иногда

отъ продолжительнаго бездврія потеряеть и все продовольствіе. Есть ли жъ онъ, предохраняя себя, роженицу и рожденнаго отъ голодной смерти, будетъ продолжать полевыя работы до самаго ихъ окончанія, то пропуститъ назначенный срокъ для полученія предъявленія и возвратнаго доставленія въ домъ свидѣтельства; ибо во все сіе время поселянинъ столько бываетъ углубленъ въ свое дѣло отъ утра до утра, что непримѣтно проходитъ у него круглое лѣто. Ошибаются тѣ, которые воображаютъ себѣ, что для полученія свидѣтельства неболѣе нужно, какъ только взять его, предъявить и спрятать. Не всегда сіе можно съ такою удобностію и скоростію выполнить на самомъ дѣлѣ, съ какою можно пересказать на словахъ и на бумагѣ; ибо гдѣ предписаны формы, тамъ уже будутъ и поводы къ притѣсненіямъ. Сверхъ того земскія повинности, наряды и прочее идутъ своею чередою. Поселянинъ такъ озаботится выполненіемъ одного, другаго и третьяго дѣла, не терпящаго отсрочки, что о метрическомъ свидѣтельствѣ совсѣмъ позабудетъ; но вспомнивъ объ немъ послѣ срока, чрезъ нѣсколько времени опять оставитъ по своимъ недосугамъ. Наконецъ донесутъ на него, и непремѣнно будутъ его судить, яко нарушителя законовъ.

Вотъ каковъ духъ новаго закона и каковыхъ должно опасаться послѣдствій отъ его дѣйствія!

Метрическія книги можно уподобить огромной машинѣ, которая чѣмъ простѣе бываетъ устроена, тѣмъ благонадежнѣе дѣйствуетъ. Я покорнѣйше прошу взглянуть одинъ разъ на составленіе сихъ книгъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Приходскій священникъ, получивъ извѣстіе о родившемся, по самой необходимости долженъ взять молитвенникъ, лежащій на метрической книгѣ, дабы дать имя дитяти. Въ одну минуту можетъ онъ и положить книжицу и записать въ метрику новорожденнаго безъ всякихъ обрядовъ и напряженій, на другой потомъ, или на третій, день, окрестивъ младенца, кладетъ епитрахиль и записываетъ воспріемниковъ, также не обременяя никакими формами. Столь простое начало метрическихъ книгъ есть въ своемъ родѣ таково, которому нельзя дать цѣны. Книги своимъ порядкомъ соединяются въ извѣстныхъ мѣстахъ, а сіи доставляютъ изъ нихъ перечневыя вѣдомости въ Святѣйшій Синодъ, который пульсируетъ ихъ по своему благоусмотрѣнію. Въ такомъ образѣ теченія нѣтъ нужды ни въ какихъ коммиссіяхъ и церемоніяхъ, обременяющихъ только напрасно [illegible] дѣла; никогда [illegible]

правительству не можно и не нужно имѣть о семъ болѣе, какъ одни поверхностныя свѣдѣнія: ибо пока общія вѣдомости здѣсь получаются на мѣстѣ, между тѣмъ происходятъ большія перемѣны. Впрочемъ, Дворяне по Высочайше жалованной грамотѣ, имѣютъ особую родословную книгу, изъ которой выдаются и свидѣтельства. Купцы и мѣщане, по городовому положенію, имѣютъ свою книгу, которая также употребляется для выдачи свидѣтельствъ, но свидѣтельствъ людямъ, а не груднымъ дѣтямъ. Наконецъ, ревизія изчисляетъ всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Но естьли бъ во всемъ томъ и могла скрываться какая нибудь неисправность, или и самые недостатки, то стократъ легче привести готовыя учрежденія въ должное состояніе, нежели вводить отяготительную систему, ни съ которой стороны къ обстоятельствамъ отечества не приспособленную. Первое несравненно лучше послѣдняго, не только по чрезвычайному пространству премногихъ уѣздовъ и даже погостовъ, но и по всѣмъ отношеніямъ, когда только возьмемъ въ разсужденіе, какъ много всякая ненужная новость производитъ новыхъ затрудненій, имѣющихъ вліяніе на важнѣйшія части, и тѣмъ самымъ останавливающихъ движеніе народной массы въ полезнѣйшихъ оборотахъ.

Отнюдь не нахожу достаточныхъ причинъ, для чего бы нужно было имѣть новорожденному крестьянскому сыну метрическое свидѣтельство, естьли не для того только, чтобъ онъ зналъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, въ которомъ будетъ онъ совершенно увѣренъ отцемъ своимъ, сосѣдями и самымъ образомъ жизни. Но прошу изчислить людей всякаго состоянія рождающихся въ Россіи, бракомъ сочетавающихся и умирающихъ, дабы взять въ соображеніе число заботъ, умноженныхъ симъ закономъ о трояких метрическихъ свидѣтельствахъ.

Не излишнимъ почитаю присовокупить къ сему подобное же испытаніе главы 14-й о наслѣдіи супруговъ, гдѣ назначено вдовѣ пожизненное право на половинную часть имѣнія противъ каждаго сына, вмѣсто нынѣ существующей 7-й части, которою она располагала какъ своею благопріобрѣтенною собственностію. Пройдя сію главу, отъ начала до конца, не спросятъ ли всѣ древніе обитатели Россіи, по какимъ убѣдительнымъ причинамъ разсудили измѣнять сей благонамѣренный законъ? Какими произшествіями доказано, что вдова лучшее получитъ обезпеченіе въ своемъ пожизненномъ участкѣ, нежели въ благопріобрѣтенномъ имѣніи? Какая несомнѣнная польза проистекаетъ изъ сего премѣненія? Ежели та, чтобъ мать возчувство-

вала нѣкоторую зависимость отъ своихъ дѣтей, то жалостное будетъ ея состояніе. Ежели та, чтобъ не раздроблять удѣловъ на мѣлкіе участки, то для Имперіи, допускающей дѣлимость имѣній, будетъ все равно. Правда, въ присоединенныхъ губерніяхъ пожизненное право имѣетъ законное мѣсто, но тамъ же существуютъ и Римско-Католическое и Лютеранское исповѣданія. Такъ, ежели все то переносить въ Россію, что есть въ пріобрѣтенныхъ областяхъ, тогда коренные законы, духъ народа и господствующая вѣра, на коей держится общее благосостояніе, потрясены будутъ въ самыхъ основаніяхъ.

Ясное представленіе связи вещей свидѣтельствуетъ, что чрезъ оставленіе вдовѣ пожизненнаго права, можно поселить между матерью и дѣтьми неудовольствія, коихъ они въ настоящемъ положеніи совсѣмъ не знаютъ, поелику пожизненнымъ правомъ слѣдуетъ уже само по себѣ злоупотребленіе сего права и даже лишенія онаго. что сопровождается всякой разъ весьма предосудительными тяжбами. Пусть остается въ присоединенныхъ губерніяхъ пожизненное право, которое тамъ вошло въ обычай по разнымъ стеченіямъ; но сіе ни сколько не препятствуетъ намъ удержать для вдовъ 7-ю часть во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ, дабы только сердечную взаимность отношеній родительскихъ и дѣтскихъ, несравненно драгоцѣннѣйшую всякихъ пожизненныхъ правъ, сохранить въ прежней непорочности. Ежели мать будетъ получать свою 7-ю часть, которая можетъ ощастливить своихъ же дѣтей за ихъ къ себѣ любовь и почтеніе, то законъ, руководствующій къ оному, для нравственности принесетъ пріятнѣйшие плоды.

Искусивъ чрезъ сіе въ двухъ видахъ сущность новыхъ законовъ, дабы показать въ очевидныхъ доводахъ послѣдствія, зависящія отъ введенія сихъ уставовъ, я, съ тѣмъ вмѣстѣ, достигъ до конца 2-й части моихъ наблюденій, но не могу оставить оной безъ того, чтобъ не довершить особеннымъ заключеніемъ, которое считаю найприличнѣйшимъ. Оное содержится въ словахъ Высочайшаго Наказа Генералъ-Прокурору, изданнаго въ 30-день Іюля, 1767 года, при Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. Въ началѣ сего Наказа изображено: «1-е, Генералъ-Прокуроръ смотрѣть долженъ, чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся, Коммиссіею ничего сочинено не было, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ протестовать и къ Намъ внесетъ дѣла; 2-е, чтобъ разумъ и слова наставленія не были обращены во вредъ отечеству.»

III.

ОСОБЕННЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Изъяснивъ обстоятельства, нужныя къ рѣшительнымъ соображеніямъ, какъ о наружномъ составѣ Проекта Гражданскаго Уложенія, такъ и о внутреннихъ качествахъ онаго, нынѣ долженъ я приступить къ изложенію особенныхъ примѣчаній, составляющихъ плодъ моихъ наблюденій и сущность моего мнѣнія.

По всему видно, что частное расположеніе многихъ предметовъ и принадлежностей къ онымъ учинено безъ приложенія къ тому порядку и къ той простотѣ, которыя предохраняютъ отъ противорѣчій, отъ смѣшенія и отъ излишнихъ повтореній, побуждая соблюдать ясность и полноту понятій, соединенныхъ съ употребленіемъ опредѣлительныхъ выраженій нашего языка.

Истинное достоинство Гражданскихъ Законовъ, о которомъ позволительно судить въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, требуетъ, чтобъ въ общій составъ ихъ не были вводимы стороннія предметы, не зависящіе отъ ихъ власти и силы; тако жъ, чтобъ въ частный составъ членовъ ихъ не были включаемы придаточныя вещи, долженствующія постепенно имѣть свои собственныя мѣста; равнымъ образомъ чтобъ единство предмета въ оглавленіи ознаменованнаго, сохраняемо было колико возможно въ цѣлости и приличной связи, въ отношеніи къ другимъ, ближайшій союзъ имѣющимъ, предметамъ. Но все сіе, къ сожалѣнію, не выполнено.

Упущеніе ни въ какомъ случаѣ не бываетъ похваляемо, тѣмъ болѣе нельзя послабить оному въ новыхъ законахъ, дабы, вмѣсто чаемой пользы, не могъ иногда послѣдовать вредъ отечеству.

Кажется, при составленіи новыхъ распоряженій о метрическихъ книгахъ и свидѣтельствахъ, о вдовахъ и о прочемъ, не были извлечены положенія изъ тѣхъ законовъ, которые по симъ частямъ нынѣ существуютъ, по крайней мѣрѣ, не вошли въ обсуживаніе оныхъ и безъ вниманія оставили вліянія вѣры и климата, вѣры, гораздо болѣе обладающей здѣсь умами, нежели въ Европѣ вся модная нравственность; климата, гораздо менѣе доставляющаго нашимъ поселя-

намъ времени для полевыхъ работъ, нежели въ прочихъ частяхъ Европы, въ образецъ пріемлемыхъ.

Не по симъ ли причинамъ оставлены безъ примѣчанія многозначущія земскія повинности, отъ чего народная тягость умножена съ сохраненіемъ средствъ нужныхъ для удовлетворенія необходимыхъ надобностей? Не по симъ ли также причинамъ нижнія Присутственныя Мѣста и Церковной причтъ приняты въ несвойственномъ ихъ состоянію видѣ? Не по симъ ли равномѣрно причинамъ соображеніе съ основаніями права Русскаго отложено совершенно; ибо всѣ классы людей сбиты въ одну массу, въ противность Высочайшихъ узаконеній, нынѣ существующихъ.

Не видимъ убѣдительныхъ причинъ, для чего предполагается преобразованіе Метрикъ и премѣненіе вдовьяго закона, ниже прямыхъ выгодъ, предусматриваемыхъ отъ сего новаго введенія не показываютъ, чтобъ можно было судить, соотвѣтствуетъ ли будущее воображаемое благо столь чувствительнымъ пожертвованіямъ, каковыя нынѣ требуются для приведенія въ дѣйствіе необъятнаго письмоводства и новаго пожизненнаго права, допускаемаго вмѣсто 7 части, водворявшей до сего времени въ семействахъ большой части жителей Россіи драгоцѣнное миролюбіе.

Достойно примѣчанія, что въ Проектѣ не показано тѣхъ отличныхъ мѣстъ, откуда почерпнуты правила для новыхъ распоряженій, какія изъ нихъ отброшены и какія приняты. Сіе необходимо нужно было соблюсти, когда мы видимъ и въ книгахъ, для одного любопытства издаваемыхъ, посылки на разныхъ авторовъ, приводимыхъ въ доказательство каковаго либо обстоятельства, тѣмъ болѣе въ проектѣ законовъ должно было бы сохранить сіе правило, какъ въ книгѣ, приготовленной для безсмертнаго творенія, поколику законы суть вѣчны. Естьли жъ осмѣлимся утверждаться на однихъ только мнѣніяхъ, или своихъ, или чуждыхъ, то сколь далеко не достигнемъ еще до главной и священной цѣли законовъ?

Примѣчанія сіи ведутъ меня къ новому признанію, что Проектъ Гражданскаго Уложенія, или весьма слабо, или и совсѣмъ не былъ соображаемъ съ отечественными постановленіями и мѣстными обстоятельствами; слѣдственно, упущены изъ виду такія свѣдѣнія, безъ которыхъ едва ли можно было приступить и къ началу великаго дѣла новыхъ законовъ. Опасеніе мое оправдывается тѣмъ, что Проектъ Гражданскаго Уложенія, давая всему особенные виды, отли-

чается однимъ, ему свойственнымъ, качествомъ, чтобъ во всѣхъ старыхъ законахъ дѣлать переворотъ по своимъ мыслямъ, но отнюдь не по добротѣ мѣстныхъ обстоятельствъ отечества, освященныхъ временемъ и вѣрою.

Удивительнѣе всего кажется образованіе сего Проекта, судя по тому, что для разумѣнія оного печатаются на каждую главу и особыя введенія и самыя изъясненія, безъ коихъ, вѣроятно, трудно было бы понять и разумъ новыхъ законовъ. Когда жъ мы сами, при всѣхъ многолѣтнихъ опытахъ нашихъ, признаны были отъ своихъ законоискусниковъ несостоятельными разумѣть законы, безъ вспомогательныхъ тому средствъ, то какихъ остается ожидать послѣдствій при исполненіи оныхъ повсемѣстно въ приложеніи къ судебнымъ дѣламъ и къ толкованіямъ народа?

Я всегда буду оного мнѣнія, что гораздо легче философу написать прекраснѣйшую систему законовъ, основываясь на общей теоріи, нежели составить самые законы съ достодолжнымъ соображеніемъ мѣстныхъ обтоятельствъ.

Изъясняясь о семъ предметѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ представился, не могу оставить въ молчаніи, что полученное мною сличеніе Проекта Гражданскаго Уложенія съ Кодексомъ Наполеона, родило во мнѣ чувствительнѣйшее прискорбіе. Сличеніе сіе, безъ всякаго пристрастія, удостовѣряетъ меня, да и всякаго можетъ удостовѣрить, что разсматриваемый нами Проектъ Гражданскаго Уложенія собственно есть испорченный переводъ Наполеонова Кодекса, съ которымъ онъ въ томъ только и разнствуетъ, что многія части переставленныя съ однихъ мѣстъ на другія, производятъ вящшее замѣшательство въ понятіяхъ и сугубую недовѣрчивость къ его духу. Сколь скоро все сіе несомнѣнно, то нѣтъ уже нужды искать особенныхъ причинъ, для чего смѣшенными оказались власти судебныхъ мѣстъ и дѣла духовныя съ гражданскими. Причины сіи, конечно, гнѣздятся въ самомъ Кодексѣ и въ софизмахъ новой философіи, доказавшей заблужденія свои гибельными переворотами Французскаго Королевства. Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ ужасной революціонной пропаганды? Какъ можетъ ревнительный Россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ безбожнѣйшаго властелина? Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда

приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и въ самомъ олтарѣ, совершились, какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, которой стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!...О естьли бъ нашъ Проектъ Гражданскаго Уложенія былъ и похожъ только на Кодексъ Наполеоновъ, то и тогда нужно было бы передѣлать его, дабы влiять въ него то благородство, дабы вдохнуть въ него тотъ благотворный духъ, коимъ одаренъ свыше Августѣйшій Монархъ и Законодатель Россіи, ознаменовавшій таковыя чувствованія свои въ начертаніяхъ, данныхъ Коммиссіи составленія законовъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Обращаясь къ главнымъ основаніямъ, на коихъ Коммиссія законовъ обязывалась учредиться въ упражненіяхъ своихъ, я нашелся въ непріятномъ положеніи замѣтить, что сіе препорученіе выполнемо съ отступленіемъ отъ предписанныхъ въ руководство правилъ. Но какъ правила сіи требуютъ осмотрительнѣйшихъ соображеній, дабы, въ противномъ случаѣ, не погрѣшить противъ собственныхъ и не ввести чуждыхъ законовъ, не согласующихся ни съ образомъ правленія, ни съ Высокомонаршею волею Государя Императора, благорасположеннаго чтить свято въ законахъ своихъ природный законъ и вѣру, то по симъ причинамъ, я считаю нужнымъ, не теряя напраснаго времяни въ разматриваніи Проектовъ, оказавшихся весьма недостаточными, обратить ихъ для сочиненія вновь согласно съ начертаніями, заключающимися во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министерства Юстиціи въ 28 день Февраля, 1804 года, Высочайше конфирмованномъ.

При семъ долгомъ считаю представить на благоуваженіе Государственнаго Совѣта, что въ столь многосложномъ и купно многотрудномъ дѣлѣ, каково есть сіе, кажется мнѣ, нужно было бы сообщить особое наставленіе трудящимся, ближайшее къ цѣли таковыхъ занятій. Наставленіе сіе, по мнѣнію моему, должно заключаться въ нарочитомъ повелѣніи, чтобъ, для избѣжанія впредь всякихъ недоразумѣній, предварительно представлены были законы въ трехъ видахъ, для чего составить общія три таблицы:

1-ю, въ которой должны быть означены законы государства нашего, не требующіе никакого измѣненія;

2-ю, въ которой должны быть означены законы государства нашего одни другимъ противорѣчущіе, съ краткими примѣчаніями, какое въ оныхъ предполагается учинить исправленіе;

3-ю, въ которой должны быть изложены случаи, требующіе новыхъ законовъ, съ объясненіемъ, какія по тѣмъ предметамъ существуютъ установленія въ окрестныхъ державахъ.

Таблицы сіи нужно было бы составить по Великороссійскимъ и особо по привилегированнымъ губерніямъ, а потомъ, для вѣрнѣйшаго соображенія, свести ихъ и составить общія.

Сіи таблицы могутъ быть представляемы на разсмотрѣніе по частямъ, а не вдругъ, лишь бы главные раздѣлы не были смѣшиваемы.

Предметы, въ оныхъ означаемые, въ особенности согласовать съ мѣстными свѣдѣніями, коихъ можно требовать изъ губерній посредствомъ тамошняго начальства. Я разумѣю здѣсь такія токмо свѣдѣнія, которыхъ можетъ быть не окажется въ Коммиссіи, но они нужны будутъ къ соображенію.

Государственный Совѣтъ, разсматривая сіи таблицы по частямъ, или вдругъ, подъ Высочайшимъ назиданіемъ, будетъ имѣть возможность опредѣлить пункты и существенную силу, которыхъ должно держаться въ составленіи Проектовъ законамъ.

Резолюціи на всѣ разсмотрѣнные пункты, имѣютъ служить основаніемъ къ составленію самыхъ Проектовъ Законамъ. Но при сочиненіи оныхъ надлежитъ уже соблюдать какъ частно, такъ и вообще, правильную классификацію вещей, строго сохранять систематическій порядокъ, соотвѣтственный общему начертанію книги законовъ, предложивъ оные во всей ясности такъ точно, какъ сказано въ упомянутомъ, Высочайше конфирмованномъ, докладѣ Министра Юстиціи.

Посредствомъ выполненія таковаго плана, или сему подобнаго, мы въ состояніи будемъ достигнуть завиднаго щастія, что въ угодность Августѣйшаго Монарха удостоимся сохранить отечественные законы свято, чрезъ сіе уважимъ память досточтимыхъ предковъ и Царей нашихъ, надъ оными трудившихся, вмѣсто того, что нынѣ имяна ихъ совершенно исключены изъ книгъ, Проектами Россійскихъ Законовъ называемыхъ. Чрезъ сей способъ успѣемъ также исправить въ старыхъ законахъ ошибки безъ новыхъ погрѣшностей, дополнить нужное

и полезное безъ отягощенія народа, напослѣдокъ, присовокупить заимствуемые законы, буде бы въ томъ нужда встрѣтилась по строгомъ искушеніи оныхъ.

Признаюсь, на все сіе нужно время; но когда мудрые законы издаваемы были скоропостижно? Сколь скоро время будетъ проходить въ предписанныхъ упражненіяхъ, то оно же можетъ насъ найчувствительнымъ образомъ и сблизить къ окончанію работы, сколько бъ оная съ перваго взгляду ни казалась великою и трудною. Здѣсь подвигъ здраваго разсудка долженъ быть предпочтенъ скоротечности поверхностныхъ мыслей; его дѣйствіемъ ужасающія нынѣ громады бумагъ, безъ промедлѣнія сократятся въ малыя тетради, кои могутъ представить Государственному Совѣту занятіе, достойное великихъ его преимуществъ, любви къ общему благу и просвѣщенію. Послѣ приведенія такимъ образомъ уставовъ нашихъ въ цвѣтущее состояніе, надѣюсь, отечество получитъ найлучшіе законы, каковыхъ токмо Государь Императоръ и Россія ожидать могутъ, желая зрѣть у себя вожделѣнное царство правосудія.

Предавая все сіе въ благоуваженіе Государственнаго Совѣта, остаюсь въ совершенномъ увѣреніи, что симъ откровеннымъ изъясненіемъ, требующимся въ столь великомъ и купно священномъ дѣлѣ, конечно, силы мои превышающемъ, исполняю свой долгъ и по чувствовованіямъ и по званію моему. На меньшой конецъ, я сказалъ истину по крайнему разумѣнію, въ чемъ готовъ отдать отчетъ предъ Богомъ, Государемъ и Отечествомъ.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА,

О БРАКѢ ПОЛУЕКТОВЫХЪ И РОЖДЕННЫХЪ ОТЪ СЕГО БРАКА ДѢТЯХЪ.

Дѣло сіе показываетъ, что Офицеръ Штенгеръ, женясь на дѣвицѣ Насѣкиной, вскорѣ послѣ брака отвезши жену свою къ родному ея брату и самъ уѣхавши, болѣе 11 лѣтъ ни ей, ни родственникамъ ея, не давалъ о себѣ ни какого свѣдѣнія, а между тѣмъ, по протеченіи 3-хъ лѣтъ послѣ оставленія имъ ея у брата, она получила отъ служившихъ вмѣстѣ съ нимъ, Штенгеромъ, Офицеровъ письма, что сей мужъ ея, бывъ въ походѣ за границею, умеръ, вступила во второй бракъ съ Подпоручикомъ Полуектовымъ, жила съ нимъ болѣе 15 лѣтъ и родила отъ него пятерыхъ дѣтей. Въ послѣдствіи времяни Штенгеръ, взявъ изъ Метрическихъ книгъ выпись о вѣнчаніи ея съ Полуектовымъ, въ 1818 году просилъ Псковскую Духовную Консисторію, первый бракъ его уничтожа, дозволить ему вступить въ бракъ съ другимъ лицемъ. Консисторія оная, съ утвержденія Епархіальнаго своего Архіерея, разрѣшила дѣло признаніемъ твердости втораго брака съ Полуектовымъ и предоставленіемъ, касательно дозволенія Штенгеру вступить во второй бракъ, разсмотрѣнію Лютеранскаго духовнаго правительства, по нахожденію его, Штенгера, въ семъ вѣроисповѣданіи. Но въ Святѣйшемъ Синодѣ отмѣнено таковое рѣшеніе Консисторіи расторженіемъ брака съ Полуектовымъ по причинѣ, что жена его, при жизни перваго мужа, вышла за него.

При всемъ благоговѣніи къ мнѣніямъ священныхъ пастырей Церкви нашей, я не могу не признать перваго (утвержденнаго бывшимъ Псковскимъ Архіепископомъ, что нынѣ Митрополитъ Кіевскій, Евгеніемъ) ближе согласующимся съ духомъ Христіанскія вѣры, которая милуетъ грѣшниковъ, слабостямъ человѣческимъ снисходитъ и любовь заповѣдала началомъ и основаніемъ правилъ своихъ.

Спаситель нашъ не осудилъ на смерть и жены блудницы; здѣсь же дѣло шло не о блудницѣ, но о женѣ, сочетанной мужу чрезъ бракъ, Церковію нашею по всѣмъ правиламъ ея совершенный.

Жена сія если и погрѣшила ускореніемъ выхода въ другое замужство; ибо не выждала узаконенныхъ, не только семи, но и пяти, лѣтъ послѣ того, какъ первой мужъ ея, бывъ отсутственъ, оставлялъ ее безъ всякаго о себѣ увѣдомленія; но письма, которыя дошли до нея отъ сослуживцевъ его о его смерти, если не могутъ совершенно оправдать ее, по крайней мѣрѣ, въ соображеніи тогдашней молодости ея и незнанія точныхъ правилъ порядка, важнымъ служатъ поводомъ къ благоснисходительному извиненію ускорительнаго ея поступка.

Святый Василій Великій, знаменитѣйшій Церкви нашея учитель, въ одномъ изъ правилъ своихъ на подобные случаи излагаетъ именно: «Воиновъ жены, иже мужемъ ихъ безъ вѣсти бывшимъ, за иныя отходятъ, помилованнѣйшія суть отъ иныхъ, иже отшедшимъ мужемъ не ожидаютъ.» Можно ли отрицать, чтобы сей, истинно великій и святый мужъ, начертывая мысль, толикой благости и сердобоія исполненную, не прозрѣвалъ яснымъ окомъ бѣдственныхъ для человѣчества по бракамъ случаевъ и обстоятельствъ, подобныхъ предлежащему?

Но и при всемъ томъ ускорившая выходомъ замужъ Полуектова, за невыжданіе закономъ установленнаго срока, по самому рѣшенію Консисторіи и Епархіальнаго Архіерея, наказуется семилѣтнею епитемьею.

За симъ да будетъ мнѣ позволено коснуться обоихъ браковъ въ сравнительномъ на нихъ взглядѣ.

Первый изъ нихъ былъ бездѣтный, чуждый совокупному сожитію въ продолженіи 15 лѣтъ и на возстановленіе коего ни одна изъ сторонъ не изъявляла ни какого желанія; просилъ же Штенгеръ Консисторію имянно уничтожить оный и дозволить ему вступить въ другой бракъ.

Вторый же, сверхъ таинственнаго въ полной мѣрѣ освященія оного предъ олтаремъ нашей Церкви, освятился и долголѣтнимъ выполненіемъ отъ супруговъ всѣхъ, возлагаемыхъ на нихъ Церковію, обязанностей, прижитіемъ пятерыхъ дѣтей и объявленіемъ отъ обоихъ супруговъ неизмѣннаго ихъ желанія остаться неразлучными и соблюдать свято супружество свое.

Въ расторженіи сего послѣдняго брака не предстояло и не предстоитъ ни одному лицу какого либо добра, или существенной пользы; напротивъ того, по множеству прикосновенныхъ къ оному лицъ, влечетъ оное за собою много безполезнаго зла, печали и огорченія. Паче всего дѣти (которыя совершенно суть невинныя и въ дѣлѣ родителей и священнослужителей, бракъ совершавшихъ, стороннія лица), чрезъ расторженіе послѣдняго брака, подвергаются опасенію быть лишенными имяни отцовскаго, наслѣдія послѣ него имѣніемъ, дворянскаго происхожденія и всѣхъ правъ сословія, къ коему они, по своему рожденію, принадлежали, содѣлываются, при живыхъ отцѣ и матери, сиротами, лишающимися всѣхъ выгодъ общежитія, къ коему готовлены были хорошимъ воспитаніемъ и образованіемъ и подверженными всеобщему презрѣнію.

Еще, нѣкоторымъ образомъ, благовидный былъ бы слѣдъ Правительству не смотрѣть на столь горестныя для сихъ дѣтей послѣдствія, если бы, по крайней мѣрѣ, вступался кто либо съ настояніемъ о расторженіи въ его пользу брака, ихъ произведшаго, если бъ видѣнъ былъ истецъ и проситель; но таковаго не было и нѣтъ. Штенгеръ, скрывавшійся и молчавшій болѣе 11 лѣтъ, наконецъ пожелалъ только дозволенія себѣ жениться на другой.

Но буде бы даже Штенгеръ могъ просить и о расторженіи послѣдняго брака, то въ такомъ случаѣ самый законъ, повелѣвающій: «Дѣла, не бывшія въ теченіи десяти лѣтъ гласными, предавать вѣчному забвенію,» не попустилъ бы исполненію таковаго его желанія.

Сей законъ есть непреложнымъ правиломъ для всѣхъ сословій, всѣхъ чиноначалій и всѣхъ Присутственныхъ Мѣстъ въ Государствѣ. Правительствующій Сенатъ не изъятъ изъ повиновенія оному во всей точности. Святѣйшій Синодъ, равное Сенату правительственное мѣсто, долженъ равномѣрно руководствоваться онымъ въ своихъ по дѣламъ рѣшеніяхъ, и сіе по тому, что мы признаемъ одну верховную Само-

держца власть какъ надъ гражданскими, такъ равно и надъ духовными, мѣстами и лицами.

Всѣ сіи соображенія убѣждаютъ меня признать заключеніе по предмету двухъ браковъ, каковое постановлено въ Псковской Духовной Консисторіи и Преосвященнымъ Евгеніемъ принято и утверждено было, чтобы, не расторгая послѣдняго изъ нихъ, наложить токмо на двубрачное лице семилѣтнюю епитемію, сообразнѣйшимъ существу и обстоятельствамъ дѣла, не менѣе какъ и духу Христіанскаго ученія и таинственной цѣли браковъ удовлетворительнѣйшимъ.

Къ предпочтенію заключенія сего, противоположному оному мнѣнію, убѣждаюсь я также и нравственными понятіями о неизгладимыхъ въ сердцѣ человѣческомъ нѣжныхъ чувствахъ къ дѣтямъ своимъ, напечатлѣннымъ въ онемъ закономъ самой природы; ибо расторженіе брака, существовавшаго въ любви и добромъ согласіи 15-ть лѣтъ и укрѣпленнаго пятью рожденными отъ оного дѣтьми, яко противоидущее естественнымъ уставамъ, не могло бы даже достигать и своего исполненія, развѣ при совершенномъ отнятіи отъ супруговъ гражданской ихъ свободы, безъ чего точное послѣдованіе оному не иначе бы представляло отца и мать дѣтей сихъ, какъ не имѣющими въ сердцахъ своихъ ничего благодушнаго и какъ бы извергов природы; а по сему можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы отецъ и мать оставили рѣшительно дѣтей своихъ доброю волею, чтобы не имѣли совокупнаго надъ ними призрѣнія и попеченія, и чтобы для сего не жили вмѣстѣ и не продолжали прежнихъ связей своихъ?

Такимъ образомъ разрывы духовною властію подобныхъ браковъ служили бы токмо къ явному умноженію числа преступниковъ отъ непослѣдованія въ точности тому, что на самомъ дѣлѣ есть неудобоисполнительно.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА

О МѢРАХЪ КЪ ПРЕСѢЧЕНІЮ ГОЛОДА

ВЪ БѢЛОРУССКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Обѣ Бѣлорусскія губерніи разстроилися въ сельскомъ своемъ хозяйствѣ еще въ 1812 и 1813 годахъ, когда тамошніе помѣщики, для прокормленія отечественныхъ войскъ, пожертвовали всѣми запасами, оставшимися въ селахъ и деревняхъ ихъ по выходѣ оттоль непріятеля, расточительно потреблявшаго оные и требовавшаго въ изобиліи всякаго для себя продовольствія. Правительство хотя и обѣщало за таковую услугу оказать съ своей стороны Бѣлорусскимъ помѣщикамъ соотвѣтственное удовлетвореніе, но по сіе время получили они малую токмо изъ обѣщаннаго часть, изъ коей притомъ едва ли и половина до рукъ ихъ въ существѣ дошла. Милліоны рублей, доводящіеся имъ за отданной для войскъ хлѣбъ въ полъ цѣны, за справками, повѣрками и неторопливостію казенныхъ мѣстъ въ расплатѣ съ частными людьми, и по сіе время остаются удерживаемы въ Государственномъ Казначействѣ, когда въ то же время съ нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ, кои въ платежѣ подушныхъ и разныхъ другихъ казенныхъ поборовъ и необходимыхъ при оныхъ постороннихъ расходовъ, превышающихъ часто казенные, являлись неисправными, всѣ недоимки вполнѣ съ тяжкими пенями взыскиваемы были и столь настоятельно, что недоставало и времени для должной повѣрки расчетовъ.

Со времени вышесказанныхъ двухъ бѣдственныхъ для Бѣлоруссіи годовъ, помѣщики принуждены были, въ теченіи послѣдовавшаго за оными десятилѣтія, то строго воздерживать себя отъ излишества въ домашнихъ своихъ расходахъ, то истощать все движимое свое имущество продажею, а недвижимое займами, но всячески стараясь разоренное отъ непріятеля поправить, оскудѣвшее пополнить, нуждающимся помочь, голодныхъ накормить и жизнь крестьянъ своихъ сохранить, кто какъ могъ, по мѣрѣ усердія, или оборотливости своей. Въ семъ попеченіи всѣ они равно трудились, и хотя при истощенныхъ способахъ, но раздѣляли недостатки и трудности наравнѣ съ крестьянами своими. Иные надѣляли изъ человѣколюбія къ страждущимъ, иные же по ближайшему расчоту собственной своей пользы, которая научаетъ, что умершій ни для кого работать не можетъ, но въ казну за него платить должно. Сей всевластвующій надъ всѣми людьми расчотъ строже побуждалъ не оставлять безъ пособія крестьянъ, нежели всѣ насылаемые отъ Правительства предписанія и часто повторяемые указы. Сему дѣйствительнѣйшему побужденію можно всегда съ благонадежностію предоставлять заботливость о сохраненіи каждымъ въ цѣлости своего достоянія.

Но и не десять лѣтъ протекло уже, какъ Бѣлоруссія начала приходить въ страждущее состояніе. Еще предъ вторженіемъ въ предѣлы ея непріятеля, сей расточитель всякихъ золъ, случайно какъ бы предпослалъ въ оную повѣтріе и моръ, погубилъ многія тысячи душъ народа. Самъ, дающій сіе мнѣніе, потерялъ 1,000 душъ крестьянъ обоего пола, а другіе помѣщики и по большему числу. Но всѣ частныя потери свои великодушно переносили и каждый предъ Правительствомъ сокрывалъ особое свое бѣдствіе, довольствуясь малымъ; рѣдкіе искали иныхъ пособій, кромѣ какъ отъ собственныхъ своихъ оборотовъ, и не требовали вознагражденія за утраты великія, не отъ своей вины понесенныя. Страдали всѣ вообще, но безмолствовали, доколѣ не истощились всѣ способы къ отклоненію возрастающихъ бѣдствій, которыя отвратить частно никто уже не имѣлъ ни силъ, ни способности. Когда же къ стеченію золъ, нанесенныхъ отъ человѣка, присоединились непогоды, помрачилось небо, пролились дожди лѣтомъ, зимою же вихри обнажили у всѣхъ растеній корни, земля перестала давать плодъ и насталъ всеобщій голодъ, тогда токмо Бѣлорусскіе помѣщики прибѣгли ко вспомоществованію Правительства, которое и благоизволило дать пособіе. Сколь же оное ни было

умѣренное и для лишенныхъ собственной возможности весьма позднее, однако жъ могло быть для нихъ спасительнымъ, естьли бы не было при ономъ придумано требованіе подписокъ кормить голодныхъ. Всенародныя о томъ объявленія, повторенія оныхъ въ самыхъ церквахъ, изгнаніе помѣщиковъ изъ владѣній ихъ, учрежденіе опекъ надъ ихъ имѣніями и, неминуемое отъ всего того послѣдствіе, надѣяніе въ крестьянахъ быть и безъ работы прокормленными отъ помѣщиковъ своихъ. Конечно, указы не то гласили, но извѣстно, что не всегда читаютъ ихъ въ томъ направленіи, въ какомъ они написаны, что дьячки деревенскіе не всѣ грамотѣи, что простолюдимы часто указы худо понимаютъ, и что не рѣдко они къ написанному многое и отъ себя прибавляютъ. Крестьяне выслушали указъ, изъ церкви вышли весело и послѣднія копѣйки отнесли въ корчмы Евреямъ, для продовольствія же своего изготовили подводы ѣхать за хлѣбомъ господскимъ, оставя совокупно съ тѣмъ поля свои не вспаханными и не обсѣянными. Помѣщики изготовленныя для посѣва зерна принуждены раздать крестьянамъ въ пищу, а вышедшихъ изъ повиновенія никакими убѣжденіями не могли уже обратить ни на собственную, ни на господскую, работу. Таковое событіе утверждено донесеніями мѣстныхъ начальствъ, признано Господиномъ Сенаторомъ Барановымъ, и Комитетомъ Господъ Министровъ усмотрѣно достаточно изъ собраныхъ въ ономъ свѣдѣній. Комитетъ нашелъ необходимо нужнымъ предписать, чтобы Земскія Полиціи имѣли наблюденія за работою крестьянскою; но какъ время посѣвовъ въ природѣ есть весьма краткое, и поелику никакой надзоръ и никакая дѣятельность Капитанъ-Исправниковъ и Засѣдателей Земскихъ Судовъ, въ соображеніи обширности уѣздовъ, недостаточны къ повсемѣстному приведенію въ дѣйство всего, предписываемаго имъ, то навѣрное ожидать должно, что поля естьли и не вездѣ, то въ большей части мѣстъ, останутся незасѣянными и голодъ продолжиться можетъ и еще на нѣсколько послѣдующихъ лѣтъ. Въ настоящее же время спасительнѣйшая изъ мѣръ къ пресѣченію голода есть обсѣяніе полей; сія единая токмо мѣра возможетъ отвратить дальнѣйшее продолженіе онаго, и хотя не накормитъ тѣхъ, кои и теперь уже истаеваютъ голодомъ, но положитъ предѣлъ всеобщему опасенію и бѣдствію. Что жъ принадлежитъ до голодныхъ уже нынѣ, то ихъ должно кормить, и для сего доставить туда отъ Правительства неупустительныя пособія. Послѣ сего слѣдуетъ обратиться къ приготовленному

проекту Указа отъ Высочайшаго имени. Испытавъ несоотвѣтственное намѣренію дѣйствіе грозныхъ указовъ, не должно ли, при новомъ распоряженіи, удержаться отъ оныхъ, когда не строгости, но существенное пособіе, въ семъ случаѣ потребно? Крестьяне изъ приготовленнаго Указа, естьли бъ оный удостоенъ былъ Высочайшаго подписанія, познали бы, что они могутъ быть причислены къ казеннымъ поселянамъ; что таковое ихъ причисленіе зависѣло бы единственно отъ воли ихъ; что посѣянный ими хлѣбъ могъ бы удержать въ подданствѣ у помѣщиковъ; что содѣлаться вольными зависѣло бы отъ того только, чтобы ничего не работать и ничего не снять, но ѣздить чаще на господскій дворъ за хлѣбомъ и съ дерзостію требовать себѣ пищи безъ работы. Въ семъ соображеніи, какое другое можетъ произвести дѣйствіе приготовленный Указъ, какъ не явное руководство? Тогда не послѣдовало ли бы вящшаго со стороны крестьянъ неповиновенія помѣщикамъ, и не усугубилось ли бы нерадѣніе ихъ о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, въ надеждѣ получить свободу и содѣлаться казенными поселянами, когда у помѣщиковъ не станетъ ни хлѣба, ни другихъ средствъ для прокормленія ихъ?

Правительство принуждено будетъ тогда употребить насильственныя мѣры для возстановленія порядка и благоустройства: къ сему потребны будутъ войска, пули, ядра и штыки, кои, однако жъ, увеличатъ только всеобщее бѣдствіе, но никого не прокормятъ. А когда бы Правительство и дѣйствительно вступило во владѣніе обнищалыхъ имѣній, то оныя сдѣлались бы только бременемъ, а не обогащеніемъ, для него. Къ настоящему бѣдствію могутъ присоединиться многія другія непредвидимыя стеченія, кои всѣ отвратить Государственное Казначейство едва ли найдется въ силахъ. Доколѣ же, при великихъ усиліяхъ, возможетъ предъуспѣть въ томъ, многіе изъ крестьянъ перемрутъ отъ голода, а не малая часть ихъ за преступленія, естественныя послѣдствія отъ долженствующаго распространиться повсюду неустройства, сосланы будутъ въ Сибирь, и Правительство не иначе вступитъ во владѣніе селъ и деревень, какъ только такихъ, въ коихъ ни хлѣба, ни скота, ни сельскихъ орудій не найдется, и развѣ только пустынными, такъ сказать, помѣстьями частныхъ людей завладѣетъ.

По всѣмъ, толь разительнымъ, предусмотрѣніямъ, Предсѣдатель Гражданскаго Департамента заключаетъ, что явная опасность, могущая

послѣдовать отъ безвремянной строгости и ращетливости, требуетъ великой осторожности въ новомъ распорядкѣ, и что по сему все, содержащееся въ приготовленномъ проектѣ Указа, должно быть отмѣнено, а совокупно съ тѣмъ всѣ, изложенныя въ представленіяхъ мѣстныхъ Начальствъ и въ прозьбахъ Предводителей дворянства обѣихъ Бѣлорусскихъ губерній требованія, исключая одну 21-ю статью о сдѣланіи новой ревизіи, которая можетъ быть отсрочена, должны быть безотложно удовлетворены, ибо каждая изъ нихъ необходимо нужна для возвращенія утраченнаго благосостоянія крестьянъ и помѣщиковъ въ равной степени. Нѣтъ въ сихъ губерніяхъ ни единого не страждущаго и не заслуживающаго соболѣзнованія, или принятія въ бѣдственномъ его положеніи участія. При великихъ бѣдствіяхъ потребны и сильныя мѣры и нескудныя пособія. Сохраняя два, или три, милліона рублей отказомъ нынѣ въ оныхъ нуждающимся, на будущій годъ Правительство не пожалѣетъ, можетъ быть, и десяти милліоновъ, но оные менѣе успѣшны въ благотворности своего дѣйствія оказаться тогда могутъ.

Отмѣненіе же, или отложеніе, приготовленнаго Указа тѣмъ нужнѣе признается, что худые урожаи хлѣба и скудное продовольствіе народа не въ одной только Бѣлоруссіи оказалось, но и во многихъ другихъ губерніяхъ. Почему, буде бы таковой Указъ обнародованъ былъ, то оный всѣмъ сдѣлается извѣстнымъ и вездѣ одинаковыя породить можетъ послѣдствія.

Настоящее дѣло можетъ быть изложено въ краткихъ словахъ:

Голодные просятъ хлѣба на прокормленіе и зеренъ на обсѣвъ полей, или денегъ на покупку того и другаго, необходимо имъ нужнаго. Мѣлкопомѣстный дворянинъ и крестьянинъ въ Бѣлоруссіи нынѣ оба голодны и равно скудны. Первому приказываютъ кормить послѣдняго, по голоду товарища ему. Помѣщики, бывшіе прежде въ избыткѣ всего, истощили всѣ свои запасы, издержали всѣ наличныя деньги, обременили имѣнія свои долгами, и ихъ-то угрожаютъ лишить послѣдней, оставшейся у нихъ, родонаслѣдственной и покупной собственности. Всеобщая Бѣлорусскихъ помѣщиковъ прозьба не заключаетъ ничего ни прихотливаго, ни роскошнаго, ни невозможнаго въ исполненіи.

Г-нъ Сенаторъ Барановъ, посыланный въ Бѣлоруссію для дознанія нуждъ жителей ея, предлагаетъ не давать голоднымъ ни хлѣба,

ни денегъ на покупку оного. Точныя слова его суть: «Денежное и хлѣбное пособіе дворянскимъ имѣніямъ отнюдь доставлять не должно.» Вмѣсто же требуемаго помѣщиками для прокормленія крестьянъ своихъ пособія, Сенаторъ сей признаетъ за лучшую мѣру употребить противъ нихъ жестокія строгости, съ приведеніемъ оныхъ въ дѣйство безъ всякаго отлагательства, вопреки коренныхъ правъ и законовъ о родовыхъ имѣніяхъ; ибо сказано даже, чтобы «не принимать денегъ отъ вотчинника продаваемаго имѣнія, естьли не внесетъ оныхъ за три дни до срока, назначеннаго для продажи оного, лишая его навсегда права на полученіе обратно своего достоянія.» Ясно, что Г-нъ Сенаторъ сей видѣлъ Бѣлоруссію проѣздомъ только по большимъ дорогамъ, обозрѣвалъ оную поверхностно, безъ всякаго вниманія на состояніе бѣдствующихъ и, конечно, менѣе позналъ нужды жителей, чѣмъ оныя знаютъ мѣстныя Начальства и совокупно все тамошнее дворянство, видящее ежечастно крестьянъ въ ихъ жилищахъ. Губернаторы, Вице-Губернаторы, Маршалы и Депутаты дворянскіе признаютъ за необходимо нужное со стороны Правительства сдѣлать немедленное пособіе въ хлѣбѣ, для посѣвовъ и для прокормленія всѣхъ вообще крестьянъ и многихъ изъ помѣщиковъ, равно съ первыми страждущихъ отъ голода.

Естьли и представляются нѣкоторыя неудобства въ раздачѣ самимъ помѣщикамъ въ ссуду денегъ на закупку хлѣба, то доставленіе имъ оного въ достаточномъ количествѣ какъ для обсѣва полей, такъ и на народное прокормленіе, не должно быть отказываемо, и потому надлежитъ повелѣть, немедленно искупить потребное количество хлѣба на щотъ казны и раздать оный всѣмъ, нуждающимся въ пищѣ и сѣменахъ.

Закупку сію поручить Коммисіямъ продовольствія, въ обѣихъ губерніяхъ учрежденнымъ, яко болѣе другихъ свѣдущимъ о мѣстныхъ обстоятельствахъ и составленнымъ изъ лицъ, заслуживающихъ довѣріе.

Упорное сопротивленіе и всякое возраженіе со стороны блюстителей Государственной казны не могутъ при настоящемъ случаѣ быть уважены. Трудно повѣрить, чтобы казна доведена была до такой уже степени истощенія, что не можетъ искупить хлѣба, двумъ голоднымъ губерніямъ потребнаго, безъ коего многіе должны умереть. А естьли Государственное Казначейство и дѣйствительно дошло до столь нещастнаго растройства, то въ предупрежденіе могущихъ отъ того послѣдовать дальнѣйшихъ бѣдствій, должно немедленно выве-

сти оное изъ сего предосудительнаго уничиженія. Присвоеніе же казнѣ по дешевымъ цѣнамъ недвижимыхъ въ Бѣлоруссіи имѣній, при всеобщемъ голодѣ и при бѣдственномъ состояніи всея земли, явится крайне неблаговиднымъ и можетъ исполнить всѣхъ удивленія, что таковое пріобрѣтеніе частной собственности, во дни всеобщаго тамъ злоключенія, содѣлывается отъ лица Государя Императора, всѣхъ подданныхъ своихъ отца.

За тѣмъ всѣ пособія, какія испрашиваемы были отъ Правительства, какъ мѣстными Начальствами, такъ и всѣмъ дворянствомъ обѣихъ Бѣлорусскихъ губерній, и какія Предсѣдатель Гражданскаго Департамента, въ соображеніи настоящаго положенія жителей тѣхъ губерній, признаетъ къ оказанію необходимыми, могутъ изображены быть въ 6-ти слѣдующихъ пунктахъ:

1. Всѣ казенныя взысканія по не внесеннымъ податямъ и налогамъ и по ссудѣ денегъ, произведенной въ прежнихъ годахъ, разсрочить, на основаніи правилъ 20-тилѣтняго банка, со взнесеніемъ по 8-ми въ годъ. На семъ же основаніи расположить и взысканіе займовъ, содѣланныхъ тамошними помѣщиками изъ разныхъ казенныхъ заведеній и изъ Воспитательнаго Дома, а взносъ денегъ въ сроки, по уставамъ тѣхъ мѣстъ Государственному Казначейству принять на себя. Что жъ касается до наложенныхъ на нѣкоторыхъ изъ сихъ помѣщиковъ пеней, то оныя рѣшительно уничтожить.

2. Для покупки сѣмянъ на обсѣвъ полей отправить немедленно въ обѣ губерніи, по 600 тысячь рублей въ каждую.

3. На настоящій и предбудущіе четыре года уменьшить подушныя подати и всѣ казенные поборы въ половину противу нынѣ взыскиваемыхъ со всѣхъ вообще сословій народа Христіянскаго. Симъ уменьшеніемъ обѣ Бѣлорусскія губерніи только что пріидутъ въ уравненіе съ прочими въ Россіи губерніями, ибо по числу душъ, ревижскихъ, а паче наличныхъ, по исправленію земскихъ, почтовыхъ и дорожныхъ повинностей и услугъ для приходящихъ и квартирующихъ тамъ войскъ, въ большей степени отягощены противу другихъ губерній.

4. Для доставленія удобства къ заработкамъ, могущимъ облегчить пропитаніе тамошнихъ жителей, и для оживленія внутренняго обращенія денегъ, снабдить Управленіе путей сообщенія какъ на сей, такъ и на послѣдующіе годы по два милліона рублей на каждый, къ употребленію на устроеніе дорогъ въ обѣихъ тѣхъ губерніяхъ.

5. Пашпорты мѣщанамъ Христіянамъ и крестьянамъ выдавать безденежно въ теченіи двухъ лѣтъ по всѣмъ повѣтамъ, а впредь учредить выдачу оныхъ на два и на четыре мѣсяца.

6. По великому числу отсутствующихъ изъ обѣихъ тѣхъ губерній, распространить и въ пользу Бѣлоруссіи указъ, изданный о передержателяхъ бѣглыхъ, на Эстляндію и Курляндію, назначивъ, для возвращенія отсутствующихъ въ свои домы, трехмѣсячный срокъ. Наконецъ, дабы и бѣдная тамошняя шляхта не была оставлена безъ необходимаго пособія какъ въ прокормленіи, такъ и въ сѣменахъ на посѣвъ, то, для вспомоществованія самымъ скуднѣйшимъ изъ оной семействамъ, нужно выслать въ особенности въ ту и другую губерніи по 100 тысячь рублей. Для вящшаго же убѣжденія въ дѣйствительности горестнаго состоянія Бѣлорусскихъ жителей, Предсѣдатель Гражданскаго Департамента прилагаетъ къ своему мнѣнію замѣчанія, * въ Генварѣ мѣсяцѣ текущаго года сдѣланныя такою особою, которая не имѣетъ въ Бѣлоруссіи ни одной сажени земли и между помѣщиками тамошними ни брата, не сестры, но которая знаетъ злосчастное состояніе обитателей оной и наблюдательнымъ окомъ изыскивала и причины сего состоянія. Она не признаетъ, чтобы строгости противъ помѣщиковъ употребляемыя, могли быть полезны хотя въ малѣйшей мѣрѣ и послужили бы къ спасенію борющихся съ голодною смертію, въ числѣ превышающихъ милліонъ народа. Замѣчанія сей сострадательной къ бѣдствующему человѣчеству особы согласуются совершенно и съ донесеніями мѣстныхъ начальствъ, и съ воплями всего дворянскаго сословія. Одинъ только Господинъ Сенаторъ Барановъ изъявилъ противуположное тому заключеніе. Почему Предсѣдатель Гражданскаго Департамента обязанностію считаетъ не умолчать предъ Комитетомъ Господъ Министровъ о таковой странной противуположности и признаетъ необходимо нужнымъ, чтобы въ дѣлѣ толикія важности, когда двѣ губерніи страждутъ и многимъ тысячамъ народа смерть предстоитъ, повелѣно было изслѣдовать въ Бѣлоруссіи поступки и дѣйствія Господина Сенатора Баранова и удостовѣриться въ полной мѣрѣ, оправдалъ ли онъ санъ свой и довѣренность, ему сдѣланную?

---

* Замѣчаній сихъ при спискѣ нашемъ не находится.

ВОЗРАЖЕНІЕ

ГРАФА РАСТОПЧИНА,

НА КНИГУ, СОЧИНЕННУЮ ГРАФОМЪ СТРОЙНОВСКИМЪ,

О УСЛОВІЯХЪ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ.

Читавъ книгу Графа Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», я представлялъ себѣ, что само Правительство и мы всѣ помѣщики, убѣдясь выгодами расчетовъ и предложеній, относительно государственныхъ и собственныхъ нашихъ пользъ, готовы согласиться на освобожденіе крестьянъ; но при самомъ семъ согласіи вдругъ спрашивалъ самаго себя и его: «Кто намъ ручается, что онъ, изъ множества своихъ расчетовъ, предположеній и заключеній, ни въ одномъ ни сколько не ошибся? Что все то, что онъ расположилъ, счислилъ, сравнилъ съ подобными обстоятельствами Россіи взятое имъ изъ другихъ земель и изъ прошедшихъ временъ, точно справедливо и вѣрно изображено и исчислено? И что, когда приступятъ къ началу сего преобразованія, оно точь въ точь пойдетъ по его начертанію, ни мало и ни въ чемъ не отклоняясь отъ онаго?»

Нельзя намъ не спросить этого у самихъ себя! Ибо дѣло идетъ не объ однихъ выгодахъ или пользахъ нашихъ, а о цѣлости нашей и всего потомства нашего!... о цѣлости Государства! о бытіи или небытіи Россіи! Кто осмѣлится сказать, что онъ не только разумомъ или умомъ, но и воображеніемъ обозрѣлъ, или хотя гадательно предусмотрѣлъ всѣ, могущія произойти изъ сего послѣдствія? Кто столько будетъ дерзокъ, или до такой степени безразсуденъ, что скажетъ: «Я все предусмотрѣлъ!.... Я все предвидѣлъ!... Я отвѣчаю за успѣхъ!...» Но ежели бы ослѣпленіе наше и

таково было, чтобы мы ему и въ томъ повѣрили, то еще осталось бы еще спросить его: «Естьли, Ваше Сіятельство, сдѣлаетесь жертвою предлагаемой вами новизны изъ первыхъ, то кто же будетъ другой мудрецъ, который приметъ на себя довести это дѣло къ концу? — Или оставаться спокойными, что въ нихъ недостатка не будетъ!» — Знаю возраженіе на сіе. «Но довольно» скажутъ мнѣ, «здраваго смысла и разума, чтобъ понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ.»

Но развѣ не видимъ мы царствія разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ, и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ разрушены: вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны Французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности къ родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ ихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей? Они вошли въ иступленіе и пришли въ состояніе звѣрообразныхъ животныхъ, скитающихся по развалинамъ, курящимся собственною ихъ кровію. Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: «Нѣтъ!»

Вѣчное предпріятіе требуетъ, чтобъ предпринимающіе соображали, или сличали, что при начатіи оного имѣютъ они потерять и что пріобрѣсти. Кажется, что правило сіе неотвергаемо. Вотъ что въ краткихъ словахъ и разсмотримъ.

Обширное и могущее наше отечество, по обѣщаніямъ Графа Стройновскаго, сдѣлается многолюднѣе, народъ сдѣлается дѣятельнѣе, промышленность умножится, земледѣліе будетъ цвѣтущѣе, торговля обширнѣе, слѣдовательно, оно сильнѣе, непріятелямъ страшнѣе, а внутри благополучнѣе. Вотъ что мы выиграемъ, по его обѣщаніямъ. И какъ намъ сему не вѣрить? Онъ и подобные ему умствователи намъ о томъ ручаются и клянутся разумомъ!...

А что проиграемъ въ семъ? Впасть въ подобное состояніе, въ какомъ была въ глазахъ нашихъ Франція, и теперь еще находится, то есть, подъ желѣзною державою чужеземца, проливая кровь ея ручьями для насыщенія ненасытнаго своего властолюбія! Или въ подобное состояніе, въ какомъ была уже Россія въ нашествіе Батыя: раздроблена, угнетена чужимъ ярмомъ! Слича сіе, можетъ ли кто убѣдиться, или прельститься, умствованіями его?

Не могъ онъ скрыть, ни утаить, чтобъ всѣ сіи бѣдствія не угрожали любезному нашему отечеству при предлагаемомъ имъ преобразованіи, и для того сей нашъ доброжелатель коснулся лишь слегка сихъ бѣдствій,—и вотъ чѣмъ отъ нихъ насъ ограждаетъ § 28-й: «По непросвѣщенію народа, всѣ почти крестьяне мнѣнія такого, что свобода ихъ состоитъ въ томъ, дабы ничего не платить за землю и не давать работника, или, какъ они говорятъ, не дѣлать барщины; и такъ нужно имъ растолковать чрезъ приходскихъ священниковъ, что личная свобода и собственность не на томъ основаны, чтобъ пользоваться чужою вещію, безъ всякаго награжденія ея хозяину, или платежа, но надлежитъ ясно опредѣлить правила сего платежа и роста и сходственно съ природою и обязанностію общества человѣческаго.»

Слѣдовательно, вся безопасность Россіи обезпечивается тѣмъ, что священнику нужно лишь растолковать народу, въ чемъ состоитъ личная обида, и что не должно пользоваться чужою вещію даромъ, то есть: «Не тронь чужаго!» Какъ смѣшно было это сказать!... Гдѣ стыдъ?... Гдѣ совѣсть?.. Не на смѣхъ ли это сказано?.....

Но не на сихъ ли трехъ словахъ: «Не тронь чужаго!» вся нравственность основана? Не въ этомъ ли одномъ она и заключается? Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, о чемъ иномъ всѣ нравоучители, философы, законодатели, проповѣдники, правители толкуютъ и трудятся, если не о томъ, чтобъ такъ устроить общество, чтобъ въ немъ никто, сколько можно, не протягивалъ руки на то, что ему не принадлежитъ? Стало, это не такъ легко растолковать крестьянину, какъ насъ убѣждаетъ Графъ Стройновскій, самъ тому не вѣря.

Какъ же случилось во Франціи: не крестьянамъ, кои опытъ лютаго звѣрства явили всей Европѣ, и не дворянству, которое, по словамъ умствователей, отъ роскоши и разврата оглупѣло, а самой просвѣщеннѣйшей части народа, среднему ихъ состоянію, что не могли растолковать, въ чемъ состоитъ личная и гражданская свобода. Искупавшись въ крови милліоновъ своихъ соотчичей, всѣ не вняли толкованію ихъ толкователей, покуда собственными же ихъ учениками не завоевалъ ихъ тотъ, который, подъ кровомъ и благотворительнымъ призоромъ ниспроверженнаго ими правительства вскормленъ былъ на угнетеніе ихъ. Онъ, схватя ихъ желѣзными когтями, управляетъ ими по волѣ, и не чрезъ священниковъ, а толкуетъ имъ лично свободу, проповѣдуемую такъ сладко Графомъ Стройновскимъ.

Нѣтъ, Ваше Сіятельство! Надобно, что ни будь получше обдуманное и прозябшее въ головѣ зрѣлой, чтобъ склонить на свое мнѣніе Правительство, которое, чрезъ долговременную опытность, извѣдало, въ чемъ сила и могущество его состоитъ, которое знаетъ привязанность къ нему своего народа и усердіе прочихъ сословій, знаетъ и наблюдаетъ пользы ихъ. А естьли когда ослабляетъ бразды самодержавія, то по мудрому своему разсмотрѣнію, а не по правиламъ умствователей осьмогонадесять вѣка. Можетъ быть, что мнѣнія Ваши и могли быть полезны для Польши, бывшаго Вашего отечества, которое уже не существуетъ и которое пылкими головами изобиловало; но не они ли и заронили въ немъ искру пожара, который его истребилъ?

Что мнѣнія приводятъ людей въ иступленіе—это не новое. Мы недавно видѣли въ Россіи такихъ, которые сожигали сами себя на кострахъ; другіе и теперь топятъ себя; матери дѣлаютъ это надъ дѣтьми своими. Кто, казалось бы, можетъ хотѣть зла себѣ? Но изступленіе ихъ увѣряетъ, что это не зло, а благо; такое же изступленіе увѣряетъ и насъ самихъ, что согласоваться съ Вами и Вамъ способствовать не преступленіе ли противъ отечества, и спущено не по оплошности приставленныхъ къ сему надзору, а потому, что у надзора сего есть люди, вѣрно упившіеся сего яду вольнодумства, въ которое и вы обмакивали перо свое. Я самъ путешествовалъ почти четыре года, и не въ юности моихъ лѣтъ: былъ во всей Нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, видѣлъ всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ у насъ ни послѣдній изъ націи, просящій милостыню, не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо сей у насъ не только принадлежитъ къ какому ни будь селенію, но имѣетъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ по праву и сущности своею, ибо онъ ею владѣетъ, и часто у него есть овца и корова своя, а тѣ, конечно, пользуются и свободою, и правомъ пріобрѣтать собственность, но сіи, когда ничего пріобрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя! Входилъ, въ подробное размышленіе и наблюденіе народонаселенности и промышленности, видѣлъ и сличалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобъ ввесть и у насъ, то, по большей

части, видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе, которое долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой она въ тѣхъ странахъ. Причиною тому не крѣпостное состояніе крестьянъ нашихъ и лишеніе ихъ свободы переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ, неограниченная свобода раздѣляться и великая обширность Государства. Ежели Правительство обратитъ свое вниманіе на сіе, то вѣроподобно оно найдетъ, можетъ быть, скорѣе за полезнѣйшее ограничить сію свободу переходить, докуда въ нѣкоторыхъ областяхъ народонаселеніе достигнетъ до опредѣленнаго имъ количества, нежели дать волю всѣмъ крестьянамъ бродить по всему пространству обширнаго нашего Государства, что они не преминуть учинить, и чему доказательствомъ служитъ, что они теперъ цѣлыми селеніями съ хорошихъ и плодоносныхъ земель переходятъ на Заволжскія и на Кавказскія степи, что межъ Днѣпра и Буга и межъ Буга и Днѣстра. Они бродитъ и переселяться не переставали, докуда имъ оного не запретили, и съ тѣхъ только поръ селенія сіи приняли видъ страны населенной и начали воздѣлываться.

Представимъ себѣ, сколько милліоновъ людей, или семействъ, вдругъ поднимутся съ мѣстъ своихъ, чтобъ итти искать лучшихъ, для того единственно, что они могутъ и, обманувшись по легкомыслію ихъ въ своей надеждѣ, опять будутъ искать другихъ мѣстъ, и съ тѣхъ опять переходить. Сколько заведеній самонужнѣйшихъ, устроенныхъ умомъ, иждивеніемъ и временемъ измѣнятся, разорятся, погибнутъ! Сколько городовъ многолюдныхъ и торговлею богатыхъ начнутъ упадать, гаснуть и исчезать, когда окрестности ихъ будутъ пустѣть отъ необдуманнаго переселенія легкомысленныхъ крестьянъ! Сколько истребится промышленности! Сколько вдругъ возникнетъ буйства, безпорядковъ, неустройствъ! Кто знаетъ, до какой степени могутъ они распространиться! Какіе способы! Какія средства Правительство наше, доселѣ на кротости и милосердіи основанное, принуждено будетъ употребить для укрощенія оныхъ, и успѣетъ ли въ томъ? Какія мѣры приметъ оно для взысканія податей, составляющихъ самонужнѣйшій доходъ Государства? Важнѣйшая и необходимѣйшая повинность, наборъ войска, какъ исправится? Какое замѣшательство! Но кто можетъ все исчислить? Кто предвидитъ все, что произойти можетъ? Нѣтъ! Не вообще любленіе къ роду человѣчества и не пользъ желаніе Россіи водило перомъ Вашимъ, но таящаяся зависть и снѣдающая всѣхъ чужеземцовъ при

воззрѣніи ихъ на славу и величество Россіи, на силу и благоденствіе ея, безпрестанно возрастающія и утверждающіяся день отъ дня болѣе и болѣе, а паче тѣхъ, кои куплены, наряжены распространять неистовый духъ всеразрушенія, разсѣявшіе уже тлетворной ядъ свой по Полночной части Европы, давно уже силятся насъ имъ заразить. Вотъ что тревожитъ и разрываетъ всѣхъ сихъ доброхотовъ нашихъ! Вы знаете, что до сихъ поръ ее ничѣмъ нельзя было поколебать; что паденіе и испроверженіе престоловъ на Полуднѣ ни мало не потрясло Россіи, что не она страшится могущества властолюбца, льющаго кровь рѣками подъ предлогомъ человѣколюбія, истребляющаго родство. Но онъ, обращая свой алчной взоръ на Сѣверъ, и сквозь тускъ кровавый, препятствующій ему видѣть Россію... видитъ и трепещетъ отъ ужаса, отчаянія и злобы. Мы видимъ, что лежитъ у порога самой Франціи народъ многочисленный, но ставшій грудью за вѣру и отечество; что возможетъ Россія, доколѣ пребываетъ подъ самодержавною властію кроткаго и мудраго Государя. Вы это знаете и ищете разрушить. Знаете, что она непреодолима и неприступна, доколѣ въ ней не возникнутъ мятежи и неустройства—ихъ-то вы желаете внѣдрить сколько можно въ Россію... Вотъ неусыпная забота Ваша, недающая Вамъ успокоенія! Не распространеніе въ ней торговли, промышленности и художествъ Вамъ нужно, а распространеніе духа буйства и безначалія! Не улучшеніе нашего земледѣлія и размноженіе нашего народа Васъ озабочиваетъ, а возмущеніе и истребленіе оного.

Вотъ истинныя побужденія, заставляющія Васъ такъ усердно пещись о насъ! Вотъ источникъ, откуда проистекаютъ жалости и состраданіе Ваше къ крестьянамъ нашимъ, которые въ рабствѣ ихъ сто разъ блаженнѣе освобожденныхъ Вашихъ соотчичей, утучняющихъ теперь трудами своими опустошаемыя ими же поля Испаніи противу воли и пользы своихъ, а въ угоду благотворителя Вашего, коимъ небо достойно Васъ наградило. Вотъ сокровенная сердецъ Вашихъ тайна, но уже проникнутая. Вы не сознаетесь въ ней, и сознаться не можете; ибо Вы, Графъ, знаете, чѣмъ она и въ томъ и въ другомъ случаѣ должна вознаградиться.

ОТВѢТЪ

СОЧИНИТЕЛЮ РѢЧИ

О ЗАЩИЩЕНІИ ПРАВА ДВОРЯНЪ НА ВЛАДѢНІЕ КРЕСТЬЯНАМИ,

ПИСАННОЙ ВЪ МОСКВѢ АПРѢЛЯ 4 ГО ДНЯ, 1818 ГОДА,

ДРЕВНЕМУ РОССІЙСКОМУ ДВОРЯНИНУ, СТАРЦУ, СЛУЖИВШЕМУ ВЪ ВОЙСКѢ И СУДѢ, ВѢРНОПОДДАННОМУ ГОСУДАРЯ,

Отъ Россіянина.

Милостивый Государь!

Съ великимъ прискорбіемъ вижу, что святыя слова Христа Спасителя: «Пророкъ въ своемъ отечествіи чести не имать», не сбываются, а напротивъ, большая часть согражданъ нашихъ прославляютъ пророка и слова его. Сіе самое заставляетъ меня нѣсколько усомниться въ справедливости пророчества.

Мудрено бы мнѣ было сказать, кто я; ибо мое имя ничѣмъ неизвѣстно въ отечествѣ. Любовь къ правдѣ — вотъ всѣ мои титла и права. Полагаю ихъ достаточными, чтобы защищать ее предъ всѣми моими согражданами.

Въ воззваніи Малороссійскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Дворянству особенно примѣчательны слова: «По сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой. Оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ! По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы обезпечить ихъ благосостояніе и на будущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ», и проч. Въ воззваніи семъ нахожу одинъ только недостатокъ: прибавить бы должно въ самомъ концѣ: «и обязанности ваши».

Впрочемъ, что можетъ быть и справедливѣе, и согласнѣе съ закономъ Божіимъ желанія обезпечить благосостояніе, собственность и даже жизнь себѣ подобныхъ? Что болѣе опредѣляетъ истинную

любовь къ Отечеству, какъ не попеченія о благосостояніи сограждань? Что болѣе приложить чести должностному члену, особенно же такого рода чиновнику, какъ Князь Рѣпнинъ, старанія улучшить тяжкую долю сословія, составляющаго самую 7-ю часть народа Русскаго, прокормляющаго и обогащающаго всю Россію, сословія, дающаго самое большое число защитниковъ отечеству?

Да воздадимъ хвалу и благодареніе Всевышнему за то, что благость его пріуготовила, наконецъ, сердца нѣкоторыхъ согражданъ нашихъ къ принятію спасительныхъ лучей свѣта Христіанства, свѣта любви и правды! Распадается, наконецъ, чудовищное зданіе предразсудковъ; толстыя Готическія стѣны покалебались въ самомъ ихъ основаніи; мрачные онаго чертога погреба освѣщаются свѣтомъ истины. Хвала тебѣ, Царю Россійскому, отверзающему преддверіе храма правосудія!.. Во храмѣ семъ законъ—священная книга, надежда Русскихъ!..

Вы, М. Г., превозносите сословіе дворянское, приводя на память подвиги его, награжденія, жалованныя ему Царями, преимущества, ему дарованныя, и прочая. Дворянство есть, конечно, самое просвѣщенное сословіе въ Россіи и больше прочихъ оказало услуги отечеству; но, если нынѣшнимъ дворянамъ гордиться заслугами предковъ своихъ, то да возмутъ они на себя и постыдныя оныхъ дѣянія. А какъ сынъ не облекается стыдомъ отцовскимъ, то не долженъ величаться и его добродѣтелями. Всякій самъ по себѣ обязанъ любить отечество и быть ему полезнымъ.

Трудно, весьма трудно, говорить о тѣсныхъ узахъ, связывающихъ дворянство и престолы!.... Вы пишете: «Щедрость Царей есть единый источникъ», и проч. Ужасная мысль! Вопреки святаго правосудія, за какія-то мнимыя услуги, за рабскую приверженность....Простите, М. Государь! Я сего понять не могу!

Чѣмъ же жаловали дворянъ? «Помѣстьями, дающими законное право»... Законное право (!!!) пользоваться, чѣмъ же? Землями и трудами своихъ крестьянъ и располагать ихъ участію! Естьли это право законное, что же беззаконное? Скажите: въ какомъ столѣтіи, въ какомъ благополучномъ градѣ сіе начертано? Мудрено повѣрить, чтобы въ Москвѣ, 4-го Апрѣля, 1818 года. Желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, 3 дня ранѣе, или въ 1818 году до Р. Хр. Описываемый вами дворянинъ не есть защитникъ престола; онъ рабъ, готовый, ради личныхъ выгодъ, исполнить все хорошее и худое, все

полезное и вредное; онъ не ищетъ ничего, кромѣ удовлетворенія своихъ страстей и желаній; онъ служитъ ради единой пользы своей, «въ законномъ» невѣжествѣ своемъ не признавая правъ человѣческихъ. Онъ не постигаетъ смысла Правительства. Его правда—суета: богатство — властитель грозный. Онъ рабъ всенижайшій; вельможа днесь, онъ завтра червь. Не защитникъ онъ престола, нѣтъ! защитникъ своей личности, своего сребролюбія!

Но истинный дворянинъ, прямой бояринъ, защитникъ законовъ и престола тотъ, который постигаетъ, что Правительство—власть законная; что она блюдетъ о спокойствіи и преспѣяніи Государства, о благоденствіи и благополучіи народа; тотъ, который не почитаетъ законнымъ правомъ своевольно, себя ради, располагать собственностію, трудами, участью, особою себѣ подвластныхъ. Ему извѣстны права людей, ибо онъ самъ человѣкъ. Сей-то дворянинъ дѣйствуетъ и служитъ не для выгоды личной, но для пользы общей. Онъ готовъ ежечасно отечеству себя на жертву принести. Дарованныя награжденія за услуги не вліяютъ на праведное его сердце. Величайшая ему награда—уваженіе соотечественниковъ. Онъ можетъ быть въ гоненіи, но твердъ, какъ дубъ столѣтній; великодушный въ счастіи, несчастливъ быть не можетъ; онъ всегда великъ, выше и ниже себя никогда не бываетъ. Въ самомъ гоненіи быть не перестаетъ защитникомъ престола и законовъ, ибо правду защищаетъ. Таковы были: Князь Пожарскій, Князь Долгорукій, и малое число, имъ подобныхъ.

Такъ, я съ Вами согласенъ: Россія, по обширности своей, не можетъ управляться совершенно одинакими законами съ прочими Имперіями, Королевствами и Республиками Европы. Истина сія разительна. Но, Государь мой, ваше Патріархалное правленіе никуда не годится и столь же неудобоприлагаемо къ Россіи, какъ и ко всѣмъ образованнымъ обществамъ. Ненужно сіе доказывать: есть такія въ нравственномъ мірѣ неоспоримыя истины, что стараться образованнаго человѣка въ оныхъ увѣрить доводами было бы смѣшно. Хорошъ тотъ Патріархъ, который покупаетъ, торгуетъ, продаетъ себѣ подобныхъ, мѣняетъ людей на собакъ, на лошадей; закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги; вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти: расторгаетъ браки, и часто, весьма часто, удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти! Довольно!...Упаси, Боже, отъ таковыхъ Патріарховъ! Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ

чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное, а мы, Россіяне, Христіяне именемъ, въ нѣдрахъ отечества нашего имѣемъ защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной, власти!

Вы говорите о добрыхъ помѣщикахъ, о томъ, каковы они всѣ быть должны. Дворянство, конечно, обязано Васъ благодарить за столь выгодное о немъ мнѣніе. Но въ семьѣ не безъ урода, а въ большомъ семействѣ много уродовъ, и чуть ли не больше таковыхъ, нежели добрыхъ людей. Впрочемъ, сравненіе ваше помѣщика съ отцемъ семейства кажется мнѣ ошибочно. Отецъ семейства печется исключительно о благѣ дѣтей своихъ; онъ достояніемъ и спокойствіемъ дѣйствуетъ для блага ихъ и воспитанія; отъ того онъ и любимъ быть можетъ; и тутъ отеческая власть его дѣйствительно простирается только до совершеннолѣтія. Помѣщикъ же блюдетъ о своихъ выгодахъ, прежде нежели о благѣ рабовъ своихъ; онъ своему спокойствію, своему достоянію приноситъ въ жертву и благосостояніе своихъ рабовъ. Отношеніе, совершенно обратное. Самый хорошій помѣщикъ тотъ, который не болѣе взыскиваетъ съ крестьянъ, какъ что ему необходимо нужно; самый же дурной отецъ семейства ничего, кромѣ почтенія, не требуетъ. Почему сіи два состоянія сравнивать нельзя и не должно. Впрочемъ, сія рѣчь всячески разсматриваема быть можетъ: всякой по своему видитъ и понимаетъ ее. Она прѣнія только раждаетъ безконечныя. Причина тому слѣдующая: гдѣ между сословіями нѣтъ законовъ, гдѣ своеволіе и сила, неволя и слабость, тамъ нѣтъ и постояннаго блага, нѣтъ размѣра, по коему можно бы навѣрно опредѣлить, что правда, что неправда; тамъ и помѣщики и крестьяне одинъ другому противопоставляютъ свои пороки, свои страсти, свои добродѣтели, свои выгоды; словомъ, общая сія борьба похожа на приступомъ взятый городъ: всякій тащитъ, что попало; кто больше взялъ, тотъ и правъ. И потому желательно для блага Россіи, чтобъ отношенія владѣльцовъ и подвластныхъ были основаны на твердыхъ и незыблемыхъ началахъ; а какъ Государь, по видимому, до сего достигнуть желаетъ, то способствовать благотворнымъ видамъ его есть наша обязанность.

Вы, кажется, опасаетесь, чтобъ не приняли какого иностраннаго образца въ семъ важномъ подвигѣ, и единственно желаете устраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій. Не дай, Боже, худаго! Не дай, Боже иноземнаго, естьли оно можетъ изъ Русскихъ сдѣлать Нѣмцовъ! Но законы природы не больше принадлежатъ Нѣмцамъ, чѣмъ Рус-

скимъ: они всеобщіе. Евангеліе писано для всѣхъ людей. Первоначальныя истины принадлежатъ тѣмъ, кои ими пользоваться умѣютъ. Назвать же ихъ подражаніями потому, что онѣ введены въ другихъ народахъ прежде, нежели у насъ, есть заблужденіе; ибо истины сіи существовали прежде народовъ, прежде вѣковъ; образованіе ихъ вводитъ, невѣжество изгоняетъ.

Государь мой! Послѣ справедливой и краснорѣчивой похвалы вашей дворянству за спасеніе Отечества въ 1812 году, сожалѣю, что, въ слѣдъ за оной, хвалите и за то, что ни единая измѣна, ни единое предательство не помрачили чести имени Русскаго. Въ Россіи нѣтъ измѣнниковъ: таковыхъ торжественно въ церквахъ проклинаютъ; хвалить за то, что не сдѣлали худаго, есть излишне. «Не уже ли еще друзья человѣчества», и проч. О старецъ, старецъ! Ты ли произнесъ? Что сѣдины твои? Какъ!...«Вольность есть идолъ чужеземныхъ слѣпцовъ! Вольность раждаетъ своеволіе, буйство, развратъ, ниспроверженіе всѣхъ властей!»...Все сіе по твоему слова однозначущія: «Изыдите, оглашенніи, изыдите!»

Я удивляюсь, М. Г., что Вы, который столько возстаете противъ вольности, Вы сами взяли вольность писать, когда Васъ никто не спрашивалъ; Вы сами подаете мнѣніе, и сами возстаете противъ вреднаго и излишняго умствованія. Почему Вы, которые пользуетесь своими способностями, хотите лишить другихъ сего небеснаго дара? Какія предполагаете между вредными и излишними умствованіями, и полезными и неизлишними? Мнѣ кажется, что Ваши умствованія суть вреднѣе моихъ, потому что основаны на выгодахъ одного малочисленнаго сословія и на угнетеніи другого, по крайней мѣрѣ, во сто разъ большаго: Вамъ же, вѣроятно, покажется противное. Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ?

Вы, возстающіе противъ вольности, сами же упоминаете о собраніи въ одной изъ столицъ представителей Дворянства. По какому праву пользоваться Вамъ симъ преимуществомъ, когда сами хотите отказаться отъ собственнаго самовластія Вашего, и почему не должны въ семъ собраніи участвовать и всѣ прочія сословія? Непостижимо, какъ можно съ толикимъ восхищеніемъ говорить о собраніи представителей, и въ тоже время оскорблять вольность и противиться сообщенію мыслей!

Выхваляя дворянство и средства, коими оно управляетъ рабами своими, Вы говорите, между прочимъ, о щедродательныхъ

правилахъ; но какія щедродательныя сіи правила, совершенно противуположныя истинѣ, свободнымъ постановленіямъ? In his tu se libera, ибо на ряду съ ними можно поставить щедродательныя правила.

Вы нызываете химерическими постановленіями тѣ, кои въ пользу 35 милліоновъ дѣлаются; тѣ, кои обезпечатъ ихъ собственность, ихъ благостояніе, ихъ бытіе; тѣ, кои умножатъ просвѣщеніе, образованіе нравовъ, увеличатъ промышленность, усовершенствуютъ хлѣбопашество, образуютъ внутреннюю торговлю, умножатъ богатства. увеличатъ народонаселеніе; тѣ, наконецъ, кои выше всего согласны съ правилами вѣры Христіанской. Вы называете ихъ химерическими, потому что съ младенчества привыкаютъ у насъ повелѣвать и взыскивать самовластно; обращаться же человѣколюбиво не по тому, что такъ должно, а иначе нельзя, но для того, что добрый нравъ могъ еще воздерживать отъ зла....Но, М. Г., не всѣ люди одинаковы. Можете ли Вы за наслѣдниковъ Вашихъ поручиться? И что тогда подданнымъ въ щедродательствѣ Вашемъ?

Вы ссылаетесь на время, и отъ него ожидаете щастливыхъ перемѣнъ....Но вѣдь и время наступило! Вы приведете въ примѣръ противному нѣсколько разъ назадъ случившихся произшествій въ пользу Вашихъ мыслей; я же обязуюсь, по крайней мѣрѣ, столько же привести и противъ Васъ.

Самое уменьшеніе увѣренности Дворянства въ вѣковѣчномъ его достояніи, основанномъ на безпрекословномъ расположеніи имуществомъ и особою крестьянина, хотя, по словамъ Вашимъ, и удерживаетъ его отъ иныхъ новыхъ пріобрѣтеній, предпріятій и заведеній, не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, сознаніе въ несправедливости власти, въ незаконной собственности его? Собственность есть то, что само собою, по собственной своей волѣ, отложиться не можетъ; собственность никто отнять не можетъ; одинъ человѣкъ собственности лишиться можетъ; двухъ сотъ тысячь вдругъ лишить оной невозможно. Какъ же скоро однимъ желаніемъ можно было изъ собственности вселить охоту къ оставленію своихъ хозяевъ, и хозяевъ удержать отъ обыкновеннаго употребленія собственности, то она, воистину, есть не что иное, какъ мнимая, на заблужденіи, невѣжествѣ и презрѣніи правъ человѣческихъ основанная. И потому, благодареніе тому, кто слѣпцамъ открываетъ глаза, кто невольникамъ

оковы расторгаетъ! Хвала и тому, кто добровольно слагаетъ съ себя власть незаконную!

Теперь, М. Г., осталось мнѣ изъявить Вамъ, какъ одному изъ первыхъ согражданъ моихъ, подвизающихся на благо общее. великую мою благодарность, яко членъ великаго семейства Россіянъ. Я вправѣ сіе сдѣлать: мнѣнія могутъ быть различны, и даже совершенно одно другому противоположны; но обнародованіемъ ихъ приносится существенная польза, ибо возбуждаются чувства и пораждаются новыя мысли. Желательно только, чтобы глаголющіе руководимы были духомъ истины и любви къ отечеству. Мысль о собраніи представителей дворянства, хотя и кажется мнѣ не полною, однако клонится къ лучшему, и по тому уже прекрасна. Позвольте мнѣ еще сказать свое мнѣніе нащетъ настоящихъ произшествій. Умъ человѣческій, подобно всему, что имѣетъ начало, имѣетъ различныя эпохи: онъ возрастаетъ и получаетъ образованіе, соразмѣрное обстоятельствамъ, слабѣетъ и совершенно упадаетъ по обстоятельствамъ же. Но главное его свойство въ томъ состоитъ, что, получивъ однажды направленіе къ образованію, трудно, или лучше сказать, невозможно его остановить, а наипаче вспять обратить, развѣ какимъ либо необыкновеннымъ переворотомъ въ физическомъ мірѣ: нашествіемъ варваровъ, моровою язвою, продолжительною войною, и тому подобными бѣдствіями. Оставшіеся отъ таковыхъ ужасовъ, приведенные въ уныніе, терпящіе всякія насилія и нужды, слишкомъ угнѣтаемы судьбою, чтобы помыслить о вящшемъ, о высшемъ благѣ. Коль же скоро все утихнетъ, уравновѣсится, они отдохнутъ и положеніе ихъ привычкою сдѣлается сноснымъ, то благороднѣйшая часть человѣка паки возносится, паритъ къ предназначенному ей самимъ Творцомъ совершенству. Потому, да воздержимся мы отъ уклоненія его отъ предпринятаго имъ пути, ибо сіе есть дѣло, во первыхъ, неправедное, во вторыхъ, невозможное, влечетъ за собою и трескъ столь сильный, что мы неминуемо сами жертвою будемъ нашего сопротивленія. Напротивъ того, станемъ ему способствовать всѣми нашими силами, направимъ его ко всему высокому и отечеству полезному. Да руководствуетъ имъ и нами прекрасная вѣра наша и любовь къ добродѣтели! Сверхъ того, есть еще правило, весьма въ политикѣ важное, коему благоразуміе слѣдовать повелѣваетъ: то позволять, то препятствовать — нельзя.

Мысль о свободѣ болѣе всего слѣдуетъ сему ходу разума нашего. Кто оной вкусилъ, тотъ отъ нея никогда не откажется; кто объ оной услышалъ, тотъ за нею погонится, достигнетъ своей цѣли, и— горе противящимся!..

Не должно полагать, что начавшійся во Франціи переворотъ въ 1789 году имѣлъ другія причины, кромѣ притѣсненій и преимуществъ дворянскаго и духовнаго сословій надъ народомъ. Ежели бы, при первомъ созваніи Генеральныхъ Штатовъ, дворянство и духовенство добровольно сложило съ себя Готическія Феодальныя свои преимущества, которыя, впрочемъ, несравненно слабѣе были преимуществъ и власти дворянства въ Россіи, то народное негодованіе, подобно пружинѣ, сильно натянутой, очень бы ослабилось и не произвело потоковъ крови и тѣхъ ужасовъ, кои теперь должны бы намъ служить наукою и предосторожностью. Конечно, вмѣшались тутъ многія постороннія причины: развратъ, буйство, безвѣріе, безнравственность многихъ постороннихъ особъ, всего народа вообще, и политическіе виды Европейскихъ державъ были дѣйствующими лицами въ ужасахъ Французскаго переворота. Но вотъ достаточный примѣръ, котораго мы, конечно, избѣжимъ, если пожелаемъ и будемъ благоразумны.

Государь, котораго Вы сами столь справедливо превозносите, конечно, отстранитъ нарушителей спокойствія отъ участія въ семъ подвигѣ. Бразды правленія въ его рукахъ и средства его велики. Мы на мудрость его и правосудіе полагаться должны.

Хотя я Вамъ и неизвѣстенъ, однако, Милостивый Государь, дорожу Вашимъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ и не желалъ бы, чтобы Вы сочли меня за, такъ называемаго, Якобинца. А дабы нѣкоторые щедродательные члены публики нашей не могли, по щедрости своей, надѣлить меня симъ названіемъ—сущимъ пугалищемъ всякаго честнаго человѣка—то я и увѣренъ въ прозорливости Вашей; но полагаю лучшимъ сказать коротко, въ чемъ состоитъ различіе мнѣній нашихъ.

Вы желаете, чтобы отношенія помѣщиковъ и крестьянъ не измѣнялись, и чтобы Правительство отклонило нѣкоторыя токмо злоупотребленія; я желаю, чтобы отношенія владѣющихъ и подвластныхъ совершенно были опредѣлены справедливымъ, непремѣннымъ, постояннымъ законоположеніемъ, основаннымъ на законѣ Божіемъ, слѣдовательно, на сущей правдѣ, законоположеніемъ, которымъ Россія возводилась бы на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА:

ОДНА ИЗЪ МѢРЪ

ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ЗАВИСИМОСТИ

И

СЪ ОНОЮ ВОЗБУЖДЕНІЯ НАРОДНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ,

НАЧЕРТАННАЯ ВЪ 1818 ГОДУ.

Въ природѣ, повѣдающей намъ вѣчные законы Творца, зримъ, что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри, бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія. Зерно, сколько бы здраво и драгоцѣнно ни было, когда брошено бываетъ на неприготовленную землю, не приноситъ вожделѣннаго плода, скорѣе же произрастутъ на ней терніе и волчцы.

Таковъ есть законъ предвѣчнаго въ вещественномъ мірѣ; таковъ же и въ духовномъ. Народоправители, въ предпріемлемыхъ ими, для блага подвластныхъ, дѣлахъ, преуспѣваютъ, по мѣрѣ токмо сообразованія ими съ симъ непреложнымъ уставомъ.

Человѣкъ одаренъ дѣятельностію, умомъ и свободною волею; но младенецъ не можетъ пользоваться сими драгоцѣнными дарами, и для даровъ сихъ потребна зрѣлость времяни.

Народу, пребывшему вѣки безъ знанія Гражданской свободы, даровать оную изреченіемъ на то воли властителя возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу, даровать законоположеніемъ не возможно.

Въ семъ соображеніи дарованіе свободы тогда токмо не сопровождается ни какими ощутительными неудобствами, ниже вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностію; когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовремянно, безъ воззрѣнія на степень просвѣщенія и спѣлости всего, что въ Гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку; ибо симъ токмо ознаменовывается всегда зрѣлость Гражданскаго состоянія.

И такъ одно споспѣшествованіе, какое отъ предержащей власти можетъ оказано быть народу въ достиженіи независимаго состоянія, безопасно заключается въ томъ, естьли мѣра освобожденія отъ зависимости учреждена будетъ закономъ.

Мѣра таковая должна быть распредѣлена по возрасту получающихъ свободу: она должна отъ 2-хъ до 40 лѣтъ возвышаться, отъ 40 до 60 унижаться.

Ниже 2-хъ и выше 60 лѣтъ платы не полагается. За прочія лѣта цѣна должна быть ближе къ высокой, нежели къ низкой, когда пріемлется она въ видѣ способа, могущаго возбудить трудолюбіе, коего плодъ есть богатство и благосостояніе народное.

Посредствомъ сей мѣры число свободныхъ людей въ Россіи постепенно возрастать будетъ; дѣятельность народная, поощряемая вожделѣнною наградою независимости, распространится, трудолюбивые и предпріимчивые отличатся отъ нерадивыхъ и неспособныхъ; число первыхъ умножится, и тѣмъ доблесть народа Россійскаго вящше ознаменуется. Такое мирное прехожденіе изъ зависимаго состоянія въ свободное, ни какому другому сословію не навлечетъ непріятности и потерей. Не ослабляя ни какой части, все цѣлое общаго, благоденствія скорѣе достигнетъ. Совершится желаемое безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ, безъ потрясенія правъ наслѣдственныхъ, древностію какъ бы освященныхъ и таковыхъ же куплею стяжанныхъ. Крестьяне получатъ свободу, помѣщики останутся полными владѣтелями земель своихъ и съ денежнымъ еще капиталомъ, столь нужнымъ для возвышенія доходовъ ихъ отъ своихъ достояній, недостатокъ коего воспрещаетъ нынѣ производить на оныхъ нужное одобреніе.

Въ странѣ, мало населенной и гдѣ денежные капиталы столь еще рѣдки, что едва ли безъ затрудненія могутъ оплачиваемы быть

паханье и посѣвы прежде возвращенія жатвою издержекъ, на оные употребленныхъ, переходъ съ мѣста на мѣсто работниковъ (или, по краткому изреченію, рабовъ), не можетъ быть безъ вреда и разстройства сельскихъ хозяйствъ.

На таковой токмо землѣ, при коей руки готовы для работъ, нивы покрываются жатвою, болота осушаются, зданія созидаются, тотъ только одобряетъ землю, строитъ и приводитъ все въ цвѣтущее состояніе, кто надѣется удержать оную на долгія времена въ семъ состояніи,

Патріаршее управленіе, на коемъ въ Россіи основывалось до нынѣ внутреннее благочиніе и одобреніе всякаго роду, оставитъ всегда воспоминаніе мудрости учредителей онаго; ибо оно, давъ новое лучшее бытіе сей державѣ, породило всѣ тѣ успѣхи, съ каковыми Россія быстрѣе другихъ народовъ проходила степени политическаго усовершенствованія; но не достигла она еще той зрѣлости, чтобы оставить сей благотворный для нея образъ управленія.

Въ Англіи, гдѣ преждевремянно земледѣльческому сословію дарована была независимость, получившіе оную, нѣсколько вѣковъ во всѣхъ писаніяхъ именовались бродягами (migrants), и не прежде, какъ когда каждому приходу представлено было право высылать изъ него пришельцевъ изъ другихъ приходовъ, начала держава оная приходить опять въ порядочное устройство. Установленію такому (изданному Королевою Елисаветою) Англія нынѣшнимъ своимъ богатствомъ, можетъ быть болѣе, нежели многому прочему, одолжена.

Входя въ ближайшее сравненіе состоянія какъ тамошнихъ, такъ и нашихъ, работниковъ, найдемъ, что тамъ онъ получаетъ дневную плату, у насъ же имѣетъ онъ право въ награду трудовъ своихъ пользоваться половиною земли, которую обработываетъ, и въ этомъ-то состоитъ существенная разница между работникомъ Англійскимъ и работникомъ Русскимъ. Но если послѣдній и представляется намъ въ положеніи нѣкоторой особой зависимости, то нельзя признать, чтобы и первый пользовался полною свободою, ибо она не можетъ дѣйствительно быть дотолѣ, доколѣ между человѣками существовать будетъ неравенство въ имуществахъ и степеняхъ просвѣщенія. Можно сказать, что ни какіе законы не сдѣлаютъ никогда равными бѣднаго съ богатымъ, или перваго независимымъ отъ послѣдняго.

Ни какому не подвержно сомнѣнію, что если живущій въ деревнѣ не будетъ зависѣть отъ помѣщика оной, то будетъ всегда зави-

сѣть отъ сосѣда богатѣйшаго, и съ тою еще разностію, что сего польза есть та, чтобы въ деревнѣ жительства его было, сколь можно, большее число бѣдныхъ, дабы быть надъ ними властелиномъ и имѣть большее число рабовъ; что самое видимъ въ казенныхъ селеніяхъ, въ помѣщичьихъ же сей родъ рабства менѣе существуетъ, ибо польза помѣщика есть имѣть большое число богатыхъ. Отъ чего и произошло, что богатые промышленники, купечествующіе крестьяне и даже подрядчики, всѣ почти изъ крестьянъ господскихъ, а не изъ казенныхъ, а отъ сего и народонаселеніе пріумножается въ первыхъ болѣе, нежели въ послѣднихъ.

Когда Россія получитъ избытокъ въ денежныхъ капиталахъ и земля войдетъ въ дорогую цѣну, тогда, естественно, никто изъ расщетливыхъ владѣльцовъ не пожелаетъ имѣть на ней работниковъ, коимъ половинную часть достоянія своего удѣлять должно за ихъ работу, и тогда, конечно, сословіе нынѣшнихъ крестьянъ (рабовъ) само по себѣ уничтожится.

Екатерина Великая въ Наказѣ своемъ завѣщала:

§ 260. Недолжно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

§ 261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

§ 262. Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе, весьма сходственное съ естествомъ, есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

Мѣра выкупа, или освобожденія, могла бы быть примѣрно:

отъ 2-хъ	лѣтъ до	5-ти.	100 рублей.
— 5	—	10.	200
— 10	—	15.	400
— 15	—	20.	600
— 20	—	30.	1,500
— 30	—	40.	2,000
— 40	—	50.	1,000
— 50	—	60.	500

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА,

ПО

РАБСТВУ КРЕСТЬЯНЪ,

ВЪ 1833 ГОДУ.

При сужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ о рабствѣ крестьянъ, Адмиралъ Мордвиновъ проситъ дозволенія сказать на счетъ предмета сего истину въ простонародныхъ изреченіяхъ: «Отъ горькаго корня не будетъ плода сладкаго. На рѣдькѣ не выростетъ ананасъ.»

Доколѣ рабство между крестьянами нашими существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиначкѣ должна быть допущаема. Она необходима и часто для проданнаго бываетъ благотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго Господина, отъ скудной и тощей своей нивы переселяется на ниву пространную и плодородную. Отъ чего же участь его можетъ сдѣлаться горшею? Не благословеннѣе ли оная для проданнаго, или переселеннаго? Законъ, требующій отъ крестьянина безпремѣнно жить и умереть на родимой его землѣ, которая кормитъ его не сыто и изъ коея жатву собираетъ онъ со слезами, можетъ ли почесться для него благомъ, а для Правительства утѣшеніемъ, о семъ при настоящемъ случаѣ должно размыслить и разрѣшить. Со времянъ Петра Великаго, мы скорбимъ о судьбѣ рабовъ нашихъ, крестьянъ, и за всѣмъ тѣмъ, оставляя въ полной своей силѣ рабство, не испы-

тываемъ ли только одну суету заботъ? Всякое предпріятіе безъ начала никогда не поведетъ къ назидательному успѣху. Кто не вступаетъ на прямую стезю, тотъ на пути заблуждается и не достигаетъ до пріютнаго своего мѣста. Что бываетъ съ путешествующими, то самое случается и въ сужденіяхъ. Отвлеченное, не по существу дѣла принимаемое, сужденіе не ведетъ къ правильному заключенію и къ благой цѣли.

Всѣ народы, нынѣ свободные, испытывали укрѣпленіе къ землѣ. Феодальное правленіе у всѣхъ ихъ существовало. Земледѣльцы были рабы помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они жили. Нѣкто сказалъ, что «сей единый есть путь къ свободѣ,» указуя на Европу и Азію. Въ первой повсюду было рабство; во второй всегда господствовала личная свобода, и отъ сего-то послѣднюю тяготитъ и до нынѣ всеобщій деспотизмъ. Всѣ тамъ равные, независимые другъ отъ друга; и по тому, что равные, то и не имѣютъ законовъ, ограждающихъ жизнь и собственность каждаго. Равенство въ правахъ, состояніяхъ и властяхъ представляетъ токмо неблагоустроенное дикое общество. Таково состояніе всѣхъ Азіятскихъ народовъ.

Въ Россіи крестьянинъ зависитъ отъ помѣщика, но онъ огражденъ законами, возбраняющими помѣщику въ тѣлѣ его изувѣчить, въ работѣ притѣснить, лишить свободы, для благосостоянія его потребной, отнять у него собственность, праведно имъ пріобрѣтенную. Естьли же и не пользуется онъ полнотою свободы, то, при настоящей степени просвѣщенія, промышленности и богатства въ Россіи, необходимо сіе, для общаго спокойствія, для внутренняго благоустройства и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ усовершенствованіи всѣхъ правительственныхъ частей. Къ симъ преуспѣяніямъ Государство наше съ довольною быстротою стремится. Оно и къ освобожденію крестьянъ отъ рабства достигнетъ, когда народонаселеніе его съ пространствомъ обладаемой нами земли сравняется; когда возможемъ мы пріобрѣсти денежные капиталы, достаточные для предварительнаго найма рабочихъ рукъ, и когда продажа урожаевъ нашихъ будетъ съ избыткомъ вознаграждать насъ. Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на землѣ своей рабовъ и замѣнять трудъ ихъ уступкою имъ половины изъ угодьевъ земли, составляющей его собственность. Тогда свобода крестьянина съ обоюдною пользою, какъ его, такъ и помѣщика, сама собою воспріиметъ начало и повсемѣстно водворится.

Но пока счастливая перемѣна сія воспослѣдуетъ и уготовятся къ тому способы самымъ естественнымъ ходомъ въ упражненіяхъ нашихъ, то укрѣпленіе людей къ землѣ, т. е., содѣланіе жительства рабочаго народа на мѣстахъ пребыванія его постояннымъ и отвращеніе бродяжничества, для блага общаго необходимо нужны. При обладаніи великимъ пространствомъ земель малонаселенныхъ, естьли мы можемъ желать, чтобы земли таковыя порядочно были обработываемы, чтобы сельскія хозяйства наши доводимы были до благоустройства, то иначе нельзя намъ совершать сего, какъ токмо чрезъ непосредственную власть нашу надъ рабочимъ народомъ. Безъ оной ни какой помѣщикъ не рѣшится смѣло и надежно приступать къ устроенію усадьбы своей со всѣми потребными для оной зданіями, осушать болота, распространять пашню, усовершенствовать сельскія орудія, употреблять денежный капиталъ на все, что можетъ привести земледѣліе наше въ лучшее состояніе, которое служитъ первымъ источникомъ всеобщаго народнаго изобилія и богатства. Страшенъ былъ нѣкогда день Юрьевъ, и страхъ сей можетъ неминуемо возобновиться, естьли бродяжничество крестьянъ допущено будетъ. Не обратится ли земля Русская въ прежній свой дикой видъ, въ каковомъ она пребывала до временъ Петра Великаго? Не сей ли Государь въ укрѣпленіи крестьянъ къ землѣ усмотрѣлъ начало просвѣщенія, обогащенія и благолѣпія России? Настало ли уже время къ отмѣнѣ мудраго его узаконенія, и въ полнотѣ ли совершенства достигла высокая и благодѣтельная его мысль? Россія имѣетъ ли нынѣ достаточное число рукъ для обработыванія и приведенія въ урядство всей обширности земель ея?

На главной въ Россіи дорогѣ, между двумя столичными городами, мы встрѣчаемъ селенія въ 15 и 20-ти, города же въ 180-ти верстахъ, и сіи послѣдніе едва ли имѣютъ жителей по 10 тысячь человѣкъ. Между селами и деревнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ еще пространныя болота, видны лѣсная дичь, тощіе пески, камни и топи засоренныхъ водянныхъ протоковъ. На великомъ пространствѣ Имперіи Россійской многое еще потребно сдѣлать; но во многомъ, что только служитъ къ благоустройству, оказаны величайшіе успѣхи, и въ послѣднемъ случаѣ дозволительно спросить: безъ постояннаго жительства крестьянъ нашихъ въ селахъ и деревняхъ, возможно ли бы намъ поставить села въ настоящее положеніе? Не отъ сего ли Государственнаго узаконенія воспрянулъ духъ предпри-

вичтвости, усугубился трудъ, открылась непрерывность въ работѣ, промышленность, торговля и стяжанія денежныхъ капиталовъ, въ коихъ прежде были мы столько скудны и безъ коихъ народная дѣятельность существовать не можетъ. Потерпимъ еще нѣсколько, и рабство само собою исчезнетъ въ Россіи, естьли обращено будетъ вниманіе не къ преждевременному уничтоженію оного, но къ постепенному уменьшенію необходимости содержать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахатныхъ земляхъ нашихъ паренина; когда земледѣліе помѣстится въ число наукъ; когда въ городахъ нашихъ признается по зданіямъ право собственности; когда употребимъ дѣятельныя мѣры въ возстановленію естественнаго порядка между рождающимися и умирающими; не будемъ считать числа тяглъ или брачныхъ на половину противу всего народонаселенія, и отъ каждаго брака будемъ имѣть по 2 и по 4 ребенка живыми, и когда помѣщикъ будетъ изобиловать денежнымъ капиталомъ, достаточнымъ къ тому, чтобы нанимать работниковъ для посѣва и жатвы.

Таковъ есть законъ природы, умудряющій правителей Государственныхъ. Такъ во всей Европѣ водворилась свобода: на нивахъ земли, въ селахъ, въ деревняхъ. Таковой ходъ и для Россіи есть благонадежнѣйшій и безопаснѣйшій.

Еще въ 1818 и 1820-мъ годахъ Адмиралъ Мордвиновъ излагалъ мысли свои: въ первомъ случаѣ, какъ удобнѣе возможно было бы достигнуть уничтоженія у насъ рабства, не потрясая ни чьихъ правъ собственности и назидая общее благосостояніе, и во второмъ о безполезности воспрещать продажу людей по одиначкѣ безъ земли. * При нынѣшнемъ случаѣ онъ считаетъ не излишнимъ представить тѣ мнѣнія свои благоусмотрѣнію Государственнаго Совѣта, въ подкрѣпленіе выше изложенныхъ разсужденій его.

---

* Послѣднее помѣщено во 2-й книгѣ «Чтеній» 1859 года, въ V-мъ отдѣлѣ.

МНѢНІЕ

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

ПО ДѢЛАМЪ СИБИРСКИМЪ.

Соглашаясь совершенно съ мнѣніемъ Г. Министра Юстиціи въ томъ, что, для разсмотрѣнія на мѣстѣ дѣлъ, возникшихъ по доносамъ и жалобамъ на Сибирскія мѣстныя начальства, отправленіе въ Сибирь Гг. Сенаторовъ не токмо неудобно, но и совершенно будетъ безполезно, я нужнымъ почитаю, съ моей стороны, представить нѣкоторыя къ сему дополненія и изложить вообще объ управленіи Сибирскимъ краемъ мое мнѣніе.

Не повторяя здѣсь ясныхъ и основательныхъ доводовъ, изложенныхъ въ мнѣніи Г. Министра Юстиціи, по чему онъ неудобнымъ и безполезнымъ признаетъ отправленіе въ Сибирь Гг. Сенаторовъ, я сказать осмѣливаюсь, что доколѣ въ Сибири не будетъ на лицо находиться Генералъ-Губернаторъ, дотолѣ и ожидать нельзя, чтобъ управленіе сего отдаленнаго края было въ порядкѣ, и чтобъ злоупотребленія чиновниковъ, ускользая отъ личнаго надзора главнаго начальника, не возрастали ежедневно и не разпространялись бы по всему краю; ибо дальновидность Генералъ-Губернатора не можетъ достигнуть такой степени, чтобъ онъ изъ Петербурга могъ видѣть, что дѣлается въ Сибири, а тѣмъ менѣе останавливать въ распро-

страненіи своемъ вкравшіяся тамъ злоупотребленія. Сія истина, кажется, не требуетъ доказательствъ. Но теперь возникаетъ вопросъ: Удобно ли, полезно ли, будетъ возвратиться въ Сибирь нынѣшнему Генералъ-Губернатору, Г. Тайному Совѣтнику Пестелю, или нужно отправить туда новаго Главнаго Начальника?

Ежели нынѣшній Сибирскій Генералъ-Губернаторъ найденъ будетъ совершенно правымъ по дѣламъ Сибирскаго края, нынѣ разсматриваемымъ, въ чемъ я ни мало и не сомнѣваюсь, и видно будетъ, что онъ не имѣлъ участія въ допущеніи злоупотребленій, буде бы какія по Сибири открылись, и не могъ ихъ пресѣчь, то и тогда возвращеніе его въ Сибирь, какъ мнѣ кажется, при всѣхъ способностяхъ и достоинствахъ, коими онъ украшается, будетъ несовмѣстно. Тотъ начальникъ, который Сибирскія губерніи, управленію его ввѣренныя, оставилъ нѣсколько лѣтъ, хотя бы и противъ своей воли, безъ личнаго своего надзора и не имѣлъ тамъ своего пребыванія, тотъ Начальникъ можетъ ли встрѣтить, возвратясь туда, довѣренность къ себѣ и любовь обывателей, которые, безъ сомнѣнія, не будутъ входить въ разсмотрѣніе причинъ столь долговременнаго его отсутствія, но припишутъ оное единственно хладному его къ нимъ расположенію и безпечности? Безъ любви же и довѣренности управляемыхъ къ управляющему ни управлять хорошо, ни начальствовать съ успѣхомъ невозможно. Что будетъ чувствовать сердце возвратившагося въ Сибирь нынѣшняго Генералъ-Губернатора, когда онъ, на каждомъ шагу, встрѣчать будетъ людей, приносящихъ жалобы на начальниковъ и на чиновниковъ Сибирскихъ, или не рѣдко видѣть будетъ тѣхъ, коихъ онъ называетъ ложными доносщиками и ябедниками, и кои судомъ таковыми, можетъ быть, и не будутъ признаны? Всѣ таковыя соображенія, независимо отъ другихъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, заставляютъ меня быть того мнѣнія, что нужно въ Сибирь нынѣ же опредѣлить новаго Генералъ-Губернатора. Таковая перемѣна не можетъ быть предосудительна Господину Тайному Совѣтнику Пестелю, когда онъ, будучи оправданъ, останется при другихъ, имъ занимаемыхъ, весьма важныхъ и почетныхъ

мѣстахъ. Но какъ по дѣламъ Сибирскимъ видно, что между начальникомъ Военнымъ и Гражданскимъ возникли не токмо взаимныя неудовольствія, но и вражда, то я и почитаю полезнымъ, чтобъ въ столь отдаленныхъ Губерніяхъ, каковы суть Сибирскія, соединены были обѣ части, военная и гражданская подъ одно и тоже начальство. Слѣдовательно, я полагаю мнѣніемъ, чтобъ Сибирскимъ главнымъ начальникомъ былъ знатной чиновникъ военный, который бы управлялъ частію военною и гражданскою.

Для управленія частію гражданскою надлежитъ составить особую инструкцію. При составленіи оной, кажется мнѣ, необходимо нужнымъ прежде всего изслѣдовать причины, по коимъ большая часть изъ числа Сибирскихъ Генералъ-Губернаторовъ оставили званіе сіе и мѣсто съ неудовольствіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ были подъ слѣдствіемъ и подъ судомъ.

Петръ Великій одного Сибирскаго Генералъ-Губернатора казнилъ смертію. Мудрая въ правленіи, Екатерина Вторая, славящаяся милосердіемъ, нѣкоторыхъ, однако жъ, изъ Сибирскихъ главныхъ начальниковъ отставила, а Якобія отдала подъ судъ Сенату. Извѣстно, какимъ образомъ оставили службу Сибирскіе Генералъ-Губернаторы: Селифантовъ, Леццано и другіе, а также, какое число Губернаторовъ тамошнихъ было подъ слѣдствіемъ и подъ судомъ.

Мнѣ кажется, что при первомъ открытіи безпорядковъ въ Сибири, приписываемы были оные слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, и потому усиливаема оная была постепенно, и всегда, когда новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались. Но поправленіе Сибирскихъ губерній симъ средствомъ оставалось безуспѣшно. Подобно неудачному врачеванію болѣзни, и сіе врачеваніе Сибирской болѣзни симъ, несвойственнымъ ей, лѣкарствомъ, не истребляло болѣзни, но умножало оную. Съ усиленіемъ власти начальниковъ безпорядки и жалобы на притѣсненія видимо умножались.

Со стономъ невинно угнѣтаемыхъ, со стономъ напрасно страждущихъ соединяли, безъ сомнѣнія, голосъ свой и яебдники и доносщики, но сіе не доказываетъ того, чтобъ должно было, вѣря послѣднимъ

оставлять первыхъ безъ помощи и не исторгнуть ихъ изъ подъ ига самовластія мѣстныхъ начальниковъ.

Таковое самовластіе во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалобы и стоны страждущихъ едва ли до вышшаго правительства достигать могутъ, а ежели и достигнутъ, то тогда уже, когда зло отвратить будетъ поздно и страждущій подъ страданіемъ изнеможетъ. Съ управленіемъ Государственными дѣлами самовластіе мѣстныхъ начальниковъ также несовмѣстно, и случается, что самовластный поступокъ мѣстнаго начальника иногда приводитъ въ такую запутанность дѣла, что казна ни убытковъ своихъ возвратить, ни испорченному дѣлу порядочнаго направленія, скоро дать не можетъ.

Преосвященный Иркутскій всѣ безпорядки, о коихъ онъ говоритъ въ своемъ отношеніи, весьма справедливо, по мнѣнію моему, приписываетъ деспотизму мѣстнаго начальника. Я полагаю, впрочемъ, что сей начальникъ, какъ легко случиться можетъ, будучи облеченъ обширною властію, и не почитаетъ деспотическихъ поступковъ своихъ предосудительными и вредными, и думаетъ, что онъ, поступая такимъ образомъ, не дѣлаетъ ничего противозаконнаго.

Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе Верховнаго Сибирскихъ губерній Правительства, Совѣта или Коммисіи изъ чиновниковъ, частію опредѣляемыхъ отъ Правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ ограничить власть начальника, который, яко предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ токмо перевѣсъ въ случаѣ равныхъ голосовъ. Впрочемъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и по дѣламъ, времени не терпящимъ, главный начальникъ можетъ дѣло остановить, или приказать исполнить безъ отлагательства, не взирая на несогласіе Совѣта, но въ ту жъ минуту, безъ малѣйшаго промедленія, онъ долженъ сообщить объ ономъ тому Министру, до части котораго производимое дѣло касается.

Опыты многихъ лѣтъ доказали, что усиленіе власти Магистратовъ или Градскихъ правительствъ въ образованной Европѣ, не только послужило къ благоденствію народовъ, но, безъ сомнѣнія, и было основаніемъ образованности Европейской. Мнѣ кажется, что, при ограниченіи власти мѣстнаго начальника, не безполезно будетъ усилить и въ Сибири власть Магистратовъ и Городскихъ Правленій. Магистраты городовъ Остзейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній.

Дерзновенно было бы съ моей стороны входить здѣсь въ подробности учрежденія таковаго Верховнаго Сибирскихъ дѣлъ Правительства, Совѣта, или Коммисіи, ибо сіе дѣло, какъ мнѣ кажется, долженствуетъ быть обработано въ особомъ здѣсь Комитетѣ, который приметъ во уваженіе и справки и мнѣніе того начальника, который въ Сибирь опредѣленъ будетъ и Комитету все сіе доставитъ. Разумѣется, что сей Комитетъ составленъ долженъ быть изъ людей, знающихъ какъ часть законодательства вообще, такъ и часть администраціи и имѣющихъ свѣдѣнія о положеніи и настоящемъ управленіи Сибирскаго края.

При разсмотрѣніи двухъ вопросовъ: Нужно ли послать Сенаторовъ въ Сибирь для изслѣдованія возникшихъ тамъ злоупотребленій, и нужно ли опредѣлить новаго туда Генералъ-Губернатора, о чемъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ Комитета ГГ. Министровъ было трактовано, изложилъ я кратко мысли мои и объ управленіи вообще Сибирскимъ краемъ. Сіе учинилъ я для того, что, не изслѣдовавъ причинъ существующихъ въ Сибири безпорядковъ и злоупотребленій, нельзя и искоренить оныхъ. Я полагаю главною сему злу причиною самовластіе мѣстныхъ начальниковъ, происходящее отъ излишней власти, коею они облекаемы были и которую они употреблять могутъ во зло. Надобно сію возможность пресѣчь, то есть, ограничить ихъ власть. Чрезъ устраненіе, такимъ образомъ, самовластія, и чрезъ опредѣленіе новаго Сибирскаго главнаго начальника, на пред-

полагаемомъ основаніи, устранятся и злоупотребленія того края. Тогда не надобно будетъ посылать въ Сибирь Сенаторовъ, или другихъ чиновниковъ, для разсмотрѣнія дѣлъ, возникшихъ по жалобамъ и доносамъ; всѣ таковыя дѣла разсмотритъ новое Сибирское главное начальство.

Осипъ Козодавлевъ.

24-го Октября,
1818 года.

КЪ
ИРКУТСКОМУ ЛѢТОПИСЦУ ПОЯСНЕНІЕ.

ЗАПИСКА О СИБИРИ.

Извѣстно, что Иркутская Губернія воспріяла свое отдѣльное отъ Сибирской Губерніи существованіе съ 1765 года, и что съ того времяни управляли ею Губернаторы по наказу Петра Великаго, имѣя при себѣ одно присутственное мѣсто, Губернскую Канцелярію. Изъ сихъ Губернаторовъ два оставили по себѣ память, Нѣмцовъ и Кличка. Первый не былъ настоящимъ Губернаторомъ, и въ самыхъ бумагахъ назывался: «Со властію Губернаторскою Бригадирскаго ранга Нѣмцовъ.» Онъ прославился здѣсь особенно по случаю арестованія сумазброднаго Нарышкина, возмутившаго Нерчинскій край: обстоятельство, описанное съ довольною точностію въ романѣ Г. Калашникова: «Дочь купца Жолобова.» Не останавливаясь на семъ, я упомяну только мимоходомъ, что разсказы о Нарышкинѣ имѣютъ связь съ преданіями о несчастномъ Митрополитѣ, Арсеніи Ростовскомъ, погребенномъ въ Верхнеудинскѣ. Кличка, Францъ Николаевичь, былъ, если не ошибаюсь, послѣдній Губернаторъ предъ открытіемъ Намѣстничества. Онъ оставилъ по себѣ память какъ человѣкъ умный, благонамѣренный и весьма дѣятельный. Существующій въ Нерчинскѣ Кличкинскій рудникъ въ честь его получилъ это названіе.

Въ 1783 году послѣдовало въ Иркутскѣ открытіе Намѣстничества. Первымъ Намѣстникомъ Иркутскимъ и Коливанскимъ былъ Якоби, Генералъ-Поручикъ, Губернаторомъ при немъ Ламбъ, Генералъ-Маіоръ. По странной игрѣ случая, тотъ и другой Иванъ Варѳоломѣевичь.

Не лишнее припомнить, что Губернія въ это время раздѣлена была на 4 области: Иркутскую, Нерчинскую, Якуткую и Охотскую; и въ каждую назначенъ Комендантъ области—Полковникъ, а въ Иркутскую—Оберъ-Комендантъ, Генералъ-Маіоръ Блюмъ. Все это чиноначаліе просто деспотствовало. Объѣзды Охотскаго Комендана

Козлова-Угреина по своей области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ имянемъ Собачей оспы. Самъ Якоби былъ Сатрапъ-Сибаритъ. Одно осталось по немъ въ памяти Иркутянъ: «Пышно, весело жилъ!» Конецъ его извѣстенъ: чуть не десятилѣтнее томленіе подъ судомъ. Дѣло кончилось ничѣмъ, но зачернило Сибиряковъ въ мнѣніи Правительства и чуть не во мнѣніи всѣхъ Россіянъ. Слова Высочайшаго указа слишкомъ были громки, разительны. Указъ начинался такъ: «Читано передъ Нами нѣсколько тысячь листовъ подъ названіемъ Сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ коего Мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и кляузъ, а потому,» и проч. Этими словами положено клеймо на Сибиряковъ, за которое они въ послѣдствіи дорого поплатились. Кто знаетъ, можетъ и теперь поплачиваются. Горе отдаленной провинціи, ежели Правительство между ею и собою поставитъ оплотъ предубѣжденіе! Какая истина, какая невинность можетъ тогда быть увѣрена, что гласъ ея за симъ оплотомъ не покажется ухищреннымъ воплемъ ябеды? Но не наше дѣло, притомъ же это, вѣдь, давнопрошедшее. Ламбъ оставилъ по себѣ воспоминаніе, какъ человѣкъ достойный, честный и безкорыстный. Вмѣсто Якоби поступилъ Иванъ Алферьевичь Пиль, также Генералъ-Поручикъ. Ламба смѣнилъ Михайло Михайловичь Арсеньевъ. Это былъ добрый Москвичь-хлѣбосолъ, но Губернаторъ слабый, имѣлъ большое семейство и кончилъ жизнь въ Иркутскѣ въ 1791 году. * Мѣсто его занялъ Генералъ-Маіоръ Нагель, только что кончившій переговоры съ Китайцами на Кяхтѣ по случаю бывшаго тогда съ ними разрыва. Здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать небольшое оступленіе. Обстоятельство это напоминаетъ мнѣ человѣка, память котораго должна быть близка сердцу каждаго благонамѣреннаго человѣка. **

Разрывы съ Китайцами были очень часты, так что съ 1744 по 1792 годъ, въ теченіи 48 лѣтъ, Кяхтинская торговля десять разъ была прекращаема по причинамъ, совершенно вздорнымъ, чтобъ не сказать болѣе, и если счесть время безторжія, то оно составитъ 15 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ съ днями. Съ Нагелемъ въ послѣднемъ соглашеніи съ Китайцами участвовалъ чиновникъ Коммерцъ-Коллегіи, Вонифатьевъ, который и остался Директоромъ Кяхтинской таможни. Съ этого времени ворота Кяхтинскія уже не запирались. Вонифатьевъ пробылъ Директоромъ 24 года, умеръ въ Москвѣ, оставивъ по себѣ 12 р. съ

---

* Въ другомъ спискѣ въ 1792-мъ.

** Въ др. сп. благороднаго.

полтиною. Тутъ само дѣло говоритъ объ его безкорыстiи. * Пиль былъ человѣкъ строптивый, капризный и вообще въ Иркутскѣ не любимый, имѣлъ своихъ тварей и допускалъ неправосудiе; однимъ словомъ, память его не совсѣмъ чиста. По восшествiи на престолъ Павла 1-го, съ уничтоженiемъ Намѣстничества, онъ былъ смѣненъ и на мѣсто его былъ присланъ уже Военный Губернаторъ, Штрандманъ, добрый старикъ и, какъ военный человѣкъ, не знаменитый администраторъ; дѣла, однако же, шли, какъ это и часто бываетъ. Съ Нагелемъ былъ другой конецъ. Въ слѣдствiе какого-то доноса за нимъ прискакалъ фельдъегеръ: названiе это тогда только сдѣлалось известно въ Россiи и наводило ужасъ. Можно легко представить состоянiе бѣднаго Нагеля, везомаго на перекладныхъ въ С. Петербургъ. Привезли, представили Государю, онъ ждалъ разрѣшенiя. Не то судьба ему готовила. Государь гнѣвно, но пристально взглянувъ на него, спросилъ: «Не тотъ ли ты Нагель, который въ такомъ-то году служилъ въ такомъ-то Гусарскомъ полку?» Услышавъ утвердительный отвѣтъ, онъ бросился на него, обнялъ и сказалъ: «Я знаю тебя; ты честный человѣкъ, на тебя солгали;» поздравилъ Генералъ-Лейтенантомъ и назначилъ Военнымъ Губернаторомъ въ Ригу, а при разставанiи, на дорогу пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ Иркутскъ на мѣсто его Губернаторомъ присланъ былъ Николай Ивановичъ Репьевъ человѣкъ честный и весьма добрый.

Старикъ Штрандманъ, помнится, не пробылъ и двухъ лѣтъ въ Иркутскѣ; на смѣну ему прiѣхалъ Генералъ Отъ Инфантерiи, Борисъ Борисовичъ Леццано, переведенный изъ Архангельс а. Леццано былъ человѣкъ гордый, надменный и сухъ въ обращенiи, но былъ честенъ, добръ и безкорыстенъ въ полномъ значенiи слова. Онъ облегчалъ участь несчастныхъ, которые толпами тогда ссылались въ Иркутскъ, и въ послѣдствiи, при перемѣнѣ Правительства, былъ за нихъ ходатаемъ не безъуспѣшнымъ: черезъ него многiе увидѣли свой кровъ родной. Вы удивитесь, вѣроятно, ежели вдругъ вамъ скажу, что Леццано дурно кончилъ: онъ выѣхалъ изъ Иркутска, чтобы предстать предъ судомъ Сената. Для поясненiя сей странности необходимо знать обстоятельства того времени.

Въ царствованiе Государя Павла 1-го, въ Иркутской губернiи, какъ почти и во всей Россiи, происходило необыкновенное движенiе. По

---

* Въ др. сп. Вещи сами по себѣ объясняются

проекту Князя Гагарина послѣдовалъ Высочайшій указъ: собрать со всей Россіи, въ зачетъ рекрутовъ, десять тысячь человѣкъ и посылать въ Сибирь для заселенія. Повелѣніе исполнено прежде, нежели приведено было въ извѣстность, гдѣ, и какъ, и чѣмъ селить. Губернія наполнилась негодяями, нищими, начались воровство, убійства, разбои. По другому Высочайшему повелѣнію, въ Иркутскѣ сформированъ Сомова гарнизонный полкъ и отправленъ въ Камчатку для защиты отъ мнимаго нападенія Испанцевъ. * Это обстоятельство повлекло за собою усиленіе дѣйствій по Комиссаріатской и Провіантской частямъ, чрезвычайныя доставки въ подкрѣпленіе Охотскаго порта и разореніе Якутовъ. Въ это же время положено въ Иркутскѣ основаніе казенной суконной фабрики, зависящей отъ Коммисаріата, коего начальникомъ былъ Генералъ-Маіоръ Новицкій, человѣкъ умный, грамотный и тонкій, чтобъ не сказать пронырливый. Въ этомъ положеніи дѣлъ застала Лецанцо катастрофа, изумившая всю Россію. Онъ обратился къ новому Правительству съ представленіями. Во избѣжаніе затруднительнаго продовольствія Камчатскаго полка, онъ далъ мысль сдѣлать изъ него Ландъ-милицію. Это апробовано, назначены суммы, началась доставка земледѣльческихъ орудій и скота: возились съ этимъ еще лѣтъ 6, и бросили. Онъ требовалъ особаго чиновника для разселенія присланныхъ въ зачетъ рекрутовъ; прислали тотчасъ Генералъ-Маіора Лабу, который только что высмотрѣлъ мѣсто, и не поселилъ ни одного человѣка. Для устраненія побѣговъ и разбоевъ, Леццано представилъ, чтобы суконную Тельминскую фабрику перенесть на Островъ Ольхонъ, который на Байкалѣ. Новицкій протестовалъ противъ этого, и дозволилъ себѣ весьма неосторожныя выходки на счетъ управленія Леццано вообще. Въ то же время, по проекту Вице-Адмирала Ѳомина, замышляли перенести Охотскій портъ на рѣку Алданъ, и потому прокладывали туда изъ Якутска дорогу посредствомъ каторжныхъ, которые бѣгали и грабили купеческіе караваны, идущіе въ Охотскъ. Одинъ изъ нихъ, по прозванію Баратаевъ, бывшій нѣкогда Княземъ и Офицеромъ, съ шайкой занялъ и разграбилъ городъ Жиганскъ и уже во льдахъ, при устьѣ рѣки Лены, застигнутый воинскою командою, палъ отъ 8 ранъ, какъ герой. Донесеніе объ

---

* По поводу разрыва съ Англіею, послѣдовавшаго 5 Сентября, 1800 г., но приготовленія начались въ Сибири въ концѣ 1798 года.

этомъ не могло быть пріятно Правительству и, какъ обыкновенно, все надобно чему ни будь приписывать, это приписали слабости. Къ довершенію, граждане Иркускіе жаловались на Лецца́но: имъ не понравилось, что онъ запретилъ сѣять въ городѣ табакъ и велѣлъ перенести табачныя плантаціи на городскую землю въ окрестности города, а внутри дозволилъ, и даже поощрялъ, разводить огороды съ овощами, и, сверхъ того, приказалъ лучшіе проспекты въ Иркутскѣ, обсадить березками. Послѣднее обстоятельство было представлено въ видѣ отяготительнаго налога для жителей. Результатъ всего этого былъ тотъ, что прислали Сенатора Селифантова обревизовать Иркутскую губернію и разобрать Леццано съ Новицкимъ. Для васъ, надѣюсь, весьма будетъ понятно, если скажу коротко, что Селифантовъ не сошелся съ Леццано и взялъ сторону Новицкаго. Въ первое воскресенье, при собраніи всѣхъ чиновниковъ и лучшихъ гражданъ, Новицкаго позвали въ кабинетъ Сенатора, и черезъ 10 минутъ Селифантовъ самъ вывелъ Новицкаго въ Аннинской лентѣ, и велѣлъ поздравлять кавалера. Случай рѣдкій, если не единственный, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Александра. Это обстоятельство понято было всѣми, какъ объявленіе явной войны Леццано, и тогда лѣнивый только на него не жаловался. Селифантовъ представилъ, что Иркутская губернія въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что безъ слезъ взирать на нее невозможно. Разумѣется, что Леццано тотчасъ былъ удаленъ отъ должности и мѣсто его поручено временно Генералъ-Лейтенанту Лебедеву. Лебедевъ любилъ пуншъ, и вино, и вся, яже къ тому лѣпа суть. Въ это время посѣщалъ Иркутскъ умный Генералъ Шпрангпортенъ съ Бенкендорфомъ, своимъ Адъютантомъ, теперешнимъ Графомъ. Онъ изумился, какимъ людямъ иногда ввѣряютъ отдаленныя провинціи.

Между тѣмъ въ Иркутскѣ, вмѣсто Репьева, давно уже былъ другой Губернаторъ, Толстой, человѣкъ самый не значительный. Селифантову велѣно было представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири? Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы, раздѣливъ Сибирь на 3 губерніи, соединить ее подъ управленіемъ одного Генералъ-Губернатора, облеченнаго особенною Высочайшею довѣренностію. Теперь настоялъ вопросъ: кого же облечь этою довѣренностію? Отвѣтъ самъ собою представился: кого же лучше, какъ не того, кто плачетъ о Сибири? И такъ Селифантовъ назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ, и повелѣно открыть Томскую губернію.

Это происходило въ 1803 году. Губернатора для Иркутска предоставлено было ему выбрать; онъ привезъ съ собою Картелина. Въ инструкціи, Высочайше данной Селифантову, одинъ пунктъ особенно замѣчателенъ; въ немъ сказано, что «по духу ябеды издавна (вспомните Якоби) замѣченному между Сибирскими жителями, ему дается полная власть всѣхъ тѣхъ, которые, имѣя безпокойный характеръ, вліяніемъ своимъ на общество могутъ препятствовать благимъ мѣрамъ * Правительства, ссылать въ отдаленнѣйшія мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно.» Разумѣется, что копія съ этой инструкціи была получена всѣми мѣстными начальствами и Присутственными Мѣстами во всей Сибири, прежде нежели узнали о выѣздѣ Селифантова изъ Петербурга. Явился онъ, какъ Вице-Рой: все пало ницъ и безмолствовало.

Чувствую, что любопытство ваше подстрекается скорѣе узнать, какъ начали направлять бѣдствующую Иркутскую губернію! Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно интересно, и вы сейчасъ узнаете. Но напередъ надобно сказать нѣсколько словъ о пріѣздѣ Селифантова въ Иркутскъ и о жизни его тутъ, которая была истиннымъ соблазномъ. Сначала онъ пріѣхалъ одинъ, съ сыномъ своимъ Павломъ Ивановичемъ; но вскорѣ, въ самое то время, когда жена его прибыла съ прочимъ семействомъ въ Тобольскъ, и, по его распоряженію, осталась тамъ жить, наперсница его, Мадамъ Бойе, съ дочерью, пріѣхали черезъ Ишимъ въ Иркутскъ и остановились въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ. Отношенія сей матери и дочери къ отцу и сыну не долго оставались двусмысленными. Тотчасъ догодались, черезъ кого надобно обдѣлывать дѣла, и обдѣлывали, что хотѣли, и какъ хотѣли. Вотъ вамъ и поправленіе. Мало этого, я добавлю: Селифантовъ привезъ съ собою Правителя Канцеляріи, Коллежскаго Совѣтника Бакулина, Сибирскаго уроженца изъ Ишима, человѣка весьма дѣловаго. Бакулинъ захотѣлъ хозяйничать въ губерніи, и съумѣлъ это сдѣлать. Вся Сибирь была ими раздѣлена на частныя Коммиссарства. Опредѣленіе Коммиссаровъ предоставили себѣ, и поставили ихъ въ прямое отношеніе съ Генералъ-Губернаторомъ, подъ предлогомъ отдаленности мѣстъ, требующей скорѣйшихъ распоряженій. Обезпечивъ такимъ образомъ зависимость Коммиссаровъ, они безъ околичностей назначили, сколько

---

* Въ др. сп. благонамѣреннымъ дѣйствіямъ.

слѣдовало заплатить за опредѣленіе въ такое, или другое, Коммиссарство, и не забывали смѣнять тѣхъ, кои думали отдѣлываться однимъ кушемъ. Въ это время случилось, что одинъ изъ Секретарей Селифантова, Бѣлявскій, * человѣкъ смышленый и большой проказникъ, котораго я послѣ лично узналъ, когда онъ былъ въ Новгородѣ Губернскимъ Прокуроромъ, написалъ къ одному изъ Коммиссаровъ: «Государь мой! Покорно васъ прошу на прилагаемыя при семъ, яко бы деньги, купить для меня и прислать какъ можно поспѣшнѣе, хорошую кунью, или рысью, шубу» и проч. Шутливое было время; однако жъ оно не понравилось Картелину. Селифантофъ въ немъ ошибся: онъ не поладилъ съ его Бакулинымъ и попросилъ увольненія на первыхъ, такъ сказать, порахъ.

На Губернаторство пріѣхалъ честный морякъ, Корниловъ, лично извѣстный, по Галерной Гавани, въ коей онъ былъ начальникомъ, Государю. Вы вѣрно догадаетесь, что и этотъ не сошелся съ Бакулинымъ и, слѣдовательно, съ Селифантовымъ. У нихъ доходило до публичной разбранки и, конечно, Корнилову было бы дурно, если бы не подоспѣло посольство Графа Головкина. Вамъ, конечно, извѣстно, что Графу Головкину поручено было, въ проѣздъ до границъ Китая, обращать вниманіе на состояніе губерній, по тракту лежащихъ, и доносить Правительству, что замѣтитъ дурное. Какъ Леццано, по надмѣнности своей, не захотѣлъ кланяться Селифантову, такъ точно и этотъ, въ качествѣ полномочнаго Вице-Роя, не оказалъ пріѣзжему гостю особеннаго ** уваженія. Съ первой встрѣчи замѣтили между ними сухость. Напротивъ, Корниловъ старался привлечь на свою сторону не только Посла, но и его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная Фонъ деръ Флитъ (братъ ея въ 1820 году былъ Вице-Губернаторомъ въ Архангельскѣ), была весьма любезная, ловкая, гостепріимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезнымъ, и кавалеры, какъ говорили въ Иркутскѣ, живмя жили въ Губернаторскомъ домѣ. Послѣ, когда Корниловъ выѣхалъ изъ Иркуска съ долгами, повторяли, что онъ прожился на посольство. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Александра Ефремовна успѣла передать свитѣ Графа, какъ говорится, всю подноготную о Селифантовѣ, и Графъ всякое утро получалъ вѣрный отчетъ обо всемъ, что тамъ слышали. Послѣдствіе

---

* Въ др. сп. Бѣлевскій, Бѣльновскій.

** Въ др. сп. должнаго.

скоро оказалось. Едва Графъ Головкинъ отправился въ Китай Селифантовъ поѣхалъ для свиданія съ семействомъ въ Тобольскъ, давъ обѣщаніе Иркутянамъ скоро возвратиться. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, онъ и дѣйствительно думалъ уже о возвратномъ пути, какъ вдругъ послѣдовалъ Высочайшій Указъ объ увольненіи его отъ службы и о запрещеніи ему въѣзда въ столицы. Вы, вѣроятно, знаете, что Селифантовъ невдолгѣ кончилъ жизнь въ своихъ Ярославскихъ деревняхъ, въ слѣдствіе паралича. Не буду дѣлать сужденій, но вы, конечно, при семъ случаѣ обратились мыслью къ поступку его съ Леццано. Послѣдовало назначеніе новаго Генералъ-Губернатора, Ивана Борисовича Пестеля, съ тою же инструкціею, но еще съ большею существенною довѣренностію. Это случилось въ началѣ 1806 года.

Пестель, какъ онъ самъ расказывалъ, не соглашался принять этого порученія иначе, какъ съ условіемъ, чтобы Трескина дали ему Губернаторомъ въ Иркутскъ. По Московскому Почтамту онъ имѣлъ его своимъ помощникомъ, и узналъ его, какъ думалъ, совершенно. Корниловъ представлялъ въ этомъ затрудненіе, но доложили, что онъ самъ просится въ Тобольскъ, и потому Государь согласился на переводъ Корнилова и опредѣленіе Трескина. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, при первой встрѣчѣ съ чиновниками, Иванъ Борисовичъ разсказалъ имъ, вмѣсто привѣтствія, слѣдующее: «Когда Государю Императору угодно было назначить меня въ Сибирь Генералъ-Губернаторомъ, то первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи: тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ наголо ябедники. Хе, хе, хе!» Онъ имѣлъ привычку язвительно смѣяться, нѣсколько въ носъ. Слышавшіе, смекнули дѣломъ, и почесали только въ затылкахъ. Вы знаете здѣшнее: «Чего станешь дѣлать!» Это было для нихъ прелюдіей будущей драмы, которую готовились разыграть на Сибирской сценѣ. Пестель побывалъ въ Кяхтѣ и, обозрѣвъ Нерчинскій край, отправился, въ 1807 году, въ Тобольскъ, а зимою, въ 1809 году, уѣхалъ въ С.-Петербургъ, откуда уже не возвращался. Въ Иркутскѣ онъ оставилъ дѣйствовать Трескина, на основаніи инструкціи своей, съ полною свободою и властію. Разставшись въ Тобольскѣ съ Губернаторомъ Корниловымъ и Вице-Губернаторомъ Штейнгелемъ, какъ нельзя лучше, по пріѣздѣ въ Петербургъ на обоихъ сдѣлалъ представленіе, въ слѣдствіе котораго они преданы

суду Сената. Мѣсто Корнилова получилъ зять Пестеля, Фонъ Бринъ Поступокъ вообще не весьма чистой. * Корниловъ и Штейнгель въ послѣдствіи оправдались, но огорченія свели послѣдняго преждевременно въ гробъ. Въ это же время преданъ суду Генералъ-Маіоръ Куткинъ, начальникъ Тобольскаго Провіантскаго Депо. Съ нимъ поступили съ неимовѣрною жестокостію: содержали подъ стражею, лишивъ сообщенія съ семействомъ; имѣніе, прежде начета, все описали. Дочь его отъ слезъ ослѣпла, и онъ умеръ подъ стражею. Жалоба Куткина Министру Юстиціи ходила въ спискахъ по всей Россіи. Когда дѣло Куткина, при всѣхъ натяжкахъ, кончилось, оказалось, что онъ подлежитъ взысканію 275 руб., за неправильную выдачу прогонныхъ денегъ одному Коммиссіонеру. На Провіантскихъ и Коммиссаріатскихъ чиновниковъ по всей Сибири открыто было гоненіе, какъ на Жидовъ, и продолжалось до тѣхъ поръ, пока обѣ части не сдѣлались подчиненными Гражданскому начальству и когда на всѣ мѣста посадили, какъ говорится, своихъ. Вы скажете: «И это не чисто!» Не буду спорить. Дѣла сами говорятъ.

Въ Иркутскѣ отдали подъ судъ бывшаго Предсѣдателя Уголовной Палаты, Гарновскаго, человѣка умнаго, философа по образу жизни, имѣвшаго многихъ почитателей въ городѣ. Это называлось партіею, и всѣ, принадлежащіе къ партіи, терпѣли равное гоненіе. Борьба съ Гарновскимъ кончилась его смертію. Его не могли сломить. Для планированія улицъ началась ломка обывательскихъ домовъ. Граждане заговорили. Тогда въ обществѣ купеческомъ въ Иркутскѣ первыми считались домы Сибирякова и Мыльникова. Первый былъ Головою и крѣпко стоялъ за общество, за бѣдныхъ. Осмѣлился жаловаться Министру на притѣсненіе. Жалоба отослана къ Пестелю, а отъ него къ Трескину. Кончилось тѣмъ, что на основаніи того пункта Инструкціи, о коемъ я вамъ выше упомянулъ, Сибиряковыхъ, одного брата сослали въ Нерчинскъ, другаго въ Жиганскъ, а Мыльникова въ Баргузинъ; двое изъ нихъ были первостатейными купцами: это не помѣшало. Всѣ они скоро въ этой ссылкѣ умерли.

Преслѣдовали также купца Киселева, человѣка умнаго и пылкаго, довели до съумасшествія, т. е., посадили въ съумасшедшій домъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ. Это осталось загадкою, которую, впрочемъ, не нашлось Эдипа разгадать. Управившись съ головами Иркутскаго неугомоннаго общества, заставили выбрать Головою Савватѣева, который былъ уже совершенно покорнѣйшимъ слу-

* Въ др. сп. честный.

гою. По Сибири, во время Селифантова, былъ знаменитъ откупщикъ, Коммерціи Совѣтникъ Передовщиковъ. При торгахъ на четырехлѣтіе съ 1807 г. онъ взялъ полъ Россіи и всю Сибирь на откупъ. Объ окончаніи торговъ долго не получали свѣдѣнія, а годъ приходилъ къ окончанію; это заставило Губернатора (по частнымъ извѣстіямъ, что откупъ останется за Передовщиковымъ), рѣшиться допустить къ торгамъ въ Казенной Палатѣ Уѣздныхъ откупщиковъ, на основаніи прежней довѣренности, какую имѣлъ отъ Передовщикова его повѣренный. Только что это успѣли сдѣлать, пріѣхала, съ новою полною довѣренностію, жена Передовщикова. Руководимая купцемъ Киселевымъ (о судьбѣ котораго я поспѣшилъ вамъ сказать), она формально протестовала противъ дѣйствій Губернатора. Отсюда ссора и вражда непримиримыя. Ее, однако жъ, принудили подтвердить заключенныя въ Палатѣ условія, заставивъ Уѣздныхъ откупщиковъ сдѣлать надбавку, и не прежде выпустили изъ Иркутска. Какъ женщина, она выѣхала съ угрозами, хвалясь связями своего мужа. Трескинъ не захотѣлъ дожидаться ихъ нападенія. Представился случай (книги откупщика найдены въ кирпичныхъ сараяхъ; за недѣлю передъ тѣмъ онѣ были выкрадены изъ конторы откупщика), полетѣлъ нарочный въ С. Петербургъ, а Передовщикова подъ строжайшимъ арестомъ привезли въ Иркутскъ, гдѣ содержали его еще строже и судили въ Палатѣ (въ которую для сего прикомандированы были особые члены, довѣренность заслуживающіе) по ночамъ, начиная засѣданіе съ 9, или 10, часовъ вечера. При первомъ приступѣ начли на немъ 600 тысячь р.; потомъ, когда жена обезпечила въ Сенатѣ эту сумму векселями, еще насчитали 400 тысячь р.; короче, статью обработали такъ хорошо, что Передовщиковъ изъ суда поѣхалъ прямо въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Подробности этого преинтереснаго эпизода заняли бы столько же листовъ, сколько я исписалъ уже, и потому умалчиваю объ нихъ скажу только: онѣ для романиста сущій кладъ. Въ продолженіе этихъ гоненій, которыя продолжались лѣтъ 6-ть, попали также на одного невзжнаго чиновника, Пѣтухова, бывшаго при Селифантовѣ гдѣ-то Коммиссаромъ. Его арестовали и, на основаніи сподручнаго пункта Инструкціи, безъ суда сослали въ Туруханскъ. Жена его, молодая женщина, въ отчаяніи ходила къ Губернатору, была почти выгнана, жаловалась не только людямъ, стѣнамъ, но и тѣ и другія были равно невнимательны. Не стоило бы упоминать объ этомъ дѣлѣ, если бы послѣдствіе не заслуживало особеннаго вниманія. Пѣтуховъ былъ грамотей и, слѣдовательно, при

первыхъ его жалобахъ Министрамъ, былъ представленъ отъ мѣснаго начальства, какъ обыкновенный Сибирскій ябедникъ. Не смотря на то, онъ нашелъ случай изъ Туруханска написать къ Балашеву, Министру полиціи, и тотъ жалобу его представилъ Государю. Что же вышло? Правительство признало справедливымъ взять Пѣтухова подъ свою защиту отъ притѣсненій Пестеля, и, чтобы избавить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, Высочайше повелѣно дать Пѣтухову мѣсто въ Архангельскѣ. Но бѣдный Пѣтуховъ отъ долговременныхъ страданій немножко свихнулся: занялся исчисленіемъ съ удивительною подробностію пространства и вмѣстительности Ноева Ковчега, и этотъ гигантскій трудъ съ планомъ посвятилъ Государю, «яко дань вѣрноподданнической благодарности за избавленіе отъ Пестеля.» Кажется, онъ умеръ въ ожиданіи великой награды и славы. Въ 1814 году видали его въ Москвѣ, и онъ былъ истинно жалокъ.

Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ, при неограниченной довѣренности высшаго Правительства къ представленіямъ Пестеля, или, все равно, Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали, если не въ формальную, то, по крайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ Губернатора. Не исключается изъ сего даже военная часть. Начальникъ гарнизона, начальникъ артиллеріи, инженерный офицеръ, всѣ сдѣлались покорные слуги, преданные начальству. Вы, можетъ быть, скажете: «По крайней мѣрѣ Духовная часть осталась независимою?» Нѣтъ, и ее держали въ рукахъ. Вотъ какъ это случилось. По поводу весьма соблазнительной исторіи, какую Иркутскіе семинаристы сдѣлали съ своимъ Ректоромъ, Архимандритомъ Іакинѳомъ, извѣстнымъ нынѣшнимъ Оріенталистомъ, Бичуринымъ, онъ поссорился съ Архіереемъ, Веніаминомъ, и написалъ на него доносъ, обвиняя его въ Симоніи. Это случилось еще при Селифантовѣ. Святѣйшій Синодъ Архидандрита Іакинѳа перевелъ въ Тобольскъ и наложилъ на него запрещеніе, а поступокъ Архіерея предоставилъ изслѣдовать духовно-гражданской Коммисіи. Исполненіе этого подоспѣло ко времени Трескина. Какъ человѣкъ умный, онъ не упустилъ случая дать Архіерею замѣтить, что отъ него зависитъ смять его и удержать на ногахъ. Трескинъ назначилъ въ Коммиссію съ гражданской стороны дѣловыхъ людей и точныхъ исполнителей своей воли. При открытіи Коммиссіи они потребовали и настояли, чтобы Архіерей явился въ Присутствіе, какъ отвѣтчикъ. Смѣшно было видѣть (какъ тогда сами же чиновники расказывали), что священники, которые при входѣ Архіерея, сидѣли, какъ бы на

иголкахъ, показывали ему, что рады бы встать, но угрозы гражданскихъ членовъ Коммиссіи удерживаютъ ихъ. Для Архіерея это было крайнее униженіе. Онъ смирился, и Трескинъ надъ нимъ сжалился, но за то нещадно показывалъ, какое вліяніе на него имѣетъ. Въ торжественный день, на примѣръ, Архіерей вышлетъ говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ Городничаго въ алтарь сказать: «Не надо!» и налой тотчасъ унесутъ. Всѣ это видятъ и дивятся. И чего онъ съ нимъ не дѣлалъ! Заставлялъ даже пріѣзжать въ маскарады и любоваться фарсами масокъ, которыя передъ нимъ плясали. За то Слѣдственная Коммиссія дѣйствовала уже такъ медленно, что бѣдный Веніаминъ успѣлъ умереть прежде нежели дождался обвиненія, или оправданія.

Говоря о гоненіяхъ, я съ намѣреніемъ умолчалъ о смѣнѣ и арестованіи Камчатскаго Комеданта, Кошелева (Доносъ на Кошелева вывезъ изъ Камнатки почталіонъ Бродницкій, въ послѣдствіи дослужившійся до офицерскихъ чиновъ, запеченнымъ въ ковригѣ хлѣба), и Охотскаго начальника, Бухарина; ибо это сдѣлано было истинно ко благу тѣхъ отдаленныхъ странъ. Оба эти начальники просто неистовствовали во ввѣренныхъ имъ областяхъ, а послѣдній къ тому грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти. Бухарина Генералъ-Губернаторъ рѣшился самъ смѣнить, ибо на всѣ его отношенія къ Морскому Министру, Чичаговъ находилъ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ утруждать Государя Императора всеподданнѣйшимъ докладомъ; а это значило просто, что Устимовичь, Правитель Канцеляріи Министра, былъ съ руки Бухарину. Изъ этого всего, что я сказалъ, вы ясно видите, что Пестель и Трескинъ строго держались истины: Кто не за насъ, тотъ противъ насъ; неутралитетъ—Нѣмецкая выдумка; а кто противъ насъ, того надобно душить,» и душили, какъ говорится, въ гробъ. Все, что съ этой стороны можно сказать въ ихъ извиненіе, такъ развѣ одно то, что въ нихъ было нѣкотораго рода предубѣжденіе, на благонамѣренности основанное: они боялись, что безъ сильныхъ мѣръ и безъ введенія во всѣ мѣста людей преданныхъ и, какъ говорится, надежныхъ, не успѣютъ ничего путнаго сдѣлать для Сибири. По крайней мѣрѣ, я неоднократно слышалъ подобное сужденіе изъ устъ самаго Трескина. Ни Пестеля, ни Трескина нельзя назвать злыми людьми. Они, кажется, по совѣсти думали, что душатъ негодяевъ, злодѣевъ, ябедниковъ, для блага цѣлаго края. Еще болѣе можно бы было имъ въ этомъ повѣрить, если бы люди, ими набираемые и покровительствуемые, были строго честны и благо-

намѣренны, или, если бъ, въ противномъ случаѣ, они ихъ равно не щадили; но вотъ бѣда, что въ этомъ отношеніи приходится вспомнить слова Крылова:

. . . . . «Все знаю я сама:
Да эта крыса мнѣ кума!»

Теперь время взглянуть на Трескина, какъ на администратора. По внутреннимъ безпорядкамъ онъ засталъ губернію точно въ томъ же положеніи, въ какомъ она была при Леццано: шатающіеся повсюду посельщики; вездѣ, и въ самомъ Иркутскѣ, грабежи, убійства; по дорогамъ разбой, въ Судахъ медленность; по Присутственнымъ Мѣстамъ крайнее запущеніе дѣлъ; большой Московскій трактъ походилъ на проселочную дорогу; въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ проѣзжающаго лѣсомъ сучья били еще по глазамъ. Въ самый первый годъ Трескинъ очистилъ Иркутскъ отъ всѣхъ праздношатающихся, поставилъ полицію на самую лучшую ногу. Онъ тотчасъ распредѣлилъ всѣхъ посельщиковъ въ Нерчинскій уѣздъ и въ Нижнеудинскій. * Въ семъ послѣднемъ они отработали прекраснѣйшую дорогу и потомъ выстроили по ней огромныя селенія. Къ этимъ-то селеніямъ приставленъ былъ знаменитый Лоскутовъ, который строгостію довелъ до того, что выроненный проѣзжимъ на дорогѣ кошелекъ никто не смѣлъ утаить. Притомъ сдѣлалъ изъ воровъ хлѣбопашцевъ и хозяевъ, такъ что они теперь благословляютъ его память. Я это слышалъ... и слышалъ непритворной гласъ. Въ Иркутскѣ Трескинъ завелъ вновь почти всѣ заведенія Приказа общественнаго призрѣнія, особенно прекрасно учрежденный Рабочій домъ и Городовую больницу; самый городъ поправленъ, вычищенъ, выхоленъ. Впрочемъ, это послѣднее. Въ Присутственныхъ и Судебныхъ Мѣстахъ у него кипѣло. Онъ самъ слѣдовалъ за каждымъ и зналъ, гдѣ какое дѣло и на чемъ основано. ** «Смотрите же живо!» было всѣмъ и каждому его любимое выраженіе. Истинно не видалъ человѣка съ большею наружною и существенною дѣятельностію. Онъ только за обѣдомъ не былъ занятъ. Когда надобно бывало сдѣлать какое нибудь распоряженіе къ улучшенію мѣстному, и тамъ, гдѣ онъ не былъ, то онъ соберетъ бывалыхъ: чиновникъ ли то, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, Бурятъ, или Якутъ, ему все равно: онъ выспроситъ всю подноготную и, чтобы лучше успѣть въ томъ, слушаетъ ихъ споры, сводитъ показанія, въ коихъ они не-

---

* Въ др. сп. Верхнеудинскій.

** Въ др. сп. остановилось.

согласны, и тогда уже дѣлаетъ свое заключеніе. Такимъ образомъ онъ исправилъ Охотскую дорогу, уничтожилъ безконечную работу Алданской, увѣрившись, что самое предположеніе о перенесеніи туда порта есть вздорное; представилъ объ уничтоженіи Камчатской области и о введеніи Морскаго управленія, доказавъ, что мысль о Ландъ-Милиціи была химерическая. Тельминскую суконную фабрику онъ довелъ до того, что она стала снабжать всѣ Сибирскія войска сукнами. Запасные хлѣбные магазины держалъ въ исправности. Къ Тункинскимъ Минеральнымъ водамъ велѣлъ проложить дорогу и выстроить потребныя для больныхъ зданія; опредѣлилъ Смотрителя и Медицинскаго чиновника: теперь все это, сказываютъ, въ запустѣніи. Однимъ словомъ, ни одна часть не осталась у него безъ вниманія, и онъ крѣпко держалъ бразды правленія въ своей губерніи. По крайней мѣрѣ, вы видите, что, при безпристрастномъ сужденіи, если Трескинъ съ одной стороны достоинъ сильнаго порицанія, за то съ другой есть чѣмъ это уравновѣсить. Смѣло можно сказать, что со стороны достоинствъ административныхъ собственно, Иркутскъ не имѣлъ другаго Губернатора, Трескину подобнаго, да едва ли и будетъ имѣть, доколѣ Сибирское положеніе Сперанскаго будетъ управлять Сибирью: такъ оно стѣснительно.

Чувствую, что вы готовите мнѣ вопросъ: «Да былъ ли онъ человѣкомъ безкорыстнымъ?» Не легко отвѣчать рѣшительно. Для сужденія о немъ разскажу факты: судите сами. Когда душили Передовщикова, съ его стороны не пожалѣли бы Богъ знаетъ чего, что бы это дѣло замять. Купецъ Губинскій, родственникъ Передовщикова, былъ хорошъ съ Трескинымъ: было кому дѣло сладить, но, однако жъ, всѣ покушенія остались тщетны. Тоже скажу о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ: семейства ихъ не постояли бы за сотни тысячъ, чтобы ихъ возвратить, и сынъ перваго даже вошелъ въ милость у Трескина, но для отца ничего не успѣлъ. Было нѣсколько явныхъ примѣровъ, что у него не шло на деньгу; подозрѣвали (кого не подозрѣваютъ?), однако жъ, что заготовленіе хлѣба въ запасные Иркутскіе магазины и для винокуренныхъ казенныхъ заводовъ, производимое чрезъ Исправниковъ и Коммиссаровъ, доставляло ему знатный доходъ. Указывали на Смотрителя Иркутскаго магазина, извѣстнаго плута изъ разжалованныхъ, коего онъ вывелъ въ офицеры и принималъ его, какъ человѣка, съ которымъ есть что переговорить на единѣ; но все это догадки, а вотъ что было явно: онъ не отказывалъ въ, такъ называемой, хлѣбъ-соли, которую

приносили на имянины. Довольно странно было видѣть въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго, кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, съ цибиками, съ анкерами и тому подобнымъ. Это бывало наканунѣ имянинъ и рожденій его жены, дѣтей. Кто приносилъ, тотъ получалъ на завтра приглашеніе на балъ, или просто на вечеръ. Приносы на имянины жены состояли большею частію изъ матерій, канфъ, канчей и т. п., а это не бездѣлица! Это распоряженіе приписывали самой Губернаторшѣ, въ дѣла которой мужъ ни въ какомъ отношеніи не вмѣшивался. Агнесса (Агнія), Өедоровна (такъ ее звали), дочь извѣстнаго Сенатора Ө. И. Ключарева, была женщина домовитая и весьма при томъ не строгихъ правилъ. Къ ней прямо и смѣло отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать. Исправники, Коммиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Былъ претекстъ: «Все свои дѣти»! Такъ она ихъ называла. Въ самомъ дѣлѣ, эти мѣста, подъ конецъ, всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ изъ Москвы, только что вышедшими изъ Студентовъ. Они, такъ сказать, взросли на ея глазахъ. Другая явственность въ этомъ отношеніи: отправленіе ежегодно обозовъ въ Москву. Братъ Трескина, помощникъ начальника Московскаго Почтамта, человѣкъ честный и прямой, сказывалъ мнѣ самъ, что все, присланное братомъ его до 1812 года, сгорѣло при нашествіи Французовъ, и сгорѣло не мало. * Но и послѣ онъ продолжалъ присылать тюки на храненіе брату. Будучи уже въ несчастіи, онъ успѣлъ пристроить двухъ дочерей, а этого нельзя сдѣлать безъ денегъ, особливо, когда онѣ у него не только не красавицы, но даже дурны собою. Недвижимаго у него не было. Теперь судите.

Съ моей стороны скажу, что если бъ у Трескина не было жены, Агнессы Өедоровны, и Секретаря Бѣлявскаго, онъ былъ бы, какъ говорится, совсѣмъ другой человѣкъ. Замѣтьте: это не тотъ, проказникъ Бѣлявскій, о которомъ я говорилъ выше. Этотъ былъ родомъ изъ Нѣжинскихъ Грековъ, человѣкъ умный, неутомимый, даже честный, коли хотите, но человѣкъ холерическій и злобный. Онъ безпрестанно твердилъ Губернатору: «Что ихъ щадить. В. П.? Все бездѣльники; въ барапій рогъ надобно согнуть!» И подлинно гнули... Этотъ человѣкъ бѣдственно кончилъ жизнь свою. Бывъ свидѣтелемъ ужасной кончины Губернаторши, которую онъ сопровождалъ на Погромнинскія воды, ** онъ тутъ же лишился разсудка, вскорѣ при-

* Въ др. сп. во время пожара.

** Въ др. сп. Громнинскія.

шелъ въ бѣшенство и въ цѣпяхъ привезенъ въ Иркутскъ, гдѣ невдолгѣ умеръ.

Вы видите, что я не пощадилъ Трескина, при всемъ томъ, что я отъ него, кромѣ добра, ничего не видалъ. На примѣръ: когда послѣ моего сговора въ Кяхтѣ, меня перевели въ Петербургъ, и мнѣ надобно было для женитьбы возвратиться, то онъ мнѣ далъ къ Пестелю письмо. Пестель принялъ меня сухо; но когда прочелъ письмо, подошелъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ: «Вы согласитесь, я васъ не зналъ. Николай Ивановичь пишетъ ко мнѣ такъ много хорошаго о васъ, что я совершенно въ вашихъ повелѣніяхъ. Что вамъ угодно, чтобъ я для васъ сдѣлалъ, я сдѣлаю.» И сдѣлалъ: выпросилъ меня къ себѣ по особымъ порученіямъ и отправилъ въ Иркутскъ. Вообще, я старался говорить, какъ мертвецъ, смотрящій съ того свѣта на дѣла людей, безъ всякаго лицепріятія, и въ этомъ отношеніи не безъ насилія для себя. Признаюсь: люблю, даже уважаю, Трескина. Пестель мнѣ всегда менѣе нравился: въ немъ я всегда видѣлъ что-то фальшивое, хитрое, уклончивое. Мое уваженіе къ нему особенно потерпѣло подрывъ съ того времени, когда я нашелъ въ Архивѣ Канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора его секретныя донесенія Прозоровскому, съ копіями распечатанныхъ въ Почтамтѣ писемъ. За всѣмъ тѣмъ, когда меня не однажды спрашивали: «Бралъ ли Пестель взятки?» — «Нѣтъ», отвѣчаю, «рѣшительно нѣтъ!» Пестель съ этой стороны былъ чистый, честный человѣкъ. Подозрительные (а гдѣ ихъ нѣтъ?) люди думали, что Трескинъ дѣлится съ Пестелемъ. Неправда, не тѣ были отношенія. Трескинъ очень зналъ, что въ глазахъ Пестеля долженъ былъ играть роль безкорыстнаго, и этимъ языкомъ только онъ могъ съ нимъ говорить смѣло. Какъ бывшій членъ Россійско-Американской Компаніи, я видѣлъ письмо Пестеля къ Директорамъ самое уничижительное объ отсрочкѣ только долга 10 тысячь рублей. Этого, кажется, довольно для убѣжденія.

1825 года,
Іюля 30-го дня

МОРОВЫЯ ПОВѢТРІЯ

въ

КОСТРОМСКОЙ СТОРОНѢ.

ВЪ 1654 И 1771—1772 ГОДАХЪ.

Изъ всѣхъ Россійскихъ городовъ чума 1654 года первѣе всего открылась въ Москвѣ. Царя Алексѣя Михайловича въ столицѣ тогда не было, а онъ находился въ походѣ противъ Поляковъ подъ Смоленскомъ. Когда язва въ Москвѣ начала принимать сильные размѣры, то, по волѣ Государя, Царскій его домъ, во 2 половинѣ Іюля, вывезенъ въ село Танинское, находящееся на большой дорогѣ въ Троицко-Сергіеву Лавру. По распоряженію Патріарха всея Россіи, Никона, коего заботливому охраненію ввѣрено семейство Царя, близъ Москвы, по дорогамъ Можайской, Владимірской и Троицкой, 26 Іюля учреждены сильныя заставы. Болѣе заставъ, около того времени, нигдѣ не было видно [1]. Въ послѣднихъ числахъ Августа Царскій дворъ стоялъ въ Сергіевой Лаврѣ. [2] Далѣе сего монастыря къ сѣверу нигдѣ еще чума не открывалась, какъ 22 числа того же Августа, сверхъ ожиданія, она появилась въ г. Костромѣ, и начала опустошеніе со всею жестокостію. Язву въ Кострому принесли изъ Москвы Костромичи, проживавшіе въ столицѣ по своимъ промысламъ. При первомъ появленіи въ Москвѣ мороваго повѣтрія, они опрометью бросились во свояси; Московскія заставы миновали проселками и, такъ сказать, въ свои домы смерть принесли въ пазухѣ для себя, родныхъ и сосѣдей. Въ эту пору въ Костромѣ начальствовалъ Воевода, Василій Михайловичъ Еропкинъ, чиновникъ, замѣтно, недальней дѣятельности. [3] Воеводы другихъ областей, при первомъ появленіи язвы, принимали быстрыя мѣры къ истребленію оной, какъ извѣстно по уцѣлѣвшимъ актамъ въ Нижнемъ Новгородѣ, не дожидаясь предписаній о тѣхъ мѣрахъ отъ Двора. Но Еропкинъ ничего сего не сдѣлалъ; даже, когда получилъ отъ Двора наставленія, и тогда почти не исполнилъ по Высочайшему указу Царевича Алексѣя Алексѣевича, отъ имени коего всѣ выходили въ ту пору Царскія распоря-

женія о заразѣ. Тѣмъ указомъ, полученнымъ 6 Сентября, строжайше, подъ страхомъ смертной казни, велѣно по дорогамъ изъ Москвы въ Кострому и другіе города, проѣжающихъ никого не пропускать, для чего учредить крѣпкія заставы, подъ надзоромъ отставныхъ Дворянъ и Боярскихъ дѣтей, и за карауломъ изъ монастырскихъ слухъ, Костромичанъ и крестьянъ. Еропкинъ, чрезъ мѣсяцъ по полученіи указа, Октября 10, доносилъ Двору, что у города Костромы на Волгѣ поставлена одна только застава, а прочія пусты, и что Дворянъ и дѣтей Боярскихъ по Костромскому Уѣзду ни кого въ усадьбахъ нѣтъ; монастырскіе служки Костромскихъ монастырей, назначенные для переписи и поставки крестьянъ на караулѣ, доносятъ, что крестьяне ихъ не слушаютъ, на заставахъ не стоятъ, а если которые и стояли, тѣ тутъ же померли; что ему, Воеводѣ, послать за ослушникомъ некого, потому что у него находятся только стрѣльцевъ 15 человѣкъ, и тѣ всѣ то разосланы въ Уѣздъ, то съ Троицкими крестьянами посланы провожать плѣнныхъ въ Нижній Новгородъ. Вообще нельзя надивиться, какъ, донося о Костромской заразѣ, давалъ слабо отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ тогдашній Воевода. Между тѣмъ моровое повѣтріе изъ Костромы приникло сначала въ ближайшія селенія, потомъ быстро распространилось по Костромскому Уѣзду. Воевода Еропкинъ, того 10 Октября, со сказки поповскаго Старосты, поданной ему на канунѣ, доносилъ, что съ 22 Августа по 8 Октября въ Костромѣ померло: Собора Пресвятыя Богородицы Өеодоровскія два Священника, да у приходовъ 20 Священниковъ и 7 Діаконовъ; при приходскихъ церквахъ Костромичанъ погребено 2,638 человѣкъ; въ монастыряхъ: Ипатьскомъ померло 2 черныхъ попа и 2 рядовыхъ старца, въ Богоявленскомъ рядовыхъ старцевъ 3, въ Воздвиженскомъ 5 старцевъ и 6 служебниковъ, въ Анастасѣину 5 старецъ; въ селѣ Никольскомъ и Спасскомъ за Волгою съ деревнями (это въ верстѣ отъ города Костромы), 70, въ Ипатской Богословской слободѣ 237, въ Андреевской 110, въ Селищахъ съ деревнями 140 человѣкъ, всего на Костромѣ по то 8 число померло 3,247 человѣкъ. Еропкинъ въ томъ доношеніи писалъ, что по 10 Октября «моровое повѣтріе не унялось: помираютъ люди многіе, и въ Костромскомъ Уѣздѣ моровое повѣтріе, въ иныхъ мѣстахъ есть же.» Когда, по взятіи Смоленска, многіе изъ Костромскихъ Дворянъ, осенью того 1654 года, возвращались въ свои помѣстья, то заботливое Правительство, отъ 19 Октября, Костромскому Воеводѣ

изъ Колязина монастыря, тогдашняго пребыванія Царскаго Двора, предписало предварять на заставахъ, какими именно здоровыми мѣстами безопасно можно проѣхать, и чтобъ изъ Костромы, какъ въ Костромской Уѣздъ, такъ и въ прочіе, никого не выпускали. [4] До какой степени, опричь Костромы, по Костромской сторонѣ свирѣпствовала язва, и вездѣ ли, не имѣемъ вѣрныхъ подробностей, кромѣ уцѣлѣвшихъ, именно: отъ 11 Октября того года Боярскій сынъ Григорій Ростопчинъ, посланный по Волгѣ, изъ Астрахани доносилъ, что въ городахъ Юрьевцѣ и Кинешмѣ никакого опустошенія отъ язвы не бывало, что въ Костромѣ онъ не приставалъ по причинѣ сильнаго мороваго повѣтрія, а о Костромскомъ Уѣздѣ ему сказывали не въ одно: гдѣ есть, а гдѣ не было, только упадокъ людей невеликой. [5] Въ посадѣ Большихъ Соляхъ, въ 18 дворахъ не осталось ни одной живой души; по прекращеніи моровaго повѣтрія, умершіе тамъ изъ домовъ вытащены и погребены въ одной ямѣ близъ Большесольской церкви Рождества Богородицы; надъ ними тогда поставлена часовня. [6] Около Нерехты зараза свирѣпствовала въ окрестныхъ селахъ, на примѣръ: въ Сыпановѣ монастырѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, половина братіи сдѣлалась жертвою язвы, но жители Нерехты остались всѣ цѣлы. [7] О другихъ Костромскихъ пригородахъ не имѣемъ свѣдѣній, кромѣ того, что моръ свирѣпствовалъ и по другимъ мѣстамъ нынѣшней Костромской Губерніи, какъ-то: въ городѣ Сольгаличѣ, слишкомъ въ двухъ стахъ верстахъ отъ Костромы на сѣверъ, отъ язвы, бывшей тамъ, съ 18 Августа по 6 Декабря, многіе домы стояли пустыми. [8] Когда на Костромѣ пресѣкся моръ, не знаемъ, но, судя по окрестнымъ городамъ, можно полагать или въ Декабрѣ 1654, или въ Январѣ 1655 года: такъ кончился моръ въ Юрьевѣ Польскомъ 6 Декабря, въ Переславлѣ Залѣсскомъ 16 числа, того мѣсяца, въ Угличѣ 22 того Декабря, въ Суздалѣ 12 Января 1655 года. Отъ язвы тогда померло въ Юрьевѣ 1148, осталось въ живыхъ 409, въ Суздалѣ скончалось 1.177, осталось 1390, въ Переславлѣ Залѣскомъ умерло 3,627, осталось 939, въ Угличѣ скончалось 319, осталось 376 человѣкъ. Въ Ярославлѣ много умерло отъ язвы, но сколько, не извѣстно. [9] Въ Костромѣ, кромѣ женскаго пола и младенцевъ, жертвою моровaго повѣтрія учинилось 3,461, въ живыхъ уцѣлѣло 1895 человѣкъ, 1276 дворовъ стояли пустыми, съ жителями осталось только 1122 двора. Доселѣ сохранилось преданіе, что почувствовавшіе на себѣ признаки язвы Костромичи заранѣе или

въ убогій домъ; тамъ ложились на роковую доску надъ погребомъ, въ ожиданіи смерти и пребывали мертвыми, доколѣ другіе, на мѣсто ихъ пришедшіе, не сваливали ихъ съ доски внизъ. До такой степени господствовало тамъ отчаяніе.

Не такъ было при Императрицѣ Екатеринѣ II, мудрой матери отечества, въ моровое повѣтріе 1771—1772 года, по благоразумнымъ мѣрамъ Правительства, усердно выполняемымъ отъ мѣстныхъ начальниковъ. Также, какъ и 1654 года, язва первѣе всѣхъ Россійскихъ городовъ появилась въ Москвѣ, и также, какъ и тогда, въ Костромскую сторону заразу занесли Московскіе выходцы. При первомъ извѣстіи о губительныхъ дѣйствіяхъ моровааго повѣтрія, Костромская сторона оцѣпенѣла отъ страха, доселѣ свѣжо сохранившагося въ памяти народной, подъ названіемъ «Московскаго мора.» Инструкціею, разосланною изъ Костромской Провинціальной Канцеляріи, въ Октябрѣ 1771 года, сотцкимъ, пятьдесятскимъ и десятскимъ, предписано: 1-е, чтобы проѣзжающихъ изъ Москвы больныхъ отнюдь не впускать въ селенія, а здоровыхъ, какъ самихъ, такъ и платье, окуривать: для сего учредить крѣпкія заставы, особенно на границѣ уѣзда и при въѣздѣ въ городъ; въ карантинѣ же задерживать только больныхъ. 2-е Проѣзжающихъ снабдить билетомъ, что они ѣдутъ изъ мѣстъ благополучныхъ, а безъ билета никого не пропускать. 3 Если откроется зараза въ какомъ селеніи, то оное обвалить лѣсомъ, чтобы ни проѣзда, ни прохода не было; отъ благополучныхъ мѣстъ къ такому селенію учредить изъ засѣкъ и караула заставу; съ больными же не имѣть сообщенія, ни какого имущества отъ нихъ не выносить; для погребенія умершихъ сдѣлать особенныя кладбища, съ огородью въ томъ же селеніи; тѣла закапывать въ глубокія ямы, вообще къ тѣламъ не прикасаться. Этою инструкціею дано знать, что зараза свирѣпствуетъ уже въ Ярославскомъ Уѣздѣ. Въ Декабрѣ того 1771 года, въ каждой волости и станѣ, по Костромской Провинціи, опредѣленъ былъ особый чиновникъ, на примѣръ, въ Нерехотскомъ станѣ Поручикъ Семенъ Кудринъ. Вмѣстѣ съ Ярославскимъ моровымъ повѣтріемъ, осенью 1771 года, оно открылось въ Посадѣ Большихъ Солей, гдѣ скончалось отъ онаго 5 человѣкъ, и въ 5 верстахъ отъ Солей, въ деревнѣ Суворовѣ, гдѣ вымерло три двора; въ нихъ осталась въ живыхъ одна только, лѣтъ около 20, дѣвица, къ коей послѣ пріискали жениха. Она, во время мора, изъ трехъ домовъ, смежныхъ одинъ къ другому, обваленныхъ тогда

лѣсомъ, нѣсколько десятковъ мертвецовъ вытащила одна по дорогѣ, обваленной также, за овины, и всѣхъ ихъ порознь погребла въ могилахъ. 1817 года я видѣлъ это кладбище несчастныхъ, поросшее ивнякомъ, но 1830 года я нашелъ, что на томъ мѣстѣ всѣ могилы сравнены подъ пашню. Въ Большихъ Соляхъ, 9 числа Октября, отъ всѣхъ церквей учиненъ вокругъ посада крестный ходъ; того числа въ тамошнемъ соборѣ совершено всенощное бдѣніе; на другой день совершенъ крестный ходъ къ церкви Преображенія, на 3-й къ Рождественской, на 4-й къ Благовѣщенской, на 5-й къ Предтеченской церквамъ, въ каждой также совершено всенощное бдѣніе и литургія соборомъ всѣхъ Большесольскихъ Священниковъ. Съ 13 числа Октября въ Большихъ Соляхъ болѣе не было смертныхъ случаевъ. Почему Большесольцы, въ память избавленія отъ заразы, 15 Октября, опять совершали крестный ходъ, вокругъ Посада, и положили каждогодно это число праздновать Боголюбской иконѣ Богородицы, съ такимъ же крестнымъ ходомъ, что самое неопустительно доселѣ исполняютъ. На этотъ ходъ иногда приглашаютъ чудотворный образъ угодника Святителя Николая Чудотворца изъ Бибаевскаго монастыря, отстоящаго отъ посада версты на три, и для каждой церкви, вскорѣ послѣ мора, написали во имя сей Владычицы міра иконы. [11] Тогда въ Костромѣ святительствовалъ Епископъ Симонъ Лаговскій, пастырь блистательныхъ качествъ, заботливый, дѣятельный, дальновидный, а Воеводою былъ Бригадиръ, Статскій Совѣтникъ, Степанъ Васильевичь Малыгинъ, начальникъ ревностный, рѣшительный и строгій. Тотъ и другой благоразумными мѣрами удерживали дальнѣйшее распространеніе заразы. Владыка Симонъ приказалъ всѣхъ больныхъ исповѣдывать и причащать, но исповѣдь выслушивать въ отдаленіи, на мѣстѣ незараженномъ; Святыя же Тайны для пріобщенія оставить въ такомъ же мѣстѣ, въ особомъ сосудѣ, предоставляя потребить самому больному, или взять, чрезъ ходящихъ за нимъ; совершать же Елеосвященіе надъ зараженными было запрещено; священникамъ таковыхъ умершихъ не погребать, а послѣдованіе погребенія, также ихъ поминовеніе, отправлять въ здоровомъ покоѣ надъ кутіею. Указомъ, отъ 17 Ноября, того 1771 года, Архипастырь предписалъ, чтобы, для избавленія отъ заразительной болѣзни (такъ въ бумагахъ называлась тогда моровая язва), былъ совершенъ крестный ходъ, и чтобы священнослужители всѣмъ своимъ прихожанамъ заповѣдали предъ крестохожденіемъ поститься три дни. Потомъ, того

Ноября 22 числа. Указомъ же повелѣно, чтобы изъ Духовныхъ не иначе кто являлся въ Кострому, какъ испросивъ на отлучку билетъ въ Духовномъ Правленіи. Самъ же Архипастырь большую часть этого несчастнаго времени проживалъ въ Семинаріи, бывшей тогда на Запрудиѣ, въ верстѣ отъ города; Семинарію въ эту пору со всѣхъ сторонъ огородилъ деревяннымъ палисадомъ, около оного учредилъ крѣпкія заставы; приходящимъ сродникамъ позволялъ не иначе видѣться, какъ чрезъ огонь, въ виду сторожей, а нужныхъ для Семинаріи пропускать чрезъ разженный можжевельникъ. Такъ сердобольный пастырь сберегалъ юныхъ питомцевъ, приготовляемыхъ въ священнослужительскія должности! Чтобы одержимые заразою не умирали безъ напутствованія Святыми Тайнами, Преосвященный Симонъ сочинилъ, и при Указѣ отъ 17 Ноября, того 1771 года, разослалъ по всѣмъ церквамъ воззваніе къ простому народу о драгоцѣнности и необходимости Святаго Причащенія. Костромской Воевода, Мальгинъ, въѣздъ въ Кострому запретилъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы никто не проживалъ на постоялыхъ въ Костромѣ дворахъ: базаръ открылъ за городомъ, въ полѣ, пропуская на оный чрезъ огонь; предписалъ тѣ дома, гдѣ открылась чума, обвалить деревьями и не имѣть съ ними ни какого сообщенія; во всѣхъ селеніяхъ для проѣзжающихъ установилъ заставы, особенно со стороны Ярославской провинціи, подъ наблюденіемъ приставленныхъ чиновниковъ; подъ ихъ же наблюденіемъ, на нагорномъ берегу Волги, повсемѣстно учреждены заставы, для того, чтобы никого не перепускать чрезъ Волгу. Эта мѣра вполнѣ имѣла счастливое дѣйствіе: Костромская Провинція на луговой сторонѣ, кромѣ очень рѣдкихъ и незначительныхъ случаевъ, была почти свободна отъ чумы; въ самой Костромѣ никого не было заразнаго. Когда на нагорномъ берегу Волги, въ Спасской Слободѣ, въ верстѣ отъ Костромы, въ одномъ домѣ открылась зараза, то этотъ роковой дворъ тогда же былъ обваленъ деревьями, и чтобы никто не выходилъ изъ оного, приставленъ крѣпкій караулъ; когда же всѣ въ домѣ померли, то, по распоряженію Воеводы, Мальгина, ближайшія къ нему строенія были сломаны и въ тихую ненастную погоду домъ съ мертвецами былъ сожженъ. Такимъ образомъ въ Костромской Спасской Слободѣ пресѣчено дальнѣйшее распространеніе чумы. Въ Москвѣ моровое повѣтріе, въ Февралѣ 1772 года, совершенно пресѣклось; но Костромская Провинція и послѣ того, въ продолженіе 8 мѣсяцевъ, хотя

очень изрѣдка, видѣла несчастныя жертвы заразы. 24 Декабря, того 1772 года, Костромская Духовная Консисторія Указомъ извѣстила, что по всей Провинціи моровое повѣтріе прекратилось. Почему, съ распоряженія Его Преосвященства, было предписано по всѣмъ церквамъ Епархіи совершить всенощное бдѣніе съ благодарнымъ молебствіемъ. Этимъ Указомъ дано знать, въ какихъ селеніяхъ свирѣпствовала язва, именно: въ той деревнѣ Суворовой, принадлежащей тогда Княжнѣ Долгоруковой, также въ отчинѣ Маіорши Катерины Норовой, селѣ Жуковѣ, отъ Нерехты въ верстахъ 13, и въ Посочинской Слободѣ, близь Песошенскаго Игрицкаго монастыря. Преосвященный Симонъ, какъ скоро получалъ вѣрное извѣстіе о томъ, въ какомъ селеніи открылась зараза, то давалъ знать о такомъ несчастномъ селеніи, чтобы предостеречь проѣзжающихъ. Такъ, на примѣръ, Указомъ отъ 28 Октября, 1771 года, объявлено, что язва открылась Кинешемскаго Уѣзда въ деревняхъ Гарахъ и Лѣвинѣ; что не только близскія селенія, но даже проселочныя дороги завалены, и чтобы ѣдущіе отъ Нерехты имѣли проѣздъ чрезъ Кинешемское село Жирятино, а по Московской дорогѣ отъ села Лезнева чрезъ Шую и Лухъ и Кинешемскаго Уѣзда чрезъ сего Углецъ. Имѣя случай отъ современниковъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, кто учинился тогда жертвою заразы, могу сказать безошибочно, что число таковыхъ по всей тогдашней Костромской Провинціи едва ли простиралось свыше трехъ сотъ человѣкъ. Изъ нихъ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ найдено по дорогамъ. Нѣкоторые изъ проживавшихъ по промысламъ въ Москвѣ, вышедши оттуда при усиленіи тамъ заразы, не достигли своей родины. Этому времени одолжено повсемственное по Россіи закрытіе убогихъ домовъ и открытіе въ городахъ отдѣльныхъ кладбищъ. Въ этотъ моръ въ Костромѣ основаны на полѣ два кладбища, одно близь Кинешемской большой дороги, а другое къ Запруднѣ, не далеко отъ убогаго дома, находившагося для Костромичанъ съ лѣтъ незапамятныхъ. На каждомъ изъ нихъ, вскорѣ послѣ мора, поставлено по деревянной церкви; обѣ сіи церкви въ первой четверти текущаго столѣтія сдѣланы каменными. До 1771 года, времени этого мороваго повѣтрія, каждый изъ умершихъ погребался обыкновенно при своей приходской церкви, что было даже и въ самой Москвѣ. [12]

Д. Чл. Протоіерей **М. Діевъ.**

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Дополнен. къ Актамъ Историч. III, 443.
2. Тамъ же, III, стран. 443, 445.
3. Того же III тома, стран. 472, 473.
4. Доношеніе Костром. Воеводы Еропкина въ Дополн. къ Акт. Историч. III, стр. 472 — 875.
5. Дополн. къ Историч. Акт. III, 476, 477.
6. Историческое изслѣдованіе о Большихъ Солахъ, тамошняго священника Евгенія Лаговскаго, рукопись.
7. Повѣсть о чудотв. Владимір. иконѣ Богородицы, въ числѣ моихъ рукописей, и рукоп. Записки о Сыпановѣ монастырѣ.
8. Статья о Солигаличѣ, въ Костром. Губерн. вѣдом. 1859 года № 12.
9. Дополненіе къ Историч. акт. III, 477, 520, 521.
10. Историческ. извѣстія о Костромѣ, соч. Полковника Ивана Васькова, напечат. 1792 года, въ Москвѣ, стр. 63.
11. Рукопись: Историческ. извѣстія о Большихъ Солахъ, соч. тамошняго священника Евгенія Лаговскаго, пользовавшагося современною объ этомъ морѣ запискою Большесольца Николая Биохина.
12. Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ, относящихся къ этому моровому повѣтрію, пользовался я личными разсказами современниковъ, особенно Костромскаго купца, Кира Рыльцова, и блаженной памяти родителя моего, Іакова Петровича, по прозванію Нерехотскаго, во время мора 1772 года, обучавшагося въ Костромской Семинаріи.

ТЕТРАДЬ,

А ВЪ НЕЙ ИМЕНА ПИСАНЫ ОПАЛЬНЫХЪ ПРИ ЦАРѢ И ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ, ЮАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ, ВСЕА РОСІИ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщается ниже выписка изъ Синодика Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, въ которомъ, по повелѣнію Грознаго, записано, для вѣчнаго поминовенія, нѣсколько тысячь казненныхъ имъ въ разныя времена людей разнаго званія, пола и возраста. Всѣхъ записанныхъ лицъ насчитывается до 3750, въ томъ числѣ 52 лица Княжескаго рода. Запись Спасоприлуцкая представляется любопытною особенно въ томъ отношеніи, что въ ней, кромѣ именъ казненныхъ лицъ, обозначены и многія мѣста, бывшія театромъ казней, какъ то: Коломенскія села, Матѳѣевщина, Ивановское Большое, Ивановское Меньшое, Городище, Черміево, Суславъ, Бѣжецкій Верьхъ, Изборскъ, Нижній Новгородъ, Новый Торжокъ, Богородское село, село Братовшина, село Озерское (или Озерецкое), Клинъ, Мѣдня, Новгородъ Великій, Москва. Любопытны и роды казней, упомянутые въ записи: отсѣченіе рукъ, ручное усѣченіе, отдѣлываніе, застрѣливаніе изъ пищалей, сожженіе. Изъ исполнителей казней указанъ только Малюта. Замѣчательно сходство одного мѣста Записи съ тою, какая сдѣлана въ Записи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а именно: и въ Кирилловскомъ и въ Прилуцкомъ Синодикахъ число казненныхъ въ извѣстное время Новгородцевъ показано одно: 1505 человѣкъ (см. Истор.

Росс., Карамз., томъ IX, примѣч. 294.) Въ этой Записи г. М. П. Погодинъ найдетъ отвѣтъ, были ли у Грознаго другіе отдѣлывальщики, кромѣ Григорія Ловчикова, о которомъ извѣстіе найдено имъ въ Синодикѣ Германова Свіяжскаго монастыря (см. Русскій Дневникъ 1859, № 6).

Касательно историческаго значенія приводимой выписи, полагаемъ: свѣдѣнія о мѣстахъ казней и объ именахъ и прозваніяхъ казненныхъ, при соображеніи съ другими историческими данными, не могутъ ли вести къ объясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ исторіи Грознаго, на прим., времени, случаевъ, побудительныхъ причинъ къ казнямъ и т. п.? Найдутся, можетъ быть, и еще какія нибудь историко-археологическія достоинства приводимой выписи, на прим., въ разнообразіи и странности старинныхъ Русскихъ прозвищъ.

Запись Спасоприлуцкая дополнена нами, сколько было можно, изъ подобной записи, находящейся въ Синодикѣ Вологодскаго Павлообнорскаго монастыря, въ которомъ опальныхъ записано 1612 человѣкъ, въ томъ числѣ 59 лицъ Княжескаго рода. Дополненіе состоитъ большею частію въ прибавленіи къ именамъ казненныхъ ихъ родовыхъ прозваній.

Днемъ церковнаго поминовенія въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ исчисленныхъ въ выпискѣ опальныхъ людей былъ назначенъ, конечно, по Царскому указу. 25-й день мѣсяца Февраля. Это значится въ Кормовой книгѣ Прилуцкаго монастыря, въ которой сказано: «Мѣсяца Февраля въ 25 день «по Государевыхъ Царевыхъ и Великаго Князя Іоанна Ва«силіевича всея Русіи по опальныхъ князехъ и боярехъ и «дворянехъ и по всякихъ людехъ имена ихъ въ сенанникахъ «писаны... игумену понахида пѣти и обѣдня служити собо«ромъ, а на братію кормъ болшой; дачи Государевы по «нихъ денегъ и сосудовъ 1000 рублевъ.»

Н. Суворовъ.

«По выписи Государскихъ книгъ, имена и прозванія преставльшихся православныхъ христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, разныхъ городовъ людей. По Цареву Государеву велѣнію Великаго Князя Іоанна Василіевича всеа Россіи поминать тѣхъ христіанъ, по Его Государственнымъ книгамъ, по именамъ и прозваніамъ, ихъ же имена чти ниже сего сице:

помяни, господи, души усопшихъ рабовъ своихъ и рабынь:

Князя Михаила, Михаила, Тихона, Казарина Дубровскаго * и двухъ сыновъ его, да съ нимъ десяти человѣкъ его, ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси.

помяни, господи, души:

Ишука Бухарина, Богдана, Іоанна 2, Игнатія Заболотскаго, Григорія 2, Ѳеодора, Князя Василія Волка, Ростовскаго 2, Василія 2, Никифора, Стефана, Димитрія, Іоанна, Григорія, Петра, Митрополичія старца Леонтія, Никиты, Ѳеодора 2, Сvмеона, Александра, Тимоѳея, Владыки Коломенскаго дьяка—имя его Богъ вѣсть, Смирного Сvмеона, Татарина Янтугана, а о крещеніи его Богъ вѣсть, Іоанна, Богдана, Михаила Труху, Артемія: подаждь имъ, Господи, вѣчную память.

въ коломенскихъ селѣхъ:

Скончавшихся православныхъ христіанъ Ивановыхъ людей дватцати человѣкъ, а имена ихъ Богъ вѣсть: даждь имъ, Господи, вѣчную память.

---

* Напечатанное съ разбивкою означаетъ дополненія, сдѣланныя изъ Павлообнорскаго Синодика.

ВЪ УГЛѢ ВЪ ГУБИНѢ:

Православныхъ христіанъ девятнатцать человѣкъ: имена ихъ Самъ, Господи, вѣси; подаждь имъ вѣчную память!

ВЪ МАТѲѢЕВЩИНѢ:

Православныхъ христіанъ скончавшихся осмьдесятъ четыре человѣка, да тремъ человѣкомъ руки сѣчены, имъ же имена Самъ, Господи, вѣси; подаждь имъ вѣчную память!

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ДУШИ РАВОВЪ СВОИХЪ:

Михаила 2, Лаврентія, Бреха, Никиты, Алексія Севрина, Ѳеодора, старца Никиты, Андрея, Смиряя, Василія 2, Іоанна, Григорія, Іова, девяти человѣкъ дѣтей Тундоровыхъ Тетерина, имъ же имена Богъ вѣсть, Іосифа, Князя Даніила Сицкаго, Андрея, Іоанна Квашнина, Никиты, Симеона 2, Хозяина Тютина з женою да съ пятма дѣтми и з братомъ: имена ихъ Ты, Господи, вѣси: помяни ихъ во царствіи Своемъ!

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ДУШИ РАБЪ СВОИХЪ:

Іоанна 3, Никиты, Іоанна, Князя Владиміра Курлятева, Князя Ѳеодора Сисіева, Григорія 2, Андрея Шеина, Алексія.

ВЪ ИВАНОВСКОМЪ ВОЛШОМЪ:

Православныхъ христіанъ семнатцати человѣкъ, да четырнатцать человѣкъ ручнымъ усѣченіемъ конецъ пріяша, ихъ же имена Самъ вѣси, Господи; дай имъ вѣчную память!

ВЪ ИВАНОВСКОМЪ МЕНШОМЪ:

Исаковы жены людей Заборовского тринатцати человѣкъ, да седмь человѣкъ рукъ отсѣченіемъ скончавшихся. Въ Городищи: трехъ человѣкъ. Въ Черміевѣ: Тевриса, Якова. Въ Суславѣ: двою человѣкъ. Въ Бѣжецкомъ Верху: Ивановыхъ людей шестьдесятъ пять человѣкъ, да дванадесять человѣкъ скончавшихся ручнымъ усѣченіемъ: имена ихъ Ты, Господи, Самъ вѣси; дай имъ вѣчную память!

помяни, господи, души:

Андрея, Григорія, Сvмеона, Өеодора 2, Іоанна 2, Князя Сvмеона Баташева, Князя Іоанна, Княжь Юрьева сына Смѣлаго Засѣкина, Петра Шерефединова, Павла, Елисея, Петра, Павла, Елку, Димитрія, Юрія, Василія съ женою, да съ трема сыновьями: имена ихъ Ты Самъ, Господи, вѣси; помяни ихъ въ царствіи Своемъ!

помяни, господи, души:

Василія, Іоанна 4, Пелепелицына, Григорія Перепечина, Андрея 2, Аөанасія, Өеодора 2, Петра 2, Тимоөея, Гордія Ступишина, дѣтей его Василія, Никиты, дочерь его Марію, внуку его Елену, да двѣ внуки его, да сестру: имена ихъ Ты, вѣси, Господи, да его братью Іоанна, Димитрія, дѣтей Дмитріевыхъ Веригу, Гавріила, да дочерь его, да внуку его: имена ихъ Самъ, Господи, вѣси.

помяни, господи души:

Шиһяя, Василія Колычева 2, Іоанна, Григорія 2, Андрея, Симеона 2, Өеодора Заболоцкаго 2, Михаила Шеина, 2, Князя Владиміра, Князя Андрея Гагарина 2, Аөанасія 2, Молчана Шереөединова 2, Захарія, Өеодора да Василія Даниловы дѣти Сотницкаго 2, Василія 2, Князя Даніила Чулкова Ушатого, Князя Іоанна Дашкова, Князя Өеодора Несвицкаго 2, Князя Іосифа, Князя Григорія Рудака, Михаила, Іосифа, Князя Александра, Петра, Іоанна 2, Василія, Димитрія, Утеша Капустина Князя Андрея Бабичева, Карпа Языкова, Матөея 2, Өеодора 2, Іоанна Дрожжина 4, Андрея Колнева, Григорія Колнева 2, Третьяка, Симеона, Іоанна Ростопчина, Иліи, Михаила 2, да трехъ сыновъ его, Булата, Мины, третіему имя Богъ вѣсть.

по городомъ:

Князя Андрея Каөтырева, Князя Өеодора Троекурова, да его племянника: имя его Богъ вѣсть, Ворошила, да дватцать шесть человѣкъ ручнымъ усѣченіемъ животъ свой скончаша, имъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси.

помяни, господи, души:

Аөанасія Отяева, Третьяка, дьяка Второго Бункова, Григорія Плещіева, Тимоөея.

ПОДЬЯЧИХЪ ИЗВОРСКИХЪ:

Семеона, Оглоблю, Петра 2, Алексѣя, Евфимія, Іоанна, Юрія 2, Василія 2, Григорія, Михаила 2, Космы, Третьяка 2, Кожару, Θеодора, Ананіи.

НИЖЕГОРОДЦОВЪ:

Іоанна, Даніила, Благоверные Княгини монахини Евросиніи, Княжъ Владимировы Андреевича матери Евдокіи, да съ нею старицъ, которыя съ нею были, да двунадесяти человѣкъ: имена ихъ Самъ, Господи, вѣси; сотвори имъ вѣчную память!

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ ДУШИ:

Маріи, Анны, вдовы Катуни, Іуліаніи, Марѳы, Акилины, Іоанна 2, Петра, Θедора 2, Корѣпка, Максима, да его людей: Быка, Олешу, Фикаша, Митю, Симеона.

НОВОТОРЖЦОВЪ:

Салмана, Рудака, Богдана, Меншика, Григорія, Шарапа, Мисура, Іосифа, по Малютинскіе Поугороцкіе (Поугороцкіе) * посылки отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девятдесятъ человѣкъ, да изъ пищалей пятнатцать человѣкъ, имъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси; подаждь имъ вѣчную память!

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ДУШИ РАБЪ СВОИХЪ:

Даніила съ женою и съ дѣтьми самого четверта, ихъ же имена Богъ вѣсть, Іоанна 4, Стефана, Бурого, Михайловы жены Мазилова со двѣма дочерми да со двѣма сыны, Іакова, Іоанна, Матѳея, Алексія, Космы Назаріева сына Дубровского—имя ему Богъ вѣсть, Романа Сырача, Θеодора, Леонтія, Матроны, подъячего Молчана, Андрея, Василія, діакона Андрея, Васильевыхъ людей Дмитріевыхъ Немъчина, Рога, Литвина, ихъ же имена Богъ вѣсть, Максима, Козминыхъ людей Румянцова, двухъ Третьяковъ, да племянника Козмина Третьяка же, да Новгородцовъ: Архіепископля сына Боярскаго Тротьяка Пѣшкова, имена ихъ Богъ вѣсть.

* Кажется, это мѣсто должно читать: «да по Малютинскіе Ноугороцкіе посылки отдѣлано».... 1490 и 15—1505 человѣкъ. Этого мѣста нѣтъ въ Синодикѣ Павлообнорскомъ.

помяни, господи, души рабъ своихъ:

Михаила Третьяка, Шишку, Василія 2, Никиты, Іоанна 2, Андрея, Прокопія, Меншика 2, дьяка Юрія, Іоанна 2, Григорія Цыплетева 2, Богдана 2, Өеодора Тутыша, Михаила Рудного Меншаго, Андрея, Іоанна 2, Смирного, Оботура, Иларіона, Петра, Василія Бажена, Діонисія старца, Иринарха, Тимофея, Герасима, Іеремія, Моляву, Ярыша, Константина, Леонтія, Третьяка, Игнатія, Симеона, Антонія, Иларіона съ сыномъ, имя ему Богъ вѣсть, Өеодора Русина, Василія, Володимера, Симеона, Маріи, да сына ея, Симеона.

Благовѣрнаго Князя Владимера Андрѣевича съ Княгинею и со дщерію: имена ихъ Ты Самъ, Господи, вѣси; подаждь имъ вѣчную память!

помяни, господи, души:

Іакова, Василія 2, Анны, Стефана 2, Ширяя, Димитрія, Богдана.

нижегородцовъ:

Іосія, Іоанна 2, священноіерея Григорія, священноіерея Космы, Маріи, Василія 3, Варлаама, Георгія, Іоанна 3, Симеона 2, Второго, Андрея 2, Третьяка 2, Горяшу (Горяина), Адріана Щенятева, сына ево Іоанна, Симеона.

Богороцкого села псарей: штинатцати человѣ ъ.

Въ Селѣ Братошинѣ (Браташинѣ) псарей: двадцати человѣкъ.

Въ Озерецкомъ Селѣ: двухъ человѣкъ, Леонтіевыхъ людей Курмина.

На заказѣ отъ Москвы пяти человѣкъ, имена же тѣхъ Самъ, Господи, вѣси; помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

Въ Клинѣ каменщика Іоанна.

На Мѣдне Псковичь съ женами и съ дѣтьми ста и девятидесяти человѣкъ, ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси: помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

сожженныхъ:

Іова, Иларіона, Григорія, Іоанна, Псковичь съ женами и дѣтьми тритцати человѣкъ: имена ихъ Ты, Господи, вѣси: подаждь имъ, Господи, вѣчную память!

помяни, господи, души:

Игнатія, Михаила, Кирика, Ждана, Ѳеодора Сыркова, Варвары Пѣшковы жены Трепьяковы съ двѣма сыны, дьяка Іоанна съ женою и съ снохою, Матѳея съ женою и съ дочерью, Симеона Козавицына съ женою, Алексѣя Сыркова съ женою и съ дѣтьми, Второго съ женою, Іоанна Плещіева, Григорія Волынского, Алексія съ женою, Петра съ женою и съ сыномъ, Іоанна съ женою, Хотѣна съ женою, Романа Амосова, съ женою и съ сестрою и съ дочерью и съ тещею, Меншака (Меншика) Кроткова съ женою, Китая Шамшева, Давида Оплечіева, Петра 2, Никиты, Тимоѳея, Терентія, Андрея Постника, Петра Блоклого съ женою и съ снохою и со внукомъ, Пиная Патякова съ женою и съ сыномъ да съ дочерью, Бажена съ женою, съ сыномъ и съ дочерью, Сурьянина Шемяку, Ощеру, Никона, Матѳея, Іоанна 2, Иліи, Ѳеодора, Іоанна Исакова съ женою со двѣма дочерми, Андрея Шишкина съ женою и съ двумя дочерми, Евстафія, Ѳуника Яковлева съ женою, Ѳеодора Пивова, съ женою, Кирила Голочелова съ женою. Ѳеодора съ женою, Исакія Басенкова съ женою, Димитрія, Пелагіи, старца Александра, Іакова, Григорія, Симеона, Никиты, Суботы Резанцова съ женою да съ двѣма дочерми, Василія съ женою, Іоанна съ женою пятерыхъ: имена тѣхъ Ты Самъ, Господи, вѣси; даждь имъ вѣчную память!

помяни, господи, души:

Серебряника Родіона Обиды, Димитрія Ямского, подъячихъ Новгороцкихъ: Ѳеодора Маслова съ женою и дѣтей ихъ — Никиты, Ирины, Іоанна Лукина съ женою, да ихъ дѣтей—Стефана, Ананіи, Екатерины, Кирилла и дѣтей его—Василія, Марѳы, Харитона съ женою и дщери его Стефаниды, Пятелю съ женою и сына его Карпа Селянина, Шалова съ женою и дѣтей его—Пелагіи, Глѣба, Ершова съ женою и дочь ихъ Матроны, Ѳеодора съ женою, Іоанна съ женою, Симеона съ женою и дѣтей ихъ Ѳеодора, Даніила, Алексія съ женою, Василія, Андрея съ женою и сына ихъ Лазаря, Болобана съ женою, Неждана съ женою, Богдана съ женою, Алексія съ женою и дочери ихъ Маріи, Григорія, Ѳеодора съ женою и дѣтей ихъ, Григорія съ женою, Алексія съ женою и дѣтей ихъ, Истому съ женою и дѣтей ихъ: имена же ихъ Ты вѣси, Господи: даждь имъ вѣчную память!

помяни, господи, души:

Новгороцкихъ подъячихъ: Алексія, Безсона, Сухана, Симеона, Смирного, Будила, Богдана, Михаила 2, Мижуя, Іакова, Иліи, Ждана, Василія, Өеодора, Тимоөея, старца Пимена, Никифора съ женою и дѣтей ихъ, Симеона съ женою и дѣтей ихъ, Андрея 2, Чижа съ женою и дѣтей ихъ, Іоанна 2, старицы Евдокіи Горбуши, Андрея Тороканова, Сумморока, Охлопка, Нечая, Іакова съ женою и дѣтей ихъ, Гурія, Исупа, Истому, Никиты съ женою и съ сыномъ и съ дочерью, Іакова съ женою и чадъ ихъ, Артемія съ женою, и чадъ ихъ, Симеона съ сыномъ и съ дочерью, Прококопія, Шестака, Іоакима, Іоанна Палицына съ женою и съ двѣма сыны, Князя Андрея Бычкова Ростовскаго, съ матерію да съ женою, съ сыномъ и съ дочерью, Второго, Пятого, Никиты, Гавріила, Игнатія, Іакова, Неклюда, Вахруша, Димитрія, Алексія, Николая, Іоанна 4, Леонтія 2, Ярого, Василія, Аөанасія, Немира, Тимоөея, Ратмана, Симеона, Меншика, Даніила 2, Димитрія, Нечая, Княгини Евфросиніи, Антонія, Богдана 2, Григорія, Замятню, Некаря, Ушака, Неудачу, Іоанна, Юрія 2, Өеодора, Василія 2, Матөея, Алексія, Милославскихъ, Постника 2, Даніила 2, Вешняка съ сыномъ, Алексія съ сыномъ, Игнатія, Печерскаго игумена изо Пскова Корнилія, Бориса, Третьяка, Печерского жъ монастыря старца Васіана, Елены, старца Дороөея, Петра, Тимоөея, Захарія, Аөанасія, Стефана, Василія, Матөея, Ишука, Третьяка Коротнева, Андрея, Псковичь городовыхъ прикащиковъ двухъ человѣкъ, имена ихъ Ты, Господи, вѣси; Тимоөея, Василія, Гуляя, подьячего Аөанасія, Пуговки, Смаги, Алексія Пѣшкова, Іоанна 3, Михаила Нѣмчина, Алеши; изъ Новгороцкіе тюрмы: Марка, Өедора 2, Іакова, Юрія, Меншика, Іоанна 2, Максима, Савуна Дубровскаго съ женою и дѣтей ихъ, Никиты 2, Іоанна 3, Игнатія, Сытника, Добрыни, Булгака, Елевферія, Шестака, Некраса, Истомы, Молчана, Гавріила, Исидора; псарей: Третьяка Четвертого, Сури, Ушатого, Авксентія, Димитрія, Петра, Михаила, Молчана, Всячины, Іоанна, Казарина, Нелюба, Василіевы жены, Прохора съ дѣтми, старца Аөанасія, Тимоөея, Князя Василія, Алексія, Ана-

нiи, Iоанна, Солоченского Архимандрита, имя его Богъ вѣсть: Третьяка, печатника Iоанна Висковатова съ женою, Лаврентiя, Пантелеймона, Iакова, Третьяка 2, Опаса, Алексiевы жены Дубровского съ сыномъ и съ дочерью, Вешняковы жены Дубровского съ двѣма дочерми, Прокопiя, Прохора, Аѳанасiя, Симеона, старца Митрофана, Елисея, Князя Петра Серебренаго, дьяка Мекида, Княжъ Петрова племянника Ярослава, Левапа, Романа, Вешняка, Одинца, Петра 2, Iоанна 2, Бакаку, Андреевыхъ дѣтей Батановыхъ, сына и дочери его, Ишуковы жены Бухарина и невѣстки, Никиты, Iоанна 2, Василiя съ женою и съ двѣма сыны, Iоанна съ женою и съ дочерью, Григорiя съ женою и съ сыны, Космы, Богдана, Князя Андрея 2, Неудачи, Савы, Данiила, Григорiя, Ѳеодора, Гаврiила, Симеона 2, Мещерина, Рунца, Постника, Матѳея, Симеона, Четвертого, Iоанна 3, Чудина Меншево, Истому, Константина, Ѳеодора, Богдана 2, Димитрiя 2, Iоанна, Ждана, Григорiя, Пятого, Iоакима, Симеона, Никиты 2, Василiя 2, Еня, Суророка, Ездока, Григорiя, Iоанна, Бориса, Максака, Стефана, Симеона, Петра, Шестого Чуда, Несмана (Несмiана), Салтана, Моисея, Томила, Марiи, Меншика, Смолы, Нехорошего, Андрея Архiепископля дьячка, Чашника, пѣвчего Михаила, Шарапа, Второго, Симеона, Вешняка, Григорiя, Петра.

ПОДЪЯЧIЕ МОСКОВСКIЕ:

Томила, Стефана, Дружины, Бориса, Iова, Внука, Iоанна, Нѣмчина Гана (Гайуна), Григорiя, Бежена (Важана), Димитрiя 2, Резана, Стефана, Михаила, Никиты, Алексiя 2, Молявина, Постника, Григорiя, Еммачка, Ермолая, Силы, Петра, Никиты, Болшого, Володимира, Помира, Василiя, старца Тихона, Суеты Часовика, Аланая, Василiя 2, Постника, Стефана, Григорiя, Димитрiя, Бурка Станчакова, Третьяка, Беляя Нахабова, съ племянникомъ, Первого ездока, Савы, Iоанна 2, Немятого, Никифора, Венки (Венинка), Гамы (Гама), Неустроя, Илiи, Богдана, Евѳимiи Княгини съ Анною дѣвицею, Княжъ Андреевы Княгини Тулупова, Евфимiи съ сыномъ Алексiемъ и съ трема дочерми, Параскевiи, Анны, Ирины, Агафiи, Ксенiи съ двѣма сыны, Исака, Захарiя, да съ двѣма дочерми, Гликерiи, Евдокiи, Марiи, Никифора, Воина, Пелагiи, Андрея, Четвертого,

Мамелфы, Ирины 2, Ивановы жены Басенковы съ сыномъ Тихономъ, Чудиковы жены, Іоанна 2, Евдокіи, Андрея, Михаила, Агаѳіи, Анастасіи 2, Анны, Маріи, Симеона, Уліаніи, Исаака, Ждановы жены Путятина, Ксеніи, Маріи, ея дѣтей Ѳеодора да втораго, Никифора, Михаила, Лукіана, Акилины, Анны 2, Гликеріи, сына ея Андрея, Елены, дѣтей ея Ѳомы, Игнатія, дочери Стефаниды, Агрипины, дочери ея Ирины, Даріи, сына ея Владиміра, Княгини Анны, вдовы Анны и двухъ сыновъ ея Іоанна, Гавріила и дѣвицы Анны, Акилины, Маріи, дѣтей ея Андрея, Григорія, старца Діонисія, Петра Турнѣева, Татарина Иянта, Деидина, о крещеніи его Богъ вѣсть, Алексія Басманова и сына его Петра, Захарія Плещіева, Іоанна Плещіева 2, Поліевкта, Князя Михаила 2, Михаила, Романа, Рюмы, Симеона, Василія 2, Кипчана, Кончана Лободинского, Іоанна, Князя Михаила 2 Темрюкова Черкасскаго, Князя Михайла Репнина, Княза Юрія, Князя Іоанна Кашина, Князя Андрея Ногтева, Князя Александра Горбатаго и сына его, Петра, Петра Головина, Княжъ Димитріевыхъ дѣтей Куракина двухъ сыновей, имена ихъ Богъ вѣсть, Князя Петра Куракина, Іоанна Бутурлина съ сыномъ и съ дочерью, Димитрія Бутурлина, Никиты Борисова, Дружины, Князя Даніила Друцкого, Іосифа Ильина, подъячихъ три человѣка, да простыхъ людей пять человѣкъ: имена ихъ Ты самъ, Господи, вѣси; подаждь имъ вѣчную память!

помяни, господи, души:

Симеона 2, Никиты, Князя Даніила, Протасія, Василія 2, Владиміра Жолнинского, Князя Василія Темкина и сына его Князя Іоанна, Ѳеодора 2 Салтыкова, Никиты 2, Никифора 2, да Кодуни Пушкиныхъ, Стефана, Іоанна, Богдана Кобылина, Булата Арцыбушева, Ирины, Князя Бориса, Князя Владиміра, Князя Андрея, Князя Никиты Тулупова, Михаила Плещіева, Василія Умного, Алексія Старого, Ѳеодора 2 Старого, Ирины Мансуровы, Симеона Сунбулова, Іакова Мансурова, Княжны Масальского, имя ей Богъ вѣсть, Григорія, Андрея.

Въ Новѣгородѣ побіенныхъ 15-ти бабъ, называли ихъ ведуньями: имена имъ Богъ вѣсть.

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ДУШИ:

Тимоѳея, Венедикта Колычевыхъ, Князя Петра Городинского, Князя Никиты, да Князя Андрея, Черные Оболенскіе, Леонтія Тимоѳеева.

И всѣмъ православнымъ христіаномъ скончавшимся, мужескаго, женскаго и дѣтскагó чина, которые выше сего, по выписи Государскихъ книгъ, именами, чинами и прозваніями написаны: подаждь имъ, Господи, вѣчную память!

1660.

ЧЕЛОБИТНАЯ ВОЛОГОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА МАРКЕЛЛА ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ О МVРѢ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА, ХРАНИВШЕМСЯ СЪ 1658 ГОДА ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ.

«Благовѣрному и Христолюбивому, Великому Государю, Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Твой, Великого Государя, Богомолецъ Маркелъ, Архіепископъ Вологоцкой, о Твоемъ, Великого Государя, многолѣтномъ здравіи Бога молю и челомъ бью. Въ прошломъ, Великій Государь, во 166 году, Іюля въ 16 день, прислана на Вологду Твоя, Великого Государя, грамота ко мнѣ, богомолцу Твоему, изъ Посольского Приказу, за приписью Твоего, Государева, Дьяка, Дмитрея Шубина, а въ Твоей, Великого Государя, грамотѣ написано: въ прошломъ жъ, Великій Государь, 166 году, Маія въ 27 день, писали къ Тебѣ, Великому Государю, съ Вологды Воевода Алексѣй Еропкинъ, да Дьякъ Игнатей Недовѣсковъ: по Твоему, Великого Государя, указу, въ прошломъ во 166 году принято у Стольника, у Ивана Чемоданова, да у Дьяка, Алексѣя Посникова, мvро Великого

Чудотворца Николы, и поставлено на подворьѣ Кирилова монастыря * въ каменной церкви, и въ той, де, церкви отъ каменные стѣны мѵро Великого Чудотворца Николы отпачиваетъ, и ковчегъ, въ чемъ мѵро стоитъ, заплеснѣвѣлъ; чтобъ то мѵро Великого Чюдотворца Николы, по Твоему, Великого Государя, указу, съ Кириловского подворья перенесть въ Соборную церковь и устроить въ ковчегѣ по достоинству. И въ прошломъ же, Великій, Государь во 166 году, Іюля въ 18 день, по Твоему, Великого Государя, Царя и Великого Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, указу, я. Твой, Великого Государя, богомолецъ со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, яко же подобаетъ, мѵро Великого Чюдотворца Николы съ Кириловского подворья у Воеводы Алексѣя Еропкина, да у Дьяка Игнатья Недовѣскова, за печатми Стольниковъ, Ивана Чемоданова да Алексѣя Посникова, принялъ и поставилъ въ Соборной церкви, и устроилъ по достоинству до Твоего, Великого Государя указу. И въ нынѣшнемъ, Великій Государь, во 168 году, Ноября въ 3 день, палъ снѣгъ и погода была теплая: а противъ, Государь, 4-го числа, въ ночи былъ морозъ великъ, и мѵро Великого Чудотворца Николы въ Соборной церкви замерзло и скляницу морозомъ испортило; а то, Государь, мѵро въ скляницѣ поставлено въ маломъ ковчегѣ и окладено хлопчатою бумагою, и устроено въ болшемъ ковчегѣ и поставлено у ключаря Архипа въ Соборной церквѣ, въ сундукѣ, съ иными церковными потребами. И Ноября же, Великій Государь, въ 4-й день ключарь Архипъ мѵро Великого Чюдотворца Николы принесъ въ теплую церковь Стефана Чюдотворца; а я, богомолецъ Твой, въ тое пору отъ старости занемогъ и того дни мѵра Великого Чюдотворца Николы не осмотрилъ, а ключарь мнѣ, богомольцу Твоему, не сказалъ: въ томъ я, богомолецъ Твой, передъ Тобою, Великимъ Государемъ, виноватъ. А Ноября, Государь, въ 5-й день мѵро Великого Чудотворца Николы я, богомолецъ Твой, осмо-

* Въ Вологдѣ было два подворья Кириллова Бѣлоезерскаго монастыря, одно при церкви Кирилла Бѣлоезерскаго, что на Семинарскомъ дворѣ, другое при церкви Кирилла Бѣлоезерскаго, что въ Рощеньѣ. Неизвѣстно, которую церковь здѣсь разумѣть надобно.

трилъ, и того мура малая часть потекло и въ хлопчатой бумагѣ разошлося; и я, богомолецъ Твой, то муро Чюдотворца Николы въ новую скляницу переложилъ и, запечатавъ своею печатью, поставилъ въ томъ же ковчегѣ въ теплой церкви Стеѳана, Епископа Пермьскаго, Чюдотворца, до Твоего, Великого Государя, указу. А въ коей, Государь, въ скляницѣ я, богомолецъ Твой, муро Великого Чюдотворца Николы принялъ за печатми Стольниковъ, Ивана Чемоданова да Олексѣя Посникова, и тое скляницу поставилъ въ томъ же ковчегѣ. Милостивый Великій Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня, богомольца своево, въ той моей винѣ прости, и учини мнѣ о томъ Свой, Великого Государя, указъ!

Подлинный черновой отпускъ писанъ столбцемъ; на оборотѣ надпись: «Благовѣрному и Христолюбивому Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу.» При этомъ свиткѣ найденъ отрывокъ отписи того же Преосв. Маркелла къ Думному Дьяку Посольскаго Приказа, Алмазу Ивановичу, слѣдующаго содержанія:

. . . . дотворца до Государева Указу. Пожалуй, Государь, Алмазъ Ивановичъ, будь милостивъ и Великому Государю печалникъ, своею милостію заступи, чтобъ Великій Государь твоимъ заступленіемъ меня пожаловалъ, въ томъ Своей Государевой опалы не положилъ, что я своею старостію * запамятовалъ, того чюдотворцова мура до морозу въ теплую церковь перенесть не велѣлъ, а ключарь попъ Архипъ о томъ опростовался и мнѣ не сказалъ. А я о Твоемъ, Государя моего, многолѣтномъ здравіи долженъ Бога молить.»

---

* Архіепископъ Маркеллъ, хиротонисанный въ 1645 году изъ игуменовъ Соловецкаго монастыря, скончался черезъ два съ половиною года послѣ сего письма, въ 1663 году, въ Мартѣ.

Примѣч. Приведенная челобитная предлагается вниманію въ предположеніи, не обратитъ ли чьего либо вниманія изслѣдованіе вопроса: Какое это было мνро Великаго Чудотворца Николы? Откуда оно взято? Откуда и по какому случаю прислано въ Вологду? И почему эта святыня, съ такою заботливостію сохранявшаяся, сначала была поставлена въ церкви Кирилла Бѣлоезерскаго Чудотворца, а не въ Соборной Софійской, въ которую перенесена уже послѣ, по изложенной въ челобитной причинѣ? Нельзя ли полагать, что это мνро какимъ либо Русскимъ путешественникомъ взято и привезено въ Россію отъ самыхъ чудотворныхъ мощей Великаго Святителя, почивающихъ въ Барѣ и называемыхъ (въ Прологѣ и Четь-Минеи) мνроточивыми? Долго ли хранилось это мνро въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ, и куда дѣвалось, свѣдѣній объ этомъ не отыскано.

Н. Суворовъ.

1694.

ОТПИСКА ВОЛОГОДСКАГО СПАСОПРИЛУЦКАГО МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТА СЕРГІЯ ВЪ МОСКВУ КЪ ВОЛОГОДСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ГАВРІИЛУ, ПРИ ПОСЫЛКѢ ДЕНЕГЪ НА ПОМИНОВЕНІЕ ДУШИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА, БЫВШАГО МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКАГО И АЛАТОРСКАГО.

Великому Господину и Государю нашему, Преосвященнѣйшему Гавріилу, Архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, богомольцы твои, Спасова Прилуцкаго монастыря Архимандритъ Сергій, Келарь чернецъ Питиримъ з братьею, святаго твоего Архіерейскаго благословенія прося, и о душевномъ твоемъ Государя нашего спасеніи и о тѣлесномъ многолѣтномъ здравіи Господа Бога моля, поклоненіе сотворяемъ и желаемъ слышати, какъ тебя, Государя нашего, великаго Архіерея Божія, Христосъ Богъ милуетъ. А о богомоліи своемъ, о домѣ Всемилостиваго Спаса, и преподобныхъ отецъ нашихъ Димитрія и Игнатія чюдотворцовъ, и объ насъ убогихъ, о живущихъ въ немъ territor поволишь, Государь, вѣдать, и Архіерейскими твоими святыми молитвами домъ святый, также и мы грѣшныя, по нынѣшнее настоящее время, по милости Божіи, з живущими человѣки въ живущихъ пребываемъ.

Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 202 году, Февраля въ 11-й день, прислано къ намъ, нашего жъ монастыря со іеромонахомъ Патрикіемъ, изъ Нижняго изъ Макаріева монастыря Желтоводского, отъ Преосвященнаго Симеона, бываго Архіепископа Сибирскаго, и того монастыря отъ Архимандрита Сергія, десять рублевъ денегъ, а приказано намъ тѣ деньги отдать тебѣ, Государю, Преосвященнѣйшему Архіепископу, въ помяновеніе души блаженные памяти преставившагося Преосвященнаго Филарета, бываго Митрополита Нижегородского и Алатарского, преименованнаго Феодосія схимонаха; и нынѣ мы, богомолцы твои, тѣ денги послали къ Москвѣ съ симъ нашимъ писаніемъ, монастырскихъ нашихъ Московскихъ дѣлъ къ Стряпчему, и приказали ему тѣ денги поднесть тебѣ, Государю. Прикажи, Государь, Архіерей Божій, тѣ посланные денги у того Стряпчего нашего принять.

По семъ, егда у престола Господа славы ты, Святителю Божій, предстоиши и о спасеніи всего міра безкровную Ему жертву приносиши, тогда во святыхъ своихъ Архіерейскихъ молитвахъ и насъ, боговрученное стадо свое, въ забвенныхъ не сотвори, а мы ти вопіемъ: Буди Ты, Государь, Святителю Божій, душевно и тѣлесно здравъ о Господѣ на многа лѣта! Писано Апрѣля въ 6 день настоящаго 202 года.

Подлинникъ писанъ столбцемъ на одномъ полуаршинномъ листкѣ.

Примѣчаніе. Въ прошломъ 1858 году, Сентября 24 дня, была послана мною въ Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ, статья: «Нѣчто о Өеодорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ,» въ которой, между прочимъ, находится письмо изъ Москвы Преосвященнаго Сумеона, бывшаго Архіепископа Сибирскаго, къ Вологодскому Архіепископу Симону; въ этомъ письмѣ Преосвященный Сумеонъ говорить о себѣ, что онъ пріѣхалъ въ Москву отъ «Низовыхъ сполоховъ и отъ монастырскаго разворенія.» Къ этимъ словамъ письма сдѣлано мною въ означенной статьѣ примѣчаніе, что подъ «Низовыми сполохами» надобно, вѣроятно, разумѣть опустошенія и возмущенія, которыя были производимы въ это время въ понизовьяхъ Волги Разинымъ и его сообщниками, и что Архіепископъ Сумеонъ, по оставленіи въ 1664 году Сибирской Епархіи, имѣлъ жительство, быть можетъ, въ какомъ нибудь при-Волжскомъ городѣ, или монастырѣ. Теперь, приведенная отпись доставляетъ намъ объ Архіепископѣ Сумеонѣ вѣрное и для Исторіи Русской церковной Іерархіи неизлишнее, свѣдѣніе, что онъ, спустя 30 лѣтъ по оставленіи Сибирской паствы, имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ и былъ однимъ изъ душеприкащиковъ Нижегородскаго Митрополита, Филарета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта отпись приводитъ къ вопросу о причинѣ ранняго оставленія Епархіи Преосвященнымъ Сумеономъ; потому что, если онъ, по оставленіи Епархіи, еще жилъ 30 лѣтъ, то, вѣроятно, оставилъ оную не по старости, а по другимъ какимъ либо причинамъ.

Н. Суворовъ.

ПИСЬМО

ЮРІЯ РОМОДАНОВСКАГО КЪ ВОЛОГОДСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ СИМОНУ, СЪ ПРОСЬБОЮ О ПРИСЫЛКѢ ПОЛТРЕТЬЯ СТА СВИНЫХЪ ТУШЪ.

Великому Господину, Преосвященному Архіепископу Симону Вологодскому и Бѣлоозерскому, Юшка Рамадановской челомъ бьетъ. Пожалуй, прикажи ко мнѣ писать о своемъ душевномъ спасение; а пожалуешь, похошь вѣдать про меня, и я, при Государской милости, Августа въ 17 день еще живъ, а впреди Господь Богъ надѣжа моя. За грѣхи, Государь, за мои приключилося: дворъ Московской мой совсѣмъ зторелъ и полаты выгорѣли: на Березникахъ въ деревнѣ у крестьянъ у всѣхъ лошади попадали всѣ; животина вся попадала жъ, и свиньи всѣ попадали. Тебѣ извесно, что тою деревнею сыти были; деньги оттуды были, медъ и мяса свиные оттуды жъ были: нынеча всево таво за грѣхъ за свой лишился, а иной деревни такой нѣтъ, чтобъ то взять. Таперя самою нужею и пазоромъ жажду и скитаюся, однако же ни откуды помощи не имею. Молю твоево человѣколюбия не положити въ тягость: яви на мнѣ свое милосердие, подражай самому Тварцу Богу, понеже онъ, Тварецъ, любитъ всегдашнихъ своихъ докушниковъ и никогда же техъ тща прошения отринетъ. Припадая къ стопу чеснымъ ти ногамъ, челомъ бью: пропитай во время самые нужды, пожалуй, свинымъ мясомъ ссуди, прикажи купить полтретья ста тушъ и с потрохами, и пожалуй, вели ихъ прислать ко мнѣ к Николаеву дни по первому пути. А я тебѣ, Государю своему, за то платещикъ буду; во что тебѣ Государю моему станетъ, то и заплачю. А будетъ милости не покажешь, и прошенія моево не исполнишь, и во время глада не препитаешь, то душу мою и домочатцовъ моихъ взыщетъ Господь Богъ на тебѣ, понеже не показалъ милости, во время напасти и глада не препиталъ; а мнѣ, ей, акромѣ твоей милости, изменитца нечемъ. За симъ да здравствуетъ Архиерейство твое, творя о насъ присно во святыхъ своихъ молитвахъ.

За тѣмъ приписаны четыре строки другой, менѣе искусной, рукою: «Батюшка, и я з дамашними своими о томъ же милости просимъ: ей

такой нужды не помню. Господа ради, сотвори милость надъ нами, о чемъ писали и милости просили.»

Подлинное письмо писано столбцемъ на полуаршинномъ листкѣ старинной четкою скорописью; было сложено пакетомъ и запечатано желтовосковою маленькою, овальной формы, печатью, на которой изображенія стерлись; годъ письма не обозначенъ; на оборотѣ адресъ: «Великому Господину Преосвещенному Архиепископу Симону, Вологоцкому и Бѣлоозерскому.»

Прочитавъ вышеприведенныя строки, можно ли не спросить: Кто такой былъ Юрій Ромодановскій, авторъ письма? Не отецъ ли это всѣмъ извѣстнаго Князя-Кесаря и Папы, Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго? Если деревня Березники считалась между родовыми вотчинами Князя-Кесаря, то и письмо может принадлежать его почтенному родителю. Знакомство автора съ Архіепископомъ, владѣніе деревнями, «полаты» (т. е., каменный домъ) въ Москвѣ, роскошная жизнь, о которой можно догадываться по качеству самой просьбы его; потому что бѣднякъ, или человѣкъ, непривыкшій къ прихотямъ, просилъ бы въ напасти и голодѣ чего нибудь другаго, а не «полтретья ста свиныхъ тушъ съ потрохами»: этѣ четыре обстоятельства показываютъ въ авторѣ очень зажиточнаго и знатнаго Боярина, а слова: «при Государской милости» указываютъ на Боярина чиновнаго, близкаго къ Государю.

Когда писано письмо? Преосвященный Симонъ былъ Архіепископомъ Вологды съ 1664 до 1685 года. Слѣдовательно, письмо относится къ этому періоду времени, и вѣроятно къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича: потому что во время двуцарствія авторъ сказалъ бы: «при милости Великихъ Государей», или подобнымъ образомъ.

Кто сдѣлалъ приписку въ концѣ письма: «и я з домашними своими?» Можетъ быть, сынъ Юрія, жившій вмѣстѣ съ отцомъ и имѣвшій свое семейство, т. е., будущій Князь-Кесарь, если авторъ письма дѣйствительно былъ его родитель.

Впрочемъ, кѣмъ бы ни было писано письмо съ припискою, оно болѣе замѣчательно по слѣдующимъ, изъ него извлекаемымъ выводамъ. Оно свидѣтельствуетъ: 1) о древности нынѣшняго Московскаго нарѣчія, въ которомъ въ извѣстныхъ слогахъ преобладаетъ буква А вмѣсто письменнаго О, что видно изъ словъ письма: «Рамадановскій... всево таво, таперя... пазоромъ... Тварецъ... докушниковъ.... акромѣ ...з дамашними;» 2) о цвѣтущемъ состояніи скотоводства на Сѣверѣ Россіи, въ краю Вологодскомъ. Богатый бояринъ могъ имѣть знакомыхъ и въ другихъ мѣстахъ, но онъ обращается съ своею просьбою именно въ Вологду; 3) оно указываетъ на гастрономическія привычки Русскихъ Бояръ того времени, которые неимѣніе за своимъ столомъ свинаго мяса считали голодомъ, напастію и чуть не погибелью души. Наконецъ 4) самый складъ письма, тонъ, напзность его и странность порученія относительно того лица, которому Ромодановскій докушничаетъ, все это не представляетъ ли въ приведенной грамоткѣ такой литтературной особенности, которую читая, можно и пріятно улыбнуться и грустно задуматься?

Н. Суворовъ.

ВЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ОТЪ

ПРОФЕССОРСКАГО СОБРАНІЯ

ДОНОШЕНІЕ. *

При бывшей ревизіи Императорской Библіотеки и Кунстъ Камеры, нѣкоторые отъ насъ присутствовали, о чемъ, по доношеніямъ изъ Академической Канцеляріи, Правительствующему Сенату и не безъизвѣстно будетъ, а какимъ порядкомъ оная ревизія происходила, о томъ мы тогда не вѣдали, и тѣмъ мы отъ Совѣтника Шумахера себя весьма обиженными признаваемъ; чего ради къ нему отъ насъ и писано и требовано сатисфакціи. А понеже мы отъ него, Шумахера, отвѣта никакого не получили, то мы пріемлемъ смѣлость съ того, къ нему посланнаго, письма при семъ сообщить переводъ и Правительствующаго Сената всенижайше просимъ, дабы повелѣно было оной переводъ принять къ дѣлу и по тому рѣшеніе учинить.

Подлинное подписали:

J. G. Gmelin, S. Weitbrecht. G. F. Müller,
P. L. Le Roy, G. W. Riechmann.

Іюля дня,
1745 года.

---

* Выписано изъ книги «Рѣшеныя дѣла по экспедиціи Академіи Наукъ», за № 905, съ 70 по 73 листъ.

Переводъ съ Нѣмецкаго письма

Изъ Академіи наукъ отъ бывшихъ при ревизіи Библіотеки и Кунстъ-Камеры профессоровъ господину совѣтнику Шумахеру.

Вашему Высокоблагородію въ память, что по полученному изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1744-го году, Іюля 10 дня, указу о роспечатаніи и ревизіи Библіотеки и Кунстъ-Камеры, того жъ Іюля 27 дня, въ обыкновенный день нашего собранія, Вы приходили къ намъ въ Академію и о содержаніи помянутаго указа намъ въ собраніи объявили, что Правительствующій Сенатъ указали ревизію чинить двумя Адъюнктами, которые отъ Академіи назначены быть имѣютъ. А при томъ Ваше Высокоблагородіе свое мнѣніе предложили, что оная ревизія весьма продолжительна будетъ, ежели, не болѣе какъ двумъ токмо Адьюнктамъ у того дѣла быть, къ тому жъ и не можно надежнымъ быть о Адъюнктахъ, чтобъ они во всѣхъ наукахъ довольное искуство имѣли, дабы оную ревизію по надлежащему отправлять; а напротивъ того скорѣе и справнѣе оная учиниться можетъ, ежели изъ Профессоровъ нѣсколько при оной ревизіи присутствовать будутъ: чего ради можно о томъ Правительствующему Сенату предложить и надежнымъ быть, что Правительствующій Сенатъ оное предложеніе за благо принять изволитъ.

Сіе Вашего Высокоблагородія предложеніе тѣмъ охотнѣе отъ насъ апробовано, что мы никогда ничего не упустили, въ чемъ къ общему Академіи благополучію трудами нашими служить могли, хотя иногда къ тому и обязаны не были, чего ради при семъ случаѣ всякой изъ насъ свою ревность показалъ, дабы поспѣшнымъ окончаніемъ ревизіи позволеніе опять воспослѣдовало Библіотекою и Кунстъ-Камерою пользоваться по прежнему; слѣдовательно, по учиненному о томъ совѣту каждой изъ насъ охотно на себя принялъ чинить ревизію такихъ вещей, которыя наибольше съ его науками сходство имѣютъ.

При томъ надлежало было тогда Вашему Высокоблагородію подлинной Сенатской указъ намъ сообщить, дабы намъ разсуждать можно было, по какому основанію намъ при ревизіи поступать, ибо почти нечаятельно есть, что намѣреніе Правительствующаго Сената такое было, какъ Ваше Высокоблагородіе насъ изволили удостовѣрить, а именно, чтобъ на печатныхъ каталогахъ основаніе положить, потому что ревизія паче для того учреждена, дабы извѣстно было, правда ли то, что на Васъ донесено, будто во время двадцетипятилѣтняго Вашего правленія Библіотекарской должности изъ Библіотеки и Кунстъ-Камеры многое унесено и утрачено, а печатные каталоги сочинены въ недавныхъ годахъ, въ которые внесено токмо то, что во оное время находилось на лицо, и, слѣдовательно оные каталоги того показать не могутъ, чему въ Кунстъ-Камерѣ и Библіотекѣ быть надлежитъ, а иное надлежитъ усмотрѣть по самымъ старымъ каталогамъ и щетамъ, какъ каждая вещь куплена и въ Академію внесена. А понеже мы сему дѣлу не судьи и оное бъ Ваше Высокоблагородіе оскорбить могло, то мы по справедливости того упустили и разсмотрѣнію Правительствующего Сената оставили, изволитъ ли такую ревизію за достоверную принять. Однако жъ еще сверхъ означеннаго другая причина есть, для чего намъ весьма обидно, что Ваше Высокоблагородіе Сенатской указъ отъ насъ утаили.

Ревизію уже давно окончавши, слыхомъ мы увѣдомились, что по Сенатскому указу велѣно Юстицъ-Коллегіи Ассессору Мелисину быть при ревизіи, которая Адъюнктамъ была прика:паа, и то, чаятельно, для того учреждено было, понеже Правительствующій Сенатъ разсуждалъ, что въ такомъ дѣлѣ, которое до Вашего Высокоблагородія такъ близко касается, на Адъюнктовъ однихъ всю надежду положить не возможно, потому что они, для угожденія Вамъ, легко что въ томъ упустить могутъ, также и чести Адъюнкта не весьма въ повреждение будетъ, ежели ему подъ смотрѣніемъ какого Ассессора въ чемъ трудиться. Какъ вмѣсто Адъюнктовъ уже мы во оное дѣло вступили, то бъ Вашему Высокоблагородію надлежало было съ нами поступать не толь скрытно и важнаго такого обстоятельства отъ насъ не таить. Вамъ не безъизвѣстно, что Профессоры при Академіяхъ Наукъ никогда не ставятца ниже Коллежскихъ Ассессоровъ, и уже резона не было, зачѣмъ Господину Мелисину при ревизіи

присутствовать, понеже надѣяться можно, что намъ не меньше, какъ ему, повѣрятъ, слѣдовательно, какъ Сенату объ одномъ обстоятельствѣ вновь предложить Вы намѣрились, то можно было и о другомъ тожъ чинить. И такъ думать надлежитъ, что Ваше Высокоблагородіе не для чего иного Сенатской указъ отъ насъ утаили, какъ токмо для того, 1-е, чтобъ мы не вѣдали, на какомъ основаніи ревизію учинить велѣно; 2-е, дабы къ уменьшенію чести нашей скрытно насъ отдать подъ смотрѣніе Ассессора Юстиціи, на что бы мы, конечно, протестовали, ежели бы намъ о томъ извѣстно было; однако жъ при томъ на персону помянутаго Господина Ассессора Мелисина жаловаться причины ни какой не имѣемъ, понеже онъ во время ревизіи ни какой себѣ надъ нами власти не взялъ и ни какого отъ себя знака не давалъ, чтобъ онъ при оной ревизіи что указать имѣлъ. Такъ же мы и того не знали, и по нынѣ еще весьма о томъ сомнѣваемся, что Вашему Высокоблагородію при ревизіи велѣно главное правленіе имѣть. Въ Сенатскомъ указѣ написано, чтобъ Вамъ при томъ быть, а чтобъ Вамъ надъ ревизіею дирекцію имѣть, того не написано, ибо какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ никто судьею быть не можетъ, то и думать нельзя, что намѣреніе Правительствующаго Сената было Вашему Высокоблагородію правленіе такого дѣла поручить, которое противъ Васъ самихъ гласитъ; и такъ мы больше разсуждаемъ, что Вашему Высокоблагородію притомъ быть велѣно токмо для того, дабы о такихъ вещахъ, которыя утрачены, отвѣтъ дать.

Того ради намъ удивительно кажетца, какъ Ваше Высокоблагородіе случай себѣ нашли при ревизіи такъ поступать, будто бы она и отъ Васъ зависѣла. Ваше Высокоблагородіе съ Господиномъ Ассессоромъ Мелисиномъ, яко новую Коммиссію учредили, по которой Вы оба назывались Господами Членами, а мы будто въ томъ Вамъ подчинены были. Вамъ же довольно извѣстно, что мы ни въ какихъ дѣлахъ въ Вашей командѣ не состоимъ, ниже при такомъ чрезвычайномъ случаѣ Вамъ послушными быть могли; токмо мы тогда не вѣдали, что труды наши отъ Вашего правленія зависятъ; а какъ мы нынѣ о томъ увѣдомились, а паче опредѣленіе видели, которое Вы о томъ съ Господиномъ Ассессоромъ Мелисиномъ составили, то мы уже, съ позволеніемъ Вашимъ, о томъ еще упоминать будемъ пространнѣе.

Сіе опредѣленіе внесено въ имѣющейся при Академической Канцелярій журналъ, касающейся до ревизіи прошлаго 1744 году, Іюля 16 дня, и то будетъ одиннадцатью днями прежде, какъ Ваше Высокоблагородіе о томъ съ нами въ собраніи совѣтовали; а оное со опредѣленіемъ, учиненномъ въ Собраніи, въ томъ согласно, что каждой изъ насъ ревизіи на себя принялъ, токмо въ томъ разнствуетъ, что въ Вашемъ канцелярскомъ опредѣленіи все то отъ Вашего Высокоблагородія и отъ Господина Ассессора Мелисина намъ будто повелѣвается, что мы, однако жъ, одиннадцать дней спустя послѣ того съ своею охотою на себя приняли, и посему писатель того журнала развѣ пророческимъ какимъ духомъ одаренъ былъ, что онъ уже Іюля 16 дня знать могъ, что 27 числа учинится, а сими коварствами намъ въ обиду и чести нашей въ повреждение Вы величаться хотѣли. Ежели то правда, что оное опредѣленіе уже писано было Іюля 16 дня, то для чего Ваше Высокоблагородіе оное къ намъ въ Собраніе не приносили, и для чего жъ Вы оное никому изъ насъ не сообщили? А въ третьемъ надесять пунктѣ Вашего опредѣленія написано, чтобъ о всемъ вышеписанномъ, какъ намъ, Профессорамъ, такъ и прочимъ, къ ревизіи опредѣленнымъ, персонамъ изъ Канцеляріи объявить. Ежели бы у Вашего Высокоблагородія совѣсть была чиста, то бъ Вы въ томъ не такъ скрытно поступали.

Хотя всѣ пункты онаго опредѣленія, гдѣ о насъ упомянуто, чести нашей весьма вредительны, однако жъ первойнадесять паче всѣхъ намъ причину даетъ къ жалобѣ. Во ономъ пунктѣ Вы надъ нами надсмотрщикомъ опредѣлили такого человѣка, котораго мы за толь достойнаго не признаваемъ, чтобъ онъ и въ малѣйшемъ дѣлѣ таковъ былъ, какъ Ваше Высокоблагородіе о немъ разсуждаете.

Ваше Высокоблагородіе догадаться можете, что здѣсь о Господинѣ Таубертѣ рѣчь идетъ; понеже онъ при здѣшней Академіи съ молодыхъ лѣтъ воспитанъ, то и намъ его знать надлежитъ такъ коротко, какъ кому иному. То правда, что онъ Россійскому, а отчасти и Францускому языкамъ обученъ, и что онъ въ переводахъ, ежели тщаніе свое приложитъ, нарочитое искуство имѣетъ, и онъ бы могъ и въ томъ при Академіи служить съ пользою, ежели бы Вы ево при тѣхъ переводахъ оставили; а оное знатно, что Вашему Высокоблагородію для него мало показалось. Вы ему, какъ родственнику

своему, титулъ Адъюнкта исходатайствовали, котораго. однако жъ, одинк достоинъ быть не можетъ, кромѣ кто въ произвожденіи наукъ и въ обученіи въ тѣхъ наукахъ упражняться можетъ; а потомъ еще ему и титулъ Унтеръ-Библіотекаря исходатайствовали, дабы ему помалу и Библіотекарство и Канцелярское Правленіе поручить. и такимъ образомъ оба чины на Вашу фамилію наслѣдственными учинить. А всему свѣту извѣстно, что къ чину Библіотекаря и Унтеръ-Библіотекаря больше наукъ требуется, нежели которымъ Господинъ Тауберть обучился; сверхъ сего онъ произведенъ въ Адъюнкты и въ Унтеръ-Библіотекари безъ вѣдома Академіи. Онъ никогда не оказалъ о себѣ никакого опыта искуства своего въ какихъ наукахъ. чего ради онъ и никогда не атестованъ, чтобъ онъ такимъ чинамъ достоинъ былъ, что. однако жъ, по справедливости, учинено быть долженствовало, ежели бы онъ былъ достоинъ. Оттого и происходятъ такіе въ Библіотекѣ непорядки, которые и больше быть не могутъ, и печатные каталоги къ вѣчному въ томъ свидѣтельству служить имѣютъ, будто бы никакого при Академіи не было, которой бы опые каталоги такъ сочинить могъ, какъ при другихъ Библіотекахъ ведется.

И какъ Ваше Высокоблагородіе все вышеписанное за самую истину признавать должны, то и безъ труда разсудить можете, что съ нашею честью ни коими мѣрами сходно быть можетъ, ежели мы о томъ умолчимъ, что Вы насъ подъ надзираніе Господина Тауберта отдать изволили. Разве мы Вашему Высокоблагородію не порядочными и подозрительными людьми показались, когда Вы во опредѣленіи своемъ писали, дабы все порядочно происходило, чтобъ надсматривать Унтеръ-Библіотекарю Тауберту? И къ чему служитъ, что Вы опредѣлили взять съ насъ писменной реверсъ подъ присягою, что мы при ревизіи честно и совѣстно поступать будемъ? Ибо 1-е. Вы не имѣете надъ нами такой власти, чтобъ намъ оное повелѣвать; 2-е. въ Сенатскомъ Указѣ того ни отъ Адъюнктовъ не требовано; 3-е, ни Ваше Высокоблагородіе того отъ насъ никогда не требовали, въ чемъ и нужды не было, понеже ревность наша и вѣрность и справедливые наши поступки всякому извѣстны, и никто еще на насъ ни въ какомъ погрѣшеніи не доносилъ. И тако весьма явно есть, что учиненная намъ отъ Вашего Высокоблагородія въ семъ дѣлѣ обида такъ важна, что намъ того миновать невозможно,

чтобъ не требовать сатисфакцію за повреждeніе чести нашей. Ежели Вы сами оную намъ учинить, и тѣмъ предбудущія дальности и жалобы прекратить изволите (ибо мы ничего болѣе не желаемъ, какъ токмо, чтобъ съ Вашимъ Высокоблагородіемъ всегда жить въ покоѣ и согласіи), то мы Вамъ предлагаемъ способъ, которой безспорно есть самый легкой, и легче того Вамъ иного предложить не можемъ, а именно: чтобъ Ваше Высокоблагородіе въ томъ же журналѣ, въ которомъ Ваше писанное опредѣленіе написано, для показанія правды и для достовѣрнѣйшаго о томъ впредь извѣстія, новый пунктъ внесли такого содержанія, что въ вышепомянутомъ опредѣленіи 1744 году, Іюля отъ 16 дня, мы, у ревизіи бывшіе, Профессоры обижены, что труды наши при Библіотекѣ и Кунстъ-Камерѣ ни какъ не отправлялись по тому опредѣленію, но что мы все оное по своей охотѣ и ревнуя о общемъ Академіи благополучіи, по силѣ учиненнаго въ Академическомъ собраніи, того жъ Іюля 27 дня, опредѣленія, отправили, и что, слѣдовательно, ни Ваше Высокоблагородіе, ни Господинъ Ассессоръ Мелисино, ниже Унтеръ-Библіотекарь Господинъ Таубертъ, надъ нами смотрѣнія никакого не имѣли, и напослѣдокъ, что намъ оное опредѣленіе не въ то время объявлено, но токмо Іюня 7 дня, сего 1745 году, какъ мы уже по всеобщему слыху о томъ извѣстились и отъ Вашего Высокоблагородія требовали, чтобъ оное изъ Канцеляріи, намъ сообщено было.

А понеже Ваше Высокоблагородіе о всемъ вышеписанномъ, такъ какъ оное въ часто помянутомъ опредѣленіи написано и Правительствующему Сенату яко бы именемъ Академіи доношеніемъ представили, и не упомянули во ономъ доношеніи о учиненномъ нами въ собраніи опредѣленіи, и тѣмъ сему вышнему суду неправедно доносили, а нашу честь тѣмъ публичнѣе повредили, то и требуемъ, чтобъ Ваше Высокоблагородіе такимъ же образомъ въ другомъ доношеніи передъ Правительствующимъ Сенатомъ въ своей погрѣшности повинились, и о всемъ оного дѣла состояніи, какъ оное въ семъ письмѣ описано, донесли справедливо, и намъ не въ поврежденіе, сообщась съ нами о томъ прежде.

На сіи кондиціи мы готовы учиненную намъ обиду забвенію предать, и радостно намъ будетъ, ежели Ваше Высокоблагородіе сонз

волитъ какъ себя, такъ и насъ отъ большихъ въ семъ дѣлѣ далностей избавить, дабы мы къ защищенію чести нашей не принуждены были вышней судъ жалобами нашими утруждать.

Писано изъ Академіи Наукъ во обыкновенномъ собраніи Іюня 14 дня, 1745 году, за руками Академіи наукъ Профессоровъ, Гмелина, Вейтбрехта, Миллера, Лероя, Рихманна.

S. Weitbrecht, G. F. Müller, G. W. Riechmann.

Сообщ. Д. ЧЛ. П. И. ИВАНОВЪ.

ДОНЕСЕНІЯ

О болѣзни и смерти Генералъ-Фельдмаршала, Малороссійскаго Генералъ Губернатора, Графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ, ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРУ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРЪ-ГЕРУ И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ, ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ САМОЙЛОВУ,

Генералъ-Маіора, Кіевскаго Губернатора,

РАПОРТЪ.

Сего мѣсяца 6 числа, въ 12 часу по полуночи, получилъ я извѣстіе отъ Господина Генералъ-Поручика и Кавалера Апраксина о болезни Его Превосходительства, Господина Генералъ-Фельдмаршала, Сенатора, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Главнокомандующаго войсками и разныхъ Орденовъ Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго. Тотъ часъ отправившись, прибылъ въ Ташань на другой того день, въ десять часовъ по полуночи; Его Сіятельство засталъ отчаянно больнымъ отъ апоплексическаго, въ четвертый день сего же мѣсяца послѣдовавшаго, удара, а сего 8-го числа, въ три четверти 10 часа по полуночи, къ общему всѣхъ сожалѣнію, животъ свой окончалъ. Я случившихся здѣсь Господъ, Генералъ-Поручика Апраксина, Генералъ-Маіора Князя Дашкова, Генералъ-Маіора Шошина, Полковника Бесина и Подполковника Фонъ-Фона, приглашу кабинетъ, кладовые вещи, бумаги и все безъизъятно и безъ пересмотру общими нашими печатьми припечатать, о чемъ долгомъ поставляю Вашему Сіятельству донести, препровождая при семъ и описаніе докторовъ о болезни Его Сіятельства, покойнаго Графа Петра Александровича.

Подлинный подписалъ:

Василій Милашевичъ.

№ 3654.
Декабря 8 дня,
1796 года.
Ташань.

I.

Копія.

25-го Ноября сего года жаловался Его Сіятельство, Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ, Графъ Румянцовъ-Задунайскій, о запорѣ и тяжести въ животѣ; для сего я предписалъ нѣкоторые употребить порошки, составленные съ ревина и соли чищеннаго виннаго камня, приправленные еще солью вино-сурменнаго и масломъ кіапутнымъ; отъ сихъ порошковъ принялъ онъ одинъ въ вечеру того дня. Я просилъ Его Сіятельство другова дня по обстоятельствамъ такіе же пріемы двухъ или трехъ порошковъ въ сутки повторять, пока животъ достаточно очистится, и при семъ представилъ худые слѣдствіи такого запора. Его Сіятельство однакъ не дѣлалъ никакого употребленія болѣе сего лекарства въ слѣдующій день, соображась, что такъ какъ облегченіе воспослѣдовало, то и ненужно болѣе продолжать. 4-го числа Декабря, по полуночи въ 7-мь часовъ, пилъ кофе съ сухарями, отправлялъ свои письменные дѣла и былъ очень бодръ и веселъ, а въ 9-ть часовъ параличной ударъ отнялъ у него языкъ и всю правую сторону тѣла; силы воспоминанія и память отъ сего пострадали; а какъ пульсъ очень слабъ былъ, то и никакаго кровопусканія не потребовалъ; а грудь мокротою наполнена была, то и давалъ смѣсь, составленную съ сиропу мареколуковаго и серы желто-сурмянной; однакъ высокой больной отринулъ оное употребить; я велѣлъ байкою тереть страждущіе части и поставлялъ въ затылокъ пластырь Шпанскихъ мухъ. Чуть только почувствовалъ больной дѣйствіе онаго, то самъ съ великою досадою оной сорвалъ, да и всѣмъ предложеніямъ о клестирахъ, отъ коихъ я въ семъ случаѣ много пользы ожидалъ, дабы нечистоты отъ кишокъ отдѣлить и вывесть, и можетъ быть чрезъ то получить означеніе къ дальнѣйшему поступленію, способы нѣкоторымъ предписаніемъ отъ спирта двойнаго оленорожнаго съ масломъ канапутнымъ и распущенную виносурмянаго соли въ малыхъ пріемахъ, къ сему всему Его Сіятельство противился и былъ неупросимъ. Ташань, 5-го Декабря, 1796 года.

Подлинное подписалъ: Девизіонной Штабъ-Лекарь Вильгельмъ Енишъ.

II.

5-го Декабря, поутру въ 9-ть часовъ, я прибылъ изъ Кіева въ Ташань и нашелъ Его Сіятельство, Господина Генералъ-Фельдмаршала, Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, въ состояніи, означенномъ въ предъидущемъ подлинномъ описаніи, что возчувствованіе больнаго, по увѣренію Господина Штабъ-Лекаря Eниша и прочихъ, находившихся при томъ, сего дня лучше было, нежели вчерашняго и ночи, которую онъ провелъ въ нечувствительной томности. Онъ ничего не ѣлъ и не пилъ со вчерашняго дня и ничего не хотѣлъ, всѣ наши предложенія лечебныхъ средствъ не были имъ приняты, и съ великимъ негодованіемъ и противностію отторгнуты. На правой сторонѣ къ рукѣ пульсъ чуть чувствованъ былъ, а въ лѣвой рукѣ онъ былъ неровенъ и въ третьемъ ударѣ изчезалъ, животъ очень напряженъ, грудь множествомъ мокротъ обложена, которая хотя временно воскопляется, но не выхаркивается, что производить безпрестанное храпеніе и дыханіе отягощаетъ. Ташань, Декабря 5 дня 1796 года.

Подлинное подписалъ: Генеральной Штабъ-Лекарь Иванъ Миндереръ.

III.

Того же дня въ вечеру находился больной въ томъ же состояніи какъ объявлено, кромѣ что пульсъ очень неровный примѣчается, дыханіе стало гораздо неровное, но во весь день больной ни лекарствъ, ни какого питья принимать не хотелъ, а означалъ движеніями здоровыхъ частей, что требуетъ и желаетъ быть только въ покоѣ.

Подлинное подписали: Вильгелмъ Енишъ, Иванъ Миндереръ.

IV.

6-го числа, по полуночи въ 7-мь часовъ, больной всю ночь проводилъ въ летаргіи, мало суть признаковъ воспоминовенія, дыханіе прерывчиво и очень тягостно, мокроты накопляются безпрестанно болѣе въ грудяхъ, пульсъ прерывчивъ, волнистъ, дрябезжащей и неровенъ и часто со всѣмъ останавливается.

Подлинное подписали: Иванъ Миндереръ, Вильгелмъ Енишъ, Дивизіонный Штабъ-Лекарь Иванъ Рихтеръ.

V.

7 числа, въ 6 часовъ по полуночи, больной находится въ тотъ же положеніи, какъ вчера отъ насъ донесено, чрезъ ночь и еще теперь, мало можно примѣтить признаковъ воспоминанія и, какъ теперь мы не имѣли уже причинъ опасаться сопротивленія больнаго, хотя же недѣйствительность системы нервовъ къ сожаленію и мало надежды намъ преподавала, чтобъ всѣ наши труды были полезны, то, однако жъ, вмѣстно согласились, взирая находящіяся еще малые жизненные силы, слѣдующее испытаніе къ избавленію сего знаменитаго мужа предпринимать приступили: дать ему довольное количество раствора соли виносурменной и такъ же промывальное съ уксуса и нашатырнаго спирта. Но такъ сіе раздраженіе въ больномъ не произвело ни какой перемѣны, то повторяли мы еще съ большимъ количествомъ соли виносурмянной и чрезъ раздраженіе пера въ горлѣ старались произвесть побужденіе къ рвотѣ; послѣ сего, дабы дать помощь чревоподобной движеніе кишокъ, еще избрали клистеръ табочтнаго дыма, и какъ напослѣдокъ мы оными не достигли своихъ предметовъ, то велѣли узваръ табачной къ тому намѣренію промывательное поставить и сіе нѣсколько разъ повторять, но и оное не произвело желаемаго дѣйствія, потомъ мы взяли прибѣжище къ купоросному этеру съ холодною водою, разженною въ клистиръ поставить и пластырь изъ Шпанскихъ мухъ на животъ положить; однако жъ всѣ сіи наши старанія не были въ состояніи спасти сего высокаго больнаго и изторгнуть его изъ челюстей смерти; ибо 8-го числа по полуночи въ 9-ть часовъ и три четверти скончался онъ спокойно.

Подлинное подписали:

Генеральной Штабъ-Докторъ Иванъ Миндереръ, Надворный Совѣтникъ Доппель-Мейеръ младшій, Дивизіонный Штабъ-Лекарь Вильгелмъ Енишъ, Дивизіонный Штабъ-Лекарь Иванъ Рихтеръ, Штабъ-Лекарь Иванъ Бондаревскій. *

Сообщ. Д. ЧЛ. П. И. ИВАНОВЪ.

---

* Выписано изъ дѣлъ по производ. Генералъ-Прокурора, № связки 342-й, стран. 84—87.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

1.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Намъ не жалко пива пьянаго,
Не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную бесѣдушку.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Изъ за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ за лѣсовъ, лѣсовъ темныихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно солнце выкаталося,
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Илья Муромецъ,
На своемъ конѣ богатырскіимъ:
Побѣлѣла его головушка,
Посѣдѣла его бородушка.
Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ ко тремъ ко дороженькамъ,
Ко дороженькамъ ко широкіимъ:

На дороженькѣ бѣлъ горючь лежалъ камень,
На камнѣ печать положена.
«По которую мнѣ, доброму молодцу,
Будетъ ѣхать по дороженьку:
Есть по середней дорожкѣ ѣхать, быть убитому,
По лѣвой сторонушкѣ ѣхать, быть богатому,
По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ, быть женатому?
Мнѣ, говоритъ, жениться не ко младости,
А богатство мнѣ не къ разуму;
Поѣду, добрый молодецъ, по середней дороженькѣ.»
На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
Подъ дубомъ стоялъ станъ розбойничковъ,
Ихъ немного, ихъ немало: сорокъ одинъ человѣкъ.
И завидѣли они издалека Русскаго богатыря,
Выходили къ ему по пяти и по десяти человѣкъ.
Ихъ сердца на его коня богатырскаго розгорѣлися,
Межъ сея разговаривали:
«Что мы жили, такого коня не видывали.
Ужъ ты стой, постой, добрый молодецъ,
Ужъ ты стой, постой, Русскій богатырь!» —
«Охъ вы, братцы, товарищи! Съ меня вамъ нечего взять;
Я своего коня на базаръ не важивалъ.
Никто цѣной его не окладывалъ;
На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
На мнѣ шапочка во три сотеньки,
Рукавички на мнѣ въ одну сотеньку.»
Вынимаетъ добрый молодецъ,
Вынимаетъ Илья Муромецъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Натягаетъ тугой лучокъ,
Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
Разбойнички всѣ перпугалися,
Они всѣ врозь отъ него разбѣжалися,
На третьи суточки къ нему собралися.
«Ужъ ты, добрый молодецъ, Русскій богатырь,
Ты поди къ намъ во товарищи;
Сколько хочешь, бери золотой казны,

Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!»
Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
«Охъ вы, братцы мои, непріятели!
Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
Покажите мнѣ дороженьку
По Черниговъ градъ проѣхати,
Черезъ горы Сарачинскія,
Черезъ лѣса черезъ Брымскіе,
Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
Поѣхалъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ путемъ, дорогою;
Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же;
Полетѣлъ и встрѣчаетъ его,
Напустилъ на него громкій свистъ;
Илья Муромецъ на него разгорчился,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
И сшибъ его, какъ овсянаго снопа,
Заложилъ его Илья Муромецъ
Въ торока свои крѣпкіе,
И поѣхалъ путемъ, прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому Князю поклонитися.
У Кіевскаго Князя было собраніе:
Всѣ Князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ во полаты восходилъ,
Поклонился Князю Кіевскому.
«Ужъ ты что и какой ты богатырь?» —
«Богатырь я самъ Илья Муромецъ.»
Кіевскій Князь распрошать его сталъ:
«Ужъ ты что есть за такой богатырь?
Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?» —
«Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,
Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе,
Тутъ нихто конный не проѣзживалъ,
Нихто пѣшій не прохаживалъ,
А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,
Соловья разбойничка, во плѣнъ его взялъ.

Кіевскій Князь сталъ говорить ему:
»Ужъ ты, Илья, добрый молодецъ,
Возьми его къ себѣ во полатушки,
Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»
Илья Муромецъ, добрый молодецъ, посадилъ его на лѣвую ручишку.
Приказалъ ему посвистати:
«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,
Посвищи-ка, Соловей разбойничекъ, въ полсвиста!»
Соловей разбойникъ разгордился,
Засвисталъ онъ во весь свистъ —
Во всѣ бесѣдушки люди перепугалися.

(Николай Картавенко, ратникъ лѣтъ 40 въ селѣ Усть-Урень).

2.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
По чистому полю похалъ * погуливать.
Не пыль то въ полѣ запылилася,
Не туманъ то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися,
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ доброй конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая

---

* Т. е., поѣхалъ

И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкіимъ:
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючь камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ итти, ѣхати:
Во право мнѣ ѣхать — женатому быть,
А во лѣво ѣхать — богатому быть,
А прямо ѣхать — убитому быть.
Мнѣ женатство — то — не ко младости,
А богатство — не къ разуму.
Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,
По которой мнѣ убитому быть».
И повстрѣчалися ему станишнички.
«Ужъ и ой еси вы, станишнички,
А по Русскому васъ назвать, разбойнички!»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
«Вамъ убить-то мнѣ не за что,
А взять-то вамъ съ меня нечего.
Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
А колпачокъ на мнѣ во всю тысячу,
А коня-то на базаръ я не вываживалъ,
Цѣнъ-то ему не прикладывалъ.»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сталъ постряхивать,
И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И ращипъ дубъ во ножевы чѣренья.
Станишнички испужалися,
И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися.
«Ужъ и ой еси, старой Казакъ,

Старой Казакъ, Илья Муромецъ.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
Во Донскіе во Казаченки!»

(Тамъ же, Егоръ Плотниковъ, лѣтъ за 50, человѣкъ бывалый).

3.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Не дорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія.
Во селѣ было, въ Муромѣ.
Во деревнѣ было, Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сынъ Ивановичь, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица:
«По дикой степѣ мнѣ погуляти,
Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
Онъ подъѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дороженькѣ:
Ежели по праву ѣхать — богатому быть,
А по лѣву ѣхать — женату быть,
А по середней ѣхать — убитому быть.
Мнѣ женидьба не ко младости,
А богатство мнѣ не къ радости;
Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убиту быть;
Убить-то меня (говоритъ) не за что.»
Подъѣзжалъ же ко Окѣ рѣкѣ,

Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыихъ ногъ не обмакивалъ.
Тутъ стояли же воры и разбойнички.
По Русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Ращипалъ дубокъ во пожевыя черенышки.
И тутъ воры разбойники испугалися,
По дикой степѣ растрѣлялися,
По камышнички размирялися.

4.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,
На якорѣ корабь не останавливался,
И ко бережку корабь не приваливался.
На батюшкѣ, на соколѣ, на черномъ кораблѣ,
Было два торга и четыре кабака,
Было два богатыря сильные, могучіе:
Первый богатырь — Симеонъ молодой,
А другой богатырь — Илья Муромецъ.
На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей-то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
Думали, гадали станишнички,

По Русскому назвать — воры, разбойнички,
Думали, гадали, какъ корабь разбить,
Корабь разбить, Илью въ полонъ взять.
Его лютыя звѣрья разревѣлися,
Всѣ станишнички перпугалися.
Во легкія во лодки пометалися.
По синему по морю растрѣлялися,
Въ третій день сходилися,
И звали его во товарищи:
«Ты будешь у насъ атаманушкой.» —
— «У отца я былъ, у матери,
Не охочъ я былъ стадо пасти;
По лѣсамъ-то я стаивалъ,
По дорогамъ-то не ѣзживалъ;
Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣсы Брымскіе.
Черезъ лѣсы Брымскіе, черезъ горы Сарачанскіе?
Тутъ дорога запала тридцать годовъ,
Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ на семи дубахъ.»
Не доѣхалъ за тридцать поприщевъ, конь спотыкаться сталъ.
— «Ну-ка, воронiй кормъ!
Не видомши страсти, ужасти, спотыкаться сталъ.
Пріѣзжаетъ ко Царю ко Вдадиміру,
Сидятъ богатыри во бесѣды,
Входитъ въ полату, молится чужимъ образамъ,
Поклоняется на всѣ стороны,
Величаетъ Царя Владимира.

(Корсунскаго уѣзда выселокъ Александровъ, отъ 80-ти лѣтняго старика).

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЧА.

Добрыня былъ Микитинъ сынъ.
Три года Добрыня хлѣбничалъ,
Три года горшечничалъ,
Три года приторговывалъ,
Три года приворовывалъ,
Три года по Кіеву гулялъ.

Спрашивалъ Добрыня,
Гдѣ Маришкинъ дворъ?
Маришкинъ дворъ на семи столбахъ,
У Маришкина двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховые,
На домахъ два голубя сидятъ.
Въѣзжаетъ Добрыня на широкій дворъ,
Сымаетъ со плечь тугій лукъ,
Накладываетъ калену стрѣлу,
Убиваетъ сиза голубя,
Того ли змѣя Притугàлиника,
Маришкина друга милаго.
Закидалася Маришка, заметалася,
Въ твѣтно платье наряжалася,
Брала Добрыню за бѣлыя руки,
Вела въ палаты каменныя,
Сажала за столы дубовые,
За скатерти браныя,
Отпирала темны зàходы,
Наливала зелья лютаго,
Подносила Добрынѣ:
«Выкушай, Добрыня, Микитинъ сынъ!»
— «Прежде хозяина и попъ не пьетъ»....

(Тамъ же и отъ того же).

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Что сидите, богатырики,
И чѣмъ же вы похваливаетесь?
Ваша силушка буде отъ Бога,
А имѣніе отъ меня, Царя.
Задумалъ нашъ грозный Царь жениться,
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,
И не у Князя, и не у Барина,
Онъ бралъ у Черкашенина,

А имямъ назвать ее Марія Демругьевна;
Онъ бралъ за ней много приданнаго:
Тридцать Татариновъ, полтораста Бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ Казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
Сажалъ онъ ихъ за столы дубовые,
За скатерти клѣтчатыя,
За чашечки, за ложечки корельчатыя.
Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего Царя лихо думаетъ:
«Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,
И стану я со всѣхъ брать пошлину,
Со дымовъ подымовное,
Съ красныхъ дѣвушекъ почередное,
А со молодушекъ повѣнешное.»
И вышелъ Микита Романовичь, Царскій дядюшка,
На свой на новъ красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще если на Царскомъ дворѣ богатырики,
На тотъ разъ ихъ не случилося,
Они же всѣ поразъѣхались.
Что бы шли они, никого бы не спрашивались,
И ни кому бы не докладывались.
Прошли два брата родимые,
Изъ села Ивановскова,
По имя ихъ Иванъ Иванычи,
По прозванью Кашинины,
По Царскому двору похаживаютъ,
Полки заварачиваютъ,
Рукавчики позасучиваютъ,
Усы за уши закладываютъ.
Вы послушайте, что возговоритъ
Царскій дядюшка, Микита Романовичь.
Вотъ вамъ Местрюкъ: хлѣбъ-соль на столѣ,
А борцы на дворѣ.
«За что вы, свѣтъ, ухватитесь?»
Местрюкъ бросился — три стола уронилъ,

Кострюкъ бросился — всю силу помялъ,
Тридцать Татариновъ, полтораста Бояриновъ,
Семсотъ Донскихъ Казаковъ.
Ну, выходилъ Местрюкъ на Царскій дворъ,
Бралъ Иванъ Ивановичь поперегъ его,
Подживалъ повыше себя,
А опущалъ пониже себя.
Первой пошибкой пошибъ —
Одежду долой съ него сшибъ,
А другой пошибкой пошибъ —
Рубашку долой съ него сшибъ;
Оставался Местрюкъ, въ чѣмъ мать его родила:
Онъ соромъ свой зажалъ,
И подъ крылецъ побѣжалъ,
Да увидала его сестрица родимая,
Марія Демругьевна:
— «Ты муракъ, говоритъ, дуракъ, мужичій сынъ!
Поборолъ бы его какъ полехше нибудь.»
— «Послушайте, Марья Демругьевна!
Теперича я вывелъ измѣнушку изо всей земли,
А Казанское царство къ собѣ приклонилъ.
А былъ у ихъ единъ чадо милый, Өедоръ Ивановичь.
«Охъ ты еси грозный Царь, Иванъ Васильевичь!
Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
Твоя измѣнушка предъ тобою стоитъ,
Съ тобою рѣчи говоритъ,
Единое платье носитъ однотвѣтное,
И единое кушанье кушаетъ сахарное.»
На тоже грозный Царь прогнѣвался,
И бралъ же свово сына за праву за руку,
И вывелъ онъ его на новъ красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да есть ли здѣсь грозные палачики?
Взяли бы моего сына,
И повели бы его на поле Кулическое,
Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
И сняли бы съ него буйну голову!»

Всѣ палачики испужалися,
Со Царскаго двора разбѣжалися,
Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ,
И бралъ его сынъ за руку,
Повелъ его на поле Кулическое,
И увидѣлъ его Царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
«Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
Не за тѣ кушанья принимаешься;
Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,
И возьми-ка же пса немалаго,
И сними съ него голову,
И принеси имъ въ кровѣ саблю вострую! —
«Охъ вы есть, мои Сенаторы,
Да Князья и Бояре,
Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божью,
И служите вы молебны опчіе, печальные
О моемъ сынѣ, Ѳедорѣ Ивановичѣ,
И надѣвайте черную одежу печальную!»
Всѣ пріѣхали Министры, Князья и Бояре,
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ, въ черную печальную,
И служили всѣ молебны опчіе, печальные,
А Царскій, дядюшка, Микита Романовичъ,
Надѣвалъ одежу форменну,
И приказалъ служить молебны за здравіе.
Обернулся намъ грозный Царь:
По чему же ты, сватъ, радоваешься,
Зачѣмъ ты заказывалъ молебны за здравие?» —
«По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
«Что представлю Вамъ сына въ живности.
И бралъ онъ за ефесъ саблю вострую,
Протикалъ онъ ему ногу правую.
Возговоритъ громкимъ голосомъ:
«Подайте мнѣ перваго дохтура,
Залечалъ бы ему ногу въ три часа!»

1.

ПРО КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА.

Не куликъ куликаеть,
Небольшой то ли самъ Князь Голицынъ
Во лузяхъ ли гуляетъ;
Не одинъ-то Князь гуляетъ,
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ Казаками.
Онъ думаетъ, гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?»
Дороженькой Князю ѣхать пыльно,
Темнымъ лѣсомъ Князю ѣхать очень страшно,
А зелеными лузями ѣхать тонко.
«Я проѣду, Князь Голицынъ, на Московкую дорогу.»
И выѣзжаетъ Князь Голицынъ на Московскую дорогу,
Подъѣзжаетъ Князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,
Какъ у Князя Голицына худыя лесоры.
Онъ думаетъ Князь, гадаетъ, какъ Москвой проѣхать,
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Ко Спленскому Собору.
Подъѣжаетъ Князь Голицынъ ко Спленскому Собору,
Скидаваетъ свою шапочку соболю,
И приходитъ Князь въ соборную церковь,
Начинаетъ Князь Голицынъ Богу молиться,
Помолился Князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
Самому Императору поклонился пониже:
«Охъ ты, Государь нашъ, Императоръ!
Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ.» —
«Жалую тебя, Князь Голицынъ, городомъ Ярославля.

(Н. Картавенко. Усть-Урень.)

2.

ПРО ТОГО ЖЕ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА.

Не куличенка куликаетъ,
Небольшой то ли Князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ,
Онъ думаетъ, гадаетъ, гдѣ въ Москву проѣхать?
Лѣсомъ Князю ѣхать — очень темно,
А лугами Князю ѣхать — мужичкамъ накладно,
Косогоромъ Князю ѣхать — очень косогорно,
Чернобылью Князю ѣхать — очень чернобыльно,
А дорогой большой Князю ѣхать — очень пыльно,
А Москвою Князю ѣхать — очень стыдно.
У Князя есть карета — худыя лесоры.
«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подъѣзжаетъ Князь Голицынъ къ большому собору....

(Конецъ какъ въ первой. — Отъ Еф. Полякова, 70-тилѣтняго старика въ Усть-Урени).

ПЛАЧЬ СОЛДАТА ПО ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ужъ ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь,
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
Во каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у ко Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески,
Разступись, матушка, сыра земля,
Вскройся, гробова доска,
Распахнись-ка, бѣлъ тонкой саванъ,
Ты возстань, возстань, Православный Царь,
Православный нашъ Царь, Иванъ Васильевичь!
Ужъ вся-то Москва на потрясъ пошла,
Ужъ всѣ-то полки во походъ пошли,
Ужъ первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,

А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
Третій пошелъ Петропавловскій.
Ужъ всѣ-то купцы перепугалися,
На синее моречке разбѣжалися,
На легкія лодочки побросалися.

(И. Картавенко. Усть-Урень.)

ПРО КНЯЗЯ СТРѢЛКОВСКАГО.

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
Пролегала путь, дороженька,
Никто по ней не прохаживалъ,
И никто по ней не проѣзживалъ,
Только шелъ, прошелъ, одинъ полкъ Казаковъ:
Напередъ у нихъ ѣхалъ злой Полковничекъ,
Злой Полковничекъ ѣхалъ, Князь Стрѣлковскій.
«Прикажи ты намъ здѣсь ночевати!»
Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
И беретъ во правую рученьку подзорную трубоньку,
И поглядывалъ на чисто поле далекохонько.
Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему быстрая рѣчка;
Какъ по рѣчушкѣ растетъ камышъ травка,
Какъ со вечера травка притихаетъ,
Ко полуночи травка зашумѣла,
Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Тамъ же и отъ того же.)

1.

ВЫБОРЪ АТАМАНА И ЕСАУЛА.

Какъ далеченько, далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
На синемъ-то на моречкѣ,
На Черностовскіимъ славномъ островѣ,
Не бѣленькія лебедочки солеталися,
Не ясные соколочки сопорхалися,

Сходилися музурушки Персидскіе,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собиралисъ они во единый кругъ,
Они думали, гадали думу крѣпкую, заединую:
«Ужъ кому-то изъ насъ, доброму молодцу, Атаманомъ быть,
И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, Есауломъ слыть?
Атаманомъ быть Матвѣюшкѣ Тимоѳѣевичу,
Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу».
Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
Онъ серебреной своей тростонькой помахиваетъ.
Атаманъ рѣчь возговоритъ — въ трубу струбитъ,
Есаулушка слово молвитъ — какъ въ свирѣль заигратъ.
«Ужъ какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань?
Ужъ какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять?
Ужъ чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать.»
— «Ужъ мы закупимъ нашему Атаманушкѣ коня добраго,
Еще купимъ мы ему саблю вострую,
Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
И поѣдемъ гулять по возморьицу.»

(Тамъ же и отъ того же.)

2.

ТОЖЕ, ДА ИНАЧЕ.

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече на синемъ моречкѣ,
Какъ на славныимъ на Черностовскіимъ было островѣ,
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
Сходилися музурушки Персидскіе,
И низовые бурлаченьки безпашпортные;
Они думали, гадали думу крѣпкую заединую,
Выбирали себѣ Атаманушку походнаго.
— «Ужъ кому-то у насъ, ребята, Атаманомъ быть?
Ужъ кому-то, разудалые, Есауломъ слыть?»
— «Атаманомъ быть у насъ — Степану Тимоѳѣевичу,

А Есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.
Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
Атаманушка рѣчь возговоритъ — какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ — какъ въ свирѣль заигратъ:
«Ужъ какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань.» —
«Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
Ужъ и купимъ-то мы, братцы, Атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
А Есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.»

(Цыиловъ. Усть-Урень.)

3

ПРО ТО ЖЕ.

По третьему разнословію эта пѣсня дальше довольно подробно распространяется о взятіи Грознымъ Казани помощью С. Разина, и о пирахъ Царя въ Москвѣ по возвращеніи съ похода, о казни и спасеніи сына его, и пр., но, къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ записать это замѣчательное продолженіе вполнѣ, какъ слѣдуетъ, пѣсеннымъ ладомъ; старикъ мой говорилъ чрезвычайно быстро и складно, и когда я его прерывалъ, онъ тотчасъ терялъ тонъ и мѣру, сбивался современно съ толку и совсѣмъ иначе продолжалъ. При вторичномъ разсказѣ онъ еще пуще сбивался, съ трудомъ вспоминалъ кое-что, словомъ, у него не выходило ничего путнаго, и я долженъ былъ удовольствоваться нѣкоторыми отломками изъ прежняго прекраснаго цѣлаго. Вотъ они:

После стиха:

«Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,»

у моего старика слѣдуетъ:

На нимъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой
Сафьянные сапожечки на босу ногу.

Послѣ стиха:

«А Есаулу купимъ забавушку — ружье огненное»

у него слѣдуетъ:

И возговоритъ Атаманъ, Степанъ Тимоѳѣевичъ:
«Подъ Казань городокъ стоитъ Бѣлый Царь,
Ни много, ни мало стоитъ, семь годовъ;
Не взямши Казань городъ, хочетъ прочь итти.
Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ:
Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
Царицынъ городокъ во глуху полночь,
Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
Во самую во Микольскую во заутренню.

. . . .

. . . .

Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?
Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
Ежели кормой пристать, ловить станутъ,
Ежели пристать носомъ примутъ подъ руки.
На подмогу ѣдутъ къ намъ.

. . . .

Вотъ царь Иванъ Васильевичь шлетъ посланника:
«Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
Ежели кормой пристали, ловить ихъ,
Ежели жъ носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.»
И призываетъ онъ Атамана
«Скажись ты мнѣ кто?» —
«Слыхалъ ты, Степанъ Разинъ
Тимоѳѣевъ съ молодцами,
«Много ли у тея посланниковъ?» —
«Три ста человѣкъ.» —
«Во всѣхъ я тея прощаю,
Только скажи, какъ Казань городъ взять?

. . . .

Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,
Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,
И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился Царь Иванъ Васильевичь,

Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ,
И хочетъ его казнить.
Царь И. В.: На верху свѣчка теплится, ее вѣтромъ качаетъ,
Только перговорили, и зачало бочку рвать.
И полетѣли стѣны: гдѣ кого, гдѣ рука, гдѣ Татарска голова
. . . .
Пріѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.
Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми.

(Александровка, Симб. губ.)

4.

ПРО КАЗАНЬ ЖЕ.

Ты куда, куда собираешься,
Православный Царь изъ Москвы въ Казань?
Не одинъ-то Православный Царь собирается,
Беретъ добраго молодца и меня съ собой,
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
Хотѣлося въ Москвѣ пожить,
При дворцѣ служить,
При дворцѣ Государевомъ.
Ничего-то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось,
Да только жалко зелена саду,
Да жалко мнѣ, доброму молодцу, въ саду три деревца:
Первое деревцо—куларисово,
Другое деревцо—зелена груша,
Третье деревцо—сладко яблонько.
Куларисово деревцо—родной батюшка,
А зелена груша—родна матушка,
Сладко яблонько — молода жена.
Гдѣ батюшка плачетъ—тутъ рѣка течетъ,
Гдѣ матушка плачетъ — ключи быстры текутъ,
Гдѣ жена плачетъ — туманъ съ дождемъ.

(Картавенко. Усть-Урень.)

ОТРЫВОКЪ.

ПРО СМЕРТЬ ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно-то было по всей каменной Москвѣ,
И по всей арміи, и по всей конной гвардіи.
Еще померъ-то у насъ Православной Царь,
Православной Царь, Иванъ Васильевичь.
«Сдѣлаемъ ему гробокъ купарисовой,
Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,
Мы схоронимъ Царя за Москвой рѣкой.»

ПРО СОКОЛА И СЛУГУ КНЯЗЯ ВОЛХОНСКАГО.

Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ,
У Князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокова,
Изъ окошечка было изъ косящева,
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылеталъ тутъ, вылеталъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ, пташка вольная,
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная:
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, ой еси, младъ ясенъ соколъ!
За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ,
Казнить-то хотятъ, хотятъ вѣшати.»
Онъ кричитъ-то ему, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Я теперь соколъ на своей волѣ,
Вечеръ-то вы надо мною надругалися:
Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
Поили сокола водою болотною.»

(Максимъ Щербаковъ. Деревня Козловка, Буинскаго уѣзда.)

ПРО ЖЕНУ КНЯЗЯ ВОЛХОНСКАГО.

Какъ у Князя было у Волхонскаго,
Солучилося большое несчастьице:
Повелась его жена съ Ваней съ ключничкомъ.
Во селѣ то было во Измайловѣ,
Протекала рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, Волга матушка;
Какъ по рѣчушкѣ растетъ частъ ракитничекъ.
Разливалась Волга широкохонько,
Потопляла всѣ горы, долы и сухіе островы,
Оставлялся одинъ частъ ракитовъ кустъ.
Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
Пташка вольная, младъ ясенъ соколъ.
«Полети-ко, младъ ясенъ, на родимую сторону,
Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьице!»

(Н. Картавенко, Усть-Урень.)

1.

ПРО ДОБРАГО МОЛОДЦА У ПЕРЕВОЗА ЧЕРЕЗЪ ДОНЪ.

Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
На своемъ ли на добрымъ конѣ богатырскіимъ,
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалинная рубашечка вся кровью забрызгана;
Прикачнулся добрый молодецъ, привольнулся,
Привольнулся ко тиху Дону,
И воскрикнулъ онъ, возгаркнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ есть ли на тихомъ Дону перевозчички,
Перевозчички, добрые молодцы, рыболовчички?
И перевезите-ка вы меня, добраго молодца, на свою сторону,
И возьмите съ меня, добраго молодца, за перевозъ 50 рублевъ,
Чего малаго не станетъ, съ ручки золотъ перстень,

И посадите меня, добраго молодца, во колясочку,
И повезите меня ко Божьей церкви,
И положите меня въ домовину купарисову,
И положите меня въ могилу, въ желтой песокъ,
И засыпьте пескомъ желтыимъ!»

(Ефремъ Поляковъ. Усть-Урень.)

2.

ПРО ТОГО ЖЕ.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
На своемъ конѣ богатырскіимъ, и т. д.
«Причастите меня, добраго молодца, исповѣдуйте,
Положите меня, добраго молодца, опять во колясочку,
Повезите меня, добраго молодца, во чистое поле,
Выройте мнѣ могилушку между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской, третьей Кіевской,
Во главахъ поставьте моего добраго коня,
Во правую руку дайте саблю вострую,
Во лѣвую руку дайте строево ружье,
На бѣлую грудь положьте золоты часы,
На могилушкѣ поставьте позлаченный крестъ!
Кто ни пройдетъ, ни проѣдетъ,
Всякъ Богу помолится.»

(Егоръ Ильинъ. Тамъ же.)

3.

ПРО ТОГО ЖЕ.

Не былинушка во чистомъ полѣ зашаталася,
Зашатался, загулялся удалъ добрый молодецъ,
На своемъ добрымъ конѣ богатырскіимъ,
Во сѣдельицѣ во своемъ во Черкаскіимъ:
Могучія его плечики сквозь прострѣлены,

Миткалинная рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачнулся, пришатнулся ко тихому Дону,
Вскричалъ-то онъ своимъ громкимъ голосомъ богатырскіимъ:
«Ужъ и есть ли, братцы, на тихимъ Дону перевозчички.
Перевозчики, рыболовчички, добры молодцы?
Перевезите меня, братцы, на свою сторону!
За работу вамъ, братцы пятьдесять рублей,
Чего малаго не станетъ, съ руки золотъ перстень.
Перевезомши, посадите меня во колясочку,
Отвезите меня, братцы, во Божью церковь.
Причастите меня, братцы, исповѣдуйте,
Исповѣдомши, положьте меня во колясочку,
Отвезите меня, братцы, во чистое поле,
Скороните меня, братцы, промежу трехъ дорогъ:
Межу Питерской, Московской, третьей Кіевской,
По правую сторонку положьте саблю вострую,
А по лѣвую сторонку — строево ружье,
На бѣлую грудь положьте Егорьевскій крестъ,
А передъ могилушкой поставьте добра коня!»

(Цыпловъ. Тамъ же.)

1.

ЖЕНА МУЖА ЗАРѢЗАЛА.

Ты звѣзда ли моя восхожая,
Восхожая, полуношная!
Высоко ты, звѣзда, восходила,
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго;
Далеко, звѣзда, просвѣтила,
Дальше городу, дальше Саратова,
Дальше купчика богатаго!
У того ли у купца богатаго
Солучилося несчастьице,
Несчастьице большое, не малое:
Какъ жена мужа зарѣзала,
Какъ бѣлую грудь она ему изрѣзала,

Вынимала сердце съ печенью,
Сама младешенька испугалася.
«Ужъ куда, говоритъ, мнѣ это тѣло дѣть будетъ?
Положу я тѣло въ холодёнъ погребъ,
Я засыплю тѣло пескомъ желтыимъ,
А на верхъ того землей чорною.»
Сама младешенька вошла въ гореньку,
Садилася подъ окошечкомъ,
Подъ окошечкомъ передніимъ.
Прилетали къ ней двое соколы,
Двое соколы, двое ясные,
Деверья ея любимые.
Они стали ее спрашивати:
«Ты, сноха ль наша, невѣстушка!
А гдѣ нашъ братецъ Иванушка?» —
«Онъ отъѣхалъ во путь во дороженьку,
Во путь во дороженьку, въ лѣсъ за охотушкой,
За лютымъ звѣремъ, за львицею.»
«Ты сноха ль, наша невѣстушка,
Что у тея, говоритъ, въ горенкѣ за кровь?» —
«Ужъ я ли, молода, бѣлу рыбу чистила,
Бѣлая рыбица металася,
По горенкѣ кровь брызгалася.» —
«Ахъ, ты ль, сноха наша, невѣстушка!
На словахъ ты насъ не обманывай:
Его добрый конь на стойлѣ стоитъ,
Его сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.»
«Ахъ, вы, деверья, вы, ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите съ меня буйну голову:
Я своего мужа зарѣзала,
Вынимала сердце съ печенью,
Положила тѣло во холоденъ погребъ,
Засыпала тѣло пескомъ желтыимъ
А наверхъ того землею черною.»

(Н. Картавенко. — Усть-Урень.)

2.

ПРО ТО ЖЕ.

По часту мелку орѣшничку,
Тутъ ходилъ, гулялъ вороный конь,
Трое сутки непоенный былъ,
Недѣлюшка не кормя стоялъ,
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Золотую узду изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязи вымаралъ.
Не въ Москвѣ я былъ, не въ Питерѣ —
Во Стрѣлецкой славной улицѣ,
Во Стрѣлецкой, во купеческой.
У купца было богатова,
Случилось у него несчастьице,
Несчастьице, безвременьице:
Жена мужа потеряла,
Вострыимъ ножикомъ зарѣзала,
Не простымъ ножикомъ, булатныимъ;
На ножикѣ сердце вынула,
На булатныимъ встрепенулося,
Жена шельма улыбнулася,
Улыбнулася, разсмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросала,
Дубовой доской задвинула,
Съ горъ желтыимъ пескомъ засыпала,
Лѣвой ноженькой притопнула,
Правой рученькой прищелкнула,
Хоронила и не плакала,
Отъ него пошла, заплакала.
Прилетѣли къ ней два голубя,
Два голубя, два деверья.
«Сноха наша, невѣстонька!
Что у тея за руда на стѣнахъ?» —

«Деверья вы мои любимые!
Бѣлу рыбицу я чистила,
Бѣла рыбица трепеталася,
По стѣнамъ руда металася.»

(Щербаковъ. Дерев. Козловка, Буинск. уѣзд.)

СОКОЛЪ И ВОРОНЪ.

На горахъ-то на долахъ, на желтыхъ мелкихъ пескахъ,
Тутъ стояла церква славная,
Церква славная, осьмиглавная,
Осьмая главенька позолоченная.
Какъ на главенькѣ крестъ серебреный,
На крестѣ сидитъ пташка вольная,
Пташка вольная, младъ ясенъ соколъ.
И закричалъ - то онъ, возгаркнулъ
Своимъ громкіимъ голосомъ:
«Высоко - то сижу, далеко гляжу,
Да вижу я, вижу степь Саратовскую,
На степи-то на Саратовской стоялъ сыръ матерый дубъ,
На дубу сидитъ старъ сизой орелъ,
Во когтяхъ-то держитъ черна ворона,
Онъ клюетъ-то ему буйную голову,
Онъ руду пускалъ по сыру дубу,
Его сизыя перышки пускалъ по дубровушкѣ.»

(Картавенко. Усть-Урень.)

ОТРЫВОКЪ.

ПРО ПУГАЧЕВА.

Охъ ты батюшка, Ленбурхъ городъ!
Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее,
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,

На крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ.
Да первая рѣчушка течетъ — Самарушка,
Другая рѣчушка — Яикъ рѣка,
Третья рѣчушка — Уралъ рѣка:
По Уралѣ рѣкѣ живутъ Казаченьки,
По Яикъ рѣкѣ — Калмыченки,
По Самарушкѣ живутъ Татарушки;
По Уралу гулялъ генералъ Пугачь.
Какъ во Матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
«Не даютъ-то мнѣ, доброму молодцу, волюшки во Ленбурхъ сходить,
Во Ленбурхъ сходить, Пугача убить.»

(Дальше, къ сожалѣнію, пѣвецъ не помнилъ, а говоритъ, что пѣсня довольно долгая. Симб. Александрова. К. Ословъ.)

ПРО СМЕРТЬ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРЫ.

Обѣщался Царь Александра
Къ Рожеству домой прибыть.
Всѣ праздники на проходъ —
Александры сынка домой нѣтъ.
Его матушка родима темны ночи мало спитъ.
«Я пойду, выйду на башню,
На дорогу на большу,
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ Александра проживалъ.»
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Какъ по той ли по дорожкѣ
Кульеръ скоро бѣжитъ.
— «Я пойду, спрошу кульера:
Ты отколь, куда бѣжишь?» —

— «Я бѣгу, бѣгу, Царица, изъ арміи въ Москву,
Я изъ арміи въ Москву,
Вѣсть нерадошню тебѣ скажу,
Вѣсть нерадошню, печальную,
Про Александра, сынка твоего,
Какъ твой сынъ, Александра,
Въ Тагонрогѣ жизнь покончилъ свою;
Его силушка собранная
Вся слезно заплакала.»

(Н. Картавенко. Усть-Урень.)

ЖАЛОВА ДѢВИЦЫ НА ПАРНЯ.

Что цвѣли-то, цвѣли,
Цвѣли въ саду цвѣтики,
Цвѣли да померкли. 2
Что любилъ-то, любилъ,
Любилъ парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ; 2
Вотъ покинувши парень,
Парень красную дѣвушку,
Въ глаза насмѣялся, 2
Что при всемъ-то, при всемъ,
При всемъ при народѣ,
Въ большомъ короводѣ, 2
Что сорвалъ-то, сорвалъ,
Сорвалъ разбезсовѣстной
Шалевой платочекъ, 2
Еще снялъ-то, сорвалъ,
Сорвалъ разбезсовѣстной
Шелковъ поясочекъ. 2
Какъ по городу, городу,
Городу Саратову,
Дѣвушка гуляла, 2
Она листикъ герба,
Гербовой бумажечки

Листикъ покупала, 2
На свово-то дружка,
Молодова-то писаря,
Писаря искала, 2
На свово дружка,
На друга любезнова,
Просьбу сочиняла, 2
Астраханскому Губернатору
Просьбу подавала: 2
«Ты прими-тка, прими,
Прими, Губернаторъ,
Прими мою просьбу, 2
Ты суди-тка, суди,
Суди, Губернаторъ,
Суди по закону! 2
Не разсудишь, судья,
Судья Губернаторъ,
Дойду до Сенату.» 2.
«Ненапрасно ли ты,
Ты ли красна, дѣвица,
На молодца просишь? 2
Безъ поры-то еще,
Еще безо времечка,
Солнышко не всходитъ, 2
Безъ прилуки-то парень,
Парень къ красной дѣвушкѣ,
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.»

(Тверск. Губ. Новоторжеск. Уѣзда сельцо Селихово. Сообщено конторщикомъ Соловьевымъ.)

СОКОЛЪ ВЪ ПОНИМАНИ.

Бывало у соколика времячко,
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ поднебесью,
Ужъ-то онъ билъ, побивалъ гусей, лебедей,

Гусей, лебедей, утокъ сѣрыихъ,
А нонѣ соколу время нѣту,
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой клѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опутанкахъ.

(Картавенко. Усть-Урень.)

СМЕРТЬ МОЛОДЦА ВЪ СТЕПИ.

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки сѣрыя;
Не сами собою они подымалися,
Яснаго сокола они испужалися.
За ёмъ летитъ старъ сизой орелъ,
Закричалъ онъ, возгаркнулъ
Своимъ громкіимъ голосомъ:
«Ужъ ты стой, постой, младъ ясенъ соколъ,
Я не бить лечу, я спросить хочу,
Ужъ и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?» —
«Я гулялъ, погулялъ во дикой степѣ,
Во дикой степѣ во Саратовской,
Налетали мы на диковинку,
Тамъ диковинка немалая:
Лежитъ тѣло, бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое,
Не убитъ лежитъ онъ, неизрѣзанный,
Вострымъ копьецомъ онъ весь исколотый,
Кругъ его вьются три ластушки;
Первая ластушка — родимый батюшка,
А вторая ластушка — родима матушка,
А третья ластушка — молода жена;

Гдѣ отецъ плачетъ — тутъ ключи текутъ,
А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя:
Солнышко взойдетъ — вся роса опадетъ.»

(Егоръ Ильинъ. Усть-Урень.)

1.

ПРО ПАШЕНЬКУ.

Ужъ не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
Зачернѣлась въ полѣ пашенька яровая:
Да не сохами эту пашеньку распахали,
Не боронами эту пашеньку заборновали,
Не всхожими сѣменами эту пашеньку засѣвали;
Распахали эту пашеньку Турецкими лошадями,
Заборновали эту пашеньку Нѣмецкими подковами,
Засѣвали эту пашеньку крестьянскими головами.

(Картавенко. Усть-Урень.)

2.

ПРО ТОЖЕ.

Ужъ не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
Зачернѣлась пашенька въ полѣ яровая;
Не плугами распахали, не сохами,
Распахана же пашенька Турецкими лошадями,
Заборонена пашенька Нѣмецкими подковами,
Засѣяна не всхожими сѣменами,
А сиротскими нашими головами;

Поливана эта пашенька не росою,
А поливана Христіянскою кровью.
Тутъ шелъ прошелъ Урзы-Мурзы бѣлобородый.
«Богъ помочь вамъ, старшой, большой державецъ!...»

(Щербаковъ. Д. Козловка.)

ГОРЫ ТАШЕВЫЯ.

Ахъ вы горы мои, горушки Ташевыя!
Ничего-то вы, горушки, не породили,
Какъ ни травеньки, ни муравеньки,
Ни алыхъ-то цвѣтовъ, ни лазоревыхъ;
Породили горушки одинъ бѣлъ горючь камень:
Изъ подъ камушка течетъ быстрая рѣчушка,
Впала рѣчушка въ Волгу матушку.
Не отъ того ли Волга взволновалася,
И въ крутые бережки не вбиралася,
И со тонкіимъ-то ледкомъ раставалася,
Со тонкіимъ ледкомъ со осенніимъ?
И потопляла Волга матушка всѣ горы, долы,
Всѣ горы, долы, всѣ луга зеленые;
Только оставался во лугахъ одинъ зеленъ садъ,
Во саду-то растетъ шелкова трава,
Во травѣ-то лежитъ добрый молодецъ;
Не убитъ-то онъ лежитъ, не изрѣзанный,
Вострымъ копьецемъ весь исколотый.

(Цыпловъ. Усть-Урень.)

МИЛЫЙ НА СИНЕ МОРЕ ВЪЖАЛЪ.

Милый безъ вѣсти пропалъ,
Милый безъ вѣсти пропалъ,
Въ легку лодочку запалъ, 2
Тонкій парусъ раскаталъ, 2

На деревцо подпималъ, 2
На синё море бѣжалъ, 2
Тонки сѣти раставлялъ, 2
Бѣлу рыбицу изловлялъ,
Онъ пыймать ее не пыймалъ,
Синё море восколыхалъ,
Среди моря потонулъ, 2
Мать Рассѣю вспомянулъ:
«Ахъ ты, матушка Рассѣя,
Свята Русская земля,
Свѣтъ Уральска сторона, 2
Жисть Платова Казака.»

(Картавенко. Усть-Урень.)

ДУША ЕНЕРАЛУШКА.

Не съ горъ, не съ долъ погодушка подувала,
На синимъ морѣ четыре кораблюшки разбивала,
И смолённыя снасточенки всѣ изорвала,
Тонкіе парусочки всѣ долой сшибала,
Красныя деревьица поломала,
Душу Енералушки съ носика сшибала.
И поплылъ Енералушка по синёму морю,
По синему морю бѣлымъ лебедочкомъ,
Никому же душу Енералушки не жалко,
Только и жалко молодымъ матросамъ.
Молодые матросики перпугались,
На легкія лодочки побросались,
За кленовыя весельцы похватались,
И поплыли же по синему морю,
И поймали душу Енералушки за русыя кудри,
И положили его на бѣлыя полотны,
И стали его качати,
И стала душа Енералушка воздыхати,
И стала рѣчи говорити:

«Чѣмъ мнѣ васъ, молодые матросики, подарити:
Или селами, или новыми деревнями,
Или золотою казною?»
— «Ничего намъ, душа Енералушка, не нады»....

(Ефремъ Поляковъ. Усть-Урень.)

СУДЕНЫШКИ НА ВОЛГѢ.

Не цвѣточками Волга матушка расцвѣтала,
Расцвѣтала Волга матушка все судами,
Еще расцвѣтаетъ Волга матушка развысокими деревцами,
Еще расцвѣтаетъ Волга матушка тонкими бѣлыми парусами.
Пошли-то, пошли наши суденышки вдоль по Волгѣ,
Становилися наши суденышки всѣ по мѣстамъ,
Одному суденьку мѣста нѣту,
Становилось это суденышко на возморьицѣ,
Да ужъ всѣ-то пошли суденышки внизъ по Волгѣ,
И всѣ судовы прикащики пьютъ, гуляютъ,
Одинъ прикащикъ не пьетъ, не гуляетъ,
Свое суденышко нагруженное убираетъ....

(Картавенко. Усть-Урень.)

ЖЕНА РАЗБОЙНИКА.

Не хотѣлось мнѣ за разбойника замужъ итти.
Со вечера разбойничекъ собирался на разбой,
Ко полуночи разбойничекъ сталъ обозы разбивать,
Ко бѣлой зарѣ разбойничекъ двѣнадцать коней увелъ,
На тринадцатомъ конёчкѣ самъ сидитъ,
И разскакался разбойничекъ ко широкому двору,
И ударилъ разбойничекъ копьемъ въ ворота:
«Отворяй, жена, вороты, пускай милаго на дворъ,

И примай, жена моя, отъ меня подарокъ,
И не развертывай при мнѣ!»
И не утерпѣла, хозяюшка, развернула,
И не утерпѣла, развернула, — чуть опомнилась.
«Ну, говоритъ, хозяюшка, не гнѣвайся на меня:
Я поѣхалъ на разбой — отцу матери не спущу,
Съ плечь головушку долой сшибу.» *

(Е. Поляковъ. Усть-Урень.)

СЕСТРА РАЗБОЙНИКА.

По синю морю по Волынскому,
Тутъ-то плаваютъ два кораблика,
На корабликахъ сидятъ девять молодцовъ,
А десятая съ ними красная дѣвушка,
Атаманова полюбовница,
А Есаулова сестра родная.
Есаулъ съ сестрой поразмолвился,
И взяла сестра брата за русы кудри,
Ударила его объ сыру землю,
Разрѣзала ему бѣлую грудь,
Вынимала у него сердце съ печенью:
На ножѣ сердце встрепенулося,
Красная дѣвушка ужахнулася.
«Я манехонька дѣвушка во нужду пошла,
Лѣтъ двѣнадцати воровать стала,
Лѣтъ тринадцати души требила,
Лѣтъ пятнадцати на разбой пошла.»
— «Ты не плачь, моя сестра родимая!» —
А во зарыданьицѣ слезъ какъ ключи текутъ.
— «Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати,
Что я, дѣвушка, глупо сдѣлала,
Въ томъ же я, дѣвушка, покончилась....

(Александръ Ословъ.)

---

* По объясненію пѣсенника, это было братъ ея.

РАЗБОЙНИКИ ВЪ ТЮРЬМѢ.

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
Вы станы ли наши, станочки,
Станы наши теплые,
Вы дружья ли наши, братцы, товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А куста наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки;
Ни куды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ны выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы....

(Картавенко. Усть-Урень.)

СТЕНЬКА РАЗИНЪ СЫНЪ.

Не рябинушка со березенькой совивается,
А не травенька съ травенькой сплетается,
Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкалися!
Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые,
Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои теплые,
И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломаные,
Всѣ дружья мои, братцы, товарищи переловленые,
По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые,
Оставался одинъ товарищъ, Стенька Разинъ сынъ»....

(Цыплевъ. Усть-Урень.)

ЧЕРНЫШЕВЪ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чисту полю,
Мягкая постелюшка—желтой песокъ,
Изголовьица моя — шелкова трава.
Какъ во селѣ было во Лысковѣ,
Тутъ построена крѣпкая темница,
Какъ во той во крѣпкой темницѣ посаженъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ, самъ слезно плачетъ,
Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:
«Ты взмой, взмой, туча грозная,
Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
Невольнички, неохотнички.» —
Всѣ невольнички разбѣжалися,
Во темнымъ лѣсу они собиралися,
Сходилися они на полянушку,
На полянушку на широкую.
«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, сиротъ бѣдныихъ,
Сиротъ бѣдныихъ, безпашпортныихъ!»
Ниже города, ниже Нижняго,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга матушка:
Течетъ Волга матушка съ дикимъ мелкимъ камушкомъ;
Какъ по рѣчушкѣ плыветъ легка лодочка,
Эта лодочка изукрашеная,
Вся молодчиками изусаженная...

(Картавенко. Усть-Урень.)

ЗАМОТУШКА.

Не у батюшки сидѣлъ я, добрый молодецъ, не у матушки,
Сидѣлъ-то я, сидѣлъ, добрый молодецъ, у своей сударушки;
Прибезчестила меня сударушка при всей при бесѣдушки,
Назвала ты меня, сударушка, назвала замотушкой.
«Ты замотъ мой, замотушка, замотъ, горькій пьяница,
И пропилъ ты, замотушка, все свое житье-бытье,
Все свое житье-бытье, все свое имѣньице,
И пропилъ ты, замотушка, мою шубу новую,
Шубу новую, шубеньку китаешну;
И пропилъ ты, замотушка, пару вороныхъ коней,
Со всей со упряжечкой, со ямской повозочкой.»
И пошелъ-то я, добрый молодецъ, вдоль по улицѣ,
И запѣлъ-то я, добрый молодецъ, пѣсенку старинную,
Услыхала-то меня сударушка изъ высока терема,
И звала-то меня сударушка ночевать къ себѣ.
— «Я боюсь-то, боюсь твово родимаго батюшки,
Еще боюсь-то, боюсь, твоихъ родимыхъ братцевъ:
Убьютъ-то меня ни за денюшку,
Положатъ-то меня во ямскую повозочку,
Отвезутъ-то, отвезутъ меня, добраго молодца, во чистое поле,
И свалятъ меня, добраго молодца, во широкій дворъ,
Растерзаютъ мое тѣло бѣлое звѣрья лютые,
Разобьютъ мою головушку черные вороны,
И разнесутъ мои кудерюшки по лѣсамъ по темнымъ.»
И пошли-то, пошли, красныя дѣвушки въ боръ по ягоды,
И нашли русыя кудерюшки на кустахъ ракитовыхъ.
— «Сестрицы родимыя, эти кудерюшки братца родимаго.»
Отнесли эти кудерюшки къ родимому батюшкѣ....

(Егоръ Ильинъ. Усть-Урень.)

САМОРОДИНА ЖЕНА.

Не спалось-то мнѣ темной ноченьки,
Не спалось мнѣ, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Будто ходилъ я по крутымъ горамъ,

По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Я взойду, взойду, на круту гору,
И взгляну съ горы подъ гору,
На свою сторону, на село Устерень,
И любилъ я на тоѣ, сторонушкѣ, прогулять, прохлаживатися,
Съ красными дѣвушками разгулятися,
Съ чужой женой повадитися,
А чужа жена — какъ лебедь бѣлая,
А моя жена — полынь горькая, змѣя лютая.
А то поле мое чистое,
И всѣмъ ты, поле, изукрашено,
Виноградомъ поле изусажено.
Виноградъ ягода — то чужа жена,
Самородина ягода — то моя жена.

(Е. Поляковъ.)

СМЕРТЬ ИЗВОЩИКА.

Ужъ ты степь моя, степь Моздовская!
Далекохонько, степь, протянулася,
До того ли городу до Саратову,
Протянулася степь до села Царицына.
Ужъ ничто въ степѣ не уродилося,
Уродилось въ степѣ только ковыль травенька.
Изукрашена степь мелкіими дороженьками.
Еще пролежала по степѣ путь, большая дороженька,
Нихто по ней не прохаживалъ,
И нихто слѣду не накладывалъ.
Вотъ и шли, проѣхали извощичьки,
И тѣ же всѣ Коломенскіе;
Случилося на нихъ несчастьице,
Несчастьице немалое:
Захворалъ, занемогъ молодой извощичикъ,
Заболѣла у него буйная головушка.
Ужъ возговорилъ же молодой извощичикъ:
«Ужъ и братцы вы, мои товарищи!

Не попомните, братцы, моей грубости,
Сберегите, братцы, моихъ тройку вороныхъ коней,
Отведите моихъ коней къ родимому батюшкѣ,
И скажите батюшкѣ отъ меня низкой поклонъ,
И матушкѣ про мое несчастьице,
И скажите моей молодой женѣ
Про мое нездоровьице!....

(Е. Ильинъ.)

ИЗВОЩИЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Съ понедѣльничка до субботы
Намъ невскресная работа,
Работаемъ день и ночь.
Ну, придетъ празникъ воскресенье,
Соберемся гулять на веселье,
Гуляемъ, гдѣ хотимъ.
Дѣвки, бабы говорятъ-ста,
Извощичкамъ житье, восхвалятъ-ста:
«Хорошо извощикамъ жить.»
И покупалъ кованы колесы.
«Построгаемъ дубовы оси,
И буду славный извощикъ,
И справлю помазню мазницу,
Куплю шапку и голицы,
И поѣду въ Польскій Ярославь;
Я проклятый дуракъ въ Польшу ѣду,
Никакой себѣ нужды не вижу.
Да хваляй въ извощикахъ жисть.
Я пріѣхалъ съ Польши на границу,
Изорвалъ свою шапку, рукавицу;
Убираютъ свои воза;
Кругъ возовъ похожусъ-ста,
На колесы погляжусъ-ста —
Не годятся ѣхать никуда.
Сталъ колесы починати,

Свое житье проклинати.
Распроклятая въ извощикахъ жисть:
На извощикѣ рубашечка синя,
Подоплека его черна, вшива.
Я поѣду, дуракъ, ко двору-ста,
Войду въ избу, сяду на полу-ста,
Я буду женѣ въ глаза смотрѣть.
Моя жена бѣжитъ безъ души-ста,
Спрашивала съ мужа барыши-ста:
«Ужъ много ли, мужъ, денегъ привезъ?
Ужъ ѣхалъ бы ты безъ портокъ-ста,
Купилъ бы мнѣ, женѣ, платокъ-ста,
Хоть бы пятнадцать рублевъ, дуракъ, далъ;
Ужъ ѣхалъ бы ты, бездомовникъ,
Купилъ бы мнѣ, женѣ, повойникъ,
Хоть бы десять рублевъ, дуракъ, далъ.
Ужъ мы станемъ съ тобою жити, поживати,
Худые сарафаны перешивати.»

(Е. Поляковъ. Усть-Урень.)

ЧУЖАЯ ЖЕНА.

Молодость моя молодецкая!
Не видѣлъ я, коли ты прошла, прокатила!
«Я весной прошла, лѣтомъ прокатила.»
Я пойду-то, пойду вдоль по улицѣ,
Я зайду, зайду ко своей сударушкѣ,
Ко своей сударушкѣ, ко чужоій женѣ,
А чужа жена зла, догадлива,
У воротъ стоитъ она, дожидается.
— «Не во времячко ты, миленькій, ко мнѣ идешь:
Немилый мужъ у меня на рукѣ лежитъ,
На рукѣ лежитъ, во глаза глядитъ,
Во глаза глядитъ, цѣловать велитъ,
Цѣловать-то мнѣ его не хочется,
Ретивое сердце не воротится.
Расколю я свое бѣдно сердечушко,
И поцѣлую сново немилаго мужа.»

КРАСНАЯ ДѢВИЦА.

Какъ во лѣсикѣ во дремучіимъ,
Тутъ ходитъ, гулятъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Машенька.
Какъ брала-то, брала Маша грибы, ягоды,
И не набрала Маша грибовъ, ягодовъ,
Въ темныимъ лѣсу заплуталася,
Съ милымъ дружкомъ проаукалась.
«Ты ау! ау! дружокъ миленькій,
Не далече ходишь, милый, не откликнешься.»
— «Мнѣ нельзя тебѣ откликнутися,
Какъ за мною ходитъ трое сторожа,
Трое сторожа, трое грозные.
Первый сторожъ ходитъ — тесть-батюшка,
Второй сторожъ, теща-матушка,
Третій сторожъ — молода жена.»
— «Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣчушку.»
— «Ахъ ты взмой, взмой, туча грозная!
Убей моего тестя-батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу-матушку,
Сильнымъ дожжичкомъ засѣки молоду жену,
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красную дѣвушку, прежнюю сударушку.»

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ И КРАСНА ДѢВИЦА.

Мы вечоръ въ торгу торговали,
Свинцу, пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣнушку стрѣляли,
Короля въ глаза не видали,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Ко Румянцову подводили,

Графъ Румянцовъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
— «Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана:
На ней шубечка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ты позволь съ нами говорити,
Про мою силушку спросити,
Про свою армію сказати.
Ты поди, поди, въ Россіи замужъ,
За любимова мова сына,
За Ивановича Ивана,
За Россійскаго инарала.»
— «Не хочу съ вами говорити.
Я не йду, не йду въ Россіи за мужъ,
За любимова твово сына,
За Ивановича Ивана,
За Россійскаго инарала.»
Графъ Румянцовъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру сабельку вынимаетъ,
Красну дѣвушку онъ стращаетъ.
Красна дѣвушка испужалась,
За Румянцовымъ погонялась:
— «Ужъ ты батюшка, графъ Румянцовъ,
Ты позволь со мной говорити,
Про мою армію спросити,
Про свою силушку сказати;
Я иду, иду въ Россію за мужъ,
За любимова твово сына,
За Ивановича Ивана,
За Россійскаго инарала.»
Мы со вечера спать ложились,
По утру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковымъ платкомъ утирались.
Начала дѣвица писати,

Королю письмо отсылати:
«Пріѣзжалъ ты, Король, на свадьбу
Къ любимому своему сыну,
Ко Ивановичу Ивану.»

(Скотница Аннушка, изъ села Милятина, Можайск. уѣзд. Моск. губ.)

ЛУНЕКЪ.

Какъ Ефимовъ сынъ Трофимовъ
Охочь по лѣсу гулять.
Ой люли, люли, охочь по лѣсу гулять!
Часты плёнки становить.
Ой люли, и проч.
Не поймалъ перепелку,
Поймалъ сизаго лунька,
Поймалъ сизенькаго, сизокрыленькаго,
Со руками, со ногами,
И со буйной головой,
Со буйной головой,
И со русою косой,
Со русою косой,
Со дѣвичьей красотой.
«Ужъ гдѣ же мнѣ лунька,
Посадить будетъ его?
Посажу свова лунька
Въ огородѣ, во саду,
Въ огородѣ, во саду,
Во шелковую траву,
Во холодную воду.
Окунись-ка, мой лунекъ,
Окунись-ка, молодой,
Ты поглыбже, поглыбже,
Еще глыбже того!
Ты присядь-ка, мой лунекъ,
Ты присядь-ка, молодой,

Ты пониже, пониже,
Еще ниже того!
Пододвинься, мой лунекъ,
Пододвинься, молодой,
Ты поближе, поближе,
Еще ближе того!
Обоймемся, мой лунекъ!
Обоймемся, молодой!
Ты покрѣпше, покрѣпше,
Еще крѣпше того!
Поцалуйся, мой лунекъ,
Поцалуйся, молодой,
Ты послаще, послаще,
Еще слаще того!
Разоймемся, мой лунекъ,
Разоймемся, молодой,
Ты послабже, послабже,
Еще слабже того!
Разодвинься, мой лунекъ,
Разодвинься, молодой,
Ты подальше, подальше,
Еще дальше того!
Ты привстань-ка, мой лунекъ,
Ты привстань-ка молодой,
Ты повыше, повыше,
Еще выше того!
Развернись-ка, мой лунекъ,
Развернись-ка, молодой,
Ты пошибче, пошибче,
Еще шибче того!
На насъ дѣвушки глядятъ,
Всѣ молодушки смотрятъ,
Цаловаться намъ велятъ.»

(Она жъ.)

ВЬЮНЪ.

Со вьюномъ я хожу,
Съ зеленымъ я хожу,
Я хожу, хожу, хожу, хожу,
Я не знаю куды вьюна положить,
Положу со плечика на плечико его,
Я со лѣваго на правое плечо;
Я ко дѣвицѣ иду, иду, иду,
Ко красавицѣ иду, иду, иду,
Поцѣлую, обойму, да и прочь пойду, пойду,

(С. Усть-Урень.)

ГОЛУБОКЪ.

Александровская береза
Середи кремля стояла,
Она листьями шумѣла, шумѣла,
Она вѣтьями вѣяла, вѣяла.
(Пляшутъ.)
Закидался козелъ,
Заметался козелъ
По ельничку,
По березничку,
По частому,
По горькому,
По осиничку.
Гуляй, гуляй, голубокъ
Сизокрыленькій!
«Ты куда, гуля, полетѣлъ?
Куда, сизый, полетѣлъ?» —
«Я ко дѣвицѣ,
Ко красавицѣ,
Коя бѣлена,

Нарумянена,
Коя лучше всѣхъ,
Коя краше всѣхъ,
Безъ бѣлилъ бѣла,
Безъ румянъ ала,
То на свѣтѣ моя!

(С. Усть-Урень.)

ДѢВУШКА И ПЕРЕВОЗЧИКЪ.

Въ тридцатымъ во четвертыимъ году
Уродилось много ягодъ во бору,
Красна дѣвушка заплуталася въ лѣсу,
Выходила на Самару на рѣку,
Становилась на крутенькій бережокъ,
Растилала кашемировый платокъ,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Перевозчикъ, рыболовчикъ, парень молодой!
Перевези-ка меня дѣвчоночку на свою сторонушку домой!»
— «Красна дѣвушка, перевозъ мой дорогой!»
— «Добрый молодецъ, пятьдесятъ рублей съ меня возьми»!
— «Красна дѣвушка, мнѣ не надо ничего,
«Только дѣвушка пойди за мужъ за меня!»
— «Добрый молодецъ, въ томъ воля не моя,
Въ томъ воля вся батюшкина,
Еще воля вся матушкина,
У батюшки я одна дочка была ...»

(Д. Козловка.)

КУДЕРЮШКИ МОЛОДЕЦКІЯ.

Попила головушка, пила, погуляла,
За батюшкины, за матушкины буйной головою,
За братцины и за невѣстины легкія работы.
Со радости, со весельица кудерюшки вьются,
Со печали русыя сѣкутся.
Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды,
Невзгоды мои, кудерюшки, большое солдатство;

Вечоръ-то меня молодца, вечоръ поимали,
Рѣзвы ноженьки во желѣзы сковали,
Бѣлы рученьки назадъ завязали,
Посадили добраго молодца въ легкія сани,
Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
По большой дороженькѣ въ Симбирскую губерню,
Постановили добраго молодца на мірску фатеру,
Поутру добраго молодца рано поднимали,
Повели-то добраго молодца меня ко пріему,
Постановили подъ казенную мѣру,
Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ,
И только вышелъ русыми кудрями, черными бровями.
Я не воръ-то былъ у батюшки,
Я не воръ, не разбойничекъ,
До дѣвушекъ до лебедушекъ смертный былъ охотничекъ.

(Д. Козловка.)

СЛУЖБА ЦАРСКАЯ.

Не бѣлая березенька къ землѣ клонится,
Не шелкова травенька по чисту полю растилается,
По чисту полю растилается полынь горькая.
Горька ты, полынушка, изъ всей травы,
Еще горчѣй, тошнѣй того служба царская,
Служба царская, нужда крайняя,
И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темная ночь настанетъ мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанетъ во строю стоимъ,
Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
И стояли мы, солдатушки, трое суточки,
Не пиваючи и не ѣдаючи,
И ходитъ же душа енералушка по армѣюшкѣ,
Закупаетъ енералушка свинку съ порохомъ
И заряжаетъ енералушка сорокъ пушечекъ,
Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
И убиваетъ енералужка жену офицерскую,
Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.»

(Поляковъ. Усть-Урень.)

КРУЧИНА МОЛОДЦА.

Во каменной Москвѣ,
Во конюшенькѣ во новой,
Стоялъ иноходный конь
На Нѣмецкіихъ подковахъ,
Кругомъ кованный,
Узделица обротанная,
И сѣделице осѣдланное.
На того коня садился добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, офицерскій сынъ,
Офицерскій сынъ, на ёмъ енеральскій чинъ.
Онъ сидитъ, самъ задумался:
«Отъ чего я, молодецъ, пропалъ?» —
«Пропалъ, говоритъ, пропалъ не отъ батюшки,
И пропалъ я не отъ матушки,
Только пропалъ я отъ своей сударушки.»

(Поляковъ. Усть-Урень.)

СОЛДАТСКОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

Ты гулянье мое, гуляньице,
Довело меня, гуляньице, до худова ремесла.
Во гуляньѣ своей волей
Распрогнѣвалъ я мать, отца.
Не отъ того ли я, молодецъ, удалялся,
Во солдатушки пошелъ?
Во солдатушки поверстали молодчика,
Во неполные полки,
Во неполныихъ полкахъ
Служба Царска тяжела,
Казна солдатушкамъ выдана,
По полтинѣ въ мѣсяцъ,
По три денежки, полушка въ суточки.
Еще выдана солдатушкамъ
По три лозу въ спину вложу въ сутки:
Первую лозу въ спину вложу —
Вставать по утру весело;

Другу лозу въ спину вложу —
Наряжаться хорошо;
Третью лозу въ спину вложу —
Во походъ итти.

(Поляковъ. Усть-Урень.)

ПРУЦКОЙ КОРОЛЬ.

Не кручинушка меня молодца сокрушила,
Сокрушила меня молодца красная дѣвонька,
Прежня бывшая моя сударушка;
Провожала она меня до сыраго бору,
Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
— «Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырымъ боромъ,
Не услышишь ли, мой милый другъ,
Вольную пташку, горькую кукушку?
Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
Во сырымъ борочкѣ,
Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски, назолы,
Безъ того намъ, солдатушкамъ, больно, тошно:
Учьба и стрѣльба намъ скоро не дается.
Какъ загналъ-то насъ Пруцкой король
Во иную землю,
И не шлетъ Пруцкой король
Пищи никакою.
Хоть и шлетъ Пруцкой король,
Къ намъ пища не доходитъ,
А прислалъ-то къ намъ Пруцкой король вѣстоньку,
Бѣлую грамотку за черную печати;
Какъ пришла-то къ намъ, молодцамъ,
Мука-то кулевая,
А мука-то добрымъ молодцамъ
Очень надокучала»...

(Александ. Ословъ.)

Сообщилъ П. Шейнъ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.
1859 года,
Мая 2-го дня.

1859 года, мая 2-го дня, Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Его Сіятельства Графа Сергѣя Григорьевича Строганова и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Его Сіятельства Князя М. А. Оболенскаго, Его Высокопревосходительства С. П. Шипова, Его Превосходительства П. И. Иванова, А. М. Кубарева, М. А. Максимовича, В. М. Ундольскаго, С. М. Соловьева, И. Е. Забѣлина, А. Н. Аѳанасьева, Ѳ. И. Буслаева, В. Н. Лешкова, и Соревнователей: И. И. Молнара, П. И. Бартенева, И. К. Калугина, А. А. Наумова, и Секретаря Общества, Д. Ч. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола прошедшаго засѣданія Общества 1859 г., марта 7-го дня, происходило слѣдующее. Читаны,

А. Отношенія:

1. Московскаго Цензурнаго Комитета съ предпровожденіемъ «Выписки изъ Высочайше утвержденнаго 21-го генваря, 1859 года, образованія Комитета по дѣламъ книгопечатанія.» Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Каммеръ-Юнкера, Статскаго Совѣтника Чарыкова, отъ 13-го марта, № 5-й, объ исходатайствованіи у Общества ста оттисковъ статьи, доставленной имъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ», подъ заглавіемъ: «Описаніе происшествіямъ 1812 года въ Москвѣ.» Опредѣлено: удовлетворить, буде

количество особыхъ оттисковъ позволить, такъ какъ просьба пришла по окончаніи печатаніемъ статья.

3. Члена - Корресподента, М. А. Шестакова, отъ 22-го генваря, увѣдомленіе о высылкѣ въ Общество на имя Предсѣдателя оного нѣсколькихъ актовъ, извлеченныхъ изъ Архива Якутскаго, доступъ къ коему открытъ ему посредствомъ Общества, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, проситъ выслать ему дипломъ на званіе Члена-Корреспондента, за который отправлены были имъ деньги еще въ 1856 году, 20 руб. сер. Опредѣлено: исполнить просьбу Г. Шестакова по изготовленію ему диплома на званіе Члена-Корресподента Общества.

4. С. Петербургской Академіи Наукъ, отъ 26 марта, № 667, пол. 30-го, увѣдомленіе о томъ, что Академіею Наукъ отправлены были въ Общество недостающіе №№ изданія ея Bulletin de la classe de sciences historiques, philologiques et politiques, высылаемаго въ Общество. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и справкѣ.

5. Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 27-го марта, № 151, пол. 2-го апрѣля, увѣдомленіе на отношеніе Общества, что о неполученіи сентябрской и октябрской книжекъ журнала его слѣдуетъ обратиться въ Дирекцію училищъ Московской губерніи, въ которую, въ числѣ другихъ экземпляровъ, посылался экземпляръ журнала и для Общества. Отношеніе въ Дирекцію послано тотчасъ же, откуда получено увѣдомленіе, отъ 21 апрѣля, № 467-й, изъ котораго видно, что недостающіе №№ Журнала М. Н. П. сданы были ею своевременно въ Правленіе Университета подъ росписку, за сентябрь и октябрь Павлова, а за ноябрь подъ росписку Васильева. Послѣ долгихъ исканій, наконецъ доставлены только 30-го апрѣля въ Общество. Опредѣлено: во избѣжаніе въ будущемъ подобныхъ замѣшательствъ отнестись въ Редакцію Журнала М. Н. П. о томъ, чтобы журналъ ея высылался въ Общество прямо, въ особомъ заклеенномъ пакетѣ на его имя.

6. Комитета Бѣлевской публичной Библіотеки въ память В. А. Жуковскаго, отъ 30 марта, № 55, пол. 8 апр., увѣдомленіе о полученіи посланныхъ Обществомъ 4-хъ книгъ «Чтеній» за 1858 г., съ изъявленіемъ искренней благодарности за пожертвованіе. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

7. Московскаго Почтамта, отъ 10 апрѣля, №. 4611, пол. 16-го, о томъ, чтобы Общество увѣдомило оный, когда посланы были и кѣмъ приняты 3 книги «Чтеній» за 1858 годъ въ немъ для пересылки въ городъ Ливны, Орловской губ., подписчику на нихъ, Его Вбл. Дм. Алексѣев. Демидову, которыхъ онъ не получилъ, и потому извѣстилъ Общество, о томъ,

а оно сдѣлало отношеніе въ Московскій Почтамтъ еще 17-го февр. о разысканіи, куда онѣ дѣвались? Опредѣлено: удовлетворить просьбу Московскаго Почтамта.

Б. Предложенія:

8. Редакціи Журнала министерства Юстиціи, марта 20-го, № 87, пол. 30-го, объ обмѣнѣ журнала сего Министерства на журналъ Общества.

9. Редакціи журнала: «Лѣтописи Русской литературы и древности,» отъ 30-го марта, № 3, пол. 31-го, объ обмѣнѣ журнала этого на журналъ Общества. Опредѣлено: увѣдомить означенныя Редакціи, что Общество согласно на ихъ предложеніе.

10. Соревнователя Зайцова, отъ 22 апрѣля, пол. 1 мая, просьба о высылкѣ ему: 1) Книги большему чертежу, изд. на иждивеніи Общества 1846 г., и 2) О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Өеодоровича, также изд. Обществомъ. Опредѣлено: выслать Г. Зайцеву просимыя имъ книги.

11. Директора Азіатскаго Департамента, отъ 27-го апрѣля, № 1282, пол. 1-го мая, о томъ, что Посланникъ нашъ въ Вѣнѣ препроводилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ объявленіе объ изданіи въ Прагѣ Г. Ригеромъ Энциклопедическаго лексикона на Чешскомъ языкѣ и предлагаетъ, для поощренія этого полезнаго и перваго въ своемъ родѣ у западныхъ соплеменниковъ нашихъ предпріятія, выписать въ Россію нѣсколько экземпляровъ сего словаря; а онъ, Директоръ Азіатскаго Департамента, обращается въ Общество Исторіи и Древностей съ просьбою, почтить его увѣдомленіемъ, не угодно ли будетъ выписать упомянутый словарь для библіотеки Общества? Въ случаѣ согласія, доставить слѣдующія за оный деньги (14 руб. сер., или 22 Австр. гульдена) въ Азіатскій Департаментъ. Изъявили желаніе подписаться: Предсѣдатель Общества Графъ С. Г. Строгановъ, С. П. Шиповъ и князь М. А. Оболенскій. Опредѣлено: увѣдомить объ этомъ Г. Директора Азіатскаго Департамента.

В. Приношенія:

а) Статьи:

12. Д. Чл. М. А. Максимовича, марта 13-го: «Записка Генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 году».

13. Ст. Сов. М. О. Судіенка, изъ Кіева, пол. 21 марта, при письмѣ къ Секретарю Общества: «Собраніе копій съ реляцій, донесеній и черновыхъ Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго», хранящихся въ Архивѣ военно-

походной Канцеляріи въ Черниговѣ и обнимающихъ 12 лѣтъ, съ 1768 по 1780 годъ, на первый разъ три тетради за 1768—69, для помѣщенія въ «Чтеніяхъ.»

14. Новгородскаго Юрьевскаго настоятеля, Архимандрита Варлаама, отъ 3-го марта, пол. 6 апр., письмо къ Секретарю Общества съ препровожденіемъ составленнаго имъ: «Описанія историко-археологическаго древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ», для помѣщенія въ «Чтеніяхъ».

15. Профессора Казанскаго Университета, Н. А. Попова, при письмѣ къ Секретарю Общества, отъ 28 марта, пол. 17 апр., для напечатанія въ повременномъ изданіи Общества: «Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—1720 годахъ».

16. Д. Чл. П. И. Иванова: «Жалоба Секретаря Академіи Наукъ, Надворнаго Совѣтника Сергѣя Волчкова, получ. 20 апр. «Опредѣлено: передать Секретарю Общества всѣ пять статей для разсмотрѣнія.

б) Книги:

17. Д. Чл., Архимандрита Макарія: «Слово въ день освященія Владимірской церкви при Рязанской Духовной Семинаріи». Пол. 20 марта.

18. Георгія Филимонова: «Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Выпускъ 1-й, въ коемъ: Церковь Св. Николая чудотворца на Липнѣ близъ Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ Русскихъ церквахъ. М. 1859». Пол. 22-го марта.

19. Управленія Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея, отъ 11-го апрѣля, № 302, пол. 20-го, съ препровожденіемъ «Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1858-й годъ. Спб. 1859.

20. Д. Ч. С. М. Соловьева, его сочиненія: 1) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», томъ IX-й, М. 1859, и 2) «Учебная книга Русской исторіи,» выпускъ 1-ый. М. 1859.

21. Д. Чл. М. А. Максимовича, его сочиненіе: «Украинецъ.» М. 1859.

22. Д. Ч. А. Н. Аѳанасьева: « Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774,» соч. его. М. 1859.

23. Секретарь Общества Д. Ч. О. М. Бодянскій, представилъ экземпляры журналовъ за 1858 годъ: а) Журналъ М. Н. П., и б) Журналъ Министерства Гос. Имуществъ, пополненные редакціями, издающими оные. Опредѣлено: сдать всѣ эти книги въ библіотеку Общества.

в) Деньги:

24. Старшаго Секретаря Русскаго Посольства въ Цареградѣ, Кол. Сов. Е. П. Новикова, полученные отъ Редакціи «Русской Бесѣды» за напечатаніе въ ней 1-го отдѣла сочиненія его: «Гусъ и Лютеръ», 1252 руб. и 7 к. серебр., въ Общество, въ пособіе по отпечатанію слѣдующихъ отдѣловъ упомянутаго сочиненія, по предложенію ему о томъ Секретаря Общества. Пол. 20 марта. Опредѣлено: благодарить жертвователя, а приношеніе записать на доходъ.

25. Въ концѣ засѣданія Секретарь Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскій, представилъ 1-ую книгу «Чтеній» за генварь—мартъ 1859 года, содержаніе коей составляютъ статьи: I. Въ отдѣлѣ Изслѣдованій: Гусъ и Лютеръ (отдѣлъ III. Отношенія Гуса къ народу и его ученіе); критическое изслѣдованіе Е. П. Новикова. II. Въ отдѣлѣ Матеріяловъ отечественныхъ: Источники Малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изданные О. Бодянскимъ. Часть II. 1691—1722.—Очерки Польской кампаніи въ 1831 году, соч. Свѣтлѣйшаго Князя Варшавскаго, Графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго. III. Въ отдѣлѣ Матеріяловъ Славянскихъ: Чтеніе о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ святую и блаженую страстотерпцю Бориса и Глѣба; твореніе преподобнаго Нестора, по харатейному списку Московской Синодальной Библіотеки съ разнословіями по другимъ, и съ предисловіемъ О. Бодянскаго.—Московскіе Глагольскіе отрывки, со снимкомъ, соч. О. Бодянскаго. IV. Въ отдѣлѣ Матеріяловъ иностранныхъ: Бѣдствія временъ. Въ память бѣдствій, постигшихъ Евреевъ въ 1648—1649 г. въ Украйнѣ, Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи отъ соединенныхъ бунтовщиковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго; составлено Егошіею, сыномъ Львовскаго Раввина, праведника Давида изъ Замостья, напечатано въ Венеціи 1656 г., и переведено М. Берлинымъ, прикомандированнымъ къ Департаменту Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, состоящему при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ по Еврейскимъ дѣламъ. V. Въ отдѣлѣ Смѣси: Мнѣніе, представленное Адмираломъ Мордвиновымъ, при случаѣ расмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ росписи о доходахъ и расходахъ на 1821-й годъ. Его же, по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ.—Далматовскій монастырь въ 1773—1774 г. или Пугачевскій бунтъ, соч. Протоіерея Григорія Плотникова.—Матеріялы для исторіи Пугаческаго бунта, сообщен. Священникомъ Александромъ Сулоцкимъ.—Нѣсколько словъ по поводу «Сборника съ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, храня-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

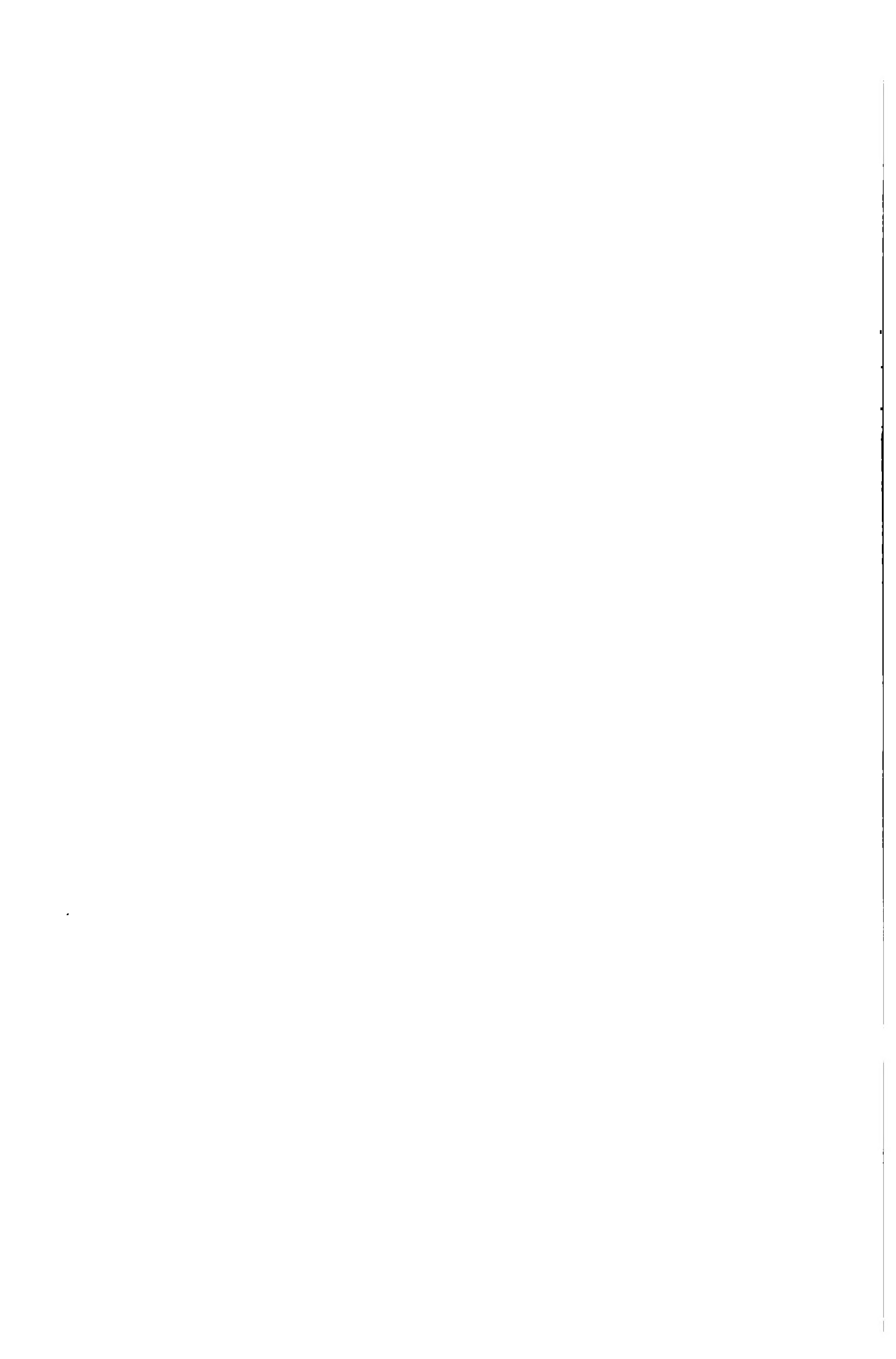
I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

3 2044 005 442 629

